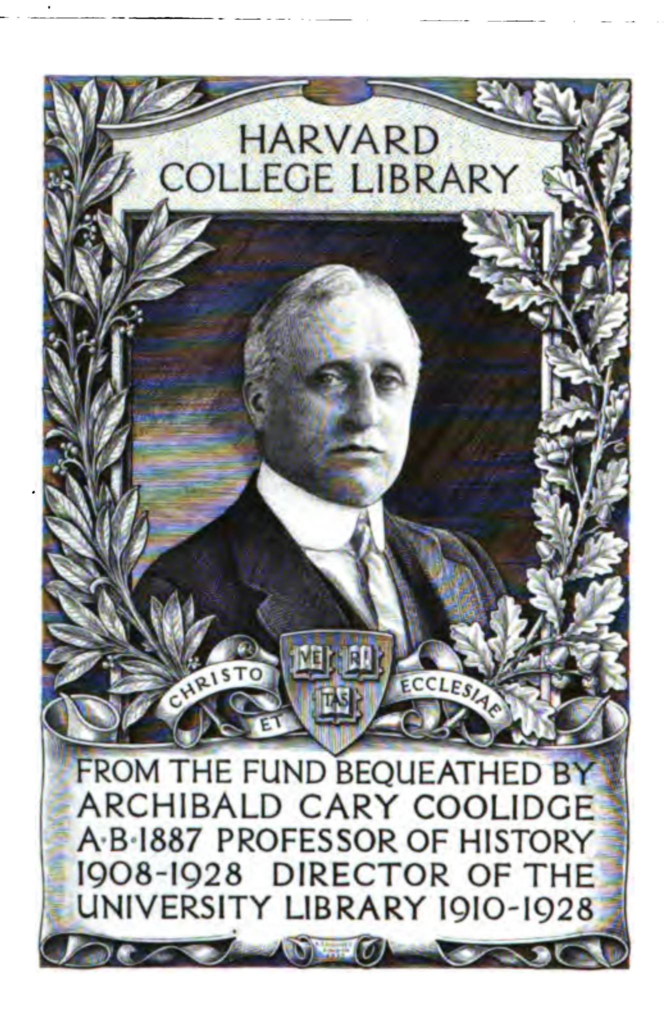
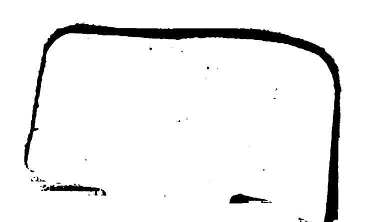
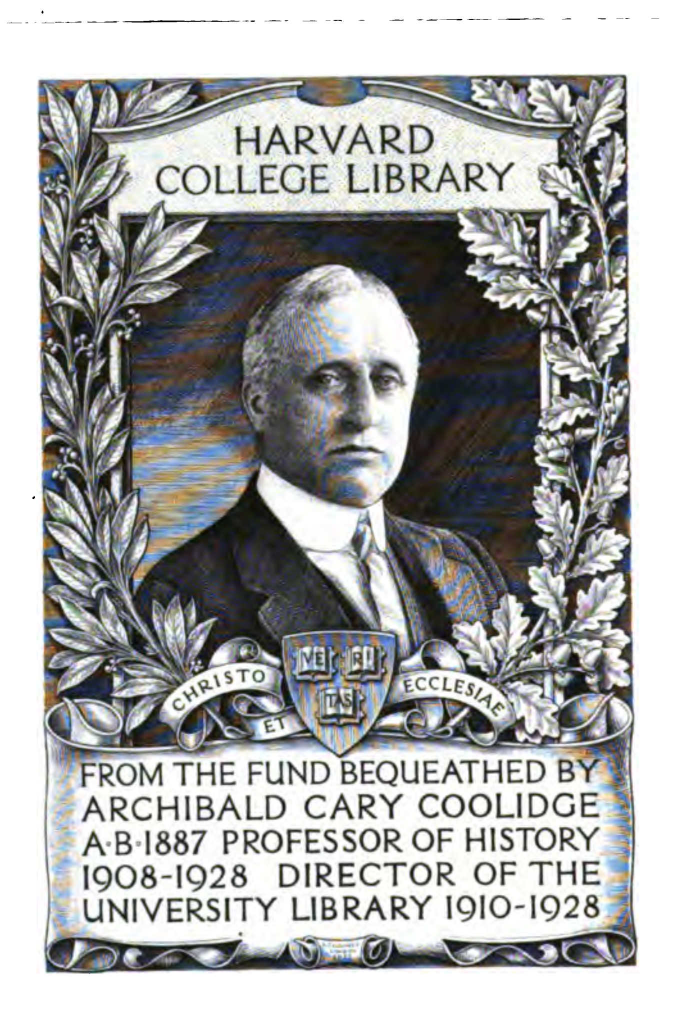

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE
RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928




HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

I. ИСТОРІЯ СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

II. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

III. ОБЗОРЪ ЧЕШСКОЙ ИСТОРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15.

1868.

ИСТОРІЯ СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

ОБЗОРЪ ЧЕШСКОЙ ИСТОРІИ.

Авторъ имѣлъ не разъ случай слышать выраженіе желанія, чтобы онъ напечаталъ вновь свои сочиненія, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ давно вышли изъ продажи, а другія разбросаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; но онъ удерживался отъ этого, сознавая, что написанное имъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ объ исторіи южныхъ Славянъ и Славянъ прибалтійскихъ требовало бы во многомъ полной переработки. Онъ хотѣлъ притомъ, для новаго изданія этихъ историческихъ трудовъ, приготовить и ихъ окончаніе; на что потребовалось бы еще нѣсколько лѣтъ.

Между тѣмъ въ настоящее время обнаруживается въ нашемъ обществѣ возрастающій интересъ къ Славянству. Предполагая поэтому, что, при крайней скудости литературы нашей по славянской части, его прежнія работы могутъ послужить нѣкоторымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи, авторъ рѣшился нынѣ ихъ собрать и перепечатать.

I.

ИСТОРІЯ

СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Исторія Сербовъ и Болгаръ [1].

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разселеніе Славянъ за Дунаемъ.

Славянское племя, въ глубокой древности раскинувшись въ восточной Европѣ, занимало нѣкоторыми своими вѣтвями края около Карпатскихъ горъ и по среднему теченію Дуная. Но земли на югъ отъ Дуная и Савы не были первоначально заняты Славянами. Тамъ жили многочисленные народы Ѳракійскаго и Иллирійскаго поколѣнія, какъ-то Мизы въ нынѣшней Болгаріи, Одризы и другіе Ѳракійцы въ нынѣшн. Румиліи, Трибаллы въ нын. княжествѣ Сербіи, Дарданы въ Старой Сербіи, Бревки и Автаріаты въ Босніи, Либурны и Далматы въ Приморской Хорватіи и Далмаціи, Лабеаты въ Черногоріи и мн. др. Большая часть этихъ народовъ покорены были Македонскими царями, которые начали распространять между ними начатки греческой образованности. Во II и I вѣкѣ до Р. Хр. они всѣ подпали подъ власть Римлянъ. Вліяніе Рима встрѣтилось здѣсь съ вліяніемъ Греціи; первое укоренилось преимущественно въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова, ближе къ Адріатическому морю, тогда какъ греческое вліяніе было сильнѣе въ южныхъ и восточныхъ краяхъ.

---

[1]) Первая часть настоящаго сочиненія печаталась подъ заглавіемъ: „Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ", въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ 1854 и 1855 г.; вторая часть была помѣщена въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 г. Нынѣ этотъ трудъ, въ коемъ исторія южныхъ Славянъ доведена до паденія втораго Болгарскаго царства въ XI-мъ вѣкѣ, является со значительными исправленіями и дополненіями. Хронологическія данныя повѣрены по Византійской хронографіи г. Муральта.

Славяне, жившіе на югъ отъ Карпатовъ и около средняго Дуная, были завоеваны (кажется, въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр.) народомъ Гетовъ или Даковъ, принадлежавшимъ тоже къ Ѳракійскому поколѣнію и перешедшимъ изъ нынѣшней Болгаріи на сѣверный берегъ Дуная. Даки основали могущественное государство въ восточной части нынѣшней Венгріи, Валахіи и Молдавіи. Около 100 г. по Р. Хр. государство это было разрушено Римскимъ императоромъ Траяномъ, и тамошнее населеніе, Даки и Славяне, получило значительную примѣсь латинскую отъ римскихъ колоній, которыя Траянъ тамъ учредилъ.

Между тѣмъ другія племена Славянскія, которыя жили къ сѣверу и востоку отъ предѣловъ Дакіи, между Вислой и Днѣпромъ и далѣе за Днѣпръ, были подвержены набѣгамъ воинственныхъ дружинъ Германскихъ.

Сильнѣйшая изъ этихъ дружинъ, Готы, въ концѣ II-го и въ III-мъ столѣтіи по Р. Хр., подвигаясь отъ Балтійскаго моря къ Черному, подчинили себѣ значительную часть Славянскихъ племенъ въ нынѣшней западной и юго-западной Россіи. Но на эту Готскую державу налетѣла (375 г.) грозная орда Гунновъ, пришельцевъ изъ Задонскихъ степей. Часть Готовъ покорилась Гуннамъ; другая (такъ наз. Вестготы) искали убѣжища въ Римскихъ владѣніяхъ и переселились за Дунай, въ Мизію, откуда эта дружина перешла потомъ въ западные края Балканскаго полуострова и оттуда въ Италію.

Вскорѣ потомъ Гунны, увлекая за собою оставшуюся въ ихъ службѣ дружину Готскую и другія племена, перекочевали изъ Черноморскихъ степей въ степи нынѣшней Венгріи, которыя сдѣлались средоточіемъ огромной державы, заключавшей въ себѣ земли Славянъ и значительную часть земель Германскихъ. Изъ этихъ степей Гунны дѣлали часто набѣги и за Дунай, проникая не только въ Мизію и Ѳракію, но и въ Ѳессалію. Чтобы отвратить отъ имперіи грозу сѣвернаго завоевателя, Константинопольскій дворъ не разъ отправлялъ къ Гунскому царю Аттилѣ посольства съ данью и богатыми подарками. Такое посольство, бывшее въ 448 г. и подробно описанное участникомъ его Прискомъ, представляетъ намъ тогдашнюю Венгрію, какъ страну съ населеніемъ смѣшаннымъ. Тутъ были Гунны въ собственномъ смыслѣ, безбородые кочевники Уральскаго или Тюркскаго племени, не знавшіе земледѣлія, питавшіеся мясомъ, которое согрѣвали подъ сѣдломъ, жившіе верхомъ или въ подвижныхъ кибиткахъ [1]); тутъ были Готы, воинственное товарищество, которое жило завоеваніями и, вѣчно готовое къ походу съ своими женами, дѣтьми и стадами, съ невѣроятною легкостью передвигалось отъ Балтійскаго моря къ устьямъ

[1]) См. изображеніе Гунновъ у Аммiана Марцеллина 31, 2.

Днѣпра, отъ Днѣпра за Дунай и потомъ въ южную Италію, изъ Италіи въ Галлію и Испанію. Были также въ странѣ, надъ которою властвовалъ Аттила, люди, усвоившіе себѣ латинскій языкъ,—предки нынѣшнихъ Румыновъ. Наконецъ тамъ была четвертая стихія, которую Прискъ явно отличаетъ и отъ Гунновъ, и отъ Готовъ, и отъ Романцевъ, хотя онъ не умѣлъ означить это населеніе его настоящимъ именемъ и прилагалъ къ нему общее, неопредѣленное названіе Скиѳовъ. Эти Скиѳы, по выраженію Приска, «будучи смѣшаны (съ другими народами), — *сверхъ своей собственной варварской рѣчи* заимствуютъ языкъ Гунновъ, или Готовъ, или также Авсонійцевъ (т. е. Итальянцевъ), послѣдній особенно тѣ, которые имѣютъ соприкосновеніе съ Римлянами». Такимъ образомъ мы видимъ, рядомъ съ господствующимъ языкомъ Гунновъ, рядомъ съ языкомъ Нѣмецкимъ, принесеннымъ Готами, и Романскимъ, который былъ принятъ населеніемъ, смѣшавшимся съ римскими колоніями Траяна, еще туземный «Скиѳскій» языкъ. Напитокъ, который подносили греческимъ посламъ вмѣсто вина въ деревняхъ, гдѣ они проѣзжали, назывался у туземцевъ *медомъ* (μέδος), говоритъ Прискъ [1]). Справляя похороны, эти люди сопровождали ихъ обильной ѣдою, и такое пиршество они называли *стравою* [2]): слово, до сихъ поръ существующее у Поляковъ и Чеховъ въ томъ же значеніи ѣды, пищи. Такимъ образомъ, не остается сомнѣнія, что эта четвертая, коренная, осѣдлая стихія населенія въ странѣ, гдѣ царилъ Гунскій завоеватель, были Славяне. Тотъ же Прискъ указываетъ на то, что это былъ народъ земледѣльческій, что онъ жилъ въ деревняхъ, носилъ волосы остриженные въ кружокъ. Онъ описываетъ также мѣстопребываніе самого Аттилы. Оно не было похоже на улусы какого нибудь хана Монгольскихъ кочевниковъ, а на большую деревню европейскаго строя: избы, сложенныя изъ бревенъ и гладко тесанныхъ, украшенныхъ рѣзьбою досокъ, обнесенныя заборомъ съ воротами, внутри, вокругъ стѣнъ, уставленныя скамьями, — совершенно съ виду деревня славянская. При домѣ была баня, и эти «Скиѳы», какъ видно изъ разсказа греческаго посла, особенно ею дорожили.

---

[1]) Былъ у нихъ еще другой напитокъ, приготовленный изъ ячменя и который пили служители, тогда какъ господъ угощали *медомъ*. Этотъ напитокъ назывался κάμον (это слово поставлено у Приска въ винительномъ падежѣ). Если только здѣсь не описка вмѣсто κάσον — какъ Грекъ вѣроятно передалъ бы славянское *квасъ*, и названіе *камъ* можно признать подлиннымъ, то его слѣдуетъ отождествлять съ сербскимъ и словенскимъ *комъ*, которое сохранилось въ выраженіи *кòмина* гуща, дроба, *кòмовъ* сдѣланный изъ гущи и т. под.; эти производныя указываютъ несомнѣнно на потерянное послѣ у Славянъ слово *комъ*, которое означало вѣроятно нѣчто въ родѣ браги или другаго напитка, оставляющаго *комину*, — гущу.

[2]) Iord 49: Postquam talibus lamentis est defletus (Attila), *stravam* super tumulum eius, quam appellant ipsi, ingenti *comessatione* concelebrant.

Гунское нашествіе дало Славянамъ толчокъ; оно двинуло ихъ къ западу и югу. По всей вѣроятности, уже Вест-готы, уходя передъ Гуннами съ береговъ Днѣпра за Дунай, имѣли въ своихъ рядахъ и нѣкоторыхъ Славянъ. Потомъ Аттила, посылая безпрестанно свои войска въ Мизію и другія области Византійской имперіи, открывалъ туда дорогу Славянамъ. Сохранилось смутное сказаніе о томъ, что въ 449 г. Славяне заняли страну между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ и прогнали Римлянъ, тамъ обитавшихъ, въ приморскіе города, Рагузу (Дубровникъ), Сплѣтъ, Трогиръ, Задръ и т. д. Хотя невозможно принять это сказаніе буквально въ томъ смыслѣ, будто переворотъ, замѣнившій римское или романизованное населеніе древняго Иллирика славянскимъ, произошелъ такъ внезапно, однако начало славянской колонизаціи этой страны восходитъ несомнѣнно къ V-му вѣку. Такой колонизаціи могли особенно способствовать междоусобія, возникшія послѣ смерти Аттилы въ равнинахъ средняго Дуная. Готы и другія германскія дружины, которыя оставались тамъ подъ властію Гунновъ, пока Аттила былъ живъ, вооружились противъ его сыновей и прогнали Гунновъ назадъ къ Черному морю; потомъ они стали рѣзаться между собою, и поочередно уходить за Дунай и въ Италію, чтобы искать себѣ въ предѣлахъ распадавшейся Римской имперіи болѣе богатыхъ и спокойныхъ жилищъ. Съ уходомъ этихъ завоевателей Славянамъ открывалась въ Дунайской странѣ свобода дѣйствій; опустошенныя столько разъ Гуннами и Германцами области Балканскаго полуострова стояли открытыми для новыхъ поселеній. Ост-готы, занявшіе (около 460 г.) Паннонію и оттуда предпринимавшіе завоевательные походы въ Мизію и Иллирикъ, уходя потомъ (488 г.), подобно своимъ собратьямъ и предшественникамъ Вест-готамъ, въ Италію, оставляли Мизію и Иллирикъ на произволъ Славянамъ, которыхъ туда увлекли за собою. Народныя сказанія Далматинскихъ Славянъ, записанныя въ XIII и XIV столѣтіяхъ, говорятъ прямо, что Готы привели Славянъ съ сѣвера въ Далмацію и Иллирикъ, и часто даже отождествляютъ Готовъ съ Славянами [1]). Подробности этихъ сказаній баснословны и мы не будемъ здѣсь останавливаться на ихъ разборѣ, но ихъ историческая основа несомнѣнна, несомнѣненъ тотъ фактъ, что вторженія Готовъ въ страны Балканскаго полуострова потянули туда и Славянъ.

Ходъ славянской колонизаціи этихъ областей въ теченіе V-го вѣка скрытъ отъ насъ. Вѣроятно сами современники въ Константинополѣ мало замѣчали ее, оглушенные страшнымъ грохотомъ разрушенія разваливавшейся со всѣхъ сторонъ Римской имперіи. Но, судя по резуль-

---

[1]) См. Presbyt. Diocl. у Люція, 287, 288. Kronika Hrvatska въ Архивѣ za povestnicu jugoslavensku, I, 4 и слѣд. Thomae Archidiacon. VII, у Люція 317.

татамъ, славянская колонизація успѣла въ теченіе V-го вѣка глубоко измѣнить составъ населенія Балканскаго полуострова. Уже подъ 468 и 469 гг. мы читаемъ о подвигахъ Византійскаго вождя, котораго имя и отчество несомнѣнно обличаютъ Славянина, Оногостя (Αναγάστης) сына Унѣслава (Ονιγίσχλου). Онъ начальствовалъ надъ Ѳракіею; въ союзѣ съ Готами, онъ защищалъ имперію отъ Гунновъ и убилъ Аттилина сына Денгизика. — Перенесемся въ Византію первой половины VI-го вѣка.

Престолъ касарей занимаетъ великій законодатель, знаменитѣйшій изъ императоровъ восточнаго Рима. Сынъ *Истока,* онъ назывался прежде *Управдою*, а теперь перевели имя и зовутъ его Юстиніаномъ; родомъ изъ поселянъ деревни *Ведряны* [1]), обличавшій своимъ произношеніемъ чужеземца, «варвара». Онъ возвысился покровительствомъ прежняго императора, своего дяди, Юстина, который самъ когда-то, молодымъ земледѣльцемъ, пришелъ пѣшкомъ изъ Ведряны въ Византію, съ однимъ тулупомъ [2]) на плечахъ, и потомъ перевелъ туда жену свою, прозвищемъ *Лупкиню*, сестру *Бѣленицу*, мать Управды, и племянницу *Бѣленицу* же, по-римски Вигиланцію. — Слàвенъ своими войнами, побѣдами своихъ полководцевъ, императоръ *Управда:* а его полководцы кто такіе? Первый — Велисарій, родомъ изъ той же Дарданіи, откуда вышелъ императорскій домъ [3]): какое было тогда въ ней населеніе, показываетъ семья Юстинова, и названіе новой крѣпости, которую Юстиніанъ построилъ близъ самаго города, гдѣ родился Велисарій — *Скоплица* [4]); наконецъ имя великаго полководца не римское, не греческое, не германское, а какое другое, какъ не *Величаръ?* — Конницу Велисарія въ Италіи составляли 1600 человѣкъ, «большею частію Гунны, Славяне и Анты, что обитаютъ по ту сторону Дуная, не вдалекѣ отъ берега» (слова современника Прокопія). Въ одномъ изъ походовъ Византійцевъ подъ Кавказъ, славянскій ратникъ, по имени *Сварунъ,* оказывалъ имъ большія услуги мѣткими ударами копья; отдѣльнымъ коннымъ отрядомъ противъ Персовъ начальствовали «Доброгость и Всегордъ, оба варвары родомъ, но при всемъ томъ вожди римскихъ полковъ» [5]); Доброгость былъ именно изъ племени Антовъ, т. е. той части Славянъ, которая жила на сѣ-

---

[1]) Въ древней Дарданіи, гдѣ нынѣ Кюстендиль и Софія. Греки пишутъ Βεδεριανά.

[2]) σισύρα—косматая кожа, платье сшитое изъ косматой кожи; Plat., поздн. (Словарь Коссовича).

[3]) См. Procop. de bello Vandal. I, II и de aedif. IV, 1.

[4]) Ζκαπλιζώ.

[5]) Agathias III, 6. Читателямъ извѣстно, что подъ именемъ Римлянъ, римскихъ полковъ и т. под., Византійскіе писатели разумѣютъ народъ Восточной Римской имперіи, т. е. преимущественно Грековъ, полки Византійскаго императора и т. дал.

веръ отъ Чернаго моря и раздвинулась по Дунай. Здѣсь, на Дунаѣ, вотъ что̀ происходило въ это время: у Юстиніана былъ приближенный человѣкъ, Хвилибудъ (Χιλβούδιος), отличный воинъ, родомъ Антъ [1]), котораго онъ (въ 531 г.) сдѣлалъ воеводою Ѳракіи [2]), поручивъ ему охраненіе Дуная отъ варваровъ, «ибо часто уже Гунны, Анты и Славяне переходили его и разоряли Римлянъ» (я придерживаюсь словъ лѣтописца). «И Хвилибудъ нагналъ такой страхъ на варваровъ, что они болѣе не смѣли переступать рѣки, а напротивъ, Римляне съ Хвилибудомъ стали къ нимъ вторгаться, бить ихъ и забирать въ плѣнъ. На четвертомъ году Хвилибудъ однажды, съ небольшимъ войскомъ, по обыкновенію переправился черезъ Дунай, Славяне же собрались и встрѣтили его всѣмъ народомъ: въ злой сѣчѣ много Римлянъ пало, и съ ними воевода Хвилибудъ (534 г.). И съ тѣхъ поръ варварамъ былъ всегда свободный переходъ черезъ Дунай, и Римскія области были имъ открыты; такъ что въ этой сторонѣ вся имперія не могла замѣнить силы одного человѣка».

Стало быть, въ VI вѣкѣ на императорскомъ престолѣ въ Византіи сидѣлъ Славянинъ, окруженный Славянскою семьею; Византійскія войска имѣли вождями Славянъ, и Славяне служили въ рядахъ ихъ; Славянинъ защищалъ сѣверную границу имперіи на Дунаѣ, а на противоположномъ берегу Дуная стояли Славяне огромнымъ племенемъ, готовые нахлынуть на земли Восточной Римской имперіи. Неизвѣстно, въ какое время произошло поселеніе Славянъ въ Дарданіи, родинѣ Юстиніана и Велисарія; когда проѣзжали послы изъ Византіи къ Аттилѣ, весь этотъ край находился, кажется, въ запустѣніи: вѣроятно, Славяне водворились въ немъ мирнымъ образомъ, не позже половины V-го вѣка.

Но съ VI вѣка движеніе приняло громадные размѣры и стало угрожать самому существованію Византійской имперіи. Съ этого времени какъ будто какая невѣдомая сила погнала массы Славянъ за Дунай. По всей вѣроятности ихъ двинулъ напоръ новыхъ ордъ Уральскаго или Тюркскаго племени, родственныхъ Гуннамъ, спѣшившихъ одна за другою занять богатыя степи Черноморья и нынѣшней Венгріи. Одна

---

[1]) Это оказывается изъ повѣствованія Прокопія о другомъ Хвилибудѣ, котораго Славяне взяли въ плѣнъ и сочли за римскаго воеводу Хвилибуда, на что онъ отвѣчалъ *„что и онъ также Антъ родомъ"* (de bello Gotth. III, 14).

[2]) Въ это время Балканскій полуостровъ (кромѣ Греціи въ собственномъ смыслѣ) дѣлился на двѣ главныя половины: восточную — *Ѳракію,* и западную — *Иллирикъ;* первая въ этомъ обширномъ смыслѣ обнимала Нижнюю Мизію (Болгарію), Малую Скиѳію (Добруджу), собственную Ѳракію (Румилію), Македонію и проч.; Иллирикъ заключалъ въ себѣ Верхнюю Мизію и Новую Дакію (нынѣшнее княжество Сербію), Дарданію (Старую Сербую), Далмацію (нын. Боснію, Герцеговину, Далмацію, Черногорію и сѣверную Албанію), Эпиръ и проч.

изъ этихъ ордъ, особенно прославившаяся своею свирѣпостью, носила названіе Болгаръ, которое производятъ отъ рѣки Волги [1]). Болгаре, которыхъ уже въ 482 г. Византійскій дворъ призывалъ къ нападенію на Готовъ, начали вскорѣ сами дѣлать набѣги на Византійскія области. Первый ихъ набѣгъ на Ѳракію записанъ подъ 499 г. Они тогда одержали большую побѣду надъ 15-тысячнымъ Византійскимъ войскомъ. Нападеніе вновь повторилось въ 502 г. Конечно, нашествію этихъ Болгаръ на Задунайскія страны не могли не предшествовать столкновенія ихъ съ Славянами. Потомъ они стали ходить вмѣстѣ за Дунай. Императоръ Анастасій въ 512 г. отгородилъ восточный уголокъ Ѳракіи, прилегающій къ Константинополю, длинной стѣною, проведенной отъ Мраморнаго моря до Чернаго, чтобы защитить столицу отъ Болгаръ и «Скиѳовъ» (т. е. Славянъ): этимъ самымъ онъ какъ бы предоставлялъ всѣ остальныя страны Балканскаго полуострова на произволъ пришельцевъ.

Болгаре однако, кажется, еще не думали водворяться за Дунаемъ. Они оставались въ Черноморскихъ степяхъ, довольствуясь грабежемъ Византійскихъ областей, и принуждены были вступить въ борьбу съ новою Тюркскою ордою, прикочевавшею изъ-за Дона, Аварами или Обрами, какъ ихъ звали Славяне. Авары, уходя на своихъ кибиткахъ отъ Турецкаго хакана въ средней Азіи (552 г.), вступили въ степи между Волгой, Дономъ и Дунаемъ, покорили Болгаръ и жестоко угнетая Славянъ, которыхъ встрѣчали на своемъ пути черезъ нынѣшнюю южную и югозападную Россію, вступили въ равнины Венгріи. Движеніе Славянъ за Дунай стало усиливаться все болѣе и болѣе.

Надобно было обновиться старому населенію Балканскаго полуострова, изнемогшему отъ многовѣковаго безсилія и разврата подъ римскимъ владычествомъ, отъ войнъ, отъ страшныхъ набѣговъ германскихъ дружинъ, и къ этому обновленію призвано было племя Славянское. Переходъ его съ праваго берега Дуная, гдѣ его собралъ и утвердилъ Аттила, въ земли имперіи, продолжался съ V вѣка до половины VII-го.

Исподволь, отдѣльными толпами, безъ единства и совокупности дѣйствій, переселялись Славяне за Дунай. Какой-то общій порывъ стремилъ ихъ въ опустѣлыя земли Мизіи, Ѳракіи, Македоніи и Далмаціи; ничья воля ихъ не двигала, ничья рука не направляла: ибо они тогда еще не составляли государствъ, а жили простыми общи-

---

[1]) Такъ думалъ уже пресвитеръ Діоклейскій въ XIII вѣкѣ: exiit innumerabilis multitudo populorum a magno flumine Volga, a quo et nomen ceperunt, nam a Volga flumine Vulgari usque in praesentem diem vocantur.

нами, не имѣя другой власти, кромѣ общаго совѣщанія и согласія, по свидѣтельству Прокопія.

Овладѣвъ переправою черезъ Дунай, Славяне могли занять всю Мизію (нын. Болгарію), и едва ли встрѣтили въ этомъ безлюдномъ краѣ какое-либо препятствіе: дѣйствительно, лѣтописецъ, сказавъ, что послѣ смерти Хвилибуда имъ открытъ былъ входъ въ Римскія земли, тринадцать лѣтъ однако же не упоминаетъ о какихъ-либо ихъ столкновеніяхъ съ Византійскими войсками. Но вскорѣ дѣло коснулось земель, болѣе населенныхъ и богатыхъ, земель чисто-греческихъ, а не тѣхъ только полу-варварскихъ областей, каковы были Мизія, Дарданія и сѣверные части Иллирика, которыми Константинопольскіе Греки менѣе дорожили. Съ этого времени мирное разселеніе Славянъ смѣняется насильственнымъ нашествіемъ, борьба принимаетъ часто характеръ ожесточенія. Подъ 548 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ объ опустошительномъ набѣгѣ Славянъ, которые, пройдя весь Иллирикъ, проникли до Адріатическаго моря у Эпидамна (нын. Драча или Дураццо въ Албаніи). Они вселили такой страхъ въ Римлянъ, что 15,000-ное войско не смѣло къ нимъ подходить на близкое разстояніе. Вскорѣ потомъ (551 г.) Славяне, въ числѣ 30,000 человѣкъ, перешли уже, безъ сопротивленія, Марицу, и здѣсь раздѣлились на двое: «оба отряда, при всей слабости своей, разбили однако же, паче чаянья, говоритъ лѣтописецъ, и обратили въ бѣгство войска въ Иллиріи и Ѳракіи». Побѣда открыла имъ дорогу еще на югъ: одинъ изъ отрядовъ достигъ берега Архипелага и овладѣлъ здѣсь важною крѣпостью Топиромъ. Славяне избили въ Топирѣ 15,000 жителей мужескаго пола, а женщинъ и дѣтей сберегли для рабства: «дотолѣ, говоритъ Прокопій, они предавали лютой смерти всѣхъ, безъ разбору, попадавшихся имъ Римлянъ, и усѣяли весь Иллирикъ и Ѳракію непогребенными трупами; теперь же оба полчища ихъ, точно пресыщенныя кровью, пощадили часть плѣнниковъ и воротились домой съ огромною добычею». Эта перемѣна поведенія явно означаетъ, что они думали уже основаться по близости, въ греческихъ земляхъ, а не имѣли въ виду дальняго перехода. Вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же году (551) огромная сила Славянъ, какой прежде не видали Греки, изъ-за Дуная пришла къ Нишу (Ниссѣ) и устремилась на югъ, съ намѣреніемъ взять Солунь (Салонику, на Эгейскомъ морѣ), но испугавшись войска Юстиніанова, поворотила на западъ и, черезъ горы, ворвалась въ Далмацію: «дѣйствуя тремя отрядами, эти Славяне, пишетъ Прокопій, нанесли страшный вредъ всей Европѣ (т. е. всему Балканскому полуострову): они не то чтобы грабили въ ней частными набѣгами, а *зимовали какъ будто въ собственной своей землѣ*, ни мало не опасаясь непріятеля». Потомъ они подъ Адріано-

полемъ одержали такую побѣду, что даже отбили главное римское знамя и подступили къ «длиннымъ стѣнамъ», ограждавшимъ Константинополь. Въ 559 г. Славяне вновь проникли до столицы имперіи.

Мы уже упомянули о завоеваніи Венгерскихъ равнинъ Аварами. Эта дикая орда кочевниковъ, занявъ Паннонію (западную Венгрію между Дунаемъ и Савою), подчинила себѣ вѣтви Славянскаго племени, обитавшія въ этой странѣ и далѣе на западъ; племена, которыя сидѣли на нижнемъ Дунаѣ и отъ которыхъ именно выходили переселенцы въ греческія земли, были также ими задѣты. Творецъ Аварскаго могущества, хаканъ (ханъ) по имени Баянъ, отправилъ пословъ въ Славянскую землю (въ нын. Валахіи или восточной Венгріи) къ князю Доврату [1]) и къ старшинамъ славянскимъ, требовать дани и покорности (такимъ образомъ у Славянъ Дунайскихъ, во второй половинѣ VI вѣка, начинаютъ появляться князья, которыхъ въ первой половинѣ еще не было). Довратъ и старшины отвѣчали: «Кто человѣкъ тотъ, живущій на землѣ и согрѣваемый лучами солнца, который покоритъ нашу силу? мы привыкли надъ чужими властвовать, а не поддаваться чужимъ, и это нашъ завѣтъ, доколѣ на свѣтѣ будетъ война и мечь» [2]). Слова эти, вложенныя Византійскимъ историкомъ въ уста славянскаго князя, свидѣтельствуютъ о томъ, какое высокое понятіе имѣли тогда о доблести и мужествѣ Славянъ. Въ слѣдствіе княжескаго отвѣта произошелъ споръ между Аварскими послами и Славянами, а тамъ схватка, и пословъ убили. Баянъ затаилъ гнѣвъ и рѣшился отомстить. Въ 577 г. Славяне (говорятъ, въ числѣ 100,000) сдѣлали ужасное вторженіе въ имперію: не довольствуясь разграбленіемъ Ѳракіи и Македоніи, они этотъ разъ ворвались уже въ собственную Грецію. Императоръ призвалъ на помощь Аварскаго хакана изъ-за Савы. Баянъ съ большимъ войскомъ прошелъ вдоль по южному берегу Дуная чрезъ всю Мизію до Малой Скиѳіи (нынѣшней Добруджи): ясное доказательство, что Мизія была тогда землею славянскою, ибо иначе такой походъ не имѣлъ бы цѣли, и Баянъ, дѣйствуя въ пользу Грековъ противъ Славянъ, не сталъ бы разорять этой области. За тѣмъ, перейдя Дунай въ Добруджѣ, онъ внесъ опустошеніе въ сердце славянскихъ жилищъ. Вскорѣ однако состоялось, видно, примиреніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Славяне были уже въ въ союзѣ съ Аварами противъ Грековъ. «Подговоренные и подосланные Аварами», говоритъ лѣтописецъ, Славяне заняли обширныя пространства греческихъ земель; ихъ нашествіе снова простерлось до

---

[1]) Трудно догадаться, какое было собственно имя этого князя: Довратъ, или что нибудь похожее. Менандръ пишетъ въ одномъ мѣстѣ Δαυρέντιος, въ другомъ Δαυρίτας; ошибка Парижскаго изданія заставила прежде читать: *Лаврентій* и *Лавритасъ*.

[2]) Менандръ (ed. Niebubrii) 406.

самой стѣны, ограждавшей Константинополь. Побѣда Византійцевъ, одержанная подъ Адріанополемъ (584) надъ Радогостемъ [1]), начальникомъ многочисленной рати славянской, только на короткое время остановила движеніе Славянъ. Въ 588 г. они опять разоряли Ѳракію, въ 590 г. распространились въ окрестностяхъ Ѳессалоники (Солуня), разселились по Ѳессаліи и Ливадіи, перешли Коринѳскій перешеекъ; мало-по-малу они стали заселять и Морею. Съ трудомъ держались, какъ скалы среди моря, нѣкоторые крѣпкіе города, Солунь, Адріанополь, Срѣдецъ (Софіа), Эпидамнъ (Дураццо), Коринѳъ, Патры, Навплія и другіе, брошенные Константинопольскимъ правительствомъ на произволъ собственныхъ жителей и слабыхъ гарнизоновъ. Но и большая часть этихъ городовъ, особенно въ Ливадіи и Мореѣ, лишившись своихъ стѣнъ и башенъ въ землетрясеніи 551 года, стояли открытыми славянскому нашествію.

Однако въ исходѣ VI вѣка Византійская имперія какъ будто ожила и собралась съ силами. Движеніе Славянъ почему-то пріостановилось, и Византійцы перешли сами къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Они нѣсколько разъ посылали войска даже за Дунай, въ нын. Валахію, для усмиренія Славянъ (593, 597, 601 гг.). Но дѣло было сдѣлано: Славянамъ принадлежала земля между Дунаемъ и Балканами, и далѣе на югъ до Солуня, на югозападъ за Охридъ. Въ славное царствованіе Ираклія (610—641) Византія противъ Славянъ ничего не предпринимала. Только однажды возобновились враждебныя дѣйствія, а именно когда Аварскій хаканъ, властвовавшій на сѣверѣ отъ Дуная, пошелъ войною на Ираклія [2]) и ведя съ собою, вмѣстѣ съ своими Аварами, большую рать Славянъ (626 г.), осадилъ Константинополь. Но Славяне его вскорѣ покинули, и тѣмъ принудили хакана отступить. Это былъ единственный случай столкновенія Ираклія съ Славянами; вообще же онъ относился къ нимъ дружественно и пользовался ими какъ союзниками. Византія какъ бы помирилась съ тѣмъ, что новое племя заняло ея области, — и это дало ей свободу дѣйствій въ Азіи, гдѣ Ираклій возстановилъ прежнее могущество Римской имперіи.

Вотъ что̀ повѣствуетъ одно древнее сказаніе, писанное на греческомъ языкѣ, но по славянскимъ преданіямъ [3]): «Европейскіе Мизы, обыкновенно называемые теперь Булгарами [4]), коихъ въ старину мощная рука Александра [5]) заставила отъ горы Олимпа у Прусы (Брус-

[1]) Ἀρδαγάστου.

[2]) Къ этому походу онъ былъ побужденъ Персами, съ которыми боролся Ираклій.

[3]) Легенда о св. Климентѣ, у Шафарика, Památky hlaholského pisemnictwí LVII.

[4]) Т. е. Болгарскіе Славяне.

[5]) Македонскаго: въ этой личности народное сказаніе соединило всѣхъ враговъ, въ глубокой древности оттѣснявшихъ Славянъ на сѣверъ.

сы) удалиться къ Сѣверному океану и Мертвому морю [1]), потомъ, по истеченіи долгаго времени, перешли Дунай съ великою силою и пріобрѣли всѣ прилегающія къ нему страны, Паннонію и Дакію, Ѳракію и Иллирикъ, бо́льшую часть Македоніи и Ѳессаліи».

Записанное въ житіи св. Климента народное преданіе истинно: съ VII вѣка не только вся Мизія и почти вся Ѳракія, но и Македонія и бо́льшая часть Ѳессаліи и Греціи стали землями славянскими.

---

[1]) Сѣверный океанъ въ древности — Балтійское море, Мертвое море — Нѣмецкое и сѣверная часть Атлантики.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переходъ Сербовъ за Дунай. Покореніе Славянъ въ Мизіи Болгарами.

Мы описали переселеніе Славянъ изъ-за Дуная на Балканскій полуостровъ и сказали, что оно пріостановилось въ исходѣ VI вѣка. Это переселеніе, или лучше сказать разселеніе, продолжалось около полутора вѣка. Переселенцы выходили, какъ кажется, изъ нынѣшней Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи: то были колѣна славянскія, ближайшія по родству съ племенами Ильменскими и Днѣпровскими. Огромными, нестройными толпами удалялись они за Дунай. Переправа происходила обыкновенно, кажется, въ нынѣшней Добруджѣ, либо у Силистріи, или же западнѣе, у пороговъ Дуная, по дорогѣ къ Нишу. Множество выходцевъ, безъ сомнѣнія, селилось тотчасъ, между Дунаемъ и Балканами; другіе шли впередъ, почти всегда на Адріанополь, и здѣсь только встрѣчали Славяне со стороны Грековъ настоящій отпоръ. Если дальнѣйшій путь былъ прегражденъ, они не рѣдко бросались на западъ, черезъ горы, къ Адріатическому морю; въ случаѣ же успѣха подъ Адріанополемъ, устремлялись къ Босфору, или къ берегамъ Эгейскаго моря. Они, кажется, не думали брать Константинополя, и довольствовались разграбленіемъ его окрестностей; но на Эгейскомъ морѣ имъ, видно, хотѣлось утвердиться, и поэтому они съ усиліемъ добивались Солуня. Впрочемъ, захватывая не разъ значительныя крѣпости, они не умѣли ихъ за собою удерживать: ибо дѣйствовали безо всякаго единства. Они жили въ простотѣ первоначальнаго быта: во время Прокопія, когда переселеніе было въ самомъ разгарѣ, славянскія общины еще чуждались всякой власти; потомъ кое-гдѣ стали появляться князья; но такіе князья, будучи главою не цѣлаго народа, а лишь мелкихъ племенъ, на которыя въ старину дробились Славяне, не вносили единства въ древній ихъ бытъ, и не могли сосредоточить ихъ движеній за Дунаемъ.

Оттого, хотя почти весь Балканскій полуостровъ получилъ новое населеніе, хотя не только страна на сѣверъ отъ Балкановъ была потеряна для Византіи, но власть ея фактически прекратилась даже въ ближайшихъ къ Константинополю областяхъ, во Ѳракіи и Македо-

ніи, занятыхъ переселенцами славянскими и называвшихся уже новымъ именемъ *Славиніи,* — однако Греческая имперія не пала: ибо Славяне ничего не могли противопоставить той государственной организаціи, которой средоточіе, Константинополь, оставался нетронутымъ. Скоро эта государственная организація начала втягивать ихъ въ себя. Въ 657 году императоръ Константъ, какъ разсказываетъ лѣтопись, предпринялъ походъ въ «Славинію», взялъ тамъ многихъ въ плѣнъ и подчинилъ себѣ жителей. Это была первая попытка старой имперіи привести въ подданство Славянъ, занявшихъ ея области.

Между тѣмъ переходъ Славянскаго племени за Дунай еще не кончился. Пріостановилось только переселеніе Славянъ съ востока, изъ равнинъ Черноморья и нижняго Дуная. Но въ началѣ VII-го вѣка совершилось движеніе славянскихъ выходцевъ съ сѣвера, изъ страны Закарпатской, гдѣ была древняя земля Хорватская и Сербская и мѣстность, называвшаяся Бойки [1]) (въ нын. Галиціи). Они пошли на югъ и заняли западный уголъ Балканскаго полуострова отъ р. Моравы до Адріатическаго моря и Скутарскаго озера. И прежде уже Славяне появлялись неразъ въ этихъ краяхъ. Мы упоминали о преданіяхъ, соединяющихъ прибытіе туда славянскихъ переселенцевъ съ походами Готовъ за Дунай. Но Славяне еще, кажется, не вполнѣ утвердились въ этой странѣ. Важнѣйшіе города оставались въ рукахъ Римлянъ и признавали власть Византійскаго императора. Внутри страны держались туземцы, принявшіе по-видимому также римскую національность и которыхъ Славяне прозвали *Влахами,* какъ и другихъ людей Романскаго племени. Наконецъ, въ исходѣ VI или началѣ VII-го вѣка, стали вторгаться туда Авары, которые, какъ замѣчено выше, водворились въ Панноніи, и которыхъ только р. Сава отдѣляла отъ Иллирика. Въ царствованіе императора Ираклія, какъ разсказываетъ Константинъ Багрянородный, Авары частью выгнали, частью истребили тамъ римское населеніе, кромѣ немногихъ городовъ Далматскаго побережья, которые имъ не сдались и могли держаться подвозомъ съ моря. Авары перенесли свои шатры въ богатый Иллирикъ и земля эта пребывала въ запустѣніи; дѣйствительно, Авары были народъ кочевой, а не земледѣльческій. Они промышляли грабежемъ, и такое близкое ихъ сосѣдство не могло не устрашать Византіи. Императоръ Ираклій рѣшился призвать на помощь Славянъ. Изъ-за Карпатскихъ горъ онъ пригласилъ въ Далмацію племя Хорватовъ. «Отдѣлился одинъ родъ», такъ разска-

---

[1]) До сихъ поръ Бойками называется населеніе Стрыйскаго и части Самборскаго края въ восточной Галиціи. Они говорятъ русскимъ нарѣчіемъ.

зываетъ тотъ же Константинъ Багрянородный, «именно пять братьевъ, Клюкъ (Κλουκάς), Ловелъ, Коснецъ (Κοσέντζης), Мухолъ (Μουχλώ) и Хорватъ, и двѣ сестры, Туга и Вуга, съ своимъ народомъ, и пришли они въ Далмацію. Между Хорватами и Аварами началась война; черезъ нѣсколько времени Хорваты одолѣли, частью перебили Аваровъ, частью принудили покориться, и стали съ тѣхъ поръ владѣть этою землею». — Имена Хорватскихъ вождей такъ искажены, что трудно въ нихъ добраться до смыслу; но имя младшаго брата, *Хорватъ*, одно уже ясно показываетъ, что эти лица не принадлежатъ исторіи, а занесены въ лѣтопись изъ народнаго преданія; имена сестеръ также аллегорическія: слово *туга* извѣстное [1]), а *вуга* до сихъ поръ на Словенскомъ (Хорутанскомъ) нарѣчіи [2]) значитъ *восторгъ, наслажденіе*: не хотѣли ли Хорваты выразить, что имъ въ новое ихъ отечество предшествовали радость и печаль [3])? — За то самое событіе во всякомъ случаѣ достовѣрно: при императорѣ Иракліи (610 — 641) Славяне-Хорваты пришли въ военной силѣ, изъ-за Карпатскихъ горъ, предводимые княжескимъ родомъ, и завоевали Далмацію. Здѣсь они тотчасъ раздѣлились на двѣ самостоятельныя земли, южную или Приморскую, и сѣверную или Савскую (около рѣкъ Савы и Кулпы [4]).

За Хорватами и, безъ сомнѣнія, по ихъ примѣру, поднялись и двинулись за Дунай ихъ сосѣди и близкіе соплеменники, Сербы, обитавшіе также въ нынѣшней Галиціи, на востокъ отъ древней (такъ называемой Великой или Бѣлой) Хорватіи, между верхнею Вислою и истоками Днѣстра и Прута. Въ старой (Закарпатской) Сербіи, что потомъ прозвалась Бѣлосербіей, княженіе досталось, разсказываетъ преданіе, послѣ отца двумъ его сыновьямъ; одинъ братъ остался дома, другой, взявъ съ собою половину народа, отправился за Дунай и потребовалъ земель отъ императора Ираклія. Ираклій отвелъ Сербамъ жилища въ Солунской области [5]) (такъ далеко они зашли); но земля эта имъ не понравилась, и они рѣшились вернуться домой (такая склонность къ передвиженіямъ ясный признакъ, что Сербы шли однимъ военнымъ отрядомъ); Ираклій отпустилъ ихъ; уже переступили они за Дунай,

---

[1]) Отъ него у насъ общеупотребительный глаголъ *тужить*.

[2]) Весьма близкомъ къ Хорватскому и отличающемся вѣрнымъ сохраненіемъ многихъ остатковъ глубокой древности.

[3]) Замѣчательна еще другая пара именъ, Коснецъ и Мухолъ: *Коснецъ* по-видимому сродно съ глаголомъ *коснѣть*, а *мухлати* (также по-хорутански) значитъ опять-таки *медлить, коснѣть*.

[4]) Въ совокупности Хорваты занимали всю нынѣшнюю Австрійскую и Турецкую Кроацію, и большую, сѣверную половину Далмаціи: сѣверную границу составляла сава, восточную р. Вербасъ, южную р. Цетина (въ Далмаціи).

[5]) Часть ея долго потомъ носила имя *Сербіи*; въ этой же странѣ, на р. Инджекарасу, находится городъ *Сервія*, называвшійся, кажется, у Славянъ *Сербчище*.

но тутъ взяло ихъ раздумье: черезъ императорскаго намѣстника въ Бѣлградѣ [1]) они вторично снеслись съ Иракліемъ и стали просить другихъ жилищъ. Императоръ отдалъ имъ Иллирикъ, приведенный въ запустѣніе Аварами, и какъ Сербы находились въ своей древней родинѣ, такъ они поселились опять, на востокъ отъ Хорватовъ; владѣнія ихъ простирались отъ Вербаса до предѣловъ Дарданіи (приблизительно, до р. Ибра и Колубары); на югъ, обогнувъ землю Хорватскую, они раздвинулись по берегу Адріатическаго моря, до г. Бара (Антивари).

Подобно Хорватамъ и Сербы раздѣлились на вѣтвь сѣверовосточную и югозападную, хотя это раздѣленіе въ началѣ не являлось у нихъ такъ рѣзко, какъ у Хорватовъ. Сѣверо-восточная вѣтвь Сербская занимала *Сербію* въ собственномъ смыслѣ (въ нын. Княжествѣ Сербіи и части Босніи) и примыкавшія къ ней земли: *Босну* (край по р. Боснѣ и на западъ до Вербаса) и *Расу* (край около р. Рашки [2]). Юго-западнымъ Сербамъ принадлежали нын. Герцеговина, Черногорія и Адріатическое побережье отъ р. Цетины (въ Далмаціи) кругомъ Которскаго залива и до Скутарскаго озера. У нихъ образовались отдѣльныя земли: *Захолміе* съ Неретвой, *Травунія* съ Конавлемъ и *Діоклея* или Дукля [3]). Взаимное отношеніе этихъ Сербскихъ вѣтвей и земель между собою въ древнее время неизвѣстно; мы видимъ только, что переходъ Хорватовъ и Сербовъ въ Иллирикъ имѣлъ совсѣмъ другой характеръ, нежели прежнія переселенія Славянъ въ Мизію и Ѳракію: не въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ отдѣльными толпами, увлеченными какимъ-то общимъ, безсознательнымъ порывомъ, а въ два пріема, двумя, можно сказать, военными колоннами, предводимые князьями, вступили Хорваты и Сербы въ Задунайскую страну. Славяне Мизійскіе и Ѳракійскіе переселились нестройными общинами, Сербы и Хорваты стройною дружиною. Замѣчательно, что древнія сказанія о приходѣ Чеховъ въ Богемію, выводя ихъ также изъ коренной земли Хорватской и Сербской (въ Галиціи), приписываютъ ихъ переселенію тотъ же дружинный характеръ, съ какимъ Хорваты и Сербы, по разсказу Константина Багрянороднаго, двинулись въ Иллирикъ.

Съ устройствомъ дружины сопряжена была, необходимо, правильная власть, и поэтому Сербы и Хорваты, какъ скоро пришли въ новыя свои жилища, тотчасъ же устроились государствами. «Когда тотъ князь, который привелъ Сербовъ въ земли императора, умеръ», го-

---

[1]) Бѣлградъ, видно, уже тогда заселенъ былъ Славянами, какъ показываетъ названіе; должно замѣтить, что онъ въ древнее время принадлежалъ къ Мизіи и затѣмъ вошелъ въ составъ Болгаріи, а не Сербіи.

[2]) Гдѣ нынѣ Новый Пазаръ.

[3]) Подробности о положеніи этихъ земель см. ниже въ гл. 9-той.

воритъ Константинъ Багрянородный, «ему наслѣдовалъ сынъ, за тѣмъ внукъ, и далѣе потомки его, изъ числа коихъ былъ въ послѣдствіи Вышеславъ, за нимъ Радославъ, потомъ Просигой, за нимъ Властиміръ». Это была первая династія Сербскихъ государей, властвовавшая, какъ кажется, въ собственной, т. е. сѣверо-восточной Сербіи и Расѣ, но имѣвшая притязанія на верховную власть и надъ другими землями Сербскими. Также точно у Хорватовъ государственное устройство установилось, по-видимому, съ самаго ихъ переселенія на югъ.

Отдѣльныя земли, образовавшіяя у Сербовъ и Хорватовъ, состояли изъ волостей или *жупъ; жупы* эти были весьма дробныя: въ одной Приморской Хорватіи, странѣ и безъ того небольшой, находилось ихъ одиннадцать; въ маленькой землѣ Сербовъ-Неретчанъ три; при всемъ томъ каждая *жупа* сохраняла свою внутреннюю самостоятельность, имѣла своего природнаго правителя, *жупана*. Эти волости составляли союзъ (федерацію), и государь былъ общимъ главою союза: онъ носилъ титулъ *великаго жупана*.

Такая федерація — явленіе необыкновенное въ Славянскомъ мірѣ, гдѣ почти всегда предъ верховною властью государя исчезали мелкіе князья отдѣльныхъ племенъ, и самыя племена теряли свою особность и сливались въ одно цѣлое. Но съ стихіями дружины Сербы и Хорваты принесли съ собою и возможность условнаго союза отдѣльныхъ частей народа, похожихъ въ этомъ случаѣ на военные отряды, и іерархіи въ властителяхъ, частныхъ и общемъ: словомъ сказать, въ смягченномъ и маломъ видѣ то самое, что̀ представили въ огромныхъ размѣрахъ средневѣковыя государства Западной Европы, основанныя дружинами. У Сербовъ въ послѣдствіи выступаетъ чрезвычайно рѣзко другая принадлежность дружиннаго государства, дѣленіе на сословія (*властелей*, т. е. знатныхъ, *себровъ*, свободныхъ простолюдиновъ, и *нероптовъ* или *меропховъ*, крѣпостныхъ: дѣленіе весьма похожее на средневѣковое Германское), и вѣроятно, что оно велось съ самаго начала Сербскаго государства. Но мы должны теперь оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ, потому что онъ отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко отъ эпохи, которою занимаемся [1]).

[1]) Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что крѣпостное сословіе, *неропхи* или меропхи, было туземное населеніе, найденное Сербами въ Иллирикѣ: Шафарикъ показалъ тождество этого слова съ именемъ древняго народа *норопсовъ*, обитавшаго въ сѣверозападной Македоніи. — Изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ Чехи въ древности наиболѣе приближались своимъ внутреннимъ устройствомъ къ Хорватамъ и Сербамъ (такое же раннее установленіе государственнаго порядка, дѣленіе на *жупы* и, кажется, федерація мелкихъ князей подъ общимъ главою, наконецъ рѣзкое, съ самыхъ древнихъ временъ установленное, дѣленіе народа на сословія); но основаніемъ Чешскаго государства была именно, какъ замѣчено выше, также дружина: они, какъ извѣстно, пришли въ Богемію военною ратью, подъ предводительствомъ князя.

Какой долгій и трудный путь предстоялъ между тѣмъ, до водворенія государственнаго порядка, славянскимъ общинамъ, разселившимся въ Мизіи и Ѳракіи и, по обыкновенію, образовавшимъ множество отдѣльныхъ племенъ (въ одной Мизіи ихъ считалось до восьми)! Нужно было, чтобы эти племена почувствовали себя единымъ народомъ и, отказываясь отъ своей самостоятельности, рѣшились поставить себѣ государя извнѣ: ибо какъ племена были независимы другъ отъ друга и равноправны между собою, такъ и князь, если принадлежалъ къ одному изъ нихъ, не могъ требовать подчиненія отъ другихъ племенъ, не могъ сдѣлаться главою всего народа. Но Славянамъ Задунайскимъ не достало простору и покоя, чтобы это развитіе совершилось правильнымъ, безнасильственнымъ образомъ, какъ у ихъ соплеменниковъ на Ильменѣ и Вислѣ. Скоро нагрянулъ дикій народъ и насильно наложилъ на Задунайскихъ Славянъ государственное устройство.

Мы уже упоминали объ ордѣ Болгаръ. Они принадлежали къ многочисленной семьѣ кочевыхъ племенъ Уральскаго корня, бродившихъ по степямъ Поволжскимъ и Черноморскимъ. Ближайшіе родичи Гунновъ и позднѣйшихъ Угровъ (Мадьяръ), они, какъ мы видѣли, уже въ концѣ V вѣка приблизились къ Придунайскимъ землямъ, и въ 498 г. угрожали самому Константинополю. Потомъ они покорены были Аварами, власть которыхъ въ концѣ VI вѣка простиралась отъ Волги до предѣловъ Чешскихъ и Баварскихъ. Авары держали Болгаръ въ Донскихъ степяхъ, и, безъ сомнѣнія, употребляли въ своихъ свирѣпыхъ походахъ. Въ царствованіе Ираклія, въ то время, когда Славяне поражали Аваровъ въ Иллирикѣ, Болгаре освободились отъ нихъ, подъ начальствомъ *Куврата*, иначе *Кровата* или, въ древнемъ славянскомъ памятникѣ [1]), *Курта*. Послѣ его смерти они раздѣлились, какъ это всегда

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографа, называемаго Еллинскимъ лѣтописцемъ, встрѣчается (послѣ IV-ой книги Царствъ) любопытная вставка, заключающая въ себѣ сказаніе или запись о первыхъ Болгарскихъ князьяхъ. Запись эта выведена до Умара, преемника Телеца, который былъ убитъ Болгарами въ 763 г. Она восполняетъ свидѣтельства Византійскихъ историковъ и подтверждается ими въ свою очередь.

Вотъ этотъ важный памятникъ, обнародованіемъ котораго мы обязаны г. Андрею Попову (Обзоръ хронографовъ Русской редакціи, вып. I, стр. 25):

«Авитохолъ житъ лѣтъ т҃. родъ емоу доуло. а лѣтъ еⷨ диломъ твирѥмъ. Ирникъ жытъ лѣтъ р҃ и и҃ лѣⷮ роⷣ емоу доуло. а лѣтъ емоу диломъ твиремъ. Гостунъ намѣстникъ сыи. к҃ лѣⷮ роⷣ емоу Ѥрми. а лѣⷮ ѥмоу дохсъ твиремъ Коур'тъ ѯ҃ лѣⷮ дръжа роⷣ емоу доуло. а лѣⷮ емоу шѥгоръ вечѥмь. Бѥзмѣръ, г҃ лѣтⷮ. а родъ емоу дуло. а лѣⷮ емоу шѥгоръ вѣчѥмь. сии ѥ кънязи дрьжашѥ княжениѥ ѡ̑бону страноу Доунаѧ. лѣⷮ ф҃. и ѕ҃і. ѡ̑стриженами гла

легко дѣлалось у степныхъ кочевниковъ, на нѣсколько ордъ: двѣ орды остались около Дона и, вѣроятно, потомъ, подвинувшись на сѣверъ,

---

вами. И потомъ придѣ на страноу Дуная. Исперих кнзь тожде и доселѣ. Есперих кнзь ѕ҃. и одино лѣто. род емоу доуло. а лѣтъ емоу верениалемъ. Тервель к҃ и а҃ лѣт. род емоу доуло. а лѣт ему текоучетемъ. твиремь. к҃ и в҃ лѣт. род емоу доуло. а лѣт емоу дваншехтемь. Севаръ. е҃. лѣт. род ему. дуло. а лѣт. емоу тохал'томъ. Кормисошь. з҃і лѣт. родъ емоу вокиль. а лѣт емоу шегоръ твиримь. сиже кн҃зь измѣни род доуловъ рекше вихтунь винехъ. з҃ лѣт. а род емоу оукиль емоу имаше горалемь. Телецъ г҃ лѣт род емоу оугаинъ. а лѣт емоу соморъ. алтемъ. и сии иного радъ оуморъ. м҃ днiи, род емоу оукиль. а҃ емоу диломь тоутомъ».

И такъ мы видимъ здѣсь перечень Болгарскихъ князей: пятеро держали княженіе по ту сторону (т. е. на сѣверной сторонѣ) Дуная, и при нихъ носили остриженные волосы; а слѣдующіе князья, начиная съ Исперика (Аспаруха) «и доселѣ» владѣли на южной сторонѣ Дуная.

Далѣе мы замѣчаемъ, что первымъ двумъ князьямъ приписывается продолжительность жизни сверхъестественная: Авитохолу 300 лѣтъ, Ирнику 108 лѣтъ. Это означаетъ, очевидно, миѳическій періодъ въ преданіяхъ Болгарской орды. Потомъ является узурпаторъ, Гостунъ, можетъ быть какой нибудь Славянинъ, если судить по имени. Съ Курта (Куврата у Византійцевъ) начинается, собственно, въ записи, историческое сказаніе о Болгарскихъ правителяхъ, — и это совершенно подтверждается Византійскими свидѣтельствами, по которымъ Кувратъ возвратилъ Болгарской ордѣ свободу. Запись приписываетъ Курту 60, Исперику 61 годъ державы. При преемникахъ Исперика княженія менѣе продолжительны, и приводимыя записью цифры мы въ правѣ признать приблизительно вѣрными, это доказываютъ Византійскія извѣстія. Запись говоритъ, что отъ перваго князя Авитохола до перехода Болгаръ черезъ Дунай прошло 515 лѣтъ; на князей, жившихъ по ту сторону Дуная *до Аспаруха* она полагаетъ въ сложности 473 года; — стало быть, она считаетъ, что переходъ черезъ Дунай совершился на 42-мъ году державства Аспаруха, а какъ Аспарухъ княжилъ 61 годъ, то 19 лѣтъ приходится на княженіе его послѣ перехода черезъ Дунай. На всѣ слѣдующія за Аспарухомъ княженія до Телеца включительно сказаніе полагаетъ 84 года, такъ что отъ перехода Болгаръ черезъ Дунай до конца княженія Телеца считается 103 года. А у Византійцевъ появленіе Аспаруха въ *Углѣ* (Буджакѣ), значится подъ 668 годомъ, такъ что съ этого года, конечно, считалось, въ преданіи Болгаръ, время ихъ перехода на южную сторону Дуная, гдѣ уже въ 679 г. мы видимъ ихъ вполнѣ водворившимися какъ въ покоренной землѣ.

Умерщвленіе Телеца записано въ Византійскихъ источникахъ подъ 763 годомъ: стало быть, 95 лѣтъ послѣ извѣстія о прибытіи Аспаруха на Дунай. Разница *восьми* лѣтъ, лишнихъ въ Славянской записи противъ Византійскихъ источниковъ, приходясь на столь длинный періодъ времени

основали знаменитое въ Русской исторіи царство Камскихъ Болгаръ. Прочія три орды пустились къ западу: одна ушла въ нынѣшнюю

должна быть признана совершенно ничтожною и могла произойти просто отъ того, что запись наша, обозначая, сколько продолжалось каждое княженіе, принимала неполные года за цѣлые. Такъ мы видимъ у Византійцевъ, что Телецъ возведенъ былъ на престолъ въ 762 г., а смерть его записана подъ 763 г. Должно полагать, что онъ царствовалъ около 2 лѣтъ, или 2 года съ небольшимъ, а въ записи сказано, что онъ княжилъ три года. Во всякомъ случаѣ, цифры нашей записи не могутъ быть признаны случайными и произвольными, онѣ оказываются имѣющими положительное основаніе.

Запись приводитъ послѣ имени князя и лѣтъ его жизни или княженія, названіе его рода. Первые князья происходятъ отъ одного рода «Дуло», и прекращеніе этого рода совпадаетъ съ эпохою династическаго переворота въ Болгаріи, который, по Византійскимъ историкамъ, предшествовалъ воцаренію Телеца.

Кромѣ имени рода запись прибавляетъ къ каждому князю какую-то непонятную формулу: «а лѣтъ ему диломъ твиремъ» и т. под. Нѣчто подобное мы находимъ въ послѣсловіи Тудора, черноризца Доксова, переписавшаго въ 6415 (907) году, по повелѣнію Болгарскаго князя Симеона, слова Аѳанасія Александрійскаго, переведенныя въ 6414 (906) году, съ Греческаго языка «въ Словенскъ», епископомъ Константиномъ, ученикомъ Меѳодія, архіепископа «Моравы». Въ этомъ послѣсловіи (см. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, Калайдовича, стр. 98), говорится: «въ се убо лѣто (6415) успе раб Божій, сего князя (т. е. Симеона) отецъ......великій и честный и благовѣрный господ нашъ князь Болгарскъ именем Борисъ... Сей же Борисъ Болгары крестилъ есть в лѣто етхъ бехти, въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминъ». И такъ годъ, въ который Борисъ крестилъ Болгаръ (859) назывался *етхъ бехти*. Обычай давать прозвище году обыченъ на Востокѣ, и мы можемъ полагать, что онъ былъ заимствованъ Болгарами еще когда они странствовали между Волгой, Дономъ и Кубанью. Въ нашей записи, каждое княженіе имѣетъ подобное прозвище. Принималось ли такое прозвище особо, при воцареніи новаго государя, или прозвище какого нибудь года (напр. года восшествія на престолъ или года смерти) дѣлалось титуломъ всего княженія, мы отгадать не можемъ. Но эти прозвища представляютъ любопытный памятникъ языка завоевателей Болгаръ до сліянія ихъ съ Славянами и служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ происхожденіи орды Аспаруховой. Они имѣютъ явное сходство съ словами языка Мадьярскаго и сродныхъ ему языковъ Уральской вѣтви Финскаго племени, Вотяцкаго и Зырянскаго, и мы увѣрены, что знатокъ этихъ языковъ истолковалъ бы вполнѣ удовлетворительно загадочныя для насъ Болгарскія прозвища.

Представимъ читателямъ объясненіе записи, какъ мы могли его сдѣлать при весьма бѣгломъ поискѣ въ словаряхъ этихъ нарѣчій. Будемъ пе-

Венгрію и смѣшалась съ Аварами; другая проникла еще далѣе, въ Италію, и утвердилась въ Равенской области; третья орда, подъ пред-

---

реводить запись. «Авитохолъ жилъ 300 лѣтъ. Родъ его Дуло (т. е. Опустошитель: по-мадьярски *dulo* depopulator), а названіе лѣтъ его дилом ъ (?) твиремъ (сравн. съ зырянск. *тыр* полный, исполненный, совершенный; *эм* я есмь, такъ что это *твиремъ* значило бы: я исполненъ, я совершенъ; сравн. также мад. *türö*, tolerans, patiens). Ирникъ жилъ 108 лѣтъ; родъ его Дуло; а названіе лѣтъ его диломъ твиремъ. Гостунъ, намѣстникъ, —2 года, родъ его Ерни; а названіе лѣтъ его дохсъ (сравн. вышеприведенное имя черноризца Тудора Доксова) твиремъ. Куртъ держалъ (т. е. княжилъ) 60 лѣтъ. Родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ: *я есмь помощникъ* или *я обиленъ помощью* (шегоръ вечемъ—сравн. мадьяр. *segetöm* iuvo, *segéllö* der Helfer, и *vagyok* ich bin, *vagyon* das Gut, das Vermögen). Безмѣръ 3 года, а родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ: *я есмь помощникъ.* Эти пять князей держали княженіе по ту сторону Дуная, съ остриженными головами. И потомъ пришелъ на (сю) сторону Дуная Исперихъ князь, и такъ (продолжается) доселѣ. Исперихъ князь—61 годъ, родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ—*я живу въ крови* (верениалемъ: мадьяр. *vér* кровь, зырянск. *вір* кровь, *вірын* въ крови; мадьяр. *élni* жить, *élem* я живу, зырянск. *олны* жить, *олöм* житье). Тервель — 21 годъ; родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ: *я почтеніемъ (или славою) исполненъ* (текоучетемь твиремъ: сравн. мад. *tekentem* intueor, *tekentelem* aspecto, respecto, *tekéntetés* illustris, spectabilis и т. д; о словѣ *твиремъ* было сказано выше)... (имя князя пропущено)—28 лѣтъ; родъ его Дуло; а названіе его лѣтъ: *добычу добываю* (дваншехтемь: сравн. наше слово *дуванъ* (добыча), употребительное въ при-Уральскомъ краѣ, а съ словомъ *шехтемь* сравн. мадьяр. *sáktany* præda, manubiæ, rapina). Севаръ—15 лѣтъ; родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ: *я утверждаю* или *я исполняю, (*тохалтомъ, мадьяр. *tökellem* statuo, ratifico, obfirmo, *tökelletes* perfectus, absolutus, exactus). Кормисошъ—17 лѣтъ; родъ его Вокиль, а названіе его лѣтъ: *я исполненъ помощи* (шегоръ твиримь, см. выше). Этотъ князь «измѣнилъ» родъ Дуловъ, то-есть *учинилъ ему конецъ* (вихтунь винехъ: сравн. мадьяр. *vég* конецъ, *véghez vinni* etwas ausführen, zu Ende bringen) въ 7 лѣтъ, а родъ его Укиль (Вокиль) имѣлъ . . . . (? горалемь). Телецъ—3 года; родъ его Угаинъ, а названіе лѣтъ его—*погашаю печаль* (соморъ алтемъ, мад. *szomoru* tristis, moestus, *oltom* stinguo); и этотъ иного рода. Уморъ—40 дней; родъ его Укиль, а прозвище его—диломь тутомъ(?).»

Само собою разумѣется, что мы не выдаемъ объясненій этихъ за достовѣрныя, а сообщаемъ ихъ только какъ первую попытку толкованія темнаго, но весьма замѣчательнаго памятника Болгарской исторіи. Любопытно, что записанное черноризцемъ Тудоромъ Доксовымъ прозвище года, въ который Болгарскій князь крестилъ свой народъ, весьма удовлетворительно объясняется по нашей методѣ изъ языка Мадьярскаго: ехтъ бехти значило бы *жажда спокойствія* или *мира:* по-мадьярски *éh* der Hunger, *ehetném*

водительствомъ *Аспаруха* [1]) (или по славянскому памятнику, *Испериха*), перешла Днѣпръ и Днѣстръ, заняла въ 668 г., *уголъ* [2]) между Днѣстромъ и устьями Дуная (южную часть нынѣшней Бессарабіи), Здѣсь былъ открытый входъ въ Мизію: нынѣшняя Добруджа есть какъ бы продолженіе Черноморскихъ степей, вдающихся въ Балканскій полуостровъ (не даромъ называли ее въ древности Малою Скиѳіею). Болгаре не замедлили перейти за Дунай. Императоръ Константинъ Погонатъ поспѣшилъ имъ на встрѣчу. Онъ сперва оттѣснилъ было ихъ, но заболѣлъ и покинулъ свое войско. Болгаре поразили растерявшихся Грековъ и обратили въ бѣгство. По пятамъ ихъ они явились подъ Варной и отсюда устремились внутрь Славянскихъ земель. Скоро они овладѣли всею страною между Дунаемъ и Балканами, до предѣловъ Аваріи, т. е. нынѣшнею Болгарію, покорили здѣсь племена Славянскія, наложили на нихъ дань и — такъ расказываетъ лѣтописецъ — помѣстили племя Сѣверянъ подъ Балканами, отъ Берегавскаго ущелья на востокъ, прочія семь вѣтвей къ югу и западу, до предѣловъ Аварскихъ (679 г.). Можетъ быть, они хотѣли очистить для себя сѣверо-восточный край Мизіи, наиболѣе удобный для степной орды.

Все это не могло обойтись безъ насилія, безъ жестокихъ страданій для Славянъ. Мы видимъ, что послѣ покоренія Болгарами страны на сѣверъ отъ Балкановъ, вдругъ возобновилось движеніе Славянъ въ южныя области Византійской имперіи: то были, безъ сомнѣнія, племена, которыя не хотѣли покориться Болгарамъ и искали себѣ отъ нихъ убѣжища. Въ 675 г. пять племенъ [3]), Дреговичи, Сакулаты, Ве-

---

ich habe Hunger; *békc* die Ruhe, *békét* винит. падежъ этого слова. Могло ли болѣе удачное прозвище быть дано году, въ который воинственные Болгаре приняли христіанскую вѣру?

[1]) Аспарухъ былъ третій сынъ Кубрата.

[2]) Такъ именно, т. е. *угломъ* (*оглъ* по древнему славянскому произношенію) и назывался этотъ край (Греки пишутъ ὄγγλον, ὄγκλον): теперешнее имя *Буджакъ* значитъ тоже *уголъ*.

[3]) См. объ нихъ подробности у преосвящ. Филарета, еп. Рижскаго: „Св. Димитрій и Солунскіе Славяне“ (Чтенія, № 6, 1848), Tafel, „Thessalonica“. Шафарика „Древности“ и „Wyklad nèkterých pomístných jmen u Bulharuw (Časopis Č. Museum, 1847). — Объ этихъ племенахъ есть много свидѣтельствъ въ Греческихъ источникахъ. О Дреговичахъ и Сакулатахъ (иначе Сагудатахъ) см. Византійскаго лѣтописца Каменіату, de excidio Thessalonic. Имя *Дреговичей* сохранялось долго (еще въ XV в.) въ краѣ между Солунемъ и Верріею: съ конца IX-го в. существовало во Ѳракіи епископство Дреговичей (τῆς Δρυγοβιτίας или Δρουγουβιτείας), см. Tafel Thessalon. 59; Le Quien, Oriens Christianus. II. 93. Имя *Сакулатовъ* подтверждается и Славянскими памятниками (см. Шафарика „Древности“). *Велесичи* — у Византійцевъ Βελζῆται; ихъ край — Βελζητία (у лѣтописца Ѳеофана). Отъ нихъ, безъ сомнѣнія, получилъ свое имя городъ *Велестино* въ южной Ѳессаліи. Можетъ быть, и городъ *Велесъ* въ Македоніи принадлежалъ одной ихъ вѣтви, отставшей въ движеніи этого племени на югъ. О пребываніи Велесичей въ

лесичи, Βαγενέται (такъ пишутъ Греки это еще темное для насъ имя) и Борзяки или Борсяки [1]) поднялись въ огромныхъ силахъ, со всѣмъ домомъ, съ женами и дѣтьми и пошли осаждать Солунь; не успѣвъ одолѣть его стѣнъ, они водворились въ богатыхъ окрестныхъ мѣстахъ. Дреговичамъ и Сакулатамъ принадлежали поля близъ Солуня; Борзяки утвердились на сѣверозападѣ, гдѣ нынѣ города Охридъ и Монастиръ; Велесичи заняли южную Өессалію, Віотію съ Өивами, Аттику съ Аөинами; племя, обозначаемое въ греческихъ источникахъ подъ именемъ Βαγενέται, расположилось на западъ отъ Велесичей, въ южномъ Эпирѣ [2]). На западъ отъ Солуня поселились Струменцы по р. Струмѣ [3]), и Ряждане [4]) на поморьѣ Архипелага. Послѣдніе стали пускаться по морю, и на ладьяхъ своихъ не только тревожили острова Архипелага, но подходили подъ самый Цареградъ [5]).

Віотіи и Өивахъ свидѣтельствуетъ Житіе св. Димитрія (см. Преосв. Филарета, стр. 32), въ Аттикѣ — лѣтописецъ Өеофанъ (400). — О племени Βαγενέται см. подробности у Шафарика (Wyklad etc., стр. 578). Шафарикъ полагалъ, что имя Βαγενέται есть передѣлка славянскаго Войничи; но этого допустить нельзя, потому что въ южномъ Эпирѣ даже Греки очень хорошо умѣли различать эти два слова: тамъ есть урочища Войниково (Βοϊνίκοβα), есть село Войника (τοῦ Βοϊνίκου) и есть до сихъ поръ село τοῦ Βαγενέτι. Замѣчательно, что когда, послѣ покоренія Эпира Турками (въ 1431 г.), 14 селъ изъ волости Загорія близъ Янины заключили съ Турецкими начальниками добровольный уговоръ и обѣщали ставить имъ по нѣскольку человѣкъ въ войско, а потомъ получили позволеніе замѣнять эту повинность денежнымъ взносомъ, то условіе это было названо *войникомъ* (βοϊνίκον: см. χρονογραφία τῆς Ἠπείρου, II, 33). Стало быть, слово *войникъ* было извѣстно тамъ въ неискаженномъ видѣ; этотъ случай показываетъ также, какъ долго Славянскій языкъ сохранялся въ южномъ Эпирѣ, гдѣ теперь господствуетъ одинъ Греческій, и откуда вышло столько свѣжихъ силъ для освобожденія Эллады. Но какая была настоящая славянская форма имени Βαγενέται, трудно отгадать. Одна грамота деспота Эпирскаго, Симеона Палеолога, 1361 года (Χρονογραφία τῆς' Ηπείρου II, 311) исчисляетъ села, находившіяся въ краѣ Βαγενετία; изъ этого исчисленія видно, что онъ заключалъ въ себѣ прибрежье южнаго Эпира, насупротивъ острова Корфу, нынѣшніе округи Филатскій, Парамиөійскій и Маргаритійскій.

[1]) *Борсякъ, Берсяци* — такъ до сихъ поръ называютъ Болгаръ въ краѣ между Охридомъ и Битолемъ (Толи-Монастиръ): см. Григоровича, Путеш. 196 и Шафарика, Wyklad, 576. Греки пишутъ Βερζῆται и Βερεζῆται.

[2]) Въ Болгарскомъ народѣ сохранились до сихъ поръ нѣкоторыя племенныя прозвища, безъ сомнѣнія, наслѣдованныя изстари; о *Берсякахъ* было уже упомянуто, о *Шопахъ* будетъ сказано ниже; кромѣ того, Болгаре въ Неврокопскомъ округѣ прозываются *Мърваками*, близъ Водены *Поливаками*, въ Дебрѣ *Міяками*, выше Дебра, близъ села Кленье, *Кецкарами*, близъ Прилѣпа и Велеса *Бабунами* (см. Григоровича, тамъ же, 196).

[3]) Объ этихъ Струменцахъ упоминаетъ Житіе св. Димитрія и многіе другіе Византійскіе источники.

[4]) Ихъ называютъ то Ρεντίνοι, чит. Рендини, то Ρουγχῖνοι. Трудно рѣшить, какъ звучало ихъ имя по-славянски: вѣроятно *Рѫждане*, отъ древне-болгарск, *рѫдъ* (ѫ—звукъ носовой). Заливъ *Рендинскій* у Святой Горы указываетъ донынѣ на ихъ старинныя жилища; тутъ былъ прежде укрѣпленный городъ *Рентина* или *Рендина*, средоточіе особой епархіи (см. подробности о немъ у Тафеля, Thessalonica, 68).

[5]) См. Житіе св. Димитрія (Преосв. Филарета, 34).

Византійской имперіи вновь пришлось завоевывать окрестности Солуня. Сынъ Константина Погоната, Юстиніанъ II (Ринотмитъ) послалъ конные легіоны во Ѳракію и, какъ говоритъ лѣтописецъ, «простеръ свои набѣги до Солуня» (въ 688 г.): такъ ничтожна была въ то время власть Цареградскаго кесаря на Балканскомъ полуостровѣ! Славяне Ѳракійскіе и Македонскіе частью силою принуждены были поддаться Юстиніану, частью добровольно признали надъ собою его власть; онъ организовалъ между ними управленіе, — такъ называемую Стримонскую область (р. Стримонъ, нынѣ Струма, на сѣверо-востокъ отъ Солуня) и устроилъ славянскія поселенія для охраненія горныхъ проходовъ, которые вели въ Македонію: очевидно онъ расчитывалъ на то, что эти Славяне захотятъ препятствовать дальнѣйшему распространенію Болгаръ. Въ то же время онъ перевелъ большое число Славянъ въ Малую Азію и выбралъ изъ нихъ 30,000 чел., которыхъ вооружилъ и устроилъ какъ вспомогательное войско для дѣйствій противъ Арабовъ.

Между тѣмъ, на сѣверъ отъ Балкановъ утверждалась власть Болгаръ. Славяне не оказали здѣсь, какъ кажется, большаго сопротивленія. Однимъ ударомъ можно сказать, Болгаре воздвигли государство между Задунайскими Славянами, и стали во главѣ его.

Много ордъ, въ теченіе вѣковъ, бросалось отъ Уральскихъ горъ или изъ Средней Азіи на земледѣльцевъ Славянъ, и всѣ почти сохраняли, среди мирнаго, общительнаго племени Славянскаго, свою дикую, исключительную народность, какъ-то: Авары, Мадьяры, Печенѣги, Половцы, Татары, Турки и столько другихъ: отрадное между ними исключеніе представляютъ тѣ степные пришельцы, которые, когда и превосходили Славянъ силою оружія, склонялись предъ ихъ духовною силою и роднились съ ними, дѣлались ихъ защитниками и братьями. Таковы были Гунны, столь ненавистные Германцамъ; таковыми оказались и Болгаре. Въ царствѣ, ими въ послѣдствіи основанномъ на Волгѣ и Камѣ, они слились съ туземными Славянами, царь ихъ именовался царемъ Славянскимъ (Малекъ-ель-Саклабъ), они представлялись Арабамъ смѣсью Тюркскихъ племенъ съ Славянами; въ Задунайскомъ своемъ царствѣ они еще легче и полнѣе допустили сближеніе [1]). Тотчасъ же завоеватели и завоеванные составили въ политическомъ отношеніи одно цѣлое: Славяне стали въ Болгарскихъ войскахъ рядомъ съ своими покорителями, а это было въ то время главнымъ знакомъ политическаго общенія, — Славяне сдѣлались участ-

---

[1]) Причиною была, безъ сомнѣнія, малочисленность орды (1/5 первоначальной орды Кувратовой), которая покорила Мизію, и отдаленность отъ соплеменныхъ народовъ, тогда какъ въ царствѣ Камскихъ Болгаръ Финно-Турецкій элементъ могъ безпрерывно обновляться.

никами въ побѣдахъ и славѣ преемниковъ Аспаруховыхъ, и, едва прошло сто лѣтъ со времени завоеванія ихъ, они являются уже какъ бы согражданами Болгаръ. Но еще не скоро исчезло наружное различіе между обоими народами. Долго еще звучали въ Мизіи два языка, Болгарскій и Славянскій, и все что мы знаемъ о внутреннемъ бытѣ Болгаріи, до перваго ея разрушенія въ концѣ X-го вѣка, показываетъ явные отпечатки той стихіи, которая дала этой странѣ государственную организацію.

Стихія эта, орда Аспарухова, была, какъ замѣчено выше, — и въ томъ нѣтъ сомнѣнія, — одна изъ отраслей восточной группы Финскихъ народовъ, къ которой принадлежатъ Зыряне, Вотяки, Черемисы, къ которой принадлежали безспорно и наши русскіе Болгаре на Волгѣ и Камѣ и которая и донынѣ имѣетъ своихъ представителей въ Дунайской странѣ въ лицѣ Мадьяръ. Болгаре состояли, мы знаемъ, долго въ подданствѣ у выходцевъ изъ Средней Азіи, Тюркской орды Аваровъ. По всей вѣроятности, отъ нихъ-то заимствовали они тѣ особенности Тюркскаго племени, которыя мы у нихъ находимъ. Такъ у нихъ существовалъ почетный титутъ *тархана,* столь извѣстный у Тюркскихъ народовъ. Конечно, вліяніе господствовавшаго тюркскаго элемента было сильнѣе въ первенствующихъ родахъ Болгарской орды, и этимъ мы объясняемъ имена чисто-тюркскаго склада, являющіяся у разныхъ Болгарскихъ вельможъ и военачальниковъ VIII и IX вѣка. Нѣкоторые обычаи Болгаръ за Дунаемъ указываютъ также на азіатское вліяніе: они ходили въ чалмахъ, ѣли на полу, носили конскій хвостъ (бунчухъ) вмѣсто знамени, для присяги ставили передъ собою саблю. Признакомъ азіятскаго вліянія было и то, что къ нимъ, передъ обращеніемъ въ христіанство, проникали «Сарацынскія» (магометанскія) книги.

Языческая религія Болгаръ-завоевателей была вѣроятно также мало развита, какъ и религія другихъ родственныхъ имъ кочевниковъ. Мы знаемъ только, что они поклонялись солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ. Они имѣли также какое-то религіозное почтеніе къ собакамъ. Для особеннаго утвержденія клятвы, они брали въ свидѣтельство собаку и разрубали ее пополамъ.

Государство, воздвигнутое этими завоевателями между Славянами, имѣло характеръ по преимуществу аристократическій. Если судить объ ордѣ Аспаруховой по примѣру послѣдовавшей за нею на Дунай Мадьярской ордѣ Арпада, то она состояла изъ союза родовъ, начальники которыхъ раздѣляли власть главнаго предводителя, князя. Потомъ самый фактъ завоеванія долженъ былъ сдѣлать изъ этихъ родоначальниковъ и ихъ потомства господствующую аристократію между Славянами. Это подтверждается несомнѣнными признаками. Когда, въ

послѣдствіи, Византійскій императоръ отправлялъ посольство въ Болгарію, то при представленіи своемъ, посолъ спрашивалъ прежде всего о здоровьѣ князя, его жены и дѣтей, и затѣмъ долженъ былъ освѣдомиться о здоровьѣ *шести великихъ былей (былями* назывались вельможи, бояре у Болгаръ); потомъ онъ спрашивалъ, какъ здоровы *прочіе были, внутри и внѣ?* и наконецъ, какъ здравствуетъ простой народъ. Шесть *великихъ былей,* именуемыхъ тотчасъ послѣ княжескаго дома, совершенно напоминаютъ намъ тѣхъ, шестерыхъ же, родоначальниковъ, которые окружали седьмаго, Арпада, признаннаго общимъ вождемъ орды Мадьярской и потомки которыхъ составляли господствующую аристократію и непремѣнный совѣтъ первыхъ королей Венгріи. Точно также и этихъ шестерыхъ *великихъ былей* Болгаріи мы въ правѣ считать главами родовъ завоевательной орды Аспаруховой; а прочіе *были* «внутри и внѣ» представляются намъ какъ члены той же аристократіи, частью жившіе внутри страны, частью начальствовавшіе надъ ея полками и пограничными отрядами. Нужно при этомъ замѣтить, что Болгаре содержали постоянную военную стражу на своихъ границахъ, и казнили смертію людей, переходившихъ черезъ пограничную черту: ясный признакъ опасеній, среди которыхъ жили они въ завоеванномъ краѣ. Конечно, также завоеванію слѣдуетъ приписать и то, что въ Болгаріи VII—IX вѣка встрѣчается несравненно бо̀льшая жестокость нравовъ и рабство гораздо болѣе развитое, нежели въ другихъ славянскихъ странахъ въ ту эпоху.

Государь Болгарскій не былъ властелинъ неограниченный. Есть указанія на то, что онъ совѣщался со своими подданными. Судя по всему, что̀ извѣстно о древней Болгаріи, совѣтъ ея государя составляли именно тѣ *были,* о которыхъ сказано выше. Болгарія была государство боярское по преимуществу, и этотъ характеръ въ ней не изгладился до конца ея независимаго существованія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первые два вѣка Сербіи и Болгаріи. — Первое крещеніе. — Борьба съ Греками и Франками: Крумъ и Людевитъ.

Такъ образовались государства у славянскихъ переселенцевъ за Дунаемъ, у Хорватовъ, Сербовъ и въ Болгаріи. Какъ способъ переселенія, такъ и самое начало государственной жизни, представляютъ намъ много существенно несходнаго между общинами, которыя изъ-за нижняго Дуная перешли въ восточную половину Балканскаго полуострова, и между дружинами Закарпатскими, занявшими западные края, у Адріатики. И тѣ и другіе, воинственные въ ту пору, когда нужно было оружіемъ добывать себѣ жилища, возвратились къ природному Славянамъ мирному быту, лишь только нашли себѣ привольныя земли; Сербы и Хорваты, побѣдители страшныхъ Аваровъ, точно также какъ тѣ славянскіе выходцы, которыхъ въ VI вѣкѣ описывалъ Прокопій свирѣпыми кровопійцами, грозою Грековъ, основавшись за Дунаемъ, притихли и замолкли совершенно [1]).

Великую разницу въ ихъ древней исторіи составляетъ то, что Славяне Мизійскіе вскорѣ вышли изъ этого бездѣйствія и безмолвія, предводимые Болгарами завоевателями, а Сербы и Хорваты оставались въ немъ необыкновенно долго. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ сіи послѣдніе чуждались еще политической дѣятельности, и какъ бы не сознавали своихъ народныхъ силъ: ибо не общественнымъ переломомъ,—ни завоеваніемъ, какъ Болгарскіе Славяне, ни сознательнымъ приговоромъ народной воли, какъ Русь и Польша, — а незамѣтнымъ почти и невольнымъ переходомъ отъ дружиннаго устройства, вступили они въ государственную жизнь, и она не имѣла силы ото-

[1]) Главнымъ занятіемъ этихъ Славянъ сдѣлалось, безъ сомнѣнія, хлѣбопашество; тѣ, которымъ достались берега и острова Далмаціи, пустились въ мореходство и торговлю. Исключеніе составляетъ только маленькая Сербская вѣтвь Неретчанъ, въ южной Далмаціи, часть которыхъ предалась морскому разбою. Въ VIII вѣкѣ нѣкоторыя славянскія племена на Эгейскихъ берегахъ, также отваживались на море, для разбоя, такъ что у нихъ нашлось значительное число плѣнныхъ, взятыхъ ими на островахъ Имврѣ, Тенедосѣ и самоѳракіи: но эти предпріятія едва ли были важны, потому что только одинъ разъ (подъ 768 г.) встрѣчается на нихъ у лѣтописцевъ указаніе, и то косвенное.

рвать ихъ вполнѣ отъ того разрозненнаго, бездѣйственнаго состоянія, въ которомъ пребывали Славяне въ древнѣйшую эпоху. Нуженъ былъ страшный гнетъ иноплеменниковъ, чтобы въ началѣ IX вѣка вывести Хорватовъ изъ страдательнаго положенія, и тогда они, возбужденные борьбою за независимость, вліяніемъ римскаго народонаселенія, удержавшагося въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ Далмаціи, и сношеніями съ Италіею, въ особенности съ Венеціею, приняли болѣе дѣятельное участіе въ современныхъ событіяхъ; исторія же Сербовъ, въ продолженіе безъ малаго пяти столѣтій, съ VII-го по XII-е, оставалась почти всегда страдательною [1]).

Сербы и Хорваты охотно признали верховную власть императора Ираклія, который и указалъ имъ, какъ намъ уже извѣстно, жилища въ Иллирикѣ. Ираклій захотѣлъ воспользоваться ихъ послушаніемъ и распространить между ними христіанскую вѣру: они не оказали ей сопротивленія. По уставамъ кесарей, Иллирикъ съ Далмаціей принадлежалъ къ западной половинѣ Римской имперіи, и хотя онъ перешелъ потомъ къ державѣ Византійской, однако въ церковныхъ дѣлахъ оставался по прежнему подъ властію Римской митрополіи. На этомъ основаніи Ираклій призвалъ для Сербовъ и Хорватовъ учителей изъ Рима: то было въ VII вѣкѣ, когда западный міръ находился въ церковномъ единствѣ и общеніи съ восточнымъ. Много народу, какъ у Хорватовъ, такъ и у Сербовъ, тотчасъ крестилось: поставили имъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ, подчинивъ ихъ архіепископу города Сплѣта (или Сплита, Spalatro), гдѣ сосредоточились потомки Римлянъ, переселенныхъ въ Далмацію Діоклетіаномъ [2]). «Крестившись, Хорваты, говоритъ Константинъ Багрянородный, дали обязательство, утвержденное ихъ подписями, и принесли св. Петру Апостолу крѣпкую присягу не нападать на чужія земли и жить мирно со всѣми сосѣдями, лишь бы ихъ самихъ не тревожили, а Римскій папа обѣщалъ имъ за то, что если другіе нападутъ на нихъ, то ихъ поборникомъ будетъ Богъ, заступничествомъ Петра, ученика Хри-

---

[1]) Въ это время, правда, Неретчане сильно тревожили берега Адріатическаго моря отважными разбоями: но разбои ихъ были только частныя предпріятія людей, которые не находили себѣ пропитанія въ родномъ уголкѣ; — земля двухъ жупъ Неретчанскихъ, занимавшихся разбоемъ, *Растоки* и *Мокрой* (гдѣ теперь городъ *Макарска*), была узенькая приморская полоса на сѣверъ отъ Наренты; политическаго, такъ сказать, значенія эти предпріятія вовсе не имѣли.

[2]) Извѣстна заботливость Діоклетіана о Далмаціи, своей родинѣ. Древнею столицею Далмаціи была Салона (теперь мѣстечко): при ея разрушеніи Аварами, римское населеніе укрылось въ Сплѣтъ (Aspalathum); кромѣ того римскими городами и во время Хорватской державы были: *Rausium* (Рагуза, по-слав. Дубровникъ), *Tragurium* (Трогиръ, Trau), *Diadora* или *Jadera* (Зара, Задръ), *Arba* (Арбс, Рабъ), *Vigium* или *Vecla* (Велья, на островѣ того же имени, называемомъ по-слав. Кръкъ), *Opsara* (Осора).

стова». Но недолго пребыли Сербы и Хорваты вѣрными этому первому своему крещенію, какъ и подданству Византійскимъ императорамъ: и то и другое они тогда скорѣе допустили по равнодушію, чѣмъ приняли по обдуманному рѣшенію. Часть вовсе не крестилась, другая часть осталась лишь по имени христіанскою, а верховная власть императоровъ уничтожилась сама собою, при слабыхъ преемникахъ Ираклія. До IX-го вѣка о Сербахъ и Хорватахъ нѣтъ и слуху.

Далеко не похожи на эту тишину и безвѣстность Сербовъ и Хорватовъ первые вѣка Болгаріи. Тутъ видно замѣчательное сходство съ древнѣйшею порою въ исторіи Руси. Какъ на Руси призваніе Варяговъ, такъ за Дунаемъ приходъ Болгаръ къ Славянскимъ племенамъ былъ для нихъ началомъ, можно сказать, героической эпохи: удаль боевой дружины соединилась съ обильными средствами, съ упорною силою многочисленнаго, крѣпкаго, трудолюбиваго народа земледѣльческаго.—Однако, насильственное рожденіе Болгарскаго государства, та дикость и свирѣпость, которую принесли съ собою Болгаре-кочевники изъ Заволжья, и нравственная порча, плодъ ранняго и постояннаго общенія съ Византіею, все это отозвалось въ судьбѣ Болгаріи, и что основано было мечемъ, то отъ меча и погибло: сначала весь родъ Аспаруха, потомъ и государство, имъ созданное, и ничего не осталось отъ дѣла Болгаръ-завоевателей; ибо только славянскій, завоеванный народъ сохранился среди развалинъ древней Болгаріи, и одно лишь имя, этимъ народомъ принятое, напоминаетъ о твореніи Аспаруха.

О самомъ Аспарухѣ, основателѣ Болгаріи, мы знаемъ также мало, какъ и о Рюрикѣ: вѣрно, оба были заняты внутреннимъ устройствомъ новыхъ своихъ владѣній. Вскорѣ однако, утвердившись въ Мизіи и усилившись (кажется, введеніемъ Славянъ въ свои войска), Болгаре перешли Балканы и начали разорять Ѳракію до такой степени, что императору Константину Погонату пришлось просить мира. «По множеству грѣховъ нашихъ, говоритъ лѣтописецъ Ѳеофанъ, онъ долженъ былъ обязаться, къ великому стыду Римскаго имени, платить Болгарамъ ежегодно опредѣленную дань. И было дивомъ, какъ для далекихъ, такъ и для близкихъ странъ, что люди, которые подчинили себѣ всѣ племена вселенной отъ востока до запада и отъ сѣвера до юга, теперь одолѣны были этимъ мерзкимъ и новоявившимся народомъ». Возобновляя войну, Юстиніанъ II, какъ мы видѣли, прежде всего обратилъ свои силы на Ѳракію и Македонію, противъ тамошнихъ Славянъ: очевидно, ему необходимо было утвердить за собою ближайшія къ Константинополю области, прежде чѣмъ дѣйствовать наступательно противъ самихъ Болгаръ. Но Болгаре

предупредили его. Когда Юстиніанъ возвращался изъ Македоніи, они напали на него въ тѣснинахъ горъ и разбили его на голову (688 г.) Однако это было, какъ видно, со стороны Болгаръ только мимолетнымъ нашествіемъ. Вѣроятно, не чувствуя свою власть упроченною въ Мизіи, они не старались распространить предѣловъ своего государства южнѣе Балкановъ; Ѳракійскіе и Македонскіе Славяне, не смотря на пораженіе Юстиніана, принуждены были, какъ сказано выше, подчиниться верховной власти Цареградскаго императора.

Неизвѣстно, кто въ эту войну правилъ Болгарами. Славянское сказаніе говоритъ, что Есперихъ (Аспарухъ) княжилъ 61 годъ, и въ томъ числѣ 19 лѣтъ по переходѣ Болгаръ за Дунай. Такимъ обра зомъ княженіе Аспаруха за Дунаемъ обнимало бы время съ 668 по 687 годъ. Преемникомъ Аспаруха таже славянская запись называетъ Тервеля (687 — 709) При немъ Болгаре достигли уже большаго могущества. Предводитель этого «новоявившагося» народа, какъ называетъ ихъ греческій писатель, Тервель держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Византіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ прельстился ея соблазнительнымъ блескомъ: не минуло тридцати лѣтъ государству Болгарскому, и торжествующій Тервель во главѣ своего народа подчиняется формамъ и церемоніямъ дряхлыхъ наслѣдниковъ Рима. — Мятежъ въ Константинополѣ свергнулъ императора Юстиніана II съ престола. Юстиніанъ долженъ былъ отправиться въ Херсонесъ. Опасаясь здѣсь за свою жизнь, онъ на ладьѣ пустился въ море, и прибылъ къ устьямъ Дуная. Тервель пригласилъ его къ себѣ, принялъ съ великою почестью и обѣщалъ ему помощь (702 г.). Онъ поднялъ всѣ свои войска, Болгарскія и Славянскія, и на другой годъ пошелъ съ Юстиніаномъ къ Цареграду. Юстиніанъ безъ боя признанъ былъ вторично императоромъ. Тервель съ своею ратью стоялъ у Влахернской стѣны. Ему уступлена была область Загорье — южный склонъ Балканскихъ горъ отъ нынѣшняго Сливна до Бургаса, съ важными приморскими городами Анхіаломъ и Месемвріей [1]); императоръ призналъ себя его данникомъ; онъ самъ вышелъ къ нему изъ Цареграда, облекъ его въ императорскую одежду и назвалъ кесаремъ [2]). Тервель возсѣдалъ на престолѣ рядомъ съ престоломъ императора, и народъ Константинопольскій склонялся передъ нимъ, какъ передъ собственнымъ государемъ; при разставаніи, Болгаринъ осыпанъ былъ несмѣтными дарами. Любопытенъ разсказъ Грека [3]) о богатствѣ и щедрости Тервеля: онъ клалъ на землю свой щитъ, выпуклостью внизъ,

---

[1]) Теперь Ахіолъ и Мисиври.
[2]) Титулъ кесаря былъ второй послѣ титула императора, т. е. августа.
[3]) Лексикографа Свиды, у Стриттера. II, 516.

на щитъ клалъ плеть, съ которою ѣздилъ верхомъ, и потомъ засыпалъ щитъ и плеть деньгами; воткнувъ въ землю копье, накладывалъ съ обѣихъ сторонъ до верху шелковыя ткани; раздавалъ своимъ воинамъ деньги цѣлыми ящиками, правою рукою загребая золото, лѣвою серебро.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Болгаре, разсорившись съ Греками, можетъ быть мстя имъ за умерщвленіе своего союзника Юстиніана, опять ходили подъ Цареградъ и снова заключили выгодный съ ними договоръ (716 г.)[1]). Вскорѣ потомъ они же оказали помощь имперіи: Цареградъ былъ осажденъ Арабами, въ страшныхъ силахъ, морскихъ и сухопутныхъ; Болгаре вступили съ ними въ бой, убили ихъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, говоритъ лѣтописецъ, до 22,000, и эта помощь, соединенная съ голодомъ и моромъ въ войскѣ мусульманъ, спасла Византію (718 г.).

Какъ на Руси за Рюрикомъ и витяземъ Олегомъ послѣдовало слабое княженіе Игоря, такъ и послѣ Аспаруха и Тервеля на время затихаетъ предпріимчивость Болгаръ. Тридцать семь лѣтъ о Болгарахъ не говорятъ Византійцы ни слова. Туземная запись, приписывающая Тервелю 21 годъ царствованія, называетъ за нимъ князя Севара; онъ царствовалъ 15 лѣтъ[2]). Съ нимъ, какъ кажется, прекратилась династія Аспаруха, «родъ Дуло», какъ его называетъ славянская запись, родъ, къ которому она причисляетъ всѣхъ прежнихъ князей Болгарскихъ. Новый владѣтель назывался Кормесошъ [3]), изъ рода «Вокиль» или «Укиль». Можно предполагать, что этотъ государь, утвердившись на престолѣ, сталъ угрожать Византійской имперіи. Императоръ Константинъ Копронимъ принялся строить укрѣпленія во Ѳракіи и, какъ видно, не надѣясь уже на Славянъ, поселилъ въ нихъ Сирійцевъ и Армянъ. Болгаре, съ своей стороны, потребовали отъ императора дани. Загорѣлась война. Болгаре вторглись во Ѳракію и показались подъ самыми стѣнами Константинополя. Но императоръ одержалъ надъ ними побѣду и принудилъ къ отступленію. Въ то же время онъ снарядилъ флотъ въ 500 судовъ и отправилъ съ нимъ войско въ устья Дуная; высадившіеся Греки стали опустошать жилища Болгаръ и захватили множество плѣнныхъ. Съ своей стороны, Кон-

---

[1]) Лѣтописецъ Ѳеофанъ приписываетъ этотъ договоръ одному изъ преемниковъ Тервеля, Кормесію, но, очевидно, по ошибкѣ, ибо Кормесъ или Кормесошъ княжилъ много лѣтъ спустя. Ѳеофанъ тѣмъ легче могъ сбиться, что онъ упоминаетъ о договорѣ по поводу гораздо позднѣйшихъ событій.

[2]) Надобно замѣтить однако, что между Тервелемъ и Северомъ былъ еще какой-то князь, владѣвшій 24 года, но имя котораго въ записи пропущено.

[3]) Греки пишутъ Кормесій или Комерсій.

стантинъ, наступая со стороны Ѳракіи, одержалъ большую побѣду близъ Болгарской границы. Болгаре принуждены были просить мира (755 г.).

Миръ, впрочемъ, не былъ продолжителенъ и черезъ четыре года Болгаре отомстили Грекамъ, поразивъ того же императора Константина Копронима въ Берегавскомъ ущеліи. Но вскорѣ въ самой Болгаріи произошелъ переворотъ. Не была ли новая династія слишкомъ миролюбива, слишкомъ благосклонна къ Славянскимъ своимъ подданнымъ? Ибо вдругъ вспыхиваетъ воинственная стихія Болгарская, возстаетъ въ кровавомъ противодѣйствіи противъ царствующаго рода, противъ Славянъ, противъ Византіи. Вотъ повѣствованіе современниковъ: «Гунны-Болгаре [1]), заключивъ между собою договоръ, избили весь родъ своихъ наслѣдственныхъ властителей и поставили себѣ государемъ Телеца [2]), высокомѣрнаго и полнаго юношеской отваги, который, собравъ войска, сталъ разорять области имперіи. Въ это же время множество Славянъ, покинувъ свою родину, прибѣгли добровольно къ императору и, переплывъ Эвксинъ, поселились, по его указанію, у р. Артаны (въ древней Виѳиніи, на сѣверномъ берегу Малой Азіи). Ихъ было, говорятъ, до 208,000».

Въ древнихъ источникахъ описываются походы и битвы Болгаръ, но нѣтъ указаній на ходъ ихъ внутренней жизни. Объ этомъ возможны лишь догадки. По-видимому, послѣ низверженія коренными Болгарами ослабѣвшаго рода Аспарухова, началось какое-то броженіе, въ которомъ только и сплотилось, кажется, настоящимъ образомъ, государство Болгарское изъ Славянъ и ихъ покорителей. То было время смутъ и бѣдствій. Болгаре требовали войны съ Греками, но вели ее неудачно. Греки послали свой флотъ Чернымъ моремъ въ устья Дуная, и сухопутнымъ войскомъ двинулись къ Анхіалу. Телецъ подошелъ туда съ 20,000 чел. войска, Болгаръ и Славянъ, былъ разбитъ и бѣжалъ (30 іюня 763 г.). Въ Болгаріи вспыхнулъ мятежъ. Телецъ, послѣ трехлѣтняго царствованія, былъ убитъ. Новый князь Умаръ изъ прежняго рода «Укиль», властвовалъ только 40 дней [3]). Болгаре возвели на престолъ зятя прежняго князя своего Кормесоша, Савина; но Савинъ думалъ о мирѣ съ Греками; Болгаре составили собраніе и кричали: «черезъ Савина Болгарія поддастся Грекамъ». Савинъ бѣжалъ къ императору (762—763). Смута продолжалась, и

---

[1]) Этимъ выраженіемъ лѣтописецъ Никифоръ, можетъ быть, хотѣлъ отличить собственно Заволжскихъ Болгаръ, отъ ихъ подданныхъ Славянъ.

[2]) По славянскому сказанію, Телецъ былъ изъ рода „Угаинъ“.

[3]) Объ немъ упоминается только въ славянской записи, которая на Умарѣ и останавливается.

Византія умѣла ею пользоваться. Новый государь Болгарскій Баянъ [1]) пожелалъ имѣть личное свиданіе съ императоромъ и пріѣхалъ къ нему на встрѣчу съ своими *былями* [2]) (боярами). Императоръ притворно согласился на миръ, но велѣлъ схватить князя Славянъ-Сѣверянъ (подданныхъ Болгаръ), причинившаго много зла Грекамъ во Ѳракіи, и пользуясь тѣмъ, что Болгаре, понадѣявшись на миръ, плохо стерегли пограничныя ущелья, повелъ войско въ Болгарію. Онъ вступилъ въ долину р. Тунджи (на южной сторонѣ Балканскаго хребта, вѣроятно около Ямболя и Сливна), сжегъ тамошніе дворы, но вдругъ возвратился. Въ Болгаріи происходили междоусобія. Умаръ, вѣроятно тотъ самый, о которомъ упомянуто выше, пытался править именемъ состоявшаго подъ покровительствомъ Византіи Савина; но Болгаре его убили и передали власть Тохту, брату Баяна. Но когда, въ слѣдующемъ году (766) императоръ Константинъ подошелъ къ Берегавскому ущелью и отправилъ сильный флотъ (1600 судовъ) къ берегамъ Болгаріи, то тамъ, какъ видно, вновь восторжествовала византійская партія. Баянъ и Тохтъ съ своими приверженцами бѣжали къ Дунаю и тамъ были убиты. Но походъ Грековъ не удался: буря разбила ихъ суда, и Константинъ отступилъ. Нѣсколько лѣтъ Византія не предпринимала ничего противъ Болгаріи. Наконецъ, въ 774 г., Константинъ Копронимъ снова пошелъ на нее войною; въ этотъ разъ онъ двинулся моремъ, съ флотомъ въ 2,000 ладей, а конницу послалъ сухимъ путемъ, чтобы она, пользуясь первою оплошностью отрядовъ, охранявшихъ Балканскія ущелья, старалась проникнуть въ Болгарію. Флотъ прибылъ къ Варнѣ; но императоръ, не отваживаясь на дальнѣйшія дѣйствія, думалъ уже воротиться, когда Болгаре прислали одного изъ своихъ *былей*, Цигата, для переговоровъ. Миръ былъ заключенъ; Болгаре обязались не дѣлать вторженій въ «Романію», т. е. въ Византійскую территорію, императоръ—не нападать на Болгарію: обѣ стороны обмѣнялись письменнымъ удостовѣреніемъ договора.

Но вскорѣ императоръ получилъ извѣстіе отъ своихъ тайныхъ приверженцевъ въ Болгаріи, что ея государь (имя этого князя пишется различно: Телеригъ, Телегуръ, Тзеригъ) снаряжаетъ войско въ 12,000 чел. и одного изъ своихъ *былей*, чтобы захватить и переселить въ Болгарію славянское племя Борзякей въ Македоніи (между Битолемъ и Охридомъ). Это подало Копрониму поводъ нарушить миръ; но, несмотря на побѣду, имъ одержанную (въ Октябрѣ 774), дѣло кончилось ничѣмъ. Болгарскій государь вошелъ въ сношенія съ императоромъ.

---

[1]) Παγανὸς, въ другомъ мѣстѣ Βαϊανός.

[2]) Βοϊλαδῶν.

его цѣль: другая цѣль была—заселить обширныя области на сѣверномъ берегу Дуная, доставшіяся ему отъ Аваровъ и Болгарской орды, и гдѣ послѣ выхода Славянъ за Дунай, не было осѣдлаго населенія: утвердить тамъ, оплотомъ для собственной Болгаріи, осѣдлый народъ, вотъ къ чему стремился Крумъ, какъ бы предвидя съ этой стороны опасность.

Есть о Крумѣ замѣчательное преданіе, сохраненное извѣстнымъ Византійскимъ компиляторомъ Свидою: «Болгаре до конца погубили Аваровъ. Крумъ спросилъ плѣнныхъ Аваровъ:» «Отъ чего, по вашему мнѣнію, погибли вашъ государь и ваше племя?» — Отъ того, что умножились у насъ тяжбы и распри; что лихоимцы и воры стали судьями, что народъ предался пьянству и сталъ падокъ на подарки; что всѣ пустились въ торговлю, и другъ друга обманывали».—Крумъ, выслушавъ это, созвалъ всѣхъ Болгаръ и положилъ законы: неправыхъ истцевъ казнить; лихоимцамъ и ворамъ выламывать бедра; истребить всѣ виноградники; бѣдныхъ обезпечить, чтобъ они больше ничего не домогались, а потомъ недовольныхъ своимъ состояніемъ наказывать». Преданіе это есть какъ бы отголосокъ дѣятельности Крума, какъ законодателя; историческая основа несомнѣнна.

Византійсская имперія удерживала еще важные стратегическіе пункты въ Болгаріи: Анхіалъ и Месемврію (Мисиври) у подножія Балкановъ, Проватъ (Правады) на сѣверной сторонѣ Великаго Балкана, и Срѣдецъ (нын. Софіа) въ западной Болгаріи, на водораздѣлѣ между водами Архипелага (Струмою) и притоками Дуная (Искромъ). Открывая войну съ Греками, Крумъ началъ съ того, что отнялъ у нихъ этотъ послѣдній пунктъ. Въ 809 г. Срѣдецъ палъ передъ Болгарами. Императоръ Никифоръ сосредоточилъ въ «Славиніи», т. е. во Ѳракіи и Македоніи, всѣхъ ратниковъ имперіи; кромѣ того набралъ толпы бѣдняковъ, вооруженныхъ одними палками и пращами; огромными налогами увеличилъ свою казну, — и послѣ двухлѣтнихъ приготовленій вступилъ въ Болгарію. Увлеченный впередъ отсутствіемъ сопротивленія, онъ овладѣлъ Крумовымъ *ауломъ* (такъ называли Болгаре, говоритъ лѣтописецъ, жилище своего государя [1]): аулъ находился, кажется, близъ нынѣшней Шумлы. Крумъ сталъ просить мира, очевидно, чтобы выиграть время; когда Никифоръ прервалъ переговоры, то нашелъ себя запертымъ деревянными завалами; Крумъ загородилъ, какъ стѣнами, ущелья и спереди и позади его. Никифора поразило точно громомъ (я все это выписываю изъ Ѳеофана); обходя мѣстность и ища выхода, онъ говорилъ: «птицами развѣ мы отсюда вылетимъ». Два дня прошли спокойно; въ ночь на субботу,

---

[1]) Зонара, Ѳеофанъ и проч. — Ясно, что слово αὐλή здѣсь не греческое.

25-го іюля (811 г.), услышали шумъ оружія и движеніе войска; все ждало съ трепетомъ; на зарѣ Болгаре, соединившись съ Аварами, ударили на Греческій станъ, и всѣхъ избили, самого императора Никифора, его сановниковъ, патриціевъ, стратиговъ, областныхъ начальниковъ, и безчисленное множество воиновъ: «погибъ въ этотъ день цвѣтъ христіанъ, пропали императорскія украшенія и все оружіе. Не дай Богъ христіанамъ видѣть когда-нибудь подобный день!— Отрубленную голову Никифора, наткнутую на древко, долго показывалъ Крумъ приходившимъ къ нему отъ разныхъ народовъ посѣтителямъ, потомъ выложилъ черепъ серебромъ и сдѣлалъ чашу, изъ которой пили на торжественныхъ пирахъ вожди Славянскіе». Тѣло императора сожгли. Судя по одному сказанію, Болгаре принуждали плѣнныхъ къ отреченію отъ христіанской вѣры и отказывавшихся предавали мучительной смерти. [1])

Крумъ пошелъ къ Черному морю, гарнизонъ Провата бѣжалъ, Анхіалъ сдался. Болгаре проникли въ Македонію и Ѳракію, Верія, Филиппополь и другіе города сдавались имъ безъ боя. Новый императоръ Михаилъ собралъ что только могъ войска, вызвалъ даже сторожевые отряды изъ Сиріи. Крумъ шелъ все далѣе. Съ помощью Араба, научившаго Болгаръ устройству осадныхъ машинъ, онъ взялъ Месемврію и овладѣлъ другою приморскою крѣпостью Девелтомъ (близъ нын. Бургаса). Онъ переселилъ оттуда жителей съ ихъ епископомъ за Дунай. Сами греческіе лѣтописцы говорятъ, что для мѣстныхъ жителей сбродное войско Византійское было хуже «варваровъ», Болгаръ:

---

[1]) Объ этомъ говорится въ Болгарскихъ синаксаряхъ, въ которыхъ побѣда Крума представляется уже съ христіанской точки зрѣнія. Такое сказаніе, извлеченное изъ Бѣлградскаго синаксаря 1340 г., напечатано г. Ламанскимъ въ его статьѣ „о Славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ“ (въ прилож. къ VI т. Записокъ Академіи Наукъ) стр. 109. Приводимъ здѣсь это сказаніе по другому, сходному тексту, изъ Болгарскаго синаксара 1339 г., писанному „въ дни тогда царствѹѫщомѹ, и прѣобладаѫщѹ землеѫ блъгарскоѫ прѣвысокомѹ и самодръжавномѹ Иѡанѹ Алеѯандѹ (Погодинск. рп. № 58):

Іюля 24, памѧт скончѣвшихсѧ въ бл'гарѣх братиѫ нашѫ.

„При Никифоре цѣсари (цͤри). и ѡтци ставрикиевѣ. вь. ѳ. е. лѣт цѣсарства (цͤрства) кго. сключитнсѧ рать быти грькомъ съ бл'гары. абые же цѣсареви (цͤреви) по државѣ побѣдившоу по семь побѣдоѫ възнесьшоусѧ. и пищи и питию прилежѫщоу. ставше же сѧ с' вѫгры бльгаре. и нощіѫ на грьцкыѫ воѫ нападше исѣкошѫ, а дроугыѫ избодошѫ. и самого цѣсарѣ (цͤрѣ) ѧшѫ. и много оубииство вь нихь створишѫ. не пощѫдѣшѫ ни кдиного же ни самого цѣсарѣ (цͤрѣ). клико же ихъ избыст и ти бѣжашѫ на горы гѫщьшѫѫ. и тамо избышѫ. елико же ѫто бѣ живыхь. и ноудими бѣхѫ христа ѡтврѣщисѧ. и не покорившесѧ въ различныѫ сьмрьти вьложени бышѫ. и мѫчения вѣнець приѫшѫ».

Угры (въ Бѣлградскомъ текстѣ „оуставльшесѧ при Оугрѣхъ Бльгаре“; въ приведенной выпискѣ — вѫгре) были безъ сомнѣнія Авары, пришедшіе къ Круму на помощь: въ позднѣйшее время, когда имя Аваровъ сдѣлалось мало понятнымъ, его легко могли замѣнить именемъ Угровъ, занявшихъ страну Аваровъ.

можно себѣ представить, что Ѳракійскіе и Македонскіе Славяне съ радостью встрѣчали Крума. 22-го іюня 813 г. онъ одержалъ великую побѣду подъ Адріанополемъ; оставивъ здѣсь своего брата [1]) съ отрядомъ для осады, онъ двинулся къ столицѣ и обложилъ ее. Сначала, на лугу у Золотыхъ воротъ [2]), онъ совершилъ языческіе обряды, въ виду всѣхъ жителей Цареграда: закололъ въ жертву множество людей и животныхъ, потомъ, омочивъ ноги въ морѣ, исполнилъ обрядъ омовенія, окропилъ войско водою и, при кликахъ Болгаръ, прошелъ торжественнымъ шествіемъ черезъ толпу женщинъ, которыя предъ нимъ падали ницъ и его восхваляли. За тѣмъ онъ приступилъ къ осадѣ, обвелъ городъ окопами, но не надѣясь въ этотъ разъ на успѣхъ, началъ переговоры, требовалъ отъ императора дани, огромнаго количества дорогихъ одеждъ, извѣстнаго числа отборныхъ дѣвицъ и права водрузить копье на Золотыхъ воротахъ Цареграда. Для заключенія условія Крумъ выѣхалъ, по уговору, къ загородной церкви св. Безсребренниковъ, безоружный, съ четырьмя спутниками, сошелъ съ коня, сѣлъ на земь и вступилъ въ преніе съ полномочными; племянникъ его держалъ коня. Вдругъ изъ засады выскочили воины; Крумъ успѣлъ броситься на коня и ускакалъ, прочіе погибли. Болгаре пришли въ ярость: все, что было внѣ городской стѣны: церкви, дворы, дома, суда и строенія въ гавани, все было сожжено или разрушено; плѣнныхъ задушили, съ огромною добычею отправился Крумъ восвояси. Онъ повезъ съ собою въ Болгарію мѣднаго льва, украшавшаго циркъ, Гидрійскаго дракона и лучшія изъ мраморныхъ изваяній, которыми украшены были окрестности Цареграда. Онъ разорилъ всѣ города подъ столицею, взялъ Адріанополь, и опять отсюда перевелъ всѣхъ жителей въ новопріобрѣтенныя свои области на сѣверѣ, въ «Задунайскую Болгарію», по выраженію Грека. Число переселенцевъ было, говорятъ, до 10,000. Между ними были Адріанопольскій епископъ Мануилъ и бѣдное семейство изъ села Липра, уносившее съ собою въ плѣнъ въ Болгарію своего ребенка, — будущаго знаменитаго императора Василія Македонянина. Крумъ оставилъ по-видимому нѣкоторую свободу колоніямъ, которыя онъ такимъ образомъ учреждалъ на сѣверной сторонѣ Дуная. Эти колоніи плѣнныхъ выбирали сами своихъ начальниковъ; ихъ епископъ имѣлъ возможность проповѣдывать даже Болгарамъ.

Между тѣмъ Крумъ, видно, готовился къ чему-то великому, онъ собирался опять на Грековъ, и такъ, чтобы на этотъ разъ по-

---

[1]) Не тотъ ли это былъ князь Цокъ, о которомъ говорится въ одномъ славянскомъ памятникѣ, см. ниже стр. 51.

[2]) Теперь Семибашенныхъ (Едикулелеръ-капусси), на южной оконечности городской стѣны.

кончить дѣло въ Цареградѣ. Онъ вооружилъ, говоритъ лѣтописецъ, страшную рать, призвалъ Аваровъ и войска *изо всѣхъ Славиній*, т. е. ото всѣхъ подвластныхъ Славянскихъ племенъ, устроилъ всевозможныя осадныя орудія, стѣнобитныя, огнеметательныя, камнеметательныя, всякаго рода подвижныя башни; чтобы поднять все это, готовы были волы въ огромномъ числѣ и 5,000 телегъ, кованыхъ желѣзомъ; императоръ Левъ принималъ мѣры къ оборонѣ, выводилъ новую стѣну у Влахернъ [1]), производилъ земляныя работы; вдругъ приходитъ извѣстіе: «Крумъ умеръ, въ четвергъ на страстной недѣлѣ, скоропостижно задушилъ его приливъ крови» (13 Апрѣля 814 г.).— Омортагъ [2]), новый государь Болгарскій, заключилъ перемиріе съ Греками; онъ хранилъ его неизмѣнно, какъ и преемникъ его Пресямъ.— Цѣль стремленій Крума былъ Босфоръ; дѣйствія Омортага и Пресяма были направлены на западъ.

Здѣсь, начались неустройства, споры между Славянами и старыми приморскими городами. Военный начальникъ Франковъ, маркграфъ Кодолахъ или Хадало, жестоко угнеталъ Хорватовъ: Людевитъ, великій жупанъ сѣверныхъ, Савскихъ Хорватовъ, жаловался императору Людовику Благочестивому, но Людевита не слушали: онъ сталъ готовиться къ возстанію. Великій жупанъ Хорватовъ Далматскихъ, Боренъ [3]), враждовалъ съ нимъ и былъ усерднымъ слугою иноземцевъ; и въ это время, когда собиралась гроза, славянскія вѣтви, жившія на западъ отъ собственной Болгаріи, по обѣимъ сторонамъ Дуная отъ Тимока до устья Дравы, Бодричи, Кучевляне и Тимочане [4]), признававшіе себя подданными Болгаръ, отказались отъ

---

[1]) Сѣверная оконечность Константинополя: Влахернскія ворота — теперь Балатъкапусси.

[2]) Иначе Мортагъ, Муртагонъ. Объ этомъ Омортагѣ упоминаетъ любопытная надпись, высѣченная на мраморной колоннѣ, находящейся въ бывшей великой Лаврѣ 40-ка мучениковъ (нынѣ мечети) въ Терновѣ, и изданной г. Даскаловымъ (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859 кн. 2). Надпись эта писанная по-гречески, весьма безграмотнымъ правописаніемъ, гласитъ: „Гіом (?) Омортагъ, пребывая въ старомъ домѣ своемъ, построилъ новый великолѣпный домъ на Дунаѣ; и я (т. е. Омортагъ) между двумя всеславными домами измѣривъ средину, сдѣлалъ курганъ, и отъ самой средины кургана до моего стараго двора двадцать тысячъ саженъ (ὀργῆε); и до Дуная двадцать тысячъ саженъ. . . . . Надпись эту сдѣлалъ человѣкъ тлѣнный (?); онъ умираетъ и другой рождается. И да рожденный въ послѣднія времена, видя это, вспомнитъ сдѣлавшаго, (то) имя начальника есть Омортагъ-канъ; если онъ согрѣшилъ, Богъ да проститъ его. Будьте здоровы“.

[3]) Это имя пишется въ источникахъ *Борна*, но форма *Боренъ* подтверждается древними Сербскими и Хорватскими именами и формами Βόρενα (винит. падежъ), Πόρινος у Константина Багр.

[4]) Объ этихъ племенахъ, ихъ жилищахъ и названіяхъ см. Слав. Древности Шафарика. Вѣроятно, что власть Болгаръ распространилась надъ ними довольно поздно, при паденіи Аваровъ.

союза съ ними, ради покровительства Франковъ. Крумъ пока не вступался; но борьба началась. Людевитъ, котораго благословилъ на подвигъ самъ патріархъ Аквилейскій, поднялъ оружіе. Выслано было противъ него Франкское войско; онъ его прогналъ и послѣ побѣды предложилъ миръ. Его условія не были приняты; онъ склонилъ Тимочанъ покинуть Нѣмцевъ и присоединиться къ нему. На него пошли съ запада Франки, съ юга Боренъ съ Приморскими Хорватами и Кучевлянами: но Франки ничего не сдѣлали, а Боренъ, оставленный Кучевлянами, былъ разбитъ на голову при Кулпѣ (819 г.). Людевитъ опустошилъ Далмацію и привлекъ къ себѣ Славянъ Каринтійскихъ (Хорутанскихъ) и Краинскихъ, которые дотолѣ какъ бы чуждались общей жизни Славянъ и прозябали въ зависимости отъ Германіи; казалось, на Дравѣ, въ Норикѣ и Панноніи, готова была возникнуть новая держава славянская и стать оплотомъ Славянскому міру со стороны южной Германіи. — Всѣ силы Западной Имперіи, три войска, выставленныя Саксами, восточными Франками, Швабами, Баварцами, Итальянцами, тотчасъ двинулись на Людевита (820 г.). Онъ благополучно выдержалъ осаду въ своей твердынѣ (вѣроятно Сисекѣ) и остался по прежнему непокоренъ; но Краинцы и Хорутане не устояли: они покинули Людевита и возвратились къ послушанію Нѣмецкимъ герцогамъ и графамъ; опять потекла у нихъ безцвѣтная, страдательная жизнь, и съ тѣхъ поръ уже не принимали они участія въ движеніи и борьбѣ Славянскаго племени.

Вскорѣ рѣшилась и судьба Людевита: въ 821 г. онъ еще устоялъ передъ натискомъ Франковъ, но въ 822 принужденъ былъ бѣжать къ Сербамъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что онъ убилъ Сербскаго князя, который его принялъ, а потомъ ушелъ отъ Сербовъ въ Далмацію къ Людомыслу, дядѣ его соперника Борена, и былъ имъ умерщвленъ. Вся земля Хорватская находилась опять во власти Франковъ. Ихъ предѣлы снова коснулись Болгаріи, зашелъ споръ о границѣ, случились стычки. Славянское племя Бодричей съ Браничевцами [1]) еще разъ отъ Болгаръ перешли къ Франкамъ. Омортагъ требовалъ разграниченія, Франки уклонялись. Наконецъ, въ 827 г., Болгарское войско сѣло на суда, пустилось съ Дуная вверхъ по Дравѣ, и поставило надъ всѣми окрестными Славянами Болгарскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ сѣверная Хорватія, земля Людевитова [2]), на время досталась Болгарамъ. Чтобы упрочить за Болгарскимъ государствомъ эту длинную полосу земли, могло казаться нужнымъ об-

---

[1]) Въ части нын. Бачки, Баната Темешварскаго и прилегающей части Сербскаго княжества, гдѣ городъ Браничевацъ.

[2]) Нын. Сирмія, Славонія и тамошняя военная граница.

ладаніе Сербіею [1]). «До того времени Сербы и Болгаре, говоритъ Константинъ Багрянородный, жили въ ладу, мирными сосѣдями, любя другъ друга; но въ княженіе Властиміра пошелъ на Сербовъ войною Пресямъ, государь Болгарскій, съ цѣлію покорить ихъ». То было начало многочисленныхъ и продолжительныхъ войнъ между обоими народами; на первый разъ зачинщики не имѣли успѣха: Властиміръ, послѣ трехлѣтней борьбы, со славою отразилъ Болгаръ.

Между тѣмъ тяжелая борьба за независимость велась и Хорватами, именно тою частью, которая и послѣ похода Болгаръ на Драву, осталась подъ властію Франковъ. Въ 818 г., когда еще живы были преданія умной политики Карла Великаго, когда еще не могло быть забыто, что подчиненіе Хорватовъ Западной имперіи было добровольное, жестокость Франковъ принудила Людевита къ возстанію: можно себѣ представить, что̀ происходило теперь, какъ возстаніе было подавлено и успѣхъ Болгаръ въ Савской Хорватіи требовалъ строгихъ мѣръ въ сосѣднихъ областяхъ. Черезъ сто слишкомъ лѣтъ еще помнила равнодушная Византія о дѣйствіяхъ Франковъ у Адріатическихъ Славянъ. Вотъ извѣстіе Константина Багрянороднаго: «Хорваты, занимавшіе Далмацію, повиновались Франкамъ; Франки же были до того къ нимъ жестоки, что даже грудныхъ младенцевъ убивали и бросали на съѣденіе псамъ: такъ что Хорватамъ наконецъ не достало терпѣнія». Произошла опять борьба, этотъ разъ уже въ Далмаціи. — Константинъ продолжаетъ: «Хорваты возстали и предали смерти своихъ властителей, назначенныхъ Франками; Франки выслали большое войско; послѣ семилѣтней борьбы и великихъ усилій, Хорваты наконецъ одолѣли, истребили Франковъ, убили ихъ вождя Коцилина».

Но съ христіанствомъ Хорваты не хотѣли разрыва. Въ эти смутныя времена едва ли осталось у нихъ что нибудь отъ дѣла прежнихъ проповѣдниковъ, и они, избавившись отъ Франковъ, тотчасъ же послали, по прежнему примѣру, въ Римъ, просить пастырей: пришли вторично епископы и крестили ихъ. Потомъ прибылъ къ нимъ изъ сосѣдней Хорутанской земли наставникъ Мартинъ, міранинъ, мужъ въ высокой степени благочестивый, котораго Хорваты почитали чудотворцемъ; больнаго и безногаго, его носили четверо носильщиковъ; онъ утвердилъ Хорватовъ въ обѣтѣ, данномъ ими въ старину папѣ, «и оттого, говоритъ Константинъ, Хорваты не снаряжаютъ кораблей своихъ на войну, развѣ когда кто нибудь нападетъ на ихъ край, а хо̀дятъ лишь на торговлю, по всѣмъ Далматскимъ гава-

[1]) Припомнимъ себѣ, что древняя Сербія въ собственномъ смыслѣ заключала въ себѣ западную половину нын. Сербскаго княжества и большую часть Босніи.

нямъ и до Венеціи». — Хорватами правилъ въ это время Моиславъ, а за нимъ (послѣ 839 г.) Терпиміръ. Отъ Терпимира мы имѣемъ грамоту, 852 г., первый, сохранившійся, родной памятникъ Славянской исторіи, родной, правда, не по языку (грамота писана по-латыни), но по происхожденію. Вотъ сокращенный переводъ этого любопытнаго свидѣтельства:

«При благочестивомъ Лотаріи царствующемъ въ Италіи, королѣ Франковъ, индиктіона XV, 4-го марта [1]). Явно очамъ разума и ощутительно рукамъ вѣры, что, съ начала міра, все, совершавшееся во времени, мимоходило и замѣнялось другимъ, и что мы лишь то видимъ и слышимъ плотію, что предъявляется нашимъ чувствамъ, или посредствомъ писанія открывается взору и уху. — Я грѣшный Терпиміръ князь (dux) Хорватовъ, не вѣдая о послѣднемъ днѣ и о часѣ, его же никто не вѣсть, въ попеченіи о своей душѣ, *по общему совѣту со всѣми моими жупанами* (zuppanis), построилъ, съ помощію Божіею, монастырь и призвалъ бритію, дабы молитвами своими очищали насъ предъ Богомъ отъ грѣховъ нашихъ. Тогда же вознамѣрились мы снабдить церковь того монастыря утварью; *но какъ не достало серебра на сосуды*, то Петръ, архіепископъ Солинской [2]) церкви и возлюбленный нашъ кумъ, одолжилъ намъ одиннадцать фунтовъ. Мы же, въ отплату, рады были дать ему что бы ни было ему угодно:» ни въ чемъ мы не откажемъ вашей благости (сказали мы) [3]); «на что онъ отвѣчалъ: «Я желаю сперва, господинъ и кумъ, чтобы въ присутствіи вашей свѣтлости было письменно утверждено на вѣчныя времена за св. Солинскою церковью все движимое и недвижимое имущество, купленное мною собственнымъ иждивеніемъ, или *дарованное ей въ Лѣшанахъ и Тугарахъ съ рабами и рабынями* Степушемъ, Саголеемъ, Хортиномъ [4]); а также, чтобы *въ помянутой Солинской митрополіи, простирающейся до берега Дуная и по всему почти государству* (regnum) *Хорватскому*, вы утвердили за церковью св. Георгія въ Путаліи, *имѣнія, рабовъ и рабынь, которыя далъ ей князь Моиславъ* (Mislavo duce). — «Согласно съ симъ, мы въ настоящемъ

---

[1]) По этимъ даннымъ оказывается, что грамота относится именно къ 852 году. Основываясь на XV-мъ индиктіонѣ, грамоту эту относили прежде къ 837 г. (такъ и въ изданіи г. Кукулевича, Iura Croatiæ), но г. Рачкій доказалъ, что годъ грамоты былъ 852: см. его статью „Ocjena starijih izvora,“ въ „Книжевникѣ“ 1864 г. стр. 73.

[2]) Салона, по-слав. Солинъ, древняя столица Далмаціи: послѣ разрушенія ея, митрополія перенесена была въ Сплѣтъ, но титулъ Солинской церкви (Salonitana ecclesia) остался.

[3]) Словъ *сказали мы*, нѣтъ въ подлинникѣ (писанномъ, впрочемъ, совершеннымъ невѣждою въ Латинской грамматикѣ): рѣчь князя вводится прямо.

[4]) In Lasani et Tugari cum servis et ancillis Stepus, Sagoleo, Chortino.

нашемъ совѣщаніи утверждаемъ все это на вѣчныя времена за означенною Солинскою церковью. При семъ же усердно даруемъ ей *изъ государевыхъ владѣній* (de regali territorio) землю, пристирающуюся съ востока на западъ отъ Скалистой горы (a Rupe montis) до моря, а съ другихъ краевъ обозначенную, по межамъ, камнями и нарубами (terminos cum lapideis et ferro signatos), *къ коей не прилегаетъ ничье владѣніе* (nullius adjacet territorium), и постановляемъ, чтобы *отъ нашего двора* (ex curte nostra) *Клюшане* [1], со всего рождающагося, вносилась десятина въ помянутую церковь, *каковыя десятины началъ давать нашъ предшественникъ Моиславъ*. А кто бы воспротивился чему нибудь изъ вышеписаннаго, да будетъ анаѳема маранаѳа, и въ послѣдній день да вверженся съ діаволомъ и Іудою Искаріотскимъ, предателемъ Христа, въ геенну, гдѣ огнь не угасаетъ и червь не покидаетъ безбожниковъ. — Совершено въ мѣстѣ называемомъ Біачи (Byaci, теперь Бихачъ) [2])».

Мы видимъ, что Терпиміръ, хотя государь независимый, признавалъ однако надъ собою Лотарія, вѣнчаннаго еще при жизни отца (Людовика благочестиваго) на царство въ Италіи; мы видимъ огромное вліяніе и дѣйствіе между Хорватами старой Солинской или Сплѣтской церкви, пріюта римскихъ колоній въ Далмаціи. Свергнувъ съ себя вещественную власть Западной имперіи, Хорваты оставались подъ ея духовнымъ господствомъ; Италія съ древнѣйшихъ временъ влекла ихъ къ себѣ.

---

[1]) Теперь Клисъ.

[2]) Далѣе слѣдуютъ подписи Терпиміра и свидѣтелей: Comicino жупанъ, Pretilia жупанъ, Nemustlo ж., Zarsata ж., Lodovico ж., Ozanulo cum fratre, Negutia Camerario,..... Potecano Zutimustlo, Damay, и 3 священника... „А вотъ имена рабовъ *de Masaro* (вѣроятно имя деревни), принадлежащихъ соборной церкви св. Домнія: Carento, Postellio, Nassezai, Damaciai, Ylena, Trubula, съ женами, и другіе семь (исчислено только шесть), коихъ имена суть: Liutamiro, Strehemilo, Nedamuslo, Tesina, Luteciai, Ceustilo". Эта грамота, сохранившаяся въ копіи, внесенной въ рукопись „Donationes Principum Ecclesiæ Spalatensis" (въ архивѣ Сплѣтской епископіи) издана въ послѣдній разъ г. Кукулевичемъ нъ его „Jura Croatiae," т. I.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Крещеніе Болгаръ. — Утвержденіе христіанства у Сербовъ.

Вторая половина IX вѣка была для южныхъ Славянъ радостною порою рождающагося просвѣщенія. Свѣтъ вѣры и самосознанія озаряетъ Болгаръ, упорныхъ въ язычествѣ, Сербовъ, христіанъ еще лишь по имени, Хорватовъ, принявшихъ христіанство, но въ чуждомъ для нихъ видѣ, и теперь впервые услыхавшихъ Евангеліе на родномъ языкѣ; и не ихъ только, но и многихъ ихъ братій Славянъ, просвѣщаютъ благочестивымъ своимъ подвигомъ Кириллъ и Меѳодій.

Не мѣсто намъ здѣсь описывать жизнь и всѣ дѣянія святыхъ Славянскихъ учителей. — Мы повторимъ только слова монаха [1]), который еще видѣлъ ихъ поколѣніе:

«Прежде Славяне не имѣли книгъ, но чертами и нарѣзами считали и гадали, будучи язычниками. Крестившись, они по нуждѣ изображали римскими и греческими письменами славянскую рѣчь, безъ устроенія;.... и такъ они пробыли много лѣтъ. Потомъ же человѣколюбецъ Богъ, устраивающій все и не оставляющій рода человѣческаго безъ разума, но всѣхъ къ разуму приводящій и къ спасенію, помиловавъ народъ Славянскій, послалъ ему св. Константина философа, именуемаго Кирилломъ, мужа праведнаго и любящаго истину, и онъ сотворилъ Славянамъ письмена.... Иные говорятъ: къ чему славянскія книги? не сотворилъ ихъ Богъ, ни ангелы, и не исконны онѣ.... А другіе думаютъ,.... что лишь на трехъ языкахъ Богъ повелѣлъ быть книгамъ.... Мы же отвѣтимъ изъ святыхъ книгъ, какъ научились: что все по ряду бываетъ отъ Бога, а не отъ другаго; славянскія же письмена святѣе и честнѣе, ибо святой мужъ сотворилъ ихъ, а греческія — Эллины язычники.... Если же спросишь, въ какое время (сотворены славянскія письмена), то знаютъ и скажутъ.... въ лѣто 855».

Не такъ ли было не только съ письменами, но и вообще съ славянскимъ просвѣщеніемъ? Славяне жили въ язычествѣ, и мысль ихъ была также темна, какъ черты, которыми они считали и гадали; по-

---

[1]) Черноризца Храбра.

томъ ихъ крестили: Сербовъ, Хорватовъ, Хорутанъ, Паннонскія племена — священники римскіе и нѣмецкіе; разсѣянныя общины во Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи, Элладѣ, Мореѣ, даже въ Мизіи до нашествія Болгаръ, — священники греческіе; но какъ они стали тогда «безъ устроенія» изображать чужими письменами славянскую рѣчь, такъ были въ духовномъ рабствѣ у чужихъ народовъ, не имѣли «своего разума». Прошло двѣсти лѣтъ. Тогда «человѣколюбецъ Богъ, устраивающій все и всѣхъ къ разуму приводящій и къ спасенію, помиловавъ народъ Славянскій», послалъ ему св. Кирилла, и онъ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ далъ Славянамъ не только письмена, но и самобытную христіанскую мысль. Живетъ эта мысль Кирилла и Меѳодія уже тысячу лѣтъ, и тѣ Славяне, которые признаютъ ее, — сохранили черезъ вѣка борьбы и испытаній всю свою духовную силу, а тѣ, которые ее отвергли, — посмотрите, какъ они безсильны, и какъ, теперь очнувшись, опять ея ищутъ.

Многочисленныя Славянскія племена, жившія съ VI или VII вѣка въ Византійскихъ областяхъ, не могли не подвергнуться издавна вліянію христіанства. Черноризецъ, записавшій приведенное нами свидѣтельство, указываетъ на это, говоря о Славянахъ, которые, по принятіи крещенія, пользовались «по нуждѣ» греческими буквами для изображенія своей рѣчи. Весьма естественно, что эти Славяне, уже крещеные, но не имѣвшіе наставленія, внушили практическому и глубоко-христіанскому уму Меѳодія мысль объ открытіи имъ источниковъ просвѣщенія на ихъ родномъ языкѣ и побудили его младшаго брата Константина, который имѣлъ болѣе характеръ созерцателя и ученаго, и съ богословскими познаніями соединялъ необыкновенно обширныя для того времени свѣдѣнія въ языкахъ и литературахъ многихъ народовъ,—приступить къ этому дѣлу составленіемъ азбуки, приспособленной къ славянскому языку, и переводомъ на этотъ языкъ священнаго писанія. Мы находимъ въ одномъ житіи прямое указаніе на то, что просвѣтительная дѣятельность Константина началась именно между Славянами въ Македоніи. Тамъ говорится, что отправившись въ Брегальницу (рѣка, впадающая въ Вардаръ, и орошаемый этой рѣкою край въ Македоніи между Велесомъ и Кратовомъ), онъ здѣсь нашелъ нѣсколькихъ крещенныхъ изъ славянскаго народа. Крестивъ и другихъ жителей Брегальницы, онъ «привелъ ихъ на православную вѣру и написалъ имъ книги славянскимъ языкомъ», и было обращенныхъ имъ 4050 чел.[1]) Но христіанское вліяніе не огра-

[1]) См. „Успеніе св. Кирилла философа“, напечатанное мною по рукописи, найденной въ Призренѣ, въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Н., т. VI, стр. 384. Сравн. также статью Куника „о матеріалахъ для исторіи Болгарской церкви“ въ Запискахъ Акад. Н. т. V, стр. 255.

ничивалось славянскими поселеніями въ Македоніи, и другихъ областяхъ, возвратившихся скоро въ составъ Византійской имперіи. Оно конечно уже въ раннюю пору стало проникать и за Балканы, — можетъ быть еще до завоеванія тамошнихъ Славянъ Болгарами. Мы находимъ въ одной болгарской рукописи указаніе, что во время императора Михаила (856 — 867), при которомъ христіанство было принято Болгарскимъ княземъ и большинствомъ народа, — въ Болгаріи были уже *первородные* (т. е. давнишніе) христіане [1]).

---

[1]) Это любопытное извѣстіе находится въ одномъ житіи, помѣщенномъ въ пергаменномъ болгарскомъ прологѣ, относящемся, какъ кажется, къ XIV вѣку и имѣющемъ заглавіе: „Прологъ събраніѹ стыхъ въсего лѣта ѿ гдеже и къждо изыде, и где родисѧ. и кыми лѣты. или ради мѫченіа, или пощеніа дѣлѣ. како коиждо вѣнецъ прижлъ єсть“. Уцѣлѣвшая часть рукописи начинается 1-мъ Сентября и кончается на 12 Ноября. Рукопись найдена въ Софіи; я обязанъ ею благосклонному вниманію Софійской православной общины, которая доставила мнѣ ее, какъ матеріалъ для Болгарской исторіи, чрезъ посредство покойнаго С. Филаретова.

Привожу здѣсь упомянутое житіе, отмѣчая *курсивомъ* буквы, писанныя подъ титлами:

Листъ 31. Въ тъж*д*е дьнь (12 сентября) Ѹспеніе *свят*а*го и праведнаго михаила воина. Тъи *свя*тыи *бо*жіи михаиль, бѣше въ лѣта бл*а*гочестиваага ц*а*рѣ михаила. ѿ града потроукы. родомъ сыи бльгаринь. не нѣкако ѿ нижніихъ. нѫ въсечьстна и бл*а*говѣрна рода сыи, и прьвѣе ѿ прьвородныихь христиань. єго же нарекошѧ родителие єго. и ини мнози *свя*тое дѣтѧ. юн же сыи. иже и из младенства своєго чисто поживъ житиє. и *бо*жи страхь прѣ*д* очима имѣѫ *милос*тынѣми же и пощеніемъ и къ нищимъ рѫкоподателъ болѧщимъ. кротокъ и смѣрень. и всѣкыми добродѣтѣлми оукрашень. доше*д* же до възраста двадесѧте и пѧтимъ лѣтомъ и по чиноу воинскомѹ избрань примикиръ сыи, над вои волныими, бы*сть* же възд*в*иженіе єѳиωплѣномъ и агарѣномъ на римскыи гра*д*. и народъ христианскіѧ дръжавы и ц*а*рс*т*во. възд*в*игошѫ же сѧ и римлѣнстіи *люди*є съ многымъ множьствомъ на агарѣны пошедше. и множьство бывшоу агаренскому ѧзыку. видѣвше же римлѣне ꙗко посилѣѫтсѧ агарѣне и єѳиωплѣне. на скорѣ вси въ горы бѣжахѧ, и сквозѣ скровнаа мѣста. *Свя*тыи же михаиль не оубоꙗсѧ. нѫ своѧ людіи непрѣстано потвръждааше. видѣвь ꙗко вси римлѣне бѣжашѫ. абіе прослызивсѧ паде ницъ на землѧ молѧсѧ *бо*гоу о христианѣхь г*лагол*ѧ *го*с*по*ди і*исо*у *х*ри*с*те *бо*же въседръжителю. и прочеє, и скончавъ *мо*л*и*твѫ Ѹстрьмисѧ на иноѧзычныкы съ своими вои. и въше*д* посрѣ*д* бесчисльнаго множьства агарѣнь и єѳиоплѣнь. и въсѣхъ побѣдивь разгна. самъ же тои и въси вои єго ни єдинъ не врѣж*д*ень бы*сть*. и възвратисѧ ѿ рати тожшествие начѧть творити къ домоу своемѹ. и приспѣвь до тираискаго мѣста. и въсхотѣ почити тоу. бѣше въ мѣстѣ томъ єзеро велико. и схож*д*ааше (sic) чл*о*вѣкы и скоты. видѣв же рабь єго дымь при езерѣ. и пріем на скорѣ ꙗстиє и иде тамо идеже бѣше дымъ исходѧ и обрѣте дѣвицѫ сѣдѧщѫ. и начѧнь рабь ωнь въпрашати дѣвицѫ. она же сказа ємоу о змии томъ. ономѹ же на нѫ възиращоу. и вънимающоу бесѣды єѫ. прикадишѫсѧ ꙗстиа господина єго. и принесе ꙗстиꙗ къ рабоу *бо*жию михаилоу. и въпроси єго почто оумоудѣль еси и прикадишѫсѧ ꙗстиꙗ. он же оповѣда ємоу въсѣ ꙗже слыша ѿ дѣв*и*цѫ раб же *бо*жіи михаиль си слышавь. и понѫдивъ своѫ рабы ити съ нимъ. они же не въсхотѣшѫ. бл*а*жены же помоливсѧ. и сътвори знаменіє честнаго кр*е*ста на лици своемъ. и въсѣде на конь свои. и поємъ раба своего болшааго и доше*д*ше надь єзеро идеже бѣше дѣвица и въпроси ѫ ω всемъ. и како пришла єси само (sic) она же прѣщааше ємоу отити ради звѣрскааго снѣденіа. и сказа ємоу како имѣше обычѣи гра*д* тьи. давати дѣти своѫ на изѣденіе змиѹ. и повелѣ рабоу своємоу ωтиті съ конемъ и стоати далече. раб же *бо*жіи паде ницъ на земи и по-

Все соединено было въ Константинѣ и Меѳодіи, чтобы сдѣлать ихъ просвѣтителями Славянскаго народа. Они были рождены въ городѣ, окруженномъ славянскими поселеніями и въ стѣнахъ котораго славянская рѣчь господствовала, вѣроятно, въ то время столько же, сколько и греческая: они были рождены въ Солунѣ, а «Селуняне вьси чисто словѣньскы бесѣдуютъ», говоритъ древнее житіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, знатное происхожденіе, важный санъ ихъ отца въ Византійской службѣ и богатство его открывали имъ съ юности доступъ ко всѣмъ сокровищамъ древней образованности, сосредоточеннымъ въ Цареградѣ. Императоръ поручилъ Меѳодію,—еще мірянину и военному человѣку—«держать княженіе Словеньско», т. е. править Струменскою областью, населенною Славянами.

Этимъ самымъ онъ еще болѣе подготовлялся къ дѣятельности среди Славянъ. Онъ имѣлъ случай, по выраженію его житія, «проучитися всѣмъ обычаямъ словѣньскымъ и обыкнути имъ по-малу».

Когда Константинъ съ Меѳодіемъ составляли Славянскую азбуку и приступали къ переводу священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, имъ предстояло, кромѣ непосредственной цѣли наставленія уже крещеныхъ Славянъ въ Византійскихъ предѣлахъ, обширнѣйшее поприще, и они не могли не имѣть его въ виду, не предугадывать обращенія всего Славянскаго племени. Болгарія уже стремилась къ христіанству; Сербы и Хорваты, уже крещеные, столько же нуж-

---

молисѧ богоу. по молитвѣ же въставъ и се зміи ꙗвисѧ посред єзера свистаѫ и възвышааше сѧ выа єго ѿ єзера съженеи двадесѧте. опашь же єго биѧщи по водѣ идѣаше лактеи черыредесѧте. и ѿвръзъ троꙗ ꙋста. святыи же приємъ щить и мечь. и ѿсѣче лꙋкавоѡмоу. г. главыи привидѣнныѫ (sic). зміи же свивь опашь ꙋдари святаго въ деснѫѧ ланитѫ и въ лѣвѫѧ рѫкѫ. и ранѫ ємоу сътворити. и мало бездоушъствовавь. паки скоро въста. раб же єго таковое чюдо видѣвъ. тече въ градъ и възвѣсти бывшаа. граждане же исшедше из града съ свѣщами и кадилы на срѣтеніе святаго славѧще бога. дѣвицѫ же прѣдасть родителема єѧ. святы пѫтъшествоуѧ пріиде въ домъ свои. и пробывь мало дніи. прѣдаст блаженѫѧ своѫ доушѫ господеви. єгоже измлада възлюби. и прѣиде въ небесное царство. знаменіе же и чюдеса многаа творѧ цѣлебныѫ дары даѫ притѣѫщимъ (sic) къ немоу съ вѣроѫ. и царствоуѫщоу великомоу царю кало іѡаноу и прѣѧвшомоу потоукѫ. прѣнесе святаго михаила и слышавъ патріархъ василіе. изыде съ всѣмъ причтомъ и болѣры на срѣтеніе святаго. съ свѣщами и съ кадилы. приємше же царь кало іѡанъ и патріархъ възнесошѫ святаго въ богоспасныи цариград трьновь. и положихѫ (sic) єго въ велицѣи патриархіи црькве святаго възнесеніа. въ рацѣ новѣ, єго же молитвами господь богъ нашь да сподобит ны царствию своємꙋ аминь".

Въ этой легендѣ, кромѣ указанія на существованіе въ царствованіе Михаила давнишнихъ христіанъ въ Болгаріи, любопытно извѣстіе о *вольныхъ вояхъ* (т. е. наемникахъ) изъ Болгаръ или Славянъ, служившихъ Византіи въ ея войнахъ съ Арабами; любопытно также, что къ народному святому, „Болгарину изъ града Потуки", пріурочивалось сказаніе о борьбѣ со змѣемъ и избавленіи дѣвицы, столь прославившее имя св. Георгія.

дались въ наставленіи, сколько Славяне на Брегальницѣ; а далѣе на сѣверѣ, за Дунаемъ, обширная и могущественная держава Славянъ Моравскихъ, также уже склонившихся къ христіанской вѣрѣ, еще настоятельнѣе требовала богослуженія и проповѣди на родномъ языкѣ, ибо тамъ Латинская церковь и Западное духовенство подкапывали и политическую независимость страны, являлись орудіемъ преобладанія Нѣмецкой имперіи.

Мы уже упоминали о томъ, что Крумъ, желая заселить доставшіяся ему владѣнія Аваровъ на сѣверной сторонѣ Дуная, переводилъ туда цѣлыя толпы народа изъ Ѳракіи и Македоніи. То были, безъ сомнѣнія, большею частію Славяне, — и Славяне уже крещеные. Крумъ предоставлялъ этимъ колоніямъ свободу христіанскаго вѣроисповѣданія. Христіанство, подавленное въ Мизіи Болгарскимъ завоеваніемъ, возникло опять въ Болгарскихъ предѣлахъ. Но сынъ Крума (Омортагъ), былъ несравненно болѣе жестокъ, говоритъ лѣтописецъ: видя, что народъ Болгарскій мало-по-малу переходитъ къ христіанству, воспламененный гнѣвомъ, онъ предалъ мученической смерти переведеннаго Крумомъ изъ Адріанополя, архіепископа Мануила: его разрубили пополамъ. Тогда же погибли мучениками Георгій епископъ Девелтскій (также сопутствовавшій, при Крумѣ, христіанскимъ переселенцамъ) и Петръ епископъ, съ 377-ю, Левъ и Іоаннъ, вожди (стратиги) христіанъ, Левъ епископъ Никейскій, Гавріилъ, Сіоній и Пародъ пресвитеры [1]).—Другихъ плѣнниковъ Омортагъ возвратилъ Грекамъ, при заключеніи договора; но сѣмена христіанства были брошены. — По одному сказанію, написанному въ XI вѣкѣ [2]), старшій

---

[1]) Объ этомъ гоненіи на христіанъ существуетъ и славянское сказаніе, въ Бѣлградскомъ синаксарѣ 1340 г., о которомъ было упомянуто выше (Ламанскаго о Слав. рукописяхъ. Зап. Акад. т. VI, 109). Въ этомъ сказаніи, гоненіе какъ будто приписывается самому Круму, что однако противорѣчитъ положительному свидѣтельству Византійцевъ. Кромѣ того, въ немъ названъ другой Болгарскій князь, *Цокъ*, также гонитель христіанъ, о которомъ мы не имѣемъ другихъ извѣстій. Вотъ это сказаніе:

„Вь тьж*де* де*нь* (22 Января) стра*сть* *свя*ты*х* Маноуила, Геѡргиꙗ, Льва и ѥже с ни*м* ѿ безбожны*х* Бльгарь избиѥнны*х* въ ц*а*рство Льва Арменьскааго. Вь ц*а*рство Льва иже ѿ Армениꙗ Крѫгомь Бльгарьскимь кнѧзь (sic) сь лю*дь*ми многыми, шьдъ вь ѡдринь гра*д* Фрѫжьскы (въ другомъ спискѣ Прачьскии, т. е. Ѳрачьски) и приѧть оуставь брани и сь градомь *ѧт* Маноуила ѥпи*с*копа и рѫцѣ ѿсѣкошѫ ѥмоу ѿ плещоу прьвѣѥ, посемь мечемь расѣчень и звѣремь поврьжень вь снѣдь и грѣха ради ѡсльпе, вьзненавидѣнь бы*ст* ѿ людея своихь и ѿ нихь оудавлень бы*ст* ѫжемь. Приѥм же власть бль (sic) бльгарьскѫѫ Цокь безбожныи и собра всѧ хр*и*стиꙗны и ѧть ѫ, воѥводы, попы и дꙗконы и простцѫ, понѫди и*х* ѿврьщисѧ хр*и*стиꙗньства, не оубо бѣшѫ Бльгаре хр*и*стиꙗне, и не повинѫвшемсѧ, ѡвы оусѣкнѫшѫ ѡвы же различно мѫчивь и не ми*ло*стивно оубиени бышѫ. Тѣхь мо*ли*твами Бо*ж*е помилоуи“.

[2]) Житіе 15 мучениковъ, что въ Тиверіополѣ или Струмницѣ, написанное Ѳеофилактомъ, архіепископомъ Болгарскимъ. „См. Славянскій Сборникъ“ Савельева-Ростиславича, гдѣ помѣщено извлеченіе изъ этого житіи, стр. 47—53. Въ сокращенной редакціи это житіе напечатано въ Москопольскомъ собраніи „Послѣдованій“ 1742 года. Въ

сынъ самого Омортага, Навротъ, называвшійся другимъ именемъ Воинъ, былъ тронутъ однимъ изъ Адріанопольскихъ плѣнныхъ, Кинамономъ, претерпѣвшимъ жестокія мученія отъ Омортага; привязавшись къ Кинамону, онъ узналъ отъ него ученіе Христово и принялъ крещеніе. За это ему отрубилъ голову его младшій братъ, который наслѣдовалъ престолъ Омортага, Маломіръ. Быть можетъ этотъ Маломіръ былъ тотъ самый, котораго Византійскіе лѣтописцы называютъ Пресямомъ, ибо у Болгаръ существовалъ, какъ кажется, обычай присоединять къ болгарскому имени славянское. То же сказаніе прибавляетъ, что Маломіръ княжилъ три года и что послѣ его смерти престолъ перешелъ къ его племяннику Борису, сыну втораго брата Омортагова Звинича [1]).

Этотъ Богорисъ или Борисъ, носившій также славянское имя Радивоя, сталъ уже внимать Ѳеодору Куфарѣ, находившемуся въ плѣну у Болгаръ, а потомъ, когда императрица Ѳеодора, стараясь объ освобожденіи Куфары, для обмѣна возвратила въ Болгарію (844 г.) Борисову сестру, которая когда-то, ребенкомъ, попала въ руки Грековъ, воспитана была при дворѣ въ Цареградѣ и тамъ просвѣтилась христіанствомъ и выучилась грамотѣ, — это вліяніе еще болѣе усилилось.

Въ Болгаріи царствованіе Бориса-язычника было вообще несчастливо: онъ хотѣлъ отомстить Сербамъ (ими правилъ тогда сынъ Властиміра, Мунтиміръ), за неудачу своего отца Пресяма, но походъ кончился опять пораженіемъ; Борисъ долженъ былъ просить мира [2]); войны его съ Греками (843 — 852), впрочемъ незначительныя, были также безславны; попытка дѣйствовать въ союзѣ съ Паннонскими Славянами противъ Франковъ (853 г.) не имѣла успѣха. Наконецъ, въ 859 году, Болгарію посѣтилъ страшный голодъ и моръ; народъ погибалъ; Борисъ не зналъ, что дѣлать, а въ то же время Греки, видя его положеніе, стали грозить войною.—Безпрерывныя бѣдствія не могли не дѣйствовать сильно на Бориса, не казаться Божіею карою, ниспосланною малодушному, который видѣлъ истину и не имѣлъ рѣ-

---

этомъпослѣднемъ имена трехъ братьевъ Болгарскихъ князей, пишутся: Ναβροτᾶς, Ζβινίτζη, Μαλζμηρος, Крумъ названъ Ροῦμσο.

[1]) По Константину Багрянародному, Борисъ былъ сынъ Пресяма.

[2]) Положеніе Бориса, растерявшаго въ Сербіи свое войско, было такъ затруднительно, что, заключивъ миръ, онъ просилъ двухъ сыновей Мунтиміровыхъ, Борена и Стефана, провожать его до границы, до Расы (нынѣ Новый Пазаръ, на р. Рашкѣ: вотъ какъ далеко на западъ простиралась Болгарія); тутъ они разстались друзьями. Борисъ далъ Сербскимъ князьямъ богатые дары, „а они поднесли ему, говоритъ Константинъ Багрянородный, какъ гостинецъ (χάριν ξενίων), двухъ рабовъ, двухъ соколовъ, двухъ собакъ и 90 шкуръ: что у Болгаръ служитъ знакомъ договора (ὅπερ λέγουσιν οἱ Βούλγαροι εἶναι πάκτον)“.

шимости признать ее; убѣжденный сестрою,—и здѣсь благочестивая женщина приготовляетъ пути къ христіанству: имя ея забыто,—убѣжденной сестрою, онъ помолился Богу христіанъ, и народное бѣдствіе облегчилось, Болгарія ожила; Борисъ увѣровалъ. — Наставникомъ его въ христіанской вѣрѣ былъ монахъ Меѳодій: такъ показываютъ единогласно памятники греческіе и славянскіе, и послѣдніе свидѣтельствуютъ, что Меѳодій этотъ былъ именно великій Солунскій учитель, братъ Кирилла. Отказавшись отъ начальства надъ Славянскою областью, онъ постригся въ монахи на Олимпѣ, и за тѣмъ работалъ надъ переводомъ Св. Писанія. Когда готовилась къ принятію слова Божія самая могущественная и ближайшая держава Славянская, возможно ли, чтобы тотъ человѣкъ, который на славянскомъ языкѣ возвѣщалъ и писалъ слово Божіе, остался въ сторонѣ? По греческимъ лѣтописцамъ, Борисъ самъ, еще до своего крещенія, призвалъ къ себѣ Меѳодія. Борисъ, повѣствуютъ они, былъ страстный охотникъ, и велѣлъ Меѳодію украсить домикъ, гдѣ онъ часто останавливался во время ловли. Меѳодій же, вмѣсто звѣрей и птицъ, написалъ ему картину Страшнаго Суда, которая такъ поразила Бориса, что онъ рѣшился спасти свою душу отъ огня вѣчнаго. Посѣтилъ ли Болгарію и братъ Меѳодія, Константинъ (Кириллъ), объ этомъ нѣтъ вѣрнаго извѣстія, но иначе быть не могло, ибо въ 863 г. Кириллъ прибылъ въ Великую Моравію, куда ему была одна дорога черезъ Болгарію, а въ тѣ времена ѣздили не скоро, и люди, каковъ былъ Кириллъ, путешествуя, проповѣдывали. Во всякомъ случаѣ, основаніе христіанства въ Болгаріи было дѣломъ Славянскихъ просвѣтителей, первымъ торжествомъ славянскаго просвѣщенія: какъ сказано въ древнихъ житіяхъ, Меѳодій нарекъ Бориса Болгарскаго своимъ духовнымъ чадомъ, Меѳодій былъ наставникомъ Болгарскаго народа въ богопочитаніи и православной вѣрѣ.

Но чтобы совершить надъ Болгарскимъ государемъ самый обрядъ крещенія, могло казаться нужнымъ высшее въ іерархіи лицо, нежели простой монахъ. Борисъ вошелъ въ сношеніе съ Византійскимъ императоромъ Михаиломъ, объявилъ о своемъ желаніи принять христіанскую вѣру и заключилъ съ Греками вѣчный миръ и союзъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ (онъ выговорилъ себѣ уступку пустынной въ то время, но чрезвычайно важной въ стратегическомъ отношеніи области Загорья [1]). Изъ Константинополя отправился въ Бол-

---

[1]) Южный скатъ Балкановъ, отъ нынѣшняго г. Сливно до Бургаса. Эта уступка Греками цѣлой области доказываетъ, что Борисъ не изъ страха передъ ними принялъ христіанскую вѣру, какъ хвастаютъ Византійскіе лѣтописцы и какъ, заимствуя изъ нихъ, говоритъ Несторъ.

гарію епископъ — по другому извѣстію, архіепископъ — св. Іосифъ [1]), крестилъ Бориса и нарекъ Михаиломъ. — Сподобившись, Божіею благодатью, принять христіанскую вѣру, такъ писалъ потомъ самъ Борисъ [2]), онъ велѣлъ всему своему народу креститься. Болгаре же (именно, по другому свидѣтельству, вельможи, *были* или бояре), когда ихъ окрестили, всѣ единодушно на него возстали съ великимъ свирѣпствомъ, твердили, что онъ далъ имъ дурной законъ, хотѣли убить его самого и возвести другаго на престолъ; но онъ снарядился противъ нихъ войною, побѣдилъ ихъ отъ мала до велика и захвативъ въ свою власть, предалъ мечу всѣхъ вельможъ и знатныхъ съ ихъ дѣтьми, а мелкихъ людей помиловалъ (865 г.). Такимъ образомъ побѣда христіанства въ Болгаріи была съ тѣмъ вмѣстѣ и торжествомъ государственной власти. Теперь-то христіанство окончательно утвердилось въ Болгаріи, народъ стремился къ крещенію, недоставало дѣлателей для обильной жатвы. Но Болгаріи суждено было тотчасъ послѣ крещенія войти въ споры, разрывавшіе тогда христіанскую церковь; новообращенный народъ Болгарскій, едва только услышавшій имя Христово, долженъ былъ видѣть святыню, колеблемою волненіемъ людскаго властолюбія. Воспользовавшись своимъ крещеніемъ, чтобы заключить вѣчный миръ съ Константинопольскимъ дворомъ и выговорить себѣ уступку значительной области, Борисъ обратился къ другой сторонѣ, къ Римскому папѣ Николаю I и Германскому королю Лудовику. Можетъ быть, онъ боялся, чтобы вліяніемъ греческаго духовенства Болгарія не пришла въ зависимость отъ Византіи. Онъ не могъ не знать о великомъ спорѣ, уже четыре года длившемся между Греческою и Римскою церквами, по поводу возведенія Фотія на патріаршество. Съ богатымъ посольствомъ отправилъ онъ въ Римъ, между другими дарами св. Петру, броню, въ которой сражался противъ возмутившихся приверженцевъ язычества; онъ жаловался, что въ Болгаріи крестятъ и проповѣдуютъ разногласно Греки, Армяне и др., что какой-то священникъ-самозванецъ изъ Грековъ крестилъ много народу, что даже Жиды являлись проповѣдниками въ Болгаріи, и просилъ у папы вѣроучителей, наставленій, книгъ. Льстя его притязаніямъ на верховную власть надъ всею церковью, Борисъ упрашивалъ его возвесть Болгарію на степень отдѣльнаго патріархата: знакъ, что его цѣль была освободиться отъ духовнаго преобладанія Византіи. Папа несказанно обрадовался, что цѣлый народъ, столь

---

[1]) См. выписку изъ древняго Пролога, приведенную г. Палаузовымъ (Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, 23).

[2]) Въ вопросахъ папѣ Николаю I, см. Responsa ad Consulta Bulgarorum, ст. 17. — Вѣсть объ этой побѣдѣ, украшенная разными чудесами, разнеслась по всей Европѣ; см. Hincmari Remensis annal. a. 866.

близкій къ Греческой столицѣ и для нея столь опасный, такъ неожиданно къ нему переходилъ. Въ Болгарахъ онъ видѣлъ вѣрнѣйшее орудіе непосредственно дѣйствовать на Константинополь, и тотчасъ послалъ (866 г.) къ Борису двухъ епископовъ, съ книгами и подробнымъ наставленіемъ въ отвѣтъ на вопросы, предложенные ему Болгарами [1]).

Послы Николая, епископы Павелъ и Формозъ, были приняты въ Болгаріи съ великою честью, пріобрѣли расположеніе Бориса и довершили крещеніе Болгаръ. Славянскихъ проповѣдниковъ тамъ уже не было: прошло слишкомъ три года, какъ Кириллъ и Меѳодій отправились въ Моравію; они, очевидно, не имѣли возможности, въ краткое свое пребываніе у Болгаръ, образовать для нихъ пастырей изъ числа своихъ учениковъ. Не было ли удаленіе родныхъ наставниковъ началомъ того духовнаго неустройства въ Болгаріи, на которое Борисъ такъ жаловался? Во всякомъ случаѣ, римскіе епископы не нашли себѣ соперниковъ при его дворѣ. Они побудили его выгнать изъ Болгаріи всѣхъ проповѣдниковъ за исключеніемъ римскихъ, стали повторять мѵропомазаніе, совершенное не римскими священниками, вводить обычаи Римской церкви и символъ вѣры съ прибавленіемъ *filioque*. Отказываясь отъ надежды добиться Болгарскаго патріархата, Борисъ сталъ просить у папы по крайней мѣрѣ архіепископа: Николай не далъ архіепископа, но послалъ (867 г.) новыхъ проповѣдниковъ съ епископомъ Гримоальдомъ; одинъ изъ нихъ долженствовалъ быть выбранъ Борисомъ въ архіепископы и пріѣхать въ Римъ для посвященія. Между тѣмъ все болѣе и болѣе усиливался споръ между Николаемъ и Фотіемъ. Фотій, въ посланіи къ восточнымъ патріархамъ, обличалъ неправильное ученіе и злоупотребленія Римлянъ въ Болгаріи; императоры Михаилъ и Василій обратились къ самому Борису съ представленіями о томъ же предметѣ; Борисъ переслалъ ихъ письмо къ папѣ, который тотчасъ же окружнымъ посланіемъ торжественно вызвалъ къ опроверженію онаго все духовенство Западной церкви; что̀ еще болѣе раздражило полемику. Вскорѣ (867 г., сент. 23-го) императоръ Михаилъ былъ убитъ, Василій сталъ царствовать одинъ и, свергнувъ Фотія, возвратилъ Игнатію патріаршество. Папа считалъ себя побѣдителемъ; но власть его, видно, тяжела показалась Болгарамъ. Борисъ желалъ имѣть у себя архіепископомъ Формоза, и даже клялся, что доставитъ ему это назначеніе; папа же нарочно удалилъ Формоза изъ Болгаріи (онъ былъ потомъ даже отставленъ и преданъ анаѳемѣ за стачку съ Борисомъ); кандидатами на архіепископство предложены были

[1]) Вопросы Болгаръ и отвѣты папы такъ важны во многихъ отношеніяхъ, что мы представляемъ читателю ихъ содержаніе въ приложеніи къ этой главѣ.

Болгарамъ Гримоальдъ и новое лицо Доминикъ. Должно быть, Болгаре не хотѣли ни того, ни другаго, и умоляли (importunissime deprecantes) о возвращеніи Формоза или по крайней мѣрѣ о назначеніи имъ пастыремъ Римскаго діакона Марина [1]). Но папа (Адріанъ II) снова не согласился, долго продержалъ въ Римѣ болгарскаго посла Петра, сродника Борисова, и наконецъ, противъ желанія Бориса, отправилъ къ нему на выборъ двухъ новыхъ кандидатовъ [2]). По приказанію Бориса, Петръ, воротившись изъ Рима, тотчасъ поѣхалъ въ Константинополь, на соборъ, созванный (869 г.) для рѣшенія спорныхъ дѣлъ церкви и гдѣ, подлѣ императоровъ Василія и Константина, патріарховъ и ихъ представителей и сената, сидѣли съ одной стороны послы Лудовика, императора Франковъ, съ другой, «знаменитые бояре [3]) Михаила, возвышеннѣйшаго и свѣтлѣйшаго повелителя Болгаріи». Соборъ былъ оконченъ, опредѣленія подписаны (870, февр. 28-го). Вдругъ императоръ Василій призываетъ Игнатія и представителей прочихъ патріарховъ, выслушать письмо, присланное Болгарскимъ государемъ, и его посла Петра. Петръ входитъ и, поклонившись, говоритъ: «Господинъ Михаилъ, князь Болгарскій, радуется, что вы для пользы св. Божіей церкви собрались изъ разныхъ странъ, по желанію апостольскаго престола, и благодаритъ васъ, пословъ сего престола, удостоившихъ проѣздомъ его посѣтить». «Мы не могли проѣхать, не навѣстивъ чадъ св. Римской церкви», отвѣчаютъ послы. — «Доселѣ мы были язычниками, продолжаетъ Петръ, и недавно только пріобщились къ благодати Христовой. Посему, чтобы не могло быть для насъ заблужденія, мы желаемъ знать отъ васъ, представителей великихъ патріарховъ, къ какой церкви мы принадлежимъ». Можно вообразить изумленіе Римскихъ пословъ отъ такого вопроса. «Къ св. Римской церкви, очевидно, говорятъ они, которой чрезъ тебя же, Петръ, подчинился твой государь со всѣмъ своимъ народомъ, и отъ которой вы просили и получили духовныхъ наставниковъ». Петръ: «Правду вы говорите, что мы отъ св. Римской церкви просили, получили и донынѣ имѣемъ священниковъ; но рѣшите съ сими представителями патріарховъ, къ какой церкви мы разумно должны принадлежать, къ Римской или

---

1) Онъ былъ въ послѣдствіи папою.

2) Сильвестра и Анконскаго епископа Леонарда.

3) Въ греческомъ текстѣ ἄρχοντες, въ латинскомъ judices. Искаженныя до совершенной непонятности имена и титулы этихъ бояръ слѣдующимъ образомъ записаны въ латинскомъ актѣ Константинопольскаго собора: Stasizerco borlas neesundicus vagantur il vestrannatabare præstit zisunas campsis, et Alexius Sampsi Hunno. Одно изъ папскихъ посланій надписано: Petro, Cerbulæ et Sundico, совѣтникамъ Болгарскаго государя.

Константинопольской?» Римляне протестуютъ противъ самаго вопроса. Представители восточныхъ патріарховъ спрашиваютъ: «Когда вы заняли страну, которою нынѣ владѣете, кому она была подчинена и какихъ священниковъ имѣла?» Петръ: «Мы добыли ее оружіемъ отъ Грековъ и нашли въ ней греческихъ священниковъ».—«Стало быть, страна ваша была и должна быть подчинена Константинопольской митрополіи». Долгій споръ съ Римлянами, которые ссылаются на то, что въ древнѣйшее время Эпиръ, Θессалія и Дарданія, «что̀ нынѣ Болгарія», принадлежали Римской митрополіи: «но апостольскій престолъ, говорятъ они, не избралъ васъ въ судьи своего дѣла, и не избираетъ теперь черезъ насъ, ибо онъ судитъ одинъ всей церкви». Возраженіе восточныхъ патріарховъ не записано папскимъ библіотекаремъ, сохранившимъ это преніе; но споръ кончается ихъ приговоромъ: «Присуждаемъ, чтобы земля Болгарская, которая въ старину находилась подъ властію Грековъ и имѣла греческихъ священниковъ, отторгнутая отъ св. Константинопольской церкви язычествомъ, нынѣ возвращена была ей черезъ христіанство». Римляне протестуютъ.

Такимъ образомъ, 3-го марта 870 г., Болгарія возсоединилась съ Восточною церковью. Борисъ принялъ рѣшеніе патріарховъ и архіепископа Θеофилакта, котораго послалъ ему Игнатій. Папскій легатъ, Гримоальдъ, склоненный деньгами, добровольно оставилъ Болгарію. Непрестанные протесты папъ, Адріана II и Іоанна VIII, угрозы греческому духовенству въ Болгаріи и отлученіе, надъ нимъ произнесенное, безчисленныя посланія и жалобы императору Василію, Игнатію, Борису, Болгарскимъ вельможамъ, не имѣли никакого дѣйствія. Разорвавъ связь съ Римомъ, Борисъ сблизился съ Константинополемъ болѣе чѣмъ когда нибудь прежде, и болѣе чѣмъ его предшественники; слабый и нерѣшительный въ язычествѣ, онъ и въ христіанствѣ слѣдуетъ той же колеблющейся политикѣ, склоняется то на ту, то на другую сторону. Онъ послалъ своего сына Симеона въ Царьградъ для образованія: «Симеона этого, говоритъ итальянскій лѣтописецъ, называли *hemiargon*, т. е. полу-Грекомъ, потому что онъ съ отрочества учился въ Византіи риторикѣ (т. е. краснорѣчію) Демосθена и силлогизмамъ (т. е. логикѣ) Аристотеля». — Греки съ своей стороны льстили Болгарамъ разными почестями: императоръ назвалъ Бориса своимъ духовнымъ сыномъ, архіепископъ Болгарскій получилъ въ придворныхъ торжествахъ первое мѣсто послѣ патріарха Цареградскаго. Духовная жизнь въ Болгаріи росла: кромѣ Θеофилакта, которому, кажется, ввѣрена была восточная часть Борисова государства, западная часть, около обѣихъ Моравъ, получила своего архіепископа, Агаθона, который поставилъ епископа въ Бѣлградѣ (тогда Болгарскомъ городѣ), именно Сергія, Славянина. Съ удале-

ніемъ римскаго духовенства, славянское богослуженіе, безъ сомнѣнія, возникло опять въ Болгаріи: по крайней мѣрѣ когда, черезъ нѣсколько лѣтъ (885 г.), воздвигнуто было въ Великой Моравіи гоненіе на славянскихъ проповѣдниковъ, на учениковъ Кирилла и Меѳодія. Болгарія радостно ихъ встрѣтила, и приняла ихъ не изгнанниками, а наставниками, вручила имъ управленіе своей церкви. Но церковное неустройство, раздиравшее Болгарію при самомъ вступленіи ея въ христіанскую жизнь, не прошло безслѣдно. Народъ, только что увѣровавшій во Христа, не могъ не испытывать соблазна при видѣ двухъ церквей, оспаривавшихъ его другъ у друга. Почва была готова для ученія, отвергавшаго одинаково и греческое православіе и латинскій католицизмъ. Вмѣстѣ съ проповѣдниками греческими и латинскими пришли къ Болгарамъ учители изъ Арменіи. Но это не были, какъ видно, проповѣдники господствовавшей Армянской, почти тождественной съ православною, церкви, а дуалистической ереси, извѣстной подъ именемъ Павликіанской, преемницы Манихейскаго ученія. Средоточіемъ ея была въ IX вѣкѣ Арменія. Есть свидѣтельство, что еще въ 868 г. Армянскіе Павликіане отправляли проповѣдниковъ въ Болгарію [1]). Это извѣстіе сообщаетъ ѣздившій въ то время посломъ отъ императора Василія Македонянина въ Армянскій городъ Тибрику, населенный Павликіанами, монахъ Петръ Сицилійскій. Тамъ онъ имѣлъ случай изучить вѣрованія Павликіанъ и воротившись, написалъ ихъ опроверженіе; сочиненіе свое онъ предназначилъ *для архіепископа Болгарскаго* [2]), очевидно съ тою цѣлію, чтобы дать пастырю Болгарской церкви средство вникнуть въ сущность ереси и противодѣйствовать ей. Видно, манихейское ученіе угрожало уже въ Болгаріи православію. Это показываетъ, какъ велики и быстры были успѣхи проповѣдниковъ ереси. Вѣроятно, она и прежде уже не чужда была задунайскимъ Славянамъ. Дѣйствительно, по свидѣтельству того же монаха Петра и его современника, знаменитаго патріарха Фотія [3]), Павликіяне имѣли въ то время свои *церкви* (ἐκκλησίας), т. е. устроенныя религіозныя общества, въ Македоніи (именно въ Колоніи [4]), въ какомъ-то городѣ Кивосѣ), въ Филиппахъ и въ Ахаѣ. Здѣсь они,

---

[1]) Petri Siculi historia (изд. Матѳея Радера. Ingolstadt 1604): Tibricæ igitur legationis obeundæ caussa apud Paulicianos diu moratus, sæpe disputando cum illis sum congressus, illorumque arcana omnia per catholicos etiam ibi degentes curiose investigavi atque ab ipsismet impiis et delirantibus cognovi, quod e suo conciliabulo missuri essent, qui in Bulgaria quoscunque possent a catholica religione ad suam exsecratam et nefariam sectam averterent.

[2]) Заглавіе слѣдующее: Τοῦ Πέτρου Σικελιώτου ἱστορία περὶ τῆς αἱρέσεως τῶν Μανιχαίων, νῦν καὶ Παυλικιανῶν λεγομένων, προσωποποιηθεῖσα ὡς πρὸς ἀρχιεπίσκοπον Βουλγαρίας.

[3]) См. „Appendix“ къ „Petri Siculi, hist. Manich.“ ed. Gieseler, стр. 62.

[4]) Колонія—край западной Македоніи, на югъ отъ Охридскаго озера.

конечно, дѣйствовали на славянское народонаселеніе, еще языческое, и отсюда, особенно изъ Македоніи, могли распространиться по всѣмъ Болгарскимъ краямъ, коль скоро Болгарія открылась христіанству. Такимъ образомъ, посланные изъ Арменіи проповѣдники нашли въ Болгаріи страну, приготовленную къ принятію ихъ ученія. Уже при преемникѣ Бориса, Симеонѣ (888—927) дуалистическая ересь являлась въ Болгаріи опаснѣйшимъ врагомъ православія [1]).

Въ то самое время, какъ Болгаре возвратились къ Восточной церкви, вдругъ и сосѣди ихъ, Славяне Иллирійскіе, Сербы и Хорваты, покидая Римъ, устремились къ той церкви, которая призывала Славянское племя къ самобытному просвѣщенію.

Въ продолженіе VIII и первой половины IX вѣка вліяніе Грековъ на берегахъ Адріатики совершенно почти исчезло: не только земли Сербовъ и Хорватовъ перестали считаться зависимыми отъ Византіи, но и римскіе города въ Далмаціи совсѣмъ, казалось, забыли о правахъ и власти кесарей. Между тѣмъ приближались къ нимъ грозные, невиданные въ этихъ краяхъ, враги. Арабы, властвовавшіе въ Африкѣ, необыкновенно усилились въ IX вѣкѣ. Они утвердились въ Сициліи, дѣлали неоднократныя высадки въ Италіи, въ 867 году на 36 корабляхъ явились въ Далмаціи, взяли нѣсколько приморскихъ городовъ и осадили Дубровникъ, Которъ и Будву. 15 мѣсяцевъ длилась осада Дубровника. Ему пришлось обратиться за помощью къ прежнимъ своимъ государямъ. Императоръ Василій прислалъ на выручку греческій флотъ. Арабы отплыли отъ Дубровника, но бросились на Италію и овладѣли городомъ Баромъ съ окрестностью. Тогда Василій, снесшись съ Западнымъ императоромъ Лудовикомъ, послалъ свои войска на соединеніе съ Франкскими. Освобожденіе Дубровника дало ему такое

---

[1]) Значеніе, какое Манихейство имѣло въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ, видно изъ словъ его современника Іоанна Экзарха: „да ся срамляють убо вси пошибени и сквернiи Манихеи и вси погани Словени и вси языци зловѣрніи." (Палаузовъ, Вѣкъ Болг. царя Симеона, 92). Стало быть, уже въ то время между противниками церкви въ Болгаріи Манихеи стояли въ первомъ ряду, а за ними только приверженцы языческой старины. О распространеніи дуалистической ереси при Симеонѣ и трудахъ св. Климента, архіепископа Охридскаго, для ея искорененія, говоритъ греческое житіе св. Іоанна-Владиміра; источникъ этотъ довольно недостовѣренъ, особенно въ хронологическомъ отношеніи, но все-таки слова его, будучи подкрѣплены свидѣтельствомъ Іоанна Экзарха, заслуживаютъ вниманія:... ὅταν ὁ σωτήριος λογος τῇ τῶν Μυσῶν (γῇ) ἐπεφάνη μὲ τὸ ἔνθεον κήρυγμα ἀπὸ τὸν ἁγιώτατον Κλήμεντα καὶ ἀπὸ τοὺς σὺν αυτῷ θεοσόφους πατέρασ ὁποῦ μὲ τὸ ἅγιον εὐαγγελιον τὴν Βουλγάρων γῆν περιετριγύρισαν εἰς τὸν ὁποῖον καιρὸν πρῶτος τῶν χριστιανῶν Βουλγάρων Βασιλεὺς ἐστάθη ὁ Συμεῶν, ὁ ὁποῖος μὲ μεγάλην προθυμίαν καὶ σύνδρομὴν ἐκείνους τοῦς θεοσόφους πατέρας τότε ἐσπούδασε, συνεργὸς φανεὶς εἰς τὸ προκείμενον εἰς αὔξησιν τῆς ἀμωμήτου καὶ ὀρθοδόξου ἡμῶν πίστεως, καὶ εἰς ἀναίρεσιν τῆς αἱρέσεως τῶν Βογομίλων καὶ Μασσαλιανῶν, ὁποῦ ἦτον τότε εἰς ὅλην τὴν Βουλγαρίαν καὶ εἰς τὰ πέριξ ὅρια ταῦτα, ἐπάνω δὲ εἰς ὅλα περισσότερον ἐφάνη συνδρομεὺς τοῦ μακαριωτάτου ἁγίου Κλήμεντος, ὡσὰν ὁποῦ ἐκοιμήθησαν οἱ ἐπίλοιποι, καὶ τὴν ζωὴν ταύτην ἄφησαν, ὁ Κύριλλος λέγω καὶ ὁ Μεθοδιος.

значеніе во всей Иллирійской странѣ, что подъ его знамена стали отряды Хорватовъ, Сербовъ, Захлумцевъ, Травунцевъ, Конавлянъ [1]): Дубровчане перевезли ихъ въ Италію на своихъ судахъ. Арабы были разбиты, Баръ освобожденъ (868 г.).

Далматскіе города подчинились власти императора. Василій вмѣшался и въ дѣла Хорватовъ. Онъ помогъ Сдѣславу, изъ рода Терпимірова, овладѣть Хорватскимъ престоломъ и изгнать дѣтей прежняго князя Домогоя. Ему удалось также подружить Хорватовъ съ Далматскими городами, которые они прежде притѣсняли. «Перешедши въ Иллирикъ, Славяне, говоритъ Константинъ Багрянородный, заняли всѣ земли Далмаціи, а жители римскихъ городовъ стали воздѣлывать острова и этимъ добывали себѣ пропитаніе. Но какъ ихъ тамъ безпрестанно захватывали въ плѣнъ и били Неретчане или Погане [2]), то они начали покидать острова и старались найти себѣ земли на материкѣ: но Хорваты имъ не позволяли.... Наконецъ, не видя никакого средства къ существованію, они обратились къ императору: Василій разрѣшилъ имъ платить Славянамъ тѣ деньги, которыя они прежде обязаны были вносить стратигу (императорскому военачальнику) [3]), а ему доставлять лишь небольшую подать, въ знакъ зависимости». Условіе было выгодное для Иллирійскихъ Славянъ. И они съ своей стороны захотѣли сблизиться съ Византіей. Хорватскій князь Сдѣславъ съ своимъ народомъ присоединился къ Восточной церкви. Сербскія племена также отправили посольство къ Василію, и уже изъ Константинополя, не изъ Рима, какъ прежде, пригласили къ себѣ священниковъ, дабы часть народа утвердить въ христіанствѣ, а другую часть, еще языческую, окрестить. Тогда же, по увѣренію Константина Багрянороднаго, какъ Хорваты, такъ и Сербы съ Захлумцами, Травунцами, Конавлянами, Дуклянами, опять признали надъ собою верховную власть императора. Василій послалъ къ нимъ царскаго мужа съ священниками (я слѣдую разсказу историка-вѣнценосца), и окрещены были всѣ тѣ, которые еще не принадлежали къ церкви; когда совершено было крещеніе, посланецъ императорскій по-

---

[1]) См. выше, стр. 18 о Захлумцахъ, Травунцахъ, Конавлянахъ, приморскихъ вѣтвяхъ Сербскаго народа.

[2]) Сербская вѣтвь, о которой мы часто уже говорили, жившая на Адріатическомъ поморьѣ около р. Неретвы (Нарента) и отличавшаяся морскими разбоями и преданностью язычеству.

[3]) По словамъ Константина, изъ Далматскихъ городовъ Славянамъ платили: „Сплѣтъ 200 золотыхъ монетъ (νομίσματα), Задръ 110, Трогиръ, Осоръ, Рабъ и Велья по 100, всего 710 νομίσματα, не считая винъ и разныхъ другихъ предметовъ, взносимыхъ сверхъ денегъ. Рагуза же (Дубровникъ) находится посреди двухъ областей, Захлумской и Травунской, и Рагузанцы имѣютъ въ обѣихъ свои виноградники, и платятъ Захлумскому князю 36 монетъ и Травунскому столько же“.

ставилъ (т. е. утвердилъ) имъ князей по ихъ собственному желанію и выбору. «Погане же, коихъ Римляне [1]) зовутъ Арентанами (Неретчане), скрытые въ своей недоступной, гористой странѣ, чуждались крещенія: *Погане* (Παγανοί) на славянскомъ языкѣ значитъ именно *некрещеные*. Наконецъ и они обратились къ тому же знаменитому императору (Василію), прося крещенія, и онъ послалъ ихъ окрестить».

Конечно, возрожденіе Греческой власти на Адріатикѣ, возстановляя связь Сербовъ и Хорватовъ съ Константинополемъ, могло сблизить ихъ и съ Восточною церковью. Можетъ быть, самъ Василій, Славянинъ родомъ [2]) и воспитанный между Славянами, въ плѣну у Болгаръ, при томъ же одинъ изъ дальновиднѣйшихъ и лучшихъ государей Византійскихъ, умѣлъ отчасти и личными качествами пріобрѣсти расположеніе Иллирійскихъ Славянъ. Но развѣ бы они рѣшились для Восточной церкви покинуть освященное временемъ и преданіями общеніе съ Римомъ, если бы церковь эта сама не возбуждала въ нихъ сочувствія, если бы Славянинъ не сознавалъ себя усыновленнымъ ею, если бы не было дѣла Кирилла и Меѳодія? И Неретчане, дотолѣ отъявленные враги христіанства, развѣ бы вдругъ вызвались сами съ такою охотою принять его, если бы оно не перестало казаться имъ религіею чужою, непонятною? Нѣтъ, присоединеніе Хорватовъ къ Восточной церкви, утвержденіе христіанства у Сербовъ, крещеніе Неретчанъ, не было уловкою Греческой политики, а слѣдствіемъ трудовъ Кирилла и Меѳодія. Сами они не ходили проповѣдывать къ Сербамъ, Хорватамъ и Неретчанамъ; но духъ ихъ присутствовалъ и дѣйствовалъ: гдѣ возвѣщается евангеліе славянскою рѣчью, тамъ и духъ Кирилла и Меѳодія. — Позднѣйшія же поколѣнія Сербовъ и Хорватовъ, не понимая, что сила жила въ самой мысли, осуществленной святыми братьями, независимо отъ личнаго ихъ дѣйствія, не могли повѣрить, чтобы не братья сами наставили ихъ народъ слову Божію. Быть можетъ, Кириллъ и Меѳодій, проѣздомъ изъ Моравской державы въ Римъ, и побывали у Хорватовъ: путь этотъ Кириллъ, какъ извѣстно, совершилъ разъ (онъ умеръ въ Римѣ), а Меѳодій четыре раза (два раза въ Римъ, и два раза обратно). Народное же повѣріе этимъ не довольствовалось: признательное къ дѣлу славянской проповѣди, оно приписало творцамъ ея все просвѣщеніе и благоустройство отечества, сосредоточило около Кирилла и Меѳодія и обращеніе Сербовъ и Хорватовъ въ христіанство, и при-

---

[1]) Т. е. Греки; у собственныхъ Римлянъ и Итальянцевъ они слыли Нарентанами.

[2]) У Арабскихъ писателей Василій Македонянинъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ „Basilious-al-Seklabi", т. е. Василій Славянинъ, см. Herbelot, Bibl. Orientale p. 776 (цитируемую Чертковымъ, Ѳрак. Плем. М. Азіи).

миреніе ихъ съ римскими городами (о чемъ мы только что привели свидѣтельство Константина Багрянороднаго), и все ихъ древнее законодательство. — Вотъ, въ сокращеніи, отрывокъ изъ такъ называемой лѣтописи Діоклейскаго (Дуклянскаго) пресвитера (XII вѣка), составленной, очевидно, по народнымъ преданіямъ Сербовъ и Хорватовъ:

«Въ городѣ Өессаоникѣ, какъ роза, расцвѣлъ нѣкій философъ, по имени Константинъ. Подвигнутый Духомъ святымъ, онъ отправился въ землю Хазарскую и окрестилъ Хазаръ; потомъ обратилъ въ христіанство народъ Болгарскій. Услыхавъ объ его подвигахъ, папа возжелалъ его видѣть и призвалъ въ Римъ. А Константинъ этотъ, святѣйшій мужъ, составилъ для славянской рѣчи письмена и переложилъ Евангеліе и Псалтырь и прочія священныя книги съ греческаго языка на славянскій. На пути въ Римъ, онъ посѣтилъ владѣнія Далматскаго князя Святополка. И началъ Константинъ, которому потомъ, при постриженіи, дано было имя Кирилла, проповѣдывать Евангеліе, и Святополкъ увѣровалъ и былъ окрещенъ со всѣмъ своимъ народомъ, и сдѣлался православнымъ; Константинъ же, утвердивъ его въ вѣрѣ, поѣхалъ въ Римъ. Была тогда великая радость, и христіане, употреблявшіе латинскій языкъ, сходя съ горъ, покидая свои убѣжища, восхваляли имя Божіе и получили отъ Святополка разрѣшеніе возвратиться на прежнія жилища, возобновить свои города. Тогда, по просьбѣ Святополка, папа и Греческій императоръ прислали къ нему епископовъ и мудрыхъ людей, и Святополкъ принялъ ихъ на полѣ Далменскомъ [1]) и созвалъ туда весь народъ свой; сошлись какъ тѣ, которые говорили по-латыни, такъ и тѣ, которыхъ рѣчь была славянская, и составился соборъ: 8 дней разсуждали о законѣ Божіемъ, о Св. Писаніи и о состояніи церкви, 4 дня о власти князя, о банахъ, жупанахъ и сотникахъ и о состояніи государства. Установили епархіи и границы ихъ [2])........ Раздѣлили землю Хорватскую и Сербскую каждую на 2 области. Въ каждой области Святополкъ поставилъ бана (banum id est ducem) изъ своихъ братьевъ, а также жупановъ (supanos id est comites) и сотниковъ (sednicos, id est centuriones) изъ знатнѣйшихъ людей области: банъ имѣлъ подъ своимъ началомъ семь сотниковъ, которые должны были судить народъ по правдѣ, сбирали подати и вручали ихъ бану, банъ же половину платилъ государю, а половину оставлялъ себѣ; у жупана былъ одинъ сотникъ, который подобнымъ образомъ долженъ-

[1]) Далменское поле, въ древности Dalminium, нынѣ Дувно или Думно-поле, лежитъ въ Герцеговинѣ.

[2]) Слѣдуетъ длинное ихъ исчисленіе.

ствовалъ, совокупно съ нимъ, судить народъ по правдѣ и сбирать подати, изъ коихъ двѣ трети шли государю, одна треть жупану. Жупаны же не зависѣли отъ бановъ и отвѣтствовали предъ однимъ государемъ. Кромѣ того были тогда же установлены многіе законы и благія правила: кто хочетъ ихъ узнать, пусть прочтетъ книгу Славянъ, называемую *Methodius*».

Конечно, Дувненскій соборъ и Святополкъ, государь Хорватовъ и Сербовъ [1]), принадлежатъ къ области баснословія, а взаимныя отношенія *бановъ, жупановъ* и *сотниковъ*, если въ сущности и вѣрны, то требуютъ еще критическаго изслѣдованія: но этотъ разсказъ служитъ свидѣтельствомъ, какъ, въ сознаніи Сербскаго и Хорватскаго народа, весь его порядокъ, церковный и гражданскій, пошелъ отъ св. Кирилла.

Сербы и Хорваты приняты были въ общеніе Восточной церкви: къ ней приступила, не надолго, и вся Далматская церковь, употреблявшая латинскій языкъ. Мы не знаемъ, при жизни ли еще Сплѣтскаго архіепископа Георгія, или тотчасъ послѣ его смерти, въ 878 г. [2]), и по какому побужденію, духовенство и народъ римскихъ городовъ Далмаціи отрѣшились отъ подчиненія папѣ; они вошли въ связь съ Аквилейскимъ патріархомъ Валпертомъ, ревностнымъ поборникомъ ученія Восточной церкви, и вѣроятно также съ Фотіемъ. Папа обратился къ Далматинцамъ съ строгимъ увѣщаніемъ, требуя, подъ угрозою анаѳемы, чтобы они возсоединились съ Римомъ и обѣщая свое покровительство, если бы они колебались въ послушаніи ему «изъ опасенія Грековъ или Славянъ»: знакъ, что Иллирійскіе Славяне были тогда приверженцами и защитниками Восточной церкви. Посланіе папы надписано: «Виталію, епископу Задрскому, Доминику, епископу

---

[1]) Въ этомъ преданіи Сербы и Хорваты усвоили себѣ знаменитаго Святополка, короля Великой Моравіи, о которомъ см. ниже гл. V-ую.

[2]) Вопреки общепринятому мнѣнію, мы полагаемъ, что присоединеніе Далматскихъ городовъ къ Восточной церкви совершилось не ранѣе конца 878 или въ началѣ 879 г., т. е. нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія Хорватовъ; невозможно, намъ кажется, чтобы оно имѣло мѣсто во время патріаршества Игнатія (ум. 878), столь ревностно старавшагося о сохраненіи согласія съ Римомъ: если онъ и рѣшился принять въ свое вѣдѣніе Болгарію, на которую явны были права Константинопольской митрополіи, и Сербовъ съ Хорватами, которые еще нуждались въ пастыряхъ и просили ихъ изъ Константинополя, то конечно не захотѣлъ бы лишить Римскую церковь старинной ея епархіи, латинской по происхожденію и языку; при томъ во множествѣ писемъ папъ къ Игнатію, гдѣ безпрестанно повторяются жалобы на счетъ Болгаріи, о Далмаціи не говорится ни слова. При Фотіи отношенія были другія: Фотій возсталъ рѣшительно противъ Рима и его властолюбивыхъ замысловъ. Но, во всякомъ случаѣ, Далмація не долго находилась въ разрывѣ съ Римомъ; иначе осталось бы отъ этого разрыва болѣе слѣдовъ, нежели одно посланіе Папы Іоанна VIII, 879 года: вѣроятно разрывъ продолжался около двухъ лѣтъ, отъ смерти архіепископа Георгія (878 г.) до кончины его преемника Марина (880 г.).

Осорскому и прочимъ епископамъ Далматскимъ, Іоанну архипресвитеру Солинской митрополіи [1]) и всѣмъ священникамъ и старшинамъ народа въ Сплѣтѣ, Задрѣ и прочихъ городахъ». Сначала Далматинцы не повиновались: новый архіепископъ ихъ Маринъ принялъ посвященіе отъ Валперта; но вскорѣ потомъ они все-таки возвратились къ Риму: происхожденіе, языкъ и преданія слишкомъ тѣсно связывали ихъ съ Италіею, такъ что они не могли долго противиться ея вліянію. Они ли дѣйствовали на Хорватовъ, или сами послѣдовали за ними, но и Хорваты около этого времени (879 г.) также опять отошли къ Западной церкви. Ихъ князь Сдѣславъ былъ убитъ Бранимиромъ, который, воцарившись, отправилъ посольство къ папѣ съ изъявленіемъ покорности и просьбою принять его съ народомъ Хорватскимъ въ лоно Римской церкви: «Мы отверзаемъ тебѣ объятья, писалъ ему въ отвѣтъ Іоаннъ VIII; мы въ день Вознесенія Господня, подъемля руки къ небу, надъ алтаремъ св. Петра Апостола, благословили тебя и народъ твой и всю твою землю» (879 г.).

Но еще усердно хранили Хорваты славянское богослуженіе и писаніе: наслѣдіе Кирилла у нихъ укоренялось и множилось. Они были столь близки къ Восточной церкви, что и въ концѣ IX вѣка Хорватія, вмѣстѣ съ Сербіею, стоявшею рѣшительно на сторонѣ православія, вносилась въ списокъ епархій, зависящихъ отъ Константинопольскаго патріарха. Папа Іоаннъ VIII называлъ Бранимірова преемника, Мунтиміра [2]), приверженцемъ Грековъ и даже, чтобы отклонить его отъ Константинополя, уговаривалъ «возвратиться къ пастырскимъ попеченіямъ Паннонскаго (Моравскаго) епископа Меѳодія», который, ревностно проповѣдуя ученіе православія, признавалъ себя однако, въ качествѣ епископа Моравскаго, подчиненнымъ Римскому патріархату, и дѣятельность котораго Римскій дворъ въ началѣ иногда благословлялъ. Направленіе славянское, Восточное, упорно боролось у Хорватовъ съ латинствомъ; мы увидимъ побѣду послѣдняго, на Сплѣтскомъ соборѣ 925 г.

[1]) Архіепископа Солинской (Сплѣтской) митрополіи тогда не было.

[2]) Содержаніе письма Іоанна VIII къ Мунтиміру сообщаетъ Копитаръ (Glag. Cl. LXXVIII); онъ относитъ его къ 874 г.; Шафарикъ, упоминающій также объ этомъ письмѣ, признаетъ Мунтиміра преемникомъ Бранимира, который жилъ въ 879 г.; отъ Мунтиміра же сохранилась грамота 892 г. (Farlati, III, 82). Годъ, означенный Копитаромъ, былъ бы поэтому невѣренъ; но какъ ни Копитаръ, ни Шафарикъ не приводятъ источника, откуда они почерпнули письмо папы къ Мунтиміру, и какъ мы его не находимъ въ Гардуиновомъ собраніи, то не имѣемъ возможности повѣрить Копитарова показанія.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ IV.

Вопросы, предложенные Болгарами Римскому папѣ Николаю I и отвѣты папы (866 г.) [1].

Памятникъ этотъ представляетъ столько любопытныхъ указаній на бытъ, нравы и понятія древнихъ Болгаръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ хорошо рисуетъ политику въ отношеніи къ нимъ Римскаго двора, съ которымъ государи Болгарскіе безпрестанно искали союза, что мы считаемъ полезнымъ познакомить съ нимъ читателя. Мы по возможности сократили вопросы и отвѣты (въ подлинникѣ отвѣтное посланіе, которое одно дошло до насъ, занимаетъ 32 столбца мелкой печати in folio); при этомъ однако мы старались въ точности придерживаться не только смысла, но и словъ подлинника. Для краткости и ясности намъ показалось удобнымъ отдѣлить вопросы Болгаръ отъ папскихъ отвѣтовъ: это было очень легко, потому что папа всякій разъ почти приводитъ цѣликомъ сдѣланный ему вопросъ (обыкновенно онъ начинаетъ словами: «вы спрашиваете», или «вы желаете знать» (то-то и то-то) и за тѣмъ пишетъ отвѣтъ. Онъ сохранилъ порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ, въ которомъ вопросы были ему предложены; но въ такомъ видѣ читатель нашелъ бы ихъ столь сбивчивыми, что мы почли за нужное собрать ихъ въ нѣсколько группъ, по сродству содержанія; выставленное при каждой статьѣ число означаетъ ея мѣсто въ подлинникѣ. Мы пропустили только тѣ статьи, которыя не представляютъ исторической важности [2]).

«На ваши вопросы (такъ начинаетъ папа свое отвѣтное посланіе къ Болгарамъ) не многое нужно будетъ отвѣчать: съ Божіею помощью, мы не только посылаемъ вамъ книги Закона Божія, но и назначили въ вашу страну, къ славному королю вашему, возлюбленному нашему сыну, достойныхъ пословъ, которые васъ наставятъ, и снабдили ихъ нужными имъ для того книгами».

(Вопросъ Болгаръ). Государь нашъ желаетъ знать христіанскій законъ и проситъ изложить ему оный. *(Отвѣтъ папы)*. Желаніе прекрасное: но чтобы изложить въ подробности христіанскій законъ, нужно бы было исписать безчисленныя книги; сущность же его состоитъ въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ (ст. 1).

Согрѣшили ли мы, предавъ главныхъ мятежниковъ, возставшихъ у насъ противъ христіанства, смерти вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми? — Вы

---

[1]) Responsa ad Consulta Bulgarorum, ed. Hardouin, Acta Conciliorum. V, 358—386,

[2]) Именно: 2—5, 7, 8, 11, 50, 53, 56, 57, 61, 63—65, 68, 69, 71, 75, 76, 78, 87, 88. 90, 91, 98, 99, 101.

согрѣшили, особливо убіеніемъ невинныхъ дѣтей, и вообще поступили слишкомъ жестоко; но какъ это было сдѣлано изъ ревности и по невѣдѣнію, то если покаетесь, получите прощеніе (17).

Что дѣлать съ тѣми, которые покидаютъ христіанскій законъ?— Обязанность христіанскихъ государей ихъ наказывать (18).

Что дѣлать съ тѣми, которые не перестаютъ жертвовать и кланяться идоламъ? — Увѣщевать, но насильно не обращать; не имѣть съ ними общенія (41).

Что дѣлать съ тѣми, которые въ своихъ проповѣдяхъ дерзали бы преступать ученіе апостольское? — Да будутъ анаѳема, но не вамъ, мірянамъ, судить такихъ людей (105).

Что дѣлать съ нечестивыми книгами, которыя мы получили отъ Сарацынъ [1]) и имѣемъ у себя? — Непремѣнно сжечь (103).

Какой-то Жидъ, мы не знаемъ какой вѣры, христіанской ли, или языческой (utrum christiano an pagano), окрестилъ у насъ многихъ. Что дѣлать съ крещенными имъ? — Если крещеніе совершено во имя Св. Троицы или Христа, оно достаточно, но самого Жида слѣдуетъ подвергнуть распросу и узнать, дѣйствительно ли онъ христіанской вѣры (104).

Какой-то Грекъ, ложно выдававшій себя за пресвитера, окрестилъ у насъ многихъ, и узнавъ обманъ, мы опредѣлили отрѣзать ему уши и носъ, бить его и выгнать. Хорошо ли мы сдѣлали, или должны въ томъ принести покаяніе? — Вы имѣете ревность Божію, но не по разуму: ибо дѣло не въ томъ, кто креститъ, а во чье имя креститъ. Слѣдуетъ принести покаяніе (14, 16).

Крещенные имъ, христіане ли? — Да, если крещены во имя Св. и Нераздѣльной Троицы (15).

Женатыхъ пресвитеровъ слѣдуетъ ли держать у себя, или нужно выгнать? — Хотя они достойны всякаго порицанія [2]), но держать можно (70).

Можетъ ли у насъ быть поставленъ патріархъ? — Объ этомъ нельзя отвѣчать положительно, пока не возвратятся отъ васъ наши послы. На первый разъ имѣйте епископа, потомъ же, когда у васъ распространится христіанство и поставлены будутъ надъ отдѣльными церквами епископы, то можно будетъ одного изъ нихъ избрать, если не въ патріархи, то по крайней мѣрѣ въ архіепископы (72).

Кѣмъ долженъ быть поставленъ патріархъ? — Меньшее благосло-

---

[1]) Т. е. магометанъ.

[2]) Видно уже въ папѣ стремленіе ввести безбрачіе духовенства, но онъ еще не смѣетъ произнести рѣшительнаго приговора.

вляется бо́льшимъ: онъ долженъ быть поставленъ первосвященникомъ (pontifice) престола Св. Петра (73).

Сколько настоящихъ патріарховъ? — Римскій, Александрійскій и Антіохійскій, установлéнные Апостолами; Константинопольскому и Іерусалимскому дается титулъ патріарха только для почета (92).

Который патріархъ второй послѣ Римскаго? — Александрійскій [1]). (93).

Слѣдуетъ ли въ великую четыредесятницу ежедневно причащаться Господня тѣла и крови? — Молимъ Бога, да будетъ такъ, но берегитесь причащаться недостойно (9).

Греки запрещаютъ намъ принимать причастіе безъ пояса: такъ ли это? — Это не имѣетъ значенія (55).

Греки говорятъ намъ, что въ ихъ землѣ производится мѵро и разсылается по всей землѣ: правда ли? — Нѣтъ (94).

Греки говорятъ, что грѣхъ стоять въ церкви, не сложа рукъ на груди: правда ли? — Нѣтъ, это не имѣетъ значенія (54).

Греки запрещаютъ намъ входить въ церковь съ полотняною повязкою (ligatura lintei), которую мы носимъ на головѣ [2]). Такъ ли это? — Они правы (66).

Когда во время богослуженія придетъ вѣсть о непріятельскомъ нападеніи, что дѣлать? — Довершить доброе дѣло при первой возможности (74).

Когда мы стоимъ военнымъ становъ, намъ нельзя творить положенныя молитвы: что дѣлать въ такомъ случаѣ? — Нѣтъ, напротивъ, чѣмъ больше враговъ и опасности, тѣмъ больше надобно молиться (38).

Можно ли посвящать церкви первые плоды земли (fruges novas et rerum primitias)? — Можно (89).

Можно ли работать въ субботу или въ воскресенье? — Въ субботу христіане работаютъ (10).

Когда придетъ вѣсть, что надобно идти въ бой съ непріятелемъ, должно ли выступать тотчасъ, или въ нѣкоторые дни нельзя? — Можно во всѣ дни, кромѣ большихъ праздниковъ, если нѣтъ чрезвычайной нужды (34, 36).

Въ Великую четыредесятницу можно ли итти на войну? — Только въ крайней нуждѣ (46).

Можно ли въ праздники и В. четыредесятницу производить судъ

---

[1]) Очевидно стараніе папы унизить въ глазахъ Болгаръ Константинопольскаго патріарха; во многихъ другихъ отвѣтахъ его мы замѣтимъ стремленіе поколебать въ Болгарахъ довѣріе къ Грекамъ въ дѣлахъ религіи.

[2]) Чалма.

и присуждать человѣка, если онъ того стоитъ, къ смерти? — Въ эти дни должно воздерживаться отъ всякихъ мірскихъ дѣлъ (12, 45).

Въ В. четыредесятницу можно ли охотиться? предаваться играмъ и пирамъ? совершать бракъ? — Никакъ нельзя (44, 47, 48).

Греки говорятъ, что по средамъ и пятницамъ не слѣдуетъ мыться въ банѣ (balneari): правда ли? — Нѣтъ, можно (6).

Павшаго въ бою можно ли, если пожелаютъ родные или близкіе, перенести для погребенія на родину? — Можно (100).

У Грековъ обычай гадать, вкладывая кусочекъ дерева въ закрытую книгу и развертывая ее: хорошо ли это? — Нѣтъ (77).

Больнымъ у насъ привѣшиваютъ на шею повязку (ligaturam quamdam), для выздоровленія: годится ли этотъ обычай? — Нѣтъ (79).

Нашелся у насъ, прежде принятія христіанства, камень, отъ котораго больные брали частицу, и иногда получали исцѣленіе, иногда же нѣтъ. Что съ нимъ дѣлать? — Забросить (62).

Когда нашъ государь, по обычаю, сидитъ, для вкушенія пищи, на креслѣ за столомъ (in sedili ad mensam), никто не садится съ нимъ, даже жена его, мы же садимся поодаль *in sellis* (на сѣдлахъ?) и ѣдимъ на полу. Что дѣлать теперь? — Это не относится къ дѣламъ церкви, но обычай не хорошъ (42).

Носить ли исподнее платье (femoralia)? — Этотъ вопросъ до насъ не касается; впрочемъ, если хотите и во всѣхъ наружныхъ подробностяхъ уподобиться христіанамъ, то мы скажемъ вамъ, что по нашему обычаю его носятъ не женщины, а мужчины. Вы же дѣлайте, какъ хотите (59).

Какихъ животныхъ и птицъ можно ѣсть? — Всякихъ (43).

Можно ли, внѣ постовъ, ѣсть рано утромъ? — По нашему обычаю, не ѣдятъ до 3-го часа (т. е. 9 часовъ) (60).

Мы желаемъ получить отъ васъ (папы) мірскіе законы. — Нужныя для этого книги мы охотно бы вамъ послали, если бы былъ у васъ такой человѣкъ, который могъ бы ихъ вамъ толковать. Врученныя же нами посламъ нашимъ книги о мірскомъ законѣ не должны быть вамъ оставлены, чтобы кто нибудь ихъ у васъ не толковалъ ложно или не исказилъ съ умысломъ (13).

Можно ли имѣть двухъ женъ, и если нельзя, то какъ поступать съ имѣющими? — Они должны оставаться съ первою женою и притомъ очистить себя покаяніемъ (51).

Какія степени родства соблюдать при бракѣ? — По уставамъ церкви (39).

Можно ли, по прежнему, давать нашимъ женамъ (conjugibus) въ приданое (in dotem) золото, серебро, воловъ, лошадей и проч.? — Можно (49).

Какъ поступать съ тѣми, которые возстаютъ противъ государя?— Какому они подлежатъ наказанію, вы увидите изъ посылаемыхъ вамъ законовъ; отъ государя же зависитъ миловать (19).

Какъ судить свободнаго человѣка, который уйдетъ изъ отечества и будетъ схваченъ? — По законамъ; но свободному, никакою обязанностью не сдерживаемому человѣку нѣтъ вины покинуть отечество, подобно Аврааму

По нашему обычаю, у насъ всегда стоитъ стража на границахъ земли нашей, и если рабъ или свободный человѣкъ перебѣжитъ черезъ пограничную черту, то стражи тотчасъ предаются смерти. Какъ вы (папа) объ этомъ судите? — Справьтесь въ законахъ, что надлежитъ въ этомъ случаѣ дѣлать; но какъ вы до сихъ поръ всякаго легко предавали смерти, такъ теперь должны, кого возможно, миловать и сохранять для жизни (25).

Какъ судить отцеубійцу? — По законамъ; если онъ скроется въ церковь, то судъ принадлежитъ мѣстному епископу или священнику (24).

Какъ судить убившаго родственника или родственницу? убившаго товарища?—По законамъ (26 и 27).

Какъ поступать съ невольнымъ убійцею? — По правиламъ церкви (30).

Какъ поступать съ тѣмъ, кто причинитъ увѣчье или смерть въ пьяномъ видѣ? — Совѣтуемъ вамъ милосердіе (85).

Какъ судить оскопившаго кого нибудь? похитившаго мужчину или женщину? укравшаго скотину? найденнаго съ чужою женою? производящаго кровосмѣшеніе съ родственницею? — По законамъ (52, 32, 31, 28, 29).

Какъ поступать съ рабомъ, бѣжавшимъ отъ господина, если онъ самъ къ нему вернется?—Слѣдуетъ простить (21).

Какъ поступать съ женою, которая что нибудь злое противъ мужа помыслитъ, или сдѣлаетъ, или скажетъ? — Надобно прощать, а разводиться только въ случаѣ прелюбодѣянія (96).

Какъ поступать съ ложными обвинителями? — Совѣтуемъ вамъ милосердіе (84).

Какъ поступать съ рабомъ, который оклевещетъ своего господина предъ государемъ? — Господь предписываетъ прощеніе зла (97).

Можно ли судить кого нибудь за смертные грѣхи и преступленія? — Да, но судъ надъ духовными не вамъ принадлежитъ (83).

По нашему обычаю, если схватятъ вора или разбойника и онъ станетъ запираться, то судья бьетъ его по головѣ батожьемъ и колетъ въ бока желѣзными остріями, пока онъ не признается: какъ дѣлать теперь? — Этого дѣлать никакъ нельзя, признаніе должно быть добровольное (86).

У насъ былъ обычай, при какой бы то ни было клятвѣ, ставить по серединѣ саблю (spatham in medium afferre) и клясться имъ: чѣмъ теперь клясться? — Богомъ и Евангеліемъ (67).

Какъ поступать съ виновнымъ, если онъ скроется въ церковь?— Насильно выводить оттуда нельзя (95).

Съ народомъ, желающимъ мира съ нами, какъ заключать и хранить миръ? — Заключить миръ слѣдуетъ непремѣнно, но какъ, — это зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ, которыя нужно знать; во всякомъ случаѣ, при заключеніи мира должно имѣть въ виду благо церкви (80).

Если христіанскій народъ, заключивъ съ нами договоръ, его нарушитъ, какъ поступать? — Слѣдуетъ хранить миръ до послѣдней возможности (81).

Можно ли заключать договоръ съ язычниками? — Христіане не должны заключать договоровъ и имѣть общенія съ язычниками; миръ и дружба съ ними позволительны только тогда, когда имѣютъ цѣлью обращеніе ихъ къ истинѣ (82).

Какъ поступать съ тѣми, которые передъ битвою обратятся въ бѣгство, и съ тѣми, которые, когда приказано будетъ идти въ походъ, не послушаются? — Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ смягчить строгость законовъ, если миловать нельзя (22, 23).

У насъ обычай, чтобы прежде сраженія нашъ государь посылалъ мужа испытанной вѣрности и благоразумія осматривать оружіе, коней и все нужное для боя, и если у кого что-либо окажется въ дурномъ порядкѣ, то его казнятъ: что теперь дѣлать? — Нашъ совѣтъ, обратиться отъ брани плотской къ духовной, и какъ прежде осматривалось оружіе противъ враговъ видимыхъ, такъ теперь осматривать духовное оружіе противъ невидимаго врага, т. е. добрыя дѣла.

Прежде мы для битвы наблюдали извѣстные дни и часы (dies et horas observare), были у насъ въ употребленіи заговоры (incantationes), игры, пѣсни и разныя предсказанія (nonnulla auguria): что теперь дѣлать? — Призывать имя Божіе, ходить въ церковь, исповѣдываться и причащаться, открывать темницы, разрѣшать узы, освобождать рабовъ, въ особенности истомленныхъ и слабыхъ, творить милостыню (35).

Доселѣ, идя на битву, мы носили знаменемъ конскій хвостъ: какое знамя носить теперь? — Что другое, какъ не крестъ? (33).

Въ заключеніе, умоляемъ васъ (папу) дать намъ, какъ другимъ народамъ, истинную и совершенную вѣру христіанскую, безъ пятна и морщины (sine macula et ruga): ибо въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ-то: изъ Греціи, Арменіи и другихъ странъ (Graeci, Armeni et ex caeteris locis) и учатъ насъ

различно; должны ли мы слушаться ихъ разногласныхъ толковъ, и что намъ дѣлать? — Наша сила въ этомъ сама по себѣ безсильна; сила наша въ Богѣ: Св. Петръ, живущій и предсѣдящій на своемъ престолѣ [1]), даетъ ищущимъ истину вѣры, и Римская церковь, установленная тѣмъ, чье исповѣданіе узаконено было отъ Бога, пребывала всегда безъ пятна и морщины: и вотъ, дабы внушить вамъ, Божіею благодатію, такую вѣру, хотя вполнѣ тайны ея не постижимы никому, мы шлемъ къ вамъ писаніе наше и пословъ и разныя книги. И доколѣ древо не пуститъ корней, мы не престанемъ орошать его, и будемъ поить васъ млекомъ, доколѣ не доростете до совершенства. Что же касается до тѣхъ, которые пришли къ вамъ изъ разныхъ странъ, то Богъ поможетъ посламъ нашимъ васъ наставить и научить что дѣлать; но они, какъ въ настоящее время, такъ и послѣ, въ случаѣ недоумѣній и дѣлъ особенно важныхъ (in rebus dubiis et negotiis majoribus) должны всегда, по обычаю, обращаться къ апостольскому престолу всей церкви (106).

«Вотъ, какъ ихъ намъ Богъ внушилъ (это заключеніе посланія папы къ Болгарамъ), отвѣты на вопросы ваши: мы написали не столько, сколько бы могли, а сколько почли достаточнымъ. Когда же, милостію Божіею, вы будете имѣть отъ насъ епископа, онъ васъ наставитъ всему, что относится до его служенія, а если чего не будетъ знать, то получитъ отъ апостольскаго престола указаніе. Богъ же, явившій въ васъ дѣло спасенія, да совершитъ и утвердитъ оное до конца. Аминь».

[1]) Здѣсь, въ обращеніи къ Болгарамъ, папа уже во всей рѣзкости выставляетъ ученіе Римской церкви, что Св. Петръ какъ бы воплощается во всѣхъ своихъ преемникахъ, и что Римская церковь сама по себѣ, независимо отъ духовнаго единства съ другими церквами, имѣетъ исключительный даръ непогрѣшимости: вѣдь новообращенные Болгаре не знали, что св. Петръ установилъ и другія церкви одинаково съ Римскою, и что были папы, осужденные за лжеученіе Вселенскими соборами. Въ сношеніяхъ съ восточными святителями, папа Николай, стремясь къ тѣмъ же выводамъ, никогда не выражалъ ихъ такъ рѣзко и былъ гораздо осторожнѣе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Переходъ учениковъ Кирилла и Меѳодія въ Болгарію. — Вторженіе Венгровъ.

Двадцать пять лѣтъ протекло отъ утвержденія христіанской православной вѣры въ Болгарскомъ народѣ до той поры, когда онъ, подъ скипетромъ царя Симеона, достигъ высщаго своего могущества и духовнаго развитія. Въ это время, не ознаменованное никакою особенною дѣятельностью въ самой Болгаріи, ея положеніе въ славянскомъ мірѣ совершенно измѣнилось силою внѣшнихъ обстоятельствъ. Дотолѣ она имѣла непосредственную связь съ огромною цѣпью славянскихъ поколѣній, протянувшеюся отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго и Чернаго; опираясь на цвѣтущее царство Велико-Моравское, она была лишь второстепенною участницею въ славянскомъ просвѣщеніи, тамъ сосредоточенномъ: теперь, въ послѣдней четверти IX вѣка, наслѣдіе Кирилла и Меѳодія перешло къ Болгарамъ, и они сдѣлались главными хранителями и дѣятелями славянскаго просвѣщенія; за тѣмъ явилась дикая орда, отрѣзала Болгарію отъ родныхъ славянскихъ земель на сѣверѣ и западѣ, и замкнула ее въ удушливый кругъ Византійской политики.

Мы разсмотримъ съ нѣкоторою подробностью событія, которыя произвели такой переворотъ въ положеніи Болгаріи. — Узелъ тогдашней славянской исторіи былъ въ Великой Моравіи, имя которой не разъ уже намъ встрѣчалось. Припомнимъ въ немногихъ словахъ ея судьбы. Къ несчастію, руководимые западною наукой, мы, которые во всей подробности знаемъ про Роланда и Карла Великаго, едва ли имѣемъ понятіе о Славомірѣ и великомъ Святополкѣ, памятномъ до сихъ поръ Моравскому крестьянину.

Великая Моравія представляетъ рѣдкое въ исторіи зрѣлище. Стремленіе разрозненныхъ славянскихъ вѣтвей слиться въ политическое цѣлое, стремленіе, которымъ умѣли воспользоваться мудрые правители, быстро образовало огромное государство, и весь вѣкъ этого государства, только по-видимому завоевательнаго, проходитъ въ войнѣ оборонительной: на него падаютъ страшные удары сосѣдей, и,

могущественное, воинственное, оно спокойно отражаетъ ихъ, само не думая распространяться насиліемъ, довольствуясь непринужденнымъ присоединеніемъ родныхъ славянскихъ племенъ. Такое сочетаніе силы съ отсутствіемъ властолюбія, едва ли найдется въ исторіи у другаго народа, кромѣ славянскаго.

Велико-Моравское государство основано было Мойміромъ. Сохраняя миръ съ сосѣдями, Франками, онъ связалъ единствомъ власти славянскія племена въ Моравіи и нынѣшней западной Венгріи. Нѣмецкій король свергъ его съ престола въ 846 г. Его преемникъ Ростиславъ, начавъ дѣйствовать въ то время, когда Германія была подъ вліяніемъ жестокихъ пораженій, нанесенныхъ ей Чехами (846, 849 г.г.), утвердилъ державу Мойміра, побѣдоносно отразилъ Германскихъ государей, неоднократно пытавшихся завоевать Моравію (особенно въ 855, 864, 866, 868, 869 г.), и призвалъ въ свое отечество Кирилла и Меѳодія. Славному царствованію его положилъ конецъ родной его племянникъ и сподвижникъ въ бояхъ, Святополкъ; онъ захватилъ его и выдалъ Нѣмцамъ. Король Лудовикъ пріѣхалъ въ Регенсбургъ, собралъ сеймъ (1-го ноября 870 г.): «привели (это слова лѣтописи) скованнаго тяжелою цѣпью (gravi catena ligatum) Ростислава, и стали судить его Франки, Баварцы, а также Славяне, прибывшіе изъ разныхъ мѣстъ къ королю съ дарами (безъ сомнѣнія и отъ Святополка), и присудили къ смерти. Король же велѣлъ выколоть ему глаза и заключилъ его въ монастырь».—Лудовиковы военачальники утвердились въ Моравіи, какъ въ покоренной области. Святополка лишили княженія и взяли подъ стражу. Тогда возсталъ народъ Моравскій. «Считая Святополка погибшимъ, онъ поставилъ, говоритъ лѣтопись, княземъ себѣ нѣкоего священника Славоміра [1]), родственника княжескому дому, грозя убить его, еслибъ онъ не принялъ власти. Согласился Славоміръ, принужденный народомъ, и повелъ его биться противъ нѣмецкихъ вождей Энгильскалка и Виллигельма, стараясь выгнать изъ городовъ... Тогда (Нѣмцы) отпустили Святополка, одаривъ его богато, и онъ отправился къ себѣ на родину предводителемъ нѣмецкаго войска: онъ обѣщалъ Карлманну [2]) низложить Славоміра, и съ тѣмъ его освободили. Онъ привелъ войско къ древней Ростиславовой столицѣ [3]), оставилъ его тутъ укрѣпляться станомъ, а самъ ушелъ въ городъ (къ Славоміру); вдругъ ворвался Святополкъ въ расплохъ, съ большою ратью, въ нѣмецкій станъ, многихъ захватилъ живьемъ, бо̀льшую часть перерѣзалъ. И

[1]) Одно уже славянское имя его есть ручательство, что онъ былъ изъ числа учениковъ Кирилла и Меѳодія.

[2]) Сыну короля Лудовика.

[3]) Велеграду на р. Моравѣ (March), теперь Градище.

обратилась вся радость Нориковъ (т. е. Баварцевъ и южныхъ Нѣмцевъ) о многихъ прошлыхъ побѣдахъ, — въ плачь и горе» (871 г.). Со всѣхъ сторонъ призвалъ Карлманнъ на Святополка войска, проникъ въ Моравію (872), но вскорѣ бѣжалъ, разбитый и преслѣдуемый Святополкомъ: Германія просила и получила миръ. Власть Моравіи непрерывно росла. Чехи добровольно признали Святополка своимъ верховнымъ властелиномъ. Вѣра скрѣпила союзъ: они приняли крещеніе, и ихъ крестилъ св. Меѳодій. Славянскія племена на сѣверъ отъ Чехіи, въ нынѣшней Саксоніи (Сѣверные Сербы), и тѣ даже присоединились къ державѣ Святополка.

Это самое блестящее время Моравіи. Нѣсколько лѣтъ (873—882) никакой врагъ не тревожилъ ея. Какое чудное было тогда положеніе Славянскаго племени на западѣ! Отъ Гамбурга и предѣловъ Шлезвигскихъ по всему теченію Эльбы стоятъ непрерывнымъ рядомъ Славянскія поколѣнія, воинственныя, независимыя, отразившія всѣ силы Каролинговъ. Тамъ, гдѣ западный притокъ Эльбы, Сала, образуетъ съ Эльбою и сѣверною окраиной Чехіи, Рудными горами [1]), треугольникъ, и тамъ живутъ Славяне, и отсюда начинается царство Велико-Моравское. Далѣе въ этомъ передовомъ строю Славянъ стоятъ, подъ державою Святополка, Чехи, за ними Моравскіе Славяне, простирающіеся отъ Чешскихъ предѣловъ и Карпатскихъ горъ до верхняго теченія Дуная между нынѣшнимъ Пресбургомъ и Вайценомъ. И за Дунаемъ, который тутъ (подъ Вайценомъ) круто поворачиваетъ съ запада на югъ, продолжаются, въ древней Панноніи, поселенія тѣхъ же Моравскихъ Славянъ (княжество Блатенское), но это земля спорная между Святополкомъ и Нѣмцами; собственныя же владѣнія Велико-Моравскія тянутся по сѣверному берегу Дуная до его поворота, и далѣе на востокъ, до сѣверныхъ притоковъ Тисы и до Карпатскихъ горъ [2]); у поворота же Дуная, на восточной его сторонѣ, мы прямо переходимъ изъ Великой Моравіи въ государство Болгарское. Въ началѣ IX вѣка, при Крумѣ, власть Задунайскихъ Болгаръ, какъ намъ извѣстно, распространилась къ востоку отъ средняго Дуная и Тисы, на равнины и горы, занятыя разбросанными поколѣніями Аваровъ, Болгаръ, Славянъ и Волоховъ (Румуновъ): нынѣ страна эта — восточная Венгрія, Банатъ, Валахія и большая часть Трансильваніи. Венгерское преданіе сохранило намъ имена здѣшнихъ правителей конца IX вѣка: земля между Дунаемъ и Тисою, «отъ Тителя до предѣловъ Рус-

---

[1]) Erzgebirge.

[2]) Власть Вел. Моравіи простиралась и на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ: Краковъ, по-видимому, принадлежалъ Святополку.

скихъ и Польскихъ», «которую занялъ Кермъ [1] (т. е. Крумъ), великій князь Болгарскій» (такъ выражается древнѣйшій Венгерскій лѣтописецъ), была тогда въ рукахъ внука или правнука Крумова, *Салана*; между Тисою и Марошью владѣлъ *Менуморутъ* [2]), и здѣсь жили остатки Аваровъ (Венгерецъ называетъ ихъ Хазарами); въ нын. Седмиградіи Славянами и Волохами правилъ князь *Гелу* (Gelou), наконецъ между Марошью и нижнимъ Дунаемъ (въ Банатѣ и Валахіи) надъ племенами Славянскими, Волохами и Болгарами начальствовалъ *Гладъ*: всѣ они зависѣли отъ Болгарскаго престола. За Дунаемъ Болгарская земля, занимая въ ширину полосу отъ Бѣлграда и Расы (теперь Новы-Пазаръ) до Чернаго моря, простиралась на югъ далеко за Балканы. Ей принадлежало Загорье т. е. южный склонъ Великаго Балкана отъ Желѣзныхъ Воротъ [3]) до Девелта (у Бургаса) съ важными приморскими городами Месемвріей и Анхіаломъ, а на юго-западъ граница Болгарская захватывала огромнымъ изгибомъ всю сѣверную и западную Македонію и прилегающій къ ней край Албаніи кругомъ Охридскаго озера (область эта называлась у Болгаръ Котокіе). Города Охридъ, Битоль, Дѣволъ, Струмница и долина Брегальницы принадлежали Болгарамъ, и, можетъ быть, стоило бы государю Болгарскому протянуть руку, чтобы взять Адріатическое побережье. Неизвѣстно, когда досталась Болгарамъ эта прекрасная страна Македонская. — Постоянный театръ войнъ Болгаріи съ Византіею былъ доселѣ на востокѣ, по обѣимъ сторонамъ Балканскаго хребта, между Чернымъ моремъ и Желѣзными воротами у Сливна, отъ Правадъ на сѣверѣ до Адріанополя и стѣны Константинопольской на югъ. Простиравшійся въ этой полосѣ южный склонъ Балкановъ, названное нами сейчасъ Загорье было главною спорною областью, которую Болгарія старалась утвердить за собою и которою Византія особенно дорожила. Причина такого однообразія театра всѣхъ войнъ Болгаръ съ Греками въ первый періодъ Болгарской исторіи заключалась, конечно, въ томъ, что главная въ ту пору военная

---

[1]) Такъ слѣдуетъ читать, вмѣсто вкравшейся въ текстъ Нотарія Белы формы *Keanus*: она, очевидно, произошла изъ *Kermus* черезъ соединеніе въ сжатомъ готическомъ письмѣ, буквы *r* съ первою черточкою *m* въ начертаніе *a*. Форма *Krem* встрѣчается и у Византійцевъ вмѣсто *Krum*, а слово *Krem* Мадьяръ не могъ произнести иначе какъ *Kerm*. Замѣчателенъ титулъ *великаго князя*, который придается Венгерскимъ лѣтописцемъ Круму (magnus dux Bulgariae), тогда какъ онъ самого героя Арпада и другихъ Венгерскихъ государей называетъ только князьями (duces). Это показываетъ, какъ велико было уваженіе къ памяти Крума въ земляхъ, которыя Мадьяре отняли у его потомковъ.

[2]) Эту землю, говоритъ Венгерскій лѣтописецъ, занялъ „dux Morout, cujus est ab Hungaris Menumorout, eo quod plures habebat amicas..."

[3]) Нынѣ Демиръ-капу, близъ г. Сливно.

сила государства Болгарскаго, — завоевательная орда Аспарухова, сосредоточена была преимущественно на сѣверо-востокѣ, въ Добруджѣ и ближайшихъ къ ней мѣстахъ между нижнимъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Здѣсь, на сѣверо-востокѣ была и древнѣйшая, сколько извѣстно, столица князей Болгарскихъ, Великій Прѣславъ (у нын. Эски-Стамбула близъ Шумлы); на сѣверо-востокѣ же, въ Дерстрѣ (нынѣ Силистрія), была учреждена первая митрополія Болгарской церкви. Изъ этого-то края между Чернымъ моремъ и низовьемъ Дуная государи Болгарскіе и вели свои войска прямымъ путемъ на Адріанополь и Констинополь; и въ свою очередь, Византійскіе императоры, когда счастіе было на ихъ сторонѣ, направляли сюда же свою атаку, потому что въ этой мѣстности ихъ удары могли быть наиболѣе дѣйствительными, да и флотъ, которымъ всегда сильна была Византія, могъ тутъ поддерживать сухопутное войско. Рѣдко встрѣчается, въ первые три вѣка Болгаріи, упоминовеніе о странахъ, лежащихъ далѣе къ западу, о богатыхъ и обширныхъ краяхъ между Тунджею и Охридскимъ озеромъ, занимающихъ средину всего Балканскаго полуострова. Вѣроятно, съ тѣхъ поръ какъ ихъ заняла славянская колонизація, они отъ Константинополя фактически уже не зависѣли и, нетронутые также первыми завоеваніями Болгаръ, потомъ сами собою вошли въ составъ ихъ державы, когда власть Аспаруховыхъ преемниковъ сроднилась съ славянскимъ населеніемъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что при заключеніи мира съ Византіею въ 716 году границею Болгаріи (владѣвшей уже Загоріемъ, уступленнымъ Тервелю), была назначена какая-то мѣстность *Мелеоны*. Если, какъ мы полагаемъ, подъ этимъ именемъ Византійскій лѣтописецъ разумѣлъ извѣстный край *Мъглены* (Меглены, Моглены) къ сѣверу отъ Водены, то въ такомъ случаѣ власть Болгаріи уже тогда распространялась на большую часть славянскихъ поселеній въ Македоніи. Позднѣе, одною изъ причинъ разрыва Крума съ Византіею выставляется споръ о какихъ-то соленыхъ варницахъ. Соляныя озера находятся именно въ Македоніи, къ востоку отъ Могленскаго края. Далѣе разсказывается, что первымъ враждебнымъ дѣйствіемъ Крума противъ императора Никифора въ 809 г. было то, что Болгаре перехватили транспортъ съ 1,100 фунт. золота, которые императоръ посылалъ для уплаты жалованья войскамъ въ Струменской области: вѣроятно, стало быть, что Болгарія прилегала къ этой области. Все это ведетъ къ предположенію, что уже съ VIII вѣка вся сѣверная половина Македоніи принадлежала Болгаріи. — Затѣмъ, когда Византійская имперія рѣшилась во второй разъ уступить Болгарамъ, послѣ крещенія Бориса (859 г.), Загоріе, столь важное для непосредственной обороны Адріанополя и Константинополя, то вмѣстѣ съ тѣмъ она, — это можно считать несомнѣннымъ, — при-

нала за Болгаріею обладаніе и болѣе отдаленными отъ столицы, славянскими областями на Струмѣ, Вардарѣ и около Охридскаго озера. Черезъ сто лѣтъ, мы увидимъ, именно Охридскіе Славяне явятся самыми сильными и стойкими поборниками Болгаріи.

На западъ, къ этому могущественному политическому тѣлу, простиравшемуся отъ Карпатовъ за Балканы и до горъ Албаніи, примыкали Хорваты и Сербы: Хорваты между Дравою и Савою (въ нын. Кроаціи и Славоніи) составляли тогда государство, довольно могущественное, которымъ правилъ Брячиславъ, носившій, судя по западнымъ лѣтописцамъ, титулъ короля. Другое государство Хорватское, на Адріатическомъ поморьѣ, успѣло уже, какъ мы видѣли, показать свои силы въ борьбѣ за независимость и, по-видимому, готовило себѣ свѣтлую будущность въ славянскомъ мірѣ, вступивъ, подъ правленіемъ великаго жупана Мутиміра, въ общеніе съ православною славянскою церковью (около 890 г.). Сербы, еще мало испытанные въ бояхъ, но уже крѣпко противоставшіе войскамъ Болгаріи, готовились къ дѣятельности въ позднѣйшую пору. На югъ отъ Болгаріи тянулись далеко Славянскія вѣтви, до Солуня и оконечностей Пелопоннеса.

Такъ стояло Славянское племя во второй половинѣ IX вѣка, представляя западнымъ врагамъ непрерывный строй вооруженныхъ народовъ отъ Голштиніи до древняго Эпира. И по всему этому строю разливался свѣтъ христіанства: взошедши у Архипелага, онъ засіялъ уже на Эльбѣ. Позади же, подъ прикрытіемъ западныхъ племенъ, возникали въ одно время государства Польское и Русское: стягъ Варяговъ, добровольно призванныхъ, водружался въ Новѣгородѣ и Кіевѣ, — въ Гнѣзнѣ вступалъ на княжескій престолъ сынъ знаменитаго хлѣбопашца [1]).

Но эта блестящая пора длилась немного времени. Скоро сталъ разрушаться грозный строй Славянъ на западѣ: съ средины его, съ Великой Моравіи, началось распаденіе, сперва духовное, за тѣмъ политическое.

Первою христіанскою проповѣдью и крещеніемъ славянскій народъ въ Моравіи и Панноніи обязанъ былъ латинскому духовенству южной Германіи, епископамъ Зальцбургскому и Пассаускому, но этихъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ онъ не любилъ. Ихъ требованія были велики, они хотѣли распоряжаться въ государствѣ Мойміра и Ростислава какъ въ своей духовной области, а между тѣмъ были для Славянъ плохіе наставники. Хотя Зальцбургскіе архіепископы и давали Славянамъ архипресвитера съ діаконами и причтомъ, однако

---

[1]) Земовитъ или Семовитъ, сынъ Пястовъ.

Моравскіе князья могли сказать Греческому царю[1]): «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ и протолковалъ святыя книги».—«Поставилъ Зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ Славянамъ архипресвитеромъ Рихбальда, привожу слова современнаго памятника нѣмецкаго, и поручилъ его попеченіямъ весь народъ (Моравскій); много времени пробылъ тамъ Рихбальдъ, исполняя свою должность, пока не пришелъ какой-то Грекъ, по имени Меѳодій, съ новоизобрѣтенными славянскими письменами и, посредствомъ своей «философіи», лишая законныхъ правъ латинскій языкъ и римское ученіе и подлинныя письмена латинскія, подорвалъ во всемъ народѣ (Славянскомъ) «миссы» (латинскія обѣдни), евангельскія чтенія и церковныя службы тѣхъ, которые совершали оныя на латинскомъ языкѣ (usque dum quidam Graecus, Methodius nomine, noviter inventis Sclavinis litteris, linguam Latinam doctrinamque Romanam atque litteras auctorales Latinas philosophice superducens, vilescere fecit cuncto populo ex parte [2]) missas et Evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc Latine celebraverunt). Этого Рихбальдъ не могъ снести и возвратился въ Зальцбургъ» [3]).

Эти слова современника Нѣмца показываютъ все негодованіе германскаго духовенства на славянскихъ просвѣтителей. Начались происки; стали обвинять Кирилла и Меѳодія передъ папою; они должны ѣхать въ Римъ, въ 868 г.; папа оправдываетъ ихъ, но доносы не прекращаются. Въ 879 г. Меѳодій получаетъ грозное посланіе отъ папы: «Мы слышали, будто ты не тому учишь народъ, чему Римская церковь наставлена отъ главы апостоловъ и что она постоянно проповѣдуетъ; мы слышали также, будто ты поешь обѣдню на варварскомъ, то есть, Славянскомъ языкѣ, тогда какъ мы уже въ прежнемъ письмѣ запрещали тебѣ совершать св. литургію на этомъ языкѣ». Меѳодій опять ѣдетъ въ Римъ, оправдывается, папа пишетъ Святополку (880 г.), что онъ одобряетъ славянскія письмена, позволяетъ служить по-славянски, лишь бы евангеліе читалось сперва по-латыни, а потомъ въ славянскомъ переводѣ для народа; «а если бы тебѣ (Святополку) и твоимъ сановникамъ лучше нравилось слушать литургію на латинскомъ языкѣ, то предписываемъ, чтобы

---

[1]) Знаменитое посольство Ростислава князя Моравскаго, Святополка удѣльнаго князя Нитрскаго и Коцела, князя Блатенскаго (Паннонскаго) къ импер. Михаилу, посольство, вслѣдствіе котораго отправились въ Моравію св. Кириллъ и Меѳодій (862 — 863).

[2]) Вѣроятно слѣдуетъ подразумѣвать „ex parte Slavorum“, ибо въ Панноніи, между Славянами, были и нѣкоторыя Баварскія поселенія, которыя, безъ сомнѣнія, оставались преданными самимъ Нѣмецкимъ священникамъ: (объясненіе Добровскаго).

[3]) Anonymi Salisburgensis, Historia conversionis Carantanorum etc. (Копитаръ, Glag. Cloz. LXXV).

для тебя Богослуженіе совершалось по-латыни». Злая оговорка, съ расчетомъ написанная для Святополка, ибо онъ, могущественнѣйшій государь славянскій, былъ на сторонѣ западнаго духовенства: оно его уловило въ свои сѣти, преданнаго грубому сладострастію и боявшагося Меѳодія, какъ обличителя пороковъ. На это прямо указываетъ древнее житіе св. Климента Болгарскаго (писанное по-гречески). Кто знаетъ, не боялся ли Святополкъ Меѳодія, и какъ обличителя въ страшномъ преступленіи противъ Ростислава? Есть даже извѣстіе, что Меѳодій однажды не допустилъ его къ причастію. И вотъ когда Меѳодій ѣдетъ въ Римъ оправдываться, Святополкъ посылаетъ вмѣстѣ съ нимъ къ папѣ его злѣйшаго врага, Вихинга, Шваба, фанатическаго поборника новаго западнаго догмата объ исхожденіи Св. Духа, и ходатайствуетъ, чтобы папа его поставилъ епископомъ Нитры, викаріемъ Меѳодію; и папа, разумѣется, эту просьбу исполняетъ. Умирая (6-го апрѣля 885) Меѳодій указываетъ на ученика своего, уроженца Моравіи, Горазда, какъ на своего преемника. «Нѣтъ, кричатъ противники (такъ повѣствуетъ житіе Климента), нѣтъ, прочь Горазда! въ немъ оживетъ второй Меѳодій!» требуютъ архіепископомъ Вихинга, обращаются къ Святополку, Святополкъ рѣшаетъ въ пользу Вихинга и «Франковъ». Главныхъ учениковъ Меѳодія, Горазда, Климента, Лаврентія, Наума, Ангеларія, «Франки» (т. е. латинская сторона) сажаютъ въ темницу и жестоко ихъ мучатъ, «безъ вѣдома Святополка, находившагося въ отлучкѣ и который, хотя благопріятствовалъ Франкамъ и былъ свирѣпаго нрава, однако не попустилъ бы этого». Избитыхъ, изможденныхъ голодомъ отдали святыхъ страдальцевъ воинамъ, съ приказаніемъ отвести ихъ, каждаго порознь, на тотъ берегъ Дуная, вонъ изъ Моравіи. «Воины же, люди варварскіе, ибо то были Нѣмцы, — говоритъ все то же житіе [1]), — жестокіе и по природѣ, и теперь по обязанности, взяли святыхъ, отвели далеко за городъ и бросили. Исповѣдники же Христовы жаждали Болгаріи, стремились къ Болгаріи, которая должна была дать имъ успокоеніе». — Съ честію принялъ святыхъ Климента, Наума и Ангеларія на границѣ Болгаріи, въ Бѣлградѣ, тамошній начальникъ Борита-канъ, зная, что для Болгарскаго государя такіе люди вожделѣнные гости; не менѣе почтилъ ихъ самъ Борисъ. Сначала они жили при дворѣ его, въ домахъ вельможъ Болгарскихъ Ехаца [2]) и Часлава. Борисъ любилъ бесѣдовать съ ними; престарѣлый государь, онъ сталъ учить-

---

[1]) οἱ στρατιῶται, ἄνθρωποι βάρβαροι,—Νεμιτζοὶ γάρ, —καὶ φύσει μὲν τὸ ἀνήμερον ἔχοντες и проч. Житіе св. Климента писано Ѳеофилактомъ архіепископомъ Болгарскимъ, жившимъ во второй половинѣ XI вѣка.

[2]) Объ этомъ Ехацѣ говорится, что онъ былъ званіемъ σαμψής: τις βουλγάρων Ἐχάτζης τὴν κλῆσιν, σαμψὴς τὸ ἀξίωμα. Не умѣемъ объяснить этого титула.

ся подъ ихъ руководствомъ «древнимъ исторіямъ и житіямъ святыхъ» и слушалъ изъ устъ ихъ Священное Писаніе: очевидно, его привлекалъ, его радовалъ славянскій переводъ библейскихъ книгъ, которыхъ въ этомъ переводѣ ученики Меѳодіевы могли принести съ собою изъ Моравіи гораздо больше, нежели сколько было прежде извѣстно въ Болгаріи.

Подобно Горазду, Клименту и ихъ товарищамъ, конечно и многіе другіе послѣдователи Меѳодія мало-по-малу перешли въ Болгарію, вытѣсняемые изъ Моравіи сначала западнымъ духовенствомъ, потомъ нашествіемъ Венгровъ. При смерти Меѳодія въ Велико-Моравскомъ царствѣ было, по словамъ одного древняго памятника [1]) до двухъ сотъ священниковъ, имъ образованныхъ, и все это въ теченіе немногихъ лѣтъ разсѣялось; послѣ нашествія Мадьяръ (900—907) въ землѣ Святополка не осталось ни церкви, ни села. Наконецъ нива Болгарская нашла своихъ дѣлателей. Въ четвертый разъ, въ теченіе едва тридцати лѣтъ, перемѣнила Болгарія свое духовное направленіе. Мы видѣли, какъ она приняла христіанство изъ Греціи, но съ содѣйствіемъ славянской проповѣди, какъ она затѣмъ предалась Риму, какъ опять перешла къ Константинополю и вмѣсто западныхъ епископовъ получила пастырей изъ Греціи; теперь наконецъ, но уже не такъ, какъ при прежнихъ переходахъ отъ Восточной церкви къ Западной и отъ Западной къ Восточной, безъ перелома и разрыва, а естественнымъ, спокойнымъ дѣйствіемъ началъ православной церкви, Болгарія замѣняетъ греческихъ наставниковъ славянскими, и этимъ, можно сказать, обозначается окончательное установленіе въ ней православной вѣры. Въ старцѣ Борисѣ, уже почти полстолѣтія занимающемъ престолъ Болгарскій и теперь учащемся у молодыхъ питомцевъ Меѳодія, не выражается ли та духовная жажда, съ которою Болгарія усвоивала себѣ открывшееся передъ нею славянское просвѣщеніе! Водворяется же это просвѣщеніе въ Болгаріи двумя главными дѣятелями, Гораздомъ и Климентомъ, уроженцемъ Моравіи и природнымъ Болгариномъ, какъ бы въ свидѣтельство союза Болгарскаго народа съ его славянскими братьями во имя христіанства.

Ангеларій умеръ въ домѣ Ехаца. Другихъ учениковъ Меѳодіевыхъ, Горазда, Климента, Наума, Савву, Константина Борисъ, по свидѣтельству одного древняго памятника [2]), «распредѣлилъ по своимъ областямъ, согласно ихъ желанію, для возвѣщенія имени Христова и объясненія Писаній, и для составленія переводовъ, которые ими за-

---

[1]) Упомянутаго уже житія Климента.

[2]) Житіе св. Наума.

мышлялись и которые они и исполнили. Онъ повелѣлъ всѣмъ своимъ подданнымъ слушаться ихъ, подчиняться ихъ предписаніямъ какъ своимъ собственнымъ, и помогать со всѣмъ рвеніемъ постройкѣ храмовъ, которые святые мужи намѣревались воздвигнуть для умноженія благочестія».—Болгарскія владѣнія раздѣлены были Борисомъ на семь епархій: мы знаемъ положительно, что три епископскія каѳедры заняты были Моравскими изгнанниками (Гораздомъ, Климентомъ и Константиномъ). Благодаря уцѣлѣвшему памятнику мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности одного изъ нихъ, Климента, трудившагося преимущественно въ юго-западной Болгаріи или такъ называемомъ Котокій.

Въ этой странѣ была уже тогда, какъ кажется, учреждена епископская каѳедра, а именно въ Брегальницѣ. Зная, что Брегальница была мѣстомъ первой проповѣди между Славянами св. Кирилла, мы имѣемъ право предположить, что обращеніе имъ въ этой мѣстности нѣсколькихъ тысячъ Славянъ повело къ назначенію сюда епископа, что Брегальница была первая славянская епархія, основанная первоучителемъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что еще при Борисѣ существовала Брегальницкая епархія, что тамъ былъ въ то время епископскій домъ и что Борисъ строилъ въ Брегальницѣ храмъ, въ который онъ поручилъ начальнику этой области Таридину перенести мощи древнихъ мучениковъ, открытыя въ Тиверіополѣ или, какъ этотъ городъ уже называли тогда славянскимъ именемъ, — Струмницѣ [1]).

Но полагая даже, что Брегальницкая епархія основана была вслѣдъ за проповѣдью Кирилла и Меѳодія между Македонскими Славянами, отъѣздъ ихъ въ Моравію отвлекъ дѣятельность славянскихъ просвѣтителей къ другимъ племенамъ, и Македонскіе Славяне оставались какъ бы забытыми. Борисъ послалъ туда Горазда, Наума, Климента. Имя Гораздо соединилось съ Албанскимъ Бѣлградомъ (Бератъ); память о Наумѣ съ Дѣволемъ, городомъ лежащимъ къ югу отъ Охридскаго озера. Отправляя туда и Климента, Борисъ, по словамъ древняго житія, «выдѣлилъ изъ Котокія Кутмичивицу [2]) и поручилъ этотъ край Доветѣ, изъявъ его изъ подчиненія областному начальству; и поручилъ онъ Доветѣ блаженнаго Климента, приказавъ во всемъ ему содѣйствотать: ибо онъ посылалъ Климента наставникомъ Кутми-

---

[1]) См. Житіе 15-ти мучениковъ, что въ Тиверіополѣ, написанное Ѳеофилактомъ Болгарскимъ.

[2]) Въ греческомъ текстѣ это имя пишется (Κουτμητζιβίτζα, въ другомъ мѣстѣ Κουτμιτζιβίτζα). Можно предполагать тутъ ошибку, но къ сожалѣнію, наши данныя о топографіи Македоніи и Албаніи такъ скудны, что мы не въ состояніи опредѣлить настоящую форму этого имени. Во всякомъ случаѣ, по указанію на г. Дѣволь ясно, что это былъ край къ югу отъ Охридскаго озера.

чивицы». Такимъ образомъ, мы видимъ, для доставленія бо́льшой свободы дѣйствій проповѣднику, край, который ему ввѣрялся, былъ изъятъ изъ общей подчиненности и въ гражданскомъ управленіи. Кромѣ того Борисъ назначилъ Клименту въ пользованіе три изобилующихъ богатствомъ боярскихъ дома [1]) въ Дѣволѣ, а также «мѣста для отдохновенія въ Охридѣ и Главеницѣ [2])». Климентъ работалъ въ этой странѣ неутомимо до смерти своей, сперва какъ проповѣдникъ въ «Кутмичивицѣ», потомъ какъ епископъ Велицы, въ средней части Македоніи. «Объѣзжая край, ему порученный, говоритъ житіе, онъ проповѣдывалъ народу непрестанно слово Божіе; у него были въ каждомъ приходѣ (ἐνορία) избранные ученики; ихъ число простиралось до 3,500. Онъ пребывалъ по большей части съ ними, и мы, которые всегда съ нимъ были [3]), видя и слыша все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, мы никогда не видали его празднымъ. Онъ обучалъ дѣтей, показывая однимъ значеніе буквъ, объясняя другимъ смыслъ писаннаго, инымъ образуя руку для письма; и даже ночью трудился онъ, предаваясь молитвѣ, чтенію, писанію книгъ; иногда онъ въ одно время и самъ писалъ и училъ юношество. Изъ учениковъ своихъ онъ образовалъ чтецовъ, иподіаконовъ, діаконовъ, священниковъ; до трехъ сотъ изъ нихъ разослалъ онъ въ разныя области Болгаріи. Въ образецъ поставилъ онъ себѣ великаго Меѳодія и имѣя передъ собою, какъ картину нѣкоего искуснаго живописца, жизнь и дѣла его, онъ уподоблялъ имъ свои собственные поступки, ибо онъ зналъ жизнь Меѳодія какъ никто другой, бывъ съ юныхъ лѣтъ его спутникомъ и очевидцемъ всѣхъ его подвиговъ. Видя, что народъ не постигалъ смысла Писаній и что даже многіе священники болгарскіе не понимали греческихъ книгъ, такъ какъ они обучались только чтенію ихъ, а проповѣдное слово на болгарскомъ языкѣ не существовало [4]), онъ своими трудами разрушилъ стѣну невѣжества, затмѣвавшаго Болгаръ, и сдѣлался новымъ Павломъ для новыхъ Коринѳянъ: на всѣ праздники сочинилъ онъ простыя и удобопонятныя слова, и въ нихъ ты научишься тайнамъ вѣры, найдешь похвалы пресвятой Богородицѣ при многократно совершаемыхъ церковью празднованіяхъ Ей, найдешь повѣствованія о чудесахъ Ея и похвалы

---

[1]) τρεῖς οἴκους τῷ τρισμάκαρι Κλήμεντι τῶν τὴν πολυτέλειαν περιττῶν ἐν Διαβόλει προσαναθέμενος τοῦ γένους τῶν Κομήτων ὄντας. (Житіе св. Климента, изд. въ Москополѣ 1742).

[2]) И нынѣ Главеница, иначе — Издеглава, на сѣверъ отъ Охрида.

[3]) Очевидно, что Ѳеофилактъ выписывалъ изъ источника, писаннаго современникомъ Климента.

[4]) Ἱερεῖς δὲ πολλοὺς Βουλγάρους δυσξυνέτως ἔχοντας τῶν Γραικῶν περὶ τὴν ἀνάγνωσιν ἐνετρίβησαν γράμμασι κἀντεῦθεν κτηνώδεις ὄντας, ὡς μὴ ὄντος Βουλγάρων γλώσσῃ πανηγυρικοῦ λόγου. (Тамъ же).

Іоанну Крестителю, узнаешь объ обрѣтеніи его главы, о житіи и дѣяніяхъ пророковъ и апостоловъ, о подвигахъ мучениковъ. Хочешь ли узнать правила св. отцевъ? Найдешь ихъ списанными по-болгарски премудрымъ Климентомъ. Словомъ, всѣ церковныя книги, коими прославляется Богъ и святые Его, и смиряются души, все это намъ Болгарамъ передалъ Климентъ. Такъ какъ Борисъ украсилъ Болгарію семью соборными церквами, то и Климентъ возжелалъ построить въ Охридѣ собственный монастырь, а потомъ соорудилъ тамъ еще другую церковь, гдѣ былъ въ послѣдствіи воздвигнутъ архіепископскій престолъ; и такимъ образомъ было въ Охридѣ три церкви, одна соборная, и двѣ, построенныя Климентомъ. Видя же Болгарію покрытую одними дикими деревьями и лишенную садовыхъ плодовъ, онъ перенесъ туда изъ Греческой земли всякія плодоносныя деревья и прививками облагородилъ дикія». Скончался этотъ великій дѣятель въ просвѣщеніи Славянъ 27 Іюня 916 г.

Подобнымъ образомъ, конечно, и товарищи, соизгнанники Горазда и Климента сдѣлались просвѣтителями и благодѣтелями народа въ другихъ городахъ и областяхъ обширнаго царства Болгарскаго. Позднѣйшія сказанія уже прямо приписываютъ св. Клименту и его сподвижникамъ, вмѣстѣ съ благочестивымъ царемъ Симеономъ, сыномъ Бориса, распространеніе Евангелія въ Болгаріи [1]).

Въ самое короткое время, въ послѣдніе годы IX-го и въ началѣ X столѣтія, явилось въ Болгаріи, подъ перомъ Моравскихъ выходцевъ и людей, ими образованныхъ, невѣроятное множество книжныхъ трудовъ, цѣлая литература, въ которой стали уже соединяться съ переводными работами самостоятельныя сочиненія, и въ которой богословская наука и проповѣдное слово сходилось съ науками свѣтскими, съ философіею, словесностію, исторіею и описаніемъ природы. Число сохранившихся отъ нея до нашего времени памятниковъ даетъ возможность судить о числѣ утраченныхъ въ теченіе столькихъ вѣковъ и свидѣтельствуетъ о той необыкновенной умственной дѣятельности, которая возникла въ Болгаріи вслѣдъ за водвореніемъ славянской письменности и славянскаго перевода священныхъ книгъ. Здѣсь не мѣсто исчислять эти памятники и распространяться о главныхъ славянскихъ писателяхъ этого времени, о Іоаннѣ экзархѣ Болгарскомъ,

[1]) Житіе Св. Іоанна Владиміра (сравн. выше, стр, 59): "Οταν ὁ σωτήριος λόγος τῇ τῶν Μυσῶν ἐπεφάνη μὲ τὸ ἔνθεον κήρυγμα, ἀπὸ τὸν ἁγιώτατον Κλήμεντα καὶ ἀπὸ τοὺς σὺν αὐτῷ θεοσόφους πατέρας, ὁποῦ μὲ τὸ ἅγιον Εὐαγγέλιον τὴν Βουλγάρων γῆν περιετριγύρισαν, εἰς τὸν ὁποῖον καιρὸν πρῶτος τῶν χριστιανῶν Βουλγάρων βασιλεὺς ἐστάθη ὁ Συμεών, ὁ ὁποῖος μὲ μεγάλην προθυμίαν καὶ συνδρομὴν ἐκείνους τοὺς θεοσόφους πατέρας τότε ἐσπούδασε καὶ ὑπηρέτησε и проч. Επάνω δὲ εἰς ὅλα περισσότερον ἐφάνη συνδρομεὺς τοῦ μακαριωτάτου ἁγίου Κλήμεντος, ὡσὰν ὁποῦ ἐκοιμήθησαν οἱ ἐπίλοιποι, καὶ τὴν ζωὴν ταύτην ἄφησαν, ὁ Κύριλλος λέγω καὶ ὁ Μεθόδιος.

о Константинѣ епископѣ, Григоріи пресвитерѣ, монахѣ Храбрѣ: достаточно сказать, что почти всѣ переводы церковныхъ книгъ и огромнаго числа твореній св. отцевъ, которые въ теченіе столѣтій, непрестанно переписываясь, питали духовныя потребности Болгарскаго народа, Сербіи и древней Руси, совершены были въ Болгаріи въ концѣ княженія Борисова и въ царствованіе его сына Симеона.

Обратимся теперь къ политическимъ событіямъ этого времени.

Борисъ усталъ царствовать. По словамъ западнаго лѣтописца, давно уже любилъ онъ, являясь днемъ передъ народомъ въ царскомъ облаченіи, по ночамъ скрываться въ церковь, и въ уединеніи, покрытый вретищемъ, распростираться на полу, на жесткой власяницѣ вмѣсто ковра. Тяжкая болѣзнь утвердила въ немъ мысль отказаться отъ престола. Онъ удалился въ монастырь. Оставилъ онъ двухъ сыновей, Владиміра и Симеона, и вѣроятно поручилъ имъ совокупно править Болгаріею; Борисъ же самъ сохранилъ за собою дѣла церковныя, и продолжалъ, мы полагаемъ, ими завѣдывать до своей смерти [1]). Неизвѣстно, въ какомъ году Борисъ покинулъ міръ, и вообще эти обстоятельства въ Болгарской исторіи весьма темны. Въ греческихъ источникахъ Симеонъ является на престолѣ уже въ 888 году, а западные лѣтописцы подъ 892 годомъ Болгарскимъ государемъ называютъ Владиміра; наконецъ Ѳеофилактъ, архіепископъ Болгарскій, пишетъ, что на восьмомъ году проповѣднической дѣятельности Климента (то-есть въ 893 году) вступилъ на престолъ Владиміръ, что онъ черезъ четыре года умеръ, и что тогда братъ его Симеонъ сдѣлался наслѣдникомъ *всего*. Изъ этого-то послѣдняго выраженія, также какъ изъ того, что Симеонъ упоминается Византійцами въ качествѣ правителя Болгаріи подъ 888 годомъ, слѣдуетъ, кажется, вывести заключеніе, что Симеонъ получилъ удѣлъ еще при жизни старшаго брата. Быть можетъ, Владиміру даны были сѣ-

---

[1]) Это видно изъ сличенія извѣстій. Несомнѣнно, что Борисъ уже не царствовалъ въ 888 году, какъ оказывается по Византійскимъ лѣтописцамъ. Ѳеофилактъ, въ житіи 15-ти мучениковъ, говоритъ что Борисъ царствовалъ 36 лѣтъ и впавъ въ болѣзнь, передалъ престолъ старшему сыну Владиміру, который правилъ четыре года. Такъ какъ Борисъ въ первый разъ является, какъ государь Болгаріи, въ 844 г., то по этому его отреченіе имѣло бы мѣсто не позже 880 г. Съ другой стороны, Борису приписываются пріемъ изгнанныхъ изъ Моравіи учениковъ Меѳодія, размѣщеніе ихъ по Болгарскимъ областямъ и послѣдовавшія затѣмъ мѣры къ устройству Болгарской церкви. Все это потребовало, конечно, довольно долгаго срока *послѣ 885 года* (въ 885 г. Меѳодій умеръ въ Моравіи). Борисъ жилъ до 906 года: такимъ образомъ нѣтъ причины сомнѣваться въ справедливости показаній, присвоивающихъ всѣ эти распоряженія ему, а не сыновьямъ его. Весьма естественно, что онъ, новообращенный христіанинъ и притомъ столь ревностный въ вѣрѣ,—отрекаясь отъ управленія мірскими дѣлами и удаляясь въ монастырь,—пожелалъ удержать въ своихъ рукахъ дѣла церковнаго управленія.

верныя области Болгаріи, Симеону южныя, ближайшія къ Византіи. Во всякомъ случаѣ, Владиміръ царствовалъ не долго и недостойно. Въ западныхъ лѣтописяхъ мы читаемъ слѣдующій расказъ: «Борисъ въ монастырѣ услышалъ, что сынъ его, котораго онъ сдѣлалъ королемъ, предается хищеніямъ и великимъ злодѣяніямъ, что онъ совращаетъ народъ съ пути христіанства; возгорясь рвеніемъ, онъ сложилъ съ себя иноческія ризы и препоясавъ мечъ, надѣвъ царское облаченіе, съ немногими вѣрными людьми погнался за сыномъ, безъ труда схватилъ его, выкололъ ему глаза и заключилъ его въ темницу; потомъ, созвавъ соборъ отъ всего своего государства, поставилъ королемъ своего меньшаго сына».

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ это справедливо. Мы знаемъ однако, что Борисъ жилъ еще долго послѣ того, какъ правленіе перешло къ Симеону: Борисъ скончался 2 мая 906 года [1]).

Какія бы обстоятельства ни сопровождали отреченіе отъ престола перваго христіанскаго государя Болгаріи, мы можемъ указать на 888 годъ, какъ на моментъ важнаго въ Болгарской исторіи перехода: тутъ сорокачетырехлѣтній миръ поколѣнія, жившаго при Борисѣ (844—888 г.), смѣняется почти столь же продолжительною воинственною дѣятельностью новаго поколѣнія, при Симеонѣ (888—927 г.). Рѣдкій въ тѣ времена случай, свирѣпая война, тогда начавшаяся, имѣла причиною торговые интересы. Греки стали притѣснять торговлю Болгарскую, весьма обширную и которая, кажется, связывала Константинополь съ Дунайскими странами, Моравіею и Германіею, т. е. производила размѣнъ произведеній запада и востока. Евнуху Мусику съ Греческими купцами Ставракіемъ и Космою удалось, посредствомъ придворныхъ интригъ, выманить у императора Льва Философа монополію торговли съ Болгаріею, и чтобъ очистить себѣ столичный рынокъ, они принудили Болгарскихъ купцовъ переѣхать изъ Константинополя въ Солунь, да и тамъ стали ихъ прижимать. Представленія Симеона не дѣйствовали на императора, и онъ наконецъ рѣшился объявить войну. Онъ проникъ въ греческую часть Македоніи, одержалъ большую побѣду надъ Византійскими войсками и Хазарскими наемниками, и множество плѣнныхъ съ отрѣзанными носами отослалъ къ императору. — Испуганный успѣхами Болгаръ, Левъ обратилъ взоры на дикую орду, недавно показавшуюся на Черномъ морѣ, близъ Дуная, и послалъ звать ее себѣ на помощь. Онъ задобрилъ Мадьяръ дарами, и заключилъ договоръ съ ихъ вождемъ Арпадомъ: Мадьяры обязались напасть на Болгарію.

Что за народъ были эти Мадьяры (иначе *Угры*, *Венгры*, а у древ-

---

[1]) См. Іоаннъ Экзархъ Болг. Калайдовича, стр. 98.

нихъ Византійскихъ лѣтописцевъ *Турки*), Мадьяры, которые произвели такой страшный переворотъ во всей Дунайской странѣ? Не вдаваясь въ разысканія объ ихъ первоначальной судьбѣ, въ доказательства теперь вполнѣ утвержденнаго наукою происхожденія ихъ отъ восточной, Уральской отрасли Финскаго племени и ближайшаго, какъ оказывается, родства ихъ съ Камскими Болгарами и ордою Болгаръ, завоевавшихъ въ VII вѣкѣ страну Придунайскую [1]), — ограничимся свидѣтельствомъ почти современнаго ихъ появленію писателя, Константина Багрянороднаго: «Народъ Турокъ (онъ говоритъ о Мадьярахъ: Турками звали ихъ Греки какъ выходцевъ изъ Заволжскихъ степей и какъ прежнихъ данниковъ Турецкаго народа, Хазаровъ, съ нѣкоторыми вѣтвями котораго они и смѣшались) народъ Турокъ обиталъ въ старину въ странѣ, прозванной Леведіею по первому ихъ воеводѣ (βοεβόδου) Леведіи (Λεβεδίας), гдѣ течетъ и рѣка Хидмасъ, именуемая также Ингуломъ (Χίγγυλος): они тогда не назывались Турками, а почему-то носили имя *Саваръ*, т. е. *безопасныхъ* [2]), и было ихъ семь колѣнъ, подъ начальствомъ воеводъ (βοέβοδοι). Потомъ Печенѣги, побѣжденные Хазарами, принуждены были перейти въ землю Турокъ, и въ войнѣ, которая между ними возникла, Турки были побѣждены и раздѣлились на-двое; часть пошла на востокъ, къ Персіи, другая на западъ, въ мѣста называемыя *Ателькузу* [3]), гдѣ теперь живутъ Печенѣги, — и гдѣ (прибавляетъ Константинъ въ другомъ мѣстѣ) протекаютъ рѣки *Варухъ, Куву, Трулъ* (Днѣстръ, по-турецки Турлу), *Прутъ* и *Серетъ;* — здѣсь они выбрали себѣ, вмѣсто прежнихъ воеводъ, общаго государя, Арпада, и здѣсь же пристала къ нимъ, изгнанная изъ прежнихъ жилищъ междоусобною войною, часть народа Каваровъ, происходящаго отъ Хазаръ».

По опредѣленію Константина, *Ателькузу*, земля занятая Мадьярами, простиралась съ запада на востокъ отъ Серета за Днѣстръ, вѣроятно до Буга; такимъ образомъ они, въ нынѣшней Молдавіи, подошли къ предѣламъ Болгарскаго государства. Печенѣги продолжали

---

[1]) См. выше (стр. 20—23) разобранную нами запись о первыхъ князьяхъ Болгарскихъ, въ которой мы находимъ столько словъ сходныхъ, а иногда тождественныхъ съ Мадьярскими. Замѣчательно также совпаденіе имени перваго Мадьярскаго вождя, Альмоша, съ именемъ хана Волжскихъ Болгаръ Ἀλμουτζής, — о которомъ упоминается въ 920 г. (см. Muralt, Chronographie Byz., стр. 496).

[2]) У Константина мы читаемъ Σαβαρτοιάσφαλοι: комментаторы признаютъ, что подлинное чтеніе было Σάβαρ ἤτοι ἀσφαλοί; оно подтверждается показаніями другихъ памятниковъ.

[3]) *Atelköz* значитъ по-мадьярски *пространство у Ателя;* Атель — названіе Волги у степныхъ народовъ: по остроумной догадкѣ Венгерскаго историка Фесслера, Мадьяры, подошедъ къ низовьямъ Дуная, перенесли на огромную, незнакомую рѣку, передъ ними открывавшуюся, родное имя недавно покинутой ими Волги.

нападать на Венгровъ, и Арпадъ еще подвинулся на западъ; вскорѣ война Болгаръ съ Греками, Моравцевъ съ Нѣмцами втянула его орду въ сердце славянскихъ земель, въ равнину средняго Дуная.

Симеонъ выступилъ уже вторымъ походомъ противъ Византійцевъ (889), какъ вдругъ получаетъ извѣстіе, что непріятель перевезъ Венгровъ черезъ Дунай: греческій флотъ вошелъ въ устья Дуная, тутъ же взялъ тотчасъ на суда призванныя полчища Арпада, стоявшія уже на берегу рѣки и, прорвавъ цѣпи и канаты, протянутые Болгарами вдоль берега, чтобы загородить имъ переходъ черезъ Дунай, перевезъ Мадьяръ въ Болгарію. Они стали жестоко опустошать Болгарскую землю. Симеонъ поспѣшилъ имъ на встрѣчу и устремился на Мадьярскую рать; Арпадъ удачнымъ отступленіемъ завлекъ его къ Дунаю и тогда вступилъ въ бой; битва возобновлялась трижды: то было первое сраженіе Мадьяръ въ новомъ для нихъ европейскомъ мірѣ. Арпадъ выигралъ дѣло, Симеонъ бѣжалъ въ Доростолъ (Силистрію), оттуда въ какую-то крѣпость Мундрагу или Мулдагру, и тамъ заперся; Венгры дошли до самой столицы его, Прѣславы (близъ Шумлы) и потомъ удалились изъ Болгаріи, продавъ императору Льву плѣнныхъ Болгаръ. Но тогда Симеонъ приготовился къ отмщенію, самъ пошелъ за Дунай въ землю Венгровъ, передушилъ ихъ, по выраженію лѣтописца, и ловкими переговорами съ императоромъ выручилъ Болгарскихъ плѣнниковъ (890). — Приводимъ расказъ западнаго лѣтописца объ этихъ первыхъ столкновеніяхъ Болгаръ съ Мадьярами [1]); ошибка его только въ томъ, что онъ соединилъ въ одну обѣ войны Симеона противъ Мадьяръ: первую, столь для него гибельную, вторую побѣдоносную; не совсѣмъ вѣрно представлены также обстоятельства, приведшія къ войнѣ; но тѣмъ не менѣе извѣстіе весьма замѣчательно: «Греки заключаютъ миръ съ Аварами, иначе Венграми; что принимается въ дурную сторону согражданами (concives, — т. е. сосѣдями) Грековъ, Болгарами: они возстаютъ на нихъ войною и преслѣдуютъ ихъ, разоряя всю ихъ землю до воротъ Константинополя. Въ отмщеніе, Греки, съ свойственнымъ имъ коварствомъ, отправляютъ свои корабли къ Аварамъ (Венграмъ) и перевозятъ ихъ черезъ Дунай въ царство Болгарское. Перевезенные въ великой силѣ, они губятъ народъ Болгарскій. Болгаре, находящіеся въ походѣ, спѣшатъ назадъ въ отечество,

---

[1]) Расказъ этотъ записанъ въ Фульденской лѣтописи подъ 896 г., но ясно, что событія относятся къ 889 и 890; въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ, при извѣстіяхъ о странахъ отдаленныхъ, безпрестанно встрѣчаются такія невѣрности въ лѣтосчисленіи; иногда лѣтописецъ отмѣчалъ событіе подъ тѣмъ годомъ, въ которомъ получалъ о немъ свѣдѣніе: такъ крещеніе Болгаріи, случившееся въ 859 г., въ западныхъ сказаніяхъ отнесено къ 866 году, въ которомъ пришли въ Римъ и Германію послы Бориса съ увѣдомленіемъ объ его обращеніи.

сражаются съ непріятелемъ, разбиты. И во второй битвѣ побѣда остается не за ними. Не зная, какъ помочь бѣдѣ, они всѣ прибѣгаютъ къ стопамъ старичка (vetuli), короля Михаила [1]), виновника ихъ обращенія къ истинѣ, спрашиваютъ его совѣта. Михаилъ назначаетъ имъ трехдневный постъ, велитъ покаяться въ нанесенной христіанамъ обидѣ (т. е. въ войнѣ съ Греками), молить Бога о помощи. Совершивъ сіе, они вступаютъ въ жестокій бой съ врагами, обѣ стороны сражаются упорно, и наконецъ побѣда, хотя кровопролитная, достается христіанамъ. Кто возможетъ исчислить потери язычниковъ Аваровъ, когда на сторонѣ Болгаръ, одержавшихъ побѣду, оказалось павшими до 20,000 всадниковъ!»

До такихъ огромныхъ размѣровъ достигла, въ народной молвѣ, вѣсть о пораженіи Мадьяръ Симеономъ. Мадьяры ушли отъ нижняго Дуная. По свидѣтельству Нестора, то было степное, кочевое племя [2]), да и собственные лѣтописцы изображаютъ ихъ въ древнее время народомъ, перегоняющимъ стада съ мѣста на мѣсто, живущимъ въ шатрахъ, отправляющимся въ походъ верхомъ: такая орда, когда на нее нападетъ непріятель и разобьетъ ее, обыкновенно поднимается тотчасъ всѣмъ таборомъ и уходитъ въ даль. И вотъ, послѣ похода Симеонова за Дунай, Мадьяры являются уже не у Чернаго моря и устьевъ Дуная, а на восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ, въ нынѣшней Буковинѣ и части Галиціи. Здѣсь открылись передъ ними, за горами, владѣнія Моравскія и сѣверныя, слабо населенныя княжества, подвластныя Болгарскому государству, и начались ихъ страшные успѣхи.

---

[1]) Т. е. Бориса, принявшаго при крещеніи имя Михаила.

[2]) Идоша Угри мимо Кіевъ..... и сташа вежами: бѣша бо ходяще аки се Половци.— Объ этомъ походѣ мимо Кіева (Kyeu) весьма подробно говоритъ древнѣйшій Венгерскій лѣтописецъ (Anonymus regis Belae notarius), черпая изъ народныхъ преданій и пѣсенъ Мадьяръ, какъ видно изъ собственныхъ его указаній. Этимъ объясняется неопредѣленность и хвастливость его расказа; но большая часть историковъ были къ нему, конечно, несправедливы, отвергая его совершенно, какъ недобросовѣстнаго выдумщика. — Замѣчательно, что онъ съ именемъ Русской земли соединяетъ имя Суздаля, который, какъ извѣстно, и въ Скандинавскихъ сагахъ восходитъ до глубочайшей древности. Вотъ его слова; на нихъ, кажется, у насъ не было обращено вниманія: Вышедши изъ Скиѳіи, *quae Dentumoger dicitur*, Мадьяры „шли много дней черезъ пустынныя мѣста, и переплыли рѣку Этиль (Etyl) *super tulbou sedentes more paganismo* (вм. paganico), и нигдѣ не находили пути къ городу или жилью, и не вкушали пищи отъ трудовъ человѣческихъ, какъ былъ у нихъ обычай, но питались мясомъ и рыбою, доколѣ не пришли въ Русь, что зовется *Суздаль* (in Rusciam quae Susudal vocatur)...... И такъ, пришедши, князь Алмошъ со всѣми своими вступилъ въ землю Русскую, что зовется *Суздаль* (in terram intraverunt Rusciae, quae vocatur Susudal. (гл. 7). — „Тогда (послѣ побѣды надъ Русскими и Куманами, — вѣроятно Печенѣгами, — о которой разсказываетъ Венгерецъ) князья Русскіе, т. е. Кіевскій и *Суздальскій* (duces Ruthenorum, scilicet de Kyeu et Susdal), дабы не лишиться своихъ престоловъ, дали князю Алмошу въ заложники своихъ сыновей,“ и проч. (гл. 10).

Мы видѣли, какого могущества достигла Великая Моравія подъ скипетромъ Ростислава и Святополка, какъ она собрала около себя западныхъ Славянъ и какой отпоръ дала Германіи. Тутъ готовилась борьба на жизнь и смерть; послѣ нѣсколькихъ колебаній и мирныхъ попытокъ, она разразилась въ 890 г. Вождемъ Германскаго племени былъ Арнульфъ, уже носившій тогда королевскую корону, вскорѣ потомъ вѣнчанный императорскою, — безспорно сильнѣйшій и дѣятельнѣйшій изъ западныхъ государей IX вѣка послѣ Карла Великаго. Но два года не могъ онъ еще ничего сдѣлать противъ силы Моравской. Тогда (892 г.) онъ сталъ заискивать союза съ другими Славянами, съ Брячиславомъ, княземъ Хорватовъ между Дравою и Савою, съ Болгарами, которыхъ уговаривалъ дѣйствовать съ нимъ за-одно и не возить къ Моравцамъ соли, — и въ то же время послалъ звать Мадьяръ на Святополка: такимъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ двухъ разныхъ сторонъ, изъ Константинополя и изъ Германіи, приходили къ Мадьярамъ за помощью враги Славянскаго народа. Самъ Арнульфъ повелъ рать Баварцевъ, Франковъ и Швабовъ, и съ сѣвера, со стороны Чехіи, направилъ на Святополка храбраго полководца, епископа Арна съ сильнымъ войскомъ. Но Святополкъ устоялъ со славою. Болгаре на него не пошли, Брячиславъ ни въ чемъ не успѣлъ, Арнъ погибъ въ Чехіи, все войско его было истреблено; Мадьярамъ также не посчастливилось: они присоединились-было къ Арнульфу и стали съ нимъ заодно разорять Моравію, но вскорѣ Арнульфъ, какъ говоритъ Сангалльская лѣтопись, «отпустилъ Агарянъ (т. е. Мадьяровъ), потому что они были заперты»: значитъ, Святополкъ застигъ ихъ гдѣ нибудь въ горахъ и отбросилъ за Карпаты; Арнульфъ съ Нѣмцами также безъ успѣха воротился назадъ. Въ слѣдующемъ походѣ (893) онъ опять потерпѣлъ неудачу; но въ 894 г. Святополкъ умеръ. Народъ Моравскій не вѣрилъ его смерти, и до сихъ поръ ищетъ Святополка. А вотъ что пишетъ Пражскій лѣтописецъ: «Въ этомъ году (894) Святополкъ царь Моравскій, какъ расказываютъ въ народѣ, исчезъ посреди своего войска, и никогда съ тѣхъ поръ его не видали. Въ самомъ же дѣлѣ онъ тогда, терзаемый совѣстью......... во тьмѣ ночной, никѣмъ не видимый, сѣлъ на коня и ускакалъ въ дремучій лѣсъ на горѣ Zober [1]), гдѣ жило трое пустынниковъ; здѣсь, въ самомъ потаенномъ мѣстѣ лѣса, убилъ онъ коня своего и зарылъ въ землю свой мечъ, и на разсвѣтѣ пришелъ къ пустынникамъ, постригся и пребылъ съ ними, неузнанный, до конца жизни; предчувствуя смерть, онъ открылся имъ, и тотчасъ испустилъ духъ» [2]). — Въ этой Великой Моравіи, которую вмѣстѣ съ

[1]) Въ Нитрской странѣ.

[2]) Въ этомъ разсказѣ Косьмы Пражскаго мы видимъ христіанское, монашеское

учениками Кирилла и Меѳодія какъ бы покинула духовная сила, — геній одного человѣка, одного полководца служилъ опорою цѣлому царству, и смерть Святополка была провозвѣстницею быстраго, страшнаго паденія. Такъ скоро совершилось оно, что послѣднія событія борьбы Великой Моравіи съ Нѣмцами и Мадьярами едва замѣтны въ исторіи; виденъ только общій исходъ дѣла: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кончины Святополка отъ Велико-Моравскаго царства не оставалось слѣда.

Между тѣмъ Симеонъ еще въ 892 г. пошелъ опять на Грековъ. Онъ проникъ за Адріанополь и встрѣтился тамъ съ соединенными Византійскими легіонами: произошло сраженіе, «общее бѣгство Грековъ было страшное, и всѣ были истреблены» (слова лѣтописи). Тогда Симеонъ заключилъ миръ съ императоромъ, какъ видно весьма выгодный, потому что онъ особенно дорожилъ имъ и хранилъ его ненарушимо (893—912). «Примирившись съ императоромъ (такъ повѣствуетъ Константинъ Багрянородный) и пользуясь безопаснымъ временемъ, Симеонъ снесся съ Печенѣгами и уговорился съ ними напасть на Турокъ (т. е. Мадьяръ) и истребить ихъ. Турки (Мадьяры) были тогда въ походѣ»: — это происходило въ 895 г., послѣ смерти Святополка, они пошли на слабыхъ и разъединенныхъ дѣтей его, съ согласія и даже, вѣроятно, по зову Арнульфа, котораго свидѣтели почти современные, Ліутпрандъ и Видукиндъ, прямо обвиняютъ въ выдачѣ Мадьярамъ Моравскаго государства; — «тогда Симеонъ и Печенѣги бросились на Турокъ (Мадьяръ), совершенно истребили семейства, оставленныя ими дома, и жестоко преслѣдовали тѣхъ (мужчинъ), которымъ ввѣрено было Турками обереженіе ихъ страны. Возвратившись съ похода и видя землю свою опустѣлою, Турки (Мадьяры) перекочевали въ ту страну, гдѣ и донынѣ обитаютъ»........

Расчетъ Симеона былъ дурной. Онъ думалъ искоренить Мадьярскую орду, а только разорилъ ея кочевья въ нынѣшней Молдавіи и Бессарабіи и вогналъ ее въ страну Закарпатскую. Переступивъ Карпаты, Мадьяры заняли сперва полосу до Бодрога и Тисы, сѣ-

---

толкованіе кончины Святополка, въ противоположность народному вѣрованію, не допускавшему его смерти. Что же мучило совѣсть могущественнаго царя? Конечно, славянское преданіе причиной тому считало предательскій поступокъ съ дядей Ростиславомъ и изгнаніе учениковъ Меѳодія; но возникло еще и преданіе нѣмецкое, католическое, по которому причиною его раскаянья было то, что онъ „въ своей неблагодарности" поднялъ оружіе на Арнульфа „своего господина, императора и кума", „своего благодѣтеля, который далъ ему Богемію и часть Венгріи до рѣки Грана" (замѣтимъ, что эти земли Арнульфу никогда не принадлежали), — и эту-то странную причину, слышанную имъ отъ своихъ собратьевъ, католическихъ монаховъ, занесъ Косьма въ Чешскую лѣтопись.

веровосточный уголъ Венгріи, гдѣ Унгваръ и Мункачъ. «Славяне же, обитатели той земли, говоритъ венгерская лѣтопись, услыхавъ о приходѣ ихъ, испугались весьма и добровольно покорились князю Алмошу (отцу Арпада), и хотя были подданные князя Салана (подвластнаго Болгарскому государю), однако со страхомъ и почтеніемъ служили Алмошу. Страхъ и трепетъ напали на жителей земли той, и они льстили князю и старшинамъ его, какъ рабы собственнымъ господамъ, и превозносили плодородіе той земли и разсказывали, какъ, по смерти царя Аттилы, великій Крумъ [1]), прадѣдъ князя Салана, вышедъ изъ Болгаріи..... занялъ ту землю и какъ сами Славяне выведены были изъ Болгаріи и разселены до предѣловъ Руси....». — Занявъ сѣверную окраину «Задунайской» [2]) Болгаріи, Мадьяры стали распространяться все далѣе на югъ и западъ. Въ нихъ развилась необыкновенная удаль и сила. Къ нимъ приставали ихъ родичи, вѣтви Печенѣговъ, прозванныя Секлерами, остатки Аваровъ, и вѣроятно даже многіе Болгаре, остававшіеся на сѣверномъ берегу Дуная въ кочевомъ состояніи (съ осѣдлыми Славянами Мадьяры не братались), — и все страшнѣе и страшнѣе дѣлались ихъ набѣги. Въ нѣсколько лѣтъ, устремляясь то въ ту, то въ другую сторону, разгромили они основанную Крумомъ Задунайскую Болгарію и царство Великоморавское.

Въ ихъ преданіяхъ, внесенныхъ въ лѣтопись, весьма подробно говорится о завоеваніи четырехъ княжествъ, изъ коихъ состояла Задунайская Болгарія. Завоеванію, конечно, помогло хаотическое разнообразіе народонаселенія и недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ князей; помощь Симеона изъ-за Дуная подошла, когда дѣло было почти кончено. Въ началѣ Мадьяры дѣйствовали осторожно, стараясь отклонить отъ себя удары Болгарскаго властителя между Дунаемъ и Тисою, Салана, задабривая его, кажется, и данью. Видны слѣды этого въ хвастливомъ разсказѣ нотарія короля Белы [3]). Онъ говоритъ, что на грозныя слова, которыя Саланъ велѣлъ передать Арпаду, Мадьярскій вождь отвѣчалъ съ великимъ смиреніемъ: «Хотя пращуръ мой, могучій царь Аттила [4]) владѣлъ землею между Дунаемъ и Тисою до предѣловъ Болгарскихъ, нынѣ принадлежащею Са-

---

[1]) О ложномъ чтеніи *Keanus* вмѣсто *Kermus* было уже сказано.

[2]) Я говорю *„Задунайская Болгарія“* въ томъ смыслѣ, какъ греческіе лѣтописцы, и безъ сомнѣнія, сами Болгаре употребляли это выраженіе, смотря съ средины Балканскаго полуострова.

[3]) Объ этомъ лѣтописцѣ мы говорили прежде.

[4]) Упоминовенія объ Аттилѣ могутъ почесться прибавками лѣтописца къ подлинному преданію: уже съ древняго времени замѣтно въ ученыхъ Венгерцахъ желаніе выдать свой народъ за потомковъ Гунновъ и тѣмъ какъ бы узаконить его пребываніе въ Дунайской странѣ.

лану, но я, — не изъ страха, а изъ дружбы къ Салану, — требую отъ него не всей этой земли, а лишь частицы, для моихъ стадъ, до рѣки Саіо, и еще прошу вашего князя, чтобы онъ изъ милости прислалъ мнѣ двѣ кружки Дунайской воды да охапку травы съ песковъ Олпарскихъ (Алпаръ на Тисѣ), чтобы я могъ знать, слаще ли трава Олпарская Скиѳской или Дентумадьярской и лучше ли вода Дунайская Донской». И съ тѣмъ вмѣстѣ, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, отправилъ Арпадъ къ Салану отъ себя послами знатныхъ людей своихъ, Унду «отца Эте» и Ретеля «отца Олуптулмака» [1]), и съ ними отправилъ онъ ему 12 бѣлыхъ коней, 12 верблюдовъ, 12 Куманскихъ (Печенѣжскихъ?) юношей, 12 Русскихъ дѣвъ наимудрѣйшихъ (prudentissimas), 12 шубъ горностаевыхъ, 12 соболей (zobolos) и 12 златотканныхъ плащей. Они прибыли къ Салану въ Олпаръ на Тисѣ, и онъ принялъ ихъ съ радостью, исполнилъ всѣ просьбы Арпада и далъ ему землю до Саіо. — Тѣмъ не менѣе Арпадъ, въ повѣствованіи нотарія, долженъ былъ покорить силою жителей уступленнаго ему края. Послѣ того онъ отправилъ такое же посольство, такіе же дары къ другому Болгарскому князю, Менуморуту, владѣвшему на восточной сторонѣ Тисы, и требовалъ земель около Самоши; но тотъ отказалъ на отрѣзъ. Мадьяры вторглись въ его предѣлы, но не хотѣли итти на него самого, а на первый разъ ограничились занятіемъ страны, которой требовали. Когда это было сдѣлано, то одинъ изъ Арпадовыхъ военачальниковъ, Тухутумъ, отецъ Хорки, человѣкъ хитрый, услыхавъ о плодородіи Залѣсья (terrae Ultrasilvanae, т. е. Седмиградіи), захотѣлъ добыть ее, какъ всѣ въ то время, по нашей поговоркѣ (выписываю изъ венгерскаго лѣтописца) *добывали себѣ мѣсто и пріобрѣтали доброе имя,* — и послалъ туда развѣдчикомъ отца Опаѳоркоша, Огманда, который донесъ ему, что земля хорошая, обильная золотоносными рѣками, и что жители той земли наихудшіе люди въ мірѣ, Волохи и Славяне, что они не имѣютъ другаго оружія, кромѣ лука и стрѣлъ, что ихъ князь Гелу слабѣе другихъ князей (т. е. Салана и Менуморута), ибо не имѣетъ у себя хорошаго войска и терпитъ обиды отъ Кумановъ и Печенѣговъ». Тухутумъ, съ позволенія Арпада, перешелъ съ войскомъ за лѣса, встрѣтился съ княземъ Гелу, разбилъ его въ упорной битвѣ и въ преслѣдованіи убилъ. Тогда жители добровольно покорились и присягнули ему, и онъ сдѣлался владѣтелемъ Трансильваніи [2]).

---

[1]) Замѣчателенъ въ этихъ древнихъ Мадьярскихъ сказаніяхъ обычай означать человѣка не именемъ и *отчествомъ*, какъ дѣлаютъ Славяне и другіе Арійскіе народы, а именемъ и, если можно такъ выразиться, *сыновствомъ*, т. е. прибавлять къ имени человѣка имя его сына.

[2]) Родъ его княжилъ тамъ до 1003 г.

Между тѣмъ вожди Тосу и Собоису покорили землю между Самошью и Кёрёшью. Теперь Арпадъ становится смѣлѣе передъ Саланомъ: онъ посылаетъ извѣстить его объ успѣхахъ Венгерскаго оружія, дабы Саланъ принялъ участіе въ его радости, и требуетъ у него земли отъ рѣки Саіо до Задьвы (Zogea, Zagyva, течетъ въ Тису). Испуганный Саланъ отдаетъ ее, Арпадъ приходитъ и покоряетъ Славянъ между Саіо и Задьвою. Утвердившись на Тисѣ, онъ посылаетъ войска на западъ, беретъ Гоморъ, Нитру и разоряетъ большую часть Моравскаго государства. Тогда наконецъ, при вѣсти о такомъ страшномъ усиленіи Венгровъ, Саланъ призываетъ на помощь князя Болгарскаго [1]); князь Болгарскій посылаетъ ему большое войско изъ-за Дуная. Война объявлена Мадьярамъ. Арпадъ ведетъ на Салана всѣ силы свои, обѣ рати идутъ вдоль по Тисѣ, Арпадъ съ сѣвера, Саланъ отъ Тителя; они встрѣчаются на пескахъ Олпарскихъ, и ночуютъ такъ близко другъ отъ друга, что никто не смѣетъ сомкнуть глазъ во всю ночь. Сраженіе; Саланъ разбитъ, войско его разсѣвается, онъ самъ уходитъ въ Бѣлградъ (Alba Bulgariae). «И сталъ Арпадъ на пескахъ Олпарскихъ, и велѣлъ на противоположной сторонѣ Тисы выстроить крѣпкій городъ изъ земли, который Славяне назвали на языкѣ своемъ Чернымъ-городомъ (Csongrad)». Онъ покорилъ народъ до Тителя. Потомъ, — такъ разсказываетъ далѣе венгерскій лѣтописецъ, — Арпадъ перешелъ Дунай при устьѣ Савы и устремился на Бѣлградъ; князь Болгарскій, родственникъ Салана, загородилъ ему дорогу; но опять Болгары были разбиты, князь ихъ бѣжалъ и заперся въ Бѣлградѣ, онъ просилъ мира, отказался отъ покровительства Салану, заплатилъ дань. За тѣмъ Арпадъ приступилъ къ завоеванію Панноніи, началъ дѣлать набѣги въ Каринтію и сѣверную Италію, и въ то же время послалъ войско противъ князя Глада, владѣвшаго на югъ отъ Мароши. Перешедши Дунай и Тису, Мадьяры покорили жителей между Марошью и Темешью. На берегу Темеши выстроился противъ нихъ Гладъ съ великою силою, конною и пѣшею, съ отрядами Кумановъ, Болгаръ и Волоховъ. Мадьяры раздѣлились на два полка, съ двухъ сторонъ напали на Глада и одержали побѣду: «передъ ними падали враги, какъ снопы за жнецомъ, погибло два вождя Куманскихъ и трое князей (kenezy) Болгарскихъ»; Гладъ просилъ мира, поддался Арпаду. Черезъ нѣсколько времени новая рать Мадьярская выступила противъ послѣдняго поборника Задунайской Болгаріи, противъ Менуморута; на рѣкѣ Кёрёши присоединились къ Мадьярамъ Секлеры. Менуморутъ, не

---

[1]) Также Греческаго императора, говоритъ венгерскій лѣтописецъ, что весьма невѣроятно.

принявъ боя, бѣжалъ. Столица его, Бихаръ (близъ нынѣшняго Гроссъ-Вардейна) сдалась. Заключенъ былъ миръ; Менуморутъ выдалъ дочь свою за Арпадова сына Солтана, Бихаръ былъ ему оставленъ, онъ призналъ себя подданнымъ Арпада.

Такъ изображается въ венгерскомъ сказаніи покореніе Задунайской Болгаріи. Подробности могутъ быть не точны, имена князей искажены, но вѣрно сохраненъ, конечно, общій ходъ завоеванія. Сглажена только страшная жестокость Венгерскаго нашествія, жестокость, для которой западные лѣтописцы того времени не находятъ словъ и которую можно сравнить съ ужасами Батыя. Самъ нотарій Белы сознается о своихъ соотечественникахъ, что «душа ихъ въ ту пору ничего другаго не желала, какъ завоевывать земли, порабощать народы, предаваться трудамъ воинскимъ, ибо Венгерцы радовались тогда пролітію человѣческой крови, какъ радуется піявица (sicut sanguisuga), да иначе какъ бы они и оставили своимъ потомкамъ столько хорошей земли?»

Въ Задунайской Болгаріи Мадьяры щадили еще кое-какія мѣста, довольствовались кое-когда подданствомъ, а не порабощеніемъ туземцевъ, ибо находили тамъ, какъ сказано, много родныхъ стихій. Но въ одно время съ Задунайскою Болгаріею завоевали они и Великую Моравію, и здѣсь, въ землѣ чисто-славянской, они все разрушали, избивали, порабощали весь народъ. «По смерти Святополка, говоритъ Константинъ Багрянородный, начались (у Моравцевъ) распри и междоусобія, и пришли Турки и истребили ихъ совершенно». Еще прежде той битвы у Пресбурга, гдѣ пали послѣдніе защитники Великой Моравіи, папѣ, при попыткѣ его послать епископовъ къ Святополковымъ наслѣдникамъ, писали (900 г.) изъ Германіи: «Во всей Панноніи не видать ни единой церкви, и епископы ваши разскажутъ, сколько дней они ѣхали и видѣли всю землю опустѣлою (desolatam)».— Въ 907 г. была эта битва Пресбургская, положившая конецъ Великой Моравіи; и подъ тѣмъ же годомъ записано, что «Венгры побѣждаютъ Болгаръ и налагаютъ на нихъ дань»: дѣло идетъ конечно о побѣдахъ Арпада надъ Саланомъ у Олпара, надъ Симеономъ у Бѣлграда, побѣдахъ, ниспровергшихъ владычество Болгаръ на сѣверномъ берегу Дуная. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должно быть, погибло и государство Хорватовъ между Дравою и Савою, которое составляло какъ бы связующее звено славянскихъ поселеній на Адріатикѣ съ центромъ славянскаго міра. Послѣ вторженія Венгровъ, о королевствѣ Брячислава нѣтъ уже помину. Такъ пали въ одно время Задунайская Болгарія и Великая Моравія и Хорватія сѣверная, такъ воздвиглась на среднемъ Дунаѣ, на мѣстѣ двухъ славянскихъ державъ, держава враждебная Славянамъ, такъ въ 907 году между Славянами восточными и сѣверо-

западными: Русью, Польшею, Чехами, Словаками съ одной стороны, и юго-западными, Болгарами, Сербами, Хорватами съ другой, — стало преградою племя Заволжскихъ наѣздниковъ. Съ тѣхъ поръ исторія западныхъ Славянъ раздвоилась; Болгаре, Сербы, Хорваты вошли окончательно въ политическую сферу Константинополя и Италіи, Чехи, Польша примкнули къ Германіи, — и одна только огромная Русь могла остаться самобытною.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Симеонъ, царь Болгарскій: золотой вѣкъ Болгаріи.

На рубежѣ IX-го и X-го столѣтій совершился, мы видѣли, въ равнинахъ средняго Дуная великій переворотъ: славянское богослуженіе, славянскіе проповѣдники были изгнаны изъ той самой земли Великоморавской, которую Кириллъ и Меѳодій хотѣли положить краеугольнымъ камнемъ славянскому просвѣщенію, а за тѣмъ эту землю и принадлежавшія Болгаріи княжества на сѣверной сторонѣ Дуная занялъ народъ Мадьярскій. Въ походахъ противъ Грековъ, въ битвахъ съ Мадьярами протекла первая половина царствованія Симеона, сына Борисова; мы оставили въ 907 г. Болгарію лишенною, въ отторгнутыхъ Мадьярами областяхъ, своего оплота отъ степныхъ Черноморскихъ ордъ, отрѣзанною, вмѣстѣ съ Сербами и Хорватами, отъ всѣхъ остальныхъ Славянъ, сдавленною между новымъ государствомъ Венгерскимъ и Византійскою имперіею, — врагами, всегда готовыми противъ нея на союзъ и одинаково опасными: Венгры — свирѣпою отвагою, Византійцы — коварствомъ и соблазномъ. А въ то же время Болгарія эта, для которой такъ невыгодно, въ политическомъ отношеніи, кончился IX вѣкъ и начался X-й, пріютила у себя гонимое Западомъ просвѣщеніе славянское и, пріютивши, стала сама служить ему со всею ревностью новообращеннаго народа. Съ какою-то юношескою радостью и гордостью прилагаетъ она свои свѣжія силы къ священному дѣлу книжнаго ученія. Самъ государь участвуетъ въ этомъ свѣтломъ и чистомъ порывѣ народа Болгарскаго: воспитанный въ Цареградѣ, вполнѣ усвоившій себѣ греческое образованіе, Симеонъ могъ бы довольствоваться готовыми уже, несмѣтными богатствами греческой письменности; нѣтъ, онъ не хочетъ отдѣляться образованіемъ отъ своего народа, греческія книги не удовлетворяютъ его, такъ хорошо знакомаго съ греческимъ языкомъ, что его называли *полу-Грекомъ:* ему нужно, чтобы книги были доступны народу, онъ поощряетъ переводчиковъ, велитъ составлять на славянскомъ языкѣ сборники замѣчательныхъ духовныхъ сочиненій, поручаетъ Констан-

тину епископу, ученику Меѳодія, перевести на славянскій языкъ слова Аѳанасія великаго, требуетъ отъ Григорія пресвитера перевода хроники Малалы, еще ревностнѣе отца своего Бориса покровительствуетъ неутомимому подвижнику и писателю св. Клименту Охридскому; ему, «царю великому, христолюбцу Симеону», посвящаетъ Іоаннъ Экзархъ свой трудъ о сотвореніи міра, составленный «по Василію Великому, Іоанну Златоусту..... и Аристотелю философу», и самъ онъ, среди заботъ государственнаго управленія и военныхъ тревогъ, «привыкшій прочитывать всѣ книги» (такъ выражается о Симеонѣ современникъ), дѣлаетъ изъ громадныхъ трудовъ Златоуста сборникъ избранныхъ сочиненій въ славянскомъ переводѣ (такъ наз. Златоструй), сборникъ, который особенно полюбился Болгарскому, а потомъ и Русскому народу. Такъ сознавалъ государь этотъ, величайшій изъ вѣнценосцевъ Болгаріи, свою обязанность быть и вождемъ и просвѣтителемъ народа; такъ онъ, который предписывалъ миръ кесарямъ и великолѣпіемъ своего двора затмѣвалъ старый дворъ Византійскій, чтилъ слово и просвѣщеніе: евангельская ревность образованныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ наставниковъ, стремленіе юнаго народа къ умственной дѣятельности и примѣръ «книголюбиваго» царя, все это соединилось тогда въ Болгаріи и поставило ее на высшую точку ея духовнаго развитія.

Симеонъ легко оправился отъ пораженія, нанесеннаго ему Мадьярами. Какъ въ духовной жизни, такъ и въ вещественной, Болгарія еще была свѣжа, еще кипѣла избыткомъ силъ. Куда направитъ Симеонъ эти силы? Вновь утвердиться на лѣвомъ берегу Дуная, разрушить владычество Арпада и Солтана уже нельзя, поздно; но необходимо дать какую нибудь прочную точку опоры Болгарскому государству, которое протянулось длинною полосою отъ Албаніи до Чернаго моря, имѣя границы со всѣхъ сторонъ открытыя, которое захватило три четверти Балканскаго полуострова, а нигдѣ не успѣло округлиться и нигдѣ также не нашло себѣ естественнаго средоточія. Теперь, когда уже переправа черезъ Дунай находилась въ рукахъ враговъ, только одна и могла быть точка опоры для этого государства, одна средина и защита — Босфоръ, Цареградъ: и вотъ Симеонъ, который, въ началѣ своего царствованія, мы видѣли, весьма неохотно воевалъ съ Греками и старался жить съ ними въ ладу, заботясь болѣе о Мадьярахъ, нежели о Константинополѣ, — вдругъ переноситъ свою дѣятельность отъ сѣверныхъ предѣловъ къ южнымъ и, забывая о Мадьярахъ, ведетъ всѣ силы Болгаріи къ Босфору. Великою борьбою съ Греками за обладаніе Константинополемъ обозначается вторая половина Симеонова царствованія; въ ней является Болгарія въ полнотѣ своего могущества, и въ то же время достигаетъ она полноты

своего духовнаго развитія: вторая половина Симеонова царствованія есть золотой вѣкъ Болгаріи.

Греки сами опять какъ бы нарочно вызвали Симеона на бой. Когда онъ, въ 912 г., по случаю кончины императора Льва, отправилъ къ его преемнику пословъ для утвержденія дружбы, то новый государь, безразсудный и развратный Александръ, отослалъ ихъ съ безчестіемъ и поругался надъ самимъ государемъ Болгарскимъ. Вскорѣ Александръ погибъ, престолъ перешелъ къ малолѣтному Константину Багрянородному, власть къ правителямъ: конечно, никто въ Константинополѣ не желалъ войны, и легко бы было возстановить прежнюю дружбу; но теперь Симеонъ уже рѣшился на борьбу, да и время несовершеннолѣтія императора было для нея удобно. Безпрепятственно подошелъ онъ (въ авг. 913 г.) къ Константинополю, возвелъ окопы; но средствъ для настоящей осады у него не было, и онъ вступилъ въ переговоры. Греки съ радостью приняли предложеніе о мирѣ; патріархъ и первые сановники вышли къ Симеону за Влахернскія ворота съ юнымъ императоромъ; потомъ двое сыновей Симеоновыхъ посѣтили въ столицѣ державнаго отрока и приняли его угощеніе; все предвѣщало миръ, какъ вдругъ переговоры были прерваны,—не могли согласиться въ условіяхъ, и Симеонъ возвратился въ Болгарію готовить новый походъ. Въ 914 г. онъ опять вступилъ во Ѳракію; первымъ дѣломъ его было осадить Адріанополь, который онъ прежде, кажется, обошелъ; осада была долгая; наконецъ измѣна открыла городскія ворота (914 г. сентябрь). Но неизвѣстно, по какой причинѣ Симеонъ, взявъ выкупъ, возвратилъ Грекамъ Адріанополь: вѣроятно заключено было перемиріе, и обѣ стороны стали снаряжаться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Велики были приготовленія и «высокомѣріе» Симеона; съ своей стороны императрица-мать и правительница Зоя, на совѣтѣ съ своими сановниками, положила собрать и противопоставить Болгарамъ всѣ силы имперіи. Послали въ Сирію къ халифу Багдадскому и въ Африку къ халифу Керванскому полномочныхъ пословъ для переговоровъ, и заключили миръ, чтобы совершенно обезпечить себя со стороны Малой Азіи и Средиземнаго моря; тогда перевезли Азійскіе легіоны въ Европу и раздачею денегъ усилили ихъ ревность; взяли и Армянскіе отряды; созвали изо всѣхъ темъ (областей) имперіи военачальниковъ съ ихъ полками; заблаговременно позаботились о приглашеніи Печенѣговъ къ набѣгу на Болгарію, и Печенѣги дѣйствительно подошли уже къ устьямъ Дуная; въ довершеніе всего, обратились къ Сербскому государю Петру и старались составить между имъ и Мадьярами союзъ противъ Болгаръ: здѣсь, какъ и съ Печенѣгами, были употреблены въ дѣло богатые подарки. Мадьяры, правда, занятые другими войнами, оста-

лись въ сторонѣ; но Петръ дѣйствительно вошелъ въ связи съ Греками, какъ видно изъ того, что Симеонъ тогда же прервалъ многолѣтнюю съ нимъ дружбу, и рѣшился на войну съ Сербами. Два года слишкомъ прошло въ этихъ приготовленіяхъ. Наконецъ Греческія войска, азіятскія и европейскія, были въ сборѣ у столицы, на обширной равнинѣ. Духовенство вынесло передъ полки древо Животворящаго креста; всѣ, падая ницъ, поклялись умереть другъ за друга. Лѣтомъ 917 г. двинулись войска къ сѣверу, по берегу Чернаго моря; флотъ, подъ начальствомъ Романа Лакапина, поддерживалъ сухопутныя силы и, безъ сомнѣнія, облегчалъ продовольствованіе, а часть кораблей отряжена была впередъ, къ Дунаю, на встрѣчу Печенѣгамъ. Греки прошли, и конечно заняли, Девелтъ (Бургасъ), Анхіалъ, Месемврію. На рѣкѣ Ахелоѣ (Надирдере?) близъ Месемвріи, — гдѣ сходятъ къ морю крайніе отроги Балкановъ, — встрѣтилъ Грековъ Симеонъ, вѣроятно спустившись съ своими войсками съ высотъ, окружающихъ нынѣшнюю Шумлу и мѣстность, гдѣ была его столица Прѣславъ Великій. 20-го августа 917 г. дано было сраженіе. Симеонъ стоялъ на горѣ, распоряжаясь битвою. Греки двинулись впередъ, Болгаре стали стройно отступать, видно съ цѣлію заманить непріятеля къ возвышеніямъ. Но вотъ Симеонъ замѣтилъ смятеніе въ непріятельскомъ войскѣ: у главнаго начальника греческаго, Льва Фоки, вырвался конь, когда онъ слѣзъ у источника напиться; конь скачетъ, мчится по рядамъ безъ сѣдока, всѣ думаютъ, что вождь погибъ. Симеонъ останавливаетъ знакомъ отступающіе полки, Болгаре всѣмъ строемъ бросаются на Грековъ; непріятель тотчасъ подается назадъ, разсыпается, бѣжитъ, Болгаре преслѣдуютъ; Левъ Фока кое-какъ уходитъ въ Месемврію, прочіе полководцы погибаютъ, легіоны всѣ разсѣяны или побиты. Никогда еще, со времени Крума, не одерживали Болгаре такой побѣды. Она записана въ Византійскихъ лѣтописяхъ какъ одно изъ величайшихъ бѣдствій, постигшихъ имперію: «Августа мѣсяца двадцатаго дня, индиктіона V-го, былъ бой между Болгарами и Римлянами на Ахелоѣ, и по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, Римляне всѣмъ войскомъ (πανστρατί) обратили тылъ и побѣжали, и страшный поднялся вопль, — сами другъ друга давили, а непріятель нагонялъ и билъ, и произошло такое кровопролитіе, какого не было отъ вѣка.»

На Дунаѣ также посчастливилось Болгарамъ: правда, Романъ Лакапинъ прибылъ съ своими кораблями на соединеніе съ Печенѣгами, но онъ съ ними не поладилъ, и Печенѣги, вѣроятно зная о великой побѣдѣ Симеона, не заблагоразсудили тревожить Болгаръ; они возвратились въ свои степи, а флотъ отплылъ въ Константинополь. Симеонъ, говоритъ одно древнее сказаніе, наводнилъ своими войсками (pervasit) весь материкъ, т. е. цѣлый Балканскій полуостровъ, все по-

рабощая и истребляя; иныхъ онъ лишалъ жизни, другихъ свободы и дѣлалъ своими данниками. Греки частью затворялись въ укрѣпленіяхъ городовъ, гдѣ ихъ держали точно въ темницѣ, частью же спасались бѣгствомъ на островъ Эвбею и въ Пелопоннесъ [1]).

Если Симеонъ прежде сомнѣвался еще въ достиженіи своей цѣли, то теперь, побѣдитель Ахелойскій, онъ могъ уже видѣть себя на престолѣ кесарей, видѣть имперію Болгарскую на мѣстѣ старой Византійской имперіи. Когда, какъ не послѣ Ахелойской битвы, былъ случай торжественно возвѣстить о новой, высокой долѣ, которую принимала на себя Болгарія и ея государь? Не теперь ли должна была представиться государю Болгарскому мысль замѣнить свое простое славянское наименованіе князя тѣмъ титуломъ, который въ понятіяхъ народа, Славянскаго и Греческаго, принадлежалъ преемникамъ Августа и Константина? Дѣйствительно, Симеонъ, какъ свидѣтельствуетъ современникъ, *былъ провозглашенъ царемъ Болгаръ* (βασιλεὺς Βουλγάρων): дотолѣ ни одинъ Болгарскій, ни одинъ Славянскій государь не носилъ этого титула, который, соотвѣтствуя римскому *imperator*, придавался еще лишь императору Константинопольскому, да коронованному въ Римѣ главѣ Западной имперіи [2]). Такимъ образомъ, въ названіи царя, которое сталъ носить Симеонъ, заключалось уже притязаніе на преемство кесарей: къ титулу *царя Болгарскаго* необходимо присоединялся титулъ, принадлежавшій Восточнымъ императорамъ, и Симеонъ не усомнился принять гордое наименованіе *самодержца Римлянъ* (αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων). Обладаніе Константинополемъ сдѣлалось его открытой цѣлію. Напрасно увѣщевалъ его Цареградскій патріархъ Николай Мистикъ отказаться отъ этого замысла, предлагая ему, отъ имени Византійскаго правительства, выгодныя условія мира. Напрасно взывалъ онъ къ его христіанскимъ чувствамъ, заклиная памятью его отца, святаго миротворца Бориса, остановить кровопролитіе между двумя единовѣрными народами; напрасно, однажды выведенный изъ терпѣнія высокомѣріемъ Болгарскаго завоевателя, напоминалъ ему, что его предки были «бѣглые рабы Аваровъ»: Симеонъ былъ непреклоненъ. Онъ говорилъ, что это воля Божія, чтобы Болгарскій народъ взялъ преемство Римлянъ: «Отцы и дѣды наши потрудились, — намъ, говорилъ Симеонъ, намъ дано пользоваться плодами ихъ трудовъ. И я, Симеонъ, долженъ, какъ Моисей, избавить

[1]) Сказаніе о св. Лукѣ чудотворцѣ, Baron. 16, 53.

[2]) Западныхъ королей, и вообще первостепенныхъ чужихъ государей называли Византійцы латинскимъ словомъ ῥήξ, ῥῆγες, славянскихъ князей — ἄρχων и т. п. Титуломъ βασιλεύς они такъ дорожили для своего императора, что даже избѣгали давать его императору Западному.

мой народъ отъ рабства (т. е. отъ преобладанія Грековъ), я приведу его въ землю обѣтованную» (т. е. въ Царьградъ) [1]).

Между тѣмъ, Греческая столица,—цѣль желаній Симеона, волновалась дворцовыми интригами, окружавшими молодаго и слабодушнаго императора Константина Багрянороднаго [2]). Полководцу Роману Лакапину, о которомъ мы упоминали, удалось захватить въ свои руки власть (919 г.), женить Константина на своей дочери и сѣсть на престолъ въ качествѣ соправителя (920 г.). Симеонъ старался воспользоваться этимъ: провозглашая Романа похитителемъ престола, онъ отказывался отъ всякихъ съ нимъ сношеній, обращался съ своими письмами прямо къ сенату Константинопольскому, какъ бы имперія не имѣла государя, и заявлялъ открыто свои притязанія на престолъ Римскихъ кесарей. — Но чтобы узаконить и освятить императорскій титулъ, нужно было архипастырское благословеніе и вѣнчаніе, а какъ въ то время императорское достоинство сопряжено было съ двумя столицами Римскаго міра, Римомъ и Константинополемъ, то совершать этотъ обрядъ могли только папа и патріархъ Константинопольскій. И вотъ Симеонъ возобновляетъ давно прерванныя сношенія съ папою; было, конечно, странно и неправильно, что онъ, домогаясь престола Константинопольскаго, искалъ духовнаго утвержденія своему царскому достоинству не отъ Константинопольскаго патріарха, а отъ Римскаго первосвященника: но патріархъ Николай, хотя выказывавшій одинаковую христіанскую любовь къ Болгарамъ, какъ и Грекамъ, хотя писавшій къ Симеону съ глубокимъ уваженіемъ къ его личному характеру и достоинствамъ, не могъ подчиниться его замысламъ. Напротивъ, папа долженъ былъ съ радостью внять желанію Симеона, которое согласовалось съ его собственными видами на вселенское господство, и Симеонъ вѣрно не преминулъ льстить этимъ видамъ. Онъ достигъ своей цѣли. Папа прислалъ новому царю Болгарскому императорскій вѣнецъ и свое «патріаршее благословеніе» (coronam imperii et patriarchalem benedictionem). Дворъ свой Симеонъ устроилъ великолѣпно, и, — что̀ въ особенности обличаетъ его мысль заступить мѣсто Греческихъ императоровъ, — онъ ввелъ у себя, при нѣкоторыхъ придворныхъ обрядахъ, греческій языкъ: византійскій лѣтописецъ именно говоритъ, что отборные воины Симеоновы съ позолоченными и посеребренными доспѣхами (безъ сомнѣнія его почетная стража) привѣтствовали его, *какъ императора, на греческомъ языкѣ* (ὡς βασιλέα εὐφήμουν τῇ Ῥωμαίων φωνῇ).

[1]) См. посланія патріарха Николая Мистика къ Симеону князю Болгарскому, въ приложеніи къ рѣчи профессора Григоровича: „Какъ выражались отношенія Константинопольской Церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X столѣтія?" Одесса. 1866.

[2]) Онъ родился въ 905 г.

Такъ проявлялъ Симеонъ свое намѣреніе создать молодыми силами Болгаріи новую Восточную имперію и воздвигнуть свой престолъ въ прекраснѣйшей столицѣ міра. — Даже сухіе лѣтописцы византійскіе, которые всегда какъ бы нарочно избѣгаютъ говорить о политическихъ предначертаніяхъ и видахъ своихъ, а тѣмъ болѣе чужихъ, государей,—и тѣ не рѣшились скрыть, къ какой цѣли стремился Симеонъ: «возгордясь духомъ по случаю многихъ одержанныхъ надъ Римлянами (т. е. Греками) побѣдъ, говоритъ Кедринъ, Симеонъ мысленно держалъ уже въ своей власти Римскую имперію».

Можетъ быть, великость этой цѣли имѣла вліяніе на его образъ дѣйствій, но нельзя не замѣтить въ послѣднихъ предпріятіяхъ Симеона противъ Византіи большую разницу съ его прежними походами. Видна теперь въ каждомъ его шагѣ необыкновенная осторожность и медлительность: рѣшившись воевать съ тѣмъ, чтобы овладѣть имперіею, а не только пользоваться ея богатствами или добиться какой нибудь уступки, онъ какъ будто бы предложилъ себѣ дѣйствовать только съ расчетомъ на вѣрный успѣхъ и ждать, пока соберетъ всѣ свои силы, оградитъ себя со всѣхъ сторонъ. Въ томъ-то и была его ошибка.

Когда, можетъ быть, слѣдовало со всѣми войсками итти прямо на Цареградъ по стопамъ разбитыхъ при Ахелоѣ легіоновъ, онъ занялся новыми приготовленіями и замыслами, а къ Цареграду послалъ только небольшіе отряды. Этими отрядами онъ хотѣлъ, вѣроятно, держать въ тревогѣ Греческое правительство; и дѣйствительно, Болгарскіе отряды, не встрѣчая нигдѣ отпора, проникли въ окрестности столицы и принялись тамъ грабить. Греческій военачальникъ, Левъ Фока, собралъ было опять кое-какое войско и пошелъ на Болгаръ; но Болгаре напали на него ночью врасплохъ (у Катасиртъ), Левъ опять бѣжалъ, войско разсѣялось, и вся страна до стѣнъ Константинополя осталась въ рукахъ Болгаръ (918 г.).

Почему, при такомъ безоружномъ положеніи Восточной имперіи, вмѣсто того чтобы сперва покончить съ Цареградомъ, Симеонъ вдругъ вздумалъ распространить свою власть на Сербію? Предвидѣлъ ли онъ дѣйствительно какую нибудь опасность отъ возможнаго союза Сербовъ съ Мадьярами и Греками? Или онъ надѣялся ловкимъ вмѣшательствомъ подчинить Сербію своему господству, и тогда съ большею еще силою нагрянуть на Византію? Послѣднее весьма вѣроятно, патріархъ Николай въ одномъ изъ своихъ посланій прямо указываетъ на намѣреніе Симеона присвоить себѣ «весь западъ имперіи», и слабость Сербскихъ правителей могла навести его на эту мысль.

Въ Сербіи давно уже начались смуты. Сынъ Властиміра, Мунти-

міръ, современникъ Бориса, отнялъ удѣлы у своихъ братьевъ, Строиміра и Гойника и отослалъ ихъ въ Болгарію; но племянника своего, сына Гойникова, Петра, онъ удержалъ при себѣ и хотѣлъ воспитать. Однако Петръ ушелъ отъ него къ Хорватамъ и когда Мунтиміръ умеръ, то въ свою очередь, выгналъ его сыновей. Это происходило около 892 года. Послѣ нѣсколькихъ враждебныхъ покушеній со стороны сыновей Мунтиміровыхъ (Прибыслава, Брана и Стефана), которые тоже бѣжали въ Хорватію, Петръ утвердился въ Сербіи и спокойно правилъ ею двадцать лѣтъ, признавая надъ собою верховную власть Византійскаго императора, но храня миръ съ могущественнымъ сосѣдомъ Симеономъ. Но въ послѣдней войнѣ Грековъ съ Болгарами, онъ, какъ мы видѣли, былъ на сторонѣ Грековъ. Притомъ онъ нашелъ себѣ врага и соперника въ князѣ Михаилѣ Вышевичѣ (правильнѣе Вышеславичѣ), владѣтелѣ Захолмія (въ нынѣшней Герцеговинѣ), который велъ свой родъ отъ выходцевъ Славянъ съ береговъ Вислы. Этотъ Михаилъ вѣроятно стремился къ полной независимости отъ великаго жупана Сербскаго, а со стороны Петра его власти грозила дѣйствительная опасность. Великій жупанъ занялъ землю Неретчанъ, которая, по своему положенію, была почти составною частію Захолмія. Михаилъ Вышевичъ обратился къ государю Болгарскому. Онъ извѣщалъ его о сношеніяхъ великаго жупана съ Византійскимъ дворомъ и конечно подстрекалъ ко вмѣшательству въ дѣла Сербіи, быть можетъ обѣщая прямую помощь противъ Петра. Какъ бы то ни было, Симеонъ вознегодовалъ на вел. жупана Сербскаго и послалъ, послѣ битвы при Ахелоѣ, войско въ Сербію. Болгарскіе вожди [1]) должны были, вмѣсто Петра, поставить Сербскимъ государемъ Павла Брановича, Мунтимірова внука, содержавшагося въ Болгаріи; Павелъ этотъ былъ слѣпъ, — ослѣпилъ его Петръ, — и конечно Симеонъ думалъ править Сербіею подъ его именемъ. Воеводы Симеоновы поступили коварно; они снеслись съ Петромъ, начали переговоры, поклялись ему, что зла не замышляютъ, покумились съ нимъ, и тутъ-то, когда онъ имъ довѣрился, схватили его и отправили плѣнникомъ въ Болгарію. Посадили Павла на Сербскій престолъ, и Павелъ сталъ служить Симеону съ такимъ усердіемъ, что Византійскій дворъ почелъ необходимымъ постараться объ его низверженіи и снарядилъ въ Сербію его двоюроднаго брата Захарію Прибыславича; но Захарія попался въ плѣнъ своему совмѣстнику и былъ отосланъ въ Болгарію (917—920).

Наконецъ, въ 923 году, Симеонъ рѣшился итти на Цареградъ. Раннею весною послалъ онъ впередъ сильный отрядъ подъ началь-

---

[1]) Эти Болгарскіе военачальники были Ѳеодоръ Сигрица и Мармай.

ствомъ одного изъ своихъ главныхъ бояръ Хагана (это вѣрно титулъ, а не имя) и «перваго бунчуконосца» (τῶν ἱπποκόμων τὸν πρῶτον) Миника: на пятой недѣлѣ поста они были у Константинополя. Самъ Симеонъ съ тяжелою своею ратью долженъ былъ двинуться позднѣе. Но онъ предвидѣлъ, какъ трудно будетъ, съ одними сухопутными силами, взять Константинополь: необходима была помощь съ моря, и Симеонъ объ этомъ позаботился. Онъ отправилъ посольство къ Фатлуму, Арабскому халифу сѣверной Африки, и предложилъ ему союзъ: Арабскій флотъ (въ то время халифатъ Керванскій былъ силенъ на морѣ и безпрерывно воевалъ съ Греками за Сицилію и южную Италію), Арабскій флотъ долженъ былъ подплыть къ Константинополю, а Симеонъ обязывался къ тому же времени обложить его съ сухаго пути великими силами: дѣйствуя совокупно, они взяли бы городъ и раздѣлили бы добычу поровну между Арабами и Болгарами; Константинополь долженъ былъ остаться за Болгаріею; какія области предназначались халифу, не сказано у лѣтописца: можетъ быть, Морея. Болгарскіе послы благополучно прибыли къ Фатлуму въ Африку; халифъ охотно согласился на предложенія Симеона, и отправилъ къ нему, съ возвращавшимися послами его, нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ. Но это именно и послужило къ тому, что дѣло разстроилось: Калабрійцы, всегдашніе враги Африканскихъ Арабовъ, перехватили халифовыхъ пословъ вмѣстѣ съ Болгарскими и отослали ихъ въ Константинополь. Великъ былъ испугъ императора Романа при вѣсти объ этихъ переговорахъ: Болгаръ онъ засадилъ подъ стражу, а Сарацынскихъ вельможъ, осыпавъ золотомъ, тотчасъ отправилъ назадъ въ Африку и богатствомъ даровъ перемѣнилъ расположеніе халифа.

Между тѣмъ передовое войско Болгарское уже стояло подъ Цареградомъ. Императоръ хотѣлъ защитить загородные дворцы у «Источниковъ» (αἱ Πῆγαι) и верхнюю часть гавани (τὸ Στενὸν, теперь Золотой Рогъ): собрали полки, ввели въ гавань Греческій флотъ, высадили на берегъ морское войско. Греки стояли на равнинѣ «Источниковъ», Болгаре строились на окружающихъ холмахъ, и вдругъ устремились съ страшнымъ гикомъ на непріятеля, тотчасъ сломили Грековъ и погнали къ берегу; бѣгущіе избивались Болгарами или, бросаясь въ отчаньѣ къ судамъ, тонули въ морѣ. Болгаре забрали множество плѣнныхъ, безпрепятственно разорили загородные дворцы и выжгли Золотой Рогъ, они утвердились и хозяйничали въ окрестностяхъ Константинополя. Въ іюнѣ вышелъ было противъ нихъ новый отрядъ, но также погибъ.

Наконецъ подошелъ и Симеонъ. Онъ сперва обложилъ Адріанополь, и сталъ морить его голодомъ, Адріанополь сдался и занятъ былъ Болгарскими войсками. Потомъ Симеонъ «разоряетъ Ѳракію и Ма-

кедонію, выжигаетъ жилища, вырубаетъ деревья» (слова лѣтописца). Въ сентябрѣ прибылъ онъ къ столицѣ, сталъ у Влахернскихъ воротъ [1]) и началъ осаду. Но черезъ нѣсколько времени онъ опять рѣшается отложить приступъ: не получилъ ли онъ тогда извѣстія о неуспѣхѣ сношеній съ Арабами? или, можетъ быть, его отзывали Сербскія дѣла, вдругъ принявшія дурной оборотъ? Или его испугали движенія сѣверныхъ народовъ, которыхъ Византія старалась вооружить противъ Болгаріи? Въ самомъ дѣлѣ, патріархъ Николай писалъ ему, что стараніями Византійскаго правительства готовится, или уже приготовлено на Болгарію нападеніе Руси, а съ ними Печенѣговъ, Аланъ [2]) и «западныхъ Турокъ» (т. е. Мадьяръ). Поэтому патріархъ умолялъ Симеона предупредить разореніе своего отечества язычниками, и извѣщалъ, что Византійское правительство готово остановить это нашествіе, если Болгарскій государь согласится на миръ. Мы не знаемъ, подѣйствовали ли именно эти увѣщанія на Симеона; но какъ бы то ни было, онъ послалъ сказать, чтобы къ нему пришелъ патріархъ съ сановниками для переговоровъ. Они являются. Потомъ Симеонъ хочетъ имѣть свиданіе съ самимъ императоромъ. «Романъ возрадовался, желая мира отъ всего сердца; на берегу у Космидія (такъ называетъ это мѣсто лѣтописецъ, разсказъ котораго мы теперь выписываемъ, — вѣроятно у Влахернъ, въ гавани), велѣлъ онъ выстроить въ морѣ крѣпкую площадку для этого свиданія; площадка была такъ устроена, что къ ней могла причалить императорская тріера [3]); между тѣмъ Симеонъ послалъ сжечь храмъ Пр. Богородицы у «Источниковъ», какъ бы въ знакъ, что онъ не помышляетъ о мирѣ. Императоръ отправился съ патріархомъ Николаемъ къ святынѣ Влахернской и колѣнопреклоненный, орошая слезами священный полъ, молилъ Пречистую Богоматерь, да смягчитъ она неумолимое и непреклонное сердце высокомѣрнаго Симеона и направитъ его на миръ.... И оградившись вѣрою, какъ твердою бронею, вышелъ онъ изъ храма. За симъ онъ явился, окруженный оруженосцами, на мѣсто свиданія. На пятый день послѣ этого, 9-го сентября (924), въ четвертомъ часу дня [4]) прибылъ Симеонъ» (четыре дня, какъ мы видимъ, онъ заставилъ ждать императора). «Симеоне прибылъ, — продолжаемъ разсказъ лѣтописца, — въ сопровожденіи огромнаго воинства. Иные имѣли щиты и копья золотые, серебряные, мѣдные, всѣ закованы были въ желѣзныя брони. Когда Симеонъ вступилъ въ средину своихъ воиновъ, они привѣтствовали его на римскомъ [5]) языкѣ какъ императора. Сенатъ и синклитъ смотрѣли съ

[1]) Теперь Балатъ-капусси, въ сѣверо-восточномъ углу города.
[2]) Вѣроятно, Ясовъ, какъ ихъ называютъ наши лѣтописи.
[3]) Военный корабль съ тремя рядами гребцовъ.
[4]) По нашему 10 час. — [5]) Т. е. греческомъ.

городской стѣны на происходившее. И дивную показалъ императоръ Романъ твердость духа, не ужаснулся предъ множествомъ враговъ, не обратился вспять, но пошелъ къ нимъ безстрашно, какъ въ среду друзей. Ставши первый на площадку, онъ ожидалъ Симеона. Размѣнялись заложниками, Болгаре тщательно осмотрѣли площадку, чтобы не было засады или обмана, и тогда Симеонъ соскочилъ съ коня, взошелъ на площадку, приблизился къ императору. Послѣ взаимныхъ привѣтствій заговорили о мирѣ, императоръ сказалъ Симеону: Я слышалъ, что ты человѣкъ богобоязливый и истинный христіанинъ: покажи это на дѣлѣ, прекрати убійства и кровопролитіе, утверди миръ съ нами христіанами, не дай обагряться рукамъ христіанскимъ кровію единовѣрныхъ.... Ты человѣкъ, и тебя ждетъ смерть и воскресеніе и судъ. Днесь живешь, завтра будешь прахъ. Чѣмъ оправдаешься передъ нелицепріятнымъ Судіею въ убійствѣ невинныхъ?.... Желаешь ли богатствъ? Я обогащу тебя: только воздержи руку отъ меча, полюби миръ и согласіе, дабы и твоя жизнь успокоилась, и христіане отдохнули отъ бѣдствій.... Такъ говорилъ императоръ. Пристыженный его смиреніемъ и тронутый его словами, Симеонъ согласился на заключеніе мира. Они разстались, и императоръ великолѣпно одарилъ Симеона. Случилось же при этомъ свиданіи нѣчто чудесное: когда государи говорили другъ съ другомъ, надъ ихъ головами слетѣлись два орла, и тотчасъ разлетѣлись, одинъ по направленію къ столицѣ, другой къ Θракіи....»

То былъ великій день для Симеона, можетъ быть величайшій день въ Болгарской исторіи. Государь Болгарскій держитъ у ногъ своихъ наслѣдника кесарей, предписываетъ ему условія мира подъ стѣнами Цареграда. Какъ ни скрываютъ Византійскіе писатели подъ пышными фразами это униженіе, какъ ни скрываютъ они условій, которыми «Римляне» купили миръ, но все же въ витіеватомъ и хитромъ разсказѣ ихъ проглядываютъ неопровержимые признаки истиннаго положенія дѣлъ: Симеонъ едва вымолвилъ слово о мирѣ, тотчасъ являются къ нему патріархъ и высшіе сановники Византійскіе; Симеонъ пожелалъ свиданія съ императоромъ, императоръ не скрываетъ своей радости, спѣшитъ воспользоваться предложеніемъ; когда готовятся уже къ свиданію, Симеонъ выжигаетъ подъ Константинополемъ церкви, посылаетъ своихъ Болгаръ на грабежъ, — императоръ не смотритъ на это. А какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на современниковъ этотъ молебенъ Римскаго императора, «да смягчитъ Пресвятая Богородица неумолимое сердце государя Болгарскаго»! Какимъ должно было показаться самое свиданіе, гдѣ Симеонъ заставляетъ ждать императора (мы знаемъ уваженіе Византійцевъ къ этикету); гдѣ императоръ стоитъ на мѣстѣ свиданія, а Симеонъ велитъ

еще осмотрѣть, все ли честнымъ образомъ устроено; гдѣ предъ лицомъ сената и синклита Цареградскаго и самого императора раздаются въ честь князя Болгарскаго привѣтствія, принадлежащія кесарю, — гдѣ огромная, блестящая рать Симеонова затмѣваетъ тѣлохранителей императора, и кажется, какъ будто императоръ, идя на свиданіе, отдается въ руки враговъ; гдѣ онъ въ рѣчи, чуть не умоляющей, трогаетъ и «пристыжаетъ» Симеона своимъ «смиреніемъ»!

Но какъ все это ни было лестно для самолюбія Симеона и Болгаръ, дѣло осталось неисполненнымъ: Цареградъ не былъ взятъ, Болгарія стояла по прежнему, безъ естественной опоры и средоточія, между варварами сѣверныхъ степей и Византіею. Конечно, Симеонъ могъ надѣяться, окончивши подчиненіе западныхъ земель Балканскаго полуострова, явиться съ новыми силами подъ Цареградъ. Покуда онъ, какъ видно, продолжалъ возбуждать противъ Византіи жившія въ ея областяхъ Славянскія племена. Славяне Македонскіе возстали и снова начали дѣлать нападенія даже на Солунь (926) [1]. Едва ли возможно, чтобы это происходило безъ участія Болгарскаго государя. Между тѣмъ Симеонъ обратилъ свои силы снова на Сербію.

Мы разсказали уже, какъ онъ доставилъ Сербское княженіе слѣпому Павлу Брановича (917) и какъ Павелъ въ началѣ служилъ Болгарамъ и выдалъ имъ своего родственника Захарію Прибыславича (920). Черезъ нѣсколько времени однако Симеонъ сталъ замѣчать, что Павелъ не хочетъ быть только болгарскимъ намѣстникомъ въ Сербіи; разгнѣвавшись, онъ выпустилъ того самаго Захарію, который прежде служилъ орудіемъ его врагамъ, взявъ съ него, конечно, обѣщаніе покорности. Захарія свергнулъ Павла съ престола, но лишь только увидѣлъ себя во главѣ Сербскаго народа, забылъ о повиновеніи Болгарамъ, и отдался подъ покровительство Грековъ. Симеонъ поручилъ своимъ воеводамъ наказать Захарію, и увѣренный, видно, въ успѣхѣ, пошелъ между тѣмъ осаждать Константинополь (923). Болгарскій отрядъ, вступившій въ Сербію, былъ однако разбитъ и уничтоженъ: Захарія послалъ въ Константинополь головы и оружіе Болгарскихъ вождей.

Симеонъ возвратился въ Болгарію. Тотчасъ послалъ онъ войско въ Сербію съ новымъ искателемъ престола. Это былъ Чеславъ Клониміровичъ. Его отецъ Клониміръ былъ сынъ того Строиміра, котораго, какъ мы упомянули выше, его братъ Мутиміръ лишилъ удѣла и выдалъ Болгарамъ. Этотъ-то Чеславъ Клониміровичъ, рожденный и воспитанный въ Болгаріи, предъявилъ теперь права свои на Сербію. Но Симеонъ не назначалъ Сербамъ Чеслава, а готовилъ имъ жестокую месть. При извѣстіи о приближеніи Болгаръ (войско, видно, было силь-

[1]) Liutprand, Antapod. III, 24.

ное), Захарія бѣжалъ къ Хорватамъ. Болгарскіе вожди [1]), на границѣ Сербіи, объявили жупанамъ [2]) Сербской земли, чтобы они пришли принять изъ рукъ ихъ новаго своего государя Чеслава; дали клятву, что не сдѣлаютъ имъ зла. Жупаны собрались, Болгаре схватили ихъ и сковали, «и вступили они въ Сербію, говоритъ Константинъ Багрянородный, и стали забирать народъ Сербскій, отъ мала до велика, и отводить въ Болгарію; иные спасались отъ нихъ бѣгствомъ и уходили къ Хорватамъ: и осталась Сербская земля опустѣлою». Эти дѣла вовлекли Симеона въ войну съ Хорватами. Овладѣвъ Сербіею, онъ вѣроятно хотѣлъ положить конецъ сопротивленію Сербскаго народа завоеваніемъ Хорватовъ и такимъ образомъ подчинить себѣ весь югозападный край Славянскій до Адріатики. Въ Хорватіи правилъ въ это время великій жупанъ (или король) Томиславъ, достигшій престола послѣ разныхъ усобицъ; но рядомъ съ нимъ именовался въ актахъ того времени могущественный владѣтель Захолмскій Михаилъ Вышевичъ [3]), о которомъ мы уже упоминали. Мы знаемъ объ его дружбѣ съ Симеономъ. Владѣя небольшимъ краемъ, независимости котораго сосѣдняя Хорватія могла угрожать еще болѣе, чѣмъ великій жупанъ Сербіи, Михаилъ былъ, должно полагать, союзникомъ Болгаръ и въ ихъ войнѣ съ Хорватами. Болгарскій воевода Алоготуръ [4]) вступилъ въ Хорватскую землю. Но Хорваты разбили его на голову въ своихъ горахъ и совершенно истребили его многочисленный отрядъ.

Какая разница между этими бездушными, коварными предпріятіями противъ Сербовъ и Хорватовъ, которыя внушило Симеону простое властолюбіе, и между борьбою за обладаніе Цареградомъ, борьбою, так-

---

[1]) Въ числѣ ихъ названъ Имникъ, очевидно то же лицо, которое мы встрѣтили уже, подъ именемъ Миника, „перваго бунчуконосца“ Симеонова, подъ Константинополемъ. Имена двухъ другихъ вождей, приводимые Константинополи Багоянародными — Книнъ и Итцбоклія.

[2]) Мы уже говорили о древной власти *жупановъ* у Сербовъ и Хорватовъ: *жупаны* были начальники волостей или *жупъ*, на которыя дѣлились эти народы съ первыхъ временъ своей исторіи; государь у нихъ былъ только главою союза такихъ *жупъ* и носилъ титулъ *великаго жупана*.

[3]) См. дѣяніе Сплѣтскаго Собора, 914 г., состоявшагося „consulatum peragente in provincia Chroatorum et Dalmatarum finibus Tamislao rege et *Michaele in suis finibus praesidente duce just* указаніе, Кукулевича, I, стр. 8.

[4]) 'Αλογοβότουρ. Большая часть именъ Симеоновыхъ вождей, *Хаганъ* (иначе *Кавканъ*), *Мармай*, *Калутерканъ* (т. е. Калу-тарханъ), *Сигрица* или *Сигричъ*, *Книнъ*, *Имникъ* или *Миникъ*, 'Ητζβόκλια, *Сурсубулъ* (*Сурсувулъ*) носятъ еще характеръ, чуждый славянскимъ звукамъ: въ трехъ первыхъ явно восточное происхожденіе; но въ особенности отличается Тюркскимъ складомъ это имя *Алоюботуръ*, гдѣ послѣдняя половина, *ботуръ*, есть очевидно почетная приставка *батыръ*, столь обыкновенная въ именахъ Тюркскихъ. Этимъ подтверждается, что у Болгаръ, завоевавшихъ Мизію, основная племенная стихія Финно-Уральская подверглась Тюркскому вліянію, (см. выше стр. 27).

же не свободною отъ обычной въ тѣ времена жестокости, но имѣвшею цѣлью истинное возвеличеніе Болгаріи! Черезъ девять столѣтій мы можемъ сочувствовать Симеону, стремящемуся къ Босфору, и между тѣмъ готовы радоваться, что Хорваты такъ удачно отразили Болгарское нашествіе.

Счастіе измѣнило Болгарамъ. — 27-го мая 927 года, Симеонъ умеръ.

Онъ правилъ Болгаріею тридцать девять лѣтъ [1]). Съ его именемъ соединилась самая блестящая пора въ Болгарской исторіи. Онъ великъ своимъ благороднымъ стремленіемъ къ просвѣщенію Славянскаго народа: мысль Кирилла и Меѳодія не находила ревностнѣйшаго исполнителя. Плодами его заботъ пользовался въ теченіе вѣковъ, пользуется отчасти и донынѣ [2]), весь православный міръ славянскій. Симеонъ проявилъ всѣ силы, все могущество Болгарскаго государства; но въ борьбѣ съ Мадьярами онъ потерялъ пріобрѣтенія Крума на сѣверной сторонѣ Дуная; въ борьбѣ съ Греками онъ бросилъ дѣло недоконченнымъ, не поставилъ Болгарской имперіи на мѣсто Византійской; въ борьбѣ съ Сербами и Хорватами онъ пролилъ безъ нужды много крови, и воздвигъ между Сербами и Болгарами преграду народной ненависти.

Память Симеона долго жила въ Болгаріи. Подъ Плесковомъ, лежавшимъ къ сѣверу отъ «Желѣзныхъ воротъ» (нынѣ Демиръ-Капу) въ Балканахъ, былъ холмъ, на которомъ, по всей вѣроятности, Болгаре имѣли обычай собираться для совѣщаній со своимъ государемъ, ибо этотъ холмъ назывался «думою Болгаръ» (βουλευτήριον τῶν Σκυθῶν). Другое названіе, которое онъ носилъ въ народѣ, связано съ преданьемъ о великомъ царѣ Симеонѣ. Еще въ XI вѣкѣ это мѣсто совѣщаній именовалось холмомъ Симеоновымъ [3]).

---

[1]) Сравн. сказанное выше, стр. 85.

[2]) Конечно, во многихъ изъ книгъ, которыми пользуется теперь православная церковь въ Россіи, Болгаріи и Сербіи, при всѣхъ перемѣнахъ въ правописаніи и языкѣ, и при всѣхъ исправленіяхъ по подлиннымъ текстамъ, остался въ основаніи переводъ, сдѣланный при Симеонѣ.

[3]) Anna Comnena. VII, 3.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Упадокъ Болгаріи. Царствованіе Петра Симеоновича (927—968).

«Когда умеръ неукротимый Симеонъ, виновникъ многаго у христіанъ кровопролитія, то власть надъ Болгарами принялъ Петръ, его сынъ, но не наслѣдникъ его славы и свойствъ, его кровожадности и свирѣпства, а напротивъ чуждый всего этого». — Такъ говоритъ одно византійское сказаніе, и вѣрно опредѣляетъ характеръ сорокалѣтняго царствованія Симеонова преемника. Какъ самъ государь, Петръ, «чуждъ былъ славы и свойствъ своего отца», такъ и Болгарія при немъ сдѣлалась не похожа на прежнюю Болгарію. Какъ скоро Симеона не стало, Болгарія останавливается на пути, по которому шла неуклонно столько лѣтъ: время возвышенія и развитія для нея кончилось, наступило время упадка; покинуты всѣ старыя, завѣтныя ея стремленія, мысль о завоеваніи Византіи, мысль о самобытномъ, христіанскомъ и славянскомъ просвѣщеніи: Болгарія стала безсильна передъ врагомъ, мертвенна внутри. — Могло ли это быть единственно дѣломъ личностей и внѣшнихъ причинъ? проистекло ли величіе Болгаріи отъ могучей воли Симеона, а паденіе отъ слабости его преемника, и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ ихъ царствованій? зависѣло ли и то и другое, напротивъ, отъ внутренняго хода болгарской жизни? Это тотъ неизбѣжный вопросъ, который вездѣ останавливаетъ насъ въ исторіи. Было, безспорно, и дѣйствіе личностей, — дѣйствіе вмѣстѣ и свободное, и вынуждаемое обстоятельствами, — но конечно, таясь подъ дѣйствіемъ личностей, совершали роковое свое дѣйствіе начала народной жизни; совокупности этой исторія не въ силахъ выразить, потому что всякое живое совоплощеніе внутренняго съ внѣшнимъ есть тайна для науки. — Очевидно, въ этомъ огромномъ государствѣ Болгарскомъ, которымъ Симеонъ такъ славно правилъ, мало было жизненной силы и крѣпости, когда трудовое, просвѣщенное царствованіе его не могло приготовить въ Болгаріи основаній для долговременнаго могущества и процвѣтанія, а напротивъ, оставило ее истощенною и разслабленною: ибо великія предпріятія, великіе духовные труды возбуждаютъ и укрѣпляютъ народъ свѣжій и живой,

а истощаютъ они лишь то государство, тотъ народъ, для котораго пора развитія кончилась и въ которомъ они являются уже какъ бы послѣднею вспышкою жизненной дѣятельности. — Но оставимъ пока эти вопросы: они увлекутъ насъ слишкомъ далеко, а намъ предстоитъ еще ознакомиться съ судьбою Болгаріи въ правленіе Петра Симеоновича.

Мы говорили, что Венгры, водворившись на Дунаѣ, отрѣзали Болгарію отъ роднаго Славянскаго міра и своимъ давленіемъ, такъ сказать, приперли ее къ Византіи, — и вотъ уже при Петрѣ оказываются для Болгаріи горькія послѣдствія ея положенія. Симеонъ, мы видѣли, напрягалъ всѣ силы свои, чтобы завоеваніемъ Византіи дать Болгаріи и точку опоры и просторъ; онъ не достигъ своей цѣли, и сдѣлалъ притомъ страшную, пагубную ошибку въ отношеніи къ Хорватамъ и Сербамъ. Не имѣя въ то время большаго политическаго значенія, они были для Болгаріи безконечно важны, какъ единственные оставшіеся при ней, не оторванные отъ нея Венграми, славянскіе братья; она должна была дорожить ими, они своимъ участіемъ стали бы поддерживать, оживлять въ народѣ Болгарскомъ его прекрасный порывъ къ славянскому просвѣщенію: а вмѣсто того, чтобы искать ихъ довѣрія и дружбы, Симеонъ смертельно оскорбилъ ихъ и надолго отвратилъ отъ Болгаръ. Даже если бы Болгарія и сохранила всю полноту своихъ жизненныхъ силъ, могла ли она, при смерти своего великаго властителя, отчужденная отъ Сербовъ и Хорватовъ, угрожаемая Венграми, не успѣвшая въ завоеваніи Византіи, и усталая отъ безпрерывныхъ войнъ, — не захотѣть сблизиться съ прежнею своею соперницей, съ этой Византіею, отъ которой, казалось, нечего было опасаться могущественнымъ Болгарамъ и которая влекла ихъ къ себѣ и единствомъ вѣры и прелестями утонченной жизни? И могли ль Болгаре найти въ себѣ столько твердости, чтобы среди византійскихъ вліяній сохранить свою духовную самобытность, чтобы передъ приманкою предлагавшейся имъ богатой и уже готовой образованности, устоять въ мысли, еще такой новой и незрѣлой, о своемъ самобытномъ просвѣщеніи? Не могло ли показаться имъ легче пользоваться чужимъ добромъ, нежели выработывать свое?

Несчастное обстоятельство было то, что Симеонъ завѣщалъ передъ смертію (и конечно, подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ) престолъ свой младшему сыну Петру, рожденному во второмъ бракѣ, съ сестрою боярина Георгія Сурсу-була (или Сусур-була), завѣщалъ помимо старшаго сына, отъ перваго брака, Михаила [1]). А этотъ Петръ, по выра-

[1]) Симеонъ имѣлъ еще двоихъ сыновей, моложе Петра, именно Іоанна и Баяна, иначе Веніамина. О послѣднемъ мы читаемъ любопытное извѣстіе у Итальянца Ліут-

женію другаго древняго сказанія, «былъ столь же мало способенъ наслѣдовать славу и могущество своего отца, сколько онъ былъ чуждъ его воинственной ярости и жестокосердія: какъ будто другая кровь текла въ его жилахъ» [1]). Чтобы обезпечить ему престолъ, Симеонъ велѣлъ старшаго своего сына постричь въ монахи, и назначилъ своего шурина Сурсубула опекуномъ Петру и правителемъ Болгарскаго царства. Невозможно, чтобы заточенный Михаилъ не нашелъ приверженцевъ, чтобы завистники счастливаго боярина-правителя не были озлоблены также противъ его питомца и не старались подрывать власти юнаго царя. Петръ имѣлъ слабость соединить свои интересы съ видами Сурсубула, и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы быть безпристрастнымъ главою и вождемъ Болгарскаго народа, сдѣлался какъ бы представителемъ одной партіи.

При вѣсти о кончинѣ Симеона, говоритъ лѣтописецъ, всѣ окрестные народы готовы были возстать на Болгаръ: съ сѣвера угрожали Мадьяры, съ юга Греки, съ запада Хорваты; разогнанные, придавленные Симеономъ, Сербы волновались и были, конечно, не менѣе опасны. Кромѣ того Болгарію посѣтило тогда великое бѣдствіе — саранча и страшный голодъ. Враждебные поступки Грековъ заставили Болгаръ сдѣлать нападеніе на Македонію (927); но для шаткаго правительства Сурсубула нужна была внѣшняя опора; и вотъ, подстрекаемый своими расчетами къ принятію мѣры, и такъ уже неизбѣжной при тогдашнемъ положеніи Болгаріи, онъ вдругъ преобразуетъ Болгарскую политику, и замѣняетъ вѣковое соперничество съ Византіею самою тѣсною дружбою. Пока императоръ Романъ готовился къ походу противъ Болгаръ, Сурсубулъ съ Петромъ посылаютъ тайно въ Константинополь монаха Калокира, родомъ изъ Армянъ, съ грамотою и порученіемъ сказать, что государь Болгарскій желалъ бы съ Греческимъ мира и дружбы, и не только мира и дружбы, но и тѣснѣйшей связи, узъ родства [2]). Тотчасъ отправились на кораблѣ-скороходѣ два довѣренныя лица отъ Романа въ Месемврію, Болгарскую гавань; скоро исполнили они свое порученіе, и возвратились въ Константинополь сухимъ путемъ, а за ними вслѣдъ ѣхало ужъ торжественное посольство: посломъ былъ самъ правитель Болгаріи Сурсубулъ, сопровождаемый Симеономъ, родственникомъ Болгарскаго

пранда: „Баянъ, говоритъ онъ, такъ изучилъ искусство волшебства, что могъ въ одно мгновеніе изъ человѣка обращаться въ волка и въ любаго звѣря“.

[1]) Сказ. о св. Лукѣ чудотворцѣ. Baronius. 16, 53.

[2]) Въ перепискѣ своей съ Симеономъ, Константинопольскій патріархъ Николай уже намекалъ ему, что императоръ Романъ желалъ бы съ нимъ породниться, выдавъ свою дочь за его сына или женивъ сына своего на дочери Симеона: такимъ образомъ правитель Болгаріи могъ быть увѣренъ, что предложеніе будетъ принято.

царя, и шестью изъ знатнѣйшихъ бояръ. Они увидали внуку императора Романа (дочь его сына и соправителя Христофора) Марію, и были восхищены ея красотою. Постановили условія мира и тотчасъ написали въ Болгарію къ Петру, чтобы онъ ѣхалъ въ Константинополь. — За Влахернскими воротами встрѣтилъ его императоръ Романъ, привѣтствовалъ и обнялъ. Оба государя подписали мирный договоръ и брачное условіе. 8-го октября (927 г.) невѣста, въ сопровожденіи патріарха Стефана, брачнаго устроителя Ѳеофана протовестіарія [1]) и всего синклита, выѣхала въ загородную церковь Пресвятой Богородицы у «Источниковъ»; тутъ патріархъ благословилъ Петра и Марію, и возложилъ на главы ихъ брачные вѣнцы: вѣнцы держали надъ женихомъ и невѣстою Сурсубулъ и Ѳеофанъ. Брачный обрядъ и пиршества были великолѣпныя. Черезъ нѣсколько дней Марія, которую прозвали, въ знакъ скрѣпленнаго ею мира, Ириною [2]), — Марія съ супругомъ поѣхала въ Болгарію, «горюя, говоритъ лѣтописецъ, что отрывалась отъ родителей и отечества, и вмѣстѣ радуясь быть владычицею Болгаръ, увезла же она съ собою въ Болгарію великія богатства и безчисленное множество вещей всякаго рода».

Въ первый разъ греческая политика измѣняла коренному, вѣковому своему правилу: не выдавать дочерей царскаго рода за «варварскихъ», «скиѳскихъ» государей, и бракъ Маріи съ Петромъ произвелъ въ Византіи, какъ видно изъ современныхъ памятниковъ, огромное впечатлѣніе; для Болгаріи же это было роковое событіе, залогъ господства Византіи при дворѣ царя Петра.

Правда, Петръ, подобно своему отцу, принялъ отъ Римскаго папы царскій (т. е. императорскій) вѣнецъ и благословеніе на царство; но это было еще до брака съ Маріею. Папскій посолъ, епископъ Мадальбертъ, посланный къ Хорватамъ на Сплѣтскій соборъ, по окончаніи этого собора (925 или 926), еще при жизни Симеона, посѣтилъ Болгарію, кажется съ цѣлію устранить несогласія между Симеономъ и Хорватами: онъ и былъ, какъ видно, въ Болгаріи при воцареніи Петра, и естественно, что Петръ, вступивъ на престолъ мимо старшаго брата и находясь еще въ разрывѣ съ Константинополемъ, искалъ у него освященія своему сану. Но нѣтъ ни малѣйшаго указанія, чтобы онъ потомъ сносился съ Римомъ. Сама Греческая церковь предупредила всякій къ тому поводъ, сдѣлавъ Болгаріи уступку, которою она всего болѣе дорожила. Болгарія, какъ свидѣтельствуетъ одинъ древній памятникъ, была объявлена самостоятельною (αὐτοκέφαλος) въ церковномъ отношеніи, и Болгарскій архіепископъ Даміанъ, пребы-

---

[1]) Протовестіарій — въ родѣ министра двора.

[2]) Liutprand. Antap. III. 36. — Ирини по-гречески миръ.

вавшій въ Дерстрѣ (Силистріи), провозглашенъ былъ *патріархомъ*, по приговору Цареградскаго синклита и повелѣнію императора Романа Лакапина. [1]) Такимъ образомъ Болгарія, оставаясь въ лонѣ православной церкви, получила полную духовную независимость. Церковь Болгарская, хотя не стояла канонически на ряду съ древними все-

[1]) Романъ Лакапинъ царствовалъ до 945 г. Годъ, въ который совершилось оффиціальное признаніе самостоятельности Болгарской церкви, въ точности неизвѣстенъ, но не можетъ быть сомнѣнія, что это было сдѣлано вслѣдъ за бракомъ Петра съ дочерью императора и одновременно съ признаніемъ, со стороны Византійскаго двора, императорскаго титула за Болгарскимъ государемъ. Объ этомъ важномъ церковномъ событіи, которое Греческая іерархія впослѣдствіи старалась предать забвенію, см. Le Quien, Oriens Christ. II, 20: Index quorundam Archiep. Bulgar. ex cod. 1004 bibl. Reg. Paris. Δαμιανὸς ἐν Δοροστόλῳ τῇ νῦν Δρήστρᾳ, ἐφ' οὗ καὶ ἡ Βουλγαρία τετίμηται αὐτοκέφαλος, οὗτος πατριάρχης ἀνηγορεύθη παρὰ τῆς βασιλικῆς συγκλήτου κελεύσει τοῦ βασιλέως Ῥωμανοῦ τοῦ Λακαπηνοῦ, ὕστερον δὲ καθηρέθη παρὰ τοῦ Ἰωάννου τοῦ Τζιμισχῆ — Въ синодикѣ царя Борина (о коемъ см. ниже стр. 131), въ началѣ исчисленія Болгарскихъ іерарховъ, поименованы: „Патріарси Прѣславсті: Леонтіоу. Димитріоу. Сергіоу. Григωріоу патріархωм прѣславскыимь вѣчнаа пам(ять)“ (см. статью г. Палаузова объ этомъ Синодикѣ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн.). О Даміанѣ, патріархѣ Доростольскомъ, въ этомъ исчисленіи не упомянуто. Мы объясняемъ себѣ этотъ пропускъ тѣмъ, что синодикъ составленъ былъ уже при второмъ Болгарскомъ патріархатѣ, возобновленномъ въ Терновѣ 250 лѣтъ послѣ прекращенія перваго. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы опредѣлить въ точности время, когда жили четыре Прѣславскихъ патріарха, Леонтій, Димитрій, Сергій и Григорій. Г. Палаузовъ признаетъ ихъ *предшественниками* Даміана Доростольскаго, полагая, что Симеонъ, во время разрыва своего съ Греками, основалъ самостоятельное патріаршество въ Болгаріи. Такое предположеніе кажется намъ весьма невѣроятнымъ, ибо политика Симеона заключалась не въ томъ, чтобы освободить Болгарію отъ первенства Византіи, а вся она стремилась напротивъ къ тому, чтобы поглотить Византійскую имперію въ государствѣ Болгарскомъ, поставить имперію Болгарскую на мѣсто Византійской. При такой политикѣ, учрежденіе *особаго* патріархата для Болгаріи было не только ненужно, но прямо противорѣчило бы цѣли Симеона. Если бы эта цѣль была достигнута, то Константинопольскимъ патріархомъ сдѣлался бы святитель болгарскій, точно также какъ Византійскимъ императоромъ сталъ бы Болгарскій государь. Притомъ надобно замѣтить, что патріархъ Николай Мистикъ, въ своей перепискѣ съ Симеономъ столь горько упрекающій его за честолюбивые замыслы противъ Византіи, конечно не оставилъ бы безъ протеста такого важнаго нарушенія каноническихъ правилъ, какимъ было бы самовольное возведеніе имъ Прѣславскаго епископа или архіепископа въ санъ патріарха: между тѣмъ Николай, при всемъ политическомъ антогонизмѣ съ Болгарскимъ государемъ, ни въ чемъ не укоряетъ его въ отношеніи къ церковному управленію, и даже въ самый разгаръ войны сносится съ „архіепископамъ Болгарскимъ“, какъ съ святителемъ, находящимся въ духовномъ общеніи и дружбѣ съ Константинопольскимъ патріархатомъ. Поэтому мы думаемъ, что патріархатъ Болгарскій учрежденъ былъ при Петрѣ Симеоновичѣ, по примиреніи его съ Византіею, и что Даміанъ Доростольскій былъ дѣйствительно первымъ патріархомъ Болгарскимъ, какъ указываетъ вышеприведенная греческая запись. Затѣмъ, мы полагаемъ, мѣстопребываніе патріарха было перенесено изъ Доростола (Силистріи) въ столицу, Великій Прѣславъ. Такимъ образомъ, святительство Даміана Доростольскаго и четырехъ Прѣславскихъ патріарховъ относилось бы ко времени между 927 и 972 годами, т. е. годомъ признанія со стороны Византіи за Болгаріею царственныхъ правъ при Романѣ Лакапинѣ и годомъ завоеванія Болгаріи при Іоаннѣ Цимисхіи.

ленскими патріархатами, была однако признана самостоятельнымъ членомъ Вселенской церкви, имѣвшимъ въ себѣ полноту іерархическаго управленія. Миръ въ православной церкви былъ обезпеченъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Греческая имперія согласилась и на весьма важныя политическія уступки. Договоръ, заключенный Сурсубуломъ съ Романомъ Лакапиномъ и подписанный Петромъ, былъ чрезвычайно выгоденъ для Болгаріи въ отношеніи къ границамъ. Симеонъ, какъ мы видѣли, завоевалъ было Адріанополь и всю Ѳракію до стѣнъ Константинополя; при мирѣ или скорѣе перемиріи съ императоромъ Романомъ, онъ, кажется, возвратилъ Грекамъ Адріанополь и южные края Ѳракіи, но едва ли отдалъ сѣверную часть ея, земли отъ прежней Болгарской границы до Родопскихъ горъ (Деспото-дагъ) и по верхнему теченію Марицы, — и эти-то края остались за Болгаріею въ Сурсубуловомъ договорѣ: византійскіе лѣтописцы, разумѣется, не говорятъ о томъ, но изъ разныхъ достовѣрныхъ извѣстій видно, что при Петрѣ Симеоновичѣ южная граница Болгаріи доходила до Родопскихъ горъ и что Филиппополь былъ Болгарскимъ городомъ.

Кромѣ того императоръ обязался платить Болгарамъ дань; правда, такое обязательство было, можно сказать, въ привычкахъ Византійскаго двора, и уже неоднократно государи Болгарскіе брали съ него дань, такъ что это условіе не имѣло оообенной важности: тѣмъ не менѣе могло ли не быть лестно для Болгаръ, когда, въ положенный срокъ, посолъ ихъ ѣхалъ къ императору въ Константинополь и возвращался изъ гордой столицы въ Болгарію съ золотомъ?

Но самое важное значеніе придавалось, конечно, Болгарами другимъ уступкамъ Грековъ, по-видимому ничтожнымъ, касавшимся только этикета; а между тѣмъ въ нихъ скрывалась полная побѣда увертливой политики Византійской надъ всѣми старыми стремленіями и преданіями Болгаріи. Византія признала за Болгарскимъ государемъ титулъ царя, т. е. императора, βασιλεύς. Для Петра такое признаніе могло быть чрезвычайно лестно: ни одинъ иностранный вѣнценосецъ, даже самъ Западный императоръ, не удостоивался царскаго титула отъ гордыхъ наслѣдниковъ Константина. Но что это признаніе значило? то, что Болгарія отказывалась отъ тѣхъ видовъ и надеждъ, съ которыми Симеонъ принялъ царскій титулъ. Провозглашая себя царемъ, Симеонъ считалъ себя уже не просто Болгарскимъ государемъ, а преемникомъ Римскихъ кесарей: онъ не нарушалъ, онъ обращалъ въ свою пользу завѣтное преданіе Византійскаго двора, что одинъ только на землѣ законный царь, императоръ — преемникъ престола Цареградскаго; Симеонъ самъ хотѣлъ быть этимъ единственнымъ царемъ: онъ, мы знаемъ называлъ себя не царемъ Болгаръ только, а царемъ-самодержцемъ Римлянъ (αὐτοκράτωρ Ῥωμαίοις, говоритъ Левъ діаконъ). Вотъ почему Петръ,

какъ скоро сталъ искать признанія своему царскому титулу со стороны Византіи, — тѣмъ самымъ отнималъ у него все его дѣйствительное значеніе, дѣлалъ изъ него простое почетное наименованіе. Симеонъ хотѣлъ быть Восточнымъ императоромъ, первымъ между христіанскими вѣнценосцами; Петръ соглашался быть вторымъ государемъ послѣ Византійскаго, его «сыномъ»; понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Византія охотно дала ему царскій титулъ, между тѣмъ какъ она въ то же время упорно отказывала въ немъ могущественному королю Германіи, Оттону Великому. — Мы не произвольно толкуемъ отношенія, въ которыя Петръ Симеоновичъ поставилъ себя и Болгарію къ Византіи: они видны на дѣлѣ. Константинъ Багрянородный сообщаетъ формулы, которыми надписывались грамоты Византійскихъ императоровъ къ другимъ государямъ: Въ Болгарію, говоритъ онъ, прежде писалось такъ (формула временъ князя Бориса): «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единаго и нераздѣльнаго Бога. Константинъ и Романъ, благовѣрные въ самомъ Богѣ (ἐν αὐτῷ τῷ Θεῷ) цари (βασιλεῖς) Римлянъ, возлюбленному, духовному нашему чаду и отъ Бога князю (собственно «начальнику», ἐκ Θεοῦ ἄρχοντα) христіаннѣйшаго народа Болгарскаго»; теперь же (именно при Петрѣ), продолжаетъ онъ, пишется: «Константинъ и Романъ, во Христѣ Богѣ благочестивые самодержцы-цари (αὐτοκράτορες βασιλεῖς) Римлянъ, возлюбленному духовному нашему чаду, *господину* имя рекъ *царю* (βασιλέα) Болгаріи». — Мы видимъ разницу: въ первой формулѣ императоръ, выдвигая христіанство новокрещеннаго народа Болгарскаго, оставляетъ между его княземъ или «начальникомъ» и собою безконечное разстояніе, даже не называетъ «начальника» по имени; во второй — преимущество Византійскаго государя передъ Болгарскимъ выражается единственно только отношеніемъ отца къ сыну, по титулу же оба равны, и, одинъ между всѣми вѣнценосцами, государь Болгарскій получаетъ отъ кесаря наименованіе *господина* и *царя* [1]).

---

[1]) Приводимъ для сравненія формулу, употреблявшуюся въ сношеніяхъ съ Западнымъ императоромъ: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, единаго и нераздѣльнаго истиннаго Бога нашего. Константинъ и Романъ, благовѣрные въ самомъ Богѣ, высокіе августѣйшіе (αὔγουστοι) самодержцы, великіе цари Римлянъ, возлюбленному и вожделѣнному духовному нашему брату имя рекъ, благороднѣйшему, почтенному королю Франкіи (ῥηγὶ Φραγγίας)“. Приведемъ еще изъ книги Константина Багрянороднаго „Объ обрядахъ Византійскаго двора“, формулы, употреблявшіяся при торжественномъ пріемѣ и отпускѣ Болгарскихъ пословъ, формулы, на которыя мы уже ссылались выше, стр. 28. Замѣтимъ, что онѣ относятся не къ царствованію Петра, а къ первымъ временамъ христіанства въ Болгаріи. Императоръ въ нихъ не только не называетъ Болгарскаго государя царемъ, но даже и не сыномъ своимъ, а внукомъ; должно замѣтить, что вообще Константинъ Багрянородный старается выставить тѣ обряды и формулы, которыя наиболѣе лестны для его двора; такъ, даже утвержденная договоромъ формула, гдѣ Болгарскій государь именуется царемъ, у него съ явнымъ намѣре-

Когда король Германскій, Оттонъ Великій, завоевавъ Италію, былъ провозглашенъ императоромъ и вѣнчанъ въ Римѣ, онъ послалъ въ Константинополь извѣстить о томъ и просить признанія: посолъ его, умный и образованный итальянскій епископъ Ліутпрандъ,

---

ніемъ поставлена на второмъ планѣ и какъ бы скрыта за старою, уже не имѣвшею законнаго значенія, а тѣ выраженія при аудіенціяхъ, которыя должны были соотвѣтствовать новымъ отношеніямъ Византійскаго царя къ царю Болгарскому, вовсе опущены, конечно не по случайному забвенію. Итакъ вотъ сообщаемыя Константиномъ выраженія. Посолъ Болгарскій, обращаясь къ императору, говоритъ: „Какъ здравствуетъ боговѣнчанный царь, духовный дѣдъ отъ Бога поставленнаго князя („начальника") Болгаріи? Какъ здравствуетъ императрица и госпожа? какъ здравствуютъ цари, сыновья великаго и высокаго царя, и прочія его чада? какъ здравствуетъ святѣйшій вселенскій патріархъ? какъ здравствуютъ оба магистра? какъ здравствуетъ весь синклитъ? какъ здравствуютъ четыре логоѳета?" (магистры — главные военачальники имперіи, логоѳеты, — въ родѣ министровъ). Логоѳетъ на это отвѣчаетъ: „Какъ здравствуетъ духовный внукъ нашего священнаго царя, Богомъ поставленный князь Болгаріи? какъ здравствуетъ Богомъ поставленная княгиня (ἡ ἐκ Θεοῦ ἀρχόντισσα)? какъ здравствуетъ *Канарти-кинъ* и *Быль-тарканъ* (ὁ καναρτι κεῖνος καὶ ὁ Βουλίας ταρκάνος), сыновья Богомъ поставленнаго князя Болгаріи, и прочія его чада? какъ здравствуютъ шестеро великихъ *былей* (οἱ ἓξ Βολιάδες οἱ μεγάλοι)? какъ здравствуютъ и прочіе *были* внутри и внѣ (οἱ ἔσω καὶ ἔξω Βολιάδες)? какъ здравствуетъ простой народъ?"

Титулъ *канарти-кинъ*, придаваемый сыну Болгарскаго князя, для насъ совершенно теменъ. Въ титулѣ другаго сына, βουλίας ταρκάνος, вторая часть, очевидно, тождественна съ титуломъ *тархана*, столь извѣстнымъ у Тюркскихъ народовъ. Мы читаемъ его у Менандра, разсказывающаго, что Турецкій хаганъ, жившій въ Средней Азіи у горы Эктагъ, „что̀ значитъ Золотая-Гора", отправилъ съ пріѣхавшимъ къ нему Византійскимъ посломъ Зимархомъ человѣка „по имени Тагма, по званію Тарханъ" (ἀξίωμα δὲ Ταρχάν). Это извѣстіе относится къ 569 году. Точно также и титулъ *булъ* или *буля* оказывается Тюркскаго происхожденія. Мы его находимъ въ имени того самого Турецкаго хагана, о которомъ мы сейчасъ упоминали, *Диза-булъ*, точно также какъ въ нѣкоторыхъ именахъ Болгарскихъ вельможъ: *Сурсу-булъ, Иц-буля* (Ἡτζβόκλια у Конст. Багрянор. явная описка вмѣсто Ἡτζβούλια); какъ титулъ, βοϊλάς, во множественномъ числѣ βοϊλάδες, βολιάδες очень часто встрѣчается въ извѣстіяхъ о Болгарахъ. Славянское произношеніе передѣлало это слово въ *быль:* въ древнѣйшихъ памятникахъ церковной письменности, греческое μεγιστᾶνες переводится „были" (см. Словари Востокова и Миклошича). Въ Словѣ о Полкѣ Игоревѣ упоминаются Черниговскіе *были*, тамъ гдѣ лѣтопись говоритъ о какихъ-то загадочныхъ *Ковуяхъ*. Быть можетъ, слово *боляр-инъ* (позднѣе *бояринъ*), въ которомъ, надобно замѣтить, коренная форма принадлежитъ *множественному* числу, а форма единственнаго производная изъ множественнаго (*боляр-инъ* значитъ собственно *одинъ изъ бояръ*), — быть можетъ, говоримъ, слово это есть ничто иное, какъ ославяненное тюркское *бул-ларъ*, т. е. правильно, по закону тюркской рѣчи составленное множественное отъ слова *булъ,* находимаго нами у древнихъ Болгаръ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что по славянской этимологіи „боляринъ" или „бояринъ" не можетъ выйти ни отъ слова *болій*, ни отъ слова *бой*. Нельзя притомъ не принять во вниманіе, что названіе „болярпнъ" и „бояринъ" извѣстно только у Русскихъ и Болгаръ (отъ послѣднихъ его заимствовали Румыны и, судя по нѣкоторымъ древнимъ грамотамъ, Мадьяры): т. е. оно существуетъ только у тѣхъ двухъ славянскихъ народовъ, которые находились издавна въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Тюркскими племенами и отчасти подъ ихъ властію. У Сербовъ слово „болѣринъ" является изрѣдка въ старинныхъ памятникахъ, но съ характеромъ заимствованія изъ письменности болгарской, и въ народномъ языкѣ вовсе неизвѣстно. Оно неизвѣстно также Словенцамъ и всѣмъ западнымъ Славянамъ.

описалъ свою поѣздку. «Въ день Св. Апостолъ (29-го іюня 968), разсказываетъ онъ, императоръ (Константинопольскій) велѣлъ мнѣ, а также посламъ Болгарскимъ, прибывшимъ наканунѣ, встрѣтить его у церкви Св. Апостолъ..... Когда насъ потомъ пригласили къ столу, то онъ (императоръ) сажаетъ на верхнемъ концѣ длиннаго стола, за которымъ сидѣли только съ одной стороны, посла Болгарскаго, остриженнаго на Венгерскій ладъ, опоясаннаго мѣдною цѣпью и, какъ мнѣ думается, оглашеннаго (катихумена), выше меня, къ явному вашему безчестію, мои августѣйшіе государи (Ліутпрандъ пишетъ къ Оттону и его супругѣ Адельгейдѣ)..... Принимая къ сердцу не свою, а вашу обиду, я всталъ изъ-за стола. Какъ я намѣревался выйти, Левъ Куропалатъ, братъ императора, и первый секретарь (proto a secretis) Симеонъ, догоняютъ меня, крича вотъ что (haec latrantes): «Когда Петръ, Болгарскій царь (*vasileus*, такъ нарочно выставляетъ Ліутпрандъ греческій титулъ, котораго онъ не могъ добиться для Оттона), женился на дочери Христофора, то *было утверждено присягою письменное условіе, чтобы у насъ посламъ всѣхъ другихъ народовъ предпоставлялись, предпочитались послы Болгарскіе.* Болгарскій посолъ этотъ, ты говоришь правду, остриженъ, немытъ и опоясанъ цѣпью, да на повѣрку выходитъ, что онъ патрицій, и предпоставить ему епископа, особливо изъ Франковъ, мы почитаемъ и признаемъ совершенно несправедливымъ» [1]). Формула императорскихъ грамотъ и слова Ліутпранда не высказываютъ ли новыхъ отношеній, въ которыя Болгарія стала къ Византіи? не ясно ли изъ нихъ, что Болгарія признавалась теперь, какъ мы сказали, равною Византіи по царскимъ правамъ, и только младшею? Замѣтимъ еще, что по случаю этого новаго равенства, Болгарскіе «друзья», т. е. послы, должны были являться во многихъ особенно торжественныхъ церемоніяхъ Византійскаго двора, и этимъ, конечно, еще болѣе увеличивалось между Византійскимъ дворомъ и Болгарскимъ общеніе, и безъ того уже поддерживавшееся, слишкомъ усердно для Болгаріи,

---

[1]) Забавенъ конецъ этой сцены. Ліутпранда не пустили домой, а заставили, почти насильно, сѣсть за другой столъ, съ императорскими служителями: „Ничего не отвѣчая имъ (Льву и Симеону) отъ великой сердечной скорби и страшнаго огорченія, пишетъ Ліутпрандъ своимъ государямъ, я сдѣлалъ то, чего они хотѣли, лишь бы только не сидѣть за столомъ, за которымъ не Ліутпранду епископу, а вашему послу предпоставлялся посолъ Болгарскій. Но скорбь мою утолилъ священный императоръ великимъ подаркомъ, пославъ мнѣ отъ нѣжнѣйшихъ своихъ яствъ, козла (hoedum), жирнаго, отъ котораго кушалъ самъ, чудесно приготовленнаго (suffarcinatum) съ чеснокомъ, лукомъ, пореемъ (porro), облитаго рыбьимъ соусомъ (garo delibutum). Желалъ я тогда, чтобы онъ былъ на столѣ вашемъ (Оттона и Адельгейды)! вы, которые не вѣрите, чтобы священный императоръ (Константинопольскій) наслаждался своею роскошью (delicias sancti Imperatoris faustas esse), вы тогда бы убѣдились на дѣлѣ“.

супругою Петра, царицею Маріею, которая въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ ѣздила безпрестанно въ Константинополь «для скрѣпленія дружбы», и стала потомъ возить туда и дѣтей своихъ.

Такъ царь Петръ и руководитель его Сурсубулъ основали свою политику на связяхъ съ Византіею. За то, безъ сомнѣнія, страшно негодовали на нихъ истые Болгаре, сподвижники великаго Симеона. Во все царствованіе Петра можно прослѣдить, даже по скуднымъ извѣстіямъ иностранныхъ лѣтописцевъ, сопротивленіе правительству одной могущественной партіи. Сначала «возстали нѣкоторые вельможи Симеоновы» (въ этомъ выраженіи лѣтописца видно, что то были люди стараго, Симеонова времени), вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Петра, Іоанномъ, который, кажется, съ ихъ помощью надѣялся достигнуть престола: но ихъ схватили, Іоанна подвергли побоямъ, прочихъ заговорщиковъ предали «необычайнымъ казнямъ». Петръ извѣстилъ письмомъ Греческаго императора объ этомъ дѣлѣ, а потомъ и выдалъ ему своего мятежнаго брата, очевидно какъ противника согласію между Болгарами и Греками. Императоръ хотѣлъ-было постричь Іоанна въ монахи, но раздумалъ, пожаловалъ его домомъ, имѣніями, женилъ его на знатной Армянкѣ: онъ хорошо расчиталъ выгоду имѣть его въ своемъ распоряженіи, какъ страшилище для Болгарскаго правительства, чтобы тѣмъ крѣпче держать въ рукахъ это правительство.

Въ Болгаріи между тѣмъ мятежъ распространялся. Старшій сынъ Симеона, Михаилъ, сбросивъ съ себя монашескій санъ, захватилъ какую-то крѣпость (929 г.) и «къ нему пристали, говоритъ лѣтописецъ, Болгаре, отпавшіе отъ власти Петра». Мы видимъ изъ этихъ словъ, что часть Болгарскаго народа и прежде уже была готова поднять оружіе противъ Петра, что не Михаилъ призвалъ ихъ къ возстанію, а скорѣе они Михаила. Но Михаилъ вскорѣ кончилъ жизнь; Болгаре, участники мятежа, отчаявшись въ побѣдѣ, рѣшились покинуть отечество, вторглись чрезъ Струму [1]) въ Греческіе предѣлы, и бросились въ западные края Эллады; живши нѣсколько времени грабежемъ, они наконецъ поселились, разумѣется, уже какъ подданные Греческаго императора, въ Никополѣ, древнемъ знаменитомъ Акціумѣ (теперь развалины близь Превезы, у Артскаго залива).

Оба возстанія кончились успѣшно для Петра; но раздоръ въ Болгаріи не прекращался. Представителемъ старыхъ, покинутыхъ Петромъ, болгарскихъ стремленій, явился могущественный бояринъ (Греки называютъ его *комитомъ*, то же что графъ) Шишманъ Мокръ

---

[1]) Древній Стримонъ: часть теченія этой рѣки служила, кажется, границею между Болгарскими и Греческими владѣніями.

(или Мокрошъ, Μόκρος) съ своими четырьмя сыновьями, бояричами (κομητόπουλοι), Давидомъ, Моисеемъ, Аарономъ и Самуиломъ-Стефаномъ. Ихъ родиной былъ, кажется, городъ Терновъ (въ срединѣ нынѣшней Болгаріи); ихъ цѣль была низвергнуть правительство Петра и вліяніе Грековъ въ Болгаріи; они собирали единомышленниковъ, выжидая удобнаго времени, чтобы дѣйствовать.

Какая же была между тѣмъ духовная дѣятельность Болгарскаго народа? Сколь быстро и прекрасно она расцвѣла при Симеонѣ, столь же скоро заглохла при Петрѣ. Дворъ его не думалъ о самобытномъ просвѣщеніи; частныя лица, въ такое время гоненій, тревогъ и казней, не могли заботиться о мирныхъ словесныхъ трудахъ; притомъ же умственная жизнь славянская была въ то время такъ младенчески слаба, что покровительство двора было для нея необходимо. Прежнихъ дѣятелей, сотрудниковъ Симеона въ дѣлѣ просвѣщенія, не стало; новыхъ не являлось. Время Петра не оставило намъ ни одного имени писателя, ни одного памятника. Жили при Петрѣ въ Болгаріи подвижники христіанства, но по характеру своей дѣятельности они были далеки отъ тружениковъ временъ Бориса и Симеона.

Мы описали въ одной изъ предъидущихъ главъ нашихъ многостороннюю дѣятельность, трудовую жизнь св. Климента, епископа Велицкаго; а подобно св. Клименту дѣйствовали, безъ сомнѣнія, прочіе сподвижники Симеона: подробностей ихъ жизни мы не знаемъ, но отъ одного дошли до насъ обширныя сочиненія, отъ другаго переводы полезныхъ книгъ, про третьяго извѣстно, что онъ епископствовалъ, — всѣ трудились, такъ или иначе, въ общественной средѣ, въ которой жили, всѣ ей сочувствовали и объ ней заботились. При Петрѣ Симеоновичѣ эта плодворная дѣятельность церкви прекращается; мы видимъ полное отчужденіе отъ всего окружающаго, полное отреченіе отъ общества.

Главнымъ представителемъ этого новаго направленія въ Болгарской церкви является Іоаннъ Рыльскій, основатель иночества въ Болгаріи. Мы приведемъ главныя черты его молчальнической жизни, какъ ихъ описываютъ древнія житія; будемъ придерживаться по возможности подлинныхъ выраженій.

«Блаженнаго сего родители были во всемъ благочестивы, Болгаре же родомъ, рожденіе и воспитаніе онъ получилъ въ веси глаголемой Скрино, въ предѣлахъ Средческихъ [1])... Онъ былъ пастырь, и ничего не имѣлъ, кромѣ брата единаго и одного вола. И когда онъ помыслилъ уйти въ пустыню, онъ взялъ съ собою вола; и никто этого не зналъ. Братъ съ народомъ догналъ его на полѣ нарицае-

---

[1]) Средецъ — теперь Софія.

момъ Мрадища и хотѣлъ воротить. Но онъ отдалъ имъ вола, взялъ съ собою только на память колокольчикъ, который носилъ волъ, и пошелъ въ пустыню Рыльскую: «и обращься къ нимъ и не благослови ихъ, ни прокля, и дастъ имъ знаменіе, рекъ: азъ излажу (ухожу) отъ васъ смѣяся и глумяся. И поиде въ пустыню Рыльскую, и иде на мѣсто нарицаемѣи Гѡлецъ, и бысть ту 7 мѣсяцъ». Потомъ онъ удалился подъ гору, называемую Вертопъ, и нашелъ тутъ пещеру, «идѣже солнце не призираше, ни вѣтръ не вѣяше, но токмо ангелъ единъ прихождаше къ нему и ношаше ему манну отъ Бога, образомъ шипковымъ [1]) (т. е. въ видѣ гранатъ: *шипокъ* значитъ у южныхъ Славянъ гранатовое яблоко)».

Далѣе легенда разсказываетъ слѣдующую характеристическую подробность. Іоаннъ взялъ съ собою мальчика, своего племянника, который и жилъ съ нимъ въ пещерѣ. Пришелъ къ пустыннику его братъ [2]), отецъ ребенка, и сталъ требовать, чтобы онъ его отпустилъ домой. Іоаннъ согласился, и братъ его повелъ съ собою мальчика. Но Іоаннъ зналъ, что этотъ ребенокъ «духовенъ», и помолился: «Господи, да не погибнетъ душа праведника, и не напиши его съ грѣшники! И услыша Богъ молитву святаго, и томъ часѣ повелѣ зміи, и уяде (т. е. ужалила) дѣтище, идуще путемъ съ отцемъ его; и возвратися отецъ его и повѣда святому Іоанну; и услышавъ Іоаннъ о дѣтищи и прослави Бога и рече: Господи, пріими душу праведничу! и въ томъ часѣ изыде душа изъ дѣтища; и଼ веземъ отецъ его и несе ему. И повелѣ святый Іоаннъ нести отроча на мѣсто именемъ Осѣново, и погребе ѝ отецъ его и отиде; святый же Іоаннъ хождаше на мѣсто то, души тоя ради праведничей, и сотвори себѣ мѣсто то покоище, а змію ту помрамори (обратилъ въ мраморъ)....; и приходяще людіе веземлютъ отъ нея на врачбу всему» [3])....

Онъ пробылъ въ пещерѣ 3 года и 5 мѣсяцевъ, а потомъ нашелъ камень, «высота ему 40 саженей, а ширина ему яко щитъ великъ»; «и взыде на камень той и стоя на немъ 7 лѣтъ и 4 мѣсяца,... убивая тѣло свое мразомъ и бурею, терпя зной и градъ съ небесе;.... подвиги и труды его ангелъ Господень возношаше на небо предъ Бо-

---

[1]) По редакціи житія, обработанной патріархомъ Терновскимъ Евѳиміемъ въ XIV вѣкѣ, Іоаннъ питался *сланутъкомъ*, какимъ-то зеліемъ, которое чудеснымъ образомъ произрастало изъ земли у стопъ его.

[2]) Въ редакціи Евѳимія Терновскаго, смерть отрока отъ змѣи обставлена риторикою и изображается какъ наказаніе отъ Бога отцу ребенка за то, что онъ хотѣлъ увести его въ міръ; не говорится ни о мѣстѣ погребенія отрока, ни объ обращеніи змѣи въ мраморъ.

[3]) Братъ этотъ назывался Лука.

гомъ. И увѣдѣвъ Богъ терпѣніе его, и ангелъ Господень прихождаше къ нему, принося ему манну» [1])....

Тутъ онъ подвергался многоразличнымъ искушеніямъ отъ бѣсовъ. Къ нему приходилъ Іоаннъ Богословъ и подкрѣплялъ его. Онъ велѣлъ пустыннику возвратиться въ мѣсто, гдѣ онъ началъ свою иноческую жизнь, и приказалъ оставить тамъ жезлъ свой, «да будетъ міру въ знаменіе, а ему въ память». И пошелъ онъ подъ гору, называемую Руенъ, въ Скрино, «и никто же его не видѣ, когда пріиде и когда отиде, и жезлъ свой міру остави въ знаменіе, а себѣ на память. И ставъ отиде въ Перигъ [2]) и обрѣте мѣсто каменно, близъ рѣки именемъ Струма, и ту створи себѣ покоище; и оттуду иде въ планину (гору) Витошу [3]), и ту створи себѣ покоище;.... и повелѣніемъ ангеловымъ вставъ иде на мѣсто, идѣже бѣше себѣ уготовалъ гробъ своима рукама, въ пустыни Рыльстѣй»....

Въ то время въ Срѣдцѣ (Софіи) находился царь Петръ. Онъ услышалъ о великомъ подвижникѣ и послалъ 9 «ловцовъ» въ горы, его отыскать. Легенда разсказываетъ о случившихся при этомъ чудесахъ. Наконецъ удалось найти святаго; царь пожелалъ его видѣть. «И доиде до рѣки именемъ Рыла [4]) и поиде возъ-рѣку (вверхъ по рѣкѣ) и доиде до камене именемъ Стогъ, и не можаху прейти, бѣ бо узко и стръмно (круто), поидоша въ планину (гору) именемъ Книшава, и повѣдаша ему (царю) гору и камень, идѣ же живеше святый отецъ Іоаннъ; и восхотѣ царь поити, и не може пустынею.».... Пустынникъ и царь увидѣли другъ друга издалека и поклонились другъ другу; и царь, насыпавъ чашу золота, послалъ ее святому. Іоаннъ отослалъ золото, велѣвъ сказать царю: «мнѣ, брате мой, ни вои водити, и никоея же купли куповати; возми си злато, понеже тебѣ есть много потреба, а чашу удержахъ на память тебѣ» [5]).

Опять явился святому Іоаннъ Богословъ и возвѣстилъ ему предстоящую кончину: «и въ томъ часѣ прилетѣ пчела и влетѣ ему въ уста; и того часа начатъ летати духомъ по аеру (воздуху) яко и орелъ, и яко голубь златоперситъ (златогрудый) по горамъ [6]).... и

[1]) Въ редакціи Евѳимія Терновскаго Іоаннъ пребываетъ въ пещерѣ 12 лѣтъ, а о стояніи на камнѣ говорится только вскользь.

[2]) Нынѣш. горная цѣпь Перинъ-дагъ (древній Орбелъ) между Струмою и Местою.

[3]) Гора на югъ отъ Софіи.

[4]) Рыльска, течетъ въ Струму.

[5]) Въ житіи, составленномъ Евѳиміемъ Терновскимъ, помѣщены посланіе Петра къ Іоанну и отвѣтное посланіе его къ царю: но эти посланія, заключая въ себѣ простую фразеологію безо всякаго отношенія къ какому либо факту, не могутъ быть признаны подлинными.

[6]) Пропущено въ редакціи Евѳимія Терновскаго.

почи въ мѣстѣ своемъ, уготованномъ ему отъ Господа, Августа въ 18 день». — Его кончина относится къ 946 году [1]).

Іоаннъ былъ не одинъ. Съ нимъ трудились иноческимъ подвигомъ три другихъ отшельника, которыхъ Болгарская церковь причислила также къ лику святыхъ, Прохоръ, Гаврило и Іоакимъ. Прохоръ уда-

---

[1]) Житіе Іоанна Рыльскаго общеизвѣстно въ редакціи, принадлежащей патріарху Терновскому Евѳимію, жившему въ XIV вѣкѣ. По этой редакціи оно было напечатано въ Кіевѣ въ 1671 г., и въ Бѣлградѣ въ 1837 г. Та же редакція издана, по рукописи XVI вѣка, въ «Гласникѣ» Сербскаго Ученаго Общества за 1867 годъ; она извѣстна намъ и по нѣсколькимъ другимъ спискамъ. Но кромѣ того намъ удалось найти въ одной, принадлежащей тому же Сербскому Ученому Обществу въ Бѣлградѣ, рукописи, писанной въ 1756 г. въ Габровѣ іеромонахомъ Романомъ, совершенно особую редакцію житія Іоанна Рыльскаго. Хотя рукопись поздняя, но мы считаемъ эту редакціею за древнѣйшую. Въ ней гораздо болѣе, такъ сказать, фактическаго, болѣе указаній на мѣстности, на народныя повѣрья и т. под. Чудеса представляются въ видѣ совершенно наивномъ, тогда какъ у Евѳимія они облечены въ обычную форму иноческихъ чудесъ, разсказываемыхъ въ греческихъ житіяхъ, а нѣкоторыя (какъ напр. бесѣды съ Іоанномъ Богословомъ) вовсе опущены, вѣроятно потому, что Евѳимій находилъ ихъ несообразными. Между тѣмъ эти-то чудеса были особенно извѣстны въ народѣ, какъ видно изъ того, что житіе Іоакима Сарандапорскаго, извѣстное намъ по рукописи XVI вѣка, упоминая о Іоаннѣ Рыльскомъ, приводитъ изъ его жизни только бесѣды съ Іоанномъ Богословомъ, очевидно какъ замѣчательнѣйшій фактъ, который о немъ разсказывался. Это совпаденіе подтверждаетъ подлинность той редакціи житія, которая сохранилась въ Бѣлградской рукописи 1756 г. Далѣе, сравнивая эту редакцію съ Евѳиміевымъ житіемъ, мы увидимъ, что, кромѣ извѣстія о томъ, что Іоаннъ до своего постриженія обучался въ монастырѣ, — въ Евѳиміевомъ житіи нѣтъ *ни одной* черты, которая не находилась бы въ той редакціи; только порядокъ разсказа нѣсколько измѣненъ, всѣ грубыя черты стерты, весь разсказъ обращенъ въ риторическую амплификацію, и присочинены (это очевидно) посланія царя къ иноку и инока къ царю. Это сличеніе приводитъ насъ къ убѣжденію, что легенда, уцѣлѣвшая въ рукописи 1756 года, была (можетъ быть, въ нѣсколько другомъ видѣ) именно тѣмъ матеріаломъ, которымъ пользовался Болгарскій писатель XIV вѣка, чтобы составить житіе Іоанна Рыльскаго соотвѣтственно вкусу его времени. Это придаетъ нашему памятнику важное значеніе, такъ какъ это единственное извѣстное намъ церковное сказаніе, принадлежащее собственно южно-славянскому міру (о житіяхъ Кирилла и Меѳодія мы не говоримъ), которое осталось свободнымъ отъ мертвящей византійской риторики, и сколько нибудь передаетъ намъ народные взгляды и разсказы. Любопытно, что эта легенда уже и не считалась (вѣроятно со времени появленія Евѳиміевой редакціи) приличною для употребленія

лился въ «пустыни Вранянскія», (близъ г. Враня, на востокъ отъ Косова-поля), на р. Пшину, гдѣ до сихъ поръ существуетъ монастырь, основанный на мѣстѣ его отшельничества. Гаврило избралъ Лѣсновскую гору близъ Кратова, къ сѣверу отъ долины Брегальницы, и тамъ тоже воздвигся монастырь. Наконецъ Іоакимъ спасался въ «горахъ Осоговскихъ», у р. Скупицы, въ мѣстѣ называемомъ Сарандапоръ (т. е. сорокъ-проходовъ), — и тутъ также возникла обитель.

въ церкви. Переписчикъ говоритъ, что онъ списалъ ее «на пользу женамъ», чтобы замѣнить этимъ чтеніемъ бабьи сказки о самовилахъ (русалкахъ) и бродницахъ (? привидѣніяхъ)». Вотъ приписка на рукописи, заключающей въ себѣ, кромѣ житія Іоанна Рыльскаго, разныя переводныя съ греческаго поученія: «Знано бꙋди като иѡсифъ брадáти пóсникъ ѿ рильскаго монастира превéлъ и исписалъ ѿ грéческаго ꙗзика на словеньски. И азь ромáнь иеромонахь преписáхь ѿ нéгово (т. е. его) писаніе сіа книжица. ради жéньски и бáбини браговьщѝни (*такъ*) заради самовѝли и бродѝнци да се чѐта на пóльзо женамь ва лето з. с. ξ. д. (7264), ѿ ржⷭтва хрⷭтова а. ѱ. н. ѕ. (1756) у гàброво тéрновьско тогдá бехь».

Приводимъ здѣсь этотъ любопытный памятникъ, пропуская лишь, для сокращенія, нѣкоторыя вставленныя въ легенду молитвы и цитаты изъ священнаго писанія. Эти пропуски означены точками.

Мцⷭъ ѡктѡмврій ѳ҃і. жи́тіе и жизнь преподóбнаго ѽца нáшего іѡáнна. пꙋсты́ни жи́телꙗ ры́льскаго. и о прѣнесéніи мóщем егѡ̀.

Бысть чловѣкь дꙋховнь. благовѣ́рань и христолю́бивъ. боѥсе Бога и са стрáхѡмь слꙋжѐ емꙋ. и безь зльзах ни́колиже прѣбы́вае..... и тако вь вѣ́рѣ вели́цѣ сыи. изыдѐ из мира. бѣше бо пасты́рь и ни чтó же имѣ́ѥ тькмо брáта еди́наго и единь вóль, и егдà помы́сли изы́ти въ пꙋсти́ню. узѐ вóла п поидѐ. и не знáеше ни́кой, идещꙋ же емꙋ пꙋтемъ ѿ мѣста своéго. тогда врáгь ненави́дей добрà. вложѝ въ срьдце брàтꙋ емꙋ. и оубѣдѝ лю́ди и постигохá его на пóли нарицáемъ *Мръдици* и под дꙋбѡм вели́кымъ и начашá егó вращàти ѡт пꙋти Божіа діáволіимь наважде́ніемь. и ꙗкóже начéше вращáти его. сотворѝ великꙋю молитвꙋ Божію кь ни́мь, и едвà испроси́ звонéць еже ношáше вóль, знаменіа ради ми́ра, а себѐ на пáметь. да се знае что изнéсе светый ѡтьць Іоáннь из ми́ра. а вóль емꙋ вьзéше и привезà светый ѡтьць вóль под дꙋбѡмь, нарицáемѣмь *великый дꙋбъ* сь свóима светима рꙋкама. и ѡттóго чáса нарéчесе светога ѡтца дꙋбь, и éще и до днéшняго днѐ познáетсе вꙋже окóло дꙋба, знамéніе светáго ѡтца. и ѡтвратѝ лице своé светóе ѡт них и поидѐ въ *пꙋсти́ню Ры́льскꙋю*. и собрáшесе кь ни́мь, и не благословѝ и́хь, ни проклѐ.. и даст ѝмь знáменіе рéкь áзь излáзꙋ ѡт вас сни́десе и глꙋме. и пóиде вь пꙋстыню рылскꙋю и и́де на мéсто нарицáемое *Гóлець* и быст тꙋ. е. мⷭць. и пакы брáть емꙋ вьзьтꙋжѝ по брáтѣ и пойде искáти его и идѐ и ѡбрѣ́те его въ мѣ́стѣ тóмь. и видѣвь егѡ̀ светы́й ѡтць грѣдꙋща кь нéмꙋ, и прискрьбань быст и помоли́се Богꙋ...... Тогда пріиде глас сь небесе и рéче емꙋ рáдуисе свéтило моѐ въ пꙋсти́й сéй гóрѣ *сни*-

Во времена гоненій и бѣдствій народныхъ отшельничество приносило несомнѣнную пользу. Оно пріучало людей къ самопожертвованію, оно укрѣпляло духъ гонимыхъ и утѣсняемыхъ и приготовляло къ борьбѣ и освобожденію. Таково было иночество на Руси во времена Татарскаго гнета. Велики оказались также для православной Болгаріи, — когда на нее легло иго Турокъ, — плоды

жаннѣи (т. е. снѣжной). рáдȣисе дьнницѣ моꙗ свѣтла. рáдȣисе сльньце мое светлое въ пȣстыни рылстѣи. рáдȣисе пȣстыни жителю вь плѣти сыи ангелъ. въстáни и възми жéзль свой, и ѝди въ мѣсто оуготóванное тебѣ *под планинȣ ими Врьтóпь.* и ѝде и обрѣте пéщерȣ и вьнѝде, ѝдеже сльньце не призырáеши ни вѣтрь не вѣяше. нъ тькмо ангель едѝнь прихóждаше кь нéмȣ, и ношáше емȣ мáннȣ ѡт Бога óбразѡм шипковемь. и тȣ пребываше моле Бога день и нóщь не почѝвае, и безь слъзь не прѣбывае николѝже. и прихóждаше врáгь прельстникь, и бесѣдовааше словесà ангельска кь нéмȣ хóте егò извéсти ѡт мѣста светаго. и не имѣе емȣ чтò сьтвóрити. бѣше бо братáньць светаго ѡтца сь нимь. и ѝде врагь прѣльстникь злй, кь брáту светаго ѡтца. и навадѝ егò рéкь емȣ. азь брáта твоéго обрѣтȣ и дѣте твоè вь пȣстыни сь нимь, ѝдеже сльньце не сіяеть, ни вѣтрь вѣеть, тькмо едѝны звѣріе, и твоè чéдо сьнéдено хóщеть быти ѡт звѣрей. слышáвь же брáть светаго словесà еіà врáжіа, разгнѣвáсе, и пойде сь гнѣвѡмь, да его изведеть изь пȣстыни дiáвольскымь наȣчéніемь. и не вѣдещȣ емȣ кáмо ѝти, рéче емȣ дiáволь прельстный. азь да те повéдȣ на мѣсто гдé живеть твóй брáть. и чéдо твоè досéле изѣдено éсть ѡт звѣрьь. слышавь слóвь тóй брáть светаго, и прискрьбнь быст за чéдо своè. и речé дiáволȣ. дрȣже вéди ме на мѣсто то, да ти сатвóрȣ éже хóщешы. и поидè дiáволь пред нимь. и идóста на мѣсто ѝдеже бѣ светый ѡтьць пȣстыный Іѡáннь. и видѣвь его светый ѡтьць и помóли Бога.... оуслыши ме Господи и помилȣи ме. и избáви ме ѡт врагá серó похвáлнаго.... ей Господи не остáви мé. не врáгȣ сéмȣ вь рáдость. Сице éмȣ мóлещȣсе. пріѝде брáть егò дiáволімь наȣчéніемь. и вьзьбесѣдова кь нéмȣ словесà дiáволя, хотè светаго прѣльстити и извéсти ѡт пȣстыни Божіа.... разȣмѣвь же светый ѡтьць Іѡаннь, ꙗко не сȣть бесѣди брáта егò, нь сȣть бесѣди врáга.... възрѣвь на небо и рéче. Господи Іисусе Христе.... избáви ме ѡт врáга моего.... спасѝ ме Господи ѡт ненавѝстника моегò, прѣити мáлое сè житіе прѣхóдное, и наставѝ ме въ твоè отѝшіе.... бȣди ми помóщникь, и ȣбы приставники éже хóтеть на мè пріѝти. ѝже твоих заповѣди не вѣдеть. сотвори ѝхь áдȣ причéстникы и чрьвіемь, и вьвѣди егѡ вь вѣчныи ѡгнь, и вь мȣкȣ кромѣшнȣю. ѝдеже чрьвь не ȣсыпаеть, и ѡгнь не ȣгасáеть. а рáбȣ своемȣ, Господи, дáждь крѣпость и бдéніе, и помóщь, по твоимь стѣзамь хóдиті, и тебѣ слȣжити вь вѣкы вѣкѡвь аминь. Чюв же дiáволь éже рéче светый ѡтьць Іѡаннь аминь. оужáснȣсе и бѣжà въ мѣсто своè. а брáть емȣ ѡстà. и разȣмѣ брат емȣ силȣ светаго ѡтьца и не смѣи бесѣдовати емȣ ничтòже. остá бѡ едѝнь, а врáгь егò бѣжа ѝже егò ȣчáше злимь бесѣдамь, хóте его

иноческихъ подвиговъ Іоанна Рыльскаго: обитель, создавшаяся на мѣстѣ его пустынножительства, вѣроятно имъ самимъ и основанная, сдѣлалась неколебимою опорою православія и славянской мысли въ Болгаріи, и нынѣ еще, вѣрная завѣту девяти вѣковъ, стоитъ она во главѣ возрождающагося просвѣщенія болгарскаго. Но замѣчательно въ самомъ Іоаннѣ это необоримое отчужденіе отъ всего,

---

смѣсти ѿт пѫти Божіа. и приближисе брать емꙋ молесе молбою великою, и слъзами велицѣми да емꙋ пꙋстит дѣтища. и ѿпꙋсти дѣтища светый, и поиде съ ѿтцем своемь. бѣше бо духовно дѣте той. вѣдеше бо пꙋстыни житель ѿтьць Іѡаннь ꙗко дѣте духовно есть, помолисе Господеви и рече. Господи да не погыбнеть дꙋша праведнаго. и не напиши его съ грѣшникы. и оуслыша Богь молитва светаго и преподобнаго ѿтьца Іѡанна. и томь часѣ повелѣ змій и оумде дѣтище идꙋща пꙋтемь сь ѿтцемь его. и възвратисе ѿтьць его и повѣда светомꙋ ѿтьцꙋ Іѡаннꙋ. и оуслыша светы ѿтьць о дѣтище и прослави Бога и рече. Господи пріими дꙋшꙋ праведничю. да почиеть сь Авраамѡм, и Ісакомь, и Іаковѡм и вь тѡм часѣ изыде дꙋша из дѣтища. и вьзьмь ѿтьць его и несе емꙋ. и повелѣ светыи ѿтьць Іѡаннь нести отроче на мѣсто именемь *Осѣново* и погребе и ѿтьць его и ѿтиде, светы же ѿтьць Іѡаннь хождаше на мѣсто то дꙋше тое ради праведничю. и сьтвори себе мѣсто то покоище, а змію тꙋ помраморы да се ꙗвѣсть сила молитвы светаго ѿтьца Іѡанна. и приходеще людіе вьземлють ѿт нею на врачбо вьсемꙋ. и сьтвори вь пещери той светый ѿтьць Іѡаннь не изьходе три лѣта и 5 мѣсець. И изыде вонь и ѡбрѣте камень, висота емꙋ. м. (40) съжней, а ширина емꙋ ꙗко щить великь. и вьзыде на камень той, и стоя на немь. з. (7) лѣть, и д. (4) мѣсеце дьнь и нощь не почивае, бие прьси свое и колѣнѣ прекланяе и слъзы точе постомь и бдѣніемь, оубивае тѣло свое мразомь и бꙋрею. трьпе зной и град сь небесе постѡм и бдѣніѥмь днію и нощію. иже подвигы и трꙋды его ангель Господьнь вьзношаше на небо предь Богомь. и оувѣдевь Богь трьпѣніе его, и ангель Господьнь прихождаше кь немꙋ приносе емꙋ маннꙋ. И оувѣдѣ врагь прьвый ꙗко пріета быст молитва его пред Богомь и разгнѣвавсе, и поеть инѣхъ мнѡзѣхь сь собою, и сьтвори сьборь, и пріидоше на мѣсто идеже стояше на каменіи светый ѿтьць Іѡаннь, моле Бога. и пріидоше напрасно сь страхомь веліимь, мнеще оустрашите его хотеща да бѣжить ѿт мѣста светаго и не могоше емꙋ что сьтворити. бѣше бо ангель Господень храни и крѣпле его. и наче діаволь бѣжати, а светый ѿтьць Іѡаннь бѣ стое на камени молесе Богꙋ днію и нощію не престая слъзы точе. и приходеще врази низрѣвахꙋ ѿт камене того. висота бо бѣ камене того, м. (40) съжнеи. ѡнже не хотеаше обыти инѣмь пꙋтемь имать бо пꙋтишце мало на мѣсто то светое нѣ ѿтгде его смѣтаяхꙋ, тѣмжде пꙋтишцемь вьсхождаше. есть бо камень той высокь и стрьмень. юдꙋже смѣтаяхꙋ и мꙋчахꙋ светаго ѡн же сь радостію пріемляше вьсе то. и до днешняго дне знаятсе стопи ногꙋ его. и оумиливсе, вьзрѣвь на небо и рече.

что его окружало. Это, очевидно, не вымыслъ позднѣйшей легенды. Легенда также коснулась и жизни св. Климента, но не стерла съ него типа общественнаго дѣятеля, просвѣтителя народа. А у Іоанна и его современниковъ Прохора, Гаврилы, Іоакима общая черта — что они бѣгутъ изъ общества, скрываются въ горы, не проклинаютъ своего народа, но отъ него уходятъ, «смѣяся и глумяся надъ

Боже вседрьжителю не ѡтстѹпи ѡт мене, нь бѹди ми помощникь на врагы сіѐ спаси ме и помози ми мало прехожденіа сего прѣити. и не помени моих грѣхь иже сьтворихь или словомь, или помишленіемь, или дѣломь, или воли или неволи. ꙗко Богь милосрьдь помози ми. да не речеть беззаконный где есть Богь его. тѣмже Господи потьщисе избавити ме ѡт врага сего. ꙗко да прославится име твоѐ во вѣкы. И егда рече светыи ѡтьць Іѡаннь аминь. въ той час оудари ангель вь клепало каменно. и звонець позвонѐ над гробомь светаго ѡтьца. и потресесе пѹстиня и потрепета ꙗко и езеро. и позвонеше гора ꙗко *камбань* (т. е. колоколъ). и чювь діаволь, аминь, и клепало и звонець, и оудари вь мѣсто оуготованное емѹ. идеже несть свѣта нь тьма присно. и вь тѡм часе прійде ангель сь небесе ѡт Господа глаголя, мѹжайсе и крѣписе вьзлюблениче мой, азь есамь присно с тобою, не ѹжасисе, нь радѹисе.....

Тогда прійде Іѡаннь Богословь кь немѹ и ѡбьемь его ꙗко мати младенца своего и облобиза и рече емѹ. радѹисе возлюбленниче Господьнь оуготова, бо ти се вѣнець славѣ. слава бо твоя просьвтѣсе. вьстани и вьзми жезль свой и иди вь мѣсто прежнеѥ идеже сіи пріель иночьскыи ѡбразь, и ѡставѝ тѹ жезль свой, да бѹдеть мирѹ вь знаменіе, а тебѣ вь паметь. речено бо ти есть ѡт Бога. и вьставь пѹстыножитель ѡтьць Іѡаннь, и иде на мѣсто идеже прьвѣе пріеть иночество под планинѹ име ей *Рѹень*, вь мѣсте зовомое *Скрино*, и ѡтиде ѡттѹдѹ и никтоже егѡ видѣ. когда пріиде и когда ѡтиде. и жезль свой мирѹ ѡстави, знаменіе, а себѣ на паметь, повелѣніемь Господьнимь. и вьставь отиде вь *Перикь* и ѡбрѣте мѣсто каменно, близь рѣкы именемь *Стрѹма*, и тѹ сътвори себѣ покоище. и ѡттѹдѹ иде вь планинѹ, *Витошѹ*, и тѹ сьтвори себѣ покоище. и прійде кь немѹ ангель Господьнь..... и повелѣніемь ангеломь вьставь и иде на мѣсто идеже се бѣше оуготоваль гробь своима рѹкама светима вь пѹстыни *Рылстѣй*. бѣше бо тогда *Петрь царь* вь Срѣдци градѣ. и прочю се слово о светѣмь. о семь чю и *Петрь царь*. и избра ѳ. (9) мѹжей хитрех ловце и повелѣ имь ити вь *Рылѹ* ловь ловити. заповѣдавь им глаголе. да се не вьзвратите кь мнѣ донелиже не обрѣщете мѣсто светаго ѡтца да и азь шьд поклонюсе емѹ. и пойдоше мѹжіе ꙗкоже повелѣ имь царь ловь ловити. и ищехѹ мѣсто светаго, и не обрѣтахѹ его. и проводише дьни мнѡгы вь пѹстыни той, ни светаго мѣсто ѡбрѣтоше, ни лова оуловише и прискрьбныи быше, и не можахѹ вьзвратитисе кь царѹ. не бѣхѹ бо ни единое работи сьтвориле иже имь бѣ повелѣль царь. бѣхѹ бо и не ꙗдше многи, дьни и нарекоше име светомѹ, и помолишесе рекше, ѡтче светый, проповѣждь се намь, да

нимъ», какъ говорится въ житіи Іоанна Рыльскаго Между тѣмъ это была пора полнѣйшаго благоденствія въ Болгаріи, долголѣтняго мира, какимъ она давно не пользовалась, и высокаго политическаго значенія. Неужели внутреннее состояніе подпавшей подъ византійское вліяніе Болгаріи было уже въ то время такъ неутѣшительно, что это заставляло знаменитаго основателя Рыльской обители и его то-

---

не поги́бнем ѡт цара, и смили́хѹсе емѹ. вѣдеше бо светый ѡтьць сьвѣта и помишлѐніа царева. вь то́мь ча́сѣ ѡбрѣтоше стьзи́цѹ ма́лѹ и прославише Бога. и и́доше по стѣзи то́й, и ѡбрѣтоше егѡ и видѐ ихь светый ѡтьць и вьпроси́ и́хь глаголе. че́да о что́мь е́сте пришлѝ. еда̀ досе́ли вы не ıадше е́сте. вѣдеше бо и́хь ıако. е (5). дьни и́мѹть не ıадше. ѡни́ же исповѣда́ше емѹ всѹ и́стинѹ. Бѣше бѡ вь то́мь ча́сѣ прине́сль емѹ ангель съ небесе пи́щѹ, обра́зѡм шипковемь. и Божіемь повѣлѣніемь сьтвори́се просфо́ра, и поста́ви и́мь ма́ннѹ светый ѡтьць ıасти. бе́ше бѡ еди́нь вь ни́хь велеядьць. ви́дѣвь просфори́цѹ ма́лѹ. и помислѝ вь срдьци своемь ревь. что̀ хо́щет на́мь сѐ бы́ти ѳ (9)-мь мѹжемь вь просфори́ци се́й еди́ной. и прораз̾ѹмѣвь помышле́ніе егѡ светыи ѡтьць Іѡа́ннь. и вьздьхнѹвь кь Господѹ, ре́че въ срдьце своемь. Господи ıакоже еси́ насы́тиль петы́ми хлѣбы пет ты́сѹща нарѡда сьтвори́ и здѐ зна́меніе своѐ, и благослови и́мь трапе́зѹ сію̀. и ıадо́ше вьси́ насы́тишесе. и оста̀ полови́нѹ ѡт просфо́ры. и бѣ боле́нь еди́нь ѡт ных и а́біе ıадши изцѣлѐ. ıако жѐ е́сть рече́но вь кни́гах. хлѣбь ангельскы ıаде чловѣкь. то́гда тіи мѹжіе ıадо́ше и просла́више Бога. вьзврати́шесе кь царѹ сь ра́достію и сказа́ше вьсѐ, еже ви́деше оу светаго, и слы́шавь *Пе́трь* царь и прославѝ Бога и поѐ сь со́бою мно́жьство лю́дей, и воѐ своѐ, и пойде да ви́детъ светаго ѡтьца. и дойде до рѣкы и́менемь *Рыла*. и глаголаше емѹ сѐ зна́меніе светаго ѡтьца и то́го мѣста и́деже сіа̀ рѣка исхо́дит. и пойде вьзь рѣкѹ, и доидѐ до ка́мене и́менемь *Стогъ*, и не можа́хѹ прѣйти, бѣ бо ѹзско и стрѣмно. и поидо́ше вь плани́нѹ и́менемь *Книшáва*, и повѣда́ше емѹ горѹ и ка́мень и́деже живеше светы ѡтьць Іѡа́ннь, и вьсхо́те царь пойти и не можѐ пѹсты́нею, нь а́біе послà двà ѡтрѡка и ре́че и́ма шьдше рьцѣта светомѹ ѡтцѹ, ѡтче пришьль е́смь да ви́дим чьстное ти лице, а́ще ти е́сть вьзмо́жно. и ѡтвѣща̀ и́ма светыи ѡтьць глаголе. и́дѣта и рьцѣта емѹ. царѹ светыи и сла́вныи. ѡт Бога вьса̀ вьзмо́жна, а нѐ ѡт чловѣкь. а́ще хо́щеши да ме ви́диши, и да те виждѹ, постави тѝ *те́ньте* (т. е. шатры) на врьсе а а́зь да сьтво́рѹ ди́мь да ти ви́диши дыма, а а́зь да виждѹ *те́нтѹ*. та́ко бо на́мь е́сть повеле́но видѣтисе. и сьтвори́ светыи ѡтьць ды́мь ıако и стлъпь до небесе, и виде *Петрь* царь зна́меніе светаго ѡтьца а светыи ѡтьць погледна̀ на те́нте. и просла́виста Бога и поклони́стасе дрѹгь кь дрѹгѹ. то́гда Пе́трь царь насыпа̀вь ча́шѹ зла́тѹ. и посла̀ кь не́мѹ ре́кь пріимѝ сіе ѡт мо́его царства да ти бѹдеть на окрьмле́ніе емѹ же хо́щеши. и вьзѐ светыи ѡтьць Іѡа́ннь ча́шѹ, а зла́то вьзвратѝ, ре́кь ѡтро́комь посла́нымь ѡт ца́ра. идѣта и рьцѣта цареви си́це. глаголеть бра́ть твой. бра́те мой не ѡ хлѣбѣ еди́номь пребы́вает чловѣкь. но и о глаголе Божіи ıакоже

варищей отвергать всякое общеніе съ своимъ народомъ? Во всякомъ случаѣ, оскудѣніе духовной жизни въ православной церкви Болгарской послѣ блестящей эпохи Симеоновой очевидно и несомнѣнно.

Тѣмъ большій успѣхъ могла найти проповѣдь дуалистическаго вѣроученія. При Петрѣ Симеоновичѣ явился въ Болгаріи ересіархъ, который сталъ на ряду съ главными основателями дуалисти-

есть писано вь Еѵангеліи. мнѣ бра́те мо́й, ни *вбе рожи́ти* (такъ) и нико́е же кꙋпле кꙋповати. да възьми́ си зла́то поне́же тебѐ есть мно́го потре́ба, а чашꙋ ю дрьжах на па́метъ тебѣ, и на зна́меніе ми́рꙋ. и ѿпꙋсти̂ зла́то, а ча́шꙋ оудрьжа̀. и рече́ кь ѿро́кома тѣ́ма рьцѣ́те кь царю. ско́ро се двигни̂ ѿт мѣ́ста того̀. поне́же *дꙋ́бно* е́сть, да не поги́бнеши и вьси̂ сꙋ́щіи с то́бою. слыша́вь же ца́рь сло́во светаго ѿтьца, вь том ча́се подви́гнꙋсе ѿтиде. и ѿтто́ле се назва̀ Царевь Врьх и до дне́сь. и пріи́де Іѡа́ннь Богосло́вь, и ре́че светомꙋ ѿтьцꙋ Іѡа́ннꙋ глаголе. посла́нь есмь ѿт Бога възвѣсти́ти тебѣ ра́дость. ра́дꙋисе възлюбле́ниче мо́й и слꙋ́жителю Господьнь оуготова́ ти се вѣ́наць. и вь то́м ча́се прилетѣ̀ пчела̀ и вьлетѣ̀ емꙋ̀ вь ꙋ̀ста. и то́го ча́са начѣ́ть летати̂ дꙋ́хѡмь по а́ерꙋ ꙗ̀ко и ѡ́рель, и ꙗ̀ко голꙋ́бь злѧ́топрьсит по го́рамъ. и виде́вь то Богосло́вь и ѿти́де. а прѣподо́бны ѿтьць Іѡа́ннь пꙋсти́нножитель почи̂ вь ме́сте своє́мь оуготова́нꙋ емꙋ̀ ѿт Господа. мѣ́сеца авгꙋ́ста вь. иі. (18) дьнь. и лежа̀ те́ло светомꙋ не ведѣ́щꙋ ни́комꙋже точі́ꙋ аигель Господьнь слꙋ́жа́ше емꙋ̀. и многими дне́мь минꙋвшимь, посла̀ па́ки царь Пе́трь да ꙋ̀вѣсть о светѣ́мь ѿтьци. и наче́ше па́ки иска́ти егѡ̀ и не ѡбрѣ́тоше и възврати́шасе кь царꙋ̀ и ре́коше емꙋ̀ не ѡбрѣто̀хѡмь егѡ̀. и сьжали̂все царь вели̂и. и прослави̂ Бога и ре́че. вь и́стинꙋ не быхъ досто́инь видѣ́ти светаго и поми́нꙋвшꙋ мнѡ́го врѣ́мени посла̀ па́ки царь ловце вь мѣ́сто то̀ светое да мꙋ̀ ло́веть. и не ѡбрѣта́шесе тꙋ̀ дꙋ́ша чловѣ́ча. вь пꙋ̀сти́ны то̀й. тькмо ѕвѣ́ріе, еди́ны. и ти̂ прихо́ждахꙋ кь гро́бꙋ светаго и исцелѣва́хꙋ ѿт недꙋгь сво́их. и́же бѣ сле́пь, прозира́ше, и хрѡ́мы исцелѣва́хꙋ приходе́щи кь грѡ́бꙋ светаго. ло́вещемь же ло́вь. обрѣто́ша сле́дь еди́нь, и поидо́ше по слѣ́дꙋ емꙋ до мѣ́ста светаго. и виде́вши мнѡ́гыи ѕвѣ́ріе и не ѿтхожда́хꙋ ѿт не́го милости хоте́ще полꙋчи́ты ѿт светаго. ѡбрадова́шесе ло́вцы да оуло́веть ло́вь, то́гда виде́вше звѣ́ріе ти́е лице чловѣчее и подьплаши́шесе (т. е. испугались) а ѕво́нець позво́нѐ, и клепа́ло поклепа̀, и ꙋ̀жа́сь вели́кь прие́ша ловцы, и ꙗ̀ко бежа́ти мишлѣху, и ꙋ̀зрѣше кандило го́рещее. и пріидо́ше и видѣ́ше тѣ́ло светаго, и просла́виш Бога, и ѡста́виш ло́вь, и възврати́шесе кь цареви, и възвѣсти́ше емꙋ о светѣ́мь и́же ви́дѣше. чꙋ̀в же ца́рь и пора́дова́се о светѣ́мь и а́біе ꙗвисе емꙋ вь сне ангель Господьнь да възы́щеть тѣ́ло светаго ѿтца. бѣ̀ бо рече́но тѣ́ло то́мꙋ свето́мꙋ лежа́ты вь *Срѣдци* гра́да. сьбра́ше же лю́діе да и́дꙋть доне́сти тѣ́ло светаго ѿтьца. идо́ше же и не возмого́ша двигнꙋ́ти тѣ́ло светаго. и оскрьби́шесе скрьбію вели́кою. наче́ше моли́ти Бога. то́гда пріи́де светомꙋ глас сь небесе, глаголе. возлюбле́ниче мо́и. повѣле́ное тебѣ̀ сьврьши́ ты. и а́біе двигнꙋ̀се те́ло светаго и наче́ше лю́діе ти́е зва́ти гла́сѡм вели́кѡм. Госпо-

ческихъ сектъ, съ Манесомъ и Павломъ Самосатскимъ. «При Петрѣ царѣ Болгарскомъ, свидѣтельствуетъ древній памятникъ, манихейскую ересь воспринялъ попъ Богомилъ и разсѣялъ въ землѣ Болгарской» [1]). Попъ Богомилъ далъ свое имя дуалистической ереси на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Его вліяніе было таково, что уже для близкихъ потомковъ онъ затмилъ предшествовавшихъ ему проповѣдниковъ манихейства въ Болгаріи и почитался за основателя ереси въ этой странѣ [2]); вѣроятно, что онъ далъ ей тамъ устройство,

---

ди помилѹи. и поидоше ѥмѹ же хотѣаше. и тѣло светое идѣше по повелѣнію Божію. и доидѐ тѣло светаго вь *Срѣдечьскыи* градь. и сьтворише емѹ храмь, и тѹ положише тѣло светое преподобнаго ѡтца нашего Іѡанна пѹстыны жителя Рылскаго. и кь немѹ приходеще недѹжніи пріемлют исцѣленіа. сіцевь сѹть чѹдеса славнаго преподобнаго ѡтца нашего Іѡанна пѹстыножителя. за преданѹю емѹ благодать ѡт Господа нашего Іисуса Христа. бѹди же намь помощникь, послѹшающым и чьтѹщимь, и пишущымь, и милость обрѣсти, и ѡставленіе грѣхωм нашимь вь дьнь сѹдныи. благодатію и чловѣколюбіемь Господа нашего Іисуса Христа. емѹже подобаеть слава чьсть и поклоненіе Ѡтцѹ и Сынѹ и Светомѹ Дѹхѹ и нине и присно и во вѣки вѣкωвь аминь.

[1]) Синодикъ или съборникъ „прѣписань... ѿ грѣчьскаго на блъгарскыи... ѩзыкь" повелѣніемъ царя Борила, въ 1210 г. Драгоцѣнная рукопись эта принадлежитъ Спиридону Николаевичу Палаузову, которому намъ пріятно здѣсь выразить всю признательность нашу за ея сообщеніе. Въ ней много важныхъ свидѣтельствъ о древней церкви Болгарской, о ересяхъ, съ которыми она должна была бороться, о православныхъ святителяхъ, память которыхъ она благословляла. Осужденіе Манихеевъ или Богомиловъ въ ней весьма пространно; вотъ начало этого мѣста: „Понеже въселѫкавыи нашь врагъ. по въсеи блъгарстѣи земли. манихеискѫѩ ересь разсѣа смѣсивь сіѫ съ масаліанскоѫ. иже таковѣи ереси началникы, анаѳема. Попа бг҃ѡмила иже при петрѣ ц҃ри блъгарстѣмь. въспріемшаго манихеискѫѫ сіѫ ересь и въ блъгарстѣи земли разсѣавшаго. къ сим же и се прирекшаго. ѩко въ привидѣни х҃с бг҃ъ нашь отъ ст҃ыѫ бц҃ѫ и присно д҃вы маріѫ родисѧ. и въ привидѣни распѧтсѧ. и об҃женѫѫ плъть вънесе и на въздоусѣ остави. рекшеи и того бывшеи. нинѣ сѫщіи ѹченици и а҃пли нареченіи, анаѳема. И въсѧ иже въ ереси тои и обычаѫ ихъ събраніа и таинства. и неполезнаа их оученіа. и ходѧщи[х] съ ними, анаѳ[м]. Любѧщихсѧ съ ними. и съ ними въ разоумѣ (т. е. въ единомысліи) ѩдѫщихь и піѫщи[х]. и дары ѿ нихь въземлѧщихь. ѩко единомыслъны тѣ[м], анаѳем[а]. Иже Іоуніа м҃ца. к҃д. д҃нь на рожьство іѡанна кр҃тлѣ творѧщи[х] влъшвеніа и плωдовь влаченіа и елика въ тѫ нощь скврънаа творѧть таинства и еллинстѣи слоужбѣ подобнаа, анаѳема. Иже сатанѫ видимѣи твари творца наричѧщихь быти и икωнωма нарицѫщи[х] дъждеви и градоу. и въсемоу исходѧщомоу отъ земѧ, анаѳема"... (листъ 13 об. и 14). Также въ другомъ мѣстѣ (л. 26 об.): „Трьклѧтаго богомила. и михаила оученика его. и ѳеωдора. и добрѣ (т. е. Добря). и стефана. и васиіа. и петра. и прочѧѧ еговы оученикы и единомѫдрьникы.... иже х҃во въплъщеніе привидѣніе быти блѧдивши, а не ѿ с҃тыѧ и прѣчистыѧ вл҃чцѧ нашѧ плъть приѧть сихь всѣхь. анаѳема. Мы имѣемъ о Богомилѣ также свидѣтельство Космы Пресвитера (жившаго въ концѣ X вѣка): „И яко же случися Болгарстѣй земли, въ лѣта православнаго царя Петра, бысть попъ именемъ Богумилъ, а по истинѣ Богу не милъ, иже нача первіе учити ереси въ земли Болгарстѣй".

[2]) См. вышеприведенныя слова Космы Пресвитера. Впрочемъ, связь богомильства

какого она прежде не имѣла, учредилъ между своими учениками [1]) іерархію [2]) и развилъ ея догматы [3]). Еще въ XIII вѣкѣ православная церковь Болгаріи помнила и предавала анаѳемѣ, какъ злѣйшихъ своихъ враговъ, вмѣстѣ съ Богомиломъ, его учениковъ Михаила, Ѳеодора, Добря, Стефана, Василія и Петра.

Эти-то новые учители дуализма дали ему, по всей вѣроятности, особый оттѣнокъ. Соборное дѣяніе 1210 г. прямо указываетъ на то, что попъ Богомилъ прибавилъ что-то къ манихейской системѣ. Поэтому мы имѣемъ право считать Богомила и его учениковъ родоначальниками особой дуалистической церкви, которой и должно быть по преимуществу присвоиваемо имя богомильской, хотя названіе это и смѣшивается часто съ средневѣковымъ манихействомъ или павликіянствомъ вообще. Но вникая въ сущность дуалистическихъ сектъ, распространившихся съ теченіемъ времени и въ западной Европѣ, гдѣ онѣ особенно усилились въ XII и XIII в. и гдѣ эти еретики обозначали себя именемъ *Катаровъ*, т. е. *чистыхъ*, — мы замѣчаемъ въ нихъ раздѣленіе на два толка. Послѣдователи одного придерживались древняго дуалистическаго взгляда, пришедшаго съ Востока и лежавшаго въ основаніи манихейскаго и павликіянскаго ученія: дуализму они приписывали исконное бытіе, такъ что начала добра и зла почитались равноправными и признавались два божества, доброе и злое. Другой, новѣйшій, толкъ отвергалъ эту систему, слишкомъ неутѣшительную для человѣческой души, и признавалъ одного добраго Бога; но онъ полагалъ, что Божество родило двухъ сыновъ, злаго, Сатанаила, и добраго, Христа: Сатанаилъ сотворилъ міръ и человѣка,

---

съ Арменіею и его тождество съ манихействомъ и павликіянствомъ не забывалась въ Болгаріи. Это видно изъ сочиненій того же Косьмы и изъ житія Иларіона, епископа Могленскаго, великаго противоборника богомиловъ въ 2-ой половинѣ XII вѣка (житіе написано патріархомъ Евѳиміемъ Терновскимъ въ XIV в.). Въ этомъ житіи говорится, что Иларіонъ узналъ, что большая часть населенія въ его епархіи была „Манихейскаа, и Арменскаа, и еще же и Богомильская". Вступивъ съ ними въ преніе, онъ между прочимъ спрашивалъ ихъ, зачѣмъ они „постятъ постъ Арцивуріевъ"; ему отвѣчали Могленцы: „Сергію нѣкоему Арменину таковый постимся постъ, иже въ нашей странѣ пострадавшему". Такихъ указаній на связь съ Армянскими дуалистами много.

[1]) Изъ нихъ числа онъ избралъ *апостоловъ*, какъ свидѣтельствуетъ синодикъ Болгарскаго царя Борила.

[2]) Подробности о Богомильской іерархіи см. у Шмидта (Histoire et Doctrine de la secte des Albigeois ou Cathares, II, 139—150).

[3]) Синодикъ царя борила: „Попа Богомила, иже.... въспріемшаго Манихейскаа сія ересь.... *къ сим же и се прирекшаю* и т. д. Впрочемъ, приписываемое попу Богомилу мнѣніе, отвергавшее вещественность въ явленіи Христа, было общею почти принадлежностью дуалистическихъ теорій (см. Шмидта, тамъ же, II, 31—39, 72—76), какія бы ни были ихъ разногласія въ другихъ положеніяхъ; но быть можетъ, что Богомилъ выразилъ это ученіе яснѣе своихъ предшественниковъ и придалъ ему бо́льшее развитіе.

Христосъ открылъ ему путь ко спасенію [1]). Оба эти толка имѣли свое начало въ Болгаріи. Итальянецъ Рейнеръ Саккони, самъ бывшій катаромъ и по обращеніи своемъ въ католицизмъ изложившій ученіе покинутой имъ ереси (онъ жилъ въ XIII вѣкѣ), исчисляетъ 16 катарскихъ церквей, какія существовали въ его время и, кончая свой списокъ церквами *Болгарскою* и *Дреговичскою* [2]), говоритъ, что отъ нихъ произошли всѣ прочія (въ томъ числѣ церкви дуалистовъ въ Италіи и Франціи, гдѣ катары пріобрѣли въ XII и XIII в. столь великую знаменитость подъ именемъ Альбигензовъ). Могло бы казаться страннымъ, что подлѣ богомильской церкви Болгарской поставлялась, съ одинаковымъ значеніемъ, церковь, носившая имя маленькаго, безвѣстнаго племени Дреговичей; но это объясняется извѣстіями XII вѣка: они указываютъ на то, что церкви Болгарская и Дреговичская были, между богомилами или катарами, представительницами тѣхъ двухъ толковъ, о которыхъ мы только что упомянули; именно, въ Болгарской господствовала новая теорія дуализма съ понятіемъ объ одномъ добромъ Богѣ, въ Дреговичской — старая теорія исконнаго и безконечнаго бытія зла рядомъ съ добромъ [3]). Имѣя это извѣстіе изъ XII вѣка, мы въ правѣ отнести начало обоихъ толковъ между Задунайскими Славянами къ древнѣйшей эпохѣ, ибо уже Болгарскій писатель X вѣка указываетъ на это самое разногласіе въ ученіи современныхъ ему богомиловъ [4]). Дреговичи жили частью

---

[1]) Различіе этихъ двухъ катарскихъ толковъ прекрасно опредѣлено Шмидтомъ.

[2]) Summa fratris Reinerii, у Martène и Durand, Thes. nov. anecd. V, 1767: „....ecclesia Burgaliæ; ecclesia Duguntbiae; et omnes habuerunt originem de duabus ultimis". Искаженное имя *Duqunthia* пишется различно въ средневѣковыхъ источникахъ; Шмидтъ (I. 16 и 58) приводитъ еще чтенія: Dugranicia, Drogometia, Drugaria, Dugrutia, но ошибочно полагаетъ; что этимъ именемъ означался городъ Tragurium или Трогиръ въ Далмаціи: нельзя понять, какъ это имя могло бы быть передѣлано переписчиками въ Drogometia, Dugranicia и проч.; одна форма Drugaria еще нѣсколько напоминаетъ его, но она легко могла произойти по опискѣ изъ *Drugutia*, которое съ другой стороны измѣнилось въ *Dugrutia*. Drugutia и Drogometia ясно указываютъ на имя Дреговичей, край которыхъ назывался Греками Δρουγουβιτεία (Le Quien. Or. Chr. II, 95). Наконецъ, единственный историческій фактъ, изъ котораго мы узнаемъ объ этомъ толкѣ *de Drogometia* или *de Druguria*, говоритъ скорѣе въ пользу нашего мнѣнія, чѣмъ въ пользу объясненія Шмидта: именно, въ 1167 г. богомильскій епископъ этой мѣстности рукоположилъ какого-то Никиту въ епископы для приверженцевъ ереси въ Константинополѣ; гораздо вѣроятнѣе, что это посвященіе имѣло мѣсто въ сосѣдствѣ Константинополя, въ краѣ Македонскихъ Дреговичей, нежели въ отдаленномъ городѣ Далмаціи. То же мнѣніе положительно высказалъ Шафарикъ. (Pam. Hlah. Pism. LX).

[3]) Всѣ свидѣтельства объ этихъ *ordo de Bulgaria* и *ordo de Dugrutia* приведены у Шмидта (I, 58 и слѣд.); только онъ ложно относитъ послѣднее имя къ Трогиру, какъ уже замѣчено.

[4]) Косма Пресвитеръ (Arkiv za povjestn. jugosl. IV, 86): „діавола *творца* нарицающе человѣкомъ и всей твари Божіей,... *инии* же *агела отпадша* нарицаютъ. И друзіи же иконома неправедно творятъ: и вся словеса ихъ смѣху суть имѣющимъ ума,

въ Македоніи, близъ Солуня, частью во Ѳракіи, въ предѣлахъ Филиппопольской митрополіи, и составляли тамъ въ IX в. особую епархію [1]). Какія бы ни были обстоятельства, давшія этому славянскому племени значеніе между богомилами, мы не можемъ удивляться тому, что имя его обозначало древнѣйшій толкъ катаровъ, основанный на мысли о предвѣчномъ дуализмѣ: ибо вѣрованіе это должно было преимущественно господствовать въ южной части Балканскаго полуострова, такъ какъ тамъ (именно въ Македоніи) павликіянство, занесенное съ Востока, существовало, мы знаемъ, еще до обращенія Болгаръ въ христіанскую вѣру. Потомъ, какъ мы увидимъ, въ этотъ край переселяемы были еретики-дуалисты изъ Арменіи, и это не могло не усилить тамъ вліянія восточныхъ системъ, еще близкихъ къ духу первоначальнаго манихейства. Въ собственной же Болгаріи дуализмъ былъ преимущественно водворенъ нововводителемъ Богомиломъ, и мы можемъ съ вѣроятностью признать его отцомъ той теоріи, гдѣ дуалистическое начало смягчено, и, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, отвергнуто исконное и равноправное съ добромъ существованіе зла. Систему эту мы, вмѣстѣ съ средневѣковыми источниками, назовемъ по преимуществу *Болгарскимъ толкомъ* въ дуалистическомъ ученіи [2]).

Такова печальная картина внутренняго состоянія Болгаріи при Петрѣ Симеоновичѣ: вліяніе Византіи, раздоръ между правительствомъ и приверженцами старыхъ преданій, застой и порча въ духовной жизни. Та же мертвенность во внѣшнихъ дѣлахъ, страшная быстрота въ паденіи. Начинается царствованіе Петра тѣмъ, что Болгарія отбрасываетъ мысль о завоеваніяхъ; кончается оно тѣмъ, что она въ самомъ сердцѣ своей державы не въ силахъ дать отпоръ врагу.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Петръ, при посредствѣ папскаго посла Мадальберта, уже упомянутаго, помирился съ Хорватами: ему не было охоты мстить за пораженіе, которое потерпѣлъ отъ нихъ его отецъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ отказался и отъ Сербіи. Сербскій князь Чеславъ Клонимировичъ, о которомъ мы говорили выше, бѣжалъ изъ Прѣславы, Болгарской столицы, и явился въ своемъ отечествѣ, разоренномъ и безлюдномъ. Къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ толпы Сербскихъ изгнанниковъ, другіе приходили изъ Бол-

---

не бо состоятся рѣчи ихъ вкупѣ, но разновлекутся, аки гнила свита (какъ гнилое сукно)".

[1]) См. Шафарика, Слав. Др. (перев. Бодянскаго, II, 1, 362 и 369).

[2]) На различіе толковъ въ дуалистической ереси указываетъ и Анна Комнина: „καὶ τὰ μὲν δόγματα διεφώνουν, συνεφώνουν δὲ ταῖς ἀποστασίαις οἱ ἄλλοι τοῖς Μανιχαίοις", говоритъ она объ „Ἀρμένιοι, καὶ οἱ λεγόμενοι Βωγόμιλοι, καὶ δυσθεώτατοι Παυλικιάνοι" (450—452).

гарскаго плѣна; Чеславъ просилъ покровительства Византіи. Императоръ отправилъ къ нему, снабдивъ одеждою и нужными вещами, множество Сербовъ, укрывавшихся въ Константинополѣ; онъ принялъ воскресшую Сербію подъ свою защиту. Такъ уже во второй разъ Византійскій императоръ оказывалъ покровительство явнымъ противникамъ своего друга и зятя царя Болгарскаго, и заводилъ связи, которыми при случаѣ могъ ему вредить; а царь Болгарскій оставался по прежнему слугою Византіи.

Когда Русскій князь Игорь сталъ (въ 941 г.) собирать суда, чтобы идти на Царьградъ, Болгаре не преминули дать знать о томъ Грекамъ. Походъ этотъ не удался; за то, подымаясь во второй разъ на Царьградъ, Игорь не ограничился морскою силою: онъ послалъ и *конное*, т. е. сухопутное, войско и нанялъ Печенѣговъ; онъ, разумѣется, имѣлъ въ виду дѣйствовать на сухомъ пути не прямо противъ Грековъ, которыхъ отдѣляли отъ него нѣсколько сотъ верстъ, а противъ ихъ союзниковъ, Болгаръ [1]). Миръ съ Греками предупредилъ походъ Русскихъ; но возвращая назадъ свое войско, которое дошло именно до границы Болгарской, до Дуная, «Игорь, такъ говоритъ Несторъ, повелѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю»: знакъ, что Болгарское правительство его чѣмъ нибудь особенно раздражило.

Неизвѣстно, чѣмъ эта распря кончилась; но Болгарія была тогда уже совершенно безсильна противъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Мадьяры грозили ей, уже стали на нее нападать, и она не могла отъ нихъ иначе отдѣлаться, какъ пропуская этихъ корыстолюбивыхъ наѣздниковъ черезъ свои земли къ богатымъ друзьямъ своимъ, Грекамъ. Нѣсколько разъ (934, 943, 959, 962, 967 гг.) возобновлялись эти постыдные для Болгаріи набѣги. Византійское правительство стало наконецъ обвинять Петра въ соумышленничествѣ съ Мадьярами, въ союзѣ съ ними, и требовать, чтобы онъ прекратилъ эти дѣйствія; но Петръ оправдывался малодушнымъ, постыднымъ извиненіемъ: «когда Мадьяры на него напали, Греки-де не дали ему помощи, и потому теперь, какъ онъ по неволѣ помирился съ ними, не въ правѣ требовать, чтобы онъ нарушилъ миръ и предпринялъ такую войну, вести которую ему нѣтъ возможности». — И конечно, Петръ въ своемъ извиненіи говорилъ правду: не только миролюбіе его дѣлаетъ соумышленничество съ Мадьярами совершенно невѣроятнымъ, но это видно и изъ того, что при первыхъ набѣгахъ Мадьяръ Греки не думали его заподозривать; притомъ проходъ этихъ грабителей черезъ Болгарію долженъ былъ причинять ей вдесятеро больше убытку, чѣмъ

[1]) На эти обстоятельства первый, кажется, обратилъ вниманіе покойный Венелинъ.

пользы, даже если бы ей предоставлялась вся добыча. Если бы Петру вздумалось поживиться на счетъ Византіи, онъ послалъ бы своихъ же Болгаръ, а не Мадьяръ.

Когда читаешь это извѣстіе, чувствуешь, что нѣтъ уже духа жизни въ государствѣ Болгарскомъ. Самыя жестокія пораженія и бѣдствія могли бы оставить его жизненную силу неприкосновенною; но не смѣть противостать толпѣ наѣздниковъ и потомъ приводить свое малодушіе себѣ въ извиненіе, — такое нравственное униженіе и безсиліе предвѣщало смерть. А между тѣмъ, давно ли народъ Болгарскій, могучій и бодрый, шелъ къ завоеванію державы Константина и Юстиніана и казалось, назначенъ былъ возобновить ее своими свѣжими силами? Были еще въ Болгаріи, конечно, и даже не очень старые, люди, которые помнили гордыню и побѣды Симеона. Отцы видѣли Болгарію на высотѣ могущества, при дѣтяхъ она успѣла пройти всѣ степени паденія, и готова была рухнуть при первомъ ударѣ. И здѣсь мы опять повторимъ, что упадка Болгаріи послѣ смерти Симеона, ея внутренняго ослабленія и раздора, ея подчиненія Византійской политикѣ, мы не приписываемъ случайному дѣйствію личностей: ни Петръ, ни Сурсубулъ, ни Гречанка Марія, ни отстраненные отъ престола братья Петра не были бы въ силахъ сдѣлать этого сами собою; ихъ личныя склонности и страсти могли только вызвать наружу и выразить дѣломъ то, что̀ было подготовлено общимъ ходомъ болгарской жизни. Оттого, очевидно, такъ легко стало посѣять въ Болгаріи раздоръ, заставить ее отказаться отъ вѣковыхъ ея замысловъ и стремленій, подчинить ее вліянію Византійскаго двора, что сама Болгарія послѣ Симеона уже не въ силахъ была жить и развиваться цѣльно и самостоятельно. Странная и горькая была, дѣйствительно, судьба Болгаріи! На третьемъ вѣкѣ своего существованія, въ эпоху, когда, по обыкновенному ходу дѣлъ, государство только начинаетъ свою историческую жизнь, для Болгаріи уже настала пора полнаго развитія; славное, просвѣщенное царствованіе Симеона, по-видимому, предвѣщало цѣлые вѣка процвѣтанія, а между тѣмъ оно было преддверіемъ распаденія; и если Болгарія выходила потомъ изъ оцѣпенѣнія, то лишь на время, вспышками какой-то лихорадочной дѣятельности, болѣе или менѣе продолжительными и блестящими, но безсильными создать что нибудь прочное, уступавшими мѣсто мраку всякій разъ болѣе глубокому. Да и какъ развивалась Болгарія въ первые два съ половиною вѣка своей исторіи, какъ взошла она на ту высоту, на которой стояла при Симеонѣ? Не правильными, постоянными успѣхами, а какими-то скачками, мы это видѣли въ предыдущемъ изложеніи. Созданная Аспарухомъ изъ насильственнаго сліянія славянскихъ общинъ, еще чуждыхъ государственна-

го строя, и дикой степной орды, конечно еще менѣе Славянъ знакомой съ гражданственностью, Болгарія черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Аспаруха своимъ вмѣшательствомъ ставитъ уже въ Цареградѣ императора. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, она едва не разрушается отъ внутреннихъ раздоровъ, не въ силахъ оборониться отъ Византійскихъ войскъ. Быстро опять возстановляется она въ концѣ VIII в., а въ первое двадцатилѣтіе IX-го, при Крумѣ, держитъ Константинополь въ осадѣ, распространяетъ свою власть до Карпатскихъ горъ, умножаетъ свои силы христіанскими переселенцами изъ Византійскихъ областей. Послѣ Крума новое ослабленіе, гоненіе на христіанъ, бѣдственныя войны, правленіе государей незначительныхъ; въ долгое и мирное княженіе Бориса Болгарія крѣпнетъ опять, просвѣщается христіанскою вѣрою, развиваетъ въ себѣ огромныя силы, вещественныя и духовныя, которыми пользуется Симеонъ; и при Симеонѣ же эти силы истощаются.... Есть во всемъ этомъ развитіи Болгаріи что-то скороспѣлое и непрочное, что-то болѣзненное, неестественное.—Скороспѣлость и болѣзненность, вотъ самая общая и, можетъ быть, самая существенная особенность Болгарской исторіи. Мы только указываемъ на эту особенность; мы не беремся разгадать ея причинъ. Но можемъ ли мы не припомнить того, что Болгарія была единственная изъ славянскихъ державъ, основанная на завоеваніи и по этому самому имѣвшая началомъ своимъ искусственное соединеніе двухъ враждебныхъ сторонъ, которыя послѣ борьбы условились (гласно или негласно, все равно) жить вмѣстѣ въ гражданскомъ порядкѣ? Такое насильственное и искусственное, условное начало мы видимъ въ государствахъ германо-романскихъ, и изъ него вышла вся ихъ блестящая историческая жизнь: возможно ли было подобное явленіе у Славянъ? или какая могла быть, въ славянской средѣ, судьба государства, сложившагося изъ враждебныхъ стихій завоевателей и завоеванныхъ? Мы говорили уже гдѣ-то о несходной участи тѣхъ двухъ державъ, которыя созданы были у Славянъ пришлыми дружинами; мы сравнивали слабость и скорое паденіе Болгаріи съ стойкостью и жизненною силою Руси: и это, конечно, не дѣло случая, также и не дѣло большей или меньшей благопріятности внѣшнихъ обстоятельствъ, ибо Болгарія распалась, мы видѣли, во время полнаго внѣшняго благосостоянія, среди глубокаго мира и тишины, а какая земля страдала столько отъ враговъ, сколько Русская? Нѣтъ, не даромъ то государство получило силу и твердость, которое основали люди, добровольно призванные или признанные народомъ, сознавшимъ единство свое и потребность въ порядкѣ, государство цѣльное въ своихъ стихіяхъ, съ которымъ народъ связанъ былъ жизненнымъ единствомъ, союзомъ любви; и не даромъ мертвенно было созданіе насильника-завоевателя, это

государство Болгарское, съ которымъ покоренный славянскій народъ, въ теченіе времени, конечно сжился, но не могъ ужь соединиться всѣми силами, всею любовью своего духа. Только изъ живаго согласія и единства, не изъ насилія и искусственныхъ условій, возникало въ Славянскомъ мірѣ прочное и плодотворное развитіе. Кому понятны и ощутительны коренныя свойства славянскаго духа, та цѣльность и живая простота, которыя составляютъ его существенную принадлежность и съ утратою которыхъ онъ теряетъ свою жизнь и силу, то начало любви, которое онъ хранитъ и на которомъ стремится основать человѣческія отношенія, — кому это понятно и ощутительно, для того ясенъ этотъ законъ исторіи. Много въ ней ему подтвержденій, и къ числу этихъ великихъ свидѣтельствъ принадлежитъ судьба несчастнаго государства Болгарскаго, съ его неестественно скорымъ и неровнымъ возрастаніемъ, съ его паденіемъ, которое совершилось съ такою страшною быстротою, съ такимъ явнымъ отпечаткомъ роковой необходимости, единственно отъ дѣйствія внутреннихъ причинъ.

Мы отвлеклись отъ разсказа о царствованіи Петра Симеоновича, дошли до предпослѣдняго года этого царствованія и не успѣли его окончить: но личность Петра совершенно исчезаетъ въ великомъ явленіи внутренняго упадка Болгаріи. Пропускомъ Мадьярскихъ наѣздниковъ и трусливыми своими оправданіями передъ Византійскимъ правительствомъ, Болгарія ознаменовала послѣднюю степень этого упадка, свое полное омертвѣніе; оставалось одно: чтобы надъ этимъ государствомъ, которое уже не могло жить, поднялась рука сильнаго и исполнила надъ нимъ приговоръ судьбы. Вотъ что покажутъ намъ слѣдующія событія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Святославъ. — Первое паденіе Болгарскаго царства.

Уже сорокъ лѣтъ спокойно сидѣлъ на престолѣ Болгарскомъ царь Петръ, сынъ великаго Симеона; Болгарія изнемогала внутреннимъ безсиліемъ, мертвѣла все болѣе и болѣе. Наконецъ разразилась надъ ней гроза, и грозу накликала Византія.

При всей своей слабости, при всемъ миролюбіи своего правительства, Болгарія должна была страшно тяготѣть надъ Византіею. Правда, при Петрѣ она сдѣлалась вѣрною и услужливою спутницею Византійской политики; но все же имперія была, такъ сказать, сдавлена массою этого «варварскаго» государства, которое откинуло ее отъ Балкановъ къ прибрежью Архипелага, которое изъ Филиппополя могло въ нѣсколько дней выслать войско къ ея столицѣ, и которое въ своей гавани Месемвріи сосредоточивало, въ подрывъ Цареграду, торговлю Черноморскую [1]); могли ли Болгаре своею уступчивостью передъ Византіею уничтожить въ ней это чувство вещественнаго гнета? могло ли наконецъ Греческое правительство расчитывать на неизмѣнное миролюбіе и спокойствіе Болгаръ, на ихъ вѣчное оцѣпенѣніе?

Пока Болгарія подъ наружнымъ бездѣйствіемъ скрывала внутреннюю мертвенность, въ Восточной имперіи происходило удивительное оживленіе и возстановленіе силъ. Такова исторія этого страннаго государства: тысячу лѣтъ продержалось оно, нѣсколько разъ доходя до крайняго изнеможенія и ничтожества и потомъ опять оправляясь и выказывая значительную дѣятельность. Мы помнимъ, въ какомъ униженіи Византія стояла предъ Симеономъ; послѣ того, осторожная политика Константина Багрянороднаго заготовила въ ней новый запасъ силъ, а въ 963 г. вступилъ на ея престолъ человѣкъ съ истинными талантами, великій полководецъ и умный правитель государст-

---

[1]) Такъ даже плывшіе изъ Руси въ Цареградъ торговцы останавливались въ Месемвріи: Const. de adm. imp. 79. О Месемвріи, какъ о центрѣ сношеній Цареграда съ Болгаріею, см. Cedren. II, стр. 309.

венный, Никифоръ Фока. Четыре года воевалъ онъ на востокѣ, сперва какъ начальникъ Греческихъ легіоновъ, потомъ какъ императоръ, и побѣда вездѣ его сопровождала. Возстановивъ славу «Римскаго» воинства, очистивъ Малую Азію отъ Арабовъ, давъ имперіи перевѣсъ надъ халифатомъ, Никифоръ почувствовалъ необходимость возвратить ей просторъ и въ Европѣ; онъ рѣшился низвергнуть Болгарію, или по крайней мѣрѣ болгарское владычество на югъ отъ Балкановъ, какъ онъ ниспровергнулъ власть мусульманъ въ Анатоліи. Какой былъ предлогъ къ войнѣ? Никифоръ сталъ обвинять Болгарію въ соумышленничествѣ съ Мадьярскими хищниками, вторгавшимися черезъ ея земли въ имперію, и требовать удовлетворенія, котораго, разумѣется, получить не могъ; на этомъ основаніи разорвалъ онъ дружескія связи съ Петромъ. Вслѣдъ затѣмъ случилось, что именно тогда, когда онъ, возвратясь изъ Сиріи, изъ покореннаго Тарса, торжествовалъ въ столицѣ имперіи паденіе этой твердыни Арабской, Болгарское посольство пришло къ нему за обычною данью. При всемъ дворѣ, собранномъ для празднества побѣды, принялъ императоръ пословъ. «Горе! вскричалъ онъ, мы, Римляне, низложивъ супостатовъ нашихъ, станемъ теперь, какъ рабы, платить дань нищему, мерзкому народу, варварамъ Скиѳамъ!» и въ обдуманномъ, кажется, пылу гнѣва велѣлъ онъ бить пословъ, обругалъ самого государя Болгарскаго, назвалъ его «тулупникомъ». Никифоръ тотчасъ выступилъ съ войскомъ (967 г.) и занялъ пограничныя Болгарскія укрѣпленія (около Родопскихъ горъ). Но, не смотря на первый успѣхъ, онъ считалъ войну съ Болгаріею не легкимъ дѣломъ. Его страшили стремнины Родопа и Балкана: «онъ не хотѣлъ», говоритъ лѣтописецъ, «выставлять Римскія войска на убой Болгарамъ въ дебряхъ и ущельяхъ ихъ земли: ибо извѣстно, что много разъ Римляне застигаемы были и погибали въ тѣснинахъ Болгаріи».

По этому, возвратившись въ столицу, онъ отправилъ патрикія Калокира, «человѣка отважнаго и хитраго», въ Кіевъ, звать Русскаго князя Святослава на Болгаръ, а самъ между тѣмъ опять пошелъ на Арабовъ, въ Сирію. Понятенъ расчетъ Никифора: онъ хотѣлъ, чтобы Болгаріи сперва нанесенъ былъ сильный ударъ съ сѣвера, гдѣ она была почти беззащитна [1]); тогда бы онъ могъ смѣло итти черезъ Родопъ и Балканъ, добивать ее и взять для себя. Нанести этотъ первый ударъ онъ не думалъ поручить ни Мадьярамъ, истомленнымъ многолѣтнею и подъ конецъ гибельною для нихъ борьбою съ Германіею, ни нестройной ордѣ Печенѣжской: тутъ нельзя бы было рас-

[1]) См. Констант. Багрянор. de admin .imp., глав. 5 (περὶ τῶν Πατζιναχιτῶν καὶ Βουλγάρων).

читывать на вѣрный успѣхъ.—Русская дружина была сильна: она могла сразить Болгарію; Русская земля была далеко, и черезъ Болгарію не могла, казалось, угрожать Византіи; вотъ что Никифоръ конечно имѣлъ въ виду.—Калокиръ дѣйствовалъ въ Кіевѣ не изъ одной служебной обязанности; призывая Русскую дружину, задабривая ее деньгами, которыя ему вручилъ Никифоръ, онъ тайно внушалъ Святославу мысль занять Болгарію для себя и тогда содѣйствовать ему, Калокиру, къ достиженію Византійскаго престола: онъ сулилъ ему тогда груды золота.

Какія, наконецъ, побужденія могъ имѣть Русскій князь? Не государственные виды руководствовали Святославомъ; онъ былъ исключительно вождь дружины: такъ обозначается вся его дѣятельность въ Русской исторіи. Удальство и славолюбіе дружиннаго начальника заманили его, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, на Кавказъ: онъ бился тамъ съ народами, съ которыми тогдашняя Кіевская и Новгородская Русь не могла имѣть настоящихъ причинъ къ враждѣ; тѣ же стремленія увлекли его теперь за Дунай. Какое открывалось тутъ поприще для искателя военнаго счастія! Предлагалось завоевать одну изъ богатѣйшихъ странъ Европы, взять сокровища, накопившіяся въ теченіе стольких лѣтъ отъ цвѣтущей торговли, отъ разграбленія Византійскихъ областей, отъ Византійской дани; и къ тому же за это завоеваніе Византія платила деньги (Никифоръ послалъ съ Калокиромъ въ Кіевъ 1,500 литръ золота, болѣе 100,000 нашихъ червонцевъ [1]), и обѣщалъ еще, по окончаніи похода). И не только богатства, но и какой блескъ, какая слава ожидала завоевателей знаменитаго, обширнаго государства Болгарскаго! И какіе заманчивые виды раскрывалъ Калокиръ! Отказаться было бы въ глазахъ Святослава преступленіемъ передъ дружиною, его единственнымъ отечествомъ. Онъ собралъ суда и отправился къ Дунаю (967). Его сопровождалъ Калокиръ. Онъ взялъ съ собою только дружину свою [2]); земской рати отъ славянскихъ племенъ, составлявшихъ Русское государство, съ нимъ не было: Русская земля не участвовала въ этомъ дѣлѣ; то было личное предпріятіе Святослава, какъ вождя дружины.—Дружина была у него легкая, немногочисленная, тысячъ 10, а вѣроятно меньше [3]), — Святославъ подплылъ къ

---

[1]) См. Черткова, Описаніе войны великаго князя Святослава, стр. 150, гдѣ вычислена сумма, какую представляли 15 *кентинаріевъ* золота, посланные Никифоромъ Святославу, и гдѣ, сравненіемъ съ другими извѣстіями, вполнѣ утверждена достовѣрность этого показанія.

[2]) На это ясно указываетъ Несторъ, когда говоритъ о возвращеніи Святослава изъ перваго похода въ Болгарію: „вборзѣ всѣде на конѣ *съ дружиною своею*", стр. 28.

[3]) Во второмъ походѣ въ Болгарію Святославъ имѣлъ не болѣе 10,000 ч. дружины, по свидѣтельству Нестора, а тогда онъ шелъ съ намѣреніемъ основаться тамъ и конечно долженъ былъ взять съ собою больше войска, чѣмъ въ первый разъ, когда не

устью Дуная (въ августѣ 967 г.), и сталъ у берега. Болгаре выдвинули противъ него 30,000 войска. Смѣло выходя изъ судовъ, держа передъ собою щиты, Русскіе бросились на нихъ, взяли ихъ на мечи [1]). Болгаре дрогнули и побѣжали. Они заперлись въ Дерстрѣ (иначе Доростолѣ, теперь Силистріи). — «Говорятъ, что это неожиданное бѣгство до того огорчило государя Болгарскаго Петра, человѣка богобоязливаго и достойнаго, что онъ пораженъ былъ падучею болѣзнію, и жилъ уже не долго»: такъ повѣствуетъ византійскій лѣтописецъ.

Быстро овладѣлъ Святославъ сѣверною, придунайскою частью Болгаріи. Онъ вошелъ въ Дерстръ [2]); онъ взялъ городовъ 80 по Дунаю, говоритъ Несторъ, и сѣлъ тутъ княжить, въ Переяславцѣ (въ Болгаріи было два Прѣслава, или, въ русской формѣ, Переяслава, Великій Прѣславъ, столичный городъ, въ горахъ Балканскихъ—гдѣ Эски-Стамбулъ, близъ Шумлы, и Малый Прѣславъ, или Переяславецъ, на Дунаѣ [3]): послѣдній сдѣлался главнымъ мѣстопребываніемъ Святослава; въ первомъ еще держался, кажется, Петръ). — Добыча досталась ему огромная; и Никифоръ, кажется, обрадовавшись первымъ его подвигамъ въ Болгаріи, послалъ ему опять богатую плату [4]).

Удивительно, какой легкій успѣхъ имѣлъ Святославъ: однимъ натискомъ онъ покоряетъ большую часть Болгаріи, коренныя ея области. Изнемогла ли уже до такой степени держава Болгарская, что послѣ одной неудачной стычки съ Русскою дружиною, потеряла всякую способность къ сопротивленію? Этого, очевидно, нельзя предпо-

---

могъ еще имѣть видовъ на какое-нибудь прочное завоеваніе. Что дружина была малая, слѣдуетъ непремѣнно и изъ того, что она пустилась въ Болгарію на судахъ, а возвратиться могла „вборзѣ", на коняхъ. — Взяла ли она себѣ лошадей на суда, или добыла ихъ себѣ въ Болгаріи, рѣшить трудно, хотя послѣднее гораздо вѣроятнѣе: въ первомъ сраженіи, при высадкѣ, мы видимъ у Русскихъ, судя по описанію Льва Діакона, только пѣшій строй; но въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ у нихъ является уже и конница; на картинкахъ болгарскаго перевода Манассіи Русскіе изображены конными.—Левъ Діаковъ, съ громаднымъ преувеличеніемъ, обычнымъ византійскимъ историкамъ, насчитываетъ у Святослава 60,000 войска, но нелѣпость его показанія видна уже изъ того, что не смотря на десятки тысячъ людей, которыхъ Русскіе, въ его разсказѣ, теряютъ въ каждой битвѣ, та же самая цифра 60-ти тысячъ является у Русскихъ опять въ концѣ войны съ Цимисхіемъ, въ Доростолѣ, также какъ при первой ихъ высадкѣ. Недовольный еще 60,000-ми, Кедринъ даетъ Святославу 308,000 войска.—См. о разныхъ этихъ цифрахъ, Черткова, Опис. войны Свят., стр. 156 и слѣд.

[1]) Не соотвѣтствуетъ ли это атакѣ въ штыки?

[2]) Картинка въ Славянскомъ переводѣ Манассіи въ Ватиканскомъ спискѣ, съ надписью: „идѫт въ Дрѫстръ" (см. Чертк. Опис.)

[3]) Положеніе его въ точности неизвѣстно. Если правда, что Русчукъ, Рущукъ (иначе Roszig, Oroschik, см. Чертк. 189) получилъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, свое названіе отъ Руси, то, быть можетъ, онъ и есть древній Переяславецъ или Малый Прѣславъ, столица Русскаго князя въ Болгаріи.

[4]) Несторъ: сѣде княжа ту въ Переяславци, *емля дань на Грьцѣхъ.*

лагать. Нѣтъ, Святославъ долженъ былъ найти въ самой Болгаріи содѣйствіе. Мы знаемъ, что здѣсь было много людей, считавшихъ Петра незаконнымъ обладателемъ престола [1]), негодовавшихъ на него за дружбу съ Греками и жалѣвшихъ о старыхъ воинственныхъ временахъ Болгаріи. Главою ихъ сдѣлался Шишманъ, (иначе Мокръ [2]), одинъ изъ могущественнѣйшихъ бояръ Болгарскихъ, съ своими сыновьями. Они-то стали теперь [3]), по словамъ Кедрина, замышлять переворотъ и мутить народъ Болгарскій. Эти люди и помогали, безъ сомнѣнія, Святославу, видя въ немъ не завоевателя Болгаріи, а удалаго дружинника, который былъ призванъ противъ Петра и котораго можно было, поэтому, употребить для его низверженія.

Дѣйствія Святослава въ Болгаріи были, по необходимости, совершенно противоположны первоначальной цѣли его предпріятія. Никифоръ звалъ его, какъ союзника, чтобы приготовить Грекамъ завоеваніе Болгаріи, а онъ поднялся въ походъ уже тайнымъ врагомъ Никифора, соумышленникомъ Калокира; и вотъ, пришедши въ Болгарію, онъ не только не дѣйствуетъ въ видахъ Никифора и Византійской политики, но является противникомъ той стороны, которая была у Болгаръ всегда наиболѣе склонна къ Грекамъ, и поборникомъ заклятыхъ враговъ Византіи. Вдругъ, мы видимъ, и Никифоръ перемѣняетъ всю свою политику. Ссора его съ Петромъ была поводомъ призванія Святослава; теперь онъ не медлитъ: послы его ѣдутъ къ Петру, обращаются къ нему [4]) именемъ единства вѣры, исповѣдуемой Греками и Болгарами, заключаютъ съ нимъ союзъ, просятъ у него руки двухъ Болгарскихъ царевенъ для сыновей покойнаго императора Романа [5]), условливаются съ нимъ о помощи противъ Руси, возвращаются въ Константинополь съ царевнами, съ сыновьями Петра, Борисомъ и Романомъ, съ Болгарскими заложниками [6]); а

---

[1]) См. предыдущую главу. Петръ былъ младшій сынъ Симеона: оттого возстанія старшихъ братьевъ.

[2]) Греческіе лѣтописцы не приводятъ имени этого боярина, отца славнаго царя Самуила Болгарскаго и его несчастныхъ братьевъ. Анна Комнина называетъ его Μόκρος: стр. 343. Μόκρος ὁ τῶν Βουλγάρων βασιλεὺς καὶ οἱ ἐξ ἐκείνου γενόμενοι καὶ προςέτι γε Σαμουὴλ ὁ τελευταῖος... Въ одномъ Далматинскомъ памятникѣ 994 года (Farlati, III, 111), гдѣ говорится о томъ же царѣ Болгарскомъ Самуилѣ-Стефанѣ, отецъ его названъ Шишманомъ: probum dominum Christicolam justum Sismanum Imperatorem (объ этомъ см. ниже, стр. 199).

[3]) Кедринъ именно связываетъ эти волненія съ временемъ смерти Петра, но ошибочно относитъ ихъ, какъ и самую смерть Петра, къ 963 г., тогда какъ достовѣрно извѣстно, что Петръ былъ еще живъ при первомъ походѣ Святослава въ 967 и 968 году.

[4]) См. Льва Діакона, стр. 79.

[5]) Василія и Константина, еще отроковъ.

[6]) По ошибкѣ латинскаго перевода Кедрина, большая часть новѣйшихъ писателей говорятъ, что заложниками были самъ Борисъ и Романъ; но въ греческомъ

самъ Никифоръ въ это время готовится къ войнѣ съ Русью, обучаетъ войско, вооружаетъ новую тяжелую конницу, всю покрытую бронею [1]), укрѣпляетъ Константинополь и Босфоръ.

Предстоитъ великая борьба. Зиму 967 года Святославъ провелъ на Дунаѣ, въ Переяславцѣ; въ слѣдующемъ году ему необходимо будетъ итти на Петра, въ глубь Болгаріи. Какъ поставитъ онъ себя тогда въ отношеніи къ Болгарскому народу? Скажетъ ли онъ смѣло Болгарамъ: «ваши правители предались врагамъ вашимъ, Грекамъ: я вашъ князь, вашъ другъ и защитникъ; вы не будете данниками Грековъ: вамъ будетъ подъ моею державою, какъ другимъ моимъ племенамъ, оборона отъ чужаго насилія, судъ и правда и легкая дань!» Такъ распространялъ Русское государство Олегъ, освобождая Славянъ отъ дани Хазарской, установляя надъ ними безпристрастную власть, налагая «легкую дань» [2]). Или скажетъ Святославъ своей дружинѣ: «это земля наша, покоренная», и станетъ «примышлять имѣнія» съ дружиною, какъ «примышлялъ» Игорь у Древлянъ? Къ несчастію, Святославъ не былъ государственный строитель, какъ Олегъ; онъ наслѣдовалъ все пристрастіе отца своего къ дружинѣ, и только отличался отъ Игоря дивными подвигами мужества. Пришедши въ Болгарію для того, чтобы поживиться тамъ съ дружиною, съ перваго шагу пустивши дружину грабить и разорять, онъ уже не въ силахъ былъ остановиться на этомъ пути. «На другой годъ (послѣ перваго нашествія на Болгарію), Русскіе вторично, говоритъ Кедринъ, пошли войною на Болгаръ, и также жестоко съ ними поступали, какъ въ первый разъ, если не хуже еще». — Выразительна приписка болгарскаго переводчика одной древней византійской хроники, при повѣствованіи о Никифорѣ: «при семъ Никифорѣ царѣ плѣнила Русь Болгарскую землю *дважды въ два года*, какъ царь Никифоръ *извелъ* на нее Святослава» [3]); и при этомъ переводчикъ изображаетъ намъ въ двухъ картинахъ «Рѹскыи плѣнъ еже на Блъгары»: на одной скачутъ всадники, покрытые щитами и кольчугами, съ длин-

текстѣ сказано: σπονδὰς... ἔθετο Πέτρος ὁμήρους καὶ δοὺς τοὺς οἰκείους δύο υἱοὺς Βορίσην καὶ Ῥωμανόν; заложники были особые, а сыновей Петръ послалъ въ Константинополь для большаго скрѣпленія связей, и вѣрно также для ученія: такъ и Борисъ I посылалъ туда Симеона.

[1]) Это отборное войско потомъ окончательно устроилъ Цимисхій, который, кажется, воспользовался мыслью Никифора, и изъ тяжелой конницы, имъ вновь вооруженной, образовалъ свой знаменитый полкъ „безсмертныхъ".

[2]) Несторъ, стр. 10: иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему (т. е. а вамъ нисколько не противникъ).

[3]) При семъ Никифорѣ цари плѣнишѧ Рѹси Блъгаръскѫѧ земѧ по два(ш) въ двѣю лѣту. цреви Никифорѹ изведшѹ Свѧтслава на ни(х). См. Черткова, о переводѣ Манассіиной лѣтописи, 114.

ными копьями, иные съ лукомъ и стрѣлами, передъ ними бѣгущіе, одинъ отстрѣливается, вокругъ мертвыя тѣла, отрубленныя головы; на другой картинкѣ тѣ же всадники въ кольчугахъ гонятъ стадо быковъ и барановъ [1]). Вотъ какимъ образомъ Святославъ дѣйствовалъ въ Болгаріи!

Это вело неминуемо къ общему возстанію Болгаръ и къ союзу ихъ съ Греками. Но тутъ пришла къ Святославу вѣсть изъ Кіева, что Печенѣги чуть не взяли Русской столицы: «да и опять насъ возьмутъ, говорили посланные, если ты не пойдешь, не оборонишь насъ, коли не жаль тебѣ отчины своей, матери старой и дѣтей своихъ!» Услышавъ это, продолжаетъ Несторъ, Святославъ быстро сѣлъ на коней съ дружиною и пришелъ въ Кіевъ, цѣловалъ мать и дѣтей своихъ, и пожалѣлъ о случившемся; и *собралъ онъ войско* (онъ привелъ съ собою одну дружину, а теперь призываетъ земскую рать, *воевъ*, противъ земскаго врага), и прогналъ Печенѣговъ въ поле (въ степь)....»

Своею политикою Святославъ лишилъ себя, собственно, возможности успѣха въ Болгаріи; но могъ ли онъ рѣшиться оставить ее, отдать безъ боя? Чувство чести, самолюбіе этого не позволяло. Идя въ Кіевъ, онъ уже думалъ о возвращеніи на Дунай.—Въ Болгаріи, между тѣмъ, царя Петра не стало: неизвѣстно, умеръ ли онъ еще до ухода Святослава, или вскорѣ потомъ. Болгарская церковь причислила его къ лику святыхъ [2]). Сыновья его находились въ Константинополѣ, и Болгарія осталась безъ государя. Сторона боярина Шишмана провозглашаетъ теперь новый порядокъ вещей; Шишманъ объявленъ царемъ [3]); вся Болгарія возмущена. Устрашенный императоръ спѣшитъ отправить въ Болгарію Бориса и Романа, въ надеждѣ, что они остановятъ торжество враговъ Византіи; часть народа, кажется, и признаетъ ихъ тотчасъ; но они, безъ сомнѣнія, не могутъ вдругъ положить конецъ безпорядку и смутамъ.

Черезъ годъ (лѣтомъ 969 г.) [4]) Святославъ съ дружиною возвра-

---

[1]) Снимки приложены къ Описанію войны Свят., Черткова.

[2]) См. отрывокъ изъ службы св. Петру, царю Болгарскому, въ Извѣст. II Отд. Акад. Наукъ т. I, стр. 98.

[3]) Кедринъ не говоритъ, чтобы болгарскій бояринъ, отецъ Самуила и его братьевъ, былъ дѣйствительно провозглашенъ царемъ, но ясно свидѣтельствуютъ о томъ Далматинская запись 994 года и Анна Комнина (см. выше, 143). Провозглашеніе его могло бы имѣть мѣсто или въ 968 г., послѣ смерти Петра, или въ 978 г., при возстаніи Болгаръ послѣ смерти Цимисхія; но при этомъ возстаніи, Шишмана уже не было въ живыхъ (какъ видно изъ разсказа Византійцевъ), — онъ былъ убитъ своимъ сыномъ Самуиломъ; при самомъ началѣ возстанія являются уже только сыновья его. Потому мы и относимъ провозглашеніе Шишмана къ первому междуцарствію въ Болгаріи, въ 968 — 969 г.

[4]) Второй походъ Святослава обыкновенно относятъ къ 970 г.; но онъ могъ от-

щается въ Болгарію. Теперь уже онъ не союзникъ Грековъ и также не помощникъ недовольныхъ Болгаръ; онъ не скрываетъ своей цѣли: «онъ смотритъ на Болгарію, какъ на свою добычу, которую взялъ копьемъ», говоритъ Византіецъ, ὡς δοροκτήτου κτήματος,— и онъ пришелъ владѣть своею добычей. — Въ первый разъ Болгарія далась ему легко, почти безъ боя, теперь противъ него стоитъ весь народъ Болгарскій. «Пошелъ Святославъ къ Переяславцу, такъ повѣствуетъ Несторъ, и затворилися Волгаре въ городѣ. И вышли Болгаре на сѣчу противъ Святослава, и была сѣча великая; и одолѣвали Болгаре; и сказалъ Святославъ воинамъ своимъ: ужь намъ здѣсь пасть; *потянемъ мужески,* братья и дружина! И къ вечеру одолѣлъ Святославъ, и взялъ городъ копьемъ (т. е. приступомъ)». Знаменательна эта первая встрѣча.—Не одинъ разъ долженъ былъ Святославъ сражаться съ Болгарами, — и побѣда оставалась за нимъ [1]). Наслѣдники Болгарскаго престола, Борисъ и Романъ, попались въ его руки. Крѣпко захватилъ онъ страну въ свою власть, пишетъ Левъ Діаконъ, и держалъ ее силою страха. — Въ Великомъ Прѣславѣ онъ оставилъ своего дядьку, стараго Варяга Свѣнельда, съ частью дружины сторожить дворецъ и казну царей Болгарскихъ и плѣннаго Бориса, а самъ пошелъ впередъ. Нужно было довершить завоеваніе Болгаріи, покорить «загорныя» области: Святославъ переходитъ Балканы (970). Онъ беретъ приступомъ Филиппополь, крайній на югѣ городъ Болгарскій. «Увѣряютъ, что онъ здѣсь велѣлъ посадить на колъ 20,000 человѣкъ, захваченныхъ въ городѣ, и этимъ ужаснымъ поступкомъ смирилъ всѣхъ Болгаръ, которые еще сопротивлялись»: такъ разсказываетъ Левъ Діаконъ; числу 20,000, разумѣется, нельзя вѣрить: по обычаю византійскихъ писателей, оно

правиться изъ Кіева не раньше весны и прибыть въ Болгарію только лѣтомъ: сбыточное ли дѣло, чтобы онъ въ два-три мѣсяца прошелъ всю Болгарію отъ Дуная, взялъ Переяславецъ и Великій Переяславъ, подчинилъ себѣ враждебную страну, перешелъ Балканы, овладѣлъ Филиппополемъ и достигъ Адріанополя, гдѣ онъ,—это достовѣрно,—находился осенью 970 года. Нѣтъ, пустившись въ первый походъ въ началѣ 967 г., прибывъ въ Болгарію лѣтомъ, проведя зиму въ Придунайскихъ городахъ, въ началѣ 968 года предпринявъ набѣгъ внутрь Болгаріи, онъ въ концѣ этого года возвратился на-легкѣ въ Кіевъ; зимою 968—969 собралъ тутъ войско, раннею весною 969 прогналъ Печенѣговъ въ степь, и тогда же, тотчасъ послѣ смерти матери (какъ и свидѣтельствуетъ Несторъ), отправился съ дружиною въ Болгарію; вторую половину 969 г. употребилъ на завоеваніе ближайшей части Болгаріи, а весною 970 переступилъ Балканы (походы черезъ нихъ предпринимались всегда именно въ эту пору года, какъ видно изъ всѣхъ войнъ между Болгарами и Греками).

[1]) Что Святославъ въ это время, т. е. передъ объявленіемъ войны съ Греками, выигралъ нѣсколько сраженій надъ Болгарами, видно изъ словъ Льва Діакона, стр. 105: Ὁ δὲ Σφενδοσλάβος, ταῖς κατὰ τῶν Μυσῶν νίκαις ἐπὶ μέγα αἰρόμενος.... ἤδη γὰρ τὴν χώραν βεβαίως ἐκέκτητο — и проч.; но подробностей онъ не разсказываетъ.

страшно преувеличено; но мы видимъ, къ какимъ мѣрамъ Святославъ долженъ теперь прибѣгать.

Святославъ прошелъ побѣдителемъ всю Болгарію. Онъ стоялъ уже на границахъ Византійской имперіи. Война была неизбѣжна. Это понималъ и Святославъ, и Іоаннъ Цимисхій, который въ концѣ 969 г. овладѣлъ Цареградскимъ престоломъ, убивъ Никифора. Цимисхій былъ храбрый боецъ и великій полководецъ; но онъ страшился этой войны и старался выиграть время; ибо имперія была тогда въ самомъ трудномъ положеніи: внутри голодъ отъ трехлѣтняго неурожая, извнѣ война съ Арабами Африканскими и Сирійскими. Цимисхій открылъ переговоры, просилъ Святослава взять дань, обѣщанную Никифоромъ «за низверженіе Болгаръ», и оставить Болгарію [1]). Святославъ не желалъ тянуть дѣла: онъ требовалъ выкупа за всѣ города Болгарскіе, какого императоръ дать не могъ; «а то пусть Римляне убираются изъ Европы, которая ужь не принадлежитъ имъ, говорилъ онъ, и переправляются въ Азію». Наступила роковая борьба для Святослава; исходъ былъ неизбѣжный: Святославъ соединилъ противъ себя, съ стройными легіонами имперіи, всю силу разъяреннаго народа Болгарскаго, и стоялъ одинъ, во враждебной землѣ, съ своею дружиною. Съ невольнымъ участіемъ будемъ мы слѣдить за паденіемъ этой чудной дружины витязей, которая навлекла на себя гибель, неправедно польстившись на обладаніе цѣлымъ народомъ.

Святославъ сознавалъ недостаточность своихъ средствъ: у него было всего 10,000 человѣкъ русской дружины, говоритъ Несторъ. Готовясь къ войнѣ съ Цимисхіемъ, онъ составилъ вспомогательное войско изъ Болгаръ; онъ призвалъ отряды Печенѣговъ и Мадьяръ, которыхъ легко было нанять и привлечь надеждою на добычу. Отчего, вмѣсто этихъ неблагонадежныхъ союзниковъ, не взялъ онъ съ собою славянской рати изъ Руси? Или трудно было вести ее такъ далеко? Но Олегъ водилъ славянскую рать на Царьградъ. Или славянскія племена, управленіе которыми Святославъ, впрочемъ, сложилъ съ себя и поручилъ своимъ сыновьямъ, отказались бы отъ участія въ походѣ, предпринятомъ для частной выгоды дружины и ея князя? Читая Несторово сказаніе, какъ будто чувствуешь, что Русская земля неблагосклонно смотрѣла на войну Святослава въ Болгаріи. — Съ

---

[1]) Къ этимъ переговорамъ относится прекрасное повѣствованіе Нестора о подаркахъ, посланныхъ Цимисхіемъ Святославу, и объ его желаніи помириться съ Русскимъ княземъ. Только онъ не точно расказываетъ объ этомъ *послѣ* битвы Святослава съ Греками (подъ Адріанополемъ) и разоренія имъ Греческихъ городовъ. Такая неточность не удивительна: прошло болѣе ста лѣтъ со времени Святослава, когда Несторъ писалъ объ немъ, и онъ писалъ, быть можетъ, только по наслышкѣ. Скорѣе можно удивляться характеристической вѣрности всѣхъ подробностей его расказа, его согласію съ повѣствованіемъ Византійцевъ, современниковъ Святослава и Цимисхія.

своей стороны Цимисхій готовился къ борьбѣ, со всею поспѣшностью стянулъ къ Босфору и перевелъ въ Европу войска изъ Малой Азіи, устроилъ ихъ, учредилъ подвозъ продовольствія, вооружилъ и усилилъ флотъ, образовалъ новую, отборную рать, полкъ «безсмертныхъ»; онъ самъ долженъ былъ вести всѣ эти силы слѣдующею весною (971 года); а между тѣмъ (осенью 970 г.) онъ послалъ впередъ военачальника Варду съ сильнымъ отрядомъ, чтобы стать на границѣ имперіи, и во время зимы удерживать вторженія Русскихъ. Но Святославъ предупредилъ Варду и былъ уже подъ Адріанополемъ, съ 30,000 человѣкъ. Варда заперся въ городѣ. Греческіе лѣтописцы увѣряютъ, что это была военная хитрость: онъ хотѣлъ утомить Святослава и тогда уже напасть на него. Во всякомъ случаѣ, съ своими малыми силами Святославъ не могъ предпринять осаду города, который съ трудомъ брали огромныя войска Крума и Симеона. Долго стоялъ онъ подъ Адріанополемъ, и порядокъ у него все болѣе и болѣе разстраивался. Наконецъ Варда рѣшился наступать. Онъ выслалъ конный полкъ, чтобы заманить Святослава. Войско Святослава стояло тремя отрядами: Русскіе съ Болгарами особо, Мадьяры особо, Печенѣги особо. Византійская конница наѣхала на Печенѣговъ и поскакала назадъ. Печенѣги погнались за нею. Вдругъ явился передъ ними Варда съ цѣлою ратью. Печенѣги бѣжали разбитые и скрылись подъ защиту Святослава. Святославъ стоялъ готовый къ бою, «и хотя пораженіе Печенѣговъ смутило Русскихъ, говоритъ Кедринъ, однако, перекликнувшись и ободривъ другъ друга, принявъ въ свои ряды и прибѣгавшихъ съ разныхъ сторонъ Печенѣговъ, они двинулись впередъ». Какъ хороши у Нестора эти слова, которыми Русскіе «перекликнулись и ободрили другъ друга»: Поиде Святославъ на Греки, и изидоша (т. е. Греки) противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой; и рече Святославъ: «уже намъ некамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми! мертвыи бо, срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати [1]); но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». И рѣша вои: «идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика.... Была сѣча великая; сперва понеслась на Грековъ конница Святославова, за нею пошла пѣшая рать; конница была отбита, вернулась, собралась опять,

[1]) Въ Исторіи Россіи г. Соловьева эти слова Святослава переведены не совсѣмъ вѣрно (какъ и рѣчь присланныхъ къ нему изъ Кіева вѣстниковъ). Точный смыслъ этихъ словъ вотъ какой..... „ляжемъ костьми: мертвымъ, намъ срама не будетъ; если же побѣжимъ, будетъ срамъ, да и не убѣжимъ (т. е. все-таки не уйдемъ отъ непріятеля): станемъ же крѣпко“ и проч.

и во второй разъ уже выдержала натискъ Грековъ. Какой былъ исходъ сраженія? Долго бой былъ равный, сознается греческій лѣтописецъ, но подъ конецъ, говоритъ онъ, самъ военачальникъ Варда такъ удачно разрубилъ пополамъ однимъ ударомъ великана русскаго, а братъ его Константинъ задушилъ другаго, сбитаго имъ съ коня, что Русскіе испугались и побѣжали, и потеряли нѣсколько тысячъ человѣкъ, а Римляне потеряли всего 25 человѣкъ убитыми, тогда какъ всѣ у нихъ были переранены: нелѣпость всего этого показываетъ, что побѣда — хвастовство Грековъ. Несторъ утверждаетъ, что одолѣлъ Святославъ. Дѣло въ томъ, кажется, что побѣда была ничья, — хотя при несомнѣнномъ численномъ превосходствѣ непріятеля слава битвы осталась безспорно за Русскими, — но что Святославъ увидѣлъ невозможность съ своими средствами держаться такъ близко къ средоточію Греческихъ силъ, и отступилъ отъ Адріанополя. Въ этомъ согласны и Несторъ [1]) и византійскіе историки. Черезъ нѣсколько времени однако Цимисхій принужденъ былъ послать Варду съ большею частію войскъ въ Малую Азію, противъ возмутившагося вельможи (Фоки). Тогда Святославъ велѣлъ опять наступать: войска его стали вторгаться даже въ Македонію [2]), простирали набѣги къ самому Цареграду, «воюя и грады разбивая», и «безъ малаго» не доходили до столицы. Оставшіеся въ Македоніи легіоны не смѣли показываться передъ Русскими. Самого Святослава тутъ не было [3]): между тѣмъ какъ передовые его полки (вѣроятно по преимуществу наемники, Печенѣги и Мадьяры) грабили такимъ образомъ Греческія области, между тѣмъ какъ Свѣнельдъ съ Русскимъ отрядомъ занималъ Прѣславъ, въ высотахъ Балкана, князь съ большою частью дружины находился на Дунаѣ, то въ Переяславцѣ, то въ Дерстрѣ: онъ хотѣлъ собрать новыя средства, «призвать новую дружину изъ Руси». Такъ распредѣлены были его силы, когда наступила весна 971 года [4]).

---

[1]) „Възратися въ Переяславецъ съ похвалою великою". Въ порядкѣ повѣствованія у Нестора нѣкоторая неточность, о чемъ сказано выше.

[2]) Левъ Діаконъ, стр. 126, и сравн. Нест. 30 „и поиде Святославъ ко Граду, воюя" и проч.

[3]) Это явствуетъ изъ повѣствованія Льва Діакона.

[4]) Между византійскими лѣтописцами есть въ отношеніи къ хронологіи нѣкоторое разногласіе. Одни относятъ походъ Цимисхія ко 2-му году его царствованія (971), другіе къ 3-му (972). Этихъ послѣднихъ придержался г. Муральтъ въ своей Византійской хронографіи. Сраженіе подъ Адріанополемъ случилось несомнѣнно осенью 970 г.; затѣмъ, по хронографіи г. Муральта, въ теченіе цѣлаго 971 года Святославъ и Цимисхій другъ противъ друга ничего не предпринимаютъ. Хотя и можно допустить предположеніе, что обѣимъ сторонамъ понадобилось такъ много времени для взаимныхъ приготовленій, однако мы думаемъ, что если бы Цимисхій, послѣ отступленія Святослава отъ Адріанополя, далъ ему цѣлый годъ отдыха, то Святославъ

Цимисхій успѣлъ справиться съ внутренними врагами. Сдѣлавъ смотръ войскамъ и флоту, отслуживъ молебенъ, онъ двинулся къ Адріанополю; флотъ поплылъ къ устьямъ Дуная и войдя въ него, поднялся вверхъ по рѣкѣ на соединеніе съ войскомъ императора.

Въ Адріанополѣ былъ главный сборъ этому войску. Цимисхій перешелъ въ Болгарію. Подходя къ Балканамъ, онъ узналъ, что *клисуры* (горные проходы)[1]) не заняты. Куда дѣвалась передовая рать Святослава? Была ли она отрѣзана Цимисхіемъ и осталась въ сторонѣ? или бѣжала и не остановилась въ *клисурахъ?* была ли измѣна противъ Русскихъ? Греческіе вожди не вѣрили, чтобы ущелья могли быть не заняты и боялись пуститься въ нихъ. «Идемъ!» сказалъ Цимисхій, и въ блестящихъ золотомъ доспѣхахъ, на легкомъ, чудесномъ скакунѣ, съ длиннымъ копьемъ на плечѣ, пославъ впередъ свой полкъ «безсмертныхъ», вступилъ въ горы. За нимъ шло 15,000 отборной пѣхоты, 13,000 конницы, позади слѣдовало тяжелое войско съ припасами, осадными орудіями и прочимъ обозомъ. Мы не пришли покорять Болгарію, мы пришли освободить Болгаръ, Болгаре намъ друзья, мы воюемъ только съ Русскими! такъ объявлялъ онъ повсюду. Безпрепятственно достигъ онъ Прѣслава. «Русскихъ испугало, пишетъ Византіецъ, неожиданное приближеніе Цимисхія; они поспѣшно взялись за оружіе, вышли на встрѣчу Римлянамъ, рыкая какъ звѣри, и выстроились, крѣпкими рядами, на полѣ передъ городомъ. Римляне сразились съ ними храбро; былъ равный бой; наконецъ императоръ велѣлъ «безсмертнымъ» нестись вскачь на лѣвое крыло Русскихъ съ опущенными копьями, и Русскіе не выдержали, разстроились, побѣжали и заперлись въ городѣ». Черезъ нѣсколько дней подошла тяжелая рать. Назначенъ былъ приступъ. Русскіе крѣпко бились изъ за зубчатой стѣны, но ихъ поражали камнями изъ орудій; наконецъ придвинуты были лѣстницы. Приступъ былъ сильный и удачный. Сбитые со стѣнъ, Русскіе заперлись въ обширномъ и крѣпкомъ дворцѣ Болгарскихъ царей. Греки ворвались въ городъ, бросились избивать попадавшихся Русскихъ и также Болгаръ, изъ которыхъ многіе сражались въ Русскихъ рядахъ, грабить богатства Прѣславскія. Борисъ, законный владѣтель Болгаріи, достался во власть Грековъ. Императоръ принялъ его съ честью, какъ государя Болгарскаго, повторяя, что воюетъ только противъ Русскаго князя.

успѣлъ бы собрать больше силъ: въ такомъ случаѣ онъ, конечно, не ожидалъ бы въ слѣдующую кампанію Цимисхія подъ Прѣславомъ (близъ Шумлы), а могъ бы встрѣтить его на южной границѣ Болгаріи или по крайней мѣрѣ при переходѣ черезъ Балканы. Потому 971 годъ кажется намъ гораздо болѣе достовѣрнымъ.

[1]) Цимисхій шелъ черезъ Балканы, вѣроятно, по теперешней военной дорогѣ изъ Адріанополя въ Шумлу.

Свѣнельдъ съ дружиною сидѣлъ во дворцѣ; одна маленькая дверь оставалась открытою: Греки стали входить туда одинъ за однимъ, ища добычи, Русскіе схватывали и били ихъ, и убили человѣкъ до 150. Тогда только узналъ Цимисхій, какой здѣсь еще готовился отпоръ. Онъ окружилъ дворецъ войскомъ и приказалъ овладѣть имъ; войско не шло: дворецъ казался неприступнымъ. Тогда стали бросать въ него со всѣхъ сторонъ огонь. Строенія загорѣлись. Выгоняемые огнемъ, Русскіе, среди пожара, выстроились въ серединѣ дворца на площади и стояли крѣпко. Цимисхій велѣлъ теперь Вардѣ войти во дворецъ: «онъ окружилъ Русскихъ фалангою отборнаго войска, и началась сѣча, и сильно бились Русскіе, не уступая непріятелю; но наконецъ Римляне одолѣли, изрубили ихъ» (14 апрѣля). Свѣнельдъ съ немногими только пробился и ушелъ къ Святославу. Какъ онъ могъ пробиться черезъ двѣ ограды, дворца и города, занятыя непріятелемъ, и черезъ цѣлое войско Цимисхія [1]), просто непонятно: Левъ Діаконъ, сохранившій намъ описаніе Прѣславской битвы, къ сожалѣнію, не говоритъ объ этомъ.

Отпраздновавъ въ Прѣславѣ Христово Воскресеніе (16-го апрѣля), Цимисхій двинулся къ Дерстру; ему передавались вокругъ всѣ города Болгарскіе [2]), свергая власть Святослава. На самомъ краю Болгаріи, въ Дерстрѣ (Силистріи) на Дунаѣ готовился Святославъ встрѣтить врага. Здѣсь собралъ онъ остатокъ своего войска: Печенѣговъ и Венгровъ у него уже не было [3]), Болгаръ ему пришлось обезоружить [4]); оставалась одна Русская, пѣшая дружина. Вокругъ волновался враждебный народъ, угрожая общимъ возстаніемъ. Святославъ принужденъ былъ казнить до 300 изъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ Бол-

---

[1]) Удивительный примѣръ безсмысленнаго хвастовства византійскаго представляетъ намъ здѣсь Левъ Діаконъ: забывая то, что самъ писалъ, нѣсколько строкъ передъ тѣмъ, о геройской защитѣ Русскихъ во дворцѣ Прѣславскомъ (καρτερῶς οἱ Ρῶς διεμάχοντες, μὴ δόντες νῶτα τοῖς ἐχθροῖς и проч., стр. 137), онъ теперь говоритъ, что Свѣнельдъ съ немногими „укралъ себѣ спасеніе бѣгствомъ“ и ушелъ къ Святославу: но возможность этого бѣгства едва ли не лучше всѣхъ битвъ свидѣтельствуетъ о безпримѣрной отвагѣ Русской дружины и о робости и нерасторопности Грековъ.

[2]) Лѣтописецъ упоминаетъ поименно о двухъ городахъ: Плисковѣ и Диніи: на одной картѣ Болгаріи показана Плиска на югъ отъ Силистріи, по направленію къ Eski-Stamboul (Чертковъ, стр. 199); положеніе Диніи неизвѣстно: имя, кажется, искажено.

[3]) Это видно изъ расказа Византійцевъ объ оборонѣ Дерстра; они ясно говорятъ, что Святославъ былъ оставленъ всѣми окрестными племенами, и что Печенѣги даже находились съ нимъ въ ссорѣ: о послѣднемъ упоминаетъ и Несторъ.

[4]) Видя, что Болгаре переходятъ къ императору, говоритъ Левъ Діаконъ, Святославъ велѣлъ убить знатнѣйшихъ, а *все прочее народонаселеніе* связалъ и заключилъ въ темницы: это преувеличенное, по обыкновенію Византійцевъ, до нелѣпости извѣстіе относится, очевидно, къ *обезоруженію* Болгаръ Святославомъ: дѣйствительно, въ Дерстрѣ мы уже не находимъ Болгаръ въ рядахъ его дружины, какъ подъ Адріанополемъ и въ Прѣславѣ.

гаръ, а многихъ захватить и держать въ плѣну. Цимисхій подходилъ (23-го апрѣля); Святославъ вышелъ въ поле: «щитъ объ щитъ, копье у копья, твердые какъ стѣна, ожидали Русскіе непріятеля (мы слѣдуемъ разсказу Льва Діакона). Цимисхій поставилъ на оба крыла тяжелую конницу, поддержанную стрѣлками и пращниками, которые должны были осыпать Русскихъ градомъ стрѣлъ и камней; въ серединѣ стояла пѣшая рать. Завязался жестокій бой. Русскіе сражались съ изступленною храбростью, дабы не утратить славы, которую пріобрѣли побѣдами надъ всѣми сосѣдями своими; Римляне не хотѣли уступить пѣшему непріятелю, не имѣвшему никакой конницы; и такъ бились оба войска упорно, Русскіе бросаясь на Римлянъ съ звѣрскимъ неистовствомъ и крикомъ, Римляне пользуясь противъ нихъ воинскимъ искусствомъ и опытностью. До 12 разъ, говорятъ, уступала попеременно то одна сторона, то другая. Наконецъ, уже подъ ночь, императоръ направилъ страшный натискъ конницы, устремивъ въ то же время общее движеніе пѣшаго строя; Русскіе подались и были вогнаны въ городъ».

Тогда Цимисхій занялъ холмъ, возвышающійся передъ Дерстромъ, устроилъ здѣсь станъ и обвелъ его валомъ и окопами. Тутъ сталъ онъ поджидать флота, а между тѣмъ къ нему приходили посланные отъ разныхъ городовъ Болгарскихъ, Константіи (что теперь Кюстенджи) и др., съ объявленіемъ о сдачѣ. Наконецъ подъѣхали страшные для Русскихъ корабли съ греческимъ огнемъ и суда, нагруженныя продовольствіемъ для войска. Русскіе принуждены были подвести свои ладьи подъ самую стѣну города. Началась осада, и длилась она безъ малаго три мѣсяца. Русскіе страшно страдали отъ голода; они были оставлены всѣми окрестными «варварами», говоритъ лѣтописецъ. Святославъ окопалъ весь городъ глубокимъ рвомъ, впереди стѣны. Часть дружины своей посадилъ онъ на коней, но конница была плохая. Не разъ выходилъ онъ въ поле передъ непріятельскій станъ, и храбро бились Русскіе; не разъ пытались они дѣлать тайныя вылазки, чтобы добыть продовольствія. Однажды (19-го іюля) они бросились на осадныя орудія Грековъ; родственникъ императора, Іоаннъ Куркуа, который охранялъ ихъ, палъ въ бою, Русскіе одержали совершенную побѣду и водрузили на городской башнѣ голову убитаго вождя: «такъ, прибавляетъ лѣтописецъ, Куркуа былъ наказанъ за святотатство: говорятъ, что онъ въ Болгаріи разорилъ многія церкви и употребилъ въ свою пользу священныя ризы и сосуды». Но на другой день, въ такой же вылазкѣ, Русскіе потеряли одного изъ лучшихъ своихъ витязей, Икмора. «По рядамъ ихъ пробѣжалъ вопль горести, Греки напали стремительно, и Русскіе, закинувъ свои огромные щиты за спину, возвратились въ городъ, остав-

ляя на полѣ много убитыхъ, даже женщинъ, которыя въ мужскомъ одѣяніи храбро сражались въ ихъ строю. — Ночью, при свѣтѣ полной луны, вышли они на поле битвы, собирать тѣла, и сожгли ихъ передъ городскою стѣною, на кострахъ, зарѣзывая и сожигая вмѣстѣ съ ними многихъ плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ; также совершивъ жертвоприношенія, душили грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ и погружали въ волнахъ Дуная».

Все было противъ Святослава, говоритъ византійскій лѣтописецъ: Русь была далеко, окрестные народы не хотѣли помогать [1]); не было продовольствія; всѣ пути вокругъ города были заняты императоромъ; въ Римскій же станъ со всѣхъ сторонъ стекалось всякое добро, безпрестанно подходили свѣжія войска. Нельзя было Русскимъ уйти на ладьяхъ, ибо на Дунаѣ сторожилъ Римскій флотъ. Святославъ созвалъ дружину на совѣщаніе. Вожди совѣтовали стараться уйти тайкомъ. Святославъ еще разъ желалъ помѣряться силами съ противникомъ, и дружина согласилась. 22-го іюля утромъ Русскіе выходятъ изъ города и запираютъ за собою ворота; начинается сраженіе; бой длится до полудня: въ полдень императоръ отводитъ утомленные полки, замѣняя ихъ новыми, а потомъ ведетъ опять въ дѣло отдохнувшихъ людей; Русская рать все время стоитъ одна и не колеблется; напротивъ, непріятельскій строй, видитъ она, пошатнулся: императоръ приказалъ легіонамъ отступить и развернуться на мѣстѣ болѣе просторномъ; Русскіе бросаются за ними, какъ за бѣгущими, многіе окружены и гибнутъ, но бой и на новомъ мѣстѣ продолжается равный. Императоръ посылаетъ полки въ обходъ, они отражены Святославомъ; лучшій витязь всего Греческаго войска, Анема, сынъ бывшаго эмира Критскаго, убитъ; Римляне уже начинаютъ подаваться назадъ, но божественная помощь хранитъ ихъ: поднялся вихрь и пошла пыль столбомъ на Русскихъ, слѣпя глаза изнуреннымъ бойцамъ; а христіане видятъ въ своихъ рядахъ чуднаго мужа на бѣломъ конѣ, великомученика Ѳеодора, побороающаго за нихъ. Русскіе скрываются въ городъ, потерявъ огромное число убитыми, израненные почти всѣ до одного.

Но тяжелый былъ тотъ день и для Грековъ. Святославъ посылаетъ просить мира, и Цимисхій «съ радостью» [2]) соглашается. Условія постановлены: Русскіе отдадутъ Дерстръ и всѣхъ своихъ плѣнныхъ, очистятъ Болгарію и возвратятся на родину; императоръ обезпечитъ имъ возвращеніе и снабдитъ ихъ продовольствіемъ.

---

[1]) Сравни слова Святослава у Нестора: „а Русска земля далеча, а Печенѣзи съ нами ратьни, а кто ны поможетъ?...“

[2]) Левъ Діаконъ: ἄσμενος προσδεξάμενος, стр. 156.

Императоръ въ своихъ золоченныхъ доспѣхахъ, окруженный безчисленною конницею, выѣхалъ на берегъ Дуная; къ нему подплываетъ, спускаясь вдоль рѣки, ладья: дружно гребутъ гребцы, и сидитъ въ ней человѣкъ, тоже съ весломъ въ рукѣ, одѣтый, какъ другіе, въ бѣлую одежду, но отличающуюся особенною бѣлизною; средняго роста, широкій грудью, съ соразмѣрными членами, съ голубыми глазами и густыми бровями, съ короткимъ носомъ, рѣдкою бородою и густыми длинными усами, лысый, съ клоками длинныхъ волосъ на вискахъ, съ серьгою въ одномъ ухѣ,—это Святославъ. На лицѣ его видна была печаль и гнѣвъ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ императору, сидя на скамьѣ ладьи, — и оставилъ Болгарію.

Цѣль, которую предначерталъ еще императоръ Никифоръ, была достигнута. Болгарія, отъ Филиппополя до Дуная, находилась въ рукахъ Византіи. Цимисхій, разумѣется, и не думалъ отдать Болгарамъ ихъ государя, вывести свои войска изъ ихъ городовъ. Сильный гарнизонъ оставленъ былъ въ Дерстрѣ, въ Прѣславѣ; Прѣславъ былъ наименованъ Іоаннополемъ; Болгарія, какъ покоренная область, подчинена была греческимъ правителямъ. — Цимисхій возвратился въ Цареградъ; онъ везъ съ собою Болгарскихъ царевичей. Передъ стѣнами столицы встрѣтилъ побѣдителя ликующій народъ, поднося драгоцѣнные вѣнки и жезлы; ему подвели колесницу, окованную золотомъ, запряженную бѣлыми конями, но онъ не хотѣлъ вступить на тріумфаторскую колесницу, а поставилъ на ней, на золотомъ ея сѣдалищѣ, икону Богоматери съ Младенцемъ Іисусомъ, взятую имъ въ Болгаріи, и сложилъ у подножія иконы «*бѣлѣги*» (знаки, т. е. регаліи) Болгарскихъ царей. За колесницею ѣхалъ онъ самъ верхомъ, въ вѣнкѣ и съ жезломъ, облеченный въ багряницу. И такъ направился онъ, черезъ блестящія торжественнымъ убранствомъ улицы города, къ храму св. Софіи, и въ немъ посвятилъ Богу первый вѣнецъ царей Болгарскихъ. Потомъ вступилъ во дворецъ, и призвавъ Бориса, приказалъ ему сложить съ себя знаки царскаго сана, багряную шапку, украшенную золотомъ и дорогими каменьями, багряную одежду и красные сапоги. Онъ пожаловалъ его саномъ «магистра» имперіи.

Такъ кончился первый рядъ Болгарскихъ государей, преемниковъ Аспаруха и великаго Крума. Послѣдній потомокъ свирѣпыхъ вождей заволжскихъ Болгаръ-завоевателей, съ покорностью безсилія сложилъ съ себя царскій санъ и принялъ отъ чужаго властителя придворный титулъ. Не войны, не побѣды враговъ приготовили это паденіе Болгаріи, а внутреннее разложеніе славянской державы, основанной насиліемъ завоеванія. Орудіемъ же ея низверженія, не по случайному, кажется, избранію судьбы, явился тотъ изъ государей другой славянской державы, основанной также военною дружиною,

который стремился властвовать съ этою дружиною какъ завоеватель, забывая, что онъ народный государь, добровольно призванный: и дружина эта и князь, пройдя, какъ Божья кара, Болгарію, сложили тутъ свои головы, кто за Балканами, кто на Дунаѣ, кто на возвратномъ пути, на порогахъ Днѣпровскихъ; и настала послѣ Святослава новая пора, какъ въ Болгаріи, такъ и на Руси. Русская земля, получивши государственное устройство, избавилась теперь отъ того опаснаго орудія, которое его создало [1]), отъ старой Варяжской дружины, среди которой возрастали и жили дотолѣ преемники Рюрика. Святославъ былъ послѣдній князь Варяжскій; сынъ его былъ уже въ полномъ смыслѣ народный государь Русской земли [2]). Мать уговаривала Святослава креститься: «нѣтъ, говорилъ онъ, *дружина станетъ смѣяться* надо мною»; а Владиміра мы видимъ совѣщающимся о вѣрѣ съ боярами и «старцами градскими», созывающимъ къ себѣ въ гридницу на пиръ «сотскихъ и десятскихъ и нарочитыхъ мужей» изъ народа. — Въ Болгаріи Святославъ низвергнулъ и какъ бы стеръ пришлую правительственную стихію, преемницу Аспаруховой орды; остался одинъ туземный народъ [3]). Лишенный своего стараго правительства, народъ этотъ сначала какъ будто не знаетъ, за что взяться; словно руки у него опустились: безъ труда и сопротивленія Цимисхій могъ, такъ сказать, взять и связать его. Но вскорѣ народъ Болгарскій опомнится, и съ неистовою злобою вырвется изъ плѣна, и будетъ онъ опять пытаться создать себѣ новое правительство. Но найдетъ ли онъ въ себѣ для него прочное жизненное начало?

---

[1]) Послѣ Святослава Русскіе князья посылаютъ, мы видимъ, за море за дружиною, когда она имъ нужна: но дружина эта уже чужая для нихъ, и они стараются отъ нея скорѣе отдѣлаться. Остается, правда, послѣ Святослава и собственная Русская дружина княжьихъ людей: но какая разница съ прежнею дружиною Варяжскою! Эти княжьи люди принадлежатъ народу, землѣ Русской.

[2]) Не даромъ память его девятый вѣкъ живетъ въ народѣ.

[3]) Еще при Петрѣ мы находимъ у Болгарскихъ вельможъ имена уральскаго или тюркскаго корня; послѣ Святослава, при Самуилѣ, всѣ имена Болгаръ славянскія или волошскія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Исторія Сербовъ въ X вѣкѣ.

Мы прослѣдили судьбу Болгаріи подъ правленіемъ завоевательной династіи заволжскаго пришельца Аспаруха и могущественнаго Крума [1]). Съ конца IX вѣка на Болгаріи почти исключительно остановилось наше вниманіе: ибо со времени разрушенія царства Великоморавскаго и перехода въ Болгарію учениковъ Кирилла и Меѳодія, вся политическая дѣятельность и духовная жизнь дунайскихъ Славянъ была въ ней сосредоточена. Мы видѣли ея возвышеніе, ея процвѣтаніе при Симеонѣ, сынѣ Борисовомъ; мы видѣли, какъ за тѣмъ тотчасъ проявилось внутреннее омертвѣніе и начался упадокъ; мы видѣли, съ какою быстротою паденіе совершилось, какъ пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти сильнѣйшаго изъ Болгарскихъ царей, жалкіе внуки Симеона, безгласные свидѣтели состязанія между Русскою дружиною и легіонами Византіи за ихъ землю, развѣнчаны были въ чужой столицѣ, чужимъ государемъ, и Болгарія сдѣлалась областью имперіи, недавно еще смирявшей передъ нею свою древнюю гордыню.

Что же происходило въ продолженіе всего этого времени у западныхъ сосѣдей и братій Болгарскаго народа, Славянъ Иллирійскихъ? Оставленные въ сторонѣ и Болгаріею и Цареградомъ, почти забытые всѣмъ окружающимъ міромъ, жили ли они внѣ всякаго общественнаго движенія, жизнію совершенно безцвѣтною, или имѣли свой особый кругъ дѣятельности?

Нѣтъ во всей исторіи южныхъ Славянъ такого темнаго и, можно сказать, глухаго времени, какъ исторія Сербовъ въ послѣднія три четверти X-го вѣка: не сохранилось объ ней никакого достовѣрнаго

---

[1]) Собственные потомки Аспаруха были, мы знаемъ, истреблены въ половинѣ VIII вѣка; но и послѣдующіе государи Болгаріи принадлежали всѣ, какъ извѣстно, къ той же пришлой ордѣ, и изъ среды ея вышелъ Крумъ, знаменитый родоначальникъ Болгарскихъ государей IX-го и X-го вѣка. При всѣхъ переворотахъ, правительство Болгаріи оставалось одно и то же со времени Аспаруха и до сыновей Петра, — правительство пришельцевъ-завоевателей.

свидѣтельства, никакого яснаго воспоминанія, нѣтъ для нея надежнаго источника. Насъ покидаетъ Константинъ Багрянородный (онъ писалъ свою книгу «De administrando imperio» около 950-хъ годовъ, умеръ въ 959), и въ немъ мы теряемъ лучшаго, почти единственнаго нашего руководителя въ древней исторіи Иллирійскихъ Славянъ, отъ котораго мы знали всѣ главныя ея событія: приходъ Хорватовъ и Сербовъ изъ-за Карпатъ въ VII вѣкѣ, распредѣленіе ихъ на союзы мелкихъ волостей или жупъ подъ властью верховныхъ жупановъ, постепенное, безкровное утвержденіе у нихъ христіанской вѣры, борьбу Хорватовъ съ Западною имперіею послѣ Карла Великаго, борьбу Сербовъ съ Болгарскими государями Пресямомъ, Борисомъ и Симеономъ, во второй половинѣ IX вѣка и въ началѣ X-го, — все это передалъ намъ Константинъ Багрянородный. — Въ какомъ положеніи находилась земля Сербская и Хорватская, когда онъ изображалъ ее и когда прекращается его многозначительный расказъ?

Почти правильный треугольникъ, котораго сѣверную сторону составляетъ черта отъ Адріатическаго моря у Рѣки (Fiume) [1]) черезъ Саву къ Дравѣ и Дунаю; западный бокъ — Адріатическое море до Бара (Антивари) [2]); восточный бокъ — черта отъ Савы западнѣе Бѣлграда мимо Расы (Новы-пазаръ) до того же Бара, такъ что южный уголъ треугольника находится въ нынѣшней Черногоріи: вотъ страна Сербовъ и Хорватовъ. — Сѣверная полоса между Дравой и Савой, — прежнее могущественное жупанство Паннонскихъ Хорватовъ, прославленное Людевитомъ и еще въ концѣ IX-го вѣка сильное подъ державою Брячислава, — теперь, разоренное набѣгами сосѣднихъ Мадьяръ, одичало и впало въ безвѣстность; даже христіанство такъ заглохло [3]). Восточный ея край, между Дунаемъ и Савою, издавна подчинился Болгаріи, которая, стоя твердою ногою въ Бѣлградѣ, властвовала и на противоположномъ берегу Савы, въ древней крѣпости Срѣмѣ (у нынѣшней Митровицы). Изъ Срѣма господство Болгаръ распространилось, кажется, когда улеглось волненіе

[1]) Константинъ говоритъ, что Хорватія простиралась по берегу моря на сѣверъ „до предѣловъ Истріи или до крѣпости Ἀλβοῦνον“ (теперь *Albona*): такимъ образомъ она захватывала и небольшой кусокъ Истріи, именно сѣверовосточный край этого полуострова.

[2]) Діоклея, т. е. южный уголъ Сербской земли, граничила, по словамъ Константина, съ греческими укрѣпленіями, подчиненными Диррахію (Драчу), съ Елиссомъ (теперь Алессіо, или Лешъ), Елкиномъ (Дулциньо или Олгунъ) и Антивари.

[3]) Занявъ этотъ край (около 1090 г.), король Венгерскій св. Ладиславъ долженъ былъ опять вводить въ немъ христіанство: см. Andreae II regis Hung. privilegia ecclesiae Zagrabiensis 1217 г. (у Эндлихера, Mon. Arp. 409): „Zagrabiensem episcopatum, ac monasterium Zagrabiense, a s. Ladislao rege... predecessore nostro constructum, qui terram Slauonie, siue banatum, ab errore idololatrie ad Christi ueritatem conuertens, corone Hungarie subiugauit, qui eciam in eodem banatu episcopatum instituit“....

Мадьярскаго нашествія, по всей Савской Хорватіи (что̀ теперь Славонія и Австрійская Кроація), и въ послѣднихъ годахъ X-го столѣтія всѣмъ этимъ обширнымъ краемъ управлялъ Болгарскій воевода Баянъ [1]): власть его простиралась до самаго города Модруши, въ землѣ нынѣшнихъ Хорватскихъ граничаръ [2]), не въ дальнемъ разстояніи отъ Адріатическаго моря. Въ X вѣкѣ политическое первенство во всей Иллирійской странѣ принадлежитъ, уже болѣе столѣтія (со времени паденія Людевита), Хорватамъ Приморскимъ: земля ихъ, заключенная между Адріатическимъ моремъ и р. Вербасомъ, и простирающаяся, съ сѣвера на югъ, отъ Уны и Савы до Цетины, образуетъ какъ бы малый треугольникъ, вмѣщенный въ большомъ треугольникѣ славянскаго Иллирика; она раздѣлена на 14 жупъ: изъ нихъ 11 непосредственно подчинены великому жупану, а 3 сѣверныя составляютъ, подъ верховною его властію, особое банство [3]). Среди Хорватскихъ владѣній, но независимыя отъ нихъ, лежатъ старыя латинскія городскія общины (муниципіи): Задръ или Зара, Трогиръ, Сплѣтъ, Дубровникъ (Рагуза) и, на островахъ, Велья, Осоръ, Рабъ (Арбе̇). Приморская Хорватія прошла въ концѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣка черезъ эпоху смутъ и междоусобій, въ которую значительно ослабѣла; она подверглась также опустошительному набѣгу Мадьярской орды; но съ 914 года воцарился въ ней сильный правитель, жупанъ Томиславъ: онъ именуется «консуломъ», т. е. представителемъ власти императорской, въ провинціяхъ Далматской и Хорватской, а иностранцы уже начинаютъ величать его титуломъ короля [4]). — Земля Сербская, раздробленная на жупы, составляла прежде общій союзъ подъ властію великаго жупана; но во время войнъ и бѣдствій, кончившихся порабощеніемъ большей ея части Симеономъ, она распалась, и приморскія области совершенно отошли отъ собственной, загорной Сербіи. Тутъ, на берегу Адріатики, мы нахо-

---

[1]) См. ниже, стр. 177.

[2]) Одна древняя Чешская лѣтопись (Chronicon Optavicense) говоритъ, что св. Войтѣхъ (Адалбертъ) „Roma discessisse.... reducem ad suam cathedram Pragensem, ac iter fecisse per Dalmatiam, Liburniam, Croatiam, Hungariam etc.... praedicasse Christum Modrusii, quae urbs est Liburniae, desideratum a Bajeno Bulgarorum rege....“ (Farlati, III, 114). Модруша лежитъ въ Огулинскомъ полку Австрійской Кроаціи.

[3]) Конст. стр. 145: καὶ ὁ βοάνος αὐτῶν κρατεῖ τὴν Κρίβασαν (гдѣ теперь рѣка Кръбава), τὴν Λίτζαν (гдѣ теперь рѣка Лика и Личанскій полкъ) καὶ τὴν Γουτζηκᾶ (теперь Гацко поле). Что дѣйствительно здѣсь, въ сѣверномъ краѣ Хорватіи, на границѣ Истріи, находилось Хорватское банство, видно изъ приписки къ лѣтописи дожа Дандула, подъ 879 г. (Muratori, XII, 187): Hoc tempore Illicus banus, princeps Sclavoniæ, contra pacis foedera vemiens, civitates Istriae maritimas.... flagellavit etc.

[4]) См. предисловіе къ постановленіямъ Сплѣтскаго собора (Farl. III, 92): Consulatu (т. е. consulatum) peragente in provincia Chroatorum et Dalmatiarum finibus Tamislao rege; письмо папы Іоанна X (тамъ же, 94): Tamislao regi Croatorum.

димъ въ X вѣкѣ вольную общину Сербовъ-Неретчанъ, воинственныхъ хлѣбопашцевъ и отважныхъ мореплавателей, морскихъ разбойниковъ, вѣчно воюющихъ съ Венеціею. Княжество или банство Захлумское (Захолмское) особенно усилилось подъ управленіемъ уже извѣстнаго намъ соперника великихъ жупановъ Сербіи, друга Симеона Болгарскаго, Михаила Вышевича, который въ 926 году предпринималъ смѣлый походъ въ Италію, на берега Апуліи и бралъ тамъ городъ Сипонто (что теперь Манфредонія) [1]. Сосѣднее съ Захолміемъ княжество или банство Травунское (съ городомъ Требинье, въ нынѣшней Герцеговинѣ), стѣсненное владѣніями Захолмскими, по-видимому, поддерживало еще древнюю связь съ Сербіею; но изо всѣхъ приморскихъ областей Сербскихъ одна только Діоклея (иначе Подгоріе) [2], продолжала признавать нѣкогда общую для всѣхъ Сербовъ власть великожупанскаго рода Властимірова. — За горами, составляющими водораздѣлъ береговыхъ притоковъ Адріатики и рѣкъ, направляющихся къ Дунаю, начиналась собственная Сербія, простираясь на сѣверъ до Савы, на западъ до Ибра: въ ту пору, которую изображаютъ намъ современныя показанія Константина Багрянороднаго, эта загорная Сербія не имѣла почти историческаго значенія; только въ 934 году выручилъ ее изъ-подъ жестокаго гнета Болгаръ потомокъ древней Властиміровой династіи, Чеславъ; но не скоро можно было призвать къ политической жизни разрозненныя подъ управленіемъ своихъ мелкихъ жупановъ племена горныхъ пастуховъ [3]; на это нужно было послѣ Чеслава болѣе двухъ еще столѣтій, нужно было, чтобы движеніе пришло извнѣ, отъ другихъ поколѣній Сербскаго народа.

До сихъ поръ, во все продолженіе періода, въ которомъ руководствовалъ нами расказъ Константина Багрянороднаго, Хорватскій народъ постоянно являлся главнымъ историческимъ дѣятелемъ и двигателемъ въ славянскомъ Иллирикѣ, увлекающимъ за собою и Сербовъ, погруженныхъ еще въ какую-то младенческую апатію. Хорваты первые пришли изъ-за Карпатовъ въ Иллирикъ, Сербы послѣдовали за ними; Хорваты первые приняли крещеніе въ VII вѣкѣ, и среди ихъ, хотя въ неподвластномъ имъ латинскомъ городѣ (Сплѣтѣ),

[1]) Главные города Захолмья были Макарска и Стонъ (Stagno) въ южной Далмаціи, Добрско (теперь Добаръ) въ Герцеговинѣ. — О походѣ Михаила смотри Lupi Protospathae Chronicon (Muratori, V, 38): Anno 926 compraehendit Michaël Sclabus Sipontum mense Julii.

[2]) Нынѣшн. Черногорія съ прилегающими къ ней мѣстностями.

[3]) Что Сербы въ древнее время были народомъ по преимуществу пастушескимъ, на это указываетъ описаніе ихъ быта у историковъ Крестовыхъ походовъ, въ особенности у Раймунда de Agilis и Вильгельма Тирскаго.

установлена была митрополія для Иллирійскихъ Славянъ; черезъ ихъ землю христіанство передано было Сербамъ; первые опять въ IX вѣкѣ Хорваты возобновили, посредствомъ сношеній съ Римомъ и Константинополемъ, угасавшее у нихъ христіанство и первые показали на дѣлѣ преданность церкви; Сербы шли за ними. У Хорватовъ началась народная проповѣдь славянская, прежде чѣмъ перейти къ Сербамъ; у нихъ, прежде чѣмъ у Сербовъ, она принесла плоды; наконецъ, въ X в., когда властолюбіе царя Болгарскаго стало замышлять завоеваніе Адріатическаго края, Сербія допустила его вмѣшательство въ свой внутренній распорядокъ и сдѣлалась его жертвою, а Хорваты побѣдоносно отстояли свою независимость, дали у себя пріютъ гонимымъ Сербамъ и потомъ явили имъ помощь, когда Чеславъ возвратился на родину.

До сихъ поръ Хорваты и Сербы составляли, можно бы было почти сказать, одинъ народъ, раздѣленный на нѣсколько независимыхъ по управленію частей, но живущій общею историческою жизнію, народъ, у котораго главная дѣятельность, по самой природѣ вещей, сосредоточивалась въ прибрежномъ торговомъ краѣ, а внутреннія горныя области развивались подъ вліяніемъ приморья и его богатыхъ городовъ. — Тутъ мы оставили Хорватовъ и Сербовъ, чтобы слѣдить за ходомъ дѣлъ болгарскихъ. Между тѣмъ совершалось въ славянскомъ Иллирикѣ великое событіе: происходилъ разрывъ исторіи Сербской и Хорватской.

Земля Хорватская съ самаго начала какъ бы обречена была на внутренній раздоръ. Среди славянскаго народонаселенія поставлены были независимыя общины латинскихъ городовъ: можно вообразить, какія бывали столкновенія между Славянами и этими городами. Церковная іерархія, церковное управленіе было у нихъ общее: можно вообразить, какіе шли споры за избраніе въ епископы, въ іереи Латынянина или Славянина, за богослуженіе, которое духовные изъ Латынянъ (а ихъ было большинство) хотѣли совершать въ славянскихъ городахъ и селахъ по своимъ западнымъ обрядамъ, на своемъ латинскомъ языкѣ, и противъ котораго возставали Славяне, требуя службы славянской. Этимъ расположеніемъ славянскаго народонаселенія Хорватіи думалъ воспользоваться епископъ Нинскій, главнаго славянскаго города на Хорватскомъ приморьѣ [1]), для того, чтобы отрѣшиться отъ подчиненія митрополиту латинскаго города Сплѣта, и до-

[1]) По итальянски Нона (въ Далмаціи, на берегу моря); кромѣ Нина, важнѣйшіе славянскіе города въ Хорватіи были: Бѣлградъ (Zara vecchia), сдѣлавшійся потомъ столицею Хорватскихъ государей, Скрадинъ (Scardona), Шибеникъ, на приморьѣ, а внутри земли, Книнъ, Хлѣвно (Ливно, въ Герцеговинѣ), Бихачъ (въ Турецкой Кроаціи).

могался первенства надъ всѣми собственно Хорватскими церквами: за то страшная вражда латинскаго духовенства и зависть другихъ Хорватскихъ епископовъ. Чтобы примирить всѣ эти распри, Томиславъ Хорватскій съ Михаиломъ Захолмскимъ обратились къ Римскому папѣ, въ патріархатѣ котораго Иллирикъ, какъ извѣстно, числился еще со временъ Римской имперіи. Іоаннъ X послалъ къ нимъ легатами двухъ епископовъ, Итальянцевъ [1]), «съ медоточными своими письмами», говоритъ древній памятникъ [2]). Письма крайне замѣчательны. Архіепископу Сплѣтскому и епископамъ его митрополіи папа писалъ: «Мы дивимся, что ваше благочестіе столько лѣтъ не обращалось къ св. Римской всеобщей церкви; когда же узнали мы, что въ вашей епархіи множится (pullulare) другое ученіе, котораго мы не обрѣтаемъ въ св. книгахъ, а вы молчите и соглашаетесь, то мы сильно огорчились. Да не будетъ того, чтобы вѣрные обращались къ ученію Меѳодіеву, коего мы не находимъ ни въ какой изъ св. книгъ! Посему убѣдительно увѣщеваемъ васъ смѣло, заодно съ нашими епископами Іоанномъ и Львомъ, все исправить въ землѣ Славянской [3]), дабы въ ней совершалось священное служеніе по обычаю Римской церкви, то есть, на латинскомъ языкѣ, а не на чужомъ (extranea), ибо сынъ не долженъ говорить и знать другаго, какъ то, чему учитъ его отецъ, Славяне же суть въ особенности чада Римской церкви. И такъ да не разрастается у васъ дурной корень, но вырвите его посредствомъ неусыпной вашей проповѣди». Другое письмо: «Томиславу королю Хорватскому и Михаилу князю Холмскому [4]), Іоанну архіепископу Солинскому [5]), и всѣмъ подчиненнымъ ему епископамъ, а также всѣмъ жупанамъ, іереямъ и всему народу страны Славянской и Далмаціи. Кому неизвѣстно, что государства славянскія принадлежатъ къ первенцамъ вселенской церкви, такъ какъ они отъ колыбели вскормлены были пищею апостольской проповѣди, подобно тому какъ въ новое время Саксы отъ нашего предшественника Григорія [6]) получили купно и ученіе и письменность, на томъ именно языкѣ, на коемъ опирается мать ихъ церковь. Посему увѣщеваемъ васъ, любезнѣйшіе сыны, воспитывать съ самыхъ нѣжныхъ

---

[1]) Іоанна Анконскаго и Льва Пренестинскаго епископа.

[2]) Cum suis epistolis mellifiue (т. е. mellifiua) ructantibus eloquia; см. предисловіе къ постановленіямъ Сплѣтскаго собора.

[3]) Cuncta per Sclavinicam terram audacter corrigere satagatis.

[4]) т. е. Захлумскому, Захолмскому: Michaeli excellentissimo duci Chulmorum (оба письма напечатаны у Фарлати, III, 93 и слѣд.).

[5]) т. е. Сплѣтскому: Салона, по-славянски Солинъ, древній городъ, подлѣ котораго въ послѣдствіи возникъ Сплѣтъ (Spalatro).

[6]) Григорій II (714—732), покровитель св. Бонифація, знаменитаго проповѣдника, распространившаго христіанство въ Германіи.

лѣтъ дѣтей вашихъ для Бога въ книжномъ ученіи: ибо кто, будучи такимъ особливымъ чадомъ Римской церкви, какъ вы, станетъ имѣть охоту на варварскомъ или славянскомъ языкѣ возносить жертву Богу [1])? Не говорю, чтобы въ тѣхъ, которые упорствуютъ въ славянскомъ богослуженіи, было что нибудь другое, какъ то, что писано: отъ насъ вышли и не суть отъ насъ. Если бы были отъ насъ, то оставались бы съ нами, въ нашемъ общеніи и при нашемъ языкѣ. Посему снова и снова увѣщеваемъ васъ пребывать съ нами и во всемъ слѣдовать наставленіямъ посланныхъ отъ насъ епископовъ»...... Съ этими письмами пріѣхали легаты въ Далмацію, «и стали они, говоритъ современное свидѣтельство, объѣзжать города Далматскіе, посѣщая начальниковъ Хорватскихъ и Сербскихъ, и собрали (925 г.) въ Сплѣтѣ епископовъ и судей (т. е. свѣтскія власти) и составили торжественный соборъ». Соборъ утвердилъ за Сплѣтскимъ архіепископомъ оспариваемую власть митрополита земли Хорватской, а 10-ю статьею опредѣлилъ, чтобы ни одинъ епископъ въ митрополіи этой «не смѣлъ поставлять въ какой бы то ни было священный санъ кого либо служащаго на славянскомъ языкѣ».... [2]).

Не вдругъ явились послѣдствія этого собора. Славянское богослуженіе и славянская письменность удержались, не смотря ни на какія притѣсненія, въ землѣ Хорватской, хотя въ чуждой другимъ славянскимъ народамъ формѣ Глаголицы и въ подчиненіи догматамъ и іерархіи Рима; но съ Сплѣтскаго собора, съ 925 года, братья по происхожденію, по языку, по всей прежней судьбѣ, разстались и пошли розными путями въ исторіи: положенъ былъ конецъ внутреннему жизненному единству Хорватовъ и Сербовъ. Сплѣтскій соборъ торжественно осудилъ стремленіе Хорватской церкви къ независимости отъ латинскаго митрополита, почти уже пріобрѣтенной ею, и съ тѣхъ поръ, при каждомъ новомъ столкновеніи и спорѣ, подчиненіе ея все болѣе и болѣе скрѣплялось и узаконялось; Сербія же была такъ отдалена и находилась еще въ такомъ неустройствѣ, что Сплѣтскій митрополитъ, занятый ближайшими дѣлами, конечно и не имѣлъ охоты хлопотать о томъ, чтобы установить надъ нею свою власть и латинскую іерархію: младенческая церковь Сербская была, можно сказать, совершенно забыта, и сама собою отстранилась отъ

---

[1]) Quis etenim specialis filius sanctae Romanae ecclesiae, sicut vos estis, in barbara seu Slavinica lingua Deo sacrificium offerre delectatur?

[2]) Ut nullus episcopus nostrae provinciae audeat in quolibet gradu Slavinica lingua promovere; tamen (тутъ вѣроятно пропускъ, по предположенію Фарлати: qui promotus est) in clericatu et monachatu Deo deservire (вѣроятно, poterit). Nec in sua ecclesia sinat eum missas facere; praeter si necessitatem sacerdotum haberet, per supplicationem a Romano pontifice licentiam ei sacerdotalis ministerii tribuat.

церкви Хорватской, увлеченной въ кругъ Запада: и благодаря этому отстраненію, этой безвѣстности, она сохранила сѣмена ученія восточнаго и Кирилловской проповѣди, и могла все болѣе и болѣе ихъ себѣ усвоивать, пока наконецъ, при великомъ Нѣманѣ и святомъ Савѣ, сѣмена эти принесли свой плодъ.

Точно также розно потекла у Хорватовъ и Сербовъ жизнь политическая, у Хорватовъ блестящая, вращающаяся въ кругу западной Европы, у Сербовъ чуждая всѣмъ окружающимъ движеніямъ и такая же безгласная и безвѣстная, какъ тогдашняя Сербская церковь. Государство Хорватское развилось и процвѣло съ необыкновенною быстротою. Преемникъ Томислава, Красиміръ, распространилъ свою власть, кажется, по всей Босніи [1]; за нимъ Держиславъ, въ концѣ X вѣка, торжественно принялъ титулъ короля, утвержденный за нимъ Византійскимъ дворомъ. Держиславъ царствовалъ, говоритъ одинъ древній писатель [2], отъ границъ Каринтіи и отъ Дуная по всей Далмаціи и Неретвѣ; даже часть Захолмія принадлежала ему. Хорватія стала теперь явною соперницею Венеціянцевъ въ обладаніи Адріатикою; особенно съ тѣхъ поръ, какъ она приняла подъ свою державу воинственныхъ Неретчанъ, вражда усилилась. Съ другой стороны, естественное требованіе полновластія въ своей землѣ должно было непремѣнно привести государей Хорватскихъ ко вмѣшательству въ дѣла независимыхъ латинскихъ городовъ; города же всякій разъ обращались къ покровительству Венеціи, родной по происхожденію и языку, по вѣрѣ и всѣмъ преданіямъ, и Венеціянцы заботливо поддерживали эти связи. Не разъ уже загоралась война между Хорватами и Венеціею. Въ началѣ Хорваты одерживали верхъ, и Венеція была принуждена платить дань ихъ государю, чтобы этимъ покупать безопасность своей торговли. Но въ 998 году дожъ Петръ Урсеоло прекратилъ платежъ дани и рѣшился явно принять подъ свое покровительство латинскіе города Далмаціи, жаловавшіеся на невыносимыя притѣсненія со стороны Славянъ. Испросивъ разрѣшенія Византійскаго императора, какъ верховнаго властителя Далмаціи и земли Хорватской, Урсеоло пошелъ войною на Хорватовъ. Подроб-

---

[1]) См. безыменнаго Діоклейскаго (Дуклянскаго) лѣтописца, у Люція, de regno Dalm. et Croatiae, 293.

[2]) Thomae Archidiaconi historia Salonitana (тамъ же 320). Istaque fuerunt regni eorum confinia: ab oriente Delmina (Дувно),.... ab occidente Carinthia versus mare usque ad oppidum Stridonis, quod nunc est confinium Dalmatiae et Istriae, ab aquilone vero a ripa Danubii usque ad mare Dalmaticum, cum tota Maronia (читай Naronia, т. е. Неретва) et Chulmiae ducatu (т. е. банство Захлумское). — Въ концѣ X-го вѣка Захолміе является раздѣленнымъ между Хорватскимъ государствомъ и великими жупанами Діоклейскими (о которыхъ сказано будетъ ниже): въ слѣдствіе какихъ обстоятельствъ это произошло, неизвѣстно.

ности ея неизвѣстны; то, что разсказываетъ объ этой войнѣ венеціанская лѣтопись, болѣе похоже на торжественное шествіе, чѣмъ на военное предпріятіе. Урсеоло бросаетъ якорь у Осора и принятъ всѣмъ островомъ какъ избавитель и государь; потомъ останавливается у Задра (Зары): впереди города встрѣчаетъ его начальникъ (prior) [1]) Задрскій съ епископомъ и народомъ; вступивъ въ Задръ, дожъ принимаетъ отъ старшинъ и народа присягу на подданство; къ нему являются въ Задръ епископы и начальники Вельинскій и Рабскій, и присягаютъ ему какъ представители своихъ общинъ; дожъ слышитъ въ церквахъ имя свое возглашаемымъ послѣ именъ Византійскихъ императоровъ. За тѣмъ дожъ посѣщаетъ Трогиръ, Сплѣтъ, островъ Карkаръ (Curzola), Дубровникъ (Рагузу), и вездѣ встрѣчаетъ тотъ же пріемъ. Хорваты не въ силахъ воспротивиться его успѣху; — и возвратясь въ Венецію, Урсеоло прибавляетъ къ титулу вождя Венеціянской республики наименованіе государя Далматскаго. Понятенъ гнѣвъ Хорватовъ; между ними и Венеціею завязалась безконечная война, и въ эту сторону направились теперь всѣ ихъ усилія. Венеція окончательно отняла у нихъ возможность дѣйствовать на судьбу ихъ сосѣдей, Сербовъ.

Что дѣлалось между тѣмъ у Сербовъ, съ тѣхъ поръ какъ воротился къ нимъ изъ Болгарскаго плѣна Чеславъ и возстановилъ древнее правленіе великихъ жупановъ? Возвращеніе Чеслава — послѣднее событіе Сербской исторіи, записанное Константиномъ Багрянороднымъ; но, въ разсказѣ объ этомъ возвращеніи, онъ намекаетъ на то, что составляло, по-видимому, существенное явленіе Сербской исторіи въ послѣдующее время. «Послѣ смерти Симеона Болгарскаго, говоритъ онъ, Чеславъ ушелъ изъ Болгарской столицы съ *другими четырьмя*, возвратился въ Сербію и возстановилъ ее». Кто такіе были эти *другіе четыре* участника въ дѣлѣ Чеслава, о которыхъ Константинъ счелъ за нужное упомянуть? Конечно, тѣ народные главы Сербовъ, тѣ жупаны, отъ которыхъ, по свидѣтельству того же историка, зависѣло признаніе у Сербовъ самого великаго жупана и которыхъ, какъ мы прежде уже разсказали, Болгарскіе вожди, посланные Симеономъ для завоеванія Сербіи, вѣроломно схватили и увезли въ плѣнъ. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что съ возстановленіемъ великаго жупанства Сербскаго соединено было и возстановленіе жупанствъ или княжествъ въ тѣхъ отдѣльныхъ земляхъ, на которыя всегда, болѣе или менѣе рѣзко, распадался народъ Сербскій, какъ-то въ собственной Сербіи на сѣверѣ [2]), Босніи на западѣ, и Расѣ на

---

[1]) По-славянски назывался онъ княземъ (кнезъ).

[2]) Ее можно назвать также жупанствомъ Десницкимъ, по древней столицѣ Де-

югъ отъ Босніи. Что касается до югозападнаго угла Сербскихъ земель, у Адріатическаго моря, то ихъ не коснулось Болгарское завоеваніе, и власть прежнихъ князей и жупановъ не была здѣсь прервана. Когда Чеславъ возвратился на свой великожупанскій престолъ въ Десникъ или Расу, то къ возстановленной имъ Сербіи примкнули вновь, по-видимому, эти югозападныя княжества, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Но послѣ Чеслава окончательно порвались слабыя нити единства, которое издревле связывало Сербскія земли общимъ признаніемъ первенства одного великаго жупана и придавало имъ видъ какой-то федераціи. Чеславъ былъ *послѣдній* въ ряду великихъ жупановъ, возводившихъ свой родъ и свои верховныя права къ первымъ временамъ поселенія Сербовъ въ Иллирикѣ. Что съ нимъ, Чеславомъ, прекратилась эта власть, фактъ несомнѣнный. Но историческія обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія этотъ фактъ, не могутъ быть опредѣлены. Когда Константинъ Багрянородный писалъ свое знаменитое сочиненіе: «Объ управленіи царствомъ» (945—959), Чеславъ, кажется, жилъ еще, и жилъ въ мирѣ съ сосѣдями, въ дружбѣ съ Византіею, которая всегда ласкала Сербовъ, какъ природныхъ соперниковъ Болгаріи. Послѣ Константина у насъ долго будетъ одинъ источникъ для Сербской исторіи — составленная въ XII-мъ вѣкѣ лѣтопись безымяннаго Діоклейскаго (Дуклянскаго) пресвитера, лѣтопись до такой степени наполненная именами небывалыхъ королей Сербскихъ и Хорватскихъ, что съ перваго взгляда нелегко рѣшиться пользоваться ею. Есть ли въ ней однако какая нибудь историческая основа, или все чистая выдумка и простой подлогъ? Нѣтъ, начиная съ XI вѣка, лѣтопись Діоклейца носитъ явную печать историческаго сказанія, не во всемъ достовѣрнаго, но основаннаго на подлинномъ преданіи и согласнаго въ главныхъ чертахъ съ современными свидѣтельствами византійскими; также и въ древнѣйшее время въ ней много проблесковъ несомнѣнной исторической были, которые не позволяютъ считать ее простою тканью вымысловъ и басенъ. Главная та бѣда, что у Дуклянца много спутано: событія Сербскія и Хорватскія, имена настоящихъ, исторически извѣстныхъ государей обоихъ народовъ съ темными именами мелкихъ бановъ и жупановъ; и ко всей этой путаницѣ прибавлена немалая доля вымысла. Вполнѣ очистить историческую основу Дуклянца, извлечь изъ его разсказовъ яс-

---

снику, которая, по вѣроятному предположенію Шафарика, лежала у низовьевъ р. Дрины. По другимъ городамъ, исчисляемымъ Константиномъ въ тогдашней Сербіи въ тѣсномъ смыслѣ, можно опредѣлить положеніе этой страны: Дрежникъ (Δρεσνεὴκ) въ Ужицкомъ краѣ, Лѣшница (Λεσνὴκ) въ Шабацкомъ краѣ (оба въ западной части Сербскаго княжества), Солина (Σαληνές), что по-турецки Тузла, въ сѣверо-восточной Босніи: см. Шафарика. II, § 32.

ную и вполнѣ достовѣрную исторію Сербіи въ ту эпоху, для которой онъ у насъ единственный свидѣтель, нѣтъ возможности; но общій характеръ эпохи этой обозначается у него довольно живо и ясно. «Послѣ Чеслава, говоритъ онъ, земля осталась безъ государя, и баны стали властвовать каждый въ своей области, подчинили себѣ жупановъ и брали съ ихъ подати, которыя прежде получались государемъ». Вотъ несомнѣнно вѣрное изображеніе сербскаго быта во второй половинѣ X вѣка: и безъ того уже всегда слабая власть великаго жупана прекратилась, и баны (*банами* назывались главные жупаны, правители отдѣльныхъ земель, въ отличіе отъ *жупановъ* въ собственномъ смыслѣ, начальниковъ мелкихъ сельскихъ волостей, или *жупъ*) сдѣлались совершенно независимыми государями въ своихъ областяхъ. Быть можетъ, родъ Властиміровъ вовсе пресѣкся съ Чеславомъ, но казалось бы болѣе вѣроятнымъ, что преемство его продолжалось въ землѣ Рашской, однако уже безъ признанія въ другихъ Сербскихъ земляхъ. Приводимъ разсказъ Діоклейца, имѣющій всѣ признаки неподдѣльнаго народнаго преданія: «Былъ во время Чеслава юноша въ странѣ Сражской [1]), Тѣхомилъ по имени, сынъ священника деревни Рабичи, и жилъ въ пастухахъ у нѣкоего князя Будислава; и какъ Тѣхомилъ былъ крѣпокъ и силенъ, и дюжій ловецъ и легокъ на бѣгу, то князь бралъ его съ собою на охоту. Однажды на охотѣ, Тѣхомилъ нечаянно ударилъ борзую суку (выжлицу), кличкою Палушу, и убилъ ее: а сука та была у князя любимая, и Тѣхомилъ такъ испугался, что рѣшился бѣжать, и ушелъ къ Чеславу. Чеславъ принялъ его. Между тѣмъ, въ царствованіе Чеслава рать Венгровъ вторглась въ Босну и стала разорять страну эту; Чеславъ, созвавъ войско, встрѣтилъ ихъ въ Дринской жупѣ: тутъ они сразились, и Тѣхомилъ ходилъ по рядамъ непріятельскимъ, рубя на-право и на-лѣво, и убилъ онъ Кіиса, вождя Венгерскаго, и принесъ его голову Чеславу; Венгровъ пало огромное число. Обрадованный Чеславъ далъ Тѣхомилу жупанство Дринское и посваталъ за него дочь Рашскаго бана, въ награду за убіеніе Венгерскаго вождя. Между тѣмъ жена Кіисова обратилась къ государю Венгерскому, требуя отмщенія, и пошло огромное войско Венгровъ на Чеслава, и застигло его въ предѣлахъ Срѣмскихъ. Ночью внезапно Венгры ударили на станъ его, полонили Чеслава и родственниковъ его: жена Кіисова велѣла имъ связать руки и ноги и бросить ихъ въ рѣку Саву. Такъ погибъ Чеславъ и весь домъ его, и осталась земля безъ государя, и баны стали властвовать каждый въ своей области.... [2]) Никто не смѣлъ именоваться

[1]) In partibus Sraga: какая это мѣстность, намъ неизвѣстно.
[2]) Дальнѣйшія слова приведены были выше.

королемъ (т. е. общимъ государемъ Сербовъ,—именемъ короля, rex, лѣтопись означаетъ прежнихъ великихъ жупановъ, которыхъ власть признавалась всѣми землями Сербскими). Тѣхомилъ послѣ смерти своего тестя сталъ владѣть землею Рашскою, но и онъ не осмѣливался именоваться королемъ или баномъ, а назывался только старшимъ жупаномъ, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ прочихъ жупановъ Расы; и такъ управляли они землею много времени».

При этомъ распаденіи Сербіи, болѣе всѣхъ другихъ частей ея отдѣлилось, кажется, банство Боснійское. Боснію подчинилъ было себѣ, какъ упомянуто, Хорватскій государь Красиміръ; но, по-видимому, она не долго находилась подъ державою Хорватскою, а потомъ, освободившись, осталась какъ бы внѣ круга общей исторіи Сербовъ: такая особность Боснійскаго банства является во всемъ разсказѣ Діоклейскаго лѣтописца. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этого времени стало готовиться то гибельное отчужденіе Босніи отъ другихъ Сербскихъ земель, котораго не могли потомъ преодолѣть никакія усилія могущественнѣйшихъ вѣнценосцевъ Сербскихъ, и которое уже въ XII вѣкѣ позволяло Византійцу Киннаму сказать, что «Боснія не признаетъ надъ собою власти верховнаго жупана Сербскаго и живетъ сама по себѣ, подъ своимъ управленіемъ [1]).»

Діоклейской лѣтописи мы обязаны указаніями на распаденіе Сербіи въ X вѣкѣ, на прекращеніе общей великожупанской власти, на обособленіе Босніи. Еще одна важная черта проглядываетъ во всемъ длинномъ, запутанномъ повѣствованіи Діоклейца о тогдашнихъ дѣлахъ сербскихъ, и она-то составляетъ, можно сказать, главное содержаніе Сербской исторіи въ это время: именно, мы видимъ, что въ X вѣкѣ вся историческая жизнь Сербскаго народа переходитъ изъ сѣвернаго и восточнаго края, изъ собственной Сербіи, на юго-западъ, что она сосредоточивается все болѣе и болѣе въ горномъ побережьѣ Адріатики. Переходъ этотъ совершается притомъ, сколько видно, вполнѣ независимо отъ хода дѣлъ у сосѣднихъ Хорватовъ; онъ совершается постепенно, въ силу какого-то общаго историческаго закона: ибо въ то самое время, какъ жизнь Сербіи переходила съ Савы и Расы на Зету и къ Скутарскому озеру, дѣятельность Болгарскаго народа, мы увидимъ, покидала берега Дуная и страну Балканскую и обновлялась въ горахъ Македоніи и Албаніи, у озера Охридскаго. Это, конечно, явленіе не случайное: очевидно, что у Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ въ концѣ X вѣка вся жизнь приливала къ юго-западу, къ нагорнымъ краямъ Адріатики, что сюда переносилась ихъ исторія.

---

[1]) Cinnamus, стр. 104: ἔστι ἡ Βόσθνα οὐ τῷ Σερβίων ἀρχιζουπάνῳ καὶ αὐτὴ εἴκουσα, ἀ,λλ ἔθνος ἰδίᾳ παρὰ ταύτῃ καὶ ζῶν καὶ ἀρχόμενον.

Вспомнимъ, какъ уже въ началѣ X вѣка процвѣтало сербское Захолміе на Адріатикѣ, въ то время, когда собственную Сербію губили междоусобія и оружіе Болгаръ, и какъ потомъ, при распаденіи возстановленной Чеславомъ Сербской державы, преемство великожупанскагѡ Властимірова рода осталось за южнымъ ея краемъ, Расою, тогда какъ сѣверная часть впала въ совершенную безвѣстность; наконецъ, въ исходѣ X столѣтія, сама Раса уже теряетъ значеніе, и историческая жизнь Сербіи сосредоточивается исключительно въ юго-западномъ углу Сербскихъ земель, въ окрестностяхъ нынѣшней Черногоріи. Эту юго-западную часть земель Сербскихъ, которая должна была сдѣлаться основаніемъ новой Сербской державы, составляли четыре княжества: 1) *Травунія*, которая заключала въ себѣ городъ и край Требинье, въ южной Герцеговинѣ, съ окрестностями (гдѣ волости Любоміръ, Крушевица и Драчевица и села Рудина, Жерновица, Урмо еще сохранили понынѣ свои названія, приводимыя лѣтописцемъ XII вѣка), Конавле, т. е. морской берегъ на югъ отъ Рагузы, и Рисань на Которскомъ заливѣ; 2) *Холмская земля* или *Захолміе*, въ Герцеговинѣ на западъ и сѣверъ отъ Травуніи (съ Поповымъ полемъ, Гацкомъ, Дубравами и Дебрями [1]) и съ Стономъ [2]) на берегу Адріатики, сѣвернѣе Рагузы [3]); 3) *Зета*, т. е. собственная Черногорія, гдѣ течетъ рѣка Зета, съ морскимъ берегомъ на востокъ отъ Которскаго залива, гдѣ лежитъ край, называемый Грбаль и городъ Будва; и наконецъ, 4) самая большая область, *Подгоріе* иначе также называвшееся по имени знаменитаго города Діоклетіанова, *Діоклеею (Дуклею)* [4]). Эта земля Подгорская или *Діоклейская*, обнимала сѣверную часть Черногоріи (Морачу и Комъ) [5]) и прилегающіе края Герцеговины: Оногощь, т. е. нынѣшніе Никшичи, Пиву, Езеро, Неретву [6]), Раму, а также кусокъ нынѣшней Албаніи, лежащій у подножія Черной Горы, отъ Гусинья до Скадра (Скутари), Вара (Антивари), и Олгуна (Дульциньо) [7]). Въ этомъ послѣднемъ

---

[1]) Теперь, по сербскому произношенію, Дабри.

[2]) По-итал. Stagno.

[3]) Это положеніе Травуніи и Захолмія, какъ оно изображено Діоклейскимъ пресвитеромъ, совершенно согласуется съ показаніемъ Константина Багрянороднаго; только въ его время *Конавле*, не смотря на свой малый объемъ, составляло независимое княжество.

[4]) Развалины этого римскаго города находятся у нын. Подгорицы на р. Морачѣ.

[5]) Такъ назыв. Бърда.

[6]) Неретвою называется и теперь преимущественно край по верхнему теченію этой рѣки, лежащій между Езерами и Рамою.

[7]) Пресвитеръ Діоклейскій приводитъ это раздѣленіе, совершенно согласное съ свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго и подтверждаемое позднѣйшими историческими явленіями. Онъ исчисляетъ жупы (волости), изъ которыхъ состояло каждое княжество. Хотя большая часть именъ искажены въ латинскомъ текстѣ, дошедшемъ до

краѣ, составляющемъ сѣверозападный уголъ Албаніи, еще въ XII вѣкѣ было много городовъ, имѣвшихъ (по крайней мѣрѣ отчасти) греческое населеніе, вѣроятно остатокъ старинныхъ колоній. Эти города, или вѣрнѣе, какъ ихъ называетъ старинный сербскій писатель [1]), *грады*, то-есть укрѣпленія, въ которыхъ хранилось, безъ сомнѣнія, древнее муниципальное устройство, подобно *градамъ* на берегу Далмаціи, были въ XII вѣкѣ слѣдующіе: Баръ (Антивари), Льцинъ или Олгунъ (Дулциньо), Свачъ (Сфача), Скадръ (Скутари), Дривостъ (Дривасто), Данъ и Сардоникій (положеніе двухъ послѣднихъ неизвѣстно, первые же пять лежатъ всѣ около Скутарскаго озера, на югъ отъ Черногоріи). Если еще въ XII в. греческій элементъ былъ тутъ силенъ, то тѣмъ болѣе въ X-мъ и началѣ XI-го. Но кругомъ городовъ, какъ и въ Далмаціи, жили, безъ сомнѣнія славянскія общины, и вотъ почему власть Сербскихъ князей могла здѣсь утвердиться.

Соединеніе четырехъ маленькихъ горныхъ областей, заключавшихъ въ себѣ Черногорію и края, непосредственно къ ней прилѣгающіе, было, можно сказать, первымъ шагомъ Сербскаго народа, оста-

---

насъ, однако они легко могутъ быть отгаданы въ подлинной формѣ, и положеніе всѣхъ этихъ мѣстностей могло бы быть, конечно, опредѣлено, если бы наши карты были подробнѣе и точнѣе. Я привелъ, по тексту Діоклейца, только тѣ мѣстности, которыя важнѣе и которыхъ положеніе мнѣ кажется совершенно вѣрнымъ. Въ этомъ отношеніи недостаточность картъ Турціи мнѣ удалось восполнить отчасти показаніями нѣкоторыхъ Герцеговинскихъ уроженцевъ. Вотъ полный текстъ Діоклейца: „Prelimirus (читай Predimirus) Rex.... divisit terram suam hoc modo: Chualimiro dedit Zente regionem cum civitatibus et has juppanias: Lusca, (теперь Лѣшко-поле) Podlugiae, Gorsca (и теперь Горска, волость между Кастельново и селомъ Драчемъ), Cupelnich, Obliquit (Обличи, село въ Црницкой нахіи, въ Черногоріи), Propratna (Праиратница, тамъ же), Cremeniza (и теперь Кременица, волость между Будвою и Пастровичами), Budua (т. е. Будва) cum Cuceva, et Gripuli (т. е. Грбаль); Pelislavo dedit Tribuniam cum his jupaniis: Libomir (и теперъ волость Любомиръ), Vetanica (теперь с. Ватница въ юго-восточной Герцеговинѣ), Rudina (Рудина тамъ же), Crusceviza (волость Крушевица), Urmo (с. Урмо въ волости Кривошіе), Ressena, (г. Рисань, Risano у Которскаго залива), Draceviza (волость Драчевица), Canali (волость Конавле, по-итал. Canale, у Дубровника) Gernoviza (с. Жерновица близь Грудъ). Dragislavo dedit Cherenaniam (читай Chelmaniam) regionem et has juppanias: Stantania (Стонъ), Papavo (Попово), Yabsco (чит. Gatsco Гацко), Lucca (с. Лука близь Невесиня), Velica, Gorymita, (с. Горилица подъ Гацкомъ), Vecenike, Dubrava (Дубраве, волость на югъ отъ Мостара) et Debret (Дабри, село и волость между Любоміромъ и Невесинемъ); Preulado dedit regionem, quae sclavonice dicitur Podgoria, latine Submontana, et has jupanias: Onogoste (Оногощъ, древній *градъ* въ Никшичскомъ краѣ), Moratia (Морача), Comerniza (село и волость Комарница у хребта Чемерна между Пивою и Гацкомъ), Piua (Пива), Gerico (чит. Gezero, Езеро), Netusini (с. Тушина въ Дробнякахъ), Guisemo (Гусинье), Com (Комъ), Debreca, Neret (Неретва) et Ramma (Рама),et quatuor regiones Tetrarchias vocavit. Что города Скадаръ, Баръ и Олгунъ принадлежали Подгорскому жупану, видно изъ послѣдующаго разсказа того же лѣтописца.

[1]) См. житіе св. Симеона Немани, написанное его сыномъ, королемъ Стефаномъ (изд. Шафарикомъ въ Пам. Юго-Слав. Письм. стр. 8).

вавшагося цѣлые вѣка, подъ номинальною властію своихъ прежнихъ великихъ жупановъ, въ первобытномъ дробленіи и бездѣйствіи, къ новой жизни государственной, къ политическому развитію: эта Діоклейская «тетрархія»,—такъ называетъ ее безымянный пресвитеръ-лѣтописецъ, эти четыре области, южная оконечность Сербской страны, сдѣлались надолго центромъ всей Сербской исторіи: Діоклея будетъ бороться за независимость Сербовъ, отстаивать ее отъ Болгаръ и Грековъ; Діоклея первая, послѣ паденія Властиміровой династіи, возобновитъ мысль о соединеніи Сербскаго народа; Діоклея будетъ долго именоваться у сосѣдей Сербскимъ государствомъ по преимуществу и даже по преимуществу государствомъ Славянскимъ, землею Славянскою [1]); въ ней воздвигнется новая митрополія; преемникомъ ея стремленій явится Нѣманя, великій собиратель земли Сербской.

Любопытно и важно было бы знать, какія обстоятельства впервые возвысили Діоклею и помогли ей привязать къ себѣ смежныя области, откуда вышелъ родъ великихъ жупановъ Діоклейскихъ, былъ ли онъ въ связи съ Властиміровичами, или, можетъ быть, съ прежними правителями Травуніи либо Захолмья, о которыхъ говоритъ Константинъ Багрянородный; но обо всемъ этомъ ничего вѣрнаго неизвѣстно. Діоклейскій пресвитеръ выводитъ, правда, владѣтелей своей родины изъ Травуніи, и старается даже связать ихъ съ королями Хорватскими и прежними государями Сербіи: сознаваясь, что съ Чеславомъ пресѣкся рядъ общихъ правителей Сербской земли, онъ вдругъ возобновляетъ ихъ преемство, разсказывая, что отецъ Чеслава бѣжалъ отъ своего властолюбиваго сына въ Римъ, тамъ женился и оставилъ потомство, и что, долгое время спустя, внукъ его возвратился на родину и сталъ владѣть Травуніею; все это, очевидно, вымыслы. За то весьма замѣчательно у Діоклейца сказаніе о томъ, какимъ образомъ владѣтели Травунскіе получили первенство надъ жупанами Расы. «Умеръ въ это время, говоритъ онъ, Болгарскій царь (imperator) Петръ, который сидѣлъ въ городѣ Великомъ Прѣславѣ, и царь Греческій, собравъ всѣ силы своего народа, захватилъ Болгарію и покорилъ ее себѣ. За тѣмъ онъ возвратился въ свой дворецъ, оставивъ въ Болгаріи войско. Начальники войска пошли и взяли всю область Рашскую; жупанъ Рашскій съ сыновьями и дочерью бѣжалъ и пришелъ къ королю (т. е. князю) Предиміру въ Травунію; Предиміръ принялъ его съ любовью и женился на Прехвалѣ, его дочери; а когда Греческій царь (Цимисхій) умеръ, то Предиміръ съ тестемъ своимъ послали въ Расу къ своимъ друзьямъ ска-

---

[1]) Такъ въ письмахъ папъ, XI-го вѣка, и у Раймунда de Agilis и другихъ историковъ крестовыхъ походовъ.

зать, чтобы они били Грековъ, и избиты были Греки всѣ въ одинъ день. И тогда Предиміръ вступилъ въ Расу, устроилъ ее, сдѣлалъ тестя своего по прежнему старшимъ жупаномъ, но подъ верховною своею властію. Послѣ того родилось у Предиміра четыре сына, и онъ раздѣлилъ между ними свою землю, старшему Хвалиміру далъ Зету; прочимъ тремъ братьямъ, Болеславу, Драгославу и Превладу роздалъ Травунію, Холмскую страну и Подгорье; и назвалъ онъ эти четыре области тетрархіею».... Дуклянскій лѣтописецъ относитъ такимъ образомъ ко времени Цимисхія (т. е. къ 970-мъ годамъ) образованіе союза южныхъ Сербскихъ областей и возвышеніе ихъ надъ Расою; но въ какой мѣрѣ это достовѣрно, въ какой мѣрѣ Предиміръ историческое лицо, дѣйствительно ли Раса подпадала власти Грековъ послѣ покоренія Болгаріи Цимисхіемъ и была освобождена съ содѣйствіемъ югозападныхъ Сербовъ, рѣшить трудно. Діоклейскій лѣтописецъ разсказываетъ далѣе, что дѣти Предиміра стали угнетать свой народъ и возбудили противъ себя возстаніе. Пришли къ возставшимъ на помощь 7 витязей, сыновья незаконнорожденнаго родственника Красимірова (Красиміръ владѣлъ Хорватіею и Босніею). Эти 7 братьевъ-витязей умертвили дѣтей Предиміровыхъ, и сами въ свою очередь погибли злою смертію. Власть надъ всею тетрархіею возвратилась къ законному наслѣднику, внуку Предиміра, Сильвестру Болеславичу. Ему наслѣдовалъ сынъ Тугоміръ, Тугоміру — Хвалиміръ. При Хвалимірѣ тетрархія снова раздѣлилась. Одинъ изъ его сыновей, Драгоміръ получилъ Захолміе и Травунію; Діоклея и Зета достались въ удѣлъ Владиміру, котораго лѣтописецъ тутъ называетъ сыномъ *Петрислава* и внукомъ Хвалиміра; но потомъ говоритъ о немъ, какъ о родномъ братѣ Драгоміра и, стало быть, сынѣ Хвалиміра. Вся эта длинная генеалогія очевидно вымышленная, и она-то всего болѣе мѣшала выяснить историческую основу Діоклейской лѣтописи. Надобно попристальнѣе въ нее вглядѣться. Чеславъ, о которомъ мы приводили выше извѣстія этой лѣтописи, лицо вполнѣ историческое, принадлежащее къ первой половинѣ X-го вѣка. Діоклейскій лѣтописецъ зналъ и записалъ о немъ разныя подробности. Также съ историческимъ характеромъ является у него Предиміръ, раздѣлившій южный край Сербскій между своими сыновьями. Наконецъ, третье историческое лицо, это Владиміръ, жившій въ концѣ X-го и началѣ XI-го вѣка и съ братомъ своимъ Драгоміромъ раздѣлявшій власть надъ Предиміровою областью. И о Владимірѣ съ Драгоміромъ лѣтописецъ Діоклейскій записалъ разныя, довольно подробныя, извѣстія, и слова его прямо или косвенно подтверждаются другими свидѣтельствами. Напротивъ того, о Сильвестрѣ, Тугомірѣ, Хвалимірѣ (второмъ) и Петриславѣ Діоклейскій пресвитеръ не умѣлъ сказать рѣшительно

ничего: онъ пишетъ о каждомъ изъ нихъ только, что онъ наслѣдовалъ владѣнія своего отца и мирно скончался. Если позволено представить догадку, то мы можемъ предположить, что Діоклейскій лѣтописецъ представлялъ себѣ время Чеслава и прекращенія древней великожупанской династіи, — время, о которомъ доходили до него только смутныя преданія, — несравненно болѣе отдаленнымъ отъ извѣстной ему уже по письменному памятнику [1]), эпохи Владиміра, нежели какъ это было въ дѣйствительности. Промежутокъ между Чеславомъ и Владиміромъ обнималъ всего два поколѣнія (около 60 лѣтъ) и лѣтописецъ, какъ оказывается, зналъ въ самомъ дѣлѣ нѣчто положительное только о двухъ княжескихъ поколѣніяхъ въ это время, о Предимірѣ и объ его сыновьяхъ, при которыхъ начались междоусобія; но вообразивъ себѣ, что отъ Чеслава до Владиміра должно было пройти гораздо больше времени, онъ и счелъ нужнымъ вставить тутъ нѣсколько княженій. Оттого и являются эти княженія безо всякаго содержанія; оттого и пришлось сочинить общее избіеніе сыновей Предиміра, чтобы вновь соединить его область и потомъ опять раздѣлить ее передъ вступленіемъ на престолъ Владиміра и Драгоміра; оттого, наконецъ, имя явно сочиненное, этотъ Петриславъ, который въ генеалогіи приводится какъ отецъ Владиміра, но затѣмъ исчезаетъ въ историческомъ разсказѣ, гдѣ Владиміръ является сыномъ Хвалиміра (отца мнимаго Петрислава).

И такъ, выкинувъ изъ Діоклейской лѣтописи княженія, которыя считаемъ себя въ правѣ назвать присочиненными, мы получимъ (разумѣется, въ видѣ гипотезы) слѣдующую историческую основу: Послѣ Чеслава и прекращенія власти великожупанской, въ приморской части земель Сербскихъ княжитъ Предиміръ, современникъ Святослава и Цимисхія. Онъ пріобрѣтаетъ первенство надъ жупанами Расы и раздѣляетъ свои владѣнія между 4-мя сыновьями. Возникаютъ въ странѣ междоусобія и внутренніе безпорядки, которые даютъ Боснякамъ и Хорватамъ случай вмѣшаться въ дѣла Сербской «тетрархіи». Смуты эти кончаются гибелью нѣкоторыхъ изъ сыновей Предиміровыхъ; власть достается старшему изъ нихъ Хвалиміру, князю Зетскому, и переходитъ къ двумъ сыновьямъ его, Владиміру и Драгоміру.

Съ Владиміра начинается уже исторія болѣе положительная. Потомокъ Предиміра и обладатель двухъ южныхъ удѣловъ приморской «тетрархіи» Сербской, Діоклеи и Зеты, — такимъ является онъ въ Діоклейской лѣтописи, — Владиміръ у византійскаго историка Кедрина названъ «правителемъ Трибалии (древнее имя Сербіи, преимущественно южной) [2]) и ближайшихъ къ Диррахію (Драчу, подвластному Византіи

[1]) Liber gestorum Sti Vladimiri, на который ссылается Діоклейскій лѣтописецъ.
[2]) Въ текстѣ Кедрина читаемъ Τρυμαλία вмѣсто Τριβαλλία.

городу на Адріатикѣ) краевъ Сербіи». Былъ онъ, по свидѣтельству обоихъ лѣтописцевъ, «мужъ праведный, миролюбивый, стремящійся къ добродѣтели»; Діоклеецъ говоритъ о немъ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ: «святой, блаженный Владиміръ», иначе онъ его не называетъ. Его дѣятельность принадлежитъ уже къ той эпохѣ, которая открывается въ исторіи Задунайскихъ Славянъ, въ концѣ X-го вѣка, возстановленіемъ въ Охридѣ царства Болгарскаго, и въ которую мы теперь вступаемъ. При немъ впервые опять, со времени Чеслава, Сербы входятъ въ соприкосновеніе съ сосѣдними народами,—съ возрожденною Болгаріею; при немъ впервые опять имя Сербовъ является въ исторіи.

ИСТОРІЯ

СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія Сербовъ и Болгаръ.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ходъ подчиненія славянскихъ племенъ въ греческихъ областяхъ Византійскому правительству.

Мы видѣли, какъ произошло первое разрушеніе Болгарскаго государства, какъ оно было приготовлено внутреннимъ его ослабленіемъ, задумано политикою Византійскихъ императоровъ, и наконецъ исполнено Варяжскою дружиною Святослава. Удаляясь изъ Болгаріи, Русскій князь оставилъ завоеванную страну въ рукахъ Византіи. Въ городахъ Болгарскихъ расположились Греческія войска, Болгарскія области ввѣрены были Греческимъ правителямъ, а сыновья Болгарскаго царя Петра Симеоновича жили почетными узниками при дворѣ императора Цимисхія. Все обширное царство Болгарское, земля отъ Филиппополя до Балкановъ и отъ Балкановъ до Дуная, утраченная Греками въ VI и VII столѣтіяхъ, теперь (въ 971 г.) снова имъ принадлежала. Только далеко на сѣверозападѣ, близъ Адріатическаго моря, въ городѣ Модрушѣ [1]), остался, кажется, независимымъ одинъ изъ прежнихъ намѣстниковъ Болгарскаго царя, Баянъ, которому современное сказаніе [2]) придаетъ наименованіе короля, да на югозападѣ, въ области Охридской (въ нын. средней Албаніи), можетъ быть, еще не подчинены были Византіи горныя славянскія племена, прежніе подданные Болгаріи. Но и къ нимъ приближалось оружіе Византійскаго императора. Мы привели извѣстіе [3]), что войска Цимисхія заняли Расу, южную часть Сербскихъ земель, прилегавшую къ Охридской области; они угрожали Охриду, а можетъ быть уже и овладѣли имъ. — Торжественнымъ развѣнчаніемъ Болгарскихъ царей Бо-

---

[1]) Въ нынѣшней Кроатской военной границѣ (въ Австріи).
[2]) Chron. Optavicense, см. Farlati III. 114.
[3]) См. выше, стр. 171.

риса и Романа въ 971 году Византія завершила, при кликахъ побѣды, трудное дѣло, безмолвно начатое ею въ 807 году въ безвѣстномъ уголкѣ Мореи, подъ Патрами: дѣло возстановленія греческой власти надъ Балканскимъ полуостровомъ, занятымъ славянскими племенами.

Обозримъ ходъ этого великаго историческаго явленія, этой медленной борьбы, которую старая греческая стихія вела, чтобы подчинить себѣ новую, славянскую, и тогда откроется намъ, можетъ быть, смыслъ событій, послѣдовавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ за первымъ паденіемъ Болгаріи.

Въ первой части мы говорили о переселеніи Славянъ на Балканскій полуостровъ. Мы видѣли ходъ этого переселенія, начавшагося въ V вѣкѣ почти незамѣтною колонизаціею, усилившагося въ началѣ VI вѣка и мало-по-малу принявшаго характеръ народнаго нашествія. Земля была почти пустая. Римское управленіе [1]), страшные походы Готовъ въ III, IV и V вѣкахъ, долго памятное землетрясеніе 375 года, вторженіе Гунновъ въ 434 г., нападенія морскихъ разбойниковъ Вандаловъ, безпрестанно возобновлявшаяся моровая язва, все это истребило бо̀льшую часть прежняго населенія на Балканскомъ полуостровѣ. Славяне перерѣзали или поработили слабые остатки Эллиновъ и другихъ подчинившихся эллинизаціи, древнихъ обитателей Задунайскихъ земель. Въ исходѣ VI-го вѣка нашествіе Славянъ пріостановилось въ восточныхъ и южныхъ краяхъ полуострова, но возобновилось въ VII вѣкѣ въ западной его части (переселеніе Хорватовъ и Сербовъ). Послѣ вторженія Болгаръ, Славяне вновь стали переходить во Ѳракію и Македонію (676 г.). Наконецъ, опять въ 746 г., послѣ того какъ моровая язва прошла по всей Ливадіи и Мореѣ, Славяне устремились туда потокомъ, покидая равнины Болгаріи, гдѣ ихъ угнетала пришедшая изъ-за Дона Болгарская орда Аспаруха. «Тогда, пишетъ Константинъ Багрянородный, вся Эллада и Пелопоннисъ ославянились и сдѣлались варварскою страною». Это было послѣднее общее переселеніе цѣлыхъ поколѣній Славянскихъ въ опустѣлыя греческія земли. — Странно подумать, въ какомъ хаотическомъ состояніи находилось тогда народонаселеніе Балканскаго полуострова. Въ сѣверозападной его части расположились, какъ мы видѣли, Сербы и Хорваты, раздробленные на множество мелкихъ *жупанствъ*. Въ сѣверовосточной слагалось уже государство, основанное между Славянскими племенами ордою Болгаръ. На югъ отъ Болга-

[1]) Уже Страбонъ, писавшій около времени Рожд. Хр., замѣчалъ вымираніе племенъ, населявшихъ Иллирикъ, какъ-то Боіевъ, Скордисковъ, Автаріатовъ, Ардіеевъ, Дардановъ и Трибалловъ: онъ приписываетъ это явленіе сначала ихъ междоусобіямъ, а потомъ угнетенію Македонянъ и Римлянъ (VII, 5 § 6).

ріи, древняя Өракія и Македонія назывались въ то время у Грековъ *Славиніей*, т. е. землею Славянъ. За Греками оставался только край, отгороженный длиною стѣною Анастасія, начинавшеюся у города Селимвріи (Силиври) на Пропонтидѣ и кончавшеюся у Деркона на Черномъ морѣ. Греческіе гарнизоны держались еще въ Адріанополѣ, да на берегу Мраморнаго моря и Архипелага, въ Родостѣ, Никополѣ и Солунѣ. На западъ и югозападъ отъ Македоніи Славяне распространились по древней Дарданіи и Эпиру до Адріатики. Конечно, повсюду переселенцы встрѣчали какіе нибудь остатки прежняго населенія. Часть прежнихъ жителей мало-по-малу сливалась съ Славянами. Такимъ образомъ древнее племя *Саповъ*, которое еще въ V вѣкѣ до Р. Х. Өукидидъ находилъ на верховьяхъ рѣки Стримона (Струмы), и нынѣ еще живетъ, ославянившись, въ имени *Шоповъ*, придаваемомъ Болгарамъ въ этой мѣстности [1]). Другіе народы, одаренные большею упорностію или защищаемые природными твердынями, удержались среди славянскаго наплыва. Таковы были Албанцы въ своихъ неприступныхъ горахъ, и Влахи, потомки римскихъ колонистовъ или обримленныхъ туземцевъ [2]), на обоихъ склонахъ хребта Пинда и между городами Касторіею, Битолемъ (по-турецки Монастиръ), Восколемъ (или Мосхополемъ) и Эльбассаномъ. Правда, эти народы появляются въ исторіи только въ X или XI вѣкѣ; но они носятъ всѣ признаки давнишнихъ жителей своего отечества, и не можетъ быть сомнѣнія, что они пережили въ немъ вѣкъ славянскаго нашествія. Можно даже съ нѣкоторою вѣроятностью опредѣлить тогдашнія ихъ отношенія къ Славянамъ. Славянскія племена перешли изъ Македоніи въ богатыя окрестности Охридскаго озера и здѣсь утвердились навсегда. Остатки римскихъ колонистовъ, водворенныхъ въ этихъ мѣстахъ, имъ покорились [3]) и уцѣлѣли: они занимались, какъ и теперь, преимущественно скотоводствомъ [4]), и сдѣлались подданными Славянъ. Съ тѣхъ поръ, вѣ-

[1]) См. подробности у Шафарика (Wyklad. etc. 574). *Шопами* называютъ Болгаръ въ окрестностяхъ городовъ Радомира и Кюстендила, на верховьяхъ Струмы.

[2]) До сихъ поръ край въ средней Албаніи, близъ Москополя, главнаго центра Влаховъ (Цинцаровъ), носитъ имя *Колонія*.

[3]) Также точно какъ въ Дакіи (нынѣшней Валахіи, Молдавіи и Трансильваніи), гдѣ о Валахахъ упоминаютъ первыя сказанія о Венгерскомъ нашествіи и Несторова лѣтопись, и въ Мисіи (нын. Болгаріи, между Дунаемъ и Балканами). Въ сей послѣдней латинскій языкъ былъ сильно распространенъ въ V вѣкѣ, какъ видно изъ того, что епископы города Марціанополя въ Балканахъ (вѣроятно, позднѣйшій Прѣславъ), употребляли его въ письменныхъ сношеніяхъ своихъ съ Византійскими императорами и съ Халкидонскимъ соборомъ (см. Le Quien, Or. Chr. 1, 1218).

[4]) Anna Comnena, VIII 3. νεολέκτους καταλέγων, ὁπόσοι τε ἐκ Βουλγάρων καὶ ὁπόσοι τὸν νομάδα βίον εἵλοντο (Βλάχους τούτους ἡ κοινὴ καλεῖν οἶδε διάλεκτος). Georg. Pachymeres in Andronico Palaeologo, 1, 37. Τὸ Βλαχικὸν ἔθνος δυσχωρίαις χαῖρον καὶ βοσκήμασι προσανέχον.

роятно, и имя *Влаховъ*, которыми Славяне обозначали этотъ народъ (какъ вообще людей Итальянской крови) [1]), стало у нихъ синонимомъ *пастуха* [2]) и *крѣпостнаго человѣка* [3]). Въ ущельяхъ Пинда (между Албаніею и Ѳессаліею), также какъ въ горахъ восточной и южной Ѳессаліи, около Олимпа, Оссы и Ѳерикса [4]), часть этихъ Вла-

---

[1]) У Чеховъ Wlach, у Поляковъ Włoch — Итальянецъ, Włochy Италія и мног. друг.

[2]) Даже къ Грекамъ перешло соединеніе имени *Влаха* съ понятіемъ о пастушескомъ образѣ жизни (сравн. вышеприведенное мѣсто изъ Анны Комнины). Свидѣтельства изъ сербскихъ грамотъ приведены г. Майковымъ (Исторія Сербскаго языка 160), но съ его слишкомъ неопредѣлительнымъ взглядомъ на значеніе Влаховъ невозможно согласиться.

[3]) Въ такомъ смыслѣ употребляется это имя въ Законникѣ царя Душана и грамотахъ Сербскихъ королей, гдѣ оно вѣроятно означаетъ уже не особенную, завоеванную Славянами, народность, а развившееся изъ этого завоеванія сословіе общества. Еще въ XIV в. „Сербину" запрещалось жениться „у Власѣхъ"; Влахи сопоставляются въ Законникѣ Душана съ Арбанасами (Албанцами), другою, также чужою и въ то время подчиненною Сербамъ, народностью. Подъ Турецкимъ игомъ имя *Влаха* естественно перешло отъ романскихъ поселенцевъ, покоренныхъ Славянами, къ Славянамъ, сдѣлавшимся Турецкими подданными, и стало употребляться какъ синонимъ *раіи*. — Впрочемъ, собственные *Влахи*, т. е. Романцы, въ средней Албаніи и въ горахъ Пинда (иначе называютъ ихъ *Цинцарами*), сохраняютъ донынѣ свой пастушескій бытъ (только часть занимается ремеслами и торговлею) и характеръ народа, привыкшаго къ порабощенію и утратившаго сознаніе своей самобытности. Вотъ какъ описываетъ Албанскихъ Влаховъ лучшій знатокъ этого края, г. Ганъ (Hahn, Albanesiche Studien, стр. 15): „Хотя чисто греческое народонаселеніе занимаетъ юго-восточную часть Эпира, оно однако не прикасается непосредственно къ Ѳессаліи, гдѣ господствуетъ та же греческая народность, но отдѣлено отъ нея краемъ Влаховъ, которые занимаютъ главную цѣпь Пинда, отъ широты г. Коницы на сѣверѣ, почти до широты Арты на югѣ, и простираются кромѣ того, въ направленіи къ западу, по сѣверной части хребта, параллельнаго къ Пинду и раздѣляющаго верховья Ахелоя отъ притоковъ Арахта, а также по восточной части Лингонскаго хребта. Здѣсь мы находимъ сплошное Влашское населеніе; но такъ какъ ихъ край составляетъ длинное пограничное пространство, то эти Пиндскіе Влахи раздроблены между нѣсколькими центрами управленія и живутъ въ совершенной разъединенности. Оттого они и утратили, подобно всѣмъ братьямъ своимъ, разсѣяннымъ на Балканскомъ полуостровѣ (въ горахъ Македоніи и Ѳессаліи, въ средней Албаніи, въ нѣсколькихъ мѣстахъ Греціи, особенно на островѣ Эвбеѣ и т. д.), всякое сознаніе народной связи, если когда-либо имѣли его. Забалканскій Влахъ отличается отъ Грека и Албанца преимущественно отсутствіемъ народнаго чувства и всего, что съ этимъ чувствомъ соединено. Впрочемъ, Пиндскіе Влахи живутъ въ красивыхъ деревняхъ, похожихъ на мѣстечки, и пользуются большимъ благосостояніемъ, въ слѣдствіе своей трудолюбивой и крайне умѣренной жизни. Часть народонаселенія сохраняетъ кочевой пастушескій бытъ своихъ отцевъ, и проводитъ лѣто въ горахъ, зиму въ тепломъ побережьѣ Ѳессаліи и Греціи. Другіе изготовляютъ грубую шерстяную ткань, изъ которой дѣлаются плащи для мореходцевъ (такъ наз. *капоты*). Третьи занимаются торговлею, портняжничествомъ, содержаніемъ харчевенъ, золотыми издѣліями; они, подобно другимъ Албанскимъ горцамъ, зарабатываютъ свой хлѣбъ на чужбинѣ, а семью оставляютъ на родинѣ". — Эти Влахи сами себя называютъ *Арменъ* (передѣлка слова *Romani*).

[4]) Ѳериксъ, — древнее названіе горъ, отдѣляющихъ Ѳессалію отъ собственной

ховъ пастуховъ могла остаться независимою. Край этотъ Византійцы и Франки называли потомъ *Великою Влахіею* [1]), для различія отъ другихъ поселеній того же народа. Независимыми и одичалыми видѣли здѣсь Влаховъ писатели XI и XII вѣка, и въ такое состояніе пришли они конечно съ тѣхъ поръ, какъ славянское нашествіе отрѣзало ихъ отъ всѣхъ прежнихъ центровъ правительства и просвѣщенія. Любопытно повѣствованіе Испанскаго Еврея, въ началѣ XII вѣка [2]) проѣзжавшаго черезъ Грецію и Өессалію, о Влахахъ, жившихъ въ горахъ, раздѣляющихъ эти двѣ страны: «За городомъ Ровиницею, [3]) говоритъ Веніаминъ Тудельскій, начинается Валахія: жители ея пребываютъ въ горахъ и носятъ имя Валаховъ. Подобные козамъ быстротою, они сходятъ съ горъ въ греческія области, грабятъ и уносятъ добычу. Никто не можетъ проникнуть къ нимъ съ военною силою, и никакой государь не былъ въ состояніи укротить ихъ. Христіанскаго закона они не соблюдаютъ. Имена у нихъ въ употребленіи іудейскія, почему нѣкоторые полагаютъ, что они были нѣкогда Іудеями, и увѣряютъ, что они называютъ Іудеевъ своими братьями, и что когда нападаютъ на Іудеевъ, то хотя и грабятъ ихъ, однако не убиваютъ, какъ дѣлаютъ съ Греками. Однимъ словомъ, они живутъ внѣ законовъ». — Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ вѣроятно предположеніе Еврея-путешественника о прежнемъ вліяніи іудейства на романскихъ поселенцевъ въ Өессаліи. Но видно изъ его сказанія, въ какомъ враждебномъ отношеніи эти горцы находились къ окружавшему ихъ народонаселенію; а народонаселеніе, ихъ окружавшее, было нѣкогда большею частію славянское, въ томъ удостовѣряютъ извѣстія о поселеніи Велесичей въ южной Өессаліи и названія мѣстностей въ цѣломъ этомъ краѣ [1]). Не удивительно, впрочемъ, что Испанскій Еврей, путешествовавшій въ XII вѣкѣ, смѣши-

---

Греціи; теперь эти горы носятъ названія *Еловыхъ*, *Вербовыхъ* горъ и наконецъ, на западѣ, просто именуются въ народѣ *Горою* (Hellova Berg. Varibogo Gebirge. Gebirg Gura на картѣ Австрійскаго генер. штаба).

[1]) Nicetas, de capta urbe, 15: τὰ Θετταλίας μετέωρα, ἃ νῦν μεγάλη Βλαχία κικλήσκεται. Henri de Valenciennes (chron. въ разсказѣ о Генрихѣ Фландрск.): vous octroi avoec Blaquie-la-Grant, dont je vous ferais seignour. См. подробности у Тафеля, Thess. 490.

[2]) Tafel, Thessalonica, 470 и слѣд., гдѣ напечатана часть разсказа Равви-Веніамина, касающаяся до Балканскаго полуострова.

[3]) Положеніе этого города неизвѣстно. Веніаминъ Тудельскій помѣщаетъ этотъ городъ и *начало* Валахіи (Өессалійской) между *Agriphou* (т. е. Егрипо, иначе Негропонтъ) на югѣ и *Gardegin* (теперь Гардики) и *Armilo* (теперь Армиро) на сѣверѣ, стало быть, именно въ горахъ, разграничивающихъ Өессалію и Грецію. Простиралась же Валахія конечно далеко на сѣверъ по Өессаліи.

[4]) Напр. города и села Градица, Чертковити, Цѣтуны, Гавряне, Горица, Мокриница, Загора, Селичани и множ. др., озеро носящее имя Езеро, горы Елова, Вербова, Гура, Кишова (древняя Осса), Плешиди (древній Пеліонъ, смот. Ami Boué Itinéraires, II, 70: онъ производитъ это имя отъ слова *плечи;* не лучше ли отъ *плиши?)* .

валъ Славянъ съ Греками: они въ то время исповѣдывали одну вѣру, жили подъ правленіемъ греческимъ, и вѣроятно успѣли уже, по большей части, принять греческую народность.

Отъ Валаховъ Ѳессалійскихъ возвратимся опять къ Македоніи и Албаніи, гдѣ мы указали на водвореніе Славянъ и столкновеніе ихъ съ туземцами. Занявъ Охридскій край, Славяне должны были устремиться прямо на западъ, по большой римской военной дорогѣ, проходившей въ долинѣ рѣки Шкумба [1]), и вѣроятно подчинили себѣ романскія поселенія, сохранившіяся тамъ и понынѣ [2]). Дорога эта и привела ихъ подъ византійскую крѣпость Эпидамнъ или Диррахій (Драчъ, Дураццо), подъ которою они появились впервые въ 548 г., какъ записано въ лѣтописи. Другой потокъ славянскій вѣроятно шелъ южнѣе, изъ окрестностей Касторіи (въ Македоніи) на западъ, по р. Віусѣ, и достигъ Авлонскаго залива. Дѣйствительно, есть извѣстіе, что въ IX или X вѣкѣ эта часть Адріатическаго поморья находилась подъ властію Славянъ [3]). Такимъ образомъ, средняя полоса нынѣшней Албаніи, отъ Драча (Дураццо) до Акрокеравнскаго мыса, была занята Славянами: въ срединѣ ея возникъ, конечно въ это время, на мѣстѣ древней Антипатріи, городъ *Бѣлградъ* (Албанскій, — Бератъ), и вся полоса эта наполнилась славянскими именами горъ, рѣкъ, городовъ и селъ.—Но на сѣверъ отсюда, на неприступной возвышенности, гдѣ теперь живутъ почти независимо албанскія племена Клементовъ, Хотовъ, Пулатовъ, Мирдитовъ, Малисоровъ и др., предки этихъ дикарей конечно устояли среди славянскаго наплыва. Здѣсь нѣтъ вовсе мѣстныхъ именъ славянскаго происхожденія. Только въ сѣверовосточномъ углу этой горной Албаніи, тамъ, гдѣ она по природѣ своей менѣе неприступна, мы находимъ нѣсколько такихъ именъ (напр. село *Селиште,* гора *Троица,* гора *Проклета,* среди земли Албанцевъ-Клементовъ), да юговосточная окраина этой страны носитъ славянское названіе *Дибри* (т. е. дебри) и

---

[1]) Шкумбъ раздѣляетъ Албанію на двѣ части: сѣверную, имѣющую связь съ Далматинскими Альпами, и южную, связывающуюся съ Пиндомъ и горами Греціи.

[2]) Города Мосхополи, Бератъ, Эльбассанъ и Пехини суть средоточіе Влаховъ въ средней части Албаніи.

[3]) Le Quien, II, 290 приводитъ мѣсто изъ каталога Болгарскихъ архіепископовъ (выписаннаго имъ изъ рп. Парижской Корол. Библіотеки), гдѣ сказано, что „Климентъ, назначенный епископомъ Тиверіуполя или Великой (Τιβεριουπόλεως ἤτοι Βελιχῆς: городъ Тиверіополь потомъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Струмницы, по-тур. Уструмдже; Велица лежитъ къ югу отъ Струмницы), получилъ въ послѣдствіи отъ Болгарскаго *царя* Бориса (παρὰ Βορίσου βασιλέως Βουλγάρων) надзоръ за третьею частію Болгарскаго царства, простиравшеюся отъ Ѳессалоники до *Іерихо* и *Каникъ* или *Сипіата* (μέχρι Ἱεριχῶ καὶ Καννίνων ἤτοι Τασηπιάτου, чит. τοῦ Σηπιάτου)“. Означенные здѣсь города находятся на побережьѣ южной Албаніи: Іерихо и Канина у Авлоны, Сопоти въ Дельвинскомъ округѣ. Сравн. выше, стр. 82.

до сихъ поръ заселена отчасти Славянами. Очевидно, что славянская стихія переступила естественные предѣлы Албанской возвышенности, но остановилась на самомъ краю ея. Были ли войны между обоими народами въ отдаленную эпоху славянскаго переселенія, объ этомъ нѣтъ никакого воспоминанія. Мы сказали, что до XI столѣтія Албанцы совершенно неизвѣстны въ историческихъ памятникахъ: окружившая ихъ масса Славянъ, можно сказать, заслонила ихъ и закрыла отъ всего свѣта. Но нѣтъ сомнѣнія, что Славяне съ Албанцами не были непримиримыми сосѣдями. У Славянъ было слишкомъ достаточно хорошихъ земель, и имъ не за чѣмъ было вытѣснять Албанцевъ изъ ихъ негостепріимнаго края; а общихъ завоевательныхъ плановъ Славяне не имѣли. Такимъ образомъ Албанское племя осталось нетронутымъ среди Славянъ, такъ точно какъ прежде оно удержалось передъ Римскими войсками, а потомъ передъ царями Сербскими и султанами Турецкими. Это племя единственное въ восточной Европѣ, которое осталось, можно сказать, неизмѣннымъ въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ. Языкъ и обычаи его указываютъ несомнѣнно на происхожденіе отъ древнихъ Пелазговъ-Эпиротовъ, а бытъ и общественная жизнь его являются еще теперь такими, какія господствовали въ Греціи прежде временъ Гомера: ибо, какъ говоритъ изслѣдователь, изучившій нынѣшнихъ Албанцевъ во всей подробности и съ полною любовью, люди эти не достигли еще до степени быта народнаго, но живутъ отдѣльными племенами, подъ господствомъ родовой связи, кровной мести и кулачнаго права, чуждые даже вліянія религіи [1]).

Свидѣтельство мѣстныхъ именъ позволило намъ судить объ отношеніи сѣверной, нагорной Албаніи, оставшейся при прежнемъ населеніи, къ средней, по которой разлились Славяне. Труднѣе вывести заключеніе о тогдашнемъ этнографическомъ положеніи южной Албаніи, гдѣ нынѣ Албанцы-Тоски живутъ подлѣ Грековъ. Страна эта,

---

[1]) См. характеристику Албанцевъ у Гана, Albanesische Studien, въ особенности статьи: Geschlechtsverband (стран. 121), Verfassung der Gebirgsstämme im Bisthum Skodra (173). Вотъ общій выводъ Гана о бытѣ Албанцевъ (стр. 214): „mit dieser natürlichen Abgeschlossenheit (des Landes gegen Aussen) harmonirt der albanesishe Volksgeist auf das innigste, welcher sich in allen öffentlichen Beziehungen niemals über die Ideen des Faustrechtes, der Blutrache und des Stammverbandes zu erheben vermochte, und welcher daher noch heut zu Tage auf einer Culturstufe steht, welche die Römer und Hellenen dereits zu der Zeit hinter sich hatten, als sie in die Geschichte eintraten". — Тотъ же писатель, равно какъ и всѣ другіе путешественники, знакомые съ Албанцами, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ нихъ религіознаго начала: вѣра составляетъ главную жизненную стихію всѣхъ окружающихъ Албанію народовъ, Сербовъ, Болгаръ, Цинцаровъ, Грековъ; Албанцы же къ ней совершенно равнодушны; большая половина ихъ приняла магометанство; но магометанство также мало проникло въ ихъ бытъ, какъ христіанство, римское или православное, исповѣдуемое другою частью Албанскаго племени, первое на сѣверѣ, второе на югѣ Албаніи.

точно также какъ сосѣдняя часть Ливадіи, изобилуетъ славянскими названіями, перемѣшанными съ греческими и албанскими. Стало быть, и сюда проникли славянскіе поселенцы; но видно они не овладѣли цѣлымъ краемъ, а осталась часть древняго населенія, которая потомъ и поглотила въ себя пришельцевъ—Славянъ. Какое было политическое отношеніе обѣихъ стихій, подчинили ли Славяне Грековъ и Тосковъ, или туземцы укрылись въ неприступныхъ горахъ (гдѣ теперь Чамія и Сули), объ этомъ ничего нельзя сказать. Во всемъ этомъ краѣ только одна крѣпость Никополь оставалась во власти Византіи.

О собственной Греціи имѣемъ свѣдѣнія нѣсколько болѣе вѣрныя. — Вся Өессалія и Ливадія являются намъ въ VIII вѣкѣ въ рукахъ Славянъ. Лишь въ горахъ жили, какъ мы знаемъ, Влахи, потомки романскихъ поселенцевъ.—Аттика обратилась въ славянскую область Велесичей, и въ 799 г. князь этихъ Велесичей, Окоміръ (Ακάμηρος) распоряжался въ Аөинахъ и хотѣлъ было поставить Грекамъ императора по своему выбору [1]). Пелопоннисъ получилъ славянское имя *Мореи*, и въ немъ размѣстилось нѣсколько племенъ славянскихъ. Въ немногихъ только твердыняхъ и защищенныхъ горами прибрежныхъ городахъ держались Греки: въ Коринөѣ, въ Патрахъ, въ 3 гаваняхъ древней Мессеніи, именно Коронѣ, Модонѣ и Аркадіи (городѣ), въ Монемвасіи, Аргосѣ, Навпліи, и наконецъ въ южной части Лаконіи за хребтомъ Таигетскимъ, въ городѣ и краѣ, называемомъ Майна. Въ Коринөѣ сидѣлъ воевода, присылавшійся изъ Константинополя, а прочія мѣста защищались и управлялись сами собою.

Такимъ образомъ въ началѣ IX вѣка Греческое племя удерживалось только въ Цареградѣ и его окрестностяхъ, за Анастасіевою стѣною; въ нѣскольких прибрежныхъ укрѣпленныхъ городахъ; въ южной оконечности Лаконіи, да на островахъ Іоническихъ и Архипелага, и наконецъ на побережьѣ Малой Азіи. Но только въ Майнѣ сохранилось еще, вмѣстѣ съ поклоненіемъ Олимпійскимъ богамъ, древнее имя Эллиновъ. Можетъ быть въ Патрахъ и другихъ гаваняхъ Пелопонниса, также какъ на островахъ, народъ былъ тоже чисто Эллинской крови, хотя уже называлъ себя не иначе, какъ *Ромеями* (т. е. Римлянами) [2]). Но въ правительственномъ средоточіи, въ Цареградѣ, какъ видно изъ тогдашнихъ источниковъ, были не Эллины, а всякій сбродъ, остатки Өракійцевъ, Малоазіатцы разныхъ націй (Киликійцы, Понтійцы, Пафлагонцы и др.), Армяне, Сирійцы, множество огреченныхъ Го-

[1]) Өеофанъ, 734.

[2]) См. обо всемъ этомъ подробности у Фалльмерайера (Gesch. d. Halbinsel Morea) и Цинкейзена (Gesch. Griechenlands).

товъ, Славянъ и другихъ *варваровъ*. Весь этотъ сбродъ говорилъ по-гречески, гордился именемъ и міродержавными притязаніями Римлянъ, образованіемъ Эллиновъ и просвѣщеніемъ православныхъ христіанъ; и только какъ носитель этихъ высшихъ идей и воспоминаній стоялъ онъ высоко среди народовъ Европы, которымъ уступалъ и въ нравственной и въ вещественной силѣ.

Цареградъ потерялъ, какъ мы видѣли, въ теченіе VI, VII и VIII вѣка всѣ области Европейскія, отъ Дуная до оконечности Мореи. Могъ ли онъ существовать въ такомъ положеніи, отрѣзанный отъ Европейскаго материка? Правда, онъ держался своимъ флотомъ, своею торговлею и своею властію надъ Малоазіатскимъ побережьемъ и Архипелагомъ. Но и отсюда вліяніе и войска его вытѣснялись Арабскими халифами. Могъ ли Цареградъ существовать, сдавленный между Арабскимъ халифатомъ и Славянскими племенами, которыя уже подступали подъ стѣну, отгораживавшую его отъ Европы? Оба народа, Славяне и Арабы, уже начинали другъ съ другомъ знакомиться и не разъ уже подавали другъ другу руку противъ общаго врага—Византіи [1]). Цареградъ *долженъ* былъ искать себѣ спасенія подчиненіемъ славянскихъ племенъ.

Одинъ и тотъ же народъ славянскій, извѣстный нынѣ подъ именемъ Болгарскихъ Славянъ, распространился отъ Дуная до Мореи. Въ сѣверной полосѣ, между Дунаемъ и Балканами, этихъ Славянъ соединила государственнымъ союзомъ орда, приведенная изъ-за Дона Аспарухомъ. Было бы счастіемъ, если бы власть этого новаго государства распространилась по всему Задунайскому полуострову и обняла всѣ племена славянскія во Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи, Эпирѣ и Греціи. Но государство Аспарухово было, мы знаемъ насильственное; власть его была для Славянъ игомъ завоевателя. Славяне бѣжали отъ нея за горы и за море [2]). Аспарухъ и его преемники заняты были упроченіемъ своего господства въ томъ краѣ, гдѣ они первоначально водворились, и не могли помышлять о дальнѣйшемъ распространеніи. Если же они предпринимали походы, то устремлялись на богатый Цареградъ и тратили свои силы въ бою съ его искусными легіонами, вмѣсто того чтобы подумать о соединеніи всѣхъ Забалканскихъ Славянъ подъ своимъ знаменемъ. Когда имъ случалось нападать на этихъ Славянъ, то Славяне имъ противились, и охот-

---

[1]) См. извѣстія о союзахъ Славянъ съ Арабами въ 664 г. у лѣтописца Ѳеофана (стр. 532), въ 691 и 693 г. у него же, стр. 561, въ 754 г. у него же стр. 661; о сношеніяхъ Симеона Болгарскаго съ Африканскими Арабами говоритъ Кедринъ II, 356.

[2]) Въ 676 г. Славяне бѣжали отъ Болгаръ изъ-за Балкановъ въ Морею; въ 762 г. по свидѣтельству византійскихъ историковъ, до 208,000 чел. Славянъ переселилось изъ Болгаріи въ Виѳинію, въ Малой Азіи.

нѣе подчинялись умному и ловкому правительству Византійскому, нежели тяжелой власти Азіатцевъ-Болгаръ [1]). Такимъ образомъ Болгарскіе правители дали Византіи время оправиться и подчинить себѣ мало-по-малу разрозненныхъ Славянъ въ южной части Балканскаго полуострова.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ завоеванія Болгарами страны между Дунаемъ и Балканами, императоръ Юстиніанъ II успѣлъ подчинить своей власти славянскія племена около р. Струмы и Солуня (688 г.) [2]). Впослѣдствіи, Константинъ Копронимъ, пользуясь побѣдою, одержанною надъ Болгарами, которые были принуждены заключить миръ (755 г.), сдѣлалъ новый наступательный шагъ въ славянскихъ областяхъ; онъ частію разорилъ, частію же завоевалъ «тѣ славянскія области, что въ Македоніи» (такъ выразился лѣтописецъ Ѳеофанъ). Правда, что это завоеваніе было непрочное, и черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же императоръ принужденъ былъ черезъ пословъ сноситься съ князьями Македонскихъ Славянъ и выкупать у нихъ христіанскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ ими на островахъ Архипелага. Болгаре не заботились объ этихъ племенахъ; въ исходѣ VIII вѣка, знаменитая императрица Ирина собрала войско свое, и пользуясь краткимъ временемъ общаго мира (783 г.), послала патриція Ставракія въ походъ противъ Славянъ: онъ отправился къ Солуню, говоритъ лѣтописецъ, и оттуда въ Элладу, и подчинилъ имперіи всѣ славянскія племена; потомъ онъ вступилъ и въ Пелопонисъ и привезъ оттуда множество плѣнныхъ и добычи въ столицу. Тогда дано было Византіи видѣть странное торжество: полководецъ ея праздновалъ въ ипподромѣ тріумфъ не надъ какимъ нибудь отдаленнымъ непріятелемъ, а надъ Славянами, водворившимися на классической почвѣ Греціи. Но не смотря на тріумфъ Ставракія, славянскія племена въ Ѳессаліи, Ливадіи и Мореѣ оставались еще непокорными.

Между тѣмъ Болгарское государство въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка слагалось и крѣпло. Завоевательное правительство совоплощалось съ завоеваннымъ народомъ. Настала въ Болгаріи блестящая эпоха Крума и благодѣтельная эпоха Бориса. Византія была слаба. Легко бы было Болгарскому правительству подчинить себѣ мелкія, ни отъ кого не зависѣвшія, княжества славянскія въ Македоніи, Ѳессаліи и Греціи. Вся страна Охридская и весь сѣверъ Македоніи и Ѳракіи, дѣйстви-

---

[1]) Въ этомъ-то видна великая разница въ завоеваніи Задунайскихъ Славянъ Болгарами и Русскихъ Славянъ Варягами. Господство Болгаръ долго находилось въ опасности отъ возстанія завоеванныхъ племенъ, и никогда не въ состояніи было распространиться до естественныхъ границъ того народа, среди котораго оно утвердилось; власть Варяговъ скоро обняла всѣ восточныя Славянскія племена до естественныхъ ихъ границъ, и Рюриковичи не опасались возмущенія подданныхъ Славянъ.

[2]) См. выше, стр. 31.

тельно, вошелъ въ составъ державы Болгарской [1]); но она не обращала вниманія на болѣе отдаленныя племена славянскія, занимавшія почти весь югъ Балканскаго полуострова, она не думала привлекать ихъ къ себѣ. Она искала завоеваній, но завоеваній, можно сказать, политическихъ, а не народнихъ. Константинополь съ одной стороны, Сербія съ другой, вотъ что манило честолюбіе Крума и Симеона. Самимъ же Славянамъ, разселившимся въ греческихъ областяхъ, сосредоточиться и составить государство было совершенно невозможно. Для всѣхъ вообще Славянъ переходъ отъ племенной раздѣльности къ народному и государственному единству былъ самымъ труднымъ историческимъ подвигомъ: какая же была возможность, чтобы его совершили, безъ чужаго пособія, безъ внѣшней точки опоры, мелкія общины, расположившіяся, подъ управленіемъ своихъ жупановъ и князей, отъ Родопскихъ горъ до Солуня, отъ Солуня до Коринѳа, отъ Коринѳа до Спарты, въ странѣ, которая до такой степени изрѣзана цѣпями горъ и заливами, до такой степени неблагопріятна для общенія, какъ ни одна страна въ мірѣ?

И вотъ, въ пору самаго сильнаго развитія Болгарскаго государства, въ IX и первой половинѣ X вѣка, происходитъ постепенное завоеваніе этихъ славянскихъ общинъ Византіею, нравственное ихъ подчиненіе греческой жизни, ихъ эллинизація. Раздробленныя и безсильныя, онѣ не въ состояніи удерживать свою народность: обращаясь въ христіанъ, Славяне эти обращаются тотчасъ и въ византійскихъ Грековъ; Болгарія не даетъ имъ нравственной опоры; дѣло Кирила и Меѳодія, вышедшихъ изъ ихъ среды и имъ первоначально себя посвятившихъ, для нихъ однихъ остается безплоднымъ.

Въ то самое время, когда Крумъ устремляетъ на Византію всѣ силы Болгаръ, Аваровъ и Славянъ отъ Карпатовъ до Балкановъ, Византія въ западной Ахаіи, изъ-подъ Патръ начинаетъ свое прочное завоеваніе между Славянами. Славянскія общины, жившія въ окрестностяхъ Патръ, вдругъ стали тревожить эту греческую крѣпость. Славяне вошли въ сношеніе съ Африканскими Арабами и стали осаждать Патры, а предварительно разорили и выжгли всѣ жилища Пелопоннисскихъ Грековъ, какія находились въ открытомъ полѣ. Граждане Патрскіе уже рѣшились сдать городъ и покориться Славянамъ: къ нимъ не шелъ на выручку давно ожидаемый византійскій стратигъ (военачальникъ) изъ Коринѳа. Какъ при великомъ нападеніи Славянъ на Солунь въ 676 году, такъ и здѣсь въ Патрахъ, въ 807-мъ, нужно было чудо, нужна была вѣра въ видимое заступленіе святаго, чтобы подкрѣпить падающій духъ христіянъ и спасти важнѣйшую грече-

---

[1]) См. выше, стр. 76, 77.

скую твердыню въ Мореѣ отъ славянскаго наводненія. Самъ первозванный Апостолъ явился въ видѣніи и вселилъ въ Патрскихъ гражданъ увѣренность, что къ нимъ приближается Коринѳскій воевода, и этимъ побудилъ ихъ къ нежданной вылазкѣ: граждане видѣли, какъ онъ, несясь передъ ихъ рядами на бѣломъ конѣ, поражалъ Славянъ. Затѣмъ пришло Византійское войско и нанесло новый ударъ Славянамъ, уже разбитымъ осажденными гражданами. Славяне должны были покориться императору, который велѣлъ приписать ихъ, какъ данниковъ, къ Патрской митрополіи св. Андрея: «до этого времени, свидѣтельствуетъ одинъ древній памятникъ [1]), въ продолженіе 218 лѣтъ ни одинъ Римлянинъ (т. е. Грекъ, христіанинъ) не могъ безопасно ступить на Пелопоннисской землѣ». — Но не всѣ еще Морейскіе Славяне покорились тогда, а только тѣ племена, которыя занимали Ахаію; да и они не разъ еще колебались въ своемъ подданствѣ. Между 830 и 840 г. всѣ Пелопоннисскіе Славяне находились опять въ полной независимости и безпрестанно нападали на греческія селенія. Наконецъ выслали противъ нихъ легіоны изъ Константинополя: «полководецъ Ѳеоктистъ подчинилъ тогда, — такъ пишетъ Константинъ Багрянородный, — всѣхъ Славянъ въ Ѳессаліи и Элладѣ, и Пелопоннисскія племена, которыя никогда еще не были покорены; одни оставались еще свободными Езерцы и Миляне въ Лакедемоніи и Элидѣ, въ неприступныхъ городахъ Пентедактила, Миляне на одномъ склонѣ, Езерцы [2]) на другомъ; но и тѣхъ удалось Ѳеоктисту побѣдить, и онъ наложилъ на нихъ дань, на Милянъ въ 60 монетъ (золотыхъ), на Езерцевъ въ 300». Но потомъ, при императорѣ Романѣ, вдругъ пришло, повѣствуетъ тотъ же историкъ, извѣстіе отъ Коринѳскаго воеводы, что (около 940 г.) Миляне и Езерцы возстали, не хотятъ слушаться воеводы и императорскихъ повелѣній, не принимаютъ князя, котораго воевода имъ назначилъ, отказыватюся давать людей въ военную службу и платить подать. Посланный въ Пелопоннисъ военачальникомъ Кринитъ получилъ самыя строгія предписанія. Принялся онъ за дѣло въ Мартѣ мѣсяцѣ и до Ноября жегъ и опустошалъ жилища Славянъ; Миляне и Езерцы наконецъ поддались, и принуждены были платить уже по 600 золотыхъ въ годъ. Вскорѣ однако начались между самими Византійскими начальниками въ Пелопоннисѣ замѣшательства, и въ то же время

---

[1]) Грамота патріарха Николая отъ 1081 года, составленная по записямъ Патрской митрополіи; см. Fallmerayer, Gesch. d. H. Morea, 183.

[2]) Замѣчательно, что въ эпоху Византійскую древнее имя Элиды, ἡ Ἠλεῖα или Ἦλις измѣнилось въ форму τὸ Ἕλος, что значитъ именно *озеро* (также прудъ и болото); дѣйствительно, Элида есть самый низменный и богатый водою край Пелопонниса.

вторглись туда, вѣроятно на своихъ ладьяхъ, какіе-то *Славишане* [1]) (Σκλαβησιανοί), т. е. славянскіе поселенцы, водворенные подъ надзоромъ Византійскихъ властей въ сѣверозападномъ углу Малой Азіи, почти насупротивъ Константинополя, въ окрестностяхъ Никеи, Апамеи и древней Трои, и обязанные, за извѣстное жалованье, служить въ Византійскихъ войскахъ. Езерцы и Миляне воспользовались этими обстоятельствами и потребовали у императора сбавки дани. Императоръ Романъ побоялся, чтобы Славяне не соединились съ *Славишанами* и не отторгли совершенно Пелопонниса отъ имперіи; онъ согласился и освободилъ ихъ отъ надбавленной въ послѣднее время подати.

Такъ еще въ половинѣ X вѣка Славяне въ Пелопоннисѣ страшили Византійскаго государя. Что сдѣлалось съ возмутившимися *Славишанами*, неизвѣстно; объ Езерцахъ и Милянахъ съ тѣхъ поръ тоже не слышно. Славянскія племена въ Греціи жили мирно и все болѣе и болѣе сливались съ греческою стихіею. Болгарія объ нихъ не знала. Славянскія племена въ южной Македоніи и Ѳессаліи, менѣе недоступныя, чѣмъ Миляне и Езерцы, которыхъ защищали крутизны Пентедактила, еще скорѣе и легче подчинились Византійской имперіи. Нѣкоторыя изъ нихъ, граничившія съ Болгаріею, платили дань Болгарскому правительству; но оно и объ нихъ, какъ кажется, мало заботилось и предоставляло ихъ греческому вліянію. Выпишу нѣсколько строкъ изъ византійскаго историка Каменіаты: «На богатой хлѣбородной равнинѣ, простирающейся между Солунемъ и Верріею, разбросаны, говоритъ онъ, славянскія деревни. Ближайшія къ Солуню, именно селенія Дреговичей и Сакулатовъ, зависятъ отъ Солунскихъ властей» [2]); «другія на р. Стримонѣ (Струмѣ), составляютъ особую область подъ управленіемъ императорскаго стратига» [3]); «иныя же платятъ дань не вдалекѣ живущему народу Болгарскому [4]). Тѣ и другіе (т. е. Византійскіе и Болгарскіе подданные) находятся въ близкомъ между собою сосѣдствѣ и чрезъ нихъ идутъ торговыя сношенія съ Болгарами, приносящія городу Солуню большія выгоды въ мирное время. Впрочемъ, нападенія этихъ народовъ на Солунь давно прекратились: особенно съ тѣхъ поръ, какъ между ними распространилось христіанство, городъ пользовался совершенною безопасностію». Это извѣстіе историка Каменіаты относится къ послѣднимъ годамъ IX-го и началу X-го вѣка, именно ко времени наибольшаго могуще-

---

[1]) Σκλαβησιανοί: см. объ нихъ Конст. Багр. de adm. imp. 50 и de caerim. II, 44. Область въ которой они были поселены, называлась Οψίκιον: см. о ней его же, de them. I. 4.

[2]) Cameniata, 496.

[3]) Cameniata, 514.

[4]) Каменіата вмѣсто *Болгаръ* употребляетъ имя *Скиѳовъ*.

ства Болгаріи при Симеонѣ; и тогда у нея были подъ рукою славянскія племена, которыя платили дань греческому городу, повиновались греческому стратигу! Стоило бы Симеону захотѣть, и Дреговичи, Сакулаты и Струменцы перешли бы подъ его державу; но ему было не до нихъ. — У этихъ Македонскихъ Славянъ, завоеваніе которыхъ Греками относится, какъ мы знаемъ, еще къ 688 г., былъ въ IX вѣкѣ воеводою, поставленнымъ отъ Греческаго императора, великій Меѳодій, прежде нежели онъ посвятилъ себя апостольской проповѣди. Струменцы оставались постоянно въ покоѣ и служили въ Греческомъ войскѣ. — Византійская политика придумала весьма дѣйствительное средство для того, чтобы утвердить свое господство въ Македоніи. Императоръ Ѳеофилъ (829—842) принялъ въ свое подданство около 14,000 людей Турецкаго племени, перешедшихъ въ Малую Азію изъ Персіи (гдѣ въ то время кочевали многочисленныя орды Среднеазіатскихъ выходцевъ, въ родѣ нынѣшнихъ Туркменцевъ и Каракалпаковъ). Этихъ дикарей онъ перевелъ въ Европу и поселилъ ихъ въ Македоніи, на р. Вардарѣ, подлѣ Славянъ-Дреговичей и Струменцевъ, обязавъ ихъ только къ службѣ въ своихъ легіонахъ. Вотъ происхожденіе такъ-называемыхъ Турокъ-Вардаріотовъ или Персовъ-Вардаріотовъ (оба имени употребляются безразлично), съ IX вѣка неоднократно упоминаемыхъ въ византійскихъ памятникахъ и еще въ XV-мъ сохранявшихъ свою народную особенность, свой языкъ, свою красную одежду и длинныя, узкія шапки, и свое особенное мѣсто въ придворныхъ церемоніяхъ Византійскаго двора [1]). При переселеніи въ Европу, Турки-Вардаріоты были мусульманами; ихъ мало-по-малу обращали въ христіанство, и уже въ X вѣкѣ подъ вѣдѣніемъ Солунскаго митрополита находилась епархія «Вардаріотовъ или Турокъ» (Βαρδαρειωτῶν ἤτοι Τούρκων); богослуженіе совершалось у нихъ на народномъ языкѣ, какъ доказываютъ рукописные отрывки стариннаго перевода Евангелія на Турецко-Татарскій языкъ, найденные Французскимъ путешественникомъ у ихъ потомковъ, употребляющихъ доселѣ это нарѣчіе [2]). Вѣроятно, отъ этихъ Вардаріотовъ произошли поселенія Турокъ въ Охридской области: мы находимъ ихъ тамъ по извѣстіямъ XII вѣка [3]), но эти поселенія образовались, конечно, гораздо прежде. Одна старинная Болгарская рукопись намекаетъ, къ сожалѣнію въ весьма неопредѣлительныхъ выраженіяхъ, на то, что въ Болгаріи существовалъ какой-то магометанскій край и что постановлены были церковныя узаконенія, какъ на случай пе-

---

[1]) Codinus de offic. aul. Const. — ἐνδύματα ἐρυθρά,... ἐπὶ κεφαλῆς δὲ περσικὸν φόρεμα, ἀγγουρωτὸν ὀνομαζόμενον etc. См. о Вардаріотахъ, Tafel, Thessalonica, 79.

[2]) Poucqueville, Voyage de la Grèce, III, 74.

[3]) Anna Comnena IV, 109.

рехода тамошнихъ мусульманъ въ христіанство, такъ и для предупрежденія того, чтобы христіане, селившіеся въ томъ краѣ, не совращались въ магометанство [1]). Можетъ быть, это относится именно къ поселенію турецкихъ выходцевъ въ Охридской странѣ. Какъ бы то ни было, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Турки-Вардаріоты враждовали съ славянскими племенами, среди которыхъ Византія водворила ихъ, какъ непрошенныхъ гостей, и что они служили ей отличнымъ орудіемъ для того, чтобы слѣдить за Славянами, разобщать ихъ и подчинять своей власти.

Около 850 или 860 года Сакулаты почему-то прогнѣвались на греческое начальство; они стали бунтовать и уходить въ горы. Тогда императоръ Михаилъ призвалъ въ Царьградъ ихъ старшинъ; онъ сидѣлъ въ золотой гридницѣ (хрисотриклиніи) на престолѣ, въ коронѣ, облеченный въ багряницу съ золотою каймою, усыпанную дорогими каменьями; привратникъ являлся съ жезломъ, и вводилъ къ императору славянскихъ старшинъ, одного за другимъ, въ сопровожденіи логоѳета (министра); императоръ говорилъ съ каждымъ и отпускалъ его; потомъ тѣмъ же порядкомъ представлялись ему и другіе Славяне изъ Солунскаго округа, и онъ разговаривалъ съ ними и жаловалъ каждому рубаху (ἐσωφορίον) «въ знакъ покорности» (такъ именно говоритъ Константинъ Багрянородный), и отпускалъ ихъ восвояси. Такъ утверждала Византія, силою и ласкою, власть свою надъ разрозненными Славянами въ Ѳракіи, Македоніи и Греціи. Иго было вначалѣ не тяжелое, но соблазнительное. Всякъ, и Грекъ и варваръ, былъ одинаковымъ членомъ государства и могъ дослужиться до высшихъ почестей, достигнуть престола: христіанство скрѣпляло союзъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ купель крещенія сочетала Скиѳовъ съ христіанскимъ народомъ, говоритъ византійскій писатель, и млеко благочестія потекло для обоихъ, прекратилось разореніе городовъ, потерялъ силу губительный мечъ и водворилось мирное общеніе». Есть одно извѣстіе [2]), свидѣтельствующее объ отношеніяхъ Византійской власти къ Славянамъ, занимавшимъ Македонію, въ первыхъ годахъ X вѣка. Въ 904 г. страшная сила Арабовъ подплыла къ Солуню и

---

[1]) Вукъ Караджичь, Примјери Српско-Славенскога језика, стр. 7, приводитъ мѣсто изъ пергаменной рукописи Болгарскаго письма (вѣроятно XIV вѣка, какъ мнѣ показалось при видѣ этой рукописи): „Аще кто въ Бльгарѣхъ бѫдеть въ больмытѣхъ (лучше бы можно было прочесть *бохъмытѣхъ*), христианинь волеѫ въстѫпить въ бохьмытьскѫѫ вѣрѫ, а не нѫждеѫ. и пакы приложитсѧ емоу пріити въ христиание и помѣнѫвсѧ, и обратитсѧ въ вѣрѫ христианьскѫѫ, да таже епитомиꙗ доушегоубьнаа отне и матере и доуховьнаго отца и братиие и сестриие. Аще кто волеѫ въстѫпить на крьсть въ бльгарѣхъ или мѫжь или жена и обратитсѧ въ вѣрѫ христианьскѫѫ да въсприметь опитомнѫ доушегоубиꙗ.

[2]) Cameniata 514 и далѣе.

осадила городъ. Начальникъ Солунскій, Никита, сталъ ободрять испуганныхъ, непривыкшихъ къ оружію жителей: «къ намъ придетъ на помощь, говорилъ онъ, великое множество сосѣдей нашихъ Славянъ (Σκλαβήνων), какъ изъ нашей области, такъ и изъ области Струменскаго воеводы. Это народъ искусный въ стрѣльбѣ изъ лука, такъ что мы не останемся безоружными передъ врагомъ, будетъ у насъ съ чѣмъ встрѣтить его напоръ». — «Онъ тотчасъ принялся за дѣло, говоритъ далѣе византійскій писатель, очевидецъ осады: написавъ письма, разослалъ ихъ по всей окрестности, призывая Славянъ итти скорѣе на помощь, надлежащимъ образомъ вооруженными. Но ихъ явилось только небольшое число, и то люди негодные и неприготовленные къ битвѣ. Это произошло оттого, что эти Славяне были поручены начальству дурныхъ и беззаконныхъ правителей, которые помышляли только о собственной прибыли и неистово брали взятки (δωροληψίαις ἐπιμαινόμενοι). Два и три раза и много разъ писалъ Никита къ Струменскому воеводѣ, выказывая ему, какая на него падетъ отвѣтственность за промедленіе, — Струменскій воевода все-таки не шелъ и никого не слалъ на выручку. Такъ, заключаетъ очевидецъ, обмануты были наши надежды на союзниковъ-Славянъ». Но при всемъ томъ, изъ ближайшихъ мѣстъ Славянъ стеклось въ городъ не мало, и осажденные разставили ихъ въ разныхъ мѣстахъ по стѣнамъ, чтобы мѣтить въ непріятеля стрѣлами. Не долго сражались они такимъ образомъ за Грековъ; при первомъ удобномъ случаѣ они достали ключъ отъ одниxъ изъ городскихъ воротъ и ушли, говоря жителямъ, которые хотѣли остановить ихъ, что идутъ звать на помощь свою братью изъ Струменской области. Солунь палъ и сдѣлался жертвою Арабовъ. Могли ли Греки ожидать болѣе усерднаго содѣйствія отъ Славянъ, которыхъ, по собственному своему признанію, притѣсняли и грабили безсовѣстно? Но все-таки эти заброшенныя въ далекомъ краѣ и предоставленныя своему врожденному разъединенію славянскія племена не въ силахъ были избавиться отъ вліянія и власти греческой стихіи, вооруженной силою образованности и государственнаго строя.

Окончательное подчиненіе Пелопонниса около 940 г. завершило Византійское завоеваніе между Славянами на югъ отъ Болгарской границы. Вскорѣ за тѣмъ дошла очередь и до Болгаріи. Цимисхій уже не опасался Македонскихъ и Греческихъ Славянъ, когда шелъ покорять Болгарію. Въ 971 г. не стало государства Болгарскаго, основаннаго завоеваніемъ Аспаруха. Болгарія получила греческихъ начальниковъ и греческіе гарнизоны, точно такъ какъ и другія славянскія области имперіи, какъ Македонія, Өессалія, Ливадія, Морея. Слѣдуя примѣру императора Өеофила, переселявшаго въ Македонію

Турокъ, Іоаннъ Цимисхій водворилъ значительныя колоніи Армянъ въ южныхъ областяхъ Болгарскихъ, преимущественно въ окрестностяхъ Филиппополя [1]). Лишенный своего правительства и предоставленный самому себѣ, народъ Болгарскій сначала подчинился крѣпкой системѣ Византійской администраціи съ такою же страдательною покорностью, съ какою подчинялись ей славянскія племена подъ Солунемъ и Патрами. — Византія, за два вѣка передъ тѣмъ стѣсненная въ уголкѣ у Босфора и Мраморнаго моря, теперь властвовала надъ Славянами отъ Дуная до оконечности Мореи. Но долго ли понесетъ это иго такая огромная масса славянскаго народа, еще свѣжаго и цѣльнаго, еще неистощеннаго борьбою, еще не переработаннаго византійскою жизнію? Нѣтъ, не долго: онъ возстанетъ, и возстаніе будетъ страшное. Теперь уже общая участь, общее иго византійское, связало народъ Болгарскій, т. е. славянскій народъ въ Болгаріи, съ братьями его, которыми прежнее правительство Болгарское пренебрегло, съ Славянами Солунскими, Ѳессалійскими, Ливадійскими и Морейскими, — и возстанетъ не одинъ народъ Болгарскій, а все Славянство отъ Дуная до Мореи. Трудно будетъ тогда Византіи бороться [2]).

---

[1]) См. объ этомъ ниже, въ гл. IV-той.

[2]) Слѣдующее къ настоящей главѣ приложеніе, о Славянскихъ поселеніяхъ на Греческой землѣ, помѣщено въ концѣ этого сочиненія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возстаніе Болгаръ. Первыя дѣйствія Самуила. Освобожденіе славянскихъ племенъ въ греческихъ областяхъ (976—986).

Могущественный Іоаннъ Цимисхій царствовалъ только четыре года послѣ завоеванія Болгаріи. «Еще передъ его смертію явилась, говоритъ лѣтописецъ, длиннохвостая комета и свѣтила болѣе двухъ мѣсяцевъ, предвѣщая близкую смерть императора и неизреченныя бѣдствія, какія готовились государству отъ внутреннихъ войнъ».

Въ 976 г. Цимисхій умеръ. На престолѣ Византійскомъ остался двадцатилѣтній юноша Василій [1]), сынъ императора Романа. Азіатскій военачальникъ Варда провозгласилъ себя императоромъ и долго воевалъ съ полководцами Василія, пока его наконецъ побѣдили и заставили бѣжать къ Арабамъ. Солнце затмилось и звѣды показались въ полдень: Византія ожидала чего-то страшнаго. Слухъ пронесся по всей землѣ Болгарской, по всѣмъ славянскимъ племенамъ, подданнымъ Византіи, что побѣдителя Цимисхія не стало и что греческія войска заняты междоусобною войною въ Азіи. Болгаре возстали тотчасъ и избрали себѣ въ начальники четырехъ братьевъ, Давида, Моисея, Аарона и Самуила, сыновей одного изъ могущественнѣйшихъ своихъ бояръ [2]). Такъ повѣствуетъ лѣтописецъ Θеофанъ. — Отчего не пред-

[1]) Вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Константиномъ.

[2]) Византійцы называли ихъ *комитопулами*, т. е. сыновьями *комита* (латинск. comes). Армянскій историкъ Асохигъ (перев. Эмина стр. 175) означаетъ ихъ подъ тѣмъ же названіемъ (комсадзагъ). Этотъ историкъ прибавляетъ, что Самуилъ былъ родомъ Армянинъ изъ Дерджанскаго округа. Армянское происхожденіе новой Болгарской династіи не представляетъ въ себѣ ничего невозможнаго, ибо мы знаемъ, что еще въ IX вѣкѣ въ Болгарію проникали Армяне (см. выше, стр. 58); однако кажется вѣрнѣе предположить, что эта династія принадлежала къ приверженцамъ павликіанства или богомильства, которое признавалось въ Болгаріи за *Армянскую ересь*, и что историкъ-Армянинъ, услыхавъ объ армянскомъ исповѣданіи новыхъ царей Болгарскихъ, вывелъ изъ этого, будто они были родомъ изъ Арменіи. Ничего въ характерѣ Самуила и его династіи не намекаетъ на иностранное происхожденіе; а есть, напротивъ, указанія, по которымъ мы можемъ заключить, что они едва ли были православные. Вообще разсказъ Асохига о возстаніи Болгаръ противъ Греческой вла-

водили ими преемники прежнихъ ихъ царей? Весь родъ Петра, говоритъ тотъ же Θеофанъ, погибъ въ минувшихъ войнахъ; оставались только его два развѣнчанныхъ сына, Борисъ и Романъ, которыхъ держали въ Константинополѣ. Узнавъ о возстаніи въ своемъ отечествѣ, они оба ушли изъ плѣна. Но Бориса, не успѣвшаго снять византійское платье и надѣть болгарское, убилъ на дорогѣ какой-то Болгаринъ, принявъ его за Грека. Романъ (оскопленный въ Константинополѣ по приказанію Цимисхія), прибылъ въ Болгарскій станъ, но принятъ былъ не какъ царь и какъ вождь, а какъ подданный новыхъ, признанныхъ народомъ, правителей. —Это извѣстіе лѣтописца весьма важно. Народъ Болгарскій знаетъ, что въ Константинополѣ живутъ законные наслѣдники престола; но онъ не зоветъ ихъ, не дожидается ихъ возвращенія, а прямо беретъ себѣ въ вожди новыхъ людей; когда внукъ великаго Симеона возвращается на родину, никто объ немъ не заботится, и онъ принужденъ, затаивъ злобу, принять отъ новой династіи, какъ милость, начальство надъ городомъ Скоплемъ [2]) и Скопльскою областію. Такимъ образомъ это возстаніе

сти весьма неточенъ. Онъ начинаетъ съ того, что приписываетъ императору Василію переселеніе въ Македонію Армянъ, для противодѣйствія Болгарамъ, тогда какъ это было дѣломъ Іоанна Цимисхія; тому же Василію присвоиваетъ первоначальное завоеваніе Болгаріи; Самуила называетъ старшимъ изъ братьевъ, предводительствовавшихъ возстаніемъ, тогда какъ онъ былъ младшій. Вотъ его слова: „Императоръ Василій повелъ *комсадцаговъ*, т. е. Самуила и его брата (другой армянскій историкъ Чамчіанъ называетъ этого брата, опять-таки неправильно, Мануиломъ: см. Эмина, тамъ же) съ гвардейскими своими полками въ Македонію на войну противъ Булхаровъ. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, они отложились отъ Греческаго императора, перешли къ царю Булхарскому Курту, и какъ мужи храбрые, достигли высокихъ почестей. Послѣ того Греческій царь Василій взялъ на войнѣ Булхарскаго царя Курта, а *комсадцаги*, завладѣвъ всею Булхарскою страной, возстали жестокою войною противъ Греческаго императора“.—Имя *Куртъ*, по замѣчанію г. Эмина, можетъ значить „скопецъ“; у другаго Армянскаго историка, Самуила Анійскаго, Болгарскій царь, низложенный Василіемъ, названъ также Алусіаномъ: „Императоръ Василій, сказано въ хронографѣ Самуила Анійскаго подъ 995 г., пошелъ на Булхарію, откуда принужденъ былъ бѣжать. По прошествіи шести лѣтъ онъ собралъ большое войско и снова пошелъ: схватилъ Булхарскаго царя *Кута, онъ же Алавсіанъ*, и извелъ его смертоносньмъ ядомъ; жену и сыновей отвелъ въ плѣнъ“. Во всѣхъ этихъ Армянскихъ извѣстіяхъ первое завоеваніе Болгаріи Цимисхіемъ спутано съ эпохою царствованія Василія и съ позднѣйшими событіями, въ которыхъ является Алусіанъ, сынъ Аарона, старшаго брата Самуилова. Любопытно впрочемъ, что Армянскіе историки занимаются довольно подробно дѣлами Болгаріи въ концѣ X-го и XI-мъ вѣкѣ, тогда какъ они вообще не упоминаютъ о событіяхъ у иностранныхъ народовъ, когда эти событія не имѣютъ какого либо отношенія къ Арменіи, да и о самой Болгаріи почти не говорятъ прежде этого времени. Видно, что учрежденіе Цимисхіемъ армянскихъ колоній на границахъ Болгаріи обратило вниманіе Армянъ на эту страну и они стали записывать о ней извѣстія. Только извѣстія эти путались, и этимъ объясняется неточность показаній Асохига и другихъ армянскихъ историковъ о болгарскихъ дѣлахъ.

[2]) Теперь по-турецки Ускюпъ, въ Македоніи.

Болгарскаго народа соединено съ явнымъ отреченіемъ отъ его прежняго правительства. Народъ Болгарскій идетъ за новыми вождями. И дѣйствительно, въ немъ, мы увидимъ, какъ будто бы началась какая-то новая жизнь.

Возстаніе, безъ сомнѣнія, готовилось еще при Цимисхіи: ибо, по свидѣтельству лѣтописца, оно вспыхнуло при первой вѣсти объ его смерти.

Куда дѣвались Греческіе гарнизоны, оставленные Цимисхіемъ въ Болгаріи? Объ нихъ больше не говорится. Вѣроятно они частью были перерѣзаны или ушли, частью же, сдавшись Болгарамъ, были приняты въ ряды ихъ войска [1]). Дерстръ (Силистрія), можетъ быть, держался еще. Но возстаніе приняло характеръ общей народной войны: царевича Бориса подстрѣлили на дорогѣ, именно потому, какъ говоритъ лѣтописецъ, что онъ былъ одѣтъ по-гречески.

Гдѣ средоточіе возстанія и гдѣ будетъ главное поприще войны съ Греками? Родина новыхъ вождей Болгарскихъ — городъ Терновъ на Янтрѣ, въ срединѣ собственной Болгаріи. Столица возобновленной Болгаріи будетъ уже не на востокѣ, въ Балканахъ, гдѣ былъ престолъ прежней династіи, а на западномъ краю Болгарской земли, въ Преспѣ близъ Охридскаго озера. Главныя силы новой Болгаріи будутъ сосредоточиваться въ Срѣдцѣ (Софіа), въ Скоплѣ, Прилѣпѣ, Охридѣ, Струмницѣ, Могленѣ, Меленикѣ, Островѣ, Воденѣ, и другихъ городахъ Македоніи и Албаніи. Вотъ гдѣ сердце новой Болгаріи, въ областяхъ Загорской и Котокійской [2]), которыя, не вошедши въ составъ первоначальныхъ завоеваній орды Аспаруховой, были, конечно, наименѣе затронуты пришлою стихіею заволжскихъ Болгаръ завоевателей и потомъ почти всегда оставались въ сторонѣ при борьбѣ Болгарскихъ государей съ Византіею. Сѣверо-восточная часть Болгаріи у Чернаго моря, между Дунаемъ и Балканами, бывшая дотолѣ основою Болгарской державы, теперь стала совершенно въ тѣни за этими свѣжими славянскими землями, впервые выступавшими на поприще исторической борьбы. Поле кровавыхъ битвъ Святослава съ Цимисхіемъ, старая, Придунайская и Черноморская Болгарія какъ будто истощилась и омертвѣла. Мы знаемъ, что города ея, Прѣславъ Великій, Прѣславецъ, Бдынь (Видинъ) и Плесковъ признали власть новаго государя Болгарскаго Самуила [3]); но что

---

[1]) См. Кедрина II, 436 (по Боннскому изд.).

[2]) Подразумѣваю подъ именемъ *Загорія* въ обширномъ смыслѣ всю прилегающую къ Балканскому хребту часть Ѳракіи; имя Котокіе означало, какъ кажется, болгарскую часть Македоніи и средней Албаніи (сравн. выше, стр. 76).

[3]) Нишъ, кажется, въ началѣ отъ него не зависѣлъ; см. ниже, дарственную запись Пинчія.

сталось съ Дерстромъ, съ Варной, съ Месемвріей, съ Анхіаломъ, этими главными крѣпостями и пристанями Симеона? Объ нихъ нѣтъ и помину. Жизнь Болгаріи перешла съ Дуная и Черноморья въ поля Македоніи и долины средней Албаніи.

Первыя событія въ возродившейся Болгаріи не описаны въ византійскихъ хроникахъ. Онѣ говорятъ только, что возстаніе произошло тотчасъ послѣ смерти Цимисхія (976), и потомъ переходятъ къ разсказу о происшествіяхъ, случившихся нѣсколько лѣтъ спустя, когда Греческій императоръ пошелъ войною на Болгаръ. Это весьма понятно: первые годы царствованія Василія II были заняты усмиреніемъ легіоновъ, возмущенныхъ воеводою Вардою; противъ Варды посланы были въ Азію всѣ вѣрныя императору войска; на эту войну было обращено исключительно вниманіе Цареградскихъ жителей. Что̀ дѣлалось въ Болгаріи, ихъ не занимало, пока императоръ Василій не рѣшился вступить съ нею въ борьбу. Вотъ почему современный цареградскій лѣтописецъ и не счелъ за нужное разсказывать намъ о дѣлахъ, казавшихся ему не важными, какъ-то о ходѣ Болгарскаго возстанія, объ устройствѣ новаго государства Болгарскаго, о завоеваніи того или другаго края. На все это онъ только намекнулъ въ нѣсколькихъ общихъ словахъ. — Мы не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ города Охридъ, Преспа, Скопле, Срѣдецъ (Софіа), Терновъ, Прѣславъ, однимъ словомъ вся средняя, нагорная полоса Балканскаго полуострова освободилась отъ Грековъ и стала подъ скиптромъ новой народной династіи. Когда императоръ Василій пошелъ на Болгаръ, всѣ эти города находились уже въ ихъ рукахъ.

Весьма неточнымъ кажется тоже въ повѣствованіи Византійцевъ извѣстіе, будто бы четыре брата-боярича были, при возстаніи Болгаръ, тотчасъ избраны и признаны за вождей. Возстаніе это не было частною попыткою какой нибудь шайки, а общимъ, всенароднымъ дѣломъ. Весь ходъ послѣдующихъ событій доказываетъ это. Кто же сдѣлался государемъ новой Болгаріи? Царевичу Роману она не присягнула, стало быть народъ уже призналъ или по крайней мѣрѣ имѣлъ въ виду признать какого нибудь другаго правителя, и притомъ одного, а не нѣсколькихъ: предполагать иначе, значило бы противорѣчить всѣмъ явленіямъ Болгарской исторіи. — Кто былъ отецъ четырехъ братьевъ, вождей Болгарскихъ?

Вспомнимъ, что еще во время перваго похода Русскаго князя Святослава въ Болгарію, противники династіи Аспаруховой и византійскаго вліянія возбудили мятежъ въ народѣ. Во главѣ возстанія были тѣ же четыре бояриича, которые являются предводителями Болгаръ послѣ смерти Цимисхія. Кажется, что тогда же (въ 968 г.) отецъ ихъ провозглашенъ былъ царемъ. Отца ихъ древнія извѣстія, къ со-

жалѣнію весьма неопредѣлительныя и сбивчивыя, называютъ двумя именами: Шишманомъ и Мокромъ. [1]) Торжество Цимисхія на нѣсколько времени подавило стремленія этого боярскаго рода и заглушило имена народныхъ вождей Болгарскихъ. Вѣроятно, они скрылись гдѣ нибудь въ горахъ Албаніи, за Охридомъ, и при первомъ удобномъ случаѣ возобновили тамъ свои дѣйствія противъ Грековъ. Нѣтъ сомнѣнія, что новымъ царемъ Болгарскимъ былъ могущественный бояринъ Шишманъ-Мокръ, отецъ Давида, Моисея, Аарона и Самуила. Царемъ Болгарскимъ именуетъ его и Анна Комнина и одна древняя запись, принадлежавшая церкви св. Михаила въ Солинѣ (Salona, близъ Сплѣта — Spalatro — въ Далмаціи). Современные византійскіе лѣтописцы не упоминаютъ о царѣ Шишманѣ-Мокрѣ, родоначальникѣ новой Болгарской династіи. Почему? Потому что они пропустили, какъ я сказалъ, всѣ событія, совершившіяся въ Болгаріи отъ начала возстанія до вмѣшательства императора Василія въ 986 г. А тогда уже Шишмана-Мокра не было на свѣтѣ. Вотъ что гласитъ упомянутая Далматинская запись:

«Въ 994 году, 9 Февраля, когда царствовалъ святотатственный и беззаконный царь (imperator) Стефанъ (это второе имя Самуила) [2]) въ землѣ Болгаръ и въ прочихъ краяхъ. Вотъ я Пинчій [3]) отмѣтилъ и записалъ на память потомкамъ нашимъ, что мы, будучи сродниками царя Стефана, часто упрекали его въ преступленіи имъ совершенномъ: ибо онъ ослѣпилъ своего отца, а нашего дядю, благочестиваго, христолюбиваго, праведнаго государя царя (imperatorem) Шишмана. Посему онъ изгналъ насъ, братьевъ и сродниковъ своихъ,

---

[1]) Сравн. выше, стр. 143, 145. Имя Мокра, отца Самуила и братьевъ его сохранила Анна Комнина, VII, 3. ἀφ' οὗ δὲ Μόκρος ὁ τῶν Βουλγάρων βασιλεὺς καὶ οἱ ἐξ ἐκείνου γενόμενοι καὶ προσέτι γε Σαμουὴλ ὁ τελευταῖος τῆς Βουλγαρικῆς δυναστείας, καθάπερ ὁ Σεδεκίας τῶν Ἰουδαίων, τῆς ἑσπέρας κατέδραμον. Имя царя Болгарскаго Мокра и вообще личность отца Самуилова, имѣвшаго однако очевидно великое значеніе въ Болгарской исторіи, до того загадочны и темны, что, развѣ при открытіи новыхъ источниковъ, удастся узнать о немъ что-нибудь положительнѣе. Впрочемъ, не должно удивляться, что одно и то же лицо является въ историческихъ памятникахъ съ двойнымъ именемъ; таковъ былъ обычай того времени въ Болгаріи, какъ видно изъ многихъ положительныхъ извѣстій.

[2]) Что этотъ Болгарскій царь *Стефанъ* то же лицо, что Самуилъ, несомнѣнно при свидѣтельствѣ хронологическихъ и историческихъ данныхъ. Я уже сказалъ, что тогдашніе Болгаре носили часто два, а иногда и три имени. Племянникъ Самуила назывался *Владиславомъ* и *Іоанномъ*; сынъ Самуиловъ — *Радоміромъ* и *Романомъ*. Этотъ Радоміръ-Романъ, кромѣ славянскаго и греческо-христіанскаго имени, имѣлъ еще третье, еврейское, *Гавріилъ* (Cedren. II, 458). Подобно Гавріилу-Роману, и отецъ его носилъ одно имя еврейское, а другое греческое. Его славянское имя, если было, не дошло до насъ.

[3]) *Pincius:* вѣроятно, онъ принялъ это имя, звучавшее по-римски, при вступленіи въ Западную церковь.

изъ отечества нашего, земли Болгарской, изъ города Тернова, и возвеличилъ людей лживыхъ и злодѣевъ. Отецъ же его, будучи слѣпъ, укорялъ его въ томъ, что онъ изгналъ насъ; а онъ удавилъ его, и остался подъ отцовскимъ проклятіемъ. Мы же прибыли въ Нишъ, и потомъ, удалившись оттуда, перешли въ землю Хорватскую, къ свѣтлѣйшему и благочестивому королю Держиславу; и онъ принялъ насъ благосклонно и пріютилъ насъ, какъ добрый и милосердый государь, и отвелъ намъ жилища въ предмѣстьѣ Клиша [1]). Здѣсь мы и остались, и приняли истинную католическую вѣру по ученію Римской церкви» и т. д. [2]).

Вотъ какая драма разыгралась тогда во Терновѣ. Вотъ какимъ злодѣяніемъ открывается новая страница въ исторіи несчастнаго народа Болгарскаго. И этотъ отцеубійца долженъ вести его къ побѣдамъ и къ новой исторической жизни!

Погибъ ли Шишманъ въ самомъ началѣ возстанія, или видѣлъ первые его успѣхи, объ этомъ мы ничего не знаемъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ не долго оставался во главѣ освободившейся Болгаріи. Иначе трудно бы было объяснить молчаніе объ немъ въ византійскихъ лѣтописяхъ.

Самуилъ-Стефанъ былъ младшій сынъ Шишмана; но онъ былъ самый воинственный и властолюбивый. Изъ властолюбія онъ ослѣ-

---

[1]) Теперь крѣпостца Клисса близъ Сплѣта (Спалатро).

[2]) Этотъ важный документъ изданъ Фарлатомъ (Illyr. Sacr. II, 11). Вотъ латинскій текстъ, выписанный имъ изъ архива Сплѣтской митрополіи: In Christi nomine Amen. Ab incarnatione domini nostri Jesu Christi anno noningentessimo nonagesimo quarto die vero nona mensis Februarii; tempore quo regnabat sacrilegus et profanus Imperator Stephanus in terra Bulgarorum in caeterisque regionibus. En ego vir Pincius notavi et scripsi ad memoriam pesterorum nostrorum, quatenus nos cum essemus consanguinei Stephani Imperatoris, saepius ipsum propter ejus delictum redarguimus; excaecaverat enim patrem suum, patruum autem nostrum probum dominum Christicolam justum Sismanum Imperatorem. Quapropter nos fratres ac propinquos suos ex patria nostra fugavit et expulit de terra videlicet Bulgarorum ex urbe Tarnova, exaltavit vero mendaces ac rebelles. Pater autem ejus caecus existens increpavit ipsum de expulsione nostra; at ipse strangulavit eum, et remansit in patris maledictione. Nos autem venimus Missiam (читай Nissiam), et inde recedentes pervenimus Chroatiam ad illustrissimum et probum regem Dircislavum. At ille nos benigne recepit et adjuvit tamquam bonus ac benignus dominus, et collocavit in suburbio Clysii. Illic igitur remansimus et recepimus veram fidem Catholicam secundum institutionem Romanæ eccelesiae. Слѣдуетъ извѣстіе о томъ, какъ Пинчій съ своими братьми „Armonio, Pollemio, Celestino", съ сестрою „Murca", съ племянниками „Tetralo, Martino, Alexandro, Ioanne, Paulino, Georgio, Pancratio," и съ сыномъ своимъ „Pleso" рѣшились построить въ Солинѣ церковь св. Архистратига Михаила, и о распоряженіяхъ ихъ для этой постройки. Сохранилось въ Сплѣтѣ еще нѣсколько другихъ дарственныхъ записей Пинчія и его родственниковъ и потомковъ въ пользу той же церкви. Члены этого изгнаннаго болгарскаго рода были въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій настоятелями Солинской церкви св. Михаила. Все это вполнѣ подтверждаетъ подлинность приведенной выше грамоты.

нилъ, а потомъ задушилъ роднаго отца: способенъ ли онъ былъ пощадить братьевъ? Судьба помогла его намѣреніямъ. При самомъ началѣ возстанія, старшаго брата Давида убили, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, между Касторіею и Преспою [1]) какіе-то прохожіе Влахи: первое историческое извѣстіе о Македонскихъ Романцахъ, показывающее притомъ, въ какомъ замѣшательствѣ находился тогда этотъ край, только что свергнувшій съ себя власть Грековъ, и какъ Влахи были нерасположены къ Болгарамъ. Не держали ли они сторону Византіи противъ Славянъ? Дѣло было бы понятное; къ сожалѣнію источники наши не даютъ намъ возможности судить о тогдашнихъ взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ народностей, перемѣшанныхъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Погибшаго такимъ образомъ въ нечаянной стычкѣ Давида Болгарскій народъ чтилъ потомъ какъ святаго. Преданіе именовало его царемъ Болгарскимъ. Носилъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько времени царскій вѣнецъ послѣ гибели Шишмана, этого нельзя ни утверждать, ни отрицать; онъ имѣлъ на него право, какъ старшій сынъ; но могъ ли Самуилъ, убивши отца своего изъ желанія царствовать, допустить, чтобы его преступленіе послужило въ пользу другаго? — Во всякомъ случаѣ, скорая смерть Давида отстранила совмѣстничество.

Возстаніе далеко подвинулось. Оно перешло отъ Преспы и Касторіи, т. е. отъ границъ Албаніи, въ восточную часть Македоніи и угрожало уже Адріанопольской области. Болгаре осадили г. Сѣръ (Серресъ). Другой сынъ Шишмановъ, Моисей, велъ осаду, и тутъ его убило камнемъ, брошеннымъ съ городской стѣны. Сѣръ однако былъ взятъ, и многія другія крѣпости въ этой странѣ, Верріа, Сербчище или Сервія, Водена, Островъ и т. д. [2]). Вся Македонія, за исключеніемъ Солуня, занята была Болгарами. Власть ихъ, уже при самомъ началѣ возстанія, распространилась гораздо далѣе границъ прежняго Болгарскаго царства.

У Самуила между тѣмъ оставался только одинъ соперникъ, третій братъ его Аароонъ. «Потому ли, разсказываетъ лѣтописецъ, что онъ расположенъ былъ, какъ увѣряютъ, въ пользу Римлянъ (т. е. Византійцевъ), или потому что онъ хотѣлъ захватить власть въ свои руки, Самуилъ его убилъ со всѣмъ его родомъ, въ мѣстѣ, называемомъ Раметаница, 14-го Іюля [3]). Одинъ лишь сынъ его Владиславъ,

---

[1]) Въ мѣстѣ называемомъ у Прекрасныхъ деревьевъ, πρὸς τὰς καλὰς δρῦς.

[2]) О взятіи всѣхъ крѣпостей въ этомъ краѣ свидѣтельствуетъ въ общихъ словахъ лѣтописецъ Ѳеофанъ. Какія именно были важнѣйшія крѣпости, доставшіяся Болгарамъ, видно изъ разсказа о слѣдующихъ войнахъ.

[3]) Годъ въ точности неизвѣстенъ, также какъ положеніе Раметаницы.

онъ же Іоаннъ, спасенъ былъ сыномъ Самуиловымъ Радоміромъ-Романомъ [1]). И сталъ Самуилъ единодержавнымъ государемъ всей Болгаріи». Впрочемъ, въ послѣдствіи, слишкомъ 50 лѣтъ спустя, появляется въ исторіи другой сынъ Аарона, Алусіанъ.

Принесши въ жертву своему властолюбію отца и брата, Самуилъ повелъ Болгаръ въ далекіе походы. «Онъ пронесся съ ними, — выписываю изъ того же лѣтописца Өеофана, — по всему Западу (т. е. во всему Балканскому полуострову), простирая свои набѣги не только на Өракію, Македонію и на окрестности Солуня, но проникая даже въ Өессалію, Элладу (т. е. Ливадію) и Пелопоннисъ. И онъ овладѣлъ тутъ многими крѣпостями, изъ коихъ важнѣйшая была Ларисса; жителей ея онъ со всѣмъ домомъ переселилъ во внутрь Болгаріи и, включивъ въ списки своихъ войскъ, употреблялъ ихъ въ походахъ противъ Римлянъ (т. е. Византійцевъ). Онъ вывезъ изъ Лариссы мощи св. Ахиллія епископа и положилъ ихъ въ Преспѣ, гдѣ была его столица» [2]).

Много тяжелыхъ войнъ вели Болгаре съ Греками, много побѣдъ одерживали, много разъ стояли подъ Адріанополемъ, подступали къ Цареграду, но никогда еще не заходили такъ далеко на югъ. Иногда посылались Тервелемъ и Крумомъ, Омортагомъ и Симеономъ легкіе отряды для разоренія южныхъ областей греческихъ; но отряды эти именно только *разоряли* поля Македоніи и Өессаліи, и не подступая къ крѣпкимъ греческимъ городамъ, возвращались съ своею добычею. Теперь, едва только поднято знамя возстанія противъ власти Грековъ, мы находимъ сыновей Шишмана — одного подъ Касторіею, другаго осаждающаго Сѣръ: Сѣръ — это ключь къ Солунскому краю, къ Архипелагу, а Касторія лежитъ на дорогѣ изъ Самуиловой столицы Преспы въ Өессалію. Братья Самуиловы погибли, но Касторія и Сѣръ были взяты, завоевана была вся Македонія, затѣмъ пала и Ларисса, главная твердыня Өессаліи. Очевидно, дѣло шло уже не о мимолетномъ набѣгѣ, а о низверженіи греческой власти въ занятыхъ Славянами областяхъ между Адріатикою и Архипелагомъ. Вызвано общее возстаніе Славянъ, и оттого вся страна такъ быстро передается Самуилу. Поднялась народная волна, и она все поглощаетъ. Гре-

[1]) Онъ же Гавріилъ, Cedr. 458.

[2]) Преспой называется нынѣ край около Преспинскаго озера (лежащаго къ юго-востоку отъ озера Охридскаго); столица Самуилова занимала, вѣроятно, островъ, называемый нынѣ Градъ или Градиште, гдѣ, по свидѣтельству г. Григоровича, находятся развалины сорока церквей и монастырей, и лежащую насупротивъ этого острова мѣстность на перешейкѣ между Преспинскимъ озеромъ и озеромъ Вентровъ, гдѣ нынѣ лежитъ село Агиль, названіе котораго произошло, очевидно, отъ церкви св. Ахиллія (см. Григоровича, Путеш. по Европ. Турціи, стр. 134).

ческіе гарнизоны сдаются, и ихъ приписываютъ къ Болгарскимъ полкамъ (какъ эти гарнизоны состояли преимущественно изъ Славянъ и разныхъ наемниковъ: Варяговъ, Армянъ, Мусульманъ, то Самуилъ имѣлъ такое же право расчитывать на ихъ вѣрность, какъ Византійскій императоръ).

Самуилъ направлялъ свои полки по новой дорогѣ, по которой не ходилъ никто изъ его предшественниковъ. Прежніе Болгарскіе государи шли неизмѣнно изъ-за Балкановъ къ осадѣ Филиппополя и Адріанополя, и, взявъ эти крѣпости послѣ великихъ усилій, подступали съ истощеннымъ войскомъ къ необоримымъ для нихъ стѣнамъ Византіи. Самуилъ оставилъ Грекамъ Филиппополь и Адріанополь и только летучими отрядами безпокоилъ Ѳракію, а главныя силы постоянно двигалъ на югъ, гдѣ жило массами славянское народонаселеніе, еще не привыкшее къ господству чужой народности. Даже близорукіе лѣтописцы византійскіе замѣтили его стремленіе, замѣтили, что онъ искалъ въ южныхъ областяхъ имперіи не временной добычи, а прочнаго завоеванія. «Безнаказанно, говоритъ Зонара, обходилъ Самуилъ западные края имперіи (западными краями назывались въ Константинополѣ Македонія, Албанія, Ѳессалія и Греція), *не только опустошая, но подчиняя области и города своей державѣ* [1])».

Съ помощью народныхъ силъ славянскихъ, народнаго сочувствія, дѣйствія Самуила въ короткое время превзошли своимъ успѣхомъ всѣ многолѣтнія усилія такихъ завоевателей, какими были Крумъ и Симеонъ. Отъ Дуная царство Болгарское простерлось, черезъ Прѣславъ, до границъ Ѳракіи, черезъ Охридъ до Адріатическаго моря, черезъ Меленикъ, Сѣръ и Веррію до Архипелага, черезъ Ларисcу до Ѳермопилъ. Полки Самуила, овладѣвъ всѣмъ Эпиромъ до Арт-

[1]) Въ славянскомъ переводѣ хронографа Зонары событія эти изложены слѣдующимъ образомъ (привожу текстъ по рукописи сербской редакціи XV вѣка, принадлежавшей монастырю Грачаница на Косовомъ полѣ): „Бьлгаре же подвыгошесе пáкы, понѥже Ȣвѣдѣше ѩко Ȣмрѣть цимискыи прѣдаше господьство бьлгарское, д—мь брàтіамь. давид мѡусею аарóнȢ и самȢилȢ нарицахȢ же се си и комитопȢли. зáнѥ бѣхоу сынове единого кнéза бьлгарскаго, нарицаемаго кóмить. ѥлици же бѣхȢ *ѿ* рóда царскаго погыбоше вьси. ѥдинь тьчію *ѿ* ѿрочеть пéтровѣхъ ѡста. бѣ же и ѡнь скопьць. сице же прѣемшимь четиримь братіамъ господство. давидь Ȣбо вьскоре Ȣмрѣть. мѡуси же пришьд обьступивь сѣрь, и вьнѥгда начеть брàтисе Ȣбише сего каменомь тȢ и Ȣмрѣть. аарона же вьсма погȢби самȢиль съ родомь своимь. погыбшим же симь тремь братіамь. прѣеть царство бьлгарское самȢиль. прьвѣ бо покȢшашесе трéтіи брàть ааронъ прѣети сіѐ, или грьчьскыи быти. сéго ради сáмȢиль вьсмà погȢбы аарона. тьчію ѥдинь сынь его ѡста, нарицаемыи иѡань свѣтыслàвь (*такъ* Σφενδοσθλαβος, *названъ онъ ошибочно и въ греческомъ текстѣ Зонары*). прѣем же самȢиль самь царство вьсе бьлгéрское, и ѡбрѣте отрадȢ. понѥже рымлѩне имѣаху мѣждȢ собою рать. плѣноваше и прѣемлѩше вьсе западные страны и грады".

скаго залива [1]), вступали уже на древнюю почву Эллады. Коринеская крѣпость не удержала ихъ; они проникли и въ Пелопоннисъ, освобождая и тамъ славянскія племена отъ Византіи [2]).

[1]) Городъ Никополь (близъ Превезы) со всею окрестностью принадлежалъ Болгарамъ: Кедринъ II. 530.

[2]) Объ этомъ походѣ упоминаетъ между прочими житіе св. Никона, современника императора Василія II (см. Baronius, XVI, 225): „Non longo post tempore Basilius cognomento Apocaucus, prætoris munere nuper auctus, Corinthi versabatur, isthmumque illum præsidio contra Bulgaricos incursus tuebatur. Graviter autem illum angebat non solum molestus ac difficilis, quo tenebatur, sed multo magis urgens metus et pavor Bulgaricæ incursionis, fama gliscente, gentem illam toto Epiro grassatam, in Helladem atque in Peloponnesum copias convertere. Proinde missis Spartam nunciis Apocaucus Niconem avocarat. Enimvero compleverant ejus aures, quæ de illo passim narrabantur, præcipue quæ de summa illius in Deum fiducia et libertate acceperat. Ex quo autem virtutis ejus illecebris capi cœperat, beatum ejus vultum cernere, vocemque audire, votis omnibus gestiebat. Semper enim apud omnes gentes in pretio et veneratione fuit vera philosophia. Divinus quidem vir charitate præstans, Apocauci petitionem propenso animo accipiens, antiquius nihil habuit quam ut Corinthum celerrime contenderet. Quo appellens, non solum morbo ægrum sua præsentia liberavit, sed metu etiam et terorre Bulgarorum, illos alio cursum suum flexisse significans. Ita omni ex parte facta est jucunda Basilio Niconis oratio“.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Первый бой Самуила съ Византіею. — Столкновеніе съ Сербами.

Дѣло шло для Византіи о жизни и смерти. Она выставитъ послѣдняго человѣка, употребитъ послѣдній динарій, чтобы одолѣть возставшихъ вокругъ ея Славянъ. Для этой борьбы она откажется отъ всякихъ другихъ предпріятій [1]), купитъ какими угодно пожертвованіями миръ съ прочими сосѣдями. Сорокъ лѣтъ будетъ «порфиродный» императоръ противоборствовать Болгарамъ, безчисленные труды и битвы не утомятъ его. Который же изъ бойцовъ одолѣетъ? Одолѣетъ ли тотъ, кто ведетъ силу молодаго, кипучаго народа, или тотъ, кто владѣетъ искусствомъ старой, многоопытной державы?

Велика была сила Самуила Болгарскаго, но сила дикая, нестройная. Слишкомъ быстро образовалось подъ его рукою огромное государство Задунайскихъ Славянъ. Племена въ Македоніи и Албаніи, въ Өессаліи, въ Балканахъ, у Дуная и у Чернаго моря могли ли въ нѣсколько лѣтъ крѣпко сростись въ одинъ народъ и такъ глубоко проникнуться духомъ единства, чтобы твердо стоять заодно противъ врага, независимо отъ случайнаго существованія вождя, который умѣлъ собрать ихъ подъ своимъ знаменемъ? Нѣтъ: этотъ союзъ былъ вспышкою чувства общаго раздраженія, а не зрѣлымъ плодомъ опыта и сознанія народнаго. Эта минутная вспышка Задунайскихъ Славянъ вызвала неутомимаго, отважнаго бойца, которому народъ отдалъ себя, и который сталъ необходимъ для народа. И кто былъ этотъ человѣкъ? Отцеубійца, братоубійца, злодѣй, — будетъ ли данъ ему успѣхъ? И будетъ ли данъ успѣхъ тѣмъ поколѣніямъ, которыя пошли за такимъ вождемъ? Страшное, очевидное проклятіе лежало на Са-

---

[1]) Michaël Attaliota. 229. ὁ κύριος Βασίλειος ὁ πορφυρογέννητος, ὃς τεσσαρακοστὸν ἔτος τοῖς Βουλγάροις ἀντιτασσόμενος, καὶ μυρίοις πόνοις καὶ ὅπλοις ἀντιπαρατατtόμενος.... Cedren. II. 489. Βασίλειος πρότερον μὲν ὑπὸ τῶν ἐμφυλίων ἀσχολούμενος πολέμων, ὕστερον δὲ καὶ τοῖς κατὰ τοῦ Σαμουὴλ ἔργοις προςλιπαρῶν, οὐκ ἔσχεν εὐκαιρίαν καλῶς καὶ ὡς ἐνεδέχετο τὰ ἐν τῇ ἕω κατασφαλίσασθαι, ἀλλ' ὅσον ἐν φαντασίᾳ γενόμενος ἐκεῖσε, καὶ ὡς ὁ καιρὸς ἀπῄτει ταῦτα καταστησάμενος εἶθ' ὑποστρέψας καὶ ἀσχολίαν ἔμμονον ἔχων καὶ φροντίδαντὸ τῶν Βουλγάρων ὑποτάξαι γένος...

муилѣ и на томъ народномъ дѣлѣ, за которое онъ боролся. Божья кара преслѣдовала его и несчастный народъ, который ему ввѣрился. На всѣхъ концахъ своего обширнаго государства сражался Самуилъ съ отчаянною храбростью, народъ Болгарскій напрягалъ всѣ усилія, приносилъ безчисленныя жертвы, одерживалъ побѣды, и со всѣмъ тѣмъ нигдѣ не находилъ прочнаго успѣха, пораженіе противниковъ не приносило пользы, государство Болгарское разрушалось со всѣхъ своихъ концовъ. — Двѣсти лѣтъ общенія съ Византіею и Византійскаго вліянія лишили Задунайскихъ Славянъ чистоты, нравственной твердости и истинной доблести. Самуилъ и его сподвижники не были лучше и нравственно выше Грековъ. Они заимствовали у Грековъ ихъ оружіе, злодѣяніе и коварство. Но этимъ оружіемъ одряхлѣвшіе Греки того времени защищали начала образованности христіанской и благоустройства государственнаго, наслѣдованныя отъ прежнихъ вѣковъ. А могла ли справедливость судьбы допустить, чтобы этимъ оружіемъ злодѣянія и коварства защищались Славяне, призванные обновить и осуществить начала, которыя Византія хранила, но которыхъ не въ силахъ была приложить къ жизни?

Трудно было однако вначалѣ Византіи подняться на Самуила. Долго собиралась она съ силами. Императоръ Василій не чувствовалъ себя крѣпкимъ на престолѣ, и пока ему грозило возмущеніе Малоазіатскаго воеводы, онъ боялся вступать въ опасную борьбу съ Болгарами. Только въ 981 г., когда внутреннія смуты казались усмиренными и можно было вызвать полки изъ Малой Азіи, онъ рѣшился открыть войну съ Самуиломъ [1]). Онъ повелъ все свое войско. Изъ Константинополя онъ шелъ на Филиппополь, который, какъ мы сказали, не былъ тогда занятъ Болгарами. Оттуда, подвигаясь по большой дорогѣ, которая проходитъ между р. Марицею и цѣпью Родопскихъ горъ (Деспото-дагъ), онъ прошелъ то ущелье Высокаго Балкана, которое теперь называется Дѣвичьимъ (Кызъ-дербентъ) [2]). Отчего Болгаре пустили его въ ущелье? Хотѣли ли они нарочно за-

---

[1]) Армянскій историкъ Асохигъ (перев. Эмина, стр. 175) этому походу предпосылаетъ слѣдующій разсказъ: „Булхарія просила царя Василія отдать сестру свою за мужъ за ея царя. Императоръ въ сопровожденіи митрополита Севастійскаго (Севастія — нын. Сивасъ въ Малой Азіи) отправилъ къ Булхарамъ какую-то женщину изъ своихъ подданныхъ, похожую на сестру свою. По прибытіи той женщины въ землю Булхаровъ, узнали кто она, и потому осудили митрополита, какъ прелюбодѣя и обманщика; цари Булхарскіе сожгли его, обложивъ хворостомъ и соломой". Болгарскіе цари, которымъ Асохигъ приписываетъ эту страшную жестокость, были Самуилъ и его братъ. Гибель митрополита Севастійскаго Армяне считали возмездіемъ за гоненія, которымъ онъ подвергалъ ихъ единовѣрцевъ, жившихъ въ его епархіи, за сопротивленіе постановленіемъ Халкидонскаго собора.

[2]) На сѣверъ отъ Татаръ-базарджика, по дорогѣ къ Ихтиману. См. описаніе его у Ami Boué. Itin. I. 68.

манить его въ глубь своей земли, или, занятые дѣлами на югѣ, позабыли о защитѣ Балкановъ? Первое кажется болѣе вѣроятнымъ, потому что Самуилъ уже успѣлъ воротиться изъ Мореи и ждалъ Грековъ за Балканами. Императоръ поручилъ одному изъ своихъ полкоководцевъ, Льву Мелиссину, оберегать оставленныя имъ въ тылу тѣснины, а самъ, переваливъ на сѣверный склонъ Балканскаго хребта, черезъ узкую скалистую, покрытую лѣсомъ дорогу, которая затворялась воротами Траяна [1]), двинулся къ Срѣдцу (Софіи). — Срѣдецъ долженъ былъ имѣть въ это время особенно важное значеніе, какъ центральная крѣпость Болгаріи, стоявшая на перепутьѣ между сѣверовосточною, Прѣславскою половиною Самуилова государства и югозападною, Охридскою. Центральное значеніе этого города чувствовалось самими Славянами: на то указываетъ самое имя *Срѣдецъ*. Здѣсь хотѣлъ Василій нанести ударъ новому Болгарскому государству, и въ то же время, ставъ на главной дорогѣ, ведущей черезъ Балканы, онъ надѣялся пресѣчь войскамъ Самуиловымъ спускъ изъ сѣверной части Болгаріи во Ѳракію и Македонію [2]). Онъ укрѣпился станомъ подъ Срѣдцемъ, въ мѣстѣ называемомъ *Стопень* [3]) и хотѣлъ повести отсюда осаду города, мужественно защищаемаго болгарскимъ гарнизономъ. Срѣдецъ лежитъ въ большой, почти круглой равнинѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ горами. По этимъ горамъ разсыпалъ Самуилъ свое войско. Онъ не подходилъ близко къ Грекамъ, избѣгая сраженія въ полѣ, а обступалъ ихъ отовсюду по горнымъ вершинамъ. Ему хотѣлось поймать Василія какъ въ ловушкѣ. Со всѣхъ сторонъ устроивалъ онъ засады. Едва Греки вышли изъ-за вала, которымъ они всегда обносили свой станъ по военному преданіюРимлянъ, и начали косить траву, какъ Болгаре напали на нихъ, перебили ихъ, угнали лошадей. Это былъ дурной знакъ. Нужно было спѣшить осадою, чтобы не погибнуть отъ голода. Уже двадцать дней длилась она; все шло дурно, по неумѣнію вождей, говоритъ лѣтописецъ; войско потеряло бодрость духа. Подвели къ городу осадныя орудія, но по неопытности тѣхъ, на кого возложено было дѣло, осажденные взяли и сожгли ихъ. Между тѣмъ уже начинало недоставать продовольствія, и Василій наконецъ рѣшился итти назадъ. Цѣлый день шло войско; ночью, въ лѣсу, оно окопалось и сдѣланъ былъ привалъ. «Вдругъ, едва стемнѣло, поднялась съ востока страшной величины звѣзда, и очертивъ надъ шатрами огромный огненный кругъ, упала на западной сторонѣ стана, у самаго вала, разсыпав-

---

[1]) Близъ Ихтимана, см. тамъ же.

[2]) Leo Diac.

[3]) Στοπώνιον.

шись на безчисленныя искры»[1]). Гибель предвѣщалась неминуемая, по убѣжденію войска. На другой день Греки вступили въ заросшія лѣсомъ лощины между скалистыхъ горъ и, миновавъ ихъ, стали подыматься черезъ Траяново ущелье[2]) (Капулу-дербентъ) къ перевалу. Тутъ-то поджидали ихъ Болгаре и, бросившись съ страшнымъ гикомъ на Грековъ, убили множество людей, взяли императорскій шатеръ со всѣми регаліями и казною. «Я самъ былъ тамъ, въ числѣ несчастныхъ спутниковъ императора, пишетъ Левъ Діаконъ, и сдѣлался бы жертвою Скиѳскаго меча, еслибы какое-то божественное вдохновеніе не внушило мнѣ спуститься вскачь изъ ущелья по склону горы, прежде нежели непріятель имѣлъ время занять ее; оттуда я успѣлъ достигнуть гребня горъ и уйти отъ Болгаръ». — Южное ущелье (Кызъ-дербентъ) было занято, какъ мы знаемъ, Греческимъ отрядомъ. Оттого Самуилъ не могъ преградить Василію дороги; иначе все императорское войско погибло бы въ этомъ походѣ до послѣдняго человѣка. Оно спасалось бѣгомъ по горнымъ дорогамъ и тѣснинамъ, преслѣдуемое сзади Болгарами. Почти вся конница погибла; кромѣ множества убитыхъ, весь обозъ Грековъ остался въ рукахъ побѣдителя. Только въ Филиппополѣ кончилась погоня.

Такъ описываетъ очевидецъ эту великую побѣду, которую Самуилъ одержалъ въ Ихтиманскихъ ущельяхъ. Другіе византійскіе повѣствователи старались скрыть, что это пораженіе нанесено было «Римлянамъ» толпою «варваровъ-Скиѳовъ». Чтобы оправдать внезапное отступленіе императора, обратившееся въ постыдное бѣгство, они предпочли придумать измѣну одного изъ его полководцевъ. Вѣроятно басню эту тогда же пустили въ ходъ въ Константинополѣ, чтобы свалить на кого нибудь вину государя. Главный начальникъ или «доместикъ» Западныхъ, т. е. Европейскихъ, областей имперіи[3]), Стефанъ, прозванный Короткимъ, соперничествовавшій съ полководцемъ Львомъ Мелиссиномъ, который оставленъ былъ въ резервѣ, пришелъ однажды къ Василію ночью, — такъ разсказывали при дворѣ, — и сталъ увѣрять императора, будто Мелиссинъ хочетъ овладѣть престоломъ и уже пошелъ занять Константинополь. Василій, услышавъ это, испугался и тотчасъ далъ знакъ отступленія, чтобы нагнать возмутившагося воеводу; въ ущельѣ на него напали Болгаре и разбили его. Спасшись бѣгствомъ за Балканы, онъ нашелъ Мелиссина на ввѣренномъ ему мѣстѣ, и тогда только понялъ, что онъ

---

[1]) Leo Diac.

[2]) Левъ Діаконъ не приводитъ именъ ущелій, но направленіе похода Грековъ несомнѣнно явствуетъ изъ его описанія мѣстностей, которое совершенно согласно съ описаніями новѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ.

[3]) ὁ δομέστικος τῆς δύσεως.

былъ предательски обманутъ своимъ *доместикомъ*. Императоръ сталъ гнѣвно упрекать Стефана, но этотъ лгунъ, такъ пишетъ Кедринъ, столь безстыдно защищалъ свою клевету, что Василій вышелъ изъ себя и, бросившись съ своего сѣдалища, схватилъ его за волосы, за бороду и повалилъ на-земь. — Эта некрасивая сцена, внесенная въ Византійскую лѣтопись, даетъ поводъ думать, что доместикъ Стефанъ былъ дѣйствительно въ чемъ нибудь виноватъ при пораженіи Грековъ: Левъ Діаконъ говоритъ же объ оплошности и дурныхъ распоряженіяхъ Греческихъ начальниковъ. Къ этому придрались и провозгласили Стефана виновникомъ всего бѣдствія, которое, по ясному свидѣтельству человѣка, видѣвшаго его своими глазами, имѣло единственною причиною ошибки императора Василія и его воеводъ, храбрую защиту осажденныхъ въ Срѣдцѣ Болгаръ и умныя дѣйствія Самуила.

Къ сожалѣнію, на этомъ событіи прекращается достовѣрная лѣтопись Льва Діакона, и единственнымъ нашимъ источникомъ остается Кедринъ, о правдивости котораго можно уже судить по приведенному случаю.

Послѣ этой побѣды, о которой молва распространилась и въ далекихъ краяхъ Востока [1]), Самуилъ и подвластные ему славянскіе

[1]) Исторія Асохила (перев. Эмина, стр. 176): „Послѣ этого (т. е. сожженія митрополита Севастійскаго (см. выше, стр. 206) царь Василій, собравъ войско, самъ лично пошелъ на землю Булхаровъ. Онъ отправился съ густою воинскою силой и обширнымъ лагеремъ занялъ *самую средину ихъ государства*. Булхары поспѣшили и заняли узкіе и горные проходы, по которымъ могъ пройти непріятель: то были мѣста непроходимыя, покрытыя кустарникомъ. Такимъ образомъ, окруживъ царя со всѣмъ его войскомъ, они всѣхъ предали мечу; только армянская пѣхота, спереди и сзади обступивъ царя Василія, другою горною дорогою вывела его въ Македонію. Вся же конница (греческая) со всѣмъ скарбомъ и царскимъ убранствомъ предалась непріятелю.„—Матеей Эдесскій (Bibliothèque historique arménienne, par E. Dulaurier. Chronique de Matthieu d'Edesse): подъ 986—7 годомъ: A cette époque l'empereur Basile conçut le projet de ranger les Boulgares sous son obéissance. Il envoya à Alusianus, leur souverain et à tous les, chefs qui relevaient de ce dernier, l'ordre de venir se prosterner devant son trône. Mais ils s'y refusèrent. Basile leva des troupes dans toute l'étendue de ses Etats, et, furieux, s'avança rapidement contre les Boulgares, portant partout dans leur pays la ruine et l'esclavage. Alusianus, de son coté, ayant réuni une armée, marcha à la rencontre de Basile. Une grande bataille fut livrée; le roi des Boulgares eut le dessus, et mit en fuite les troupes de Basile jusqu'à Constantinople. Les Boulgares leur enlevèrent un immense butin et une multitude de captifs. Basile, tout honteux, rentra dans sa capitale. (Матеей Едесскій, I, 27—28, стр. 34). О неправильномъ употребленіи имени Алусіана мы уже упомянули. Легко объяснить, почему Армянскій лѣтописецъ, жившій въ XII в., сто лѣтъ послѣ Самуила, забылъ его имя и замѣнилъ его именемъ позднѣйшаго Болгарскаго государя, его племянника: Алусіанъ, прежде чѣмъ достигъ Болгарскаго престола, былъ долгое время въ Греческой службѣ, какъ правитель области въ Малой Азіи; тамъ его имя сдѣлалось извѣстнымъ Армянамъ и они, узнавъ потомъ, что онъ сдѣлался государемъ Болгаріи, стали приписывать ему подвиги его предшественниковъ.

князья могли безнаказанно доканчивать завоеваніе греческихъ городовъ и областей. Восемь лѣтъ Василій не въ силахъ былъ противопоставить имъ ни одного человѣка. Пораженіе подъ Срѣдцемъ такъ уронило его власть, что войска перестали слушаться своего государя. Выступилъ новый искатель престола въ лицѣ воеводы Фоки; прежній совмѣстникъ Василія, Варда Склиръ, опять явился изъ Персіи и возобновилъ свои притязанія. Возмущеніе длилось въ Малой Азіи, пока наконецъ Фока умеръ, а Склиръ добровольно покорился императору.

Въ эти восемь лѣтъ (981—989) Самуилъ былъ полнымъ хозяиномъ всего Балканскаго полуострова отъ Дуная и отъ Адріатическаго моря до стѣнъ Константинополя. Кромѣ столицы, только Дерстръ (Силистрія) на сѣверѣ и Солунь (Салоники) на югѣ стояли подъ Римскимъ знаменемъ. Прежніе Болгарскіе государи при такихъ обстоятельствахъ непремѣнно пошли бы осаждать Цареградъ. Самуилъ на это и не покушался. Чувствовалъ ли онъ, что войско его неспособно было къ правильной осадѣ такихъ крѣпкихъ стѣнъ, какими Византія себя оградила? Но мы знаемъ, что онъ включалъ греческіе отряды въ свои полки, и потому должны предполагать, что онъ училъ эти полки правильному строю, который составлялъ всю силу Византійскихъ войскъ и который дѣлалъ такую осаду возможною. Вѣроятнѣе, стало быть, то, что его еще занимало устройство новыхъ своихъ областей, и что побережье Адріатики болѣе привлекало его вниманіе, нежели Босфоръ.

Мы сказали, что основаніемъ и центромъ Самуиловой державы была верхняя Македонія, и нынѣ населенная Болгарами. Въ Охридѣ, древней Юстиніанѣ, которую, послѣ четырехсотлѣтняго мрака, труды св. Климента, ученика Меѳодіева, снова просвѣтили и вывели на поприще исторіи, была главная столица Самуилова [1]); вторая столица находилась недалеко отъ Охрида, въ Преспѣ. Въ Охридѣ былъ его дворецъ; тамъ, въ казнохранилищѣ государства Болгарскаго, лежали вѣнцы, украшенные дорогими каменьями, золототканныя одежды, деньги и слитки дорогихъ металловъ. Въ послѣдствіи, когда продолжительная война уже исчерпала Болгарскую казну, тамъ нашли еще до ста кентинаріевъ золота [2]).

До какой степени новая Болгарская династія заботилась о своей столицѣ, доказываетъ огромная работа, которую, если можно положиться на свидѣтельство Анны Комнины, къ сожалѣнію, весьма сбивчивое и неясное [3]), предпринялъ отецъ Самуила и совершилъ онъ

---

[1]) Cedr. 468. Αχρίδες... μητρόπολις οὖσα τῆς πάσης Βουλγαρίας, ἐν ἧ καὶ βασιλεία τῶν βασιλέων ἵδρυντο Βουλγαρίας.

[2]) Болѣе 600,000 червонцевъ.

[3]) Anna Comn. XII (pag. 371 Парижск. изд.): ὁ δὲ Δρυμὼν οὗτος ὁ ποταμὸς... ῥεῖ ἀνω-

самъ, чтобы осушить окрестности Охрида отъ болотъ, порождаемыхъ близостью озера. Они велѣли пересѣчь эти болота цѣлою системою каналовъ, по которымъ вода стекала въ рѣку Дринъ. На каналахъ было устроено такое количество мостовъ, что мѣсто это получило прозваніе *ста мостовъ*.

Богатый край кругомъ Охридскаго озера, населенный тремя народами—Славянами, Албанцами и Романцами, составлялъ важнѣйшую область Самуилову. Тутъ въ его время являются впервые имена городовъ и волостей, сохранившіяся донынѣ. Я назвалъ уже вторую столицу Болгарскую — Преспу, лежащую недалеко отъ Охрида, на юговостокъ, и окруженную водами озера того же имени. Далѣе на востокъ была у Самуила крѣпость Прилѣпъ, южнѣе Прилѣпа—Бутель или Бытоль [1]) (теперь Монастиръ, главный городъ всей этой страны), еще южнѣе Касторія (иначе Костуръ). Въ Бутелѣ находился дворецъ сына Самуилова, Гавріила, который, можетъ быть, при жизни отца былъ тамъ намѣстникомъ. На западъ отъ Касторіи лежалъ Дѣволь, бывшій, въ первой половинѣ X вѣка, епископскою столицею св. Наума, ученика св. Климента, большой городъ, извѣстный также въ позднѣйшей исторіи Болгарской, но который теперь исчезъ, оставивъ свое имя рѣкѣ, текущей черезъ среднюю Албанію. На западъ отъ Дѣвольскаго края, хребетъ Тморъ, возвышающійся, въ центрѣ Албаніи, на 7000 футовъ, долженъ былъ вскорѣ потомъ служить убѣжищемъ Самуилову семейству, когда счастіе его покинуло.—Край на югъ отъ р. Дѣволя назывался при Самуилѣ, какъ и теперь, Колоніею, и былъ вѣроятно и тогда, какъ теперь, средоточіемъ Романскаго населенія въ Албаніи. Далѣе, на югозападъ отъ Колоніи, власть Самуила простиралась на негостепріимное въ этихъ мѣстахъ прибрежье Адріатики: тутъ находился городъ Дринополь [2]), по которому назывался и весь этотъ край (нынѣшній округъ Аргирокастро).

θεν ἀπὸ τῆς Λιχνίτιδος λίμνης, ἣν ἡ νῦν γλῶττα ἐκβαρβαρώσασα Αχρίδα προσηγόρευσεν, ἀπὸ Μόκρου τοῦ Βουλγάρου βασιλέως τὰ πρῶτα καὶ τὰ ἔσχατα Σαμουὴλ τοῦ ἐπὶ τοῖν βασιλέοιν Κωνσταντίνου καὶ Βασιλείου τῶν πορφυρογεννήτων γεγονότος, δᾶ τινων τάζρων ἑκατὸν, ἃς γεφύρας ἐπονομάζομεν. καὶ γὰρ ἀποῤῥέουσιν ὧσ περἀπό τινων ἀρχῶν διαζόρων τῆς λιμνης διῃρημένοι ποταμοὶ εἰς ἑκατὸν ἥκοντες οὐ λήγουσι. καθ' οὕτως τῷ κατὰ τὴν Δεύρτην ἑνούμενοι ἐξ οὗ καὶ Δρυμὼν ἐπονομάζεται καὶ συνεχεῖς αὐτῷ γινόμενοι πλατύνουσί τε αὐτὸν καὶ μέγιστον ἐξεργάζονται. Мѣсто это весьма темно: вѣроятно между словами γεγονότος и διά τινων τάφρων есть пропускъ.

[1]) *Бутель* древнѣйшая форма болгарская (*Боутельскы пжть* въ грамотѣ Константина Асѣня, у Шафарика, Изборъ Хрисовулъ, 24) и греческая (Βυτέλιον); потомъ сдѣлали Бытоль, Битоль (теперешняя болгарская форма), наконецъ Толи-Монастиръ (форма турецкая).

[2]) Кажется, вся средняя часть нынѣшней Албаніи раздѣлялась въ то время на три главныхъ области: Драчскую, Колонійскую и Дринопольскую. Кедринъ говоритъ (II 474): τὰ τοῦ Δυρραχίου καὶ τῆς Κολωνείας καὶ Δρυϊνουπόλεως... κατατοησάμενος ,καὶ φύλακας

На сѣверъ отъ Охридскаго озера начинались Дебри (теперь Дибри), т. е. нагорная часть Албаніи по нижнему теченію Чернаго Дрина. За Дебрями и великимъ хребтомъ Шаромъ [1]) власть Самуила простиралась на обширныя равнины, которыя орошаются Бѣлымъ Дриномъ, Ситницею и верхнею Моравою: Косово поле принадлежало въ то время къ державѣ Македонскихъ Болгаръ [2]).

Вотъ въ какихъ мѣстахъ утвердилась тогда Болгарская держава. Самуилъ стоялъ почти въ виду Адріатическаго моря и у воротъ Сербскаго государства, сосредоточеннаго въ то время на югозападномъ краю Сербскихъ земель, около нынѣшней Черногоріи. Въ этомъ властолюбивомъ человѣкѣ естественно должна была родиться мысль овладѣть гаванями Адріатики и подчинить себѣ ближайшую часть Сербіи. Вотъ несомнѣнная причина, почему Самуилъ, послѣ побѣды надъ императоромъ Василіемъ, не сталъ предпринимать никакихъ значительныхъ дѣйствій противъ Византіи. Онъ пока довольствовался тѣмъ, что съ этой стороны владѣлъ всею Болгаріею до Дуная и Чернаго моря, всею Македоніею до стѣнъ Солуня и до Архипелага, и распоряжался въ Греціи какъ въ своей собственной землѣ.

Правда, онъ постоянно держалъ отрядъ въ окрестностяхъ неприступнаго Солуня и безпрестанно посылалъ своихъ Болгаръ разорять Ѳракію. Набѣги эти значительно вредили Византіи. —Въ 990 г. императоръ Василій двинулся съ войскомъ къ Солуню, и, отслуживъ передъ ракою св. Димитрія благодарственный молебенъ за прекращеніе возстанія въ Малой Азіи, оставилъ въ этомъ важномъ городѣ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ Армянина Григорія Таронита. Самъ же онъ тотчасъ возвратился въ Константинополь и оттуда снова отправился въ Азію, устроивать дѣла Грузіи. Очевидно, Болгарскія войска, которыя находились тогда подъ Солунемъ, не составляли главной силы Самуила; то были только летучіе полки, державшіе Солунь въ блокадѣ. Иначе походъ Василія едва ли обошелся бы безъ сраженія, да притомъ императоръ не рѣшился бы такъ скоро оставить эту страну и не отправился бы въ отдаленную Грузію, если бы Солуню и ближайшимъ окрестностямъ Константинополя угрожала

τοῖς θέμασι καὶ στρατηγοὺς ἐπιστήσας, и обнимаетъ, по видимому, въ этихъ словахъ всѣ пріобрѣтенія Византійскаго государя на западъ и югозападъ отъ Охридскаго озера.— Городъ Дринополь теперь не существуетъ, хотя епархія Аргирокастрская до сихъ поръ носитъ наименованіе Дринопольской. См. свѣдѣнія о Дринополѣ въ χρονογραφία τῆς Ηπείρου, II, 47.

[1]) По-тур. Шаръ-дагъ, древній „mons Scardus".

[2]) Это видно изъ того, что при распаденіи Самуиловой державы славянскія племена, занимавшія Липляне (т. е. Косово поле) и Моравище (т. е. верховья Моравы), вмѣстѣ съ другими болгарскими областями, изъявили покорность Греческому императору.

немедленная опасность. Нѣтъ, Самуилъ занятъ былъ тогда далеко на западѣ, а Византійскій государь, отказавшись на время отъ завоеванныхъ Болгарами европейскихъ областей, умѣлъ ждать, по примѣру своихъ предшественниковъ, пока сила «варваровъ» остынетъ въ своемъ порывѣ. Въ продолженіе шести лѣтъ, 990—996, ни Болгаре, ни Византія не предпринимали другъ противъ друга никакихъ важныхъ дѣйствій.

Ближайшая къ Охриду и важнѣйшая пристань Адріатики была Драчъ (Дураццо); Византійскій гарнизонъ занималъ ее. Естественно, первый шагъ Самуила на западъ былъ направленъ противъ этого знаменитаго въ древности города, стѣны котораго останавливали дотолѣ напоръ Славянъ. Драчъ былъ взятъ Болгарами [1]). — Сѣвернѣе Драча, другою важною точкою на Адріатическомъ побережьѣ былъ Лешъ (Алессіо, въ древности Елиссъ), при впаденіи Дрина въ море. Неизвѣстно, находилось ли это мѣсто тогда въ рукахъ Грековъ, или Сербовъ. Самуилъ занялъ Лешъ и сдѣлалъ изъ него одну изъ твердынь Болгарскаго царства [2]).

За Дриномъ уже начинались въ то время Сербскія жупанства.— Мы видѣли, что въ исходѣ X вѣка первенствующее значеніе между Сербскими областями принадлежало четыремъ югозападнымъ княжествамъ или жупанствамъ, Травуніи, Захолмію, Зетѣ и Подгорію или Діоклеѣ. Въ этихъ четырехъ княжествахъ южно-сербскихъ правили сыновья и внуки великаго жупана Предиміра. Въ Подгоріи жупаномъ былъ молодой Владиміръ, сынъ Хвалиміровъ [3]). «Въ это время», говоритъ Діоклейскій лѣтописецъ, «возсталъ въ народѣ Болгарскомъ нѣкто Самуилъ, который принялъ титулъ императора и много сражался съ Греками и выгналъ ихъ изо всей Болгаріи, такъ что во дни его Греки не смѣли подходить къ ней... А юноша Владиміръ, наслѣдовавъ королевство [4]), росъ украшенный всякою мудростію и святостью. И такъ, въ то время, когда Владиміръ былъ молодъ и правилъ областью, наслѣдованною отъ отца, Самуилъ Болгарскій съ большимъ войскомъ явился въ краяхъ Далматскихъ и напалъ на землю короля Владиміра. Король этотъ, будучи человѣкомъ святымъ и не желая погибели кого бы то ни было изъ своихъ, отступилъ смиренно и удалился на гору, которая называется Кривою (qui Obliquus dicitur), со всѣмъ своимъ народомъ. Тогда императоръ (Самуилъ),

[1]) Въ какомъ году неизвѣстно, но въ 995 г. онъ принадлежалъ Болгарамъ. Cedr. II, 451.

[2]) Cedr. II, 468.

[3]) Смотр. выше, стр. 173.

[4]) Діоклеецъ обыкновенно именуетъ Сербскихъ князей или великихъ жупановъ королями — *reges*.

видя, что не можетъ одолѣть его, оставилъ часть своего войска у подножія той горы, а другую часть повелъ съ собою, чтобы осадить городъ Дулциній (по-слав. Олгунъ, на берегу Адріатики сѣвернѣе Леша). А на Кривой горѣ были огненныя змѣи, такія злыя, что едва только ужалятъ человѣка, онъ мгновенно умиралъ; и онѣ дѣлали великій вредъ людямъ и животнымъ. Тогда король Владиміръ вознесъ ко Господу слезную мольбу, дабы онъ избавилъ его народъ отъ этого смертоноснаго насланія, и Богъ услышалъ молитву своего раба, и съ того дня никто не былъ уязвленъ змѣею; и съ тѣхъ поръ, если на той горѣ змѣя ужалитъ человѣка или животное, ея укушеніе не причиняло вреда, и змѣи на той горѣ остались неядовитыми до сего дня. Между тѣмъ императоръ Самуилъ послалъ къ королю Владиміру требовать, чтобы онъ сошелъ съ горы и сдался со всѣми, которые были съ нимъ; но король отказался. Тогда одинъ изъ жупановъ его области, уподобившись Іудѣ предателю, велѣлъ сказать императору: Государь, если угодно твоему Величеству, я выдамъ тебѣ короля. Царь обѣщалъ ему за это великія богатства и почести. Тогда Владиміръ (вѣроятно, узнавъ объ измѣнѣ), созвалъ весь народъ, бывшій съ нимъ и сказалъ: Братья, нужно, чтобы я исполнилъ слово Евангелія, что добрый пастырь душу свою положитъ за овецъ своихъ. Лучше мнѣ положить душу свою за васъ всѣхъ и добровольно предать тѣло свое на казнь, нежели чтобы вы погибли отъ голода или меча. Сказавъ эти слова и многія другія, онъ поклонился всему народу и пошелъ къ Самуилу. Императоръ тотчасъ отослалъ его въ изгнаніе въ страну Охридскую, въ мѣсто, называемое Преспа, гдѣ находился его дворецъ. Тогда онъ, собравъ все свое войско, долго осаждалъ Дулциній, но никакъ не могъ взять этого города. Разгнѣванный, удалился онъ оттуда и началъ грабить, жечь и разорять цѣлую Далмацію».

Первымъ мѣстомъ на пути его была Діоклея или Дукля, близъ Подгорицы [1]). Рагузскія хроники утверждаютъ, что Самуилъ разрушилъ до основанія эту древнюю столицу римскаго Иллирика. Но уже при Константинѣ Багрянородномъ, т. е. за 50 лѣтъ до Самуила, Діоклейская крѣпость была пуста (ἐρημόκαστρον, такъ выражается вѣнценосный историкъ). Мы не знаемъ, оставалось ли тамъ еще городское населеніе послѣ того, какъ римская твердыня была отдана на произволъ окрестныхъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, если Самуилъ и помогъ разрушенію древняго города, то его удары уже не были особенно чувствительны въ этомъ заброшенномъ мѣстѣ: иначе лѣтописецъ,

[1]) Близъ Подгородицы, на границѣ черногорскихъ Кучей и Албаніи, находится урочище, называемое Дукля, и видны тутъ развалины.

который разсказываетъ намъ объ его походѣ къ Адріатикѣ, и который самъ былъ родомъ изъ Діоклейской области, не умолчалъ бы, конечно, объ этомъ событіи. Рагузскія хроники потому придаютъ особенную важность разрушенію Діоклеи Самуиломъ, что, по ихъ словамъ, архіепископъ Іоаннъ, занимавшій тогда престолъ этой древней митрополіи [1]), бѣжалъ въ Рагузу (Дубровникъ) и потомъ, когда умеръ тамошній епископъ, приглашенъ былъ народомъ занять его мѣсто. Съ тѣмъ вмѣстѣ церковь Рагузская возведена была на степень первостепенной епархіи, зависѣвшей только отъ Рима.—Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе въ Рагузѣ архіепископства случилось около этого времени; но когда именно и при тѣхъ ли обстоятельствахъ, какія приводятся въ Дубровницкихъ хроникахъ, объ этомъ нельзя сказать ничего достовѣрнаго.

Рагуза тогда уже занимала первенствующее мѣсто между городами южной Далмаціи, съ тѣхъ поръ какъ Африканскіе Арабы разорили (въ 867 году) города Розу (по-слав. Рисань, на Которскомъ заливѣ), Которъ и Будву, но отражены были стѣнами и храброю защитою Дубровника. Константинъ Багрянородный называетъ Рагузу главнымъ городомъ Далмаціи. Дубровчане уже во второй половинѣ IX вѣка имѣли такой многочисленный флотъ, что они, какъ мы знаемъ [2]), на своихъ корабляхъ перевезли чрезъ Адріатическое море соединенное войско Хорватовъ, Сербовъ, Захолмцевъ, Требиньцевъ и Конавлянъ, собравшееся, по внушенію Византійскаго императора, для того чтобы выгнать Арабовъ изъ Апуліи. Понятно, что обладаніе этимъ городомъ казалось весьма важнымъ для Самуила. Онъ бросился сперва на Которскій заливъ (bocche di Cattaro) и взялъ Которъ; затѣмъ онъ подошелъ къ Дубровнику. Онъ выжегъ его предмѣстья и всѣ окрестныя селенія. Весь край этотъ обезлюдѣлъ, говоритъ Діоклеецъ. Рагузскія хроники записали походъ Самуила какъ одно изъ ужаснѣйшихъ нашествій, какія испыталъ этотъ мирный уголокъ. Но крѣпкія стѣны Дубровника устояли. Самуилъ оставилъ Дубровникъ и пошелъ далѣе на сѣверъ, опустошая весь берегъ Далмаціи. Достигнувъ Задра (Зары), онъ остановился, и на обратномъ пути прошелъ черезъ Боснію и Расу (Раса — теперь Ново-Пазарская область).

Ни что не позволяетъ сомнѣваться въ справедливости этихъ показаній Діоклейскаго лѣтописца. Его разсказъ о Владимірѣ Сербскомъ оправдывается свидѣтельствомъ византійскихъ писателей, ко-

---

[1]) Она, какъ часть древняго Иллирика, еще въ то время зависѣла отъ Рима, согласно прежнему разграниченію между обоими европейскими патріархатами, когда они находились еще въ единствѣ церковномъ.

[2]) См. выше стр. 60.

торые также называютъ этого государя человѣкомъ «праведнымъ, миролюбивымъ и добродѣтельнымъ». Расширеніе Самуиловой державы по Адріатическому поморью подтверждается одною замѣткою въ древнемъ славянскомъ переводѣ хроники Манассіиной, что при Самуилѣ «Блъгаре до Охрида *и до Драча и дале* царствоваша». Не только Подгоріе и Которскій заливъ, т. е. нынѣшняя Черногорія съ окрестнымъ краемъ, но и Требиньская страна остались во власти Самуила. [1]) Вѣроятно также, что его походъ черезъ Боснію и Расу не обошелся даромъ этимъ странамъ и что онѣ, если не были окончательно покорены имъ, то по крайней мѣрѣ, должны были признать себя въ зависимости отъ Болгарскаго царя. Одна сербская лѣтопись, составленная, правда, въ позднее время, но по старымъ источникамъ[2]), говоритъ о нашествіи Болгаръ на Расу въ началѣ XI вѣка. Только это событіе въ ней смѣшано съ событіями, случившимися гораздо позднѣе, въ исходѣ этого столѣтія, и въ слѣдствіе такого смѣшенія, Болгарскій царь названъ не Самуиломъ, а Георгіемъ. Вотъ замѣчательныя слова этой лѣтописи: «А понѣже ѡтъ Сармаци илити нинѣ Рꙋсеиския державі мы вси язици (лѣтописецъ говоритъ здѣсь о народахъ славянскихъ) всякіи во свое время изидохомъ и во предѣлахъ власти и державѣ Римскои населяхꙋся, тако и по намъ ини Славяне изшедше вселишася въ нижнѣи Мисіи, или Сергіа (*такъ*), Трибаліи, Епирѣ, Сервіи, Дардани; тако въ Тракіи и Македоніи биша Болгаріи, ѡни бо послѣднее чрезъ Дꙋнаи преидоша и в болших

---

[1]) Это видно изъ послѣдующаго разсказа Діоклейца.

[2]) Подъ заглавіемъ „Родословіе Сербское“. Лѣтопись оканчивается 1521 годомъ; но основной текстъ ея, составленный, очевидно, въ XVI вѣкѣ, дошелъ до насъ въ редакціи XVIII-го, съ разными дополненіями и разсужденіями человѣка, занявшагося тогда его перепискою (какъ кажется, инока Печской Патріаршіи, довольно начитаннаго). При всѣхъ своихъ невѣрностяхъ и позднѣйшихъ вставкахъ, лѣтопись эта заключаетъ въ себѣ много важныхъ извѣстій несомнѣнной достовѣрности, которыхъ нѣтъ въ другихъ, дошедшихъ до насъ, историческихъ памятникахъ Сербскихъ. Она мнѣ извѣстна по трёмъ спискамъ, почти сходнымъ между собою: 1) копія, сдѣланная въ Дечанскомъ мон. съ старой, можетъ быть подлинной рукописи переработавшаго лѣтопись редактора, подъ заглавіемъ. „Родословне Сербское или Ирическое. (*читай* Илирическое)“ и съ припискою; „Сия история находится въ патриаршии Славено сербской пекской ѡбаче ѡставлена въ некоторомъ углю црковномъ небрегома кимъ и разрꙋшена доволно, и я ѡбрѣтохъ ю и сожалихъся о ней и дадохъ преписати ю, ѡбаче има недостаточно понеже истнило (*такъ*) бѣ. Смирени Серафимъ іеромонах дечанскои ѡбители постражникъ“; 2) копія, внесенная, въ концѣ прошедшаго или началѣ нынѣшняго столѣтія, въ рукопись разныхъ житій, хранящуюся въ Печской патріаршіи, подъ заглавіемъ: „Исторія ѡ родослови Славено Сербскаго народа“. Подлинникъ, вѣроятно, былъ тотъ самый, съ котораго снятъ Дечанскій списокъ; 3) копія, сдѣланная въ 1791 году Іосифомъ іеромонахомъ Троношскаго монастыря (близь Лозницы, въ Сербіи) и напечатанная, съ подновленнымъ правописаніемъ, въ V книгѣ „Гласника Друштва Србске Словесности“. Я буду приводить цитаты по первому списку, который мнѣ кажется лучшимъ.

землях Траческіих поселишася; ѿтъ нихже ѿвогда по един, ѿвогда два и по три краля имѣяхꙋ. Тако в тисꙋщно петнадесятое лѣто бяше въ долнеи Миси во Епирѣ, нинѣ зовом(омъ) Піротъ, князъ силніи именем Геѡргій иже и звашеся царь Славенскій, котори уже Расию положил бѣ в конечное разореніе.......» [1])

Въ этомъ сказаніи о сильномъ Болгарскомъ государѣ, который, около 1015 года, властвовалъ въ Эпирѣ и придавалъ себѣ великое, неслыханное въ исторіи, наименованіе *царя Славянскаго*, слышится намъ смутный отголосокъ дѣлъ Самуиловыхъ. Какія бы ни были его отношенія къ владѣтелямъ Босніи и Расы, но достовѣрно то, что прилегающія къ Расѣ края: Липляне (т. е. Косово поле) и Моравище (т. е. край у верховьевъ р. Моравы, гдѣ города Морава, Вранья и Лѣсковецъ, имѣвшій прежде независимаго жупана) вошли при Самуилѣ въ составъ Болгарскаго государства [2]).

«Между тѣмъ, разсказываетъ Діоклейскій лѣтописецъ, короля Владиміра держали въ цѣпяхъ въ Самуиловой столицѣ Преспѣ. Денно и нощно предавался онъ посту и молитвѣ, и въ видѣніи явился ему ангелъ Господень, укрѣпляя его и предвѣщая ему, что̀ будетъ съ нимъ, ка̀къ Богъ избавитъ наконецъ его изъ темницы и ка̀къ онъ чрезъ мученичество достигнетъ царствія небеснаго и получитъ вѣнецъ неувядаемый и блаженство вѣчной жизни. Укрѣпленный видѣніемъ ангельскимъ, Владиміръ еще болѣе посвящалъ себя молитвѣ и посту. Случилось тогда, что дочь императора Самуила, по имени Косара, сокрушившись сердцемъ и подвигнутая Духомъ Святымъ, пришла къ своему отцу и стала просить у него позволенія пойти съ своими служанками умыть голову и ноги узникамъ и плѣннымъ.

[1]) Дальнѣйшій разсказъ лѣтописи относится къ другой эпохѣ, къ событіямъ въ концѣ XI вѣка.

[2]) См. Кедр. II 467: πρέσβεις ἐκ... Μωροβίσδου καὶ Λιπενίου и т. д. Косово поле заключало въ себѣ *жупы* Липляне и Лабъ (см. Шафар. Изборъ хрисовоулъ, 3 и др.): Липляне, — въ старину городъ и митрополія, — теперь село между Приштиною и Неродимлею; жупа Лабъ получила свое названіе отъ рѣчки, текущей въ Ситницу. Жупа Морава или Моравище упоминается неоднократно въ сербскихъ памятникахъ. Что она имѣла прежде Самуилова времени независимаго правителя или жупана, видно изъ словъ Константина Багрянороднаго, который пишетъ (de cor. aul. Byz. II 48. εἰς τὸν ἄρχοντα Χρωβατίας. εἰς τον ἄρχοντα Σέρβλων. εἰς τὸν ἄρχοντα τῶν Ζαχλούμων. εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Κανάλη. εἰς τὸν ἄρχοντα τῶν Τραβούνων. εἰς τὸν ἄρχοντα Διοκλείας. εἰς τὸν ἄρχοντα Μωραβίας. ἐπιγραφὴ εἰς αὐτούς. κέλευσις ἐκ τῶν φιλοχρίστων πρὸς τὸν ὁ δεῖνα τὸν ἄρχοντα τῆςδε. Что здѣсь подъ именемъ Моравіи разумѣлась не сѣверная, Великая Моравія, а *жупа* Сербской земли, ясно какъ изъ сопоставленія ея съ другими Сербскими жупами, такъ и изъ повелительнаго тона, въ какомъ Византійскій императоръ писалъ къ ея владѣтелю (извѣстно, что въ X вѣкѣ Сербскіе жупаны признавали надъ собою, конечно лишь по имени, верховную власть этихъ государей); при томъ же во время Константина Багрянороднаго Великая Моравія давно уже перестала имѣть своихъ владѣтелей и находилась въ рукахъ Венгровъ.

Получивъ согласіе отца, она вошла въ темницу и совершила доброе дѣло. Она увидала Владиміра, увидала его красоту, его смиреніе, тихость и скромность, она увидала, что онъ былъ исполненъ разума и мудрости Господней, и остановилась говорить съ нимъ; и рѣчи его показались ей слаще меда и сота. И такъ, не изъ плотской страсти, а изъ состраданія къ его молодости и красотѣ, и слыша, что онъ былъ король и королевскаго рода, она полюбила его, и поклонившись ему, удалилась. Она рѣшилась избавить его изъ цѣпей и пришедши къ императору, простерлась въ ногахъ его и сказала: »Отецъ мой и государь! я знаю, что ты намѣренъ дать мнѣ мужа, по обычаю; и такъ, если угодно твоему Величеству, дай мнѣ теперь мужемъ Владиміра, твоего узника, или знай, что я скорѣе умру, нежели выйду за другаго«. Слыша это, императоръ Самуилъ, который весьма любилъ свою дочь и зналъ притомъ, что Владиміръ рода королевскаго, сильно обрадовался и согласился на ея просьбу. Онъ тотчасъ послалъ за Владиміромъ и, когда его умыли въ банѣ и облекли въ королевскую одежду, велѣлъ его привести къ себѣ, и взирая на него милостиво и поцѣловавъ его предъ боярами (magnatibus) своего царства, передалъ ему свою дочь. Отпраздновавъ свадьбу своей дочери по царскому обычаю, императоръ возвелъ Владиміра въ санъ королевскій, возвратилъ ему землю и королевство его отцовъ и далъ ему еще всю землю Драчскую. Потомъ онъ послалъ къ Драгоміру, брату [1]) Владимірову, и велѣлъ сказать ему, чтобы онъ сошелъ съ горъ (служившихъ ему убѣжищемъ, вѣроятно Черной горы) и возвратился въ свою землю, въ Требинье, и собралъ опять народъ и населилъ свою землю; что̀ и было исполнено».

Изъ этого повѣствованія можно заключить, что Самуилъ, прошедши югозападную часть Сербскихъ земель, рѣшился утвердить свое господство въ этихъ краяхъ чрезъ посредство мелкихъ туземныхъ правителей, которые вступали къ нему въ отношенія вассаловъ и которыхъ онъ старался привязать къ себѣ родственными связями. Нельзя ни утверждать, ни отвергать истины прекраснаго разсказа Діоклейца о Косарѣ; но византійскіе историки удостовѣряютъ насъ, что Самуилъ дѣйствительно выдалъ одну изъ своихъ дочерей за владѣтеля Подгорія Владиміра, и что правитель этотъ умѣлъ хранить миръ въ своей области, среди всеобщей борьбы, которая кипѣла тогда на Балканскомъ полуостровѣ. Они тоже упоминаютъ о томъ, что владѣнія правителя южной Сербіи распространялись въ это время до Драча. Но мы видимъ изъ ихъ разсказа, что самый

[1]) Въ этомъ мѣстѣ лѣтописецъ называетъ его дядею, а нѣсколько далѣе—братомъ Владиміра: сравн. выше, стр. 173.

городъ Драчъ съ его пристанью не былъ отданъ Владиміру: Драчъ былъ нуженъ для самой Болгаріи, какъ природная гавань Охридскаго края. Изъ повѣствованія ихъ, сличеннаго съ словами Діоклейца, мы вправѣ заключить, что сѣверная часть Албанскаго поморья отъ границъ Подгорія до Драча, съ древними городами Баромъ, Скадромъ, Дривастомъ, Свачемъ, Эльбассаномъ, Лешемъ и другими, была отдана Самуиломъ въ управленіе его зятю, и эту-то страну Діоклеецъ разумѣлъ подъ имѣнемъ Драчской земли.

Мы прочли о Владимірѣ повѣствованіе Серба-католика, дошедшее до насъ въ переводѣ латинскомъ. Есть о святомъ сербо-албанскомъ князѣ другое сказаніе, возникшее въ югозападной Болгаріи, въ православной средѣ, вѣроятно въ монастырѣ, имъ самимъ основанномъ близъ Эльбассана, и сохранившееся въ греческой передѣлкѣ [1]). Въ этомъ сказаніи есть, правда, большіе анахронизмы [2]), въ которыхъ, впрочемъ, виновенъ, можетъ быть, не первоначальный его составитель, Болгаринъ, а позднѣйшій греческій редакторъ. Тѣмъ не менѣе почти весь разсказъ о Владимірѣ (которому здѣсь, кромѣ его славянскаго имени, придается еще другое, христіанское, Іо-

[1]) Заглавіе его слѣдующее:
Εἰς τὸν ἅγιον ἐν βασιλεῦσι μεγαλομάρτυρα Ἰωάννην τὸν σημειοφόρον μυροβλύτον τὸν θαυματουργὸν Βλαδίμηρον. Это житіе было напечатано въ Москополѣ, и принадлежитъ къ величайшимъ библіографическимъ рѣдкостямъ. Сербскій археологъ г. Верковичъ, бывши въ Эльбассанѣ, доставилъ мнѣ списокъ съ хранящагося въ тамошнемъ монастырѣ экземпляра. Я полагаю, что окажу услугу изслѣдователямъ старины юго-славянской, перепечатавъ при первой возможности это любопытное сказаніе. Въ немъ говорится, въ двухъ мѣстахъ что оно заимствовано изъ болгарскаго (т. е. славянскаго) источника. Греческая передѣлка довольно нова, какъ видно по языку. Не найдется ли когда-нибудь славянскій подлинникъ? Извлеченіе изъ этого житія, вмѣстѣ съ службою святому, помѣщено также въ послѣдованіи Іоанна Владиміра, напечатанномъ въ Москополѣ, подъ заглавіемъ: Τῇ κβ' τοῦ Μαΐου μηνὸς ψάλλομεν τὴν ἀκολουθίαν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Βλαδιμήρου καὶ θαυματουργοῦ.

[2]) Главный анахронизмъ тотъ, что Іоанна-Владиміра это сказаніе называетъ сыномъ Сербскаго государя Немани и его супруги Анны, родомъ Гречанки. Въ эту ошибку очевидно впали уже въ то время, когда Неманя являлся въ преданіяхъ народа первымъ родоначальникомъ Сербскихъ государей; этимъ извѣстнымъ именемъ замѣнили, вѣроятно въ позднѣйшей редакціи житія Владиміра, а, можетъ быть, только въ греческой переработкѣ его, забытое имя отца Владимірова. Другая ошибка вкралась въ указаніе года, въ который построенъ былъ св. Владиміромъ монастырь Эльбассанскій: обозначенъ S. Т. 3. (6307 — 799) годъ; если это не позднѣйшая вставка, то вѣроятно анахронизмъ произошелъ отъ какого-нибудь переписчика, который вмѣсто S. Ф. 3. (999) написалъ S. Т. 3; составитель же греческой передѣлки нашелъ уже, какъ кажется, эту ошибку въ своемъ текстѣ „болгарскаго синаксара“, и на ней основалъ исчисленіе времени, истекшаго отъ эпохи Владиміра; изъ его словъ видно, что дошедшая до насъ греческая передѣлка сказанія принадлежитъ къ началу XVI вѣка: „ναὸς ᾠκοδομήθη καὶ ἐκτίσθη εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ τοῦ ἁγίου τοῦ ὁποίου καὶ τὸ ἅγιον λείψανον... ἑπτακοσίους χρόνους καὶ ἐπέκεινα εὑρίσκεται ἐδῶ μέσα, ἀπὸ κτίσεως κόσμου ς. τ. ζ.“

аннъ) носитъ очевидный отпечатокъ неподдѣльнаго историческаго преданія. Онъ именуется въ этомъ сказаніи потомкомъ Сербскихъ государей [1]); его предки участвовали въ распространеніи христіанства, когда оно, подъ покровительствомъ Болгарскаго царя Симеона, проповѣдывалось св. Климентомъ Охридскимъ, и были ревностными противниками богомильской ереси. «И онъ, говоритъ житіе, не посрамилъ своихъ предковъ, но былъ полонъ небесной благодати, кротокъ и смиренъ, молчаливъ и полонъ благочестія. Въ юношескихъ лѣтахъ онъ удалялся отъ окружавшихъ его господскихъ дѣтей и любилъ предаваться молитвѣ. Онъ изучилъ божественныя книги [2]). Когда онъ возросъ, его поручили одному *стратигу*, который обучилъ его военному искусству; онъ въ короткое время такъ усовершенствовался въ немъ, что всѣ дивились его мужеству, но наравнѣ съ успѣхами въ дѣлѣ воинскомъ росли его успѣхи въ добродѣтели и благочестіи. Когда окончено было его образованіе, родители женили его на дочери Самуила, «царя Болгарскаго и Охридскаго». Потомъ онъ наслѣдовалъ престолъ своихъ родителей, и сталъ обладать Далмаціею и Албаніею. Его столицею былъ городъ Албасъ (нынѣ Албассанъ или Эльбассанъ въ средней Албаніи). Это извѣстіе о Владимірѣ, какъ о правителѣ южнаго поморья Сербскаго [3]) и значительной части Албаніи, весьма важно, и подтверждаетъ показаніе Діоклейца о томъ, что великій жупанъ Подгорскій, сдѣлавшись вассаломъ Болгарскаго царства, получилъ въ управленіе сѣверную половину Албаніи почти до Драча, т. е. область нынѣшнихъ Албанцевъ-Геговъ. Хотя въ греческомъ житіи подчиненіе Владиміра царямъ Охридскимъ не выражено прямо, однако и тамъ Самуилъ представляется повелителемъ не только Болгарскихъ, но и Сербскихъ земель, а Владиміръ именуется его союзникомъ. Свидѣтельство этого житія объ Эльбассанѣ, какъ о столицѣ Владиміра, несомнѣнно подтверждается существованіемъ тамъ монастыря, посвященнаго его имени, и въ которомъ до сихъ поръ чтится его память. Объ основаніи этой обители довольно подробно разсказано въ житіи Владиміра: «Близъ его царскаго дворца и строеній государственныхъ на-

[1]) Ошибочная вставка имени Немани, какъ его отца, уже объяснена выше.

[2]) Краткое житіе, помѣщенное въ „Послѣдованіи“, говоритъ, что воспитателемъ Іоанна-Владиміра былъ „тогдашній святѣйшій и мудрѣйшій архіепископъ Охридскій, Николай.“

[3]) Составитель или позднѣйшій переводчикъ житія распространяетъ власть Владиміра на весь Иллирикъ и даже на Сремъ (εἰς τὰ ὅρια τοῦ παμμάκαρος Ἰωάννου τὴν Δαλματίαν λέγω, τὸ Ἄλβανον, καὶ τὸ Σύρμιον, καὶ εἰς τὸ Ἰλλυρικόν), т. е. на всѣ края Сербскаго государства Неманичей; но это, очевидно, позднѣйшая амплификація; въ самомъ житіи вся дѣятельность Владиміра сосредоточена только около границъ Охридской Болгаріи, на Адріатическомъ побережьѣ.

ходился небольшой домикъ, къ которому ночью никто подходить не смѣлъ, потому что это мѣсто было страшное и темное, окруженное водою протекающей тамъ рѣки [1]); отъ густоты деревьевъ лучи солнца и мѣсяца никогда туда не проникали, и человѣка устрашало множество дикихъ звѣрей, тамъ живущихъ (какъ и теперь, — прибавляетъ сказаніе,—хотя въ продолженіе времени мѣсто это значительно измѣнилось и отчистилось). Однажды, уже послѣ смерти своего отца, блаженнѣйшій Іоаннъ-Владиміръ, по своему обыкновенію, поѣхалъ туда верхомъ, въ сопровожденіи троихъ изъ своихъ бояръ. Вдругъ они увидѣли какъ бы орла, на головѣ котораго сіялъ, подобный солнцу, крестъ; когда они, слѣдуя за этимъ чудеснымъ явленіемъ, проникли въ чащу, то крестъ остановился надъ домикомъ. Они соскочили съ коней и пали ницъ передъ крестомъ. Владиміръ тотчасъ началъ строить на этомъ мѣстѣ храмъ Божій и украсилъ его иконою распятаго Христа; онъ непрестанно ходилъ туда молиться; часто онъ, ночью, одинъ удалялся въ чащу и всю ночь проводилъ въ сокровенной молитвѣ. Тамъ, въ храмѣ, построенномъ во имя святаго Іоанна-Владиміра благочестивыми людьми, положены были и хранятся до нынѣ его нетлѣнныя мощи».

---

[1]) Скумби

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внутреннія дѣла Болгаріи при Самуилѣ. Богомильство. Состояніе церкви у Сербовъ.

Прежніе государи Болгарскіе, Борисъ, Симеонъ, Петръ, при безконечныхъ распряхъ своихъ съ Греческою имперіею, всегда старались, мы знаемъ, освободить Болгарскую церковь отъ вліянія и власти Византіи, и поэтому много разъ заводили сношенія съ Римомъ. Еще болѣе, конечно, желалъ Самуилъ, чтобы Болгарія была независима отъ Цареградскаго патріархата, и склоненъ былъ къ сближенію съ папскимъ престоломъ: ибо Самуилъ былъ самый ожесточенный врагъ Византіи, какого представляетъ Болгарская исторія; онъ единственный государь Болгарскій, который во все время своего владычества (а онъ царствовалъ долго, 38 лѣтъ), не вступилъ ни въ какое сношеніе, ни въ какой договоръ съ Константинопольскимъ правительствомъ. Притомъ, водворившись на берегу Адріатическаго моря, подчинивъ себѣ южныя области Сербскія, Самуилъ сдѣлался обладателемъ земель, которыя находились въ тѣсной связи съ противоположнымъ берегомъ Италіи и въ то время зависѣли въ церковномъ отношеніи отъ Рима. Тогда различіе въ началахъ между обѣими церквами еще не было такъ ощутительно, какъ оно сдѣлалось въ послѣдствіи. Край, которымъ управлялъ Владиміръ Подгорскій подъ верховною властію Самуила, составлявшій область древней митрополіи Діоклейской, признавалъ себя еще въ XI вѣкѣ подчиненнымъ Римскому патріархату, но конечно вовсе не считалъ себя отчужденнымъ отъ православныхъ церквей Востока [1]). Вѣроятно славянская литургія господствовала здѣсь совмѣстно съ признаніемъ іерархическаго главенства Рима, точно также какъ въ сѣверной части Далмаціи, въ державѣ Хорватскихъ государей, и конечно она

---

[1]) Эта неопредѣленность отношеній къ обѣимъ церквамъ, Восточной и Западной, проходитъ черезъ всю исторію Сербовъ до Немани (во второй половинѣ XII вѣка): мы увидимъ ее ясно обозначенною въ слѣдующую эпоху.

не претерпѣвала въ Діоклейской митрополіи тѣхъ гоненій, которымъ была подвержена въ митрополіи Сплѣтской, гдѣ латинскій элементъ былъ несравненно сильнѣе. — Сближаясь съ Римомъ, государи Болгарскіе, Борисъ, Симеонъ, Петръ, точно также какъ Самуилъ, послѣдовавшій ихъ примѣру, не думали мѣнять вѣру: они дѣлали шагъ политическій, а не духовный. Привлекая ихъ на свою сторону, папа своимъ патріаршимъ благословеніемъ давалъ ихъ власти освященіе, котораго они никакъ не могли получить отъ Византіи: онъ давалъ имъ право носить императорскій вѣнецъ и именоваться царями, и чрезъ то ставилъ ихъ въ глазахъ народа наравнѣ съ «боговѣнчанными» самодержцами Константинопольскими. Еще въ XIII вѣкѣ хранились въ Ватиканскомъ архивѣ документы о томъ, какъ Болгарскій государь Самуилъ возведенъ былъ Римскимъ первосвященникомъ въ санъ императорскій [1]). Документы эти не дошли до насъ, и мы не знаемъ никакихъ подробностей о сношеніяхъ Самуила съ Римомъ. Но что царскій титулъ, для котораго Самуилъ, чрезъ эти сношенія, получилъ освященіе отъ старѣйшаго изъ патріарховъ, остался ему присвоеннымъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Болгаре величали своего государя титуломъ *цѣсарь* (τζαῖσαρ [2]): слово, которое въ послѣдствіи сократилось и стало произноситься *царь*. Изъ иностранныхъ памятниковъ не только Діоклейская лѣтопись и извѣстная намъ Сплѣтская запись 994 года именуютъ Самуила Болгарскимъ императоромъ, но даже византійскіе историки не рѣдко придаютъ ему титулъ βασιλεύς, не смотря на то, что они всегда такъ завистливо берегутъ его исключительно для преемниковъ Константина Великаго.

Принятіе Самуиломъ императорскаго титула и его сближеніе съ Римомъ не могло остаться безъ вліянія на церковныя отношенія Болгарскаго государства. Церковь Болгарская, я сказалъ, всегда стре-

[1]) Gesta Innocentii III, ed. Baluze, pag. 52 (Caloioanni domino Blancorum et Bulgarorum): Petisti vero humiliter ut coronam tibi Ecclesia Romana concederet, sicut illustris memoriae Petro, Samueli et aliis progenitoribus tuis in libris tuis legitur concessisse. Nos igitur ut super hoc majorem certituditem haberemus, regesta nostra perlegi fecimus diligenter; ex quibus evidenter apparet quod in terra tibi subjecta multi reges fuerant coronati. А въ письмѣ къ Иннокентію, Іоаннъ Асѣнь говоритъ: inquisivi antiquorum nostrorum scripturas et libros et beatae memoriae Imperatorum nostrorum praedecessorum leges, unde ipsi sumpserunt regnum Bulgarorum et firmamentum, imperialem coronam super caput eorum et patriarchalem benedictionem; et diligenter perscrutantes in eorum invenimus scripturis, quod beatae memoriae illi Imperatores Bulgarorum et Blancorum Simeon, Petrus et Samuel nostri praedecessores coronam imperii eorum et patriarchalem benedictionem acceperunt a sanctissima Dei Romana ecclesia et ab apostolica Sede, principe apostolorum Petro.

[2]) Смотри ниже разсказъ о пораженіи Болгарскаго государя Іоанна-Владислава, племянника Самуилова, когда Болгарскіе воины, въ паническомъ страхѣ, кричали своему царю: βεζεῖτε ὁ τζαῖσαρ (такъ записано въ византійской лѣтописи, Кедр. II, 466), т. е. „бѣзите, о цѣсарь“ (бѣгите, о царь).

милась къ независимости отъ Константинопольскаго патріархата. Византія всегда боялась, чтобы Болгарская церковь въ этомъ стремленіи не отложилась отъ православнаго міра и не подчинилась Риму, какъ едва не случилось при самомъ введеніи христіанства въ Болгаріи. Потому, когда, въ царствованіе Петра Симеоновича, ослабѣвшая Болгарія на нѣсколько времени вступила въ союзъ съ Византійскимъ дворомъ и перестала ему угрожать, то Византія рѣшилась даже провозгласить Болгарскую церковь независимою и признать за нею права особаго патріархата, лишь бы только удержать ее отъ сношеній съ папою, къ которымъ Петръ былъ весьма склоненъ, при всей своей дружбѣ съ Византійскими государями. Мы знаемъ, что при Петрѣ Болгарская церковь была признана независимымъ (автокефальнымъ) патріархатомъ [1]). Вся іерархія въ Болгаріи была народная [2]). Но когда Болгарія была покорена Цимисхіемъ, то и церковная независимость ея должна была прекратиться. Цимисхій низвелъ преемника Даміанова съ патріаршаго престола и уничтожилъ первый патріархатъ Болгарскій. Могъ ли Самуилъ возстановить его?—При немъ какъ гражданская столица Болгаріи, такъ и духовная, естественно должна была перейти на югъ: архіепископъ Болгарскій Германъ, называвшійся также (вѣроятно въ иночествѣ) Гавріиломъ, пребывалъ частію въ Преспѣ, частію въ Воденѣ (въ южной Македоніи) [3]); его преемники Филиппъ и Давидъ [4]) стали жить въ Охридѣ. Они, разумѣется, имѣли въ управленіи церковью такую же полную независимость, какъ предшественникъ ихъ, патріархъ Силистрійскій или Прѣславскій, и, можетъ быть, принимали даже титулъ патріаршескій; но права на этотъ титулъ они, конечно, получить не могли. Цимисхій, безъ сомнѣнія, уничтожилъ патріархатъ Болгарскій также торжественно и съ такою же каноническою законностью, какъ Романъ Лакапинъ призналъ его. Возстановить этотъ патріархатъ новымъ приговоромъ Цареградскаго «синклита» нельзя было, при непрекращавшемся разрывѣ съ Византійскимъ правительствомъ, которое считало Самуила мятежникомъ; а искать утвержденія новому патріархату Болгарскому въ Римѣ было бы безполезно, потому что папы, охотно признавая за правителями Болгаріи высшій титулъ государственный, никогда не соглашались, по понятному расчету, даровать ея церкви право на іерархическую

---

[1]) См. выше, стр. 115.

[2]) По свидѣтельству Лекіеновскаго каталога, Левъ, назначенный архіепископомъ Болгаріи при императорѣ Константинѣ Мономахѣ (1042–1054), былъ въ ней *первый* греческій владыка, πρῶτος ἐκ Ῥωμαίων.

[3]) См. въ каталогѣ Лекіена, о которомъ сказано выше, стр. 115.

[4]) Архіепископъ Давидъ не помѣщенъ въ Лекіеновскомъ каталогѣ; онъ намъ извѣстенъ изъ Кедрина.

самостоятельность. Вотъ все, что мы въ состояніи сказать съ достовѣрностью о положеніи Болгарской іерархіи при Самуилѣ.

Мы должны думать, что неоправившаяся еще отъ тяжелой борьбы съ Святославомъ и Цимисхіемъ и лихорадочно напрягавшая всѣ силы для возстановленія своего бытія, Болгарія при Самуилѣ стояла далеко уже не на той степени духовнаго процвѣтанія, которой она достигла въ началѣ X вѣка, при Симеонѣ. Ересь богомильская уже сильно въ ней господствовала. Я замѣтилъ выше, что средоточіемъ преемниковъ манихейскаго дуализма, называвшихся павликіянами [1]), въ IX вѣкѣ была Арменія и что армянскіе павликіяне стали проповѣдывать въ Болгаріи при самомъ обращеніи ея въ христіанство [2]). Мы видѣли, какъ сильно привился дуализмъ на болгарской почвѣ, какъ уже при Петрѣ Симеоновичѣ выступилъ въ Болгаріи такой ересіархъ, который далъ свое имя цѣлой дуалистической церкви. Распаденіе Болгарскаго государства послѣ Петра и неустройство, тогда послѣдовавшее (между прочимъ и уничтоженіе самостоятельности Болгарской церкви), должно было способствовать къ ослабленію въ Болгаріи неукоренившагося еще православія и къ распространенію ереси. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что манихейство, издавна преслѣдуемое Византійскимъ правительствомъ, становилось въ Болгаріи въ оппозицію противъ власти Греческаго императора и, стараясь принять тамъ характеръ народнаго исповѣданія, привлекало къ себѣ послѣдователей не только религіозною своею стороною, но и политическою. Самъ завоеватель Болгаріи, Іоаннъ Цимисхій, непреднамѣренно содѣйствовалъ усиленію въ ней ереси. Вскорѣ послѣ мира съ Святославомъ, онъ совершилъ счастливый походъ въ Малую Азію и привелъ съ собою оттуда, именно изъ Халивіи и Арменіи, множество плѣнныхъ; въ числѣ которыхъ немало павликіянъ или манихеевъ. Народъ этотъ былъ воинственный, и Цимисхій поселилъ ихъ, какъ упомянуто выше, въ окрест-

[1]) Въ то время манихейство или гностицизмъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не существовалъ уже, но дуализмъ, въ немъ такъ сильно развившійся и проникшій въ кругъ христіанскаго міра, возникалъ въ новыхъ ересяхъ, въ которыхъ современники справедливо признавали преемство манихейскаго ученія. Кромѣ павликіянъ, особенно важны были массаліане и евхиты. Ученый авторъ сочиненія о дуалистическихъ ересяхъ средне-вѣковой Европы, Шмидтъ, отвергаетъ происхожденіе богомиловъ или катаровъ отъ этихъ восточныхъ сектъ (Histoire des Albigeois ou Cathares, II, 252—266); но мнѣ кажется, что онъ придалъ слишкомъ много значенія частнымъ разногласіямъ ихъ теорій и обрядовъ. Исторія всѣхъ возможныхъ сектъ свидѣтельствуетъ о безпрестанныхъ перемѣнахъ въ ихъ ученіи, хотя оно переходило преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Впрочемъ, славянскіе источники, которые были недоступны Шмидту, вѣроятно измѣнили бы его взглядъ на этотъ предметъ: ибо въ нихъ совершенно ясно указывается на происхожденіе богомильства отъ дуалистическихъ ересей Востока.

[2]) См. выше, 58.

ностяхъ Филиппополя [1]). Онъ хотѣлъ достигнуть этимъ двойной цѣли, говоритъ Анна Комнина: удалить опасныхъ враговъ имперіи изъ горныхъ, неприступныхъ убѣжищъ ихъ родины, гдѣ они постоянно готовы были возмущаться, и сдѣлать изъ нихъ слугъ государства, поручивъ имъ охраненіе Филиппополя съ близлежащими ущеліями Гемоса (Балкана) и поставивъ ихъ тамъ оплотомъ противъ набѣговъ сѣверныхъ *Скиѳовъ* на Ѳракію.—За эту войсковую службу имъ была обѣщана свобода вѣроисповѣданія [2]). Они воспользовались своимъ положеніемъ. «Народъ свободолюбивый и непокорный [3]), они, сдѣлавшись господами Филиппополя, стали угнетать немногихъ бывшихъ тамъ православныхъ жителей, не слушались приказаній императора и дѣятельно распространяли свое ученіе. Все кругомъ Филиппополя,—я выписываю изъ лѣтописи Анны Комнины,—сдѣлалось еретическимъ; и съ тамошними еретиками слился еще другой горькій потокъ, исходившій изъ армянскаго источника»,—она разумѣетъ туземныхъ славянскихъ дуалистовъ, богомиловъ. Когда Болгарія возстала, эти Филиппопольскіе павликіяне, кажется, перешли на ея сторону. Независимо отъ Филиппопольской области, дуалистическая ересь, мы можемъ сказать положительно, господствовала сильно въ Македоніи, около Охрида, въ самомъ сердцѣ Самуиловой державы и въ сосѣднихъ краяхъ. Правда, мы не находимъ на это прямаго указанія въ современныхъ извѣстіяхъ; но мы знаемъ, съ одной стороны, что павликіяне имѣли во второй половинѣ IX вѣка свою организованную церковь въ Македоніи, а съ другой, что въ концѣ XI вѣка все населеніе какого-то города въ Охридскомъ краѣ принадлежало къ ереси [4]) и что въ XII-мъ в. богомилы составляли большинство населенія Могленской епархіи [5]) (въ средней части Македоніи): поэтому не можетъ быть сомнѣнія, что и въ промежуткѣ между

[1]) Anna Comnena, ed. Paris. 451—452.

[2]) Это можно заключить изъ всего разсказа Анны Комнины о переселеніи павликіянъ въ Филиппополь.

[3]) Anna Comn. тамъ же: οἱ μέντοι Μανιχαῖοι φύσιν ὄντες ἐλεύθεροι καὶ ἀνυπότακτοι, τὸ εἰωθὸς ἐποίουν, καὶ εἰς τὴν φύσιν ἀνέκαμπτον, πᾶσα γὰρ ἡ Φιλιππούπολις πλὴν ολίγων ὄντων Μανιχαίων, τῶν τε αὐτόθι χριστιανῶν ἐτυράννουν καὶ τὰ τούτων διήρπαζον, μικρὰ φροντίζοντες ἢ οὐδὲν τῶν ἀποστελλομένων παρὰ Βασιλέως. ηὔξανε τοίνυν, καὶ τὰ κύκλω Φιλιππουπόλεως πάντα ἦσαν αἱρετικοί. συνεισέβαλε δὲ καὶ τούτοις ἕτερος παταμὸς ὁ τῶν Αρμενίων ἅλμυρος καὶ ἄλλος ἀπὸ τῶν θολεροτάτων πηγῶν Ἰακώβου.

[4]) Вильгельмъ Тирскій (въ разсказѣ о первомъ крестовомъ походѣ, 1096 г.): „ils (крестоносцы) allèrent établir leur camp dans un pays très fertile, nommé Pélagonie. Ils apprirent qu'il y avait dans le voisinage une ville qui n'était habitée que par des hérétiques...“ Guillaume de Tyr, въ собраніи переводовъ средне-вѣковыхъ историковъ Франціи.

[5]) См. житіе Иларіона Могленскаго.

этими двумя эпохами вліяніе дуалистическаго ученія не прекращалось въ тѣхъ мѣстахъ.

Православіе нашло въ Самуиловой державѣ ревностнаго поборника въ лицѣ пресвитера Космы. Онъ дѣйствовалъ по всей вѣроятности въ послѣдней четверти X вѣка, т. е. въ началѣ царствованія Самуила. Время его жизни опредѣляется тѣмъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о царствованіи Петра († 967) какъ о прошедшемъ [1]), но съ другой стороны указываетъ на Іоанна Экзарха, какъ на такого дѣятеля, котораго помнили еще многіе изъ слушавшихъ его проповѣдь [2]); Іоаннъ же былъ современникомъ Симеона († 927) и, вѣроятно, жилъ еще при его сынѣ Петрѣ. — Бесѣды Космы противъ богомиловъ дошли до насъ [3]); это единственный памятникъ болгарской письменности въ эпоху Самуила. Почти всѣ онѣ направлены противъ богомиловъ [4]). Гдѣ ихъ писалъ Космы, въ сѣверной ли Болгаріи, или въ Забалканской, отгадать невозможно; но видно, что онъ направлялъ ихъ одинаково противъ обоихъ толковъ, раздѣлявшихъ дуалистическую ересь [5]). Гдѣ бы онѣ ни родились, «Бесѣды» его даютъ намъ понятіе о тогдашнемъ ученіи болгарскихъ богомиловъ и отчасти даже о политической роли, какую они играли. Познакомимся ближе съ тѣмъ, что Косма говоритъ объ этихъ еретикахъ, имѣвшихъ столь великое вліяніе на внутреннюю жизнь древней Болгаріи: свидѣтельство современника и туземца въ этомъ отношеніи неоцѣнимо. Разумѣется, читатель будетъ помнить, что современникъ этотъ писалъ въ увлеченіи борьбы съ богомилами, которые казались ему «злѣе и мерзче бѣсовъ», и что, стало быть, сужденіе его о нихъ не могло оставаться вполнѣ безпристрастнымъ. Тѣмъ не менѣе, по-

---

[1]) Космы пресвитера Бесѣда на богомиловъ (Православный Собесѣдникъ, 1864, ч. 1 стр. 487): „Якоже случися въ Болгарьстій земли, въ лѣта правовѣрнаго царя Петра, бысть попъ, именемъ Богумилъ“ и проч.

[2]) Тамъ же, ч. 2, стр. 425: „Подражайте Ивана прозвитера новаго, его же и отъ васъ самѣхъ мнози знаютъ, бывшаго пастуха и ексарха иже въ земли Болгарьстѣй“.

[3]) Онѣ изданы въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1864 годъ, по рукописи, принадлежавшей Соловецкой библіотекѣ и относимой къ XV вѣку; другое, неполное и весьма неисправное изданіе помѣщено въ Загребскомъ „Архивѣ Юго-Славянской Исторіи“ за 1857 годъ, по списку съ рукописи Московской духовной Академіи XVI вѣка.

[4]) Эти бесѣды носятъ общее заглавіе: „Недостойнаго Козмы прозвитера бесѣды на новоявившуюся ересь богомилу“. Первая бесѣда не имѣетъ особаго заглавія; затѣмъ слѣдуютъ бесѣды: 2) о комканіи (т. е. о причастіи); 3) о литургіяхъ; 4) о пророцѣхъ; 5) о ненавидѣніи еретическомъ; 6) о исповѣданіи еретическомъ; 7) о мятущихся черньцѣхъ; 8) о хотящихъ отъити въ черныя ризы; 9) о затворницѣхъ; 10) о добрѣхъ черньцѣхъ; 11) о вѣрѣ; 12) о богатыхъ; 13) о епископѣхъ и попѣхъ. Только бесѣды 7, 8, 9, 10, 12 и 13 не имѣютъ прямаго отношенія къ богомильству.

[5]) Это доказываютъ приведенныя уже (стр. 133) слова Космы, гдѣ онъ различаетъ тѣхъ богомиловъ, которые празнавали злое начало творцомъ всего, отъ тѣхъ, которые называли его отпадшимъ ангеломъ или икономомъ (т. е. правителемъ) вселенной.

казанія его объ ихъ ученіи и способѣ проповѣди подтверждаются другими источниками, греческими, славянскими и западными, да и нельзя, впрочемъ, предполагать въ немъ искаженія самыхъ догматовъ богомильства. Онъ серьозно выставляетъ каждое положеніе противниковъ церкви и опровергаетъ его на основаніи Священнаго Писанія: если бы опровергаемыя положенія не выражали дѣйствительнаго ученія богомиловъ, то книга Космы не могла бы имѣть на нихъ никакого вліянія и не достигала бы своей цѣли, т. е. обращенія еретиковъ [1]). Какъ же современникъ Самуила рисуетъ главныя черты богомильства? — Я буду придерживаться буквально словъ Космы.

«Многихъ слышимъ, говоритъ онъ, отъ нашихъ (т. е. православныхъ) бесѣдующихъ: почто Богъ діаволу попущаетъ на человѣка?» Вотъ первый вопросъ, который приготовлялъ нетвердыхъ въ христіанской истинѣ къ принятію манихейскаго ученія. На этотъ вопросъ богомилы отвѣчали теоріею дуализма: «все существуетъ, говорили они, по волѣ діавола: небо, солнце, звѣзды, воздухъ, землю, человѣка, церкви, кресты и все Божіе діаволу предаютъ и просто все движущееся на землѣ и одушевленное и неодушевленное называютъ принадлежащимъ діаволу... И опять, слыша слова Господа: *нынѣ князь міра сего осудися:* и опять: *нынѣ князь міра сего пріидетъ и въ мнѣ не обрящетъ ничесоже* — слыша эти слова, еретики, властелиномъ и княземъ прозвали діавола твари Божіей». Но въ самой теоріи дуализма было разногласіе, которое Косма сознавалъ ясно; онъ говоритъ, что одни изъ еретиковъ «діавола *творца* нарицаютъ человѣкомъ и всей твари Божіей... иніи же *ангела отпадша* нарицаютъ его; друзіи же *иконома* (т. е. управителя) неправеднаго творятъ его... не бо состоятся вкупѣ рѣчи ихъ, но разновлекутся, аки гнила свита» (т. е. ибо ихъ рѣчи не согласуются, но влекутся розно какъ гнилое сукно). Приписывая созданіе человѣка началу зла, дуалисты гнушались младенцевъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, господствовало единственно начало это, давшее имъ жизнь, и отвергали ихъ крещеніе: «святое крещеніе отмещутъ, свидѣтельствуетъ Косма, гнушающеся крестимыхъ младенецъ. Аще бо ся имъ случитъ видѣти дѣтищь младъ, то аки смрада зла гнушаются, отвращающеся плюютъ....: мамоничища бо ѧ҄ (т. е. младенцевъ) зовутъ, мняще ѧ҄ діаволичища зовуще...» Все ветхозавѣтное они также приписывали началу зла: «отмещутъ (отвергаютъ) Авраама... и Данила и Азарь-

[1]) Ср. что говоритъ объ этомъ Шмидтъ, II, 3: „On ne saurait donc hésiter à ajouter fo aux adversaires (de la doctrine des Cathares) et à considérer leurs ouvrages comme des sources authentiques et suffisantes, sauf à leur appliquer une critique sévère et à se mettre en garde contre les exagérations de leur zèle orthodoxe“.

ины чади и прочихъ пророкъ не пріемлютъ;... [1]) Іоанна же, предтечу и зарю великаго солнца, безчествуютъ, антихристова предтечу наричуще й, его же самъ Господь больша всѣхъ святыхъ показа». Явленіе добра въ мірѣ они видѣли въ Іисусѣ Христѣ, но, какъ уже замѣчено, не почитали Его единороднымъ Отцу, а младщимъ сыномъ Божіимъ, старшаго же именовали Сатанаиломъ, и Сатанаилу приписывали (въ той теоріи, гдѣ дуализмъ не возводился въ начало искони присущее Божеству) созданіе всей твари, основывая это ученіе на ложномъ толкованіи евангельской притчи о двухъ сынахъ [2]). Толкованіе Евангелія не сходило съ ихъ устъ: «покрываютъ лицемѣрнымъ смиреніемъ ядъ свой, ктому же еще святое Евангеліе въ своихъ рукахъ держатъ, и не должнымъ образомъ толкуя его, тѣмъ уловляютъ людей на ихъ пагубу», пишетъ нашъ свидѣтель. Но какъ они толковали Евангеліе? Образчикъ тому мы уже видѣли въ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ; но кромѣ того, Косма сообщаетъ намъ много другихъ положеній этой ереси: «Преславныя и пречистыя Богоматере Господа нашего Іисуса Христа не чтутъ, пишетъ онъ,... ихъ же рѣчи и гордости нельзѣ писати въ книги сія». «Что же они говорятъ о святомъ причастіи? не Божіимъ-де повелѣніемъ творится евхаристія и она не есть, какъ вы (т. е. православные) говорите, настоящее тѣло Христово, но какъ и всякій другой простой хлѣбъ: ибо не Христосъ сотворилъ литургію, и поэтому мы не должны творить ея въ честь Его» [3]). — «О крестѣ же Господнемъ они такъ горятъ соблазняясь: какъ ему кланяться? Сына Божія на немъ распяли Жиды, такъ что крестъ скорѣе противенъ Богу. Потому они учатъ своихъ ненавидѣть его, а не кланяться, говоря слѣдующее: если бы кто царева сына убилъ древомъ, можетъ ли древо то быть любо царю? такъ и крестъ Богу». Въ другомъ мѣстѣ Косма говоритъ про этихъ еретиковъ, что они «посѣкаютъ кресты» и дѣлаютъ изъ нихъ себѣ орудія; иконамъ они не кланяются и называютъ ихъ кумирами; ругаются мощамъ и смѣются надъ нами (православными), когда видятъ

[1]) Ср. Euthymii Zygadeni (жилъ въ XII вѣкѣ) Narratio de Bogomilis ed. Gieseler. 6: 'Αθετοῦσι πᾶσας τὰσ Μωσαϊκὰσ βίβλους и проч. Житіе св. Иларіона Могленскаго: „Где пакы, въпрошаю васъ (говоритъ Иларіонъ богомиламъ), изобрѣтосте душетленную сію язву, еже глаголати, яко древній законъ отъ лукаваго бѣше?“

[2]) Этотъ взглядъ богомиловъ ясно выраженъ у Евѳимія Зигадина (главы VI, VII; ср. Schmidt. II, 59). Косма, имѣя въ виду опроверженіе обоихъ дуалистическихъ толковъ, смѣшиваетъ ихъ въ этомъ отношеніи: „Слышаще во евангеліи Господа рекша притчу о двою сыну, Христа убо творятъ старѣйшаго сына, меньшаго же еже есть заблудилъ отца, діавола мѣнятъ, и сами и мамону прозваша и того творца нарицаютъ и строителя земныхъ веществъ“ и т. д.

[3]) Слова Священнаго Писанія о тѣлѣ и крови Господней богомилы толковали въ переносномъ смыслѣ: тѣломъ называли тетро-евангеліе (четвероевангеліе), кровью — апракосъ-апостолъ.

насъ поклоняющимися имъ и просящими отъ нихъ помощи. — Обращаясь съ рѣчью къ самими богомиламъ, Косма говоритъ: «Какъ же вы чины святые хулите, преданные намъ святыми апостолами и богоносивыми отцами, а именно литургію и прочія молитвы, творимыя добрыми христіанами, и говорите: не апостолы литургію предали ни евхаристію, но Іоаннъ Златоустый?... И церковный чинъ хулите, іереевъ и всѣ саны церковные? фарисеями слѣпыми зовете правовѣрныхъ поповъ и много на нихъ лаете, аки псы на конника?» А когда православные ссылались на то, что церковная іерархія ведетъ свое начало отъ апостоловъ, богомилы отвѣчали: «если вы люди священные, какъ вы говорите, — то почто не живете, какъ вамъ повелѣно?.... мы не видимъ васъ такими, какъ повелѣли апостолы: на перекоръ тому все дѣлаютъ попы, упиваются, грабятъ и другое зло втайнѣ творятъ;.... епископы же, не будучи въ состояніи воздерживаться, какъ воздерживаемся мы, — богомилы, — устраняютъ насъ отъ молитвъ, а отъ грѣха не удаляютъ». — «Еретики (выписываю въ другомъ мѣстѣ изъ «бесѣды» Космы), слыша апостола Павла, сказавшаго о кумирахъ: не подобаетъ намъ повиноваться злату и сребру, сотворенному хитростію человѣческою, — мнятъ окаянные, что объ иконахъ это сказано, и нашедши себѣ въ этомъ словѣ предлогъ, не кланяются наединѣ [1]) иконамъ...» «Еретики сами въ себѣ исповѣдь творятъ и рѣшатъ, сами будучи связаны узами діавола; и не только мужи это творятъ, но и жены...». Отвергая все внѣшнее, они являлись строгими аскетами. «Діавола... творца нарицаютъ и строителя земныхъ веществъ, и говорятъ, что того велѣніе брать женъ и мясо ѣсть и вино пить; и просто все похуливши наше, сами себя небесными жителями считаютъ, а женящихся людей и живущихъ въ міру мамониными слугами зовутъ». Самъ Косма, слова котораго я продолжаю выписывать, видѣлъ огромное вліяніе этого аскетизма на народъ: «Суть еретики, говоритъ онъ, извнѣ яко овцы образомъ кротки и смиренны, и молчаливы, блѣдны же суть видѣти отъ лицемѣрнаго поста, не говорятъ многословно, не смѣются грохотомъ, не рядятся, хранятся отъ взора, и все творятъ извнѣ такъ что и не разознать ихъ съ правовѣрными христіанами, изнутри же суть волки и хищники, какъ сказалъ Господь. Ибо люди, видя толикое и такое ихъ смиреніе, и почитая ихъ людьми правовѣрными и могущими направить на спасеніе, приближаются къ нимъ и вопрошаютъ ихъ о спасеніи души; они же, подобные волку хотящему взять ягненка, сперва потупляются, воздыхая, и съ смиреніемъ отвѣчаютъ и

[1]) Далѣе Косма говоритъ, что среди православныхъ они лицемѣрно покланяются иконамъ.

притворяются имѣющими предвѣдѣніе о томъ, что на небесахъ, и гдѣ узрятъ человѣка простаго и грубаго, тутъ сѣютъ плевелы ученія своего... Но скажу и другія слова ихъ, коими они уловляютъ грубыхъ людей; они говорятъ: не подобаетъ трудиться, занимаясь земными дѣлами, когда Господь рекъ: не пецѣтеся, что ясте или что піете или во что облечетеся, всѣхъ бо тѣхъ, рече, страны поганыя ищутъ. Оттого иные изъ нихъ ходятъ празно, ни до чего не хотятъ дотронуться руками своими, но переходятъ изъ дома въ домъ, съѣдая чужое имѣніе прельщаемыхъ ими людей...» Богослуженіе у богомиловъ состояло въ слѣдующемъ, по словамъ Космы: «кланяютъ-ются, затворшеся въ хизѣхъ (жилищахъ) своихъ, четырижды днемъ и четырижды нощію и вся пятеро врата отверсты имуще, яже повелѣна суть затворити; кланяющеся глаголютъ: Отче нашъ, иже еси на небеси; но и то на велико осужденіе имъ есть: иже творца небу и земли отцемъ нарицати словесы, а тварь его діаволю тварь мнятъ. Кланяюще же ся не творятъ креста на лици своемъ». Даже въ день Воскресенія Христова они постились, кланялись и дѣлали «ручныя дѣла», какъ въ обыкновенные дни; не признавали никакихъ изъ установленныхъ церковью праздниковъ. — Косма разсказываетъ намъ, что богомилы не только отвергали устройство православной церкви, но почитали богопротивнымъ весь гражданскій порядокъ, среди котораго они жили: «учатъ своя си не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыхъ, царей ненавидятъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ боляры, мерзки Богу мнятъ работающихъ царю и всякому рабу не велятъ работати господину своему». Къ сожалѣнію, нашъ свидѣтель не говоритъ ничего объ ихъ собственной организаціи. Но мы въ правѣ заключить изъ другихъ извѣстій, что эта организація была крѣпкая и тайная; что въ Болгаріи богомилы имѣли нѣсколько *церквей* [1]; что эти церкви были двухъ толковъ: македонскаго или дреговичскаго (съ ученіемъ объ исконномъ и вѣчномъ дуализмѣ) и собственно-болгарскаго (съ ученіемъ о первенствѣ добраго начала въ Божествѣ) [2]; что члены богомильской *церкви* были раздѣлены на двѣ ступени, простыхъ вѣрующихъ и избранныхъ или *совершенныхъ*, которые достигали этого званія послѣ искуса [3]; что каждая *церковь* имѣла своего старшину или епископа [4]; что иногда (а можетъ быть и постоянно) надъ всѣми богомильскими *церквами* стоялъ высшій учитель, который, уподобляя себя Христу,

---

[1]) См. выше стр. 58, свидѣтельство Петра Сицилійскаго и Фотія о павликіянскихъ церквахъ въ Македоніи, въ Филиппахъ и въ Ахаѣ.

[2]) См. что объ этомъ сказано выше, стр. 133.

[3]) См. Шмидта, II, 139—150.

[4]) См. тамъ же.

окружалъ себя двѣнадцатью учениками или апостолами [1]): такимъ учителемъ былъ самъ попъ Богомилъ въ X вѣкѣ, и мы не имѣемъ права сомнѣваться въ томъ, что власть его передавалась преемственно послѣ его смерти, пока не перешла къ тому монаху Василію, который жилъ въ исходѣ XI и началѣ XII вѣка и о которомъ мы имѣемъ подробное извѣстіе.

Такова характеристика богомиловъ, оставленная намъ современникомъ Самуила. Она объясняетъ причину ихъ быстрыхъ успѣховъ и огромнаго расширенія, какъ между Задунайскими Славянами, такъ и въ Западной Европѣ. Ученіе это дуализмомъ своимъ отвѣчало, конечно не утѣшительно, но доступно грубому уму, на вопросъ о причинѣ господства зла на свѣтѣ; оно обращалось къ народу съ проповѣдью, которую почерпало изъ словъ Евангелія, произвольно толкуемыхъ, и старалось казаться поборникомъ чистыхъ началъ евангельскихъ, въ противность всему ветхозавѣтному и всѣмъ нововведеніямъ позднѣйшихъ вѣковъ церкви; на толкованіи Евангелія оно основывало отреченіе отъ всего внѣшняго и строгій аскетизмъ; этимъ отреченіемъ отъ внѣшняго и наружнымъ аскетизмомъ оно фанатизировало своихъ прозелитовъ (подобное тому явленіе представляютъ въ послѣдствіи пуританцы); оно (и въ этомъ опять сходство съ пуританствомъ) съ одной стороны вооружало своихъ послѣдователей противъ существующаго порядка, церковнаго и гражданскаго, а съ другой, подчиняло ихъ своей особенной, строгой и бдительной, общественной власти и дисциплинѣ.

Составляя такимъ образомъ твердо организованное общество среди общества, отвергая установленія церкви и не признавая законными никакихъ властей, кромѣ своихъ собственныхъ учителей, богомилы, естественно, навлекали на себя вражду и гоненіе. Косма намекаетъ на такія гоненія; весьма вѣроятно, что они были сильны при царѣ Петрѣ, отличавшемся такою ревностью къ церкви, что Болгарія причислила его къ святымъ. Какъ въ послѣдствіи на Западѣ, такъ, конечно, и въ Болгаріи, ересь при первомъ своемъ появленіи скрывалась отъ взоровъ общества, и приверженцы ея въ случаѣ до-

---

[1]) См. Анну Комнину, XIV (стр. 487 Парижск. изд.): Βασίλειος τισ μοναχὸς ὡδύνων δώδεκα μὲν ἔχων μαθητάς, οὓς καὶ ἀποστόλους ὠνόμαζεν... ἅπαντες δὲ (Βογόμιλοι) Βασίλειόν τινα κατήγγελον διδάσκαλον καὶ κορυφαῖον πρωτοστάτην τῆς Βογομιλικῆς αἱρέσεως и проч. Сравни съ этимъ положеніе Болгарскаго собора 1210 г., предавшее проклятію „тръклятаго Богомила и Михаила оученика его и Өеѡдора и Добрѣ и Стефана и *Василіа* и Петра и прочяя еговы оученики и единомѫдрѣники“ (Синодикъ царя Бориса, см. выше, стр. 131): можно предполагать, что здѣсь приведены не тѣ ученики Богомила, которые окружали его при жизни, а его преемники, начальники секты, и что Василій есть именно тотъ, о которомъ говоритъ Анна Комнина и который былъ главою богомиловъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ (+ 1118).

проса отпирались отъ своихъ мнѣній. «Еретики, говоритъ Косма, не хотятъ славить святыхъ и Божія чудеса похуляютъ; если же кто ихъ вопрошаетъ, такъ ли творите и глаголете, отрекаются и съ клятвою говорятъ: мы не таковы, какъ вы усиливаетесь насъ представить; и столько отвергаются отъ своихъ дѣлъ и молитвъ, что не подумаютъ, чтобы въ нихъ было что либо злаго». «Страха ради человѣческаго, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и въ церковь входятъ, и крестъ и иконы цѣлуютъ, какъ намъ разсказываютъ которые отъ нихъ обратились на нашу истинную вѣру, утверждая, что они все это дѣлаютъ ради людей, а не по сердцу, втайнѣ же кроютъ свою вѣру». Однако лицемѣріе не спасало ихъ отъ преслѣдованій; самъ Косма свидѣтельствуетъ объ этомъ, и даже указываетъ на гоненія, какъ на одну изъ причинъ успѣха богомиловъ, мученія которыхъ возбуждали состраданіе и сочувствіе народа: «Многіе не знаютъ, что есть ересь ихъ, и считаютъ ихъ страждущими за правду и имѣющими воспріять плодъ отъ Бога за узы и темницы... Но какъ могутъ они кому бы то ни было быть милыми, хотя и страждутъ десятками тысячъ (тмами), когда они діавола называютъ творцемъ людей!» и проч. Были ли эти гоненія дѣломъ Самуила, или Косма говоритъ о прошедшемъ, объ эпохѣ Петра? Трудно рѣшить это. Вопросъ объ отношеніяхъ Самуила къ богомильской ереси весьма важенъ при опредѣленіи характера его дѣятельности, но мы можемъ отвѣчать на него только догадками. При Цимисхіи, павликіянство, мы знаемъ, свободно распространялось въ Болгаріи, да и греческіе начальники, только что взявшіе въ руки новопокоренное славянское государство, конечно, имѣли довольно заботъ, чтобы только держать матеріально въ повиновеніи обширныя области, и не могли думать о религіозныхъ вопросахъ. Но могъ ли и Самуилъ думать объ нихъ? Могъ ли онъ отважиться на разбирательство религіозныхъ убѣжденій своихъ подданныхъ и на гоненіе одной части ихъ? Онъ только что освободилъ свое отечество отъ иноплеменнаго ига; чтобы упрочить его независимость, онъ завоевывалъ или подчинялъ своему вліянію далекіе края на югъ и на западъ; онъ долженъ былъ возобновить порядокъ управленія въ растерзанной державѣ Болгарской, устроить подати, создать систему военной обороны и въ то же время вести постоянную борьбу съ врагомъ непримиримымъ и неотступнымъ, — Византійскимъ правительствомъ. Въ такое время, очевидно, государь Болгарскій не могъ заниматься обращеніемъ или преслѣдованіемъ еретиковъ въ своемъ отечествѣ. Молчаніе Космы о Самуилѣ многознаменательно: если бы онъ принималъ какія нибудь мѣры для низложенія богомиловъ, то этотъ ревностный поборникъ церкви не преминулъ бы похвалить его. Гоненія же, о которыхъ говоритъ Косма, или относились ко времени

царя Петра, которое было тогда еще свѣжо въ памяти народа, или же предпринимались, въ томъ или другомъ мѣстѣ, самимъ православнымъ населеніемъ и духовенствомъ, помимо воли государя (примѣры тому изобилуютъ въ исторіи). Мало того: мы не только въ правѣ считать Самуила равнодушнымъ къ распространенію богомиловъ; мы можемъ даже предполагать, что онъ самъ не чуждъ былъ ихъ вліянію. Самъ Косма намекаетъ на то, что богомилы пользовались въ его время покровительствомъ власти: «Если, говоритъ онъ, попъ гдѣ либо впалъ въ ихъ вѣру, то онъ тѣмъ самымъ отвергъ все наше; ежели же и держитъ его кто либо, то *страха ради властелей земныхъ;* а умъ его и любовь далеко отъ закона преданнаго святымъ церквамъ». Житіе св. Іоанна Владиміра прямо называетъ племянника Самуилова Владислава и его жену приверженцами богомиловъ [1]), а занесенное въ армянскую лѣтопись сказаніе о происхожденіи Самуила отъ Армянъ [2]) имѣло по всей вѣроятности источникомъ ходившую въ народѣ молву о томъ, что онъ придерживался «армянской ереси», какъ называли въ Болгаріи манихейское ученіе и его новый отпрыскъ, богомильство. Но при всемъ томъ я не посмѣю признать его явнымъ послѣдователемъ ереси. Если бы Самуилъ открыто стоялъ на сторонѣ богомиловъ, то, конечно, папа не рѣшился бы послать ему своего «апостольскаго благословенія и императорскаго вѣнца», да и греческіе лѣтописцы, дышащіе ненавистью къ нему, не преминули бы выставить этого злѣйшаго врага Византіи еретикомъ и противникомъ Христовой истины. При недостаткѣ всякихъ вѣрныхъ указаній, можно догадываться только, что Самуилъ, котораго религіозное положеніе было не менѣе трудно, чѣмъ политическое, — онъ былъ поставленъ между Восточною церковью, при полномъ однако разрывѣ съ ея тогдашнею представительницею, Византіею, съ одной стороны, Римомъ съ другой, и богомильствомъ съ третьей, — что Самуилъ, говорю я, старался держаться въ нѣкоторомъ равновѣсіи между ними и льстилъ и папскому двору и ереси, не отрекаясь однако же отъ православія, вѣры своихъ предшественниковъ и большинства народа. Точно также поступали въ послѣдствіи, въ подобныхъ обстоятельствахъ, нѣкоторые Боснійскіе государи. При такомъ коле-

---

1) Житіе св. Владиміра: ὁ πονηρὸς διάβολος.... παρακινεῖ μῖσον καὶ ἔχθραν.... εἰς τὸν ἀδελφὸν τῆς γυναικός του τῆς Βασιλίσσης (здѣсь говорится о св. Іоаннѣ Владимірѣ и его женѣ, дочери Самуила, а братомъ этой послѣдней названъ ея двоюродный братъ Владиславъ), καὶ ἐτεχνεύθη κατὰ τοῦ δικαίου (св. Владиміра) ἄδικον θάνατον.... μάλιστα παρακινούμενος τὴν Δαλιδᾶν καὶ πονηροτάτην ὁμόζυγον καὶ κακότροπόν του γυναῖκα οἱ ὁποῖοι, ὡς αἱρετικοί, βαστῶντες ταῖς ρίζαις τῆς ἰοβόλου αἱρέσεως τῶν Βογομίλων καὶ Μασσαλιανῶν, ὁποῦ εἰκόνας δὲν ἤθελαν νὰ προσκυνοῦν, ἀλλὰ ἦτον εἰκονομάχοι καὶ ἔχθροι τοῦ σταυροῦ, и проч.

2) См. выше, стр. 195.

банія и неискренности убѣжденій, которыми управляли политическіе расчеты, — и папа и павликіяне-богомилы могли считать его своимъ приверженцемъ; но зато православные Болгаре, привыкшіе видѣть въ прежнихъ своихъ царяхъ ревностныхъ поборниковъ церкви, должны были усомниться въ его вѣрѣ. Этимъ мы объясняемъ совершенное отсутствіе имени Самуила въ памятникахъ православной письменности болгарской и полное забвеніе, которому предалъ великаго своего бойца народъ Болгарскій, съ благодарностью вспоминавшій о его благочестивыхъ предшественникахъ, Борисѣ, Симеонѣ и Петрѣ [1]).

Вотъ все, что можно съ нѣкоторою вѣроятностью сказать о внутренней политикѣ Самуила и о внутреннемъ состояніи Болгаріи подъ его управленіемъ. Состояніе ея въ отношеніи къ религіозной жизни было безотрадное: это ясно изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ, и сочиненія Космы пресвитера свидѣтельствуютъ, что таково было дѣйствительно чувство современныхъ поколѣній, или по крайней мѣрѣ тѣхъ людей, которые дорожили православною вѣрою. Отчаянье овладѣвало ими, когда они сравнивали предыдущую эпоху, время Бориса и Симеона, съ настоящимъ, и Косма принужденъ былъ дѣйствовать убѣжденіемъ противъ такого отчаянья. «Подражайте, — увѣщеваетъ онъ современныхъ епископовъ Болгарскихъ, — подражайте бывшимъ прежде васъ въ вашемъ санѣ святымъ отцамъ и епископамъ, я разумѣю Григорія и Василія и Іоанна и прочихъ, имена которыхъ боятся вспомнить бѣсы, которыхъ печали и скорби о людяхъ кто въ силахъ пересказать, которыхъ памятью веселятся ангелы и люди!» — «*Не рци никто же*, продолжаетъ онъ: *не мощно (невозможно) есть въ сія лѣта такому быти, тіи быша святіи велиціи и крѣпціи, и лѣта ихъ добра, нынѣ же зла насташа.* О отцы, не помышляйте! Той бо бывый Богъ и тогда, и нынѣ той же есть и во вѣки и всегда, на всѣхъ мѣстѣхъ милуетъ призывающихъ Его. Подражайте Іоанна пресвитера новаго, егоже и отъ васъ самѣхъ мнози знаютъ, бывшаго пастуха (т. е. пастыря) и ексарха иже въ земли Болгарстѣй. *И не глаголите: не можетъ тако быти въ сія лѣта.* Вся бо Богъ можетъ, аще мы хощемъ сами». — Но вмѣстѣ съ этими словами утѣшенія и надежды вырывались у Космы слова глубокой скорби и гнѣва, когда онъ говорилъ о современномъ ему религіозномъ состояніи Болгаріи. Онъ горько укорялъ духовенство за пороки: особенно обличалъ онъ чернцовъ, которые, увлекаемые какимъ-то безпокойствомъ, не находятъ себѣ мѣста, *мятутся*, ищутъ чего-то, и безъ толку отправляются то

[1]) Кромѣ краткихъ замѣтокъ на славянскомъ переводѣ Манассіиной лѣтописи, гдѣ имя Самуила упоминается въ парафразахъ извѣстій, записанныхъ въ греческомъ текстѣ, оно является въ дошедшихъ до насъ славянскихъ памятникахъ только одинъ разъ, именно въ Зографскомъ помяникѣ.

въ Римъ, то въ Іерусалимъ и другія мѣста. Во всей Болгаріи онъ видѣлъ съ одной стороны распространеніе дуалистическихъ толкованій, съ другой господство суевѣрій и обрядовъ языческой старины. «Съ гусльми и плесканіемъ и пѣсньми бѣсовскими вино пьютъ и срящамъ (встрѣчамъ) и сномъ и всякому ученію сатанину вѣруютъ», говоритъ онъ о своихъ современникахъ Но главную опасность составляла для Болгарской церкви въ ту пору, скажу опять, дуалистическая ересь. И потому Косма, проклиная всѣ враждебныя православію вѣрованія, господствовавшія въ его отечествѣ, проклиналъ именно только положенія богомиловъ. Его слова въ этомъ отношеніи такъ опредѣлительны, что я ихъ выпишу, чтобы завершить ими очеркъ духовнаго состоянія Болгаріи въ концѣ X и началѣ XI вѣка: «Иже не вѣруетъ во святую и нераздѣльную Троицу, да будетъ проклятъ. Иже святаго комканія (евхаристію) не мнитъ святаго тѣла и крове Христовы, да будетъ проклятъ. Иже не молится со упованіемъ Святѣй Богородици Маріи, да будетъ проклятъ. Иже не кланяется со страхомъ честному Кресту Господню, да будетъ проклятъ. Иже иконы Господня и Богородичины и всѣхъ святыхъ со страхомъ и любовію не цѣлуетъ, да будетъ проклятъ. Иже словесъ евангельскихъ и апостольскихъ не имать въ честь, да будетъ проклятъ. Иже святыхъ пророкъ не мнитъ Святымъ Духомъ пророчествовавшихъ, но о своемъ умѣ, да будетъ проклятъ. Иже святыхъ всѣхъ не чтетъ ни кланяется мощемъ ихъ съ любовью, да будетъ проклятъ. Иже хулитъ святыя литургіи и вся молитвы, преданныя христіаномъ апостолы и отцы святыми, да будетъ проклятъ. Иже всея твари видимыя и невидимыя не мнитъ Богомъ сотворенны, да будетъ проклятъ. Иже развращаетъ о себѣ (т. е. отъ себя, по своему разсужденію) словеса еваньгельская и апостольская, а не держитъ, якоже исправиша святіи мужи, да будетъ проклятъ. Иже не творитъ Богомъ даннаго Моисеови закона (т. е., кто не почитаетъ Закона даннымъ Моисею Богомъ), но о себѣ нѣкако блядетъ (но отъ себя, по своему разсужденію, ложно толкуетъ), да будетъ проклятъ. Иже на лукахъ (т. е. съ изворотами), а не всею мыслію пріимаетъ правила сего, да будетъ проклятъ. Иже не мнитъ церковныхъ сановъ Господемъ и апостолы строены, да будетъ проклятъ. Иже женитву чистую хулитъ и богатыхъ, носящихъ брачныя ризы съ говѣніемъ (т. е. благоговѣйно), да будетъ проклятъ. Иже мяса ядущихъ хулитъ и вино въ законъ піющихъ и не достойны суща глаголетъ тѣмъ внити въ царствіе Божіе, да будетъ проклятъ».

О внутреннемъ состояніи Сербской земли въ это время мы почти ничего не знаемъ. Надъ нею лежитъ еще глубокій мракъ, который разсѣется только въ XII вѣкѣ. Въ дѣлахъ церковныхъ Сербская

земля еще зависѣла болѣе отъ Рима, нежели отъ Византіи, хотя нѣтъ сомнѣнія, что съ подчиненіемъ южныхъ ея краевъ верховному господству Болгарскаго царя, слабая церковь Сербская должна была перейти отчасти подъ вліяніе Болгарской іерархіи. Я называю Сербскую церковь того времени слабою. Дѣйствительно, мы увидимъ въ послѣдствіи, что только въ XII и XIII вѣкѣ христіанство было утверждено между Сербами и настоящимъ образомъ укоренено въ народѣ. Только въ концѣ XII и началѣ XIII в. св. Сава *просвѣтилъ* Сербскую землю *христіанствомъ*. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что въ предыдущую эпоху христіанство, которому Сербы равнодушно подчинились еще въ VII вѣкѣ, не успѣло проникнуть въ народъ. Князья и *властели*, а равно жители приморскихъ городовъ, конечно исповѣдывали христіанскую вѣру, но масса народа въ своихъ горахъ оставалась въ полуязыческомъ состояніи, не имѣя ни церквей, ни монастырей, ни епископовъ. Этимъ объясняется отсутствіе литературной дѣятельности у Сербовъ до Немани (вступилъ на престолъ въ 1144 г.). Этимъ объясняется безучастіе Восточной и Западной церкви къ вопросу о томъ, къ которой изъ нихъ должна принадлежать Сербія, тогда какъ она, по своему положенію, всего скорѣе могла сдѣлаться, и дѣйствительно сдѣлалась въ послѣдствіи, спорною землею между ними. Безучастіе это было таково, что мы рѣшительно не можемъ сказать, были ли Сербы въ X и XI вѣкѣ православными или римскими католиками. Архіепископъ Діоклейскій и Антиварскій зависѣлъ отъ Рима и имѣлъ притязаніе быть духовнымъ главою всѣхъ Сербскихъ земель [1]); власть его, вѣроятно, распространялась на южную часть Сербскаго приморья или княжество Діоклейское (иначе Подгоріе), но въ его епархіи было, кромѣ латинскаго духовенства, и греческое *или* славянское (такъ писалъ папа Александръ II въ 1062 г.), т. е. православное. Отъ Рима зависѣли также архіепископы полу-итальянскихъ, полу-славянскихъ городовъ Дубровника и Сплѣта и, конечно, имѣли вліяніе на сосѣднія сербскія города нынѣшней Герцеговины. Внутри же Сербской земли былъ только одинъ епископъ, именно въ Расѣ [2]), древней столицѣ великихъ жупановъ Сербскихъ, и этотъ епископъ былъ, какъ кажется, членомъ православной церкви. Но изъ этого я не заключаю, чтобы внутреннія земли Сербскія принадлежали безусловно къ Восточной церкви, а приморскія—къ Западной, хотя нѣтъ сомнѣнія, что на Адріатическомъ приморьѣ первенствовало вліяніе Рима, въ

---

[1]) См. буллу папы Александра II, 1062 г., къ Петру архіепископу Антиварскому и Діоклейскому.

[2]) Гдѣ нынѣ Новый Пазаръ.

внутреннихъ краяхъ — Болгаріи и Византіи. Я повторяю прежнюю мысль: христіанство было въ ту пору еще такъ слабо между Сербами, что ни Восточная, ни Западная церковь не обращали вниманія на то, кому они принадлежатъ, а сами они не отдавали себѣ отчета въ различіи исповѣданія, подчиняясь въ этомъ отношеніи случайному вліянію, такъ что и Римъ и православная церковь могли считать ихъ своими. Ясный примѣръ тому представляетъ намъ св. Владиміръ, князь Подгорскій, зять Самуиловъ. И православные и католики признали его святымъ; первые восхваляли его ревность къ православію, вторые — къ католицизму. Дѣло въ томъ, что Владиміръ былъ хорошимъ, ревностнымъ христіаниномъ; а которому изъ двухъ исповѣданій, раздѣлявшихъ христіанскій міръ, онъ хотѣлъ слѣдовать, объ этомъ онъ не помышлялъ и не помышляли еще современные ему Сербы.

Изъ Болгаріи легко могла проникнуть къ Сербамъ богомильская ересь и тѣмъ легче распространиться между ними, чѣмъ слабѣе было въ нихъ сознаніе христіанскихъ истинъ и незначительнѣе церковныя учрежденія въ ихъ краѣ. Дѣйствительно, греческое житіе св. Владиміра свидѣтельствуетъ о господствѣ ереси въ его владѣніяхъ и объ его стараніяхъ искоренить ее [1]). Но эти старанія, какъ видно, не имѣли большаго успѣха, и въ слѣдующую эпоху мы найдемъ богомильство сильно развитымъ въ Сербскихъ земляхъ.

---

[1]) Τῶν Βογομίλων, τῶν αἱρετικῶν Μασσαλιανῶν ἡ κατάλυσις, ἡ τῆς πλανης καὶ τῆς πίστεως ἀνόρθωσις — такъ называетъ его житіе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Великая борьба Самуила съ Византіею.

995 — 1014.

Война съ Византіею никогда не прекращалась совершенно при Самуилѣ. Только со времени пораженія императора Василія, въ 981 г., до 995 г., она ограничилась незначительными дѣйствіями Болгаръ противъ Солуня и Ѳракійскихъ городовъ. Оба государя были, мы знаемъ, заняты далеко другъ отъ друга, одинъ на западѣ, другой на отдаленномъ востокѣ. Но въ 995 г. Самуилъ опять лично подступилъ къ Солуню. Онъ расположилъ свои войска въ засады и отправилъ небольшой отрядъ подъ самый городъ. Увидавъ Болгаръ, Солунскій начальникъ Григорій Таронитъ послалъ своего сына Ашота высмотрѣть силу и движенія непріятеля, и самъ вышелъ за нимъ въ поле. Ашотъ опрокинулъ передовые пикеты Болгарскіе, и преслѣдуя ихъ, попалъ въ засаду. Григорій бросился впередъ съ своимъ войскомъ, чтобы выручить передовой отрядъ, но, окруженный Болгарами, палъ въ бою, а сынъ его остался плѣнникомъ въ рукахъ Самуила. Другой Византійскій полководецъ, Армянинъ какъ и Григорій Таронскій, Саакъ князь Хандцитскій, былъ тоже взятъ въ плѣнъ [1]). Послѣ этого удачнаго дѣла, Болгарскій царь продолжалъ свой

---

[1]) Армянскій историкъ Асохикъ (перев. Эмина, 187) разсказываетъ слѣдующее: „Послѣ того, какъ непокорные, возставшіе противъ царя Греческаго, были истреблены, онъ, воспользовавшись досугомъ, въ 991 году, собравъ безчисленное множество войска, пошелъ на землю Булхаровъ отомстить за себя. Пришедъ, онъ осадилъ городъ Веру (т. е. Веррію), который взялъ, оставилъ тамъ сына князя Таронскаго, магистра Григорія, съ войскомъ противъ Булхаровъ (сравн. объ этомъ разсказъ Византійцевъ, переданный выше, стр. 212). Императоръ оставилъ съ Григоріемъ также Хандцитскаго князя Саака, сына Абела, неоднократно сражавшагося съ Булхарами. Булхарское войско совершило неожиданное на нихъ нападеніе; ему на встрѣчу вышелъ юноша Ашотъ, сынъ Григорія, и былъ взятъ въ плѣнъ. Его отецъ рѣшился, во что бы то ни стало, отомстить за сына; но онъ погибъ со всѣмъ своимъ воинствомъ на войнѣ, гдѣ бывшій съ нимъ Саакъ былъ также взятъ въ плѣнъ. — Послѣ того царь Василій прислалъ на востокъ вызвать патрика Жана (т. е. патриція Іоанна), убившаго Чортванела (одного изъ непокорныхъ императору Армянскихъ князей) и, назначивъ его ма-

походъ на югъ и, перейдя Темпійскую долину и рѣку Пеней (Саламврія), опять пронесся завоевателемъ черезъ Өессалію, Віотію и Аттику, и вторгся въ Пелопоннисъ. Все попадавшееся ему на пути предавалось разграбленію и огню, говоритъ византійскій лѣтописецъ: разумѣется, все то, что принадлежало правителямъ византійскимъ и греческимъ горожанамъ, а не то, что было собственностью хлѣбопашцевъ Славянъ. — Между тѣмъ въ Солунь прибылъ новый полководецъ изъ Константинополя, Никифоръ Уранъ, носившій громкое, но весьма умаленное Самуиломъ, званіе «начальника всего Запада», т. е. всѣхъ западныхъ (Европейскихъ) областей имперіи. Онъ двинулся по слѣдамъ Самуила, чтобы запереть его въ Греціи и отрѣзать ему возвратный путь. Миновавъ Олимпъ, онъ оставилъ въ Ларисѣ весь свой обозъ и тяжести. Съ легкимъ войскомъ онъ достигъ быстрыми переходами Фарсалійской равнины, переправился черезъ р. Апиданъ (теперь Ферсалити) и на берегу Сперхія (Аламана) [1] у Сѣтуны (древней Ламіи) встрѣтился съ Болгарскимъ войскомъ, которое, возвращаясь изъ Мореи съ множествомъ греческихъ плѣнныхъ, только что прошло Өермопильское ущелье. Рѣка раздѣляла ихъ. Она была необыкновенно высока отъ продолжительныхъ дождей, и ни тотъ ни другой не смѣлъ переходить потока; оба укрѣпились станомъ, Самуилъ на южномъ, Греки на сѣверномъ берегу Аламаны. Болгаре считали разлившуюся рѣку вѣрною защитою; но Урану посчастливилось найти бродъ. Ночью совершилъ онъ переправу и напалъ въ расплохъ на спящій станъ Болгарскій. Перебито было въ темнотѣ множество Болгаръ, растерявшихся и не думавшихъ о защитѣ. Самъ царь Самуилъ и сынъ его Гавріилъ-Романъ, сильно раненные, чуть не попались въ руки Грековъ: они спрятались между трупами и потомъ ушли, пользуясь темнотою; съ остаткомъ своего войска они пробрались въ горы Этоліи и оттуда, вершинами Пинда, достигли Охрида. Уранъ освободилъ греческихъ плѣнныхъ, обнажилъ трупы павшихъ Болгаръ, разграбилъ ихъ станъ и съ богатою добычею привелъ свое войско обратно въ Солунь.

гистромъ, отправилъ въ Македонію противъ Булкаровъ. Онъ далъ имъ не одно сраженіе съ необыкновеннымъ мужествомъ, но наконецъ, побѣжденный, попалъ въ руки врагамъ, которые отвели его въ свою землю и въ какой-то крѣпости заключивъ его въ темницу, держали какъ Саака и Ашота. Такимъ образомъ война съ Булкарами затянулась на многіе годы".

Позднѣйшій историкъ Арменіи, Матөей Эдесскій (Dulaurier, стр. 35) пишетъ, что въ 991 г. императоръ Василій одержалъ побѣду надъ Болгарами и смылъ ею стыдъ прежняго своего пораженія; это очевидно недоразумѣніе. Асохикъ, изъ котораго Матөей Эдесскій вѣроятно выписывалъ, говоритъ только, что Василій „хотѣлъ отомстить за себя"; но это ему тогда еще не удалось.

[1]) Течетъ въ сѣверной Греціи, нѣсколько южнѣе Турецкой границы.

То была неудача отъ неосторожности; новый ударъ готовила Самуилу измѣна въ собственной семьѣ. Мы знаемъ о романической любви его дочери Косары къ Владиміру Сербскому. Страннымъ образомъ въ византійскихъ источникахъ повторяется подобный разсказъ, но о другой дочери Самуила, имени которой они намъ не сохранили. Она влюбилась въ плѣннаго Ашота, сына прежняго Солунскаго воеводы Григорія Та онскаго. «Убью себя, если ты разлучишь насъ», говорила она отцу, и Самуилъ принужденъ былъ согласиться на бракъ ихъ. Когда кончились брачные пиры, Самуилъ отправилъ ихъ въ Драчъ, и назначилъ Ашота правителемъ этой приморской твердыни (996 г.). Ашотъ умѣлъ уговорить свою жену бѣжать съ нимъ въ Грецію. Въ одномъ изъ вельможъ Драчскихъ, Хрисиліи (имя обличаетъ въ Хрисиліи потомка прежнихъ греко-римскихъ жителей Драча, но для Грековъ того времени онъ казался уже Болгариномъ), нашелъ Ашотъ участника въ измѣнѣ. Съ Болгарскою царевною намѣстникъ и зять Самуиловъ скрылся изъ города и сѣлъ на одну изъ византійскихъ триремъ, которыя держали въ блокадѣ эту главную гавань Болгаріи. Они прибыли въ Цареградъ. Императоръ почтилъ Ашота званіемъ магистра, а дочери Болгарскаго царя пожаловалъ высшій женскій придворный санъ (ζωστή). Бѣглецы привезли съ собою письмо Хрисилія, въ которомъ онъ обѣщалъ передать Драчъ Грекамъ, если его и двухъ его сыновей наградятъ титуломъ патриціевъ. Василій, конечно, согласился, и въ Драчъ былъ впущенъ начальникъ Греческаго морскаго отряда, Евстаѳій Даѳномила [1]). Непонятно, какимъ образомъ Самуилъ, послѣ бѣгства своей дочери и Ашота, не умѣлъ предупредить дальнѣйшей измѣны въ Драчѣ: ибо въ сношеніяхъ императора съ Хрисиліемъ должно было пройти не мало времени.—Одинъ изъ сыновей этого предателя, Николай «Болгаринъ», въ послѣдствіи былъ начальникомъ греческаго войска въ Азіи, и въ 1033 г. сражался съ Персіянами у Вавилона [2]).

Съ своей стороны Самуилъ заводитъ такія же интриги. Приходится императору отправить въ ссылку, за тайныя сношенія съ Болгарскимъ царемъ, двухъ изъ знатнѣйшихъ своихъ сановниковъ, магистра Павла Вова, вельможу солунскаго, и знаменитаго въ то время своимъ умомъ и краснорѣчіемъ протоспаѳарія Малакина. Та же участь угрожала двумъ изъ лучшихъ греческихъ военачальниковъ, которымъ императоръ ввѣрилъ защиту Адріанополя: видя свои намѣренія открытыми, они оба перешли къ Самуилу, Ватаца со всѣмъ своимъ родомъ (это была потомъ одна изъ знаменитѣйшихъ фамилій византійскихъ) и Василій Главà (998 г.).

[1]) Кедр. II, 449 и слѣд.
[2]) Тамъ же, 502.

Императоръ наконецъ рѣшился опять предпринять лично походъ въ Болгарію (999 г.). Прежнимъ путемъ пошелъ онъ на Филиппополь и оттуда на Срѣдецъ (Софіа), но не подступая къ этому городу, довольствовался взятіемъ окрестныхъ Болгарскихъ укрѣпленій. Успѣхъ былъ еще небольшой, и Василій возвратился въ Мосинополь (въ южной Ѳракіи) [1]), чтобы готовиться къ новой войнѣ. Теперь, повидимому, онъ понялъ, какъ надобно было нападать на Самуила. Удары, направленные на Срѣдецъ, научили его, что въ срединѣ своей Болгарія была крѣпка. Нужно было поражать Самуила на краяхъ его огромной, безсвязной державы. Изъ тѣснаго треугольника между Цареградомъ, Солунемъ и Филиппополемъ, въ которомъ заключена была тогда Византійская имперія въ Европѣ, императоръ могъ по произволу устремляться то на Черноморскіе города Болгаріи, то на ея владѣнія въ Македоніи и Албаніи, то на южную ея оконечность, простиравшуюся до Лепантскаго залива; а могъ ли Самуилъ поспѣвать всюду на защиту?

Я назвалъ державу Самуила огромною, безсвязною массою. Можемъ ли мы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ ея объемѣ и устройствѣ въ то время, когда она вступила въ рѣшительную борьбу съ Византійскою имперіею?

Я уже описалъ ея средоточіе, область Охридскую, обнимавшую западную Македонію (нын. пашалыкъ Монастирскій) и всю нынѣшнюю среднюю и сѣверную Албанію. Мы знаемъ, какъ Самуилъ къ этому зерну своего государства присоединилъ на сѣверѣ часть земель, населенныхъ Сербами. На югъ его власть простиралась по древнему Эпиру, Этоліи и Акарнаніи: Никополь (близъ нын. Превезы на Артскомъ заливѣ) и Навпактъ (Лепанто) были болгарскими городами. Ѳессалію Самуилъ держалъ въ своихъ рукахъ посредствомъ нѣсколькихъ крѣпостей; но въ Элладѣ и Пелопоннисѣ власть его не успѣла упрочиться: предпринимая походы въ эти края, куда звало его, конечно, сочувствіе покоренныхъ Греками Славянъ (ибо если бы онъ искалъ только добычи, какъ увѣряютъ византійскіе писатели, то ходилъ бы за нею въ роскошныя окрестности Константинополя, а не въ бѣдную, каменистую, столько разъ ограбленную, Аттику и Морею), Болгарскій государь не имѣлъ времени перейти здѣсь отъ набѣговъ къ постоянному военному занятію страны. Зато во всей Македоніи до стѣнъ Солуня онъ утвердился посредствомъ цѣлой системы укрѣпленій, охранявшихся постоянными болгарскими гарни-

[1]) Положеніе намъ въ точности неизвѣстно, но видно, что Мосинополь находился въ южной Ѳракіи, гдѣ нибудь между Димотикою и Архипелагомъ. Въ „Leonis Sap. notitia" сказано, что Митрополиту „Trajanopolitano, Rhodopæ" подчинены епархіи: Didymotichi, Macræ, Mosynopoleos, Anastasiopoleos и проч.

зонами. Главные изъ этихъ военныхъ постовъ были, идя съ юга на на сѣверъ: Сербчище (по-греч. Серві̂а) [1]), Верріа [2]), Островъ, Сѣтена, съ дворцомъ Самуила, Водена, Нотія [3]), Могленъ, Сѣръ (по-греч. Серресъ), Мелевикъ на границѣ Ѳракіи, въ области Загорской, Струмница, окруженная нѣсколькими другими укрѣпленіями, теперь не существующими, Штипъ, Просѣкъ, лежавшій близъ Штипа, и наконецъ Скопле [4]). Средній узелъ Балкановъ (гдѣ нынѣ Кюстендиль и Дубница), охранялся крѣпостью Перникомъ [5]) и въ этой странѣ, столь важной для обладанія всѣми окрестными областями, у Самуила было, по свидѣтельству Византійцевъ, до *тридцати пяти* укрѣпленій, подчиненныхъ, какъ кажется, вѣдѣнію главнаго начальника въ Перникѣ [6]).

На сѣверъ отъ Балкановъ, Самуилъ владѣлъ всею Болгаріею до Чернаго моря. Внутри края у него были крѣпости Срѣдецъ, Нишъ, Великій Прѣславъ (близъ Шумлы). По Дунаю — Бѣлградъ, Бдынь (Вилинъ) и Прѣславецъ; только Силистрія находилась въ рукахъ Грековъ. — Византійскій лѣтописецъ упоминаетъ о какомъ-то общемъ начальникѣ крѣпостей внутренней Болгаріи (ὁ τῶν ἐνδοτέρω κάστρων τοπάρχης), но трудно сказать, какую именно изъ областей Болгарскихъ лѣтописецъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ.

Выше приведенное исчисленіе болгарскихъ крѣпостей показываетъ, что въ Македоніи и Албаніи сосредоточено было гораздо больше военныхъ силъ, чѣмъ на сѣверной сторонѣ Балкановъ. Рѣдко можно найти въ исторіи Славянъ такую обширную оборонительную военную систему, какъ та, которую въ концѣ X вѣка Самуилъ создалъ въ южныхъ областяхъ Болгаріи. Видно, мы не ошиблись, сказавши, что держава Самуилова, такъ быстро достигнувшая огром-

---

[1]) По-тур. Селвидже. Старое славянское имя, Сръбчище, сохранено въ переводѣ Зонары, о которомъ я упомянулъ выше.

[2]) Βέῤῥοια. Арменскій историкъ Асохигъ увѣряетъ, что Верріа была взята Византійскимъ императоромъ въ 991 г. (см. выше). Если это было такъ, то нужно полагать, что Верріа вскорѣ опять (вѣроятно послѣ гибели Григорія Таронскаго и его войска) перешла въ руки Болгаръ: это видно изъ дальнѣйшихъ событій.

[3]) Мѣстечко въ Могленскомъ краѣ.

[4]) Штипъ, по-тур. Истибъ, Скопле—Ушкюпъ.

[5]) Положеніе Перника опредѣляется какъ направленіемъ послѣдующихъ походовъ имп. Василія, въ которыхъ Перникъ упоминается, такъ въ особенности житіемъ св. Симеона Немани (изд. Шафар. стр. 8), гдѣ онъ помѣщенъ между Срѣдцемъ и Стобомъ (на югъ отъ Дубницы): стало быть онъ находился гдѣ нибудь около Дубницы или Самакова.

[6]) На это указываетъ разсказъ Кедрина (II, 467) о начальникѣ Перника, который явился къ Греческому императору въ сопровожденіи начальниковъ 35 укрѣпленій, сдавшихся вмѣстѣ съ нимъ, тогда какъ о крѣпостяхъ *внутренней* Болгаріи (т. е. на сѣверной сторонѣ Балкановъ) именно говорится тамъ же, что онѣ подчинены были другому общему начальнику (Βογδάνος ὁ τῶν ἐνδοτέρω κάστρων τοπάρχης).

ныхъ размѣровъ, представляла тѣло безсвязное: за недостаткомъ органическаго, народнаго единства между своими областями, могущественный завоеватель принужденъ былъ опереться на систему внутренней военной защиты. И судьба этой державы опять доказываетъ, что безъ живаго единства народнаго самая крѣпкая система военной защиты не въ силахъ спасти государства.

О гражданскомъ устройствѣ тогдашней Болгаріи мы не знаемъ почти ничего. Но и тѣ намеки, которые встрѣчаются въ скудныхъ лѣтописяхъ византійскихъ, указываютъ на такую же безсвязность, на такой же недостатокъ органической цѣльности. Правда, Самуилъ вводилъ въ своихъ владѣніяхъ однообразныя учрежденія и общіе законы, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ податямъ. Установляя во всей Болгаріи равномѣрный налогъ, онъ, по извѣстію Византійцевъ, принялъ за основное правило, что каждый Болгаринъ, владѣющій парою воловъ, долженъ вносить въ казну ежегодно одну мѣру (μόδιον) пшеницы, одну мѣру проса и одну корчагу (στάμνον) вина [1]. — Но онъ не имѣлъ возможности держать въ рукѣ управленіе всѣмъ своимъ государствомъ. Онъ принужденъ былъ раздавать свои города и области вельможамъ, которые владѣли ими почти назависимо. Можно сравнить систему его управленія съ феодальною системою Запада. На такое устройство указываетъ примѣръ Сербскаго князя Владиміра, котораго Самуилъ сдѣлалъ своимъ вассаломъ; на это указываетъ примѣръ Романа, сына царя Петра Симеоновича, которому Самуилъ, какъ сказано въ древнемъ извѣстіи, *далъ владати* въ Скоплѣ, и перешедшаго изъ греческой службы въ болгарскую Армянина Ашота, который получилъ Драчскую область; на это указываетъ извѣстіе лѣтописи о вельможахъ болгарскихъ, которые вели на войну *свои собственные полки* (οἱ μεγιστᾶνες τῶν Βυλγάρων... μετὰ τῶν οἰκείων ἕκαστος ταγμάτων [2]); это наконецъ несомнѣнно при безпрестанныхъ случаяхъ измѣны со стороны этихъ вельможъ, которые, какъ мы увидимъ, почти вездѣ по собственному произволу то воевали съ Греками, то входили съ ними въ сношенія и передавались имъ.

При такомъ положеніи Болгаріи ничего не могло быть благоразумнѣе со стороны Византійскаго императора, какъ тотъ планъ войны, которому онъ сталъ слѣдовать: именно, чтобы нападать на Самуила съ отдаленныхъ концовъ его державы.

Такимъ образомъ Василій, въ 1000 году, послалъ сильное войско черезъ восточный Балканъ, по дорогѣ, по которой Цимисхій столько разъ водилъ Грековъ. Полководцы Василіевы взяли (съ боя или из-

[1]) Cedr. II, 530.
[2]) Тамъ же, 469.

мѣною, неизвѣстно) Великій Прѣславъ (близъ Шумлы) [1]), Плиску (или Плесковъ [2]) и Малый Прѣславъ (или Переяславецъ) на Дунаѣ [3]), и возвратились назадъ побѣдителями [4]). Въ городахъ этихъ оставлены были гарнизоны [5]).

На слѣдующій годъ (1001) самъ императоръ повелъ войско въ противоположную сторону, на югъ, черезъ Солунь. Самуилъ не вышелъ къ нему на встрѣчу: что его удержало, неизвѣстно. Война все болѣе и болѣе сосредоточивалась около укрѣпленныхъ городовъ болгарскихъ. Походъ Василія въ южную Македонію начался важнымъ успѣхомъ: Верріа была передана ему болгарскимъ правителемъ, Драгоміромъ, котораго за то наградили титуломъ проконсула Римской имперіи. Отъ Верріи императоръ пошелъ далѣе на югъ, къ границѣ Θессаліи, и осадилъ Сербчище (иначе Сервіа, на западъ отъ Олимпа). Здѣсь по крайней мѣрѣ болгарскій воевода (Николай, прозванный Николицею, по причинѣ малаго роста) оборонялся храбро и упорно. Наконецъ крѣпость была взята приступомъ и самъ Николица попался въ плѣнъ. Императоръ хотѣлъ приласкать его, и взявъ съ собою въ Константинополь, пожаловалъ его въ патриціи. Но Николица не желалъ прослыть измѣнникомъ и убѣжалъ къ Самуилу. Самуилъ, пользуясь удаленіемъ императора, который послѣ этого похода возвратился въ столицу, напалъ на Сербчище и, вмѣстѣ съ Николицею, старался отнять его у Грековъ. Но Василій еще въ этомъ году во второй разъ поспѣлъ туда и выручилъ Сербчище, принудивъ Самуила къ отступленію. Николица нечаянно наткнулся на греческій отрядъ и опять приведенъ былъ плѣнникомъ къ Василію, который въ этотъ разъ не думалъ уже склонять его на свою сторону, а велѣлъ держать въ заключеніи.

---

[1]) На мѣстѣ древняго Великаго Прѣслава теперь стоитъ село, о которомъ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія въ Цареградскомъ Вѣстникѣ (отъ 14 Сентября 1857):... „въ наше-то село Преслава... ся считать днесь до 200 кѫщи Българскы... и 100 кѫщи Турцы... И е направено наше-то село до полы на Балканъ-атъ, и разложено до самы-атъ пѫть между Шуменъ (Шумла) и Котелъ (Казань), кое-то има четыри часа растояніе отъ Шуменъ кѫмъ западъ и е много едно прекрасно мѣсто... и е много любопытно Българомъ заради ветп-те (ветхихъ, т. е. старинныхъ) му зданія що сѫ остали отъ старовременни-те владѣтели Български: що-то и до днесь има да стои останала нѣкоя часть отъ крѣпость-та му“.

[2]) См. выше, стр. 110 и 151.

[3]) Рущукъ (см. выше, стр. 142), или же, можетъ быть, нынѣшнее село Приславъ близъ Тульчи.

[4]) См. Кедр. II, 452. Приписка къ слав. переводу Манассіиной лѣтописи (по изд. Черткова). Съй Василіе царь разби Самоила царѣ Българомъ по в. щи (т. е. дважды) и прѣятъ Бдын, и Плискѫ и великы Пряслав и малыи, и прочяѫ градовы многы, нѫ и Скопіе прѣдано быст емꙋ Романом сына Петра царѣ. тамо бо бѣ далъ емꙋ Самоилъ царь владати. ибѡ Блъгаре до Охрида и до Драча и дале царствовашѫ.

[5]) Это видно изъ дальнѣйшаго хода завоеваній Василія въ Болгаріи.

Отъ Сербчища императоръ не пошелъ на Самуила, а двинулся къ южному концу его государства, въ Ѳессалію, чтобы сначала оторвать ее отъ Болгаріи. Безъ большаго, кажется, труда отобралъ онъ тамъ укрѣпленія, занятыя Болгарами, и возстановилъ тѣ, которыя были разрушены Самуиломъ. Плѣнныхъ Болгаръ онъ перевелъ въ такъ называемый Волеръ, край, лежавшій, какъ кажется, въ южной Ѳракіи, за Родопскимъ хребтомъ [1]).

Онъ размѣстилъ въ Ѳессаліи греческіе отряды, и на возвратномъ пути явился подъ Воденою, одною изъ главныхъ Самуиловыхъ крѣпостей въ южной Македоніи, закрывавшую дорогу изъ Солуня въ Охридъ. Крѣпость стояла на площадкѣ, устроенной природою на отвѣсныхъ скалахъ, въ 80 футовъ вышиною; ее окружалъ потокъ, который выходитъ подземнымъ ложемъ изъ Островскаго озера и образуетъ подъ крѣпостію нѣсколько водопадовъ [2]). Послѣ долговременной осады императоръ взялъ эту твердыню. Непонятно, почему Самуилъ не явился на выручку главнаго оплота своего государства. Въ Воденѣ оставленъ былъ сильный гарнизонъ, а Болгаръ, защищавшихъ ее, переселили опять въ Волеръ. Ихъ начальникъ, Дражанъ, человѣкъ отличной храбрости, доставшійся также въ руки Грековъ, показываетъ намъ своимъ примѣромъ, до какой степени византійская жизнь была въ то время противна лучшимъ изъ Болгаръ. Онъ просилъ у императора позволенія остаться на жительствѣ въ Солунѣ, и получивъ согласіе, женился тамъ на дочери перваго старосты (περιβατάριος) храма св. Великомученика Димитрія. У него родилось въ Солунѣ двое дѣтей, но онъ не выдержалъ, ушелъ изъ греческаго города; его схватили и, по ходатайству тестя, избавили отъ наказанія; онъ убѣжалъ во второй разъ и, пойманный опять, былъ снова прощенъ и оставленъ въ Солунѣ; здѣсь онъ жилъ въ своей новой семьѣ и имѣлъ еще двухъ дѣтей, но все-таки бѣжалъ въ третій разъ и, когда попался въ руки Грековъ, уже не нашелъ пощады: его посадили на колъ.

Походъ 1002 года былъ опять направленъ на восточный край Болгаріи. Имѣя здѣсь точками опоры, — въ Балканахъ Великій Прѣславъ, а на Дунаѣ Переяславецъ и Силистрію, императоръ Василій могъ уже легко подвигаться вверхъ по теченію Дуная и вытѣснять Самуила шагъ за шагомъ изъ коренной Болгаріи. Онъ подступилъ къ Ви-

---

[1]) Βολερος: край этотъ находился вблизи Мосинополя (о которомъ см. выше), какъ видно изъ византійскихъ лѣтописей. Въ болгарской грамотѣ, изданной Шафарикомъ (Изб. Хрис. 2) чтеніе *или бωлери* основано на недоразумѣніи; подлинное чтеніе есть *или в ωдрин* (т. е. Адріанополь): см. статью С. Н. Палаузова въ I томѣ Изв. Вт. Отд. Акад. Наукъ.

[2]) Кедр. II, 453. Ami Boué, Itin. I, 281.

дину и восемь мѣсяцевъ осаждалъ этотъ городъ. Наконецъ Видинъ былъ взятъ приступомъ. Императоръ тщательно возстановилъ и упрочилъ Видинскія укрѣпленія и, оставивъ въ немъ отрядъ войска, владѣлъ уже всѣмъ теченіемъ Дуная въ Болгаріи. Только на западномъ краю Бѣлградъ принадлежалъ еще Самуилу. — Во время осады Видина, Самуилъ, видно думая отвлечь императора, обратился (изъ Охридской области) на Адріанополь. Здѣсь праздновался съ великимъ торжествомъ, съ крестными ходами, день Успенія пресв. Богородицы, какъ Самуилъ внезапно ударилъ на Адріанополь и ворвался въ городъ. Но, неизвѣстно почему, Болгаре не могли удержаться въ немъ и возвратились назадъ съ богатствами Адріанопольскихъ гражданъ.

Отъ Видина императоръ Василій не пошелъ обратно по прежней дорогѣ. Онъ рѣшился смѣлымъ движеніемъ проникнуть въ самое сердце Болгаріи. Онъ повелъ свое войско на югозападъ, вѣроятно черезъ Нишъ и по долинѣ Моравы, и, разрушивъ на пути нѣсколько болгарскихъ укрѣпленій, явился подъ Скоплемъ (въ древнихъ памятникахъ Скопіе, по-тур. Ушкюпъ), однимъ изъ первостепенныхъ, столичныхъ городовъ Болгаріи, какъ его называетъ современный историкъ [1]). Самуилъ ожидалъ непріятеля: онъ стоялъ съ своимъ войскомъ у Скопля, на южной сторонѣ Вардара. Время было осеннее, рѣка эта была въ разливѣ, и Самуилъ также неосторожно понадѣялся на защиту ея водъ, какъ недавно въ Ѳессаліи, подъ Фарсаломъ. Одинъ изъ воиновъ императора нашелъ бродъ. Греки переправились тихомолкомъ, и Самуилъ не посмѣлъ принять сраженія. Онъ поспѣшно отступилъ, оставивъ въ рукахъ непріятеля свой шатеръ и весь Болгарскій станъ. Тогда правитель Скопля передался императору и вручилъ Грекамъ этотъ важный городъ. Измѣнникъ былъ Романъ, сынъ Болгарскаго царя Петра, внукъ великаго Симеона, имя котораго онъ прибавлялъ къ своему имени [2]). Это было послѣднее историческое дѣйствіе прежней знаменитой династіи Болгарской. Императоръ наградилъ несчастнаго Романа-Симеона почестями, пожаловалъ его въ патриціи и назначилъ правителемъ города Авидоса въ Малой Азіи.

Изъ Скопля императоръ повернулъ на востокъ, по Филиппопольской дорогѣ, проходящей мимо главнаго, западнаго узла Балканскихъ горъ. Здѣсь его долго задержала осада Перника, важнѣйшей крѣпости въ этой части Балкановъ. Византійскіе историки хвалятъ болгарскаго начальника въ Перникѣ, по имени Кракру (Κρακρᾶς), какъ превосходнаго военнаго человѣка. Не было возможности взять крѣ-

---

[1]) Кедр. II, 527.

[2]) Кедр. II, 455. Ῥωμανός.... Συμεὼν τῷ τοῦ πάππου ὀνόματι μετονομασθείς.

пость силою, а Кракра этотъ былъ неподкупенъ. Императоръ пошелъ къ Филиппополю и оттуда возвратился въ свою столицу.

Послѣ этого великаго похода Греки долго не предпринимали рѣшительныхъ дѣйствій противъ Самуила. Обладая теченіемъ Дуная, стоя твердой ногой на восточныхъ Балканахъ, держа въ своихъ рукахъ ключъ Македоніи, Водену, и имѣя здѣсь важную точку опору внутри страны, Скопле, Василій ежегодно вторгался въ Болгарію, разоряя все, что попадалось ему на пути. «Самуилъ», какъ увѣряютъ византійскіе лѣтописцы, «не смѣлъ уже встрѣчать его въ открытомъ полѣ и избѣгалъ сраженія; со всѣхъ сторонъ наносились ему удары, и онъ потерялъ свою прежнюю энергію». Подробности этихъ дѣйствій не изложены въ нашихъ источникахъ, но планъ Василія ясенъ. Онъ хотѣлъ утомить Самуила безпрерывными нападеніями то съ сѣвера, то съ юга и, стѣснивъ мало-по-малу тотъ кругъ, въ которомъ онъ защищалъ независимость Болгаріи, поразить его окончательно тогда, когда его держава ограничится одною Охридскою областью. Одинъ позднѣйшій византійскій лѣтописецъ [1]) увѣряетъ, что Василій оставилъ даже своимъ преемникамъ завѣщаніе — слѣдовать этой медленной системѣ войны въ случаѣ новой борьбы съ Болгарскимъ народомъ. Онъ увѣковѣчилъ память своихъ многотрудныхъ походовъ противъ Самуила въ надписи, высѣченной на мраморной доскѣ въ Сосѳеновомъ монастырѣ близъ Константинополя, и въ надписи этой передалъ Византіи тайну своихъ успѣховъ: «если когда нибудь опять возстанутъ Болгаре [2]), писалъ онъ, то нельзя покорить ихъ мгновенными битвами, а надобно постепенно овладѣвать ихъ городами и укрѣпленіями, надобно постепенно разорять ихъ землю, и наконецъ вывести ихъ изъ терпѣнія».

Эта не блестящая, но тягостная война длилась одиннадцать лѣтъ (1003—1013). Какихъ усилій она стоила Византіи, видно изъ того неслыханнаго въ Римскомъ правѣ закона, который изданъ былъ Василіемъ по случаю войны съ Болгарами [3]): именно, чтобы казна не оскудѣвала, онъ велѣлъ брать съ богатыхъ недоимки, которыя оставались на бѣдныхъ подданныхъ имперіи. Во все время этой войны онъ оставилъ безъ вниманія всѣ прочія дѣла имперіи, всѣхъ другихъ враговъ ея, ограничиваясь единственно дѣйствіями, которыя дали ему въ исторіи титулъ Болгароубійцы (Βασίλειος ὁ Βουλγαρόκτονος).

---

[1]) Никита Хоніата, 488.

[2]) Хоніата вмѣсто имени Болгаръ употребилъ имя Влаховъ: это произошло оттого, что въ то время, когда онъ писалъ, въ Болгаріи царствовала Влашская династія и имя Влаховъ сдѣлалось въ употребленіи синонимомъ Болгаръ.

[3]) См. Кедр. II, 456. 475. — Армянинъ, Матѳей Едесскій (Dulaurier, 37) говоритъ, подъ 1006—1007 г.: Basile rassembla toutes les forces de son empire et marcha contre les Boulgares. Il séjourna longtemps dans leur pays occupé à leur faire une guerre terrible.

Какія усилія были употреблены Болгарами для своей защиты, объ этомъ мы не можемъ составить себѣ понятія, не имѣя никакихъ историческихъ данныхъ. Но положеніе ихъ было, какъ кажется, затруднено еще неожиданнымъ ударомъ съ сѣвера.

Мы знаемъ, что въ IX столѣтіи земля между Дунаемъ и Савою (нын. Сремъ и Славонія) принадлежала Болгаріи. Въ этомъ краѣ собралось, вѣроятно, много Славянъ и потомковъ Заволжскихъ Болгаръ, бѣжавшихъ передъ Мадьярами, которые, какъ извѣстно, покорили около 900 года обширныя Болгарскія области на сѣверной сторонѣ Дуная. Послѣ завоеванія Болгаріи Цимисхіемъ, въ этой отдаленной странѣ остался независимымъ правителемъ Болгарскій воевода Баянъ, которому одно древнее сказаніе придаетъ даже титулъ короля [1]); власть его простиралась до г. Модруши въ древней Либурніи (нын. Хорватской военной границѣ). Край этотъ находился еще большею частію въ язычествѣ: воевода Баянъ пригласилъ, въ 994 году, знаменитаго Чешскаго проповѣдника, св. Войтѣха, остановиться въ Модрушѣ для обращенія народа, въ то время, когда этотъ могущественный распространитель римско-католическихъ началъ въ Славянскомъ мірѣ проѣзжалъ чрезъ Далмацію и Хорватію, возвращаясь изъ Рима въ свое отечество. Но неизвѣстно, успѣлъ ли онъ здѣсь въ своей проповѣди. Когда возстановлена была Самуиломъ Болгарская держава, воевода Баянъ вѣроятно подчинился новому царю Болгарскому: извѣстія Византійцевъ указываютъ на то, что Сремъ принадлежалъ Самуилу.

На эту-то сѣверозападную окраину Болгарскаго государства напали Мадьяры. Мадьярскій лѣтописецъ разсказываетъ, что новообращенный ихъ король, св. Стефанъ, около 1005 г., «повелъ свои войска на Баяна [2]), воеводу Болгаръ и Славянъ, которые живутъ въ

---

[1]) См. Farl. Ill. Sacr. III, 14.

[2]) (Thurocz изд. Швандтнера). 2, 30 „Post haec autem movit exercitum super Kean ducem Bulgarorum et Sclavorum, quae gentes loca naturali situ munitissima inhabitant: unde etiam multis laboribus et bellicis sudoribus praedictum ducem vix tandem devicit et occidit, et inaestimabilem copiam thesaurorum, et praecipue in auro et gemmis ac preciosis lapidibus accepit; et locavit ibi unum proavum suum nomine Zoltan; qui postea haereditavit illas partes transsilvanas, et ideo vulgariter dici solet Erdelii Zoltan. Erat enim ille antiquissimus qui vixerat usque ad tempora sancti regis, et ideo voluit ipsum esse super gentes opulentas, etc. Въ дошедшемъ до насъ текстѣ Туроца болгарскій воевода названъ *Kean*, но это безъ всякаго сомнѣнія ошибка позднѣйшихъ переписчиковъ: въ венеціянской хроникѣ Дандула (у Муратори, XII, 233), гдѣ извѣстіе о походѣ св. Стефана противъ Болгаръ очевидно заимствовано изъ какой нибудь венгерской лѣтописи, мы читаемъ не *Kean*, а *Boam* (искаженіе вмѣсто *Boian*): „Rex quoque (Stephanus) devicto Boam Bulgarorum duce atque Sclavorum, de ejus thesauris aedificavit atque dotavit ecclesiam s. Mariae in Alba". Всего правильнѣе сохранила имя это чешская Опатовицкая лѣтопись: *Bajenus*. — Мы объяснили уже прежде (см. стр. 76), какъ въ мадьярскихъ лѣтописяхъ образовалось чтеніе *Kean* вмѣсто *Kerm* (т. е. Кремъ

странѣ, неприступной по своей природѣ. Въ слѣдствіе этого онъ лишь послѣ великихъ трудовъ и подвиговъ воинскихъ успѣлъ наконецъ побѣдить воеводу и убилъ его, и взялъ неисчислимыя богатства, въ особенности множество золота и драгоцѣнныхъ камней. Онъ поставилъ тамъ правителемъ одного изъ своихъ *прадѣдовъ* (proavus), по имени Солтана, который въ послѣдствіи получилъ Трансильванію и потому названъ былъ *Эрдельи Солтанъ*. Онъ былъ самый старый человѣкъ, который дожилъ до временъ Святаго Короля, и потому король хотѣлъ, чтобы онъ начальствовалъ надъ страною богатою. Обогатившись чрезвычайно этими сокровищами, король Стефанъ украсилъ соборную церковь въ Стольномъ Бѣлградѣ [1]), основанную имъ самимъ, золотыми алтарями, крестами, чашами и священническими ризами, тканными золотомъ и усыпанными дорогимъ каменьемъ. И онъ подарилъ этой церкви и другимъ храмамъ Божьимъ нужные для богослуженія священные сосуды. Потомъ святѣйшій король прибылъ въ городъ Старую Буду, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ св. Эмерикомъ и королевою, и, не находя тамъ зданія, въ которомъ прославлялся бы Творецъ, тотчасъ началъ строить тамъ, на богатства вышесказаннаго Баяна, князя Болгаръ и Славянъ, имъ убитаго, обитель во имя св. апостоловъ Петра и Павла......»

Въ какой мѣрѣ Самуилъ участвовалъ въ этой войнѣ, неизвѣстно. Настало роковое время для воителя отцеубійцы и братоубійцы. Утомленный борьбою, Самуилъ старался удерживать природными преградами напоръ Византійскихъ полковъ. Онъ загородилъ въ Родопскихъ горахъ у рѣки Струмы, на дорогѣ изъ Ѳракіи въ Македонію, ущелья подъ горою Бѣласицею, называвшіяся Кимбалунгъ (т. е. длинное поле) и Ключъ (Κλειδίον), чрезъ которыя императоръ Василій въ послѣднее время обыкновенно вторгался въ его владѣнія [2]). Онъ пе-

---

или Крумъ) въ имени знаменитаго Болгарскаго государя IX вѣка: переписчикъ Туроца, не разобравъ слова *Boan* въ подлинникѣ, поставилъ вмѣсто того уже извѣстное ему имя вождя болгарскаго, *Kean*, и такъ эта ложная форма вкралась въ текстъ мадьярскаго повѣствователя.

[1]) По-нѣм. Stuhlweissenburg.

[2]) Кедр. II, 457, εἰδὼς οὖν ὡς ἔθος ἀεὶ τῷ βασιλεῖ διὰ τοῦ λεγομένου Κίμβαλόγγου καὶ τοῦ Κλειδίου ποιεῖσθαι τὰς διελεύσεις, ταύτην ἔγνω τὴν δυσχωρίαν ἐπιτειχίσαι. Хотя имена этихъ двухъ ущелій не встрѣчаются на картахъ и въ описаніяхъ, однако ихъ положеніе въ точности опредѣляется географическими данными, которыя представляетъ разсказъ Кедрина объ этомъ походѣ. Они вели между цѣпями горъ, которыя носятъ названіе Арнаутъ-балканъ, Алибурунъ, Чаирли-балканъ, Плашкавица, Султаница и др. и которыя, отдѣляя Ѳракію отъ равнинъ Македоніи, находятся на дорогѣ изъ Серреса и Валовишта (Демиръ-гиссаръ) въ Струмницу. На этой дорогѣ г. Григоровичъ (Очеркъ путеш. 146) видѣлъ гору Бѣласицу, упоминаемую Византійцемъ Кедриномъ (II, 458. Βλασίτζα: это варіантъ, который долженъ быть принятъ за правильное чтеніе, вмѣсто напечатаннаго въ текстѣ изданій Βαλαθίστα). — Что касается до имени *Кимба-лунгъ*, то

рѣзалъ ихъ широкимъ валомъ и рвомъ и расположилъ въ нихъ крѣпкую стражу. Самъ онъ стоялъ за валомъ съ своимъ войскомъ. Василій (весною 1014 г.) пошелъ по дорогѣ, на которой Самуилъ ожидалъ его. Онъ пытался преодолѣть преграду силою, но встрѣтилъ твердый отпоръ: Болгаре отражали удачно всѣ приступы Грековъ. Между тѣмъ Самуилъ нашелъ возможность отрядить въ тылъ непріятеля значительную часть своего войска, подъ начальствомъ одного изъ лучшихъ болгарскихъ воеводъ, Николицы, который прежде такъ храбро защищалъ Сербчище [1]). Николица быстро двинулся на Солунь, но встрѣченъ былъ передъ этимъ городомъ императорскимъ намѣстникомъ Θеофилактомъ Вотаніатою и его сыномъ Михаиломъ, и проигралъ сраженіе. Греческій историкъ, писавшій въ послѣдствіи панегирикъ императора Никифора Вотаніаты, разсказываетъ намъ о подвигахъ, которые совершилъ въ этой битвѣ отецъ Никифоровъ, Михаилъ: безпристрастія въ его словахъ не нужно искать, но мы должны ихъ привести, не имѣя лучшаго. «Когда приблизилось къ Солуню, повѣствуетъ Атталіота, несказанное множество Болгаръ, то воевода (Михаилъ Вотаніата, сынъ намѣстника Θеофилакта) не испугался. Онъ устроилъ въ городѣ средства защиты, а самъ съ немногими охотниками вышелъ въ поле, и возвышаясь мужествомъ на столько, на сколько непріятель гордынею и надеждою на превосходство числа и оружія, устремился прямо на строй Болгаръ. Цѣлое поле покрылъ онъ трупами убитыхъ, и никто не могъ устоять подъ ударами его руки. Со всѣхъ сторонъ бросались на него съ копьями ряды непріятельскіе, но никто не былъ въ силахъ выбить его изъ сѣдла. Мечемъ своимъ отражалъ онъ острія ихъ копій, и вокругъ его валились Болгаре, тотъ съ отрубленною головою, другой разсѣченный пополамъ съ головы до ногъ, третій разрубленный по серединѣ тѣла, множество съ различными ранами. А неисчислимое, необозримое множество Болгаръ окружало его какъ море, угрожая утопить его въ своихъ живыхъ волнахъ. Но онъ кидался на нихъ съ рыканьемъ льва и поражалъ каждаго, кто къ нему приближался. Мало-по-малу стали они, объятые ужасомъ, разступаться вокругъ его и издалека мѣтить въ него своими копьями и стрѣлами. Тогда онъ, собравъ свою дружину, устремился на отступающихъ, довершилъ ихъ пораженіе, и обратилъ ихъ въ бѣгство. И когда Михаилъ сталъ

оно, очевидно, романское (цинцарское) и указываетъ на существованіе у р. Струмы романскихъ стихій еще въ XI вѣкѣ.

[1]) Этотъ Николица, во второй разъ взятый въ плѣнъ Греками подъ Сербчищемъ, вѣроятно выкупился. Кедринъ говоритъ объ немъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 474): Νικολιτζᾶς ὁ πολλάκις ληφθεὶς καὶ τοσαυτάκις ἀφεθεὶς (Николица, который былъ много разъ схваченъ и столько же разъ отпущенъ).

взирать на множество павшихъ и бѣгущихъ, на сверхъестественный подвигъ, имъ самимъ совершенный, онъ схваченъ былъ круженіемъ головы при мысли о непостоянствѣ дѣлъ человѣческихъ и палъ въ обморокѣ съ коня, весь мокрый отъ крови непріятельской и отъ воды рѣки (у которой происходило сраженіе). И дивились всѣ колѣна земныя его подвигу.......» Такъ писались въ то время панегирики на счетъ несчастнаго, безгласнаго народа Болгарскаго.

Императоръ Василій все еще однако стоялъ у заваловъ. Побѣдители Николицы, Өеофилактъ и Михаилъ Вотаніата присоединились къ нему съ Солунскими полками. Императоръ отчаявался уже въ успѣхѣ похода и думалъ объ отступленіи, но Филиппопольскій воевода выручилъ его. Смѣлымъ маршемъ успѣлъ онъ обойти высокую гору Бѣласицу, у подножія которой находилось ущеліе. Обойдя ее, 29-го Іюля 1014 г., онъ вдругъ, съ ужасающимъ гикомъ, устремился съ высоты въ тылъ Болгарскаго войска, которое защищало завалы. Въ то же время Василій сдѣлалъ приступъ: валъ былъ покинутъ. Поспѣшно разрушилъ Василій работы Болгаръ и бросился на разстроеннаго непріятеля. Схваченные съ обѣихъ сторонъ, Болгаре оборонялись. До 15,000 чел., какъ говорили, попалось въ плѣнъ; много пало. Самуилъ съ трудомъ ушелъ. Его спасъ-сынъ, который храбро прочистилъ ему дорогу, поражая нападающихъ, и посадивъ на лошадь, умчалъ его въ Прилѣпъ. Дѣло неслыханное: Василій всѣмъ 15 тысячамъ болгарскихъ плѣнныхъ велѣлъ выколоть глаза, оставляя съ адскою ироніею на каждую сотню слѣпыхъ вожатымъ одного криваго. Такъ отпустилъ онъ ихъ къ Самуилу.

Завоевавъ переходъ черезъ Родопскія горы, Василій пошелъ на Струмницу. По дорогѣ онъ взялъ укрѣпленіе Мачукъ (Ματζούκιον). Приблизившись къ Струмницѣ, онъ отправилъ Солунскаго начальника Вотаніату съ порученіемъ занять горы, окружающія этотъ городъ, сжечь тамъ болгарскія села и расчистить обратную дорогу въ Солунь. Болгарскіе отряды пустили его въ свои горы, но когда онъ, исполнивъ, какъ ему казалось, свое порученіе, хотѣлъ возвратиться къ императору подъ Струмницу, онъ вдругъ увидалъ себя въ безвыходной тѣснинѣ, среди высотъ, занятыхъ непріятелемъ, который, защищенный отъ ударовъ, безнаказанно валилъ на Грековъ каменья и осыпалъ ихъ стрѣлами. Вотаніата погибъ тутъ съ цѣлымъ своимъ полкомъ.

Это такъ испугало Василія и такъ разстроило его дѣла, что онъ снялъ осаду Струмницы и отступилъ въ Загорье, т. е. западную часть Өракіи, за Родопскія горы. Тамъ онъ остановился подъ Меленикомъ, сильною Болгарскою крѣпостью, которая была очень важна, потому что служила Самуилу точкою опоры для дѣйствій во

Ѳракіи. Построенный на скалахъ, въ ущельѣ Перинъ-дага, Меленикъ защищенъ былъ со всѣхъ сторонъ природными стремнинами и искусственными валами и рвами. Болгаре изо всей окрестной страны скрылись въ этотъ городъ и защищались въ немъ отъ Грековъ. Не надѣясь взять Меленика силою, Василій послалъ туда одного изъ своихъ приближенныхъ евнуховъ, Сергія, который отличался ловкостью своихъ рѣчей и хитростію. Сергій говорилъ такъ умно и дѣйствовалъ такъ хитро, что склонилъ Меленичанъ къ сдачѣ. Они положили оружіе и вступили въ византійское подданство. Василій обошелся съ ними необыкновенно ласково, а въ Меленикѣ оставилъ греческій гарнизонъ.

Пораженіе подъ Бѣласицею было для Болгаріи сильнымъ ударомъ, за который не могла вознаградить гибель Вотаніаты въ Велицскихъ горахъ [1]); взятіе Меленика было другимъ ударомъ, не менѣе чувствительнымъ. Третьимъ, самымъ страшнымъ ударомъ для молодаго государства, которому не давали времени окрѣпнуть, была смерть Самуила.

Была жестокость, которая могла ужаснуть даже убійцу роднаго отца, брата и племянниковъ. Образованная Византія своею безчеловѣчностью ужаснула самую безчеловѣчную душу, какую произвела «варварская» Болгарія. Самуилъ находился въ своей столицѣ, Преспѣ, когда къ нему привели нѣсколько тысячъ болгарскихъ ратниковъ съ выколотыми глазами. Этого зрѣлища онъ не вынесъ. Онъ палъ наземь замертво. Пришедши въ себя, онъ спросилъ холодной воды, но какъ скоро выпилъ, схваченъ былъ «болью въ сердцѣ» (καρδιάγμῳ, такъ говоритъ лѣтописецъ), и черезъ два дня умеръ, 15 Сентября 1014 года.

Мало въ исторіи Славянской болѣе трагическихъ личностей. Если бы мы больше знали о Самуилѣ Болгарскомъ, какой бы предсталъ предъ нами великій и темный образъ!

---

[1]) Такъ называется цѣпь горъ на югъ отъ Струмницы, по Солунской дорогѣ, гдѣ по всей вѣроятности, отрядъ Вотаніаты попался въ засаду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Гавріилъ-Радоміръ. Іоаннъ-Владиславъ. Второе паденіе Болгарскаго царства. Подчиненіе Сербовъ верховной власти Византіи. 1014—1019.

Смерть Самуила казалась столь важнымъ событіемъ, что ее записывали даже въ Италіи, гдѣ въ то время такъ мало знали о дѣлахъ на Востокѣ и такъ мало объ нихъ заботились. «Въ 1015 году, говоритъ лѣтописецъ Лупъ, явилась комета въ Февралѣ мѣсяцѣ, и скончался король Самуилъ, и сынъ ему наслѣдовалъ» [1]).

Этотъ сынъ, рожденный отъ плѣнной Лариссянки и носившій, по примѣру своего отца и родственниковъ, два имени, ветхозавѣтное и христіанское, Гавріилъ и Романъ, и еще третье, славянское, Радоміръ, не былъ похожъ на отца. Сколько онъ, говорятъ, превосходилъ его ростомъ и силою, столько уступалъ ему умомъ. Греческій государь, видно, зналъ, что не имѣетъ уже дѣла съ прежнимъ противникомъ. Какъ скоро пришла къ нему вѣсть о смерти Самуила, онъ, 24 Октября, поспѣшилъ въ Солунь и тотчасъ же повелъ оттуда войско, прямо на Охридскую область, гдѣ не смѣла при Самуилѣ ступить нога непріятельская. А при сынѣ его Византійскій императоръ не побоялся ворваться въ нее среди зимы. Никто не препятствовалъ ему. Онъ достигъ Бутеля (иначе Битоль или Монастиръ) и сжегъ тутъ дворецъ Гавріила. Изъ Бутеля Греческій отрядъ направился на сѣверъ и взялъ Прилѣпъ и Штипъ. Самъ же императоръ, переплывъ на плотахъ рѣки Черную и Водену, 9-го Января 1015 года благополучно возвратился въ Солунь.

Съ наступленіемъ весны онъ опять вступилъ въ Болгарію. Нужно было во второй разъ осаждать Водену, гдѣ взбунтовался гарнизонъ, состоявшій, вѣроятно, изъ разноплеменныхъ наемниковъ. Послѣ дѣятельной осады люди эти были принуждены сдаться и переселены [2]). Императоръ построилъ здѣсь, для охраненія горныхъ проходовъ, два новыхъ укрѣпленія [3]), и тѣмъ окончилъ этотъ походъ.

---

[1]) Lup. Protospath, у Муратори, VIII, 41.

[2]) Ихъ переселили въ Волеръ, о которомъ уже была рѣчь.

[3]) Эти укрѣпленія названы Кардіа и св. Иліи.

Царь Гавріилъ измѣнилъ политикѣ своего отца. Онъ рѣшился войти въ переговоры съ Византіею, и думалъ помириться съ врагомъ непримиримымъ. Императоръ, находившійся тогда Солунѣ (вѣроятно для приготовленій къ новому походу), получилъ письмо отъ Болгарскаго царя, который, по увѣренію византійскаго историка, обѣщалъ ему «покорность и послушаніе». Мы не вѣримъ, чтобы содержаніе Гавріилова письма было такъ унизительно. Но уже то, что вождь и глава возставшаго противъ Византіи народа Болгарскаго и Славянскаго послѣ сороколѣтней борьбы открывалъ сношенія и предлагалъ миръ, въ то время какъ Греки стояли еще на славянской почвѣ, было гибельнымъ признакомъ упадка духа. Василій не повѣрилъ искренности своего противника, и вмѣсто отвѣта Болгарскому царю, послалъ сильный отрядъ въ Могленскую область, куда входъ былъ открытъ взятіемъ Водены. Начальниками этого авангарда были лучшіе греческіе полководцы, Никифоръ Ксифія, виновникъ побѣды подъ Бѣласицею, и Константинъ Діогенъ, преемникъ Вотаніаты въ Солунскомъ воеводствѣ. Они выжгли весь Могленскій край и занялись осадою города Моглена. Вскорѣ подоспѣлъ и самъ императоръ, съ главнымъ войскомъ. Болгарами начальствовалъ Илица, «князь Могленскій» (ὁ ἄρχων Μογλένων). Въ Могленѣ же находился одинъ изъ первыхъ болгарскихъ вельможъ, Дометіанъ Кавканъ, «совѣтникъ Гавріиловъ», и около него собралось множество бояръ. Значительное войско затворилось съ ними въ осажденномъ городѣ. Василій повелъ правильную осаду. Онъ отрѣзалъ рѣчку, протекавшую черезъ городъ [1]), сталъ вести подкопы, и когда подвелъ ихъ подъ основаніе стѣны, наложилъ въ мину дровъ и разныхъ горючихъ веществъ: стѣна была взорвана и повалилась. Начальниковъ и воиновъ императоръ велѣлъ перевести въ Армянскую область Аспраканію [2]), а людей, неспособныхъ носить оружіе, предоставилъ своимъ ратникамъ для продажи въ рабство. — Вскорѣ за тѣмъ пала другая Болгарская крѣпость, Нотія, близъ Моглена.

Былъ у Василія какой-то человѣкъ, по имени Романъ съ отрѣзанною рукою (χειροτμητός), черезъ котораго, какъ кажется, шли тайныя сношенія его съ Болгарами и приготовлялось дѣло недоброе. Этотъ Романъ принесъ своему государю уже извѣстное намъ письмо Гавріила. Потомъ Романъ «корнорукій», если можно употребить такое выраженіе, опять скрылся въ Болгарію. Мы, кажется, имѣемъ право приписать его интригамъ послѣдовавшее за тѣмъ черное дѣ-

---

[1]) Рѣчка эта называется Могленица или иначе Быстрица.

[2]) Собственно Васпураканъ, т. е. часть Арменіи или верхней Мидіи, граничащую съ Малою Азіею и занятую тогда Греческими войсками. Кедринъ говоритъ: ἡ ἄνω Μηδία, ἣν Ασπρακανίαν ὀνομάζουσι σήμερον.

ло, о которомъ разсказываетъ Діоклейскій пресвитеръ. Вотъ слова этого лѣтописца. «Когда умеръ императоръ Самуилъ, то сынъ его Радоміръ наслѣдовалъ царство, и былъ онъ человѣкъ великой силы и далъ много сраженій Грекамъ, во время Греческаго императора Василія, и завладѣлъ всею землею Греческою до самаго Константинополя. Испугался императоръ Василій, что потеряетъ свое царство, и отправилъ тайное посольство къ двоюродному брату Радоміра, Владиславу. Зачѣмъ ты не мстишь за кровь отца своего? такъ велѣлъ онъ сказать Владиславу. Прими отъ меня золота и серебра, сколько тебѣ угодно, и будь намъ другомъ, и возьми себѣ царство Самуила, который убилъ твоего отца, а своего брата: убей, если можешь, его сына Радоміра, который теперь владѣетъ престоломъ. Услышавъ это, Владиславъ склонился на слова императора. Однажды, когда Радоміръ отправился на охоту, онъ поѣхалъ съ нимъ верхомъ и, ударивъ его, положилъ на мѣстѣ. Такъ умеръ Радоміръ и убійца его Владиславъ воцарился вмѣсто его».

Діоклейскій лѣтописецъ, конечно, преувеличилъ подвиги Радоміра-Гавріила, когда назвалъ его завоевателемъ, оттѣснившимъ Грековъ подъ самыя стѣны Константинополя. Преданіе сдѣлало Радоміра, можно сказать, участникомъ славы его отца. Но разсказъ объ его смерти не подверженъ сомнѣнію [1]). Понятно, что византійскіе панегиристы императора Василія умолчали объ участіи своего государя и героя въ этомъ преступленіи. Они говорятъ только, что Гавріилъ-Радоміръ погибъ на охотѣ отъ руки своего двоюроднаго брата, въ какомъ-то мѣстѣ, называемомъ Петрьско (Πετρισκός) [2]), и что на пятый день послѣ взятія Нотіи явился въ станъ Василія Романъ Хиротмитъ съ посланцами Іоанна-Владислава и съ письмомъ отъ него. Въ письмѣ Іоаннъ Владиславъ извѣщалъ императора, что онъ убилъ Гавріила и воцарился въ Болгаріи, и предлагалъ условія мира съ Византіею. Въ этотъ разъ Василій не отвергъ посланія и мирныхъ предложеній Болгарскаго государя: признакъ, что его отношенія къ Іоанну-Владиславу были другія, чѣмъ къ сыну Самуилову. Онъ съ

---

[1]) Даже армянскій историкъ, Матѳей Эдесскій (Dulaurier, 40) зналъ, что Болгарскій государь былъ умерщвленъ по приказанію Василія, только онъ ошибся въ имени этого государя (см. выше стр. 209, объясненіе этой ошибки), и отнесъ его смерть и покореніе Болгаріи Византіею къ 1011—1012 г.; вотъ его слова: „En l'an 460 (19 mars 1011—17 mars 1012) Basile réunit une armée et marcha contre les Boulgares, qu'il vainquit. Il passa au fil de l'épée, sans miséricorde, les habitants d'un grand nombre de provinces, ravagea tout l'occident et en ramena les populations en servitude. Il extermina entièrement la nation des Boulgares. Il fit périr par le poison le vaillant Alusianus, leur souverain, et après lui avoir ôté ainsi la vie, il prit sa femme et ses enfants et les conduisit à Constantinople.

[2]) Есть село Петрьско близъ Острова.

тѣмъ же Романомъ Хиротмитомъ отправилъ къ нему свою отвѣтную грамоту «съ золотою печатью», и черезъ нѣсколько дней получилъ подписанные Іоанномъ-Владиславомъ и «князьями Болгарскими» (τῶν ἀρχόντων Βυλγαρίας) договорные акты. Условія мира, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Кедринъ приводитъ здѣсь опять свою стереотипную фразу о «послушаніи и покорности императору», фразу, которая безсмысленно повторяется византійскими историками при всякомъ заключеніи мира, какія бы ни были его условія, выгодныя или невыгодныя для преемниковъ кесарей. Во всякомъ случаѣ, можно полагать, что миръ, предложенный Іоанномъ-Владиславомъ непріятелю, который стоялъ на болгарской почвѣ и съ которымъ его связали тайныя интриги, приведшія къ убійству Гавріила, не былъ выгоденъ для Болгаръ. Видно, что, между прочимъ, занятые императоромъ города Македоніи, Водена, Могленъ и другіе, были предоставлены ему.

Это происходило въ началѣ 1015 года.—Императоръ принялъ въ свою службу знатнаго болгарскаго военачальника, Кавкана, того самаго, который попался въ плѣнъ въ Могленѣ. Затѣмъ «Болгароубійца»,—такъ называли Василія его льстецы и поклонники, — удалился изъ Болгаріи, не надолго.

Смерть Аарона, котораго такъ жестоко, со всѣмъ его семействомъ, предалъ смерти родной его братъ, Самуилъ, была черезъ 40 лѣтъ отомщена, и на комъ же? на сынѣ Самуиловомъ, который спасъ жизнь будущаго своего убійцы, осужденнаго Самуиломъ на погибель вмѣстѣ съ отцомъ и братьями. Какая трагическая судьба всего этого рода, повторяемъ мы. Сынъ убилъ отца, братъ и дядя убилъ брата и племянниковъ: нужно же было, чтобы мстителемъ этихъ страшныхъ злодѣяній сдѣлался, въ другомъ поколѣніи, именно тотъ единственный человѣкъ, которому долгъ благодарности запрещалъ мщеніе.

Поразивъ сына Самуилова, предавъ смерти въ слѣдъ за тѣмъ и жену Гавріила и ослѣпивъ его старшаго сына, помирившись съ Греками (это было другое преступленіе противъ памяти великаго воителя Болгарскаго), Владиславъ задумалъ нанести новый ударъ семьѣ и политикѣ Самуила. Ударъ этотъ былъ направленъ противъ Владиміра, правителя южной части Сербскихъ земель и сѣверной Албаніи, въ которомъ Самуилъ нашелъ себѣ зятя и вѣрнаго вассала. Послушаемъ опять Діоклейскаго лѣтописца:

«Какъ только Владиславъ овладѣлъ царствомъ, онъ послалъ звать къ себѣ короля Владиміра. Услыхавъ объ этомъ, королева Косара стала удерживать своего мужа и говорила ему: Государь мой, не ѣзди туда, чтобы не случилось съ тобою, — Боже сохрани! — того же, что съ братомъ моимъ. Пусти меня, я поѣду, увижу и услышу, ка-

ковъ новый императоръ (Болгарскій). Если ему угодно, пусть онъ убьетъ меня, только бы ты не погибъ. Итакъ съ разрѣшенія своего мужа, королева поѣхала къ своему двоюродному брату, который принялъ ее честію и дружбою, но не съ чистосердечною. За тѣмъ онъ отправилъ во второй разъ посольство къ Владиміру; онъ велѣлъ передать ему золотой крестъ въ знакъ клятвы и сказать ему: Зачѣмъ сомнѣваешься и не хочешь пріѣхать? Супруга твоя находится при мнѣ, и не потерпѣла никакого зла, а напротивъ, съ честью принята была мною и моимъ дворомъ. Прими мою клятву крестомъ и приди ко мнѣ, чтобы я могъ увидѣть тебя; потомъ возвратишься съ честью и дарами въ свою землю вмѣстѣ съ супругою своею. Король послалъ ему такой отвѣтъ: Мы знаемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который пострадалъ за насъ, не былъ пригвожденъ къ золотому или серебряному, а къ деревянному кресту. Итакъ, если клятва твоя и слова твои истинны, то пришли съ духовными лицами крестъ деревянный, и я, благодатью Господа нашего Іисуса Христа, полагающій надежду на животворящій крестъ и драгоцѣнное древо, приду къ тебѣ. Тогда императоръ (т. е. Іоаннъ-Владиславъ) призвалъ къ себѣ двухъ архіереевъ (одинъ изъ нихъ былъ архіепископъ Болгарскій Давидъ) [1]) и какого-то монаха, коварно произнесъ предъ ними ложную клятву свою и, вручивъ имъ деревянный крестъ, послалъ ихъ къ королю. Пришедши ко Владиміру, они привѣтствовали его и передали ему клятву и крестъ. Король же, принимая крестъ, палъ ницъ и поклонился ему и, облобызавъ, положилъ его на груди своей; потомъ, взявъ съ собою немногихъ спутниковъ, поѣхалъ къ императору. Императоръ же велѣлъ устроить по дорогѣ засады, откуда его люди бросились бы на проѣзжающаго и убили бы его. Но Всемогущій Богъ, который съ дѣтства охранялъ раба своего, не восхотѣлъ, чтобы онъ нашелъ смерть вдалекѣ отъ людей, и послалъ ангеловъ своихъ оберегать его. Когда король проѣзжалъ черезъ мѣста, гдѣ были расположены засады, убійцы видѣли его окруженнымъ крылатыми воинами съ трофеями въ рукѣ, и, узнавъ ангеловъ Господнихъ, бѣжали, устрашенные, каждый восвояси. Король же пріѣхалъ въ дворецъ императора въ мѣстѣ, называемомъ Преспа, и какъ скоро вступилъ въ жилище, началъ, по своему обыкновенію, молиться Господу

[1]) Имя Давида не упомянуто Діоклейскимъ лѣтописцемъ, но участіе его въ этомъ дѣлѣ засвидѣльствовано Кедриномъ, II, 463: Βλαδιμηρὸς ὁ ἐπὶ θυγατρὶ τοῦ Σαμουὴλ κηδεστής, ἀνὴρ ἐπεικὴς καὶ εἰρηνικὸς καὶ ἀρέτης ἀντεχόμενος... ἐπειδὴ ὁ Γαβριὴλ παρὰ τοῦ Ἰωάννου ἀπώλετο, καὶ οὗτος παρασπονδηθεὶς καὶ τοῖς ὅρκοις πιστεύσας παρὰ τοῦ Ἰωάννου δοθεῖσιν αὐτῷ διὰ Δαβὶδ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας ἑαυτὸν ἐνεχείρισε καὶ μετὰ μικρὸν ἀπεσφάγη. Въ этихъ словахъ заключается сущность всего разсказа Діоклейца о Владимірѣ Сербскомъ, и этимъ совпаденіемъ доказывается, что лѣтопись Діоклейская составляетъ въ эту эпоху уже достовѣрное историческое свидѣтельство.

Небесному. Узнавъ объ его пріѣздѣ, императоръ разсердился гнѣвомъ великимъ; ибо онъ рѣшилъ въ сердцѣ своемъ, чтобы онъ погибъ въ дорогѣ: самъ же онъ не хотѣлъ казаться участникомъ его смерти, такъ какъ онъ произнесъ клятву и передалъ ему крестъ черезъ руки епископовъ и монаха; потому-то онъ и расположилъ засады на пути его. Но видя неудачу своей злой козни, Владиславъ, садясь за обѣденный столъ, послалъ воиновъ убить его. Король продолжалъ еще молитву, когда они его окружили. Понявъ ихъ замыслъ, онъ призвалъ обоихъ епископовъ и монаха, которые находились съ нимъ въ церкви, и сказалъ имъ: Что это такое, господа мои? что вы сдѣлали? зачѣмъ вы меня такъ обманули? зачѣмъ я повѣрилъ вамъ и клятвамъ вашимъ, и умираю невинный? Они же отъ стыда не смѣли поглядѣть ему въ лицо. Тогда король, совершивъ молитву, исповѣдался, и вкусивъ тѣла и крови Господней, взялъ въ руки крестъ, полученный имъ отъ императора, и сказалъ: Молитесь за меня, господа мои, и сей честный крестъ да свидѣтельствуетъ за меня, вмѣстѣ съ вами, въ день суда, что я умираю безъ вины. За тѣмъ онъ поцѣловалъ крестъ и, давъ миръ епископамъ, среди рыданія всѣхъ, вышелъ изъ церкви и за порогомъ ея, у церковныхъ дверей, убитъ былъ воинами, 22 дня мѣсяца Мая (1015 года). Епископы же подняли тѣло его и погребли въ той же церкви съ хвалебными пѣснями. И по произволенію Божію, дабы объявились заслуги блаженнаго мученика Владиміра, многіе, страждущіе разными недугами, помолившись надъ его гробомъ, находили исцѣленіе; ночью же видно было всѣмъ сіяніе надъ гробомъ мученика, подобное свѣту множества горящихъ свѣчъ. А супруга блаженнаго Владиміра оплакивала его много дней великимъ плачемъ, какого словами описать нельзя. Императоръ (Болгарскій), видя чудеса, которыя тамъ совершались Богомъ, пораженъ былъ страхомъ и позволилъ двоюродной сестрѣ своей взять тѣло ея мужа и похоронить, гдѣ ей угодно. Тогда Косара взяла тѣло блаженнаго Владиміра и отвезла въ мѣсто, называемое Краина [1]), гдѣ былъ его дворецъ, и положила въ церкви пресвятой Дѣвы Маріи. Тамъ лежитъ тѣло его нетлѣнно, благоухая какъ бы исполненное множества ароматовъ, и въ рукахъ у него тотъ самый крестъ, который онъ получилъ отъ императора Владислава. Ежегодно, въ день праздества ему, собирается въ той церкви множество народа и, заслугами и ходатайствомъ его, подаются тамъ молящимся съ чистымъ сердцемъ многія блага, до нынѣшняго дня. Супруга же бл. Влади-

---

[1]) Преданіе, по-видимому справедливое, (приводимое Фарлатомъ, въ VII т., изд. Coletti) указываетъ на деревню *Краина* въ славянской волости Мърковичи (близъ Скадра или Скутари, въ сѣверной Албаніи), какъ на мѣстопребываніе Владиміра; тамъ говорятъ, сохранились остатки древней церкви, въ которой онъ былъ похороненъ.

міра, Косара, постригшись въ иноческій образъ, благочестиво и свято кончила жизнь свою при той же церкви, и была похоронена въ ней у ногъ своего мужа... Сколько же и какія чудеса Господь Богъ благоизволилъ совершить чрезъ раба своего, блаженнаго Владиміра, о томъ желающій пусть прочтетъ книгу дѣяній его (librum gestorum eius), въ которой записаны по порядку дѣла его [1]), и онъ убѣдится, что святый мужъ сей духомъ своимъ соединился съ Господомъ [2]), и что Богъ пребывалъ съ нимъ».

Довольно сходно съ этимъ повѣствованіемъ разсказываетъ о смерти Владиміра греческое, передѣланное съ славянскаго, житіе его. Но въ этомъ разсказѣ, какъ вообще въ цѣломъ житіи, царствуетъ гораздо большая неопредѣленность и сбивчивость, нежели въ повѣствованіи Діоклейца. Видно, что тотъ, кто составлялъ его по какимъ нибудь хранившимся въ народѣ преданіямъ, былъ уже гораздо дальше отъ описываемой эпохи, чѣмъ древнѣйшій сербскій лѣтописецъ. Въ греческомъ житіи убійца Владиміра по ошибкѣ названъ сыномъ Самуила. Но одно весьма важное указаніе сохранило намъ это житіе: именно, оно говоритъ о склонности Болгарскаго царя къ богомильской ереси, и въ этомъ находитъ причину его ненависти къ Владиміру, усердному противнику богомиловъ и поборнику православія. Сказанію о смерти св. Владиміра предшествуетъ въ житіи извѣстіе о войнѣ съ Греческимъ императоромъ, въ которой Владиміръ явился союзникомъ Самуила. Это извѣстіе не относится, какъ видно, къ одному какому нибудь опредѣленному походу Василія противъ Болгаръ, а обнимаетъ какъ будто бы въ одномъ смутномъ образѣ всѣ эти войны: отдѣльныя историческія черты уже сгладились въ преданіи, когда оно было записано въ нашемъ памятникѣ. Тутъ являются и братья Самуила, жившіе только при началѣ его борьбы съ Греками, и походъ Василія въ горы Албаніи, относящійся къ концу этой борьбы. Но при всей своей сбивчивости, разсказъ греческаго житія любопытенъ, и мы его здѣсь приводимъ: «Въ тѣ дни, говоритъ житіе, императоръ Римскій (т. е. Византійскій), порфирородный Василій, производя нападенія на Болгаръ и вторгаясь въ ихъ земли, предпринялъ великую войну противъ тестя святаго Іоанна (Владиміра), царя Самуила, обитавшаго въ Охридѣ, и его братьевъ. Вооружились, для сопротивленія ему, царь Болгарскій Самуилъ съ своими братьями, Моисеемъ, Давидомъ и Аарономъ, [3]) которые облада-

---

[1]) Это ясно указываетъ на существовавшее нѣкогда пространное житіе Владиміра, писанное прежде Діоклейской лѣтописи, т. е. вѣроятно еще въ XI вѣкѣ. Есть ли надежда открыть гдѣ нибудь этотъ драгоцѣнный памятникъ?

[2]) Agnoscet profecto, quod ipse vir sanctus unus Spiritus cum Domino fuit.

[3]) Имя Аарона пропущено въ житіи, вѣроятно по ошибкѣ писца.

ли Болгарскими, Сербскими и Германскими [1]) странами, предѣлами Мисовъ [2]) и вообще сѣверными краями. Вооружились они и собрали безчисленныя войска; и послѣ жаркаго боя, Римляне, при первомъ напорѣ, побѣдили Болгаръ и проникли до внутренней столицы Болгарской, великаго города (μεγαλόπολιν) Лихнида, нынѣ называемаго Охридъ. Оттуда они начали вторгаться въ предѣлы блаженнѣйшаго Іоанна (Владиміра), т. е. въ Далмацію, Албанію, Срѣмъ и Иллирикъ. Но здѣсь ошибся храбрый императоръ Римскій порфирородный Василій; и мужество Іоанна (Владиміра) и сила его оружія, и его упованіе на помощь Божію, а также непроходимость горъ, недоступность подоблачныхъ вершинъ [3]) и тѣснины тамошнихъ ущелій, все это вмѣстѣ окружило его, какъ сѣть паука муху; непріятель былъ разсѣянъ доблестнымъ Іоанномъ, и побѣжденный возвратился вспять. А Іоаннъ, которому Богъ далъ побѣду надъ врагами, прославился и былъ восхваляемъ не только у сосѣднихъ народовъ, но и въ отдаленныхъ странахъ. Такъ онъ продолжалъ жить и царствовать по заповѣдямъ Божіимъ, устремляя свой умъ единственно ко Всевышнему Царю, который и сподобилъ его, какъ того жаждала душа его, пролить кровь свою изъ любви къ Нему и принести свою жизнь Ему въ жертву. Врагъ рода человѣческаго вселилъ ненависть къ святому въ душу брата его супруги, который, нося на лицѣ видъ братской любви, сталъ въ сердцѣ своемъ готовить ему смерть, подвигнутый сатаною и подстрекаемый новою Далидою, своею лукавою и злобною женою: ибо они, какъ еретики, поддерживали смертоносное ученіе богомиловъ или массаліановъ, которые отвергали поклоненіе св. иконамъ и были иконоборцы и враги Креста. Однажды, когда Іоаннъ съ шуриномъ своимъ по обычаю выѣхали вмѣстѣ и отправились изъ Охрида къ Червеню (κατὰ τὸ Τερβαίνη?), злодѣй вдругъ вынулъ мечъ и внезапно ударилъ своего зятя и повалилъ его, отрубилъ голову святому тѣмъ самымъ мечемъ, который получилъ отъ него въ подарокъ».

Убивъ Владиміра, Іоаннъ-Владиславъ занялъ его владѣнія (т. е. Албанское поморье отъ Которскаго залива и Черной Горы до Драча). Братъ Владиміра, Драгоміръ, бѣжалъ съ частью народа за Которскій заливъ и скрылся тамъ (вѣроятно въ горахъ Черногоріи и южной Герцеговины). Утвердившись на Албанскомъ поморьѣ, Болгарскій царь тотчасъ устремился на Драчъ [4]), важнѣйшій торговый

[1]) Царство Болгарское представляется составителю житія, какъ обнимающее весь сѣверъ Европы.

[2]) Мисы — древніе жители Болгаріи.

[3]) κεραυνίων κορυφῶν — можетъ быть, намекъ на Акрокеравнскія горы въ Албаніи.

[4]) Или Дураццо.

пунктъ на этомъ поморьѣ, который Самуилъ потерялъ еще въ 995 или 996 году и съ тѣхъ поръ не могъ воротить. Греческая колонія въ Драчѣ наслаждалась миромъ, говоритъ византійскій лѣтописецъ, пока ея сосѣдомъ былъ добродѣтельный Сербскій князь; но теперь опять настали для нея военныя тревоги.—Дружба Іоанна-Владислава съ Византіею, какъ мы видимъ, не была продолжительна. По какому случаю произошелъ разрывъ, неизвѣстно. Діоклейскій лѣтописецъ говоритъ, что городъ Драчъ обѣщанъ былъ Владиславу Греческимъ императоромъ въ награду за убіеніе сына Самуилова, но что когда онъ явился подъ Драчемъ, его туда не впустили. Авторитетъ Діоклейца въ этомъ отношеніи, конечно, не заслуживаетъ большаго довѣрія. Но весьма возможно, что Василій, подговаривая Іоанна-Владислава на выгодное для его политики злодѣяніе, дѣйствительно обѣщалъ ему уступку этой столь важной для Болгаріи пристани, что Владиславъ, послѣ заключенія мира съ Греками, пошелъ занять Драчъ, какъ свою законную собственность, и что отказъ Василія исполнить свое (вѣроятно, словесное, неофиціальное) обѣщаніе былъ причиною возобновленія вражды. Какъ бы то ни было, но еще осенью того же 1015 года, въ которомъ убитъ былъ Гавріилъ и заключенъ миръ, императоръ Василій, «убѣдившись, что Болгарскій государь обманывалъ его своими миролюбивыми увѣреніями и затѣвалъ дѣла, противныя своимъ обѣщаніямъ (это слова византійскаго лѣтописца), рѣшился опять вторгнуться въ Болгарію». Входъ въ Македонію былъ открытъ ему и онъ легко проникъ въ самое сердце Болгарской державы. Опустошивъ окрестности Острова [1]) и поля между Бутелемъ (или Битолемъ, иначе Монастиръ) и Охридомъ [2]), онъ явился подъ столицею Болгаріи. Всѣмъ попадавшимся въ его руки Болгарамъ онъ выкалывалъ глаза. Охридъ былъ взятъ, и Василій уже надѣялся окончательно утвердить за собою престольный городъ Самуила. Между тѣмъ Іоаннъ-Владиславъ стоялъ подъ Драчемъ, принявъ лично начальство надъ осадою, которую открыли его полководцы. Защиту Охридской страны онъ поручилъ Ивацѣ [3]), «мужу отличнѣйшему и испытанному». Вѣроятно, намѣреніе Болгаръ было заманить непріятеля какъ можно дальше въ свою землю. Иначе нельзя бы было понять, почему они отдали Охридъ безъ боя, тогда какъ у нихъ

---

[1]) И еще другой, неизвѣстной намъ крѣпости, Соска (Σωσκός) близъ Острова.

[2]) Этотъ край обозначается въ византійскихъ лѣтописяхъ древнимъ именемъ *Пелагоніи*.

[3]) Это имя, Иваца (Ἰβάτζης) есть, очевидно, такое же уменьшительное прозвище, какъ Николица и Несторица (Νικολιτζᾶς, Νεστορίτζης): о первомъ Кединъ говоритъ именно: Νικόλαος, ὃν Νικολιτζᾶν ὑποκοριζόμενοι διὰ τὸ βραχὺ τῆς ἡλικίας ἐκάλουν); мнѣ кажется, что настоящая славянская форма была *Иванецъ*, или *Иваница*, а *Иваца* есть греческая передѣлка; но я удержалъ имя, какъ оно записано въ лѣтописи.

было большое войско, занимавшееся осадою Драча. Разсчетъ удался. Василій уже сбирался идти изъ Охрида еще далѣе на западъ, на выручку Драча, какъ вдругъ весь арріергардъ его, оставленный между Битолемъ и Охридомъ [1]), былъ истребленъ Ивацею. Испуганный Василій тотчасъ далъ приказаніе отступать и въ этомъ отступленіи, скорѣе похожемъ на бѣгство, бросилъ Охридъ и ушелъ въ Солунь [2]).

Неудача этого слишкомъ смѣлаго нохода заставила Василія опять прибѣгнуть къ прежнему способу войны. Отказавшись на время отъ завоеванія Охридскаго края, онъ принялся снова за медленную работу покоренія городовъ, черезъ которые центръ тогдашней Болгаріи сообщался съ ея оконечностями. Онъ послалъ одинъ отрядъ осаждать Струмницу, а другой къ Срѣдцу (Софіи) [3]); но успѣхъ ихъ ограничился только взятіемъ двухъ незначительныхъ укрѣпленій [4]) и опустошеніемъ полей. Императоръ Византійскій рѣшился даже прибѣгнуть къ опасному средству, которое нѣкогда употребилъ его предшественникъ, Никифоръ Фока, для низложенія Болгаръ: онъ хотѣлъ нанять на Руси вспомогательную дружину. Съ Русью онъ находился въ тѣсной связи: его сестра была за Великимъ Княземъ Владиміромъ, и въ это именно время (1015—1016 г.) греческій отрядъ, посланный имъ на корабляхъ на сѣверный берегъ Чернаго моря, велъ вмѣстѣ съ Русскими князьями удачную войну противъ Хазаровъ. Желаніе Василія было исполнено. Русская дружина прибыла и присоединилась къ войску, которое готовилось итти на Болгаръ. Въ 1016 г. войско это подъ личнымъ предводительствомъ императора выступило противъ Срѣдца (Софіи), но остановлено было осадою извѣстной уже намъ болгарской твердыни въ Балканахъ, Перника. Болгаре защищались такъ храбро и наносили непріятелю такой уронъ, что, простоявъ подъ Перникомъ 88 дней, Василій отступилъ и безуспѣшно возвратилсяво Өракію, въ Мосинополь.

Въ то же время и Болгаре перенесли войну на сѣверъ и, подобно Грекамъ, стали искать себѣ союзниковъ за Дунаемъ. Іоаннъ-Владиславъ отправилъ въ Черноморскія области храбраго воеводу Кракру, отличившагося прежнею защитою Перника въ 1002 г. Воевода этотъ собралъ тамъ большое войско и вошелъ въ сношенія съ Пече-

---

[1]) Подъ начальствомъ стратига Георгія Гониціаты и протоспаөарія Ореста.

[2]) Византійскій историкъ, впрочемъ, прикрываетъ это неблаговидное отступленіе тѣмъ, что императоръ будто бы имѣлъ въ виду преслѣдованіе Ивацы (τὸν Ἰβάτζην καταδραμὼν καὶ διώξας); но подобное преслѣдованіе могло бы только увлечь его въ глубь Болгаріи, и, конечно, не вывело бы его на Солунскую дорогу.

[3]) Первымъ начальствовалъ Давидъ Аріанита, вторымъ Ксифія.

[4]) Кедринъ называетъ эти укрѣпленія, а именно: Θερμίτζα близъ Струмницы и Βοïὼν близъ Срѣдца (Софіи).

нѣгами. Для Болгаръ тѣмъ естественнѣе было звать къ себѣ на помощь этихъ степныхъ дикарей, что Русскіе князья, всегдашніе враги Печенѣговъ, послали дружину на помощь Греческому императору. Вскорѣ и самъ царь Болгарскій явился на сѣверѣ, въ слѣдъ за своимъ воеводою, и сталъ готовиться къ нападенію на Дерстръ (Силистрію), главную точку опоры Грековъ на Дунаѣ.

Давъ зимою отдыхъ войску и усиливъ его новымъ наборомъ, Василій слѣдующею весною (1017) возобновилъ дѣйствія. Онъ направился въ ту сторону, которая была тогда слабѣе защищена, именно въ южную Македонію, и взялъ тамъ какую-то крѣпость [1]); добыча была раздѣлена на три части: одна треть для греческаго войска, другая для русской дружины, третья для императорской казны. Во время этой осады авангардъ греческій разорялъ поля въ Охридской области, уводилъ поселянъ, захватывалъ стада. Послѣ перваго успѣха, императоръ двинулся къ Касторіи, но нашелъ ея стѣны неприступными и возвратился назадъ. Онъ долженъ былъ спѣшить. Его звалъ на сѣверъ стратигъ Силистрійскій, Грузинъ Цицикій [2]), который уже видѣлъ себя окруженнымъ Болгарами и Печенѣгами. Но императоръ, едва ли полагая возможнымъ поспѣть на выручку Силистріи, занялся другими предпріятіями, чтобы воспользоваться удаленіемъ болгарскихъ силъ и утвердиться въ юговосточной Македоніи. Онъ взялъ крѣпость Вышеградъ [3]), усилилъ средства обороны въ Верріи и сталъ брать укрѣпленія въ окрестностяхъ Острова и Мольска. Сюда пришла къ нему вѣсть, что нападеніе Владислава на Силистрію не удалось, потому что Печенѣги, почему-то поссорившись съ Болгарами, отказали имъ въ помощи. Успокоенный этимъ, императоръ занялся осадою города Сѣтены (теперь село Ситина, недалеко отъ Острова), гдѣ находился замокъ, принадлежавшій Самуилу. Овладѣвъ Сѣтеною, Василій нашелъ тамъ большіе запасы пшеницы, которые роздалъ своему войску, а все остальное въ городѣ онъ велѣлъ сжечь. Осада Сѣтены, какъ видно, взяла много времени: ибо пока императоръ стоялъ въ этомъ мѣстѣ, Іоаннъ-Владиславъ успѣлъ прибыть изъ-подъ Силистріи въ Македонію. Василій послалъ противъ него сильный авангардъ. Отрядъ этотъ попалъ въ весьма опасное положеніе, и чуть не былъ отрѣзанъ Болгарами. Узнавъ о томъ, Василій, не теряя минуты, сѣлъ на коня и съ словами: «кто человѣкъ военный, за мной!» поскакалъ впередъ. Войско устремилось за нимъ. Внезапное появленіе его такъ смутило передовые бол-

---

1) Кедринъ называетъ ее Λογγὸν (Лжгъ).
2) Τζιτζίκιος, υἱὸς τοῦ πατρικίου Θευδάτη τοῦ Ἴβηρος.
3) Положеніе ея въ точности неизвѣстно.

гарскіе пикеты, что они бросились бѣгомъ назадъ въ станъ Владислава и кричали ему: «*бѣзите, о цѣсарь!* (βεζεῖτε 'ο τζαῖσαρ)» [1]), т. е. «бѣгите, о царь!» Паническій страхъ овладѣлъ Болгарскимъ государемъ и его войскомъ. Всѣ бѣжали, покинувъ станъ. Прежде запертый Болгарами греческій авангардъ бросился за ними въ погоню; онъ взялъ въ плѣнъ до 200 тяжело вооруженныхъ (πανοπλίτας) Болгаръ и какого-то родственника [2]) Владиславова; также овладѣлъ онъ лошадьми и походными вещами Болгарскаго царя.

Послѣ этой побѣды, императоръ возвратился въ Водену и, сдѣлавъ здѣсь нужныя распоряженія, 9 Января 1018 г. прибылъ въ Константинополь.

Между тѣмъ Іоаннъ-Владиславъ скоро оправился отъ пораженія подъ Сѣтеною, и пользуясь краткимъ отдыхомъ, который давалъ ему Василій, принялся опять за свой любимый замыслъ: онъ возвратился къ осадѣ Драча и «съ варварской пышностью и гордынею» [3]) явился подъ стѣнами приморской твердыни. Но въ началѣ осады, при первой схваткѣ, онъ былъ пораженъ смертельно ударомъ, неизвѣстно кѣмъ направленнымъ [4]). Вотъ какъ Діоклейскій пресвитеръ разсказываетъ его гибель: «Въ то самое время, когда перенесено было тѣло блаженнаго Владиміра изъ Преспы въ Краину, императоръ Владиславъ явился съ большимъ войскомъ, чтобы занять землю бл. Владиміра и городъ Драчъ, какъ ему было обѣщано императоромъ Василіемъ въ награду за совершенныя имъ убійства [5]). И такъ, пока онъ пребывалъ передъ Драчемъ, однажды, въ то время какъ онъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, ему явился вооруженный воинъ въ образѣ св. Владиміра. Это его такъ ужаснуло, что онъ, вскочивъ съ своего сѣдалища, закричалъ изо всей силы: «Сюда, сюда, воины мои, защищайте меня, Владиміръ хочетъ убить меня!» и бросился бѣжать. Въ это мгновеніе поразилъ его ангелъ и онъ палъ на землю, мертвый и тѣломъ и душою. Тогда князья и воины и всѣ люди его, объятые страхомъ и ужасомъ, зажгли свой станъ и въ ту же ночь разбѣжались, всякій восвояси. Такъ случилось, что богомерзкій убійца, который, сидя за обѣденнымъ столомъ, приказалъ умертвить блаженнаго Владиміра, самъ пораженъ былъ въ часъ обѣда, дабы сдѣлаться воиномъ сатаны».

---

[1]) Кедр. II, 466.

[2]) ἀνέψιον.

[3]) Слова лѣтописца Кедрина.

[4]) Кедр. II, 466.

[5]) Здѣсь Діоклеецъ правильно отдѣляетъ городъ Драчъ отъ владѣній Владиміра Подгорскаго, между тѣмъ какъ прежде онъ включилъ этотъ городъ въ область своего любимаго героя.

Смерть похитила послѣдняго дѣятельнаго члена изъ Шишманова рода, который, можно сказать, самъ себя растерзалъ. Послѣ Іоанна-Владислава остались только женщины и дѣти. Только двое изъ вельможъ Болгарскихъ, сподвижниковъ Самуила, уже извѣстные намъ по имени, Ивака и Николица, думали продолжать войну за независимость Болгаріи; но это были частныя попытки; народъ ихъ не поддерживалъ. Мы объяснили происхожденіе Самуиловой державы порывомъ славянскаго чувства, которое вдругъ, отъ Коринѳскаго перешейка до Дуная, возгорѣлось негодованіемъ на иго Византіи. Но этотъ порывъ народнаго чувства къ независимости и единству не окрѣпъ, не обратился въ прочное народное сознаніе, въ жизненную потребность народа. Давно уже, мы видѣли, онъ остылъ, а когда не стало прежнихъ вождей, онъ угасъ совершенно, уступая мѣсто трусости, корысти и равнодушію. Со дня смерти Іоанна-Владислава, зданіе Самуилово рушилось: Византіи стоило только подбирать обломки.

Послушаемъ разсказа греческаго лѣтописца. Когда императоръ Василій получилъ отъ Драчскаго намѣстника, патриція Никиты Пигониты, извѣстіе о смерти Іоанна - Владислава, онъ тотчасъ же выступилъ изъ столицы. Какъ скоро онъ прибылъ въ Адріанополь, къ нему явились братъ и сынъ «знаменитаго» Кракры, съ радостною вѣстью, что «славная» крѣпость Перникъ и еще тридцать пять другихъ крѣпостей желаютъ ему сдаться. Почтивъ посланцевъ какъ должно и возведя Кракру въ степень патриція, императоръ поѣхалъ въ Мосинополь, гдѣ его ожидали другіе посланцы изъ Пелагоніи (т. е. Охридскаго края), Липлянъ (на Косовомъ полѣ) и Моравища (т. е. края у верховьевъ Болгарской Моравы), съ объявленіемъ о готовности ему покориться. Изъ Мосинополя Василій прибылъ въ Сѣръ (Серресъ); здѣсь предсталъ самъ Кракра въ сопровожденіи начальниковъ тридцати пяти изъявившихъ покорность укрѣпленій, и былъ принятъ самымъ привѣтливымъ образомъ. Также явился Драгомужъ, начальникъ Струмницы, и былъ пожалованъ въ патриціи. Онъ привелъ съ собою къ императору освобожденнаго въ это время патриція Іоанна, бывшаго правителя Халдіи [1]), который, попавшись въ плѣнъ къ Самуилу, содержался подъ стражею въ Болгаріи 22 года [2]). Двинувшись изъ Серреса, императоръ Византійскій вскорѣ ступилъ на болгарскую почву, и начался для него не походъ, а торжественное шествіе. Едва онъ приблизился къ Струмницѣ, какъ его встрѣтилъ архіепископъ Болгарскій Давидъ съ письмомъ отъ Маріи, су-

---

[1]) Такъ называлась часть Арменіи.

[2]) Это тотъ самый Патрикъ Жанъ, о взятіи котораго въ плѣнъ Болгарами упоминаетъ армянскій лѣтописецъ Асохигъ, см. выше, стр. 242

пруги Іоанна-Владислава, которая обѣщала удалиться изъ Болгаріи, если исполнены будутъ императоромъ нѣкоторыя ея требованія. Явился также Богданъ, «начальникъ крѣпостей во внутренней Болгаріи», и былъ награжденъ саномъ патриція, за то что и прежде уже былъ приверженъ къ императору и убилъ своего собственнаго зятя (кого именно и по какому случаю, лѣтописецъ не объясняетъ). Изъ Струмницы Василій направился къ Скоплю, и, оставивъ тамъ полномочнымъ начальникомъ (στρατηγὸν αὐτοκράτορα) патриція Давида Аріаниту, повернулъ назадъ на крѣпости Штипъ и Просѣкъ, привѣтствуемый и прославляемый литіями и пѣснями. Потомъ, взявъ вправо, онъ двинулся на Охридъ, вступилъ въ столицу Болгаріи и расположилъ подъ нею свой станъ. Народъ стекался къ нему, привѣтствуя его «пѣснями, рукоплесканіями и хваленіями». Василій вошелъ въ опустѣлый дворецъ царей Болгарскихъ и отворилъ ихъ казнохранилище. Онъ взялъ царскіе вѣнцы и золототканныя ризы, золото же [1]) роздалъ въ жалованье своему войску. Назначивъ правителемъ Охридскимъ своего воеводу, Евстаѳія Даѳномилу, и оставивъ ему сильный отрядъ, Василій возвратился въ свой станъ, подъ городомъ. Къ нему привели сюда вдову Іоанна-Владислава со всѣмъ царскимъ семействомъ Болгарскимъ. Съ Маріею были трое сыновей и шесть дочерей ея, одинъ незаконный (вѣроятно, еще малолѣтный) сынъ Самуила, двѣ его внучки и пять (тоже, кажется, малолѣтныхъ) внуковъ его, дѣтей Гавріила-Романа. Изъ числа послѣднихъ одного ослѣпили по приказанію Владислава. Семья была многочисленная, но въ ней не осталось ни одного человѣка, способнаго дѣйствовать. Правда, не всѣ сыновья Іоанна-Владислава пришли вмѣстѣ съ матерью отдаться въ руки Грекамъ. Старшій, Прусіанъ [2]) (по-славян-

---

[1]) Уже было упомянуто, что Василій, по словамъ византійскаго лѣтописца (Кедр. II, 468), нашелъ въ Охридскомъ казнохранилищѣ, кромѣ денегъ, до 100 кентинаріевъ золота въ слиткахъ.

[2]) Странны по своему не-славянскому звуку имена этой царской семьи Болгарской: Шишманъ, Алусіанъ, Прусіанъ, Деліанъ (Δελιανός, Δελεανός или Δαλειανός). Въ помянникѣ Зографскаго монастыря (писанномъ на бумагѣ, въ листъ, и переплетенномъ въ 1504 году), помѣщенъ былъ, въ 1502 году заимствованный изъ другаго, древнѣйшаго помянника, списокъ Болгарскихъ царей (подъ заглавіемъ „Помени *Господи* въ православной вѣрѣ царе блъгарскые“): въ этомъ спискѣ, сообщенномъ мнѣ К. Д. Петковичемъ, но къ сожалѣнію, представляющемъ имена Болгарскихъ государей безъ всякаго хронологическаго порядка (путаница вѣроятно произошла отъ многократнаго переписыванія), приведены между прочими имена царей Бориса, Симеона, Петра, Бориса, Романа, Шишмана (кромѣ того еще два Іоанна Шишмана, относящіеся къ позднѣйшей династіи Асѣничей), Давида, Самуила, Гавріила-Радоміра (эти два имени поставлены отдѣльно, безъ сомнѣнія по ошибкѣ одного изъ переписчиковъ; Іоанна-Владислава нѣтъ въ помянникѣ); кромѣ этихъ именъ, намъ уже знакомыхъ, и многихъ другихъ, принадлежащахъ къ позднѣйшимъ эпохамъ, мы читаемъ имя какого-то царя *Фружина*: это есть, по всей вѣроятности, болгарская форма того имени,

ски, кажется, Пружинъ), съ двумя братьями, скрывался въ дебряхъ хребта Тмора (въ средней Албаніи, близъ Бѣлграда Албанскаго или Берата). Но напрасно онъ надѣялся, что Болгарскій народъ пойдетъ за нимъ. Народъ равнодушно смотрѣлъ, какъ князья и вельможи, сподвижники Самуила, одинъ за другимъ подчинялись Греческому императору. Подъ Охридомъ Василій принялъ присягу «Несторицы, Зарицы и младшаго Доброміра, которые перешли къ нему каждый съ своими полками», по выраженію лѣтописца Кедрина. Греческій отрядъ окружилъ Тморъ, убѣжище Прусіана и его братьевъ, и они вскорѣ сдались. Между тѣмъ самъ императоръ продолжалъ объѣздъ покорявшейся страны. Изъ Охрида онъ перенесъ свой станъ во вторую столицу Самуила, Преспу. На какой-то горѣ надъ Преспинскимъ озеромъ онъ выстроилъ новое укрѣпленіе, Василиду, а другое заложилъ у самаго озера, вѣроятно на перешейкѣ, отдѣляющемъ малое Преспинское озеро отъ большаго. Изъ Преспы онъ хотѣлъ прямо итти къ Костуру (или Касторіи); но его смутила вѣсть, что сопротивленіе въ Болгаріи еще не совсѣмъ подавлено. Одинъ человѣкъ еще думалъ продолжать борьбу. Это былъ могущественный бояринъ Ивада. Онъ удалился въ непроходимыя горы, называвшіяся Брохотъ или Врохотъ (Βροχωτός), въ которыхъ находился прекрасный дворецъ царей Болгарскихъ съ садами и разными увеселительными строеніями (мѣсто это называлось Пронипте (?) Προνίστα). Здѣсь скрывался онъ «и не хотѣлъ покориться волѣ Божіей» (пишетъ Кедринъ), «но собирая мало-по-малу приверженцевъ, готовилъ возстаніе, и уже видѣлъ себя въ мечтѣ государемъ Болгарскимъ». — Въ слѣдствіе этого неожиданнаго противодѣйствія, императоръ Василій, какъ скоро водворилъ греческое управленіе въ Преспѣ, повернулъ на югозападъ, къ Дѣволю, ближе къ мѣсту, гдѣ слышалось послѣднее дыханіе болгарской свободы. Въ Дѣволѣ онъ, возсѣдая на высокомъ престолѣ, принялъ Прусіана и двухъ его братьевъ, царевичей Болгарскихъ, положившихъ оружіе передъ греческимъ отрядомъ, который преслѣдовалъ ихъ на высотахъ Тмора. Императоръ помиловалъ плѣнни-

---

которое Греки передѣлали въ Προυσιάνος; но во всякомъ случаѣ, имя это не славянское... — Съ этими именами Алусіанъ, Прусіанъ нельзя не сопоставить имени, прославившагося въ Болгаріи въ слѣдующую эпоху, *Асѣнь*, которое у Грековъ пишется Ἀσὰν или Ἀσάνος; а это имя принадлежало роду романскаго (волошскаго) происхожденія: позволено ли предполагать то же самое о предшествовавшей Асѣнямъ династіи Болгарской и привести въ подкрѣпленіе этой мысли еще то поразительное множество ветхозавѣтныхъ именъ въ этой семьѣ (Давидъ, Моисей, Ааронъ, Самуилъ, Гавріилъ), которое страннымъ образомъ совпадаетъ съ свидѣтельствомъ еврейскаго путешественника XII вѣка, Веніамина, объ употребительности іудейскихъ именъ у Волоховъ Ѳессалійскихъ. Все это, разумѣется, только гипотезы, основанія которыхъ, по недостатку свѣдѣній объ этомъ времени, суть самыя шаткія.

ковъ, и пожаловалъ Прусіана въ магистры, а братьевъ его въ патриціи. Онъ надѣялся также склонить къ сдачѣ Ивацу, но въ то же время готовился преодолѣть его упорство оружіемъ. Онъ послалъ ему грамоту, въ которой увѣщевалъ непреклоннаго Болгарина, чтобы онъ, «когда все его отечество покорено, не сопротивлялся одинъ и не предпринималъ невозможной борьбы, которая можетъ кончиться лишь его собственною гибелью». Ивацa отвѣчалъ на посланіе императора и умѣлъ находить всякаго рода отсрочки и извиненія, такъ что императоръ потерялъ въ Дѣволѣ 55 дней, ожидая, что онъ придетъ и сдастся. Пришлось бы возобновить войну въ Болгаріи, еслибы одинъ Грекъ не ухитрился, необыкновеннымъ сочетаніемъ коварства со смѣлостью, схватить самаго Ивацу. Вотъ какъ византійскій историкъ разсказываетъ это дѣло, характеризующее тогдашніе нравы и тогдашнее состояніе умовъ въ Болгаріи:

Охридскій правитель Евстаѳій Даѳномила узналъ, что императоръ весьма бы желалъ избавиться отъ Ивацы, и рѣшился оказать своему государю эту услугу (я перевожу слова Кедрина). Выбравъ удобное время, онъ открылъ свое намѣреніе двумъ изъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ, и взялся за дѣло. Предстоялъ у Ивацы торжественный праздникъ, въ день Успенія пресв. Богородицы. Къ этому дню былъ у него обычай сзывать не только сосѣдей и близкихъ людей, но и множество народа изъ дальнихъ мѣстъ [1]). Итакъ Евстаѳій отправился съ своими слугами незванный на этотъ праздникъ и, встрѣтя на дорогѣ часовыхъ, сторожившихъ проѣздъ, объявилъ свое имя и приказалъ доложить ихъ господину, что онъ ѣдетъ къ нему участвовать въ веселіи празднества. Ивацa былъ необыкновенно удивленъ, какимъ образомъ непріятель приходитъ къ нему добровольно и отдается ему въ руки; но тѣмъ не менѣе, онъ велѣлъ его пропустить, обнялъ его и принялъ радушно. На другой день, послѣ заутрени, когда всѣ гости разошлись въ отведенные имъ покои, Евстаѳій пришелъ къ Ивацѣ и просилъ его удалить на мгновеніе находившихся около его людей, чтобы онъ могъ сообщить ему наединѣ нѣчто весь-

---

[1]) Такое торжество въ извѣстный церковный праздникъ у частнаго человѣка есть то же самое, что теперь еще существующій между Сербами православнаго исповѣданія обычай „славити крсно (крестное) имя". Цѣлый родъ имѣетъ общій праздникъ и старшій въ домѣ сзываетъ и угощаетъ въ этотъ день всѣхъ друзей, сосѣдей и знакомыхъ. Замѣчательно, что изъ числа христіанскихъ святыхъ весьма немногіе празднуются такимъ образомъ (всего чаще св. Георгій, св. Николай, архангелъ Михаилъ, Іоаннъ Креститель). Тотъ же самый обычай существуетъ и во многихъ мѣстахъ Албаніи (особенно, кажется, въ сѣверной ея части): есть рода, даже между обращенными въ магометанство Арнаутами, которые празднуютъ, какъ день своего покровителя, праздникъ св. Георгія, Николая, Димитрія, Михаила и др. Нѣтъ сомнѣнія, что христіанство приняло и освятило существовавшіе у этихъ народовъ еще въ язычествѣ родовые праздники.

ма важное и для него полезное. Ивацa не подозрѣвалъ обмана и хитрости, и былъ увѣренъ, что Евстаѳій желаетъ вступить въ число участниковъ его предпріятія противъ императора Василія. Онъ приказалъ своимъ слугамъ удалиться и, взявъ Евстаѳія за руку, повелъ его въ густой садъ, гдѣ была бесѣдка, изъ которой разговоръ не могъ быть слышенъ, по причинѣ густой зелени. Какъ скоро они вошли въ нее и Ивацa былъ удаленъ отъ своихъ, Евстаѳій, у котораго рука была сильна и проворна, бросился на него, повалилъ его на землю и, ставъ ему колѣномъ на грудь, захватилъ ему дыханіе; въ то же мгновеніе онъ позвалъ своихъ слугъ, которые, по условію, послѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи и, дожидаясь знака, тотчасъ прибѣжали на зовъ своего господина. Втроемъ они держали Ивацу, зажали ему ротъ одеждою и выкололи ему глаза. Послѣ того они взяли его и бросили изъ сада въ прилегающій дворъ, сами же бѣгомъ устремились въ верхніе покои дома и здѣсь съ обнаженными мечами ожидали, что будетъ. Дѣло тотчасъ разгласилось и несказанная толпа стала сбѣгаться, одни съ мечами, другіе съ копьями, иные съ стрѣлами, съ камнями, съ палками, съ горящими полѣньями и все это кричало: «бейте, жгите, рѣжьте на куски, засыпайте каменьями измѣнниковъ, обманщиковъ! не давать пощады злодѣямъ!» Видя сбѣгавшуюся толпу, Евстаѳій отчаялся въ возможности спастись; однако онъ обратился къ своимъ товарищамъ, убѣждая ихъ не упадать духомъ и не передаваться врагамъ, которые не пощадятъ ихъ, а только замучатъ ужаснѣйшею смертью; самъ же онъ выглянулъ въ окно на толпу и, сдѣлавъ знакъ, что хочетъ говорить, сказалъ народу: «Не изъ вражды къ вашему князю сдѣлалъ я это. Вы сами знаете, что онъ Болгаринъ, а я Грекъ (Ῥωμαῖος), да къ тому же Грекъ не изъ Ѳракіи или Македоніи, а изъ Азіи: люди свѣдущіе знаютъ, какъ она далеко отъ вашей земли. Вы легко поймете, что я рѣшился на это дѣло не изъ какой-нибудь прихоти, а по нуждѣ. Вѣдь иначе я не бросился бы, какъ сумасшедшій, на явную смерть. Дѣло это было приказано императоромъ, и я, какъ послушный слуга, исполнилъ приказаніе. Если же вы хотите казнить меня, то, вы видите, я въ вашей власти. Но я не такъ легко отдамся на смерть и буду бить каждаго, кто подойдетъ, до послѣдняго издыханія. Смерть наша вѣрная, но мы погибнемъ счастливыми, зная, что есть человѣкъ, который взыщетъ на васъ каждую каплю нашей крови. Не долго будете вы ему сопротивляться!» Эта рѣчь, и въ особенности угроза местью императора такъ испугала этихъ людей, что они мало-помалу стали расходиться въ разныя стороны; а старѣйшіе и благоразумнѣйшіе кончили тѣмъ, что изъявили покорность императору, такъ что Евстаѳій могъ безпрепятственно взять Ивацу и отвести его

къ Василію. Государь, за такой «доблестный» поступокъ его (ἀνδραγαθία) тотчасъ же наименовалъ стратигомъ и намѣстникомъ Драчскимъ и пожаловалъ ему все движимое имущество Ивацы; Ивацу же отдалъ подъ стражу.

Вскорѣ послѣ паденія Ивацы уничтожено было *послѣднее* сопротивленіе въ Болгаріи. Извѣстный полководецъ Самуиловъ, Николица, который столько разъ попадался въ руки Грековъ и всякій разъ уходилъ, скрывался въ горахъ съ толпою людей. Высланъ былъ противъ него отрядъ. Его товарищи мало-по-малу переходили къ Грекамъ; другіе были пойманы. Тогда и Николицу взяло отчаянье. Онъ ночью пришелъ въ Греческій станъ и сдался. Императоръ отправилъ его въ заточеніе, въ Солунь.

Василій продолжалъ заниматься устройствомъ покоренной страны. Установивъ уже новое управленіе въ Битолѣ, Охридѣ, Преспѣ, Дѣволѣ, онъ учредилъ теперь Драчскую область, Колонію и Дринополь [1]). Каждая область подчинена была воеводѣ (стратигу), который имѣлъ въ своемъ распоряженіи отрядъ войска. Плѣннымъ, которыхъ Самуилъ во множествѣ уводилъ изъ греческихъ областей и поселялъ въ Болгаріи, дозволено было остаться тамъ, если захотятъ, или возвратиться на родину. Вообще, въ управленіи Болгаріею, Василій сохранилъ весь порядокъ, установленный Самуиломъ. Подати и способъ ихъ взыманія остались неизмѣненными: Болгаре должны были платить въ Византійскую казну только то, что бралъ съ нихъ собственный ихъ государь.

Василій прибылъ въ Касторію. Тутъ представили ему двухъ дочерей Самуила (старшая называлась Екатерина). Какъ только онѣ увидѣли въ свитѣ императора царицу Марію, вдову Іоанна-Владислава, убійцы ихъ брата, онѣ какъ бѣшеныя бросились не нее, какъ будто бы хотѣли разорвать ее на клочки. Императоръ успокоилъ ихъ и обѣщалъ имъ богатства и всякій почетъ. Въ то же время онъ пожаловалъ Марію титуломъ *зосты* и отправилъ ее въ Константинополь съ ея дѣтьми.

Самъ же онъ изъ Касторіи продолжалъ путь на югъ. Не достаточно было покорить и устроить Болгарію; слѣдовало еще успокоить взволнованную Болгарами полу-славянскую Грецію. Василій направился къ Аѳинамъ. Пока его полководецъ Ксифія разрушалъ до основанія болгарскія укрѣпленія въ Сербчищѣ, Соскѣ (Σωσκός) и окрестныхъ мѣстахъ, онъ самъ прибылъ въ крѣпость Стагусъ, въ Ѳессаліи. Здѣсь настигъ его и предсталъ предъ его очи, «въ образѣ

---

[1]) Колонія есть юговосточная часть средней Албаніи, между Горицею и Лясковичами; Дринопольская область есть нынѣшній Аргирокастрскій округъ въ Эпирѣ.

раба» (т. е. какъ плѣнникъ, отдающійся на произволъ побѣдителя), Бѣлградскій воевода Елемагъ (? Ελεμάγος) съ товарищами своими. — Изъ этого показанія лѣтописца Кедрина можно заключить, что полководцы византійскіе, которымъ поручены были занятые прежде Василіемъ крѣпости на Дунаѣ, исполняли въ сѣверной Болгаріи то же самое дѣло, какое императоръ лично взялъ на себя въ югозападныхъ областяхъ, и что тамъ также подчинялся византійскому правленію упадшій духомъ народъ славянскій.

У Сѣтуны (или Зитуны) императоръ Василій посѣтилъ покрытое костями поле битвы, въ которой Самуилъ (въ 995 г.) былъ пораженъ НикифоромъУраномъ. Въ Ѳермопилахъ (которыя тогда носили уже прозаическое имя *Скелосъ*, т. е. Ущелье) онъ осмотрѣлъ стѣну, выстроенную [1]) въ недавнее время трусливыми Греками для защиты отъ вторженій Болгаръ. Прибывъ въ Аѳины, Василій совершилъ, въ храмѣ пресв. Богородицы, благодарственное молебствіе за побѣды и украсилъ эту церковь многочисленными драгоцѣнными приношеніями. Въ Аѳинахъ онъ провелъ зиму съ 1018 на 1019 годъ. Когда устроены были дѣла въ Греціи, онъ подумалъ о возвращеніи въ Константинополь. Столица увидала новаго тріумфатора. Съ зубчатою короною на головѣ вступилъ онъ въ Золотыя Ворота Византіи. Ему предшествовали плѣнники и плѣнницы: Марія, супруга царя Іоанна-Владислава, дочери Самуиловы и множество Болгаръ. Черезъ украшенныя трофеями улицы шествовалъ онъ въ «Великую» церковь св. Софіи и, послѣ молебствія, вошелъ во дворецъ, принимать поздравленія патріарха и сановниковъ съ покореніемъ Болгаріи.

Такимъ образомъ случилось, говоритъ византійскій историкъ [2]), что «Болгарія, почитавшаяся неприступною, могущественною и неодолимою и долго не повиновавшаяся императорамъ, Болгарія, которая отрѣзывала Византіи подвозъ жизненныхъ припасовъ и всѣхъ необходимыхъ предметовъ, была блистательно и доблестно завоевана; и Греческая держава получила на западѣ безопасность и миръ, и вмѣсто прежней скудости, стала наслаждаться изобиліемъ и благосостояніемъ».

Дѣйствительно, Византія имѣла право привѣтствовать торжествующаго «Болгароубійцу» (Βουλγαρόκτονος), какъ своего благодѣтеля и избавителя. Сорокъ лѣтъ тому назадъ она была отрѣзана отъ Европы. Прежняя столица Востока задыхалась и чахла въ собственныхъ стѣнахъ и въ тѣсномъ уголкѣ Ѳракійскаго приморья, котораго славянская волна не успѣла захватить; а теперь она опять властвовала

[1]) Въ мѣстѣ, называемомъ Ῥοπένη.
[2]) Attaliota, 234.

надъ своею природною областью и житницею, надъ всѣмъ полуостровомъ отъ Дуная до Адріатическаго моря и оконечностей Мореи.

Императоръ Василій, конечно, велъ дѣло съ большимъ умомъ и показалъ, въ борьбѣ своей съ Болгарами, несомнѣнный талантъ, какъ военнаго, такъ и государственнаго человѣка. Но *онъ* ли покорилъ Болгарію? — нѣтъ; предъидущій разсказъ убѣдитъ каждаго, что самъ народъ Болгарскій отдалъ себя ему въ руки.

Славянскіе народы, по видимому, способны къ единству только въ большихъ размѣрахъ. Имъ нужно полное, цѣльное соединеніе на широкомъ просторѣ. Федеративное сочетаніе мелкихъ обществъ для нихъ невозможно; такого сочетанія (любимаго преимущественно Германскимъ племенемъ, также какъ въ древности Греческимъ) они не выдерживаютъ; они въ немъ чахнутъ, и при первомъ толчкѣ, союзъ распадается. Есть тому много примѣровъ въ исторіи западныхъ и южныхъ Славянъ. Такъ было и въ тогдашней Болгаріи. Образовать цѣльное единство народное, цѣльное государство, невозможно было для племенъ, разселившихся между Дунаемъ и Мореею, между Адріатическимъ и Чернымъ морями, въ странѣ, перерѣзанной вдоль и поперекъ цѣпями горъ, почти лишенной внутреннихъ сообщеній, и гдѣ ктому же Славяне перемѣшаны были съ чужими народами, Албанцами, Влахами, Греками. Возможна была въ такой странѣ только федерація славянскихъ племенъ, сочетаніе отдѣльныхъ славянскихъ группъ, Придунайской, Охридской, Черногорской, Македонской, Θессалійской, Морейской и т. д. подъ однимъ верховнымъ предводителемъ. Общій порывъ противъ иностраннаго ига породилъ, мы видѣли, такую федерацію въ концѣ X вѣка; но не долго устояла она. Византія была ничтожна, дряхла, поражена смертельною порчею; Славяне были свѣжи, бодры, еще почти неиспорчены. Но Византія несла съ собою въ борьбу крѣпкое начало безусловнаго единства государственнаго, и передъ этимъ началомъ рушилось слабое и условное начало славянской федераціи. Читатель видѣлъ, какъ цѣлыя области славянскія покидали знамя своей независимости и покорялись государственному началу Византіи. Чрезъ нѣсколько столѣтій мѣсто Византіи займутъ Турки, и мы увидимъ повтореніе того же самаго явленія. Судьба Самуиловой Болгаріи есть первое приложеніе общаго закона, который проходитъ черезъ всю исторію Задунайскихъ Славянъ: Славяне Задунайскіе, вслѣдствіе условій мѣстныхъ и племенныхъ, не могутъ сами изъ себя выработать единство и сдѣлаться цѣльнымъ народомъ, способнымъ къ долговѣчной политичеекой самостоятельности; въ порывахъ къ независимости, они могутъ составить только мелкія единицы, слагающіяся на время въ болѣе или менѣе обширныя федераціи; но всякій разъ эти федераціи распадаются пе-

редъ началомъ государственнымъ, приносимымъ извнѣ. До сихъ поръ это государственное начало приносилось къ Задунайскимъ Славянамъ только врагами, и ихъ историческая жизнь была, я думаю, несчастнѣе, чѣмъ жизнь какого бы то ни было другаго народа на свѣтѣ.

Овладѣвъ въ 1018 г. всею Болгаріею, Византія, естественно, стала притягивать къ себѣ и сосѣднія славянскія племена. Они такъ и льнули къ ней. Мы упомянули уже о подчиненіи Бѣлграда. На другомъ краю Сербскихъ земель, покорилось ей Подгоріе, наслѣдіе св. Владиміра Сербскаго. «Подчинились также, говоритъ византійскій лѣтописецъ, сосѣднія племена Хорватовъ, находившіяся подъ властью двухъ братьевъ: когда эти правители присягнули императору и получили почетные титулы и подарки, то и народъ поддался вмѣстѣ съ ними. Непокорнымъ оставался только одинъ князь Срѣмскій [1]) (Срѣмомъ называется уголъ между нижнею Савою и Дунаемъ). Константинъ Діогенъ, правитель пограничной съ Срѣмомъ области (онъ былъ, вѣроятно, воеводою Бѣлградскимъ) [2]), отправилъ къ нему посла, чтобы условиться о свиданіи для переговоровъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ, клятвенно обѣщая не сдѣлать ему зла; если же славянскій князь все-таки, не смотря на клятву, имѣлъ опасенія, то онъ приглашалъ его выѣхать къ нему на встрѣчу, съ тремя слугами, на средину рѣки Савы, гдѣ воевода будетъ ожидать его, тоже съ тремя провожатыми. Князь повѣрилъ и поѣхалъ на свиданіе на срединѣ рѣки. Пока они разговаривали, Діогенъ вдругъ вынулъ спрятанный за пазухою ножъ и вонзилъ ему въ бокъ. Владѣтель Срѣма палъ за-мертво, а люди его тотчасъ обратились назадъ, чтобы спастись бѣгствомъ. Діогенъ немедленно двинулъ стоявшее вблизи войско и съ значительною силою ворвался въ Срѣмъ. Онъ умѣлъ напугать и вмѣстѣ съ тѣмъ смягчить щедрыми обѣщаніями вдову убитаго князя, такъ что она изъявила покорность и передала Срѣмъ императору. Ее отправили въ Византію и выдали тамъ за одного изъ вельможъ, а Діогенъ сдѣлался правителемъ пріобрѣтеннаго края».

Власть Византіи распространилась такимъ образомъ на уголъ между Дунаемъ и Савою, столь важный въ военномъ отношеніи, какъ оплотъ Бѣлграда. Еще прежде того, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ болгарскимъ намѣстникомъ въ Бѣлградѣ, подчинилась Греческому правительству большая часть нынѣшняго Сербскаго княжества, гдѣ народъ, какъ кажется, жилъ еще въ совершенной апатіи, не принимая участія въ дѣятельности своихъ сосѣдей и собратій, Болгаръ и при-

[1]) Кедр. 477. ὁ τοῦ Σιρμίου κρατῶν ἀδελφὸς τοῦ Νεστόγγου Σέρμων. Это имя, Σέρμων, вѣроятно искажено. Кедринъ выражается объ его братѣ Нестугѣ (т. е. Нестѧгъ), какъ о лицѣ извѣстномъ его читателямъ: однако объ немъ нѣтъ нигдѣ упоминовенія.

[2]) Сравн. Кедр. II, 483.

морскихъ Сербовъ. Мы должны предполагать, что мелкія славянскія *жупы* (волости) въ этомъ краѣ признавали надъ собою верховную власть Болгарскаго царя, когда онъ обладалъ, на сѣверѣ ихъ страны, Бѣлградомъ, на югѣ Моравищемъ и Липлянами, и что онѣ потомъ безпрекословно поддались Византіи, какъ скоро она сдѣлалась наслѣдницею Болгарскаго правительства. — Кто же были Хорваты, которые, по свидѣтельству Византійцевъ, добровольно также подчинились императору Василію? Вѣроятно, подъ именемъ Хорватской земли разумѣли въ Константинополѣ нынѣшнюю Герцеговину и Боснію: эти самые Хорваты являются потомъ въ византійскихъ сказаніяхъ сосѣдями Діоклейцевъ, т. е. жителей Подгорскаго княжества (Черногоріи и окрестнаго края). Впрочемъ, византійскіе историки XI вѣка употребляютъ имя Хорватовъ весьма неопредѣлительно, отождествляя ихъ съ Сербами, и приведенное выше извѣстіе Кедрина о подчиненіи Хорватовъ, оставалось бы для насъ темнымъ, если бы мы не имѣли другаго свидѣтельства, показывающаго, какъ послѣ паденія царства Болгарскаго, власть Византіи почти безпрепятственно распространилась надъ всѣмъ сѣверо-западнымъ угломъ Балканскаго полуострова, занятымъ Сербо-Хорватскими племенами. Приведемъ весь этотъ разсказъ Діоклейскаго пресвитера, показанія котораго въ эту эпоху заслуживаютъ уже полнаго довѣрія:

«Братъ блаженнаго Владиміра, Драгоміръ, услышавъ о смерти императора Болгарскаго Іоанна-Владислава, собралъ свой народъ и свое войско, чтобы возвратить себѣ землю и государство отцовъ своихъ. Подошедши къ заливу Которскому (онъ съ своими приверженцами, какъ видно, бѣжалъ отъ Болгаръ въ горы Герцеговины), онъ приказалъ своимъ людямъ переправиться на судахъ черезъ заливъ [1]); Которяне же [2]), приготовивъ ладьи, вышли къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и виномъ и обильными съѣстными припасами, и пригласили его отобѣдать на островѣ св. Гавріила. Драгоміръ съ немногими изъ своихъ вступилъ въ одну изъ барокъ (naviculam) и прибылъ къ назначенному мѣсту. Пока готовили обѣдъ, Которяне, видя, что

---

[1]) Природа мѣстности, дѣйствительно, такова, что обойдти Которскій заливъ сухимъ путемъ невозможно.

[2]) Которъ, какъ другіе города Далмаціи, составлялъ особую городскую общину, отдѣльную отъ окрестнаго славянскаго края и основанную на юридическихъ началахъ римскаго муниципія (хотя въ Которѣ славянская стихія была сильнѣе, чѣмъ въ Дубровникѣ, Сплѣтѣ, Задрѣ и др.). Которяне уже тогда, мы видимъ, держали въ своихъ рукахъ судоходство по заливу. Завистливо охраняя себя отъ власти государя, въ чьей землѣ ихъ городъ находился, они не хотѣли пускать его въ свои стѣны, и приготовили ему обѣдъ на островѣ. Дальнѣйшій разсказъ еще яснѣе представлятъ вражду и зависть муниципія къ землѣ и ея князю. Въ этомъ отношеніи выписываемое здѣсь мѣсто Діоклейской лѣтописи весьма замѣчательно.

Драгоміръ имѣлъ съ собою мало людей, а что сами они были многочисленны, и зная также, что никто не могъ поспѣть съ берега къ нему на помощь на этотъ островъ, начали говорить между собою такимъ образомъ: Императоръ Болгарскій погибъ, и государи нашей земли погибли, только этотъ одинъ остался отъ ихъ рода; если онъ будетъ жить и владѣть землею, худо намъ будетъ; онъ станетъ прижимать насъ такъ точно, какъ прижимали другіе государи, его отцы и братья. Убьемъ же его, и не останется никто, чтобы прижимать и безпокоить насъ и дѣтей нашихъ. Потомъ, сидя за столомъ, они думали и передумали объ этомъ и, разгорячась виномъ, вдругъ встали и бросились на него, чтобы его убить. Видя это, онъ схватилъ свой мечъ и побѣжалъ въ церковь, и, стоя внутри церкви, защищалъ входъ обнаженнымъ мечемъ, такъ что никто не смѣлъ перешагнуть порога. Тогда нѣкоторые влѣзли на церковь и, разломавъ крышу, стали бросать на него каменья и бревна, и такъ убили его, и за тѣмъ, сѣвъ въ барку, убѣжали въ городъ. Народъ же его, узнавъ, что случилось, разошелся по домамъ. — Супруга Драгоміра, послѣ смерти своего мужа, возвратилась на родину [1]). Она была дочь Лютоміра, великаго жупана Расы; она повела съ собою двухъ дочерей своихъ (и своего молодаго сына Доброслава). Прибывъ въ Расу, она нашла своего отца умершимъ, и отправилась тогда, вмѣстѣ съ своей матерью, въ Боснію къ своимъ дядьямъ... — Между тѣмъ, послѣ смерти императора Болгарскаго Владислава, императоръ Василій собралъ большое войско и множество кораблей, и сталъ завоевывать страну; онъ овладѣлъ всею Болгаріею, а также Расою, Босніею, всею Далмаціею [2]) и всѣмъ приморскимъ краемъ до предѣловъ нижней Далмаціи».

Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ 1018 года, не только граждане Котора и безгосударная область Подгорская (иначе Діоклея), но и великій жупанъ Расы (т. е. южной Босніи), великіе князья Требинья (южной Герцеговины) и Захолмія (средней и сѣверной Герцеговины)

---

[1]) Діоклейскій пресвитеръ говоритъ, что жена Драгоміра была въ то время беременна и въ бѣгствѣ въ Боснію родила сына Доброслава, „въ Дринской жупѣ, въ мѣстѣ называемомъ Брусно". Въ этомъ есть безъ сомнѣнія ошибка, ибо какъ оказывается изъ сравненія его же дальнѣйшаго разсказа съ свидѣтельствомъ Византійцевъ, въ 1033 г. Доброславъ съ своими сыновьями велъ возстаніе противъ Грековъ, въ 1040 году его сынъ Гоиславъ сражался съ Греками, въ 1050 другой сынъ его Михаилъ управлялъ Сербами: ясно, что рожденіе Доброслава не можетъ быть отнесено къ 1019 году, какъ выходитъ изъ словъ Діоклейца. Не случилось ли оно при бѣгствѣ Драгоміра передъ Самуиломъ Болгарскимъ около 990 года и не смѣшалось ли съ позднѣйшимъ сходнымъ событіемъ въ разсказѣ лѣтописца, руководствовавшагося не писанными свидѣтельствами, а преданіемъ?

[2]) Имя Далмація обнимало въ то время и большую часть нынѣшней Герцеговины.

и банъ Боснійскій [1]) признали надъ собою верховную власть Византійскаго императора. Лютовидъ, великій князь Захолмскій, сталъ носить титулъ «протоспаѳарія и стратига Сербскаго и Захолмскаго» [2]).

Пятнадцать лѣтъ (1019—1034) весь Балканскій полуостровъ повиновался Византіи. Но уже въ это время духъ независимости начиналъ готовить въ Задунайскихъ Славянахъ противодѣйствіе чужому правительству, которое подчинило ихъ себѣ силою своего государственнаго начала.

---

[1]) Владѣтель Босніи носилъ титулъ бана (см. Шафарика, Изб. Хрис. IV, VI), владѣтель Захолмія (и кажется, также владѣтель Требинья или Травуніи) — великаго князя (тамъ же, VII); владѣтель же Расы удерживалъ древній Сербскій титулъ великаго жупана (см. византійскихъ историковъ). Такъ точно называетъ ихъ Діоклейскій пресвитеръ: magnus juppanus Rassae; juppano Rassae, et Bano Bosnae et Principi regionis Chelmanae, и т. под.

[2]) Kukuljevica Sakcinskog, Izvestje o putovanju kroz Dalmaciju u Napulj i u Rim, стр. 22, гдѣ упоминается грамота этого Лютовида монахамъ св. Бенедикта на остр. Кромѣ, хранящаяся въ Рагузскомъ архивѣ и относимая г. Кукулевичемъ къ 1030—1040 г. О томъ же Захолмскомъ князѣ Лютовидѣ упоминаетъ, около этого же времени, Діоклейскій пресвитеръ.

Старинныя поселенія Славянъ на Греческой землѣ.

(Приложеніе къ I-й главѣ II-й части).

Я коснулся Славянскихъ поселеній на землѣ Эллинской. Этотъ предметъ возбудилъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время большіе споры. Знаменитый нѣмецкій ученый Фалльмерайеръ первый поднялъ вопросъ, доказавъ, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, обширность славянскихъ поселеній на греческой почвѣ въ средніе вѣка и сильное участіе славянской стихіи въ образованіи Ново-Греческаго народа. Его мнѣніе сдѣлалось предметомъ жаркихъ и не совсѣмъ безпристрастныхъ нападеній со стороны самихъ Грековъ и ихъ поклонниковъ на Западѣ. Гордымъ своею народностью Эллинамъ обидно было подумать, что они, можетъ быть, не потомки Леонида и Ѳемистокла, а какихъ-нибудь варваровъ, Радославовъ и Владиміровъ. На Фалльмерайера и его послѣдователей посыпались самыя неприличныя выраженія гнѣва. Стоитъ прочесть статьи греческихъ ученыхъ и публицистовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что ими въ этомъ спорѣ руководствовало не строгое убѣжденіе науки, а ложное народное самолюбіе. Пора кончить этотъ споръ, недостойный исторіи. Неужели еще сомнѣваются въ томъ, что никакое племя не можетъ жить долго, физически и нравственно, своими собственными стихіями, безъ новаго притока жизни, безъ новыхъ силъ, извнѣ почерпаемыхъ? Что бы сталось съ Греческимъ народомъ, если бы онъ не обновлялся свѣжими стихіями? Давно бы не было ни одного Грека на свѣтѣ! Для Греческаго народа не должно быть обидно, что въ его организмъ вошло много славянскихъ стихій; напротивъ, онъ долженъ дорожить этимъ свидѣтельствомъ своей духовной, своей жизненной силы, которая мирно переработала и пріобщила себѣ цѣлыя племена юныхъ пришельцевъ; онъ долженъ дорожить тѣмъ, что въ его жилахъ течетъ не одна кровь растлѣнныхъ рабовъ Рима, нѣкогда смѣнившихъ собою поколѣнія свободныхъ Аѳинянъ и Спартанцевъ, но и кровь того могущественнаго племени, которое одно въ мірѣ имѣетъ право ожидать несравненно бóльшаго въ будущемъ, нежели сколько дало ему прошедшее. Для насъ же важно изученіе не только однихъ тѣхъ вѣтвей этого племени, которыя получили государственное развитіе и прямо участвовали въ судьбахъ исторіи; для насъ важно изученіе и тайнаго, такъ сказать, физіологическаго вліянія

Славянъ на окружающій ихъ міръ. Потому мы не должны оставить безъ вниманія эти безвѣстныя, давно исчезнувшія поколѣнія, которыя населили опустѣлую землю Греческую и дали новыя стихіи жизни Эллинскому народу. Прежде всего нуженъ матеріалъ для этого почти нетронутаго еще предмета. Предлагаю здѣсь этотъ матеріалъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ мнѣ доступенъ. Историческія свидѣтельства о Славянахъ на греческой почвѣ скудны; но не скудно другое, еще достовѣрнѣйшее свидѣтельство; свидѣтельство мѣстныхъ именъ. Теперь у насъ уже есть подробные и полные статистическіе списки мѣстностей въ Эпирскомъ пашалыкѣ и въ Греческомъ королевствѣ,—для Эпира въ прекрасной книгѣ: Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου τῶν τε ὁμόρων ἑλληνικῶν καὶ ἰλλυρικῶν χωρῶν, συντεταγμένη ὑπὸ Π. Α. Π. ἐν Ἀθήναις 1857 (2 тома); для Греціи въ сочиненіи: Τὰ Ἑλληνικά, ὑπὸ Ἰακώβου Ρ. Ραγκαβῆ, ἐν Ἀθήναις 1853 — 1855 (3 тома). Изъ нихъ я выпишу мѣстныя имена славянскаго происхожденія, приводя притомъ и общее число селеній въ каждомъ краѣ, чтобы можно было судить объ отношеніи славянскихъ именъ къ общей массѣ мѣстныхъ названій. Только такой трудъ можетъ дать дѣйствительное, фактическое основаніе для сужденія о славянскихъ поселеніяхъ на греческой землѣ. Конечно, при такомъ сужденіи надобно будетъ имѣть въ виду, что славянская рѣчь угасла въ этой странѣ уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ и что, слѣдовательно, мѣстныя имена славянскія съ тѣхъ поръ постоянно уменьшались числомъ, вслѣдствіе исчезновенія прежнихъ поселеній или замѣна ихъ непонятныхъ народу названій новыми, тогда какъ количество поселеній съ названіями греческими, албанскими и турецкими постоянно прибывало; стало быть, списокъ сохранившихся доселѣ въ Греціи мѣстныхъ именъ славянскаго происхожденія представляетъ лишь, можно сказать, въ уменьшенномъ масштабѣ размѣры прежняго распространенія славянской стихіи въ этой странѣ. Но и эти данныя должны будутъ разсѣять всякія сомнѣнія объ огромномъ участіи славянской стихіи въ образованіи Ново-Греческаго народа.

То, что я здѣсь предлагаю, есть, какъ я сказалъ, только матеріалъ для рѣшенія означеннаго вопроса. Полной критической обработки этого матеріала я не могу взять на себя. Потому я не подвергнусь упреку, если подлѣ названій несомнѣнно славянскаго происхожденія поставлю такія, которыхъ славянское начало сомнительно или требуетъ сличенія съ другими мѣстными именами для того, чтобы быть приписаннымъ тому или другому народу. Нѣкоторое излишество въ приводимомъ матеріалѣ не можетъ повредить столько, сколько повредили бы пропуски, которые заставили бы другаго начать трудъ съизнова. Гдѣ славянская форма имени совершенно ясна, я буду ставить ее подлѣ греческой, какъ она теперь пишется; приводя эти *вѣроятныя* славянскія формы, буду придерживаться преимущественно особенностей Македоно-Болгарскаго нарѣчія, съ которымъ языкъ древнихъ Славянъ въ Эпирѣ и Греціи имѣлъ, естественно, наиболѣе сходства [1]). Гдѣ славянская форма имени не представится мнѣ

[1]) Для собственныхъ именъ Македоно-Болгарскихъ драгоцѣнный, хотя къ сожалѣнію крайне отрывочный и неполный, матеріалъ находится въ путешествіи В. И. Гри-

совершенно опредѣленною и, вѣроятною, тамъ я просто буду отмѣчать теперешнее греческое названіе. Прошу читателя не забывать, что въ Ново-Греческомъ языкѣ β читается какъ *в*, γ какъ *г* придыхательное (gh), а передъ *i* почти какъ *j*, δ какъ *д* придыхательное (dh), хотя эти буквы часто замѣняютъ собою, въ иностранныхъ словахъ, чистыя *б*, *г* и *д*, но что, собственно и правильно, чистый звукъ *б* выражается сочетаніемъ μπ, звукъ *г* — сочетаніемъ γκ, звукъ *д* — сочетаніемъ ντ. Такова однако неопредѣленность греческаго правописанія въ выраженіи звуковъ *б*, *г* и *д*, что вмѣсто ихъ часто пишется π или β, κ и τ (напримѣръ, Греки пишутъ: Ἀπτοὺλ Μετζίτ, т. е. Абдулъ-Меджидъ). Звуки *ж* и *ш*, также чуждые Греческому языку, выражаются въ иностранныхъ словахъ буквами ζ и σ. Всѣ эти особенности надобно имѣть въ виду при возстановленіи первоначальныхъ славянскихъ формъ въ греческихъ мѣстныхъ названіяхъ.

Начинаю перечень, идя съ сѣвера на югъ, и съ запада на востокъ.

A) ЭПИРЪ. I. ОБЛАСТЬ АВЛОНСКАЯ.

1) *Округъ Бератскій:* (число семействъ, мусульманскихъ 8863, православн. 3136; подати: 2,393,000 піастр. [1]); господствующій языкъ Албанскій; число селеній 300; изъ нихъ съ славянскими именами слѣдующія:

а) Собственно въ Бератскомъ краѣ: Бѣлградъ (городъ, иначе Арнаутъ-Бѣлигратъ, по-албански Бератъ); Водица Βοδίτζα; Вертепъ Βερτόπι; П е ш т а н и Πέστjανη; Новани Νόβανη; Κοστράνη; Οὐζινόβα; Кжпиново Καπινόβα; Кучево Κουτζιόβα; Ορίτζjα; Σμούρανη; Δjούζενα; Морава Μοράβα (большая и малая); Ντουχάνασι; Богополе Βογκοπόλjα; Сербяни Σερέβjανι; Горани Γκόρανη; Садовица Σαντοβίτζα; Брестяни Πρέστjανη; Велиска (Вельско) Βελίσκα; Синя Σινjα; Боляна Μπόλιανη; С т а р о в о Σταρόβα; Ζαποκίκα; Μολίστι; Планишники Πλjανισνίκι; Τσορογιαβι; Τότζιαρι; Добронићи Τομπρονίκη.

б) Въ Великой Музакіи: Сѣменица Σεϊμένιζα; Косово Κωσόβα (большое и малое); Δjούσνα; Σίανη; Кочани (въ Блг. Кочено) Κότζιανη; Μούτζιανη; Арденица[2]) Αρδενίτζα; Πετόβα; Любовца Λίμποφτζα (двѣ); Гоздаряни Γκοσδά-

горовича. Я отмѣтилъ широкою печатью тѣ, встрѣчающіяся въ Эпирѣ и Греціи, имена, которыя въ томъ же точно видѣ являются у Болгаръ и приведены въ сочиненіи ученаго нашего профессора.

[1]) Эти статистическія данныя, собственно, не идутъ сюда; но когда дѣло идетъ о странѣ, такъ мало извѣстной, какъ Эпиръ, такого рода цифры, относящіяся къ современному состоянію народонаселенія, не могутъ быть излишними. Замѣчу, что въ исчисленіи населенія семейство не принимается только въ смыслѣ брачной четы съ дѣтьми, но часто заключаетъ въ себѣ нѣсколько брачныхъ паръ, живущихъ однимъ домомъ; такъ въ Янинскомъ округѣ означено въ переписи 9657 семействъ, а собственно, брачныхъ паръ тамъ считается 14651.

[2]) Собственныя имена славянскія въ Эпирѣ и Греціи ясно свидѣтельствуютъ, что въ древнемъ нарѣчіи тамошнихъ Славянъ (также какъ въ древнемъ нарѣчіи Славянъ Прибалтійскихъ) гласная *а* часто произносилась передъ *р* и какою-нибудь нѣмою согласною, а не посреди ихъ.

ρκνη; Ρωσομάνη; Градище [1]) Γρατίστα; Бабуня Μπαμπούνια; Λέβανη (двѣ); Κημίστανη.

в) Въ Малой Музакіи: Поличани Πολjοτζάνι; Горичани Γχορίτζjὰνη; Χαλβατζέκι; Кучи Κούτζη; Търновище Τρανοβίστα; Стаматица Σταματίτζα; Бѣлица Μπελίτζα; Ягодина Γjὰγοντίνα; Струбы Στρούμπι; Видище Βιδίστα; Новоселье Νοβοσέλια; Σπίστα; Μπάλτιζα; Жупаны Σουπάνοι; Селки Σέλκι (большіе и малые); Μπιτζjάκανη; Τριζα; Цѣлоградъ Τζελογράδι; Бростари Μπροστάρι; Радостаны Ῥαδοστάναις; Πάλτιζα; Τζιαβάρι; Γραιτζαλή; Μογιαλοῦ; Πετοσιάνη; Χοτσjάρα; Λέβανη (двѣ); Стары Στάρι; Μποτζιόβα; Червены Τζερβένι; Αμπάρί; Μάτκα; Тополя Τοπόγjα (двѣ); Бьзово Μπισjοβα; Μπισάνη.

г) Въ Каратопракѣ: Нова Νόβα; Дивяка (въ Блг. Дивяци) Διβιάκα; Кривокуһи [2]) Κρυοκούκκι; Камниоа Καμνίτζα; Бабуня Μπαμπούνjα.

д) Въ Верхней Малакастрѣ: Вельчани или Бѣльчани Βέλτζjανη; Гръбешь Γέρμπεσι; Κούτα; Γρεσίτζα; Моляни Μόλjανη; Плещани Πλέστjανη; Γριζάρα; Кремняри Κρεμινάρα.

е) Въ Нижней Малакастрѣ: Μπομπράτι; Новоселье Νοβοσέλια; Быстровица Μπιστροβίτζα; Ростковицы Ῥοσκοβέτζι; Κούργιαση; Велюси Βιλjόσι; Μπέρτζι; Γράτζιασι; Λέβανη; Καλένjα; Дреново Αντρένοβα; Бѣлешово Μπιλισjόβα; Куһари Κούκκjαρη; Осоя (въ Блг. Осои) Οσόγjα; Высока Βισόκα; Казница Κασνίτζα; Пештяни Πέστjανη; Горишово Γχορισjόβα; Боляре (?) Μπαλέρι; Γκjονίτζα; Бѣсово Μπjεσόβα; Роздіе Ῥοσδία; Робы (въ Блг. Рабы) Ρόμπι.

2) *Округъ Томарицкій:* число сем. мусульм. 1600; христіанъ нѣтъ; подати 130,000 піастр.; языкъ Албанскій; число селеній 43:

Гръбина Κιρμπίτζα; Τιρόβα; Дуньска (въ Блг. Гдуне) Ντούνσκα; Градецъ Γραντέτζι; Угляникъ или Ульяникъ Ουγjανίκου; Залѣсня Ζαλjόσνια; Соколяты Σοκογjάτι; Милёво Μηλjόβα; Старовецка (въ Блг. Старовецъ) Σταροβέτσκα; Гёрговица Γjωργοβίτζα; Кучи Κούτζι; Орѣхово Ρεχόβα; Μπάρτζjαι; Старовецка Σταροφίτσκα; Кованичани Κοβανίζανη; Ποστένα; Лѣсково Λεσκόβα; Добрени Ντομπρένη; Μπουράνη; Κότκα; Βιδάνι; Смердяни Σεμερδένjα (двѣ).

3) *Округъ Скрапарійскій:* 1840 мусульманскихъ, 60 христ. семействъ; подати: 148,260 піастровъ; языкъ Албанскій; число селеній 68:

Цѣровода Τσεροβόντα; Τσιγκριμπόνια; Μποζούκι; Селяни Σέλjανη; Βερζέζια; Радиши Ῥάντισι; Градецъ Γραντέτζι; Вершище Βερσίστα; Осоя Ὀσόγjα; Добруша (въ Блг. Добрушево) Ντομπροῦσjα; Гостиницка Γοστἰντζκα; Берзака Μπερσάκα; Копривницка Κοπρίντζκα; Λjάντανη; Велюси Βελούσjα; Высоцка Βισούτζκα; Поляна Πολίνα; Цѣренище Τσερενίστι; Πλιτζίντζκα; Сѣверяни Σεβράνη; Боровицка Μπορότζκα; Ράμπανη; Мученицка Μουτζέντζκα; Орѣховица Ῥεοβίτζα;

---

[1]) *щ* во всѣхъ этихъ именахъ должно быть произносимо по-болгарски, т. е. какъ *шт*.

[2]) Можно, кажется, предполагать въ нарѣчіи Славянъ, давшихъ названія этимъ мѣстностямъ, существованіе мягкихъ *к* и *г* тамъ, гдѣ Сербы пишутъ ћ и ђ; звуки эти, въ старину господствовавшіе у Сербовъ, теперь еще составляютъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ нарѣчія Болгаръ въ Македоніи и Албаніи; я ставлю здѣсь начертанія ћ и ђ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Македонскій Болгаринъ произнесъ бы *кь* и *гь*, а Сербъ — *чь* и *джь* (или въ нѣкоторыхъ краяхъ *ть* и *дь*); слово куһа значитъ домъ.

Τσεπάνη; Πρίστjα; Ситица Σιτίτζα; Заберзане [1]) Ζαμπιρζάνι; Утричани Οὐτριτζάνη; Кжпиново Καπινόβα; Крушево Κρουσjόβα; Γεργjόβα; Λούσνjα; Трубихово Τρουμπιχόβα; Ζjαπάνη; Слатина Σλατίνα; Сѣрово Σιαρόβα; Цѣрово Τσjερόβα; Низица Νησjέτζα; Велесня Βελέσνjα; Τολάνη; Осоня Οσόνjα.

4) *Округъ Авлонскій:* 3986 мусульм., 344 христ. семействъ; подати: 1,575,000 піастр.; языкъ Албанскій, на приморьѣ вмѣстѣ съ Греческимъ; число селеній 64:

Артъ [2]) Ἄρτα; Звѣринецъ Σβερνέτζι; Ῥωμίτζα; Грънецъ Γκιρνέτζι; Возанище Βεζανίστι; Лѣпеница Λεπενίτζα; Τράμποανη; Церковина Τσερκοβίνα; Горица Γορίτζα; Κιρκόβα; Μπεσίστι Глубочаре Γιομποτζάρι Канина Κάνινα; Зеленица Ζελενίτζα или Ασεληνίτζα; Трясовище Τρασοβίστα; Водица Βοντίτζα; Гуменица Γουμενίτζα; Братаньи Μπρατανjοί; Τερμπάτζι; Вранище Βρανίστα; Радима Ῥαδήμα; Песково Πεσκόβα; Τρεμπλιόβα; Горищи Γορίστι; Кропищи Κροπίστι; Μαυρόβα; Αμονίτζα; Лукобръдо [3]) Λουκοβέρδι; Αλιμπάνι; Новоселье Νοβοσέλια; Μοκρίζι; Χαλιμνίτζα.

5) *Округъ Тепеленскій:* 2970 мусульм., 1057 христ. семействъ; подати 250,000 піастр.; языкъ Албанскій, въ нѣкоторыхъ селахъ вмѣстѣ съ Греческимъ; селеній 64:

Теплѣни Τεπελένη; Междугорани Μεζουτγοράνι; Драготы Δραγότι; Мечищи Μετζιστι; Каливцы Καλιβέτζι; Канищи Κανίστι (также Κανίζα); Μοτρίτζα; Костяни Κώστιανη; Извори Ἰσβόρι (также съ подобозначащимъ [4]) греческимъ именемъ Χιονώδης; однако село албанское); Γλέβα; Κομάρη; Сельска Σέλτζκα; Σαλέσι; Μαριτζάνη; Любетиня (въ Блг. Любетино) Λιουφτίνια; Βιμπλjάνη; Нивяни Νίβανη (верхніе и нижніе); Коньско Κόντζκα; Χοπτέβα; Πονίτζα или Απονίτζα; Тополево Τοπόλοβον (также Τοποβα); Малосево Μαλέσοβον; Худокуħи Χουντοκούκκι; Хлѣбово Λιάμποβον; Χόρμοβον; Връхуля Ραχούλα (другое имя этого села, Кодра, именно значитъ по-албански, небольшая вершина, холмъ).

6) *Округъ Преметскій:* 3095 мусульм., 1446 христ. семействъ; подати 603,000 піастр.; языкъ Албанскій (въ 3 селеніяхъ также Греческій; селеній 147:

Преметы Πρεμμετή; Малосево Μαλέσοβον; Брѣжани Μπρέζανη; Αργόβα; Грабово Γραμπόβα (два); Липа Λίππα; Штръбьци Στριμπέτζι; Полубари Πουλούμπαρι; Драчово Δρατζόβα; Ζέποι; Малобръдо Μαλιμπάρδι; Λιούσνjα; Βινέτζι; Требожище Τρεμποζίστι; Баня Μπένjα; Μαριτζάνη; Τορανίκη; Τσαρσόβα; Радохово Ῥαδοχόβα; Постѣняни Ποστένιανη; Βλjάσοβον; Лѣсня Λεσνjα; (село) Камника, τοῦ Καμνίκου; Радимище Ῥατιμίστι; Пештани Πέστανη; Ковачищи Κοβάτζιστι; Красово Κρασόβα (двѣ); Изгары Ἰσγάρι; Δελβίνα; Διμπίβανη; Гдуняни (въ Блг. Гдуне) Ὀγδούνανη; Τρεμίστι: Новоселье Νοβοσέλjα; Любицка Λίουπτζκα; жгряни Ὀγγρένη; Селеница Σελενίτζα (двѣ); Заваляни Ζαβαλιάνη; Κοστρέτζι; Гостивищи Γοστιβίστι; Ζερέτζι; Търново Τρενόβα; Дебри Τέπερη; Брестяни Μπρέσ-

[1]) Вмѣсто *Забрежани*, по вышеуказанной особенности нарѣчія этихъ Славянъ.
[2]) *Артъ* или *ртъ* значило у южныхъ Славянъ вершина и мысъ.
[3]) *Бръдо* у южныхъ Славянъ значитъ гора.
[4]) *Изворъ* у южныхъ Славянъ значитъ источникъ.

τανη; Дермари (въ Блг. Дермища) Ντερμαρι; Витищи Βιτίστι; Горошани Γχοροσίανη; Ζάρχανη; Μισίτζχα; Гостевицы Γοστεβίτζι; Орахово Ραχόβα; Любоня Λιμπόνια; Борчани Μπόρτζανη; Родовицка Ρατοβίτζχα; Билюши Μπιλjούσι; Березищи Βερεζίστι; Огорицка Ογόρτζχα; Грабовицка Γραμπότζχα; Μπλέτζχα; Γοστομίτζχα; Стернецы Στερνέτζι; Косово Κοσόβα; Хотково Χοτχόβα; (село) Бодаря τοῦ Μποντάρι; Кошино Κοσινα; Зленца Ζλένσα; Гостевищи Γοσταΐστι; Мокрица Μοχρίτζα; Велчищи Βελτζίστη; (село) Куħаря τοῦ Κούχχιαρη; Сеничани Σενιτζάνη; Подгорани Ποτγοράνι; Πάβαρη; Мазани Μάζανη; Родани Ῥοντάνη; Лѣсковецъ Λεσχοβέτζι; Ζεπόβα; Горица Γορίτζα.

7) *Округъ Погонянскій:* 100 мусульм., 1955 христ. семействъ; подати 696,500 піастр.; языкъ Греческій; селеній 43:

Погоняни Πωγωνιανή, имя края; Βίσσανη; Медвѣжа Μεγβέζα; Стратинище Στρατινίστα; Καστάνιαγη; Βάλτιστα или Βελτίστη; Αρίνιστι; Красово Κεράσοβον; Царовина Ζαροβίνα, иначе Καισαρόχωρον; Βομπλόν; Долъ Δολόν; Воштина Βοστίνα; Божаникъ Μπουζάνιχον; Τσάπιστα; Поличани Πολιτζάνη (Πολιτσανή) [1]; Сельска Σέλτζχα; Хлъмъ Χλωμόν (или Φλωμόν); Τσαραπλάνα; Διπαλίτζα или Διπολίτζα; Останица Ὀστανίτζα (иначе Ὑποστενίτζα) [2]; Месаре Μεσαρjά; Валевище Βαλεβίστα; Μπούτζιχον.

II. ОБЛАСТЬ ДЕЛВИНСКАЯ.

1) *Округъ Аргирокастрскій:* 2760 мусульм., 2194 христ. семействъ, подати 625,625 піастр.; языкъ Албанскій и Греческій вмѣстѣ, въ нѣкоторыхъ селахъ только Греческій; селеній 57:

Σαραχινίστα; Νόχοβον; Дервичани Δερβίτζανη; Βάνιστα; Χάσχοβον; Дубяни Δούβιανη (или Дивяни Δύβιανη); Сувратка Σουφράτιχα; Горица Γορίτζα; Πόδριστα; Селье Σελειό; Δουβίνα или Δυβίνη; Кусоница Κουσσοβίτζα; Завръхъ Ζάβροχον; Хлѣбово Λιάμποβον; Суха Σουχά (иначе Ἐσοχή); Лѣтовище Λιτοβίστα; Треносище Τρανοσίστα; Любохово Λιμπόχοβον; Неправище Νεπράβιστα.

2) *Округъ Делвинскій:* 2820 мусульм., 3405 христ. семействъ; подати 960,672 піастр.; языки Албанскій и Греческій вмѣстѣ, въ нѣсколькихъ селеніяхъ отдѣльно тотъ или другой; число селеній 118:

Лѣвенище Λεβενίστα; Хмѣлица Χουμελίτζα; Пруги Προυγχί; Гардикаħи [2])

---

[1]) Первая форма народная, вторая принаряженная по книжному; такихъ двойныхъ именъ мы найдемъ много, особенно въ собственной Греціи, гдѣ сильнѣе, чѣмъ въ Эпирѣ, преобладаетъ желаніе приблизиться къ классицизму.

[2]) Безъ обычной въ остаткахъ этого нарѣчія перестановки гласной *а* при *р*, было бы Градикаħи (чит. Градикакьи), т. е. домостроители: подобныя сочетанія съ словомъ куħа весьма употребительны и у Сербовъ; что касается гласной *ж*, то она является въ мѣстныхъ названіяхъ греческихъ Славянъ то съ первоначальнымъ носовымъ звукомъ, то въ видѣ *у*, какъ у Сербовъ, то въ видѣ *а*, какъ у теперешнихъ Болгаръ: такая неопредѣленность неудивительна въ обломкахъ языка, который, подвергаясь порчѣ и угасая, не могъ, конечно, выработать себѣ однообразной фонетики; такое же точно колебаніе въ произношеніи древняго *ж*, то какъ носовое *ан*, *он* или *ун*, то какъ

Γαρδικάκι; Πετζιά, Μουζίνα; Круги [*]) Κρόγκοι или Ὑδατόφορος; Дровини Δρόβjανη (верхніе и нижніе); Лѣшница Λεσίνιτζα (двѣ); Церковица Τσαρκοβίτζα; Дебри Δίβρη (три); Δόβινα; Веляхово Βελιάχοβον; Нивица Νίβιτζα (мѣстечко и село); Худостово Κοντόστοβον; Луково Λούκοβον; Сѣница Σένιτζα (или Ξένιτζα); (село) Голѣма τοῦ Γκόλέμη; Гардиђи Γαρδίκι (мѣстечко); Борцы Μπόρτζι (мѣстечко); Λετενούσι; Поляна Πολυάνα (мѣстечко); Кучи Κούτζι (мѣст.); Κουλουρίτζα; Румянца Ῥουμάντζα (или Ρωμαντία); Аварица или Яворица Ἀβαρίτζα; Ардошево Αρδασόβα; Верхъ Βεργὸν; Рядиште Ρεντίστα; Σμενίτζα или Ασμενίτζα; Γριάζανι; Σμάλτζανι; Τσαρα.

3) *Округъ Филіатскій:* 1,540 мусульм., 1845 христ. семействъ; подати 700,000 піастр.; языкъ Албанскій вмѣстѣ съ Греческимъ, но въ большей половинѣ селеній только Греческій; селеній 56:

Конецполе Κονίσπολις (мѣстечко); Коньско Κόντζκα; Верба Βέρβα; Σχλίαβι; Доляни Ντόλjανη или Δολιανή; Скупица или Епископица Σκουπίτζα, Ἐπισκοπίτζα; Любово Λίμποβον; Κεραμίτζα; Плѣшивица Πλησίβιτζα; Орахово Ἀράχοβα; Куђинище Κοκκινίστα; Воля Βωλὰ; Ρεβανή; Λίστα; Γλούστα; Кучи Κούτζι; Враня Βρανjα.

4) *Округъ Парамиѳійскій:* 673 мусульм., 1,051 христ. сем.; подати 534,848 піастр.; языкъ въ части селеній Греческій, въ части Греческій вмѣстѣ съ Албанскимъ; селеній 66:

Каменье Καμίνjα; Гардиђи Καρδίκι; Καρβουνᾶρι (сравн. «Карвунская» хора, въ древн. Болгарскихъ грамотахъ); Николицы Νικολίτζι; Петровица Πετροβίτζα; Веляне Βέλjανη; (село) Войника τοῦ Βοϊνίκου; Хвойка Χόϊκα (Χοϊκή); Станово Στάνοβον; Ζελεσσός; Драгани Δραγάνη (иначе Δρυογενής); Оздина Ὀσδίνα; Залогъ Ζάλογκον (верхній и нижній); Довля Ντοβλᾶ; Вреникъ Βρενῖκον; Лабиница (въ Блг. Лабунища) Λαμπινίτζα; Селяники Σαλονίκη; Селяни Σέλjανη; Попово Πώποβον; Корищани Κορίστjανη; Главица Γλαβίτζα; Прадолы Πραδάλη (иначе Παρδαλή); Вершина Βουρσίνα или Βυρσίνα; Граница Γρανίτζα; Радовищи Ῥαδοβίσδι; Стрегунцы Στρεγωνέτζι; Карсово Κεράσοβον; Лазнне Λαζjανὰ; Ζαραβούτζι; Копра Κόπρα; Любнхово Λυβίαχοβον; Лѣвиђище Λυβίκιστα.

5) *Округъ Маргаритійскій:* 1568 мусульм., 618 христ. семействъ; подати (вмѣстѣ съ Фанарійскимъ округомъ) 826,000 піастр.; языкъ Албанскій вмѣстѣ съ Греческимъ; 41 селеніе:

Αρπίτζα; Воля Βόλια; Кучи Κοῦτζι; Арвеница Αρβενίτζα; Косовица Κοσοβύτζα, Връстово Βράστοβον; Миликуђи Μηλικουκκιά; Σαλύτζα; Корытяни Κορύτjανη; Сѣномѣрица Σενομερίτζα (или Ξενομερίτζα); Сѣница Σενίτζα (или Ξενίτζα); Пештяни Πέστjανη (или Ὀπισθιανή); (село) Ливадаря τοῦ Λιβαδάρι.

6) *Округъ Фанарійскій*: 363 христ. семейства; языкъ Греческій и Албанскій; 24 селенія:

у, то какъ *а*, замѣтилъ я въ угасающей рѣчи Славянъ Померанскихъ, около Лебскаго и Гардскаго озеръ.

[*]) Греческое названіе Ὑδατόφορος указываетъ на это объясненіе; слово *круга* живетъ у насъ въ уменьшительномъ *кружка*.

Горица Γορίτζα; Σπλάντζα; Ἄρτζα; Νεμίτζα или Ἀνεμίτζα.

7) *Округъ Паргскій:* 140 мусульм., 282 христ. семейства; подати 200,796; языкъ Греческій съ Албанскимъ; 3 селенія:

Парга т. е. Прага [1]) Πάργα.

III. ОБЛАСТЬ ЯНИНСКАЯ.

1) *Округъ Коницкій:* 1187 мусульм., 2582 христ. семейства; подати 658,619 піастр.; языкъ Греческій, во многихъ мѣстахъ вмѣстѣ съ Албанскимъ; 60 селеній:

Коница Κόνιτζα; Радоны Ῥαντόνι; Лѣковиħи Λjακοβίκι; Горица Γορίτζα или Ἀγορίτζα; Γρήσπανη; Μελίσδανη; Красово Κεράσοβον; Върбяни Βούρπjανη или Βυρπιανή; Търново Τούρναβον; Сельцы Σέλτζί; Στράτζανη (Στρατειανή); Ἀρμάτοβον; Вранище Βράνιστα; Зелище Ζέλιστα; Βίσεντζχον; Златѣна Ζλάταινα; Παλιοσέλι; Старичани Σταρίτζανη; Изворы Ἰσβόρι; Καντζχον; Δέντζιχον; Луцко Λούτζιχον; Кротинище Κροτίνιστα; Τσέρτζιχον; Саново Σανοβὸν; Πομπίτζιχον; Перовицка Περοβίτζχα; Дервенье Δερβένjα; Осѣцка Οσέτζχα; Глина Γλύνα.

2) *Округъ Гревенскій:* 742 мусульм. 3676 христ. семействъ; подати: 1,038,200 піастр.; языкъ Греческій, въ значительной части селеній вмѣстѣ съ Романскимъ; 81 селеніе:

Гребень Γρεββενά, Довратово Δοβράτοβον; Кривцы Κρύβτζι; Дебренище Δεβρόνστα; Βαντζιχὸν; Вивище (—Ивище) Βίβιστα; Радовищи Ῥαδοβίστι; Τριβένι или Τριβούνι (ср. Травунія, Требинье); Радошинище Ῥατοσινίστα; Πιχροβινίτζα; Βέλια; Μπούρα; Добряни Ντόβρανη; Βραβονίστα; Βριάσινον; Воденецко Βοδέντζιχον; Липеница Λιπενίτζα; Ζάλοβον; Орѣхово Ῥιάχοβον; Ζυγόστι; Рубаре Ῥουμπάρι; Πινjάρι; Дымница Διμηνίτζα; Плѣсъ или Плѣша Πλέσjα; Любиново Λιμπίνοβον; Синихово Σινίχοβον; Πηγαδίτζα; Ситово Σίτοβον; Западъ Ζαπαντός; Κυραχαλίτζα; Лавница Λαβανίτζα.

3) *Округъ Веницкій:* языкъ Греческій; 245 мусульм., 688 христ. семействъ; подати 238,000 піастр.; 26 селеній:

Βέντζα; Хуленище Χουλενίστα; Τορονίχη; Μπλέντζχον; Свильцы Ζφίλτζι; Μπούρονα или Μπούρονον; Μπόρισσα или Βορισσός; Садовица Σαντοβίτζα; Λουντίσνον; Гостимы Γοστόμι или Φιλόξενος; Вербово Βορμπόβι; Коприва Κοπρίβα.

4) *Округъ Мецовскій:* языкъ Романскій вмѣстѣ съ Греческимъ; 1164 христ. семействъ; подати 145,000 піастр.; 5 селеній:

Μέτσοβον; Μηλιά.

5) *Округъ Янинскій:* 850 мусульм., 9657 христ. семействъ; подати 3,346,105 піастр.; 225 селеній:

а) Въ краѣ Загорье (языкъ Греческій, въ нѣсколькихъ селеніяхъ вмѣстѣ съ Романскимъ): самое имя края, Ζαγορίον; Δοβρᾶ; Σουδενὰ (двѣ); Равня Ῥαβένjα (двѣ); Ἀρτζίστα; Βεῖτζα (двѣ); Βεῖτζιχον; Черваре Τσερβάρι; Καπέσοβον;

---

[1]) Такъ и Прибалтійскіе Славяне говорили и потомки ихъ въ Помераніи говорятъ до сихъ поръ *парь*, вмѣсто *прагъ*, т. е. порогъ.

Βραδέτον; Чепелово Τσεπέλοβον; Лясковцы Λιασκοβέτζι; Доляни Δόλjανη; Цѣдило Τσοντίλα; Столово Στολοβόν; Каменье Καμινjά; Добриново Δομπρίνοβον; Лѣшница Λεσινίτσα; Λάιστα; Чернеши Τσερνέσι; (село) Дрестника (τοῦ) Δρεστενίκου; (село) Драгаря (τοῦ) Δραγάρι.

б) Въ краѣ Курендо (языкъ Греческій): Зелево Ζέλοβου; Τουντίλα; Гардиħи Γαρδίκι; Садовица Σαντοβίτσα; Коньско Κόντζκα; Подгора? Πογδορὰ (или Ὑπεκδορά); Загорица Ζαγόρτζα; Кобыляни Κοβίλjανη (или Κοβελιανή); Горянище Γουργjάνιστα; Грибово Γρίμποβον; Ораховица Ἀραχοβίτζα; τοῦ Βαγενίτι; Γραμμένα; Вълчище Βελτζίστα; Καρίτζα; Церковище Τσερκοβίστα; Γριτζούνιστα; Зелище Ζελίστα; Γρανιτζοπούλα; Тихополяни Τειχοπολιανὴ или Χοπόλjανη; Βρύανιστα; Орѣхово Ῥιάχοβον; Σούτιστα; Грибяни Γρόμπjανη или Γρυπιανή; Подгоряни? Πογδόριανη (или Ὑπεκδοριανή); Доляна Δολιανά; Загоряни Ζαγόρjανη; Радотовы Ῥαδοτόβι; Μπράγjα или Βρυγία; Βάνιστα; Сеструны Σειστρούνι (или Σιτηρώνιον); Γλύζjανη (см. ниже, примѣч.); Λαψίστα (см. тамъ же).

в) Въ краѣ Малакаси (языкъ Греческій): Сербяна Ζερβιανὰ; Ардомище Ἀρδομίστα; Γιάννιστα; Βραδοβάρι; Лужицы или Лозицы Λουζέτζι и Λοζέτζι; Φραστανὰ (см. ниже, примѣч.); Κοτόρτζι; Корытяни Κορόττjανη; Плѣша Πλέσjα; Βαλτζόρα; Καλέντζι; Σχλοῦποι; Ζωβίστιανα; Михалицы Μηχαλίτζι; Βασταβέτσι; Προσβάλλα; Γότιστα; Δερβεντίστα; Χρυσοβίτζα; Γοβριτζὰ (или Γαβρισσός).

г) Въ краѣ Цараковиста (языкъ Греческій съ Албанскимъ): Църкъвище Τσαρακοβίστα; Βοδίβιστα; Равня Ῥαβένια; Борцы Μπάρτζι; Крехово Κρόφοβον (см. ниже, примѣч.); Πεστὰ; Σχλίβανη или Κλιβανή; Борача Μποράτζα; Τέροβον; Μουσοτίτζα; Зорище Ζώριστα; Милихово Μελίχοβον; Копаны Κωπάνοι; Δερβιζανὰ; Συῤῥιζανά; Драговцы Δραγοβέτζι; Сеструны Σειστρούνιον; Муковина Μουχοβίνα; Ардоши Ἀρδοσσί; Липа Λίππα; Цѣричане Τσερίτζανα; Τρατζανά; Плѣша Πλέσσα; Милинки Μιλυγκοί.

6) *Округъ Артскій:* языкъ Греческій; 240 мусульм., 4,802 христ. семействъ; подати 2,338,000 піастр.; 116 селеній:

Артъ или Рътъ [1]) Ἄρτα; Старока Σταρόκκα; Κρανjα; Δέλοβα; Подгора Ποδογόρα (или Παιδαγορά); Волище Βούλιστα; Свиленикъ Σφελλένικον; Μολιανά; Στριβίνα; Равня Ῥάμνια; Кукулище Κουκουλίστα; Косовище Κοσοβίστα; Горичани Γχορίτζανα; Скупа Σκοῦπα; Τρόβιστα; Бродъ Βροντόν; Воляна Βούλjανα; Бредище Μπρέντιστα; Низище Νισίστα (или Ἀρχική); Гременица Γρεμμενίτζα; Пещяна Πεστιανὰ (или Ὀπισθιανή); Λιμίτζικον; Χόσσjανα; Βελεντζικόν; Брѣстеница Βρεσθενίτζα; Μπότζι; Бѣляна Μπιλjανά.

7) *Округъ Превезскій:* языкъ Греческій, въ немногихъ селеніяхъ вмѣстѣ съ Албанскимъ; 120 мусульм., 1,530 христ. семействъ; подати 599,200 піастр.; 39 селеній:

Превеза Πρέβεζα; Михалицы Μηχαλίτζι; Любохово Λιμπόχοβον; Σέσοβον; Λοῦτζα; Витина Φτύνα или Φυτίνα; Корытяни Κορύτjανη; Краварп Κράβαρι; Заровина Ζαροβίνα; Церкъвяни Τσερκούβjανα; Дубяни Δουβjανὰ (или Διβιανά); (село) Влада Βλάντου (верхнее и нижнее); Горана Γόρανα (или Ἀγορανά); Земелье Ζεμέλια; Русяча Ῥουσιάτζα.

---

[1]) См. выше, примѣч. къ I, 4.

Примѣчаніе. Имена рѣкъ и горъ въ Эпирѣ, къ сожалѣнію, не обозначены въ статистическомъ сочиненіи, которымъ я пользовался для именъ селеній; въ этомъ отношеніи мы должны, пока, довольствоваться географическими картами; но и на лучшей изъ нихъ, на картѣ Европейской Турціи Киперта, обозначены только названія самыхъ главныхъ горъ и рѣкъ; прочихъ мы не знаемъ. Изъ тѣхъ, которыя находятся на картѣ, слѣдующія носятъ явный отпечатокъ славянскаго происхожденія. Горы: Бѣлогость, Островица (замѣчательно, близъ Островицы, названіе другой горы, Боснія), Грива, «Nemertzika», Сопоты, Смолица, «Kratschovo», «Wolutza», Баба, Лобаница и др.; рѣки: «Kutzowitza», «Deschitza», «Levkaritza», «Tscharkow», Тополица, Бѣлица, «Ssutzista», Быстрица (Vistritza) и т. д. — Я говорилъ о томъ, что славянскія имена должны были исчезать подъ наплывомъ греческихъ и албанскихъ, какъ скоро Славянскій языкъ угасъ въ этихъ краяхъ. Доказательство этому представляютъ старинные акты: въ нихъ относительное количество славянскихъ именъ больше, нежели какое существуетъ въ настоящее время. Почтенный составитель «Хронографіи Эпира», этого превосходнаго труда, на которомъ мы основали наши изысканія о Славянскихъ поселеніяхъ въ этой странѣ, приводитъ двѣ грамоты императора Андроника Палеолога Старшаго, одну 1319, другую 1321 г., касательно доходовъ и церковнаго устройства города Іоаннины (Янины). Тутъ исчисляются принадлежавшія къ Янинскому округу мѣстности. Выпишу всѣ эти имена безъ исключенія; читатель увидитъ, чот бóльшая часть изъ нихъ славянскаго происхожденія и сколько славянскихъ именъ въ этомъ краѣ съ тѣхъ поръ исчезло. Въ грамотѣ 1319 года: Βοτίβιστα (теперь Βοδίβιστα, вѣроятно Водовище), Ζελοχοβίστα (Челоховище, теперь не существ.), Ψεάδα (не сущ.), Σαντοβίτζα (Садовица, есть и нынѣ), Ἀρδιχοβίστα (Ардиховище-Радиховище, не сущ.), Γλοξίανι (Гложани? теперь Γλόζjανη), Γαρδίκι (Гардиħи, теперь тоже), Λεαυσίστα (Лѣвшище, теперь Λαψίστα), Τριστεανίκον (Трьстѣникъ, теперь Τριστενίκον въ Загоріи), Τρεαβοβιδίστα (вѣроятно Трявовиште, теперь не сущ.), Νοβοσέλη (Новоселье, есть), Ἀρδομηστία (Ардомище-Радомище, есть), Σίπκα (Сыпка, теперь, можетъ быть, Σοπική въ Погонянахъ), Ῥαδοτόβι (Радотово, есть), Δρεάνοβον (Дрѣново, не сущ.), Φρεάστανα (Врѣстана, теперь Φραστανὰ въ Малакасіи), Λιπνίτζα (Липница, теперь Λιμπνίτζα въ Парамиѳіи), Κοπάντζι (Копанци, теперь не сущ.), Στρώμη (Струма, не сущ.), Δρεαβοφά (теперь Δραγοφά въ Курендо), Κοπάνη (Копани, есть), Κρεχοβόν (Крехово, теперь Κρύφοβον), наконецъ: τὸ περὶ τὴν Βαγενετίαν (ср. сказанное выше о племени Βαγενέται и село τοῦ Βαγενίτι въ краѣ Курендо) λιβάδιον, и Σχούπιτζα (есть). Въ грамотѣ 1321 года: Παροικεῖον (есть), Πόβλιστα (не сущ.), Ἄρουλα (Орълія, теперь Ἄρλους въ Малакасіи), Τόπλιστα (Топлище, не сущ.), Ραψίστα (есть), Βελτζίστα (есть), Δουζέτζι (Лужьцы, есть), Σειστρούνι (Сеструны, есть) съ слѣдующими жителями: σὺν τῷ Μάρκῳ, τῷ Τσέχλῃ, τῷ Ποθητῷ, τῷ Βλαδιμήρῳ; далѣе, села: Τοβόλιανη (есть), Λαυσίστα (см. выше), Σερβιάνα (Сербяна, есть), Φρεαστάνα (см. выше), Ἰωάννιστα (Іоанище, теперь Γιάννιστα), Τιμοσμίδενα (не сущ.), Σφόνιστα (Звонище, не сущ.), Ρασοβίστα (Росовище, не сущ.), Πρά-

τοχες (Пратоки, не сущ.), Σουχᾶ (Суха, есть); приходы, подвластные Іоаннинской митрополіи, были тогда: τοῦ Ζαγορίου (Загоріе), τοῦ Τσεμερνίκου (Чемерникъ, теперь Τσουμέρκον), τοῦ Σμοκόβου (Смоково) καὶ τοῦ Σεστρουνίου (Сеструны): всѣ четыре имени славянскія.

Б) ЭЛЛАДА.

I. **Акарнанія** (рѣка Воиникова Βοϊνίκοβον, древній Инахъ; озера: Болгарское λίμνη τοῦ Βούλγαρη; Большое Озеро Μεγάλη Ὄζερος; Малое Озеро Μικρὰ Ὄζερος; Λεζινι; островъ Dragonero [1]); горы Габрова Gabrovo; Bergandi, Arnitsa).

Округъ Воницкій: города: Воница Βονίτσα (древн. Ἀνακτόριον, Actium); Драгомѣсто Δραγομέστον или Δραγομέστρι (др. Ἀστακός); Тригардіе (— Триградіе, Τρίγαρδον, на мѣстѣ древняго города Οἰνιάδαι). Селенія: Забрѣдо Ζαβέρδα; Κονιδάρι; Дрѣжово Δερσοβά; Ζάβιτσα; Μερδενίκου; Βλυζανά; Χρυσοβίτσα; Галица Γαλιτσᾶ; Λιγοβίτσι (развал. монастыря); Подоловица Ποδολοβίτσα; Конопино Κονοπίνα; Калица Καλίτσα; Γαρδι (пустошь); (а всего въ этомъ округѣ 44 селенія).

Округъ Валтскій: Πρεβέντα; Вервица Βερβίτσα; Гдунище Δούνιστα; Μπονίκοβον; Малый Садъ Μαλισάδος; Πριάντσα; Δρουμίστα; Каменье Καμίνι (всѣхъ селеній 38).

II. **Этолія** (горы: Глогова Γλογοβά, древн. Ταφίασσος; Врѣшова, Βαράσοβα, древн. Χαλκίς; Смолѣна Smoliena; Veloukhi; Voulgara; Mlocka; Psiana; Ardini; Tritzovo).

Округъ Трихонійскій: Западъ Ζάπαντον; Село Σέλου; Γκιρτοβός; Кошино Κοσίνα; Τσεβελιάσα; Западьна Ζαπαντίνα; Μπέριχος; Дерихово Δερίχοβα; Στριγανία; Миленково Μελίγγοβα; Μορόσκλαβον; Дервечище Δερβέκιστα (подлѣ другая деревня съ однозначащимъ именемъ по-гречески: Μεγαδένδρον); Χρυσοβίτσα (т. е. Крешевица или Крушевица); Мочище Μόκιστα; Простово Προστοβά (верхнее и нижнее); Желихово Σελίχοβον; Врѣхоли Βροχωλή; Гущяни Γούστjανη; Γούριτσα; Βλοχός; Λιγόστjανα; Ζακώνjα (всѣхъ селеній 54).

Округъ Эвританійскій: Карпеница (на картѣ Kargenitza, у Рангави Καρπενήσιον); Καρύτσα; Властово Λάστοβον; Село Σελά; Ερκίστα; Γορανιάδες; Голяни Γόλjανη; Трѣново Τέρνοβον; Домнище (?Дымнище) Δομνίστα; Τσεκλείστα; Трѣнъ Τέρνος; Селица Σέλιτσα; Ῥωσκά; Копрѣна Κόπραινα; Κουτίβα; Долянa Δολιανά; Ψιανά; Село Σέλος; Ἀμπλjανη; Ἀνδράνοβα; Τσερκοβοπτελέα (замѣчательно это сочетаніе славянскаго слова *церковь* съ греческимъ πτελέα, что значитъ вязъ и также подпорка, къ которой привязывается виноградная лоза); Дѣвичина Δεβίτσινα; Корытище Κορύκιστα; Χόχλια; Драговица Δραχοβίτσα; Елово Ἔλοβα; Δομιανοί; Врѣхъ Βράχα; Ключъ Κλειτσός; Μοῦχα; Καρύτσα; Орахово Ἀράχοβα; Τέροβα; Μύγδοβα; Δροβιτάτικον; Красово Κεράσοβον; Ви-

---

[1]) Имена, приводимыя здѣсь французскими буквами, заимствованы изъ подробной карты Греціи, изданной Французскою топографическою экспедиціею въ Грецію.

няни Βενίανη; Φραγγίστα; Елшани Ἔλσjανη; Враняна Βρανjανά; Ἐπαινjανά: Βελισδόνι; Граница Γρανίτσα; Влъчище Βελτσίστα; Зеленица Ζελενίτσα; Хоргово Χορίγκοβον; Липяна Λιπιανά; Тополяна Τοπόλιανα; Συβίτσα; Κόνjαβη; Крачица Κρατσίτσα (всѣхъ селеній 140).

Округъ Мисолунгскій: Рѣчьна Ῥετσένα; Клисово Κλείσοβα; Могыла Μαγοῦλα; Μούσορα; Дворица (на картѣ Doritza, у Рангави Δόριζα); Μπρέσαχον; Μεσάριστα; Ῥάϊκα; Красово Κεράσοβον; Σιβίστα (всѣхъ селеній 44).

Округъ Лепантскій: Βρώστjανη; Δελβίνα; Коньско Κόνισκα; Περίστα; Ποκίστα; Деривица Δερυβιτσά; Ἀρτοτίβα; Τερπίτσα; Πέλιστα; Συνίστα; Орахово Ἀράχοβα; Κλεπᾶ; Аворани (Яворяне) Ἀβόρανη; Трънoво Τέρνοβα; Сельбица Σελπίτσα; Любoтини Λομποτινή (большіе и малые); Βαλβίτσενα; Граница Γρανίτσα: Голѣмы Γουλέμι; Длъга Δέλγα; Ἀμόρανη; Βετοψίστα; Ἀνδρίβιστα; Село Σέλος; Χρήσοβον; Низвори Νίσβαρη; Ливница Λιμνίτσα; Ветлище Βετολίστα; Ἐλετσοῦ; Козица Κοζίτσα; Κουτουλίστα; Воица Βοϊτσά; Струмняни Στρώμνjανη; Зелище Ζελίστα; Житище Σιτίστα, Палуково Παλούκοβα (большое и малое) (всѣхъ селеній 79).

III. **Фокида** (горы: Хлъмъ Khlomo, — одинъ въ Фѳіотидѣ, другой въ Локридѣ; Голина Goulina; Vardousia; Didavista; Belisista; Βελοῦχι; Смоково Σμόκοβον, древн. Τυμφρηστός; рѣка Καρβουναριά, древн. Ἀσωπός):

Округъ Фѳіотидскій: Σούρπη; Гавряни Γαύρjανη; Гардиһи Γαρδίκιον; Χαμάκος; Охлады Ἀχλάδι; Велесь Βελέσι; Λογγίτσι; Νίκοβα; Черновиһи Τσερνοβίτι; Куһа Κουκjα; Земяна Σεμανή; Πετσοτά; Сѣтуны Σειτούνι; Дьбри Δίβρη; Λιμογάρδι; Αντινίτση; Гардикһи Γαρδικάκι; Βαρδάταις; Δέλφινον (ср. Делвинов); Комарици Κουμαρίτσι; Προχοβενίκος; Крале Καράλι и подлѣ, Βασιλικά; Μάντετσι; Лѣсково Λjάσκοβον; Смоково Σμόκοβον; Bogomilos (на картѣ); Бръвляни Μπρούφλjανη; Κλονί; Гардиһи Γαρδίκι; Горяне Γόργjανη; Николицы Νικολίτσι; Селяна Σέλjανη; Ῥοβαλjάρι; Κούρνοβον; Στύρφακα; Льноклады Λjανοκλάδι; Ζέλι; Βετούλι (всѣхъ селеній 130).

Округъ Доридскій: Граница Γρανίτσα; Лучево Λούτσοβος; Аворъ (Яворъ) Ἄβορος; Στροῦζα; Σκαλοῦλα; Вѣтриница Βιτρινίτσα; Веленикъ Βελενῖκος; Σώταινα; Πλέσια; Βίδαβη; Киселы Κίσελη; Лжгъ Λόγγος; Δρεστενά; Вощиница Βοστινίτσα; Костарица Κοσταρίτσα; Ардотино (— Радотино) Ἀρτοτίνα; Ζουριάνον; Аворнһи Ἀβορίτη; Оглавище Ἀγλαβίστα (всѣхъ селеній 52).

Округъ Парнассидскій: Σιγδίτσα или Σιγδίκων; Σεργοῦνι; Σερνικάκι; Κοῆσι; Κολοπετινίτσα; Тополя Τοπόλια; Μουσουνίτσα (верхняя и нижняя); Горица Γουρίτσα; Огоряни Ἀγόρjανη; Сувала Σουβάλα (верхняя и нижняя); Βάργjανη; Хлъмъ Χλωμόν; Κουκουβίτσα; Μπρλος; Каняни Κάνjανη (всѣхъ селеній 39).

Округъ Локридскій: Богдано Μπόγδανον; Кобылина Κοβίλινα; Гарденица Γαρδενίτσα; Велица Βελίτσα; Μπέλεσι; Δόριτζα; Ζέλι; Пологъ Πόλογος; Хубово Χούμποβον; Γλούνιστα; Δερνίτσα; Малешино Μαλεσίνα; (село) Рада Ῥάδου; Ἀρκίτσα; Лжгъ Λόγκος; Голѣмы Γουλέμι; Μενδενίτσα (всѣхъ селеній 87).

IV. **Віотія.**

Округъ Ливадійскій: Σοῦρπι; Граница Γρανίτσα; Копрѣна Κάπραινα; Στεβενίκον; Огоряни Ἀγόργjανη; Κούμαρος; (село) Добра Δομβροῦ; Орахово Ἀράχωβα или Ῥάχωβα (всѣхъ селеній 57).

Округъ Өивскій: Добрѣна Δομπρένα; **Хвостіе** Χώστια; Χλεμποτσάρι; Δερβενοσάλεσι; Λιάτανι; Βράτσι; Κριμπάτσι; Δρίτσα; Ῥετσώνα; Φλόκα; Тополя Τοπόλια; Гардица Καρδίτσα; Σέγγενα; Οὔγγρα (всего селеній 80).

V. **Мегарида.** *Округъ Мегаридскій:* Могыла Μαγοῦλα (всѣхъ селеній 12).

VI. **Аттика** (гора Belétsi).

Округъ Аттическій. Только селенія Хорваты Χαρβάτι, и пустоши Равна Ῥαφίνα, Βαλανίδιτσα и Πετρίτσα въ волости Кропійской на югъ отъ Гиметта, Велячиħи Βιλλιατζίκι, Широко Σιράκον, Врана Βρανᾶ и Καλέντζι въ волости Мараөонской, да Koritzia (на картѣ) въ Филійской, на югъ отъ Пернеса, представляютъ слѣды славянскихъ поселеній. На островѣ Эгинѣ Σφεντούρι.

VII. Островъ **Эввія** (Эвбея). Въ округѣ *Ксирохорійскомъ:* Быстрица Βίστριτσα; Σίμνια; Гдуне Ἄγδινον; Γουργοβίτσα; въ округѣ *Халкидскомъ:* (село) Бодина Μποτίνου; Λοῦτσα; Τροῦποι; Заимы Ζαΐμι (необитаемый островокъ); въ округѣ *Каристійскомъ:* Запады Ζαπάντι; Καλέντζι; Ζερμπίσια; Γιαννίτσι; Μπεζάνοι. На островахъ, прилегающихъ съ сѣверо-востока къ Эвбеѣ, Скопелосѣ, Скиросѣ и проч. нѣтъ славянскихъ именъ.

В) МОРЕЯ.

VIII. **Ахая** (гора Вода Βόδα, древн. Παναχάϊκον; р. Μποχούσια, древн. Κερυνίτης; Ὀριόλος, древн. Λάρισσος).

*Округъ Патрскій:*띠Тополево Τοπόλοβα; Каменица Καμινίτσα; Καστρίτσι; Δρεστενά; Βελβίτσι; Орахово Ἀράχοβα; Βελίζι; (село) Драгана Δραγάνου; Садомирь Σανταμέρι (тутъ же гора того же имени); Μπράτι; Велицы Βελιτσαῖς; Крале Κράλι; Орле Ἄρλα; Хвостьно Φώστενα; Γομοστόν; Марица Μαρίτσα; Τραγανόν; Ῥίκαβα; Γουρζούμιστα; Λόπεσι; Простовица Προστοβίτσα; Гребень Γρεβενόν; Красица Κρασίτσα; Голѣмы Γολέμι; Καλέντζι; Φλόκα; Рогозно Ἀραγόζενα; Равьница Ἀραβονίτζα; Γρόπα; Проводъ Προβοδός; Аворина (Яворина) Ἄβερνα; Δεμπίστα; Села Σελᾶ; Πιτίτσα; Τραγάνος (всѣхъ селеній 144).

Округъ Эгіалейскій: Вощица Βοστίτσα (др. Αἴγιον); Κουνινᾶ; Орахово Ἀράχοβα; Лжгъ Λόγγος; Γκρέκα (вблизи и Φράγκα); Кроково Κρόκαβα; Гардьна Γαρδενά; Пепельница Πεπελινίτσα; Връшова Βερσοβᾶ; Βλοβοκά; Боровица Ποροβίτσα; Καλύβια Σελγανίτικα и Κυρασάνικα; Λασινjά (всѣхъ селеній 60).

IX. **Кориноія.** *Округъ Кориноскій:*

Запады Ζαμπάντη; Кленье Κλένια (верхнее и нижнее); Δερβενάκι; Μπότσικα; Μπόζικα; Воевода Βοιβόντα; Кучи Κούτσι (двѣ); Δερβενάκι; Дужа Δούσια; Коньники Κουνίανικα; Μαυριάνικα; Ζερβιάνικα; Τσερεγούνι; Лѣхово Λέχοβα; Λούζι (двѣ); Βάλτσα; Земьно Ζεμενόν; Μάζανι; Бѣлина Βελίνα; Владуша Βλαντούσια; Μεσινόν; Живище Σιβίστα; Βίλια (всѣхъ селеній 157).

X. **Элида** (гора Хлъмъ Khelmos).

Округъ Элейскій: Гостуни Γαστούνη; Завали Σαβάλια; Ροβιάτα; Калица Καλύτσα; Хлъми Χέλμι; Малиħи Μαρλίκι, Κοχλασιμίτσα, Βάλακα; Луковица Λουκόβιτσα (верхняя и нижняя); Λόπεσι; Слива Σχλίβα; Боковина Μποκοβίνα; Βάλμι; Дьбри Δίβρη; Мощеница Μοστενίτσα; Борьце Πορισόν; Гръмучани Γερ-

μουτσάνι; Врьбьна Βερβινή; Цѣпяна Τσιπιανά; Κερτέζα; Κούμανι; Μπεντένι (сравн. Бъдынь); Πέρσενα; Βόλιζα; Μοράχα; Φλόκα; Δροῦβα; Σμύλια; Μπράτι; Τραγανόν; Γλαρέντσα; Враня Βρανᾶ (всѣхъ селеній 178).

Округъ Калавритскій: Коловрѫты Καλάβρυτα (во множественн. числѣ); Высока Βυσωκά; Врѫхне Βραχνί; Субрѫдо Σούβαρδον; Храстиħи Κραστικοί; Судьна Σουδενά; Гдунище Δούνιστα; Κέρτεζη; Сърбяни Συρμπάνι; Κούβελος; Κάνι; Бростьно Βρόστενα; Κόκοβα; Мостицы Μαστίτσι; Мокролѫгъ Μακρόλογκος: Краварн Κράβαρι; Кърпина Κερπινή; Πετσακοί; Κλαπατσοῦνα; Дымьна Δούμενα; Βυλιβίνα; Δίγελα; Βάλτσα; Κυρίτσοβα; Ζαροῦχλα; Λειβάρτζι; Красово Κεράσοβα; Χόζοβα; Μορόχοβα; Връшицы Βεροίτσι; Δεχούνι; Ἀλάστενα; Λόπεσι; Σηλίτσα; Селяна Σελιάνα; Орахово Ῥάχοβα; Берговица Βεργουβίτσα; Κούβελος; Гумьница Γουμένιτσα (верхняя и нижняя); Лопата Λαπάτα; Ἀσάνι; Гърбеши Γκέρμπεσι; Мокриħи Μαχρίκια; Сопотъ (въ Блг. Сопотско) Σοποτόν; Χόβολι; Стрѣзово Στρέζοβα; Скупы Σχοῦπι; Βεσίνι; Анастасово Ἀναστάσοβα; Десьно Δεσινόν; Δροβολοβόν; Камьняни Καμινιάνοι; С л и в ь н о Σιλίβενα (всѣхъ селеній 133).

XI. **Аркадія** (горы: Малево Malevo; Еленица Hellénitsa; Zavitsa; **Хлъмъ** Khelmos).

Округъ Гортинскій: Корытьно Καρύταινα; Καρβουνάρη; ѫгленово Ἐγκλένοβα; Παλοῦμπα; (село) Серба Σέρβου; Братица Μπρατίτσα; Μαρκενίτσα, Бѣлеши Μπέλεσι; Τσάρεσι; Βυδάκι; Κοντοβάζαινα; Дьбрица Δίβριτσα; Боковина Μποκοβίνα; Παραλογγός; Гардарици Καρδαρίτσι; Подгора Ποδογυρᾶ; Върбица Βερβίτσα; Каляни Καλιάνι; Κόκλα; Ἀλβανίτσα; Βυζίτσι; Боляри Μπουλιάρι; Τσερβίκος; Τσιάρνι; Топорище Τοπόριστα; Βαλτεσινίκος; Γλανιτσιά; Кърпины Κερπινή; Глогово Γλόγοβα; Могыляна Μαγούλιανα; Каменица Καμενίτσα; Витина Βυτίνα; Γαρζενίκος; Граница Γρανίτσα; Νεμνίτσα; Кърница Κερνίτσα; Στεμνίτσα; Σύρνα; Дымичана Δημιτσάνα; Затона Σάτοννα; Жиговище Ζυγοβίστι; Трьстьно Τρεστενά; Орахово Ἀράχοβα; Зерзево Ζέρζοβα; Βλόγγος; (село) Рада Ῥάδου (всѣхъ селеній 133).

Округъ Триполицкій (или Мантинейскій): Триполица Τριπολίτζα; Горица Γορίτζα (др. Мантинея); Μπεδένι (два); Μπόσουνα; Γράνες; Кѫдрево Καντρέβα; Μπαρμπίτσα; Βαλτέτσι; Ζέλι; Κουβέλι; Могыла Μαγοῦλα; Красица Κερασίτσα; Βερτζοβα; Любовици Διμποβίσι; Χρυσοβίτσι; С л и в ь н о Σιλίμνα; Ζαράχοβα; Τσιπιανά; Μπεζενίκος (всѣхъ селеній 102).

Округъ Кинурійскій: Конопіе Κουνουπιά; Καστανίτσα; Малево Μαλεβᾶ; Ситьно или Житьно Σίταινα; Ζάβιτσα; Маслина Μάσχλινα; Доляна Δολιανά; Върбьно Βέρβαινα (всѣхъ селеній 49).

Округъ Мегалопольскій: Ἄχωβος; Καμαρίτσα; Гардиħи Γαρδίκι; Заимы Ζαΐμη; Грабово Κραμποβός; Αστάλα; Тербуны Τερμπούνι; Поврѫхъ Μποβέρχι (всѣхъ селеній 64).

XII. **Арголида** (гора Малево Malevo).

Округъ Аргосскій: Βαρδουβά; Πλέσα; Τουρνίκι; Гумно Γυμνόν; Бѣлеши Μπέλεσι (верхніе и нижніе); Στέρνα; Хървати Χαρβάτι (всѣхъ селеній 49).

Округъ Навплійскій: Τζέφον; Κούτσι; Дымьно Δήμινα; Гърбеши Γκερμπέσι (всѣхъ селеній 43).

Въ округѣ Спецційскомъ (заключающемъ въ себѣ и близлежащую

часть материка, древнюю Эрміониду) нѣтъ славянскихъ именъ; въ округѣ Идрско-Тризинскомъ (ἐπαρχία Ὕδρας καὶ Τροιζηνίας) только Конопица Κουνουπίτσα.

XIII. **Мессинія.**

Округъ Олимпійскій: Ἀνδρίτσαινα; Бѣлуши Μπελοῦςι; **Дълга** Δέλγα; Μπέρεχλα; Ῥόβια; Горьно Γόρενα; Роговъ Ῥογκοζον; Σέχουλα; Μπάρτζι; Μπισμπάρδι; Лѫгъ Λογγός; Брѣстъ Βρεστόν; Челехово Τσελέχοβα; Нивица Νίβιτσα; Καλέντζι; Σερβοτά; Σχαριάνη; Σοπωτοῦ; Крьстьно Κρέστενα; Мокриша Μακρύσια; Ῥόσοβον; Мудрица Μουντρίζα; (село) Грека Ιχρέκα; Μαζι; Ομπρᾶ; жгълъница Ἀγολινίτσα; Воляница или Боляница Βωλάντσα; Κανjά; Голѣмы Γολέμι; Τροῦπες; Слива Σχλίβα; Δραγοΐ; Бойка Μπόϊκα; Гардица Γάρδιτσα; Павлица Παύλιτσα; Σμαρλίβα; Врьбица Βερβίτσα; Λινίστενα; Копаница Κοπανίτσα; Мудра Μουντρά; Μουφχίτσα; Островицы Στροβίτσι (всѣхъ селеній 110).

Область Трифилійская: Πλεμενιάνου; Карвуни Καρβούνι; Маленићи Μαλενίτι; Подгора Ποδογορά; Моряна Μώραινα; Λυγούδιστα; Μουζοῦστα; Брѣстье Βερεστjά; Огорѣлица Ἀγορέλιτσα; Пьница Πάνιτζα; Φλόκα; Село Ζελᾶ; Лѣсовићи Λεσοβίτι; Μάλη; Κλονί; Ἀσούτενα; Малићи Μαλίκι; Βυδίσοβα; Καλίτσενα жгълнни Αγαλjανή; Копаница Κοπάνιτσα; Σουλιμᾶ; Влака Βλάκα; Κούβελα (всѣхъ селеній 80).

Округъ Пилійскій (Наваринскій): Ἀβαρινίτσα; Γουβαλοβορός; Πισάσκι; Ялово Γjάλοβα; Кривица Κρυβιτσά; Милица Μηλίτσα (двѣ); Ζάχαλι; Σούμπαλι (два); Драга Δράγκα; Λογκᾶ; Πασα (всѣхъ селеній 124).

Округъ Мессинскій: Поляна Πολαίνα; Βούταινα; Мокрена Μάκρενα; Запади Σαπάντι; Ῥαδου; Πουλίτσι; Πιπερίτσα; Σίμιζα; Голѣмы Γχολέμι; Ζερμπίσια; Загоряна Ζαγάρενα; Χρύσοβα; Διαβολίτσι (ср. городъ и рѣка Дѣволь въ Албаніи); Горяница Γαράντσα; Ῥερέϊκα; Могыла Μαγοῦλα (всѣхъ селеній 102).

Округъ Каламатскій: Γιάνιτσα; Κατσίκοβον; Κατσαρέϊκα; Τηνίοβα; Поляна Πολjανή; Гардићи Γαρδίκι; Чьрница Τσερνίτσα; Σίτσοβα; Анастасово Ἀναστάσοβα (большое и малое) (всѣхъ селеній 52).

XIV. **Лаконія** (горы: Koubenova Bardouno-khoria).

Округъ Лакедемонскій: Вършьникъ Βαρσενῖχος; Вършава Βάρσοβα; Могыла Μαγοῦλα; Сустѣни Σουστιάνοι; Σχλαβοχῶρι; Σοχᾶ; Годьно Γοδένα; Τσίντσινα (ср. Цадзинъ или Цазинъ въ Босніи); Жупьна Ζούπενα; Горица Γοριτσᾶ; Τούνι; Брѣстьно Βρέσθενα; Орахово Ἀράχοβα; Върбица Βαρβίτσα; Ῥόζαινα; Ῥεματιανή; Огоряне Ἀγόρjανη; Рогозьно Ῥογκόζαινα; Λογκάνικος; Γεωργίτσι; Βεργαδέϊκα; Κοτίτσα; Τολέϊκα; Бърдоня Βορδονjά; Σερβέϊκα; Солины Σωλῆναι; Орахъ Ὄραχος; Λόπεσι; Μοσχονέϊκα; Μπολανέϊκα, Κονιδίτσα; Клада Κλαδᾶ; Плѣша Πλέσσα; Περγαντέϊκα; Каменье Καμίνjα; Воляна Βελιάνα; Дворица Δόριζα; Сръбица или Жарбица Ζαρμπίτσα; Горяни Γοράνοι; Κοτσατίνα; Половица Πολοβίτσα; Лядина Διαντίνα; Καρίτσα; Λεβέτσοβα; Μαλιτσίνα; Στρουντζᾶ; Ῥόζοβα; Зелина Ζελίνα; Πρίτσα; Цѣрье Τσέρjα; Чесвина Τσεσφίνα (всѣхъ селеній 174).

Округъ Итильскій: Τσίμοβα; Криляникъ Κριλιάνικα; Новоправица Νουπραβίτσα; Ὄροβα; Μπρέντα; Доли Δολοί (верхніе и нижніе); Былево Μπίλjοβα;

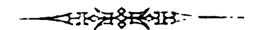
Τριγκότσοβα; Селица Σέλιτσα; Горница Γούρνιτσα; Νίκοβος; Πρίπιτσα; Цѣрье Τσέρjα (верхнее и нижнее); Лѣшьново Δjασίνοβα; Крьтищи Κριτίστη; Βαιδονίτσα; Любохово Δυμπόχοβα; Боговница Μπογονύτσα; Λοσνά; Орахово Ἀράχοβα; Σβόνα; Τράπιτσα; Боляри Μπουλαροί (верхніе и нижніе); Гардьница Καρδενίτσα (всѣхъ селеній 140).

Округъ Гиѳійскій: Пьница Πάνιτσα; Παλοβά; Добра Τόμπρα; Σχαμνίτσα; Старѣльца Σταρέλτσα; Τσιχοβά; Копрьна Κύπρινα (всѣхъ селеній 83).

Округъ Эпидавра Лимирскаго (Ἐπιδαύρου Λιμήρας): нѣтъ славянскихъ именъ.

На островахъ Кикладскихъ: на Тиносѣ Σχλαβοχώρι.

На островахъ Іоническихъ и на Критѣ нѣтъ славянскихъ именъ.



II.

О КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ.

II.

О Кириллѣ и Меѳодіи [1].

I.

Когда изобрѣтена славянская азбука?

Мнѣніе, что славянская азбука изобрѣтена въ 862 году, основывается у насъ преимущественно на сочиненіи О. М. Бодянскаго; таковъ выводъ его обширной и ученой книги «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ». Но выводъ этотъ, при огромной учености, которою онъ обставленъ, имѣетъ до сихъ поръ характеръ гипотезы, далеко не всѣми Славянами принятой. Многіе предпочитаютъ свидѣтельство древнѣйшаго изъ дошедшихъ до насъ сказаній объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ (сказаніе Черноризца Храбра), гдѣ прямо говорится, что изобрѣтеніе сдѣлано въ 855 году, и находятъ въ подкрѣпленіе этого доводы въ «Славянскихъ древностяхъ» Шафарика [2]).

Конечно, цифра, записанная Черноризцемъ Храбромъ, при отдаленности эпохи и сбивчивости разнородныхъ источниковъ, можетъ показаться сомнительною; притомъ же самое событіе, — изобрѣтеніе письменъ, — такого рода, что полной исторической достовѣрности въ опредѣленіи года, въ которомъ оно совершилось, искать невозможно.

[1]) Настоящія статьи о славянскихъ первоучителяхъ были написаны въ 1862 году для газеты „День“, по случаю явившагося у насъ въ то время предположенія праздновать въ этомъ году тысячелѣтнюю годовщину изобрѣтенія славянскихъ письменъ.

[2]) Слав. Древн. переводъ Бодянскаго, т. II, кн. 1, стр. 295; кн. 2, стр. 316. Впослѣдствіи Шафарикъ перемѣнилъ свое мнѣніе и отнесъ изобрѣтеніе письменъ къ 862 году. Но и на этомъ онъ не остановился: въ послѣдніе годы своей жизни онъ полагалъ, что письмена славянскія дѣйствительно изобрѣтены были Кирилломъ въ 862 году, но не тѣ письмена, которыя мы приписываемъ ему и называемъ кириллицей, а напротивъ, азбука, извѣстная подъ именемъ глаголицкой; начало же общеупотребительныхъ (кирилловскихъ) письменъ славянскихъ онъ присвоиваетъ ученику Кирилла и Меѳодія, Клименту Болгарскому и относитъ къ позднѣйшему времени. Это предположеніе мы разсмотримъ впослѣдствіи.

Могли ли даже современники, не говоря о потомкахъ Кирилла, знать навѣрно, въ какомъ именно году ему пришла мысль дать Славянамъ самобытную азбуку и письменность, и онъ въ первый разъ попытался начертать на листѣ пергамена звуки славянскаго языка?

Очевидно, что годъ можетъ быть въ этомъ случаѣ опредѣленъ только приблизительно. Что касается до меня, то, имѣя тутъ передъ собою двѣ цифры, 855 и 862 годъ, первую, основанную на свидѣтельствѣ Храбра, а вторую, выведенную О. М. Бодянскимъ, изъ сличенія разныхъ другихъ показаній, я все-таки долженъ признать первую цифру вѣрнѣйшею; чѣмъ однако же нисколько не уменьшается, въ глазахъ моихъ, ученое достоинство книги многоуважаемаго Московскаго профессора.

Въ краткой статьѣ я находилъ бы неумѣстнымъ подробный разборъ вопроса, который, при всей незначительности своей, чрезвычайно сложенъ и много занималъ ученыхъ славянскихъ (одинъ Шафарикъ представилъ о немъ три совершенно различныхъ заключенія); изложу въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ свое мнѣніе. Я считаю 855 годъ наиболѣе подходящимъ къ истинѣ не только потому, что онъ опирается на положительномъ свидѣтельствѣ древняго памятника, но главное потому, что этотъ годъ, соотвѣтствуя общему ходу событій, заключаетъ въ себѣ внутреннее, такъ сказать, вѣроятіе.

Можно принять за фактъ совершенно достовѣрный (и никто, прочитавъ со вниманіемъ древнія сказанія и сличивъ ихъ между собою, въ томъ не усомнится), что изобрѣтеніе славянскихъ письменъ и переводъ священнаго писанія не были для Кирилла и брата его Меѳодія предпріятіемъ случайнымъ, на которое натолкнуло ихъ одно лишь внѣшнее побужденіе — порученіе Византійскаго правительства проповѣдывать христіанство въ Болгаріи и Моравіи; несомнѣнно, напротивъ, что это было въ нихъ дѣломъ внутренняго сознанія и убѣжденія, выработаннаго всею обстановкою ихъ жизни, и что благопріятныя внѣшнія обстоятельства только помогли имъ осуществить съ громаднымъ успѣхомъ то, къ чему ихъ влекло призваніе. Кириллъ [1]) родился и воспитывался въ Солуни, главномъ городѣ Македоніи, которая тогда еще болѣе, чѣмъ въ настоящее время, была въ полномъ смыслѣ страною славянскою. Только въ главномъ городѣ сохранялась греческая стихія, но городъ этотъ окружали славянскія селенія и онъ былъ сборнымъ для нихъ мѣстомъ. Тамошніе Славяне, подпавши подъ власть Византійской имперіи, были уже обращае-

[1]) Извѣстно, что онъ до принятія схимы предъ смертію своею, носилъ имя Константина; но для избѣжанія сбивчивости я буду здѣсь постоянно называть его тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ остался извѣстенъ потомству и чтится церковью.

мы въ христіанство; но вѣра христіанская оставалась для нихъ одною формальностью, которой они подчинялись въ угоду своимъ правителямъ, но которая ничего не говорила ни уму ихъ, ни сердцу. Такова была среда, въ которой выросъ Кириллъ. Среда эта, со всѣми ея нуждами, должна была сдѣлаться тѣмъ болѣе ему извѣстною, что старшій братъ его Меѳодій, въ продолженіе многихъ лѣтъ, былъ начальникомъ одной части Македоніи, именно той части ея, которая, по своему исключительно-славянскому населенію, называлась въ то время Славиніей [1]). Присоединимъ же къ этимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ искреннее, глубокое христіанское настроеніе Кирилла, жажду духовнаго подвига, которою онъ, какъ видно изъ всѣхъ древнихъ сказаній, отличался съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и мы поймемъ, что мысль помочь Славянамъ и сдѣлаться для нихъ вѣстникомъ Божіей благодати должна была овладѣть имъ еще въ молодости, когда онъ жилъ именно въ этой средѣ. Далѣе, возьмемъ во вниманіе, что Кириллъ получилъ самое совершенное образованіе, свѣтское и духовное, какое только могла дать тогдашняя Византія, и мы поймемъ, что средство, для осуществленія его мысли, — средство, на которое указывали и ученіе церкви, и примѣры ея исторіи, — тогда же опредѣлилось и уяснилось въ его сознаніи. Если бы Кирилломъ не владѣло убѣжденіе въ его призваніи сдѣлаться просвѣтителемъ народа Славянскаго, если бы эта идея не росла въ немъ вмѣстѣ съ нимъ самимъ и не была цѣлію его жизни, а только случайнымъ въ ней эпизодомъ, то могъ ли бы онъ, въ свой недолгій вѣкъ, совершить такое громадное дѣло, — дѣло, отъ котораго ведетъ свое начало духовное развитіе всѣхъ Славянскихъ народовъ? Неужели для того достаточно бы было шести лѣтъ оффиціальной дѣятельности его въ Моравіи? И какимъ образомъ объяснить его вліяніе на своего брата Меѳодія, который былъ гораздо старше и сановитѣе его, и котораго онъ заставилъ, совсѣмъ къ тому неприготовленнаго, обратиться, послѣ правительственной службы, къ изученію книгъ, а затѣмъ къ проповѣди, и сдѣлаться преданнѣйшимъ его помощникомъ? Мнѣ кажется очевиднымъ, что Кириллъ былъ изъ числа тѣхъ избранныхъ людей, которые внутри себя находятъ свое предопредѣленіе исполнить великое историческое дѣло и посвящаютъ себя ему исключительно. Я считаю, съ точки зрѣнія психологической, совершенно невозможнымъ допустить, чтобы Кириллъ взялся за свое историческое дѣло только вслѣдствіе посольства въ Константинополь Моравскаго князя Ростислава (въ 862 году), и одно это было бы для меня вполнѣ убѣдительно, если бы даже ничего другаго не говорило въ пользу

[1]) Кажется, это была сѣверо-восточная часть Македоніи.

моего мнѣнія. Но оно подтверждается положительными свидѣтельствами древнихъ памятниковъ, лингвистикой и связью историческихъ фактовъ.

Я упомянулъ о сказаніи Храбра (который писалъ еще, когда были живы люди, видѣвшіе первоучителей славянскихъ), гдѣ изобрѣтеніе письменъ отнесено къ 855 году. Сверхъ того, есть другія свидѣтельства, что изобрѣтеніе совершено въ Македоніи, что тамъ Кириллъ предпринялъ переводъ священнаго писанія, для просвѣщенія Славянъ въ своей родинѣ, уже частію крещенныхъ; указывается даже на мѣсто, гдѣ Кириллъ положилъ начало этому дѣлу, именно Брегальница, край въ Македоніи, въ которомъ протекаетъ рѣка, носящая и донынѣ это имя. Это показаніе потому особенно вѣроятно, что вообще, чѣмъ точнѣе и положительнѣе въ какомъ нибудь историческомъ извѣстіи географическія и тому подобныя данныя, тѣмъ свидѣтельство ближе къ источнику, и точность эта всегда исчезаетъ по мѣрѣ перехода историческаго факта въ область легенды. Брегальница находится именно въ той (сѣверо-восточной) части Македоніи, которая по преимуществу называлась Византійцами Славиніей, и эта-то страна находилась въ то время подъ управленіемъ Меѳодія: не была ли тутъ для Кирилла самая близкая, самая лучшая почва для первой попытки славянской письменности, славянскаго богослуженія? Не естественно ли, что именно здѣсь первый, еще скромный успѣхъ святаго дѣла, начатаго младшимъ братомъ подъ его глазами, побудилъ Меѳодія отказаться отъ свѣтской власти и посвятить себя обращенію Славянъ? Наконецъ, если бы могло остаться малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что Македонія была родиною славянскихъ письменъ и славянскаго перевода священныхъ книгъ, то его отстранило бы свидѣтельство неопровержимое, не подлежащее искаженію, какъ письменный памятникъ: свидѣтельство языка. Чѣмъ болѣе мы знакомимся съ нынѣшнимъ нарѣчіемъ Болгаръ Македонскихъ, тѣмъ яснѣе становится, что оно представляетъ въ живой рѣчи народа тѣ свойства, которыя служатъ *отличительными,* такъ сказать діалектическими, признаками Церковно-Славянскаго языка [1]) въ ряду вѣтвей славянскихъ. Въ этомъ отношеніи получаютъ особенную важность изданные недавно сборники народныхъ пѣсенъ Македонскихъ Болгаръ, г. Верковича, и въ особенности прекрасный сборникъ братьевъ Миладиновыхъ, которые поплатились тюремнымъ заключеніемъ и насильственною смертію за любовь къ своей народности.

Въ сравненіи со всѣми тѣми данными, которыя въ совокупности своей составляя, мнѣ кажется, полную достовѣрность, указываютъ

---

[1]) Разумѣется, въ его древнѣйшихъ памятникахъ.

на Македонію, какъ на родину славянской письменности, на Македонскихъ Славянъ, какъ на то племя, для котораго Кириллъ первоначально предназначалъ свои труды, — что значитъ, я спрашиваю, противорѣчіе, такъ называемыхъ, Паннонскихъ житій? Вѣдь житія эти, источникомъ которыхъ были сказанія, записанныя въ Великой Моравіи, имѣютъ въ виду преимущественно дѣятельность Кирилла въ этой странѣ. Понятно, что Моравія, которая, вначалѣ, дѣйствительно, болѣе всего воспользовалась трудами Кирилла и Меѳодія, могла, или лучше сказать, должна была приписать своему вліянію и самый поводъ къ этимъ трудамъ. Но уже одно то, что въ моравскихъ памятникахъ говорится объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ совершенно неопредѣлительно, безъ указанія мѣста, гдѣ оно совершилось, безъ обозначенія года изобрѣтенія, довольно ясно указываетъ на неточность свѣдѣній, бывшихъ тамъ въ ходу объ этомъ событіи. Наконецъ, если бы мы, слѣдуя позднѣйшему мнѣнію Шафарика и заключенію О. М. Бодянскаго, отнесли начало славянской письменности къ тому времени, когда Кириллъ и Меѳодій вызваны были въ Моравію, т. е. къ 862 году, то какъ же мы согласили бы этотъ фактъ съ совершившимся прежде того, въ 859 году, обращеніемъ въ христіанство Болгарскаго князя Бориса и части народа Болгарскаго? Обратилъ ихъ, какъ извѣстно, Меѳодій: неужели же онъ, по примѣру тѣхъ греческихъ и латинскихъ монаховъ, на которыхъ такъ жаловались Славяне, принесъ въ Болгарію христіанство безъ славянскихъ письменъ, безъ богослуженія и книгъ, понятныхъ народу? Неужели только спустя годъ или два послѣ обращенія державы Болгарской, Кириллъ и Меѳодій, вслѣдствіе посольства изъ Моравіи, догадались, что Славянамъ нужно возвѣщать христіанство на ихъ языкѣ?

II.

Имѣлъ ли Кириллъ непосредственное вліяніе на русскихъ Славянъ.

Мнѣ кажется, что слишкомъ мало обращаемо было вниманія на значеніе поѣздки Кирилла и Меѳодія въ землю Козарскую. Поѣздка въ Козарію обыкновенно представляется какимъ-то постороннимъ эпизодомъ въ дѣятельности Кирилла и Меѳодія: первая половина ихъ жизни принадлежитъ Македоніи и тамошнимъ Славянамъ [1]); вдругъ они вырываются изъ этой среды и ѣдутъ миссіонерами на берега Азовскаго моря къ какому-то татарскому хану; потомъ возвращаются и продолжаютъ свое дѣло среди Славянъ, уже въ гораздо бóльшихъ размѣрахъ, подъ оффиціальнымъ покровительствомъ, въ Болгаріи и державѣ Велико-Моравской. Неужели это было такъ, и между тремя эпохами въ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія нѣтъ никакой внутренней связи?

Достовѣрно, что Козары были народомъ тюрко-татарской семьи, что языкъ ихъ былъ нарѣчіемъ тюркскимъ. Извѣстно также, что православная Византія для проповѣди христіанства употребляла языкъ, народу понятный. Представляется вопросъ: могли ли Кириллъ и Меѳодій знать козарскій языкъ? На это нѣтъ указанія [2]), нѣтъ въ томъ ни малѣйшей вѣроятности. Гдѣ бы могли они изучить этотъ языкъ?

[1]) Съ этою эпохою тѣсно связано и пребываніе Кирилла въ Цареградѣ, гдѣ онъ довершилъ свое образованіе, и отшельничество Меѳодія на Олимпѣ, гдѣ онъ, въ монастырскомъ уединеніи, по выраженію житія, *прилежалъ книгамъ*, готовясь промѣнять поприще военное и правительственное на ту дѣятельность, которой себя уже посвятилъ его младшій братъ.

[2]) Въ житіи, правда, говорится, что Кириллъ, прибывъ въ Херсонъ, выучился бесѣдѣ и книгамъ *жидовскимъ* и чтенію книгъ самарянскихъ; но даже, если мы не примемъ это за гиперболу, то это значило только, что Кириллъ ознакомился съ священнымъ языкомъ той части Козаръ, которые исповѣдывали іудейскую вѣру; еврейскій же языкъ уже въ началѣ II-го вѣка (при Адріанѣ) совершенно вышелъ изъ употребленія даже въ самой Палестинѣ; позволительно ли думать, что онъ въ IX вѣкѣ могъ служить орудіемъ проповѣди у полудикаго народа въ степяхъ Придонскихъ? И на какомъ языкѣ сообщался Кириллъ съ Козарами-магометанами? Вѣдь, конечно, не на древне-еврейскомъ.

Не въ Солуни же и Македоніи, не въ Константинополѣ, у знаменитаго Фотія [1]), не въ монастырѣ Олимпійскомъ. Укажутъ, можетъ быть, на Болгарію, гдѣ пришлая тюркская стихія наложила на славянское населеніе государственную власть: но, во-первыхъ, Болгарія открылась Кириллу и Меѳодію лишь по возвращеніи изъ козарской миссіи, а главное, въ то время тюркская стихія въ Болгаріи уже почти поглощена была славянскою. Предполагать, что сношенія съ какими нибудь Болгарами въ Солуни и Константинополѣ могли вести къ знакомству съ тюркскимъ языкомъ во второй половинѣ IX вѣка, значило бы то же самое, что предполагать, будто сношенія съ Русскими во времена Нестора могли познакомить съ языкомъ норманнскимъ. Какимъ же образомъ годились Кириллъ и Меѳодій для миссіи къ кагану [2]) Козарскому и его подданнымъ?

Мы знаемъ изъ древней лѣтописи Русской, что въ то время, когда жили Кириллъ и Меѳодій и когда возникло у Славянъ Новгородскихъ государство Рюрика, юго-восточная часть Славянъ въ нашемъ отечествѣ находилась подъ властію Козаръ; именно подъ 859 г. записано, что Козары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей [3]). Славяне составляли въ державѣ хана Козарскаго стихію весьма значительную; если примемъ во вниманіе безплодность и неспособность къ заселенію степнаго пространства Прикаспійскаго, гдѣ сосредоточивалась собственно Козарская, тюркская стихія, то мы скажемъ даже, что главная масса жителей ханства были Славяне, тѣмъ болѣе, что они, какъ видно изъ арабскихъ писателей, простирались далеко на востокъ и юго-востокъ отъ Несторовыхъ Сѣверянъ и Вятичей, по Дону и нижней Волгѣ и, кажется, жили колоніями и у Азовскаго моря (Тмутораканъ).

Вообще, надобно помнить, что въ эту древнюю эпоху югъ нынѣшней Россіи былъ несравненно болѣе славянскимъ, чѣмъ впослѣдствіи. На то указываетъ сличеніе арабскихъ свидѣтельствъ X вѣка съ тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ краѣ въ позднѣйшее время. На то указываетъ еще яснѣе Несторъ, когда онъ, въ повѣствованіи своемъ о древнѣйшихъ временахъ, говоритъ объ Уличахъ и Тиверцахъ, что они простирались по Днѣстру до моря и имѣли тамъ свои города, тогда какъ позднѣе не видать уже въ этой странѣ славянскихъ поселеній. О прочихъ данныхъ, подтверждающихъ то же самое, я для краткости не упоминаю. Съ VI вѣка мы замѣчаемъ сильный приливъ славянской стихіи съ сѣвера на югъ, къ Черному морю и далѣе,

---

1) Впослѣдствіи патріарха; онъ былъ наставникомъ Кирилла.

2) Или хакану, т. е. хану.

3) Власть ихъ простиралась и на Радимичей.

къ Дунаю и за Дунай (см. византійскихъ историковъ); отливъ начался только съ X вѣка, со времени вторженія Печенѣговъ и образованія Русскаго государства, въ которомъ тѣснимые дикими пришельцами Славяне находили убѣжище и возможность безпрепятственной колонизаціи на сѣверѣ. За Печенѣжскою волною послѣдовала волна Половецкая, за нею волна Татарская; славянская стихія все болѣе и болѣе отливала къ сѣверу и сѣверо-востоку и тамъ укрѣплялась и росла, оставляя степныя пространства тюркскимъ кочевникамъ. Но не таково еще было положеніе Черноморскихъ странъ въ половинѣ IX вѣка, во время путешествія Кирилла и Меѳодія. Они тамъ были за полстолѣтія до вторженія Печенѣговъ; въ Черноморскихъ странахъ властвовали Козары, отличавшіеся отъ другихъ тюркскихъ пришельцевъ человѣчностью и относительною образованностью; Славяне, которые подчинялись имъ, какъ видно, безъ особеннаго сопротивленія, не были еще принуждены бѣжать изъ этихъ мѣстъ, и поселенія ихъ, по всей вѣроятности, были весьма значительны въ краяхъ, черезъ которые пролегалъ путь изъ Константинополя и Херсона къ ставкѣ хакана Козарскаго. А сверхъ того, возможно ли предполагать, чтобы и среди собственныхъ Козаръ не было много Славянъ, промышленниковъ, торговцевъ, плѣнныхъ, а можетъ быть и служилыхъ людей?

Съ другой стороны, какъ въ ханствѣ Козарскомъ, также точно и въ тогдашней имперіи Византійской, славянская стихія была многочисленна, вѣроятно, многочисленнѣе всѣхъ другихъ [1]). Вотъ, стало быть, посредствующее звено между обоими государствами, — элементъ славянскій; вотъ языкъ, на которомъ византійскій христіанинъ могъ проповѣдывать евангеліе при дворѣ хана Козарскаго и между его подданными, — языкъ славянскій; вотъ почему для миссіи въ Козарію избраны были люди, посвятившіе себя обращенію Славянъ, люди, которые несли съ собою славянскія письмена и славянскій переводъ евангелія [2]). Иначе эта миссія казалась бы мнѣ не только необъяснимою, но даже безцѣльною. Въ моихъ глазахъ, поѣздка Кирилла и Меѳодія къ Козарамъ предполагаетъ непремѣнно, что они предварительно сдѣлались извѣстными въ Константинополѣ попыткою передать ученіе Христово на языкѣ славянскомъ, и это, скажу мимоходомъ, служитъ для меня новымъ и весьма сильнымъ подкрѣпленіемъ

[1]) Разумѣется, въ европейской части имперіи.

[2]) На это есть даже положительное указаніе въ одномъ древнемъ прологѣ, гдѣ сказано, что Кириллъ упросилъ Меѳодія сопутствовать ему къ Козарамъ, *зане умѣяше языкъ Словѣнскъ* (Бодянск. о вр. происх. Слав. письменъ, 73). Разумѣется, однако, что это мѣсто не можетъ быть принимаемо въ томъ смыслѣ, будто самъ Кириллъ не зналъ по-славянски.

моей мысли, что изобрѣтеніе славянскихъ письменъ совершилось прежде поѣздки въ Козарію, т. е. до 858 года. Извѣстно, что Кириллъ записалъ (разумѣется, по-гречески) содержаніе преній съ магометанами и евреями у Козаръ, и что Меѳодій перевелъ это сочиненіе по-славянски: къ чему бы служилъ такой переводъ, если бы Меѳодій не имѣлъ въ виду оставить Козарамъ, исповѣдывавшимъ частію магометанство, частію іудейство, и подвластнымъ имъ Славянамъ, на письмѣ доводы, которыми Кириллъ въ бесѣдахъ и преніяхъ своихъ опровергалъ ученіе муллъ и раввиновъ? Вѣдь переводъ такого сочиненія для другихъ Славянъ, особенно въ ту эпоху, не имѣлъ бы никакой цѣли, и конечно Меѳодій не взялся бы за него впослѣдствіи, ни въ Болгаріи, гдѣ ему приходилось проповѣдывать христіанство язычникамъ (и отчасти, можетъ быть, противодѣйствовать христіанскимъ же, но еретическимъ толкамъ), ни въ Моравіи, гдѣ опять-таки нужна была не полемика съ жидами и магометанами, а работа для искорененія языческихъ вѣрованій и борьба съ Западнымъ духовенствомъ.

Во всякомъ случаѣ, я считаю несомнѣннымъ то, что Кириллъ и Меѳодій посланы были въ Козарію не только какъ знатоки христіанскаго богословія вообще, а именно какъ люди, спеціально приготовленные къ дѣятельности миссіонеровъ *между Славянами.* Козарская миссія не была постороннимъ эпизодомъ въ жизни апостоловъ славянскихъ; оффиціально назначенная для кагана и его степной, тюркской орды, она въ сущности опиралась на славянской стихіи, подвластной этой ордѣ. При дворѣ кагана успѣхъ былъ не великъ; Козары остались частію іудеями, частію магометанами: но кто знаетъ, не запало ли родное слово проповѣдниковъ славянскихъ гораздо глубже въ душу тѣхъ Славянъ, которыхъ они встрѣчали во время своего пребыванія въ нынѣшней южной Россіи? Весьма понятно, что даже современники, не говоря о потомкахъ, не замѣчали значенія завоеванной славянской стихіи въ краѣ, который носилъ тогда названіе Козаріи и, по господствующему племени, людямъ постороннимъ казался точно землею козарскою; мы знаемъ не мало подобныхъ случаевъ не только въ древней, но и въ новѣйшей исторіи. Однако какимъ образомъ мы объяснимъ то замѣчательное преданіе, что Кириллъ, во время путешествія въ Козарію, нашелъ евангеліе и псалтирь, писанныя *Русскими* письменами, и «человѣка обрѣтъ глаголюща тою (т. е. русскою) бесѣдою и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ, своей бесѣдѣ прикладая различіе письменъ, гласная и согласная, и къ Богу молитву держа, вскорѣ начатъ чисти и сказовати (т. е. читать и говорить)?» Преданіе это, какъ извѣстно, подало поводъ къ различнымъ толкованіямъ и догадкамъ; но, по моему мнѣнію, оно

есть не болѣе, какъ перешедшее въ область легенды воспоминаніе о томъ, что Кириллъ встрѣтившись, по прибытіи изъ Константинополя въ Крымъ, съ Русскимъ [1]) Славяниномъ (или, вѣрнѣе, съ Русскими Славянами) и готовясь въ Херсонѣ къ поѣздкѣ въ козарскія владѣнія, старался въ это время примѣнить свое нарѣчіе и свой переводъ священныхъ книгъ къ языку подвластныхъ Козарамъ Славянъ: а это, разумѣется, въ ту эпоху, было еще весьма легко [2]); Херсонъ же, какъ важнѣйшій городъ Черноморской страны, какъ значительный торговый центръ, не могъ не представить случая къ такому приготовленію. — Недаромъ также на Руси столь упорно держалось мнѣніе, что Кириллъ изобрѣлъ грамоту *для Русскихъ,* что онъ на русскій языкъ переложилъ священныя книги: это мнѣніе имѣло то же основаніе, какъ и то, что грамота славянская изобрѣтена для Моравіи: Кириллъ положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между Славянами, которые, нѣсколько лѣтъ спустя, стали именоваться Русью, точно также какъ онъ положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между Славянами Моравскими: и тѣ и другіе, естественно, могли приписать себѣ ту славу, что они были первоначальными, такъ сказать, виновниками его великаго дѣла.

[1]) Разумѣется, Русскими эти Славяне въ то время еще не назывались, и я употребляю это названіе только для краткости, вмѣсто того, чтобы говорить: „юго-восточные Славяне, принявшіе потомъ наименованіе Русскихъ". Если же въ древнемъ житіи Кирилла говорится о Русскихъ, то это произошло, очевидно, оттого, что во время составленія житія названіе „Русь, Рушьскый" было уже общеизвѣстнымъ.

[2]) Въ какомъ нибудь другомъ, болѣе буквальномъ смыслѣ (напримѣръ, что у тогдашнихъ Черноморскихъ Славянъ уже существовалъ переводъ евангелія и псалтири, писанный, напримѣръ, глагольскими буквами, какъ думали нѣкоторые), я не могу принять этого сказанія. Полный разборъ вопроса увлекъ бы меня слишкомъ далеко. Укажу только на то, что въ житіи Кирилла, все вообще мѣсто, гдѣ находится приведенное извѣстіе, носитъ на себѣ очевидный отпечатокъ легенды: непосредственно передъ тѣмъ говорится, что онъ выучился въ Херсонѣ языку и книгамъ жидовскимъ, „переложилъ" (перевелъ) восемь частей грамматики (должно быть, еврейской), выучился также книгамъ Самарянскимъ; а за приведенными словами о Русскихъ книгахъ слѣдуетъ разсказъ о чудесномъ обрѣтеніи въ морѣ мощей св. Климента. Не ясно ли, что когда писалось житіе, историческая дѣятельность Кирилла въ Херсонѣ уже начинала облекаться въ образъ легенды? Это тѣмъ болѣе естественно, что житіе было составлено въ Моравіи или Панноніи: могли ли въ этихъ странахъ свѣдѣнія о дѣятельности проповѣдниковъ славянскихъ на отдаленномъ востокѣ сохранить историческую точность? Могла ли встрѣча Кирилла съ Русскими Славянами и ознакомленіе его съ ихъ нарѣчіемъ, — фактъ весьма простой, но который именно въ исторической своей простотѣ долженъ былъ казаться непонятнымъ въ Моравіи, потому что тамъ едва ли кто подозрѣвалъ значеніе славянской стихіи въ землѣ Козарской, — могъ ли такой фактъ представиться Моравскому жизнеописателю иначе, какъ въ видѣ какого-то чуда, какъ сверхъ естественное проявленіе благодати Божіей? Догадка Шафарика, что Русскій, съ которымъ бесѣдовалъ Кириллъ, былъ Готѳъ, такъ мало соотвѣтствуетъ общему смыслу извѣстія, что я о ней не говорю; да и возможно ли, чтобы Моравскій Славянинъ, писавшій житіе Кирилла, когда славянская Русь уже существовала на Днѣпрѣ, подъ именемъ Русскаго разумѣлъ не Русскаго, а Готѳа?

Еще важнѣе русскаго преданія въ этомъ отношеніи легенда византійская, которая прямо связываетъ дѣло Кирилла съ Русскою землею. Въ этой легендѣ [1]) разсказывается *первое* крещеніе Руси, бывшее (въ 866 году) въ концѣ царствованія Византійскаго императора Михаила III. Самое событіе, т. е. принятіе христіанства нѣкоторыми людьми на Руси въ то время, когда княжили въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ, — самое событіе, я говорю, совершенно достовѣрно: оно утверждается свидѣтельствомъ современнымъ и неопровержимымъ, — окружнымъ посланіемъ патріарха Фотія и другими показаніями. Въ легендѣ оно представлено съ подробностями, которыя частью упоминаются и другими писателями, разсказывающими о томъ же событіи, а частью заимствованы изъ преданій о послѣдующемъ крещеніи Руси при Владимірѣ; но вотъ чѣмъ легенда особенно замѣчательна. Патріархъ Фотій свидѣтельствуетъ въ своемъ окружномъ посланіи, что недавно передъ тѣмъ (т. е. именно около 866 года) къ Руссамъ посланъ былъ епископъ, и что между ними водворилось христіанское богослуженіе; а легенда развиваетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: «Императоръ Василій Македонянинъ [2]), отправилъ къ Руссамъ архіерея, человѣка благочестиваго и добродѣтельнаго, и съ нимъ двухъ мужей, Кирилла и Аѳанасія (не ошибка ли, вмѣсто Меѳодія?), также замѣчательныхъ добродѣтелью и мудростью, и не только исполненныхъ знанія священныхъ книгъ, но и отличавшихся внѣшнею (т. е. свѣтскою) образованностью; они, прибывши туда, стали учить и крестить всѣхъ и приводить къ христіанскому благочестію. Находя же этотъ народъ совершенно варварскимъ и дикимъ, поименованные мужи не были въ состояніи обучить его 24-мъ греческимъ письменамъ, и потому, опасаясь, чтобы онъ не уклонился снова отъ благочестія, изобрѣли для него тридцать пять письменъ и научили его этимъ буквамъ; названія ихъ слѣдующія: азъ, буки и проч. (слѣдуетъ исчисленіе славянскихъ буквъ)». Все это, разумѣется, не исторія, а легенда; но часто легенда хранитъ забытые слѣды исторіи, и въ этомъ смыслѣ я считаю приведенный разсказъ Византійца весьма знаменательнымъ. По моему мнѣнію, въ немъ выражается, спутавшееся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ событій, воспоминаніе о миссіи Кирилла и Меѳодія въ Черноморскія страны и о томъ, что отъ нихъ тогда получили Славяне въ нашемъ отечествѣ первые начатки грамотности и христіанства.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди Кирилла и Меѳодія въ Козаріи, положеніе тамошнихъ Славянъ измѣнилось. Часть этихъ Славянъ промѣняла подданство хакану Козарскому на власть новыхъ

[1]) Anonymus Bandurii.

[2]) Вступивши на престолъ въ 867 году.

пришельцевъ съ далекаго сѣвера. Варяги Аскольдъ и Диръ стали княжить въ Кіевѣ. Эти удалые витязи поплыли на Константинополь и осадили его; ихъ попытка не удалась, корабли ихъ были разсѣяны бурею. А вскорѣ за тѣмъ къ Греческому императору пріѣзжаетъ изъ Русской земли мирное посольство, съ извѣщеніемъ, что Руссы желаютъ креститься. Къ нимъ, какъ я сказалъ, отправляютъ епископа, и христіанство начинаетъ водворяться на Руси. Наши, но довольно поздніе, источники утверждаютъ, что крестился и самъ князь Кіевскій Аскольдъ, и хотя о томъ умалчиваетъ лѣтопись Несторова, однако, какъ она вообще не упоминаетъ о тогдашнемъ крещеніи Руси, — засвидѣтельствованномъ впрочемъ достовѣрными современными показаніями — то это можетъ быть приписано только случайному забвенію факта; да и въ самой Несторовой лѣтописи есть такое извѣстіе, которое объясняется только тѣмъ, что Аскольдъ сдѣлался христіаниномъ [1]). Потомъ является Олегъ какъ бы представителемъ языческой реакціи между южно-русскими Славянами. Но уже при Игорѣ христіанство на Руси почти равносильно язычеству [2]), уже при Игорѣ есть въ Кіевѣ соборная церковь. Эти послѣдніе факты, при отсутствіи въ то время на Руси какихъ либо внѣшнихъ побужденій или постороннихъ усилій въ пользу христіанской вѣры [3]), не могли развиться вдругъ, и непремѣнно предполагаютъ многолѣтнее, постепенное возрастаніе въ народѣ христіанства, со времени перваго крещенія при Аскольдѣ; они предполагаютъ также, что это первое крещеніе было болѣе, чѣмъ мимолетною прихотью какого нибудь правителя (Аскольдъ же и погибъ вскорѣ), и что были въ самомъ народѣ люди, которые, принявъ новую вѣру, стали ея держаться даже при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Какъ же намъ судить объ этомъ первомъ крещеніи Руси, совершившемся при Аскольдѣ, около 866 года, менѣе десяти лѣтъ спустя послѣ проповѣди Кирилла и Меѳодія въ странахъ Черноморскихъ? Должны ли мы предполагать, что между этими двумя событіями не было никакой связи, что мысль принять христіанство явилась вдругъ, какъ нибудь случайно, Аскольду или кому либо другому на Руси, послѣ неудачнаго похода на Константинополь, можетъ быть для того, чтобы задобрить Грековъ (хотя они, впрочемъ, были неопасны для Русскихъ и не могли помышлять о мщеніи)? Или же событіе это было плодомъ предварительнаго знакомства южно-русскихъ Славянъ съ христіанствомъ, плодомъ путешествія апостоловъ славянскихъ въ Козарскую державу, гдѣ они,

[1]) Именно, что надъ его могилою построена была церковь.

[2]) См. договоръ Игоря съ Греками.

[3]) Правители были язычники; иностранныхъ проповѣдниковъ евангелія на Руси, сколько мы знаемъ, тогда не было.

по словамъ житія, обратили 200 человѣкъ и выхлопотали у кагана свободу христіанскаго вѣроисповѣданія въ его областяхъ? И если, какъ весьма вѣроятно, принялъ христіанство самъ варяжскій князь Аскольдъ, то не было ли его рѣшеніе послѣдствіемъ того, что онъ нашелъ уже между Славянами Приднѣпровскими исповѣдниковъ новой религіи, и ихъ-то, можетъ быть, надѣялся сдѣлать опорою новаго порядка вещей, созданнаго у этихъ Славянъ варяжскими пришельцами? Я ставлю эти вопросы, но не берусь отвѣчать на нихъ, и не знаю данныхъ для ихъ рѣшенія. Скажу только, что второе предположеніе, т. е. что крещеніе Руси при Аскольдѣ имѣло прямую связь съ предшествовавшею проповѣдью Кирилла и Меѳодія въ Козарскихъ владѣніяхъ, кажется мнѣ, на сколько могу судить при тѣхъ данныхъ, которыми мы теперь располагаемъ, наиболѣе естественнымъ и потому наиболѣе вѣроятнымъ. Замѣчательно, что въ древнѣйшей, дошедшей до насъ, русской проповѣди, въ словѣ Иларіона о законѣ и благодати, великій князь Владиміръ нѣсколько разъ названъ *каганомъ*: я умѣю объяснить себѣ употребленіе этого иноземнаго и иновѣрческаго титула въ *церковномъ* сочиненіи русскаго проповѣдника, писавшаго свою «похвалу кагану нашему Владимеру» въ такое время, когда о дѣйствительномъ козарскомъ вліяніи не могло быть и помину,— я умѣю объяснить себѣ это только при томъ предположеніи, что титулъ государей Козарскихъ уже освященъ былъ на Руси церковнымъ преданіемъ; а это вело бы церковное преданіе Руси прямо къ проповѣдникамъ у Козарскаго кагана, къ Кириллу и Меѳодію.

Во всякомъ случаѣ, признаемъ ли мы, что христіанство на Руси ведетъ свое начало непосредственно отъ личнаго дѣйствія Кирилла и Меѳодія въ южномъ краѣ нашего отечества, или отвергнемъ эту мысль,—историческій фактъ остается несомнѣненъ: Кириллъ и Меѳодій проповѣдывали Славянамъ въ нашемъ отечествѣ, и именно славянская стихія въ державѣ кагана Козарскаго обусловливала ихъ миссію въ этотъ дальній край. Россія, вмѣстѣ съ Сербами и Болгарами, есть наслѣдница дѣла Кирилла и Меѳодія, — того дѣла, для котораго они трудились, преимущественно между Славянами западными, но котораго западные Славяне не въ силахъ были отстоять отъ враговъ. По мысли и духу, Кириллъ и Меѳодій принадлежатъ намъ, и безъ насъ давно не осталось бы помину о славянской грамотѣ, славянскомъ богослуженіи, о духовной самобытности Славянъ, обо всемъ томъ, чему посвятили жизнь свою первые просвѣтители Славянскихъ народовъ. Но, признавая себя, по мысли и духу, наслѣдниками дѣла Кирилла и Меѳодія, мы привыкли считать ихъ, въ матеріальномъ, такъ сказать, смыслѣ, чуждыми землѣ нашей; придерживаясь нѣсколько односторонняго взгляда западныхъ Славянъ на ихъ дѣятельность, мы привыкли

думать, что при жизни своей Кириллъ и Мееодій не имѣли случая дѣйствовать на Славянъ восточныхъ, на предковъ *нашего* народа, что слово Кирилла и Мееодія вовсе ихъ не коснулось. На Западѣ въ послѣднее время нѣкоторые писатели, прикрывающіе исторіею цѣли политическо-религіозныя (Штульцъ, Гинцель и др.), старались все болѣе и болѣе съузить кругъ дѣятельности Кирилла и Мееодія и присвоить ее единственно Славянамъ западнымъ, нынѣ принадлежащимъ къ церкви латинской; а съ другой стороны, ученые, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, каковы Шафарикъ, Ганушъ, у насъ Макарій, Филаретъ, Бодянскій и др., вывели тотъ же результатъ изъ безпристрастныхъ, строго научныхъ, изысканій, въ которыхъ они, однако же, можетъ быть, слишкомъ исключительно сосредоточивались на буквѣ того или другаго древняго сказанія, всегда болѣе или менѣе односторонняго. Въ недавнее еще время полагали, на основаніи сличенія всѣхъ разнообразныхъ историческихъ данныхъ, что дѣятельность Кирилла и Мееодія началась среди Славянъ Македонскихъ, что затѣмъ ею воспользовалась Болгарія въ собственномъ смыслѣ, и что наконецъ она перенесена была на западъ, въ Моравію и Паннонію, откуда коснулась, съ одной стороны, Хорватіи и Далмаціи, съ другой — Чехіи и южной части Польши: таковъ былъ и первоначальный взглядъ Шафарика; впослѣдствіи же, придерживаясь исключительно текста Паннонскихъ житій, ученые, въ томъ числѣ и самъ Шафарикъ, стали утверждать, что Кириллъ и Мееодій единственно для западныхъ Славянъ изобрѣли письмена и перевели священное писаніе, только этихъ славянъ, при жизни своей, имѣли въ виду. Изъ представленныхъ мною соображеній можно было, надѣюсь, убѣдиться, какъ мало такой взглядъ согласенъ и съ древними свидѣтельствами, и съ общимъ ходомъ событій, и съ указаніями языка. Но мало того, что слѣдуетъ возвратиться къ прежнему мнѣнію и поставить Македонію и Болгарію наряду съ землями западныхъ Славянъ въ кругу апостольской дѣятельности Кирилла и Мееодія; надобно въ этотъ кругъ включить и Славянъ восточныхъ, принявшихъ потомъ названіе Руси; надобно признать, что и Русскій Славянинъ, вмѣстѣ съ Славяниномъ Македонскимъ и Болгарскимъ, вмѣстѣ съ Моравцемъ, Чехомъ и Полякомъ, былъ призванъ къ христіанскому просвѣщенію Кирилломъ и Мееодіемъ. Въ этомъ, насколько я понимаю сохранившіяся свидѣтельства, сомнѣнія быть не можетъ, и вопросъ заключается только въ томъ: сохранилось ли ученіе просвѣтителей Славянскихъ на Руси преемственно и было непосредственнымъ источникомъ той христіанской жизни у Славянъ южно-русскихъ, которая, нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди апостоловъ славянскихъ въ южныхъ предѣлахъ земли нашей, проявилась первымъ крещеніемъ Руси при Аскольдѣ, и

которую мы потомъ видимъ значительно развитою при Игорѣ,—или же дѣло Кирилла и Меѳодія исчезло безслѣдно послѣ ихъ отъѣзда изъ Козаріи и возстановлено было въ тѣхъ краяхъ новыми проповѣдниками. Даже въ этомъ послѣднемъ предположеніи, которое, какъ мнѣ кажется, менѣе вѣроятно, вліяніе Кирилла на Русь не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію: ибо какъ епископа для Руси, по просьбѣ тамошнихъ правителей, долженъ былъ назначить патріархъ Фотій, то онъ, наставникъ и другъ Кирилла, едва ли бы отправилъ къ новообращавшемуся славянскому народу другаго проповѣдника, какъ кого либо изъ учениковъ изобрѣтателя славянской азбуки, устроителя славянскаго богослуженія; Кириллъ же былъ тогда еще въ живыхъ.

III.

Кириллица ли изобрѣтена Кирилломъ?

Я упоминалъ о томъ, какъ въ послѣднее время нѣкоторые писатели, частью изъ цѣлей полемическихъ, частью на основаніи ученаго, но едва ли достаточно всесторонняго разбора древнихъ текстовъ,— хотѣли съузить кругъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія и присвоить ее исключительно Западно-Славянскимъ землямъ. На этомъ не остановились; иные пошли далѣе и сдѣлали попытки отнять у Кирилла и Меѳодія то, чѣмъ Русь, Сербы, Болгары въ теченіе вѣковъ считаютъ себя имъ обязанными: письмена, называемыя кирилловскими, и тотъ переводъ священныхъ книгъ, который послужилъ основаніемъ богослуженія и исходной точкой литературы у всѣхъ Славянъ, принадлежащихъ къ Восточной церкви. Вмѣсто *этого* дѣла, стали приписывать Кириллу и Меѳодію грамоту, извѣстную подъ именемъ *глагольской,* которая по причинѣ своего неудобства и безобразія не могла имѣть ходу между Славянами и состояла, съ половины XIII вѣка, подъ особеннымъ покровительствомъ Римскаго двора. Это мнѣніе очевидно можетъ служить орудіемъ политическо-религіознымъ; не даромъ оно, ведя свое начало отъ глубоко-ученаго, но, можетъ быть, не совсѣмъ чуждаго подобныхъ стремленій Копитара, принято на вѣру писателями, защищающими у западныхъ Славянъ римскіе интересы. Но теперь мнѣніе это стоитъ въ наукѣ не только какъ посторонняя ей гипотеза: нѣтъ, оно явилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подкрѣпленное всею силою авторитета Шафарика, который посвятилъ ему свое послѣднее сочиненіе (писанное, вопреки его прежнему обыкновенію, по-нѣмецки). Такимъ образомъ, предположеніе, что первоучителямъ славянскимъ принадлежитъ не наша письменность, а письменность глагольская, наша же, такъ называемая теперь Кирилловская грамота, изобрѣтена не Кирилломъ, а однимъ изъ его учениковъ (Климентомъ Болгарскимъ), получило большую важность. Оно важно въ двоякомъ смыслѣ: и какъ вопросъ чисто-ученый, отъ рѣшенія котораго многое зависитъ въ пониманіи древней исторіи и литературы славянской, и какъ вопросъ, такъ сказать, народный, вопросъ о томъ, имѣло ли ду-

ховное просвѣщеніе одинъ общій источникъ, однихъ родоначальниковъ у всѣхъ славянскихъ народовъ, или же Русь, Болгарія, Сербія, однимъ словомъ, православный Славянскій міръ былъ съ самаго начала въ раздвоеніи съ Славянами западными, а люди, которыхъ всѣ Славяне привыкли считать своими общими просвѣтителями, въ дѣйствительности послужили только Славянамъ Латинской церкви, и то неудачною попыткою самостоятельной письменности?

Еслибы послѣднее предположеніе, на основаніи доводовъ Шафарика, было признано вѣрнымъ, то мы не имѣли бы никакого права и никакой надобности признавать Кирилла и Меѳодія своими. Когда мы произносимъ ихъ имена, какъ нашихъ первоучителей, мы должны прежде всего уяснить себѣ вопросъ о глаголицѣ. Необходимо, чтобы и люди, не охотно углубляющіеся въ отвлеченные ученые споры, но которыхъ занимаютъ интересы славянскіе, дали себѣ отчетъ въ томъ: справедливо ли, что Кириллъ и Меѳодій были творцами нашей, называемой кирилловскою, грамоты и письменности нашей, что грамота и письменность наши были первоначально общимъ достояніемъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, или это есть старый предразсудокъ и заблужденіе?

Вотъ почему, не смотря на всю сухость темы, я долженъ представить основныя положенія этого вопроса. Постараюсь показать его, по возможности, со всѣхъ сторонъ, чтобы въ такомъ предметѣ, — отъ пониманія котораго зависитъ весь взглядъ нашъ на значеніе Кирилла и Меѳодія, весь смыслъ ихъ дѣла, — чтобы въ такомъ предметѣ не устранить никакого, сколько нибудь значительнаго обстоятельства. Я принужденъ ограничиться только самыми существенными чертами: задача, можетъ быть, довольно трудная — изложить въ предѣлахъ краткой статьи ученый споръ, для котораго нужна бы была цѣлая монографія. Но дѣлать нечего: приступимъ къ этой задачѣ въ краткой статьѣ, когда рѣшеніе вопроса намъ нужно, а въ книгахъ онъ не рѣшенъ. Прошло уже четыре года [1]), какъ Шафарикъ и Ганушъ освятили своимъ ученымъ авторитетомъ мнѣніе объ изобрѣтеніи Кирилломъ и Меѳодіемъ письма глагольскаго, и до сихъ поръ никто между западными Славянами не представилъ серьезнаго возраженія. У насъ Шафарику возразилъ весьма дѣльно и обстоятельно г. Викторовъ; но его цѣль была исключительно — критика доводовъ Шафарика, а не полное обсужденіе вопроса, и къ сожалѣнію, его ученыя изслѣдованія прошли въ Русской литературѣ почти незамѣченными, а другимъ Славянамъ, кажется, даже вовсе неизвѣстны. Такимъ образомъ, перевѣсъ остается до сихъ поръ рѣшительно на сторонѣ гла-

---

[1]) Писано въ 1862 году.

голитскаго ученія, особенно у западныхъ Славянъ: теорія Шафарика и Ганушa является, въ настоящее время, какъ послѣдній выводъ науки; неспеціалисты принимаютъ ее со словъ ученыхъ. А что, если теорія окажется не выводомъ науки, а плодомъ софизмовъ? Но къ дѣлу.

1) Извѣстно, что кирилловская азбука состоитъ изъ 24 буквъ греческаго алфавита и прибавленныхъ къ нимъ знаковъ для звуковъ, чуждыхъ греческому языку и свойственныхъ славянскому, и что азбука глагольская, вполнѣ соотвѣтствуя кириллицѣ системой выраженія звуковъ и порядкомъ буквъ, отличается отъ нея только оригинальнымъ, весьма вычурнымъ, ихъ начертаніемъ. Есть ли какая нибудь вѣроятность, чтобы Кириллъ, Грекъ родомъ [1]) и воспитаніемъ, выросшій и начавшій свою дѣятельность среди такихъ Славянъ, часть

---

[1]) Называя Кирилла и Меѳодія Греками, я этимъ однакоже не рѣшаю, происходили ли они отъ эллинской или, можетъ быть, отъ славянской крови. Вопросъ этотъ не имѣетъ существеннаго значенія и едва ли можетъ быть рѣшенъ при извѣстныхъ намъ данныхъ. Одно краткое житіе прямо называетъ Кирилла Болгариномъ (это то̀ самое житіе, въ которомъ находится замѣчательное свидѣтельство о *Брегальницѣ*, — краѣ Македоніи, — какъ той мѣстности, гдѣ Кириллъ сталъ впервые проповѣдывать Славянамъ и принялся за составленіе для нихъ книгъ: житіе это, найденное мною въ Призренѣ, напечатано въ VI т., 5 выпуска Извѣстій II отд. Акад. Наукъ. Такое показаніе не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго и можетъ быть согласовано съ другими источниками, гдѣ Кириллъ и Меѳодій названы Греками. Достовѣрно то, что они были сыновья человѣка, занимавшаго важную военную должность въ Солунѣ, городѣ, который служилъ въ ту эпоху убѣжищемъ и средоточіемъ греческой стихіи въ Македоніи. Достовѣрно то, что Кириллъ (Константинъ) еще въ молодости былъ взятъ къ Константинопольскому двору и тамъ получилъ образованіе; достовѣрно то, что Меѳодій занималъ высшую еще, чѣмъ его отецъ, военно-правительственную должность. Такимъ образомъ, если и можно допустить предположеніе, что въ жилахъ Кирилла и Меѳодія текла славянская кровь, то все-таки они уже не были Славяне, а Византійцы. Подобныхъ примѣровъ мы знаемъ много, особенно въ первые вѣка Византійскаго государства: императоръ Юстиніанъ, — также, по всей вѣроятности, Велисарій, — патріархъ Никита въ VIII вѣкѣ, императоръ Василій Македонянинъ, современникъ Кирилла и Меѳодія, и другіе. — Славяне по происхожденію, люди эти однако вполнѣ принадлежатъ Греческой Византіи. И такъ, относительно Кирилла и Меѳодія, мы въ правѣ признать *возможнымъ* и до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, что и они, какъ поименованныя мною лица и многіе другіе знатные Византійцы, были славянскаго происхожденія; мы должны признать *достовѣрнымъ*, что славянскій языкъ они знали какъ свой родной, еще когда жили въ отцовскомъ домѣ въ Солунѣ (на это указываетъ и древнее житіе); но съ другой стороны, мы должны признать *достовѣрнымъ* и то, что уже отецъ ихъ не принадлежалъ *народу* славянскому, что они были и считали себя Греками. Было бы крайнею несправедливостью, на основаніи догадки о славянскомъ происхожденіи Кирилла и Меѳодія, отнимать у греческой Византіи ихъ великій, безсмертный подвигъ для Славянъ. Подвигъ этотъ принадлежитъ греческой Византіи, въ средѣ которой Кириллъ и Меѳодій родились и выросли, которая дала имъ образованіе, которая воспитала въ нихъ духъ древняго христіанскаго апостольства: надобно помнить, что Византія, подъ корою бездушія и разврата языческаго Рима и среди начинавшихъ пробиваться въ ней новыхъ ростковъ эгоистической національной исключительности эллинской, еще хранила въ то время чистую струю христіанскаго братства, всеобъемлющей христіанской любви.

которыхъ уже обращена была Греками и пользовалась греческимъ алфавитомъ [1]), не пришелъ къ простой мысли — организовать этотъ алфавитъ примѣнительно къ славянскимъ звукамъ, а вмѣсто того вздумалъ замѣнять готовыя и уже извѣстныя Славянамъ буквы *а, в, г, д,* и проч. новыми, странными начертаніями? Воспитанникъ энциклопедически-ученаго Фотія, онъ не могъ не знать о томъ, какъ одна и та же историческая азбука переходила, совершенствуясь, отъ народа къ народу; онъ не могъ не знать изъ церковной исторіи объ Ульфилѣ, который, въ тѣхъ же почти мѣстахъ, гдѣ онъ самъ готовился дѣйствовать, примѣнилъ греческую же азбуку къ потребностямъ языка Готовъ.

2) Азбука кирилловская, какъ *первый* изобрѣтенный алфавитъ славянскій, имѣетъ характеръ совершенно раціональный: историческая, основная часть ея, азбука греческая, оставлена при томъ же расположеніи буквъ, какое въ ней было, не смотря на видимый ихъ безпорядокъ; изъ буквъ прибавочныхъ, близкія по звуку къ Греческимъ поставлены подлѣ ихъ, *б* передъ *в, ж* и ѕ (читалось первоначально какъ *дз*) [2]) предъ *з*, всѣ остальныя помѣщены послѣ греческихъ буквъ, а на самый конецъ отнесены тѣ знаки [3]), которые сохранены какъ наслѣдство греческой азбуки, но для славянскаго языка вовсе не пригодны. Глагольская азбука, какъ я сказалъ, совпадаетъ съ кириллицей, какъ относительно порядка буквъ, такъ и самой системы выраженія звуковъ. И того и другаго нельзя бы было объяснить, если бы она была созданіемъ первоначальнымъ и самобытнымъ, а не сколкомъ съ готовой уже азбуки кирилловской; иначе изобрѣтатель, позволивъ себѣ полный разгулъ фантазіи въ начертаніи буквъ, никакъ не сталъ бы въ расположеніи ихъ придерживаться того порядка, который имѣетъ смыслъ только при сохраненіи самой азбуки, гдѣ этотъ порядокъ образовался исторически, а въ системѣ выраженія звуковъ онъ, конечно, позволилъ бы себѣ бо̀льшія отступленія отъ греческой, нежели сколько могъ желать тотъ, кто примѣнялъ греческій алфавитъ

---

[1]) По этому самому, защитники глаголитской теоріи *непремѣнно* отвергаютъ всю, предшествовавшую поѣздкѣ въ Моравію, дѣятельность Кирилла и Меѳодія между Славянами. Выше я старался показать ложность такого взгляда.

[2]) Замѣчу кстати, что буква ѕ имѣетъ значеніе *только* для нарѣчія Македонскихъ Болгаръ: они донынѣ выговариваютъ не *з*, а *дз*, гдѣ въ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятникахъ пишется *зѣло*, напр. дзвѣзда, бладзѣ, т. е. благо и т. п. Присутствіе этой буквы въ глаголицѣ, — носящей на себѣ, какъ лучше всѣхъ показалъ самъ Шафарикъ, отпечатокъ западнаго происхожденія, и гдѣ потому самому такая буква была совсѣмъ не нужна, подтверждаетъ то, что глаголица есть сколокъ съ кирилловской азбуки. Разумѣется, это *дз*, которое изображалось древнимъ *зѣло*, не имѣетъ ничего общаго съ польскимъ и бѣлорусскимъ смягченнымъ *дз*, позднѣйшею формаціею изъ звука *д*.

[3]) Кси, пси, ѳита, ижица.

къ нуждамъ языка славянскаго. Какъ сколокъ съ кириллицы, глагольская азбука получаетъ смыслъ; какъ алфавитъ, самостоятельно изобрѣтенный, она немыслима [1]).

3) Относительно выраженія буквами цифръ, кирилловская азбука придерживается *исторической* системы, завѣщанной Греками, такъ что новыя, исключительно славянскія, буквы, въ ней не выражаютъ цифръ (*а* значитъ 1, *в* — 2, *г* — 3 и т. д.); глагольская азбука придерживается системы *логической*, цифры изображаются буквами подърядъ (*а* — 1, *б*—2, *в* — 3, *г*—4 и т. д.). Есть ли малѣйшій смыслъ въ томъ предположеніи, что послѣдняя система предшествовала у Славянъ первой, что отъ новаго, логическаго порядка въ соотвѣтствіи цифръ буквамъ, вздумали возвратиться къ старому историческому?

4) Въ глагольской азбукѣ противъ кирилловской прибавлена только одна буква, именно смягченное *д* (такъ называемое *дервь*): этотъ звукъ составляетъ существенный признакъ нарѣчія Славянъ Приадріатическихъ, которые съ весьма древнихъ временъ включили для него начертаніе и въ кириллицу; а извѣстно, что Кириллъ именно между этими Славянами никогда не жилъ и стало быть на ихъ нарѣчіи не могъ писать; въ нарѣчіи же Славянъ Македонскихъ, которое было для Кирилла какъ родное [2]), это смягченное *д* не существуетъ.

5) Самое древнее, полное и достовѣрное свидѣтельство, какое существуетъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ, сказаніе Храбра, указываетъ именно на кириллицу, какъ на ту азбуку, которую изобрѣлъ Кириллъ. Тамъ говорится, что «Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, сотворилъ Славянамъ письмена, 38 числомъ, одни *по чину греческихъ письменъ, другія же по славянской рѣчи*»; что онъ поступилъ въ отношеніи къ письменамъ греческимъ точно также, какъ Греки къ письменамъ жидовскимъ [3]), что изъ славянскихъ 38 буквъ 24 *подобны греческимъ письменамъ*, именно *а*, *в*, *г* и т. дал. (исчисляются всѣ буквы, перешедшія въ кириллицу изъ греческаго алфавита), а 14 «*по словѣньску языку*», именно *б*, *ж* и проч. Что мо-

---

[1]) Это ужъ было ясно сознано и выражено ученымъ и безпристрастнымъ Нѣмцемъ Шлейхеромъ.

[2]) „Вы бо еста Селунянина, да Селуняне все чисто словеньскы бесѣдують", говорилъ императоръ Михаилъ Кириллу и Меѳодію, отправляя ихъ въ Моравію (см. житіе Меѳодія): очевидно, что нарѣчіе славянское, которое они знали *какъ Солуняне*, было нарѣчіе македонское.

[3]) Вѣрнѣе финикійскимъ, какъ говоритъ далѣе самъ Храбръ. Какъ ясно высказывается въ этихъ словахъ сознаніе Славянина, писавшаго въ началѣ X вѣка, что азбука, изобрѣтенная Кирилломъ, была развитіемъ и примѣненіемъ азбуки Греческой, точно также, какъ греческая — финикійской!

жетъ, кажется, быть яснѣе и убѣдительнѣе и, въ виду такого свидѣтельства, можно ли толковать о томъ, что Кириллъ былъ изобрѣтателемъ азбуки, въ которой именно нѣтъ письменъ, подобныхъ греческимъ? [1])

6) Главное показаніе, на коемъ зиждется вся теорія тѣхъ, которые приписываютъ Кириллу азбуку глагольскую, принадлежитъ краткой греческой похвалѣ св. Клименту, архіепископу Болгарскому: тамъ говорится, что Климентъ «придумалъ другія начертанія письменъ для большей ясности, чѣмъ тѣ, которыя изобрѣлъ мудрый Кириллъ». Изъ этого выводятъ, что Климентъ (одинъ изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, дѣйствовавшій въ Болгаріи въ послѣднихъ годахъ IX-го и въ началѣ X вѣка), былъ творцомъ новой славянской азбуки, замѣнившей первоначальную Кириллову глаголицу,—именно нашей такъ называемой кириллицы, ибо 1) кириллица дѣйствительно яснѣе глагольской азбуки, и 2) Климентъ жилъ и писалъ между Славянами, подчиненными греческому вліянію (тогда какъ дѣятельность Кирилла, предполагается при этомъ, принадлежала только Славянамъ западнымъ).

Жаль однако, что ученые, какъ Шафарикъ, Ганушъ и др., опирающіе свою теорію на этомъ текстѣ, приняли его на вѣру, не подвергнувъ предварительно критикѣ. А критика тутъ сказала бы многое. Надобно замѣтить, что мы имѣемъ два греческихъ сказанія о Климентѣ Болгарскомъ: одно пространное, первоначальный текстъ котораго принадлежитъ, какъ видно, одному изъ учениковъ Климента, а дошедшая до насъ греческая редакція — знаменитому писателю XI вѣка, архіепископу Ѳеофилакту,—и краткую похвалу (или такъ называемое проложное житіе), гдѣ находится приведенное выше извѣстіе [2]).

Первое описываетъ жизнь св. Климента весьма подробно и носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрнаго историческаго повѣствованія; а въ немъ-то нѣтъ ни слова про изобрѣтеніе Климентомъ азбуки; онъ пред-

[1]) Для того, чтобы отдѣлаться отъ простаго и очевиднаго смысла Храброва сказанія, Шафарикъ и Ганушъ принуждены были прибѣгнуть къ удивительнѣйшимъ натяжкамъ и напр. утверждать, будто Храбръ, говоря объ изобрѣтеніи Кирилломъ *письменъ,* разумѣлъ собственно не *письмена,* а звуки, изъ которыхъ 24 будто оказались „по подобію греческихъ письменъ". Тяжело видѣть, какъ человѣка, подобнаго Шафарику, idée fixe могла привести къ *такого рода* несообразности: оставляя въ сторонѣ странность предположенія, что Храбръ писалъ не то, что хотѣлъ сказать, какъ же Кириллъ въ славянскихъ *звукахъ* могъ найти „подобіе 24 греческимъ письменамъ", когда въ числѣ этихъ письменъ есть и лишнее *и* и лишнее *о* (омега), и *ф,* и ѳита, и кси, пси, и ижица, — являющіяся не только въ кирилловской азбукѣ, но (за исключеніемъ двухъ предпослѣднихъ) и въ самостоятельной будто бы глаголицѣ?

[2]) Рукопись, въ которой она найдена, принадлежитъ XIII или XIV вѣку.

ставляется, напротивъ, ревностнѣйшимъ поборникомъ и распространителемъ той письменности, начало которой положено было Кирилломъ и Меѳодіемъ. Уже это [1]) бросаетъ тѣнь недовѣрія на свидѣтельство, заключающееся въ краткой похвалѣ Клименту. Похвала эта, какъ и бо̀льшая часть подобнаго рода произведеній литературы, не есть сочиненіе самостоятельное, а извлеченіе изъ пространнаго житія (на которое ссылается и самъ авторъ ея), извлеченіе, писанное съ извѣстными и, такъ сказать, установленными пріемами риторической амплификаціи. Въ началѣ похвалы говорится, напримѣръ, о Болгарахъ, что они во время о̀но жили у горы Олимпа въ Малой Азіи и оттуда прогнаны были Александромъ Великимъ къ Сѣверному океану. Вотъ какъ безцеремонно авторъ обращается съ исторіею. Непосредственно за извѣстіемъ о составленіи Климентомъ какихъ-то новыхъ начертаній, сказано, что онъ перевелъ *все* священное писаніе, и похвальныя слова, и житія мучениковъ и святыхъ, и священныя пѣснопѣнія. Напротивъ того, пространное житіе, указывая опредѣлительно на письменныя работы Климента, вовсе не приписываетъ ему такого громаднаго труда, который былъ бы не подъ силу одному человѣку. Тамъ сказано, что ему принадлежатъ краткія слова,—похвалы и поученія,—на праздники господскіе, богородичные, крестителя, апостоловъ и святыхъ, — а равно переводъ Цвѣтной Тріоди. Вотъ до какой степени составитель похвалы преувеличивалъ то, что находилъ въ своемъ оригиналѣ. Но откуда же взялось извѣстіе о составленіи Климентомъ новыхъ письменныхъ знаковъ? Мнѣ кажется, дѣло объясняется весьма просто. Въ пространномъ житіи находится мѣсто, гдѣ авторъ, какъ очевидецъ трудовъ Климента, разсказываетъ, что Климентъ никогда не былъ празднымъ, но частію училъ мальчиковъ, «однимъ указывая *начертаніе письменъ*, другимъ *объясняя* смыслъ написаннаго, инымъ образуя руку для письма», частію же занимался чтеніемъ или писаніемъ книгъ и т. п. Вотъ это мѣсто, гдѣ говорится про обученіе *начертанію письменъ* и *объясненіе* ихъ смысла, осталось, какъ видно, въ памяти сочинителя, извлекавшаго изъ пространнаго житія краткую риторическую похвалу болгарскому святому, и вслѣдствіе обычной амплификаціи перешло подъ его перомъ въ фразу объ изобрѣтеніи *начертаній письменъ* для бо̀льшей *ясности*. На это указываетъ сходство подчеркнутыхъ мною выраженій въ обоихъ мѣстахъ [2]); но главное, вотъ что придаетъ представленной здѣсь догадкѣ такую степень вѣроятности, которая въ моихъ гла-

---

[1]) Замѣчательно, что и Шафарикъ и Ганушъ обходятъ молчаніемъ столь важное обстоятельство.

[2]) Въ пространномъ житіи: γραμμάτων χαρακτῆρας; σαφηνίζων, а въ краткой похвалѣ: χαρακτῆρας γραμμάτων; σαφέστερον.

захъ равняется полной достовѣрности. Въ краткой похвалѣ Клименту соблюденъ точь-въ-точь, во всей этой части повѣствованія, тотъ самый порядокъ изложенія, какой находится въ пространномъ житіи. Послѣднее разсказываетъ о томъ, какое покровительство Болгарскій государь Михаилъ-Борисъ оказалъ Клименту, и затѣмъ изображаетъ неутомимую ревность этого святителя; тутъ слѣдуютъ приведенныя мною слова объ его трудахъ какъ наставника юношества и писателя; далѣе говорится о множествѣ учениковъ, имъ образованныхъ и проч. Каждому изъ этихъ параграфовъ соотвѣтствуетъ фраза въ краткой похвалѣ, и фраза о составленіи Климентомъ новыхъ «начертаній письменъ для бо́льшей ясности» занимаетъ въ ходѣ разсказа то именно мѣсто, гдѣ въ пространномъ житіи сказано просто про обученіе «начертанію письменъ и объясненіе ихъ смысла». — Таково главное свидѣтельство, на которомъ думали опереть теорію, что Климентомъ изобрѣтена новая славянская азбука: пусть читатель посудитъ, можетъ ли оно быть принято безпристрастной критикой? А что сказать про тѣ историческія соображенія, которыя приводятся Шафарикомъ и его послѣдователями какъ доказательство, что этотъ мнимый новый алфавитъ, придуманный Климентомъ, былъ именно алфавитъ греко-славянскій, т. е. наша кириллица, и что, значитъ, глагольская азбука принадлежитъ Кириллу? Они говорятъ, что какъ Климентъ трудился между Славянами Болгарскими, подчиненными Греческой церкви и греческому вліянію, то господству этого вліянія должно приписать мысль о примѣненіи греческаго алфавита къ языку славянскому, тогда какъ Кириллъ и Меѳодій, дѣйствовавшіе между Славянами западными, не имѣли къ тому повода. Я спрашиваю: въ комъ вѣроятнѣе предполагать вліяніе греческое, въ Кириллѣ ли и Меѳодіи, которые были родомъ Греки, изъ которыхъ первый образовался въ Константинополѣ, а второй долго служилъ Византійскому царю, долго жилъ въ греческомъ монастырѣ,—или въ Климентѣ, родомъ Болгаринѣ, получившемъ образованіе подъ руководствомъ Меѳодія въ Моравіи? И въ какое время вѣроятнѣе предполагать греческое вліяніе у Болгарскихъ Славянъ: въ то ли время, когда начали между ними свою проповѣдь Кириллъ и Меѳодій и когда Болгаріей правилъ миролюбивый Михаилъ-Борисъ, столь замѣчательно уступчивый Византійскому двору, что это можетъ быть объяснено только соединеніемъ слабости характера съ преданностью новообращеннаго христіанина своему духовному отцу [1])—или въ эпоху святительской дѣятельности Климента въ Болгаріи, когда государемъ былъ сынъ Борисовъ Симеонъ [2]), заклятый врагъ Византіи, не переставав-

[1]) Греческій императоръ Михаилъ былъ его воспріемникомъ.

[2]) Первые годы дѣятельности Климента въ Болгаріи, по возвращеніи его изъ Мо-

шій воевать съ нею и завершившій эту многолѣтнюю борьбу своимъ блистательнымъ походомъ подъ стѣны Константинополя?

Я разобралъ оба важнѣйшихъ текста, относящихся къ спору о томъ, которая изъ двухъ древнихъ славянскихъ азбукъ изобрѣтена первоучителемъ Кирилломъ. Одинъ изъ этихъ текстовъ прямо и положительно указываетъ на кириллицу; другой, принимаемый за основаніе противоположнаго мнѣнія, падаетъ при первомъ прикосновеніи критики. Остальные, приводимые въ этомъ ученомъ спорѣ, тексты имѣютъ значеніе только второстепенное, и если поборники глаголитской теоріи находили въ нихъ, такъ или иначе, намекъ въ пользу своего мнѣнія, то это проистекало лишь отъ недоразумѣнія, или же требовало натяжекъ, иногда доходившихъ (говорю особенно о сочиненіи г. Ганушa) до смѣшнаго. Вотъ примѣръ подобнаго недоразумѣнія. Шафарикъ придаетъ особенную важность фразѣ, встрѣчающейся въ одной похвалѣ Кириллу: «не на тужемь (т. е. чужомъ) основаніи свое дѣло полагающа, но изнова писмена въображьша и съврьшиста въ языкъ новъ»; оказывается однако, что слова: *не на чужомъ основаніи полагающіе свое дѣло*, которыя представляются Шафарику, какъ *поразительное* свидѣтельство, что Кирилломъ изобрѣтена та азбука, которая не основана на чужой, греческой,—вовсе не относятся къ изобрѣтенію письменъ, а къ предъидущей фразѣ, гдѣ говорится о дѣлѣ Кирилла и Мееодія, какъ *проповѣдниковъ* и новыхъ апостоловъ. Недоразумѣніе произошло отъ того, что Шафарикъ взялъ эту фразу отдѣльно, а не въ связи съ смысломъ цѣлаго мѣста. Далѣе (больно подумать, что подобный умъ могъ до такой степени погрѣшить противъ здраваго смысла), Шафарикъ находитъ *implicite*r доказательство происхожденія глаголицы отъ Кирилла въ томъ, что онъ, по словамъ современниковъ, изобрѣлъ письмена *славянскія, новыя* письмена, тогда какъ кириллица-де въ сущности не славянская азбука, а греческая, а потому самому и не новая. Но въ такомъ случаѣ, какъ же греческую и латинскую азбуку называютъ греческою и латинскою, русскую—русскою и проч., когда первыя двѣ основаны на финикійской, послѣдняя на греческой? И вѣдь нельзя бы было сказать, напримѣръ, что Ульфила изобрѣлъ *новый* (т. е. не существо-

---

равіи, принадлежатъ еще царствованію Михаила-Бориса; но подъ конецъ своего царствованія, Борисъ сталъ уже гораздо независимѣе относительно Византіи, нежели прежде; притомъ же, кажется, Борисъ собственно не правилъ тогда Болгаріею и жилъ въ монастырскомъ уединеніи, предоставивъ правленіе сыну. Климентъ удалился изъ Моравіи только послѣ смерти Мееодія, бывшей въ 885 году, а уже съ 888 года начинается жестокая борьба Болгаріи съ Византіей, смѣнившая 45-лѣтній миръ между этими двумя странами, миръ, который совпадаетъ именно съ эпохою, когда жили Кириллъ и Мееодій. И при такихъ историческихъ фактахъ намъ говорятъ о греческомъ вліяніи при Климентѣ, объ отсутствіи греческаго вліянія при Кириллѣ и Мееодіи!

вавшій до него) готскій алфавитъ, потому что основа его была тоже греческая? Но еще смѣлѣе въ своихъ натяжкахъ г. Ганушъ. Есть одинъ древній славянскій акростихъ, въ которомъ каждой буквѣ соотвѣтствуетъ строчка, касающаяся предметовъ вѣры или жизни Спасителя: «*А*зъ есмь богъ,—*Б*огъ бо есмь,—*В*ѣдѣ (т. е. вѣдаю) бо вся» и т. д. Въ этомъ акростихѣ на букву *и* приходятся, вмѣсто двухъ, три строчки: «*И*же вы скрозѣ море проведохъ, — *И* въ пустыни вы насытихъ,—*И*гемону мя предасте». Г. Ганушъ пораженъ такою несообразностью: тутъ очевидный слѣдъ первоначальнаго глагольскаго алфавита, говоритъ онъ, ибо въ глаголицѣ послѣ буквъ *и* и *і* стоитъ третья буква, мягкое *д* (дервь), и третій стихъ ей соотвѣтствуетъ: надобно читать: «*демону* мя предасте»; потомъ, при перепискѣ акростиха кириллицей, стихъ этотъ передѣлали по недоразумѣнію въ «*игемону мя предасте*». Позволительно ли до такой степени жертвовать смысломъ для предвзятой теоріи? Г. Ганушъ забылъ одно: что Христосъ никогда не былъ преданъ *демону*, а что предали его именно *игемону* Пилату! Какое же тутъ глагольское *д*? А если бы онъ прочиталъ весь акростихъ въ связи, то увидѣлъ бы, что эта лишняя строчка на букву *и* была нужна, чтобы какъ нибудь связать предъидущее съ послѣдующимъ.

Избавляю читателя отъ дальнѣйшаго разбора разныхъ мелочныхъ аргументовъ, приводимыхъ въ защиту глаголитской теоріи. Всѣ они не выдерживаютъ критики и теряютъ всякое значеніе, когда подорваны главныя, основныя положенія этой системы. Приведу только, въ заключеніе, три весьма важныхъ довода, окончательно, какъ мнѣ кажется, ее опровергающіе; доводы эти могутъ быть изложены весьма кратко:

1) *Argumentum ad hominem*. Глагольскій переводъ евангелія (какъ показываетъ самъ Шафарикъ) заключаетъ въ себѣ мѣста, переведенныя безсмысленно, вслѣдствіе того, что одно греческое слово было принято за другое, сходное по звуку, иныя же слова оставлены вовсе безъ перевода, тогда какъ въ древнѣйшемъ кирилловскомъ переводѣ нѣтъ такихъ погрѣшностей. Возможно ли, чтобы глагольскій переводъ, обличающій въ его составителѣ нетвердое пониманіе греческаго языка, принадлежалъ Греку Кириллу, ученику Фотія, Кириллу, ученость котораго пріобрѣла ему между современниками прозваніе философа?

2) *Доказательство палеографическое*. Почеркъ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятниковъ совпадаетъ точь-въ-точь съ почеркомъ греческихъ памятниковъ первыхъ трехъ четвертей IX вѣка, именно того времени, которому принадлежитъ составленіе Кирилломъ славянскихъ письменъ; напротивъ того, подъ конецъ IX вѣка и въ на-

чалѣ Х-го, во время, къ которому относятъ начало кириллицы люди, приписывающіе ее Клименту, употреблявшійся Греками почеркъ разнится отъ почерка этой славянской азбуки [1]).

Наконецъ 3) *Доказательство лингвистическое.* Діалектическія особенности нарѣчія древнѣйшихъ кирилловскихъ памятниковъ встрѣчаются именно въ Македоніи, родинѣ Кирилла; глагольскіе памятники отличаются отъ кирилловскихъ разными словами и формами, принадлежащими нарѣчіямъ западнымъ, въ особенности же, какъ показалъ Шафарикъ, такими словами, которыя свойственны нарѣчію Приадріатическихъ Хорватовъ и сосѣднихъ имъ Словенцевъ: а извѣстно, что именно между этими племенами Кириллъ никогда не жилъ [2]).

По этимъ-то лингвистическимъ указаніямъ я считаю, насколько можно судить по имѣющимся теперь даннымъ, наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, высказанное въ первый разъ, кажется, Прейсомъ, что глагольская азбука составлена была именно въ приморской Хорватіи, (гдѣ и сохранилась донынѣ), вслѣдствіе наступившихъ съ конца IX вѣка, въ подвластныхъ папѣ славянскихъ земляхъ, гоненій на все, сопряженное съ греческимъ вліяніемъ вообще и въ особенности на письменность, оставленную Славянамъ Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Изъ приморской Хорватіи, гдѣ гоненіе было въ началѣ всего сильнѣе, новая, очищенная отъ греческихъ элементовъ, азбука славянская должна была тотчасъ перейти и къ сѣверозападнымъ, также подчиненнымъ Риму, славянскимъ племенамъ (есть весьма древніе слѣды глаголицы въ Чехіи) и черезъ ихъ посредство могла сдѣлаться извѣстною и на Руси. Здѣсь иные писцы могли даже, пожалуй, приписывать, по незнанію, глагольскія книги св. Кириллу, напримѣръ, какъ Новгородскій попъ Упирь Лихій, переписывавшій въ 1047 году

---

[1]) Основываюсь въ этомъ отношеніи на приведенномъ сочиненіи г. Викторова, который извинитъ меня, что я, приходя часто къ тѣмъ же выводамъ, какіе имъ сдѣланы въ разборѣ мнѣній Шафарика, не ссылаюсь на него, и съ другой стороны, не обозначаю того, что имъ не было высказано или въ чемъ съ нимъ не совсѣмъ схожусь.

[2]) Чтобы выйти изъ затрудненія, Шафарикъ принужденъ былъ придумать двѣ гипотезы, совершенно произвольныя, и надстроить ихъ одну надъ другою: 1) что Кириллъ и Меѳодій избрали для перевода священныхъ книгъ нарѣчіе Паннонскихъ Славянъ, подвластныхъ князю Коцелу, и 2) что нарѣчіе это, исчезнувшее вслѣдствіе водворенія въ Панноніи Мадьяръ, заключало именно тѣ слова, которыя составляютъ нынѣ особенность Хорватовъ и Словенцевъ. Странно: о Паннонскомъ нарѣчіи мы рѣшительно ничего не знаемъ; какъ же приписывать ему гипотетически тѣ или другія слова и на этомъ основывать выводъ? А вотъ что еще страннѣе: допустивъ даже, что первоучители славянскіе переводили не на Македонское нарѣчіе, которое было для нихъ какъ родное, а на одно изъ нарѣчій западныхъ Славянъ, среди которыхъ стали дѣйствовать,—съ какой стати они предпочли бы нарѣчіе незначительнаго княжества Коцелова языку того народа, который составлялъ тогда государственный центръ всего западнаго Славянства и былъ средоточіемъ ихъ собственныхъ трудовъ,—языку Славянъ Моравскихъ?

книгу Толкованій Пророчествъ, судя по разнымъ признакамъ, съ глагольскаго оригинала, — говоритъ, что переписывалъ онъ ее «исъ куриловицѣ», т. е. съ кирилловицы. Какое значеніе придается этой замѣткѣ защитниками глагольской теоріи! Это чуть ли не одинъ изъ важнѣйшихъ ихъ аргументовъ. А между тѣмъ, что значатъ слова Новгородскаго попа Упиря? ничто иное, какъ то, что Новгородскій попъ Упирь, жившій двѣсти лѣтъ послѣ Кирилла, считалъ рукопись пророчествъ, положимъ писанную и глаголицей, происходящею отъ Кирилла. Но развѣ это мнѣніе должно быть принято за историческое свидѣтельство? И почему же тогда защитники глагольской теоріи съ такимъ презрѣніемъ отвергаютъ столь же почтенное по древности своей мнѣніе, что глаголица изобрѣтена св. Іеронимомъ? — Проникая съ одной стороны на сѣверъ, глагольская азбука съ другой легко могла сдѣлаться извѣстною на юго-западѣ, въ той части Болгаріи, которая въ тѣ времена простиралась до Адріатическаго моря и находилась въ близкомъ сосѣдствѣ съ тогдашнимъ государствомъ приморскихъ Хорватовъ. Въ Болгаріи именно только тамъ и найдены слѣды употребленія глаголицы. Отысканныя въ этихъ мѣстахъ рукописи глагольскія весьма древни, древнѣе, чѣмъ рукописи, находящіяся въ самой Хорватіи; но впрочемъ носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды Хорватскаго нарѣчія. Относительная древность глагольскихъ рукописей болгарскихъ передъ хорватскими, а равно и тотъ фактъ, что найденныя въ юго-западной Болгаріи глагольскія рукописи также относительно древнѣе кирилловскихъ и что есть палимпсесты и списки, въ которыхъ глагольское письмо замѣнено кирилловскимъ, — все это служитъ послѣднимъ серьезнымъ доводомъ защитникамъ глаголитской теоріи. Шафарикъ въ особенности налегаетъ на эти факты. Къ сожалѣнію, онъ не принялъ въ соображеніе весьма простой вещи, которая однако ниспровергаетъ всю его аргументацію: именно, онъ забылъ то, что и въ древности книги писались для употребленія, а не для храненія въ пользу потомства. Въ приморской Хорватіи глагольская азбука должна была замѣстить *запрещенную* и вытѣсняемую латинскимъ духовенствомъ кирилловскую; рукописи глагольскія были тамъ нужны въ обиходѣ, потому онѣ и скоро портились, ветшали и замѣнялись новыми списками; эта замѣна ускорялась и тѣмъ, что древнѣйшія глагольскія рукописи были еще приспособлены къ богослуженію по обряду Восточной церкви, который при Кириллѣ и Меѳодіи сдѣлался господствующимъ и у западныхъ Славянъ; по этому самому онѣ, по мѣрѣ утвержденія латинства между Хорватами, становились негодными; требовались новыя, примѣненныя къ богослуженію по римскому обряду. Вотъ, кажется, простая причина, почему въ Хорватіи, хотя и родинѣ глаголицы, не могло

сохраниться глагольскихъ рукописей изъ самой древней эпохи. Представимъ себѣ съ другой стороны, что при самомъ началѣ появленія глаголицы, нѣкоторыя книги, ею писанныя, проникли въ ближайшіе къ приморской Хорватіи края юго-западной Болгаріи (а что онѣ проникли туда именно изъ приморской Хорватіи, доказываютъ, какъ я замѣтилъ, признаки языка). Въ юго-западной Болгаріи не было причины, чтобы глагольская письменность вытѣснила кирилловскую; глагольскія рукописи были тамъ доступны немногимъ, кирилловскія оставались общеупотребительными: кирилловскія, значитъ, скорѣе ветшали, чаще переписывались и замѣнялись новыми; глагольскія, будучи въ меньшемъ употребленіи, могли сохраняться долѣе (тѣмъ болѣе, что въ православной Болгаріи не было никакой нужды замѣнять древнѣйшую, православную редакцію глагольскихъ текстовъ редакціею, приспособленною къ римскому богослуженію), и если кто рѣшался ихъ переписывать, то переписывалъ охотнѣе общепонятною кириллицей, чѣмъ глаголицей; иной, для сбереженія дорогаго пергамена, стиралъ глагольское письмо и на такомъ палимпсестѣ писалъ кирилловскими буквами. Вотъ, кажется, немудреное объясненіе приведенныхъ фактовъ, получающихъ такой неестественный смыслъ у тѣхъ, которые строятъ на нихъ глаголитскую теорію [1]).

Замѣчательно, что Храбръ, столь ясно указывающій намъ на изобрѣтеніе Кирилломъ именно кирилловскаго, греко-славянскаго письма, намекаетъ и на то, что въ его время были попытки передѣлать азбуку Кириллову. «Устрояютъ и еще», говоритъ онъ, письмена для Славянъ. Защищая дѣло Кириллово, онъ не рѣшается утверждать, чтобы его азбука была нѣчто совершенное, однако при этомъ замѣчаетъ, что удобнѣе, «послѣжде *потворити*, неже первое *створити*». Мнѣ кажется, что это есть намекъ на глаголицу: время, въ которое писалъ Храбръ (т. е. начало X столѣтія), совпадаетъ съ вѣроятнѣйшей эпохой ея происхожденія, а слово *потворити*, которое не можетъ значить — передѣлать самостоятельно, а значитъ, очевидно, сдѣлать по какому нибудь образцу, измѣнить, и притомъ, какъ видно

---

[1]) Самъ Шафарикъ признавалъ достовѣрнымъ, хотя не сгруппировалъ, слѣдующее: 1) древнѣйшіе глагольскіе памятники отличаются особенностями преимущественно *Хорватскаго* нарѣчія; 2) древнѣйшіе глагольскіе памятники приспособлены къ богослуженію по *Восточному* обряду; 3) въ Хорватіи усилія Рима заставили замѣнить *Восточный* обрядъ *Латинскимъ;* 4) въ Хорватіи найдены глагольскія рукописи только позднѣйшей редакціи, приспособленныя къ *Латинскому* ритуалу, и 5) нѣсколько древнѣйшихъ глагольскихъ рукописей, приспособленныхъ къ *Восточному* обряду и съ особенностями нарѣчія *Хорватскаго,* найдены въ ближайшей къ древнему Хорватскому государству части православной Болгаріи. Трудно понять, какимъ образомъ Шафарикъ, Ганушъ и др. могли не видѣть, въ какой связи эти факты должны быть поставлены одинъ къ другому, и того простаго вывода, который изъ нихъ слѣдуетъ.

изъ употребленія этого глагола въ разныхъ памятникахъ, — измѣнить къ худшему, даже поддѣлать [1]), — слово это какъ нельзя лучше выражаетъ характеръ глагольскаго письма и отношеніе его къ кирилловскому. — Допустивъ предположеніе, что глаголица произошла въ приморской Хорватіи, гдѣ славянское богослуженіе, созданное Кирилломъ и Меѳодіемъ, было, по настоянію папскаго престола, уже въ 925 году осуждено и запрещено постановленіемъ помѣстнаго собора, — мы поймемъ цѣль составленія новой азбуки. Цѣль эта была — въ краѣ, гдѣ не хотѣли или нельзя было прямо противостать папскому авторитету, спасти славянскую письменность, скрывъ ея греческій характеръ подъ знаками, совершенно своеобразными и для непосвященнаго непонятными. Этой цѣли соотвѣтствовалъ и тотъ весьма древній, нелѣпый разсказъ, будто изобрѣтателемъ глагольскаго алфавита былъ Іеронимъ, святой, особенно уважавшійся Римскою церковью, которая получила отъ него свой каноническій текстъ священнаго писанія. Впрочемъ, эта ли именно, или другая, была первоначальная цѣль составленія глагольской грамоты, исторія дѣйствительно опредѣлила ей такое значеніе. Это было дѣйствительно нѣчто въ родѣ тайнописи, за которою кое-гдѣ между западными Славянами успѣла скрыться народная стихія въ церкви — отъ безпощаднаго «нивелированья» средневѣковаго Рима, и которой Римъ не побоялся впослѣдствіи дать свое освященіе, именно потому, что глаголица могла быть только исключеніемъ, привилегіею для немногихъ и, удовлетворяя народному чувству избраннаго меньшинства, ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлаться орудіемъ общаго образованія, достояніемъ массъ [2]). Такой характеръ глагольской грамоты и письменности несомнѣненъ и очевиденъ; несомнѣненъ и очевиденъ также характеръ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, этихъ неутомимыхъ миссіонеровъ, которые, по выраженію современниковъ, «столько трудились Христа ради, на сѣверныхъ и южныхъ и западныхъ странахъ», дабы «насѣять духовныя словеса безчисленнымъ племенамъ», дабы «разумно просвѣтить письменами и ученіемъ» «многоплодный языкъ сло-

---

[1]) См. Словарь Миклошича: потворити — mutare; παρατιτρώσκειν, laedere (потворити прѣданиꙗ): calumniari (потворити кого о блоудѣ; потворити светаго доуха дѣйство; потворила и прѣльстила градъ вьсь); vituperare, transgredi. Этотъ же оттѣнокъ выступаетъ въ другихъ нарѣчіяхъ: *потворити* по-чешс и значитъ „обезобразить“, по-сербски и по-словенски „оклеветать“, т. е. обезобразить нравственно.

[2]) Вся исторія глаголицы, не говоря о наружномъ ея видѣ, выказываетъ въ ней такой характеръ. Особенно же ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ тотъ фактъ, что папа Климентъ VI, уступая настойчивымъ требованіямъ Карла IV о возстановленіи въ Чехіи богослуженія на языкѣ народномъ, допустилъ тамъ *глаголицу* и славянскую литургію по глаголитскимъ книгамъ, но съ тѣмъ, чтобы служба эта совершалась въ *одномъ только* монастырѣ.

венскій»; вся борьба ихъ съ латинскимъ духовенствомъ, борьба, ихъ погубившая и погубившая ихъ дѣло на Западѣ, истекала изъ разногласія двухъ принциповъ: что книжное ученіе и пониманіе вѣры и ея обрядовъ назначено всему народу, или что оно должно быть достояніемъ немногихъ. Какъ же согласовать эти двѣ вещи, характеръ глагольской грамоты, и направленіе Кирилла и Меѳодія? Неужели твореніе не носитъ на себѣ отпечатка мысли его творца, или можетъ носить отпечатокъ мысли, прямо противорѣчащей его духу? Указаніемъ на эту внутреннюю, существенно важную, въ моихъ глазахъ, несообразность глаголитской теоріи дополняю всѣ тѣ, историческія и прочія, доказательства, которыя, надѣюсь, достаточно убѣдили читателя, что Кириллу и Меѳодію дѣйствительно принадлежитъ *наша*, всенародная, славянская грамота, что дѣйствительно *они* основатели нашей письменности и нашего просвѣщенія.

IV.

Какъ относятся къ Кириллу и Меѳодію современные Славяне?

Кириллъ и Меѳодій имѣли ту замѣчательную судьбу, что и по истеченіи тысячи лѣтъ не принадлежатъ еще окончательно *прошлому*, что и ныньче, въ XIX вѣкѣ, ихъ имя нераздѣльно съ вопросами, взглядами, страстями современнаго міра Славянскаго. Никто другой изъ историческихъ дѣятелей славянской древности въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться съ ними. Такая особенность въ историческомъ значеніи Кирилла и Меѳодія совершенно понятна. Это были, въ древности, единственные дѣятели *всеславянскіе*. Ихъ труды принадлежали одинаково и южнымъ Славянамъ, и западнымъ, и восточнымъ. Славянская Македонія и Болгарія считаютъ ихъ по праву своими, своими считаетъ ихъ по праву Моравія и земля Словаковъ и Чехія; и Полякамъ они не чужіе, ибо Краковская земля (область тогдашняго государства Великоморавскаго) входила въ составъ паствы Меѳодія, и какой-то, иначе намъ неизвѣстный, «князь силенъ вельми, сѣдя въ Вислѣхъ» былъ имъ убѣждаемъ къ принятію христіанства [1];

[1] Князь этотъ, по словамъ житія, ругался надъ христіанами и творилъ имъ пакости; тогда Меѳодій послалъ ему сказать: „добро ти ся бы крестити, сыну, волею на своей земли, да не, плѣненъ, нудми (т. е. по принужденію) крещенъ будеши на чужей земли, и помянеши мя". И это сбылось, прибавляетъ житіе, не объясняя, однако, гдѣ и кѣмъ этотъ князь былъ взятъ въ плѣнъ и крещенъ. При тогдашнемъ состояніи Германіи, невозможно предполагать, чтобы она воевала съ княземъ „на Вислѣхъ" и принудила его креститься; ее раздѣляли при томъ отъ Польской земли обширные края независимыхъ Славянъ, обитавшихъ между Эльбой и Одрой. Единственною христіанскою землею въ сосѣдствѣ съ Польшею была въ то время могущественная держава Великоморавская, и ея королю Святополку должно приписать взятіе въ плѣнъ Вислянскаго князя и его крещеніе.—Славянское богослуженіе по греческому обряду продолжалось въ Краковѣ еще въ XIII вѣкѣ (см. Зубрицкаго, Критико-Истор. Повѣсть Червонной Руси, переводъ Бодянскаго, стр. 20 и др.). Чтобы поставить такой важный фактъ, какъ вліяніе Кирилла и Меѳодія на древнюю Польшу, выше всякаго сомнѣнія или подозрѣнія въ пристрастіи, переведу здѣсь слова польскаго ученаго, г. Августа Бѣлёвскаго (изъ предисловія къ новому изданію Польскаго Словаря Линде, стр. 10 и 11): „Исторія Славянъ въ IX и X вѣкѣ, по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ ее точнѣе, убѣждаетъ насъ, что колыбель языка церковнаго (cerkiewnego, т. е. церковно-славянскаго) была преимущественно тамъ, гдѣ находилась также колыбель орга-

даже на землю Лужицкихъ Сербовъ простиралось вліяніе Меѳодія [1]). Наконецъ, и тѣхъ Славянъ, которые назвались Русскимъ народомъ,

---

низованнаго польскаго общества, именно въ Великой Моравіи. Возвѣщенное здѣсь Кирилломъ и Меѳодіемъ ученіе перешло впослѣдствіи къ Хорутанамъ Коцела и къ Борисовымъ Болгарамъ" (относительно послѣдняго г. Бѣлевскій введенъ въ ошибку распространеннымъ теперь у западныхъ Славянъ ложнымъ мнѣніемъ, будто славянская грамота была *впервые* сочинена для Моравіи); „но нива, на которую главнымъ образомъ пали сѣмена ихъ проповѣди и гдѣ принесли первые плоды, были Славяне Ростислава и Святополка, держава которыхъ простиралась до истоковъ Буга и лѣваго берега Вислы. Выработанный между этими Славянами первый письменный языкъ, на которомъ распространяема была между нами вѣра Христова, сдѣлался образцомъ письменности для всѣхъ Славянъ, и все, что писалось въ Польшѣ туземцами, какъ въ ту пору, такъ и долгое время потомъ,—*писалось не иначе, какъ только изобрѣтенными Кирилломъ буквами.* Ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ древняя легенда о Кириллѣ. Монета Болеслава Храбраго съ кирилловскою надписью; хроника Ярослава каноника Плоцкаго (принадлежавшаго къ латинскому обряду), писанная имъ кириллицей въ 1219 году, на которую ссылался Прусскій епископъ Христіанъ и слѣды которой нынѣ отысканы (wysledzona) въ Кенигсбергскомъ архивѣ; еще древнѣйшія польскія книги, писанныя этою азбукою и упоминаемыя Несѣцкимъ и другими достовѣрными свидѣтелями; отдѣльныя кирилловскія буквы, невольно выскользнувшія изъ-подъ пера писца Маргаритиной псалтыри и другіе подобные памятники достаточно утверждаютъ справедливость вышесказаннаго. И такъ кириллица была нѣкогда повсемѣстно употребляема въ Польшѣ, и написанныя Меѳодіемъ и его преемниками церковно-славянскія (cerkiewne) книги были образцомъ, по которому мы, какъ и прочіе Славяне, воздѣлывали нашъ первоначальный письменный языкъ, пока языкъ этотъ, около XIV вѣка, не былъ вытѣсненъ вліяніемъ чешскаго. Можетъ быть, что изданная въ 1851 г. Миклошичемъ въ Вѣнѣ Супрасльская рукопись, въ которой мы находимъ особливыя носовыя буквы и наиболѣе словъ, по звуку и значенію соотвѣтствующихъ польскимъ, окажется, при тщательномъ изслѣдованіи, однимъ изъ кирилловскихъ памятниковъ, писанныхъ въ Польшѣ. Эта рукопись принадлежитъ, какъ извѣстно, времени не позднѣе XI вѣка, и такимъ образомъ относится къ числу древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ". Догадка г. Бѣлевскаго о польскомъ происхожденіи Супрасльской рукописи, если бы она подтвердилась, была бы тѣмъ важнѣе, что послужила бы самымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ существованія въ Польшѣ XI вѣка не только кирилловской грамоты, но и восточнаго исповѣданія: ибо рукопись содержитъ въ себѣ житія древнихъ святыхъ, переведенныя съ греческаго, и поученія греческихъ отцовъ церкви, между прочимъ и патріарха Фотія, который былъ столь ненавистенъ Риму; ни малѣйшаго слѣда латинства въ ней нѣтъ. Не смѣю однако произнести сужденія о степени вѣроятности этой догадки; при чтеніи памятника,—правда, совершенно поверхностномъ,—мнѣ представлялись доводы et pro et contra; во всякомъ случаѣ, вопросъ заслуживаетъ внимательнаго изученія. Если бы впрочемъ Супрасльская рукопись не могла быть признана за памятникъ, писанный въ Польшѣ, то все-таки мнѣ кажется несомнѣннымъ, что она по крайней мѣрѣ читалась Поляками. Это я заключаю не только изъ того, можетъ быть, случайнаго обстоятельства, что она попала въ Супрасльскій монастырь близъ Бѣлостока, сколько изъ одной приписки, весьма древней, судя по начертанію мягкаго *юсъ,* въ ней находящемуся. Она кончается словами: „Господь, имѣ миръ душамо моимо". Очевидно, что писавшій эти строки былъ не твердъ въ орѳографіи, если онъ вмѣсто *душею моею* могъ написать *душамо моимо.* Но такого рода описка была *невозможна* для другаго Славянина, кромѣ какъ для Поляка, который, не зная хорошенько, какъ выразить свое протяжно произносимое носовое окончаніе duszą moją, сдѣлалъ изъ него *душамо моимо.*

[1]) Это признаетъ г. Богуславскій въ своей прекрасной книгѣ „Rys dziejów Serbo-Lużyckich„ (очеркъ исторіи Сербо-Лужицкой), стр. 44—46, приводящій при этомъ за-

коснулось непосредственно, — надѣюсь, что я въ этомъ убѣдилъ читателя, — слово Солунскихъ братьевъ.

На порогѣ исторической жизни Славянскаго племени эти люди стоятъ предвѣстниками его духовнаго единства: такъ точно въ иныхъ легендахъ мы читаемъ, что младенца озаряетъ символическое, пророческое видѣніе того, чѣмъ онъ долженъ быть въ возрастѣ зрѣлаго мужа. Вотъ этотъ-то пророческій, символическій характеръ даетъ Кириллу и Меѳодію такое *современное* значеніе въ Славянскомъ мірѣ. И для южныхъ, и для западныхъ Славянъ они болѣе, чѣмъ историческіе дѣятели, основатели ихъ просвѣщенія; они также знамя славянскаго самосознанія и единенія, и потому-то память ихъ чтится въ особенности у тѣхъ именно племенъ, которымъ ближе къ сердцу идея ихъ славянства, ихъ славянскаго братства: таковы на югѣ Болгаре, на западѣ Чехи, Моравцы, Словаки, Хорваты, Словенцы.

Имя этихъ дѣятелей IX вѣка такъ тѣсно связано съ настоящимъ положеніемъ славянскихъ народовъ, что имъ, этимъ именемъ, весьма естественно, играютъ современныя политическо-религіозныя страсти. Для клерикальной партіи въ западно-славянскихъ земляхъ Кириллъ и Меѳодій имѣютъ важность первостепенную, судя по тому усердію, какое люди этой партіи выказываютъ къ ихъ памяти: пишутъ ихъ исторію, то съ полнымъ парадомъ учености, то въ формѣ болѣе популярной, то наконецъ въ видѣ статей въ духовныхъ журналахъ и книжекъ для простонароднаго чтенія, сочиняютъ имъ молитвы, службы и литаніи, воспѣваютъ ихъ въ эпосѣ и лирическихъ стихахъ, составляютъ во имя ихъ церковныя братства [1]), посвящаютъ имъ церкви и придѣлы, распространяютъ десятками тысячъ ихъ образа и медальоны, заботятся объ ихъ мощахъ [2]). Отчего такая палинодія? Какимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій, которые при жиз-

---

мѣчательныя слова Лелевеля о проповѣдникахъ Восточной церкви, какъ о носителяхъ идеи *вселенскаго* христіанства, и ясно выставляющій, въ противоположность характеру этихъ проповѣдниковъ, пагубные для Славянъ принципы римскихъ миссіонеровъ. Указанія г. Богуславскаго на значеніе Меѳодія для Лужицкихъ Сербовъ можно бы дополнить еще ссылкою на нѣмецкаго лѣтописца Титмара (VI, 60).

[1]) Какъ-то: „Наслѣдіе св. Кирилла и Меѳодія", общество, основанное въ 1850 г. въ Моравіи, распространенное также между Венгерскими Словаками и имѣющее нѣсколько тысячъ членовъ; „Братство св. Кирилла и Меѳодія", учрежденное въ 1852 г. въ Брнѣ (Брюннъ, въ Моравіи) при тамошней семинаріи; „Братство св. Кирилла и Меѳодія для обращенія несоединенныхъ (съ Римомъ) Славянъ", утвержденное Піемъ IX 12 мая 1852 г. Относительно послѣдняго братства мы знаемъ только его постановленія, особыя индульгенціи, которыя даются его членамъ, и особую молитву, которая ему присвоена; но о дѣятельности его не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

[2]) Было объявлено западнымъ Славянамъ въ клерикальныхъ газетахъ, что послѣ долгихъ изысканій открытъ въ Моравіи слѣдъ мощей св. Меѳодія; было имъ объявлено также, что мощи св. Кирилла найдены въ Римѣ и что папа имѣлъ намѣреніе торжественно открыть ихъ въ 1863 году. Кажется, однако, что это не состоялось.

ни своей терпѣли столько преслѣдованій отъ «ультрамонтанцевъ» своего времени, Кириллъ и Меѳодій, ученики которыхъ, тотчасъ послѣ ихъ смерти, были изгнаны изъ Моравіи латинскимъ духовенствомъ, и труды которыхъ—славянская письменность и богослуженіе, осуждены какъ ересь и искоренены,—какимъ образомъ эти самые люди сдѣлались теперь предметомъ такой любви и такого почитанія клерикальной партіи въ земляхъ западныхъ Славянъ? Отреклась ли она, въ настоящее время, отъ тѣхъ принциповъ, на основаніи которыхъ преслѣдовала во время оно съ такимъ ожесточеніемъ дѣло Кирилла и Меѳодія? Едва ли. Принципы остаются неизмѣнными, но обстоятельства измѣнились. Клерикальная партія у западныхъ Славянъ поняла, что съ пробужденіемъ въ этихъ народахъ самосознанія и неодолимаго стремленія къ единенію во имя славянскаго сродства,—Кириллъ и Меѳодій, какъ знамя, какъ символъ нѣкогда бывшаго и потому могущаго быть снова, духовнаго единства Славянъ, получаютъ огромное значеніе; а съ тѣмъ вмѣстѣ, она поняла, какая съ этимъ именемъ, съ этимъ символомъ сопряжена опасность,—опасность, заключающаяся въ нѣсколькихъ простыхъ историческихъ фактахъ, а именно: 1) что Кириллъ и Меѳодій были родомъ Греки и воспитанники Греческой церкви; 2) что Кириллъ и Меѳодій были посланы для обращенія *западныхъ* Славянъ церковью *Восточною* и Византійскимъ правительствомъ; 3) что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали между западными Славянами во имя началъ, которыя признавала и признаетъ церковь Восточная и которыхъ никогда не признавала церковь Западная; 4) что Кириллъ и Меѳодій и между западными Славянами совершали богослуженіе по обряду Восточной церкви; и наконецъ 5) что дѣло Кирилла и Меѳодія было истреблено церковью латинскою въ земляхъ, ей подвластныхъ, тогда какъ оно у Славянъ, принадлежащихъ къ православному исповѣданію, осталось неприкосновеннымъ и сдѣлалось ихъ народнымъ достояніемъ. Читатель видитъ, какою грозою имя Кирилла и Меѳодія является латинству; какъ воспоминанія, сопряженныя съ этимъ именемъ, могутъ у западныхъ Славянъ подорвать самыя основы латинской церкви. А бороться противъ возрастающей популярности этого имени было бы безполезно и только увеличило бы опасность. И вотъ, клерикальная партія напрягаетъ тамъ всѣ свои силы, употребляетъ всѣ средства, чтобы, такъ сказать, усыновить Кирилла и Меѳодія католицизму, чтобы загладить какъ нибудь въ ихъ исторіи то, что можетъ произвести невыгодное впечатлѣніе, чтобы, усердіемъ къ ихъ памяти удовлетворяя народному чувству, обратить заключающуюся въ имени Кирилла и Меѳодія силу въ свое собственное орудіе. Словомъ, сознавая невозможность бороться *противъ* этого знамени, клерикальная партія хочетъ захва-

тить его въ свои руки. Для того, разумѣется, нужно бываетъ подвергнуть исторію особеннаго рода операціямъ, утаить одни факты, перетолковатъ другіе, выставить третьи въ особенномъ свѣтѣ: но у клерикальной партіи за этимъ дѣло не станетъ. Я, разумѣется, считаю совершенно безполезнымъ разбирать всѣ эти толкованія; если читателю любопытно, то онъ можетъ познакомиться съ ними въ сочиненіяхъ каноника Штульца [1]), профессора богословскаго училища въ Литомѣрицахъ Гинцеля [2]) и другихъ писателей той же категоріи. Достаточно показать конечную цѣль всего этого; яснѣе она не можетъ быть выражена, какъ въ книгѣ г. Штульца «Жизнь св. Кирилла и Меѳодія, апостоловъ славянскихъ», написанной, надобно сказать, съ большимъ умѣньемъ и талантомъ и которая распространена въ Моравіи и Чехіи обществомъ «Наслѣдіе Кирилла и Меѳодія» въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Вотъ заключительная страница этого сочиненія: «Подъ конецъ нельзя намъ обойти молчаніемъ еще одного обстоятельства, которое тщательному изслѣдователю является предзнаменованіемъ того, что и нынѣ еще святые апостолы наши должны сдѣлаться, такъ сказать, мостомъ къ соединенію раздѣленныхъ въ вѣрѣ Славянъ. Извѣстно, что Кириллъ и Меѳодій суть, такъ сказать, единственные святые католическихъ Славянъ западныхъ, которые пользуются не меньшимъ уваженіемъ на востокѣ. Въ Сербіи, въ Болгаріи и въ цѣлой имперіи Русской чтится имя нашихъ святыхъ братьевъ; память ихъ прославляется донынѣ въ согласіи и съ сыновнею любовью. Конечно, Сербы, Болгаре, Русскіе забыли, что гробъ св. Кирилла находится въ Римѣ; они забываютъ, что папа назначилъ и посвятилъ св. Меѳодія въ епископы; забываютъ, что папы были главными охранителями и покровителями нашихъ апостоловъ; забываютъ, съ какимъ довѣріемъ святые братья эти прибѣгали и «льнули» къ престолу св. Петра, къ папѣ. Но они не забыли, что Кирилломъ и Меѳодіемъ намъ дано участіе въ общеніи святыхъ, въ церкви Божіей. Честь, воздаваемая святымъ апостоламъ нашимъ, не составляетъ ли такимъ образомъ какъ бы связи, соединяющей братій, отторгнутыхъ обманомъ сварливыхъ Грековъ, съ нами, сынами святой церкви католической? Не подаетъ ли это намъ надежду, что братья, помнящіе своихъ отцовъ въ вѣрѣ (Кирилла и Меѳодія), мало-по-малу вспомнятъ также, откуда они получили право на святое дѣло апостольское, кѣмъ были въ немъ хранимы? Человѣкъ не видитъ будущаго, судьбы Божіи скрыты отъ взоровъ смерт-

[1]) Wypsání žiwota swatých bratri Cyrilla a Mathoda sepsal Štulc. 1847. Žiwot swatých Cyrilla a Methodia, apostolu Slowanských sepsal Štulc. 1857.

[2]) Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der Slavischen Liturgie, v. Hinzel, второе изданіе въ 1861 году.

ной твари; но намъ по всему кажется, что св. Кириллъ и Меѳодій, по Божьему изволенію, своимъ примѣромъ и памятью сдѣлаются однажды еще,—и то, если Богъ дастъ, въ близкой будущности,—апостолами единства *католическаго* между Славянскими народами».

Я показалъ разныя стороны того значенія, которое имѣютъ Кириллъ и Меѳодій между западными и южными Славянами. А что же сказать про насъ? Отчего мы такъ равнодушны къ памяти первоучителей славянскаго племени, провозвѣстниковъ его духовнаго единства? Какимъ образомъ ихъ имена, съ которыми у другихъ Славянъ соединяется такъ много надеждъ и разнообразныхъ стремленій, которыя тамъ извѣстны и чтимы въ каждой хижинѣ, нашимъ глазамъ представляются не иначе, какъ сквозь библіотечную пыль и ученый туманъ? Отчего и въ церковномъ отношеніи, мы, пользующіеся въ теченіе десяти вѣковъ трудами Кирилла и Меѳодія,—письменами, которыя они изобрѣли, языкомъ, который они увѣковѣчили переводомъ священныхъ книгъ и литургіи, который мы отъ нихъ получили,—мы до такой степени невнимательны къ нимъ, что предали забвенію даже имя ихъ въ службахъ церковныхъ, ежедневно совершаемыхъ, даже выпустили его изъ свѣтскаго календаря, содержащаго однако имена мало у насъ извѣстныхъ, по дѣятельности своей, святителей греческихъ, иверскихъ, персидскихъ? Отчего, наконецъ, духовная литература наша остается безучастною въ виду всѣхъ тѣхъ огромныхъ, непрестанныхъ усилій, которыя дѣлаются клерикальною партіею на Западѣ, чтобы, такъ сказать, отвоевать первоучителей славянскихъ? А между тѣмъ было бы такъ легко состязаться съ нею и разрушить всѣ ея софизмы, хотя бы просто на основаніи Паннонскихъ житій Кирилла и Меѳодія: вѣдь житія эти, писанныя несомнѣнно въ области Западной церкви, какъ видно изъ особеннаго уваженія къ папскому престолу, въ нихъ проявляющагося, и изъ титула *апостолика*, который въ нихъ придается папѣ, согласно обычаю средневѣковой латинской Европы,—житія эти не могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи къ Восточной церкви, и все-таки они рѣшаютъ въ пользу ея не только историческій вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи, но и вопросъ догматическій, рѣшаютъ его такъ ясно, что тутъ и тѣни сомнѣнія оставаться не можетъ. Опредѣлительность этихъ свидѣтельствъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали въ предѣлахъ обѣихъ церквей и въ такую эпоху, когда догматическое разногласіе между ними едва начинало находить себѣ формулу. Но при всей неясности вопроса въ то время, Паннонскія житія говорятъ прямо, что Кириллъ и Меѳодій всѣми силами своими отвергали «ересь триязычниковъ», т. е. ученіе тѣхъ, которые допускали богослуженіе только на трехъ языкахъ:

еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, и «ересь іопаторскую»,—греческое слово, которымъ обозначается догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына,—и что это именно было главною причиною гоненій, которыя они терпѣли на Западѣ. Сохранилось также «Исповѣданіе вѣры» св. Кирилла и Меѳодія, свидѣтельствующее о томъ, что ихъ ученіе не имѣло ничего общаго съ латинствомъ [1]). Старалась ли духовная литература наша о разъясненіи этихъ фактовъ и всего съ ними связаннаго? Я не говорю о почтенныхъ трудахъ нѣкоторыхъ писателей, каковы преосвященный Макарій, Филаретъ и г. Горскій: ихъ изслѣдованія о первоучителяхъ славянскихъ обогатили науку. Но что значатъ эти немногія изслѣдованія въ сравненіи съ огромной церковно-полемической литературой, обработывающей на Западѣ вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи? и не свидѣтельствуетъ ли самая немногочисленность этихъ трудовъ и ихъ исключительно ученый характеръ о томъ, какъ мало еще живаго интереса соединяется у насъ съ этимъ вопросомъ?—Между тѣмъ, древняя Русь, древняя церковь Русская вовсе не были такъ безучастны къ памяти славянскихъ просвѣтителей; это видно изъ древней письменности нашей, изъ того, что русскими писцами сохранена бо́льшая часть драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіи. Вниманіе къ нимъ охладѣвало на Руси въ московскій періодъ, по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны возрастающее сознаніе ея особности, народной и государственной, все болѣе и болѣе заслоняло собою память объ общемъ славянскомъ источникѣ, а съ другой, въ церкви Русской элементъ греческій, византійскій, бралъ перевѣсъ надъ древнимъ славянскимъ, болгарскимъ элементомъ. А въ петербургскій періодъ могло ли остаться на Руси мѣсто идеѣ славянства, и потому самому, Кириллъ и Меѳодій не должны ли были потерять для насъ всякое значеніе? Въ настоящее время, какъ я сказалъ, имя ихъ важно особенно для тѣхъ народовъ славянскихъ, въ которыхъ историческая нужда вызываетъ сознаніе славянства, славянскаго братства. Тамъ, гдѣ народность крѣпка сама по себѣ, гдѣ для нея достаточно ея собственнаго самосознанія и нѣтъ такой настоятельной потребности искать ей опоры въ общей идеѣ славянства, участіе къ памяти Кирилла и Меѳодія гораздо слабѣе, напримѣръ у Сербовъ или у Поляковъ. А мы? Нужды прямой, осязательной нужды намъ нѣтъ искать опоры въ идеѣ славянства, въ славянскомъ общеніи; мы сильны сами по себѣ, *мы* нужны другимъ Славянамъ, а намъ они развѣ видимо нужны? Внѣшняго пово-

[1]) Объ этомъ „Исповѣданіи“ см. статью преосвященнаго Филарета, епископа Рижскаго: „Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители“ (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1846, 4).

да къ пробужденію въ Россіи идеи славянства не было и нѣтъ, а внутреннимъ путемъ органическаго развитія она можетъ явиться только какъ плодъ и вѣнецъ самосознанія собственной народности, въ чемъ мы, кажется, еще не далеко ушли! Вотъ какимъ образомъ я объясняю себѣ то огромное разстояніе, которое существуетъ между нашимъ обществомъ и другими Славянами въ степени развитія славянской идеи, чувствъ славянской общности. Иные заграничные Славяне, познакомившись съ Россіею, приходятъ просто въ отчаяніе отъ нашего равнодушія къ идеѣ славянства, отъ совершеннаго отсутствія въ общественной (не говоря о домашней) жизни нашей того сознанія, что Русскій человѣкъ сверхъ того Славянинъ. Но факту этому нечего удивляться; я, по крайней мѣрѣ, ни мало не прихожу въ отчаяніе на счетъ будущности славянской идеи въ нашемъ отечествѣ. Теперь ей еще нѣтъ мѣста въ нашемъ *общественномъ* сознаніи [1]) но, по моему мнѣнію, она будетъ плодотворнѣе тамъ, гдѣ можетъ выроста только изъ внутреннихъ, органическихъ началъ народной жизни, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ вызвана внѣшнею потребностью самосохраненія: въ странахъ этихъ и идея славянская по существу своему остается только внѣшнею.

Это не освобождаетъ каждаго изъ насъ лично отъ обязанности содѣйствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, развитію между нами славянской идеи: ибо безъ нея наше собственное народное самосознаніе не можетъ быть полно; а потому самому никто изъ насъ, не безучастный къ народному и славянскому самосознанію нашему, не можетъ быть равнодушенъ къ памяти тѣхъ людей, которые въ древности служатъ символомъ духовнаго единства Славянъ. Въ средѣ Русскаго народа особенное призваніе должны имѣть въ этомъ дѣлѣ Малоруссы. Отъ нихъ я ожидаю, въ настоящее время, бо́льшаго сочувствія къ памяти Кирилла и Меѳодія, чѣмъ отъ общества Великорусскаго, и вообще считаю ихъ призванными къ особенному участію въ развитіи между нами славянской идеи. Кіевъ ближе къ другимъ Славянамъ, чѣмъ Москва, и точно также племя Малороссійское ближе къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ племя Великорусское: оно ближе къ нимъ своимъ языкомъ, который, не имѣя такого рѣзко-опредѣленнаго типа, какъ нашъ Великорусскій языкъ, стоитъ какъ бы на серединѣ между имъ и нарѣчіями западныхъ Славянъ, и въ западныхъ краяхъ Малорусскаго племени сливается съ рѣчью Венгерскихъ Словаковъ; оно ближе къ другимъ Славянамъ и въ отношеніи историческомъ и общественномъ. Часть Малорусскаго племени, въ Галиціи и сѣверной Венгріи, несетъ на себѣ то же самое иго иноземнаго владычества,

---

[1]) Писано въ 1862 году.

подъ которымъ бьются Славяне западные и южные: что мы, въ положеніи другихъ Славянъ, понимаемъ только отвлеченно, то эта часть Русскаго народа чувствуетъ и знаетъ по опыту. Мы были всегда самостоятельны, государство было наше, и страданія наши были всегда по нашей собственной винѣ; Малорусское племя своего государства не имѣло, и завоевавъ себѣ на минуту самостоятельность, тотчасъ же отъ нея отказалось, въ пользу общерусскаго единства; его страданія имѣли источникомъ не только его собственныя вины, но и вины чужія: вотъ другая причина, почему положеніе другихъ Славянъ можетъ быть ему гораздо понятнѣе и ближе къ сердцу. Наконецъ и то, въ чемъ Малорусское племя отдалилось отъ коренныхъ началъ славянскихъ, уступивъ западнымъ общественнымъ началамъ (бо̀льшее развитіе въ народѣ начала личности, отсутствіе поземельной общины, бо̀льшая особность городской жизни и т. п.), служитъ какъ бы переходомъ отъ своеобразнаго славянскаго быта племени Великорусскаго къ западно-европейскому быту Славянъ западныхъ. А ко всему этому прибавимъ, что вѣковая борьба съ Поляками, — для насъ имѣющая преимущественно значеніе государственнаго вопроса и представляющаяся намъ, болѣе или менѣе, какъ нѣчто безличное и отвлеченное, а у Малоруссовъ затрогивающая всѣ струны народной жизни, какъ домашняя, личная тяжба, что эта повседневная борьба Малоруссовъ непремѣнно должна вызывать въ нихъ, какъ примирительницу, идею славянскую. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, Малоруссы могутъ первые выработать въ своей средѣ и внести въ общественное сознаніе Русской земли идею славянства; они стоятъ какъ бы связующимъ звеномъ нашимъ съ остальнымъ Славянскимъ міромъ. Безспорно, славянская идея можетъ найти полное свое опредѣленіе и развитіе только тамъ, гдѣ въ наибольшей полнотѣ хранятся жизнію народною общественныя стихіи славянскаго организма и гдѣ поколѣніе Славянское проявило себя не только пассивнымъ самосохраненіемъ, но и дѣятельнымъ строеніемъ общественнымъ и государственнымъ, и открыло себѣ поприще всемірно-историческое, — въ средѣ племени Великорусскаго. Но какъ идея славянская зародилась впервые на Западѣ, у тѣхъ Славянъ, которые почти утратили внутреннія общественныя стихіи славянскія, зародилась тамъ, какъ внѣшній признакъ, какъ средство самосохраненія погибавшаго народа, — такъ, переходя въ Россію, не должна ли она и здѣсь сдѣлаться общественнымъ достояніемъ впервые среди того племени, которое, хотя уступило исторіи часть своихъ древнихъ органическихъ началъ славянскихъ (напримѣръ ослабленіемъ элемента общиннаго), но за то имѣетъ болѣе, чѣмъ другія вѣтви Русскаго народа, внѣшнихъ побужденій къ сознанію своего славянства? Такимъ образомъ

идея славянства, постепенно расширяясь, пока не захватитъ въ свой кругъ всѣ народы Славянскіе, съ тѣмъ вмѣстѣ переходила бы отъ внѣшняго значенія къ внутреннему, изъ порожденія матеріальныхъ условій и требованій становилась бы мало-по-малу свободнымъ плодомъ сознанія народныхъ началъ. Эту мысль я выдаю не болѣе какъ за предположеніе, за гаданіе; однако, можетъ быть, недаромъ Шевченко, поэзія котораго имѣла единственно мотивы народные, нашелъ въ ней, кромѣ струны народной малороссійской и струны религіозной, еще третью струну, — славянскую (поэма Гусъ и великолѣпное посланіе къ Шафарику, — и то и другое написанныя еще въ сороковыхъ годахъ). Но во всякомъ случаѣ если Малорусская земля и кажется намъ въ настоящее время ближе къ живому, внѣшнему сознанію славянства, славянскаго единства и братства, то несомнѣнно также, что пока сознаніе это не усвоится землею Великорусскою, пока не сдѣлается тутъ общественнымъ достояніемъ, общественнымъ двигателемъ всей Россіи, — и самая идея славянская не достигнетъ полнаго осуществленія, и наше собственное народное самосознаніе останется недовершеннымъ. Потому-то, я полагаю, долгъ каждаго изъ насъ, если мы хотимъ у насъ народнаго самосознанія, способствовать по возможности укорененію и развитію въ Россіи славянской идеи.

III.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЧЕХІИ.

III.

Очеркъ исторіи Чехіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ

(По поводу тысячелѣтія Россіи).

Въ настоящемъ 1862 году празднуется тысячелѣтіе Русскаго государства. У насъ, въ Россіи, гдѣ вообще мистицизмъ мало развитъ и цифрѣ 1000 не приписывается чрезвычайнаго, таинственнаго смысла, публика, по всей вѣроятности, не придаетъ особеннаго значенія этому событію: для большинства тысячелѣтіе едва ли покажется знаменательнѣе какого-нибудь 998-лѣтія или 1003-лѣтія; народъ же нашъ, мы полагаемъ, остается едва ли не равнодушнымъ, когда ему говорятъ, что Русскому государству минуло тысяча лѣтъ. Однимъ словомъ, собственно для самой Россіи, тысячелѣтіе ея не составляетъ ничего особенно знаменательнаго.

Но въ отношеніи къ другимъ славянскимъ народамъ событіе это получаетъ иной смыслъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы Славяне стали праздновать тысячелѣтіе Россіи какими-нибудь церемоніями; по разнымъ обстоятельствамъ, у однихъ нѣтъ къ тому охоты, у другихъ возможности, а большинство, вѣроятно, и не знаетъ о томъ, что̀ такое 1862 годъ для Русскаго государства. Находятся однако, мы увѣрены, между Славянами люди, вникающіе въ историческую судьбу своего племени, которые глубоко обрадовались тысячелѣтію Россіи, глубоко задумались надъ нимъ, — обрадовались этому событію и задумались надъ нимъ болѣе, быть можетъ, чѣмъ кто-либо въ самой Россіи. Дѣйствительно, тысячелѣтіе Россіи является вполнѣ знаменательнымъ *историческимъ* фактомъ только въ сравненіи съ судьбою другихъ славянскихъ земель. Мы, разумѣется, отстраняемъ тутъ всякій мистицизмъ; мы, подобно читателямъ нашимъ, не видимъ, чтобы цифра 1000 сама-по-себѣ имѣла особенное значеніе, въ родѣ того, напримѣръ, какое находили въ ней древніе Римляне, когда они

съ таинственнымъ трепетомъ встрѣчали тысячелѣтіе всемірной своей державы.

Нѣтъ; но цифра эта представляется гранью, черезъ которую не перешло ни одно изъ прежде бывшихъ государствъ славянскихъ. Единственный между славянскими народами, народъ Русскій переходить эту грань, вступаетъ во второе тысячелѣтіе государственнаго бытія. Государство Чешское, даже если возможно возвести его начало къ полумиѳическому Само (627 г.) и продолжить его существованіе на столѣтіе, въ которое Чешское государство, по присоединеніи къ Австрійской монархіи, сохраняло еще внутреннюю автономію, т. е. до 1620 г., даже и въ такомъ случаѣ Чешское государство семью годами не дожило до тысячелѣтія. Государство Польское простояло 935 лѣтъ (860—1795). Вѣкъ прочихъ славянскихъ государствъ былъ еще короче: государство Сербское прожило нѣсколько болѣе 800 лѣтъ (640—1458), государство Болгарское, и то съ большими перерывами, 725 лѣтъ (668—1393), государство Хорватское менѣе пяти столѣтій (638—1102); о прочихъ, возникавшихъ въ разное время и еще менѣе долговѣчныхъ славянскихъ государствахъ мы не говоримъ. Вотъ именно въ сравненіи съ этими цифрами, тысячелѣтіе Россіи можетъ быть названо явленіемъ дѣйствительно знаменательнымъ, получаетъ смыслъ факта историческаго или, вѣрнѣе сказать, живаго свидѣтельства, заявленнаго исторіею. Надъ свидѣтельствомъ этимъ намъ, и въ особенности другимъ Славянамъ, нельзя не призадуматься: отчего существованіе всѣхъ прочихъ славянскихъ государствъ было такъ кратковременно, что ни одно изъ нихъ не дожило до тысячелѣтія, и оно для нихъ представляется какимъ-то роковымъ, недосягаемымъ предѣломъ? Отчего всѣ они менѣе чѣмъ въ десять вѣковъ совершили полный кругъ бытія своего, отъ темнаго заложенія государственнаго порядка какимъ-нибудь Самомъ или Пястомъ, до совершеннаго разрушенія, до Бѣлогорской битвы и Косцюшкова «finis Poloniæ»? и отчего же въ Русской землѣ этого роковаго цикла, въ который вмѣстилась вся жизнь другихъ славянскихъ государствъ, отъ колыбели до могилы, — тысячелѣтія едва достало на внѣшній ростъ и сложеніе государственнаго организма, и на грани втораго тысячелѣтія ей предстоитъ *еще только въ будущемъ* — фазисъ внутренняго самосознанія, внутренней самодѣятельности?

Есть надъ чѣмъ задуматься; но кто изъ насъ въ силахъ разрѣшить эти вопросы, когда, съ одной стороны, исторія прежде бывшихъ, западныхъ и южныхъ, славянскихъ государствъ, хотя уже завершенная и потому доступная полному всестороннему сужденію [1]), еще

[1]) Я говорю, разумѣется, объ исторіи *государствъ*, а не о самихъ народахъ, которые пережили паденіе своихъ государствъ.

такъ мало приведена въ извѣстность или же такъ искажена современными пристрастіями, что дѣйствительный смыслъ ея остается покуда почти непонятнымъ, а съ другой стороны, исторія Россіи не подлежитъ окончательному приговору: ибо хотя мы, болѣе или менѣе, знаемъ, какія начала въ ней развивались и какія въ ней дѣйствовали силы, но результаты, къ которымъ она направляется, покрыты непроницаемою завѣсою будущаго. Настоящая минута, когда празднуется тысячелѣтіе Русскаго государства, невольно вызоветъ во многихъ изъ насъ желаніе оглянуться на судьбу другихъ государствъ славянскихъ, обнять ее взоромъ и сравнить въ общихъ чертахъ съ судьбою Россіи. Но къ какимъ бы выводамъ ни привело такое сравненіе, никто изъ насъ не рѣшится приписать имъ болѣе, чѣмъ приблизительную, а часто только гадательную вѣрность. Не станемъ однако воздерживаться отъ подобныхъ сужденій и выводовъ изъ опасенія односторонности и неточности. Одни частные факты удовлетворить насъ не могутъ; мысль наша невольно требуетъ обобщенія, заключенія, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о собственной семьѣ народной. А если бы стали утверждать, какъ намъ не разъ приходилось слышать, что не время еще думать объ общихъ выводахъ относительно исторіи Славянъ, — такъ какъ фактическая сторона ея еще слишкомъ мало разработана, — то мы позволимъ себѣ указать на примѣръ естественныхъ наукъ. Тамъ попытки обобщеній признаются полезными и нужными даже тогда, когда частные факты еще мало приведены въ извѣстность и обслѣдованы. Впослѣдствіи, общій взглядъ на нихъ дополнится, измѣнится, замѣнится другимъ; но обобщеніе не бываетъ лишнимъ и при началѣ развитія науки, для самаго уясненія фактовъ, для отысканія ихъ соотношеній, для направленія мысли отъ данныхъ извѣстныхъ къ неизвѣстнымъ.

Какъ обобщеніе въ наукахъ естественныхъ исходитъ изъ того положенія, что все въ природѣ подчинено непреложному закону, точно также, разумѣется, обобщенію явленій историческихъ мы должны предпослать признаніе основною, несомнѣнною истиною — что исторія не есть простое сцѣпленіе случайностей. Если бы судьба народовъ не обусловливалась своими законами, то какое значеніе имѣлъ бы для насъ, положимъ, тотъ фактъ, что изъ всѣхъ славянскихъ земель одна Россія создала государство долговѣчное? Это зависѣло, сказали бы мы тогда, отъ такихъ-то и такихъ-то внѣшнихъ обстоятельствъ, совершенно случайныхъ, которыя могли и не быть или быть иначе, такъ что, напримѣръ, Россія и не простояла бы тысячу лѣтъ, а гдѣ нибудь въ другой Славянской землѣ образовалось бы государство сильное и прочное.

Не отвергая огромнаго вліянія на судьбу каждаго народа — внѣшнихъ обстоятельствъ, имѣющихъ въ отношеніи къ нему характеръ случайности (хотя и они, сами по себѣ, суть плодъ историческихъ законовъ), мы думаемъ, что дѣйствіе на народъ этихъ внѣшнихъ, случайныхъ обстоятельствъ опредѣляется внутренними условіями его собственной жизни. Посредственно или непосредственно, исторія народа создается его органическими законами, которые, непосредственно, обусловливаютъ его внутреннее развитіе, посредственно же опредѣляютъ дѣйствіе на это развитіе внѣшнихъ обстоятельствъ. — Пояснимъ нашу мысль примѣромъ изъ исторіи Польши. Всякій знаетъ то стеченіе внѣшнихъ обстоятельствъ, которое положило конецъ Польскому государству; но кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что дѣйствіе этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ на судьбу Польши было обусловлено внутреннимъ ея разрушеніемъ? Внутреннее разрушеніе Польши произошло, какъ извѣстно, отъ ненормальнаго развитія шляхетскаго сословія, отъ водворенія въ странѣ совершенно чуждаго городскаго класса (нѣмецкіе мѣщане; магдебургское право; Жиды), наконецъ отъ вліянія римско-католическихъ идей, которыя въ крайности своей выразились въ іезуитахъ, этихъ отравителяхъ Польши. И шляхта, и нѣмецкое мѣщанство съ Жидами, и римскія церковныя идеи, все это было, очевидно, чужое первоначальной славянской почвѣ Польши. Зерна всѣхъ этихъ началъ были, мы знаемъ, занесены на славянскую почву Польши случайнымъ, внѣшнимъ ея соприкосновеніемъ съ средневѣковымъ Западомъ; но отчего эти чужія зерна такъ сильно въ ней принялись, какимъ образомъ могли они развиться на ней такъ могущественно, что притянули къ себѣ всѣ ея жизненные соки и заглушили на польской почвѣ природный ростъ ея первоначальныхъ славянскихъ началъ? Въ разрѣшеніи этого вопроса мы нашли бы ключъ къ пониманію смысла польской исторіи...

Но предметомъ настоящаго очерка мы избрали не Польшу, а другое славянское государство, тоже не дожившее до тысячелѣтія, — государство Чешское. Къ нему мы и обращаемся.

I.

Чехія до XIV вѣка. — Постепенное подчиненіе ея западно-европейской жизни. — Карлъ IV: Чехія становится главою Римско-Нѣмецкой имперіи. — Славянская оппозиція въ Чешскомъ народѣ.

Общій характеръ чешской исторіи до конца XIV вѣка можетъ быть опредѣленъ въ немногихъ словахъ. Вся эта эпоха въ жизни Чешскаго государства ознаменовывается постепеннымъ подчиненіемъ его западной Европѣ, постепеннымъ сближеніемъ и, такъ сказать, срощеніемъ Чехіи съ латино-германскимъ міромъ.

Чешскій народъ былъ малъ и слабъ. Значительною частью границъ своихъ онъ соприкасался непосредственно съ населеніемъ нѣмецкимъ. Нѣмцы имѣли надъ нимъ громадный перевѣсъ обширности владѣній, числа и матеріальныхъ средствъ. Отношенія ихъ не могли съ древнѣйшихъ временъ не быть крайне враждебными. Опасность положенія заставила Чеховъ ранѣе другихъ славянскихъ племенъ приняться за государственную организацію, — и съ самаго же начала политическаго бытія своего, народъ этотъ ощутилъ потребность въ единеніи съ другими землями славянскими. Можно сказать, что идея славянской федераціи также стара между Чехами, какъ самая ихъ политическая жизнь: первый устроитель Чешскаго государства, Само [1]) является вмѣстѣ съ тѣмъ главою союза западныхъ славянскихъ народовъ, общими силами сражающихся за свою независимость противъ Нѣмцевъ и Аваровъ. Съ той поры идея такого союза три раза возобновлялась въ древнѣйшую эпоху чешской исторіи, и каждый разъ — главное, что побуждало западные славянскіе народы къ сближенію, была необходимость борьбы съ Германіею. Со временъ Карла Великаго, она смотрѣла на этихъ Славянъ, какъ на подданныхъ, принадлежавшихъ ей по праву: въ этомъ случаѣ завоевательныя стремленія Нѣмецкаго племени находили себѣ оправданіе и поощреніе въ представленіи о Германскомъ государѣ, какъ вселенскомъ монархѣ, преемникѣ Римскихъ императоровъ, призванномъ къ вер-

---

[1]) Въ первой половинѣ VII вѣка.

ховной власти надъ христіанскимъ міромъ и къ покоренію варварскихъ народовъ. Завоеванія Карла Великаго и его наслѣдниковъ вызвали у западныхъ Славянъ въ концѣ IX вѣка федерацію, средоточіемъ которой сдѣлалась Моравія и земля Прикарпатская (такъ наз. Велико-Моравское государство): Чехія добровольно подчинилась главѣ этого союза. Но недостало духа единства и выдержки для того, чтобы упрочить политическое зданіе, которое нѣсколько времени обнимало весь западный славянскій міръ отъ средней Эльбы до границъ Болгаріи. Вторженіе Венгровъ не встрѣтило достаточнаго сопротивленія, и они завоевали самый центръ этой федераціи, земли между Карпатами, Дравою и Дунаемъ. Отрѣзанная отъ южнаго Славянства и предоставленная собственнымъ силамъ, Чехія тотчасъ должна была поддаться Германіи. Но дѣло не обошлось безъ упорной борьбы. Нѣсколько разъ въ теченіе X вѣка старалась Чехія освободиться отъ этой зависимости. Однако, борьба была ей не по силамъ и самые воинственные князья Чешскіе принуждаемы были склоняться, какъ вассалы, передъ государями Нѣмецкими. Въ концѣ X вѣка была сдѣлана новая попытка собрать въ одно цѣлое разрозненныя земли западныхъ Славянъ. Сама Чехія стала во главѣ большаго славянскаго государства, заключавшаго въ себѣ, кромѣ Моравіи и Силезіи, оба склона Карпатскихъ горъ до верховьевъ Днѣстра. Но и въ этотъ разъ силы притяженія оказалось слишкомъ мало, такъ что государство, созданное могущественными Болеславами Чешскими, распалось тотчасъ послѣ смерти втораго изъ нихъ [1]). А когда, вслѣдъ за тѣмъ, на борьбу съ Германіей для освобожденія западнаго Славянства выступила Польша, когда ея королемъ (Болеславомъ Храбрымъ) сдѣлана была третья попытка связать западныхъ Славянъ въ одно политическое тѣло и онъ захотѣлъ включить въ эту державу и Чеховъ, то Чехи бросились въ объятья Германіи и съ ея помощью избавились отъ владычества Польскаго государя: но за то земля Чешская вошла навсегда, какъ вассальная страна, въ предѣлы Римско-Нѣмецкой имперіи (1002—1004 г.).

Этимъ кончается первый періодъ чешской исторіи, періодъ первобытной славянской жизни. Въ теченіе слѣдующихъ столѣтій, Чехія все болѣе и болѣе втягивается въ міръ западно-европейскій. Продолжительное дробленіе государства на удѣлы и междоусобія удѣльныхъ князей (1055—1197) способствовали, разумѣется, утвержденію вліянія Германіи. Это было время разложенія прежняго славянскаго быта подъ дѣйствіемъ западно-европейскихъ средневѣковыхъ понятій и учрежденій. Прошла наконецъ эта хаотическая эпоха; Чеш-

---

[1]) Болеславъ II умеръ въ 999 г.

ское государство устроилось вновь и могло выступить дѣятельнѣе въ исторіи. Нѣсколько разъ въ теченіе XIII и XIV в. оно поднимается до значительной высоты могущества и вліянія. Но государство Отакаровъ и Карла IV, по своему духу, по гражданскому своему устройству и быту общественному, принадлежитъ уже болѣе латино-германскому Западу, чѣмъ міру славянскому. Оно создало у себя шляхетское сословіе, съ знатными *панами*, которые живутъ въ своихъ замкахъ подобно баронамъ нѣмецкимъ, и съ простымъ рыцарствомъ, которое соревнуетъ съ рыцарями французскими и нѣмецкими въ соблюденіи всѣхъ законовъ и обычаевъ средневѣковаго благороднаго сословія. Оно учредило себѣ города на особомъ нѣмецкомъ правѣ и населило ихъ бюргерами, призванными изъ Германіи; оно наполнило свои владѣнія иностранными колонистами, выгородивъ ихъ изъ общаго земскаго права, и самое право это постепенно приблизило къ началамъ германскаго феодальнаго порядка. Свое древнее славянское вѣче оно превратило въ сколокъ съ средневѣковыхъ западно-европейскихъ сеймовъ благороднаго и мѣщанскаго сословій. Оно стало въ рядъ самыхъ ревностнѣйшихъ католическихъ державъ: Римская церковь, подъ вліяніемъ Германіи водворившаяся въ Чехіи вмѣсто восточнаго исповѣданія, принятаго ею первоначально, во время соединенія съ державою Велико-Моравскою, — Римская церковь мало-по-малу пріобрѣла въ Чешскомъ королевствѣ такія богатства и такое значеніе, какими пользовалась даже не во всѣхъ Германскихъ и Романскихъ земляхъ. Славянскія начала были совершенно подавлены или сглажены въ тогдашней Чехіи. Велика была сила Отакара I, его сына короля Вячеслава, и особенно Отакара II, блистательнаго завоевателя и рыцаря; но ни одинъ изъ этихъ государей не думалъ уже, какъ въ старину ихъ предшественники, воспользоваться своимъ могуществомъ для того, чтобы разорвать ослабѣвшую, при тогдашнемъ упадкѣ императорской власти, цѣпь вассальныхъ отношеній Чешской земли къ Германіи. Напротивъ того, они дорожили титуломъ и правами имперскаго курфирста, политика ихъ была тѣсно связана со всѣми внутренними дѣлами Германіи. А въ XIV вѣкѣ, при Карлѣ IV, Чехія была уже не только вполнѣ западно-европейскимъ государствомъ: она сама сдѣлалась главою «священной Римской имперіи Нѣмецкой націи (heiliges römisches Reich deutscher Nation)»; король Чешскій, вѣнчанный въ Римѣ короною цесарей, сталъ въ челѣ западно-европейскихъ государей, и столица его, старо-славянская Прага, сдѣлалась центромъ политической и умственной жизни Германіи. Чехія до такой степени усвоила себя тогдашнюю западно-европейскую образованность, что стала главнымъ разсадникомъ ея для всѣхъ Нѣмец-

кихъ земель [1]). Мало того, что Чехія въ общественномъ устройствѣ и бытѣ своемъ утратила все славянское; она даже внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, переставала быть славянскою землю, замѣняя славянскій языкъ нѣмецкимъ не только въ общественномъ дѣлопроизводствѣ, но и въ частной жизни и литературѣ. При такомъ положеніи, утрата государственной независимости, какъ естественное послѣдствіе утраты самостоятельности общественной и бытовой, предстояла Чехіи неминуемо. Это было такъ очевидно, что даже самъ государь Чешскій, Карлъ IV, хотя Нѣмецъ родомъ, а воспитаніемъ Французъ, испугался быстраго исчезанія всего того, что обусловливало политическую самобытность Чешской земли, и сталъ противодѣйствовать ея «обезъязыченію» (если можно употребить въ прозѣ слово нашего поэта). Онъ рѣшился возстановить въ Прагѣ изгнанное изъ Чешской земли давнымъ-давно, послѣ долгихъ преслѣдованій, славянское богослуженіе. Это былъ первый признакъ наступающей реакціи. Но могла ли эта реакція перейти въ народъ, вызвать наружу, еще быть можетъ не совсѣмъ угасшія въ его нѣдрахъ, славянскія начала, внести ихъ въ жизнь общественную и возродить ими Чешскую землю? Въ народѣ Чешскомъ дѣйствительно были сѣмена, изъ которыхъ могла возникнуть такая реакція. — Надобно прежде всего замѣтить, что Славяне не были исконными жителями Чешской земли (Боіогема); они ею овладѣли, какъ вооруженные переселенцы, овладѣли ею въ эпоху историческую; а переселенецъ, занявшій чужую землю, естественно стоитъ на сторожѣ, менѣе безпеченъ и податливъ, тщательнѣе бережетъ свое добро и дорожитъ имъ, чѣмъ исконный житель края, человѣкъ, которому и въ голову не приходитъ мысль о необходимости отстаивать свое наслѣдственное достояніе.

„Нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду,
У насъ правда по закону свату,
Ю-же принесеху отци наши
Въ се-же жирне власти презъ три рѣкы"! [2])

Эти замѣчательныя слова донеслись къ намъ изъ глубочайшей древности, изъ Чехіи еще дохристіанской: а могъ ли бы въ ту младенческую эпоху, у какого-бы то ни было народа, а тѣмъ болѣе у воспріимчиваго народа славянскаго, родиться такой ясный, сознательный взглядъ на различіе между своимъ закономъ и чужимъ, на необходимость держаться *своей* правды и не принимать чужой, если бы *своя* правда, *свой* законъ не были именно *принесены* предками,

---

[1]) Пражскій университетъ, основанный въ 1348 г., — первый „въ Германіи".

[2]) „Не похвально намъ искать правды въ Нѣмечинѣ; у насъ правда по святому закону, правда, которую принесли отцы наши въ эти плодородныя страны — черезъ три рѣки".

которымъ не даромъ достался благодатный край Чешскій, если бы отцы и дѣды владѣли имъ испоконъ вѣка? Эта любовь къ *своему* поддерживалась потомъ недружелюбнымъ соприкосновеніемъ съ нѣмецкою стихіею, которая, съ тѣхъ поръ какъ водворилась окончательно въ собственной Австріи (между IX и XI вѣками), а съ другой стороны овладѣла землею Полабскихъ Сербовъ (нынѣшнею Саксоніею, въ X и XI в.) и Силезіею (въ XII и XIII в.), — охватила Чехію съ сѣвера, юга и запада и постоянно грозила поглотить своими растущими волнами славянскую землю, врѣзывавшуюся полуостровомъ въ глубь германскихъ странъ. Тяжелое матеріальное давленіе иноземной стихіи ощущалось народомъ Чешскимъ ежечасно въ продолженіе всего историческаго его развитія, и понятно, что оно питало въ немъ ту чуткость къ опасности отъ враждебныхъ славянству началъ, какая высказалась уже на порогѣ исторіи чешской, въ словахъ, которыя народная пѣснь вложила въ уста вѣщей Любуши. Въ средневѣковой Европѣ (такъ гласитъ мнѣніе, сдѣлавшееся почти общимъ мѣстомъ), чувства народности не было, народность не сознавалась и принципъ ея не имѣлъ вліянія на историческія событія. Но если мнѣніе это не приложимо нигдѣ безъ ограниченій, то въ отношеніи къ Чехіи оно оказывается совершенно ложнымъ. О Чехахъ въ средніе вѣка можно сказать, что идея народности была въ нихъ такъ жива, сознаніе ея такъ развито, какъ въ наше время еще не у многихъ племенъ. По мѣрѣ того, какъ правители Чехіи впутывались въ дѣла Германіи, какъ они и большая часть знати и горожанъ подчинялись господству нѣмецкаго духа, быта и языка, идея народности росла и крѣпла въ людяхъ, предвидѣвшихъ въ отступленіи отъ славянскихъ началъ гибель своей родины, и находила себѣ горячихъ, — мало этого выраженія,—ярыхъ представителей, въ родѣ автора стихотворной хроники, извѣстной подъ именемъ Далимиловой. Писанная въ началѣ XIV вѣка, она дышетъ такимъ славянскимъ патріотизмомъ, такою ненавистью къ овладѣвавшему Чехіею германизму, что многія страницы ея кажутся журнальною полемикой нынѣшняго дня, и еще недавно издать ее въ Прагѣ можно было лишь съ пропусками. Одно уже произведеніе это является важнымъ симптомомъ въ такую эпоху, когда Чехія, судя по ходу ея политической и общественной жизни, готова была (подобно княжествамъ Силезскимъ и Померанскому около того же времени) изъ самобытнаго славянскаго государства сдѣлаться чисто нѣмецкимъ членомъ Германской федераціи, называвшейся священною имперіею. А хроника Далимилова не составляетъ исключенія въ средневѣковой литературѣ чешской. Подобныя выраженія чувствъ славянскаго народнаго патріотизма встрѣчаются и въ другихъ памятникахъ, напр. даже въ сочиненіяхъ

благодушнаго Ѳомы Щитнаго, лучшаго писателя до-гуситской Чехіи, замѣчательнаго философа своего времени (жилъ во второй половинѣ XIV вѣка). Явно, что въ тогдашней Чехіи славянскій духъ еще не умеръ, что онъ, напротивъ, находилъ себѣ сознательное выраженіе въ оппозиціи противъ торжествующаго вліянія иноземныхъ началъ. Уже по одному тому, что участь Чеха простолюдина, и особенно земледѣльца, страшно ухудшилась подъ дѣйствіемъ общественнаго устройства, принятаго отъ Германіи,—слѣдуетъ предполагать, что оппозиція эта пользовалась сочувствіемъ народной массы. Мы должны сказать болѣе: она была голосомъ чешскаго простонародія, представительницею его мысли; это яснѣе всего доказываютъ дальнѣйшія событія.

Но преданность своему, потому только, что оно свое, отвращеніе къ чужому, потому только, что оно чужое, ничего не произведутъ. И народная оппозиція въ средневѣковой Чехіи, конечно, ничего бы не произвела, если бы подобно тому, какъ было между Славянами на Балтійскомъ поморьѣ и въ другихъ мѣстахъ, оппозиція эта оставалась при одной ненависти къ чужому, при одномъ сопротивленіи нѣмецкой гражданственности, — если бы въ Чехіи народное начало не воплотилось въ положительной идеѣ, сдѣлавшейся его знаменемъ, предметомъ его вѣрованій и стремленій. Ибо народъ, когда онъ погибаетъ, можетъ быть вызванъ къ жизни только силою вѣры въ идею, которая дастъ ему историческое дѣло, которая, показавъ ему цѣль, одушевитъ его на подвигъ. И нужно еще, чтобы эта идея не была сама по себѣ устранена, обречена на гибель развитіемъ человѣчества. Въ исторіи славянской сравнимъ съ Чехами племя Силезское и Поморянъ; не оружіе Германіи, а ея духъ, ея общественныя начала овладѣли ими въ XIII и XIV вѣкѣ, точно также какъ Чехіею; но какую идею, какое знамя они ей противопоставляли? Никакого, развѣ только то, что они были Славяне, а не Нѣмцы; и племена эти (числомъ едва ли уступавшія Чехамъ, а по своему положенію находившіяся въ гораздо меньшей опасности) вымерли, ничѣмъ не ознаменовавъ себя въ исторіи. Сравнимъ съ Чехами славянскія племена, занимавшія все пространство между Эльбой и Одрой и которыя Германія истребила до послѣднихъ слѣдовъ. Матеріально, они составляли массу, не въ примѣръ сильнѣйшую, чѣмъ Чехи. Боролись они съ невѣроятнымъ мужествомъ четыреста лѣтъ; но боролись за отжившее язычество противъ христіанской земли, за устраненную уже во всей тогдашней Европѣ старую племенную свободу противъ страны, сознавшей свое народное и государственное единство.

II.

Преданіе Восточной вселенской церкви въ Чехіи. — Вліяніе Пражскаго университета. — Виклефъ. — Появленіе Гуса.

Идею, воскресившую Чешскій народъ въ началѣ XV вѣка, дала религія. Идея эта не была плодомъ личнаго умозрѣнія, а жила въ Чешскомъ народѣ какъ преданіе, болѣе или менѣе затемнявшееся, но никогда не угасавшее: это было преданіе о христіанствѣ *вселенскомъ*, свободномъ отъ тѣхъ стихій, которыя сдѣлали изъ Западной церкви въ средніе вѣка ѳеократическую монархію, исключительно принадлежавшую семьѣ народовъ Романскихъ и Германскихъ. Въ созданіи этой монархіи Славяне не участвовали, и принимались въ нее не какъ братья и граждане, а какъ варвары и подданные, въ римскомъ смыслѣ этихъ словъ: barbarae, subjectae nationes. Присоединяясь къ латинской церкви, Славянинъ тѣмъ самымъ поступалъ подъ власть не только духовнаго главы союза Западныхъ народовъ, но и его свѣтскаго главы, Римско-Германскаго императора. Такъ было съ Чехіею, и этого ига ей не удавалось свергнуть; она даже сроднилась съ нимъ до такой степени, что вассальная зависимость отъ Германской имперіи сдѣлалась для Чешской земли однимъ изъ коренныхъ основаній ея государственнаго права и политическихъ отношеній. Такъ было съ княжествами Поморскими, съ землею Лужицкою, съ Каринтіей и др., гдѣ католицизмъ повлекъ за собою не только политическое, но и полное общественное господство нѣмецкой стихіи. Такъ было даже съ отдаленной Польшей, которой не мало труда стоило избавиться отъ вассальныхъ отношеній къ Нѣмецкому государству, создавшихся въ силу самаго обращенія ея въ католицизмъ [1]. Вотъ внѣшняя причина, почему Римская церковь Славянъ отъ себя отталкивала; а внѣшнему характеру ея соотвѣтствовали и внутрен-

[1]) Германія простирала свои притязанія и на прочія земли Славянъ католиковъ, на королевство Хорватское и на Далмацію; но эти земли вскорѣ подпали подъ непосредственную зависимость отъ другихъ, католическихъ же державъ, Венгріи и Венеціи. Отъ первой, какъ извѣстно, вслѣдствіе принятія ею католицизма, Римско-Нѣмецкіе императоры вначалѣ требовали признанія ихъ верховныхъ правъ, а Венеція входила, хотя не непосредственно, въ составъ той священной монархіи, главами которой были императоръ и папа.

нія свойства, — аристократическій духъ устройства церковнаго, исключеніе народа изъ церковной жизни самимъ богослужебнымъ языкомъ, преобладаніе иноземнаго, римско-нѣмецкаго права и быта, которое сопровождало католицизмъ во всѣ славянскія земли, куда онъ только проникалъ. Иныя племена славянскія, которыя, прямо изъ язычества вступивъ въ Западную церковь, не знали христіанства въ другой формѣ, могли съ этой церковью свыкнуться: христіанская основа религіи удовлетворяла ихъ чувству, — и чуждыя, римско-нѣмецкія, стихіи, привитыя къ этой основѣ, вмѣстѣ съ нею внѣдрялись въ ихъ жизнь и духъ: самый разительный примѣръ представляетъ Польша. Но не то было у Чеховъ. Они знали про другое христіанство, нежели какое господствовало въ ихъ землѣ и главами котораго были Римскій папа и Нѣмецкій цесарь. Они знали про первобытную вселенскую церковь, и знали, что современный католицизмъ не есть эта церковь. Обратили ихъ въ христіанство люди, пришедшіе съ востока, принесшіе съ собою священныя книги на языкѣ славянскомъ, на немъ совершавшіе богослуженіе, учившіе христіанской вѣрѣ не такъ, какъ учили проповѣдники изъ Германіи и Италіи; даже внѣшніе обряды религіозные были у нихъ не тѣ, и обряды служенія первыхъ вѣроучителей, сопровождаемые священными словами, народу понятными, не легко уже могли изгладиться изъ его памяти [1]). Въ концѣ IX вѣка Чехи приняли христіанство, какъ принесли его изъ Греціи и Болгаріи Кириллъ и Меѳодій, — и только чрезъ сто лѣтъ, въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, католицизмъ, подчиняя себѣ Чехію по мѣрѣ того, какъ она подчинялась Германіи, утвердился въ ней окончательно; только черезъ двѣсти лѣтъ, въ 1096 году, изъ нея вытѣснено было богослуженіе по древнимъ православнымъ книгамъ славянскимъ. Вотъ изъ какого источника шло въ Чешскомъ народѣ преданіе о какой-то лучшей, ближайшей къ христіанской истинѣ церкви, нежели та, которая у него господствовала и которую наложила на него Германія вмѣстѣ съ своею верховною властію, своимъ бытомъ, своими ненавистными для славянскаго племени учрежденіями. Прошедшее завѣщало Чешскому народу въ области религіозной — идеалъ, и этотъ идеалъ долженъ былъ храниться тѣмъ крѣпче и живѣе, что онъ, вслѣдствіе всѣхъ историческихъ обстоятельствъ, находился въ неразрывной связи съ подавленными въ Чешскомъ государствѣ стихіями славянской народности, подобно тому, какъ ка-

[1]) Такъ Чехи никакъ не могли привыкнуть къ принятію причастія подъ однимъ видомъ хлѣба, и еще въ XIV в., т. е. до появленія Гуса, стремились возстановить „чашу“ въ причастіи. Въ XIV же вѣкѣ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ чешскихъ, Матвѣй изъ Янова, по словамъ древняго сказанія, совершалъ богослуженіе по греческому обряду.

толицизмъ, съ другой стороны, воплощалъ въ себѣ начала Западнаго міра, грозившія ей окончательнымъ истребленіемъ.

Вліяніемъ древняго религіознаго преданія, жившаго въ народѣ Чешскомъ, объясняется между прочимъ и то, что императоръ Карлъ IV, въ видахъ уступки національному чувству своихъ подданныхъ, прибѣгнулъ именно къ возстановленію въ Прагѣ славянскаго богослуженія, — хотя онъ, ревностный католикъ, сдѣлалъ это не иначе, какъ съ ограниченіями, предписанными папою, и съ сохраненіемъ римскихъ догматовъ. Но эта внѣшняя уступка, разумѣется, не могла удовлетворить стремленіямъ чешской народности, которая, съ быстрымъ въ то время развитіемъ образованности въ краѣ, укрѣплялась все болѣе и болѣе силою самосознанія. Ибо образованность губитъ только тѣ народности, которыя не имѣютъ внутренней жизни, не сознаютъ въ себѣ идеальной задачи: только эти народности охраняются невѣжествомъ и исчезаютъ при соприкосновеніи съ просвѣщеніемъ. Но та народность, которая одушевлена идеею и ощущаетъ въ себѣ силу для ея осуществленія, вызывается просвѣщеніемъ къ сознанію своей задачи и къ дѣятельности, неминуемому слѣдствію такого сознанія. Такъ и народность чешская, хранившая безсознательно идею, данную ей предшествующими вѣками, только тогда ее поняла и устремилась за нею, когда въ странѣ разлилось образованіе, благодаря въ особенности основанному Карломъ IV университету, который сдѣлался тотчасъ умственнымъ средоточіемъ не только самой Чехіи, но и сосѣднихъ странъ, Германіи, Польши, Венгріи. Въ XIV вѣкѣ уже зашевелились на Западѣ вопросы объ исправленіи церкви. Мысли Запада становились достояніемъ образованныхъ Чеховъ; но тамъ, на Западѣ, идеи реформаторовъ оставались, пока, неприложимою мечтою; въ Чехіи слова Англичанина Виклефа, которыя въ самой Англіи замерли безъ отголоска, — въ Чехіи слова этого ученаго, отвергавшаго авторитетъ папы, требовавшаго согласованія существующей церкви съ коренными началами христіанства, сдѣлались голосомъ народнымъ: ибо въ Чехіи почва была готова, живое преданіе хранило образъ искомой церкви и ожидало сознательнаго выраженія. Уже до появленія сочиненій Виклефа, проповѣдники чешскіе [1]), увлекавшіе за собою народъ цѣлыми толпами, высказывали мысли, отрицавшія самыя начала католицизма. Наконецъ, явился Иванъ Гусъ (род. 1369 г.), вышедшій изъ среды простаго народа (сынъ земледѣльца) и при этомъ достигшій въ Пражскомъ университетѣ высшихъ

[1]) Какъ то: Миличь изъ Кромѣрижа (умеръ 1374) и его ученикъ Матвѣй изъ Янова, о которомъ мы уже упомянули. Миличь изъ Кромѣрижа замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что онъ сталъ проповѣдывать по-чешски, тогда какъ прежде проповѣдники, разсчитывавшіе въ Чехіи на успѣхъ, говорили свои слова по-нѣмецки.

ученыхъ степеней. Онъ провозгласилъ опредѣленно и безусловно идею возстановленія вселенской апостольской церкви и съ тѣмъ вмѣстѣ славянской народности въ Чехіи [1]. Огромный переворотъ наступилъ въ жизни Чешскаго народа.

III.

Характеръ гуситства. — Его различіе отъ протестантизма.

Мы объяснили себѣ происхожденіе гуситства двумя стихіями. Съ одной стороны, стихія, такъ сказать, внѣшняя и личная: это развитіе въ странѣ образованія, выставлявшее ощутительнѣе злоупотребленія современной латинской церкви и потребность ея исправленія, вліяніе западныхъ идей, между прочимъ, сочиненій Виклефа и т. п. Съ этой стороны, Гусъ, равно какъ его предшественники и послѣдователи, являются какъ бы протестантами, личными нововводителями въ церкви, — и съ этой исключительно точки зрѣнія смотрятъ на нихъ нынѣшніе Чехи и всѣ западные писатели. Но безконечно важнѣе внутренняя, народная стихія, источникъ жизни и силы личныхъ представителей народной идеи чешской, основа и идеальная цѣль всего движенія, обозначаемаго въ исторіи именемъ Гуса. Эта стихія намъ уже извѣстна, — мы видѣли, откуда она взяла свое начало. Ея присутствіе даетъ гуситству характеръ совершенно своеобразный, существенно отличный отъ позднѣйшаго западнаго протестантизма. Посудимъ объ одномъ: западный протестантизмъ, созданный Лютеромъ и Кальвиномъ, не ограничился однимъ народомъ, а водворился во многихъ странахъ, столь различныхъ между собою, какъ Англія и Венгрія, Франція, Германія и Польша; но нигдѣ, непосредственно, не совершалъ внутренняго общественнаго переворота, не потрясалъ существующаго государственнаго порядка и оставался, вначалѣ, въ области исключительно религіозной. Гуситство, напротивъ того, не распространилось за предѣлы земли Чешской [2] и даже

---

[1] Что дѣятельность Гуса не была исключительно сосредоточена на вопросахъ религіозныхъ, и что онъ имѣлъ въ виду *непосредственно* и славянскую народность въ своемъ отечествѣ, явствуетъ изъ всей его жизни и сочиненій.

[2] Разумѣемъ подъ этимъ именемъ и нераздѣльно связанную съ Чехіею Моравію; отчасти гуситство перешло и къ Словакамъ, народность которыхъ почти тождественна съ чешско-моравскою.

тамъ принято было единственно природными Чехами. Хотя, повидимому, потребность религіозной реформы могла быть одинаково ощутительна всѣмъ жителямъ края, и Нѣмцы, обитавшіе десятками тысячъ въ Чехіи, составляли въ ней элементъ, относительно болѣе развитый, чѣмъ туземцы-Славяне [1]), однако же ни одинъ Нѣмецъ не сдѣлался послѣдователемъ Гуса. А съ другой стороны, проповѣдь чешскаго реформатора, при такихъ тѣсныхъ предѣлахъ вліянія, захватывала жизнь несравненно глубже, чѣмъ нѣмецкій протестантизмъ: она произвела въ Чехіи немедленно полный переворотъ, не только религіозный, но также и политическій и общественный, она какъ бы переродила въ одно мгновеніе весь народъ Чешскій. Отчего же такое существенное различіе въ дѣйствіи той и другой церковной реформы? Западный протестантизмъ былъ, какъ намъ кажется, реакціей личной религіозной мысли передовыхъ людей своего времени противъ церковнаго авторитета Рима: такимъ образомъ, онъ не затрогивалъ непосредственно ничего, кромѣ церкви, но и распространялся за то вездѣ, гдѣ мысль его творцовъ, по религіозному состоянію и степени образованности страны, могла найти себѣ отголосокъ; распространялся притомъ всегда сверху внизъ, отъ аристократіи и горожанъ переходя (а часто и не въ силахъ будучи перейти) въ народъ. Гуситство, съ другой стороны, было реакціей подавленной народности, нашедшей себѣ проявленіе въ мысли религіозной; и такова причина, почему дѣло Гуса охватило все, что было въ землѣ Чешской, и религію, и правительство, и общество, однимъ словомъ, весь существующій порядокъ вещей. Но по тому же самому, внѣ предѣловъ народности, которой оно было выраженіемъ, и въ людяхъ, не принадлежавшихъ къ этой народности, хотя жившихъ въ той же землѣ, гуситство не могло имѣть послѣдователей; и Германія, которая такъ скоро потомъ сдѣлалась главною представительницею протестантизма, не только не привѣтствовала съ сочувствіемъ освобожденія религіозной мысли въ Чехіи, но, напротивъ того, встрѣтила гуситское движеніе съ самою яростною враждою, съ враждою, въ полномъ смыслѣ народною [2]): ибо именно Германія наложила на Чешскій народъ тѣ стихіи, противъ которыхъ гуситство было реакціей. Наконецъ, еще замѣчательная черта различія: западный протестантизмъ, какъ мы сказали, становился сперва достояніемъ высшихъ классовъ, и иногда оставался при нихъ и не проникалъ въ простой народъ; а чешская религіозная реформа, обозначенная именемъ Гуса, сдѣлалась

---

[1]) Нѣмцы составляли по преимуществу городское, промышленное населеніе; Славяне — сельское, земледѣльческое.

[2]) Любопытно въ этомъ отношеніи прочесть отзывы о гуситахъ современныхъ нѣмецкихъ писателей, напримѣръ Эшенлёра.

тотчасъ исповѣданіемъ простолюдиновъ, — въ аристократіи же нашла немного приверженцевъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему опредѣленію характера обоихъ религіозныхъ движеній, чешскаго и западно-европейскаго; и можно ли, при всемъ этомъ, не признать ихъ явленіями, существенно различными? Можно ли, какъ привыкли говорить западные писатели, считать гуситство какимъ-то недодѣланнымъ предшественникомъ нѣмецкаго протестантизма?

Какъ гуситство было проявлéніемъ одной народности, такъ и самая религіозная идея, въ немъ заключавшаяся, принадлежала исключительно этой народности и отличалась отъ религіозной идеи позднѣйшаго нѣмецкаго протестантизма. Протестантизмъ былъ раціоналистическимъ преобразованіемъ цѐркви, гуситство — стремленіемъ возсоздать въ ней то, что существовало въ народѣ, какъ дѣйствительное преданіе минувшаго. Все предыдущее развитіе чешской исторіи, нами изложенное въ главнѣйшихъ чертахъ, указываетъ на этотъ источникъ гуситскаго движенія, и всякое сомнѣніе, собственно съ богословской точки зрѣнія, которой мы не касались, устранено учеными изслѣдованіями одного нашего соотечественника [1]). Ссылаясь на него, мы здѣсь не станемъ вдаваться въ разборъ догматическихъ мнѣній Гуса, и укажемъ только на одинъ фактъ, мелкій, но который тѣмъ разительнѣе указываетъ на основу преданія въ гуситствѣ. Между прочими упреками церкви латинской, гуситы всегда выставляли то, что она не допускаетъ причащенія младенцевъ; какъ скоро Чехи свергали съ себя власть Рима, они тотчасъ приносили младенцевъ къ причастію, и когда, впослѣдствіи, начались переговоры о примиреніи гуситскаго исповѣданья съ католицизмомъ, то они постоянно требовали, чтобы за ихъ церковью признано было право причащенія младенцевъ. И съ такою настойчивостью повторяли Чехи это требованіе, что, очевидно, причащеніе младенцевъ было у нихъ обычаемъ дорогимъ народу и съ которымъ онъ уже не хотѣлъ разстаться. Представимъ себѣ: мыслимо ли это въ средѣ, ищущей раціоналистической реформы въ церкви? Ясно, что причащеніе младенцевъ предполагаетъ безусловную, непосредственную вѣру въ таинство, въ его дѣйствіе на человѣка, если только онъ самъ не отвергаетъ его актомъ сознанія (мыслію или дѣломъ). Раціонализмъ, напротивъ, прикоснувшись къ ученію о таинствѣ, непремѣнно захочетъ — не распространить его, какъ дѣлали Чехи, а ограничить, поставить въ зависимость отъ сознанія человѣка. Такъ Римская церковь, вѣрная юридическому раціонализму древняго Рима, весьма естественно отвергла причащеніе въ возрастѣ безсознательномъ; а про-

[1]) Г. Новикова, „Гусъ и Лютеръ“.

тестантскія секты, чтобы быть вполнѣ послѣдовательными, еще более ограничили доступъ къ евхаристіи, требуя для него не только возраста способнаго къ сознанію, какъ Римъ, но дѣйствительнаго сознанія, доказаннаго испытаніемъ, которое составляетъ сущность конфирмаціи. Одна только церковь Восточная сохранила обычай первобытнаго христіанства, которое, съ своею непосредственною вѣрою въ завѣщанное Христомъ таинство, допускало къ нему и младенцевъ. И когда мы знаемъ, что Чехи-гуситы XV столѣтія стояли грудью за этотъ обычай, что причащеніе младенцевъ было однимъ изъ тѣхъ предметовъ вѣры, за которые цѣлый народъ проливалъ потоками кровь свою, то можно ли не признавать древняго, пришедшаго съ Востока, религіознаго преданія, ожившаго въ гуситствѣ, и позволительно ли толковать о немъ, какъ о проявленіи личнаго раціонализма и нововводительства въ церкви [1])?

Конечно, личный раціонализмъ все болѣе и болѣе прививался къ гуситству, по мѣрѣ того, какъ оно было призвано къ практическому осуществленію своихъ идей, и съ теченіемъ времени овладѣлъ имъ совершенно,—мы сейчасъ увидимъ, по какимъ причинамъ. Но не въ немъ, повторяемъ, былъ источникъ религіознаго и политическаго переворота, потрясшаго Чехію въ началѣ XV вѣка, а въ народѣ, и въ тѣхъ стихіяхъ, которыя онъ хранилъ по преданію, въ стихіи перво-

---

[1]) Чешскіе историки, писавшіе о гуситствѣ, слишкомъ мало обращали вниманіе и на слѣдующій, весьма знаменательный фактъ. Вѣрнѣйшій другъ и ученикъ Гуса, его товарищъ въ жизни и на мученическомъ кострѣ, Іеронимъ Пражскій, не задолго до своей смерти, совершилъ путешествіе въ Литву и Русь. Положимъ, что его влекло на Востокъ не преданіе народное, а личное желаніе познакомиться съ тамошнимъ христіанствомъ (чего, надобно замѣтить, мы не видимъ ни въ комъ изъ основателей собственно протестантскихъ сектъ). Однако путешествіе Іеронима не ограничилось наблюденіями иновѣрца надъ Восточною церковью: въ Витебскѣ и Псковѣ онъ открыто сталъ въ общину православныхъ, вмѣстѣ съ ними принималъ причастіе, въ спорахъ съ католиками защищалъ Восточную церковь, какъ истинную, — чѣмъ и причинилъ такой соблазнъ въ Литвѣ, что эти поступки были поставлены Констанцскимъ соборомъ въ число важнѣйшихъ обвиненій, на основаніи которыхъ соборъ приговорилъ его къ смертной казни. Спрашивается: могъ ли протестантъ-нововводитель въ Римской церкви, человѣкъ, относившійся къ ней единственно съ точки зрѣнія личнаго раціонализма, до такой степени *забыться*, отречься отъ своего характера, чтобы прямо вступить въ другую историческую церковь, еще болѣе дорожившую преданіемъ, еще менѣе податливую на личное нововводительство, чѣмъ Римская церковь? Нѣтъ сомнѣнія: Іеронимъ, также мало, какъ его учитель Гусъ, былъ протестантъ-нововводитель. Преданіе указывало ему на Востокъ, какъ на источникъ древней народной вѣры Чеховъ; пріѣхавъ въ среду православныхъ, онъ ощутилъ себя въ родной семьѣ церковной; ему даже не нужно было особеннаго акта обращенія (иначе переходъ въ православіе столь знаменитаго въ свое время богослова былъ бы, безъ сомнѣнія, торжественно заявленъ); онъ просто пріобщился къ исповѣданью, котораго и прежде не считалъ себя чуждымъ. Если же путешествіе Іеронима на Востокъ не принесло особенныхъ плодовъ, то причина въ томъ, что онъ по возвращеніи попалъ тотчасъ въ Констанцскую тюрьму, а оттуда на костеръ.

бытнаго христіанства, предшествовавшаго въ Чехіи водворенію католицизма и имъ подавленнаго, и въ стихіи славянской народности, забитой вліяніемъ Германіи. И эти-то двѣ стихіи, уже прежде не разъ напоминавшія о своемъ существованіи, вырвались на поприще исторіи въ краснорѣчивомъ словѣ и въ еще болѣе краснорѣчивой жизни и смерти Гуса: то, что таилось въ безмолвіи чешскихъ деревень, какъ преданіе, или высказывалось какъ требованіе въ томъ или другомъ частномъ вопросѣ, нашло въ немъ сознательное и полное выраженіе. Гусомъ поднято было знамя, вокругъ котораго народъ Чешскій могъ собраться для дѣйствія.

IV.

Гуситскія войны и ихъ результатъ.

Но Чешскій народъ, по своей малочисленности, при вещественномъ перевѣсѣ и нравственномъ господствѣ приковавшей его къ себѣ Западной Европы, не былъ въ состояніи переработать чужое, его тѣснившее, мирнымъ, правильнымъ развитіемъ своихъ славянскихъ началъ: вмѣсто того, чтобы преодолѣть, поглотить, уничтожить ей несвойственныя начала, славянская стихія въ Чехіи, напротивъ, подавлялась все болѣе и болѣе въ то самое время, когда государство Чешское стояло на высотѣ политическаго могущества. Что же могла сдѣлать славянская стихія въ Чехіи? Ей оставался тотъ отчаянный исходъ, къ которому бросаются народы, когда тяготѣющее надъ ними зло таково, что мирнымъ и правильнымъ развитіемъ оно ослаблено и уничтожено быть не можетъ: Чешскому народу оставались средства насильственныя, революціонныя. Когда Гусъ, поднявшій голосъ за возстановленіе вселенскаго преданія въ церкви и за права чешской народности передъ иноземными стихіями, былъ сожженъ въ Германіи соборомъ Западной Европы (1415 г.), Чехи возстали и бросились истреблять насильственно тò, чтò въ теченіе столѣтій накопилось въ ихъ землѣ римско-католическаго и нѣмецкаго. Время, наступившее послѣ смерти Гуса, имѣетъ вполнѣ значеніе революціи и по своему характеру совершенно сходствуетъ съ тѣми революціями, какія вспыхнули потомъ на Западѣ, въ Англіи въ XVII вѣкѣ, во Франціи въ XVIII-мъ. Это была первая въ новомъ европейскомъ мірѣ и, надобно замѣтить, единственная въ мірѣ Славянскомъ революція въ соб-

ственномъ смыслѣ этого слова, т. е. насильственное и внезапное ниспроверженіе самимъ народомъ существовавшаго въ странѣ общественнаго порядка [1]). Согласно общему духу того времени и особеннымъ условіямъ исторической жизни Чешскаго народа, революція эта имѣла, мы знаемъ, главнымъ предметомъ и главною цѣлію вѣру; но она далеко не ограничилась областью церковною. Время гуситскихъ войнъ (1419—1434) ознаменовалось и изгнаніемъ законнаго государя, и ниспроверженіемъ всего прежняго общественнаго порядка, и поголовнымъ истребленіемъ или изгнаніемъ нѣмецкаго населенія, водворившагося въ Чехіи, и попытками уничтожить неравенство сословій, и поползновеніями къ комунизму. Подъ самосозданнымъ правленіемъ Жижки и Прокопа отброшены были всѣ условія средневѣковой общественной жизни, и простолюдинъ становился рядомъ съ рыцаремъ— и въ военномъ строю и въ общественномъ сходѣ. А что борьба велась не только за вѣру, но и за народность чешскую и вообще славянскую, и что сами бойцы того времени это сознавали, — о томъ свидѣтельствуютъ ихъ собственныя выраженія въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ. — Тогдашняя Чехія, какъ и другія земли въ эпохи революціи, наводитъ на умъ черезчуръ избитое, но вѣрное сравненіе съ вулканическимъ взрывомъ: наибольшая сила огня пожирается внутреннимъ кипѣньемъ, подъемомъ скалъ, бореніемъ стихій; но ничто не можетъ противостать тѣмъ раскаленнымъ потокамъ, которые огнедышащая гора извергаетъ во всѣ стороны. Вспомнимъ внутренніе ужасы революціонной Франціи конца XVIII вѣка и тѣ четырнадцать армій, которыя она, во время самаго страшнаго разгара междоусобій и казней, во время полнаго банкротства и анархіи, посылала побѣждать всѣ сосѣднія державы. Такою же точно представляется и революціонная Чехія начала XV вѣка: внутри раздоръ, кровопролитіе, жестокости и казни безъ счету, поддѣлка денегъ [2]), всеобщее разореніе,—и въ то же время дивное одушевленіе противъ враговъ, побѣды неимовѣрныя! По свидѣтельству современника, Чешская земля въ эту пору потеряла треть своего населенія; но весь Западный міръ не могъ одолѣть одного небольшаго народа! Со всѣхъ своихъ концовъ скликала католическая Европа крестовыхъ воиновъ противъ «заклятыхъ враговъ церкви и языка нѣмецкаго»; года проходили въ непрестанномъ бою; стотысячныя арміи—

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь революцію именно въ этомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ возстанія противъ чужаго правительства или чужаго господствующаго племени,—что въ наше время такъ часто и такъ несправедливо называютъ или клеймятъ именемъ революціи.

[2]) Совершенно тоже, что въ наше время называется государственнымъ банкротствомъ. Революціонное правительство чешское чеканило деньги изъ олова или желѣза и выпускало ихъ по обязательной цѣнѣ серебряныхъ денегъ.

лучшія силы всей Германіи и Венгріи съ союзниками, приходившими на помощь даже изъ отдаленнѣйшихъ государствъ католическихъ,— гибли подъ кованными желѣзомъ цѣпами, которые геніальный полководецъ далъ въ руки чешскимъ простолюдинамъ, или разбѣгались передъ ихъ крѣпкимъ строемъ: католическія націи высылали новыя арміи, и эти арміи въ свою очередь гибли. Чехи наконецъ перенесли войну въ сосѣднія Нѣмецкія земли, и принудили соборъ Западной Европы искать перемирія и соглашенія съ «бунтовщиками», отвергнувшими все то, что было основаніемъ вѣры и общественнаго порядка для тогдашняго западнаго человѣчества.

Таковы были эти гуситскія войны, величайшій (въ соразмѣрности съ силами) подвигъ мужества, когда-либо совершенный славянскимъ народомъ. Характеръ ихъ, повторяемъ, въ полномъ смыслѣ революціонный: это былъ полнѣйшій переворотъ въ судьбѣ Чешской земли; это былъ внезапный взрывъ задавленной тамъ славянской стихіи, которую воздвигла, какъ общее знамя, идея первобытной христіанской церкви, развившись изъ преданія, оставленнаго въ народѣ проповѣдью древнихъ Восточныхъ учителей; это былъ отчаянный порывъ — низвергнуть то, что наложено было на Чешскую землю вѣковымъ господствомъ западной религіи и западныхъ общественныхъ началъ, и возстановить первоначальную вѣру и славянскую народность. Этотъ характеръ гуситскихъ войнъ слишкомъ мало сознается теперь Чехами, стоящими на церковной почвѣ исключительно римско-католической и нѣмецко-протестантской. Оттого они, и даже великій ихъ историкъ Палацкій, не довольно ясно, какъ намъ кажется, видятъ историческую необходимость гуситской революціи въ жизни Чешскаго народа, и представляютъ себѣ этотъ громадный переворотъ чѣмъ-то случайнымъ, навѣяннымъ внѣшними вліяніями (такимъ является онъ и у Палацкаго); иные же оплакиваютъ это событіе, даже не съ строго-католической точки зрѣнія, а въ смыслѣ патріотическомъ, полагая, что Чешскій народъ развился бы могущественнѣе и правильнѣе, если бы не своротилъ съ пути, по которому шелъ до Карла IV. Внѣшній блескъ Чешскаго государства при Карлѣ IV заставляетъ ихъ забывать, что въ это самое время народъ Чешскій находился, такъ сказать, въ виду смерти, что онъ готовъ былъ угаснуть мирнымъ перерожденіемъ въ нѣмецкую народность, какъ случилось въ ту же эпоху съ Славянами въ Силезіи и Помераніи (которые, также какъ Чехи, не были завоеваны Германіей, а подчинились ея общественнымъ и нравственнымъ стихіямъ, и находились притомъ подъ властію своихъ природныхъ, славянскихъ по происхожденію, династій). Плодомъ гуситской революціи было не только то, что Чешскій народъ, свергнувъ съ себя господство чу-

железемныхъ началъ, завоевалъ себѣ на два вѣка общественную самостоятельность; революція эта не только стяжала ему славу великаго нравственнаго подвига освобожденія отъ ига средневѣковой жизни, который не пропалъ даромъ для всего человѣчества; нѣтъ: если народность Чешская, засыпавшая уже предсмертнымъ летаргическимъ сномъ въ XIV вѣкѣ, уцѣлѣла и сохраняетъ еще свою жизненность въ XIX-мъ, не смотря на всѣ бывшія гоненія и бѣдствія, то,—надобно сказать рѣшительно,—Чехи этимъ обязаны гуситской революціи, которая въ нихъ, племени одинокомъ и слабомъ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ чужими стихіями, подавленномъ въ своей собственной землѣ нѣмецкою культурою и массою нѣмецкихъ жителей, оставила на всѣ вѣка зародышъ недовѣрія и оппозиціи къ западнымъ элементамъ и стремленія къ нравственной самостоятельности. Результатъ гуситской революціи былъ несомнѣненъ и великъ для Чеховъ въ отношеніи къ ихъ народности и къ ея духу. Но могла ли она достигнуть тѣхъ цѣлей, религіозныхъ и политическихъ, къ которымъ стремилась непосредственно? Задача была не по силамъ такому маленькому народу и при такомъ непомѣрномъ перевѣсѣ враждебныхъ началъ. Взглянемъ на обѣ стороны этой задачи, религіозную и политическую.

V.

Религіозное развитіе Чехіи послѣ Гуса. — Стремленіе къ Восточному православію. — Табориты; Чешскіе братья. — Чашники. — Базельскіе компактаты. — Сліяніе съ протестантами.

Была ли возможность Чехамъ осуществить мысль Гуса и, какъ мечталъ великій учитель, воздвигшій свой народъ къ новой жизни, возсоздать первобытную церковь вселенскую? Гдѣ могли они найти необходимую для этого историческую точку опоры, то живое преданіе, безъ котораго всякій строилъ бы зданіе церковное по своему усмотрѣнію и, если бы удалось достигнуть какого нибудь единства, то лишь сдѣлкою или условнымъ признаніемъ авторитета того или другаго богослова. Словомъ, могло ли гуситство, по происхожденію своему столь далекое отъ началъ протестантизма, не проявиться на дѣлѣ протестантскою сектою?

Собственное преданіе народное указывало Чехамъ на Востокъ,

какъ на источникъ ихъ первобытной вѣры. Дѣйствительно, одинъ Востокъ могъ дать искомую точку опоры христіанскаго исповѣданія, свидѣтельствовавшаго о себѣ внутреннимъ авторитетомъ своего неизмѣннаго преданія и своего единства. И туда-то, на Востокъ, на земли православныя, обращали Чехи свои взоры, въ надеждѣ получить оттуда желанный свѣтъ божественной истины. Исторія гуситства показываетъ цѣлый рядъ попытокъ сблизиться съ церковью Восточною, чтобы въ ней найти живое свидѣтельство первобытнаго христіанства. Еще при жизни Гуса, его неизмѣнный товарищъ и любимый ученикъ, Іеронимъ Пражскій, ѣдетъ въ Литовскія и Русскія земли; въ Витебскѣ и Псковѣ онъ всенародно пріобщается къ православной церкви. Но, по возвращеніи оттуда, онъ тотчасъ попадаетъ въ тюрьму и на костеръ: дѣло остается безъ послѣдствій. Потомъ Чехи безпрестанно ищутъ связи съ православными жителями земли Галицкой, упорно добиваются непосредственныхъ (помимо католической Польши) сношеній съ полу-русскою Литвою и съ ея, въ то время почти православнымъ, дворомъ, предлагаютъ престолъ св. Вячеслава князьямъ Литовскимъ. Этотъ народъ, только что завоевавшій себѣ свободу, съ восторгомъ отдаетъ правленіе земли своей безвѣстному юношѣ, сыну православнаго Новгородъ-Сѣверскаго князя Дмитрія Ольгердовича Корибута, котораго государю Литовскому Витовту заблагоразсудилось отправить къ Чехамъ, какъ своего представителя. Самъ Жижка, покрытый славою непобѣдимости, неограниченный диктаторъ Чехіи, безпрекословно подчиняется пришельцу изъ Литвы. Но преданная Риму Польша и преимущественно польское духовенство, — вмѣшательствомъ своимъ пресѣкаютъ эту связь, заставляютъ Витовта отказаться отъ сближенія съ гуситами, отозвать изъ Чехіи своего намѣстника. Чехи не отчаяваются и задумываютъ войти въ непосредственное единеніе съ церковью Константинопольскою. Наконецъ, цѣль, кажется, достигнута: представители Константинопольской церкви убѣдились въ полномъ согласіи гуситовъ [1]) съ вѣрованіями православныхъ и торжественною грамотою принимаютъ Чеховъ въ лоно православной церкви. Но едва грамота подписана и отправлена, Константинополь дѣлается добычею Турокъ, и здѣсь опять связь порвана. Сама судьба какъ будто преслѣдовала всѣ попытки Чеховъ стать на почву Восточнаго христіанства. Дѣло въ томъ, что самая мысль эта, отъ которой однако такъ много зависѣло для Чеховъ, завѣтъ ихъ прошлаго и единственный исходъ къ достиженію цѣли ихъ религіознаго стремленія,—самая мысль эта, говоримъ, была въ ту эпо-

---

[1]) Именно такъ называемыхъ Чашниковъ, непосредственныхъ послѣдователей ученія Гусова: они составляли значительное большинство гуситовъ.

ху практически-неисполнима. XV вѣкъ былъ временемъ крайняго затемнѣнія православнаго Востока. За Дунаемъ православные Славяне и Греки погибали; Москва была только незначительное княжество, закрытое отъ Европы татарщиною. Литва, сильная своими православными областями, уже подчинялась, оффиціально, католицизму. Нигдѣ православная церковь не имѣла внѣшнихъ средствъ для поддержанія связей, заводимыхъ съ нею Чехами, и столько лежало на ней горя, мрака и невѣжества, что, если бы даже не оказывалось случайныхъ препятствій, она едва ли могла бы получить дѣйствительное вліяніе на духовную жизнь такого народа, какъ Чехи, которые въ умственномъ развитіи стояли неизмѣримо выше всего христіанскаго Востока. Такимъ образомъ отрѣзана была у Чеховъ почва, которая хранила древнее преданіе христіанства. Отрѣшившись отъ Рима съ цѣлію возсоздать первобытную церковь вселенскую, они должны были ограничиться личнымъ толкомъ: чуждые протестантства по идеѣ, они должны были сдѣлаться протестантами. Самъ Гусъ, по особенной цѣльности взгляда и безспорно также благодаря древнему религіозному преданію, вынесенному изъ народной среды, — въ состояніи былъ создать ученіе, вполнѣ соотвѣтствующее духу вселенскаго православія. Но это религіозное преданіе, которое Гусъ могъ вынести изъ народной среды, было въ ней, мы сказали, только безсознательною памятью старины,—и въ Гусѣ оно, силою личнаго суда, нашло сознательное выраженіе. Но съ тѣмъ вмѣстѣ преданіе это было убито: ибо въ народѣ Чешскомъ оно не заключало въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ принциповъ и, выразившись въ сознаніи, какъ плодъ личнаго суда, уже ничего не могло противоставить этому новому, чисто-протестантскому началу. Пояснимъ нашу мысль, представивъ ее въ видѣ болѣе осязательномъ. Гусъ, по смыслу своего ученія, не былъ протестантъ; онъ былъ православный: но такимъ онъ сдѣлался на основаніи протестантскаго начала личнаго построенія церкви. Для внутренней православной стороны Гусова ученія Чехи, какъ сказано, не въ состояніи были найти никакой опоры въ народахъ, общимъ и преемственнымъ согласіемъ сохранявшихъ это ученіе; въ самомъ же народѣ Чешскомъ такой опоры не могло дать преданіе, которое вело свое начало отъ Кирилла и Меѳодія, будучи слишкомъ слабо, слишкомъ смутно, стерто вѣковымъ господствомъ латинской церкви. И такъ живую силу имѣлъ въ себѣ только другой принципъ — начало личности въ ученіи вѣры. И дѣйствительно, тотчасъ послѣ смерти Гуса, послѣдователи его дробятся на множество сектъ, представляющихъ все разномыслие ученія вѣры, отрѣшившагося отъ почвы преданія. Кромѣ нѣкоторыхъ, доходящихъ до крайностей раціонализма или мистицизма, большая часть этихъ сектъ оста-

навливаются въ предѣлахъ, близко соотвѣтствующихъ позднѣйшимъ ученіямъ западныхъ протестантовъ. Самою замѣчательною и важною изъ такихъ сектъ были Таборскіе братья. И у нихъ исходною точкою осталась идея возстановленія первобытной церкви; но идея эта приняла характеръ мистическій, она перешла въ идею возсозданія царствія Божія на землѣ. Враждебный напоръ Западной Европы вызывалъ въ Чехахъ вооруженное сопротивленіе: и вотъ подъ вліяніемъ этихъ двухъ стихій — мистической идеи о царствіи Божіемъ и патріотической борьбы съ Европою, образовалось это религіозно-воинственное братство, которое носило грозное въ исторіи имя Таборитовъ. Въ отношеніи догматическомъ, они пришли къ тѣмъ самымъ почти положеніямъ, какія выработалъ впослѣдствіи Кальвинъ и которыя составляютъ сущность реформатскаго ученія. Но мысль создать на землѣ царствіе Божіе придавала ихъ стремленіямъ направленіе соціальное: чтобы осуществить царствіе Божіе, основанное на законѣ христіанскаго братства, они не только отвергли различіе сословій, но даже нѣкоторое время старались ввести у себя общность имущества. Осуществить же царствіе Божіе, осуществить законъ евангельскаго братства они хотѣли насильственнымъ истребленіемъ его противниковъ: въ этомъ проявлялся тотъ воинственный духъ, который вызвала въ Чешскомъ народѣ революціонная борьба противъ Западнаго міра. Табориты приняли на себя обязанность мстителей за нарушеніе христіанскаго закона, за оскорбленіе «языка Чешскаго и Славянскаго» [1]), они провозгласили себя воителями Божіими: «Богъ — Господь нашъ! бейте, убивайте, никого не щадите», — въ этихъ заключительныхъ словахъ боевой пѣсни Жижковой выразился духъ Таборскаго братства. Со временемъ, когда внѣшніе враги были отражены и воинственный порывъ охладѣлъ въ Чешскомъ народѣ, братство это своими соціальными стремленіями возбудило противъ себя страшную реакцію и было подавлено въ междоусобной борьбѣ, о которой мы скажемъ подробнѣе впослѣдствіи; но тогда появилось въ Чехіи новое ученіе *братій*, которое, изъ той же точки отправленія, какъ Табориты, дошло до выводовъ прямо противоположныхъ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ *Чешскихъ* или *Моравскихъ Братьяхъ*. Догматическою стороною своею также чрезвычайно близко подходя къ кальвинизму, *Братья*, подобно Таборитамъ, стремились къ созданію на землѣ царствія Божія. Но Таборцы брались за мечъ, чтобы осуществить «слово Божіе»; мечомъ они ограждали «слово Божіе» отъ католической Европы, мечомъ карали противниковъ «слова Божія» въ своемъ отечествѣ; а братство, основан-

[1]) Собственныя выраженія Жижки.

ное въ половинѣ XV вѣка Петромъ Хелчицкимъ и которое живетъ доселѣ въ общинахъ Гернгутеровъ, это новое религіозное братство въ Чешскомъ народѣ не только положило мечъ въ ножны, но проклялю мечъ и взялось создать «царство слова Божія» на основаніи полнаго отрицанія не только всякаго насилія, но и всякой внѣшней силы, всякаго внѣшняго закона. Законъ нравственный, по мнѣнію Хелчицкаго, имѣетъ безпредѣльную силу дѣйствія на человѣка, и всякое внѣшнее установленіе только ограничиваетъ эту силу. На этомъ основаніи онъ отвергалъ законность государственнаго устройства и всякихъ властей и учрежденій; война, въ его глазахъ, безусловно противна Богу; ученики его должны были воздерживаться отъ всякихъ должностей общественныхъ и государственныхъ; они должны были переносить все, терпѣливо подчиняться всему, никогда не отражая силы силою, никогда не мстя зломъ за зло, дѣйствуя единственно нравственнымъ оружіемъ убѣжденія. Не представляетъ ли это братство прямой реакціи противъ предшествовавшей ему кровавой общины Таборитовъ? И не состоитъ ли тихое, свѣтлое, исполненное евангельской любви общество *Братій* въ живой органической связи съ цѣлымъ развитіемъ религіозной мысли чешской, которая отъ идеи возстановленія первобытной церкви Христовой перешла, естественнымъ влеченіемъ, къ мечтѣ осуществить на землѣ царствіе Божіе?

Но все это было только, такъ сказать, боковою вѣтвію гуситскаго корня. Таборское братство оставалось небольшою общиною преимущественно составленною изъ простаго народа, *Братія* — столь же немногочисленною общиною людей, преимущественно изъ высшихъ образованныхъ классовъ. Огромное большинство Чеховъ старалось не отступать отъ ученія Гуса: это были такъ называемые Чашники (по-латыни Утраквисты). Силясь удержаться на догматической почвѣ своего великаго наставника, они принуждены были сочинить себѣ родъ условнаго, обязательнаго исповѣданія, въ которомъ хотѣли воспроизвести ученіе первобытной церкви. Но эта Гуситская церковь постоянно колебалась и постоянно искала себѣ исторической точки опоры. При невозможности найти ее на Востокѣ и при страхѣ, внушаемомъ крайними сектами, оставалось только возвратиться къ церкви Римской, прибѣгнуть къ ея преданію и авторитету. И вотъ гуситы, только что отразившіе войска крестоносцевъ, которыхъ Римская церковь противъ нихъ направляла, только что истреблявшіе съ ожесточеніемъ всѣ памятники католицизма, идутъ на сдѣлку съ Римскою церковью. Имъ хочется быть католиками, т. е. членами такой церкви, которая основана на авторитетѣ преданія, но съ тѣмъ, чтобы не признавать всего того, что въ католицизмѣ явно противорѣчило первобытному вселенскому христіанству (непогрѣшимости папъ,

причащенія подъ однимъ видомъ хлѣба, аристократическаго и свѣтскаго характера іерархіи и т. под.). Соборъ, который представлялъ тогда Римскую церковь и имѣлъ притязаніе на характеръ вселенскаго, согласился на сдѣлку, отчасти по политической необходимости (чтобы положить конецъ страшнымъ вторженіямъ гуситовъ въ католическія земли), отчасти, чтобы выказать свое собственное значеніе: ибо Базельскій соборъ почиталъ себя инстанціею, стоящею выше Римскаго первосвященника, и для заявленія этого права случай былъ прекрасный — признать законность исповѣданія, которое, отвергая безусловную власть папы надъ церковью, съ тѣмъ вмѣстѣ желало утвердиться на преданіи, хранившемся въ Западномъ христіанствѣ. Условное Гуситское исповѣданіе, о которомъ мы сейчасъ говорили, было признано и освящено соборомъ Римской церкви, въ такъ-называемыхъ Базельскихъ компактатахъ (1436 г.). Но папа не утвердилъ ихъ, и преемники Евгенія IV продолжали ихъ отвергать съ непреклоннымъ упорствомъ. По самому характеру Западной церкви, соборное начало было ей несвойственно: ибо оно состояло въ непримиримомъ противорѣчіи съ принципомъ полновластія главы этой церкви, папы; а изъ этихъ двухъ принциповъ, послѣдній, т. е. полновластіе папы, было живымъ плодомъ всего духовнаго развитія средневѣковаго Запада; напротивъ того, соборъ, какъ верховное судилище церкви, которому долженъ былъ подчиняться и папа, являлся тамъ лишь тѣнью стараго порядка церковнаго, къ которому прибѣгали въ минуту крайняго раздраженія народовъ противъ недостоинства и разврата «непогрѣшимаго» первосвященника. Но стоило только явиться подъ Римской тіарой лицу, сколько нибудь энергическому и внушавшему уваженіе,—и папа безъ особеннаго затрудненія закрывалъ соборъ или разгонялъ его и откладывалъ въ сторону его постановленія. Такъ было и съ Базельскимъ соборомъ. Гуситская церковь осталась по прежнему безъ основанія. Положеніе ея сходствовало съ позднѣйшимъ французскимъ янсенизмомъ въ послѣднемъ фазисѣ его развитія, какъ самостоятельной церковной общины. Въ положеніи этомъ была существенная фальшь. Гуситское исповѣданіе хотѣло опираться на авторитетъ церкви католической и, ссылаясь на освященіе, данное ему Базельскимъ соборомъ, считало себя вѣрною этому авторитету; а тотъ, въ комъ сосредоточивался весь авторитетъ церкви католической, папа, предавалъ это самое Гуситское исповѣданіе проклятію, какъ ересь, требовалъ отъ послѣдователей его безусловнаго повиновенія.

Это внутреннее противорѣчіе томило и обезсиливало гуситовъ. Въ немъ оставаться долго было невозможно. Многіе возвращались къ чистому, безусловному католицизму. Большинство, съ появленіемъ въ Германіи протестантской проповѣди, перешло въ лютеранство или

кальвинизмъ. Изъ передовыхъ двигателей религіозной мысли на Западѣ, какими они были въ началѣ XV вѣка, — Чехи въ началѣ XVI-го вѣка стали учениками нѣмецкихъ и швейцарскихъ реформаторовъ. Отчего это случилось? Какимъ образомъ Гусъ и гуситы, которыхъ называютъ предшественниками протестантизма, не могли однако создать его, не могли провести въ жизнь Западнаго міра идею реформы и оставили другимъ это великое дѣло, съ котораго начинается новая эра въ развитіи человѣческой мысли? Всѣ религіозные выводы Западныхъ реформаторовъ, всѣ самыя разнообразныя ихъ положенія встрѣчаются уже въ ученіи того или другаго чешскаго проповѣдника. Какимъ же образомъ Чехи, за сто лѣтъ до Лютера и Кальвина знавшіе и говорившіе все то, чѣмъ Лютеръ и Кальвинъ обновили духовную жизнь Западной Европы, — какимъ образомъ Чехи не только не сдѣлали ничего подобнаго, но сами же потомъ пошли въ ученики къ Лютеру и Кальвину? Не знаемъ, задавалъ ли себѣ этотъ вопросъ кто-либо изъ чешскихъ историковъ или изъ историковъ реформаціи. Для насъ, послѣ того, какъ мы вникли въ коренное различіе происхожденія гуситства и нѣмецкаго протестантизма, такой вопросъ долженъ разрѣшиться весьма просто.

Мы не станемъ тутъ прибѣгать къ мистическому понятію о духѣ времени и утверждать, что народы еще не были зрѣлы къ принятію реформы, когда идея ея возникла въ Чехіи (хотя не отрицаемъ безусловно и этого). Намъ не нужно также ссылаться на матеріалистическое понятіе о вліяніи племеннаго начала, будто оно было виною того, что Чехи, какъ Славяне, не могли быть вожатаями Германскаго міра въ его духовномъ развитіи (хотя, конечно, и племенное начало имѣло тутъ свое дѣйствіе). Все это условія второстепенныя; главная же, существенная причина, почему Чехи не сдѣлались основателями протестантизма, та, что они сами не хотѣли быть протестантами. Въ развитіи своихъ ученій, въ примѣненіи своихъ теорій, они могли приходить ко всѣмъ результатамъ протестантизма; но первоначальная, основная идея ихъ была другая; другая также была ихъ цѣль. Помимо собственной воли, каждый изъ нихъ дѣлался протестантомъ; но создать протестантизма никто изъ нихъ не былъ въ состояніи, ибо что человѣкъ творитъ безсознательно, то не можетъ овладѣть духомъ людей и народовъ.

Протестантизмъ есть отрицаніе преданія въ церкви, есть построеніе церкви на единой основѣ личнаго раціонализма, толкующаго такъ или иначе откровенныя писанія. А мы видѣли уже, въ чемъ заключалась первоначальная, коренная идея гуситства, мы знаемъ, какъ далека была отъ настоящаго протестантизма эта идея — возстановленіе вселенской церкви, какъ церкви, основанной на дѣйствительномъ

преданіи, какъ церкви, исторически существовавшей въ землѣ Чешской. Такая идея была невозможна въ мірѣ Германскомъ и къ нему непримѣнима: ибо понятіе о церкви дѣйствительной, исторической, отождествлялось для него съ католицизмомъ; другой онъ не зналъ, и выходъ изъ католической церкви, когда она стала ему въ тягость, представлялся ему только въ построеніи новой церкви силами личнаго раціонализма. Но идея гуситовъ осталась неосуществленною и, послѣ столѣтняго опыта, могла уже быть признана неосуществимой. Условное исповѣданіе такъ назыв. Чашниковъ, прибѣгнувшее снова къ Римской церкви за авторитетомъ преданія, но которое, устраняя самое основаніе этого авторитета, непогрѣшимость намѣстника Христова, оставалось ересью въ глазахъ Римской церкви, — такое исповѣданье не могло удовлетворить людей, сколько нибудь отдававшихъ себѣ отчетъ въ началахъ своей религіи. Многіе, какъ мы сказали, возвращались безусловно къ католицизму. Но жертва была слишкомъ тяжела для народа, который выдержалъ такую страшную борьбу противъ Рима и всей католической Европы. И вотъ, когда нѣмецкіе реформаторы выступили прямо противъ самаго принципа исторической церкви, съ безусловнымъ отрицаніемъ преданія, съ мыслью утвердить церковь на одномъ личномъ толкованіи священныхъ книгъ, то Чехи бросились къ нѣмецкому протестантизму, какъ къ новому слову истины. Другаго исхода не оставалось. Старшіе братья въ дѣлѣ религіозной реформы, Чехи вдругъ очутились въ ней учениками Германіи и Швейцаріи. Большая часть Чашниковъ сдѣлались лютеранами, многіе кальвинистами; съ кальвинистами, съ другой стороны, стали сливаться *Братья* Чешскіе, потому что догматическая сторона ихъ ученія была, какъ мы сказали, весьма сродна кальвинизму, а первоначальная идея этой общины — установленіе на землѣ царства безусловной свободы духа, мало-по-малу устранялась требованіями практической жизни. Переходъ былъ такъ быстръ, что папскій дворъ, спѣша предупредить совершенное сліяніе Чеховъ съ западными протестантами, рѣшился теперь (въ 1564 г.) признать и благословить отдѣльную Гуситскую церковь Чашниковъ, основанную на извѣстныхъ намъ Базельскихъ «компактатахъ». Но церковь эта съ тѣмъ вмѣстѣ теряла всякое живое значеніе: она становилась общиною вѣрующихъ въ непогрѣшимость папы католиковъ, которымъ папа, какъ бы изъ снисхожденія, даровалъ право причащаться хлѣбомъ и виномъ, читать евангеліе въ церкви по-чешски. Даже (какая насмѣшка судьбы!) члены ордена іезуитовъ стали раздавать людямъ, считавшимъ себя послѣдователями Гуса и Рокицаны [1]), причастіе изъ чаши съ виномъ, чи-

[1]) Рокицана — знаменитѣйшій изъ вѣроучителей чешскихъ послѣ Гуса, около пятидесяти лѣтъ управлявшій Гуситскою церковью (умеръ въ 1471 г.).

тали въ церквахъ священное писаніе на чешскомъ языкѣ. Эта мнимо-гуситская церковь, гуситская только по виду, а въ сущности безусловно подчиненная авторитету папскому, стала такъ ненавистна Чехамъ, что они поспѣшили ее упразднить при первой возможности. Воспользовавшись минутою, когда, подъ правленіемъ императора Максимиліана, имъ предоставлена была свобода дѣйствія, Чехи, черезъ три года послѣ утвержденія папою Базельскихъ компактатовъ, сами провозгласили эти компактаты недѣйствительными и тѣмъ самымъ объявили гуситскую церковь несуществующею. Народъ Чешскій, почти полтораста лѣтъ съ такими страшными жертвами отстаивавшій свою самостоятельную церковь, вдругъ отказался отъ нея, какъ только увидѣлъ ее подъ покровомъ полновластія папскаго. Своими руками разорвавъ актъ Базельскаго собора, на которомъ основалось ихъ исповѣданіе, по утвержденіи этого акта папою, какъ непогрѣшимымъ главою христіанства, — гуситы-чашники въ 1567 г. окончательно соединились съ лютеранами и кальвинистами, или же возвратились къ католицизму.

Такъ кончилось религіозное движеніе Чеховъ. Часть народа сдѣлалась западными протестантами, другая часть снова католиками. Религіозное движеніе, которое развилось изъ остатковъ славянской духовной жизни въ Чехіи, которое сосредоточило въ себѣ всѣ самобытныя стихіи, всѣ живыя силы этой страны, — кончилось полнымъ разочарованіемъ, полнымъ духовнымъ подчиненіемъ Чешскаго народа Латинскому и Нѣмецкому міру.

VI.

Политическая сторона гуситской революціи. — Славянская партія принимаетъ характеръ партіи демократической. — Ея пораженіе. — Конституціонная монархія Юрія Подѣбрадскаго.

Прослѣдимъ теперь другую сторону развитія гуситской революціи. Достигла ли она своей цѣли въ отношеніи гражданскомъ и политическомъ?

Цѣль эта была далеко не такъ опредѣленна, какъ цѣль религіозная, потому что самая идея, поднявшая Чешскій народъ къ революціи, принадлежала къ области церкви. Въ отношеніи гражданскомъ и политическомъ, революція гуситская поставляла себѣ сознательно

только одну задачу: освободить Чеховъ-Славянъ отъ преобладанія Нѣмцевъ. Эта задача была вскорѣ исполнена. Нѣмецкая часть населенія въ городахъ и деревняхъ чешскихъ погибла или разсѣялась; Нѣмецъ, сынъ «благодѣтеля Чешской страны», знаменитаго Карла IV, императоръ Сигизмундъ, рядомъ страшныхъ пораженій поплатился за попытки завоевать оружіемъ свой наслѣдственный престолъ; крестовые полки Германіи и прочихъ странъ разбиты и прогнаны были съ позоромъ: славянская стихія осталась полною владычицею самостоятельной, свободной земли Чешской, предоставленной самой себѣ. Посмотримъ же, въ какомъ видѣ эта стихія возстановитъ государство, которое она вырвала изъ рукъ иноземцевъ; какъ устроится тамъ славянское общество, сдѣлавшись неограниченнымъ хозяиномъ въ Чешской землѣ.

Не даромъ прожила Чехія четыреста лѣтъ общественною и политическою, также какъ духовною, жизнію германскаго Запада. Чехи могли сохранить чувство своей славянской народности и ненависть къ духовному и общественному гнету нѣмецкаго міра. Народъ этотъ могъ возстать и освободиться отъ Нѣмцевъ: но сохранить и возстановить у себя стихіи общественной жизни славянской было не въ его власти. Матеріальная и духовная сила Запада, втянувшаго Чешскій народъ въ свой кругъ, была слишкомъ велика сравнительно съ силами его собственныхъ славянскихъ стихій. Возставши и освободившись, онъ все-таки не могъ оторваться отъ общественной почвы, на которую привлеченъ былъ Западомъ. Образовать цѣльное государство и общество изъ собственныхъ славянскихъ началъ было уже дѣломъ несбыточнымъ для Чешскаго народа въ XV вѣкѣ.

Однако, въ первыя мгновенія революціи, казалось, Чешскимъ народомъ овладѣлъ духъ новой жизни общественной. Принятая отъ средневѣковой Германіи гражданская и государственная организація, съ ея сословною исключительностью, повидимому, исчезла изъ Чешской земли и дала мѣсто новому порядку вещей. Весь народъ выступилъ какъ цѣльное тѣло, оживленное единымъ духомъ. Весь народъ совѣщался о дѣлахъ вѣры и правленія, о защитѣ отечества; онъ выбиралъ вождей, онъ отражалъ крестовыя войска Западной Европы. Исходя изъ мистической идеи возсозданія на землѣ царствія Божія, братство Таборитовъ, съ религіозною стороною котораго мы уже ознакомились, прямо отвергло сословное начало; а въ этомъ братствѣ были и люди рыцарскаго сословія, какъ самъ вождь его Жижка, и члены высшей знати, какъ Николай изъ Гусинца, Викторинъ изъ Подѣбрадъ и множество другихъ, и цѣлыя городскія общества съ своими бургомистрами и «консулами» (ратманами). Новый духъ вѣялъ въ эти первые дни революціи. Но сословное начало германское слиш-

комъ глубоко вкоренилось въ жизнь и понятія Чеховъ; потрясти или обновить его оказалось невозможнымъ. Таборское братство стало быстро терять характеръ всенародной общины, какою оно въ началѣ, казалось, готово было сдѣлаться; оно стало все болѣе и болѣе съуживаться, такъ сказать, въ особую демократическую партію. Отъ нея все рѣзче отдѣлялись привиллегированныя сословія, притягивая вновь въ кругъ своихъ старыхъ исключительныхъ интересовъ большую часть тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые сперва примкнули къ Таборитамъ, — и принимая съ своей стороны опредѣленный характеръ консервативной партіи. Только общая опасность отъ внѣшнихъ враговъ сближала обѣ стороны; но послѣ первыхъ побѣдъ надъ непріятелемъ, открылась снова та бездна, которую стихіи Западной жизни положили въ Чехіи между тремя привиллегированными сословіями (высшею знатью, рыцарствомъ и мѣщанствомъ) и безправною массою народа. Однако, въ этой массѣ народной духъ оживился, простолюдинъ чешскій извѣдалъ свою силу, когда онъ, подъ предводительствомъ Жижки, своими страшными цѣпами молотилъ головы нѣмецкихъ бароновъ и чешскихъ рыцарей-католиковъ. Необходимо завязалась борьба,—первообразъ борьбы, которая потомъ такъ долго велась въ западныхъ государствахъ Европы, борьба привиллегированныхъ сословій съ демократическою партіею, опиравшеюся на простой народъ. Такъ мало осталось у Чеховъ въ ихъ славянской стихіи началъ общественной организаціи, что сторона, по преимуществу славянская, народная, сдѣлалась тамъ представительницею стремленій противообщественныхъ и противогосударственныхъ. Табориты, прославившіеся такими дивными военными подвигами, не представляли собою никакой органической идеи въ сферѣ общественной; они принялись за полное ниспроверженіе общественнаго порядка: ихъ послѣдними словами были терроръ и коммунизмъ. Читая о Таборитахъ, этой чешской демократической партіи XV вѣка, думаешь, что дѣло идетъ о якобинцахъ и соціалистахъ революціонной Франціи. А въ противоположность этой партіи, привиллегированныя сословія, аристократія и мѣщанство, то-есть, собственно представители общественныхъ началъ германскихъ въ Чехіи, воплотили въ себѣ идею общественнаго и государственнаго порядка. Это было роковымъ приговоромъ для Чехіи: то, что она заимствовала отъ Запада, то, противъ чего возсталъ въ ней славянскій духъ, оказалось основою ея общественнаго организма; въ славянской ея стихіи уже изсякъ источникъ для общественнаго творчества. Борьба обѣихъ сторонъ была страшная, кровавая; исходъ — несомнѣненъ. Только необходимость отчаяннаго сопротивленія громаднымъ войскамъ, которыя Западные народы высылали для подавленія чешской революціи, давала силу партіи Таборитовъ, этимъ якобин-

цамъ гуситской Чехіи. Съ прекращеніемъ опасности, они были задавлены союзомъ трехъ привиллегированныхъ сословій, знати и рыцарства съ горожанами. Та часть народной массы, которая не хотѣла возвратиться въ прежнее униженіе и уходила за границу, составила родъ казачества, но казачество безцѣльное, безплодное для родной страны, скитавшееся, какъ толпы наемниковъ, по сосѣднимъ государствамъ. Чехія возвратилась вполнѣ къ тому общественному строю, который былъ на нее въ прежніе вѣка наложенъ вліяніемъ Германскаго міра. Перемѣна отъ дѣйствія революціи была только внѣшняя. Въ пылу одушевленія патріотической борьбою, верхній слой чешскаго общества стряхнулъ съ себя господство нѣмецкихъ обычаевъ и нѣмецкаго языка. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что во второй половинѣ XIV вѣка, при Карлѣ IV и Вячеславѣ IV, нѣмецкій языкъ господствовалъ совершенно при дворѣ Чешскихъ королей, въ семействахъ знати и между жителями столицы; а въ половинѣ XV вѣка, Нѣмка, шестилѣтняя дочь герцога Саксонскаго, обрученная съ однимъ изъ сыновей короля Чешскаго и взятая для воспитанія въ Чехію, совершенно забыла тамъ нѣмецкій языкъ и, послѣ пятилѣтняго пребыванія при дворѣ въ Прагѣ, умѣла говорить только по-чешски. Внѣшняя перемѣна, мы повторяемъ, была огромная. Но въ сущности, верхній слой чешскаго общества не измѣнился. Онъ остался аристократіею въ средневѣковомъ германскомъ смыслѣ, аристократіею, раздѣленною притомъ, какъ и въ тогдашней Германіи, на сословіе высшей знати и на сословіе простыхъ благородныхъ или рыцарей. Городской классъ тоже пересталъ говорить по-нѣмецки и одушевился сознаніемъ славянской народности; но онъ остался такимъ же замкнутымъ сословіемъ средневѣковыхъ «бюргеровъ», какимъ былъ въ Германіи. Эти три привиллегированныя сословія, согласно принятымъ отъ Запада понятіямъ, продолжали вмѣщать въ себѣ всю полноту гражданскаго общества, весь народъ, какъ политическое тѣло. А самый народъ очутился снова исключеннымъ изъ жизни общественной и сталъ быстро приближаться къ совершенному порабощенію.

Дальнѣйшій ходъ чешской революціи, послѣ пораженія демократической партіи въ Липанскомъ побоищѣ (1434 года), во многомъ напоминаетъ явленія, которыми завершались позднѣйшія революціи на западѣ Европы. Реакція, послѣ побѣды аристократіи и мѣщанства надъ стороною народною, ознаменовалась тотчасъ попыткою реставраціи. Чехія приняла законнаго короля своего, Сигизмунда, который семнадцать лѣтъ (1419—1436) ждалъ отъ нея признанія своихъ правъ. Но король, окруженный католиками и эмигрантами чешскими, съ нимъ возвратившимися на родину, не хотѣлъ сообразоваться съ порядкомъ вещей, созданнымъ революціею, особенно съ правами гу-

ситской церкви, заключавшимися въ Базельскихъ компактатахъ [1]), и уже черезъ годъ произошелъ разрывъ. Только немедленно за тѣмъ послѣдовавшая смерть Сигизмунда и, годъ спустя, кончина его преемника [2]), пропитаннаго тѣми же понятіями, предупредили вторичное ниспроверженіе чешскаго престола. Сама собою, со смертію Сигизмундова наслѣдника Альбрехта, Чехія очутилась снова безъ государя.

Наступила анархія, но не такая, какая сопровождаетъ революцію во время ея разгара, — нѣтъ; а анархія утомленной революціею страны. Неограниченные властители Чехіи, аристократія и мѣщанство, предались полному разгулу своеволія. Повсемѣстная неурядица, драки между *панами,* драки пановъ съ горожанами, закабаленье слабыхъ сильными, вотъ какой видъ представляетъ эта эпоха (1439—1448). Но между тѣмъ внѣшній врагъ не смѣлъ тронуть Чехіи: такой страхъ нагнала революціонная земля своими побѣдами. Въ общемъ неустройствѣ, стала выдаваться мало-по-малу, въ средѣ аристократіи чешской, помышлявшей только о своихъ корыстныхъ цѣляхъ, личность молодаго человѣка, одареннаго необыкновеннымъ умомъ и мужественною любовью къ родинѣ, и онъ рѣшился вывести ее изъ хаоса. Ловкимъ и смѣлымъ ударомъ, такимъ, къ какому вполнѣ идетъ современное названіе *coup d'état,* Юрій Подѣбрадскій устранилъ главныхъ представителей анархическаго самовластія аристократіи и, поддерживаемый сочувствіемъ огромнаго большинства жителей, взялъ въ руки правленіе Чехіи, сперва съ титуломъ верховнаго губернатора, потомъ какъ намѣстникъ молодаго сына Альбрехтова, короля Ладислава, имъ же добровольно признаннаго и посаженнаго на престолъ, наконецъ, послѣ смерти этого Ладислава, какъ избранный и вѣнчанный король земли своей (1457—1471).

Юрій Подѣбрадскій вначалѣ возвысился, какъ мы сказали, насиліемъ. Онъ былъ одною изъ самыхъ энергическихъ личностей своего вѣка. Тѣмъ не менѣе, трудно найти въ исторіи примѣръ государя, который умѣреннѣе и притомъ съ такою сознательною умѣренностью пользовался своими правами и своею властію. Правленіе его отличалось какъ особенно частымъ созваніемъ сеймовъ, такъ и необыкновеннымъ уваженіемъ короля къ ихъ мнѣнію и рѣшеніямъ. Царствованіе Юрія Подѣбрадскаго представляетъ весьма опредѣленную попытку основать государственный порядокъ на равновѣсіи королевской

---

[1]) Мы объяснили выше значеніе этого договора, которымъ гуситы хотѣли возвратиться въ общеніе съ Римскою церковью, сохраняя въ то же время свою духовную независимость отъ папской власти.

[2]) Альбрехта, эрцгерцога Австрійскаго: какъ зять Сигизмунда, не оставившаго мужскаго потомства, онъ былъ избранъ ему въ наслѣдники, какъ Чехами, такъ и Венграми. Сынъ Альбрехта, Ладиславъ, родился только послѣ смерти своего отца.

власти съ законодательнымъ голосомъ тѣхъ трехъ сословій, въ которыхъ, какъ мы знаемъ, вмѣщалось гражданское общество страны.

Намъ извѣстно, что такою государственною организаціею Чехія обязана была прежней эпохѣ своей исторіи. Дѣйствительно, государственный строй Чехіи при Подѣбрадѣ не заключалъ въ себѣ никакихъ началъ, которыхъ не было при Отакарахъ и Карлѣ IV, когда страна эта находилась совершенно подъ властію германскаго духа. Но тотъ порядокъ вещей, который въ то время носилъ на себѣ отпечатокъ иноземнаго происхожденія, который велъ за собою и внѣшнее господство нѣмецкой стихіи въ языкѣ, въ обычаяхъ, политическихъ стремленіяхъ, — этотъ самый порядокъ вещей, говоримъ мы, въ Чехіи Подѣбрадовой является какъ бы переработаннымъ въ горнилѣ революціи, очищеннымъ отъ иностраннаго характера, воспринявшимъ въ себя духъ славянской народности. Монархія Подѣбрадова представляетъ прекрасный снимокъ съ западнаго средневѣковаго конституціоннаго правленія, того правленія, образецъ котораго въ дальнѣйшемъ нормальномъ его развитии являетъ намъ исторія Англіи. Снимокъ былъ сдѣланъ давно, въ XIII и XIV вѣкѣ; но онъ оставался мертвеннымъ подражаніемъ, пока гуситская революція не оживила всѣхъ частей его сознаніемъ народности. Таковъ былъ плодъ гуситской революціи въ области гражданской и государственной; таковъ былъ и общій итогъ политическаго развитія Чехіи: конституціонная монархія, основанная на сословныхъ началахъ, принятыхъ отъ Запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутая идеею славянской народности.

Но это политическое зданіе, — работа осьми-вѣковой исторіи Чешскаго народа, — оказалось недолговѣчнымъ. Царствованіе Юрія Подѣбрадскаго, при которомъ Чешское государство только достигло окончательнаго устроенія, было вмѣстѣ и его апогеемъ, и началомъ его паденія. Какой же былъ въ немъ зародышъ смерти? Или только внѣшняя сила разрушила это государство? — Даже въ настоящее время, по прошествіи четырехъ вѣковъ, государство Подѣбрадово внушаетъ глубокое сочувствіе всякому, кто познакомится съ той эпохой [1]).

[1]) Такое впечатлѣніе производитъ личность Юрія Подѣбрадскаго и состояніе Чехіи подъ его правленіемъ не только на историковъ чешскихъ, но и на иностранцевъ, изучавшихъ этотъ періодъ чешской исторіи. Приведу въ примѣръ нѣмецкаго писателя Іордана, посвятившаго Юрію Подѣбрадскому цѣлое сочиненіе (das Königthum Georgs von Podebrad, Leipzig 1861) и Француза, Saint René Taillandier (см. рядъ статей его: le roi George de Podiebrad, épisode de l'histoire de Bohême, въ Revue des deux Mondes, 1862 года). Статьи послѣдняго представляютъ извлеченіе изъ IV-го тома исторіи Чехіи Палацкаго (томъ этотъ касается именно эпохи Подѣбрада) и изъ вышеприведенной книги г. Іордана; но въ извлеченіе это г. Тальяндье внесъ самостоятельный взглядъ на религіозное значеніе гуситства, на его существенное разли-

Оно поражаетъ насъ, какъ свѣтлая картина, благородное твореніе художника, среди безобразныхъ очертаній, представляемыхъ тогдашними государствами Западной Европы. Невольно возмущаешься противъ печальной участи, постигшей это прекрасное государство Подѣбрадово, невольно думаешь: изъ такихъ начатковъ какіе великолѣпные могли бы развиться плоды для Чехіи, для славянскаго міра, для всей Европы, если бы не безжалостная злоба Римскихъ папъ, если бы не властолюбивое коварство Матвѣя Корвина!... И при этихъ мысляхъ душа негодуетъ на нихъ за дѣла, покрытыя четырехсотълѣтнею давностью.

Въ нравственномъ отношеніи негодованіе справедливо. Съ нравственной точки зрѣнія, образъ дѣйствія Пія II и Павла II, образъ дѣйствія Венгерскаго короля противъ Юрія Подѣбрадскаго возмутительны. Но они ли помѣшали упрочиться въ Чехіи престолу Подѣбрада и его благородной идеѣ правленія, они ли были виновниками паденія Чешскаго государства?

VII.

Царствованіе Юрія Подѣбрадскаго. — Избраніе ему въ преемники Владислава Польскаго.

Во время гуситской революціи, какъ мы видѣли, Чехія стояла одиноко среди всѣхъ окрестныхъ странъ. Представитель славянской реакціи противъ германскаго духа, представитель идеи первобытной церкви вселенской противъ средневѣковаго папизма, народъ Чешскій являлся всему католическому міру изчадіемъ кромѣшныхъ силъ, воплощеніемъ самого сатаны [1]). Германія, подкрѣпляемая другими За-

чіе отъ позднѣйшаго нѣмецкаго протестантизма. Взглядъ этотъ близко совпадаетъ съ нашимъ мнѣніемъ, изложеннымъ выше. Г. Тальяндье видитъ также въ гуситствѣ не попытку раціоналистической реформы, а стремленіе возстановить первобытную вселенскую церковь. Только онъ не знаетъ историческихъ данныхъ, обусловившихъ появленіе этого стремленія именно въ Чешскомъ народѣ, онъ не знаетъ положительной основы, изъ которой оно развилось и черпало силу. Вотъ почему оно, въ изложеніи французскаго писателя получаетъ совершенно эпизодическій характеръ, являясь какой-то громадной прихотью, овладѣвшей умами Чеховъ въ XV вѣкѣ. —

[1]) Любопытно, между прочимъ, то, что во время энтузіазма, возбужденнаго чудесными побѣдами Дѣвы Орлеанской, возникла на Западѣ надежда, что она, воительница Божія, кончивъ свою задачу во Франціи, пойдетъ истреблять Чеховъ. Ей приписывали посланіе, гдѣ она это предвѣщала.

падными странами, и Венгрія со всѣхъ сторонъ осаждали его своими войсками; даже Польша, предпочитая интересы Рима дѣлу славянской народности, помогала его врагамъ. На всемъ пространствѣ земли не было у него поддержки, не было союзника. Однако онъ устоялъ тогда, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы.

Съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. Послѣ подавленія народной партіи Таборитовъ, въ Чехіи восторжествовали снова, если не народность нѣмецкая, то общественныя начала германской жизни; въ то же время гуситы рѣшились на примиреніе съ Римскою церковью. Наконецъ, подъ сильной рукой Юрія Подѣбрадскаго анархія улеглась и уступила мѣсто благоустроенному порядку. Подобіе средневѣковыхъ государствъ западно-европейскихъ, монархія Подѣбрадова не представляла, въ своей общественной и политической организаціи, современному Западу ничего чуждаго и антипатическаго. Напротивъ того, она привлекала къ себѣ сочувствіе его королей и князей, его юристовъ и политиковъ, она являлась имъ идеаломъ гражданскаго общества. Такое отношеніе Запада къ Чешскому государству при Подѣбрадѣ не должно удивлять насъ, хотя мы знаемъ, какія страшныя для Запада воспоминанія соединялись въ ту пору съ именемъ Чеховъ, и какъ гордо они противопоставляли Германскому міру свою славянскую народность. Но не столько внѣшніе признаки народности, сколько внутреннее тождество или противорѣчіе общественныхъ началъ сближаютъ и раздѣляютъ человѣческія общества. Въ Чехіи Подѣбрадовой просвѣщеннѣйшіе люди тогдашней Германіи и Франціи узнавали всѣ стихіи своего собственнаго общественнаго строя; но они видѣли въ ней то, до чего сама Германія и Франція еще не достигали въ XV вѣкѣ и что дано было Чехіи революціею, вызвавшею въ ней повсемѣстную самодѣятельность общественную, и высокою личностью государя, наслѣдника этой революціи и ея умирителя: они видѣли въ Чехіи сознательно устроенный порядокъ государственный, общество, проникнутое народнымъ патріотизмомъ, государя, дорожившаго одинаково преимуществами своей власти и правами своихъ подданныхъ. Король Чешскій былъ могущественнымъ посредникомъ, къ которому обращались курфирсты и герцоги нѣмецкіе въ своихъ распряхъ; онъ вступилъ въ тѣсную связь со многими изъ нихъ; онъ былъ сильнѣйшимъ членомъ Германской имперіи и въ то же время ея безпристрастнымъ миротворцемъ. Онъ выручалъ неразъ изъ бѣды безпомощнаго императора Фридриха III и имѣлъ на него огромное вліяніе. Патріоты нѣмецкіе, видя безсиліе императорской власти и распаденіе своего отечества, мечтали о томъ, чтобы вручить ему, еретику — Славянину, съ ти-

туломъ короля Римскаго, верховное управленіе «священной» имперіи Германской; и этотъ планъ не казался въ то время несбыточнымъ и страннымъ. Польша, Франція, Бургундія уважали короля Чешскаго и находились съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ. Онъ былъ тестемъ и другомъ короля Венгерскаго Матвѣя Корвина. Чехія въ то время была одною изъ первостепенныхъ державъ Европы. Но какъ быстро она сошла съ этой высоты! Опасность, повидимому ничтожная въ сравненіи съ тѣми бурями, которыя народъ Чешскій выдержалъ во время гуситской анархіи, могла въ нѣсколько лѣтъ разрушить благоустроенное, со всѣхъ сторонъ обезпеченное государство Подѣбрадово. Вѣроятно, начало разрушенія лежало въ самой основѣ этого государства.

Мы говорили уже, что гуситское движеніе въ своей религіозной сторонѣ не могло найти послѣдователей въ другихъ европейскихъ странахъ, и объяснили себѣ причину этого существеннаго его различія отъ позднѣйшаго нѣмецкаго протестантизма. Мы знаемъ также, что новыя общественныя стремленія, которыя заключались въ гуситствѣ, не выдержали борьбы съ общественными началами, принятыми Чехіею отъ средневѣковаго Запада, и что вышедшее изъ гуситской революціи государство было по прежнему основано на этихъ началахъ. Но въ то же время, государство Подѣбрадово оставалось порожденіемъ революціи и носило на себѣ печать своего происхожденія. Идея *государства,* какъ безусловнаго представителя блага общественнаго, какъ самоузаконяющагося воплощенія общественнаго права, была чужда средневѣковому Западу, который ограничивалъ право общественное правами сословными и личными, и для идеи государства искалъ узаконенія не въ ней самой, а во внѣшней ѳеократической власти. Гуситская революція свергла съ Чешскаго народа вѣру въ безусловный авторитетъ папскій, источникъ освященія для всѣхъ средневѣковыхъ государствъ на Западѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, революція эта, въ борьбѣ, ею вызванной, выдвинула въ сознаніи Чеховъ идею общественнаго блага, какъ права, которое царило надъ всѣми другими правами. Государство Подѣбрадово наслѣдовало эти политическіе плоды революціи. Юрій Подѣбрадскій былъ первый еретикъ на престолѣ въ Западной Европѣ; въ первый разъ верховная власть государственная не только обходилась безъ освященія отъ главы церкви, но даже не признавала самаго принципа этого освященія, т. е. вѣры въ папу, какъ Божія намѣстника; въ первый разъ государство на Западѣ отрѣшалось отъ церкви и въ себѣ самомъ, въ идеѣ общественнаго блага, котораго оно было представителемъ, находило свое узаконеніе. Словомъ, монархія Юрія Подѣбрадскаго бы-

ла, какъ выражаются Западные писатели, первымъ примѣромъ секуляризаціи государства [1]).

Вся Европа въ то время стремилась къ этому самому результату. Но то, что было медленно, шагъ за шагомъ, пріобрѣтенье за пріобрѣтеньемъ, достигаемо Людовикомъ XI во Франціи, Генрихомъ VII въ Англіи, Фердинандомъ Католическимъ въ Испаніи и всѣми мелкими владѣтелями германскими, это разомъ, въ полной мѣрѣ, досталось Чехіи, какъ наслѣдство ея революціи. Оттого-то необыкновенное значеніе Чешскаго государства въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ; оттого-то сочувствіе, которымъ Чешскій король и государственное устройство Чехіи пользовались при европейскихъ дворахъ и со стороны передовыхъ людей тогдашней Европы. Нравственное вліяніе Чешскаго государства, какъ олицетворенія новаго политическаго начала, носившагося по всей Европѣ, было огромное. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, государству Чешскому предстояла еще борьба съ противникомъ,—безспорно, одряхлѣвшимъ, но все-таки страшнымъ для западныхъ народовъ, съ папскимъ престоломъ. Папы, и особенно люди, одаренные такимъ умомъ, какъ дипломатъ Эней Сильвій (Пій II), такою высокомѣрною энергіей, какъ венеціанскій патрицій Барбо (Павелъ II), не могли не видѣть, что политическая власть надъ міромъ уходила изъ ихъ рукъ; главною, открытою, безусловною представительницею секуляризаціи государства была Чехія. И такъ, вотъ намѣстникъ Христовъ призываетъ Юрія Подѣбрадскаго предъ апостольскій судъ, чтобы отречься отъ ереси и, по примѣру прежнихъ королей и императоровъ, принести изъявленіе покорности священному престолу; затѣмъ на голову ослушника сыплются проклятья за проклятьями, и эти анаѳемы, въ которыхъ истощено все, что могла придумать разъяренная своимъ безсиліемъ ѳеократія, повторяются, какъ зловѣщее пророчество, въ каждомъ конклавѣ, при каждомъ священнодѣйствіи Римскаго владыки: всѣ пружины дипломатическаго искусства пущены въ ходъ, чтобы приговору ѳеократіи надъ государствомъ Чешскимъ найти мірскаго исполнителя.

Но не видать исполнителя. Напротивъ того, всѣ государи Европы заняты, какъ мы сказали, проведеніемъ въ жизнь той же самой идеи, которая осуществлена была въ монархіи Чешской и которая именно навлекла на нее всю эту бурю проклятій; никто изъ нихъ не трогается на призывъ папскій, а многіе еще болѣе сближаются съ Юріемъ, иные даже протестуютъ въ Римѣ противъ его осужденія, берутъ его подъ свою защиту предъ папскимъ дворомъ. А между тѣмъ, Юрій,

[1]) Эта идея особенно полно и подробно, но какъ намъ кажется, съ односторонностью, слишкомъ исключительною, развита въ книгѣ. г. Іордана „das Königthum Georgs von Podebrad", о которой мы уже упомянули.

съ своей стороны, опережая на цѣлыя столѣтія своихъ современниковъ, предлагаетъ разнымъ правительствамъ составленіе «парламента Европейскихъ государей», который устранилъ бы вмѣшательство Римскаго первосвященника въ свѣтскія дѣла и рѣшалъ бы мирнымъ судомъ споры между государствами. Онъ очевидно боялся за Чехію и думалъ обезпечить ея положеніе; онъ будто чуялъ грозу, уже тогда, когда громы Божія намѣстника еще умирали въ стѣнахъ Ватикана и глубокій миръ окружалъ Чешскую землю.

И гроза наступила: Римскій дворъ нашелъ желаннаго союзника. Къ подножію апостольскаго престола припалъ одинъ изъ членовъ чешской аристократіи, который за сопротивленіе закону и вооруженный разбой, подвергся строгости королевской власти, панъ Гинекъ Битовскій изъ Ликтенбурга (1464 года). Павелъ II принялъ его подъ свой покровъ, какъ невинную жертву. Начало было положено. Аристократія чешская прислушалась къ происходившему въ Римѣ и рѣшила, что власть такого строгаго блюстителя порядка государственнаго, какимъ былъ король Юрій, для нея невыносимо тягостна. Главнѣйшіе члены ея составили между собою конфедерацію подъ предлогомъ защиты католической религіи и правъ папскаго престола; папа благословилъ ихъ на подвигъ; они подняли оружіе противъ короля. Междоусобная война потрясла значеніе Подѣбрада при европейскихъ дворахъ, выказала слабость Чешскаго государства, и слабостью этою воспользовался властолюбивый король венгерскій Ватвѣй Корвинъ. Ему теперь показалось легко присоединить Чехію къ своей державѣ, и онъ объявилъ себя покровителемъ конфедераціи чешскихъ «пановъ», исполнителемъ папскаго приговора надъ еретикомъ Юріемъ. Папа передалъ ему Чешскій престолъ, собраніе «пановъ» чешскихъ и моравскихъ провозгласило его своимъ королемъ.

Но Юрій Подѣбрадскій не былъ покинутъ. Представитель чешской народности и государственной независимости, представитель гуситской церкви и патріотическихъ преданій гуситскихъ войнъ, онъ имѣлъ на своей сторонѣ массу народа, гуситское духовенство, большинство горожанъ, часть рыцарства (т. е. низшей аристократіи) и даже многихъ «пановъ», которые предпочитали благо отечества интересамъ сословнаго самовластія. Борьба была одна изъ самыхъ упорныхъ и кровопролитныхъ. Юрій Подѣбрадскій выказался во всей высотѣ своего благороднаго духа и военнаго таланта. Но время чудесъ гуситскихъ войнъ прошло: такой восторгъ одушевленія, такое лихорадочное напряженіе народныхъ силъ, какое въ ту пору возбудила революція, не могло быть явленіемъ нормальнымъ и продолжительнымъ; и Чехи при Юріѣ Подѣбрадскомъ, по прежнему превосходя непріятеля храбростью и военнымъ искусствомъ, уже испытывали на себѣ—что значитъ ве-

щественный перевѣсъ числа. Наступало время, когда Чешскій народъ долженъ былъ ощутить свою матеріальную слабость среди большихъ народовъ Европы и необходимость опереться на какое-нибудь другое государство. Первымъ вѣстникомъ этой идеи былъ самъ король Юрій. Мы уже упомянули, что онъ, еще до возстанія чешскихъ вельможъ и союза ихъ съ Венгерцами, предлагалъ постоянный Европейскій конгрессъ, въ надеждѣ этимъ обезпечить положеніе своего отечества. Потомъ, въ началѣ возмущенія аристократіи, онъ думалъ примирить съ собою Римскій дворъ обѣщаніемъ изгнать Турокъ изъ Европы и хотѣлъ, соединенными силами Чехіи и Венгріи (съ послѣднею еще не было разрыва), возстановить Восточную имперію: онъ самъ мечталъ надѣть на себя императорскій вѣнецъ въ св. Софіи. Наконецъ, когда удары Корвина и внутреннихъ враговъ разсѣяли всѣ блестящіе замыслы и нужно было думать о спасеніи государства, Юрій, чувствуя, что ему не долго остается жить, созвалъ земскій сеймъ и предложилъ ему назначить наслѣдникомъ чешскаго престола — не кого либо изъ сыновей своихъ (хотя изъ нихъ двое уже славились военными доблестями и пользовались любовью народа), а сына Польскаго короля Казиміра, Ягеллова внука Владислава. Сеймъ утвердилъ предложеніе короля.

Вскорѣ потомъ (1471) умеръ Юрій Подѣбрадскій, одинъ изъ самыхъ великихъ и добрыхъ людей, которыми можетъ гордиться Славянскій міръ; онъ умеръ среди разгара борьбы съ аристократическою партіею въ собственной землѣ и съ Венгерскимъ завоевателемъ: умеръ непобѣжденнымъ, но оставляя свой народъ въ страшномъ изнуреніи отъ междоусобной войны, и войны съ внѣшнимъ врагомъ, несравненно сильнѣйшимъ.

Воля Юрія Подѣбрадскаго была исполнена. Чехи, и сами сыновья покойнаго короля, «для блага языка славянскаго» [1]), признали Владислава Польскаго своимъ государемъ. Матвѣй Корвинъ продолжалъ войну еще восемь лѣтъ, и при нерѣшительности, съ какою Польша вступалась за Чехію, достигъ отчасти своей цѣли. Онъ заключилъ миръ лишь тогда, когда Владиславъ уступилъ ему (правда только въ пожизненное владѣніе) половину чешскихъ земель, т. е. Моравію и почти всю Силезію. Владиславъ сохранилъ одну Чехію въ тѣсномъ смыслѣ и Лузацію.

Чехія сошла со сцены всемірной исторіи. Могущественная держава Подѣбрада сдѣлалась однимъ изъ второстепенныхъ королевствъ европейскихъ. За то на развалинахъ государства, которое почерпнуло

---

¹) Regnum Bohemiæ ad honorem omnipotentis Dei augmentum fidei christianæ et decus linguagii slavonici publico consensu acceptat: такова была формула, произнесенная (по-польски) 15-лѣтнимъ Владиславомъ, когда онъ принималъ Чешскую корону.

столько силъ изъ революціоннаго порыва гуситскаго и которому Юрій Подѣбрадскій далъ правильную организацію конституціонной монархіи, царила аристократія. Она одержала побѣду и нашла въ своемъ королѣ Владиславѣ государя, какой былъ ей надобенъ. Слабый по природѣ, онъ былъ притомъ, по воспитанію своему, проникнутъ польскими идеями полновластія шляхты и давалъ этимъ идеямъ свободный просторъ развитія въ своемъ новомъ отечествѣ. Аристократія стала дѣйствительною правительницею Чехіи.

VIII.

Владиславъ и Людовикъ Ягеллончикъ. — Чехія и Моравія принимаютъ характеръ аристократической республики. — Борьба аристократіи съ городскимъ сословіемъ.

Между тѣмъ какъ Чехія, изнемогая отъ внутренняго разстройства и внѣшней войны, искала опоры въ союзѣ съ Польшею, Венгры съ своей стороны, тѣснимые завоеваніями Турокъ, почувствовали также, что имъ однимъ не устоять и что необходимо имъ привлечь къ себѣ новыя силы. Слѣдствіемъ этой потребности было то, что Венгрія, послѣ смерти Матвѣя Корвина, призвала на свой престолъ короля Чешскаго [1]). Владиславъ переѣхалъ въ Будимъ. Отторгнутыя Корвиномъ отъ Чехіи области были ей возвращены, но политическое значеніе государства Чешскаго еще болѣе упало. Уже однимъ своимъ матеріальнымъ перевѣсомъ Венгрія неминуемо должна была перетянуть Чехію, и охраненіе Венгріи отъ Турокъ потребовало всѣхъ силъ обоихъ соединившихся народовъ. Чехія сдѣлалась только какъ бы запаснымъ складомъ, откуда почерпались деньги и люди на защиту Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ идея союза съ Польшею во имя славянской народности, идея, которую завѣщалъ Чехамъ ихъ величайшій государственный человѣкъ, Подѣбрадъ, уступила мѣсто союзу Дунайскихъ народовъ, соединенію чисто политическому, основанному на однихъ внѣшнихъ интересахъ, и въ которомъ Чехія жертвовала больше, нежели сколько она получала. Притянувъ Чехію къ себѣ, Венгрія, такъ сказать, приковала ее къ своему тогдашнему жизненному дѣлу, къ борьбѣ съ Турками. Политическій центръ тяжести

---

[1]) Въ 1490 году.

перешелъ для Чехіи на Дунай, въ столицу неславянскаго народа; политическою задачею, на которую Чешскій народъ долженъ былъ тратить свои силы, сдѣлалась нескончаемая война, ему посторонняя уже по самому его положенію, чуждая его государственнымъ потребностямъ. Чехія вступала въ *австрійскій* періодъ своей исторіи, хотя еще не принадлежала къ Австріи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благородная идея защиты христіанства отъ ислама имѣла тутъ важное вліяніе. Но едва ли она объясняетъ образъ дѣйствія Чеховъ при Владиславѣ и его сынѣ Людовикѣ Ягеллончикѣ. Личной воли самого короля нельзя при этомъ брать въ расчетъ. Конечно, честолюбію Владислава льстила блестящая корона Венгерская и, принявъ эту корону, онъ принялъ на себя и обязанность защищать ее. Но обязанность эта не касалась Чехіи: король не смѣлъ располагать ея силами безъ согласія сейма. На престолѣ Чешскомъ даже могущественныя личности, какъ Карлъ IV и Юрій Подѣбрадскій, далеко не были самовластны; а при безхарактерномъ Владиславѣ королевская воля почти ничего не значила и правленіе было на дѣлѣ предоставлено сейму чешскихъ сословій и тѣмъ знатнымъ «панамъ», которые занимали высшія государственныя должности; при сынѣ же Владиславовомъ, Людовикѣ, по случаю его малолѣтства, дѣла Чехіи остались совершенно на попеченіи этихъ пановъ и сейма. Какимъ же образомъ чешскій сеймъ и паны-правители такъ легко согласились отдать свою родину въ кабалу Венгріи? Трудно допустить, чтобы они могли простереть христіанское безкорыстіе до такого самозабвенія и, для защиты чужой земли отъ мусульманъ, лишить свое отечество самостоятельной политической роли, жертвовать всѣми его войсками, всей его казной. Не забудемъ при томъ, что самой Чехіи отъ Турокъ не угрожала близкая опасность: никогда турецкая нога не ступала на земли Чешской короны; не забудемъ и того, что большинство Чеховъ были гуситы или протестанты, а Венгры — католики, которые столько разъ выказывали противъ гуситовъ и Чеховъ вообще фанатическую ненависть и которымъ Чешскій народъ отплачивалъ такимъ озлобленіемъ, что почти всякій разъ, когда король являлся въ Прагу въ сопровожденіи какихъ нибудь Венгерцевъ, дѣло кончалось дракою и ихъ изгнаніемъ. И все таки, каждый годъ, сеймъ чешскихъ сословій соглашался посылать новые и новые полки на Дунай, гдѣ они храбро бились и обыкновенно погибали; огромные для того времени налоги, цѣлыя сотни тысячъ «грошей», безпрекословно налагались сеймомъ на Чешскій народъ и пополняли истощенную казну Венгерскаго королевства.

Нѣтъ: не безкорыстное служеніе христіанству было существенною причиною такого самопожертвованія, а напротивъ, весьма ко-

рыстный расчетъ чешской аристократіи [1]). Ей было выгодно отсутствіе государя, занятаго исключительно дѣлами другой страны, ей было выгодно отсутствіе самостоятельной политической идеи въ Чехіи. Между королемъ, не могшимъ справиться съ одною Венгріей, и аристократіей чешскою образовалась обоюдно подразумѣвавшаяся, а иногда высказываемая довольно ясно, сдѣлка: «мы, говорила аристократія, будемъ назначать тебѣ на сеймахъ сколько нужно денегъ и войска для Венгріи, а ты насъ оставляй распоряжаться дома, какъ хотимъ». И дѣйствительно, аристократія чешская могла дѣлать, что хотѣла. Чехія въ это время обратилась въ нѣчто похожее на аристократическую республику съ номинальною властью короля; а Моравія, гдѣ высшая знать или сословіе пановъ имѣло большой перевѣсъ надъ низшей аристократіей или рыцарствомъ, устроилась на подобіе республики олигархической. Тамъ пятнадцать «панскихъ» родовъ организовались въ замкнутый кругъ и предоставили себѣ исключительное право занимать всѣ высшія правительственныя и судебныя должности; они совершенно завладѣли земскимъ сеймомъ, и для того чтобы устранить всякое постороннее вліяніе, старались все болѣе и болѣе ослаблять государственную связь Моравіи съ Чехіей.— Въ обѣихъ странахъ эта эпоха ознаменовалась окончательнымъ прикрѣпленіемъ къ землѣ, или, лучше сказать, порабощеніемъ простаго народа. Прошло съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ со времени пораженія демократической партіи Таборитовъ, и аристократія чешская вполнѣ упрочила свое владычество надъ массою народною: иго, которое

---

[1]) Просимъ принимать здѣсь и вездѣ въ настоящемъ очеркѣ слово *аристократія* въ смыслѣ нѣмецкаго Adel, французскаго noblesse и т. д. Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ понятіяхъ и историческихъ преданіяхъ Россіи, нѣтъ дѣйствительно-соотвѣтствующаго выраженія. Слово *дворянство* было бы безсмыслицей въ изложеніи исторіи Западныхъ Славянъ, потому что на этомъ словѣ лежитъ слишкомъ рѣзко и опредѣлительно печать понятія о *дворѣ* государевомъ, о сословіи *служебномъ* государству, тогда какъ у Славянъ, принявшихъ начала Западной жизни, высшее сословіе заключало въ себѣ прямо противоположную идею *независимости* отъ государственной власти, стремленіе устранить ее и самому сдѣлаться государствомъ. Самымъ вѣрнымъ въ этомъ случаѣ было бы слово *шляхта,* свойственное одинаково Польшѣ и Чехіи; однако мы не рѣшаемся употреблять его въ изложеніи чешской исторіи потому что оно, оставшись у насъ спеціально польскимъ словомъ, не имѣетъ въ языкѣ нашемъ общаго права гражданства и потому въ особенности, что мы привыкли соединять съ нимъ оттѣнокъ польскаго понятія о формальномъ демократическомъ равенствѣ лицъ этого сословія, понятія, не развившагося въ чешской „шлехтѣ". Поневолѣ приходится прибѣгать къ обще-европейскому слову *аристократія,* но съ тѣмъ чтобы оно было понимаемо не въ томъ тѣсномъ значеніи, какое имѣла аристократія въ древнихъ республикахъ, а въ смыслѣ „благороднаго сословія" Западной Европы, не исключавшаго въ своей средѣ дѣленія на высшую знать (nobility, по-чешски *паны,* у Поляковъ и Венгровъ *магнаты*) и на простыхъ „свободныхъ людей" (gentry, „рыцари" или въ Чехіи и также въ древней Польшѣ, *владыки* и т. д.).

она постепенно, въ разныхъ частныхъ случаяхъ и какъ злоупотребленіе, налагала на низшій классъ жителей, сдѣлалось повсемѣстнымъ и получило силу закона. За тѣмъ аристократіи оставалось еще подчинить себѣ городское сословіе. Она приступила къ этому немедленно и стала добиваться уничтоженія двухъ правъ, на которыхъ главнымъ образомъ основывалось политическое значеніе и экономическое благосостояніе горожанъ въ Чехіи. То были: право участвовать въ сеймахъ, какъ третье сословіе, и монополія пивоваренія и винокуренія. Исключить городское сословіе изъ сейма и овладѣть въ свою пользу этою монополіей сдѣлалось главною цѣлью всѣхъ усилій чешской аристократіи въ послѣдніе годы XV-го и въ первую четверть XVI-го вѣка. Сильные многолюдствомъ своимъ, богатствомъ и промышленнымъ развитіемъ, города вооружились на защиту своихъ правъ, завязалась мелкая, но повсемѣстная и ожесточенная, междоусобная война, то утихавшая, то вспыхивавшая снова,—безотрадное и почти единственное содержаніе чешской исторіи въ тѣ годы. Городское сословіе отстояло большую часть своихъ правъ; но вообще эта междоусобная война еще хуже разстроила государство, уже такъ сильно пострадавшее отъ ударовъ «панской» конфедераціи противъ короля Юрія и явившихся ей на помощь внѣшнихъ враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще болѣе возрасло значеніе и власть чешской аристократіи, не столько даже отъ уступокъ, какими горожане принуждены были купить свое спокойствіе, сколько отъ общаго безпорядка и замѣшательства, среди котораго паны и рыцари могли разширить на просторѣ свои права и вольности.

IX.

Общій характеръ развитія Чехіи до начала XVI вѣка. — Аристократическое начало: оно парализуетъ жизнь Чешскаго государства.—Избраніе Фердинанда Габсбургскаго.—Его борьба противъ чешской старины. — «Кровавый» сеймъ 1547 года.

Окинемъ теперь взглядомъ государственное развитіе Чехіи до второй четверти XVI-го вѣка. Въ началѣ она, мы знаемъ, поневолѣ приняла общественныя стихіи и систему государственной организаціи отъ средневѣковой феодальной Германіи. И когда она возстала противъ нѣмецкой народности и духовнаго ига Запада, то все-таки не могла выйти изъ круга его общественныхъ и государственныхъ

началъ: принципъ сословный и аристократическій не могъ быть поколебленъ въ Чехіи. Послѣ короткаго перерыва во время революціоннаго пыла и разгара борьбы съ Западною Европой, аристократія вмѣстѣ съ мѣщанствомъ возвратились къ прежней исключительности и заглушили демократическія попытки Таборитовъ; въ этихъ классахъ опять сосредоточилась, на подобіе Запада, вся общественная и политическая жизнь Чешскаго народа. Государственный порядокъ возстановился на прежнихъ основахъ, но благодаря развившемуся во время революціи сознанію общественныхъ интересовъ, государство Чешское опередило въ своей организаціи всѣ тогдашнія Западныя страны. Чехія при Юріи Подѣбрадскомъ сдѣлалась образцомъ современныхъ ей конституціонныхъ монархій западно-европейскихъ и главною представительницею овладѣвавшей міромъ идеи полноправности государства въ противность отжившей средневѣковой ѳеократіи. Все, повидимому, предвѣщало Чехіи блестящее государственное развитіе; можно было ожидать, что Чехія, ставъ впереди всѣхъ современныхъ государствъ Запада, пойдетъ ровнымъ съ ними шагомъ, съ одной стороны усиливая власть правительственную, которая въ ту пору повсемѣстно возрастала, а съ другой стороны, смягчая, по примѣру остальной Западной Европы, исключительность сословныхъ привилегій расширеніемъ гражданскихъ правъ народа. Но тотъ историческій моментъ, который на Западѣ послужилъ исходною точкою дальнѣйшаго громаднаго развитія, по справедливости называемаго «новою» эрою въ сравненіи съ прежнею жизнію человѣчества, этотъ самый историческій моментъ оказался въ Чехіи крайнимъ предѣломъ поступательнаго движенія. Отъ него она вдругъ повернула назадъ, къ среднимъ вѣкамъ. Аристократія вырвалась изъ круга, ей принадлежавшаго въ Чешской, какъ и въ другихъ средневѣковыхъ конституціонныхъ монархіяхъ, вооружилась противъ государственнаго начала, заключила союзъ съ послѣднимъ въ Европѣ защитникомъ средневѣковыхъ ѳеократическихъ притязаній, стала подъ покровительство иностраннаго завоевателя и, низвергнувъ Чехію въ политическое ничтожество, упрочила въ ней свое полное владычество. И съ тѣхъ поръ, какая перемѣна во всемъ! При Юріи Подѣбрадскомъ мы называли Чехію передовою представительницею тѣхъ политическихъ идей, къ которымъ стремился весь Западный міръ, она была современнымъ идеаломъ государствъ; а 10 или 20 лѣтъ спустя, что̀ дѣлаетъ Чехія? Порабощаетъ простой народъ, тогда какъ Западъ кладетъ начало его освобожденію; подавляетъ города, когда Западъ всѣми мѣрами способствуетъ ихъ развитію; доводитъ правительственную власть до ничтожества, когда западъ вооружаетъ ее громадными силами; учреждаетъ родъ аристократической республики, когда Западъ на разва-

линахъ феодальной вольницы воздвигаетъ абсолютныя монархіи. Не отрѣшаясь отъ общественныхъ началъ Запада, оставаясь въ кругѣ его жизни, Чехія пошла прямо въ разрѣзъ общему ходу его развитія. Западный міръ долженъ былъ раздавить ее.

Никакая внѣшняя сила не ставила ее на этотъ путь. Мы видимъ тутъ внутреннюю, постепенную, неудержимую работу аристократическаго начала. Польша представляетъ намъ поразительное сходство съ этимъ явленіемъ, которое мы встрѣчаемъ и въ древней Сербіи, и при такомъ совпаденіи, мы не въ правѣ считать этого случайнымъ. Чуждый аристократическаго принципа въ первоначальную, чисто-славянскую эпоху своей исторіи, Чешскій народъ, воспринявъ его отъ Германіи, не могъ, какъ народы германскіе, родившіеся, такъ сказать, съ этимъ принципомъ, найти ему въ своемъ организмѣ законнаго отправленія и уравновѣсить его съ другими общественными силами. Пока аристократическое начало могло жить и развиваться совмѣстно съ началомъ государственнымъ, Чехія росла, не отставая отъ Западныхъ странъ и даже опережая ихъ. Но наступила минута, когда государство, не уживаясь долѣе съ понятіями аристократіи, должно было вступить съ нею въ борьбу, и тогда-то на Западѣ силы народныя выручили государство: оно сломило аристократію или смирило ея произволъ; а у Чеховъ мы видѣли противное. Потому ли, что народный организмъ славянскій по природѣ своей былъ слишкомъ мягокъ и податливъ для того, чтобы выдержать на себѣ, не поддаваясь ей, прививку такой властолюбивой стихіи, какова аристократія, или потому, что самой прививкѣ должно было предшествовать ослабленіе и разстройство въ народномъ организмѣ славянскомъ, или наконецъ по обѣимъ причинамъ вмѣстѣ,— во всякомъ случаѣ не нашлось въ Чешской землѣ никакого противодѣйствія аристократіи, никакихъ силъ, на которыя государство въ состояніи было бы опереться, и аристократія, одержавъ верхъ надъ государствомъ, могла съ тѣхъ поръ развиться тамъ до крайностей, невиданныхъ на Западѣ, ибо она одна продолжала развиваться, а все прочее чахло и замирало. Какъ чужеядное растеніе на организмѣ славянскаго племени, аристократія втянула въ себя всѣ его жизненные соки; доведя народъ до омертвѣнія, она сама хотѣла вмѣстить въ себѣ полноту народной жизни; разбивъ государство, она сама хотѣла заключить государство въ своемъ сословіи.

Пока Чехія приближалась такимъ образомъ къ осуществленію того порядка вещей, который еще полнѣе мы видимъ въ Польшѣ; пока аристократія чешская воевала съ городскимъ сословіемъ, чтобы низложить эту послѣднюю преграду своему полновластію и Чешская земля возвращалась къ идеямъ средневѣковой аристократической воль-

ницы,—Западный міръ измѣнялся подъ вліяніемъ новаго духа. Мы назвали папу Павла II, того самого, который благословлялъ чешскихъ «пановъ» на борьбу съ государственнымъ началомъ, — послѣднимъ представителемъ средневѣковой ѳеократіи. При его преемникахъ, папскій престолъ отказался отъ проиграннаго дѣла. Вмѣсто того, чтобы быть верховнымъ властителемъ владыкъ земныхъ, папа рѣшился сдѣлаться ихъ помощникомъ: вмѣсто прежней борьбы съ началомъ государственнымъ, церковь католическая стала подъ покровительство государственнаго начала, и за содѣйствіе, которое она оказывала монархамъ къ достиженію абсолютизма, получала отъ нихъ въ воздаяніе матеріальныя средства для обезпеченія своего господства надъ умами ихъ подданныхъ. Къ такому союзу, во всей безусловной полнотѣ его примѣненія, прилѣпились Габсбурги, соединившіе въ ту пору подъ своимъ правленіемъ громадную массу земель Испанской короны съ наслѣдственными землями Австрійскими, которыя приносили съ собою также императорскій престолъ Германіи. Габсбурги сдѣлались главными въ Европѣ представителями католицизма и абсолютной монархіи.

И въ это время случилось, что король Чешскій, молодой Людовикъ Ягеллончикъ, погибъ въ Венгріи, въ битвѣ съ Турками, не оставивъ наслѣдника (1526 г.); и выборные, назначенные отъ трехъ сословій чешскаго сейма для избранія новаго короля, отдали престолъ Чешскій Габсбургу, Фердинанду эрцгерцогу Австрійскому, брату всемогущаго короля Испанскаго и Германскаго императора Карла V.

Насъ озадачиваетъ такой выборъ. Какимъ образомъ Чехи, по большей части гуситы или протестанты и всѣ проникнутые духомъ сословной вольности, могли отдать себя добровольно подъ власть Габсбурга, величайшаго, послѣ его роднаго брата, поборника католической церкви и государственнаго начала, доводимаго до крайности абсолютизма?

Много частныхъ причинъ соединилось, чтобы рѣшить этотъ выборъ. Во-первыхъ, Фердинандъ, по праву женскаго престолонаслѣдія и стариннаго, заключеннаго еще въ 1364 году, но не исполнявшагося прежде [1]), договора между Чешскимъ (Люксенбургскимъ) и Австрійскимъ домами, былъ ближайшій кандидатъ на чешскій престолъ, и хотя престолъ этотъ былъ избирательный, однако Чехи, при выборѣ, обыкновенно принимали въ соображеніе и наслѣдственное право. Во-вторыхъ, они привыкли и въ прежнее время видѣть у себя на престолѣ Австрійцевъ (именно, въ первой половинѣ XV вѣка, Альбрехтъ

[1]) Напр. при избраніи Юрія Подѣбрадскаго послѣ смерти Ладислава и при назначеніи Владислава королевича Польскаго наслѣдникомъ Юрія.

и сынъ его Ладиславъ, изъ которыхъ послѣдній былъ очень любимъ); мысль о союзѣ съ Дунайскими землями укрѣпилась у нихъ въ царствованіе Владислава и Людовика, королей Чешскихъ и Венгерскихъ, и привела въ забвеніе болѣе естественный союзъ съ Польшею: вѣроятно они надѣялись (и не совсѣмъ напрасно), что и Венгрія возьметъ себѣ въ государи того же Фердинанда. Притомъ не было другаго, достаточно обращавшаго на себя вниманіе, претендента изъ иностранныхъ принцевъ, а посадить на престолъ своего брата—Чеха, не рѣшалась завистливая аристократія; наконецъ Фердинандъ осыпалъ Чеховъ обѣщаніями покровительства ихъ правамъ и вольностямъ, и они, быть можетъ, ему и повѣрили. Казалось бы, всѣ эти второстепенныя соображенія не могли быть не довольно сильны, чтобы побудить Чеховъ наложить на самихъ себя руку, призваніемъ на свой престолъ жесточайшаго противника всего, что было Чеху дорого и свято, противника, вооруженнаго къ тому же огромною, отъ нихъ независѣвшею, матеріальною силою. Во всякомъ случаѣ, выборъ Фердинанда является однимъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ того политическаго неразумія, которымъ, можно сказать, сама судьба преслѣдовала владычество аристократіи въ славянскихъ земляхъ, какъ будто бы въ кару за ея измѣну началамъ народной жизни [1]).

Войдя, съ воцареніемъ Фердинанда, въ составъ огромнаго сбора Габсбургскихъ земель, Чехія, разумѣется, утратила послѣдній остатокъ своего самостоятельнаго значенія въ политическихъ дѣлахъ Европы. Роль ея ограничилась умноженіемъ войскъ и денегъ, которыми располагала Габсбургская династія. Оставалось только уничтожить права и вольности чешскихъ сословій, вымести изъ круга Западныхъ странъ [2]) этотъ послѣдній остатокъ средневѣковыхъ конституцій и покорить Чеховъ государственному началу ново-европейскому, какъ его понимали Габсбурги. Борьба длилась безъ малаго столѣтіе.

---

[1]) Аристократія венгерская показала въ этомъ отношеніи гораздо болѣе политической проницательности. Тамъ только одна небольшая партія прельстилась наслѣдственными правами и обѣщаніями Фердинанда, и разными неправдами провозгласила его королемъ; большинство же отвергло его и выбрало природнаго Мадьяра, Седмиградскаго князя Заполью. Къ несчастію для Венгріи, дѣло Запольи было потомъ проиграно, вслѣдствіе неестественнаго союза, который онъ принужденъ былъ заключить съ Турками для противодѣйствія Фердинанду.

[2]) Въ то время Венгрія и Польша (послѣдняя вслѣдствіе своего соединенія съ Литвою и южною Русью) принадлежали гораздо болѣе къ міру восточно-европейскому, нежели къ западному; въ этомъ смыслѣ мы называемъ Чехію послѣднею среди Западныхъ странъ представительницею средневѣковыхъ началъ. Хотя тѣ же почти начала общественныя господствовали, болѣе или менѣе, въ Польшѣ и Венгріи, однако, какъ страны эти не входили тогда, подобно Чехіи, въ общій кругъ западно-европейской жизни и стояли какъ бы особнякомъ, то онѣ не являлись тамъ такою аномаліей и помѣхой для западнаго міра, какъ въ Чехіи.

Непримиримое противорѣчіе между Фердинандомъ и чешскими сословіями въ понятіяхъ о государствѣ и государственной власти обозначилось съ перваго дня. Высшая знать и рыцарство тотчасъ сблизились съ горожанами, которыхъ такъ недавно еще пытались исключить изъ земскаго сейма; всѣ три сословія стали опять за одно, съ тѣхъ поръ какъ нужно было спасать вообще старую сословную организацію, одинаково дорогую и аристократіи и горожанамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе прежняго возрасла въ Чехіи нравственная сила аристократіи и особенно «пановъ», какъ передоваго, богатѣйшаго, вліятельнѣйшаго сословія: ибо дѣло аристократіи и ея сословныхъ интересовъ слилось съ общимъ земскимъ дѣломъ, съ защитою внутренней автономіи земли Чешской; аристократія сдѣлалась представительницею чешской независимости, чешской народности. — Мы знаемъ, что вездѣ главною союзницею и главнымъ орудіемъ Габсбурговъ была католическая церковь. Тѣснѣе и крѣпче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, должно было связаться дѣло Габсбурговъ съ дѣломъ католицизма въ отношеніи къ Чехамъ, которые съ духомъ непокорности государственному началу соединяли всѣ оттѣнки ереси религіозной, отъ секты *Братій*, радикально противоположной всѣмъ основамъ Римской церкви, до близкаго къ ней, но все-таки ей враждебнаго, ученія Чашниковъ. Борьба политическая должна была неминуемо захватить и область религіозную. Габсбурги, въ своихъ усиліяхъ подвести Чехію подъ уровень испано-австрійскаго абсолютизма, являлись поборниками единоспасающей церкви противъ безбожныхъ еретиковъ (а можетъ быть, и дѣйствительно вѣрили въ такое призваніе: кто разгадаетъ душу какого нибудь Фердинанда I или того Фердинанда II, передъ которымъ первый былъ еще идеаломъ вѣротерпимости). По тому самому оппозиція Чеховъ государственному началу габсбургскому сливалась съ противоборствомъ католицизму. Но въ этомъ противоборствѣ, источникъ котораго не былъ уже религіозный, а политическій, Чехи не могли выступить во имя какой нибудь опредѣленной, самостоятельной религіозной идеи, какъ сто лѣтъ тому назадъ, во время гуситскихъ войнъ; да и не было у нихъ опредѣленной религіозной идеи, съ тѣхъ поръ какъ гуситство потеряло свое значеніе и протестантскій раціонализмъ Лютера и Кальвина сталъ замѣнять мысль Гусову о возсозданіи первобытной вселенской церкви [1]). Но и не исповѣданье аугсбургское или гельветическое, какъ опредѣленная религіозная система, могло быть противопоставляемо Чехами католицизму, сдѣлавшемуся политическимъ орудіемъ Габсбурговъ, а самая основа аугсбургскаго и гельветическаго исповѣданій, свобода религіознаго су-

[1]) Этотъ переходъ мы уже выше старались объяснить.

жденія, свобода совѣсти. Свобода совѣсти была принципъ, логически противоположный той идеѣ, на которой основывалась габсбургская политика въ отношеніи религіозномъ, т. е. представленію о католицизмѣ, какъ о единоспасительномъ, а потому самому *обязательномъ* исповѣданіи. Свобода совѣсти сдѣлалась знаменемъ Чеховъ.

Такимъ образомъ, силою вещей, составился тамъ союзъ старой, средневѣковой, отживавшей въ Европѣ, идеи аристократической, — привилегированной, такъ сказать, вольности, — съ новою, начинавшею являться въ міръ, идеею духовной свободы. Сыновья и внуки тѣхъ самыхъ «пановъ», которые сражались противъ Юрія Подѣбрадскаго за католицизмъ и права ѳеократіи, стали теперь ревностнѣйшими борцами за вѣротерпимость: переходъ совершился не силою внутренняго, если можно такъ выразиться, развитія убѣжденій, а перестановкою интересовъ аристократіи, какъ сословія. И если не этимъ людямъ дано было провести въ міръ великое начало духовной свободы, то по крайней мѣрѣ они пали подъ честнымъ знаменемъ. Борьба съ Габсбургскою династіей и ея принципами соединила подъ знаменемъ чешской аристократіи всѣ благородныя и возвышенныя стремленія: любовь къ родинѣ, преданность ея правамъ и независимости, служеніе христіанской идеѣ свободы духа и нераздѣльная съ этой идеей ревность къ наукѣ и просвѣщенію, — вотъ что олицетворила въ себѣ аристократія чешская въ XVI и началѣ XVII вѣка, выступивъ въ бой съ бездушной тиранніей, съ іезуитскимъ фарисействомъ Габсбурговъ, съ духовнымъ рабствомъ и мракомъ, на которыхъ они основывали свою власть. И хотя аристократія чешская, по самому историческому принципу своему, носила въ себѣ начала смерти, какъ для себя самой, такъ и для страны, которой сдѣлалась представительницею, хотя она, какъ мы увидимъ, сама, внутреннимъ своимъ разложеніемъ, доставила торжество Габсбургамъ, — тѣмъ не менѣе высокъ остается ея подвигъ въ этой борьбѣ. Сама по себѣ, какъ сословіе, какъ порожденіе чуждыхъ и разрушительныхъ для славянской страны общественныхъ началъ, чешская аристократія была чѣмъ-то преступнымъ передъ народнымъ духомъ; съ этой отвлеченной точки зрѣнія гибель ея должна быть признана исторически необходимою и, въ такомъ смыслѣ, можно считать эту гибель справедливою. Но въ житейской дѣйствительности, не какъ отвлеченность, а какъ живое общество людей, движущихся въ борьбѣ страстей и убѣжденій, она была права; она защищала дѣло чистое и святое; и кровавое паденіе ея напоминаетъ тѣ древнія трагедіи, въ которыхъ чистая и святая личность человѣка гибнетъ за роковую вину, ему самому невѣдомую. Пока исторія останется не безучастною къ добру и злу, она съ сочувствіемъ и сердечною болью разсказывать будетъ о тог-

дашнихъ чешскихъ дѣятеляхъ, объ этихъ страдальцахъ за права родной земли и свободы совѣсти, каковы были Рабштейнъ, Костка изъ Поступицъ, Вратъ и Аугуста, каковы были Будова, Гарантъ Полчицкій, Есенскій, Шликъ, Чернинъ и прочіе 47 мучениковъ Пражскихъ, каковы были Благославъ, Жеротинъ и Коменскій.... Но мы здѣсь не разсказываемъ частности историческихъ событій; наша задача — стараться вникнуть въ ихъ отвлеченный смыслъ и логическую послѣдовательность, и поэтому мы должны сосредоточить наше вниманіе не на тѣхъ благородныхъ личностяхъ, не на тѣхъ высокихъ подвигахъ, которые украшаютъ послѣднія страницы чешской исторіи, а напротивъ, на томъ, что̀ сдѣлало эти личности безсильными, эти подвиги безплодными.

Что вначалѣ всего болѣе обезпечило Габсбургское правительство въ отношеніи Чеховъ и приготовило испано-австрійской политикѣ первую надъ ними побѣду, — было внутреннее противорѣчіе идей, руководившихъ Чехами въ ихъ борьбѣ за свою автономію. Съ одной стороны, они, какъ мы видѣли, воплощали въ себѣ передовую идею вѣка, идею религіозной свободы, начало въ ту эпоху еще новое и являвшееся чѣмъ-то революціоннымъ. Но съ другой стороны, они были безусловными консерваторами: ибо ратовали противъ новаго, нивелирующаго начала государственнаго, за сохраненіе «стародавнихъ, утвержденныхъ присягами и договорами, правъ, привилегій и вольностей королевства Чешскаго и маркграфства Моравскаго». И въ этомъ опять-таки какой переходъ въ идеяхъ отъ исторической перестановки интересовъ: преемники гуситской революціи сдѣлались представителями начала давности, легитимности! Святыней, которую они отстаиваютъ, стала буква той или другой старой грамоты, гдѣ были написаны, утвержденныя прежними королями, привилегіи чешскихъ сословій. Фердинандъ Габсбургскій распорядился довольно просто: онъ позаботился о томъ, чтобы зданіе, гдѣ хранились государственные акты Чехіи, сгорѣло [1]; и этотъ пожаръ, въ самомъ дѣлѣ, значительно ослабилъ чешскія сословія въ ихъ постоянной тяжбѣ съ королевскою властію, лишивъ ихъ подлинниковъ большей части тѣхъ документовъ, на которыхъ они основывали свои права.

Принципъ легитимности, служившій Чехамъ опорою, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ ихъ безсилія. Въ виду властелина, который, подъ покровомъ идеи абсолютной полноправности монарха и безусловной обязательности католической вѣры для спасенія душъ человѣческихъ, не признавалъ законнымъ ничего противорѣчившаго этимъ

[1]) Этотъ *историческій* пожаръ въ Прагѣ произошелъ въ 1541 году. По всѣмъ сохранившимся извѣстіямъ, можно полагать почти съ полною достовѣрностію, что онъ былъ слѣдствіемъ поджога со стороны одного изъ клевретовъ Габсбургскаго дома.

идеямъ и ничѣмъ не стѣснялся, — Чехи ссылались на писанное право, и дальше не могли итти: ибо принципъ легитимности не дозволялъ посягнуть на власть законнаго государя. Чешскіе сеймы протестовали; Габсбурги дѣйствовали. И когда дѣйствія короля, становясь все болѣе и болѣе противозаконными, наконецъ доводили сеймъ до крайности и нужно было или вовсе отказаться отъ старыхъ правъ, или принять положительныя мѣры сопротивленія, то распоряженія сейма отзывались постояннымъ колебаніемъ и противорѣчіемъ: онъ все-таки не рѣшался на явное возмущеніе, а своими поступками, уже выходившими изъ предѣловъ строгой законности, только давалъ королю желанный случай къ возмездію. Таковъ характеръ столь важныхъ для судьбы Чехіи событій 1547 года. Именно, король для содѣйствія своему брату императору Карлу V, въ его походѣ противъ главы нѣмецкихъ протестантовъ, Саксонскаго курфирста Іоанна-Фридриха, — король Фердинандъ своею властію, не спрашивая сейма, приказалъ набрать въ Чехіи войско. Чины [1]) чешскіе протестовали противъ такого неслыханнаго у нихъ распоряженія, король не уступалъ и сталъ брать Чеховъ подъ свои знамена. Чешскій сеймъ, съ своей стороны, созвалъ земскую рать для защиты отечества, избралъ полководца, назначилъ временныхъ правителей; но какъ бы пугаясь каждаго своего шага, Чехи дальше не пошли. Они держали земскую рать на границѣ, зрительницею происходившей въ сосѣдней Саксоніи войны; съ Фердинандомъ продолжалась безконечная переписка, продолжалась до тѣхъ поръ, пока Фердинандъ извѣстилъ чешскіе чины, что дѣло кончено: курфирстъ Саксонскій былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ подъ Мюльбергомъ. Что оставалось дѣлать? Чехи послали поздравить своего короля съ побѣдою и, чтобы устранить самое явное свидѣтельство своей непокорности, распустили земскую рать. Фердинандъ съ своею арміей вступилъ въ Чехію; паны и рыцари поспѣшили къ нему съ повинною; Прага хотѣла было обороняться, но оставленные другими сословіями, горожане должны были тоже покориться. Фердинандъ занялъ столицу нѣмецкими войсками. Простой народъ два раза вооружался и принимался бить и выгонять ихъ; но уже Чехія была не та, какъ въ то время, когда Жижка съ простымъ народомъ, поддержанный горожанами, вырвалъ Прагу изъ рукъ стотысячнаго войска Сигизмундова. Въ этотъ разъ, горожане и паны приняли подъ свою защиту нѣмецкій гарнизонъ и усмирили народный мятежъ. Когда наконецъ Фердинандъ стянулъ къ Прагѣ всю свою армію, онъ открылъ сеймъ, который Чехи, отъ казней, его ознаме-

---

[1]) Подъ именемъ *чиновъ* мы разумѣемъ совокупность трехъ сословій (пановъ, рыцарей и горожанъ), заключавшихъ въ себѣ законодательную власть въ Чехіи, то, что по-чешски называлось Stavové, по-нѣмецки Stände.

новавшихъ, прозвали «кровавымъ». Послѣ казни четырехъ лицъ, Фердинандъ заставилъ чешскія сословія отказаться отъ важнѣйшей основы ихъ вольностей, отъ того права, которое давало Чехіи при Ягеллонахъ характеръ аристократической республики, отъ права составлять сеймъ и постановлять на немъ рѣшенія безъ королевскаго соизволенія. За тѣмъ онъ приступилъ къ наказанію отдѣльныхъ сословій. Наименѣе пострадали «паны»: за исключеніемъ немногихъ лицъ, наиболѣе компрометированныхъ и наказанныхъ конфискаціями, король пощадилъ ихъ сословіе совершенно; нѣсколько строже покаралъ онъ рыцарей, но страшно досталось городскому сословію, значеніе котораго въ общественныхъ дѣлахъ было почти уничтожено новыми постановленіями. Водворить въ Чехіи исключительное господство католицизма показалось королю еще несвоевременнымъ; но онъ приступилъ къ этому дѣлу изгнаніемъ всѣхъ членовъ секты *Братій* и тѣмъ, что, кромѣ католической, признана была терпимою въ Чехіи только церковь гуситовъ-чашниковъ, унія которой съ Римомъ была потомъ осуществлена Фердинандомъ [1]).

---

[1]) Побѣда Фердинанда повлекла за собою также, между прочимъ, установленіе въ Чехіи цензуры. Вотъ что говоритъ объ этомъ Пельцель (Geschichte von Böhmen 1782 ч. II, стр. 617): „Пражскій соборный капитулъ сдѣлалъ въ 1547 г. Фердинанду представленіе, что въ Чехіи печатаются въ разныхъ мѣстахъ еретическія книги, а также ввозятся туда изъ другихъ странъ и свободно распространяются въ народѣ; по этому случаю капитулъ просилъ короля назначить особыхъ досмотрщиковъ, безъ вѣдома и одобренія которыхъ никакая книга не должна была печататься въ королевствѣ или туда ввозиться. Король исполнилъ это желаніе и ввелъ въ Чехіи цензуру. Съ тѣхъ поръ мало и печаталось въ Чехіи, кромѣ латинскихъ стихотвореній, книгъ о космографіи, сборниковъ городскихъ законовъ и т. п. Только послѣ смерти Фердинанда, цензура утратила свою силу, которая за то сдѣлалась еще страшнѣе съ 1620 года. Бальбинъ (чешскій писатель XVII вѣка, членъ ордена іезуитовъ) принужденъ былъ семь разъ подвергнуть цензурѣ свою „Epitome". А въ наше время строгость возросла до такой степени, что никакая книга, хотя бы разсуждала о каменномъ углѣ или объ искусствѣ ковать лошадей, не могла быть ввезена изъ за границы и продаваема, не пролежавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ цензурѣ. Самая лучшая книга запрещалась изъ за одного какого-нибудь мѣста, не понравившагося книжному судьѣ. Рукописи должны были доставляться въ цензуру въ двухъ экземплярахъ, печатныя книги переплетенными. Строгость цензуры и затрудненія доставать ученыя пособія удерживали ученыхъ отъ продолженія своихъ занятій, и музы готовились уступить мѣсто варварству, если бы монархъ Іосифъ II не призвалъ ихъ обратно своимъ мудрымъ распоряженіемъ".

идеямъ и ничѣмъ не стѣснялся, — Чехи ссылались на писанное право, и дальше не могли итти: ибо принципъ легитимности не дозволялъ посягнуть на власть законнаго государя. Чешскіе сеймы протестовали; Габсбурги дѣйствовали. И когда дѣйствія короля, становясь все болѣе и болѣе противозаконными, наконецъ доводили сеймъ до крайности и нужно было или вовсе отказаться отъ старыхъ правъ, или принять положительныя мѣры сопротивленія, то распоряженія сейма отзывались постояннымъ колебаніемъ и противорѣчіемъ: онъ все-таки не рѣшался на явное возмущеніе, а своими поступками, уже выходившими изъ предѣловъ строгой законности, только давалъ королю желанный случай къ возмездію. Таковъ характеръ столь важныхъ для судьбы Чехіи событій 1547 года. Именно, король для содѣйствія своему брату императору Карлу V, въ его походѣ противъ главы нѣмецкихъ протестантовъ, Саксонскаго курфирста Іоанна-Фридриха, — король Фердинандъ своею властію, не спрашивая сейма, приказалъ набрать въ Чехіи войско. Чины [1]) чешскіе протестовали противъ такого неслыханнаго у нихъ распоряженія, король не уступалъ и сталъ брать Чеховъ подъ свои знамена. Чешскій сеймъ, съ своей стороны, созвалъ земскую рать для защиты отечества, избралъ полководца, назначилъ временныхъ правителей; но какъ бы пугаясь каждаго своего шага, Чехи дальше не пошли. Они держали земскую рать на границѣ, зрительницею происходившей въ сосѣдней Саксоніи войны; съ Фердинандомъ продолжалась безконечная переписка, продолжалась до тѣхъ поръ, пока Фердинандъ извѣстилъ чешскіе чины, что дѣло кончено: курфирстъ Саксонскій былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ подъ Мюльбергомъ. Что оставалось дѣлать? Чехи послали поздравить своего короля съ побѣдою и, чтобы устранить самое явное свидѣтельство своей непокорности, распустили земскую рать. Фердинандъ съ своею арміей вступилъ въ Чехію; паны и рыцари поспѣшили къ нему съ повинною; Прага хотѣла было обороняться, но оставленные другими сословіями, горожане должны были тоже покориться. Фердинандъ занялъ столицу нѣмецкими войсками. Простой народъ два раза вооружался и принимался бить и выгонять ихъ; но уже Чехія была не та, какъ въ то время, когда Жижка съ простымъ народомъ, поддержанный горожанами, вырвалъ Прагу изъ рукъ стотысячнаго войска Сигизмундова. Въ этотъ разъ, горожане и паны приняли подъ свою защиту нѣмецкій гарнизонъ и усмирили народный мятежъ. Когда наконецъ Фердинандъ стянулъ къ Прагѣ всю свою армію, онъ открылъ сеймъ, который Чехи, отъ казней, его ознаме-

[1]) Подъ именемъ *чиновъ* мы разумѣемъ совокупность трехъ сословій (пановъ, рыцарей и горожанъ), заключавшихъ въ себѣ законодательную власть въ Чехіи, то, что по-чешски называлось Stavové, по-нѣмецки Stände.

новавшихъ, прозвали «кровавымъ». Послѣ казни четырехъ лицъ, Фердинандъ заставилъ чешскія сословія отказаться отъ важнѣйшей основы ихъ вольностей, отъ того права, которое давало Чехіи при Ягеллонахъ характеръ аристократической республики, отъ права составлять сеймъ и постановлять на немъ рѣшенія безъ королевскаго соизволенія. За тѣмъ онъ приступилъ къ наказанію отдѣльныхъ сословій. Наименѣе пострадали «паны»: за исключеніемъ немногихъ лицъ, наиболѣе компрометированныхъ и наказанныхъ конфискаціями, король пощадилъ ихъ сословіе совершенно; нѣсколько строже покаралъ онъ рыцарей, но страшно досталось городскому сословію, значеніе котораго въ общественныхъ дѣлахъ было почти уничтожено новыми постановленіями. Водворить въ Чехіи исключительное господство католицизма показалось королю еще несвоевременнымъ; но онъ приступилъ къ этому дѣлу изгнаніемъ всѣхъ членовъ секты *Братій* и тѣмъ, что, кромѣ католической, признана была терпимою въ Чехіи только церковь гуситовъ-чашниковъ, унія которой съ Римомъ была потомъ осуществлена Фердинандомъ [1]).

---

[1]) Побѣда Фердинанда повлекла за собою также, между прочимъ, установленіе въ Чехіи цензуры. Вотъ что говоритъ объ этомъ Пельцель (Geschichte von Böhmen 1782 ч. II, стр. 617): „Пражскій соборный капитулъ сдѣлалъ въ 1547 г. Фердинанду представленіе, что въ Чехіи печатаются въ разныхъ мѣстахъ еретическія книги, а также ввозятся туда изъ другихъ странъ и свободно распространяются въ народѣ; по этому случаю капитулъ просилъ короля назначить особыхъ досмотрщиковъ, безъ вѣдома и одобренія которыхъ никакая книга не должна была печататься въ королевствѣ или туда ввозиться. Король исполнилъ это желаніе и ввелъ въ Чехіи цензуру. Съ тѣхъ поръ мало и печаталось въ Чехіи, кромѣ латинскихъ стихотвореній, книгъ о космографіи, сборниковъ городскихъ законовъ и т. п. Только послѣ смерти Фердинанда, цензура утратила свою силу, которая за то сдѣлалась еще страшнѣе съ 1620 года. Бальбинъ (чешскій писатель XVII вѣка, членъ ордена іезуитовъ) принужденъ былъ семь разъ подвергнуть цензурѣ свою „Epitome“. А въ наше время строгость возросла до такой степени, что никакая книга, хотя бы разсуждала о каменномъ углѣ или объ искусствѣ ковать лошадей, не могла быть ввезена изъ за границы и продаваема, не пролежавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ цензурѣ. Самая лучшая книга запрещалась изъ за одного какого-нибудь мѣста, не понравившагося книжному судьѣ. Рукописи должны были доставляться въ цензуру въ двухъ экземплярахъ, печатныя книги переплетенными. Строгость цензуры и затрудненія доставать ученыя пособія удерживали ученыхъ отъ продолженія своихъ занятій, и музы готовились уступить мѣсто варварству, если бы монархъ Іосифъ II не призвалъ ихъ обратно своимъ мудрымъ распоряженіемъ“.

X.

Фердинандъ низлагаетъ городское сословіе, покровительствуетъ высшей аристократіи. — Борьба въ нѣдрахъ чешской аристократіи. — Придворная партія магнатовъ-католиковъ и національная партія рыцарей-протестантовъ.—Іезуиты. — Максимиліанъ II и Рудольфъ: золотой вѣкъ чешской литературы. — Вторженіе Пассауцевъ. — Воцареніе Матіаса. — Мартиницъ и Славата выброшены изъ окна.—Вмѣшательство иностранцевъ.—Безсиліе Чехіи. —Бѣлогорская битва.

Послѣ «кроваваго сейма» 1547 г., настаетъ новый и послѣдній фазисъ въ исторіи Чешскаго государства. До сихъ поръ мы видѣли борьбу аристократіи съ началами, ее стѣснявшими. Сперва она низвергаетъ туземную государственную власть, потомъ подчиняетъ простой народъ своему неограниченному господству и затѣмъ обращаетъ свои усилія противъ городскаго сословія. Попавши, по собственной винѣ своей, подъ державу Габсбургскаго дома, она возобновляетъ союзъ съ горожанами и за одно съ ними борется за сословныя права и свободу совѣсти. Она побѣждена. Побѣдитель Фердинандъ, какъ мы видѣли, довольно умѣренно воспользовался низложеніемъ Чеховъ, потому, вѣроятно, что при порывѣ энтузіазма, какой увлекалъ тогда европейскіе народы къ протестантизму, онъ былъ слишкомъ доволенъ нежданнымъ торжествомъ въ Саксоніи и боялся возбудить новую бурю мѣрами, черезъ-чуръ крутыми. Какъ бы то ни было, Фердинандъ I, который могъ, на «кровавомъ» сеймѣ 1547 года, сдѣлать то, что сдѣлалъ Фердинандъ II, среди потоковъ крови, на «похоронномъ» сеймѣ 1627 г. [1]), окончательно разрушить и уничтожить Чешское государство, — Фердинандъ I не рѣшился на это. Онъ предоставилъ дѣло своимъ преемникамъ, или, вѣрнѣе сказать, самой силѣ вещей. Онъ сохранилъ за Чехіею ея внутреннюю автономію, съ отнятіемъ лишь тѣхъ правъ, которыя несовмѣстны были съ монархическимъ порядкомъ, даже конституціоннымъ. Низложивъ городское сословіе и пощадивъ аристократію, Фердинандъ I тѣмъ самымъ возвысилъ послѣднюю до полнаго почти преобладанія на сеймѣ, оставилъ въ ея рукахъ все земское управленіе. Такимъ образомъ, чешская аристократія достигла, хотя подъ строгимъ надзоромъ короля-Габсбурга и по его милости, того, чего добивалась она столько времени: исключительнаго господства въ чешскомъ обществѣ. Трудно сказать, руководилъ ли Фердинандомъ безсознательный инстинктъ по-

---

[1]) На этомъ сеймѣ похоронены были всѣ политическія и религіозныя права и вольности Чешской земли.

литическій, или обдуманный планъ; но во всякомъ случаѣ, его разсчетъ былъ вѣренъ, когда онъ, неравномѣрно распредѣляя между чешскими сословіями свои удары, всю тяжесть ихъ обрушилъ на города. По самому своему характеру, городское сословіе могло бы, какъ tiers-état на Западѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, притянуть къ себѣ народныя силы, и сдѣлалось бы тогда соперникомъ слишкомъ опаснымъ для габсбургскаго абсолютизма. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Габсбургамъ суждено было извѣдать это въ Голландіи. Привлечь къ себѣ городское сословіе, прельстить его придворною жизнію, связать его съ интересами династіи было, во всякомъ случаѣ, несравненно труднѣе, чѣмъ аристократію, особенно высшую, къ которой именно, какъ намъ извѣстно, Фердинандъ оказалъ особенную снисходительность.

И тутъ-то начинается, повторяемъ, новый и послѣдній фазисъ въ ходѣ чешской исторіи. Въ самой аристократіи образуется раздвоеніе, борьба переходитъ въ ея собственную среду, она своими руками отдаетъ себя и Чешскую землю на жертву Габсбургамъ.

Внутреннее раздвоеніе въ аристократіи сдѣлалось историческою необходимостью съ того дня, какъ она перестала встрѣчать соперничество въ другихъ стихіяхъ общественныхъ. Весьма естественно, что сословіе, заключающее въ себѣ идею прирожденнаго превосходства и преобладанія надъ остальными слоями народа, будетъ стоять болѣе или менѣе за-одно, пока имѣетъ дѣло съ общественными силами, ему противодѣйствующими. Но отнимите это противодѣйствіе, какъ сдѣлалъ Фердинандъ I въ Чехіи, низвергнувъ городское сословіе и оставивъ все внутреннее самоуправленіе страны въ рукахъ аристократіи, — и вы увидите, что присущая ей идея превосходства и преобладанія начнетъ свою работу въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Изъ среды аристократіи выдѣляться будутъ *магнаты;* наступитъ борьба начала олигархическаго съ прежними общими интересами аристократическаго сословія; и при этомъ понятно, что магнаты, какъ люди наиболѣе высокіе и склонные искать почестей и важнѣйшихъ должностей государственныхъ, станутъ стремиться туда, гдѣ раздаются должности, почести и богатства [1]), — ко двору. Такъ случилось и въ Чехіи.

Уже въ послѣдніе годы царствованія Фердинанда I-го, начинаетъ ясно обозначаться, среди аристократіи, партія придворныхъ вельможъ; и какъ, разумѣется, существенное условіе для сближенія съ Габсбургскимъ дворомъ есть преданность католицизму, то партію эту

---

[1]) Надобно замѣтить, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, дворъ былъ обильнѣйшимъ источникомъ богатствъ, вслѣдствіе обычая раздавать вельможамъ огромныя помѣстья, которыми располагала корона, и потому что съ нѣкоторыми государственными должностями сопряжены были громадные доходы.

образуютъ тѣ изъ «пановъ» чешскихъ, которые остались вѣрны Римскому исповѣданью или впослѣдствіи возвратились къ нему. По собственному желанію этихъ «пановъ», Фердинандъ призвалъ въ Чехію іезуитовъ [1]) и этимъ, такъ сказать, вложилъ душу въ придворно-католическую партію чешскихъ магнатовъ.

Послѣ смерти Фердинанда настало какое-то затишье въ дѣятельности Габсбургскаго дома (мы говоримъ объ австрійской, а не объ испанской его вѣтви), благодаря личному характеру двухъ императоровъ, Максимиліана и Рудольфа [2]), изъ которыхъ первый не хотѣлъ, а второй не умѣлъ проводить съ достаточною энергіею политическія и религіозныя начала своей династіи. Чехи пользовались такимъ покоемъ, какого не было въ ихъ землѣ со времени Карла IV [3]), и внутреннею свободою въ томъ видѣ, въ какомъ она была имъ оставлена послѣ извѣстнаго намъ «кроваваго» сейма. Чехи называютъ это время золотымъ вѣкомъ своего просвѣщенія и своей литературы.

Мы не будемъ вдаваться въ вопросъ о томъ, была ли кротость и вѣротерпимость Максимиліана II слѣдствіемъ просвѣщенныхъ убѣжденій политическихъ, или благодушнаго характера, нерасположеннаго къ насилію. Во всякомъ случаѣ Максимиліанъ, точно также какъ черезъ двѣсти лѣтъ Іосифъ II, стоитъ какимъ-то одинокимъ, удивляющимъ исторію, исключеніемъ въ длинномъ ряду поколѣній своего дома, всѣхъ этихъ мрачныхъ Габсбурговъ, безжалостно преслѣдующихъ одну деспотическую цѣль. Казалось, судьба создала Максимиліана и вручила ему на 12 лѣтъ правленіе Австрійскими землями нарочно для того, чтобы показать, что и Габсбурги могли бы быть людьми съ человѣческимъ сердцемъ, что и они могли бы основывать свою власть на свободномъ развитіи народовъ. По желанію сейма чешскаго, Максимиліанъ, какъ было уже упомянуто въ другомъ мѣстѣ, согласился на уничтоженіе такъ называемыхъ Базельскихъ компактатовъ, этого знаменитаго акта, которымъ въ старину гуситы думали утвердить свое исповѣданье на христіанскомъ преданіи Западной

---

[1]) Это было въ 1556 г. Первоначально поселились въ Чехіи 12 членовъ ордена Лойолы, которымъ король отвелъ для жилья полуразрушенный во время гуситскихъ войнъ монастырь св. Климента въ Прагѣ и назначилъ небольшое жалованье изъ казны. Черезъ 75 лѣтъ вся Чехія была рѣшительно въ рукахъ ордена, который владѣлъ такими богатствами, что когда Фердинандъ II предлагалъ іезуитамъ въ даръ новыя, конфискованныя у протестантовъ имѣнія, они отъ нѣкоторыхъ отказывались: на это Фердинандъ однажды возразилъ: „Accipite, patres! non semper habebitis Ferdinandos!" берите отцы! не всегда будутъ у васъ Фердинанды. См. статью священника (католическаго) Іосифа Эренберга: o přatelskem poměru měštanstva k šlechtě od r. 1547—1620. Часопись Чешскаго Музея, 1849, кн. 3-я.

[2]) Максимиліанъ II царствовалъ съ 1564 по 1576 годъ; Рудольфъ II съ 1576 по 1611.

[3]) Карлъ IV умеръ въ 1378 г.

церкви, съ исключеніемъ однако папской власти, и который сдѣлался орудіемъ въ рукахъ Рима и іезуитской пропаганды съ тѣхъ поръ, какъ папа, по настоянію Фердинанда (въ 1564 г.), освятилъ этотъ актъ своимъ авторитетомъ и привелъ такимъ образомъ гуситскую церковь въ унію съ Римомъ. Съ уничтоженіемъ компактатовъ, унія эта, просуществовавъ только три года, рушилась сама собою, и Чехи, получившіе съ тѣмъ вмѣстѣ отъ своего государя полную свободу исповѣданья, слились совершенно съ Западными протестантами. Но какъ царствованіе Максимиліана осталось безъ слѣда въ преемственной политикѣ Габсбургской династіи, такъ точно и пріобрѣтенная Чехами въ это царствованіе свобода нашла въ ихъ собственной средѣ враговъ, которые не дали ей упрочиться и помогли преемникамъ Максимиліана ее уничтожить. Олигархическая партія магнатовъ-католиковъ, руководимая іезуитами, тѣмъ рѣзче стала отдѣляться отъ общей массы аристократіи, чѣмъ крѣпче въ этой послѣдней укоренялась реформа Лютера и Кальвина. А какъ мы знаемъ, что аристократія чешская, вмѣстѣ съ ненавистнымъ для іезуитовъ принципомъ свободы совѣсти, защищала древнія земскія права и вольности, что она, въ своей оппозиціи стремленіямъ габсбургской политики, сдѣлалась представительницею чешской автономіи и самой народности чешской, то, удаляясь отъ своихъ прежнихъ собратій, магнаты становились съ тѣмъ вмѣстѣ въ антагонизмъ съ пользами этой народности, съ общественными правами и самостоятельностью своей родины. Они должны были сдѣлаться пособниками габсбургскаго деспотизма не только для придворныхъ выгодъ, но, такъ сказать, безкорыстно, по внутреннему влеченію своихъ принциповъ, и это стремленіе чешскихъ магнатовъ-католиковъ тѣмъ яснѣе обозначилось при императорѣ Максимиліанѣ, что онъ самъ, лично, вовсе не требовалъ такого рода услуги. Любопытно и то, что поддерживали въ это время іезуитовъ и содѣйствовали ихъ распространенію въ Чехіи не одни только магнаты Римскаго исповѣданья, но и нѣкоторые вельможи протестанты, даже члены *братской* общины: потому ли, что іезуиты такъ хорошо умѣли притворятся предъ ними, или потому, что присущее этимъ вельможамъ стремленіе къ тиранніи олигархической встрѣчало что-то родное въ іезуитахъ, этихъ высшихъ представителяхъ тиранніи, какихъ видѣло человѣчество?

Воцарился безхарактерный, странный, повидимому полупомѣшанный, но безусловно преданный исконнымъ идеямъ Габсбурговъ, императоръ Рудольфъ. Придворно-іезуитская партія магнатовъ мало по малу замѣщала своими членами всѣ важныя государственныя должности, шагъ за шагомъ завоевывала католицизму — сперва равносильное съ протестантскимъ исповѣданіемъ значеніе въ общественныхъ

дѣлахъ Чехіи [1]), а за тѣмъ и преимущество предъ нимъ. Рудольфъ, на сколько умѣлъ, покровительствовалъ этимъ усиліямъ. Еще болѣе помогъ онъ имъ неумышленно тѣмъ, что перенесъ въ Прагу свою столицу и свой дворъ, весь проникнутый духомъ и преданіями испанскими, дворъ, идеаломъ и руководителемъ котораго былъ Аранжуэсскій дворъ Филиппа II. Тридцатилѣтнее слишкомъ пребываніе въ Прагѣ императора, любившаго окружать себя учеными, поэтами и художниками, способствовало блестящему развитію чешской жизни; но вліяніе двора страшно ускорило внутреннее распаденіе чешской аристократіи. Не одинъ представитель могущественнѣйшихъ «панскихъ» родовъ принялъ, для придворной карьеры, католицизмъ и сталъ сотрудникомъ или орудіемъ іезуитовъ: въ томъ числѣ Вильгельмъ Славата, сдѣлавшійся потомъ столь извѣстнымъ въ исторіи какъ товарищъ Мартиница [2]) въ невольномъ полетѣ изъ окна Пражскаго дворца, въ этомъ роковомъ приключеніи, съ котораго началась Тридцатилѣтняя война; въ томъ числѣ Карлъ изъ Лихтенштейна, богатѣйшій и знатнѣйшій вельможа Моравіи, будущій палачъ своего народа; въ томъ числѣ еще болѣе знаменитый палачъ, не только своего, но и другихъ народовъ, Альбрехтъ-Вячеславъ изъ Вальдштейна, котораго Нѣмцы привыкли называть Валленштейномъ [3]). Въ продолженіе этихъ тридцати лѣтъ большинство высшей аристократіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ перевѣсъ богатства и вліянія, перешли на сторону двора и іезуитовъ. Все смѣлѣе и дерзче становились придворные магнаты и ихъ наставники іезуиты, все рѣшительнѣе становились мѣры, которыя Рудольфъ, ими руководимый и подстрекаемый, при-

---

[1]) Со времени объявленія Максимиліаномъ вѣротерпимости, протестантизмъ имѣлъ въ Чехіи огромный перевѣсъ общественнаго вліянія, по самому числу своихъ послѣдователей, ибо на сто челов. протестантовъ едва приходился тамъ одинъ католикъ. Протестантизмъ казался въ то время въ Чехіи господствующею, а католицизмъ только терпимою религіей.

[2]) Ярославъ изъ Мартиницъ былъ тоже одинъ изъ знатнѣйшихъ членовъ чешской аристократіи и вмѣстѣ съ Славатою стоялъ, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, во главѣ придворно-іезуитской партіи.

[3]) Переходъ Славаты и Лихтенштейна въ католицизмъ относится къ первымъ годамъ царствованія Рудольфа; переходъ Валленштейна (который былъ гораздо моложе) къ концу этого царствованія. Валленштейнъ принадлежалъ къ высшей аристократіи моравской и былъ близкій родственникъ Карла изъ Жеротина, члена секты *братій* и главы національной и протестантской партіи въ Моравіи; самъ будучи протестантомъ, онъ однако воспитывался въ коллегіи іезуитовъ въ Оломуцѣ. Замѣтимъ кстати, что имена, какъ Лихтенштейнъ, Вальдштейнъ и т. под., не должны быть принимаемы за признакъ нѣмецкаго происхожденія этихъ вельможъ: напротивъ того, они были чистые Славяне. Нѣмецкія же имена произошли оттого, что когда чешскіе и моравскіе „паны" начали строить себѣ (въ XIII и XIV вѣк.) замки, по примѣру Западныхъ бароновъ, то они придумывали для этихъ замковъ, по большей части, нѣмецкія названія; и эти названія замковъ, опять таки согласно Западному обычаю, съ частицею *изъ*, соотвѣтствующею нѣмецкому von, сдѣлались ихъ фамильными именами.

нималъ для уничтоженія дарованной его отцомъ свободы совѣсти и старыхъ земскихъ правъ [1]). Все глубже, рѣзче, непримиримѣе становилось, въ аристократіи чешской, раздвоеніе между магнатами-католиками, которые составляли габсбургскую и (что значило то же самое) іезуитскую партію, и протестантскимъ большинствомъ, которое, въ противоположность магнатамъ-католикамъ, можно назвать партіею національною. На каждомъ шагу, при каждомъ, самомъ маловажномъ вопросѣ законодательства или земскаго управленія, при замѣщеніи каждой, самой ничтожной, должности, въ каждомъ внѣшнемъ проявленіи общественной жизни, встрѣчаются и борются другъ съ другомъ противоположныя стремленія этихъ двухъ партій. Очевидно, что всѣ эти безчисленныя мелкія столкновенія приведутъ наконецъ къ невозможности существовать вмѣстѣ: скоро уже раздвоеніе, образовавшееся въ чешской аристократіи, должно будетъ разрѣшиться борьбою на жизнь и на смерть.

Въ другихъ странахъ, подвластныхъ Рудольфу, іезуиты дѣйствовали не менѣе усердно, чѣмъ въ Чехіи, но не имѣли тамъ такой сильной опоры въ самомъ обществѣ. Ихъ поступки, доходившіе иногда до невѣроятной наглости, возбудили въ аристократіи венгерской и австрійской [2]) общее негодованіе противъ слабоумнаго государя, авторитетомъ котораго они прикрывались. Возстаніе началось въ Венгріи [3]) и привело къ тому, что не только сама Венгрія, но и Австрія и Моравія отложились отъ Рудольфа и признали своимъ правителемъ его брата Матіаса. Вездѣ возстановлена была вѣротерпимость и земская автономія. Руководитель Моравцевъ въ этомъ движеніи, Карлъ изъ Жеротина (одна изъ самыхъ благородныхъ личностей своего вѣка) призывалъ Чеховъ къ участію въ этомъ общемъ дѣлѣ. Тутъ-то обнаружилось, какъ сильно уже въ чешскомъ обществѣ укоренилась придворно-іезуитская партія. Она не только успѣла остановить всѣ попытки Чеховъ присоединиться къ знамени освобожденія, поднятому въ Венгріи и Моравіи, но заставила сеймъ созвать земское ополченіе на защиту того Рудольфа, который давно уже сдѣлался посмѣшищемъ для всѣхъ и игрушкою въ рукахъ іезуитовъ.

---

[1]) Важнѣйшія изъ этихъ мѣръ были: въ 1581 г. изгнаніе чешскихъ *братій;* въ 1584 г. запрещеніе поминать Гуса и Іеронима какъ святыхъ; въ 1602 г. попытка возстановить Базельскіе компактаты въ томъ значеніи, какое они получили при Фердинандѣ, воспретить въ Чехіи протестантское богослуженіе и исключить протестантовъ изъ всѣхъ должностей.

[2]) Мы говоримъ, разумѣется, объ Австріи въ тѣсномъ смыслѣ, объ Австрійскомъ эрцгерцогствѣ: тамъ протестантизмъ, особенно въ Верхней Австріи, былъ въ то время чрезвычайно силенъ: къ нему принадлежала почти вся тамошняя аристократія.

[3]) Въ 1604 году. Вождемъ возстанія былъ извѣстный въ венгерской исторіи Стефанъ Бочкай.

Конечно, дѣло не могло обойтись безъ нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу національной партіи. Такъ какъ протестантскіе чины составляли большинство сейма, то императоръ Рудольфъ принужденъ былъ дать имъ какое-то полуобѣщаніе признать свободу совѣсти.

Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ въ Чехіи, Матіасъ отказался отъ мысли занять мѣсто своего брата на Пражскомъ престолѣ [1]). Обѣ родственныя земли, Моравія и Чехія пошли разными путями. Моравія сдѣлалась по-старому страною религіозной свободы и аристократической вольности, въ Чехіи наступили страшныя замѣшательства.

Здѣсь національная протестантская партія оживилась и какъ бы воскресла духомъ съ тѣхъ поръ, какъ она, располагавшая сеймомъ по численному перевѣсу голосовъ, могла предлагать двору свои условія, и въ правѣ была приписать себѣ спасеніе Рудольфа. Съ нею уже не такъ легко было сладить; протестантскіе чины почувствовали свою силу, — и поступки противной партіи, ничтожные въ сравненіи съ прежними сносившимися терпѣливо и едва возбуждавшими скромный протестъ, теперь могли, какъ искра, зажечь пожаръ.

Рудольфъ, по внушенію магнатовъ-католиковъ и іезуитовъ, отказался исполнить обѣщаніе, данное въ минуту опасности, и не хотѣлъ объявить свободу вѣроисповѣданія. Протестантскіе чины взволновались на сеймѣ. Какъ въ 1547 году, такъ и теперь, въ 1609-мъ, они избрали временныхъ правителей, созвали земское войско, назначили своихъ полководцевъ, но опять-таки не отважились идти далѣе и рѣшительнымъ шагомъ обезпечить независимость своей родины. Они удовлетворились вынужденнымъ насильственно у императора подписаніемъ «грамоты величества», такъ называемаго *маестата*: эта аристократія славянская, въ которой мы не разъ уже встрѣчали такое поразительное политическое неразуміе и которая однако представляла собою всю жизнь страны и самое бытіе чешской народности,— эта аристократія успокоилась тѣмъ, что полупомѣшанный Рудольфъ, постоянно опекаемый іезуитами, подписалъ, дрожащей отъ досады рукою, свое имя на листѣ пергамена, обѣщавшемъ Чехіи свободу вѣроисповѣданья и сохраненіе всѣхъ земскихъ правъ и вольностей [2]).

Между тѣмъ, религіозная борьба, происходившая въ Чехіи, ра-

---

[1]) Онъ заключилъ съ Рудольфомъ договоръ въ Либнѣ (въ 1608 г.): Рудольфъ сохранилъ Чехію и императорскую корону, а Матіасъ былъ признанъ правителемъ Венгріи, Моравіи и Австріи.

[2]) Придворно-католическая партія такъ явно высказывала свое намѣреніе не признавать обязательности этого документа, что одинъ изъ ея предводителей, „панъ“ Попелъ изъ Лобковицъ, который, какъ канцлеръ королевства, долженъ былъ контрасигнировать грамоту, положительно отказался это сдѣлать.

зыгрывалась во всѣхъ почти краяхъ Западной Европы. Вездѣ орденъ іезуитовъ успѣлъ произвести огромную реакцію въ пользу католицизма, и протестанты, какъ-бы очнувшись и ощутивъ свои повсемѣстныя потери, стали собираться съ силами для рѣшительнаго отпора. Въ Германіи образовалась «унія» протестантскихъ князей, подъ покровительствомъ французскаго короля Генриха IV, и въ противоположность ей, составилась «священная лига» католическая, которою руководилъ испанскій дворъ и которая главнымъ образомъ опиралась на силу нѣмецкихъ Габсбурговъ. Интересы чешскіе входили, такимъ образомъ, въ кругъ интересовъ обще-европейскихъ, но только своею религіозною стороною. Въ отношеніи общественномъ и политическомъ не было между ними ничего общаго. Въ Германіи и вообще на Западѣ, обѣ стороны, протестантская и католическая, стояли на одной и той же почвѣ общественныхъ и государственныхъ понятій. Генрихъ IV и Филиппъ III Испанскій, Германскіе князья, протестанты и члены католической лиги, одинаково опирались на принципъ государственнаго полновластія, одинаково располагали всѣми средствами, которыми это начало, восторжествовавъ надъ остатками средневѣковой аристократической вольницы, вооружило европейскія монархіи. Борьба шла между ними не за принципъ государственнаго устройства [1]), а за религію и за политическое преобладаніе, которое католицизмъ доставлялъ Габсбургскому дому и его помощникамъ, протестантизмъ — французскому двору и его союзникамъ. Одна только Чехія, поставленная посреди Западныхъ странъ, между сѣверной и южной Германіей, держалась еще другихъ началъ общественныхъ и государственныхъ, прикована была своею аристократіею къ среднимъ вѣкамъ. Въ сущности, Чехи не были ни за «унію» протестантскихъ государей, ни за «лигу» государей католическихъ; они жили другою жизнію общественной; религіозная борьба, между ними происходившая, принадлежала, можно сказать, другому міру понятій и стремленій, нежели религіозная борьба въ Германіи: борьба протестантизма съ католичествомъ была въ Чехіи борьбою національной аристократіи съ олигархіею, искавшею опоры въ дворѣ лишь для утвержденія своего исключительнаго владычества. Между тѣмъ, успѣхъ протестантизма или католичества въ Чехіи составлялъ вопросъ первостепенной важности для Германіи, для всей

[1]) За исключеніемъ однако Франціи, гдѣ протестантизмъ являлся еще до нѣкоторой степени съ идеями средневѣковой аристократіи. Оттого Генрихъ IV, вступивъ на престолъ, отрекся отъ протестантизма, но внѣ Франціи продолжалъ покровительствовать ему всѣми мѣрами, для противодѣйствія австрійско-испанскому вліянію; оттого кардиналъ Ришелье, силою подчиняя Ларошельскихъ протестантовъ государственной власти, въ то же время дѣятельно помогалъ протестантизму въ Германіи.

Европы. По самому центральному положенію своему, Чехія могла, въ этомъ случаѣ, дать рѣшительный перевѣсъ той или другой сторонѣ. По мѣрѣ того, какъ приближался разрывъ, какъ усиливалось предчувствіе неминуемой борьбы европейской, вся Германія, Франція, Испанія, Англія, Данія, словомъ всѣ Западныя страны съ возрастающимъ участіемъ слѣдили за событіями въ Чехіи; и, съ своей стороны, обѣ партіи чешскія тѣснѣе и тѣснѣе, такъ сказать, прижимались, одна къ протестантскому, другая къ католическому союзу на Западѣ. Онѣ какъ будто чувствовали, до какой степени Западныя страны, развитіемъ государственной организаціи, учрежденіемъ постоянныхъ армій, введеніемъ болѣе правильной финансовой системы, переросли ихъ несчастное отечество, остававшееся при средневѣковой неурядицѣ. Обѣ партіи, и національная и олигархическая, спѣшили обезпечить себя внѣшнею поддержкою. Вмѣшательство Западныхъ силъ во внутреннюю борьбу чешскихъ партій становилось неизбѣжнымъ.

Столѣтіе исключительнаго господства аристократическаго начала поставило Чехію въ положеніе безвыходное. Ея общественная организація осталась ветхою развалиной среди новыхъ зданій государственныхъ, возникшихъ въ ея сосѣдствѣ. И въ этой-то ветхой развалинѣ идетъ междоусобная борьба, исходъ которой имѣетъ жизненную важность для сосѣдей; обѣ борющіяся стороны ищутъ между ними друзей и зовутъ ихъ на помощь. Но къ той ли, или къ другой сторонѣ подоспѣетъ помощь, все равно: при первомъ приступѣ извнѣ, ветхая развалина рухнетъ и похоронитъ подъ собою все общество, въ ней живущее.

Первый приступъ досталось сдѣлать католической лигѣ, по естественному развитію историческихъ обстоятельствъ, источникъ которыхъ восходитъ къ тому времени, когда Чехи, связавъ свою судьбу съ Габсбургскою династіей, поставили себя въ безвыходную роль постоянныхъ бунтовщиковъ противъ своего католическаго правительства, и, какъ мы сказали, этого перваго приступа было довольно, — и Чехія лежала безжизненной развалиной у ногъ побѣдителя, которому самая побѣда ничего не стоила.

Представимъ въ нѣсколькихъ словахъ ходъ этихъ событій, завершающихъ исторію Чешскаго государства.

Мы видѣли, какъ національная партія въ чешской аристократіи, составляя огромное большинство на земскомъ сеймѣ и почувствовавъ свое значеніе, когда ей представился случай спасти корону императора Рудольфа, вышла изъ прежней своей апатіи и начала довольно рѣшительно противодѣйствовать усиліямъ придворнымъ олигарховъ и іезуитовъ; мы видѣли, какъ она вымогла у Рудольфа исполненіе свое-

го обѣщанія—соблюдать свободу исповѣданія и земскія права. Мысль объ иностранномъ вмѣшательствѣ тотчасъ явилась придворно-іезуитской партіи и она сдѣлала попытку, которая, правда, не удалась вслѣдствіе нерѣшительности императора, но которая могла служить уже «признакомъ времени». Именно, въ сосѣдствѣ съ Чехіею, въ независимомъ Пассаускомъ епископствѣ, которымъ управлялъ Габсбургскій принцъ-епископъ Леопольдъ, стояло войско, набранное въ виду какихъ-то разстроившихся предпріятій на Рейнѣ и которому нечего было дѣлать. Вдругъ, по знаку, данному изъ Праги, 13 тысячный корпусъ Пассауцевъ вступаетъ въ Чехію и, овладѣвъ по дорогѣ нѣсколькими городами, врывается въ столицу. Но дѣло было ведено безпорядочно, не было настоящаго вождя. Чехи успѣли кое-какъ приготовиться къ оборонѣ, и Рудольфъ, испугавшись и потерявъ голову, отрекся отъ всякаго участія въ этомъ предпріятіи. Чешскіе чины и собранное ими наскоро войско выпроводили Пассауцевъ. Національная партія, страшно раздраженная, подняла бурю на сеймѣ, взяла Рудольфа подъ стражу и чуть-было не открыла суда надъ священнѣйшею особою Римскаго императора. Почти рѣшено было устранить вообще всю Габсбургскую династію, но магнаты-католики были уже слишкомъ вліятельны и слишкомъ тѣсно связаны съ этою династіей. Одинъ изъ нихъ, Вячеславъ Кинскій,—недавно участвовавшій въ заговорѣ о призваніи Пассаускаго войска, довѣренное лицо испанской дипломатіи,—умѣлъ ловкою тактикою поставить себя во главу патріотическаго движенія Чеховъ и поворотилъ его въ пользу Матіаса: Рудольфомъ пожертвовали, принудили его отречься отъ престола, но чешская корона осталась въ Габсбургскомъ домѣ. Рудольфовъ братъ Матіасъ былъ признанъ Чешскимъ королемъ (1611 г.).

Во время этихъ замѣшательствъ, земля Чешская возвратилась къ полному разгулу аристократической анархіи, среди которой однако дѣйствительная власть принадлежала уже, главнымъ образомъ, нѣсколькимъ магнатамъ, преимущественно католической партіи. Вскорѣ поднятъ былъ вопросъ о наслѣдствѣ престола, такъ какъ у старика Матіаса не было дѣтей. Онъ усыновилъ и назначилъ своимъ преемникомъ, мимо родныхъ своихъ братьевъ, двоюроднаго брата эрцгерцога Фердинанда, заслужившаго это предпочтеніе огромнымъ своимъ значеніемъ въ лигѣ католическихъ государей и покровительствомъ, которое ему оказывали іезуиты. Это была, дѣйствительно, самая энергическая, самая цѣльная личность между Габсбургами, какую помнитъ исторія. Первую славу свою онъ пріобрѣлъ еще въ концѣ XVI вѣка, когда онъ, управляя Штиріею, Каринтіею и Краиною, въ продолженіе пяти лѣтъ, съумѣлъ, вооруженною силою, т. е. цѣлымъ рядомъ систематически организованныхъ и распредѣленныхъ военныхъ экзекуцій,

обратить эти области изъ протестантизма въ католичество. Теперь чешскому сейму предстояло рѣшить: признаетъ ли онъ этого эрцгерцога будущимъ королемъ Чешскимъ, или отвергнетъ выборъ Матіаса; ибо, надобно помнить, Чешскій престолъ оставался до сихъ поръ избирательнымъ. Протестантское, національное большинство сперва рѣшительно воспротивилось назначенію наслѣдникомъ престола человѣка, который такъ рѣзко заявилъ свои убѣжденія въ Штиріи. Снова возникла мысль покончить вообще съ Габсбургами [1]). Но католическіе магнаты успѣли завладѣть собраніемъ и, заставивъ главныхъ двигателей національной партіи удалиться, провели выборъ Фердинанда, котораго тотчасъ же короновали заранѣе, какъ будущаго короля Чешскаго. Для успокоенія сейма, онъ присягнулъ хранить права и вольности Чешской земли.

Два раза въ теченіи ста лѣтъ чешская аристократія совершала, можно сказать, сознательно убійство надъ самой собою и своимъ отечествомъ: въ первый разъ совершило его все высшее сословіе въ совокупности, когда оно, послѣ пресѣченія Польской династіи, добровольно отдало Чехію Габсбургамъ (въ 1526 г.); во второй разъ его совершила выдѣлившаяся изъ среды аристократіи олигархія, когда она (въ 1616 г.) посадила на престолъ въ Прагѣ злѣйшаго врага всему, что составляло самое бытіе Чехіи.

Разрывъ между національной партіей и правительствомъ, душою котораго былъ Фердинандъ, предстоялъ неминуемо. Какъ скоро будущность казалась обезпеченною его признаніемъ и коронаціею, католическая партія приступила къ рѣшительнымъ мѣрамъ, начала закрывать и разрушать протестантскія церкви, и Матіасъ, на жалобу чешскихъ чиновъ, отвѣчалъ изъ Вѣны, что это дѣлалось по его приказанію и что тѣ, которые жаловались — мятежники. По выслушаніи такого отвѣта, Чехи остались на минуту въ недоумѣніи, но вдругъ рѣшились распорядиться, «по старо-чешскому обычаю», — и выбросили въ окно двухъ королевскихъ намѣстниковъ вмѣстѣ съ правительственнымъ секретаремъ [2]). Дѣйствительно, обычай былъ старо-

---

[1]) „Всею Ческою землею говорятъ, чтобъ быть послѣ Цесаря (Матіаса) на Ческой землѣ королемъ Саскому курфирсту", писали въ 1616 г. въ Москву послы Мясной и Постниковъ (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. II, стр. 1326). Если настоящія строки попадутся кому либо изъ Чеховъ, разработывающихъ исторію своего отечества, то мы желали бы обратить ихъ вниманіе на это важное изданіе, въ которомъ найдутся разныя любопытныя подробности относительно чешскихъ и вообще австрійскихъ дѣлъ.

[2]) Это случилось 26 мая 1618 года. Имена выброшенныхъ намѣстниковъ нами уже упомянуты: это были „панъ" Ярославъ изъ Мартиницъ и „панъ" Вильгельмъ Славата; секретаря звали Филиппъ Фабриціусъ Платтеръ. Извѣстно, что не смотря на высоту паденія (около 7 саженъ), они не убились, попавъ на кучу навоза. Ихъ спасла

чешскій: ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ, народъ, подъ предводительствомъ Жижки, выбросилъ въ окно Пражскихъ ратмановъ, и открылъ этимъ гуситскую войну. Но Чехія была уже не та, какъ въ старину. Теперь не народъ вооружался подъ вдохновеніемъ высокой идеи, а бушевала только одна аристократическая партія.

Партія эта, повторяя въ третій разъ одинъ и тотъ же образъ дѣйствія, составила временное правительство и созвала земскую рать, поручивъ начальство надъ нею одному изъ знатнѣйшихъ протестантовъ Чехіи, Генриху Турну, оправдавшему этотъ выборъ замѣчательными военными дарованіями. Въ то же время однако она вела переговоры съ Матіасомъ, надѣясь еще уладить дѣло миромъ. Но Габсбургское правительство было радо случаю встрѣтиться съ Чехами, какъ съ открытыми бунтовщиками, и разсчитывало на вѣрную побѣду, тѣмъ болѣе, что имѣло въ самой Чехіи на своей сторонѣ сильную католическую партію. Войска габсбургскія вступили въ Чехію и начали дѣйствовать противъ Турна; но первая кампанія была для нихъ весьма неудачна, благодаря искусству чешскаго полководца и неспособности австрійскихъ генераловъ.

Дѣло чешской аристократіи не могло уже стать народнымъ дѣломъ. Между аристократіей и народомъ какъ будто не осталось ничего общаго. Народъ началъ возставать только нѣсколько лѣтъ спустя, когда дѣло было уже окончательно проиграно аристократіей и когда габсбургское мщеніе, со всѣми своими ужасами, коснулось непосредственно домашняго очага поселянина: тогда было поздно, и эти частныя вспышки простонародья легко тушились въ потокахъ крови. Но пока дѣйствовала одна аристократія, и хотя она поднялась и пошла въ бой за независимость отечества, за права Чешской земли, за свободу народнаго исповѣданія, народъ однако оставался совершенно равнодушнымъ къ борьбѣ. Онъ поставлялъ рекрутъ въ земскую рать, когда являлись ихъ требовать, но не выходилъ изъ апатіи, въ которую привела его сама аристократія, сосредоточивъ въ себѣ всю земскую жизнь [1]). Вожди движенія до такой степени чув-

---

отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій „пани“ Поликсена изъ Лобковицъ; впослѣдствіи Мартиницъ и Славата страшно мстили своимъ соотечественникамъ за этотъ поступокъ и послужили Фердинанду II и іезуитамъ превосходными орудіями въ той ужасающей „операціи“, которую они, послѣ побѣды, предприняли надъ Чешскимъ народомъ.

[1]) Пусть не обвинятъ насъ въ одностороннемъ изображеніи и искаженіи характера чешскихъ событій оттого, что мы, говоря объ аристократіи и ея вліяніи на судьбу Чехіи, упускаемъ изъ виду городское сословіе и духовенство. Если бы мы имѣли возможность вдаваться въ частности, выставлять не только самыя крупныя и общія черты, но и ихъ оттѣнки, то мы останавливались бы и на этихъ сословіяхъ. Но ихъ значеніе было второстепенное: аристократія была главнымъ съ конца XV вѣка, а со второй половины XVI-го единственнымъ существеннымъ факторомъ, если можно такъ

ствовали слабость свою, что рѣшились нанять къ себѣ въ службу иностраннаго генерала Мансфельда съ 14-тысячнымъ корпусомъ войскъ, который былъ имъ набранъ въ разныхъ краяхъ Германіи.

Императоръ Матіасъ умеръ (1619 г.). При открытой войнѣ съ Габсбургскимъ домомъ, національная партія чешская не могла, очевидно, признать за его преемникомъ Фердинандомъ правъ на Чешскій престолъ. Она избрала королемъ Чешскимъ Фридриха, Пфальцскаго курфирста, человѣка совершенно неспособнаго, но который, какъ зять короля Англійскаго и какъ глава «уніи» нѣмецкихъ протестантскихъ князей, подавалъ Чехамъ, болѣе всѣхъ другихъ кандидатовъ, надежду на сильную иностранную помощь. Въ то же время, на защиту Чеховъ явились венгерскія войска, посланныя Седмиградскимъ княземъ Бетленомъ. Дѣло чешское все болѣе и болѣе теряло національное значеніе, иностранные союзники скоро взяли его совершенно въ свои руки. Король Фридрихъ отстранилъ даже знаменитаго вождя чешскаго, Турна, который съ своею небольшою арміею сдѣлалъ чудеса и чуть не взялъ самой Вѣны; вмѣсто его, предводительство было поручено герцогу Христіану Ангальтскому, какъ главному военному начальнику протестантской «уніи» въ Германіи. Такимъ образомъ, въ 1620 году, вели защиту правъ и независимости Чешской земли: нѣмецкій принцъ Ангальтъ, венгерскій вождь Ворнемисса и наемный генералъ Мансфельдъ; а противъ нихъ шли, на выручку католической партіи въ Чехіи: Баварскій герцогъ Максимиліанъ, вождь «священной лиги» въ Германіи; австрійскій генералъ Бюкуа (Bucquoi) съ нѣмецкими и бельгійскими полками; испанскій генералъ донъ. Балтазаръ Маррадасъ и наконецъ, польскій шляхтичь Калиновскій съ отрядомъ «Лисовчиковъ» [1]), недавно дравшихся и разбойничавшихъ въ Москов-

---

выразиться, чешской исторіи. Горожане примыкали къ ней и, какъ протестанты, слѣдовали движеніямъ національной партіи аристократической. Съ половины XVI вѣка они не представляли собою никакого самостоятельнаго политическаго направленія. Въ отношеніи къ народу, городское сословіе составляло также нераздѣльное цѣлое съ аристократіей, ибо привилегіи средневѣковыхъ „бюргеровъ“ совершенно отдѣляли ихъ отъ низшихъ классовъ; для народа они были такою же почти аристократіей, какъ паны и рыцари. Что касается до духовенства, то оно только во время гуситскихъ войнъ играло значительную политическую роль въ Чехіи. Впослѣдствіи, духовенство гуситское, сдѣлавшееся съ теченіемъ времени протестантскимъ, являлось, какъ весьма второстепенная сила, въ рядахъ національной аристократической партіи, а туземное духовенство католическое (самое немногочисленное) слѣдовало послушно внушеніямъ и руководству іезуитовъ и магнатовъ-католиковъ и входило въ составъ ихъ партіи. Впрочемъ, ни протестантское, ни католическое духовенство не составляло въ Чехіи признаннаго „земскаго сословія“ и не участвовало въ сеймѣ.

[1]) Подъ этимъ именемъ обозначались остатки шаекъ, образовавшихся, подъ начальствомъ Лисовскаго и другихъ вождей, во время вмѣшательства Поляковъ въ московскія дѣла при Самозванцахъ.

скомъ государствѣ и которыхъ король Польскій Сигизмундъ III препроводилъ теперь на службу къ Габсбургамъ.

8 Ноября 1620 года произошла битва на Бѣлой-горѣ у Праги. Сама по себѣ, битва была вовсе незначительная, въ ней участвовала только малая часть войскъ (съ каждой стороны около 20 тысячъ), и хотя побѣда одержана была габсбургскою стороною, однако дѣло, казалось бы, не могло считаться проиграннымъ. Еще Прага способна была выдержать долгую осаду и въ ней собирались бѣжавшіе съ Бѣлой-горы полки; еще было у столицы 17 баталіоновъ свѣжаго войска; еще новые отряды Венгерцевъ подходили на помощь; еще Мансфельдъ стоялъ въ тылу у непріятеля, и положеніе побѣдителей было крайне опасное. Но жизнь отлетѣла изъ чешскаго стана, изъ чешскаго общества. Все тамъ потеряло голову. Герцогъ Ангальтскій совѣтовалъ королю Фридриху бросить чешское дѣло, потому что «Чехи колеблются, говорилъ онъ: они ненадежны». Правъ ли онъ былъ или нѣтъ въ этомъ сужденіи, но Фридрихъ малодушно покинулъ страну, вручившую ему свою послѣднюю защиту. Какъ только онъ уѣхалъ, все рухнуло въ Чехіи. Всякая мысль о сопротивленіи исчезла. Все отдалось, все покорилось безусловно Фердинанду.

Этимъ кончается исторія Чехіи, какъ государства. Наша задача исполнена. Мы прослѣдили, на сколько могли, внутреннее развитіе этого славянскаго государства, чрезъ всю его, безъ малаго тысячелѣтнюю, исторію, сперва чрезъ ту эпоху, въ которую средневѣковый Западъ подчинилъ Чеховъ своимъ религіознымъ и общественнымъ стихіямъ, потомъ чрезъ эпоху революціи, когда славянская народность въ Чехіи, подъ знаменемъ религіозной идеи, сохраненной издревле, пыталась вырваться изъ оковъ Западнаго міра, и за тѣмъ, чрезъ всѣ ступени возстановленія господства Западныхъ началъ преимущественно въ лицѣ аристократіи, которая, поглотивъ въ себѣ всю общественную жизнь страны, наконецъ сама въ себѣ разложилась и бросила Чехію, какъ безсильную жертву, къ ногамъ Габсбурга. И въ этомъ Габсбургѣ, въ этой страшной личности Фердинанда II, какъ будто соединились—и вся накипѣвшая злоба ультрамонтанскаго фанатизма противъ народа, который первый на Западѣ стряхнулъ съ себя иго Римской ѳеократіи и двѣсти лѣтъ держалъ въ Европѣ знамя религіозной свободы,—и вся накопившаяся жажда мести Германскаго міра противъ чуждаго племени, которое столько разъ покрывало позоромъ германскія ополченія,—и вся ненависть торжествующаго деспотизма къ странѣ, цѣлое столѣтіе тягавшейся съ нимъ за свои права и вольности... Но наша задача кончена, и здѣсь не мѣсто было бы описывать, какъ этотъ мучитель съ глубокой ироніей выберетъ себѣ орудія между чешскими магнатами, мечтавшими о соб-

ственномъ самовластіи; какъ онъ начнетъ мучить свою жертву, какъ онъ наругается надъ ея святыней, принудитъ ее отречься отъ всего, что ей завѣщало многовѣковое славное прошедшее, забыть самое прошедшее; какъ онъ будетъ медленно выпускать изъ нея кровь и оставитъ ее своимъ преемникамъ неподвижнымъ трупомъ, въ надеждѣ, можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ она убита на вѣки [1]).

---

[1]) Мы опасаемся, чтобы нѣкоторые изъ читателей, незнакомые съ подробностями дѣйствій Фердинанда II въ Чехіи, предавшейся безусловно, послѣ Бѣлогорской битвы, „его милосердію", не сочли преувеличенными и фантастическими наши выраженія о „мучителѣ" и „жертвѣ". Напротивъ того, никакія слова не могутъ передать тѣхъ ужасовъ, которые совершены были тогда габсбургскимъ правителемъ надъ Чехіею, — и того безсилія, съ какимъ Чехія сносила всѣ эти, постепенно усиливаемыя, истязанія. Чтобы дать о томъ нѣкоторое понятіе, представимъ хронологическій перечень главнѣйшихъ правительственныхъ распоряженій и другихъ событій, постигшихъ Чехію послѣ Бѣлогорской битвы, заимствуя этотъ перечень изъ исторіи Пельцеля (Geschichte von Böhmen), напечатанной въ 1782 году, книги крайне сухой, но извѣстной своею добросовѣстностью и авторъ которой высказываетъ даже преданность Габсбургской династіи.

1620 г. Тотчасъ послѣ сдачи Праги, солдаты, по наущенію іезуитовъ, собираютъ изъ домовъ книги на чешскомъ языкѣ и сжигаютъ ихъ, безъ разбора, на площадяхъ.

1621 г. 3 Марта. Всѣ профессора и священники кальвинисты или члены *братской* секты принуждены немедленно покинуть Чехію.

1621 г. Іюня 21. Казнь 47 „мучениковъ Пражскихъ", т. е. всѣхъ славнѣйшихъ представителей національной партіи и просвѣщенія въ Чехіи.

1621 г. Іюня 22. Важнѣйшіе изъ Пражскихъ горожанъ высѣчены и высланы изъ Чехіи: одинъ изъ нихъ, Николай Дивишъ, былъ предварительно продержанъ цѣлый часъ пригвожденнымъ за языкъ къ висѣлицѣ.

1621, въ теченіи остальныхъ мѣсяцевъ. Всѣ протестантскіе священники высланы изъ Чехіи, съ конфискаціею имущества, какъ и у всѣхъ прочихъ казненныхъ или изгнанныхъ. Для исполненія этого, отряды драгунъ разосланы по всей странѣ.

1622 г. 5 Марта. Протестанты удалены отъ всѣхъ должностей.

1622 г. 30 Апрѣля. Изъ Пражскаго университета удалены всѣ прежніе преподаватели и онъ переданъ іезуитскому ордену.

Объявлено всепрощеніе всѣмъ участникамъ возстанія, которые сознаются въ такомъ участіи и принесутъ повинную. На это приглашеніе отзываются 728 „пановъ" и рыцарей; большинство чешской аристократіи. Записавъ ихъ имена, какъ бывшихъ мятежниковъ, у нихъ конфискуютъ имѣнія, на сумму 24 милліоновъ „копъ" грошей („копа" грошей стоила около 5 флориновъ серебромъ). Послѣ этого распоряженія, одинъ изъ рыцарей, Ржичанъ, старался возбудить возстаніе въ народѣ, но оно было легко подавлено.

1623 г. 18 Января. Чаша и мечъ, сооруженные Юріемъ Подѣбрадскимъ на фронтонѣ Тынскаго собора, какъ символъ религіозной и политической независимости Чехіи, уничтожены. Прахъ Рокицаны сожженъ.

1624 г. Въ Чехіи воспрещено всякое не католическое богослуженіе. Иновѣрцы не могутъ принадлежать къ городскому сословію и заниматься ремеслами въ городахъ. Преобразованіе протестантскихъ церквей въ католическія.

1624 г. Марта 24. Новое распоряженіе: никто, кромѣ католиковъ, не имѣетъ права жениться; всѣ, прежде заключенные протестантами браки признаются незаконными (надобно помнить при этомъ, что протестантизмъ не составлялъ въ Чехіи какой нибудь незначительной религіозной общины; нѣтъ, болѣе девяти десятыхъ Чешскаго населенія принадлежали въ то время къ протестантизму. Такимъ образомъ, удары, на-

Изъ предѣловъ нашего изслѣдованія выходитъ также и тотъ современный намъ періодъ, въ который Чехія, послѣ двухсотъ-лѣтняго

правляемые подъ предлогомъ религіозной ревности, противъ протестантизма, въ дѣйствительности поражали *всю народность чешскую*, и избавлялись отъ нихъ, какъ католики, только иностранцы, тамъ обитавшіе, да магнаты придворной партіи).

1626 г. Всѣ протестанты, живущіе въ Чехіи, обязаны къ положенному сроку обратиться въ католическую вѣру. Не исполнившіе этого, лишаются, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, права заниматься ремеслами и продавать что бы то ни было; больные, находящіеся въ госпиталяхъ, если не обратятся, выгоняются оттуда, каково бы ни было ихъ болѣзненное состояніе.

Множество штрафовъ и другихъ наказаній положено для тѣхъ, которые будутъ уклоняться отъ исполненія обрядовъ католической церкви. — Всѣ протестанты въ Прагѣ, которые не обяжутся немедленно обратиться, изгоняются за границу.

1626 и 1627 г. Отряды и даже цѣлые полки разсылаются по всѣмъ городамъ и деревнямъ Чехіи для производства тамъ „реформаціи", т. е. насильственнаго обращенія протестантовъ въ католицизмъ. При этомъ страшныя жестокости и поруганія святыни религіозной и нравственной. Вотъ характеристическій случай, разсказываемый Пельцелемъ. Одному чешскому чиновнику Пржибику Енишеку, поручено было „реформировать" городъ Домажлицы (по нѣм. Taus), но онъ встрѣтилъ въ жителяхъ непреклонное упорство и жаловался на свою неудачу одному изъ своихъ товарищей по этому дѣлу, начальнику „реформаціоннаго" отряда, Испанцу донъ-Мартину де-Хуерда. Испанецъ побился съ нимъ объ закладъ на 500 червонцевъ, что онъ съумѣетъ „реформировать" городъ Домажлицы. Вступивъ туда съ своимъ отрядомъ, онъ расположилъ тамъ на квартиру въ каждый домъ по нѣскольку своихъ солдатъ, — и черезъ нѣсколько дней жители Домажлицы явились къ нему съ полною готовностью отречься отъ протестантизма. Выигравъ свой закладъ, донъ-Мартинъ де-Хуерда сжалился надъ Енишекомъ и заставилъ домажлицкихъ жителей заплатить за него проигранныя ему, донъ-Мартину, деньги. — Въ г. Прахатицахъ жители вздумали защищаться: ихъ было убито 1660 чел. Такія же страшныя сцены происходили по деревнямъ. Возстаніе поселянъ въ Куржимскомъ округѣ подавлено со страшными жестокостями. — Громадная, повсемѣстная эмиграція изъ Чехіи.

1627 г. въ Ноябрѣ. Самъ императоръ Фердинандъ II пріѣзжаетъ въ Прагу и созываетъ сеймъ. „Грамота Величества" императора Рудольфа (по которой Чехи должны были пользоваться свободой вѣроисповѣданья), право избранія короля, обязательность чешскаго языка въ судахъ и земскомъ управленіи, — объявлены уничтоженными; католическое духовенство введено въ сеймъ, какъ особое сословіе и поставлено во главу прочихъ сословій. Учрежденъ въ Прагѣ „реформаціонный" судъ изъ нѣсколькихъ магнатовъ и духовныхъ лицъ съ неограниченною властію преслѣдовать протестантизмъ. Вслѣдствіе распоряженій этого суда, до 30.000 семействъ, въ томъ числѣ 158 аристократическихъ родовъ, по исчисленію канцлера королевства, Вильгельма Славаты (намъ уже извѣстнаго), покидаютъ Чехію. Распоряженія эти возбуждаютъ двѣ вспышки народнаго возстанія, которыя легко подавлены.

Затѣмъ, послѣ побѣды Густава-Адольфа у Лейпцига, въ 1631 г., Чехія на семь мѣсяцевъ опять освобождена была отъ Габсбургской власти и перешла въ руки протестантовъ. Но всѣ предъидущія мѣры Фердинанда такъ удачно ее доконали, что она даже не пошевелилась отъ этой перемѣны и до конца тридцатилѣтней войны оставалась пассивнымъ театромъ войны между Шведами и Австрійцами, страшно страдая отъ разоренія съ обѣихъ сторонъ. Къ концу 30-лѣтней войны она даже какъ бы привыкла къ габсбургской власти, такъ что въ 1648 г. жители Праги вооружились на помощь австрійскому войску и храбро отражали приступы Шведовъ; за что новый императоръ Фердинандъ III, по заключеніи мира, объявилъ Чехамъ прощеніе и запретилъ поминать ихъ прошлыя вины. Въ Чехіи оставалось 800.000 жителей, а предъ началомъ тридцатилѣтней войны — ихъ считалось до трехъ милліоновъ.

летаргическаго сна, мало-по-малу возвращается къ жизни: ибо она ожила не какъ государство, а какъ народность; а въ состояніи ли будетъ эта народность создать себѣ когда либо государственную форму, или осуждена жить вѣчно подъ нѣмецкою властію, или, наконецъ, найдетъ себѣ мѣсто въ какомъ нибудь Славянскомъ союзѣ, —предсказать это не рѣшится самый смѣлый пророкъ. Только мы видимъ, что новая Чехія имѣетъ совершенно иной характеръ, нежели Чехія прежнихъ временъ. Чешское государство умерло при полномъ господствѣ аристократіи, новая Чехія воскресаетъ изъ среды простаго народа.

УКАЗАТЕЛЬ.

Указатель [1].

I.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ.

---

[1]) Въ настоящемъ указателѣ не помѣщены имена мѣстностей, заключающіяся въ приложенномъ къ «Исторіи Сербовъ и Болгаръ» спискѣ славянскихъ поселеній на греческой землѣ (стр. 281—296). Равнымъ образомъ не обозначены въ указателѣ встрѣчающіяся почти на каждой страницѣ «Исторіи Сербовъ и Болгаръ» названія: Болгарія, Болгары, Сербія, Сербы, Византія, Греки, Дунай, Балканскій полуостровъ, Константинополь и т. под.

II.

ИМЕНА ПЛЕМЕННЫЯ И МѢСТНЫЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИСТОРІЯ СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

Часть первая.

Часть вторая.

II.

О КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ.

III.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЧЕХІИ.

УКАЗАТЕЛЬ.

ОПЕЧАТКА:

на стр. 109, строка 17 снизу, вмѣсто „Константинополи Вагоннародными“ — читай: *Константиномъ Багрянороднымъ*.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

2

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СТАТЬИ
по
СОВРЕМЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ
СЛАВЯНСКИМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СТАТЬИ

по

СОВРЕМЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

СЛАВЯНСКИМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15.

1868.

СТАТЬИ

ПО

СОВРЕМЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

СЛАВЯНСКИМЪ.

I.

СЛАВЯНСКІЕ НАРОДЫ

ВЪ

АВСТРІИ И ТУРЦІИ.

I.

Славянскіе народы въ Австріи и Турціи [1].

Раздѣленіе Славянъ. — Недостаточность знакомства русскихъ съ Славянами турецкими и австрійскими. — Общій взглядъ на положеніе этихъ Славянъ. — Время покоренія ихъ Турками и Нѣмцами. — Освобожденіе Сербіи. — Польша при Александрѣ 1-мъ. — Возрожденіе Славянъ въ Австріи. — Заслуги Славянскихъ ученыхъ. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г. — Славяне спасаютъ Австрію въ 1849 г. — Неблагодарность Австріи. — Гдѣ хуже Славянамъ въ Австріи или въ Турціи?

Всякій Русскій безъ малѣйшаго труда можетъ узнать всѣ подробности про Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Итальянцевъ, Турокъ, Американцевъ. Казалось бы, что за границею живутъ только чужія племена. А между тѣмъ далеко на западъ и юго-западъ отъ границы Русскаго царства простираются народы, которыхъ рѣчь понятна Русскому, которыхъ предки составляли съ предками Русскихъ одно племя, и большая часть которыхъ исповѣдываютъ нашу православную вѣру и молятся Богу на томъ же языкѣ, какъ и мы. Эти народы, — братья Русскихъ и любящіе Русскихъ, какъ братій, — называются Славянами. Вмѣстѣ съ Русскими они составляютъ одно Славянское племя. Въ старину всѣ Славяне были однимъ народомъ, а потомъ раздѣлились на Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ,

[1]) Настоящій краткій очеркъ написанъ въ 1860 году для выходившаго въ то время журнала *Народное Чтеніе*. Перепечатывая его, мы не измѣняемъ ни тона статьи, соотвѣтствовавшаго общему характеру этого журнала, ни тѣхъ отзывовъ, которые въ настоящее время могутъ показаться несогласными съ дѣйствительностью, а именно того, что въ статьѣ было сказано относительно Поляковъ. Мысль о возможности сближенія Поляковъ съ нашимъ народомъ во имя общаго Славянскаго начала казалась естественною въ 1860 году; въ настоящемъ 1868 году она, конечно, должна считаться утопіею, непримѣнимою среди современныхъ обстоятельствъ. Но кто знаетъ, не перейдетъ ли эта мысль когда нибудь снова изъ сферы непрактичныхъ утопій въ область осуществимыхъ надеждъ, особенно если *въ настоящее время* мы будемъ твердо стоять на нашей народной почвѣ, пока противники Россіи въ Славянскомъ мірѣ, убѣдившись въ безполезности борьбы съ нею и въ невозможности выманить у нея уступки, придутъ сами къ ней на встрѣчу.

Словенцевъ, Словаковъ, Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ [1]); прежній, общій Славянскій языкъ раздѣлился на столько же нарѣчій, которыя однако всѣ очень похожи одно на другое.

Русскіе, Болгаре, Сербы, Хорваты, Словенцы, Словаки, Чехи, Лужичане и Поляки: вотъ сколько Славянскихъ народовъ. Ихъ девять и только два изъ нихъ, Русскіе и Поляки, живутъ въ предѣлахъ нашего отечества. Стало быть, за границею есть семь народовъ, которыхъ рѣчь звучитъ какъ наша, и которые зовутъ насъ своими братьями; а между тѣмъ мы ничего не знаемъ о нихъ, а знаемъ про чужіе народы, про Французовъ, Нѣмцевъ, Американцевъ, Турокъ. Отчего же это?

Во-первыхъ, оттого, что заграничные Славяне не составляютъ особыхъ государствъ, а находятся подъ властію другихъ народовъ, отчасти Нѣмцевъ, отчасти Турокъ. Нѣмцы и Турки господствуютъ и распоряжаются въ ихъ земляхъ, и потому слышно только про Нѣмцевъ и Турокъ, а что дѣлается съ Славянами подъ ихъ управою, это менѣе замѣтно.

Во-вторыхъ, слишкомъ много людей на Руси привыкли смотрѣть на міръ Божій не такъ, какъ онъ есть, а такъ какъ его показываютъ намъ иностранцы, — Французы, Англичане и Нѣмцы, отъ которыхъ мы думаемъ позаимствовать всякую премудрость; иностранцы же стараются какъ можно меньше говорить о Славянахъ, для того, чтобы, по возможности, скрыть ихъ отъ нашихъ глазъ и отъ глазъ всего человѣчества. Въ томъ ихъ разсчетъ, особенно разсчетъ Нѣмцевъ, и понять этотъ разсчетъ очень легко.

Изъ всѣхъ Нѣмецкихъ государствъ самое большое Австрія. Но въ Австріи только восемь милліоновъ Нѣмцевъ, а семнадцать милліоновъ Славянъ. Нѣмцы располагаютъ этими Славянами, какъ имъ выгоднѣе, и имъ было бы неловко, еслибы про это знали, особливо въ Россіи, гдѣ живутъ братья ихъ подданныхъ Славянъ: потому ихъ прямой разсчетъ — стараться скрыть отъ насъ даже ихъ существованіе. И дѣйствительно, въ нѣмецкихъ книгахъ, журналахъ и газетахъ про эти семнадцать милліоновъ Славянъ нѣтъ и помину, тогда какъ про маленькій Нѣмецкій народецъ, живущій въ Шлезвигѣ и Голштиніи, подъ управленіемъ Датскаго короля, Нѣмцы столько исписали, что всѣхъ сочиненій объ этомъ въ десять лѣтъ не перечтешь.

Далѣе: въ Европейской Турціи Турокъ едва насчитаешь одинъ милліонъ, а Славянъ, подвластныхъ имъ, милліоновъ восемь. Ино-

[1]) Подъ именемъ Русскаго народа мы разумѣемъ какъ Великоруссовъ, такъ и Бѣлоруссовъ и Малоруссовъ, точно также, какъ подъ именемъ Чеховъ, мы разумѣемъ и Чеховъ (въ собственномъ смыслѣ, т. е. жителей Богеміи) и Моравцевъ; подъ именемъ Поляковъ — и Великополянъ и Малополянъ.

страацы боятся дружбы этихъ восьми милліоновъ Славянъ съ нами, потому что Россія сдѣлалась бы отъ этого еще сильнѣе. Цѣль Французовъ, а въ особенности Англичанъ и Нѣмцевъ, та, чтобы мы чуждались турецкихъ Славянъ; они хотятъ добиться того, чтобы турецкіе Славяне перестали надѣяться на Россію. Когда Россія потребовала въ 1853 году, чтобы Султанъ обезпечилъ и улучшилъ судьбу нашихъ братій, находящихся въ его подданствѣ, то Англія и Франція пошли на насъ войною за Турокъ; Австрія же, хотя не объявляла намъ войны, однако сдѣлала намъ тогда, какъ извѣстно, столько же вреда, сколько могъ бы сдѣлать явный врагъ. Понятно, почему и Французы, и Англичане, и Нѣмцы не охотно поминаютъ про турецкихъ Славянъ, передъ которыми такъ тяжело согрѣшили, и когда рѣчь зайдетъ о Турціи, выставляютъ въ ней только Турокъ, а о Славянахъ стараются умалчивать. Мы учимся преимущественно по книгамъ, которыя пишутъ Нѣмцы, Англичане и Французы; преимущественно по ихъ газетамъ мы судимъ о томъ, что дѣлается за границею. Каково же наше знаніе о Славянахъ?

Хорошо бы было однако намъ знать о нихъ. Они родные братья наши. Что же ближе человѣку, послѣ собственной судьбы, какъ не судьба родныхъ братій? А что говорится о человѣкѣ, то должно быть сказано и о народѣ, потому что въ народѣ живетъ тотъ же духъ человѣческій, — и повторю: что же ближе Русскому народу, послѣ собственной судьбы, какъ не судьба Славянъ?

Ихъ судьба печальная:

Они всѣ находятся подъ властію чужихъ державъ и чужихъ народовъ. Другіе народы, даже самые маленькіе, напримѣръ Датчане, которыхъ всего 2½ милліона, Голландцы, которыхъ три милліона, Бельгійцы, которыхъ 4½ милліона, — независимы, управляются своими законами, учатся въ школахъ на своемъ языкѣ. А двадцать семь слишкомъ милліоновъ Славянъ живутъ подъ чужою властью, подъ чужими законами, должны учиться на чужомъ языкѣ. Изъ нихъ семнадцать милліоновъ принадлежатъ, какъ я сказалъ, Австріи, восемь милліоновъ Турціи; остальные два съ лишнимъ милліона приходятся на долю Пруссіи, а 60 тысячъ живутъ въ Саксонскомъ королевствѣ. Внѣ Россіи, только 125 тысячъ Славянъ, именно въ Черногоріи, сохраняютъ свою независимость.

Въ старину и заграничные славянскіе народы составляли отдѣльныя и независимыя государства. Какимъ образомъ они лишились своей свободы и достались въ чужія руки, было бы долго разсказывать; для того нужно бы было написать, хотя вкратцѣ, ихъ исторію. Здѣсь скажу объ этомъ только вообще. Первая вина ихъ паденія была та, что они дѣйствовали раздѣльно и другъ друга не

поддерживали, и что даже каждый изъ славянскихъ народовъ самъ по себѣ былъ постоянно раздираемъ несогласіями и распрями; другая вина была та, что они, недовольно крѣпко держась своего быта и своихъ природныхъ учрежденій, заимствовали отъ иностранцевъ многое такое, что противно было ихъ духу. Такъ составились у Чеховъ и Поляковъ учрежденія на половину нѣмецкія, на половину славянскія, у Болгаръ и Сербовъ — на половину славянскія, на половину византійскія, и эти учрежденія подавляли жизнь народа, а сами, будучи чѣмъ-то противуестественнымъ, не давали ни какой силы государству. Поясню эти слова, которыя могутъ показаться темными, однимъ примѣромъ: въ прежнемъ Польскомъ государствѣ народъ былъ совершенно задавленъ *шляхтою*, и до того считался ничтожнымъ, что даже не призывался на войну для защиты отечества; шляхта же не существовала въ Польшѣ искони, а образовалась подъ дѣйствіемъ нѣмецкихъ учрежденій того времени, такъ что даже самое имя это, *шляхта*, взято съ нѣмецкаго языка; но въ Польской шляхтѣ къ нѣмецкому понятію о благородномъ сословіи присоединилось старинное славянское вѣчевое устройство, и изъ нея вышло нѣчто безтолковое и вредное для государства.

Слабѣйшіе изъ славянскихъ народовъ раньше достались иностраннымъ завоевателямъ.

Первые покорены были Нѣмцами Словенцы въ Каринтіи, Штиріи и Краинѣ, именно въ 788 году, т. е. слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Эти Словенцы живутъ въ горахъ и долинахъ на сѣверъ отъ Адріатическаго моря, близъ Италіи.

Словаки, населяющіе сѣверную Венгрію, покорены были Мадьярами или Венграми въ 907 году.

Лужичане, которые сами себя называютъ Сербами, хотя живутъ далеко на сѣверъ отъ собственныхъ Сербовъ, въ нынѣшнемъ Саксонскомъ королевствѣ, покорены были Нѣмцами въ 1002 году.

Хорваты, обитающіе на сѣверо-востокъ отъ Адріатическаго моря, поддались Венгріи въ 1091.

Болгаре, населяющіе сѣверо-восточную и среднюю часть Европейской Турціи, т. е. собственную Болгарію и большую часть Румеліи, покорены были Турками въ 1393 году.

Сербы, занимающіе сѣверо-западную часть Европейской Турціи и сосѣдніе края Австріи, лишены были Турками государственной независимости въ 1389 году, и окончательно покорены ими въ 1463 году, а часть ихъ перешла во владѣнія Австріи въ 1690 году.

Чехи, жители Богеміи и Моравіи, т. е. сѣверо-западной части Австрійской имперіи, поддались Австрійскому государю въ 1526 году, но съ тѣмъ, чтобы оставаться при своихъ прежнихъ правахъ и

законахъ, а въ 1620 году покорены были Австрійцами и лишены своихъ правъ.

Наконецъ, въ 1795 году пало государство Польское, и при этомъ земли, населенныя собственно польскимъ племенемъ, присоединены были тогда къ двумъ нѣмецкимъ державамъ, къ Пруссіи и Австріи.

Вездѣ оправдалось слово, сказанное нашимъ Спасителемъ: «*всякое царство, раздѣлившееся на себя, запустѣетъ, и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся на себя, не устоитъ*» (Матѳ. XII, 25).

Было время, когда и Русскій народъ «раздѣлился на себя»; тогда онъ достался въ рабство Татарамъ, а частью долженъ былъ подчиниться Литвѣ; иноплеменное иго пробудило въ Русскихъ память о прежнемъ единствѣ и братствѣ и чувство общаго долга: Москва первая возобновила рѣчь о всей Русской землѣ, и около Москвы стали собираться всѣ удѣлы земли Русской, забывая зависть и распри.

Нельзя пророчить будущее; но, какъ Богъ изъ глубины бѣдствій воздвигъ Русскую землю и, научивъ ее единству, далъ ей могущество, такъ, быть можетъ, перевоспитаетъ и обновитъ онъ тяжелымъ урокомъ и прочихъ Славянъ.

Старыя славянскія государства на западѣ должны были погибнуть, потому что были «раздѣлены на себя», какъ во внутреннемъ своемъ бытѣ, такъ и въ отношеніи къ другимъ Славянамъ. Вся собственная Польша, т. е. земля, населенная Поляками (а не области, принадлежавшія Польшѣ, но населенныя Русскими или Литвинами), вся собственная Польша, говорю я, досталась двумъ нѣмецкимъ державамъ, Австріи и Пруссіи. Прочіе славянскіе народы, подвластные Австріи, до того были забиты, что они, казалось, потеряли память о своемъ бытіи и стыдились называться Славянами, а выдавали себя за Нѣмцевъ или Венгровъ. Наконецъ Сербы и Болгаре въ Турціи страдали подъ игомъ невыносимымъ; многіе изъ нихъ, чтобы избавиться отъ мученій, принимали мусульманскую вѣру и, перерождаясь въ Турокъ, становились сами гонителями своихъ братій.

Но въ то время Богъ изъ глубины бѣдствій началъ воздвигать Славянское племя къ новой жизни.

Въ Сербіи явился, въ 1804 году, Георгій Черный и освободилъ часть своей родины отъ Турокъ. Первымъ дѣломъ освобожденнаго народа было вспомнить, что у него есть братья одного съ нимъ происхожденія и одной вѣры и отправить посольство въ Россію — просить союза и покровительства. Вскорѣ затѣмъ русскій отрядъ пришелъ въ Сербію и помогъ Георгію Черному изгонять Турокъ. Походъ Наполеона на Россію въ 1812 году заставилъ Императора Александра I вызвать войска изъ Сербіи и Турціи и заключить съ Султаномъ миръ. Георгій Черный надѣялся на покровительство Австріи,

но она обманула его, и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Сербіи. Однако нашелся другой человѣкъ, который продолжалъ дѣло, начатое Георгіемъ: именно Милошъ Обреновичъ, (въ 1859 году избранный во второй разъ княземъ Сербскимъ). Онъ долго сражался съ Турками, по прежнему искалъ опоры въ Россіи, и Россія, Адріанопольскимъ договоромъ, заключеннымъ въ 1829 году, принудила Турцію признать свободу Сербіи. Сербія получила право избирать своего князя, управляться своими законами, содержать свое войско; Туркамъ запрещено жить въ ней, кромѣ какъ въ нѣкоторыхъ указанныхъ городахъ; Султану она платитъ только дань и считается подъ его верховною властію, но онъ не можетъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла.

Примѣръ Сербіи подтверждаетъ нашу мысль, что страшныя бѣдствія, которыя постигли славянскіе народы, должны были переродить и перевоспитать ихъ и тѣмъ приготовить къ лучшей будущности. Въ прежнее время, когда Сербія была самостоятельнымъ государствомъ, она имѣла глубокіе недуги. Народъ былъ задавленъ боярами, которые подражали вельможамъ сосѣдней Византійской имперіи и между прочимъ переняли отъ нихъ привычку къ неповиновенію и измѣнѣ; безпрестанно сѣяли они раздоръ въ землѣ и разрывали ее на части; вѣра православная не была тверда въ Сербіи. Сербскіе короли и князья то выдавали себя за ея поборниковъ, то объявляли себя, если казалось болѣе выгоднымъ, приверженцами Папы. Четыреста слишкомъ лѣтъ страдала Сербія подъ игомъ Турокъ, но вышла изъ-подъ этого ига чистою и здоровою: боярства въ ней уже нѣтъ, народъ остался хозяиномъ своей земли, и вѣра православная, которая поддерживала его во время невзгодъ, укоренилась въ немъ такъ, что ничѣмъ ея не поколеблешь.

Въ то самое время, когда Сербскій народъ начиналъ освобождаться въ Турціи (должно замѣтить однако, что онъ освободился не весь: Боснія и Герцеговина, населенныя также Сербами, остались подъ властію Турокъ, потому что тамъ мусульманъ очень много, и христіанамъ двинуться было трудно),—въ то самое время и у другихъ Славянъ пошли дѣла къ лучшему.

Въ 1815 году, по Вѣнскому договору, большая часть собственно Польской земли была присоединена къ Россіи,—подъ именемъ Царства Польскаго. Императоръ Александръ I не захотѣлъ мстить Полякамъ за то, что они, въ старину, когда владѣли западною половиною Руси, подстрекаемые Іезуитами, преслѣдовали и старались уничтожить русскую народность и православную вѣру; напротивъ, онъ видѣлъ въ Полякахъ только братій — Славянъ, и даровалъ Польшѣ благоустройство, какого она давно уже не видала. При немъ появи-

лись лучшіе польскіе писатели и стихотворцы, между которыми Мицкевичъ пріобрѣлъ безсмертную славу. При Александрѣ I началось дружеское сближеніе Поляковъ съ Русскими, и такое сближеніе, не смотря ни на какія помѣхи и невзгоды, будетъ укореняться и принесетъ благіе плоды; ибо вражда безплодна, а любовь плодотворна.

Между тѣмъ какъ Польша оживлялась подъ правленіемъ императора Александра I, оживлялись, мало по малу, и Славяне, подвластные Австріи.

Всѣ эти славянскіе народы: Чехи, Словаки, Словенцы, Хорваты, находились тогда въ такомъ состояніи, что трудно было даже надѣяться на ихъ возрожденіе. Дворянство было у нихъ иностранное, нѣмецкое или венгерское; въ городахъ то же жило болѣе иноземцевъ, нежели Славянъ; славянскимъ оставался только простой, деревенскій народъ; образованныхъ и богатыхъ людей между Славянами было весьма мало. Некому было говорить простому славянскому народу на его языкѣ, некому было его образовывать и напоминать ему, что Богъ не даромъ же призвалъ его на свѣтъ, что и ему должно трудиться духомъ, какъ и другимъ народамъ, потому что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ* (Лук. IV, 4). Однако нашлись такіе люди, сначала не многіе, а потомъ ихъ число увеличилось. Эти люди были сыновья простыхъ поселянъ, которымъ посчастливилось получить образованіе въ училищахъ, и которые, образуясь и совершенствуясь, не хотѣли забыть своего рода и племени, а, напротивъ, стали употреблять свою науку и образованность къ пользѣ своего народа. Первый былъ Добровскій, сынъ славянскаго простолюдина въ Венгріи, переселившійся къ Чехамъ, въ Прагу. Онъ первый напомнилъ всѣмъ Славянамъ, что у нихъ у всѣхъ языкъ одинъ и тотъ же, и что, стало быть, они всѣ — одно племя. Хотя онъ былъ римско-католическій священникъ, однако сталъ изучать церковный Славянскій языкъ, на которомъ читаются у насъ и у всѣхъ православныхъ Славянъ божественныя книги; онъ показалъ Чехамъ и прочимъ Славянамъ, что всѣмъ имъ нужно знать этотъ языкъ, какъ древнѣйшій и коренной, чтобы разъяснить каждое славянское нарѣчіе.

Затѣмъ между Чехами явились, также изъ простонародья, великіе ученые и писатели; они ввели въ честь свой родной языкъ, прежде забытый, вызвали въ Чешскомъ народѣ память о его славянскомъ происхожденіи, братствѣ съ другими Славянами и минувшей славѣ, и возбудили въ немъ желаніе стряхнуть съ себя сонъ, навѣянный на него Австріею. Эти люди были: Юнгманъ Челяковскій, Пресль, Ганка, Шафарикъ (уже умершіе), Пуркине, Палацкій и многіе другіе.

Между Словаками тотъ же подвигъ совершали покойные Коларъ

и Штуръ, между Словенцами и Хорватами Водникъ, Блейвейсъ, Прешеринъ Станко Вразъ, Гай, Кукулевичъ-Сакцинскій и другіе.

Имена этихъ людей должны быть произносимы Русскими съ глубокимъ уваженіемъ, ибо ихъ труды воскрешаютъ духовную жизнь въ братіяхъ нашихъ.

Въ то же время и Сербы, подвластные Австріи, приняли участіе въ духовномъ пробужденіи Славянскихъ народовъ, и Русскіе, то-есть Малороссіяне, въ Галиціи и сѣверо-восточной Венгріи, также подданные Австріи, стали вспоминать о своемъ родѣ-племени, читать русскія книги, писать по-русски и чувствовать себя опять русскими людьми.

Въ 1848 году, когда во всѣхъ почти державахъ западной Европы произошли возстанія, въ Австріи Нѣмцы и Венгры взбунтовались противъ своего государя и отняли у него почти всю власть; при этомъ они не хотѣли признать за Славянскими народами, ихъ сосѣдями, тѣхъ же правъ, какія они сами имѣли, а напротивъ, потребовали, чтобы они, Славяне, передѣлали себя въ Нѣмцевъ и Венгровъ. Славянскіе народы стали имъ сопротивляться, и для того, чтобы сопротивляться успѣшнѣе, опредѣлили собраться въ одинъ городъ и договориться между собою. Такъ-то бѣдствія научаютъ народы разуму. Въ прежнія времена Славяне всегда дѣйствовали розно и старались вредить другъ другу; и только наученные тяжкимъ опытомъ, они въ первый разъ, въ 1848 году, рѣшились соединить свои силы и стать за одно противъ своихъ недруговъ. Въ Чешскій городъ Прагу съѣхались лучшіе люди отъ всѣхъ Славянъ австрійскихъ: Чеховъ, Словаковъ, Поляковъ, Галицкихъ Малороссовъ, Словенцевъ, Хорватовъ, Сербовъ, и 3-го іюня открыли свои засѣданія. Но хотя австрійское правительство было оскорблено и унижено Нѣмцами, а Славяне, напротивъ, объявили себя вѣрными защитниками своего государя, однако правительство это, все таки, въ душѣ недоброжелательствовало Славянамъ. Оно дало командовавшему войсками въ Прагѣ, князю Виндишгрецу, приказаніе разогнать Славянскій съѣздъ. Князь Виндишгрецъ 14-го іюня вывезъ пушки и началъ стрѣлять въ городъ. Прага принуждена была просить пощады, и Славянскій съѣздъ былъ разогнанъ.

Не смотря на столь жестокій поступокъ Австрійскаго правительства, Славяне въ этотъ разъ продолжали еще оставаться его защитниками. Въ то время Итальянцы возстали противъ притѣсненій Австріи, и король Сардинскій пришелъ къ нимъ на помощь. Венгерскіе полки не хотѣли сражаться противъ Итальянцевъ, и требовали, чтобы ихъ отпустили домой; Австрійское правительство принуждено было сдѣлать это, а Славянскіе полки остались въ Италіи, храбро сра-

жались за Австрію и почти одни вынесли на своихъ плечахъ тяжелую войну, которая кончилась для Австріи побѣдами и выгоднымъ миромъ въ 1849 году. Воротившись на родину, Венгерскіе полки перешли на сторону противниковъ Австрійскаго государя; Венгрія совершенно отложилась отъ него, взялась за оружіе и объявила себя независимою. Славяне, живущіе кругомъ Венгровъ, съ сѣвера и юга, также схватили оружіе, но противъ Венгровъ, за Австрійскаго императора. Хорваты и Сербы австрійскіе пошли на эту войну поголовно, даже изъ турецкой Сербіи прислана была имъ значительная помощь. Предводитель славянской рати, банъ (т. е. воевода) Елачичъ храбро сражался съ Венграми и сильно стѣснилъ ихъ; а между тѣмъ въ Вѣнѣ, столицѣ Австріи, вспыхнулъ мятежъ и тамошніе Нѣмцы выгнали своего императора изъ столицы. Тогда Елачичъ съ славянскою ратью пошелъ на Вѣну, взялъ ее, разогналъ мятежниковъ и возвратилъ туда императора.

Кончивъ дѣло подъ Вѣною, онъ съ своими Хорватами и Сербами продолжалъ воевать противъ Венгровъ и храбро выдерживалъ натискъ ихъ превосходныхъ силъ, тогда какъ Нѣмецкое войско, посланное противъ нихъ, подъ начальствомъ князя Виндишгреца, почти совершенно истреблено было непріятелемъ.

За свои великія усилія въ пользу Австрійской державы, за неисчислимыя жертвы, принесенныя ими для ея спасенія отъ мятежныхъ Нѣмцевъ,отъ Итальянцевъ и Венгровъ, Славяне ждали благодарности и награды. Они надѣялись, что Австрія, по возстановленіи мира, признаетъ ихъ, какъ она признавала ихъ и кланялась имъ во время войны. Дѣйствительно, Австрійское правительство обѣщало Славянскимъ народамъ, что они будутъ имѣть такія же права, какъ Нѣмецкій народъ; что у нихъ въ судахъ, казенномъ дѣлопроизводствѣ и училищахъ будетъ введенъ славянскій языкъ, вмѣсто нѣмецкаго; что славянскія земли отдѣлены будутъ въ управленіи отъ земель не славянскихъ; что за Хорватами утверждены будутъ старинныя льготы, дарованныя имъ королями венгерскими, что, наконецъ, Сербы австрійскіе получатъ тѣ права и преимущества, которыя были признаны за ними еще въ 1690 году императоромъ Леопольдомъ, когда онъ переселялъ ихъ изъ Турціи, но которыхъ Австрія не уважила съ тѣхъ поръ, и что въ особенности вѣра православная будетъ у нихъ обезпечена отъ всякихъ притѣсненій.

Какъ храбро ни сражались Хорваты и Сербы противъ Венгровъ, однако они одни не могли одолѣть ихъ, особенно послѣ истребленія Австрійской арміи князя Виндишгреца, такъ какъ Венгерское войско было гораздо многочисленнѣе и имѣло больше пушекъ. Потому Австрія обратилась за помощью къ Россіи; 3-го іюня 1849 года Рус-

скія войска вступили въ Венгрію, а 1-го августа сдача Венгерскаго предводителя Гергея покончила дѣло, и Австрійскій императоръ остался полнымъ обладателемъ своего государства.

Благодарности Славяне отъ Австріи не видали.

Послѣ покоренія Венгріи, Австрійское правительство получило такую силу, что Славяне принуждены были подчиниться всѣмъ его распоряженіямъ.

Имъ не только не дали никакихъ новыхъ правъ, но даже отняли всѣ тѣ, какія они имѣли прежде.

Для управленія ими стали посылать нѣмецкихъ чиновниковъ, въ судахъ, казенномъ дѣлопроизводствѣ и училищахъ ввели повсюду нѣмецкій языкъ, подвели славянскія земли подъ одинъ уровень съ землями не-славянскими; отняли у Хорватовъ старинныя льготы и наложили на нихъ огромныя подати, какихъ прежде они не платили, не дали Сербамъ правъ, обѣщанныхъ императоромъ Леопольдомъ, обременили ихъ податями и стѣснили вѣру православную, запретивъ православнымъ вступать въ бракъ съ католиками иначе, какъ если перейдутъ въ католическую вѣру, и учредивъ въ ихъ землѣ уніатскія епархіи, для распространенія уніи.

А между тѣмъ Славяне составляютъ главную силу Австріи. Бóльшую половину своихъ доходовъ она получаетъ отъ нихъ. Они составляютъ бóльшую половину, а въ военное время двѣ трети ея войска. — Въ мирное время [1]) австрійское войско было составлено такъ:

Чеховъ и Словаковъ	126,700
Словенцевъ	29,900
Хорватовъ	36,400
Сербовъ	25,000
Поляковъ	49,500
Русскихъ (изъ Галиціи)	65,900
Итого Славянъ въ австрійскомъ войскѣ	333,400.

Къ этому должно прибавить еще пограничныя съ Турціею военныя поселенія, населенныя одними Славянами, и гдѣ, по требованію правительства, всякій мужчина, способный носить оружіе, обязанъ идти на войну. Тамъ считается Сербовъ 310,000, Хорватовъ 550,000; они могутъ выставить (и въ военное время, не разъ выставляли) болѣе 100,000 войска.

Прочихъ народовъ въ австрійской арміи, въ мирное время, считалось:

---

[1]) Передъ Итальянскою войною 1859 года.

Нѣмцевъ	168,800
Итальянцевъ	74,900
Румыновъ, или Молдаванъ	27,300
Мадьяръ, или Венгровъ	42,800
Итого не-Славянъ въ австрійскомъ войскѣ	313,800.

Итальянцамъ и Венграмъ Австрія не довѣряла, и потому въ войну 1859 г. она удалила ихъ отъ непріятеля, а сражались въ Италіи, большею частію, Славяне. Они-то должны были проливать свою кровь противъ Италіи, которая не сдѣлала имъ никакого зла, и защищать государство, которое, мы видѣли, какъ съ ними поступаетъ.

У себя дома Славянскіе народы въ Австріи стѣснены такъ, какъ прежде никогда не бывало; они не смѣютъ ни писать, ни сноситься между собою даже о книжныхъ дѣлахъ. Училища у нихъ устроены такимъ образомъ, что славянскія дѣти должны забывать въ нихъ свой языкъ и выходить оттуда Нѣмцами. Никогда еще, казалось бы, не было для Славянъ въ Австріи столь тяжелаго времени. Однако все-таки они могутъ благодарить Бога за все, что было. Они далеко ушли впередъ противъ прежняго. Теперь пробуждена въ нихъ духовная жизнь, теперь они поняли, въ чемъ ихъ сила и въ чемъ слабость; теперь они знаютъ, кто имъ врагъ и на кого они должны надѣяться.

Другіе Славянскіе народы, Болгаре и Сербы, живутъ въ Турціи. Гдѣ лучше Славянамъ, въ Турціи или въ Австріи? Спросите у Славянина турецкаго, и онъ вамъ отвѣтитъ, что въ Австріи лучше: «тамъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ онъ, правительство устроенное, есть судъ и расправа; тамъ человѣка не подстрѣлятъ на дорогѣ, не придутъ безнаказанно его ограбить и обезчестить его жену или дочь». Спросите у австрійскаго Славянина, и онъ вамъ отвѣтитъ: «нѣтъ, въ Турціи гораздо лучше, чѣмъ у насъ; правда, тамъ владычествуютъ Турки — варвары, и если имъ вздумается, они человѣка убьютъ, ограбятъ, опозорятъ, и дѣло съ концомъ; но вѣдь не со всякимъ это случится. Это какъ молнія, которая упадаетъ на одного, а другихъ не тронетъ; за то у насъ въ Австріи всякаго Славянина притѣсняютъ, хотя вѣжливо, но больно; мѣшаютъ ему во всемъ, держатъ его подъ надзоромъ, передѣлываютъ въ Нѣмца, и если онъ православный, стараются вогнать въ унію. Нѣтъ, нашему брату куда просторнѣе и свободнѣе въ Турціи!» Такъ говорятъ австрійскіе и турецкіе Славяне другъ о другѣ, и разобрать трудно, гдѣ имъ дѣйствительно лучше и гдѣ хуже. — Но во всякомъ случаѣ, въ Турціи Славянамъ жить становится годъ отъ году тяжеле. Прав-

II.

НАРОДНОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ

СЕРБОВЪ-ЛУЖИЧАНЪ ВЪ САКСОНІИ

II.

Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи.

Будышинъ. — Сербо-лужицкіе города въ Саксоніи. — Нижніе и Верхніе Лужичане. — Языкъ этого народа. — Разсказъ И. И. Смоляра о возрожденіи Сербовъ-Лужичанъ. — Труды Лубенскаго, Зейлера, Клина и Смоляра въ дѣлѣ возрожденія этой народности. — Д-ръ Пуркине. — Мужикъ-Клосопольскій. — «Сербское общество» при будышинской гимназіи. — Штуръ. — Поэтъ Коларъ. — Основаніе Славянской библіотеки въ Будышинѣ. — Исторія изданія Сербо-лужицкихъ народныхъ пѣсенъ. — Сербо-лужицкія газеты. — «Матица», общество для развитія между Сербо-Лужичанами народнаго просвѣщенія и словесности. — Событія 1848 года и ихъ послѣдствія для Сербо-лужицкой народности. — Благосостояніе этого народа. — Отчужденіе Нижнихъ-Лужичанъ отъ Верхнихъ-Лужичанъ. — Свидѣтельство Іенча объ онѣмеченіи Нижнихъ-Лужичанъ. — Въ чемъ слѣдуетъ видѣть зачатки возрожденія Нижне-Лужицкой народности? — Нѣсколько замѣчаній о произношеніи Лужичанъ и объ ихъ нарѣчіи вообще. — Образцы Сербо-лужицкой поэзіи.

Я побывалъ въ Будышинѣ или, какъ Нѣмцы говорятъ, Бауценѣ, въ королевствѣ Саксонскомъ, въ землѣ Славянъ, Лужицкихъ Сербовъ. Замѣчателенъ этотъ послѣдній живой остатокъ сѣверозападнаго Славянства, эти 160,000 людей, которые, среди милліоновъ нѣмецкаго народа, сохранили до сихъ поръ свою славянскую рѣчь, свой особенный бытъ, свое стародавнее наименованіе *Сербовъ*. Легко пройти Лужицко-сербскую землю вдоль и поперекъ. Если отправиться изъ Будышина, какъ изъ средоточія ея, — не географическаго, но умственнаго, — то легко побывать и въ Любіи (Löbau), крайнемъ къ юго-востоку Лужицко-сербскомъ городѣ, и въ Мужаковѣ (Muskau), и въ Зломъ-Коморовѣ (Senftenberg), которые лежатъ оба на пограничной чертѣ между Верхними и Нижними Лужицами [1]), одинъ на востокѣ,

---

[1]) Извѣстно, что Сербы-Лужичане, при всей своей малочисленности, дѣлятся на два племени, принадлежатъ двумъ государствамъ и двумъ исповѣданіямъ. Племя Верхне-Лужицкое раздѣлено между Саксоніею (49,217 душъ, въ томъ числѣ 40,000 протестантовъ и 9,000 католиковъ) и Пруссіею (39,000, въ томъ числѣ 37,000 протестантовъ и 2,000 католиковъ); и того Верхне-Лужицкихъ Сербовъ около 90,000.—Нижне-Лужицкихъ Сербовъ 72,000, всѣ въ Пруссіи и всѣ протестанты.

другой на западѣ (между ними верстъ 60 разстоянія), и въ Хотѣбузѣ (Kotbus), важнѣйшемъ городѣ Нижнихъ Лужицъ и самомъ отдаленномъ отъ Будышина (верстъ 75 къ сѣверу). Къ тому же странствованіе по Сербо-лужицкому краю представляетъ всѣ удобства: народъ вѣжливый и гостепріимный, избы и постоялые дворы чисты и опрятны, и паспортовъ никакихъ не нужно. Хотѣлось мнѣ прислушаться къ рѣчи Сербовъ-Лужичанъ, сохранившихъ, въ удивительной полнотѣ, самыя древнія грамматическія формы языка славянскаго и не менѣе богатыхъ также первоначальными коренными словами, особенно для выраженія предметовъ и дѣйствій внѣшнихъ. Хотѣлось мнѣ всмотрѣться въ это племя: нельзя ли, я думалъ, угадать, почему Лужицкіе Сербы, которые всегда были самое малочисленное и слабое изъ племенъ славянскихъ, съ такимъ упорствомъ, среди всякихъ невзгодъ и гоненій, удержали свою народность, тогда какъ другое, ближайшее къ нимъ и несравненно бо́льшее и сильнѣйшее племя, бойкое и шумное племя Польское или Ляшское, такъ легко поддавалось онѣмеченью, въ Мекленбургіи, въ Бранденбургіи, въ Помераніи, и теперь еще съ каждымъ годомъ уступаетъ передъ Нѣмецкимъ наплывомъ, почти вымираетъ въ Силезіи, въ восточной и западной Пруссіи, уменьшается въ Познанскомъ княжествѣ? Но у меня не было времени на изученіе Лужицкой страны; въ Будышинѣ я могъ оставаться всего дня три или четыре. Что можно увидѣть въ три или четыре дня? Чтобы время не пропало совершенно даромъ, я и попросилъ И. И. Смоляра, одного изъ главныхъ умственныхъ дѣятелей въ этомъ краѣ, принявшаго меня съ великимъ радушіемъ, разсказать мнѣ, во всей подробности, какимъ образомъ возродилась и получила признаніе славянская народность въ королевствѣ Саксонскомъ.

О древнихъ судьбахъ Лужицко-сербской народности и письменности я говорить не стану. И. И. Срезневскій посвятилъ этому предмету прекрасную, любопытную статью [1]). Онъ живо изобразилъ незабвенныхъ тружениковъ: Михаила Френцеля († 1706), сына его Авраама († 1740), Мёна († 1785) и другихъ, которые съ любовью занимались роднымъ Славянскимъ словомъ, когда никто еще и не думалъ о славянствѣ, когда геніальный поэтъ, родившійся между Сербами-Лужичанами, Лессингъ [2]), сдѣлался главнымъ двигателемъ *нѣмецкой* литературы. Еще въ первой четверти нашего столѣтія спала глубокимъ сномъ Сербо-лужицкая народность. Еще тогда образованный Лужичанинъ не думалъ быть инымъ чѣмъ, какъ Нѣмцемъ

---

[1]) «О литературѣ Сербо-Лужицкой» въ *Журналѣ Мин. Народнаго Прос.* 1844, № 7.

[2]) По-сербски это имя произносилось: Лѣсникъ. Онъ былъ родомъ изъ Каменца Kamenz), на западномъ краю Сербской земли въ Саксоніи.

народъ Сербо-лужицкій, говорившій «по-вендски» (такъ называли, по нѣмецкому обычаю, его славянскую рѣчь), и не подозрѣвалъ, что есть на свѣтѣ другіе «Венды» кромѣ его; языкъ «вендскій» почитался какимъ-то просторѣчіемъ (patois), на которомъ сельскіе пасторы по-неволѣ должны были проповѣдывать, потому что прихожане иначе не понимали бы ихъ; были цѣлыя чисто-славянскія селенія, у которыхъ богослуженіе совершалось по-нѣмецки [1]); при каждой народной переписи число людей, объявлявшихъ себя «Вендами», уменьшалось. Во всей землѣ Лужицкой только одинъ человѣкъ, почтенный пасторъ Любенскій, заботился о родномъ языкѣ. Писалъ онъ много, составилъ обширный словарь и грамматику Верхне-Лужицкую, но главные его труды не печатались, а издавать могъ онъ только книжечки назидательныя, для чтенія въ деревняхъ. Неутомимо работалъ Любенскій, но по временамъ брала его тоска и отчаянье; по временамъ ему казалось, что его труды пропадутъ даромъ, что не долго будутъ читать его книжечки, что онъ послѣдній въ Лужицкой землѣ пишетъ по-сербски. Да, было тамъ такое время, и прошло; прошло оно съ новымъ поколѣніемъ, которое выростало въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія.

Въ 1826 г. одинъ молодой Лужичанинъ, Зейлеръ, человѣкъ горячій, съ крѣпкою волею, даровитый поэтъ, будучи студентомъ богословскаго факультета въ Лейпцигскомъ университетѣ, сталъ помышлять о томъ, что на немъ и на товарищахъ-соплеменникахъ его, готовящихся къ священнослуженію въ родномъ краѣ, лежитъ обязанность быть не только наставниками своего народа въ вѣрѣ, но и хранителями его слова и народнаго быта. Прежде уже, будучи ученикомъ въ Будышинской гимназіи, Зейлеръ пописывалъ кое-что по-сербски, безъ всякой мысли о литературномъ успѣхѣ, а просто для того, чтобы не забыть языка: ибо въ ту пору въ главномъ Сербо-лужицкомъ городѣ только простолюдинъ говорилъ по-сербски; Сербъ, мало-мальски образованный, стыдился родной рѣчи своей; въ гимназіи, даже въ кругу товарищей, не говорили иначе, какъ по-нѣмецки, и такимъ образомъ, съ пріѣздомъ изъ деревни въ городъ, съ поступленіемъ въ гимназію, сербскій мальчикъ забывалъ по-сербски. Въ Лейпцигѣ Зейлеръ сталъ всѣми силами подбивать товарищей-Лужичанъ чтобы они занялись своимъ языкомъ. Между тамошними студентами богословія издавна существовало общество для упражненія въ гомилетикѣ (проповѣдномъ искусствѣ), и уже Любенскій, еще во время своего студенче-

[1]) Подъ вліяніемъ нѣмецкихъ пасторовъ многія Верхне-лужицкія Сербскія селенія, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, совершенно онѣмечились, напр. Цыбалинъ (Zibelle), Езорь (See), Козле (Kosel), Буковъ (Hohen-Boucka) и др.

ства, образовалъ при немъ Сербо-лужицкое отдѣленіе. Зейлеръ настоялъ на томъ, чтобы это отдѣленіе возобновилось и чтобы его товарищи-земляки обязались произносить каждый семестръ въ своемъ кружкѣ, для опыта, проповѣдь по-сербски. Это общество существуетъ понынѣ при Лейпцигскомъ университетѣ, подъ именемъ «Soraбia», которое далъ ему Зейлеръ. Онъ не хотѣлъ ограничиться этимъ. Вскорѣ при своей «Сорабіи» основалъ онъ еженедѣльный рукописный журналъ «Сербска Нóвина»: всякій членъ Сорабіи долженъ былъ доставлять каждую недѣлю для журнала какую-нибудь статейку, своего ли произведенія, или переводную, журналъ переписывался и раздавался сотрудникамъ. Вскорѣ молодой сербскій студентъ, сербскій проповѣдникъ и писатель, могъ почувствовать народную связь свою съ другими Славянами: пріѣхалъ въ Лейпцигъ Палацкій, знаменитый Чешскій исторіографъ и главный двигатель чешской народности, пріѣхалъ и Милутиновичъ, извѣстный писатель у Сербовъ задунайскихъ, другъ покойнаго владыки Черногорскаго, составитель исторіи Черной Горы. Съ ними Зейлеръ сошелся. Побужденный ими, онъ горячо принялся за изученіе славянскихъ языковъ. Но изъ сверстниковъ его никто еще не былъ зрѣлъ для мысли объ умственномъ общеніи Славянъ. Товарищи не поддержали Зейлера въ этомъ дѣлѣ ни сотрудничествомъ, ни участіемъ, — и Зейлеръ бросилъ занятіе славянщиною. Каждая мысль, движущая въ извѣстную пору людьми, созрѣваетъ въ свое время. Френцель въ XVIII столѣтіи, Зейлеръ въ 1820-хъ годахъ нынѣшняго, вѣрили уже въ общеніе славянскихъ народовъ, въ лучшую будущность для Славянъ. Въ комъ нашли они тогда отголосокъ? Въ Лужицкой землѣ осталось 10,000 Сербовъ-католиковъ, затерянныхъ между массами протестантскаго населенія; для нихъ всегда, съ давнихъ поръ [1]), духовные наставники готовились въ Пражской семинаріи. Молодой Сербъ-Лужичанинъ, занесенный къ Чехамъ, слыша около себя родную рѣчь, естественно долженъ тотчасъ почувствовать себя членомъ великой семьи Славянской. Теперь оно такъ: теперь Сербъ-Лужичанинъ пріѣзжаетъ въ Прагу, уже готовый къ принятію этого чувства; въ Прагѣ же вся среда, его окружающая, проникнута славянскимъ духомъ, и В. В. Ганка заботился [2]) о томъ, чтобы Лужицкіе гости возвращались изъ Чешской столицы хорошими славянистами. Но въ прежнее время, сколько перебывало въ Пражской семинаріи молодыхъ Сербовъ, и

---

[1]) Именно, съ 1704 года.

[2]) Писано въ 1856 г. Ганка скончался въ 1861 г. — Подъ покровительствомъ В. В. Ганки эти Сербо-лужицкіе студенты семинаріи основали, въ 1846 г., общество подъ именемъ «Сербовка», для изученія своего народнаго языка и прочихъ славянскихъ нарѣчій.

кто изъ нихъ вынесъ оттуда мысль о Славянской народности и Славянскомъ общеніи? Никто, пока не приспѣло время, никто до 30-хъ годовъ нашего столѣтія.

Въ 1830 году пріѣхалъ въ Будышинъ и поступилъ въ гимназію 14-лѣтній мальчикъ, сынъ приходскаго учителя въ деревнѣ Лазѣ (Lohsa), Смоляръ (Smolerj, по-нѣмецки Schmaler). Дома онъ слышалъ постоянно Сербо-лужицкій языкъ, мать его почти не знала понѣмецки, и вдругъ переходитъ онъ въ кругъ, гдѣ ни слова не говорятъ по-сербски. Онъ и сказалъ нѣсколькимъ изъ сверстниковъ товарищей: «мы—Сербы, а вѣдь здѣсь забудемъ по-сербски; давайте учиться нашему языку...» И Смоляръ сталъ давать товарищамъ въ положенные дни уроки сербскаго языка, диктовалъ имъ по-нѣмецки и заставлялъ записывать по-сербски, училъ ихъ пѣть сербскія пѣсни. Родныя пѣсни поселянъ были съ дѣтства его страстью: ребенкомъ, мальчикомъ прислушивался онъ къ нимъ въ деревнѣ, голоса и слова врѣзались ему въ память. Учить товарищей пѣть эти пѣсни было для него лучшею утѣхою, истиннымъ наслажденіемъ. Тутъ-то онъ совсѣмъ увлекся этими пѣснями и сталъ сознательно понимать ихъ красоту и цѣну. Когда возвращался онъ лѣтомъ на вакаціи въ деревню, ему ужь дома не сидѣлось. По цѣлымъ недѣлямъ его не видали родители: онъ бродилъ изъ села въ село, допытываясь пѣсенъ и записывая ихъ. Никто до того времени не имѣлъ понятія о народномъ бытѣ Лужицкихъ Славянъ, объ ихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ. Молодой гимназистъ, собиратель пѣсенъ, первый, можно сказать, узналъ свой народъ, схватилъ его живьемъ въ долгихъ странствованіяхъ по проселкамъ и деревнямъ. Мало того: никто прежде не умѣлъ сказать, какъ далеко простирается славянское населеніе въ этомъ краѣ, какая деревня сербская и какая нѣмецкая: Смоляръ первый узналъ и занесъ на карту границу своего народа.

Эта первая дѣятельность его относится къ 1830—1835 годамъ.

Въ то же время, въ 1833—34 году, сверстникъ Любенскаго и единственный изъ сверстниковъ, оказывавшій сочувствіе къ его дѣлу, Д-ръ Клинъ (который послѣ смерти Любенскаго въ 1840 г. оставался патріархомъ поборниковъ народности у Сербовъ-Лужичанъ и скончался въ 1855 году),—Д-ръ Клинъ защищалъ Сербскій языкъ на сеймѣ чиновъ Лузаціи [1]). Многіе изъ членовъ сейма хотѣли изгнать славянскую рѣчь даже изъ приходскихъ школъ и изъ церкви и тѣмъ

---

[1]) *Лузація* (Lusatia, die Lausitz, — я употребляю это оффиціальное, такъ сказать, названіе, когда говорю объ этой странѣ вообще, безъ отношенія къ народности, а славянское имя *Лужицы* придаю только той части Лузаціи, которая осталась славянскою)—Лузація сохранила древнее право обсуждать свои мѣстныя дѣла на особомъ сеймѣ своихъ чиновъ.

приготовить совершенное ея искорененіе въ землѣ Лужицкой: Клинъ воспротивился требованіямъ ультра-германистовъ и отстоялъ народный языкъ.

Въ 1836 г. Смоляръ поступилъ студентомъ богословія въ Вратиславскій (Бреславскій) университетъ. Однажды зимою его приглашаетъ къ себѣ незнакомый профессоръ медицинскаго факультета: то былъ г. Пуркине, имя котораго дорого всѣмъ Славянамъ, какъ одного изъ первыхъ и главныхъ дѣятелей Чешскихъ. Какъ удивился молодой богословъ первому вопросу, съ которымъ встрѣтилъ его знаменитый натуралистъ: знаетъ ли онъ по-сербски и что это за языкъ? На другой день Смоляръ приноситъ ему показать Сербо-лужицкую Библію; они условливаются, что Смоляръ будетъ приходить по воскресеньямъ къ Пуркине учиться по-чешски. Его примѣръ заохочиваетъ другихъ сербскихъ студентовъ. Вскорѣ они къ Чешскому языку присоединяютъ Польскій, выучиваются потомъ Русской и Старо-Славянской грамотѣ. Какъ они радовались, когда, одолѣвъ Кириллицу, стали читать нашу славянскую Библію, и каждый стихъ звучалъ имъ, какъ родной! Въ Вратиславль [1]) заѣхалъ Палацкій и извѣстный Польскій ученый г. Мацѣёвскій: они оживили еще болѣе славянское рвеніе студентовъ. Смоляръ переѣхалъ жить къ Пуркине и подъ его руководствомъ сталъ спеціально изучать собранныя имъ пѣсни. Одинъ молодой человѣкъ, Рёслеръ [2]), пламенный патріотъ, если не въ отношеніи Сербо-лужицкой народности (онъ Нѣмецъ), то своей Лузацкой родины, основывалъ въ это время при Вратиславскомъ университетѣ «Лузацкое Общество» (lausitzischer Verein), члены котораго, Лузацкіе уроженцы, образовывавшіеся въ Вратиславлѣ, должны были, по возможности, разработывать исторію, статистику и этнографію своего края. При немъ, по плану Рёслера, должно было быть Сербское отдѣленіе (wendische Section). Смоляръ сблизился съ Рёслеромъ, умѣлъ даже побудить его учиться по-славянски, и его стараніями состоялось это отдѣленіе: Пуркине былъ избранъ въ «протекторы».

Уже въ чужихъ городахъ, въ Лейпцигѣ и Бреславлѣ, молодые Сербы хлопотали о своемъ языкѣ и народности, а у нихъ дома еще ничего не дѣлалось. Нѣсколько лѣтъ послѣ Смоляра поступилъ въ Будышинскую гимназію юноша съ пылкой, но дѣльной головою (теперь опытный и основательный юристъ [3]), Мужикъ-Клосопольскій

---

[1]) Breslau.

[2]) Впослѣдствіе одинъ изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ Гёттингенскаго университета.

[3]) Ему принадлежитъ переводъ „Славянскихъ Древностей“ Шафарика на нѣмецкій языкъ.

(или по-нѣмецки Mosig von Aehrenfeld). Онъ началъ говорить съ товарищами-Сербами по-сербски, заставлялъ и ихъ слѣдовать своему примѣру, не стыдиться народнаго языка. Онъ увлекъ ихъ; нѣсколько человѣкъ составили при Будышинской гимназіи Сербское общество («Сербске товарьство на Будыскимъ гимназію»), которое сдѣлало и теперь еще дѣлаетъ много добра. Мужикъ сочинилъ уставъ. Цѣлью общества было «упражненіе и усовершенствованіе членовъ его въ родномъ языкѣ». Каждый членъ обязывался ежемѣсячно доставлять что-нибудь писанное по-сербски (въ прозѣ или стихахъ): эти произведенія читались въ кругу товарищей, и если одобрялись, то вносились въ общественную книгу и хранились навсегда при обществѣ. Выхлопотали обществу [1]) и его уставу оффиціальное утвержденіе отъ начальства гимназіи и потомъ получили особое помѣщеніе для засѣданій и библіотеки.

Бѣдный Штуръ, преждевременная смерть котораго составляетъ большое несчастіе для западныхъ Славянъ, Штуръ, по какому-то случаю находясь въ Лейпцигѣ, узналъ, что въ одномъ краѣ Саксоніи есть Славяне и что у нихъ затѣвается что-то хорошее. Онъ не утерпѣлъ и тотчасъ же пріѣхалъ въ Будышинъ. Какъ онъ умѣлъ воспламенить Будышинскихъ юношей! Какъ онъ приковывалъ ихъ къ себѣ каждымъ словомъ! Какой бывалъ ихъ восторгъ, когда онъ, съ своею прекрасною наружностью, съ своимъ звучнымъ голосомъ, пѣлъ имъ славянскія пѣсни или, хорошо знакомый съ историческими памятниками, разсказывалъ имъ про ихъ старыхъ Сербскихъ и Мильчанскихъ [2]) князей, о которыхъ они ничего не знали, про Дервана, побѣдителя Дагоберта и его Франкскихъ войскъ, про Милодуха и тому подобныхъ героевъ родной старины! Бывало, они соберутся вечеромъ, запоютъ пѣсни, и когда наступитъ ночь, съ пѣснями, съ факелами пойдутъ къ какому-нибудь романтическому мѣсту, напоминающему про славянство, къ скалѣ, которая нависла надъ Спревою и называется Пребогомъ, на гору, носящую грозное имя Чернобога. Это были пустяки, ребячество, но за этими пустяками скрывалась мысль. «Тутъ мы впервые почувствовали, такъ говорили потомъ гимназисты, ходившіе съ факелами къ Пребогу, а впослѣдствіи люди степенные: «тутъ мы впервые почувствовали, что мы не «одни на свѣтѣ, что у насъ есть братья, которые отъ насъ не сов-

---

[1]) Его оффиціяльный титулъ: societas slavica Budessina.

[2]) Въ VII — XI столѣт. имя *Сербовъ* преимущественно обозначало западную половину Славянъ въ этомъ краѣ, между Солявою (Sale) и Лабьемъ (Лабою, Эльбою); восточная часть, между Эльбою и Нисою (Neisse), является обыкновенно подъ разными названіями отдѣльныхъ племенъ, которыя тутъ жили: главныя были *Мильчане* и *Гломачи* (иначе *Далеминцы*).

«всѣмъ отвернулись, что мы, горсточка Славянъ между Нѣмцами, не «потеряны; что если мы не захотимъ сами онѣмечиться, то насъ не «онѣмечатъ никакою силою. Мы хаживали часто, продолжали мои «Лужицкіе знакомцы, къ старику Любенскому и разсказывали ему «про наши подвиги; а старикъ, покачивая головою, съ недовѣрчивою «радостью внималъ нашимъ толкамъ и надеждамъ: «пустое вы, дѣти, «затѣваете, говаривалъ онъ, изъ чего хлопочете? вѣдь что вы ни дѣ«лайте, скоро здѣсь славянство вымретъ, сами увидите....» Бѣдный Штуръ первый изъ чужихъ Славянъ посѣтилъ Лужицкихъ Сербовъ; онъ открылъ, можно сказать, дорогу къ общенію. Едва онъ уѣхалъ изъ Будышина, пришло въ Сербское гимназическое «товарищество» письмо отъ знаменитаго пѣвца «Дочери Славы», Колара; написанное прекрасно, горячо, поэтически, оно привело въ восторгъ сербскую молодежь. За письмомъ пришелъ цѣлый тюкъ книгъ Чешскихъ, Словацкихъ, Хорвато-Сербскихъ, собранныхъ Коларомъ для Будышинской братьи [1]). Мўжикъ съ товарищами стали помышлять о литературной связи и съ Россіею: сочинено и отправлено было письмо въ Петербургъ къ академику Кунику; но письмо осталось безъ отвѣта. За то великою радостью для молодаго товарищества было, когда Штуръ написалъ статью о новооткрывшейся въ Саксоніи славянской народности и первый подалъ другимъ Славянамъ вѣсть объ ней и объ ея пробужденіи. Статья его была переведена и въ русско-польской «Денницѣ», которую издавалъ въ то время въ Варшавѣ г. Дубровскій. Въ Лейпцигскій университетъ Будышинскіе ученики вступили уже готовыми славянистами и тотчасъ сблизились съ другими Славянами, которыхъ тамъ застали. Составилось «Славянское общество»: въ немъ были и Мўжикъ съ товарищами, Сербы-Лужичане, и Болгаринъ Куканчи, и Полякъ Сокольницкій, и Сербъ Магазиновичъ, и нѣсколько Чеховъ.

До сихъ поръ Сербо-лужицкое движеніе было почти только вспышкою горячихъ молодыхъ головъ. Узаконило и утвердило ихъ стремленія на истинной основѣ народнаго духа изданіе народныхъ пѣсенъ. Ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ и нынѣ еще такого полнаго, тщательнаго, великолѣпнаго изданія своихъ пѣсенъ, какъ бѣдный народецъ Сербо-лужицкій. Стоитъ разсказать, какъ состоялось это изданіе, памятное не только въ исторіи Сербо-лужицкаго, но и Всеславянскаго пробужденія. Въ Лужицкомъ, но издавна онѣмеченномъ городѣ Гёрлицѣ (по-славянски Сгорѣльцѣ) существовало съ 1779 года богатое и дѣятельное общество наукъ [2]). Оно когда-то изъ археологи-

---

[1]) Эта посылка послужила основаніемъ Славянской библіотекѣ при Будышинской гимназіи: теперь эта библіотека весьма значительна.

[2]) „Oberlausitzsche Gesellschaft der Wissenschaften“.

ческой любознательности, и не подозрѣвая народнаго значенія вопроса, предложило премію за сборникъ Сербо-лужицкихъ пѣсенъ. У Смоляра были пѣсни Верхне-Лужицкія; но Гёрлицкая программа требовала и Нижне-Лужицкихъ. Дѣло на томъ пока и остановилось. Между тѣмъ въ Гёрлицѣ у секретаря общества, почтеннаго духовнаго, Гаупта, человѣка мало свѣдущаго въ славянскомъ языкѣ, но крайне доброжелательнаго къ Славянамъ, накопилось изъ разныхъ рукъ порядочное количество пѣсенъ, записанныхъ въ Нижнихъ Лужицахъ, съ которыми онъ имѣлъ всегда сношенія. Гауптъ и написалъ Смоляру, не хочетъ ли онъ сообща издать пѣсни. Смоляръ былъ крайне обрадованъ. «Меня даже и то восхищало, — такъ разсказывалъ мнѣ Смоляръ, — что со мною, молодымъ студентомъ богословія, хотѣлъ вступить въ литературныя сношенія такое почтенное лицо, какъ Гауптъ, членъ безчисленнаго множества ученыхъ обществъ, имѣвшій притомъ значительный духовный санъ». Смоляръ пріѣхалъ въ Гёрлицъ; стали приготовлять изданіе. Смоляръ занялся славянскою частью, Гауптъ дѣлалъ нѣмецкій переводъ стихотворнымъ размѣромъ. Пѣсни были готовы. Но гдѣ найти издателя для такой книги, тогда какъ Сербы не могли напечатать себѣ и перевода Библіи безъ чужаго пособія [1]) и всѣ лучшія сочиненія на ихъ языкѣ лежали въ рукописи? Смоляръ отчаявался. Однажды, идя задумчиво по площади въ Будышинѣ, онъ встрѣчаетъ прежняго своего учителя, а тогда конректора гимназіи, Фрицше. «Что это у васъ торчитъ въ карманѣ?» спросилъ добрый старикъ. Смоляръ показалъ два толстыхъ тома пѣсенъ. «За чѣмъ не печатаете?» — «Нѣтъ издателя». — «А вотъ я завтра ѣду въ Грим«му [2]), тамъ заводитъ торговлю молодой книгопродавецъ, Гебгарди. Онъ человѣкъ предпріимчивый, я ему скажу». Гриммскій книгопродавецъ какимъ-то чутьемъ понялъ, что изданіе народныхъ пѣсенъ славянскихъ дѣло новое, современное, обѣщающее успѣхъ, самъ тотчасъ пріѣхалъ въ Будышинъ, условился съ Смоляромъ; оба поѣхали въ Гёрлицъ къ Гаупту, подписали контрактъ. Смоляръ съ Гауптомъ взялись за окончательную отдѣлку рукописи: составлено было подробное описаніе народнаго быта Сербовъ-Лужичанъ; собраны были данныя географическія, статистическія, филологическія, однимъ словомъ все, что нужно было для полнаго пониманія пѣсенъ и знакомства съ народомъ, который ихъ пѣлъ. Славянская работа кипѣла въ домѣ у Гаупта. «Намъ была удача, говорилъ мнѣ Смоляръ, вспоминая эти годы, — «обстоятельства сочетались какъ-то счастливо. Въ это

[1]) О старыхъ изданіяхъ перевода Священнаго Писанія по сербо-лужицки см. приведенную выше статью г. Срезневскаго. Въ позднѣйшее время Сербамъ въ этомъ благомъ дѣлѣ помогло Лондонское Библейское общество.

[2]) Городокъ Саксоніи, недалеко отъ Лейпцига.

«именно время случился въ Сгорѣльцѣ русскій путешественникъ, «ѣздившій для изученія западнаго славянства, г. Срезневскій. Онъ «намъ много пособилъ и совѣтомъ и собственнымъ трудомъ. Пред-«стояло важное дѣло: при изданіи пѣсенъ изгнать старое варварское «правописаніе на подобіе нѣмецкаго и ввести болѣе сродное съ сла-«вянскими звуками и съ употребительною у другихъ Славянъ ороо-«графіею, Мы не усомнились принять новое, весьма удобное право-«писаніе Чеховъ, заимствованное у нихъ и Словаками, и Хорватами, «и Хорутанами; но нужно было примѣнить его къ разнообразнымъ «и довольно прихотливымъ звукамъ нашего языка. Много ломали мы «надъ этимъ голову; русскій путешественникъ помогалъ намъ, подъ «его-то руководствомъ мы составили въ домѣ у Гаупта нашу но-«вую, аналогическую съ Чешскою и Хорватскою азбуку...» Азбука эта не мало способствовала литературному сближенію Сербовъ-Лужичанъ съ другими западными Славянами.

Гебгарди издалъ пѣсни великолѣпно, не щадя издержекъ. Поселяне не станутъ покупать своихъ же пѣсенъ, — такъ онъ разсчитывалъ, купятъ Сербо-лужицкія пѣсни библіотеки, да ученые и литераторы, купятъ всѣ любители славянства, всѣ цѣнители народной поэзіи: имъ пріятно будетъ имѣть книгу красивую, и они не поскупятся дать за то подороже. Онъ не ошибся: Лужицкія пѣсни разошлись до послѣдняго экземпляра и дали издателю славный барышъ. Ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ, какъ я сказалъ, такого прекраснаго изданія своихъ пѣсенъ.

Въ Гёрлицѣ жилъ тогда человѣкъ весьма знатный и близкій къ королю Прусскому, церемоніймейстеръ Стильфридъ, вице-президентъ Гёрлицкаго общества наукъ. Онъ подалъ Смоляру мысль посвятить своему государю изданіе пѣсенъ. Смоляръ отыскалъ въ титулѣ Прусскаго короля, что онъ «Herzog der Wenden», и написалъ посвященіе: «Бедрихей Вылемей Штвóртему, Прускему Кралей, Серскему (т. е. Сербскому) Воеводей». Посвященіе было принято, и издатели награждены медалями. Вскорѣ за тѣмъ король, по ходатайству Стильфрида, назначилъ Смоляру стипендію на 3 года по 200 талеровъ, для продолженія занятій славянскими нарѣчіями. Въ то время Прусское правительство предполагало учредить славянскія каѳедры во всѣхъ университетахъ Пруссіи, и Смоляръ сталъ готовиться къ такой каѳедрѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Чеха, Челяковскаго, который именно въ томъ же году (1842) приглашенъ былъ въ Бреславль, какъ профессоръ славянской словесности.

Въ 1842 — 1843 г. драгоцѣнный народный памятникъ Сербовъ-Лужичанъ, пѣсни были изданы: начиналась и здѣсь литературная жизнь, возбужденная въ духѣ славянства молодыми дѣятелями нова-

го поколѣнія. Пришло теперь время сдѣлать всю массу Сербовъ-поселянъ участницею въ этой умственной жизни, въ этомъ народномъ возрожденіи. Вотъ общій смыслъ всѣхъ стремленій Сербо-лужицкихъ дѣятелей съ 1842 по 1850 годъ, стремленій, которыя не прекратились и нынѣ, хотя въ главномъ цѣль уже достигнута.

Прежде всего надлежало дать народному дѣлу гласность. Но какъ это сдѣлать? какимъ образомъ учредить газету для 90,000 хлѣбопашцевъ [1]), отчужденныхъ отъ сосѣдей, имѣющихъ единственными путями сообщенія плохія проселочныя дороги, и отъ роду не читавшихъ ничего, кромѣ молитвенниковъ? За то и не вдругъ все уладилось. Первую мысль подалъ молодой Лужичанинъ Іорданъ, воспитанникъ Пражской католической семинаріи, который въ 1841 г. возвратился на родину. Онъ рѣшился принять на себя редакцію невиданной Сербо-лужицкой газеты; только онъ сдѣлалъ ошибку относительно правописанія. Новаго Чешскаго правописанія нельзя было ввести вдругъ въ изданіе, назначенное для массы народа, потому что простолюдинъ затруднялся бы чтеніемъ, и думая, что хотятъ его заставить съизнова учиться азбукѣ, не взялъ бы газету въ руки; но вмѣсто того, чтобы начать съ стараго правописанія и потомъ, когда вчитаются въ газету, вводить мало-по-малу новое, Іорданъ выдумалъ какое-то среднее между старымъ и новымъ. Затрудненіе новизны оставалось, и не было простоты и понятности Чешской системы писанія. 1 Января 1842 г. вышелъ первый номеръ Іордановой «Ютнички» (т. е. Зари); каждую недѣлю выдавалось поллиста, но газета пошла такъ плохо, что 1 Іюня Іорданъ прекратилъ ее. Онъ предупредилъ о томъ Смоляра, который сейчасъ пріѣхалъ домой въ рѣшимости поддержать предпріятіе. Въ деревнѣ Лазѣ, гдѣ жили его родители, былъ пасторомъ тотъ самый Зейлеръ, который, какъ я разсказалъ, первый изъ новаго поколѣнія Сербовъ-Лужичанъ сталъ заботиться о своемъ языкѣ и потомъ даже началъ учиться другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Онъ не измѣнилъ прежнему направленію, хотя на время охладѣлъ-было къ занятіямъ. Они-то, Зейлеръ и молодой Смоляръ, взялись продолжать начатое неудачно Іорданомъ. Приняли старое правописанье, къ которому привыкли Сербы-протестанты, и стали издавать «Тыдженьску Нôвину», т. е. Недѣльную Вѣдомость, то-же поллиста въ недѣлю. Печаталась газета въ Будышинѣ, а составлялась въ деревнѣ Лазѣ, въ такъ называемой «голи» (die Haide, la lande) [2]), въ 25 верстахъ отъ города.

---

[1]) Въ этомъ народномъ возрожденіи участвовали еще только Сербы верхне-лужицкіе; Нижніе Лужичане оставались къ нему равнодушны.

[2]) Сѣверную часть Верхне-Лужицкаго края составляетъ широкая полоса безплод-

Почта туда не ходила, а была въ двѣ недѣли разъ оказія въ Будышинъ; да и на ту не всегда могли разсчитывать, и нужно было, чтобы въ типографіи лежали готовыя статьи по-крайней-мѣрѣ на два номера впередъ. Условія, какъ видите, не совсѣмъ благопріятныя. Чрезвычайно невыгодно было и то, что «Тыдженьска Нôвина» не смѣла печатать никакихъ политическихъ извѣстій и статей, потому что нѣмецкая Бауценская газета имѣла исключительную привилегію на политику. Читатели «Нôвины», которые хотѣли знать политическія извѣстія, должны были все-таки получать нѣмецкую газету, а подписка на двѣ газеты разомъ для селянина не бездѣлица.

Тѣмъ не менѣе «Нôвина» шла порядочно и съ 1 Іюля 1842 уже не прекращалась. Редакція умѣла угадать вкусъ своей деревенской публики и вмѣстѣ съ тѣмъ вела ее постоянно, все болѣе и болѣе, къ самосознанію народному. Зейлеръ, который былъ редакторомъ газеты по 1848 г., писалъ передовыя статьи, разныя стихотворенія, басни и т. п., изъ коихъ многія помнятся теперь Сербами, какъ ихъ народныя пѣсни; отецъ Смоляръ сочинялъ поучительные разговоры о сельскомъ хозяйствѣ и всякаго рода комическія сцены и побасенки; сынъ его писалъ то, что ближе касалось вопроса народнаго, старался знакомить Сербскаго простолюдина съ прочими Славянами и съ тѣмъ, что у нихъ дѣлается.

Въ 1845 г. Смоляръ, который, работая для «Нôвины» и навѣщая безпрестанно свою родину, все еще продолжалъ заниматься при Бреславскомъ университетѣ, бросилъ наконецъ мысль о славянской каѳедрѣ въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городѣ и возвратился къ своимъ Сербамъ, полный одушевляющаго вліянія Челяковскаго и Палацкаго (съ Палацкимъ онъ видался въ Бреславлѣ и встрѣтилъ его опять въ Будышинѣ), придумывая, какъ-бы еще сильнѣе двинуть дѣло народности. Уже бродила у него въ головѣ мысль объ учрежденіи «Матицы» Сербо-лужицкой, на подобіе Чешской и Иллирской, т. е. общества для поддержанія и развитія народнаго просвѣщенія и народной словесности, въ которое можетъ вступить всякій со взносомъ извѣстной суммы, обращаемой въ капиталъ для изданія полезныхъ народныхъ книгъ, которыя членъ «Матицы» получаетъ безплатно. Но въ маленькой землицѣ Сербо-лужицкой, гдѣ высшій классъ славянскаго народа составляютъ сельскіе пасторы, учители и адвокаты, предпріятіе представляло большія затрудненія: людей было мало, денежный взносъ надобно было опредѣлить самый незначительный,

---

ной песчаной, большею частью поросшей кустарникомъ земли, которую Сербы называютъ *голя* (т. е. голая земля). *Голя* занимаетъ также значительную часть Нижнихъ Лужицъ.

чтобы не сдѣлать его совершенно недоступнымъ: какъ тутъ собрать капиталъ, на который можно бы было начать какое бы то ни было изданіе, предназначаемое при томъ для такого малаго круга читателей? Мысль о Сербо-лужицкой «Матицѣ» казалась несбыточною. Между тѣмъ, лѣтомъ 1845 г., въ то самое время, когда Палацкій гостилъ въ Будышинѣ и молодые Лужицкіе славянисты окружали знаменитаго историка, приходитъ въ собравшееся славянское общество бывшій товарищъ и сотрудникъ Мѣжика, учитель Имишъ, и приводитъ съ собою церковнаго кантора [1]) Коцора, отличнаго музыканта-самоучку. «Вотъ у насъ свой композиторъ!» говоритъ Имишъ. Потолковали и рѣшили съ Коцоромъ—дать народный Сербскій музыкальный праздникъ и пѣть на немъ только пѣсни Сербо-лужицкія, да Славянскія. Время было вакаціонное. Разослали циркуляръ ко всѣмъ учителямъ Сербо-лужицкихъ школъ, которые выказывали сочувствіе къ народному дѣлу. Циркуляръ объявлялъ о задуманномъ праздникѣ и требовалъ немедленнаго извѣщенія: какой у кого голосъ, басъ ли, теноръ и т. д. Получивъ отвѣты, пустили второй циркуляръ: чтобы такія-то и такія-то лица явились туда-то въ такой-то день. Коцоръ объѣздилъ поочередно всѣ сборныя мѣста и подготовилъ въ разныхъ концахъ Сербо-лужицкой земли отдѣльныя части своего концерта. Назначенъ былъ великій день торжества. Всѣ собрались. Въ Будышинской «стрѣльницѣ» (Schiesshaus) заданъ былъ Славянскій концертъ. Въ первый разъ Лужицко-сербское Славянство выступало, такъ сказать, передъ публикою своею и чужою. Отовсюду наѣхали Сербы. Многіе старики не вѣрили своимъ ушамъ. Пришло не мало и Нѣмцевъ. Народу собралось множество. Концертъ удался превосходно. «Аплодировали ревностно, разсказывалъ мнѣ Смоляръ, сами Нѣмцы, не подозрѣвая, какъ имъ иногда доставалось въ ультра-славянскихъ патріотическихъ пѣсняхъ...»

Съ тѣхъ поръ эти концерты возобновляются каждый годъ. Чтобы простые люди по всей странѣ могли въ нихъ одинаково участвовать, по-крайней-мѣрѣ какъ слушатели, всякій разъ концертъ переносится въ иное мѣсто: его давали и въ Любіи (Löbau) и въ Воерецахъ (Hoyerswerda), и въ Мáриной Студени (Marienborn) близъ Лессинговой родины Каменца и т. д.

Мысль о «Матицѣ», объ открытомъ для всѣхъ обществѣ любителей роднаго слова, непрестанно занимала Смоляра и его друзей. Мѣжикъ-Клосопольскій, Зейлеръ, молодой дѣятель д-ръ Пфуль, поэтъ и филологъ, съ жаромъ усвоили себѣ эту мысль. Собирались

---

[1]) Родъ дьячка при протестантскихъ церквахъ. Во время богослуженія канторъ играетъ на органѣ.

для обсужденія ея комитеты; въ 1846 г. состоялось уже предварительное собраніе членовъ, вызывавшихся участвовать въ «Матицѣ», сочиненъ былъ проектъ положенія; но все встрѣчались разныя препятствія, и ничего рѣшительнаго не выходило: пока наконецъ старый, опытный въ дѣлахъ практическихъ Д-ръ Клинъ, членъ Будышинскаго городскаго совѣта, взялся пособить молодежи. Онъ положилъ въ карманъ предначертанный уставъ, который принесъ ему Смоляръ, и поѣхалъ въ Дрезденъ хлопотать. Вскорѣ, 26 Февраля 1847, Саксонское правительство утвердило «Матицу» и уставъ ея, а черезъ нѣсколько времени пришло изъ Берлина разрѣшеніе Сербамъ, прусскимъ подданнымъ, въ ней участвовать. Созвано было, въ середу на св. недѣлѣ (1847 г.) первое годичное общее собраніе «Матицы». Оно избрало членовъ для завѣдыванія ея дѣлами и утвердило предстоявшія ей на первый разъ занятія; а въ 1848 г. вышла первая книжка ея «Часописа», т. е. Временника, новымъ правописаніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ «Матица» имѣла уже до 200 членовъ, изъ денежнаго взноса которыхъ [1]) двѣ трети употребляются на разныя изданія, а одна треть на образованіе капитала. Средства такъ скудны, что капиталъ едва превышалъ 400 талеровъ. Но все-таки и съ этими средствами «Матица» издала въ короткое время 12 книжекъ «Часописа», гдѣ нѣсколько статей весьма дѣльныхъ, и 26 другихъ книжекъ, большею частью для народнаго чтенія, но въ томъ числѣ и прекрасную, самую подробную статистику сербскихъ Верхнихъ Лужицъ, составленную пасторомъ Якубомъ. Въ «Часописѣ» обозначились имена нѣсколькихъ молодыхъ дѣятелей, отъ которыхъ многаго можетъ ожидать Сербо-лужицкая народность и письменность; такъ напр. можно назвать Веляна, Пфуля, Бука, Іенча, Ростока. Положено было издать мало-по-малу, отдѣльными книжками, небольшую Энциклопедію наукъ для Сербскаго народа, по примѣру той, которую издаетъ Чешская «Матица» въ Прагѣ. Кромѣ того однимъ изъ желаній общества было составленіе полнаго Верхне-лужицкаго Сербскаго словаря, въ который бы вошли всѣ богатства народной рѣчи. Д-ръ Пфуль взялъ на себя редакцію такого труда и отовсюду сталъ получать матеріалы: Зейлеръ, Смоляръ, Горникъ передали ему богатые запасы словъ, ими собранные; во всѣхъ углахъ Сербо-лужицкой земли члены «Матицы» подслушивали и записывали народныя выраженія, имена нивъ и урочищъ, изъ коихъ многія восходятъ несомнѣнно до глубокой древности, и все это, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ,

[1]) Члены „Матицы" дѣлятся на два разряда; первый разрядъ платитъ 1 тал. 10 грш. (1 руб. 20 коп. сер.) въ годъ и получаетъ всѣ изданія „Матицы"; второй платитъ 25 грош. (75 коп. сер.) въ годъ и получаетъ только книги, ею печатаемыя, а „Часописа" не получаетъ.

доставлялось Пфулю. Словарь народной рѣчи почитался тамъ дѣломъ общественнымъ [1]).

Только что начиналась дѣятельность «Матицы», какъ наступилъ 1848 годъ, этотъ годъ движенія и волненій во всей Германіи и во всемъ западномъ славянствѣ. Но 1848 годъ не былъ ознаменованъ для Сербовъ-Лужичанъ тѣми разочарованіями и бѣдствіями, какія онъ принесъ Чехамъ, Словакамъ, подвластнымъ Пруссіи Полякамъ, Хорватамъ и другимъ ихъ собратьямъ на западѣ. Напротивъ, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ благопріятенъ для маленькой Сербо-лужицкой народности. Не увлекаясь никакою несбыточною мечтою, она осталась вѣрною прежнему порядку, когда все вокругъ съ ума сходило на толкахъ Франкфуртскихъ демагоговъ, и воспользовалась порою преобразованій и переворотовъ лишь для того, чтобы упрочить свое оффиціальное положеніе въ государствѣ и окончательнымъ внутреннимъ устройствомъ приготовить себѣ небывалое прежде благосостояніе. Первымъ у Сербовъ признакомъ наступающаго благопріятнаго для нихъ времени было то, что вмѣстѣ со всякими старыми ограниченіями уничтожалась исключительная привилегія нѣмецкой Бауценской газеты на помѣщеніе политическихъ статей. Лишь только узналъ о томъ Смоляръ (онъ находился тогда въ Лейпцигѣ и занимался тамъ изданіемъ переданныхъ ему въ 1846 г. Іорданомъ «Slawische Jahrbücher»), онъ тотчасъ пріѣхалъ въ Будышинъ и поселился тамъ окончательно. Онъ принялъ отъ Зейлера редакцію «Тыдженьской Нóвины», имѣвшей тогда 221 подписчика, увеличилъ ея объемъ (вмѣсто полулиста въ недѣлю сталъ выдавать цѣлый листъ) и пустилъ 1000 оттисковъ на показъ по всѣмъ Сербо-лужицкимъ деревнямъ. Его другъ Имишъ взялся распространить газету: ходилъ изъ села въ село, изъ дома въ домъ, пристыжалъ Сербовъ, которые ничего не читали по-сербски, показывалъ листокъ, гдѣ могли на своемъ же языкѣ узнать, что на свѣтѣ дѣлается, и какія гдѣ цѣны стоятъ, и какой когда хлѣбъ выгоднѣе сѣять и что потѣшнаго разсказываютъ въ городѣ. Число подписчиковъ быстро удвоилось, утроилось. Въ это время со всѣхъ сторонъ и на всѣ правительства Германіи сыпались прошенія, «петиціи». Въ собраніи «Матицы» рѣшено было составить и Сербскую «петицію». Имишъ съ Смоляромъ и другими сочинили ее и разослали множество оттисковъ на подписаніе во всѣ приходы. Собралось нѣсколько тысячъ подписей. 25 Іюля (1848) явилась въ Дрезденъ съ этимъ прошеніемъ Сербская депутація, 16 человѣкъ, духовныхъ протестантскихъ и католическихъ, учителей и селянъ. Общее содержаніе прошенія было:

---

[1]) Изданіе этого отличнаго словаря окончено въ 1866 году.

«Зо бы сербска рычь въ Сербахъ рунє то само право мѣла, котре-жъ ма нѣмска рычь въ Нѣмцахъ, а то вособнє въ шулахъ, цырквяхъ, пр̊едъ [1]) вышносћеми [2]) а пр̊едъ судомъ.»

«Чтобы сербская рѣчь въ Сербской землѣ ровно то самое право имѣла, которое имѣетъ нѣмецкая рѣчь въ Нѣмецкой землѣ, а именно въ школахъ, церквахъ, передъ властями и передъ судомъ.»

Кому подать просьбу? Двѣ стороны тягались тогда въ Дрезденѣ, какъ и во всей Германіи: сторона королевская, министерская и сторона сейма. Сеймъ хотѣлъ забрать въ руки всю власть; министерство отстаивало права короны. Всѣ безъ исключенія просьбы нѣмецкаго народонаселенія шли къ сейму, отъ котораго ждали всѣхъ благъ земныхъ. Сербская депутація отправилась къ министерству, всѣми оставленному. Удовольствіе короля было великое. Депутацію приняли при дворѣ со всѣми возможными почестями. Король лично разговаривалъ съ каждымъ изъ членовъ ея и отпустилъ ихъ съ самыми положительными обѣщаніями.

Между тѣмъ Смоляръ, Имишъ и друзья ихъ продолжали дѣйствовать дома въ смыслѣ народности. Опасно было, чтобы при всеобщемъ разгарѣ германизма, Сербы-Лужичане не были имъ задавлены и поглощены. Но, слѣдуя своимъ руководителямъ, они стали крѣпко подъ знаменемъ своей славянской народности. Какъ въ нѣмецкихъ городахъ учреждались политическія собранія, такъ въ Будышинѣ учредилось Сербское собраніе («гловне Сербске товарьство»), и въ каждомъ приходѣ образовались подчиненныя ему общества; каждое имѣло своего предсѣдателя, своего секретаря, свои безсмѣнные комитеты (Ausschüsse или, какъ Сербы хорошо говорятъ, *выборки*). Чувство народности и ея внутренней самобытности разливалось по всей массѣ поселянъ. Всякими наружными знаками, патріотическими пѣснями, разноцвѣтными флагами, надписями и т. п., — какъ дѣлалось тогда на всемъ Западѣ,—провозглашали Сербы это чувство.

Важный вопросъ занималъ между тѣмъ Саксонскую Лузацію. Область эта, бывъ въ старину отдѣльнымъ маркграфствомъ и имѣя другой коренной законъ престолонаслѣдія, чѣмъ остальная Саксонія [3]), пользовалась правомъ обсуждать свои мѣстныя дѣла на особомъ сеймѣ, который составлялся изъ владѣтелей такъ называемыхъ «рыцарскихъ» помѣстій (Rittergutsbesitzer), т. е. аристократическаго сословія, и го-

---

[1]) Пр̊едъ—читайте пшедъ.

[2]) Читайте почти какъ „вышносьчьеми": знакомъ ћ обозначаю, по примѣру южныхъ Сербовъ, *т* смягчаемое и приближающееся къ звуку мягкаго *ч*.

[3]) Лузація принадлежитъ собственно къ Богемской коронѣ и уступлена только властвующему нынѣ въ Саксонскомъ королевствѣ дому: если прямая линія Саксонскихъ королей вымретъ, то она должна опять отойти къ Богеміи.

родскихъ представителей. Уничтожить ли эту особность Лузаціи или нѣтъ? Вотъ что занимало тогда весь край. Сторона германистовъ и демократовъ, стремясь подвести все подъ одинъ уровень и искоренить учрежденія, напоминавшія о древнемъ феодализмѣ и поддерживавшія раздробленность Германіи, требовала закрытія провинціальнаго сейма. Къ усиленію ихъ рвенія не мало содѣйствовалъ и капиталъ въ полтора милліона талеровъ, который принадлежалъ Лузацкимъ чинамъ и который сдѣлался бы тогда «народною собственностью» (Nationalgut) всей Саксоніи и перешелъ бы въ распоряженіе ихъ партіи. Для Сербовъ зато дѣло было бы невыгодное. Содержаніе Будышинской семинаріи, разныхъ школъ и тюремъ, и другія издержки, которыя покрывались доходами съ этого капитала, пали бы на счетъ общинъ. Впрочемъ для нихъ это было не главнымъ расчетомъ. Они предвидѣли, что торжество централизаціи будетъ для ихъ народности смертельнымъ ударомъ, что Франкфуртская партія, которой они отдадутся при потерѣ областной особности, станетъ ихъ безпощадно онѣмечивать. Они и сдѣлались усердными поборниками мѣстнаго сейма: умѣли убѣдить Лузацкое «рыцарство» [1]), изъ котораго главнымъ образомъ состоялъ сеймъ, что для него, для этого рыцарства, среди волненій демократическихъ, лучшая опора—сочувствіе Сербскаго простаго народа. Предсѣдатель сейма и старшина Лузацкаго «рыцарства» (Landesältester) фонъ-Тилау взялся сдѣлать рѣшительный шагъ и отъ имени сейма пригласилъ сельскія общины Лузаціи въ немъ участвовать, въ лицѣ избранныхъ представителей. Надѣясь на Сербовъ болѣе, чѣмъ на Нѣмцевъ, онъ предложилъ, чтобы число депутатовъ было соразмѣрно съ числомъ отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, а не съ поголовнымъ счетомъ народонаселенія: дѣло въ томъ, что славянскія общины въ Лужицахъ, оставшись еще при старинномъ распредѣленіи, были гораздо мельче, но за то многочисленнѣе нѣмецкихъ, между которыми въ послѣднее время часто двѣ-три общины сводились въ одну. Перевѣсъ Сербовъ на сеймѣ былъ великъ. Руководители ихъ не забыли заранѣе изготовить и распространить между ними на Сербскомъ языкѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о дѣлахъ области, о капиталѣ ея и т. д.; а нѣмецкихъ поселянъ призывъ на сеймъ засталъ врасплохъ. Провинціальная особность Лузаціи была обезпечена, Сербы имѣли голосъ въ дѣлахъ своего края, а рыцарскому сословію сохранено бы-

[1]) Рыцарствомъ я называю преимущественно сословіе владѣтелей такъ называемыхъ „рыцарскихъ маіоратовъ“ (Rittergüter): оно именно осталось въ Германіи послѣднимъ представителемъ и преемникомъ средне-вѣковаго феодализма, средне-вѣковыхъ рыцарей и бароновъ, хотя теперь во многихъ частяхъ Германіи (въ томъ числѣ и въ Саксоніи), для права владѣть такимъ помѣстьемъ уже не требуется рыцарское, „благородное“ происхожденіе.

ло древнее преимущество быть главными распорядителями областнаго сейма и всего, что отъ него зависѣло. Между Сербами-поселянами и этимъ сословіемъ все болѣе и болѣе укрѣплялась связь и взаимное благоволеніе. Разумнымъ съ обѣихъ сторонъ образомъ дѣйствія, при полезныхъ мѣрахъ Дрезденскаго правительства, окончательно отстранены были послѣ 1848 г. всѣ причины неудовольствія между представителями стараго завоевательнаго феодальнаго сословія и потомками покоренныхъ Славянъ, обработывавшихъ распредѣленную между рыцарями землю. Извѣстно, что съ 1806 года, съ того времени, какъ Наполеонъ довелъ Германію до самаго страшнаго униженія, началось въ ней преобразованіе стараго порядка вещей. Рыцарь лишился права на личность своего подданнаго, который остался обязаннымъ работникомъ на его землѣ: подданный имѣлъ *usufructum*, т. е. пользованіе отведеннымъ ему участкомъ признававшейся во владѣніи рыцаря земли и не могъ быть съ нея согнанъ, а за то обязанъ былъ къ извѣстнымъ работамъ, поставкамъ и платежамъ въ пользу рыцаря. Съ 1817 года Пруссія начала отмѣнять эти, такъ называемыя, «Robotten», т. е. повинности поселянъ, выкупая ихъ вознагражденіемъ для рыцарей. Въ 1831—1833 г. Саксонія рѣшилась на то же. За основаніе, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Саксоніи, было принято, что повинности, которыя лежали на землѣ поселянина въ пользу рыцаря, составляютъ капиталъ, соотвѣтствующій половинѣ стоимости самой земли. Если, напримѣръ, прежній подданный рыцаря имѣлъ землю, стоющую по оцѣнкѣ 400 талеровъ, то ему давалось на выборъ, или заплатить рыцарю 200 тал. и остаться полнымъ хозяиномъ своей земли, или уступить половину ея рыцарю, а другою половиною владѣть безобязанно. Хлѣбопашцамъ такое условіе показалось тяжело, они почти всѣ имѣли нужду въ цѣломъ участкѣ, изъ котораго изстари извлекали себѣ пропитаніе (такъ что въ Саксоніи уступка половинной части земли была даже признана невозможною), а вдругъ значительной суммы для расплаты имъ неоткуда было взять. Правительство отстранило затрудненіе къ обоюдной выгодѣ рыцарей и подданныхъ: оно приняло на себя долгъ послѣднихъ и выдало рыцарямъ за должную имъ сумму облигаціи государственнаго банка, приносившія по 3, 3½ и 4 процента, до выплаты капитала, а поселянамъ открыло возможность погасить всю капитальную сумму долга ежегоднымъ взносомъ 4 процентовъ въ продолженіе 55 лѣтъ, предоставляя имъ при томъ право во всякое время уплатить остающуюся до истеченія этого срока въ долгу часть капитальной суммы. Дѣло было почти окончено уже до 1848 г.; но все еще оставались нѣкоторые поводы къ непріятнымъ столкновеніямъ. Земля поселянина, хотя и выкупленная, все-таки признавалась въ основаніи принадле-

жащею рыцарю, и при каждой перемѣнѣ владѣльца (при смерти и отчужденіи), платилось рыцарю съ нея 5 процентовъ по оцѣнкѣ; не отмѣнены еще были разные мелкіе денежные сборы въ пользу рыцаря, сборы, которыхъ въ прежнее время считалось въ Лужицахъ до 100 наименованій, и которые тогда въ общей сложности нерѣдко превышали впятеро казенную подать. Такіе остатки старины все еще раздражали земледѣльца противъ прежняго феодальнаго господина. При сближеніи обоихъ сословій на провинціальномъ сеймѣ 1848 г. всѣ эти мелкіе сборы были уничтожены съ обоюднаго согласія и съ вознагражденіемъ той стороны, которая при этомъ терпѣла убытокъ, и искорененъ былъ всякій поводъ къ зависти и гнѣву однихъ, къ опасеніямъ другихъ.

За то болѣе и болѣе увеличивалось раздвоеніе между Сербами и противуположною нѣмецкому дворянству партіею нѣмецкихъ горожанъ и селянъ, которая совершенно увлечена была демократическимъ порывомъ. Въ той же мѣрѣ усиливалось между Сербами чувство приверженности къ законной власти. Вспыхнулъ Дрезденскій мятежъ: ни одинъ Сербъ въ немъ не участвовалъ; единственный Саксонскій полкъ, въ которомъ не явилось никакого колебанія въ вѣрности королю, былъ полкъ, набранный въ Сербскихъ селеніяхъ. Зато, когда мятежъ былъ съ кровопролитіемъ подавленъ, Сербы не испытали на себѣ тяжести наступившей реакціи; теперь-то, напротивъ, при водвореніи тишины, воспользовались они плодами своей твердости и благоразумія. 29 Августа 1849 г. пришелъ изъ Дрезденскаго министерства приказъ, удовлетворившій ихъ просьбамъ 1848 года. Постановлено было: 1) чтобы въ низшихъ (элементарныхъ) школахъ, гдѣ большинство дѣтей — сербское, ученіе производилось по-сербски, а гдѣ меньшинство, то чтобы Сербовъ учили по крайней мѣрѣ читать и писать на ихъ языкѣ, и имъ по-сербски преподавали законъ Божій; 2) чтобы пасторы и чиновники, назначавшіеся въ Сербскую землю, непремѣнно знали по-сербски; 3) чтобы судъ производился для Сербовъ на ихъ языкѣ, и всѣ законы и распоряженія правительства объявлялись имъ по-сербски.

Въ числѣ этихъ постановленій было еще одно весьма замѣчательное, и надобно объяснить его поводъ. Оно показываетъ, до какой степени Сербъ-простолюдинъ дорожитъ своею народностью. Еще въ 1847 г. пришелъ къ Смоляру простой поденьщикъ, по имени Швудракъ, возвратившійся домой изъ Дрездена съ работы. Онъ слыхалъ объ Смолярѣ, какъ объ заступникѣ всего сербскаго. Онъ излилъ передъ нимъ горькія жалобы, что долго жилъ въ Дрезденѣ и не могъ даже помолиться порядкомъ, что тамъ нѣтъ сербскаго богослуженія. «Нашихъ тамъ множество, говорилъ онъ, мужчинъ въ работникахъ, жен-

щинъ въ нянькахъ и служанкахъ, въ одномъ Остринскомъ предмѣстьи будетъ человѣкъ 70 Сербовъ, и все это живетъ, точно поганые, въ церковь не ходитъ. А коли бы къ намъ въ Дрезденъ (въ *Дражджяны*, какъ говоритъ Сербъ), отъ времени до времени пріѣзжалъ изъ дому пасторъ и служилъ намъ по-сербски обѣдню, то всякій изъ насъ готовъ дать за каждую службу по 2, пожалуй, и по 4 гроша (6 или 12 копѣекъ сер.)...»

Пфуль, жившій въ Дрезденѣ, сталъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ. И вотъ, вмѣстѣ съ приведенными выше постановленіями, министерство разрѣшило, чтобы 3 раза въ годъ пріѣзжалъ въ Дрезденъ священникъ для проповѣди и совершенія требъ на сербскомъ языкѣ; оно назначило для этого прекрасную церковь (такъ наз. Kreuzkirche) и даже приняло на себя издержки, а вскорѣ послѣдовало подобное распоряженіе въ пользу живущихъ въ Дрезденѣ Сербовъ католиковъ.

Такимъ образомъ въ 1849—1850 г. Сербо-лужицкая народность достигла полнаго, оффиціяльнаго признанія въ Саксонскомъ королевствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ взаимное довѣріе сословій, которыя не мѣшали другъ другу развивать свою дѣятельность и предпріимчивость, привело къ небывалому прежде благосостоянію. Общества сельскаго хозяйства, дотолѣ почти безполезныя, потому что классъ земледѣльцевъ ихъ чуждался, процвѣли удивительно, когда произошло совершенное сближеніе рыцарей съ селянами. Потомки феодальныхъ владѣтелей-наѣздниковъ сдѣлались теперь передовыми вождями народа въ мирныхъ завоеваніяхъ прикладной науки. Всякая новая мысль по части сельскаго хозяйства ими первыми испытывается, всякое полезное открытіе ими первыми примѣняется на ихъ собственныхъ земляхъ и передается ихъ бывшимъ подданнымъ, а нынѣ сосѣдямъ-пріятелямъ. Соревнованіе сдѣлалось общимъ.

«Нѣтъ у насъ теперь, говорилъ мнѣ Смоляръ, ни одного селянина-«землевладѣльца, который бы не былъ членомъ общества сельскаго «хозяйства. Съ тѣхъ поръ, какъ устроилось дѣло поземельнаго вы-«купа, продолжалъ г. Смоляръ, благосостояніе нашихъ Сербовъ «возрасло неимовѣрно. Сосѣди-Нѣмцы съ завистью смотрятъ на наши «села. У насъ не принялись тѣ демократическія и соціалистическія «начала, которыя сѣютъ у нихъ раздоръ и мѣшаютъ людямъ ду-«мать объ истинно-полезныхъ и дѣльныхъ вещахъ. Внутреннее со-«гласіе и при томъ природная склонность нашихъ Славянъ къ хлѣбо-«пашеству сдѣлали изъ Сербскихъ Лужицъ нашихъ самый богатый «край во всемъ околоткѣ. На то есть и поговорки и у нашего на-«рода, и у Нѣмцевъ: «вонъ со смїє яко Нѣмцъ на тыканцъ»—онъ «смѣется, ухмыляется, какъ Нѣмецъ передъ пирогомъ, — говоритъ «нашъ селянинъ, и Нѣмецъ оправдываетъ его поговоркою: «Gott

«verlässt einen Deutschen nicht, er lässt ihn eher ins Wendische betteln «gehen», т. е. что «Богъ не покинетъ Нѣмца, онъ его отправитъ «въ Сербскій край сбирать милостыню»... Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ «досугъ *учиться* сельскому хозяйству, нашъ простолюдинъ, котораго «прежде считали лѣнтяемъ и пьяницею, сдѣлался рѣшительно пер«вымъ земледѣльцемъ во всей странѣ. Его приглашаютъ теперь подъ «Дрезденъ, какъ руководителя, гдѣ заводятъ образцовое сельское хозяй«ство, платятъ ему большія деньги. Земля, которая у насъ во время «выкупа стоила 400 талеровъ, нынче цѣнится по меньшей мѣрѣ въ «4000. Вы не повѣрите такому приращенію, прибавлялъ Смоляръ, «но оно дѣйствительно такъ: и земля, оставшаяся во владѣніи ры«царей, и земля выкупленная у нихъ, поднялась съ тѣхъ поръ вде«сятеро, это у насъ принимается среднимъ числомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, «разумѣется, все улучшилось. Кто видѣлъ домашній бытъ нашихъ «селянъ тому назадъ лѣтъ 15 или 20, и посмотритъ на нихъ теперь, «тотъ не узнаетъ, что это тотъ же народъ. Грубыя домашнія ткани «замѣстило хорошее сукно, ситецъ и шелкъ; гдѣ въ избѣ стояла го«лая скамья да простой столъ, тамъ теперь удобная столярная ме«бель; ресорная бричка изгоняетъ у простыхъ хлѣбопашцевъ ста«ринную телѣгу; нерѣдко видно фортепьяно въ избѣ, гдѣ не такъ «давно была лишь родная «гусля.» Пьянство исчезаетъ; многіе изъ «нашихъ Сербовъ, не дождавшись и трети срока, съ которымъ по«гашается ихъ поземельный долгъ, уплатили разомъ всю остальную «сумму, чтобы ничто уже не тяготѣло на ихъ землѣ.»

Довольные своимъ положеніемъ, Саксонскіе Сербы, по справедливости, считаются самыми мирными, самыми преданными правительству членами государства. Съ какою радостью принимаютъ они всѣ тѣ знаки благоволенія къ ихъ сербской народности, которые правительство не перестаетъ имъ оказывать! Въ 1850 г. прибылъ въ Будышинъ губернаторомъ наслѣдный принцъ Альбрехтъ, и вдругъ пронесся по всему Сербскому краю слухъ, что къ принцу ходитъ Смоляръ, что ихъ будущій Государь учится по-сербски. И дѣйствительно, Смоляръ былъ приглашенъ давать ему уроки, и черезъ нѣсколько времени принцъ Альбрехтъ могъ уже, встрѣчаясь съ простолюдиномъ, по-сербски съ нимъ поздороваться и кое о чемъ потолковать. «Какъ, говорили Сербы, нашъ языкъ былъ въ загонѣ; «его называли грубою, мужицкою рѣчью, а теперь наслѣдный принцъ «ему учится! Видно, мы не такой еще отверженный народъ, хоть и «не много насъ...»

Въ 1853 г. праздновалась въ Дрезденѣ свадьба того же принца Альбрехта. Особая депутація поѣхала съ поздравленіемъ отъ лица Сербовъ. Смоляръ сочинилъ въ честь новобрачныхъ сербскій сонетъ,

его напечатали золотыми буквами, собрали къ этому поэтическому адресу тысячи сербскихъ подписей и представили Альбрехту и его супругѣ. Смоляръ говорилъ принцу сербскую рѣчь, принцъ отвѣчалъ также по-сербски. Молодая (принцесса изъ дома Ваза) внимательно слѣдила за ихъ словами, прислушивалась, и вдругъ сама вступила въ разговоръ: «ахъ, вѣдь я понимаю чуть ли не каждое «слово! И я скоро, пожалуй, заговорю съ вами по-сербски... Вотъ «это слово значитъ то-то, а это слово то-то?» «Представьте себѣ радость нашихъ Сербовъ», говорилъ мнѣ Смоляръ. Дѣло въ томъ, что принцесса долго жила въ Моравіи и нѣсколько научилась тамошнему славянскому языку; оттого рѣчь Сербовъ казалась ей такъ понятною.» Тѣ же самые восторги повторились опять, когда принцъ Альбрехтъ пріѣхалъ въ Будышинъ «представить» свою жену тамошнему краю (въ 1854 г.). Пошли снова сербскія поздравительныя рѣчи, Сербы обѣдали у принца, былъ сербскій концертъ на Чернобогѣ, главной горѣ Сербо-лужицкой земли.

Ученая и письменная дѣятельность также развивается у Сербовъ. Съ 1851 года учреждена каѳедра сербскаго языка при Будышинской гимназіи. Смоляръ, который нѣкогда мальчикомъ вздумалъ учить товарищей по-сербски изъ опасенія, что и они, и самъ онъ позабудутъ свой языкъ, теперь преподаетъ его наукообразно всѣмъ находящимся въ гимназіи сербскимъ уроженцамъ; и при этомъ онъ старается дать имъ, на сколько возможно, понятіе и о другихъ вѣтвяхъ славянскихъ. Объ изданіяхъ «Матицы» Будышинской я уже сказалъ. Сербо-лужицкая газета пошла удивительно. Она имѣетъ теперь [1]) 1200 подписчиковъ на 90,000 душъ, считая женщинъ и дѣтей [2]). Въ 1854 г. Смоляръ вздумалъ напечатать въ первый разъ календарь на Сербскомъ языкѣ. Дотого времени Сербы должны были покупать нѣмецкіе календари. Напечаталъ онъ для перваго опыта 1000 экземпляровъ, приспособивъ календарь къ потребностямъ своей сельской публики. 1000 экземпляровъ раскупили на расхватъ, и не достало: Смоляръ тотчасъ напечаталъ другую тысячу, и ту раскупили. По этой пропорціи, у насъ въ Европейской Россіи мало бы было милліона экземпляровъ.

Затѣмъ въ 1859 году начато изданіе полнаго Верхне-лужицкаго словаря. Этотъ словарь, я сказалъ, составляется уже нѣсколько лѣтъ

---

[1]) Писано въ 1856 году.

[2]) Къ сожалѣнію, кругъ ея читателей ограничивается только Верхне-лужицкими Сербами. Не смотря на то, что она могла бы быть понятна и Нижнимъ Лужичанамъ (потому что различіе нарѣчій не велико), Нижніе Лужичане чуждаются ея и вообще, къ несчастію, почти не участвуютъ еще въ умственномъ движеніи Сербовъ Верхне-лужицкихъ. Впрочемъ объ этомъ у насъ рѣчь впереди.

молодымъ сербскимъ дѣятелемъ, Пфулемъ, съ помощію многихъ усердныхъ собирателей словъ и подъ покровительствомъ Сербской «Матицы». Словарь былъ уже почти полонъ и готовъ, но не знали, гдѣ найти средства издать его. Наконецъ, въ ноябрѣ 1855 г., сеймъ Лузацкихъ чиновъ пожертвовалъ на это 300 талеровъ, другіе 300 дала «Матица». Этотъ трудъ прекрасно свидѣтельствуетъ о вниманіи Сербовъ-Лужичанъ къ родному языку и не только принесетъ пользу ихъ письменности, но будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для обще-славянской науки.

Я изложилъ подробно событія, происходившія въ безвѣстности, въ маленькой смиренной землицѣ, въ теченіе какихъ-нибудь тридцати лѣтъ. Не взыщите за множество мелкихъ подробностей: кругъ Серболужицкаго движенія такъ малъ, что въ этихъ мелочахъ состоитъ почти вся его исторія. Не забудьте, что пространство всей земли Серболужицкой не больше одного уѣзда въ любой Россійской губерніи, и что цѣлый народъ Сербовъ-Лужичанъ не превышаетъ числомъ населенія какого-нибудь второстепеннаго города, какъ Варшава или Гамбургъ. При всемъ томъ, я увѣренъ, что каждый русскій съ уваженіемъ и сочувствіемъ взглянетъ на эту крохотную землю и крохотную дѣятельность ея народа. Относительно къ сферѣ, въ которой она заключена, и къ средствамъ, которыми располагаетъ, дѣятельность эта велика; она чиста и благородна. Любопытно видѣть, что̀ могутъ сдѣлать три-четыре человѣка, когда Богъ внушитъ имъ мысль, которая должна за тѣмъ стать мыслію народною. Зейлеръ, Смоляръ, Му̀жикъ, молодые люди безъ денегъ, безъ средствъ, безъ покровительства и значенія, возбудили къ самосознанію, вызвали къ умственной дѣятельности цѣлый народъ, который прежде спалъ глубокимъ сномъ, не зная себя и никѣмъ не знаемый, народъ малый, правда, и въ политикѣ ничего не значащій, но который съ тѣхъ поръ показалъ, что и онъ имѣетъ право жить своимъ умомъ и развиваться. Да, исторія Лужицкихъ Сербовъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ, при всей крохотности ея размѣровъ, явленіе примѣчательное въ наше время: она живое свидѣтельство, какъ сильна въ наше время въ Славянскомъ племени мысль о народности, какъ сильно стремленіе къ внутренней самобытности, какъ сильна потребность развитія. Кто бы подумалъ, что эта мысль и это стремленіе овладѣютъ и горсточкою земледѣльцевъ, затерянныхъ, точно островокъ славянскій, между Нѣмцами, забывшихъ про свою славянскую братію и про собственную исторію, помнящихъ только свой языкъ да свои пѣсни?

Народное движеніе Серболужицкое главнымъ образомъ происходило въ Саксоніи. Сербы Верхне-лужицкаго племени въ Прусскихъ владѣніяхъ также участвуютъ въ этомъ возрожденіи. Хотя ихъ народный

языкъ не имѣетъ тамъ такого полнаго оффиціальнаго признанія, какъ въ Саксоніи, и сами они гораздо бѣднѣе Саксонскихъ Сербовъ (причина тому въ почвѣ ихъ края) [1]), однако чувство народности у нихъ возбуждено постояннымъ общеніемъ съ ихъ соплеменниками въ Саксоніи. Извѣстно, что они до постановленія Вѣнскаго конгресса (1815 г.) принадлежали Саксоніи; давнишняя связь до сихъ поръ не разорвана новою политическою границею, и главнымъ нравственнымъ средоточіемъ Прусской Верхней Лузаціи все еще остается, какъ въ старину, Будышинъ. Примѣромъ можетъ служитъ деревня Лазъ, о которой я такъ часто упоминалъ, гдѣ родился и много времени провелъ Смоляръ, гдѣ живетъ Зейлеръ и гдѣ долго составлялась «Тыжденьска Нȍвина»; деревня эта лежитъ въ Прусскихъ владѣніяхъ, а дѣятельность, изъ нея исходившая, проявлялась преимущественно въ Саксонскихъ Лужицахъ, въ Будышинѣ. Юноши изъ Прусскихъ Верхнихъ Лужицъ поступаютъ обыкновенно въ Будышинскую гимназію; большая часть молодыхъ пасторовъ, получающихъ тамъ приходы, или родомъ изъ Саксонскихъ Лужицъ, или въ ней образовались: всѣ они проникнуты любовью къ славянству и усердно хранятъ его въ своихъ паствахъ. Теперь вся пограничная съ Саксоніею полоса Прусскихъ Лужицъ уже перешла въ попеченіе такихъ священниковъ: Берганъ пасторомъ въ Ждярахъ (по-нѣмецки Gross-Särchen), Зейлеръ въ Лазѣ (Lohsa), Зоммеръ въ Вуѣздѣ (Uhyst) и друг. Совсѣмъ не то положеніе другой части Сербо-лужицкой земли, принадлежащей Пруссіи, именно Нижнихъ Лужицъ. Сюда почти не проникло вліяніе того, чтȍ дѣлается у Саксонскихъ Сербовъ; народъ ничего не знаетъ о своей Верхне-лужицкой братіи чуждается книгъ, которыя тамъ издаются, хотя могъ бы вполнѣ понимать ихъ, при всемъ различіи нарѣчій. Онъ еще остается чуть ли не въ такомъ же умственномъ оцѣпенѣніи, въ какомъ былъ за 30 или за 40 лѣтъ передъ симъ; мало людей заботилось о народности сербской въ Нижнихъ Лужицахъ. Если назовемъ Шиндлера, издателя Новаго Завѣта, и Цвара, составителя словаря Нижне-лужицкаго, которые оба уже умерли, а изъ живыхъ Брȍниша и Штемпеля (всѣ четверо протестантскіе пасторы), то едва ли найдется еще кто-нибудь. Но не много пользы могутъ они принести, при равнодушіи народа, при бѣдности собственныхъ средствъ, при противодѣйствіи многихъ недоброжелателей и враговъ славянской народности. Мѣстныя власти и значительная часть духовенства усердно примѣняютъ въ Нижнихъ Лужицахъ ту теорію систематической германизаціи, которая господствуетъ въ Силезіи и Познанскомъ герцогствѣ.

---

[1]) Земля ихъ состоитъ большею частью изъ безплодной *голи*, о которой уже я говорилъ.

Еще въ настоящемъ столѣтіи прекращено въ нѣсколькихъ приходахъ Нижнихъ Лужицъ сербское богослуженіе (въ Старой Дарбнѣ, Alt-Döbern, съ 1814 г.; въ Прицнѣ, Pritzen, съ 1825; въ Викахъ, Petershain, съ 1842 г.; около того же времени въ Лазѣ—другомъ, чѣмъ Верхнелужницкій Лазъ, — Lase, въ Жарновѣ, Sorno, и др.), и первыя два селенія уже совершенно онѣмечились; также въ нынѣшнее же столѣтіе онѣмечено много селеній на противоположномъ (восточномъ) краю Нижнихъ Лужицъ, въ Жаровскомъ округѣ (Kreis Sorau), именно: Барщъ (Forsta), Тшесойцы (т. е. Трясовицы, по-нѣм. Scheckdorf), Божемышлье (Bademäusel), Трѣбулье (Triebel), и почти уже Роговъ (Horno) и Кольсқъ (Grosse-Költzig).

«Во многихъ изъ этихъ онѣмеченныхъ селеній, говоритъ Верхнелужицкій писатель Іенчъ [1]), «можно еще тамъ и сямъ услышать отъ «стариковъ кое-что по сербски, а молодые люди большею частію уже «и не понимаютъ сербскаго языка. Только имена деревень, полей и «семей, старыя надписи и рукописи въ церквахъ, всякіе старые «сербскіе обычаи и нѣкоторыя обиходныя выраженія, свидѣтельству-«ютъ, что тутъ недавно жили Сербы. Къ сожалѣнію, продолжаетъ «онъ, селенія эти отличаются также довольно часто большимъ раз-«вращеніемъ нравовъ которое не преминетъ развиться, коль скоро «отнимутъ у народа его священнѣйшія блага, рѣчь и народность»...

«Въ 1848 г., продолжаетъ Іенчъ, уже только Хотѣбузскій и «Гродковскій округи (Kreis Kotbus, Kreis Spremberg) были въ цѣ-«лости Сербскіе. Въ нихъ всѣ селенія Сербскія и потому во всѣхъ «приходскихъ церквахъ, къ которымъ приписаны Сербы [2]), еще про-«повѣдуютъ по-сербски, и во многихъ школахъ еще по крайней мѣрѣ «христіанское вѣроученіе преподается сербскимъ дѣтямъ по-сербски. «Кромѣ того, Сербы живутъ еще на краю Жаровскаго и въ большей «части Калавскаго округа. Въ Жаровскомъ округѣ, сколько мнѣ из-«вѣстно, уже ни въ одной церкви не проповѣдуютъ по-сербски, хотя «это было бы еще нужно, особенно въ Роговѣ и Кольскѣ. Въ Калав-«скомъ округѣ еще въ осьми селеніяхъ богослуженіе совершается по-«сербски, но только въ Зломъ Коморовѣ (Senftenberg), въ Тшенцѣ

---

[1]) Въ прекрасной статьѣ „Судьбы сербской рѣчи и народности (Ставизны Сербскіе рыче а народносће), напечатанной въ „Часописѣ" Матицы. Я соображался съ этою статьею въ началѣ своего разсказа, но не могъ много изъ нея извлечь, потому что Іенчъ кончаетъ тамъ, гдѣ я собственно начинаю, т. е. 1838 годомъ, основаніемъ Сербскаго общества при Будышинской гимназіи. Дальше онъ не пошелъ въ исторіи Верхнелужицкаго движенія потому вѣрно, что живетъ среди всѣхъ дѣятелей этой исторіи. Что касается Нижнихъ Лужицъ, то онъ довелъ свое повѣствованіе до 1849 г., и имъ-то я могъ здѣсь руководствоваться.

[2]) Есть, особенно въ городахъ, церкви для Нѣмецкихъ жителей, и въ нихъ, разумѣется, служатъ по-нѣмецки.

«(Steinitz) и въ Вѣтошовѣ (Vetschau) каждую недѣлю, а въ Лутахъ «(Laute), въ Великомъ Раньѣ (Gross-Räschen), въ Малиньѣ (Greifen-«hain) и въ Колкойцахъ (Kalkwitz) обыкновенно только одинъ разъ «въ восемь недѣль, въ Любновкѣ (Lübbenau) каждыя двѣ недѣли».

«Зо буђе [1]) со пр̆и [2]) тайкимъ шпатнымъ вобстараню Сербскего люда, богужель, тежъ въ тутыхъ послѣднишихъ сербскихъ восадахъ Сербска рычь а народносћь [3]) снадно гижомъ за нѣкотре ђесаћь лѣтъ згубићь, ѥ [4]) яра къ вѣрѥ подобно. Бо̂гъ хцылъ тегодля бо̂рзы тежъ Дельнимъ Сербамъ свѣрныхъ ђѣлаћерјовъ вубуђићь, млодыхъ а рыхлыхъ Сербскихъ во̂тчинцовъ, ки-жъ быху зђержећь пытали, што-жъ гишће къ зђерженю ѥ, а засо тварили а позбѣгныли, што-жъ ѥ суровосћь нѥпр̆ећелјовъ Сербскѥ рыче а народсће въ прѥдавшихъ часахъ поторгаћь, вутупићь а заничићь пытала».

«Что при такомъ дурномъ попеченіи о сербскомъ народѣ, къ сожалѣнію, также въ сихъ послѣднихъ сербскихъ поселеніяхъ Сербская рѣчь и народность легко исчезнетъ уже черезъ какія-нибудь десять лѣтъ, это весьма вѣроятно. Дай же Богъ поскорѣе также и Нижнимъ Сербамъ надежныхъ дѣятелей, молодыхъ и бойкихъ Сербскихъ «отчинцевъ» (т. е. патріотовъ), которые старались бы поддержать то, что еще можетъ быть поддержано, и воскресили бы и воздвигнули то, что жестокость непріятелей Сербской рѣчи и народности въ минувшія времена пыталась расторгнуть, попрать и уничтожить».

Изъ этихъ словъ какъ нельзя лучше видно, до какой степени судьба Нижне-лужицкихъ Сербовъ озабочиваетъ ихъ дѣятельнѣйшихъ соплеменниковъ въ Саксоніи. Но есть надежда, что не всѣ ихъ опасенія сбудутся, и что съ 1849 года настала и у этихъ Славянъ пора народнаго пробужденія. Въ 1849 г. нѣкоторые изъ людей высшаго класса въ Нижнихъ Лужицахъ, поборники консерватизма, рѣшились издавать по-сербски газетный листокъ для поселянъ: имъ дѣла не было до народности, и они отстранили отъ себя этотъ вопросъ; но они хотѣли противодѣйствовать распространенію демократическихъ началъ между простонародьемъ, и чтобы найти въ немъ читателей, по неволѣ должны были взять его языкъ. Къ сожалѣнію, листокъ этотъ составляли люди, плохо знакомые со вкусомъ своей славянской публики, и потому онъ имѣлъ немного подписчиковъ; но все же онъ держался и мало-по-малу пріучалъ поселянъ къ чтенію на ихъ языкѣ:

---

[1]) читай буджье.

[2]) чит. пши.

[3]) чит. народносьчь, джьесятьчь.

[4]) чит. е (мягко), какъ бы је.

можетъ-быть изъ этого маленькаго начала со временемъ разовьется бо̀льшее. Въ томъ же 1849 году ученики Хотѣбузской гимназіи, Сербскіе уроженцы, основали общество для упражненія въ родномъ языкѣ и для поддержанія его въ своемъ кругу. Общество это въ родѣ того, которое основалъ Му̀жикъ-Клосопольскій при Будышинской гимназіи въ 1838 г. Дай Богъ, чтобы оно принесло такую же пользу: чтобъ изъ него, какъ прежде изъ общества Будышинскаго, вышли тѣ первые «молодые и бойкіе Сербскіе *отчинцы* (патріоты)», о которыхъ Іенчъ, уже увѣренный въ жизненности Славянства Верхне-лужицкаго, молилъ для Нижне-лужицкой братьи [1]).

Въ заключеніе настоящей статьи, считаю не лишнимъ остановиться нѣсколько на языкѣ Лужичанъ. Я выше выписалъ въ двухъ мѣстахъ по нѣскольку строкъ на Верхне-лужицкомъ Сербскомъ языкѣ Русскими буквами, чтобы дать понятіе объ этомъ самомъ маломъ изъ славянскихъ нарѣчій и по формамъ самомъ древнемъ изъ нынѣ живущихъ. Для выраженія Сербо-лужицкихъ звуковъ, къ Русскимъ буквамъ нужно прибавить только, по образцу Церковно-Славянской азбуки, мягкое ѥ (je), для различія отъ е твердаго (какъ у насъ э въ словѣ *этотъ*), да сербскіе знаки ђ и ћ: ђ есть д, смягченное и подходящее къ дж, весьма мягко произносимому; ћ есть т, смягченное и звучащее въ иныхъ мѣстахъ у Верхнихъ Лужичанъ, какъ мягкое *ч* (какъ бы чь или тьчь), а въ иныхъ, какъ мягкое *ц* (какъ бы ць). Когда у Сербовъ-Лужичанъ, по примѣру Польскаго, *р*, смягчаясь, переходитъ въ звукъ *ш*, то я писалъ р̌, когда *о* переходитъ въ звукъ *у*—то я писалъ ô (*Бôгъ* какъ *Бугъ*, *пр̌и* какъ *пши*). Необходимо также замѣтить, что у Верхнихъ Лужичанъ

ѣ звучитъ почти какъ ји (ji), или какъ Нѣмецкое jü;

г какъ Нѣмецкое h;

х почти не отличается отъ к;

л твердое звучитъ почти, какъ *в* или короткое *у*; такимъ образомъ *Ѣ*, *Г*, *Л* читаются почти, какъ у Малороссіянъ. Что касается ударенія, то оно ставится въ обыкновенной рѣчи всегда на первомъ слогѣ каждаго слова [2]). Замѣтивъ все это, каждый правильно прочтетъ двѣ Верхне-лужицкія пѣсни, которыя я привожу какъ образецъ народной поэзіи Сербовъ-Лужичанъ:

---

[1]) Это было писано 12 лѣтъ тому назадъ. Въ эти 12 лѣтъ народность славянская стала пробуждаться по-видимому и въ Нижнихъ Лужицахъ. Въ томъ свидѣтельствуетъ увеличившееся въ послѣдніе годы число книгъ и повременныхъ изданій, печатаемыхъ на языкѣ Нижне-лужицкихъ Сербовъ.

[2]) Только въ народныхъ пѣсняхъ иногда нарушается этотъ законъ.

1 [1]).

«Нѣткъ-'лéй [2]) ми повѥзъ, голечо,
Што ѥ ми въ зымѥ зелене,
Такъ млôдне зелене?

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня зимою зелено,
Такъ молодо зелено?»

— Ѣдлá тамъ стеjи на гôрцы,
Та ѥ ми въ зымѥ зелена,
Такъ млôдна зелена.

— Ель тамъ стоитъ на горкѣ,
Та у меня зимою зелена,
Такъ молода зелена.

«Нѣткъ-'лéй ми повѥзъ, голечо,
Што ми ѥ въ лѣћѣ бѥзъ квѣћа,
Бѥзъ квѣћа бѣлэго?» [3])

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня лѣтомъ безъ цвѣту,
Безъ цвѣту бѣлаго?»

— Папроћь тамъ стеjи подъ гôрку,
Тôнъ ѥ ми въ лѣћѣ бѥзъ квѣћа,
Бѥзъ квѣћа бѣлэго.

— Папороть тамъ стоитъ подъ горкою:
Она у меня лѣтомъ безъ цвѣту,
Безъ цвѣту бѣлаго.

«Нѣткъ-'лéй ми повѥзъ, голечо,
Што ми ѥ дрôжше слѣбора,
Слѣбôра чистего?»

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня дороже серебра,
Серебра чистаго?»

— Твоѝ та чесћь, мôй рућанъ вѣнцъ,
Тей стéй [5]) ми дрôжшей слѣбора,
Слѣбôра чистего.

— Твоя честь, да мой рутовый вѣнокъ: [4])
Они у меня дороже серебра,
Серебра чистаго.

«Нѣткъ-'лéй ми повѥзъ, голечо,
Што ми ѥ лôжше пѥричка
Пѥрйчка гусацогъ?»

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня легче перушка,
Перушка гусинаго?»

---

[1]) Въ этой пѣсни удареніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ отступаетъ отъ обыкновеннаго правила: пѣсня должна читаться чисто ямбическимъ размѣромъ.

[2]) *Нѣткъ* или *нѣтко* значитъ собств. *теперь*, какъ Нѣмцы говорятъ, на примѣръ, „*Nun*, sage mir!“ *Лей* (собств. *глей*) есть сокращеніе изъ *гляђь*, гляди, и очень часто приставляется въ смыслѣ усилительномъ къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ.

[3]) Въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. въ этомъ словѣ, *л* у Лужичанъ, какъ и у Поляковъ, сохраняетъ свой твердый звукъ передъ *е*: тогда я пишу лэ, для различія отъ *ле*, гдѣ *л* звучитъ мягко, какъ у насъ въ словѣ *лей*, и отъ лѥ, гдѣ слышно между *л* и *е* присутствіе краткаго і *(j)*, какъ у насъ въ словѣ *новоселье:* Латинскими буквами Сербы пишутъ łe, *le* и *lje*.

[4]) Вѣнокъ, сплетенный изъ вѣтокъ руты, есть символъ невинности и носится дѣвицею при вѣнчаніи.

[5]) Двойств. число, какъ церковно-слав. тѣ есте.

— Наѣ громàду-пр̆инђенѥ, То ми ѥ лôжше пѥричка, Пѥрйчка гусацогъ.	— Наше «составаніе» (свиданіе), Оно у меня легче перушка, Перушка гусинаго.
«Нѣткъ-'ле́й ми повѥзъ, голечо, Што ми ѥ ћежше ка́мѥня, Камѥня млынскего?»	«Ну, скажи мнѣ, дѣвица, Что у меня тяжеле камня, Камня жерноваго?»
— Наѣ то рôзно-ђѣленѥ, То ѥ ми ћежше ка́мѥня, Камѥня млынскего.	— Наше разставаніе, Оно у меня тяжеле камня, Камня жерноваго.

2.

Я пакъ тамъ хођахъ на горахъ, На горахъ высоќихъ.	А я тамъ ходила на горахъ, На горахъ высокихъ.
Я пакъ тамъ глядахъ до дола, До дола глубокогъ.	А я тамъ глядѣла въ долъ, Въ долъ глубокій.
Я пакъ тамъ вићахъ лôђѥ ћѣь, На лôђахъ гôльцы тсјо,	А я тамъ видѣла, какъ лодки ѣхали, На лодкахъ трое парней.
Тôнъ срећански, тôнъ найреньши, Тôнъ со ми любеше.	Тотъ средній, прекраснѣйшій, Тотъ мнѣ полюбился.
Зћагнылъ ѥ вôнъ свôй першћень, Свой першћень слѣборны.	Онъ снялъ свой перстень, Свой перстень серебряный.
«Іовъ машъ, јовъ машъ ты, голечо, Тôнъ першћень слѣборны».	«Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, дѣвица, Перстень серебряный».
— Твôй першћень, тôнъ я несмѣмъ браћь, Моя маћь ми вобара.	— Твой перстень, я его не смѣю брать, Моя мать мнѣ запрещаетъ.
«Дужъ рек' ты твоѥй маћери, Зо сы јонъ намкала».	«Такъ скажи ты твоей матери, Что ты его нашла».
— Своѥй маћери я несмѣмъ лгаћь, Ѥй дырбю правду знаћь.	— Своей матери я не смѣю лгать, Ей я должна правду объявлять.

Веле радсjо 'цу ѥй праjиħи:	Гораздо охотнѣе я ей скажу:
Тôнъ млођеньц 'це ме мѣħь.	Молодецъ хочетъ меня имѣть своею.

Слѣдующую пѣснь привожу, какъ образчикъ произведеній новыхъ Сербо-лужицкихъ поэтовъ. Она сочинена Зейлеромъ, но до того полюбилась народу, что поется въ деревняхъ на свадьбахъ, какъ пѣснь народная. Смоляръ принялъ ее въ свой Сборникъ народныхъ пѣсенъ.

«Сымъ Сербовъ Сербске голечо,	Я Сербскаго рода Сербская дѣвица,
Ми Ганка рѣкая,	Меня зовутъ Аннушка,
А веслѥ себи спѣваjо,	И, весело себѣ поючи,
Мамъ спѣшносħь до ђѣла.	Я работаю безъ устали.
Дыжъ шковрончкъ ранко заспѣва,	Запоетъ ли жавороночекъ рано-раненько,
Ми спѣва къ ставаню,	Онъ поетъ мнѣ, чтобы я вставала,
А ѣду ли до ђѣħеля,	И какъ поѣду я за клеверомъ,
Зъ нимъ спѣвамъ на пȓемы.	Пою съ нимъ въ запуски.
На мезу ѣзђу зелену,	На межу прiѣду зеленую,
Серпъ тупы вотсю сей,	Тупой серпъ наточу себѣ,
А жнею травку росойту	И жну травку росистую
На мезы квѣткойтей.	На межѣ цвѣтучей.
А дыжъ со ручка вомача	А какъ у меня рука замочится
Тей травцы росойтей,	Въ той травкѣ росистой,
Ми першħень мôй со блыскота	Мой перстень блеститъ
На ручцы на мокрей.	На рукѣ на мокрой.
Тôнъ першħень мамъ вотъ любего,	Этотъ перстень я получила отъ милаго,
Рянего пахола;	Отъ статнаго молодца;
Къ намъ вечоръ, дыжъ со засмѥркло,	Къ намъ вечеромъ, какъ смеркнется,
Мôй любы пȓихађа.	Мой милый приходитъ.
Сымъ зымѣ къ новей кошульцы	Я зимою на новую рубашечку
А къ платей напȓадла,	И на холстъ напряла,
Платъ давно ѥ жно натканы,	Холстъ давно уже натканъ,
Платъ требамъ невѣста.	Холстъ мнѣ нуженъ, невѣстѣ.
Тежъ перѥ ѥ 'шо вудрене	И пухъ уже вычищенъ
На долгихъ вечорахъ,	Въ долгіе вечера,

Дужъ послешћа мамъ готове
Ве својихъ коморкахъ.

За червѥны бантъ на глови
'Цу мѣћь вѣнцъ рућаны,
Маћь буђе чепцовъ купићь ми
За дроге пенезы.

Ми дружчићь буђа голеча,
Те весне товаршки,
А буђе квасна госћина
Прĕзъ тси дны заспȏхи.

Да и постелюшка у меня готовая
Въ моемъ чуланчикѣ.

По красной лентѣ на головѣ
Будетъ у меня вѣнокъ рутовый[1]),
Мать мнѣ накупитъ чепцовъ[2])
За дорогія деньги.

При мнѣ на свадьбѣ будутъ дѣвушки,
Деревенскія подружки,
И будетъ свадебное угощеніе
Три дня безъ перемежки.

Февраль,
1856 г.

---

[1]) Непремѣнная и отличительная принадлежность свадебнаго убора дѣвушки.
[2]) Чепецъ надѣвается молодой тотчасъ послѣ вѣнчанія.

III.

РАЗВИТІЕ НАРОДНОСТИ

у

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

III.

Развитіе народности у западныхъ Славянъ[1].

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько вступительныхъ словъ. — Цѣль настоящаго очерка.

Въ послѣднее время стали много говорить о вступленіи Славянскаго племени въ кругъ Европейской дѣятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это племя, долго остававшееся неизвѣстнымъ Западу и даже бывшее у него въ презрѣніи, должно принять важное участіе въ дѣлахъ міра. Въ то самое время, какъ Россія, ознакомившись со всѣмъ тѣмъ, что другіе народы выработали въ теченіе своей исторической жизни, начинаетъ утомляться подражательностью и ищетъ, повидимому, обновленія въ своихъ собственныхъ народныхъ началахъ, прилагая къ нимъ то, что европейская образованность представляетъ ей пригоднаго, — миліоны Славянъ, недавно еще пребывавшихъ въ глубокомъ оцѣпенѣніи подъ властію иноплеменниковъ, очнулись и требуютъ себѣ мѣста, если не между государствами, то по крайней мѣрѣ между народностями Европы. Одни изъ нихъ, именно тѣ, которые порабощены игу Турецкому, домогаются первоначальныхъ правъ человѣческаго общества, обезпеченія жизни и имущества, справедливости въ управленіи и возможности мирнаго развитія—всего того, что они уже завоевали себѣ въ Сербскомъ княжествѣ. Другіе славянскіе народы, принадлежащіе тремъ изъ Нѣмецкихъ государствъ, стараются мирнымъ образомъ оградить свое существованіе отъ наплыва германской стихіи и пріобрѣсти умственную самобытность, дабы имѣть право стоять въ ряду народовъ образованныхъ, не отказываясь для того отъ своей народной особен-

[1]) Эта статья, основанная на личныхъ наблюденіяхъ автора во время путешествій по Славянскимъ землямъ въ 1855—1857 годахъ, появилась сперва въ Парижѣ брошюрою на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Les Slaves Occidentaux“ и вслѣдъ за тѣмъ была напечатана по-русски въ „Русской Бесѣдѣ“ 1858 года.

ности. — Мы начинаемъ довольно вѣрно понимать положеніе Славянъ Турецкихъ и ихъ стремленія, но до сихъ поръ обращали весьма мало вниманія на умственное движеніе, проявившееся въ славянскихъ областяхъ Австріи, а западные публицисты прямо искажаютъ его смыслъ, принимая это движеніе за тему для разглагольствованій о какомъ-то мнимомъ панславизмѣ, который, по словамъ Франкфуртскихъ и Вѣнскихъ публицистовъ, страшнѣе ордъ Чингизхана и Тамерлана, грозитъ уничтоженіемъ всѣмъ образованнымъ государствамъ Европы. Поэтому я считаю полезнымъ представить въ истинномъ видѣ умственное и нравственное возрожденіе, совершающееся у Славянскихъ народовъ, подчиненныхъ Нѣмецкимъ державамъ. Я буду обозначать эти народы подъ общимъ именемъ Западныхъ Славянъ, въ отличіе, какъ отъ Восточныхъ Славянъ, составляющихъ народъ Русскій, такъ и отъ Славянъ Южныхъ, принадлежащихъ Турціи.

I.

Статистическія данныя о Славянской стихіи въ Германіи.

Славянская стихія слаба въ Пруссіи и въ Саксоніи. Она составляетъ въ первомъ изъ этихъ государствъ немного больше восьмой доли народонаселенія, съ небольшимъ 2 милліона на 17 милліоновъ жителей. Въ Саксоніи считаютъ всего 60,000 Славянъ на 2 милліона народонаселенія. Напротивъ, въ Австріи Славянская стихія весьма сильна численностію: тамъ на 39 милліоновъ общаго народонаселенія [1]) приходится отъ 16 до 17 мил. Славянъ; но эти 17 милліоновъ Славянъ раздроблены на 7 отдѣльныхъ народовъ, и самый многочисленный изъ нихъ, народъ Чехо-Моравскій, не превышаетъ 4½ милл., тогда какъ нѣмецкая стихія представляетъ въ Австріи массу въ 7 милл., итальянская — въ 6, мадьярская въ 5 милліоновъ.

II.

Славяне въ Пруссіи: Словинцы. — Кашубы. — Поляки. — Германизація Кашубовъ. — Отношеніе къ нимъ Поляковъ. — Мазуры.

Прусскіе Славяне принадлежатъ почти всѣ къ Польскому [2]) племени.

Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ сначала, въ восточной части Помераніи, нѣсколько жалкихъ остатковъ народа, бывшаго сильнымъ въ средніе вѣка, поселянъ и рыбаковъ, которые именуютъ себя безраз-

[1]) До уступки Австріею ея Итальянскихъ областей.

[2]) Или вѣрнѣе Ляшскому.

лично *Словинцами, Кашубами* и *Поляками*. Они исповѣдуютъ протестантскую вѣру, и подчиненны систематической германизаціи со стороны духовенства и мѣстныхъ властей. Эти бѣдняки предвидятъ сами, что ихъ языкъ и обычаи должны скоро исчезнуть, и сознаются уже, что объ нихъ не будетъ помину лѣтъ черезъ двадцать. Они утѣшаютъ себя пророчествами. Я слышалъ, какъ одинъ старикъ предвѣщалъ близкую кончину міра, которая наступитъ, по его словамъ, какъ скоро Словинскій или Польскій [1]) языкъ исчезнетъ съ лица земли; и онъ находилъ вѣру въ своихъ слушателяхъ.

Между границею Помераніи и устьемъ Вислы, въ области, называемой Западною Пруссіею, населеніе почти чисто славянское. Сѣверная часть этой страны занята 200,000 Кашубовъ, принадлежащихъ къ римскому исповѣданію; южная часть населена Поляками. Католическое духовенство, боясь въ Пруссіи нѣмецкой стихіи, какъ склонной къ протестантству, ревностно противодѣйствуетъ усиліямъ чиновниковъ правительства для распространенія этой стихіи; но оно презираетъ Кашубское нарѣчіе, считая его неблагороднымъ, и исключительно употребляетъ польскій языкъ, который, правда, понятенъ Кашубамъ, но все же не такъ близокъ имъ, какъ родная рѣчь. Дворянство и городское сословіе раздѣляютъ то же пренебреженіе къ народному нарѣчію. Это останавливаетъ умственное развитіе Кашубскаго народонаселенія, положеніе котораго притомъ чрезвычайно неблагопріятно, вслѣдствіе его малочисленности и отдаленности отъ другихъ Славянъ. Отчужденные разницею вѣроисповѣданія отъ Кашубовъ Померанскихъ, Кашубы въ Западной Пруссіи, вѣроятно, не замедлятъ послѣдовать за ними на пути германизаціи. Ихъ сосѣди, Поляки Познанскіе, должны бы были позаботиться о поддержаніи между ними славянской народности. Но вѣчно паря въ заоблачныхъ высотахъ политическихъ утопій, Познанскіе Поляки не имѣютъ досуга подумать о противодѣйствіи успѣхамъ нѣмецкой народности, которая, шагъ за-шагомъ, расширяется въ ихъ сосѣдствѣ на славянской почвѣ.

Упоминаю только мимоходомъ о Мазурахъ протестантскаго исповѣданія, составляющихъ довольно значительную часть сельскаго класса въ Восточной Пруссіи (Osprеussen). Подчиненная, подобно Славянамъ-протестантамъ въ Помераніи, вліянію духовенства и образованнаго сословія, состоящихъ изъ Нѣмцевъ, эта вѣтвь Польскаго племени исчезнетъ, вѣроятно, въ теченіи нынѣшняго столѣтія.

[1]) Такъ Померанскіе Славяне называютъ безразлично свое нарѣчіе, которое имѣетъ много сходства съ славянскимъ языкомъ, употреблявшимся въ средніе вѣка между Эльбою и Одрою.

III.

Познань. — Поляки и ихъ роль въ славянскомъ вопросѣ. — Возбужденное состояніе Польскаго общества съ 1836 по 1846 г.

Возвратившись на лѣвый берегъ Вислы, мы встрѣтимъ довольно значительное населеніе Поляковъ, занимающихъ половину Западной Пруссіи (Westpreussen) и большую часть Великаго Княжества Познанскаго. Познанская область была почти исключительно Польскою, когда вошла въ составъ Прусскаго королевства; теперь нѣмецкая стихія тамъ почти столько же сильна, сколько туземная, и распространяется съ неудержимою быстротою. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, Польское наименѣе способно сопротивляться наплыву германскому: ни у кого изъ Славянъ нѣтъ такой ненависти къ Нѣмцамъ, какъ у Поляка, и не смотря на то, никто изъ Славянъ не превращается такъ легко въ Нѣмца, какъ Полякъ, находящійся подъ властію нѣмецкою, коль скоро это превращеніе открываетъ ему возможность блеска или повышенія. Нѣтъ ничего печальнѣе явленій народной жизни въ Познанскомъ княжествѣ. Лѣтъ 12 тому назадъ предвидѣли въ Познани зарю новой жизни,—до такой степени сильнымъ казалось тамъ умственное движеніе. Польская эмиграція старалась основать въ Познани литературное средоточіе, въ надеждѣ, что отсюда ея стремленія распространятся на сосѣдніе края. Эта дѣятельность развилась особенно съ 1836 года. По-скольку она ограничивалась литературою, Прусское правительство ей не препятствовало, и эта просвѣщенная политика Пруссіи вполнѣ оправдалась своими послѣдствіями. — Основаны были въ Познани журналы; печатали тамъ множество книгъ, наполняли Польскую литературу разными философскими и соціальными ученіями, заимствованными у Французовъ и Нѣмцевъ. Двѣ школы обозначились въ Познани — одна, искавшая возрожденія Польши въ новыхъ демократическихъ идеяхъ Запада; другая, видѣвшая спасеніе только въ старомъ аристократическомъ духѣ Польскомъ, и эти двѣ школы боролись другъ съ другомъ на узкой почвѣ исключительнаго патріотизма Польскаго: безвыходная борьба между двумя мечтами, одинаково неразумными. Однако вся эта литература была лишь произведеніемъ искусственнымъ. Увлеченное модою и несбыточными надеждами, Польское общество въ Познани съ жадностію читало все, что издавалось тогда, но это усиліе, повидимому, истощило всю его умственную жизнь. Случилась революціонная вспышка 1846 года; нѣкоторые изъ Познанскихъ писателей были взяты подъ стражу; одинъ изъ выходившихъ въ Познани журналовъ былъ запрещенъ; сношенія съ эмиграціею были прерваны, и вся дѣятельность Познанская внезапно прекратилась. Повременныя изданія

пощаженныя Прусскою полиціею, вскорѣ упали сами собою. Съ 1846 года Познань не произвела никакого оригинальнаго и замѣчательнаго труда[1]). 1848 годъ породилъ тамъ лишь нѣсколько недолговѣчныхъ газетъ, и вся литературная дѣятельность въ Великомъ Княжествѣ ограничивается нынѣ однимъ единственнымъ повременнымъ изданіемъ, — журналомъ, выходящимъ подъ покровительствомъ римскаго духовенства.

IV.

Очеркъ дѣйствій Прусскаго правительства для германизаціи славянской стихіи.

Между тѣмъ, какъ Польскіе умы блуждали такимъ образомъ по ложному пути, Прусское правительство шло по избранному имъ направленію съ изумительнымъ постоянствомъ и успѣхомъ. Уже Фридрихъ Великій началъ водворять германскую стихію въ значительной части Помераніи, которая при немъ была еще польскою или кашубскою, а теперь уже совершенно нѣмецкая. Король Фридрихъ Вильгельмъ III продолжалъ то же дѣло въ польскомъ краѣ, ему доставшемся, и дѣло это, пріостановленное на нѣсколько времени событіями 1848 года, съ тѣхъ поръ возобновилось съ бо́льшею еще силою. Прусское правительство поддерживается въ этомъ отношеніи общественнымъ мнѣніемъ всей Германіи. Нѣтъ человѣка, болѣе исключительнаго въ своихъ народныхъ чувствахъ, чѣмъ Нѣмецъ, перенесенный въ Познанскую область или сосѣдніе края. Эта исключительность не разъ проявлялась тамъ въ возмутительной грубости. Въ 1848 году, когда вся Германія только и мечтала о теоріяхъ народности, примѣненіе ихъ въ Познанскомъ Княжествѣ представило самыя странныя явленія. Извѣстно, какое общее негодованіе вспыхнуло во всей Германіи, лишь только Познанскіе Поляки потребовали для себя правъ народности, провозглашенныхъ Франкфуртскимъ сеймомъ, и какія произошли отъ того кровавыя столкновенія.—Впрочемъ, Пруссія не позволяетъ себѣ въ Познани никакого насилія и угнетенія. Успѣхъ ея зависитъ оттого, что она является тамъ представительницею образованія. Мало того, что каждый Польскій мальчикъ необходимо долженъ выучиться нѣсколько по-нѣмецки, сперва въ элементарной школѣ, а потомъ въ военной службѣ, которыя обязательны, и та и другая, для всякаго Прусскаго подданнаго; мало того, что гимназистъ учитъ всѣ свои уроки по-нѣмецки, и что всякій, кто желаетъ получить какую бы то ни было общественную должность, обязанъ знать нѣмецкій языкъ въ совершенствѣ; нѣтъ, главное условіе, содѣйствующее усиленію гер-

[1]) Кромѣ нѣкоторыхъ спеціально-ученыхъ трудовъ, предпринятыхъ въ предъидущую эпоху, и продолжавшихся послѣ 1846 года.

манской стихіи, то, что тамошній Полякъ, коль скоро усвоилъ себѣ нѣмецкій языкъ, чувствуетъ себя членомъ могущественнаго своею образованностію общества, которое было бы закрыто ему, если бы онъ оставался только Полякомъ; а при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится Познанскій край, тотъ, кто усвоилъ себѣ нѣмецкій языкъ и образованность, вскорѣ привыкаетъ предпочитать и самую народность германскую своей собственной. Такимъ образомъ происходитъ германизація туземныхъ стихій. Но кромѣ того постоянно дѣйствуетъ наплывъ природныхъ Нѣмцевъ, которые переселяются въ Великое Княжество и, вмѣсто того, чтобы сливаться съ туземцами напротивъ налагаютъ на нихъ мало по малу свою народность. Прусское правительство поселило нѣмецкихъ выходцевъ по линіямъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, устроенныхъ имъ въ той области. Полякъ по природѣ расточителенъ. Большая и малая *шляхта* безпрестанно продаетъ свои помѣстья, по собственной волѣ или по принужденію заимодавцевъ, и почти всегда эти земли покупаются Нѣмцами. Правительство, по видимому, рѣшило, чтобы поземельная собственность перемѣнила, если можно такъ выразиться, свою народность въ Познани, чтобы она изъ Польскихъ рукъ перешла въ Нѣмецкія. При каждой продажѣ земли, ее пріобрѣтаетъ Нѣмецкій покупщикъ, а не Польскій, потому что правительство всякій разъ выдаетъ пособіе первому, даже если это представляетъ нѣкоторый рискъ, а отказываетъ во вспомоществованіи Поляку, хотя бы самому надежному. Не знаю, соблюдается ли это правило во всѣхъ случаяхъ съ такою строгою и не совсѣмъ безпристрастною исключительностью: но я это слышалъ отъ множества людей въ Познани. Какъ бы то ни было, въ большой части Быдгощскаго округа есть много мѣстностей, гдѣ на 10 землевладѣльцевъ-Нѣмцевъ остался одинъ Полякъ, между тѣмъ какъ лѣтъ 30 тому назадъ отношеніе было обратное. Если, въ округѣ Познанскомъ, нѣмецкая стихія еще не овладѣла до такой степени поземельною собственностью, то она и тамъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ перевѣсъ. Въ городѣ Познани нѣмецкая стихія господствуетъ уже такъ сильно, что въ немъ можно встрѣтить, даже въ простонародьѣ, людей, которые тамъ родились и выросли, не выучившись ни слову по-польски. Можно предвидѣть тотъ день, когда въ Познани и Гнѣзнѣ, этой колыбели Польши, будетъ слышенъ только нѣмецкій языкъ, и когда славянская стихія низойдетъ въ Познанскомъ Княжествѣ на ту же степень, на которой она находится уже въ сосѣдней области, именно въ Верхней Силезіи. Тамъ Польскій языкъ сдѣлался просторѣчіемъ, употребляемымъ только въ самыхъ отдаленныхъ и бѣдныхъ деревняхъ и презираемымъ всѣми, кто только имѣетъ притязаніе на образованность и благосостояніе.

V.

Различіе между Поляками и другими западными Славянами. — Шляхта и ея роковое значеніе въ судьбахъ Польскаго народа.

Прежде, чѣмъ перейду къ изученію группы славянскихъ народовъ, сосредоточенныхъ подъ властію Австріи, я долженъ обозначить то важное различіе, которое существуетъ между ими и Поляками. Разумѣется, то, что̀ я говорю о характерѣ Поляковъ, относится столько же къ тѣмъ, которые подвластны Австріи и Россіи, сколько и къ Прусскимъ. Поляки живутъ исключительно въ своей народной сферѣ. Прочіе Западные Славяне одушевлены мыслію объ общности стремленій и выгодъ, долженствующей соединять и поддерживать ихъ взаимно. Поляки до сихъ поръ были всегда болѣе или менѣе недовѣрчивы къ Россіи, прочіе Славяне, напротивъ, полны сочувствія и уваженія къ ней. Поляки легко поддаются мирному напору нѣмецкой стихіи и поглощаются ею; прочіе Славяне противопоставляютъ ей отпоръ, неодолимый донынѣ. Замѣчательно, что германская народность сдѣлала, относительно, менѣе успѣховъ въ Богеміи, покоренной въ 1620 году, въ Штиріи и Краинѣ, издревле вошедшихъ въ составъ Нѣмецкихъ государствъ, нежели въ Познанскомъ Княжествѣ съ 1815 года. Нельзя сказать, чтобы эта могущественная народность обладала тамъ меньшею силою, нежели между Прусскими Славянами: ибо, если Славяне, вмѣстѣ взятые, составляютъ большинство ж телей Австріи, то каждый изъ семи славянскихъ народовъ, на которые они раздѣлены, гораздо слабѣе нѣмецкаго населенія, и лишь въ недавнее время, едва 30 или 40 лѣтъ тому назадъ, они начали поддерживать другъ друга взаимнымъ нравственнымъ участіемъ. Я только что привелъ примѣръ Богеміи и Славянъ Иллирійскаго королевства: ихъ положеніе несравненно менѣе выгодно, чѣмъ положеніе Познанскихъ Поляковъ; взглядъ, брошенный на карту, убѣдитъ въ томъ каждаго. Они почти разобщены со всѣми прочими Славянами; они немногочисленны и вдались въ самое сердце чужихъ народовъ, которые окружаютъ ихъ съ трехъ сторонъ; между ними издавна живетъ цѣлое народонаселеніе Нѣмецкое, какъ туземное въ ихъ родинѣ; и при всемъ томъ они устояли. Стало быть, не случайнымъ обстоятельствамъ, а собственному характеру этихъ народностей должно приписать замѣченное нами различіе. Исторія завѣщала Польскому племени печальное наслѣдіе. Въ Польшѣ жила, чувствовала, дѣйствовала одна только аристократія, *шляхта*. Въ одной шляхтѣ сосредоточивались чувства патріотизма и народности. Купечество, мѣщанство, большинство мастеровыхъ принадлежатъ космополитскому племени Жидовъ или нѣмецкимъ колоніямъ;

простой народъ оцѣпенѣлъ подъ продолжительнымъ и безсмысленнымъ владычествомъ шляхты, которое оставило въ немъ глубокую апатію и полное отсутствіе народнаго чувства, поражающее всякаго, кто сравнитъ Польскаго поселянина съ поселянами другихъ славянскихъ странъ, хотя бы они даже уступали ему въ благосостояніи и практической дѣятельности. Въ немъ осталась также глубокая ненависть къ шляхтѣ. Недавнія событія доказали это. Нѣкоторые революціонеры задумали, въ 1846 году, взбунтовать Галицію. Мало надѣясь на сочувствіе Русскихъ, вовсе не расположенныхъ слѣдовать за «Ляхами», они обратились къ поселянамъ западныхъ, чисто Польскихъ округовъ этой страны. Они стали взывать къ деревенскому народу съ громкими фразами Польскаго патріотизма. «Что вы намъ толкуете про Польшу, — такъ отвѣчали имъ во многихъ мѣстахъ поселяне, — мы не Поляки, мы Мазуры!» И Австріи, мало разборчивой въ средствахъ къ достиженію своихъ цѣлей, стоило только подать знакъ, для того чтобы Польскій поселянинъ возсталъ противъ своего господина, проповѣдывавшаго ему патріотическія чувства, убилъ его съ женою и дѣтьми, ограбилъ и сжегъ его домъ. Эта Галиційская рѣзня есть, конечно, одна изъ самыхъ ужасныхъ страницъ современной исторіи; и надобно замѣтить, что эти ужасы имѣли мѣсто только въ чисто Польскихъ краяхъ Галиціи (Бохненскомъ, Ясленскомъ, Тарновскомъ, Ржешовскомъ и Сончскомъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Австрійскіе чиновники не только подали знакъ къ убійствамъ, но и приняли ихъ подъ свое покровительство, быть можетъ даже, платили за нихъ (увѣряютъ, что поселяне получали отъ 3 до 5 гульденовъ за голову шляхтича); но можно также судить по этому страшному событію, каково наслѣдіе, переданное старою, независимою Польшею ея дѣтямъ, которымъ приходится теперь бороться съ огромною силою Германскаго наплыва. Представьте себѣ всѣ преданія народной жизни сосредоточенными исключительно въ рукахъ одной касты, до невѣроятности легкомысленной и непослѣдовательной, буйной, всегда расходующей свыше своихъ средствъ, тщеславной, увлекающейся всякою новизною, — и вамъ сдѣлается понятнымъ быстрый упадокъ Польской стихіи въ Прусскихъ и Австрійскихъ владѣніяхъ; вы поймете справедливость печальной картины, въ какой я изобразилъ состояніе Польской народности въ Познани; вы поймете также, что въ Польской части Галиціи положеніе славянской стихіи немногимъ лучше, и что въ городѣ Краковѣ, принадлежащемъ Австріи только съ 1846 года, нѣмецкое начало уже получило перевѣсъ надъ Польскимъ.

VI.

Сельское сословіе въ Славянскихъ земляхъ Австріи. — Иноплеменное дворянство и городское населеніе этихъ земель. — Сербское купечество. — Главнѣйшіе представители славянской народности въ Австріи.

Иное дѣло въ прочихъ Славянскихъ земляхъ Австрія. Не безпокойное и угнетающее меньшинство, а неколебимая и долго угнетенная масса сельскаго сословія хранитъ тамъ преданіе народной жизни. Дворянство чуждо этой жизни. Оно тамъ составляетъ касту иностранцевъ, болѣе или менѣе сильную, болѣе или менѣе справедливо взимающую деньги съ своихъ подданныхъ [1]), но которая уже въ теченіе многихъ столѣтій не участвуетъ въ ихъ народномъ бытѣ.

Въ Богеміи и Моравіи дворянство было уже на половину нѣмецкимъ во время политической самостоятельности этихъ странъ; послѣ 30-лѣтней войны оно сдѣлалось совершенно нѣмецкимъ. Оно было нѣмецкое издавна въ Штиріи и Краинѣ, оно мадьярское въ землѣ Словацкой [2]), оно, по большой части, итальянское въ Истріи и Далмаціи [3]), оно польское въ восточной половинѣ Галиціи, населенной Малороссами. Въ одной только Хорватіи (Кроаціи) и въ Сербскихъ краяхъ, примыкающихъ къ Венгріи, высшее сословіе принадлежитъ большею частію къ славянской народности; но и тамъ иностранная стихія, въ особенности Мадьярская, весьма сильна въ дворянскомъ сословіи и, можетъ быть, даже сильнѣе народной.

Чуждая дворянству, славянская стихія чужда и городскому сословію. Городское сословіе образовалось въ Богеміи, въ Моравіи, въ Венгріи, въ Хорватіи, въ Иллирійскихъ областяхъ преимущественно изъ иностранцевъ, переселившихся въ эти страны или призванныхъ туда прежними туземными правителями, изъ Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Евреевъ и т. д. Исключеніе составляетъ только край, населенный православными Сербами на югѣ Венгріи. Сербы не только удержали въ своихъ рукахъ мѣстную торговлю, но даже основали купеческія колоніи во многихъ городахъ Венгріи и Адріатическаго побережья. Но это Сербское купечество имѣетъ въ общей сложности Австрійской торговли такъ мало значенія, что его вліяніе почти незамѣтно, и общимъ правиломъ остается то, что городское сословіе, какъ я сказалъ, чуждо славянской народности въ Западно-Славянскомъ мірѣ.

---

[1]) Эти непосредственныя отношенія между дворянствомъ и поселянами прекратились съ 1849 года, вслѣдствіе выкупа повинностей, лежавшихъ на земледѣльцахъ; съ тѣхъ поръ правительство сдѣлалось посредникомъ между обоими сословіями.

[2]) Словаки занимаютъ сѣверозападную часть Венгріи.

[3]) Только въ двухъ южныхъ округахъ Далмаціи, Дубровницкомъ (Рагузскомъ) и Которскомъ, высшее сословіе также по большой части славянское.

Итакъ, хранители славянской народности въ Австрійскихъ владѣніяхъ суть только земледѣльцы и ремесленники. Представители ея въ области умственной суть низшее духовенство и сельскіе учители, люди, по большой части, бѣдные, всегда обремененные работою. Ея лучшіе мыслители, ея главные двигатели были и суть люди, вышедшіе изъ простонародья, дѣти поселянъ, какъ Добровскій, Юнгманъ, Коларъ, Ганка, Шафарикъ, Палацкій, Сушилъ, Бернолакъ, Штуръ, Блейвейсъ, Станко Вразъ, братья Мажураничи, Досиѳей Обрадовичъ, Давидовичъ, Вукъ Караджичъ, Медаковичъ и многіе другіе, имена которыхъ я здѣсь не привожу. Деньгами и общественнымъ вліяніемъ славянское дѣло въ Австріи не располагаетъ; сословія, обладающія этими двумя силами, равнодушны или враждебны ему. Возможно ли, при такихъ обстоятельствахъ, требовать тамъ отъ славянской стихіи быстраго и блестящаго развитія? Возможно ли требовать отъ Славянъ Австрійскихъ тѣхъ великихъ твореній, которыя могутъ быть созданы только усиліемъ цѣлой жизни, свободной отъ заботъ вещественныхъ, или тѣхъ громадныхъ памятниковъ, которые осуществляются лишь при содѣйствіи просвѣщеннаго богача или щедраго правительства? А при всемъ томъ, дѣятельность этихъ бѣдныхъ поселянъ, покинутыхъ всѣми людьми богатыми и вліятельными, подозрительныхъ правительству и стѣсняемыхъ имъ, дала совсѣмъ другіе плоды, чѣмъ дѣятельность Поляковъ въ Познани и Галиціи, гдѣ все умственное движеніе сосредоточено въ высшемъ сословіи, въ *шляхтѣ*. Дѣло въ томъ, что сельскій народъ, коль скоро воодушевится какою нибудь мыслію, уже не покидаетъ ея, и что создаваемое имъ — вѣковѣчно.

VII.

Поляки и ихъ отношенія къ прочимъ Славянамъ. — Взглядъ Мицкевича на Славянскій міръ и задачу Польши въ ряду цивилизованныхъ народовъ.

Таково коренное различіе, существующее между характеромъ народной жизни у Поляковъ, съ одной стороны, и у всѣхъ прочихъ Западныхъ Славянъ съ другой. Этотъ исключительный духъ одной касты, хранящей въ себѣ народный патріотизмъ, мѣшаетъ Поляку сблизиться съ своими братьями-Славянами, живущими въ совершенно другой общественной сферѣ. Полякъ (это доказали недавнія событія [1]) имѣетъ гораздо болѣе дѣйствительнаго сочувствія къ Мадьяру, аристократу и угнетателю, нежели къ Словаку или Хорвату, котораго Мадьяръ хотѣлъ бы лишить права на народное существованіе;

[1]) Это было писано въ 1858 году, но и послѣдующія событія не опровергли того, что здѣсь сказано.

Полякъ охотнѣе приметъ даже сторону Турка, нежели Сербскаго или Болгарскаго *раіи*. Полякъ не скоро рѣшится протянуть руку своимъ братьямъ Славянамъ и соединить съ ними свою дѣятельность, даже въ наукѣ и литературѣ. Онъ не легко откажется, даже въ области отвлеченной мысли, отъ своего недовѣрія къ Русскому имени и отъ своего презрѣнія къ Восточной Церкви: двѣ жертвы, которыя ему необходимо принести прежде, нежели онъ можетъ усвоить себѣ начало нравственнаго общенія Славянъ.

Потому и начало это не могло получить жизненнаго значенія въ ряду вопросовъ, двигавшихъ Польскими умами. Но при всемъ томъ идея Славянства играетъ важную роль въ теоріяхъ, выработанныхъ въ послѣднее время Поляками. Въ особенности ввелъ ее въ эти теоріи безсмертный поэтъ Мицкевичъ. Его система есть полное и часто, можно сказать, невольное выраженіе взгляда, которымъ такъ называемые патріоты Польскіе хотѣли смотрѣть на Славянскій міръ; и въ его сочиненіи о Славянахъ многіе изъ нихъ до сихъ поръ почерпаютъ свои воззрѣнія на славянскія дѣла. Славянскій міръ, по теоріи Мицкевича, издавна раздѣлился на двѣ противоположныя стороны, составляющія какъ бы положительный и отрицательный его полюсы. Положительный полюсъ, полюсъ Славянской идеи, заключается въ Польшѣ; Чехи и Сербы принадлежатъ также къ этой положительной сторонѣ славянства, но духъ въ нихъ ослабѣлъ и можетъ воскреснуть только подъ вліяніемъ Польши, которая хранитъ славянскія начала для всего остальнаго Славянскаго міра. Отрицательный полюсъ идеи, которую Мицкевичъ называетъ противо-славянскою, заключается, по его мнѣнію, въ Россіи. Древняя славянская народность на Руси, которую онъ именуетъ Русинскою, принадлежала первоначально къ славянскому направленію; но она погибла, по словамъ Мицкевича, и отъ нея осталась лишь масса людей, говорящая, правда, нарѣчіемъ Славянскимъ [1]), но которая, поглотивъ въ себя много Финскихъ и Татарскихъ стихій, утратила славянскія чувства; масса людей, которая не есть народъ, а государство, которая не имѣетъ вѣры, а только богослуженіе [2]), и которая проникнута духомъ Монгольскаго племени, духомъ рабства и

[1]) Мицкевичъ называетъ однако же Московское нарѣчіе языкомъ Русско-Финскимъ (курсъ I, лекц. 26); онъ увѣряетъ, что Русскій литературный языкъ образовался въ С.-Петербургѣ (II, 6), и что Великорусское племя не поетъ и не знаетъ, чтò такое музыка (тамъ же). Польскій поэтъ самъ долженъ былъ чувствовать лживость своихъ словъ, ибо онъ долго жилъ въ Россіи. Грустно видѣть, что такой прекрасный геній, увлеченный духомъ партіи, нисходилъ до недобросовѣстности и лжи.

[2]) Мицкевичъ и вся его школа прямо отрицаютъ существованіе Русской народности и духовнаго начала въ Восточной церкви.

разрушенія, какъ его опредѣляетъ Польскій писатель. Духъ славянскій, воплощенный въ Польшѣ, всегда старался усвоить себѣ идеи Запада и распространить ихъ въ остальномъ славянскомъ мірѣ [1]); но духъ этотъ выше Западнаго духа: онъ искони стремился къ осуществленію новыхъ началъ, долженствующихъ составить счастіе рода человѣческаго, и онъ осуществитъ ихъ въ будущемъ. Начала эти суть: братство между людьми и народами и господство Христіанскихъ идей. Польша принесла себя въ жертву для искупленія рода человѣческаго, и эта жертва даетъ ей право и увѣренность сдѣлаться благодѣтельницею всѣхъ народовъ, которымъ она передастъ эти новыя начала; осуществленія ихъ она ожидаетъ не отъ совокупныхъ усилій людей и историческаго развитія, а отъ явленія великаго человѣка, который все обниметъ своею дѣятельностью, отъ новаго Мессіи, котораго предтечею былъ Наполеонъ. — Такова теорія Славянства, какъ его понялъ величайшій геній Польской словесности. Если бы эта теорія была только частнымъ созданіемъ болѣзненнаго воображенія, я не обратилъ бы на нее вниманія. Всякій день возникаетъ въ Европѣ какая нибудь новая система, о которой на другой же день уже не говорятъ; но эта теорія есть въ нѣкоторомъ смыслѣ произведеніе народное. Мицкевичъ высказалъ формулу, но тѣ же самыя мысли одушевляли цѣлую семью поэтовъ, философовъ, публицистовъ, которые были представителями односторонняго Польскаго патріотизма, сперва въ Вильнѣ и Варшавѣ, а потомъ въ эмиграціи. Ложь Мицкевича есть выраженіе лжи, въ которой долго жила цѣлая литература, цѣлый народъ. Дѣйствительно, изложенная мною теорія вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру прежнихъ Польскихъ стремленій. Это все тотъ же духъ узкаго эгоизма, который старается захватить Славянскій вопросъ въ свою исключительную пользу, прибѣгаетъ къ недобросовѣстности и лжи, для униженія другихъ народовъ, и, съ французскою непослѣдовательностью, къ несчастію, слишкомъ привычною «aux Français du Nord», принимаетъ внѣшнія формы за внутреннее содержаніе, дабы получить право восхвалять свои собственныя народныя начала.

Къ недобросовѣстности и лжи, говорю я, прибѣгаетъ Польскій теоретикъ, когда онъ ставитъ Чеховъ и Сербовъ въ нѣкоторую нравственную зависимость отъ Польской народности: ибо ему извѣстно, до какой степени характеръ всей исторической дѣятельности Чеховъ не сходенъ съ характеромъ дѣятельности Поляковъ (какъ видно особенно въ Гуситскихъ войнахъ); ему извѣстно, что если одинъ изъ

---

[1]) Это страннымъ образомъ подтверждается вѣковою политикою прежней Польши, употреблявшей всѣ свои усилія, чтобы преградить Россіи сношенія съ Западомъ.

этихъ народовъ имѣлъ вліяніе на другой, то, конечно, Поляки одолжены Чехамъ за многое въ своемъ просвѣщеніи, а никакъ не Чехи Полякамъ; ему извѣстно также, что Сербы не имѣютъ ничего общаго съ Польскими идеями, и что они обязаны сохраненіемъ своей народности единственно Восточной Церкви. А когда Мицкевичъ и вся лже-патріотическая школа Польская отрицаетъ существованіе Русской народности и представляютъ ее чѣмъ-то въ родѣ Монгольской орды, устроенной государственно, то этого нельзя назвать даже недобросовѣстностью, а развѣ только ослѣпленіемъ разгнѣваннаго ребенка. Та же непослѣдовательность, о которой говорили мы выше, причиною тому, что школа Мицкевича отваживается говорить о братствѣ, какъ объ основѣ, на которой опирались въ прежнее время и стремится опираться въ будущемъ Польское общество и Польская политика; что она, эта школа, находитъ выраженіе этого братства въ старинной Польской конституціи, съ ея сеймами, которые объявляли себя вдохновенными Святымъ Духомъ братства и взаимной любви [1]), и съ ея актомъ соединенія Короны съ Литвою и Украиною: ибо братство было лишь пустымъ словомъ въ устахъ гордой касты, которая угнетала народъ, рѣзалась между собою [2]) и нынѣ еще представляетъ картину раздора, коль скоро внѣшняя сила ея не сдерживаетъ (какъ доказываетъ внутренняя исторія Польской эмиграціи). Что же касается до международныхъ отношеній, то слово «братство» было, дѣйствительно, вписано въ грамотѣ соединенія Польши съ землями, которыя она пріобрѣла бракомъ Ягеллы; но извѣстно, что́ было на самомъ дѣлѣ; извѣстно, какое угнетеніе Польша налагала на эти земли, какъ она преслѣдовала диссидентовъ, и чѣмъ она вызвала страшное возстаніе Хмѣльницкаго противъ этого братскаго соединенія. Событія эти, по видимому, должны были нѣсколько разстроить славянскую теорію Мицкевича, и потому онъ счелъ за лучшее обойдти ихъ молчаніемъ [3]), равно какъ не совсѣмъ безкорыстное

---

[1]) Такова была, дѣйствительно, формула, безжизненный остатокъ древняго славянскаго быта, начало котораго, впрочемъ, вообще является въ Польской исторіи въ видѣ внѣшней, условной и по этому самому безплодной формы.

[2]) Мицкевичъ сознается, что „братское сословіе“, шляхта, не осуществила своего идеала вслѣдствіе своей гордости и своего презрѣнія къ народу; но онъ предполагаетъ, что конституція Косцюшки (актъ 3-го Мая) поправила бы все и возстановила бы древнее славянское братство, потому что она распространяла на весь народъ права шляхты: какъ будто бы провозглашенный на бумагѣ законъ могъ уничтожить неравенство и распрю между людьми! Мы видимъ здѣсь ту же самую ошибку: форма, буква принимается за дѣло.

[3]) Виноватъ, я ошибаюсь: Польскій писатель мимоходомъ упоминаетъ о возстаніи Малороссіи; но спрашивается, чѣмъ онъ его объясняетъ? Излишнею любезностью Польскихъ пановъ, побѣды которыхъ надъ сердцами казацкихъ дамъ будто бы такъ раздражили ихъ мужей, что они наконецъ воспылали мщеніемъ.

участіе Польши въ дѣлахъ Московскаго государства во время междуцарствія. Нельзя, наконецъ, говорить безъ негодованія о томъ, какъ Польская мнимо-патріотическая школа смотритъ на религіозный вопросъ у Славянъ: ибо въ этомъ ея непослѣдовательность и недобросовѣстность доходитъ до богохульства. Мицкевича затрудняетъ тотъ фактъ, что Польша была чужда и даже враждебна преданію Св. Кирилла и Меѳодія, старавшихся сдѣлать христіанство вразумительнымъ для Славянъ; онъ, правда, объявляетъ, что ихъ трудъ былъ внушенъ Римскимъ престоломъ (что не совсѣмъ ясно доказывается многократными запрещеніями, произнесенными этимъ престоломъ противъ Славянской литургіи еще при жизни Меѳодія и послѣ его смерти, и насильственнымъ подавленіемъ этой литургіи въ Богеміи и Далмаціи). Но какимъ образомъ успѣетъ онъ представить Польшу средоточіемъ христіанской жизни у Славянъ, когда она терпѣла, чтобы христіанство выражалось у нея на чужомъ языкѣ и когда она постоянно, болѣе или менѣе, преслѣдовала Славянское богослуженіе? Такая бездѣлица не останавливаетъ Польскаго теоретика. Все это не бѣда, по его мнѣнію. Не достаточно ли, если религіозное образованіе преподается народу на родномъ языкѣ, но въ состояніи ли онъ понять Писаніе и литургію? Нѣтъ: все равно, переведены ли священныя книги или нѣтъ, произносятся ли «священныя формулы», сопровождающія таинства, по-латыни или по-славянски,—и книги и формулы все же останутся недоступными уму простонародья и будутъ понятны лишь немногимъ ученымъ (См. курсъ I, лекц. 9). Ясно, что христіанство въ понятіи Мицкевича стало простымъ условнымъ обрядомъ, а таинства вѣры — исключительною принадлежностью образованнаго класса. Понятое въ такомъ видѣ христіанство, естественно, должно было потерять свой божественный смыслъ въ теоріи Польскаго патріота, который, выдавая себя за его поборника, приходитъ однакоже къ невольному признанію, что оно въ его глазахъ недостаточно. Считая дѣло Спасителя несовершеннымъ, онъ простосердечно замѣняетъ его коллективнымъ существомъ, Польскимъ народомъ, который, по его мнѣнію, имѣетъ искупить будущія поколѣнія; а для того, чтобы найти опору своей вѣрѣ, онъ прибѣгаетъ къ возвѣщенію чуда: таковъ, дѣйствительно, характеръ появленія новаго Мессіи, котораго Мицкевичъ призываетъ для сверхъестественнаго вмѣшательства въ дѣла людскія.

Мои слова могли показаться жесткими. Но къ чему скрывать негодованіе при видѣ слѣпой страсти, вторгающейся въ святыню мысли, при видѣ людей, исполненныхъ таланта и почитающихъ себя патріотами, которые не устыдились прибѣгнуть къ явной недобросовѣстности, чтобы на ней основать систему, лестную для

ихъ народнаго самолюбія? Повторяю: я не остановился бы на теоріи Мицкевича, если бы она была только личнымъ его произведеніемъ. Но эта теорія есть полное выраженіе началъ и стремленій такъ называемыхъ Польскихъ патріотовъ, всѣхъ писателей и мыслителей Польскихъ, которые одушевлены были вѣрою въ исключительное, особливое призваніе ихъ отечества. Мессіанизмъ Мицкевича есть послѣднее слово всей богатой и дѣятельной литературы, которая началась при паденіи Польши, и которую прославили имена Нѣмцевича, Горецкаго, Мальчевскаго, Гарчинскаго, Залескаго, Гощинскаго, Словацкаго и, надъ всѣми, самого Мицкевича. Потому-то безсиліе и бездѣйствіе наступило въ ней послѣ прежней дѣятельности, какъ скоро Мицкевичъ формулировалъ ея основныя начала. Ибо нелѣпость формулы должна была убить всю школу, которая выразилась въ ней, и односторонне-польское патріотическое направленіе, породившее эти начала, уже не имѣло въ себѣ довольно силъ, чтобы въ замѣнъ ихъ выработать новыя.

VIII.

Одиночество Поляковъ въ общемъ возрожденіи Славянскаго міра. — Неумѣніе воспользоваться событіями совершившимися въ 1848 году. — Возрожденіе Русской народности въ Галиціи. — Численность Русскихъ въ этой странѣ. — Зубрицкій и Головацкій. — Галицко-Русская Матица. — Русскій Народный Домъ во Львовѣ. — Русскія газеты въ Галиціи; ихъ полемика съ Польскими. — Новое направленіе нѣкоторыхъ Польскихъ ученыхъ въ разработкѣ славянскаго вопроса.

Какое мѣсто занимаютъ эти формулированныя Мицкевичемъ начала въ умственномъ мірѣ Славянскомъ? Они вполнѣ соотвѣтствуютъ тому мѣсту, которое занимала въ Славянской семьѣ сама Польша, по общественному своему устройству и народному характеру. Исторія показываетъ намъ, какъ природное братство между людьми и проистекающее изъ него общинное устройство, эти первоначальныя основы Славянскаго быта, со временемъ сдѣлались въ Польшѣ исключительнымъ достояніемъ одного сословія, которое, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и вліяній, стало полновластнымъ хозяиномъ въ государствѣ. Чрезъ то самое начала эти утратили тамъ свою жизненность и сдѣлались какими-то условными, безплодными формами безъ внутренняго смысла. Точно также и Польская теорія, представленная Мицкевичемъ, принимая существованіе коренныхъ началъ Славянскаго племени, не въ силахъ постигнуть ихъ въ природной ихъ широтѣ и въ ихъ органической жизни, и придаетъ имъ характеръ формулы и привилегіи; Польскій народъ является въ этой теоріи съ такимъ же характеромъ шляхетскаго преимущества между

Славянами, какой имѣло въ дѣйствительной жизни «братское сословіе» среди самаго этого народа.

Всѣ произведенія этой литературной школы Польской такъ односторонни, что они не могли имѣть никакого вліянія на другіе славянскіе народы. Понятно, что теорія славянства, выработанная Мицкевичемъ, не встрѣтила въ нихъ сочувствія. Поляки стоятъ одинокими въ Славянскомъ мірѣ. Другіе Славяне сожалѣютъ о нихъ; они желаютъ, чтобы они присоединились къ ихъ стремленіямъ, но не имѣютъ возможности питать къ нимъ дѣйствительнаго сочувствія.

Событія 1848 года дали на нѣсколько времени Австрійскимъ Славянамъ надежду, что Поляки примутъ участіе въ ихъ дѣятельности. Они съ восторгомъ встрѣтили Польскихъ депутатовъ изъ Галиціи, пріѣхавшихъ въ Прагу на Славянскій сеймъ. Но вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, какъ далеко они расходились между собою въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. Поляки хотѣли быть распорядителями и вождями всѣхъ другихъ Западныхъ Славянъ, въ надеждѣ увлечь ихъ къ революціи, на которой они думали основать политическую независимость своего отечества и его первенство въ Славянскомъ мірѣ; Чехи, Моравцы, Словаки, Словенцы, Хорваты, Сербы отвергали напротивъ всякую мысль о насильственномъ переворотѣ и желали только мирнаго развитія своихъ народностей. Обѣ стороны разошлись еще болѣе послѣ закрытія сейма, и встрѣтились потомъ только на полѣ битвы, въ Венгріи: Поляки — сражаясь за революцію и Мадьяровъ, за аристократовъ и тѣснителей Славянъ, другіе Славяне — за порядокъ и равноправность народностей, символомъ чего, по роковому заблужденію, служила тогда для нихъ Австрія. Такимъ образомъ Поляки отстранились отъ всѣхъ своихъ Западныхъ единоплеменниковъ и лишили себя возможности имѣть какое бы то ни было вліяніе на нихъ. Въ это же самое время представилось другое важное обстоятельство, которое тоже не мало способствовало тому, чтобы оттолкнуть всѣхъ Австрійскихъ Славянъ отъ союза съ Польшею. Я разумѣю возрожденіе Русской народности въ Галиціи.

Извѣстно, что въ восточной половинѣ Галиціи живетъ болѣе 2 милліоновъ Малоруссовъ, говорящихъ на томъ же нарѣчіи, какъ поселяне Волынскіе и Подольскіе. Они сами называютъ себя Русскими (*Русинъ* въ единственномъ числѣ, *Русскіе* во множественномъ) и принадлежатъ къ Уніатскому исповѣданію, принимаемому ими за Православную вѣру. Кромѣ того, въ сѣверовосточныхъ округахъ Венгріи, пограничныхъ съ Галиціею, находится до 625,000 этихъ Малороссіянъ. Всѣ они принадлежатъ къ низшему сословію. Дворянство въ Галиціи по большей части Польское, въ Русскихъ округахъ Венгріи—Мадьярское. Сверхъ того Галиція кормитъ безчислен-

ное множество чиновниковъ-Нѣмцевъ и торгашей-Жидовъ. До 1848 года никто не помышлялъ тамъ о Русской народности. Австрійскія власти не признавали даже ея существованія, такъ что, когда, въ 1837 году, одинъ Галицкій патріотъ (Я. Ѳ. Головацкій) вздумалъ издать маленькій альманахъ на народномъ нарѣчіи, Львовская цензура запретила его единственно по причинѣ языка, на которомъ онъ былъ написанъ; ему пришлось печатать эту книжку въ Венгріи, гдѣ цензура была въ то время свободнѣе. Между тѣмъ почтенный ученый старецъ Зубрицкій принялся за разработку отечественныхъ памятниковъ и началъ возстановлять исторію Русской народности въ Галиціи. Онъ, по привычкѣ, еще писалъ свои сочиненія по-польски, но по крайней мѣрѣ указалъ молодому поколѣнію историческія права и значеніе Русской стихіи въ этомъ краѣ. Движеніе, овладѣвшее славянскими народами въ Австріи въ 1848 году, проникло и въ Галицію. Всѣмъ Славянскимъ народностямъ въ имперіи дано было оффиціальное признаніе и обѣщано каждой введеніе ея нарѣчія въ мѣстное дѣлопроизводство и общественное преподаваніе. Естественно, что Русскіе Галичане захотѣли пользоваться этими общими правами, и отвергли Польскій языкъ, господствовавшій до тѣхъ поръ въ ихъ области. Сами Австрійскія власти, испуганныя революціонными попытками Краковскихъ и Львовскихъ Поляковъ, стали вдругъ покровительствовать Галицко-Русской народности, существованія которой онѣ прежде даже не признавали. Галиція раздѣлилась, въ 1848 году, на два враждебныхъ стана: революціонный Польскій и охранительный Русскій. Русскіе основали во Львовѣ общество для литературнаго развитія народной стихіи, подъ именемъ Галицко-Русской Матицы; они учредили, подъ покровительствомъ правительства, институтъ для образованія Русскихъ Галичанъ, подъ названіемъ Русскаго Народнаго Дома во Львовѣ; они основали газеты на Малорусскомъ и отчасти даже Великорусскомъ языкѣ. Освобожденіе крестьянъ въ Галиціи (въ 1848 г.) много способствовало развитію Русской стихіи. Но Поляки напали на эти новыя стремленія съ неимовѣрнымъ озлобленіемъ. Они называли Русскую, или Русинскую народность въ Галиціи выдумкою Австрійскихъ бюрократовъ и упорствовали въ своей ослѣпленной враждѣ къ этой народности, не смотря на благородныя усилія лучшихъ Чешскихъ, Хорватскихъ и Сербскихъ публицистовъ, склонить ихъ, именемъ справедливости и собственныхъ ихъ выгодъ, къ тому, чтобы они отказались отъ мысли налагать свой языкъ и свою народность на племя, желавшее воспользоваться правами внутренней самостоятельности, которыхъ Поляки же требовали для самихъ себя. Вся литература Австрійскихъ Славянъ въ 1848 году полна этой полемики, по случаю эгоистическихъ притязаній Поляковъ на Русскую часть Галиціи.

Однако сами Русскіе дали твердый отпоръ этимъ притязаніямъ. Стремленія народной Галицко-Русской партіи нашли сильную опору въ сочувствіи самаго населенія. Многія сельскія общины участвовали своими пожертвованіями въ учрежденіи Матицы и Львовскаго Народнаго Дома. Періодическія изданія и книги на Русскомъ нарѣчіи распространились въ деревняхъ, гдѣ прежде отъ роду не видали страницы, напечатанной на родномъ языкѣ. Венгерскіе Русины принимали также дѣятельное участіе въ этомъ возрожденіи ихъ народности.

Но возвращаюсь къ предмету, о которомъ я говорилъ. Я изложилъ теоріи о Славянствѣ, какъ онѣ родились въ головѣ Польскихъ патріотовъ, и объяснилъ причины отчужденія другихъ Западныхъ Славянъ отъ этой Польской школы. — Какъ скоро ложь вполнѣ развилась, она падаетъ сама собою. Я сказалъ, что такъ называемая патріотическая школа Польская замолкла послѣ появленія теоріи Мессіанизма, выработанной Мицкевичемъ. Къ тому же политическія событія должны были разсѣять много мечтаній и призраковъ. Въ Польшѣ стало возникать новое направленіе, еще слабое, но которое несомнѣнно принесетъ прекрасные плоды. Къ этому направленію принадлежатъ ученые, каковы: Мацѣіовскій, Лукашевичъ, Бѣліовскій, Гельцель, Бартошевичъ, Малиновскій и многіе другіе, испытующіе безпристрастно показанія исторіи и филологіи. Къ этому направленію принадлежатъ знатоки народа, каковы: Войцицкій, Грегоровичъ, Кольбергъ и многіе молодые и талантливые писатели, изучающіе дѣйствительныя начала славянскаго быта, въ томъ видѣ, въ какомъ они еще живутъ въ Польскихъ деревняхъ. Мы находимъ уже у нѣкоторыхъ писателей старой школы, особенно у Лелевеля, признаки возвращенія къ дѣйствительности, страницы, въ которыхъ истина, сдѣлавшаяся очевидною въ слѣдствіе историческихъ изысканій, беретъ верхъ надъ одностороннимъ духомъ теорій. Новое поприще, открывающееся Польскимъ умамъ, необъятно. Нынѣ писатели новой школы слѣдуютъ еще простымъ эмпирическимъ путемъ; они разработываютъ древніе документы, они схватываютъ въ проявленіяхъ обыденной жизни духовныя начала, существующія въ народѣ. Но день придетъ, я увѣренъ, въ который шаги этой школы сдѣлаются тверже, и она поднимется на большую высоту, чтобы шире смотрѣть на міръ. Съ помощію неотклонимыхъ уроковъ современной исторіи, она мало-по-малу разсѣетъ вѣковые предразсудки Поляковъ, она расширитъ ихъ односторонніе взгляды и дастъ имъ возможность уразумѣть дѣйствительное братство съ славянскими народами. Россія должна въ особенности радоваться этому новому направленію: ибо только оно можетъ дать ей друзей и братьевъ тамъ, гдѣ она имѣла до сихъ поръ лишь подданныхъ или вра-

говъ. Но еще болѣе должна радоваться сама Польша этой новой зарѣ, которую безпристрастный разумъ и благородные труды науки ей возвѣщаютъ. Пусть выйдетъ она изъ своего ослѣпленія! Пусть отвергнетъ аристократическій и народный эгоизмъ, который отчуждалъ ее столько времени отъ всѣхъ славянскихъ племенъ! Пусть проникнется наконецъ убѣжденіемъ, что если она имѣетъ важное значеніе въ славянской семьѣ, то она въ ней все таки не старѣйшина и не распорядительница, и что она займетъ вновь мѣсто среди народовъ Европы тогда только, когда эта могущественная семья возвратитъ ей свое довѣріе и свою опору!

IX.

Чехи—первые провозвѣстники Славянской народности. — «Любушинъ Судъ». — Далимилова лѣтопись. — Пробужденіе Чешской стихіи вслѣдствіе мѣръ императора Іосифа II. — Пельцель и его взглядъ на отношенія Германской и Славянской — стихій. — Добровскій и его взглядъ на Чешскій языкъ. — Графы Штернбергъ и Коловратъ основатели народнаго музея и библіотеки. — Палацкій и «Чешская Матица». — Открытіе памятниковъ древне-Чешской народной поэзіи. — Панславизмъ и его настоящее значеніе. — Роль Словаковъ въ дѣлѣ панславизма. — Коларъ.

Возрожденіе и развитіе Славянскихъ народностей въ разныхъ областяхъ Австріи происходило внѣ Польскихъ вліяній и стремленій и совершенно въ иномъ духѣ. Чехи первые подали знакъ къ этому возрожденію. Имъ принадлежитъ честь перваго проявленія идеи Славянства. Чехи, можно сказать, были предназначены своимъ положеніемъ и своею исторіею къ тому, чтобы сдѣлаться первыми провозвѣстниками Славянской народности. Вдвинутые въ самое сердце Германіи, окруженные Нѣмцами даже въ своей родинѣ, проникнутые нѣмецкимъ образованіемъ, они принуждены бороться всѣми силами, чтобы сохранить свое народное бытіе. Эта борьба заставила ихъ почувствовать и сознать начало народности еще въ такую эпоху, когда это начало не представлялось мысли никакого другаго европейскаго народа. Мы находимъ тому доказательство въ первомъ памятникѣ Чешскаго языка, дошедшемъ до насъ (это вмѣстѣ съ тѣмъ и первый письменный памятникъ, существующій у Славянъ вообще), именно, въ эпической пѣснѣ, относящейся несомнѣнно ко времени Карла Великаго и извѣстной подъ именемъ «Любушина Суда». Княжна Любуша говоритъ тамъ, между прочимъ, своему народу:

«Нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду,
У насъ правда по закону свату *(святому),*
Ю же *(которую)* принесеху отци наши» и т. д.

Эти слова свидѣтельствуютъ о чувствѣ народности, уже весьма ясно понятомъ. Потомъ, въ XIV вѣкѣ, одна Чешская лѣтопись, на-

зываемая Далимиловою, представляетъ намъ идею народности такъ опредѣлительно сознанною и выраженною, что можно бы было подумать, что лѣтопись эта сочинена въ наше время [1]). Страшное искорененіе протестантства въ Богеміи, во время 30-лѣтней войны, надолго подавило всякую жизнь въ этой странѣ. Чехи находились еще въ глубокомъ оцѣпенѣніи, когда императоръ Іосифъ II велѣлъ замѣнить Латинскій языкъ Нѣмецкимъ въ администраціи и училищахъ Богеміи и принялъ разныя мѣры къ уничтоженію въ ней Славянскаго языка. Можетъ быть, и безъ того тамъ уже начиналось нѣкоторое пробужденіе Чешской стихіи, но политика Іосифа II несомнѣнно способствовала этому пробужденію, вызвавъ неудовольствіе противъ насильственнаго, административнаго распространенія нѣмецкаго языка. Въ началѣ это противодѣйствіе было почти незамѣтно; жалкія театральныя піесы, нравоучительныя книжки для народнаго чтенія и нѣсколько сочиненій, касающихся изученія Чешскаго языка, — вотъ какія были первыя попытки этого возрожденія. Любопытно прочесть въ запискахъ Пражской Академіи Наукъ за 1790 годъ разсужденіе Пельцеля объ исторіи отношеній Германской и Славянской стихіи въ Богеміи. Пельцель начинаетъ съ разсказа о томъ, какъ древніе владѣтели Чешскіе покровительствовали первой изъ этихъ стихій, даже въ ущербъ народности собственныхъ своихъ подданныхъ, такъ что уже въ XIV вѣкѣ Прага была полу-нѣмецкимъ городомъ. Онъ описываетъ Славянскую реакцію, извѣстную подъ именемъ Гуситскихъ войнъ, и показываетъ, какъ, по окончательномъ подавленіи этой реакціи въ 30-лѣтнюю войну, Германская стихія получила въ Богеміи перевѣсъ, по видимому неодолимый, и стала распространяться въ ней все болѣе и болѣе. Онъ изъ всего этого хода дѣлъ выводитъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и съ чувствомъ живѣйшей скорби (ибо онъ былъ въ то время, вмѣстѣ съ Добровскимъ, Тамомъ и Прохазкою, почти единственный въ Богеміи человѣкъ, искренно преданный Чешской народности), онъ выводитъ, говорю я, то заключеніе, что черезъ 50 лѣтъ Богемія не будетъ отличаться ничѣмъ отъ Мекленбургіи и Бранденбургіи, гдѣ не осталось другихъ слѣдовъ первобытныхъ славянскихъ жителей, какъ имена деревень и нѣсколько народныхъ повѣрій. А все-таки 50 лѣтъ уже прошло, и, вмѣсто упадка и смерти, совершилось въ Богеміи великое развитіе славянской стихіи, проявилась въ ней новая жизнь. Самъ Добровскій, отецъ славянской

---

[1]) Въ лѣтописи Далимиловой такъ живъ, если можно такъ выразиться, характеръ современности, что Австрійская цензура не позволяла перепечатывать ее, и она могла быть вновь издана только послѣ революціи 1848 года. Но и теперь еще въ училищахъ употребляютъ лишь такое изданіе древняго Чешскаго лѣтописца, въ которомъ выключены выходки противъ нѣмецкой народности.

филологіи, еще не хотѣлъ писать на родномъ языкѣ: онъ считалъ его мертвою рѣчью и изучалъ его съ этой точки зрѣнія. Между тѣмъ выступало новое поколѣніе. Ученые въ трудахъ своихъ обратили вниманіе на Чешскую исторію, Чешскія древности, Чешскій языкъ. Покровительство двухъ вельможъ, носившихъ имена, знаменитыя въ Чешскихъ лѣтописяхъ (графа Каспара Штернберга и графа Коловрата, тогдашняго оберъ-бургграфа Пражскаго), способствовало основанію народнаго музея и библіотеки (1820). Потомъ (въ 1831 г.) учрежденіе это было усилено, по настоянію человѣка энергическаго, г. Палацкаго, образованіемъ общества и капитала для содѣйствія развитію наукъ и словесности Чешской. Общество это, называемое Чешскою Матицею, имѣло огромный успѣхъ. Счастливымъ случаемъ было то, что именно въ эту пору возрожденія (въ 1819 г.) молодой Чехъ, Ганка, открылъ въ какой-то старой кладовой отрывки древнихъ народныхъ пѣсенъ красоты неподражаемой, и Чешская поэзія, которой до тѣхъ поръ недоставали оригинальные народные образцы, нашла въ нихъ чистый и живой источникъ вдохновенія. Новое поколѣніе принялось за дѣло съ рвеніемъ, предвѣщавшимъ Чешской народности блестящую будущность. Поколѣніе это уже не имѣло цѣлію, какъ предшествовавшіе дѣятели, доставлять только какое нибудь чтеніе для назиданія или увеселенія простаго народа, который еще не зналъ понѣмецки; оно не обращалось уже съ Чешской исторіею и филологіею, какъ съ предметами мертвыми. Что̀ Добровскій предпринялъ въ языкознаніи, то примѣнено было молодымъ поколѣніемъ ко всѣмъ отраслямъ умственной дѣятельности. Добровскій создалъ панславизмъ, показавъ живое родство всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Его преемники перенесли идею панславизма въ область историческихъ наукъ и словесности. Прошу своихъ читателей не ужасаться этого слова «панславизмъ», которое я употребляю. Германія, и въ особенности Австрія, боясь Славянъ и ихъ соединенія, старались сдѣлать изъ панславизма какое-то страшилище для Европы, чтобы навлечь на него ненависть Запада; онѣ говорили, что панславизмъ приведетъ Русскіе орлы на берега Адріатики и на Эльбу. Чтобы заподозрить его въ глазахъ Россіи, онѣ придавали ему демагогическій характеръ и пользовались для того мнимо-панславистическими произведеніями Польскихъ публицистовъ. Но духъ этихъ произведеній совершенно противоположенъ и чуждъ, какъ мы ясно показали, духу всѣхъ другихъ Славянскихъ народовъ; впрочемъ, событія 1848 и 1849 годовъ свидѣтельствуютъ, какъ мало въ Австрійскихъ панславистахъ склонности къ демагогіи, и какъ ихъ стремленія, всегда миролюбивыя, неопасны для спокойствія и образованности Запада. Эта идея ученаго и литературнаго панславизма была въ первый разъ

провозглашена Словакомъ; изъ средины Венгріи распространилась она вскорѣ между Славянами Австрійскими. Я полагаю, что это не было простою случайностью. Словаки занимаютъ именно срединное положеніе между всѣми славянскими племенами, соприкасаясь на западъ съ Чехами, на сѣверъ съ Поляками, на востокъ съ Русскими, и простираясь своими поселеніями на югъ до границъ Сербскаго племени. Въ то же время ихъ положеніе, какъ отдѣльнаго народа, чрезвычайно шатко и невыгодно. У нихъ нѣтъ собственной, народной исторіи, тогда какъ она-то всего болѣе нужна, чтобы внушить народу сознаніе его особности, индивидуальности; у нихъ нѣтъ своей отдѣльной земли, ибо ихъ отечество есть вмѣстѣ съ тѣмъ отечество враждебной имъ народности Мадьярской, съ которою ихъ не разграничиваетъ никакая опредѣленная естественная черта; у нихъ нѣтъ никакого города, довольно значительнаго для того, чтобы онъ могъ сдѣлаться ихъ собственнымъ средоточіемъ (главныя средоточія Словаковъ суть два города, принадлежащіе не имъ однимъ, но и чужимъ народностямъ: Пресбургъ и Пештъ); наконецъ, даже языкъ ихъ не носитъ на себѣ печати индивидуальной особности и состоитъ, собственно, изъ нѣсколькихъ переходныхъ нарѣчій между Чешскимъ и Малороссійскимъ языками съ одной стороны и Чешскимъ и Польскимъ съ другой. Присовокупите къ этому, что Словацкое народонаселеніе довольно значительно по числу (Словаковъ считаютъ безъ малаго 3 милліона), что оно отличается чистотою славянскаго характера и быта, что оно трудолюбиво и предпріимчиво и одарено великою силою размноженія, такъ что оно мало-по-малу распространяется на счетъ Мадьярскаго племени—тогда вы поймете важность этого народонаселенія, массы мягкой и не опредѣлившейся рѣзко, которую Провидѣніе какъ бы нарочно поставило по серединѣ разныхъ славянскихъ народностей. Вотъ откуда раздался голосъ, который впервые заговорилъ Славянамъ объ ихъ умственной и нравственной общности и взаимности. Эта слава принадлежитъ сыну бѣднаго сельскаго писаря, предназначавшемуся отцемъ къ ремеслу мясника, Коլару. Онъ сказалъ, что Славянскіе народы составляютъ одну семью, что они должны давать другъ другу нравственную опору, и что ихъ литература и ихъ ученые труды должны восполнять другъ друга взаимнымъ обмѣномъ мысли. Нужно было однако же, по мнѣнію Колара, предупредить излишнее разъединеніе Славянъ въ литературномъ отношеніи: ибо если бы каждое племя захотѣло имѣть литературу на собственномъ своемъ нарѣчіи, то произошелъ бы безвыходный хаосъ. Коларъ подалъ примѣръ самоотверженія: вмѣсто того, чтобы писать на своемъ родномъ языкѣ, онъ издавалъ свои сочиненія по-чешски, потому что Чешскій языкъ обладалъ уже довольно богатою словесностью, и упо-

треблялся Словаками-протестантами въ богослуженіи, съ тѣхъ поръ, какъ Гуситы передали имъ свою Библію и свои молитвенныя книги. По соображенію Колара, Славянское племя должно было имѣть четыре литературы: Русскую, Польскую, Чешскую (для Чеховъ, Моравцевъ и Словаковъ) и Сербскую (для Славянъ въ южной Австріи и въ Турціи). Чтобы подкрѣпить свои мысли и сдѣлать ихъ осязательными, онъ написалъ свою знаменитую поэму, «Дочь Славы», и собралъ въ ней воедино всѣ воспоминанія, которыми Славянское племя можетъ гордиться, и которыя даютъ ему право ненавидѣть своихъ многочисленныхъ притѣснителей.

X.

Чешская литература и наука въ послѣдніе двадцать-пять лѣтъ. — Прага. — Разъединеніе Чеховъ съ Моравцами и Словаками.

Рядъ знаменитыхъ людей выступилъ въ Чехіи. Всѣ они пошли по пути, указанному Коларомъ. Назову только Юнгмана, Челяковскаго, Палацкаго, Пуркине, Ганку, Шафарика, Пресля. Ихъ труды были огромные. Едва прошло четверть столѣтія съ возрожденія Славянской народности въ Австріи, люди, давшіе толчекъ этому движенію, были еще живы, — и уже совершены были успѣхи неимовѣрные. Въ Чехіи возникла цѣлая новая литература. Молодой Чехъ могъ уже пріобрѣсти довольно полное и многостороннее образованіе на родномъ языкѣ, не прибѣгая къ помощи чужихъ литературъ; славянская рѣчь, скрывавшаяся прежде въ деревняхъ и мастерскихъ, поднялась изъ своего униженія; гордая знать Богемская опять считала для себя честію говорить на языкѣ Жижки и Подѣбрада или по крайней мѣрѣ учить ему своихъ дѣтей; само правительство, хотя и неблагопріятствовало этому движенію, боялось однако подавлять его и относилось съ уваженіемъ къ возродившейся Чешской народности. Едва пробудившись сами, Чехи оказали великія услуги всему славянскому просвѣщенію и пріобрѣли своею умственною дѣятельностью болѣе важное значеніе въ славянскомъ мірѣ, чѣмъ какое они могли занимать по своему числу и своей политической силѣ. Ихъ столица заслужила названіе Славянскихъ Аѳинъ. Прага распространяла свое умственное вліяніе на всѣхъ Австрійскихъ Славянъ и служила имъ свѣточемъ. Это была пора обаянія и мечтательныхъ надеждъ.

Но и тогда уже внимательный наблюдатель могъ бы почувствовать нѣкоторыя опасенія. Онъ удивился бы тому, что новое поколѣніе, которое готовилось заступить мѣсто Палацкаго, Юнгмана, Шафарика, Ганки и ихъ сподвижниковъ, было далеко ниже ихъ въ

отношеніи къ таланту и особенно энергіи, что поколѣніе переводчиковъ и журналистовъ должно было смѣнить этихъ строгихъ, сильныхъ мыслителей. И даже, при изученіи произведеній этихъ знаменитыхъ писателей, онъ удивился бы, находя въ нихъ, при превосходной аналитической учености, почти совершенное отсутствіе синтетическаго творчества. Онъ увидѣлъ бы, что, изучая до мельчайшихъ подробностей древности, языкъ, исторію, географію, народную поэзію и преданія Чеховъ и другихъ Славянъ, они теряли изъ виду вопросы жизненные, общественныя и религіозныя начала этихъ народовъ, причины ихъ развитія и паденія. Еще тягостнѣе поразилъ бы его разрывъ между Чехами, Моравцами и Словаками, этими тремя народностями, которыя всегда жили общею умственною жизнію, которыя въ своемъ союзѣ представляли немаловажную силу, а разрозненныя не имѣли бы почти никакого значенія, и которыя, наконецъ, взаимно дополняли другъ друга: ибо если Чехи вносили въ общее дѣло болѣе развитое образованіе и бо́льшую привычку къ умственной дѣятельности, то они могли напротивъ заимствовать отъ своихъ братьевъ чистоту славянскаго характера и природную энергію, утратившіяся въ Богеміи подъ наплывомъ чужихъ стихій.

Союзъ казался окончательно упроченнымъ съ развитіемъ умственной дѣятельности славянской въ Прагѣ, дѣятельности, которую вызвали общими силами Чехи, каковы — Юнгманъ и Челяковскій, Моравцы, каковъ — Палацкій, Словаки, каковы — Коларъ и Шафарикъ. Но тогда-то именно произошелъ разрывъ: ибо союзъ былъ собственно только искусственный. Хотя языкъ у нихъ общій, однако Чехи и Моравцы не считаютъ себя однимъ народомъ; они смотрятъ другъ на друга, какъ на чужихъ. Между ними существуетъ много началъ разъединенія. Въ Богеміи славянская народность сохранилась одинаково въ городахъ и селахъ; повсюду болѣе или менѣе искаженное смѣшеніемъ съ многочисленными колоніями нѣмецкими, Чешское населеніе тамъ весьма развито въ умственномъ отношеніи, оно одушевлено великими историческими воспоминаніями и весьма склонно къ религіозной свободѣ, отъ которой оно отказалось лишь послѣ двухвѣковаго геройскаго сопротивленія. Въ Моравіи, напротивъ, города почти совсѣмъ нѣмецкіе, но села зато, большею частію, чистославянскія. Моравцы лучше сохранили древній славянскій характеръ и обычаи; но они по большей части простые поселяне, весьма мало развитые, бѣдные историческими воспоминаніями, и которые, вмѣсто того, чтобы являть, подобно Чехамъ, склонность къ протестантизму и какое-то смутное стремленіе къ первобытному и народному христіанству, отличаются, напротивъ, слѣпымъ довѣріемъ къ католическому духовенству. Духовенство это поняло выгоды своего по-

ложенія въ Моравіи: оно поставило себя тамъ покровителемъ и защитникомъ Славянской народности, но воспользовалось этимъ покровительствомъ, чтобы овладѣть монополіею книгъ для народнаго чтенія. Оно создало въ Моравіи особенную славянскую простонародную литературу, и успѣло отстранить этотъ край отъ вліянія Чеховъ.

XI.

Штуръ и его сторонники, представители Словацкой народности. — Смѣшеніе нарѣчій въ Словацкой литературѣ.

Словаки отторглись отъ Чеховъ еще легче. Словацкая земля отдалена отъ Чехіи и почти вовсе не имѣетъ съ нею сношеній Чехъ и Словакъ еще болѣе чужды другъ другу, нежели Чехъ и Моравецъ; ихъ нарѣчія различны. Католическое духовенство давно уже стало употреблять народный языкъ для образованія Словаковъ, желая отклонить ихъ отъ чтенія протестантскихъ, Чешскихъ книгъ, весьма распространенныхъ въ сѣверной Венгріи. Коларъ, — протестантскій пасторъ,—напротивъ проповѣдывалъ, какъ мы видѣли, литературное единство съ Чехами. Но его преемники не хотѣли слѣдовать его примѣру. Штуръ, Годжа, Гурбанъ и другіе протестантскіе писатели, явившіеся между Словаками, сказали, что всякая славянская народность имѣетъ право обработывать литературно свой собственный языкъ, что совершенно несправедливо было бы предпочитать чужое, обѣднѣвшее и исполненное германизмовъ нарѣчіе своему родному, болѣе богатому, звучному и свободному языку, что, наконецъ, для образованія Словацкаго народа нужно говорить ему на его собственномъ языкѣ. Буря нападокъ и брани поднялась противъ Штура и его сторонниковъ, которыхъ называли сѣятелями распри и измѣнниками общему дѣлу. Несмотря на то, они остались при своихъ убѣжденіяхъ и одержали побѣду. Они стали писать книги, поэмы, издавать газеты на простонародномъ нарѣчіи. Но положеніе ихъ было весьма затруднительно. Независимо отъ борьбы съ Чехами и отъ сильныхъ преслѣдованій, которымъ они подвергались со стороны Мадьяръ, они не были въ состояніи соединиться между собою. Мы знаемъ, что Словаки не составляютъ рѣзко обособленной народности, и что ихъ рѣчь не имѣетъ опредѣленнаго типа, но можетъ быть названа скорѣе сборомъ переходныхъ нарѣчій между нѣсколькими изъ славянскихъ языковъ. Которое изъ этихъ нарѣчій слѣдовало принять за литературный языкъ? Каждый писатель употреблялъ свое, и нарѣчіе это, перенесенное въ область словесности, становилось для всего остальнаго края такимъ же условнымъ языкомъ, какимъ былъ языкъ Чешскій для Словаковъ, которые его за это и отвергли. Ни-

кто не хотѣлъ сообразоваться съ нарѣчіемъ, которое предлагалъ тотъ или другой литераторъ, всякій писалъ по-своему. Словацкая литература представляется какимъ-то хаосомъ. Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что изъ этого хаоса выработаются плодотворныя начала.

XII.

Рознь въ средѣ южно-Австрійскихъ Славянъ. — Словенцы, Хорваты, Сербы. Досиеей Обрадовичъ основатель новой Сербской словесности. — Копитаръ и его вредное вліяніе на Славянское дѣло. — Вукъ Караджичъ: его собраніе народныхъ Сербскихъ пѣсенъ и азбука имъ изобрѣтенная.

Такое же несогласіе господствовало у Славянъ въ южной Австріи. Совершенно разобщенные съ Чехами, Моравцами и Словаками массою чужихъ народовъ, Нѣмцевъ на западѣ, Мадьяровъ по срединѣ и Валаховъ на востокѣ, они не могли согласиться даже между собою. Ихъ умственное соединеніе въ одной общей Сербской литературѣ осталось мечтою Колара. Ихъ положеніе и религіозныя начала разобщаютъ ихъ дѣятельность. Словенцы въ Штиріи, Краинѣ и Истріи составляютъ небольшой отдѣльный народъ въ 1.200,000 душъ. Они находятся подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства; города въ ихъ странѣ нѣмецкіе и итальянскіе; сами они заключены въ своихъ горахъ и долинахъ, гдѣ сохранили свой языкъ и свои обычаи скорѣе по привычкѣ, чѣмъ по чувству народности. На востокъ отъ Словенцевъ живутъ Хорваты, еще менѣе значительные числомъ (ихъ считаютъ 800,000), и которыхъ нарѣчіе, не имѣющее рѣзко опредѣленнаго типа, составляетъ переходъ между языками Словенскимъ и Сербскимъ, но которые сильны чувствомъ своей вѣковой конституціонной независимости, утраченной лишь въ 1850 году. Наконецъ, всѣхъ многочисленнѣе, но и всѣхъ разъединеннѣе — Сербы. Сербы Далматинскіе, заключенные въ узкой полосѣ между Адріатическимъ моремъ и Турецкою границею, совершенно отрѣзаны отъ своихъ соплеменниковъ; Сербы — граничаре и Сербы Славонскіе раздѣлены между собою религіозною враждою: исповѣдующіе католическую вѣру смотрятъ съ пренебреженіемъ на своихъ православныхъ братій, которыхъ обозначаютъ презрительнымъ именемъ *Влаховъ* (т. е., мужиковъ, пастуховъ); православные же считаютъ католиковъ народомъ чужимъ, недостойнымъ даже носить имя Сербовъ (которое послѣдніе, впрочемъ, сами отвергли, довольствуясь мѣстными наименованіями, смотря по странѣ, въ которой они живутъ). Наконецъ, Сербы Австрійской Воеводины, занимающіе обширное пространство на юго-востокѣ Венгріи и принадлежащіе къ Восточной церкви,

составляютъ сплошное населеніе только въ уголкѣ между низовьемъ Савы и Дуная. Въ огромныхъ же равнинахъ Темешварскаго Баната, Бачки и Бараньи, которые были въ старину исключительно въ рукахъ Сербовъ, и на которые они и теперь имѣютъ права,—ибо своею кровью освободили эти земли отъ Турокъ и возвратили ихъ хлѣбопашеству,—мы находимъ неимовѣрное смѣшеніе народностей. Страна эта имѣетъ видъ мозаики Сербскихъ, Мадьярскихъ, Нѣмецкихъ и Румынскихъ деревень, перемѣшанныхъ въ совершенномъ безпорядкѣ; въ каждомъ селеніи повторяется то же смѣшеніе, происшедшее тамъ мало-по-малу, въ слѣдствіе перехода поземельной собственности изъ рукъ въ руки. Теперь въ цѣлой Воеводинѣ осталось, кажется, только одно чисто Сербское село.

Умственная дѣятельность проявилась сперва въ этомъ краѣ, между православными Сербами. Монахъ, покинувшій свою обитель, чтобы идти учиться въ Германію и въ Грецію, Досиѳей Обрадовичъ (умершій въ 1811 г.) положилъ начало новой Сербской словесности, замѣнивъ Церковно-Славянскій языкъ, дотолѣ употреблявшійся въ книгахъ, народнымъ нарѣчіемъ. Онъ однако же не хотѣлъ разрывать связи между новымъ Сербскимъ языкомъ и древнею рѣчью, которая составляетъ общую собственность всѣхъ православныхъ Славянъ. Принимая за образецъ Русскаго поэта Ломоносова, онъ заимствовалъ изъ Церковнаго языка всѣ тѣ богатства, которыя казались ему соотвѣтствующими духу его народа. Его успѣхъ былъ значителенъ. Многіе молодые Сербскіе литераторы пошли по его слѣдамъ. Они основали (въ 1828 г.) въ Пештѣ, гдѣ они большею частію учились въ университетѣ, литературное общество, которое послужило образцомъ для Пражской Матицы и ознаменовало первые годы своего существованія весьма полезными трудами.

Направленіе это не нравилось однако католикамъ и Австріи. Оно слишкомъ громко провозглашало свою привязанность къ древней, Церковно-Славянской словесности, нераздѣльно связанной, у славянскихъ народовъ, съ преданіями православной церкви. Былъ въ то время человѣкъ, по происхожденію Словенецъ, одинаково извѣстный по своимъ ученымъ трудамъ и по тому вредному вліянію, которое онъ имѣлъ на славянское дѣло: это былъ Копитаръ. Онъ былъ первымъ изъ тѣхъ людей, мало дорожившихъ своею совѣстью, которые, снискавъ себѣ, своею ученою дѣятельностью, извѣстное значеніе въ славянскомъ мірѣ, пользовались имъ потомъ, чтобы продать дорого свои услуги Австріи. Онъ сдѣлался ея довѣреннымъ лицомъ и ея агентомъ въ вопросахъ славянскихъ. Даже въ дѣлѣ науки, въ которой Копитаръ имѣетъ несомнѣнныя заслуги, можно замѣтить въ немъ мысль, враждебную Славянскому духу и Восточной церкви: ибо все, чтò онъ

писалъ, имѣетъ цѣлью унизить значеніе Кириллицы, священнаго письма православныхъ Славянъ, доказательствами въ пользу старшинства Глагольской азбуки (пользовавшейся, какъ извѣстно, покровительствомъ Рима), которой Кириллъ и Меѳодій были, по его словамъ, только подражателями, и въ пользу того мнѣнія, будто Славянскіе просвѣтители перевели Писаніе не на языкъ племени, принадлежащаго къ Восточной церкви, на древній языкъ Болгаръ, какъ обыкновенно принимаютъ и какъ подтверждаютъ несомнѣнно новѣйшія открытія, а на языкъ Иллирійскихъ Словенцевъ, находившихся всегда подъ властію Рима. Этотъ Копитаръ подружился съ молодымъ Сербомъ, Вукомъ Караджичемъ, который перешелъ въ Австрію съ остатками войска Карагеоргія, и ученость котораго ограничивалась въ то время умѣніемъ читать и писать. Караджичъ отличался умомъ замѣчательнымъ и необыкновеннымъ знаніемъ народныхъ свойствъ и преданій Сербскаго племени. Онъ образовался нѣсколько при соприкосновеніи съ Сербскими литераторами въ Пештѣ. Копитаръ побудилъ его къ составленію новой Сербской азбуки, которая совершенно отрывалась отъ Кирилловскаго преданія, сохраняя только наружную форму Русскихъ буквъ, но вводя Латинскую систему правописанія. Съ помощью Копитара, Вукъ издалъ этой азбукою нѣсколько книгъ, чрезвычайно важныхъ для знакомства съ Сербскимъ народомъ, съ его языкомъ, обычаями и повѣріями. Онъ отвергалъ въ своихъ сочиненіяхъ всякое общеніе съ Церковно-Славянскою и Русскою литературою и требовалъ, чтобы Сербскіе писатели ограничились стенографическимъ, такъ сказать, воспроизведеніемъ народной рѣчи; онъ совѣтовалъ имъ даже предпочитать, при заимствованіи чужихъ словъ, Турецкія Церковно-Славянскимъ или Русскимъ. Копитаръ распространилъ его славу въ Германіи. Неподражаемая красота народныхъ пѣсенъ Сербскихъ, которыя Вукъ собралъ и издалъ, снискала ему признательность всѣхъ Славянъ и большое значеніе между ними. Его превозносили похвалами, особенно въ Россіи. Онъ нашелъ нѣсколькихъ послѣдователей между Сербскими литераторами. Однако, чего не поняли въ Россіи, то было понято Сербами. Они замѣтили, что Вукъ разрывалъ преданіе, связывавшее ихъ съ дѣломъ Св. Кирилла, и что азбука, имъ изобрѣтенная, вела ихъ прямо къ принятію азбуки Латинской (которая служитъ у Славянъ символомъ католицизма). Живая и шумная полемика возгорѣлась по случаю этой азбуки. Противники Вука, которыхъ сперва осмѣивали, какъ педантовъ и противниковъ прогресса, стояли однако такъ твердо, что, по видимому, одержали побѣду. Книги, печатаемыя въ Австріи для чтенія православныхъ Сербовъ, продолжаютъ издаваться старымъ правописаніемъ: иначе духовенство и народъ отвергли бы ихъ, какъ писанныя въ духѣ Латинскомъ. Давидовичъ, заслужен-

ный Сербскій писатель, который былъ секретаремъ князя Милоша, побудилъ его произнести, въ 1833 году, запрещеніе противъ изданій, напечатанныхъ азбукою Вука; и запрещеніе это было возобновлено, въ 1849 году, Сербскимъ Верховнымъ Совѣтомъ. Впрочемъ, направленіе Вука вскорѣ совершенно обнаружилось. Онъ издалъ, въ 1846 г., переводъ Новаго Завѣта на простонародный Сербскій языкъ, и въ переводѣ этомъ нашли, кромѣ ложно истолкованныхъ мѣстъ, одно, которое имѣло прямо цѣлію приписать Св. Петру верховную власть надъ апостолами; узнали также, что переводъ этотъ былъ изданъ на счетъ Римской пропаганды.

Раздоръ, произведенный Вукомъ въ Сербской литературѣ, имѣлъ на нее весьма пагубное вліяніе. Онъ задержалъ ея развитіе. Лучшія силы ея обратились на безплодную полемику о томъ, можетъ ли существовать литературное преданіе, или писатели должны ограничиваться, въ слогѣ и правописаніи, мелочнымъ воспроизведеніемъ простонароднаго говора.

XIII.

Д-ръ Гай основатель особой литературной школы въ Загребѣ (Аграмѣ). — Введеніе Латинскаго алфавита въ словесность Хорватскую. — Покровительство Австрійскаго правительства *Иллирской* литературѣ. — Борьба Хорватовъ и Славонцевъ съ Мадьярами. — Усобица между Хорватами и Сербами. — Литература Словенцевъ. — Поэтъ Прешеринъ. — Лужицкіе Славяне въ Саксоніи и Пруссіи.—

Между тѣмъ въ Загребѣ (Аграмѣ) образовалась третья литературная школа. Ее основалъ нѣкто Д-ръ Гай, человѣкъ извѣстный, какъ одно изъ самыхъ искусныхъ орудій Австрійской политики. Эта литература должна была служить Хорватамъ и Сербамъ-католикамъ въ Славоніи, Далмаціи и Босніи. Хорватское нарѣчіе, употребляемое народомъ въ Загребѣ и его окрестностяхъ, было слишкомъ бѣдно и неопредѣленно, для того, чтобы оно могло сдѣлаться языкомъ литературнымъ. Потому Гай принялъ Сербскій языкъ, но сталъ писать на немъ латинскими буквами. Но чтобы не назвать этого языка Сербскимъ, такъ какъ въ этомъ имени народъ привыкъ заключать представленіе о православіи, Гай придумалъ названіе *Иллирскаго* языка и *Иллирской* литературы.

Литература эта сперва пользовалась особеннымъ благорасположеніемъ Австрійскаго правительства. Надѣялись, что къ ней присоединятся мало-по-малу православные Сербы наравнѣ съ Сербами-католиками. Притомъ имѣли въ виду возможность употребить здѣсь идею Славянства, какъ полезное орудіе. Кроація и Славонія входили въ составъ Венгріи, но имѣли свою особую конституцію и права, одинаковыя съ королевствомъ Св. Стефана. Въ это именно время дво-

рянство Мадьярское, опираясь на свои вѣковыя привилегіи, начало поднимать вопросъ о народности и упорно противодѣйствовало замысламъ Вѣнскаго кабинета, стремившагося къ централизаціи. Оно уже сильно затрудняло его политику. Если бы Кроація и Славонія могли быть увлечены такимъ же движеніемъ, но въ противную сторону, то значительная часть силъ Мадьярской партіи была бы парализована. Гай сдѣлался самымъ жаркимъ проповѣдникомъ Славянства; газета, имъ издаваемая, нашла сильный отголосокъ въ цѣломъ краѣ; Хорватское дворянство, сопротивлявшееся требованіямъ Мадьяровъ, стало поддерживать ее. Загорѣлась дѣятельная борьба между Хорватами и Славонцами, которые дорожили своими провинціальными правами, и Пресбургскимъ сеймомъ, который хотѣлъ навязать на нихъ Мадьярскій языкъ и Мадьярскіе законы. На выборахъ 1841 и 1845 годовъ дѣло доходило до кровопролитія. Большая дѣятельность, литературная и политическая, возникла въ Кроаціи. Загребъ сдѣлался значительнѣйшимъ, послѣ Праги, умственнымъ средоточіемъ у Австрійскихъ Славянъ. Тамъ принялись за перепечатываніе памятниковъ старой словесности Дубровницкой (Рагузанской), давно преданной забвенію, и въ нихъ нашли прекрасные образцы языка и стиха. Молодые писатели, одаренные талантомъ и отличавшіеся большею чистотою характера, чѣмъ тотъ человѣкъ, который имъ открылъ дорогу, успѣли уже составить въ Загребѣ цѣлую литературную школу. Таковы были Станко Вразъ, братья Мажураничи, Кукулевичъ, Вукотиновичъ, Боговичъ и другіе. Но странная неопредѣленность народнаго имени все еще не прекращалась. Сербы возстали противъ этой школы, которая пользовалась ихъ языкомъ, ихъ преданіями и ихъ народною славою и, прикрывая себя классическимъ именемъ, не имѣющимъ смысла въ дѣйствительной жизни, хотѣла исключить ихъ изъ числа народовъ. Приверженцамъ такъ называемаго Иллиризма нечего было возражать на это. Они, впрочемъ, сами вскорѣ отказались отъ этого имени, которое оставалось чуждымъ народу. Политическія событія все болѣе и болѣе требовали отъ нихъ практической дѣятельности: имъ нужно было распространить въ народѣ идеи о Славянствѣ, чтобы найти опору противъ Мадьяровъ, которые становились со дня на день смѣлѣе и враждебнѣе. Общее наименованіе «Юго-Славянъ», предложенное нѣкоторыми писателями, имѣло тоже неудобство, будучи только научнымъ терминомъ. Пришлось обратиться къ имени «Хорваты», которое представляло по крайней мѣрѣ нѣчто живое и осязательное. Но по какому праву Хорваты употребляли Сербскій языкъ и требовали, чтобы ихъ городъ былъ умственнымъ центромъ Сербскаго народонаселенія, въ-шестеро болѣе многочисленнаго, нежели они сами? Обратились къ историческимъ памятникамъ, и нашли, что въ X вѣкѣ

Далматскіе Славяне назывались Хорватами, и что тогда существовало Хорватское королевство, обнимавшее не только Кроацію и Далмацію, но и Боснію. Если большая часть земель, въ которыхъ нынѣ господствуетъ языкъ Сербскій, въ старину называлась Хорватскою землею, сказали Загребскіе писатели, то Сербскій языкъ и Сербскія преданія наши, и мы имѣемъ полное право пользоваться ими, не будучи обязаны ограничиться испорченнымъ нарѣчіемъ маленькой области, сохранившей это, прежде столь распространенное, народное имя, или отказаться отъ имени Хорватовъ и принять имя Сербовъ, которое ввело бы насъ въ чужой религіозный міръ. Сербы, разумѣется, стали кричать, что у нихъ похищали ихъ народныя сокровища, и, обращая силлогизмъ въ противоположную сторону, могли сказать, что если край, въ древности извѣстный подъ именемъ Хорватскаго, нынѣ употребляетъ Сербскій языкъ, то вся исторія Хорватовъ есть ихъ собственность, и что Хорваты не имѣютъ права считать себя особымъ народомъ. Въ этомъ замѣтно, и еще въ сильнѣйшей степени, то странное явленіе, которое уже поразило насъ въ отношеніяхъ Чеховъ и Моравцевъ: мы опять видимъ два племени, говорящихъ на одномъ языкѣ, имѣющихъ общія преданія и общее прошедшее, и которыхъ однако же раздѣляетъ непреодолимое соперничество.

Надобно сказать еще нѣсколько словъ о литературѣ Словенской, возникшей въ Люблянѣ (Laibach) и Цѣловцѣ (Klagenfurth) въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Ея образованію содѣйствовало въ особенности католическое духовенство. Оно не хотѣло, чтобы Словенцы въ Штиріи и Краинѣ присоединились къ умственному движенію Хорватовъ и Сербовъ, не смотря на близость ихъ нарѣчій; оно опасалось, чтобы такое соединеніе не открыло Словенцамъ доступъ къ произведеніямъ Сербовъ «схизматиковъ». Нельзя требовать, чтобы литература, предназначенная для горсти Альпійскихъ поселянъ, имѣла блистательное развитіе. Въ ней однако же появился поэтъ съ несомнѣннымъ талантомъ, Прешеринъ, оставшійся въ неизвѣстности, потому что его голосъ не раздавался далѣе тѣсныхъ предѣловъ Словенскихъ долинъ.

Чтобы дополнить эту картину Западно-Славянскихъ литературъ и ихъ возрожденія, слѣдуетъ перенестись на сѣверъ, за границу Австріи, въ предѣлы Саксоніи. Въ этомъ королевствѣ, гдѣ такъ сильно обозначился Нѣмецкій характеръ, равно какъ въ той части Лузаціи, которая была отдѣлена отъ него въ 1815 году и присоединена къ Пруссіи, сохранился, какъ островокъ, небольшой Славянскій край. Жители его, числомъ не болѣе 150,000, удержали имя Сербовъ; Нѣмцы называютъ ихъ Вендами; бо́льшая часть ихъ протестанты, и только 10,000 принадлежатъ къ Римской церкви. Лю-

бопытно видѣть, какъ населеніе, столь малочисленное и потерянное средя массы Нѣмцевъ, умѣло, своимъ постоянствомъ и своею смышленостью, сохранить свою народность, и какую силу сопротивленія оно выказываетъ противъ германской стихіи, которая окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Но его числительная слабость лишаетъ его значенія въ Славянскомъ мірѣ, и его литературныя стремленія развились подъ вліяніемъ Чеховъ, пробужденіе которыхъ вызвало изъ усыпленія Лужицкихъ Славянъ. Впрочемъ, это маленькое племя трудится на поприщѣ умственной дѣятельности съ ревностію, которая могла бы служить образцомъ для болѣе сильныхъ народовъ; оно имѣетъ теперь на своемъ языкѣ почти всѣ необходимыя для первоначальнаго образованія книги; оно имѣетъ свою газету, и литературное Славянское общество въ Будышинѣ (Bautzen) съ успѣхомъ занимается обработкою роднаго языка.

XIV.

Общая идея въ литературахъ всѣхъ Западно-Славянскихъ племенъ. — Какъ понимаютъ западные Славяне народность? — Въ чемъ состоитъ слабость Западно-Славянскаго міра противъ Германскаго?

Всѣ эти литературы, всѣ эти разнообразныя стремленія имѣютъ однако же общій характеръ; онѣ проникнуты одною общею идеею. Эта идея, которая бросается въ глаза въ каждомъ произведеніи Австрійскихъ Славянъ, равно какъ и Лужицкихъ Сербовъ, есть идея народности. Народность есть ихъ общій девизъ. Съ этимъ девизомъ они боролись противъ преобладанія иноземныхъ стихій. Съ этимъ же девизомъ они разошлись между собою, съ нимъ Словаки разорвали литературную связь съ Чехами, съ нимъ школа Вука отвергла литературныя преданія своего отечества, чтобы ограничиться единственно современною жизнію народа, съ нимъ Хорваты и Словенцы образовали свои особыя литературы.

Идея народности такъ важна по тому значенію, которое она имѣла и имѣетъ еще въ Западно-Славянскомъ мірѣ, что нужно вникнуть въ ея смыслъ, дабы дать себѣ отчетъ о характерѣ умственной и политической жизни этихъ племенъ. Чтò такое народность, какъ ее понимаютъ Западные Славяне? Это есть право каждаго племени на свое индивидуальное существованіе, право быть самимъ собою, т. е.. говорить и писать на своемъ языкѣ, сохранять свои преданія и быть управляемымъ, какъ особое племя. Идея народности не представляетъ Западнымъ Славянамъ ничего больше; въ ней они не видятъ никакого другаго начала. Но понятая въ этомъ смыслѣ народность есть, очевидно, нѣчто внѣшнее и отрицательное, форма безъ поло-

жительнаго содержанія. Она значитъ просто то, чтобы *не быть* Нѣмцемъ, Итальянцемъ или Мадьяромъ, когда человѣкъ родился Славяниномъ, чтобы *не быть смѣшиваему* правительствомъ съ другими народами. Но чтò говорить и дѣлать въ качествѣ Славянъ, чего бы еще не сказали и не сдѣлали или не могли сказать и сдѣлать также хорошо Нѣмцы, Итальянцы и Мадьяры? Какое жизненное начало можетъ отличить Чеха, Словака, Хорвата, Словенца, Лужичанина отъ чужихъ народовъ, ихъ окружащихъ? Чтò даетъ имъ право на бытіе, право сказать, что была бы потеря для рода человѣческаго, если бы они слились съ своими сосѣдями, Нѣмцами, Итальянцами или Мадьярами? Это такіе вопросы, о которыхъ Западные Славяне не думаютъ, и на которые они не дадутъ отвѣта.

Дѣло въ томъ, что они сохранили только внѣшнюю форму Славянской стихіи, языкъ, обычаи, преданія. Если въ глубинѣ личныхъ характеровъ живетъ Славянскій духъ, то эти врожденныя чувства, этотъ врожденный складъ мысли требовали бы совершенно иной среды, чтобы получить плодотворное развитіе. Но по своимъ общественнымъ началамъ, по своимъ религіознымъ идеямъ, по всей своей умственной сферѣ, Славяне эти принадлежатъ чужому міру, протестантскому и католическому Западу [1]; и этотъ чужой міръ, убивъ въ нихъ органическое развитіе Славянской жизни, далъ имъ въ замѣнъ лишь условныя формы.

Вотъ чѣмъ объясняется отсутствіе чувства единства у этихъ народовъ: ибо чувство это дается только тождественностью нравственныхъ и общественныхъ началъ; сходство языка, обычаевъ и преданій не въ состояніи создать его. Вотъ почему каждое племя у Западныхъ Славянъ стремится составить, въ умственномъ мірѣ, отдѣльную единицу; вотъ почему тамъ до такой степени размножились отдѣльныя мелкія литературы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ каждое племя и каждое нарѣчіе имѣетъ одинаковыя со всѣми прочими право на индивидуальное бытіе, то оно и стремится пользоваться этимъ правомъ, потому что нѣтъ общаго внутренняго начала, въ силу котораго оно отказалось бы добровольно отъ своего права въ пользу единства. Вспомнимъ о Германіи, раздѣленной на 36 государствъ и говорящей на множествѣ областныхъ нарѣчій, гораздо болѣе разнородныхъ и непонятныхъ другъ другу, нежели самыя отдаленныя вѣтви Славянскаго языка, и которая тѣмъ не менѣе живетъ одною умственною жизнію, имѣетъ одну литературу; сравнимъ ее съ Сла-

[1]) Нѣкоторыя стихіи духовной самостоятельности представляютъ, между Австрійскими Славянами, православные Сербы; но они въ этомъ отношеніи принадлежатъ къ другому міру, къ южнымъ Славянамъ, которыхъ средоточіе находится въ Турціи; потому мы въ этомъ вопросѣ оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

вянскими племенами, которыя, находясь въ одной Австрійской имперіи и имѣя между собою столько общаго, породили однако 7 или 8 разныхъ литературъ, и мы поймемъ значеніе этой внутренней связи общественныхъ и нравственныхъ началъ. Есть еще другія отличительныя черты, свойственныя Западнымъ Славянамъ и происходящія изъ того же источника. Они сильны въ первую минуту увлеченія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы востребовать себѣ право говорить и писать на своемъ языкѣ и принадлежать своей народности; но они тотчасъ являются безсильными, коль скоро эта первая борьба съ чужими вліяніями кончится, и настаетъ время ознаменовать свою умственную независимость чѣмъ нибудь положительнымъ. Почти всѣ литературныя произведенія Западныхъ Славянъ суть подражанія иностраннымъ образцамъ, или если они хотятъ быть оригинальными, то оригинальность ихъ заключается лишь въ формѣ, перенесенной изъ народной рѣчи и поэзіи, тогда какъ въ общемъ планѣ созданія и въ идеяхъ не видно творческой свободы и силы. Ихъ ученые труды запечатлѣны, какъ я уже замѣтилъ, характеромъ аналитической учености, не восходящей до открытія органическихъ началъ. Потому-то и стремленія ихъ въ области умственной весьма скромны. Спросите ихъ, какая главная цѣль ихъ усилій въ наукѣ, и они вамъ отвѣтятъ, что цѣль эта — передать своему народу результаты Нѣмецкой науки, такъ чтобы онъ не имѣлъ нужды онѣмечиваться для полученія образованія. И можетъ быть, присовокупляютъ они охотно, удастся намъ освободить эти результаты Нѣмецкой науки отъ ихъ педантическаго и отвлеченнаго характера: какъ будто бы была возможность исправить внѣшній типъ этой науки безъ повѣрки ея положеній и ея метода! Мысль о самостоятельномъ и свободномъ участіи въ умственномъ трудѣ человѣчества не является имъ даже, какъ отдаленная мечта. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли эти народы помышлять даже о второстепенной, даже о простой литературной и ученой дѣятельности подлѣ Германія, которая подавляетъ ихъ своею могущественною работою? Едва успѣваютъ они охранять свой языкъ и внѣшніе признаки своей народности. Состязаніе было бы, конечно, возможно, если бы Австрійскіе Славяне составляли, подобно Германіи, одинъ духовный и нравственный организмъ. Но начала, которыя одни могли бы дать имъ эту органическую связь, забыты или отвергнуты въ продолженіе вѣковъ. И вотъ мы видимъ эти семнадцать милліоновъ Славянъ разъединенными, разсѣянными, страдательно подчиняющимися иноземному владычеству, въ которомъ они сами, по видимому, чувствуютъ потребность, служащими орудіемъ враждебному племени и враждебной жизни, бездѣйственно стоящими подлѣ Запада, который подступаетъ къ нимъ все

ближе и ближе, который покрываетъ ихъ своими желѣзными дорогами, наводняетъ ихъ своими книгами, водворяетъ между ними свои колоніи и свои фабрики, втягиваетъ ихъ въ себя и поглощаетъ всѣ ихъ силы.

Но не слѣдуетъ еще отчаяваться въ будущности этихъ народностей, которыя только что выходятъ изъ многовѣковаго оцѣпенѣнія. Невозможно было, чтобы племена, едва получившія, можно сказать, право на существованіе, не захотѣли воспользоваться имъ каждое для себя и тотчасъ отказались отъ него для удовлетворенія требованіямъ единства, какъ бы требованія эти ни были законны и полезны. Невозможно было, чтобы, проживъ столько вѣковъ подъ властію Германій, они сохранили невредимо начала, которыя могли бы дать имъ органическую, своеобразную жизнь и создать у нихъ духовное единство, подобное тому, какимъ Германія обладаетъ уже столько времени. Начала эти Западнымъ Славянамъ придется пріобрѣтать вновь тяжелымъ трудомъ, черпая изо всѣхъ источниковъ, гдѣ Славянскія стихіи уцѣлѣли въ большей чистотѣ, и лишь послѣ долговременной работы духовнаго и общественнаго обновленія успѣютъ они составить естественный союзъ народностей, свободно соединенныхъ между собою общимъ духомъ, тамъ, гдѣ мы видимъ нынѣ лишь слабыя, разрозненныя племена, и гдѣ ученые тщетно силились установить искусственныя группы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1848 годъ: его послѣдствія для Австрійскихъ Славянъ и ихъ настоящее положеніе.

I.

Идея народности и ея жертвы въ 1848 г. — Программа Палацкаго. — Славянскій сеймъ въ Прагѣ. — Славяне спасаютъ Габсбургскую монархію. — Гавличекъ. — Народный сходъ Сербовъ въ Карловцахъ. — Для чего Славянамъ нужно было спасать Австрію?

Наступилъ 1848 годъ, память котораго Западные Славяне проклинаютъ, но который они обвиняютъ напрасно, потому что событія его лишь разсѣяли ихъ обманчивыя мечты и обнаружили ихъ слабость. Всякій политическій порядокъ вдругъ прекратился въ Австріи. Разные народы, составлявшіе эту державу, Нѣмцы, Итальянцы, Мадьяры, устремились по новымъ путямъ, полные одушевленія и надеждъ. Какая же была роль Австрійскихъ Славянъ въ эту критическую минуту? Они явили геройскую твердость въ защитѣ своей народности отъ враждебныхъ покушеній Нѣмцевъ и Мадъяровъ, но даже не подума-

ли о томъ, чтобы организоваться и создать что нибудь прочное для будущаго.

Я не стану описывать стойкости Чеховъ противъ тевтонскихъ притязаній Франкфуртскаго парламента и противъ происковъ ихъ собственныхъ соотечественниковъ — Нѣмцевъ; я не стану изображать твердаго отпора, который подобныя попытки встрѣтили у Штирійскихъ и Краинскихъ Словенцевъ; я не буду говорить о самоотверженіи бѣдныхъ безоружныхъ Словаковъ, когда они отстаивали свое народное бытіе передъ фанатизмомъ воинственныхъ и могущественныхъ Мадьяровъ. Нѣтъ нужды разсказывать кровавую исторію Сербовъ и Хорватовъ, какъ они поголовно поднялись, за своимъ Патріархомъ и Баномъ, чтобы противостать, съ оружіемъ въ рукахъ, всѣмъ силамъ Венгріи; нѣтъ нужды разсказывать эту неравную борьбу, въ которой столько геройства было награждено такимъ обманомъ. Одной идеѣ всѣ эти племена принесли столько жертвъ, идеѣ народности, которой значеніе мы уже опредѣлили. Палацкій формулировалъ ее въ знаменитой своей статьѣ, и его формула сдѣлалась программою всѣхъ Австрійскихъ Славянъ въ 1848 году. Эта программа требовала равенства всѣхъ народностей и права для каждой изъ нихъ, чтобы ея языкъ свободно развивался и получилъ оффиціальное признаніе въ области, гдѣ онъ употребляется. Но было-ли это право практически примѣнимо? Если бы Славянская народность составляла въ Австріи одно цѣлое, то она могла бы требовать себѣ мѣста наравнѣ съ Нѣмецкою, Итальянскою и Мадьярскою; но семи Славянскимъ народностямъ, стремящимся каждая къ полной внутренней автономіи, трудно было выдержать борьбу съ соперничествовавшими стихіями. Гдѣ бы онѣ нашли себѣ основу и точку опоры? Даже если бы равенство было признано и утверждено за ними закономъ, то всетаки онѣ заняли бы весьма неравныя мѣста, смотря по ихъ дѣйствительному значенію. Очевидно, абсолютное равенство народностей, какого хотѣли тогда Австрійскіе Славяне, было мечтою, подобно абсолютному равенству между людьми, проповѣдывавшемуся тогда въ Европѣ.

Мечта эта стала однако на нѣкоторое время девизомъ Австріи, девизомъ, чтобы раздѣлаться съ которымъ, стоило ей только потомъ оставить его въ бумагахъ своего архива. Подъ господствомъ этой мечты собрался въ Прагѣ Славянскій сеймъ. Изо всѣхъ сеймовъ этой эпохи, столь обильной совѣщательными собраніями, Славянскій сеймъ въ Прагѣ былъ самый безсильный. Онъ съѣхался, но члены съ трудомъ понимали другъ друга. Одинъ говорилъ по-чешски, другой попольски, третій по-сербски, четвертый по-малорусски. Не рѣдко, для того, чтобы объясниться съ товарищемъ-депутатомъ, члены при-

бѣгали къ помощи иностраннаго языка. Разсуждали о пустыхъ вопросахъ, подавали голоса объ общихъ мѣстахъ.

При всемъ томъ, этотъ безвредный сеймъ былъ ненавистенъ въ Вѣнѣ. Славянство выступало въ немъ слишкомъ смѣло, оно слишкомъ явно соперничало съ Франкфуртскимъ парламентомъ и съ Германскими стремленіями, которыя преобладали въ столицѣ. Нѣмецкая партія отрядила въ Прагу толпу молодыхъ демократовъ. Они произвели тамъ нѣкоторые безпорядки, стычка съ солдатами послужила князю Виндишгрецу предлогомъ бомбардировать городъ и разогнать сеймъ почти наканунѣ дня, въ который онъ намѣревался наконецъ приступить къ разсужденію о принятіи одного изъ Славянскихъ нарѣчій за общій оффиціальный и литературный языкъ.

Впрочемъ, Пражскій сеймъ былъ лишь незначительнымъ эпизодомъ исторіи Австрійскихъ Славянъ въ эту тревожную эпоху. Главный фактъ этой исторіи есть та добровольная и единодушная опора, которую они дали Австрійскому правительству. Всѣ народности, Нѣмцы, Итальянцы, Мадьяры были въ открытомъ возстаніи противъ него. Вѣнскіе граждане выгнали Габсбурговъ изъ ихъ древней столицы. Славяне всѣ, безъ внѣшняго побужденія и безъ предварительнаго соглашенія, объявили себя въ пользу древней династіи. Чехи дали ей первую нравственную опору, какую она нашла въ ту минуту, когда все, по видимому, обратилось противъ нея. Вся Германія, имѣя во главѣ Франкфуртскій парламентъ, провозгласила, такъ сказать, уничтоженіе Австріи; и въ эту минуту самый вліятельный изъ Чеховъ, г. Палацкій, выступилъ на защиту Австрійской монархіи во имя Славянскихъ интересовъ; Чехи послушались его голоса. Гавличекъ, пользовавшійся еще бо̀льшею популярностью, нежели Палацкій, сталъ говорить и писать въ томъ же духѣ, и его мнѣніе, выражаемое въ «Народныхъ Новинахъ», которыхъ онъ былъ издателемъ, руководствовало Славянами въ Чехіи и Моравіи. Между тѣмъ какъ Чехи защищали Габсбургскую монархію передъ общественнымъ мнѣніемъ Германіи, въ Венгріи Словаки подымались за Австрію, Хорватскіе полки умирали за нее на поляхъ Италіи, мужественное народонаселеніе Кроаціи, Славоніи и Сербскихъ краевъ въ Бачкѣ, Банатѣ и Сремѣ вооружалось поголовно подъ знаменемъ Цесаря для противоборства революціи и Мадьярамъ. Народный сходъ Сербовъ, собравшійся 3-го Мая 1848 въ Карловцахъ, былъ первымъ усиліемъ спасти Австрію отъ Мадьяровъ, точно также, какъ протестъ, написанный почти въ тотъ же день Палацкимъ въ Прагѣ, былъ первою помощію, поданною ей противъ революціонной Германіи. Я не послѣдую за Хорватами Елачича въ ихъ походахъ въ Венгріи и не буду также описывать отчаянной борьбы горсти Сербовъ противъ

регулярной арміи Мадьярской. Достаточно, если я скажу, что Славяне *одни* вооружились за Австрію въ 1848 году, что *всѣ* Славянскія племена стали за нее въ годину опасности (за исключеніемъ Поляковъ, которые постоянно дѣйствовали розно съ своими соплеменниками), и что *Славяне* поддержали ее своими силами, пока вмѣшательство Россіи не спасло и не утвердило ея.

Зная это, я спрашиваю себя: какая причина побудила Славянъ жертвовать собою такъ усердно для правительства, стихія котораго имъ чужды? Развѣ они его любили? Напротивъ, они ненавидѣли его, всѣ безъ исключенія. Чехи, Словаки, Словенцы, Хорваты, Сербы, они ненавидѣли его изъ глубины сердца: кто можетъ отрицать это или въ этомъ сомнѣваться? Развѣ оно внушало имъ довѣріе? Напротивъ, Вѣнское вѣроломство обратилось у нихъ въ поговорку, и Чехи, Хорваты, Сербы слишкомъ хорошо знали свою исторію, полную посягательствъ на ихъ народную и религіозную независимость, чтобы они могли обманываться надеждою на обѣщанія, которыя Австрія имъ расточала въ замѣнъ получаемыхъ отъ нихъ услугъ. Стало быть, надобно, вѣрно, искать другой причины, заставившей эти народы собраться подъ знаменемъ Габсбургской державы. Инстинктивное и неодолимое чувство ихъ собственной слабости, ихъ разъединенія и неспособности создать своими силами новый порядокъ вещей, — вотъ что̀ принудило ихъ искать внѣ себя точки опоры и готоваго средоточія, которое стояло бы выше ихъ внутреннихъ распрей. «Если бы Австріи не было, намъ бы нужно было ее выдумать», говорилъ банъ Елачичъ съ глубокимъ и, безъ сомнѣнія, скорбнымъ убѣжденіемъ въ своей прокламаціи къ Славянскимъ народамъ, въ которой онъ объяснялъ причины похода, предпринимаемаго имъ на Вѣну для возстановленія власти Габсбурговъ. Чтобы скрыть отъ собственныхъ глазъ свое тяжелое положеніе, заставлявшее ихъ сдѣлаться поборниками правительства, которое они всегда считали своимъ злѣйшимъ врагомъ, эти несчастныя племена въ продолженіе двухъ лѣтъ ласкали себя мечтами о равноправности народностей, которую Австрія съ радостію признала и утвердила за ними, зная, что эта была только фраза, которая не могла имѣть приложенія на дѣлѣ.

II.

Результаты для Австріи событій 1848—1849 гг. — Равенство сословій предъ закономъ и уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. — Заботы правительства о низшемъ народѣ. — Австрійскіе финансы.

Спасенная Славянами, своими подданными, и Россіею, Австрія измѣнила свои правительственныя начала. Вѣнское министерство отбросило древнее преданіе такъ называемаго «отеческаго» управленія,

которое Габсбургская династія дотолѣ признавала нравственною основою своего правительства. Оно отвергло и уничтожило всѣ историческія права и преимущества отдѣльныхъ областей, и за единственную опору приняло внѣшнюю силу, т. е., войско, полицію и административную централизацію, которая есть та же внѣшняя сила въ рукѣ, ею располагающей. Австрійское правительство воспользовалось, какъ своимъ достояніемъ, двумя единственными прочными результатами, которые конституціонныя попытки 1848 и 1849 годовъ успѣли выработать, т. е., равенствомъ сословій передъ закономъ и уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія. Оно осуществило на дѣлѣ эти двѣ мѣры, изготовленныя и объявленныя Вѣнскимъ и Кремзирскимъ сеймами, и получило черезъ это большое вліяніе на умы простаго народа въ Богеміи, Моравіи, Галиціи, Кроаціи, Штиріи, Славянскихъ краяхъ Венгріи и проч. Оно вездѣ выказывало особенную заботливость о низшемъ классѣ, стараясь всячески подавить и разорить дворянство, дорожившее остатками древняго областнаго самоуправленія, тогда какъ простой народъ былъ весьма равнодушенъ къ этимъ привилегіямъ, которыми никогда не пользовался.

Можетъ быть, Австрія въ то время могла бы обновиться дѣйствительно, пріобрѣсти дѣйствительную силу и крѣпость. Ей стоило только выполнить дѣло, которое она объявляла цѣлію своихъ усилій, т. е., трудиться дѣйствительно для блага земледѣльческихъ массъ, и въ особенности 16 милліоновъ Славянскихъ поселянъ, которые пролили за нее столько крови, и которыхъ она такъ хорошо умѣла защищать отъ ихъ прежнихъ помѣщиковъ. Нужно было только оказывать нѣкоторое вниманіе къ матеріальнымъ интересамъ, нѣкоторое уваженіе къ народнымъ и религіознымъ чувствамъ этихъ миролюбивыхъ массъ, которыя, при всей ненависти къ Нѣмецкой администраціи, были однако же, большею частію, искренно преданы особѣ государя,—и Габсбургская династія нашла бы въ нихъ неколебимую опору. Но судьба, какъ кажется, рѣшила иначе.

Бѣдственное состояніе финансовъ сдѣлало нужнымъ огромное приращеніе налоговъ, а честолюбивое желаніе играть тотчасъ важную роль въ Европейской политикѣ помѣшало Австрійскому правительству заняться поправленіемъ этихъ обстоятельствъ. Оно стало тратить огромныя суммы, чтобы имѣть всегда на готовѣ армію слишкомъ въ 500 тысячъ человѣкъ и чтобы поминутно приводить то одинъ корпусъ, то другой на военное положеніе. Кромѣ войска, административная централизація, которую вводили, полиція и корпусъ жандармовъ, которымъ дали огромное развитіе, были источникомъ непомѣрныхъ расходовъ, и, для покрытія ихъ, казна представляла только постоянный дефицитъ. Безпрерывно увеличивали подати. Такъ называемыя

коронныя области (Эрцгерцогство Австрійское, Иллирія, Богемія, Моравія, Галиція и т.д.) должны были платить въ 5 или въ 6 разъ больше, чѣмъ до 1848 г., а извѣстно, что эти страны были всегда обременены налогами. Въ провинціяхъ же, которыя прежде пользовались привилегіями (Венгрія, Кроація, Трансильванія и т. д.), налоги по меньшей мѣрѣ удесятерились. Австрійскому подданному, имѣющему поземельную собственность, пришлось отдавать казнѣ по крайней мѣрѣ треть своего дохода, не считая мѣстныхъ поборовъ и косвенныхъ податей. Это страшное бремя, которое дѣлается еще несноснѣе отъ безпрестанныхъ притѣсненій, было еще увеличено тягостью насильнаго займа, названнаго національнымъ.

III.

Ошибочное направленіе внутренней политики Австрійскаго правительства. — Неблагодарность его къ Славянскимъ народностямъ. — Онѣмечиваніе Кроаціи; неисполненіе обѣщаній относительно Сербіи. — Церковное дѣло въ Сербской воеводинѣ. — Патріархъ Раячичъ. — Епископъ Атанасковичъ и его сочиненіе о Православной церкви въ Австріи. — Уничтоженіе областныхъ правъ въ Славянскихъ земляхъ Австріи.

Какъ видно по всему, Австрійское правительство ни мало непозаботилось о томъ, чтобы упрочить бережливостью и снисканіемъ расположенія народностей власть, которую стеченіе обстоятельствъ ему возвратило. Оно думало только о томъ, какъ бы пользоваться этою властію для того, чтобы играть важную роль въ Европейской политикѣ и чтобы внутри приготовить себѣ въ будущемъ не живой союзъ народовъ, съ преданностію окружающихъ общій престолъ, но слѣпую массу равнодушныхъ людей, лишенныхъ чувства народности. Я не высказываю предположенія, а говорю о фактѣ, который господствуетъ надъ всею внутреннею политикою Австріи.

Читатель видѣлъ, что желанія и требованія Славянскихъ областей не были неумѣрены. Онѣ добровольно защитили правительство во время опасности, потому что чувствовали невозможность обойтись безъ Вѣнскаго средоточія, а въ замѣнъ требовали только нѣкотораго уваженія къ ихъ языку и историческимъ преданіямъ, только нѣкоторой автономіи въ ихъ внутренней администраціи, но никогда не помышляли, развѣ только въ какихъ нибудь пустыхъ газетныхъ возгласахъ, о томъ, чтобы препятствовать правительству въ общей политикѣ и во всемъ, что́ касается до правъ верховной власти. Вмѣсто того, чтобы уважить ихъ желанія, Австрійское правительство поставило себѣ открыто за цѣль подавить Славянскія народности, не принимая вовсе въ расчетъ обѣщаній, данныхъ въ 1848 и 1849 годахъ. Оно подчинило Австрійскую имперію такой же полной центра-

лизаціи, какъ та, которая въ самой Франціи возбуждаетъ столько жалобъ. Кроація, потерявшая 80,000 человѣкъ въ сотнѣ битвъ за Габсбургскую династію, получила въ награду уничтоженіе своихъ восьмивѣковыхъ привилегій, введеніе Нѣмецкаго языка въ администрацію, судопроизводство и школы, и, наконецъ удесятеренные налоги. Сербы, оказавшіе правительству столь важную услугу въ 1848 г., были обмануты съ безстыдствомъ, которому трудно найти примѣръ въ исторіи. Они просили исполненія обѣщаній, данныхъ имъ въ старину императоромъ Леопольдомъ, когда онъ пригласилъ ихъ перейти изъ Турціи въ Венгрію и образовать тамъ милицію для защиты Австріи отъ мусульманъ; обѣщанія эти состояли въ дарованіи имъ особой администраціи подъ начальствомъ выбраннаго народомъ воеводы и въ признаніи свободы православнаго вѣроисповѣданія подъ управленіемъ патріарха, и эти старинныя, но никогда не осуществленныя на дѣлѣ права были за ними торжественно обезпечены императоромъ Францемъ Іосифомъ, при его восшествіи на престолъ. Дѣйствительно, учредили Сербскую воеводину и отдѣлили ее отъ Венгріи, но подчинили управленію Темешварскихъ властей, т. е., нѣмецкихъ чиновниковъ. Возстановили титулъ Сербскаго воеводы, но объявили его присвоеннымъ лицу императора. Оффиціально признали за Карловецкимъ архіепископомъ, высокопреосвящ. Іосифомъ Раячичемъ, титулъ патріарха, но поручили министерскимъ приказомъ Новосадскую епархію, заключающую въ себѣ чуть ли не три четверти всего края, подчиненнаго непосредственному вѣдѣнію патріарха, — его постоянному противнику, Будимскому (Офенскому) епископу Платону Атанасковичу, который состоялъ въ 1848 и 1849 г. подъ покровительствомъ Кошута [1]) и запечатлѣлъ свое примиреніе съ Австріею изданіемъ брошуры, почитаемой Сербами какимъ-то еретическимъ произведеніемъ: онъ старался доказать въ ней, что Православная церковь въ Австріи зависитъ во всѣхъ отношеніяхъ исключительно отъ воли Цесаря и существуетъ только по его милости. Сербы просили, чтобы Мадьярскій языкъ былъ исключенъ изъ судилищъ и общественнаго преподаванія въ ихъ краѣ, гдѣ его ввели въ недавнее время; ихъ желаніе было исполнено, но на мѣсто Мадьярскаго языка былъ введенъ Нѣмецкій. Такимъ же точно образомъ поступали во всѣхъ другихъ Славянскихъ областяхъ. Ми-

---

[1]) Революціонное Мадьярское министерство, провозгласивъ въ 1848 г. патріарха Раячича измѣнникомъ отечеству, передало его званіе Будимскому епископу. Когда Австрійское правительство опредѣлило его епископомъ Новосадскимъ, патріархъ протестовалъ и не хотѣлъ признать его, потому что это избраніе было сдѣлано безъ его вѣдома, тогда какъ законъ даетъ ему совѣщательный голосъ при замѣщеніи Новосадской епископской каѳедры. Онъ долго упорствовалъ, но наконецъ (въ 1856 году) настоянія министерства принудили его уступить и помириться съ Атанасковичемъ.

нистерство кн. Меттерниха сдѣлало тамъ, правда, весьма неохотно, разныя уступки народной стихіи, и первою мѣрою, принятою въ 1848 году, было повсемѣстное введеніе народнаго языка въ общественныя училища и въ областное дѣлопроизводство. Все это мало-по-малу отмѣнили. Народный языкъ былъ оставленъ только въ элементарныхъ школахъ, и то, надобно сказать, главнымъ образомъ, какъ средство для обученія дѣтей начаткамъ Нѣмецкаго языка. Гимназіи и университеты стали опять чисто-нѣмецкими. Нѣмецкій языкъ былъ введенъ даже тамъ, гдѣ не существовалъ до 1848 года, какъ напримѣръ, въ Краковскомъ университетѣ и въ гимназіяхъ сѣверной Венгріи, гдѣ прежде все преподавалось по-мадьярски и по-словацки. Въ Словацкомъ краѣ, гдѣ администрація производилась до 1848 года на Мадьярскомъ языкѣ, съ 1850 года оффиціальнымъ языкомъ былъ признанъ Нѣмецкій. Вотъ почему Мадьяры теперь такъ горько насмѣхаются надъ Сербами, Хорватами и Словаками, которые сражались противъ нихъ въ пользу Австрійскаго правительства. «Вамъ пожаловали, какъ благодѣяніе и въ награду за вашу преданность», говорятъ они Славянамъ, «тѣ же самыя милости, какія мы получили въ наказаніе за нашъ мятежный духъ»: т. е., уничтоженіе областныхъ правъ и преимуществъ и народной особности. Они могли бы сказать не то еще: ибо Австрія поступила съ бунтовавшими народами гораздо почтительнѣе, нежели съ тѣми, которые проливали за нее кровь; она еще признаетъ въ своей державѣ существованіе народностей Итальянской и Мадьярской. Итальянскій языкъ остался оффиціальнымъ языкомъ, языкъ Мадьярскій, хотя исключенный изъ дѣлопроизводства, все еще господствуетъ въ училищахъ, въ Пештскомъ университетѣ и тамошней академіи; а всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ предоставлено только жить въ семейномъ кругу, въ сельской школѣ и въ церкви [1]).

IV.

Гоненія на Чешскую литературу. — Ссылка Гавличка. — Удаленіе отъ политической дѣятельности Палацкаго.

Чтобы довершить это дѣло, начатое тотчасъ послѣ усмиренія Венгріи и продолжаемое съ тѣхъ поръ съ неутомимымъ постоянствомъ,

[1]) Это было писано въ 1858 году. Событія послѣдующихъ лѣтъ, такъ глубоко потрясшія Австрію и заставившія ея правительство отъ абсолютизма Баха кинуться въ централизующій конституціонализмъ г. Шмерлинга, а потомъ перескочить въ конституціонный дуализмъ г. Бейста,—нисколько не примѣнили однако самаго существа направленія этого правительства, именно его образа дѣйствій въ главномъ жизненномъ вопросѣ Австріи, въ дѣлѣ Славянскомъ. Въ этомъ отношеніи все сказанное въ настоящей статьѣ остается вполнѣ вѣрнымъ. Мало того: въ 1868 году политика Австріи еще враждебнѣе Славянамъ и еще беззастѣнчивѣе въ своей враждѣ, чѣмъ какъ мы ее изображали въ 1858 году. Народности нѣмецкая, мадьярская и третья

Австрійское правительство старалось подавить литературную дѣятельность, проявившуюся у Славянскихъ народовъ. Дѣятельность эта развилась всего болѣе въ Чехіи и оттуда, можно сказать, разливалась на прочія области; тутъ, слѣдовательно, было всего болѣе хлопотъ Австрійскому правительству, тутъ давленіе было самое сильное. Прежде всего удалили или заставили молчать всѣхъ предводителей умственнаго движенія между Чехами. Гавличекъ подвергся судебному преслѣдованію за нѣкоторыя статьи, враждебныя главенству папы и римской іерархіи; оправданный судомъ (ибо предметъ обвиненія былъ только предлогомъ), онъ все-таки отвезенъ былъ въ Тироль, въ крѣпость, откуда его выпустили только тогда, когда предсмертная болѣзнь сломила всѣ его силы. Такъ отстраненъ былъ (въ 1850 г.) самый дѣятельный, самый вліятельный и популярный представитель славянскихъ идей. Глава народнаго дѣла у Чеховъ, г. Палацкій, который во время опасности первый подалъ голосъ въ пользу Австріи, испыталъ такія притѣсненія и оскорбленія, что онъ удалился изъ общества и заперся въ своемъ кабинетѣ, съ своими историческими матеріалами. Другой вождь Славянства въ Чехіи, Юнгманъ, былъ уже похищенъ смертію. Иные Чешскіе писатели принуждены были взять казенныя мѣста, и для сохраненія ихъ должны были ограничиться, въ дѣлѣ литературномъ, простыми учеными изысканіями, которыхъ однако достаточно въ Славянскихъ областяхъ Австріи для того, чтобы заподозрить ихъ авторовъ въ глазахъ правительства. Если, въ молодомъ поколѣніи, кто нибудь изъ Славянъ выказываетъ талантъ и народныя чувства, то власти, при окончаніи имъ учебнаго курса, спѣшатъ предложить ему казенную должность—предложеніе, которое ему трудно отвергнуть, потому что литературныя занятія не могутъ дать ему средствъ къ существованію, а славянское дѣло не располагаетъ въ Австріи деньгами и покровительствомъ аристократіи, поддерживающими тамъ литературу Мадьярскую и Итальянскую. Какъ только онъ вступилъ въ ряды бюрократіи или учительскаго сословія, молодой Славянинъ, который далъ себя замѣтить тѣмъ, что обозначается въ слогѣ Австрійской полиціи подъ именемъ *тенденцій* (Tendenzen), посылается на службу куда нибудь въ Трансильванію, Ломбардію или Тироль, а мѣста въ канцеляріяхъ и гимназіяхъ Славянскихъ областей поручаются преимущественно Нѣмцамъ или Итальянцамъ. Ктому же нашли вѣрный способъ для того, чтобы отнять у молодаго учителя гимназіи всякую возможность и охоту заниматься

итальянская (въ Далмаціи, Истріи и Словенскомъ Приморьѣ) признаются господствующими въ Австріи; Славянскія же народности должны быть нетолько прижимаемы, но и окончательно *прижаты къ стѣнѣ*, какъ выразился первенствующій нынѣ министръ Австріи.

литературой: улучшивъ положеніе преподавателей прибавкою жалованья, съ тѣмъ вмѣстѣ до такой степени обременили ихъ оффиціальною работою, увеличеннымъ числомъ лекцій и всякаго рода комитетами, совѣтами и отчетами, что, со времени этого преобразованія, у нихъ остается только время, необходимое для физическаго отдыха.

V.

Оффиціальныя газеты въ Славянскихъ земляхъ. — Ценсура и денежные залоги. — Упадокъ литературы. — Книжная торговля. — Чешскій театръ. — Угрозы жандармовъ поселянамъ за покупку Славянскихъ книгъ.

Одна изъ важныхъ мѣръ, принятыхъ Австрійскимъ правительствомъ и исполненныхъ такъ ловко, что она осталась почти незамѣченною, состояла въ томъ, чтобы взять въ свои руки всѣ политическія газеты въ Чехіи и другихъ Славянскихъ областяхъ. Министерство князя Меттерниха мало-по-малу дозволило разнымъ славянскимъ племенамъ имѣть періодическія изданія на своихъ нарѣчіяхъ; изданія эти подвергались строгой ценсурѣ, но все-таки не принадлежали правительству. Событія 1848 года умножили число славянскихъ газетъ до безконечности. Народъ такъ привыкъ къ этому чтенію, что совершенно лишить его газетъ показалось невозможнымъ. Австрія оставила ему это чтеніе, но сдѣлала изъ него свою монополію. Чехія, Моравія, Словацкая земля, Кроація имѣютъ теперь только по одной газетѣ на родномъ языкѣ, именно, газету оффиціальную. Прочіе политическіе органы славянскіе были тамъ, одинъ за другимъ, куплены или запрещены правительствомъ, если не прекратились сами собою, въ слѣдъ за введеніемъ залога (Caution). Только двѣ неоффиціальныя Славянскія газеты удержались во всемъ пространствѣ Австрійской имперіи: одна Польская въ Краковѣ, другая Сербская въ Новомъ Садѣ. Всѣ остальные политическіе органы славянскіе принадлежатъ правительству[1]). Неполитическія повременныя изданія также почти исчезли въ Славянскихъ земляхъ. Журналъ значительнаго объема не можетъ существовать у Австрійскихъ Славянъ, отъ того что онъ требуетъ большаго капитала; поэтому журналы замѣнялись тамъ маленькими сборниками или альманахами, издаваемыми безсрочно. Ихъ выходило множество между 1830 и 1850 годами, теперь они появляются весьма рѣдко. Даже литературныя газеты, которыя выходятъ сотнями по-нѣмецки, и которыя не подчинены такому строгому надзору, какъ политическія изданія, съ трудомъ держатся у Славянъ:

[1]) Послѣ политическаго погрома 1859 г. возникли вновь независимые политическіе органы славянскіе, и въ настоящее время каждое изъ Славянскихъ племенъ Австріи (за исключеніемъ только Словенцевъ) имѣетъ одинъ такой органъ, Чехи же и Сербы даже нѣсколько.

до того дошелъ у нихъ упадокъ литературы. Изо всѣхъ прежнихъ газетъ такого рода, остается теперь только одна въ Прагѣ, другая въ Люблянѣ, третья въ Загребѣ, четвертая во Львовѣ [1]).

Нужно вдаться въ самыя мелочныя подробности, чтобы показать, до какой степени простирается преслѣдованіе Славянскихъ литературъ въ Австріи. Если книгопродавецъ въ Прагѣ предпринимаетъ изданіе библіотеки избранныхъ романовъ въ переводѣ на Чешскій языкъ, то запретить ему это невозможно (особенно въ странѣ, гдѣ, какъ въ Австріи, законъ признаетъ свободу книгопечатанія); но ему откажутъ въ правѣ разноса (colportage) этихъ книгъ, тогда какъ тысячи подобныхъ изданій на Нѣмецкомъ языкѣ разносятся по всѣмъ деревнямъ въ Чехіи; такимъ образомъ издатель-Чехъ лишенъ главнаго сбыта, на который онъ преимущественно расчитывалъ. Если Чешская публика находитъ несправедливымъ, что ей позволяютъ пользоваться Пражскимъ театромъ только въ такой неудобный часъ, въ который представленія на Чешскомъ языкѣ могутъ быть даваемы лишь по праздничнымъ днямъ, ибо въ будни никто въ этотъ часъ не бываетъ свободенъ; если Чешская публика, повторяемъ, будетъ просить разрѣшенія собрать подписку для сооруженія особаго Чешскаго театра, то, разумѣется, нельзя же будетъ не допустить столь невиннаго дѣла: правительство, конечно, разрѣшитъ подписку, но не дозволитъ учрежденія особой для нея кассы; оно потребуетъ, чтобы деньги вручались подписчиками мѣстной полиціи, для препровожденія въ театральную дирекцію путемъ административнымъ. Разумѣется, всякая охота къ дѣлу, всякое довѣріе исчезаетъ, и Чешское драматическое искусство остается по прежнему заброшеннымъ, не по причинѣ бѣдности репертуара или слабости актеровъ [2]), не по причинѣ равнодушія публики, а просто по матеріальному недостатку въ помѣщеніи. Еще черта: когда случится жандарму или полицейскому офицеру зайти въ избу какого нибудь поселянина, и ему попадется подъ руку славянская книга, то онъ не преминетъ замѣтить хозяину, что такая книга вещь опасная, и что онъ совѣтуетъ ему по дружбѣ не держать такихъ книгъ въ теперешнее время: «Богъ знаетъ», скажетъ онъ ему, «что̀ тамъ написано и что̀ можетъ случиться!» Не разъ бывали примѣры, особенно въ Чехіи, гдѣ поселяне весьма охот-

[1]) Въ настоящее время ихъ стало гораздо больше.

[2]) Напротивъ, драматическая литература, сравнительно, весьма богата и развита у Чеховъ, а актеры, въ общей сложности, недурны. Публика не только не равнодушна, но такъ интересуется Чешскими представленіями, что театръ бываетъ всякій разъ полонъ, когда играютъ по-чешски, тогда какъ по-нѣмецки приходится актерамъ весьма часто играть передъ пустыми скамьями. Съ 1862 года устроенъ особый временный театръ для чешскихъ представленій; до того времени по-чешски играли только по воскресеньямъ и праздникамъ отъ 3 до 6 часовъ, по-нѣмецки каждый вечеръ

но покупають книги, что бѣдный поселянинъ, застращенный такими дружескими предостереженіями, бросалъ въ печь всю свою славянскую библіотеку, хотя бы она состояла изъ однихъ молитвенниковъ и хозяйственныхъ календарей.

VI.

Печальное положеніе Славянскаго дѣла въ 1849—1858 гг., бѣдность Чешской литературы этого времени, ея направленіе. — Стѣсненное положеніе «Чешской Матицы». — Отношенія разныхъ сословій въ Чехіи къ идеѣ народности.

Глубокое усыпленіе овладѣло всѣми этими племенами, которыя начинали выказывать столь замѣчательную умственную дѣятельность; и это не удивительно. Видѣть самыя дорогія свои надежды, съ которыми сражались, и за которыя страдали, подвергались разоренію и шли на смерть, видѣть ихъ обманутыми съ безпримѣрною въ исторіи безсовѣстностію,—этого было, я думаю, достаточно, чтобы привести въ уныніе людей, посвятившихъ себя народному дѣлу. Прибавьте къ этому, что главнѣйшіе славянскіе дѣятели умерли или замолкли, что славянскій языкъ почти вовсе исключенъ изъ преподаванія, что уже существующія славянскія литературныя общества подчинены полицейскому надзору, и что образованіе новыхъ не допускалось; что всякій, кто остается вѣрнымъ своей любви къ народности, подвергается нескончаемымъ прижимкамъ—и вы поймете, почему разныя славянскія литературы, такъ недавно возникшія въ Австріи, едва въ состояніи прозябать и готовы угаснуть [1]).

Лучше всѣхъ еще держится литература Чешская. Но что̀ произвела она съ 1850 года? Нѣсколько пустыхъ книгъ, порожденныхъ спекуляціею, и нѣсколько спеціально-ученыхъ трудовъ,—вотъ и все. Но политическія обстоятельства имѣли вліяніе и на область науки; нѣкоторые Чешскіе ученые уже покинули родной языкъ и стали писать опять по-нѣмецки, какъ это дѣлалось въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Если захотимъ отыскать какое нибудь общее направленіе въ этой обѣднѣлой и забитой въ колодки литературѣ, то мы замѣтимъ преимущественно стараніе обнаружить тѣ остатки древняго славянскаго быта, какіе еще хранятся въ Чешскихъ селахъ, и распространить между Чехами знакомство съ другими славянскими нарѣчіями, въ особенности съ Церковно-Славянскимъ и Русскимъ. Общество Поощренія Народной Словесности (Чешская Матица) продолжаетъ свои по-

---

[1]) Послѣ изображаемаго здѣсь литературнаго и общественнаго усыпленія у Австрійскихъ Славянъ, продолжавшагося съ 1849 по 1859 годъ, наступила эпоха новой дѣятельности, все болѣе и болѣе усиливающейся и понынѣ.

лезные труды. Правительство заставило его принимать полицейскаго коммиссара во всѣ засѣданія совѣта, завѣдывающаго его дѣлами; оно заставило удалить изъ этого совѣта настоящаго основателя и устроителя «Матицы», исторіографа Чехіи, г. Палацкаго; оно разорило общество, взявъ изъ его капитала 30,000 гульденовъ, по поводу народнаго займа; но тѣмъ не менѣе «Матица» остается средоточіемъ народной дѣятельности у Чеховъ.

Стихіи, участвующія въ этой дѣятельности, значительно измѣнились съ 1849 года. Дворянство, которое прежде выказывало большое сочувствіе къ идеямъ народности, съ этого времени совершенно ихъ отбросило. Оно въ одиночествѣ дуется на всѣхъ и на все; оно сердится на Славянскую партію, обвиняя ее въ томъ, что она была, на Вѣнскомъ и Кромѣрижскомъ (Кремзирскомъ) сеймахъ первою зачинщицею освобожденія крѣпостныхъ, совершившагося въ Австріи на невыгодныхъ для дворянства условіяхъ; съ другой стороны, оно дѣлаетъ оппозицію и правительству, которое лишило его прежнихъ привилегій и усердно его разоряетъ. Духовенство, по большей части, также удалилось отъ идей народности, которыхъ прежде не чуждалось, и перешло, дѣйствительно или притворно, на сторону правительства. Бóльшая часть мѣщанства, т. е., мѣщане-Нѣмцы, не щадятъ теперь выраженій презрѣнія и ненависти къ Славянству, съ тѣхъ поръ какъ не стало повода дорожить хорошими отношеніями съ Славянами, и какъ тевтонизмъ поступилъ подъ покровительство властей. Говорятъ, что Жиды сдѣлались самыми фанатическими проповѣдниками германизма. Женская половина Чешскаго общества, которая съ 1840 года становилась все болѣе и болѣе патріотическою, славянскою, повернулась съ вѣтромъ, и теперь говоритъ только понѣмецки. За славянскую народность, въ настоящее время, стоятъ только, кромѣ простаго народа, немногіе литераторы и бóльшая часть сельскихъ учителей.

VII.

Положеніе Моравской литературы. — Подавленіе Словацкой литературы. — Трагическая судьба Штура; — гоненіе прочихъ Словацкихъ писателей. — Давленіе правительства надъ литературами Хорватскою, Словенскою и Сербскою.

Въ Моравіи, въ 1848 и 1849 г., обозначилась нѣкоторая дѣятельность въ духѣ Славянства. Тамъ стали издавать нѣсколько газетъ и основали литературное общество, Моравскую Матицу, по образцу Чешской. Эти начатки были подавлены правительственнымъ гнетомъ и недоброжелательствомъ духовенства, которое, какъ я сказалъ, хотѣло пріобрѣсти въ Моравіи монополію славянской письменности. Молодые свѣтскіе писатели должны были покинуть литературу для занятій

бюрократическихъ или другихъ, также прибыльныхъ. Дѣятельность Брненской (Брюнской) Матицы ограничилась ежегоднымъ изданіемъ календаря. Другое общество основалось въ этомъ городѣ въ 1850 г. Основало его католическое духовенство, подъ названіемъ «Наслѣдія Св. Кирилла и Меѳодія». Оно пользовалось опорою правительства и въ особенности римской пропаганды, и въ скоромъ времени распространилось весьма значительно. Число членовъ его огромное; нѣтъ деревни въ Моравіи, гдѣ бы это общество не считало одного или нѣсколькихъ членовъ: до такой степени приходскіе священники умѣли популяризовать его. Взносы членовъ образуютъ капиталъ, употребляемый на изданіе духовныхъ книгъ на Моравскомъ (т. е. Чешскомъ) [1]) нарѣчіи. Духовенство съ особеннымъ усердіемъ разрабатываетъ въ этихъ изданіяхъ жизнь и легенду Славянскихъ Апостоловъ, Кирилла и Меѳодія. Не нужно прибавлять, что оно не щадитъ исторической истины, дабы представлять Моравскому поселянину съ исключительно римской точки зрѣнія дѣятельность этихъ великихъ людей, которыхъ память онъ чтитъ и которыхъ призываетъ въ молитвахъ, какъ заступниковъ своего края.

Между тѣмъ какъ Моравская литература сдѣлалась клерикальною монополіею, литература Словацкая вовсе прекратилась; это случилось еще проще. Коларъ и Голы, лучшіе Словацкіе поэты, скончались въ 1848 и 1849 г. Главнѣйшій двигатель Славянства въ сѣверной Венгріи, Штуръ, во время Мадьярской революціи, принужденъ былъ бѣжать въ Прагу. Тамъ онъ обратилъ на себя вниманіе предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ въ клубѣ «Славянская Липа», — уничтожить имя Австріи и замѣнить его именемъ «Дунайскаго Союза». При всемъ томъ онъ участвовалъ въ Словацкомъ легіонѣ, вооружившемся въ пользу Австрійскаго правительства, и издавалъ въ 1849 и 1850 г. газету, которая имѣла большой успѣхъ, и въ которой онъ защищалъ начала религіи и общественнаго порядка противъ революціонныхъ ученій. Всѣми любимый и уважаемый, онъ былъ представленъ правительству, какъ кандидатъ на должность начальника Нитринскаго комитата. Но министерство не только не утвердило его, а объявило неспособнымъ къ занятію какой бы то ни было общественной должности. Онъ былъ принужденъ прекратить изданіе своей газеты и удалился въ деревню, преслѣдуемый заимодавцами, притѣсняемый полиціею и мучимый отчаяньемъ — не имѣть возможности снискивать себѣ насущный хлѣбъ. Этотъ человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ талантовъ и благороднѣйшихъ характеровъ между Австрійскими Славянами, подъ конецъ своей жизни долженъ былъ давать за нѣсколько крейцеровъ

---

[1]) Это одно и то же.

уроки деревенскимъ мальчишкамъ. Онъ влачилъ свою страдальческую жизнь до 1855 года. Его сотрудники, Гурбанъ, Годжа, Сладковичъ и др., отказались отъ литературы. Гурбанъ продолжалъ еще нѣсколько времени изданіе листка для образованія простаго народа; правительство арестовало его подъ ничтожнымъ предлогомъ; выпущенный изъ заключенія, онъ принужденъ былъ бросить литературу и удалился въ деревню, чтобы хозяйничать и поправить свои дѣла. Другіе Словацкіе писатели послѣдовали его примѣру. Нѣкоторые изъ нихъ попытались было основать литературное общество въ Быстрицѣ (Neusohl), но правительство этого не дозволило. Съ тѣхъ поръ не было и признака жизни въ Словацкой литературѣ. Не слѣдуетъ однако же думать, чтобы труды Штура и его школы остались совершенно безплодными; кажется, напротивъ, что народное чувство, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, сильно пробудилось у Словаковъ, его замѣчаютъ особенно между Словаками-протестантами, и это чувство, овладѣвъ народомъ бодрымъ, юнымъ и чистымъ, каковы Словаки, ждетъ, можетъ быть, только благопріятныхъ условій, чтобы получить важное значеніе.

Было бы слишкомъ утомительно разсказывать всѣ подробности этого подавленія Славянскихъ умовъ во всѣхъ другихъ областяхъ Австріи. Скажу вообще, что то же самое повторилось у Словенцевъ, у Хорватовъ и у Австрійскихъ Сербовъ. Свѣтская литература Словенцевъ, довольно значительно обогатившаяся въ 1848, 1849 и 1850 годахъ, съ тѣхъ поръ почти заглохла и уступила мѣсто клерикальной литературѣ, въ родѣ Моравской. У Хорватовъ бо̀льшая часть писателей также принуждены были бросить литературу, такъ что теперь едва три или четыре имени представляютъ Славянскую дѣятельность въ Загребѣ. Дѣятельность, начинавшая развиваться между Австрійскими Сербами и имѣвшая средоточіемъ Новый Садъ (Neusatz), была прервана войною съ Мадьярами, которые разрушили этотъ городъ въ 1848 году. Съ тѣхъ поръ Австрійское правительство постоянно старалось, чтобы она не возобновилась. Оно преградило всякое литературное сношеніе этого края съ Сербскимъ Княжествомъ, запретивъ ввозъ въ свои владѣнія Сербскихъ книгъ, издаваемыхъ въ Бѣлградѣ. Оно не позволяло возстановить въ Новомъ Садѣ Сербское «читалище» [1]), существовавшее тамъ до 1848 г. Оно не хотѣло допустить, чтобы туда перенесено было мѣстопребываніе «Сербской Матицы», основанной въ Пештѣ и владѣющей значительнымъ капиталомъ, но остающейся почти совершенно безплодною въ чужомъ городѣ. Впрочемъ, уже одно разореніе этого края, страшно

[1]) Общественная библіотека.

пострадавшаго въ войну съ Мадьярами, было достаточною причиною упадка въ немъ умственной дѣятельности.

Такимъ образомъ во всей Австріи подавлено было развитіе славянскихъ народностей, съ тѣхъ поръ какъ усмиреніе Славянами Венгріи, въ 1849 году, возвратило Вѣнскому правительству свободу дѣйствія.

VIII.

Политическая система Австріи относительно ея Славянскихъ подданныхъ. — Австрія какъ государство не представляющее народъ, а лишь совокупность подданныхъ. — Происхожденіе Австріи. — Чувства внушаемыя всѣмъ народамъ существованіемъ Австріи. — Положеніе нѣмецкой народности въ Австріи. — Типичныя черты Австрійскаго нѣмца. — Что такое «Австрійскій народъ», «Австрійскій патріотизмъ» и «великое Австрійское отечество?»

Казалось бы труднымъ понять побужденія, заставляющія правительство уничтожать умственную дѣятельность подданныхъ ему Славянъ, на которыхъ ему нечего было жаловаться во время опасности. Конечно, не опасеніе революціоннаго духа было причиною такой политики, потому что революціонный духъ, какъ доказали событія, гораздо труднѣе овладѣваетъ Славянскими народами, крѣпкими своимъ бытомъ, нежели космополитскимъ мѣщанствомъ, которое Австрія такъ усердно старается расплодить въ своей имперіи. Нѣтъ, совсѣмъ другія пружины двигаютъ Австріею въ этомъ дѣлѣ, гдѣ она, по видимому, поставила себѣ задачею оскорбить народонаселеніе въ 17 милліоновъ душъ въ ихъ завѣтныхъ чувствахъ и интересахъ.

Пружины эти таятся въ самомъ жизненномъ началѣ, на которомъ основывается существованіе Австріи. Австрія не есть народъ, она есть только государство. Всѣ другія европейскія государства: Франція, Англія, Россія, Пруссія, Швеція, Голландія и т. д., представляютъ собою каждое народъ, занимающій свое мѣсто въ человѣческой семьѣ, какъ живой, самобытный организмъ, который получилъ, въ теченіе вѣковъ, ту или другую государственую форму. Иногда народъ можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько государствъ; иногда одинъ какой нибудь сильный народъ можетъ подчинить своей власти другой народъ, слабѣйшій и почему либо неспособный къ независимости; но вездѣ одинъ народъ служитъ основою государству, которое есть лишь его политическое проявленіе. Одна во всей Европѣ, Австрія есть просто государство, не представляющее въ себѣ народа, а только совокупность подданныхъ. Съ самаго начала Австрія не была народомъ, а военною колоніею, основанною на оконечности Германіи, какъ оплотъ имперіи со стороны востока. Начальники этой колоніи вскорѣ пріобрѣли нѣсколько Славянскихъ областей: Каринтію,

Штирію, Краину и т. д. Нигдѣ отвлеченная идея государства, переданная императорскимъ Римомъ новой Европѣ, не могла найти такой удобной почвы, какъ въ этомъ владѣніи, составленномъ изъ военныхъ колоній Нѣмецкихъ и покоренныхъ мелкихъ племенъ Славянскихъ. Сильная этимъ отвлеченнымъ принципомъ, котораго не ограничивала никакая народная стихія, Австрія притянула къ себѣ сосѣднія страны, растерзанныя народною враждою и внутренними междоусобіями. Если слабая Нѣмецкая область, неспособная къ завоеваніямъ и послѣдняя изъ всѣхъ въ умственной дѣятельности, могла распространить свою власть на огромные края Славянскіе, Мадьярскіе и Румынскіе, то это было именно потому, что народы эти хотѣли подчиниться въ ней не особой народности, а только отвлеченно-построенному правительству. Мы не намѣрены говорить о томъ, какъ безнравственно такое явленіе, что государство, лишенное всякой органической стихіи, завладѣваетъ нѣсколькими народами, богато одаренными природою, и, чтобы сдѣлать изъ нихъ послушныхъ подданныхъ, отнимаетъ у нихъ всякую свободу развитія. Мы не намѣрены говорить о томъ, что, вѣроятно, чувство этой безнравственности порождаетъ то естественное и, можно сказать, инстинктивное отвращеніе къ Австріи, которое ощущается почти всѣми. Но намъ необходимо было выставить политическое начало, на которомъ зиждется существованіе Австріи, чтобы показать, что вслѣдствіе этого-то существеннаго начала, она не можетъ, хотя бы благоразуміе, по видимому, того и требовало, допустить въ своихъ предѣлахъ дѣятельность какой бы то ни было народности. Она, повторяемъ, не можетъ допустить этого, безъ самоотреченія, ибо Австрія есть государство, существующее только въ силу отрицанія всякой народной стихіи въ своихъ подданныхъ [1]). Читатель видѣлъ, что̀ она сдѣлала для того, чтобы убить народную жизнь въ Славянскихъ областяхъ, только что спасшихъ ее отъ гибели. Предоставляю Итальянцамъ, Мадьярамъ, Румынамъ разсказать о томъ, какъ она поступала съ ними, чтобы достигнуть той же цѣли.

Подумаютъ, можетъ быть, что мы противорѣчимъ себѣ, когда говоримъ объ усиліяхъ Австріи къ онѣмеченію Славянъ. Подумаютъ, можетъ быть, что если она есть государство существенно враждебное всякой народности, то ей народность Нѣмецкая должна быть столько же противною, какъ всякая другая. Но въ Австріи Нѣмецкая народность имѣетъ совершенно особый характеръ. Вовсе не похожій

---

[1]) Этотъ отзывъ подтверждается тѣмъ, что мы видимъ теперь въ Австріи. Послѣ разгрома 1866 г. она рѣшилась помириться съ *одною* изъ подвластныхъ ей народностей и допустила свободное развитіе племени Мадьярскаго: это одно уже заставило Австрію отречься отъ всѣхъ вѣковыхъ своихъ государственныхъ основъ.

на своихъ Сѣверныхъ и Западныхъ братій, Австрійскій Нѣмецъ отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ умственной дѣятельности, грубѣйшимъ матеріализмомъ. Нѣмецкая народность должна была непремѣнно утратить свою органическую силу, свою духовную жизнь на такой почвѣ, гдѣ она не развивалась самобытно, а взрощена была искусственными политическими вліяніями. Такимъ образомъ характеръ Австрійскихъ Нѣмцевъ сдѣлался совершенно сообразнымъ съ духомъ Вѣнскаго правительства, и это правительство, не смотря на всѣ оскорбленія, претерпѣнныя имъ въ кризисъ 1848 года отъ Нѣмецкаго народонаселенія, которое увлеклось чужими вліяніями, тотчасъ же возобновило свой союзъ съ нимъ и опять стало смотрѣть на него, какъ на исключительный предметъ своихъ интересовъ. Вѣнское правительство видитъ въ каждомъ Славянинѣ, въ каждомъ Мадьярѣ, въ каждомъ Итальянцѣ, естественнаго врага, а потому старается передѣлать его въ Нѣмца. Оно знаетъ, что каждый человѣкъ, который отречется отъ своего происхожденія, чтобы вступить въ ряды господствующаго племени, не будетъ имѣть никакого дѣйствительнаго чувства народности, и что въ его душѣ останется, въ отношеніи къ прежней братьѣ, та ненависть, какую ощущаетъ всякій ренегатъ къ покинутому имъ обществу; оно знаетъ, что эта ненависть поставитъ его въ ряды правительства противъ угнетаемыхъ народностей. Германизаціею своихъ подданныхъ Австрія достигаетъ двоякой цѣли: она втягиваетъ множество умовъ въ сферу безнародности и сѣетъ раздоръ въ областяхъ. Чтобы обмануть публику и скрыть подъ громкими словами свою политику германизаціи, она выдумала въ 1850 г. великолѣпныя выраженія: «Австрійскій народъ» и «Австрійскій патріотизмъ». Нашъ вѣкъ не видалъ болѣе безстыдной лжи, какъ эта фраза объ «Австрійскомъ народѣ» въ странѣ, составленной изъ десяти разныхъ племенъ, и объ «Австрійскомъ патріотизмѣ» въ государствѣ, гдѣ извѣстенъ только областной и народный патріотизмъ. Не удивительно, что выраженія эти были предметомъ всеобщаго хохота, когда впервые появились въ Вѣнскихъ газетахъ; но скоро бюрократія и часть Нѣмецкаго мѣщанства стали вѣрить имъ не на шутку.

Я надѣюсь, что объяснилъ причины, побудившія Австрію заглушать всѣми возможными средствами духовную жизнь своихъ подданныхъ-Славянъ, въ то именно время, какъ обстоятельства представляли ей, по видимому, самый удобный случай скрѣпить благонамѣренною политикою узы, привязавшія ихъ къ возобновленному престолу императора Франца-Іосифа. Конечно, Австрія не полагаетъ возможнымъ превратить семнадцать милліоновъ Славянъ въ Нѣмцевъ. Но она хочетъ, чтобы всякій, кто, между этими 17 милліонами Славянъ, возвысится надъ слѣпою массою простонародья и вступитъ въ

такъ называемый «интеллигентный» или «мыслящій» классъ (die Intelligenz), принадлежалъ тѣмъ самымъ къ Нѣмецкой народности и къ правительственнымъ идеямъ, чтобы онъ былъ членомъ «единой и католической Австріи» (einheitliches und katholisches Oesterreich), какъ гласитъ оффиціальная фраза. Пусть стадо семнадцати милліоновъ поселянъ продолжаетъ говорить на славянскомъ языкѣ, разныя нарѣчія котораго будутъ въ Австріи не болѣе, какъ деревенскими patois! Пусть оно продолжаетъ, если ему угодно, пѣть свои старинныя пѣсни и соблюдать обычаи своихъ предковъ! Какая въ томъ бѣда, лишь бы только люди, которые его учатъ и направляютъ, думали и говорили въ духѣ правительства? Эта мысль приковать къ себѣ навсегда Славянскія области, сдѣлавъ въ нихъ весь образованный и промышленный классъ участникомъ того, что̀ называется «великимъ Австрійскимъ и Нѣмецкимъ отечествомъ», была неоднократно выражаема газетами, служащими органомъ Вѣнскому министерству. Общее мнѣніе Славянъ приписываетъ сознательное развитіе и примѣненіе этой мысли главнымъ образомъ г. Баху, который, по ихъ сужденію, положилъ этотъ планъ въ основу всей внутренней политикѣ Австріи. Какъ бы то ни было, это стремленіе видно во всемъ образѣ дѣйствія Австріи относительно ея славянскихъ подданныхъ. Она покинула систему императора Іосифа II, заставлявшаго деревенскихъ дѣтей, не слыхавшихъ никогда слова по-нѣмецки, учить наизусть Нѣмецкія фразы и правила Нѣмецкой грамматики. Обученіе на Славянскомъ языкѣ оставлено элементарнымъ школамъ; но какъ скоро мальчикъ выйдетъ изъ сельскаго или приходскаго училища и захочетъ пріобрѣсти знанія, необходимыя для всякаго, кто не ограничивается состояніемъ земледѣльца или мастероваго, то все будетъ преподаваться ему уже по-нѣмецки, по-нѣмецки онъ постоянно будетъ говорить и писать, и Нѣмецкій языкъ сдѣлается ему скоро привычнѣе роднаго. Когда онъ кончитъ, послѣ 8-лѣтняго курса, гимназическое ученіе, то ему ужь нужно будетъ употреблять усиліе народнаго патріотизма, чтобы говорить по-славянски въ своей частной жизни. Такимъ образомъ Австрія надѣется, съ помощью общественнаго обученія, вовлечь весь образованный классъ общества въ кругъ Нѣмецкой народности и Нѣмецкихъ идей. Бывшій Чешскій публицистъ и Славянскій патріотъ, графъ Левъ Тунъ, человѣкъ честолюбивый и безъ состоянія, былъ избранъ въ исполнители этого плана, подъ высшимъ руководствомъ г. Баха.

Стало быть, Австрія разсчитывала преимущественно на молодое поколѣніе, поступавшее въ училища послѣ 1850 года. Что же касается до старшаго поколѣнія, то на него дѣйствуютъ разными средствами, исчисленіе коихъ было бы излишнимъ, какъ-то: приманкою выгодъ и

мѣстъ, шпіонствомъ, внушеніями и угрозами полиціи, газетными статьями и т. д. Нѣмецкій языкъ есть языкъ оффиціальный и покровительствуемый: одного этого достаточно, чтобы дать ему страшный перевѣсъ и наложить его на всѣ образованныя сословія. Дѣла дошли уже до того, что по-славянски въ послѣдніе годы почти перестали говорить въ публикѣ и обществѣ [1]). Пусть Чехъ, пусть Словакъ, пусть Хорватъ или Австрійскій Сербъ, изъ людей «порядочныхъ», употребляетъ теперь въ публикѣ свою родную рѣчь: тѣмъ самымъ онъ будетъ признанъ за человѣка, дѣлающаго оппозицію правительству, а число людей, готовыхъ рисковать этимъ, не велико. Такой человѣкъ будетъ немедленно провозглашенъ панславистомъ и приверженцемъ Россіи (ein russischgesinnter Mensch), а этого титула достаточно въ Австріи, чтобы подвергнуть того, кто его носитъ, всякаго рода непріятностямъ; онъ дурно отмѣчается въ книгахъ полиціи и, если занимаетъ казенную должность, то получаетъ разные выговоры и находится всегда въ опасности лишиться своего мѣста и остаться безъ куска хлѣба.

IX.

Религіозная система Австрійскаго правительства. — Отношенія западныхъ Славянъ къ Папѣ. — Исключительное положеніе Польши. — Конкордатъ Вѣнскаго правительства съ Римомъ. — Отношенія духовенства въ Славянскихъ земляхъ къ дѣлу народности. — Общій выводъ объ отношеніяхъ Австріи къ Славянскому дѣлу.

Религіозная система Австріи дополняетъ ея политическую систему. Славянскія племена, какъ было не разъ справедливо замѣчено, отличаются своимъ религіознымъ духомъ. Ихъ религіозныя стремленія дѣлаютъ ихъ, вообще, мало склонными къ духовному правленію Рима, и, между всѣми Славянами, одна только Польша, можно сказать, дѣйствительно предана ультрамонтанизму; но мы знаемъ, что Польша приняла, во всѣхъ отношеніяхъ, особое направленіе, весьма далекое отъ направленія другихъ Славянъ. Моравцы, Словенцы и Хорваты находятся, правда, также подъ сильнымъ вліяніемъ римскаго клира, но народная партія, даже въ этихъ, строго католическихъ, земляхъ, весьма склонна къ духовной свободѣ [2]). Но эти племена составляютъ лишь довольно слабое меньшинство между Австрійскими Славянами. Большинство Австрійскихъ Славянъ суть явные или тайные против-

---

[1]) Такъ было въ 1857—1858 годахъ. Послѣ пораженія, постигшаго Австрію при Маджентѣ и Сольферино, наступилъ, какъ замѣчено выше, поворотъ къ лучшему. Еще лучше стало послѣ Кенигреца.

[2]) У Словенцевъ осталось еще нѣсколько протестантской закваски: извѣстно, что протестантизмъ сильно распространился у нихъ въ исходѣ XVI вѣка.

ники Папскаго самовластія. Чехи не забыли преданій своей исторіи, которая вся заключается въ безконечной борьбѣ свободы совѣсти противъ господства Рима; они не забыли Гуситскихъ войнъ, самой блестящей страницы ихъ лѣтописей. Часть Словаковъ протестанты; Сербы принадлежатъ къ Восточной церкви; Русскіе Галичане также считаютъ себя еще ея членами, хотя были увлечены въ Унію. У всѣхъ этихъ Славянъ — диссидентовъ или *акатоликовъ*, какъ выражаются въ Австріи, религіозное чувство неразрывно связано съ чувствомъ народности, тогда какъ католицизмъ, который принялъ тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, плачевный характеръ государственнаго учрежденія, служитъ къ подавленію Славянской народности, даже когда ей, по видимому, покровительствуетъ. Это въ особенности замѣтно при сравненіи Словаковъ-протестантовъ съ ихъ братьею католиками, и православныхъ Сербовъ съ ихъ соплеменниками въ Славоніи, въ Далмаціи, подвластными Риму. Славяне считали церковныя учрежденія Рима столь противными духу своей народности, что довольно значительная партія между Чешскими патріотами была готова, во время броженія 1848 года, отречься отъ католической церкви. Для Австріи, напротивъ, католицизмъ, доведенный до крайнихъ своихъ теорій, служитъ самой вѣрною опорою и лучшимъ оплотомъ противъ развитія Славянскихъ народностей. Вотъ, конечно, одна изъ существенныхъ причинъ, породившихъ инквизиціонную политику, которой Австрія стала слѣдовать съ 1850 г., и которая выразилась въ конкордатѣ съ Римомъ, въ уничтоженіи церковныхъ законовъ императора Іосифа II, въ неограниченной власти, данной католическому духовенству въ дѣлѣ воспитанія и, наконецъ, въ призваніи Іезуитовъ. Епископы воспользовались произволомъ, который конкордатъ имъ предоставилъ надъ священниками, чтобы покарать всякаго изъ нихъ, кто подозрѣвался въ религіозномъ либерализмѣ. Въ тѣхъ славянскихъ областяхъ, гдѣ римскій клиръ сохранилъ еще власть надъ умами, онъ принялъ, особенно съ 1848 года, роль покровителя народности, но только для того, чтобы пользоваться ею, какъ орудіемъ своей политики. Такъ было въ Моравіи, я уже сказалъ объ этомъ; такъ было у Словенцевъ, гдѣ епископъ (г. Сломшекъ) основалъ славянское общество и раздаетъ его членамъ, между прочимъ, формулы молитвъ объ обращеніи Россіи и прочихъ Славянъ-схизматиковъ. Но гдѣ римское духовенство не можетъ распоряжаться Славянскою народностью, тамъ оно дѣлается ея противникомъ: примѣръ этого видимъ у Чеховъ. Австрійское правительство все болѣе и болѣе отдаетъ въ его руки учебныя заведенія. Римскій клиръ не только имѣетъ право надзора надъ ними; онъ уже сталъ завладѣвать учительскими каѳедрами во всѣхъ областяхъ имперіи: ему предоставлялись преимущественно каѳедры исторіи,

словесности и философскихъ наукъ; на нихъ стали возводить Іезуитовъ; почти всѣ инспекторы гимназій избирались въ этомъ орденѣ. Основываясь на томъ положеніи, что Греко-уніатское исповѣданье не есть отдѣльная церковь, а только особый обрядъ католицизма, поручаютъ католикамъ и между прочими Іезуитамъ богословское преподаваніе въ Русскихъ семинаріяхъ Галиціи. Принуждаютъ молодежь изъ диссидентовъ, воспитывающуюся въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, присутствовать при классахъ римскаго катихизиса. Постоянно и при всякомъ случаѣ даютъ чувствовать Словакамъ-протестантамъ, также какъ православнымъ Сербамъ, превосходство католиковъ; въ особенности дѣйствуютъ на Сербское населеніе, чтобы склонить его къ принятію Уніи. Нравственное гоненіе, которое оно испытываетъ, превосходитъ всякое вѣроятіе: Сербы въ Далмаціи и Воеводинѣ единогласно признаютъ, что въ настоящее время участь ихъ братій въ Турціи гораздо завиднѣе въ отношеніи вѣры, нежели ихъ собственная; а вѣдь Боснія и Герцеговина не могутъ назваться обѣтованною землею для свободы совѣсти.

Я старался дать возможно полное понятіе о положеніи Западныхъ Славянъ. Я изобразилъ нравственный разрывъ, отдѣляющій Польшу отъ остальнаго Славянскаго міра, и обозначилъ, съ чувствомъ искренняго утѣшенія, начатки умственной работы, которая должна разсѣять безплодныя, высокомѣрныя и самолюбивыя притязанія Поляковъ и вывести ихъ изъ одиночества въ союзъ славянскаго братства. Я описалъ ходъ народнаго возрожденія всѣхъ Славянскихъ племенъ, подвластныхъ Австріи: я показалъ, съ какими мечтами они всѣ, въ 1848 году, устремились на защиту Австрійскаго правительства, и какую систему правительство это избрало для того, чтобы вознаградить ихъ за ихъ преданность и усердіе. Я, надѣюсь, объяснилъ читателю, что чувство народности имѣетъ въ этихъ племенахъ огромную жизненную силу, потому что оно коренится въ умахъ массъ, но что оно имѣетъ также свою слабую сторону, бывшую неизбѣжною причиною разочарованія, какое испытали славянскіе патріоты, когда обстоятельства вдругъ потребовали отъ нихъ отвѣта на практическіе бытовые вопросы. Эта слабая сторона, повторяю, заключается въ томъ, что образованный классъ Западныхъ Славянъ забылъ большею частью органическія начала своего племени и принадлежитъ, по своимъ идеямъ и своимъ общественнымъ стихіямъ, Германскому и Латинскому міру. Это забвеніе ихъ общихъ племенныхъ началъ было также, какъ читатель видѣлъ, главною причиною ихъ несогласій и разъединенія. Настоящая минута, можетъ быть, самая горькая въ ихъ жизни. Австрійскіе Славяне утратили мечты, сопровождавшія первые ихъ шаги на пути возрожденія, и попали безъ защиты въ

руки растлѣвающей политики такого правительства, которое есть природный врагъ всякой народной жизни; они не успѣли еще, послѣ недавняго паденія, вновь подняться на ноги, опираясь на уроки прожитыхъ годовъ и укрѣпляя свой духъ струею народной жизни, еще не изсякшей въ ихъ деревняхъ, и общеніемъ съ другими славянскими народами. Но въ этомъ они найдутъ силу несокрушимую! Сколько бы Австрія ни старалась, она не уничтожитъ семнадцати милліоновъ Чеховъ, Словаковъ, Словенцевъ, Хорватовъ, Сербовъ, Русскихъ..... Чѣмъ больше станетъ она отрывать городскія сословія отъ народнаго дѣла, тѣмъ болѣе будетъ выступать на сцену жизни масса простонародья, съ ея неискаженнымъ характеромъ, съ ея духомъ, свободнымъ отъ чужихъ вліяній. Масса эта не поддастся на приманку должностей, она не устрашится полицейскихъ преслѣдованій, а употреблять силу, въ нашъ вѣкъ, для истребленія народностей уже невозможно.

Рагуза и Петербургъ.
1857—1858 г.

IV.

ВЕНГРІЯ И СЛАВЯНЕ.

IV.

Венгрія и Славяне.

Книга Шассена о Венгріи. — Духъ и призваніе Венгріи. — Славянскія государства тысячу лѣтъ тому назадъ. — Нашествіе Мадьяръ. — Языкъ и характеръ этого народа. — Вліяніе Мадьяръ на судьбу западно-славянскаго міра. — Арпадъ. — Солта. — Набѣги Мадьяръ. — Св. Стефанъ. — Его конституція. — Венгрія и древне-славянскій міръ. — Палатинъ. — Дворянство. — Мадьяры принимаютъ Половцевъ и Ясовъ. — Мадьяры подъ Кіевомъ. — Русскіе въ Венгріи. — Отношенія Мадьяръ къ туземцамъ. — Латинскій языкъ и его значеніе для Мадьярскаго народа. — Трансильванія. — Румыны. — Королевство Хорватское. — Либерализмъ Мадьяръ. — Завѣтъ св. Стефана. — Древняя Венгрія и древняя Англія. — Панславизмъ. — Кошутъ. — Венгерскіе Славяне въ войнѣ 1848—1849 г. — Отношенія Польши къ Венгріи. — Мадьяре и Польская шляхта. — Рыцарство. — Возможна ли борьба Мадьяръ съ Славянскимъ міромъ? — Заключеніе.

Jean de Hunyad, récit du XV-e siècle, précédé de la Hongrie, son génie et sa mission. Etude historique par Charles-Louis Chassin. Deuxième édition. Paris, 1859.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Венгрія пала предъ силами Россіи и Австріи [1]). Венгрія снова заговорила; Европа снова начинаетъ обращать на нее вниманіе. Снова, какъ десять лѣтъ тому назадъ, о Венгріи стали появляться во множествѣ статьи, брошюры, книги. Изъ числа этихъ сочиненій, мы выписали выше заглавіе одного, и намѣрены поговорить о немъ.

Книга г. Шассена о Гуніядѣ вышла теперь вторымъ изданіемъ. Первое напечатано было во время Восточной войны, но тогда слово о Венгріи было еще несвоевременнымъ. Теперь же книга эта скорѣе можетъ достигнуть цѣли, для которой она написана, именно: возбудить въ Западныхъ народахъ вниманіе къ Венгріи и дать имъ понятіе о Мадьярскомъ народѣ. Гуніядъ не есть главное дѣйствующее лице въ этой книгѣ. Онъ взятъ какъ типъ, какъ воплощеніе Мадьярскаго народа и его геройскихъ доблестей. Самъ авторъ говоритъ въ

---

[1]) Писано въ 1859 году.

своемъ предисловіи: «Книга моя состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей. Первая заключаетъ въ себѣ историческое и философское разсужденіе о Венгріи, ея духѣ и ея призваніи. Мы стараемся доказать въ немъ три великія истины: религіозный либерализмъ Венгерцевъ, ихъ политическій либерализмъ, ихъ геройство, когда имъ предстояло жертвовать собою для общаго дѣла. Борьба противъ свѣтскаго преобладанія католицизма, противодѣйствіе ѳеократическимъ притязаніямъ Рима, независимость Венгерской церкви, постоянно охранявшаяся, сочувствіе, съ какимъ принята была реформа Лютера и Кальвина; конституція св. Стефана, ея источники и развитіе, ея смыслъ и значеніе; непрестанная борьба противъ Австрійскаго гнета и мѣръ порабощенія, принимавшихся Австрійскимъ министерствомъ, вопросъ о Мадьярской народности и враждебныхъ племенахъ (la question de la nationalité magyare et des races ennemies); наконецъ истинный характеръ войны противъ Турокъ въ средніе вѣка, польза естественнаго союза съ Турками въ современную эпоху (l'utilité de l'alliance naturelle aves les Turcs à l'époque contemporaine),—таковы главныя точки, на которыхъ мы останавливаемся въ этомъ черезъ-чуръ короткомъ обозрѣніи, чтобы объяснить всѣмъ, что̀ такое была Венгрія, къ чему она можетъ служить въ настоящихъ обстоятельствахъ, и чѣмъ она будетъ со временемъ, что̀ бы ни случилось.—Вторая часть обозначена на заглавіи прекраснѣйшимъ именемъ, какое только встрѣчается въ Венгерскихъ лѣтописяхъ: именемъ Ивана Гуніяда. Около этого героя, неизмѣримо великаго своимъ мужествомъ и своею честностію, мы сосредоточили цѣлый періодъ Венгерской исторіи, одну изъ самыхъ бурныхъ, самыхъ славныхъ ея эпохъ—крестовый походъ противъ Оттомановъ и первыя войны съ Австріею. Разсказать объ этой многотрудной порѣ самопожертвованія значитъ, по нашему мнѣнію, напомнить забывчивой Европѣ о томъ, какъ ее нѣкогда хранили и спасали рьяные наѣздники Мадьярскіе, и какъ ее могли бы еще хранить и спасать ихъ достойные сыны, свободные граждане новой Венгріи».

Эта программа не только даетъ понятіе о содержаніи книги г. Шассена; она показываетъ также, что исторія поставлена у него въ служебныя отношенія къ современности. Онъ пишетъ объ Гуніядѣ не для науки, не для Гуніяда, а для подтвержденія, примѣромъ Гуніяда, современной политической темы.

Потому мы въ правѣ отстранить здѣсь Гуніяда, и обратиться непосредственно къ политической темѣ, составляющей сущность книги г. Шассена. Мы посмотримъ, справедливъ ли его взглядъ «на Венгрію, на ея духъ и призваніе», какъ онъ выражается. Мы считаемъ тѣмъ болѣе полезнымъ обсудить этотъ взглядъ, что хотя г. Шас-

сенъ говоритъ отъ своего лица, однако издатель его книги помѣстилъ въ предисловіи къ ней письма нѣкоторыхъ Мадьярскихъ корифеевъ, нѣкоторыхъ знаменитыхъ представителей Мадьярской народности, которые выражаютъ автору самую теплую благодарность за его сочиненіе. Изъ этого мы заключаемъ, что его взглядъ встрѣтилъ сочувствіе въ Мадьярскихъ сердцахъ. Притомъ, во многихъ статьяхъ и брошюрахъ, защищающихъ интересы Мадьяръ, мы встрѣчаемъ подобныя мысли и воззрѣнія.

Начиная предстоящій намъ разборъ, мы прежде всего заявляемъ друзьямъ Мадьярскаго народа наше искреннее и полное сочувствіе къ нему. Да и возможно ли не сочувствовать народу, столь доблестному, исполненному благороднаго энтузіазма, безпредѣльной любви къ отечеству, безконечной готовности жертвовать собою для общаго блага? Надобно имѣть Австрійское сердце, чтобы не сочувствовать Мадьярамъ. Кто изъ насъ не слыхалъ отъ людей, участвовавшихъ въ кампаніи 1849 года, какъ Мадьяры имъ полюбились, какъ имъ было жаль ихъ, и какъ всякому изъ нихъ хотѣлось пожать руку благородному противнику? И въ настоящее время, вся Русская литература, какія бы ни были въ ней разногласія по другимъ вопросамъ, съ общимъ сочувствіемъ слѣдитъ за возрожденіемъ Венгріи, доказывая этимъ, что сочувствіе, родившееся одинадцать лѣтъ тому назадъ, при личномъ столкновеніи съ Мадьярами, перешло у насъ въ общественное сознаніе. Съ какой же стати намъ принимать на себя неблагородный и невозможный трудъ противодѣйствовать этимъ чувствамъ? Напротивъ, мы желаемъ, чтобы они у насъ росли и развивались постоянно, чтобы Русскіе привыкали все болѣе и болѣе уважать многострадальный и крѣпкій душою народъ Мадьярскій, чтобы они съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ участіемъ слѣдили за его судьбою.

Но именно потому, что мы желаемъ этого, поднимемъ мы голосъ противъ воззрѣній, высказанныхъ въ книгѣ Шассена, и тѣхъ стремленій, которыя въ нихъ выражаются. Г. Шассенъ говоритъ, что, проникнутый пламеннымъ сочувствіемъ къ Мадьярскому народу, онъ желалъ своимъ перомъ послужить ему; Мадьярскія знаменитости, какъ замѣчено выше, дѣйствительно засвидѣтельствовали, что онъ, по ихъ мнѣнію, принесъ пользу дѣлу Мадьяръ. А мы, напротивъ, полагаемъ, что воззрѣнія, высказанныя г. Шассеномъ, вредны для дѣла Венгріи,—во-первыхъ, потому что они ложны, во-вторыхъ, потому что они оскорбительны для другихъ народовъ, и отчасти даже безнравственны,—и что каждый истинный Венгерскій патріотъ долженъ встрѣтить ихъ съ неодобреніемъ.

Народы, какъ люди: въ обществѣ уважаютъ только тѣхъ людей, которые сами уважаютъ своихъ ближнихъ; въ обществѣ отворачиваютъ-

ся отъ тѣхъ людей, которые не умѣютъ понять свое положеніе, и которые хвастливо возвѣщаютъ міру про свои особливые дары, про особливые подвиги, которые имъ назначено совершить.

Г. Шассенъ не только говоритъ объ особливомъ призваніи Мадьярскаго народа въ прошедшемъ; онъ объявляетъ о призваніи его въ будущемъ. Призваніе его въ прошедшемъ было (по словамъ г. Шассена)—защищать западную Европу отъ варваровъ Турокъ; призваніе его въ будущемъ—защищать, въ союзѣ съ Турками, западную Европу отъ новыхъ варваровъ, т. е., отъ Россіи. Многіе изъ читателей нашихъ, прочитавъ эти строки, спросятъ насъ: зачѣмъ мы тратимъ время на то, чтобы толковать о книгѣ, въ которой, въ наше время, пишутся такія пошлости? Но въ томъ-то и дѣло, что такіе взгляды еще не кажутся пошлостями нѣкоторымъ изъ важнѣйшихъ представителей Мадьярской народности [1]), какъ видно изъ благодарности, объявленной ими г. Шассену, и что мнѣнія и фразы его могутъ найти отголосокъ между Мадьярами. Потому только мы и не бросаемъ этой книги изъ рукъ, а продолжаемъ спокойно вести рѣчь объ ней, какъ будто бы о дѣльномъ сочиненіи.

Въ исторіи Гуніяда г. Шассена есть цѣлая глава подъ заглавіемъ: La Hongrie rempart de la civilisation (Венгрія—оплотъ образованности). Защитить своею грудью западную Европу отъ Азіятскихъ ордъ, отъ Татаръ и отъ Турокъ, было, по увѣренію нашего автора, задачею средне-вѣковой Венгріи. Дѣйствительно, Венгрія храбро воевала съ Татарами и Турками. Необширный, немногочисленный народъ Мадьярскій сдѣлалъ, относительно своихъ силъ, чрезвычайно много для отраженія этихъ дикихъ завоевателей. Но если бы авторъ не сосредоточилъ своего вниманія исключительно на Мадьярахъ, а посмотрѣлъ бы кругомъ и на другіе народы, то онъ сбавилъ бы восторженности въ своихъ фразахъ объ историческомъ *призваніи* Мадьярскаго народа въ средніе вѣка. Вообще, намъ кажется, что тутъ ни о какомъ особенномъ призваніи рѣчи быть не можетъ. Мадьярскій народъ жилъ на пути, по которому и Татаре и Турки должны были идти, чтобы распространить свои завоеванія на счетъ западной Европы. Татаре и Турки наткнулись на Мадьяръ: Мадьяры защищались; но и всякій другой народъ на ихъ мѣстѣ защищался бы, и, защищаясь, удержалъ бы на время Татаръ и Турокъ отъ нашествія на земли, которыя онъ заслонялъ собою. Въ этомъ отношеніи, другіе народы сдѣлали гораздо болѣе для охраненія западной Европы отъ

[1]) Этого мало: въ настоящее время, когда Австрійское правительство развязало Мадьярамъ руки и дало полную волю ихъ стремленіямъ, эта мысль сдѣлалась, какъ извѣстно, общею темою, единодушно провозглашаемою всѣми органами Мадьярской печати, всѣми Мадьярскими ораторами и политическими вождями.

Азіятскихъ ордъ, а г. Шассенъ о нихъ умалчиваетъ. Русь приняла на себя первые удары Татаръ, она болѣе всѣхъ остановила ихъ напоръ; Польша столько же сдѣлала, сколько и Венгрія, если не больше, чтобы оттолкнуть ихъ отъ западной Европы; а когда они, при первомъ налетѣ, сразили и Польшу, и Венгрію, то Чехи, съ одной стороны, Хорваты, съ другой, загородили имъ дорогу и побѣдами своими положили предѣлъ ихъ нашествію на Западъ. Г. Шассенъ, посвящая свое сочиненіе исторіи Мадьяръ, имѣлъ полное право выставить преимущественно ихъ участіе въ бояхъ съ Татарами; но почему онъ не указалъ на то мѣсто, которое ихъ частный подвигъ занимаетъ въ общей борьбѣ христіанскаго міра противъ потомковъ Чингизхана? Онъ сознается же, что вмѣстѣ съ Мадьярами и Польша спасла Европу отъ Татаръ: по какому случаю онъ приписываетъ эту честь только Мадьярамъ и Полякамъ, тогда какъ она принадлежитъ и Руси, и Чехамъ, и Хорватамъ? Потому ли только, что въ недавнее время Поляки были на сторонѣ Мадьяръ, а Хорваты, Чехи и Русскіе стояли противъ нихъ?

Такъ же точно смотритъ нашъ авторъ на борьбу Мадьяръ съ Турками. Опять онъ однимъ Мадьярамъ съ Поляками приписываетъ спасеніе отъ нихъ западной Европы. О другихъ народахъ, на которыхъ сломилась сила Османліевъ, онъ даже не удостоилъ упомянуть: ни о Русскихъ казакахъ, ни о Румынахъ, ни даже ò Сербахъ и Хорватахъ, которые, конечно, больше сдѣлали, чтобы остановить и отразить Турокъ, нежели Мадьяры. Мнѣ возразятъ, что Сербы пали въ борьбѣ, — но сколько силъ Турки должны были потратить, чтобы сломить ихъ геройское сопротивленіе. Да и сами Мадьяры, наконецъ, пали тоже, послѣ гибельной битвы у Мухача; бòльшая часть ихъ земли, съ столицею Будою, на полтораста лѣтъ сдѣлалась Турецкою областью; Трансильванія признала верховную власть Порты: а Хорваты съ частію Сербовъ продолжали геройски отстаивать свою родину, и трупами, грудами труповъ, загораживали дорогу на западъ, которую безъ нихъ не умѣли бы защитить малодушные государи Австрійскіе. Обо всемъ этомъ г. Шассенъ умолчалъ. Онъ даже не почтилъ ни однимъ словомъ тѣхъ Сербовъ и Хорватовъ, которые, сражаясь подъ Мадьярскими знаменами, прославились въ числѣ лучшихъ витязей христіанской Венгріи; онъ даже, увлеченный непонятною слѣпотою народной исключительности, рѣшился, на основаніи какихъ-то странныхъ силлогизмовъ, отрицать, чтобы благороднѣйшій боецъ Венгріи, великій Гуніядъ, былъ родомъ не Мадьяръ, а Румынъ, хотя самъ приводитъ свидѣтельства древнихъ актовъ, по которымъ его отецъ, Вукъ Бути изъ Гуніяда, прозывался *Олахъ*, что̀ по мадьярски значитъ Валахъ. Все это выказываетъ такую узкость

взгляда, которой мы не ожидали бы отъ Мадьяра, сколько-нибудь добросовѣстнаго и образованнаго, даже въ 1848 году, во время самаго сильнаго разгара народнаго фанатизма въ Венгерцахъ; а такъ пишетъ въ 1859 году, съ одобреніемъ Мадьярскихъ корифеевъ, Французскій авторъ, и думаетъ, что онъ служитъ этимъ дѣлу Мадьяръ!

Пусть Мадьяры гордятся доблестными подвигами своихъ предковъ,— что̀ можетъ быть лучше? Но пусть они и въ прошедшемъ не присвоиваютъ себѣ исключительно того, въ чемъ они были только участниками вмѣстѣ со многими другими народами. Борьба съ Азіятскимъ варварствомъ была въ продолженіе многихъ вѣковъ удѣломъ всей восточной Европы. Мадьяры приняли въ ней по необходимости участіе; они сражались храбро; но какое имѣютъ они право величаться званіемъ особливыхъ спасителей Европейской образованности? Пусть они взглянутъ на Россію: не выдержалъ ли Русскій народъ на своихъ плечахъ всю тяжесть Азіи? Не онъ ли стряхнулъ ее съ Европы и отодвинулъ назадъ, и донынѣ еще продолжаетъ неутомимо, непрестанно, отъ Каспійскаго моря до Тихаго Океана, борьбу христіанской Европы съ Азіятскимъ варварствомъ? Но кто изъ Русскихъ когда-либо величался этими подвигами и превозносилъ свой народъ передъ другими? А вѣдь подвиги эти не тѣмъ чета, которыми хвастаются Мадьяры.

Нѣтъ ничего проще и очевиднѣе, чѣмъ историческая роль Мадьяръ въ прошедшемъ. Нужно быть совершенно ослѣпленнымъ, чтобы не видѣть и не понять этой роли; но г. Шассенъ не могъ ее видѣть, потому что роль Мадьяръ опредѣляется только отношеніемъ ихъ къ другому, несравненно сильнѣйшему и важнѣйшему племени; а г. Шассенъ этого племени не любитъ, и на всю исторію восточной Европы смотритъ исключительно съ Мадьярской точки зрѣнія.

Мадьяры, какъ извѣстно, пришельцы въ Европѣ. Они заняли нынѣшнее свое отечество въ послѣднихъ годахъ девятаго столѣтія. Долго земля ихъ, — степное пространство по обѣимъ сторонамъ средняго Дуная, — переходила изъ рукъ въ руки, съ тѣхъ поръ какъ была оставлена Римлянами на произволъ народовъ, стремившихся разрушить всемірную имперію древности. Въ этихъ степяхъ царилъ Аттила; въ нихъ перебывали Руги, Готы, Гепиды, Лонгобарды, всѣ эти Нѣмецкія дружины, которыя шли завоевывать Западъ; потомъ Авары раскинули на нихъ свои шатры и сносили туда награбленныя богатства близкихъ и далекихъ странъ. Франки, послѣ тяжелой войны, низвергли державу Аварскую и почти уничтожили этотъ дикій народъ; нѣсколько лѣтъ оба берега средняго Дуная принадлежали къ Римской имперіи, возстановленной Карломъ Великимъ. Наконецъ, весь этотъ край перешелъ въ руки Славянъ, не завоеваніемъ,

а незамѣтнымъ наплывомъ этого племени, въ то время начинавшаго заявлять свою жизнь въ исторіи. На сѣверо-западъ отъ великой равнины Дунайской, въ Моравіи и подъ Карпатами, слагалось одно Славянское государство, такъ называемое Велико-Моравское княжество; на югѣ другое, Болгарія, достигала уже полнаго развитія своихъ силъ и уже владѣла нынѣшнею Валахіею и Трансильваніею. Съ обѣихъ сторонъ Славяне шли заселять плодородныя степи Аваровъ и сѣять хлѣбъ тамъ, гдѣ такъ долго кочевала съ своими стадами эта хищная орда. Еще въ 805 году Авары посылали жалобу къ Карлу Великому, что имъ отъ нашествія Славянъ негдѣ было жить. Скоро они совершенно исчезли, и черезъ нѣсколько лѣтъ, при распаденіи имперіи Карла Великаго, вся нынѣшняя Венгрія очутилась во власти Славянъ. Болгарія занимала юго-востокъ ея, Моравія сѣверъ, а на юго-западѣ возникло особое Славянское княжество Блатенское (названное такъ отъ Блатенскаго озера, Platten-See, по-мадьярски Balaton). Равнины эти, такимъ образомъ, сдѣлались средоточіемъ и мѣстомъ соприкосновенія всего западнаго Славянства. Западная часть Славянскаго племени, которая начинала уже распадаться на частныя группы и стремиться къ разъединенію, къ образованію нѣсколькихъ отдѣльныхъ народовъ и государствъ, снова увлечена была къ общенію и единству. Въ равнинахъ средняго Дуная поселенія Болгарскихъ Славянъ и Сербо-Хорватовъ сходились съ поселеніями Славянъ Закарпатскихъ; здѣсь могла образоваться точка соединенія между сѣверо-западною группою Славянъ, занимавшею въ то время все пространство отъ Эльбы до Вислы и далѣе, до предѣловъ Литвы, и между группою юго-западныхъ Славянъ, которая опиралась на Черное и Адріатическое моря. Въ западной половинѣ Славянскаго племени, простиравшейся отъ Даніи до Греціи, могло развиться то, чтó развилось потомъ въ восточной половинѣ, на Руси: единство народное и крѣпкая организація общественная и государственная. И дѣйствительно, какъ только Славяне утвердились въ Дунайской равнинѣ, ими овладѣло стремленіе къ единству. То племя и то княжество, которому принадлежала важнѣйшая часть этихъ земель, пространство между Карпатами и Дунаемъ, сдѣлалась весьма скоро, и, сколько видно, безъ всякаго насилія, средоточіемъ большаго Славянскаго государства. Въ исходѣ IX-го вѣка Велико-Моравское княжество (или королевство, какъ стали называть его) уже владѣло — на сѣверо-востокѣ Малою Польшею и частью нынѣшней Галиціи, на юго-западѣ Блатенскимъ княжествомъ. Это государство было такъ сильно, что отразило побѣдоносно всѣ удары Германіи. Политическое средоточіе всего западнаго Славянскаго міра, оно сдѣлалось также его духовнымъ средоточіемъ. Сюда, въ Великую Моравію, Кириллъ

и Меѳодій перенесли свою дѣятельность изъ Болгаріи. Христіанское просвѣщеніе, передаваемое на родномъ языкѣ и сопровождаемое Славянскою письменностью, стало разливаться отсюда съ неимовѣрною быстротою во всѣ стороны. Принятое уже Болгарами и Сербами, оно черезъ нѣсколько лѣтъ водворилось уже въ Чехіи и Малой Польшѣ, въ Краковѣ и Прагѣ. Связь религіозная должна была, разумѣется, ускорять и скрѣплять единство народное и политическое; она должна была вести къ тому, чтобы въ западной половинѣ Славянскаго міра образовался изъ всѣхъ, едва начинавшихъ обособляться, племенъ одинъ великій народъ (съ нѣкоторыми, быть можетъ, различіями нарѣчій и нравовъ), какъ эта связь повела у восточныхъ Славянъ, на Руси, къ образованію одного народа изъ многихъ племенъ, жившихъ тамъ въ IX вѣкѣ.

Къ чему всѣ эти предположенія? Онѣ намъ нужны для того, чтобы понять значеніе равнины средняго Дуная, и историческую роль Мадьяръ, которымъ судьба отдала эту равнину. Въ предположеніяхъ, нами сдѣланныхъ, нѣтъ, кажется, ничего произвольнаго: правильность ихъ очевидно подтверждаютъ факты, послѣдовавшіе тотчасъ за водвореніемъ Славянъ въ той странѣ. Еслибы не помѣшала случайность, то западный Славянскій міръ, вѣроятно, приступилъ бы въ девятомъ вѣкѣ — къ исполненію той задачи, которая, какъ кажется, лежитъ на Россіи девятнадцатаго вѣка: соединившись въ единство народное и государственное, онъ началъ бы самостоятельное развитіе Славянскаго духа и быта съ помощію просвѣщенія другихъ народовъ, онъ принялъ бы самостоятельное участіе въ самомъ ходѣ Европейскаго просвѣщенія. Западному Славянскому міру помѣшала случайность, и эта случайность были — Мадьяры. Случайностью я называю ихъ нашествіе, разумѣется, не потому, чтобы я былъ поборникомъ того ученія, по которому случай является управителемъ судебъ человѣческихъ. Этого вопроса я вовсе не касаюсь, и говорю только, что, какъ фактъ, вторженіе Мадьяръ въ Европу имѣетъ характеръ случайности: да и не сохраняютъ ли они до сихъ поръ характера исторической и этнографической случайности? Окруженные Славянами, Нѣмцами, Романцами, они всѣмъ одинаково чужіе; Нѣмецъ, Романецъ, Славянинъ, не понимая другъ друга, все-таки слышатъ другъ у друга какой-то общій строй рѣчи; и всѣмъ имъ одинаково дика и странна кажется однообразно-звонкая рѣчь Мадьяра. Славянинъ, или Романецъ, или Нѣмецъ хотятъ взаимно выучиться языкамъ Нѣмецкому, Славянскому, Романскому: для этого имъ стоитъ только усвоить себѣ чужіе звуки и слова; но чтобы заговорить по-мадьярски, для нихъ недовольно выучить Мадьярскіе звуки и слова; они должны, такъ сказать, перевернуть въ головѣ весь способъ выраженія мысли въ рѣченіи. Не только въ рѣчи Мадьяра окружающіе Европейскіе

народы слышатъ что-то чужое; они видятъ чужое въ его характерѣ и бытѣ. Мадьяръ носитъ на себѣ печать той самоуглубленной гордости, которая отличаетъ Азіатскіе народы отъ Европейскихъ. Хотя онъ сдѣлался по неволѣ земледѣльцемъ, однако пастушескій бытъ ему роднѣе: гдѣ можетъ, разводитъ онъ стада и съизмала сростается съ лошадью, какъ истый кочевникъ; просторная *пуста* (степь) ему необходима для житья; гдѣ кончается *пуста*, кончаются и жилища Мадьяръ. Разбросанныя по *пустѣ*, широкія селенія ихъ съ бѣленькими домиками сохраняютъ видъ шатровъ, укоренившихся на одномъ мѣстѣ.

Въ послѣднихъ годахъ IX вѣка, Мадьяры придвинули свои шатры и стада къ Карпатскимъ горамъ. Сначала отраженные Велико-Моравскими Славянами, они вскорѣ опять бросились на нихъ, когда эти Славяне сдѣлались неспособными къ дружной оборонѣ, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ въ княжескомъ родѣ, и истощены были продолжительною борьбою съ Германіею. Мадьяры въ нѣсколько лѣтъ завоевали равнину средняго Дуная, истребили тамъ Славянъ или выгнали ихъ, и подчинили себѣ тѣхъ, которые жили на склонѣ Карпатовъ, также какъ Румыновъ, занимавшихъ Трансильванію. Горныя мѣста Мадьяры для себя занять не хотѣли.

Водвореніе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ имѣло неисчислимыя послѣдствія для западнаго Славянскаго міра. Племя, совершенно чуждое Славянамъ и всей Европѣ, раздѣлило западный Славянскій міръ на двѣ половины, сѣверную и южную, и не оставило между ними ни одной точки соприкосновенія. Западный Славянскій міръ предоставленъ былъ всецѣло духу обособленія, который уже начиналъ проявляться въ нёмъ, когда утвержденіе Славянъ въ Дунайской равнинѣ вдругъ остановило западное Славянство на этомъ пути и дало перевѣсъ силѣ единенія. Но теперь ничего уже не могло воспрепятствовать началу обособленія. Ни въ сѣверной, ни въ южной группѣ, отдѣльно взятой, не было общаго средоточія, довольно сильнаго, чтобы стянуть каждую изъ нихъ и удержать отъ распаденія въ самой себѣ. И сѣверная и южная группа западныхъ Славянъ, со времени нашествія Мадьяръ, стала выработывать въ себѣ по нѣскольку отдѣльныхъ народностей тамъ, гдѣ въ началѣ были только племена, едва отличавшіяся другъ отъ друга, и которыя, при иныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно такъ же легко слились бы въ одно цѣлое, какъ на Руси Поляне, Вятичи, Новгородскіе Словѣне и др. Напрасны были усилія могущественнѣйшихъ государей побороть этотъ духъ обособленія и установить единство, то въ сѣверной, то въ южной группѣ западныхъ Славянъ. Непреодолимая сила народной особности уничтожала ихъ труды. Ни Симеону Болгарскому въ X вѣкѣ, ни Стефану Душану Сербскому въ XIV-мъ, ни Болеславу Жестокому

Чешскому въ X-мъ, ни Болеславу Храброму Польскому въ XI-мъ, ни Вячеславу II Чешскому въ XIII-мъ вѣкѣ не удалось, при огромнѣйшихъ усиліяхъ, связать во-едино двухъ Славянскихъ народовъ, столь близкихъ между собою, какъ Чехи съ Поляками, Сербы съ Болгарами. Южная группа, при всѣхъ превратностяхъ судьбы, осталась упорно раздѣленною на свои четыре народности (Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ); изъ четырехъ народностей, на которыя распалась сѣверная группа (Чеховъ съ Словаками, Лужицкихъ Сербовъ, Поляковъ и, наконецъ, Балтійскихъ Славянъ, подраздѣленныхъ, въ свою очередь, на нѣсколько племенъ, упорно отвергавшихъ соединеніе), только три первыя уцѣлѣли, а послѣдняя погибла подъ ударами Германіи.

Отдѣленные другъ отъ друга и разъединенные между собою, Славяне и сѣверной и южной группы не въ силахъ были сдѣлаться самостоятельными дѣятелями Европейскаго просвѣщенія, наравнѣ съ великими народами Романскими и Германскими. Сѣверная группа, отрѣзанная Мадьярами (въ началѣ язычниками, а впослѣдствіи католиками) отъ Греціи и Болгаріи, не могла отстоять православія противъ усилій римскаго и нѣмецкаго духовенства, и съ католицизмомъ приняла весь строй романо-германской жизни. Чехи, Поляки, Лужичане, нравственно, а частію и политически поработились западной Европѣ, а Балтійскіе Славяне, которые не хотѣли такого порабощенія, должны были остаться неподвижными при своемъ язычествѣ и были истреблены западною Европою; Поляки же, Чехи и Лужичане, въ слѣдствіе слабости своихъ силъ, сравнительно съ силами тяготѣвшаго надъ ними романо-германскаго міра, не въ состояніи были спасти природныхъ основъ своей славянской жизни даже въ глубинѣ народныхъ массъ: начала романо-германскаго міра, несомыя католицизмомъ, проникли у нихъ всюду, завладѣли всѣмъ народомъ, всѣми его понятіями, всѣмъ его бытомъ. Страшная реакція противъ католицизма и германскаго духа, родившаяся у Чеховъ изъ преданія православнаго христіанства и остатковъ славянскаго быта, и извѣстная подъ именемъ Гуситскихъ войнъ, вызвала дивные подвиги мужества; она имѣла огромное вліяніе на западную Европу, но не смогла освободить Чеховъ отъ нравственнаго подчиненія Западу; она только истощила ихъ силы въ благородной, но для нихъ самихъ безполезной борьбѣ и имѣла послѣдствіемъ совершенное ихъ порабощеніе Нѣмецкому племени. А у Поляковъ даже такой реакціи не было. Такимъ образомъ, историческая жизнь въ сѣверной группѣ западныхъ Славянъ протекла безъ внутренней самобытности, на почвѣ, подкопанной чужими стихіями и которая по этому даже не могла долго выдержать на себѣ никакого самостоятельнаго государственнаго зданія. Впрочемъ, разборъ явленій

исторической жизни у этихъ народовъ, явленій, которыя всѣ, посредственно, или непосредственно, развились изъ указаннаго нами начала, такой разборъ не относится къ предмету нашей статьи. Мы надѣемся изслѣдовать ихъ особо.

И такъ, водвореніе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ, мы сказали, предоставило сѣверо-западныхъ Славянъ безпрепятственно духу обособленія, и принудило ихъ примкнуть, какъ второстепенныя тѣла, къ организму несравненно сильнѣйшему, Романо-Германскому католическому Западу, который и заглушилъ въ нихъ свободное развитіе славянской жизни. А юго-западныхъ Славянъ Мадьяры, напротивъ, совершенно отрѣзали отъ Романо-Германскаго Запада и привязали къ гніющему организму Византіи. Вполнѣ чуждые окружающему міру народовъ, Мадьяры также мало могли быть для Славянъ Задунайскихъ проводниками образованности Латинскаго міра, какъ они не могли служить Чехамъ и Полякамъ звеньями соединенія съ міромъ православнымъ [1]). Юго-западные Славяне, Сербы и Болгаре, сохранили православное христіанство съ народнымъ богослуженіемъ и народною письменностью; но и они не въ состояніи были развиваться самобытно и плодотворно. На сѣверо-западѣ католицизмъ и бытъ латиногерманскій подточили народную почву и тѣмъ обусловили паденіе; на юго-западѣ народная почва осталась цѣла, въ слѣдствіе внутренняго характера православной церкви, которая не только не разрушала существенныхъ стихій славянскаго духа и быта, а напротивъ, давала имъ пріютъ и освященіе; но у Сербовъ и Болгаръ было слишкомъ мало силы, чтобы удержаться отъ вліянія Византіи, съ которою Мадьяры, такъ сказать, заперли ихъ въ одну ограду, и тлетворный воздухъ гнившей имперіи заразилъ, если не народную почву, то всю государственную надстройку. Историческое развитіе Болгаръ и Сербовъ было также лишено внутренней самостоятельности, также слабо, какъ развитіе сѣверо-западныхъ Славянъ, и еще скорѣе кончилось паденіемъ [2]).

Мы указали на послѣдствія водворенія Мадьяръ въ Дунайской странѣ: послѣдствія огромныя, роковыя для цѣлой половины Славян-

[1]) Надобно помнить, что въ эпоху, въ которую опредѣлилось послѣдующее развитіе западныхъ Славянъ, средства сообщенія мыслей были ничтожны и производились отъ народа къ народу почти исключительно непосредственнымъ соприкосновеніемъ.

[2]) Въ этомъ очеркѣ я не упомянулъ о двухъ небольшихъ народахъ, принадлежащихъ этнографически къ группѣ юго-западныхъ Славянъ, но которыхъ мѣстныя условія подчинили другимъ вліяніямъ. Это Словенцы и Хорваты, которые примкнули къ западному міру: сѣверные Словенцы къ Германіи, южные Словенцы и Хорваты къ Италіи; наконецъ, сѣверные Хорваты, испытывая на себѣ и Нѣмецкое и Итальянское вліяніе, въ государственной жизни примкнули къ Венгріи и заимствовали многое у Мадьяръ. Внутренней самостоятельности эти народы не имѣли, и еще менѣе другихъ западныхъ Славянъ пользовались политическою независимостью.

скаго племени, для всей средней полосы Европы, отъ Эльбы до Нѣмана, отъ Адріатическаго до Чернаго моря! Вотъ всемірно-историческое значеніе Мадьярскаго народа въ прошедшемъ. Чтó въ сравненіи съ этимъ — ихъ войны съ Турціею, съ Австріею?

Мысль объ этомъ значеніи Мадьяръ была вполнѣ опредѣленно выражена уже Чешскимъ историкомъ Палацкимъ, хотя она въ его исторіи поставлена какъ-то отрывочно и теряется изъ виду при дальнѣйшемъ изложеніи судебъ Чешскаго народа [1]). Впрочемъ, дѣло такъ ясно, такъ осязательно, что не видѣть и не понять его нельзя безъ особеннаго ослѣпленія. Но Французскій авторъ книги о Венгріи, о которой мы повели рѣчь, этого не хотѣлъ понять, въ слѣдствіе какого-то, проявляющагося у него вездѣ, неуваженія и невниманія къ Славянскому міру, и желанія сочинить для Мадьяръ какую-то первенствующую, не обусловленную никакими посторонними

[1]) Вотъ чтó онъ говоритъ объ этомъ (Dejiny národu českého I, 225): „Вторженіе Мадьярскаго народа и водвореніе его въ Венгріи принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ событій всемірной исторіи; никогда судьба не поразила Славянскаго міра ударомъ, который отзывался тяжеле на цѣлые вѣка. Въ девятомъ столѣтія Славяне расширили поселенія свои отъ границъ Голштиніи до Пелопоннеса, и хотя они, въ слѣдствіе старинной своей разрозненности, раздѣлены были между собою многоразлично, однако повсюду выказывали они себя храбрыми, воспріимчивыми и дѣятельными. Въ срединѣ обширной полосы, занятой ими, начинало, подъ рукою Ростислава и Святополка, образоваться зерно, успѣшное развитіе котораго обѣщало въ будущемъ прекрасный цвѣтъ просвѣщенія христіанскаго и вмѣстѣ народнаго; расположеніе, которымъ оно пользовалось и отъ Рима и отъ Цареграда, ручалось за безконечный, можно сказать, успѣхъ его развитія. Къ этому зерну примкнули бы со временемъ, по внутреннему и внѣшнему побужденію, всѣ племена Славянскія; отъ него онѣ получили бы, вмѣстѣ съ христіанствомъ, если не новыя политическія учрежденія, то, по крайней мѣрѣ, образованность ново-европейскую и притомъ народную, умственную и промышленную дѣятельность, единство языка, письменъ и литературы. Какъ на западѣ, подъ вліяніемъ Рима, возникла монархія Франкская, точно также возникла бы на востокѣ, не безъ вліянія Византіи, великая держава Славянская, и восточная Европа получила бы, тысячу лѣтъ тому назадъ, другой вообще строй, нежели какъ то случилось. Но тѣмъ, что Мадьяры, ворвавшись въ самое сердце возникающаго организма, истребили это сердце, уничтожены были навсегда всѣ такого рода надежды. Члены великаго тѣла, еще не успѣвшіе сростись, распались снова, ибо чужая стихія насильно внѣдрилась между ними. Стоя одиноко, не зная никакихъ общихъ цѣлей, каждый членъ съ тѣхъ поръ заботился единственно о себѣ самомъ, тратилъ свои силы въ ничтожныхъ стычкахъ съ сосѣдями, и никогда уже не былъ въ состояніи твердо противостать иноземцамъ, соединеннымъ крѣпкою сосредоточенностью, основанною на общихъ ихъ выгодахъ. Эта разрозненность, это раздробленіе Славянъ, ихъ продолжительное пребываніе въ язычествѣ, и наконецъ, особенность ихъ мѣстоположенія, подвергавшаго ихъ необходимости въ продолженіе многихъ столѣтій отражать отъ Европы налеты дикихъ Азіатскихъ ордъ,—все это объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя вѣтви Славянскія, какъ-то: Бодричи, Велеты и Полабскіе Сербы, мало-по-малу совершенно погибли, а остальная часть Славянскаго племени, не смотря на свою воспріимчивость и природную способность, тѣмъ не менѣе отстала не на одно столѣтіе отъ народовъ западныхъ, пользовавшихся бóльшимъ спокойствіемъ“.

стихіями, роль на востокѣ Европы. А надобно замѣтить, что г. Шассенъ читалъ опредѣленіе историческаго значенія Мадьяръ, сдѣланное Палацкимъ; онъ читалъ это опредѣленіе и не понялъ его смысла, а удовольствовался только этимъ замѣчаніемъ, брошеннымъ вскользь: «Палацкій написалъ въ одной изъ своихъ книгъ: «Въ то самое мгновеніе, когда Славянскія племена готовы были слиться между собою, явились Мадьяры и, вонзившись въ средину Славянъ, воспрепятствовали ихъ соединенію». Отсюда (продолжаетъ г. Шассенъ) гнѣвъ панславистовъ противъ Венгровъ и ихъ постоянныя и несправедливыя нападки на Венгрію».

По какому случаю панслависты, какъ ихъ называетъ г. Шассенъ, дѣлали нападки на Мадьяръ, объ этомъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ послѣдствіи, и увидимъ, были ли эти нападки несправедливы или нѣтъ. Но мы можемъ съ увѣренностью сказать, что ни одинъ изъ панславистовъ (подъ этимъ именемъ разумѣю всѣхъ людей, желающихъ развитія Славянскихъ народностей и ихъ взаимнаго общенія), что ни одинъ изъ панславистовъ не питаетъ гнѣва противъ Мадьяръ за то, что̀ они сдѣлали Славянамъ въ прошлые вѣка. Гнѣваться на нихъ за это можно было развѣ въ сентиментальныхъ стихахъ, какъ Коларъ, оплакивавшій въ своей поэмѣ всѣ жертвы, какія судьба похитила у Славянскихъ народовъ. Это было кстати на извѣстной ступени развитія народнаго сознанія у западныхъ Славянъ, при младенческомъ взглядѣ, который отличаетъ сочиненія Колара, не уничтожая ихъ достоинствъ и значенія. Но съ какой стати вздумали бы теперь Славяне, болѣе хладнокровно и зрѣло смотрящіе на вещи, гнѣваться за то дѣло, которое судьба велѣла совершить Мадьярамъ? Гнѣваться на нихъ и на судьбу Славяне могли бы развѣ только тогда, когда бы они узнали, что было бы лучше, если бы самостоятельное и общее развитіе Славянскаго міра началось въ девятомъ вѣкѣ, а не въ девятнадцатомъ, если бы оно имѣло основною почвою средину Европейскаго материка по обѣимъ сторонамъ Карпатовъ, а не пространство отъ Бѣлаго моря до Чернаго и до Тихаго океана. Что̀ было бы лучше для Славянскаго міра и для всего человѣчества, никто не рѣшитъ; и потому никто не почувствуетъ вражды къ Мадьярамъ за то, что они лишили западныхъ Славянъ возможности начать въ девятомъ вѣкѣ общими силами самобытное историческое развитіе. Мало ли полегло на землѣ племенъ и поколѣній, не достигши полнаго проявленія своихъ природныхъ началъ? Можно жалѣть объ нихъ, но зная, сколько жертвъ требуетъ тяжелый ходъ исторіи, нечего питать безплоднаго гнѣва противъ тѣхъ, кто погубилъ эти племена и поколѣнія [1]).

[1]) Эти строки подадутъ, быть можетъ, поводъ обвинить насъ въ фатализмѣ. Трудно не сдѣлаться въ нѣкоторомъ смыслѣ фаталистомъ при размышленіи о ходѣ исто-

Мы знаемъ историческую роль Мадьяръ. Роль эта не ограничивается первымъ временемъ ихъ пребыванія въ Дунайской странѣ; она продолжалась много вѣковъ. Мы надѣемся, что въ настоящее время она кончилась, и что для Мадьярскаго народа наступила другая роль. Но останемся пока еще въ прошедшемъ.

Народъ немногочисленный, ворвавшійся въ средину племенъ чуждыхъ, несравненно многочисленнѣйшихъ и сильнѣйшихъ, какимъ образомъ Мадьяры могли устоять въ завоеванной землѣ и не быть изгнанными или задавленными общимъ напоромъ сосѣдей? и вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ образомъ, удерживаясь среди Европейскихъ народовъ, могли они не утратить своей народности? Удержать свою народность, конечно, было для нихъ возможно въ слѣдствіе того, что Мадьяры не разсѣялись по всей покоренной ими странѣ, а столпились въ срединѣ ея, въ привольныхъ степяхъ, отодвинувъ туземцевъ подъ горы, и что, прикасаясь къ тремъ разнымъ народностямъ, Славянамъ, Румынамъ и Нѣмцамъ, они не могли подпасть подъ исключительное вліяніе ни одной изъ нихъ. Но какимъ чудомъ Мадьяры спаслись отъ изгнанія или истребленія дружнымъ натискомъ народовъ, которые столько пострадали отъ ихъ вторженія и которые, наконецъ, должны были соединиться противъ хищныхъ пришельцевъ? Почему они не были выгнаны, какъ Гунны, или не были истреблены, какъ Авары? Гунны и Авары принадлежали къ тому же племени, какъ Мадьяры; они расположились въ тѣхъ же мѣстахъ; они были сильнѣе и страшнѣе ихъ. Какимъ же образомъ Мадьяры избѣжали участи своихъ могущественныхъ предшественниковъ?

Этотъ народъ одаренъ былъ удивительнымъ инстинктомъ самосохраненія. Инстинктъ самосохраненія составляетъ, такъ сказать, существенную черту всей прежней исторіи Мадьяръ, и особенно поразителенъ онъ въ началѣ ихъ Европейской жизни. Судьба какъ бы нарочно надѣлила Мадьяръ въ такой удивительной степени этимъ инстинктомъ сообразно съ необыкновенной опасностью ихъ положенія въ Европѣ, дабы могла устоять эта живая стѣна людей, раздѣлявшая на двое Западно-Славянскій міръ.

Изъ всѣхъ завоевателей Уральскаго племени, одни Мадьяры съ самаго начала умѣли воздержаться отъ главной причины, которая

ріи. Но это не такой фатализмъ, который уничтожаетъ личную и народную дѣятельность и отвѣтственность. Всякій человѣкъ и всякій народъ окружены враждебными стихіями. Если эти стихіи восторжествуютъ и человѣкъ или народъ погибнетъ, то — по собственному безсилію, по собственной винѣ. Такъ было и въ томъ случаѣ, который мы здѣсь разсматривали. Если Мадьяры вломились въ сердце западнаго Славянства и раздробили эти племена, то виноваты были сами Славяне: внутреннимъ раздоромъ и отсутствіемъ взаимной поддержки они приготовили побѣду врагу, который, пока не возникли у нихъ раздоры, тщетно пытался къ нимъ ворваться.

увлекла въ скорому паденію орды Аттилы и Баяна, Алпъ-арслана и Малекъ-шаха, Чингизхана и Тамерлана, и участвовала въ быстромъ ослабленіи Османліевъ: Мадьяры не прельстились подчиненіемъ себѣ огромнаго пространства земель, огромнаго количества народовъ. Они тотчасъ же и, какъ видно, совершенно добровольно и сознательно, ограничили пространство, которымъ хотѣли владѣть, естественными предѣлами страны, гдѣ они поселились и гдѣ получили дѣйствительный перевѣсъ надъ всѣми другими народностями. Это видно изъ древняго Мадьярскаго преданія о томъ, какъ тотчасъ послѣ покоренія всѣхъ племенъ внутри самой Венгріи, сынъ перваго завоевателя Арпада, Солта, опредѣлилъ границы своего государства: границы эти совпадаютъ съ естественными предѣлами Венгріи [1]). Это видно изъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, какъ Венгерскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ порывѣ воинственной ярости, сопровождавшей пріобрѣтеніе новаго отечества, Мадьяры стали дѣлать опустошительные набѣги на окрестныя земли, въ Германію, Италію и Греческія области; но эти набѣги имѣли единственною цѣлію поживиться добычею и показать свою удаль. Нѣтъ слѣда, чтобы какой-либо изъ этихъ набѣговъ былъ внушенъ мыслію о завоеваніи, объ утвержденіи Мадьярскаго господства за Карпатами и южнѣе Дуная и Савы. Ни въ одномъ изъ этихъ набѣговъ не участвовалъ самъ государь Мадьярскій; это были частныя предпріятія нѣкоторыхъ старшинъ для стяжанія богатства и славы. Но эти набѣги скоро прекращены были, какъ только Германія собралась съ силами для ихъ отраженія, и Венгры избѣгли, такимъ образомъ, мести со стороны западной Европы. Едва кончилась эпоха набѣговъ, обусловленная избыткомъ воинственныхъ силъ, какъ главною заботою преемниковъ Арпада сдѣлалось распространеніе и утвержденіе христіанства между Мадьярами. Этимъ только Мадьярскій народъ могъ вступить въ Европейскую семью. Распространеніемъ христіанства ознаменовалъ себя въ особенности четвертый преемникъ Арпада, св. Стефанъ, котораго народное преданіе именуетъ творцомъ Венгріи, и за которымъ исторія должна признать это названіе. Его учрежденіямъ Мадьярскій народъ обязанъ своимъ сохраненіемъ. Стефанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ организаторовъ, которыхъ судьба посылаетъ иногда младенчествующимъ народамъ, окруженнымъ опасностями, несоразмѣрными съ ихъ силами, и нуждающимся въ мудрой и крѣпкой постройкѣ государственнаго зданія, сообразнаго съ ихъ положеніемъ. Мы, впрочемъ, не хотимъ сказать, чтобы учрежденія св. Стефана были личнымъ твореніемъ его

---

[1]) За исключеніемъ юго-западной границы, гдѣ лѣтописецъ хотѣлъ, какъ кажется, узаконить авторитетомъ древности современныя ему притязанія Венгріи.

произвола: какъ всѣ живыя учрежденія на свѣтѣ, они родились изъ потребностей народа и дали имъ только сознательную форму и освященіе. Венгерскіе историки не безъ основанія видятъ зародыши Стефановыхъ законовъ въ первыхъ распоряженіяхъ Арпада и его сподвижниковъ въ Дунайской странѣ. Возникши изъ живаго источника, учрежденія св. Стефана продолжали жить и развиваться при его преемникахъ, такъ что, вѣроятно, многое, приписываемое святому королю, установилось только въ послѣдующее время; но критическій разборъ этого предмета увлекъ бы насъ слишкомъ далеко.

Если мы сообразимъ положеніе Мадьяръ — чужаго племени, насильно захватившаго земли среди Европейскихъ народовъ и подвергнутаго опасности быть поглощеннымъ ими, либо изгнаннымъ и истребленнымъ, то мы увидимъ, что, кромѣ принятія христіанства, Мадьярамъ нуженъ былъ такой государственный порядокъ, который, съ одной стороны, не заключалъ бы въ себѣ излишней сосредоточенной власти, а съ другой — не отстранялъ бы единства въ правительствѣ; что слѣдовало, съ одной стороны, оставить за Мадьярами-завоевателями нѣкоторыя преимущества, а съ другой — дать подчиненнымъ племенамъ такія права, которыя вызвали бы въ нихъ участіе къ сохраненію порядка вещей, созданнаго Мадьярскимъ завоеваніемъ. Какъ отсутствіе правительственнаго единства было бы очевидною гибелью для Мадьяръ, такъ была бы гибельна для нихъ деспотическая централизація, которая поставила бы въ зависимость отъ личныхъ дарованій правителя судьбу такого шаткаго зданія, какимъ бываетъ всегда государство, основанное на завоеваніи: событія, разыгравшіяся въ тѣхъ же мѣстахъ послѣ смерти Аттилы и Баяна, доказываютъ это, не говоря о другихъ примѣрахъ. Нѣкоторыя преимущества Мадьяры должны были оставить за собою, чтобы ихъ потомки не имѣли охоты перерождаться въ Славянъ или Валаховъ; но нужно было предотвратить угнетеніе Славянской и Румынской народности Мадьярскою, чтобы не дать имъ повода возстать и призвать противъ Мадьяръ своихъ соплеменниковъ съ сѣвера, юга и востока. Такова была задача, предстоявшая первому устроителю Мадьярской державы. Св. Стефанъ рѣшилъ ее съ умѣньемъ, которому нельзя не дивиться.

Вопросъ объ единодержавіи былъ уже рѣшенъ до него. Хотя при вторженіи въ Европу, власть князя была весьма слаба, и онъ казался въ началѣ только главою союза почти независимыхъ старшинъ, соединившихся для общаго похода, однако, тотчасъ по водвореніи на Дунаѣ, значеніе этой власти, силою обстоятельствъ, стало все болѣе и болѣе возвышаться. Вѣроятно, если бы св. Стефанъ захотѣлъ воспользоваться своею побѣдою надъ частію народа, взбунтовавшеюся противъ введенія христіанства, и въ слѣдъ за тѣмъ покореніемъ Тран-

сильваніи (гдѣ одинъ изъ старшинъ, спутниковъ Арпада, основалъ было независимое княжество), то онъ могъ бы взять въ руки власть неограниченную. Но онъ этого не сдѣлалъ. Мадьяры съ гордостію указываютъ на свою конституцію, какъ на древнѣйшую въ Европѣ: они имѣютъ на это полное право. Конституція св. Стефана получила свое начало около 1000 г., и стало быть, слишкомъ столѣтіемъ старше Англійской *Magna Charta*. Не вдаваясь въ подробности ея, мы укажемъ только на то, что конституція св. Стефана совмѣщала въ себѣ всѣ условія, бывшія необходимыми для сохраненія Мадьярской народности въ завоеванномъ ею краѣ. Королевская власть была довольно сильна; но странѣ, раздѣленной на комитаты, предоставлялось полное мѣстное самоуправленіе; сеймъ, въ которомъ могли участвовать всѣ дворяне или свободные люди (это было одно и то же: древнее дворянство Мадьярское, по своей многочисленности и политическому значенію, соотвѣтствуетъ шляхтѣ, развившейся потомъ въ Польшѣ), — сеймъ рѣшалъ законодательные вопросы и другія важныя дѣла, общія для всей страны; въ каждомъ комитатѣ созывался сеймикъ или конгрегація, представлявшая въ маломъ видѣ подобіе общаго сейма. Замѣчательно сходство всего этого государственнаго порядка съ древнимъ политическимъ устройствомъ западныхъ Славянскихъ народовъ. Они также дѣлились первоначально на *жупы*, совершенное подобіе Венгерскихъ комитатовъ, имѣвшихъ каждый, какъ и Славянскія *жупы*, укрѣпленное средоточіе, гдѣ собирался народъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія, гдѣ производился торгъ, находился судъ, и жилъ начальникъ комитата, *ишпанъ* (слово — очевидно, передѣланное изъ Славянскаго *жупанъ*). Сходки въ славянскихъ *жупахъ* и общій сеймъ въ главномъ городѣ земли представляютъ такое же сходство между древнимъ устройствомъ западныхъ Славянъ и Мадьяръ. Весьма вѣроятно, или, лучше сказать, несомнѣнно, что государственный порядокъ Венгріи сложился на подобіе того порядка, въ которомъ Мадьяры застали туземныхъ Славянъ при водвореніи своемъ между ними. Но устройство *жупъ* съ ихъ сходками у западныхъ Славянъ подверглось повсюду скорому разложенію подъ вліяніемъ многихъ постороннихъ стихій; а у Мадьяръ, сознательно принятое законодателемъ за основу всего политическаго бытія страны, оно утвердилось незыблемо и устояло донынѣ. Одно учрежденіе исключительно свойственно Венгріи, и возникло какъ будто бы изъ стремленія оградить государство отъ опасностей междуцарствія и отъ столкновеній между сеймомъ и королемъ. Это была должность палатина. Когда король правилъ, палатинъ былъ верховнымъ судьею и надзирателемъ пограничныхъ крѣпостей, оборонявшихъ страну; блюститель закона, онъ предсѣдательствовалъ на сеймахъ, хранилъ государственные уста-

вы и грамоты, и передавалъ королю жалобы его подданныхъ. Въ случаѣ же отсутствія короля или неспособности его къ правленію, а также во время междуцарствія, верховная власть переходила къ палатину. Нельзя не дивиться тому, что, при такихъ правахъ палатина, эта должность осталась неприкосновенною во все время независимости Венгріи, и что какъ короли не рѣшались уничтожить званіе, столь стѣснительное для нихъ, такъ, съ другой стороны, никто изъ палатиновъ не отважился присвоить себѣ королевскую власть.

Мы сказали, что политическія права (участіе въ сеймахъ и сеймикахъ и другія преимущества, о которыхъ мы не распространяемся) принадлежали дворянству, и что дворянами были въ Венгріи всѣ свободные люди [1]). Они не платили податей; они обязаны были итти на войну, по призыву короля. Первоначально этотъ господствующій классъ составляли завоеватели, Мадьяры; туземцы были обращены въ низшее сословіе, лишенное политическихъ правъ и жившее большею частію въ качествѣ крѣпостныхъ людей на земляхъ, которыя Мадьяры распредѣлили между собою при завоеваніи. Но Мадьяры умѣли избѣгнуть исключительности; они не поставили рѣзкой грани между собою и побѣжденными народами. Мадьярская терпимость относительно другихъ народовъ упрочила завоевательное государство Арпадово и спасла Мадьяръ. Терпимость эта проявлялась двоякимъ образомъ. Съ одной стороны, Мадьяры не только не берегли своихъ правъ исключительно для себя, но охотно дѣлились ими со всѣми единоплеменными кочевниками, которые подходили къ ихъ границамъ. *Единоплеменниковъ* они тотчасъ принимали, какъ равноправныхъ братій, и отводили имъ жилища въ своихъ степяхъ. Эти пришельцы, естественно, теряли скоро свои особенности среди родственныхъ Мадьяръ, и органически сливались съ ними. Пріемъ пришлыхъ кочевыхъ племенъ въ общество Мадьяръ начинается на первомъ шагу ихъ въ Европѣ. Когда Мадьяры еще только сбирались перейти за Карпатскія горы, они допустили въ свою орду семерыхъ старшинъ Половецкихъ (Куманскихъ) съ ихъ родами и подвластнымъ имъ народомъ. При завоеваніи Трансильваніи, Мадьяры тотчасъ побратались съ такъ называемыми Секлерами, которыхъ преданіе, можетъ быть основательно, выдаетъ за потомковъ Гунновъ, оставшихся тамъ послѣ разрушенія Аттилиной державы. Сынъ Арпада, Солта, принялъ въ Мадьярское общество Бисеновъ; внукъ Арпада, Тотсунъ, какихъ-то магометанъ, выходцевъ изъ земли *Буларъ* (вѣроятно, Волжской Болгаріи), и водворилъ ихъ

---

[1]) Со времени св. Стефана званіе свободныхъ людей, но не дворянъ, стали получать также горожане (бюргеры), жители привилегированныхъ „свободныхъ королевскихъ“ городовъ, по большей части переселенцы изъ Германіи; имъ даны были также политическія права.

большею частію около Пешта, гдѣ они, по принятіи христіанства, слились съ Мадьярами. Переходъ кочевниковъ изъ Черноморскихъ степей въ Венгрію продолжался и въ послѣдующее время, и завершился въ XIII вѣкѣ самымъ значительнымъ переселеніемъ: тогда Мадьяры отвели у себя жилища всей ордѣ Половцевъ (Кумановъ) и Языговъ или Ясовъ, гонимыхъ Татарами, и дали имъ всѣ права, коими сами пользовались. Этотъ многократный приливъ единоплеменниковъ съ востока болѣе всего способствовалъ внутреннему упроченію Мадьярской народности; можно даже полагать, что безъ послѣдняго и главнаго приращенія силъ принятіемъ Половцевъ, она давно исчезла бы сама собой.

Въ отношеніи къ народамъ *Европейскимъ*, древніе Мадьяры руководствовались мудрою общительностію и терпимостью, и тѣмъ заставили ихъ забыть зло и обиды завоеванія. Эта черта проходитъ черезъ всю прежнюю исторію Мадьяръ, начиная съ первыхъ шаговъ ихъ на Европейской землѣ. Древнѣйшій Русскій лѣтописецъ упоминаетъ о томъ, какъ Венгры прошли мимо Кіева, на пути къ своему новому отечеству; древнѣйшій лѣтописецъ Венгерскій говоритъ о томъ же, прибавляя сказаніе о войнѣ съ Кіевскимъ княземъ и о блистательной побѣдѣ надъ нимъ. Мы въ правѣ не вѣрить сказочнымъ подвигамъ Мадьяръ подъ Кіевомъ, тѣмъ болѣе, что самъ лѣтописецъ ссылается, для удостовѣренія въ правдивости своего повѣствованія, на народныя пѣсни Мадьярскія; однако, едва ли, при такомъ походѣ, могло обойтись безъ враждебныхъ столкновеній. Но и въ Мадьярскомъ преданіи война съ Русскими кончается миромъ и дружбою, такъ что, при переходѣ за Карпаты, многіе Русскіе пошли за Мадьярскимъ вождемъ, поселились въ Венгріи и вѣрно служили ея государямъ: «Потомство ихъ, говоритъ лѣтописецъ, живетъ тамъ до нынѣшняго дня». (Anonym. reg. Belae notarius, гл. 10). Нѣтъ никакого основанія отвергать это сказаніе; но какъ бы то ни было, обширныя поселенія Русскихъ людей (Малороссовъ) въ Венгріи восходятъ до отдаленнѣйшей древности, и эти Русскіе жили постоянно въ дружбѣ съ Мадьярами. Даже событія 1848 года не поколебали ея, сколько намъ извѣстно. Тяжеле была въ началѣ, безъ сомнѣнія, участь другихъ Славянъ въ Венгріи, а также Румыновъ, какъ народовъ завоеванныхъ; но, сколько видно изъ древнихъ свидѣтельствъ, Мадьяры не были жестоки въ обращеніи съ своими подданными. Они отличались этимъ отъ своихъ предшественниковъ въ завоеваніи Дунайской страны, Аваровъ, свирѣпость которыхъ на многіе вѣка осталась памятною Славянамъ; за то и гибель Аваровъ была ужасна, и обратилась въ притчу точно такъ же, какъ ихъ жестокость. Преданіе Мадьярское олицетворило въ первомъ завоевателѣ, Арпадѣ, дружеское об-

щеніе съ туземцами. Оно представляетъ его пирующимъ ежедневно съ своими Венграми и съ другими народами: «И сосѣдніе народы, — прибавляетъ Мадьярскій лѣтописецъ, — слыша о дѣлахъ Венгровъ, стекались къ князю Арпаду, и, добровольно покоряясь, служили ему съ великимъ рвеніемъ, а многіе сдѣлались у него домашними гостями». Скоро Славяне и Румыны стали приниматься въ ряды свободныхъ людей или дворянъ, а, съ другой стороны, многіе изъ Мадьяръ, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, переходили въ разрядъ крѣпостныхъ. Уже во время св. Стефана въ Венгріи, можно полагать, не все дворянство состояло изъ Мадьяръ, и не всѣ туземные жители, Славяне и Румыны, лишены были политическихъ правъ. Право мѣстнаго самоуправленія получили, по конституціи св. Стефана, одинаково комитаты чисто Мадьярскіе и комитаты, въ которыхъ жили почти исключительно Славяне и гдѣ, по всей вѣроятности, само дворянство было более или менѣе Славянское. Такимъ образомъ, конституція св. Стефана сдѣлалась дорогою не только Мадьярамъ, но и Славянамъ, какъ хранительница общихъ правъ и вольностей. Венгерскіе Славяне стали сами съ ревностію поддерживать уставъ, на которомъ держалось все государственное зданіе, воздвигнутое Мадьярами въ завоеванной Славянской землѣ. Св. Стефанъ, въ своей конституціи, прибавилъ еще одно важное примирительное начало: вмѣстѣ съ христіанствомъ, принятымъ изъ Рима, онъ ввелъ Латинскій языкъ въ Венгріи, не только какъ языкъ церкви, но какъ языкъ правительственный и административный. Латинскій языкъ, употребленіе котораго въ средніе вѣка принесло другимъ странамъ западной Европы огромный вредъ, задержавъ развитіе народной образованности и заглушивъ много живыхъ народныхъ силъ, оказалъ, напротивъ, Мадьярамъ неисчислимую пользу; можно сказать, что Латинскій языкъ, вмѣстѣ съ конституціею св. Стефана, спасъ Мадьяръ отъ народной борьбы съ Славянами и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ гибели. Языкъ нейтральный, онъ предупреждалъ столкновеніе обѣихъ народностей въ дѣлахъ общественныхъ и правительственныхъ, и ограничивалъ, какъ Мадьярскій языкъ, такъ и Славянскій, областью частной жизни, гдѣ оба могли существовать безобидно другъ для друга. Латинскій языкъ былъ такою жизненною потребностію для Венгріи, что онъ укоренился тамъ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, и съ самаго начала сдѣлался не только языкомъ государственныхъ актовъ, но языкомъ устныхъ преній на сеймахъ и сеймикахъ и въ судахъ, языкомъ всѣхъ оффиціальныхъ сношеній. Всякій житель Венгріи, къ какой бы онъ народности ни принадлежалъ, выучивался говорить по-латыни, коль скоро хотѣлъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Въ такомъ употребленіи Латинскій языкъ оста-

вался въ Венгріи, какъ извѣстно, до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; извѣстно также, въ какое замѣшательство пришли тамъ взаимныя отношенія народностей, когда отмѣнили оффиціальное значеніе Латинскаго языка.

Мы говорили до сихъ поръ преимущественно объ отношеніяхъ, въ какія древніе Мадьяры вступили къ Славянской народности. Въ этихъ отношеніяхъ заключался, для потомковъ Арпада, вопросъ жизни и смерти, ибо очевидно, что главная опасность грозила Мадьярамъ со стороны реакціи покоренныхъ Славянъ и ихъ заграничныхъ соплеменниковъ. Мы видѣли, что чувство самосохраненія внушило Мадьярамъ и ихъ первому устроителю, св. Стефану, такой образъ дѣйствія, который не только предупредилъ возстаніе Славянъ, но даже позволилъ имъ забыть зло, сдѣланное имъ Мадьярами: во всей прошедшей исторіи нѣтъ слѣдовъ народной вражды Венгерскихъ Славянъ противъ завоевательнаго племени; нѣтъ такихъ слѣдовъ въ ихъ народныхъ пѣсняхъ.

Подобная политика руководила Мадьярами и въ отношеніи къ другимъ народностямъ. Св. Стефанъ поселилъ въ Венгріи много Нѣмецкихъ ремесленниковъ и рудокоповъ, и въ Трансильваніи основалъ сплошныя Нѣмецкія колоніи. Эти переселенцы получили большія права, и народность ихъ была вполнѣ ограждена. Венгрія издревле славилась своимъ гостепріимствомъ; люди изъ разныхъ странъ селились тамъ подъ охраною Мадьярской терпимости, и многіе пріобрѣтали съ дворянствомъ всѣ политическія права. Только участь Румыновъ въ Трансильваніи была тяжела. Трансильванія получила устройство, не сходное съ Венгріею; она раздѣлена была на три народности: Мадьярскую, Секлерскую и Нѣмецкую, которыя управлялись отдѣльно, сами собою, а общія дѣла рѣшали совокупно на сеймѣ; Румыны же, хотя составляли главную массу населенія Трансильваніи, не были признаны самостоятельною народностью, имѣющею политическія права, и тѣ изъ Румыновъ, которые были признаны дворянами, не являлись представителями своего племени, а засѣдали между членами привилегированныхъ народностей. Трудно рѣшить, почему древніе Мадьяры поступили такъ несправедливо относительно Румыновъ: потому ли, что не боялись этого народа, не имѣвшаго въ то время никакого политическаго бытія, или въ слѣдствіе случайныхъ причинъ, которыхъ мы здѣсь не станемъ доискиваться.

Черезъ сто лѣтъ послѣ основанія конституціи св. Стефана, Венгрія пріобрѣла цѣлое Славянское государство, простиравшееся отъ Дравы до Адріатическаго моря. Нѣтъ сомнѣнія, что дружелюбныя отношенія, въ которыя Мадьяры умѣли поставить себя къ завоеваннымъ ими Славянамъ, и преимущества конституціи св. Стефана были

главною причиною того, что Хорватскій народъ, когда прекратилась его древняя династія, добровольно согласился призвать на свой престолъ родъ Арпада. Венгрія признала за Хорватами полную независимость внутренняго самоуправленія; между Венгріею и Хорватіею установлена была только политическая связь въ лицѣ короля и тѣхъ депутатовъ, которыхъ Хорватскій сеймъ отправлялъ на сеймъ Венгерскій представителями интересовъ Хорватіи. Руководствуясь своею мудрою политикою относительно Славянъ, Мадьяры не только подписали эти условія, но — надобно сказать къ ихъ чести — свято хранили ихъ во все продолженіе своего самостоятельнаго существованія. За то и Хорваты грудью стояли за Венгрію.

Съ своею терпимостью относительно чужихъ народностей, Мадьяры соединяли постоянно полную религіозную терпимость. Г. Шассенъ, въ своемъ введеніи къ исторіи Гуніяда, посвятилъ цѣлую главу доказательству религіознаго либерализма Мадьяръ. Въ самомъ дѣлѣ, они даже въ самую темную пору среднихъ вѣковъ упорно отвергали вмѣшательство папской власти въ свѣтскія дѣла, и православные постоянно пользовались у нихъ свободою вѣроисповѣданія. Въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, Трансильванскіе Румыны не были унижены, какъ въ политическихъ правахъ. Въ самой Венгріи православная вѣра была въ началѣ сильно распространена, и какъ кажется, до XIII вѣка преобладала между Мадьярами надъ католицизмомъ. Она уступила ему мало-по-малу въ слѣдствіе постояннаго усиленія западнаго вліянія и недостатка общенія съ Востокомъ, а также въ слѣдствіе стараній латинскаго духовенства, которое св. Стефанъ одарилъ огромными матеріальными средствами. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы Мадьярское правительство стѣсняло свободу православныхъ и предпринимало противъ ихъ гоненія. Венгерскіе Русины могли сохранить православное исповѣданіе неприкосновеннымъ во все время самостоятельности Венгріи, и обращены были въ унію только ревностью Австрійскаго правительства (окончательное ихъ присоединеніе къ уніатамъ совершилось въ 1768 году) [1]. Вѣротерпимость должна была сдѣлаться такимъ же основнымъ правиломъ для Мадьяръ, какъ терпимость къ народностямъ; ибо послѣдняя не могла существовать безъ вѣротерпимости, а терпимость въ дѣлѣ народностей была, какъ мы видѣли, жизненнымъ условіемъ для существованія самаго Мадьярскаго народа. Католицизмъ не привилъ къ Мадьярамъ своей исключительности; его нетерпимость не соотвѣтствовала ихъ потребностямъ. Потому нигдѣ, какъ между Мадьярами, реформа, пропо-

---

[1] См. объ этомъ статью: „Унія Венгерскихъ Русиновъ" (Русск. Бесѣда, 1858, IV). Тамъ же приведены вкратцѣ свидѣтельства о распространеніи православной вѣры между Мадьярами въ древнее время.

вѣданная Лютеромъ и Кальвиномъ, не нашла столь скораго и полнаго отголоска. Еще въ XVI вѣкѣ протестантство сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ Мадьяръ. Для защиты свободы вѣроисповѣданья, они вели кровавыя войны съ Австрійскимъ правительствомъ. Чтобы возстановить католицизмъ въ Мадьярскомъ народѣ, нужны были всѣ ужасы императора Леопольда I и его палачей, Іезуитовъ, ужасы, которымъ трудно найти подобныхъ въ исторіи рода человѣческаго; нужна была политика, избравшая себѣ девизомъ: faciam Hungariam captivam, postea mendicam, deinde catholicam (обращу Венгрію въ рабство, потомъ въ нищенство, наконецъ въ католичество). Но и девятимѣсячныя казни въ Эперіесѣ, которыя превосходятъ, по жестокости истязаній и числу жертвъ, все, что совершилось на землѣ безчеловѣчнаго, не могли сдѣлать католицизма господствующимъ исповѣданіемъ Мадьяръ. При первой возможности, они снова заставили Австрію признать, вмѣстѣ съ древними конституціонными правами Венгріи, свободу вѣроисповѣданія. Хотя численный перевѣсъ между Мадьярами остался, со времени гоненій Леопольда, на сторонѣ католиковъ, однако реформатская вѣра до сихъ поръ называется въ Венгріи «Мадьярскою вѣрою» по преимуществу; событія 1860 года показали, какъ Мадьяры, вѣрные памяти своихъ великихъ вождей, Бочкая, Текели и Ракоци, умѣютъ отстаивать свободу совѣсти.

Все, что мы сказали объ образѣ дѣйствія прежнихъ Мадьяръ и началахъ ихъ политической и религіозной жизни, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ высоко мы цѣнимъ этотъ народъ, какъ высоко мы цѣнимъ благородныя преданія, завѣщанныя ему исторіею. Никто изъ Мадьяръ не обвинитъ насъ въ недостаткѣ сочувствія къ ихъ славному прошедшему. Во многомъ мы здѣсь почти повторяли слова Мадьярскаго панегириста, г. Шассена. Но въ исходной точкѣ нашего взгляда мы съ нимъ не согласны. Мы того мнѣнія, что роль Мадьяръ въ прошедшемъ обусловливалась преимущественно ихъ положеніемъ среди Славянъ, и что ихъ терпимость, въ отношеніи къ народностямъ и вѣроисповѣданіямъ, и всѣ основныя начала ихъ гражданскаго устройства были необходимымъ послѣдствіемъ чувства самосохраненія, которымъ судьба такъ богато одарила Мадьярскій народъ и его первыхъ законодателей. Г. Шассенъ, не обращая никакого вниманія на особенность положенія Мадьяръ въ Европѣ, приписываетъ, напротивъ, все это *природному либерализму*, которымъ будто бы Мадьярскій народъ отличается между всѣми племенами восточной Европы. Намъ трудно повѣрить, чтобы были племена по природѣ либеральныя, а другія по природѣ нелиберальныя; намъ даже такое мнѣніе кажется несовмѣстнымъ съ идеею о возможности развитія въ родѣ человѣческомъ. Либерализмъ и нелиберализмъ народовъ зависитъ не

отъ врожденныхъ стихій, а отъ тысячи обстоятельствъ, творимыхъ, измѣняемыхъ и разрушаемыхъ ходомъ исторіи. Въ одномъ положеніи, народъ дѣйствуетъ и, дѣйствуя, привыкаетъ мыслить либерально; въ другомъ положеніи, онъ является нелиберальнымъ; часто народъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, изъ нелиберальнаго дѣлается либеральнымъ, изъ либеральнаго—нелиберальнымъ; часто въ одно и то же время народъ является въ однихъ отношеніяхъ либеральнымъ, въ другихъ нелиберальнымъ. Отъ чего древній Римъ, когда въ его внутреннемъ гражданскомъ устройствѣ господствовалъ либерализмъ, на сколько могло быть либеральнымъ древнее общество, былъ страшнымъ деспотомъ въ отношеніи ко всѣмъ другимъ народамъ, а когда далъ у себя просторъ громадному деспотизму, сталъ либеральнымъ къ подвластнымъ племенамъ? Отъ чего Англія такъ либеральна у себя дома и въ Канадѣ, въ Австраліи, и такъ нелиберальна въ Индіи и на цѣломъ Востокѣ? Отъ чего, наконецъ, сами Мадьяры въ 1847 и 1848 г. выставляли себя представителями либеральныхъ началъ въ отношеніи къ Австріи, и поступали такъ нелиберально съ Хорватами, Сербами, Румынами? Странно читать, въ книгѣ г. Шассена, что въ восточную Европу явилась съ какимъ-то природнымъ либерализмомъ завоевательная орда Арпадова, эта ближайшая соплеменница Гунновъ и Аваровъ, Половцевъ, Татаръ и Турокъ, какъ допускаетъ самъ г. Шассенъ. Дѣло въ томъ, что эта орда по природѣ не была ни болѣе, ни менѣе либеральна, чѣмъ всѣ выходцы изъ Азіатскихъ степей, вторгавшіеся поочередно въ Европу. Но Мадьяры, или ихъ первые вожди, умѣли понять, что если они не уживутся въ своемъ новомъ отечествѣ со всѣми племенами, какія нашли тамъ, то накличутъ на себя такую грозу, которая ихъ сотретъ съ земли. Вотъ отъ чего Мадьяры и стали дѣйствовать либерально относительно народностей и религій. Сознаніе существенной необходимости для Мадьярскаго народа ладить съ другими племенами въ его землѣ было такъ живо и сильно въ эпоху перваго его устроенія въ Европѣ, что св. Стефанъ, въ своемъ завѣщаніи къ сыну, выразилъ въ слѣдующемъ странномъ изрѣченіи свой взглядъ на основанія могущества государствъ: «Помни, писалъ онъ Эмерику, что государство, единое по языку и по быту, бываетъ слабо и шатко» (unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est). Какъ понять это правило перваго Венгерскаго законодателя, прямо противоположное тому, что̀ всеобщій политическій смыслъ признаетъ залогомъ силы и стойкости всякой державы? Очевидно, мысль о необходимости для *Мадьярскаго* государства состоять изъ нѣсколькихъ народностей, взаимно признающихъ свои права, до того овладѣла сознаніемъ творца Венгерской конституціи, что онъ пере-

несъ эту норму въ свое представленіе о государствѣ вообще: видя, какъ пагубно было бы желаніе сдѣлать Венгрію государствомъ одного народа, онъ вообразилъ, что разнообразіе народныхъ стихій составляетъ существенную потребность всякаго вообще государства.

Но г. Шассенъ не раздѣляетъ мнѣнія св. Стефана, и сожалѣетъ, что преемники великаго законодателя соблюдали его правило (разумѣется, покуда на тронѣ Венгріи не сидѣли Австрійцы). Онъ говоритъ: «Всѣ преемники короля-апостола слѣдовали его *опасному* наставленію.......... Какъ нарочно, они воздерживались отъ мадьяризаціи Румыновъ, что̀ было для нихъ чрезвычайно легко», и т. дал. Нѣсколько ниже, г. Шассенъ продолжаетъ: «Постоянная децентрализація была доведена (у Мадьяръ) до крайнихъ предѣловъ. Не только Мадьяры *позволили* Румынамъ, Славянамъ и Нѣмцамъ удержать подлѣ нихъ свою народную особность, но даже, когда дѣлали завоеванія въ Болгаріи, Босніи, Сербіи, Россіи, Молдавіи, Валахіи, Чехіи, Польшѣ, или Австріи, они не отваживались слить въ обычаяхъ и языкѣ завоеванія эти съ своими собственными владѣніями. Мало того: всѣмъ иностранцамъ, какіе бы они ни были, Жидамъ, Измаилитамъ и Цыганамъ, а также поселившимся въ нѣкоторыхъ свободныхъ городахъ Итальянцамъ, Грекамъ, Французамъ, — Мадьяры оставляли преданія и обычаи ихъ предковъ. По излишней ревности, они не разъ принуждали силою къ обращенію въ христіанство, но никогда не производили вооруженной пропаганды въ пользу своей народности. Нестройныя части цѣлаго связывались одна съ другою только конституціею св. Стефана.... Такая система, слишкомъ сложная и не довольно крѣпкая, чтобы создать единство среди разнообразія, помѣшала Венгріи сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Франція со временъ Людовика XI и Ришельё, — народомъ обезпеченнымъ въ своемъ будущемъ, неразрушимымъ, недѣлимымъ, потому что разнородныя племена, изъ которыхъ она нѣкогда слагалась, были слиты другъ съ другомъ и составляютъ одинъ народъ. Франція подверглась вооруженному нашествію: ее не разрѣзали на части. Побѣдители не могли лишить ее естественныхъ границъ, Рейна, Альповъ, Пиренеевъ и Атлантики, потому что между этою рѣкою, этими горами и этимъ моремъ, встрѣтили цѣльный народъ. Венгрія неспособна выдержать операцію въ родѣ договоровъ 1815 года: событія послѣднихъ лѣтъ доказали это слишкомъ прискорбнымъ опытомъ. Она была бы свободна и велика въ настоящее время, если бы имѣла нѣкогда, какъ мы (т. е., Французы) своихъ *уравнителей* (нивелёровъ). Въ этомъ мы не сомнѣваемся».

Напрасно г. Шассенъ старается за тѣмъ загладить бездушную жестокость взгляда, выраженнаго въ этихъ строкахъ, фразами о «ве-

ликодушіи» Мадьяръ, «которое дозволило родиться и существовать этому *плачевному* ученію» (cette déplorable doctrine — т. е., терпимости въ отношеніи къ народностямъ) и другими изліяніями гуманитарной фразеологіи. Все-таки *ученіе,* которое помѣшало Мадьярамъ истребить Славянъ и Румыновъ въ своихъ владѣніяхъ, остается плачевнымъ, по мнѣнію г. Шассена; все-таки онъ сожалѣетъ, что Мадьяры, когда имъ удавались завоеванія въ чужихъ земляхъ, не налагали на тамошнихъ жителей своего языка и своего быта: что̀, разумѣется, могло быть достигнуто, если только было возможно, уничтоженіемъ одной части населенія, и страшными насиліями надъ другою. По какому же праву, спросимъ мы г. Шассена, онъ осуждаетъ Іезуитовъ и Австрійцевъ за рѣзню въ Эперіесѣ, за потоки крови, пролитые для водворенія католицизма въ Венгріи? Человѣку, излагающему подобныя мнѣнія, прямая дорога — въ іезуитскій орденъ. Родись г. Шассенъ въ XVII в., а не въ XIX-мъ, онъ не довольствовался бы мысленнымъ истребленіемъ Славянъ и Румыновъ въ пользу Мадьярской народности; онъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ Колоничемъ и Караффою, истреблялъ бы вещественно Мадьяръ-протестантовъ въ пользу католицизма. Если бы мы не принимали въ соображеніе разстоянія между словомъ и дѣломъ, между теоріею и исполненіемъ, то пришлось бы даже поставить Колонича и Караффу выше г. Шассена: ибо Караффа и Колоничь могли вѣрить въ католицизмъ, какъ въ единоспасающую церковь, а г. Шассенъ не можетъ вѣрить въ единоспасительность Мадьярской народности.

Мы не обратили бы вниманія на приведенныя мнѣнія нашего автора, которыя должны внушить отвращеніе всякому его читателю, если бы событія нашего времени не сдѣлали нужнымъ напоминать Мадьярамъ завѣтное правило: «Какою мѣрою мѣрите, отмѣрится вамъ». Желая положить на Славянъ и Румыновъ Мадьярскій языкъ и Мадьярскую народность, они тѣмъ самымъ оправдываютъ Австрію, когда она старается онѣмечить ихъ самихъ: или пусть они докажутъ, что Мадьярская народность абсолютно лучше Нѣмецкой.

Развитіе централизаціи и подведеніе всего подъ одинъ уровень, на подобіе Франціи, этотъ недостигнутый идеалъ Венгріи, по мнѣнію г. Шассена, — было для Венгріи совершенною невозможностью. Полагать, что она могла и должна была стремиться къ этой цѣли, доказываетъ полнѣйшее непониманіе самыхъ условій ея существованія. Мы надѣемся, что представили довольно ясно причины, по которымъ Мадьярскій народъ, если хотѣлъ жить въ Европѣ, долженъ былъ руководствоваться полною терпимостью въ дѣлѣ народностей и вѣроисповѣданій, и держаться началъ децентрализаціи и самоуправленія, завѣщанныхъ ему конституціею св. Стефана; въ противномъ случаѣ, его

ожидала участь Гунновъ и Аваровъ. Какъ же возможно было, при таких условіяхъ, слѣдовать централизующей и все подводящей подъ одинъ уровень политикѣ Франціи? Да и составляетъ ли такая политика особенное счастіе для страны? Внутреннее чувство Мадьяръ не обмануло ихъ: никто изъ природныхъ королей ихъ никогда не помышлялъ объ уничтоженіи конституціи св. Стефана; а потомъ, когда Венгрія перешла подъ власть Габсбургской династіи, съ какою безпримѣрною стойкостью оберегала она свое древнее уложеніе съ его двумя основными началами — мѣстнымъ самоуправленіемъ и свободою исповѣданья! сколько крови пролила для нихъ! Мадьярскій народъ чувствовалъ, что съ ними отстаиваетъ самое свое существованіе. Не даромъ называлъ онъ конституцію св. Стефана и свободу исповѣданья палладіумомъ своей народности. Это сознаніе коренилось такъ глубоко, что когда Австрія пыталась уничтожить свободу исповѣданья и ограничить права протестантовъ и православныхъ въ пользу католицизма, то противъ нея вооружались не только православные и протестанты, но сами католики-Мадьяры. Это мы видѣли недавно, и то же самое повторялось при всякомъ нарушеніи, со стороны Австріи, начала свободы совѣсти; даже въ XVII вѣкѣ, когда религіозный фанатизмъ былъ въ самомъ разгарѣ, когда готовилась уже въ Европѣ страшная тридцатилѣтняя война, вождемъ Мадьяръ, возставшихъ для защиты религіозной свободы, сдѣлался католикъ, Стефанъ Бочкай, который и принудилъ императора Рудольфа II къ подписанію Вѣнскаго договора, объявлявшаго полную свободу протестантамъ въ Венгріи (1606 г.).

Не тотъ путь, по которому развивалось государство во Франціи, предстоялъ Венгріи. Всѣ существенныя ея стихіи могли, напротивъ, уподобить ее Англіи во внутреннемъ развитіи. Венгрія въ началѣ XI-го, Англія въ началѣ XII-го вѣка, получили уже основанія конституціоннаго порядка. И въ Венгріи и въ Англіи эти основанія были аристократическія, запечатлѣны были слѣдами недавняго завоеванія; но онѣ, съ одной стороны, не уничтожали значенія верховной власти, и вслѣдствіе этого не могли вести къ образованію олигархіи, а съ другой, давая полный просторъ мѣстному самоуправленію, открывали доступъ въ конституціонную жизнь народнымъ стихіямъ, и несли съ собою примиреніе завоеванныхъ съ завоевателями. Во всемъ этомъ древняя Венгрія сходилась съ древнею Англіею. Но Англія на этихъ основаніяхъ построила одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій человѣческихъ, а Венгрія...? Органическому развитію Венгріи помѣшала, съ одной стороны, многочисленность и сосредоточенность завоевательной, Мадьярской стихіи, которая не могла слиться со стихіею завоеванною, Славянскою, какъ Норманны слились съ Англо-Саксами; а съ другой стороны, Венгрію задержала опасность ея по-

ложенія. Со дня наступленія Турокъ всѣ силы ея должны были направиться къ борьбѣ за независимость, за христіанство; внутренняя, гражданская жизнь страны сдѣлалась для нея второстепенною заботою. Вскорѣ опасность отъ внѣшняго врага принудила Венгрію искать опоры въ династіи, которая располагала, или должна была располагать, силами всей Германской имперіи и состояла въ ближайшей связи съ могущественнѣйшею державою тогдашней Европы, съ усерднѣйшею противницею ислама, съ Испаніею. А попавши подъ скипетръ Габсбурговъ, Венгрія тѣмъ самымъ прощалась съ возможностью внутренняго развитія. Нынѣ, въ XIX-мъ вѣкѣ, ей приходится отстаивать еще тѣ существенныя условія ея бытія, которыя, восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, положены были въ основаніе ея политическихъ и гражданскихъ учрежденій.

Между тѣмъ какъ Венгрія, съ XV-го вѣка до XIX-го, билась и тратила всѣ свои силы, чтобы только сохранить возможность существованія, чтобы отразить Турокъ и устоять подъ властію Австріи,— Славянскій міръ вокругъ нея мѣнялся. Поочередно упадали, на западѣ и югѣ, Славянскіе народы, нѣкогда разрозненные Мадьярами и шедшіе съ тѣхъ поръ путемъ обособленія и односторонняго развитія, одни за Романо-Германскою Европою, другіе за Византіею. А на востокѣ слагался и расширялъ свою державу другой Славянскій народъ, болѣе цѣльный, огромный, и въ которомъ сосредоточилась судьба Славянскаго міра. Наконецъ, въ наше время, западные Славянскіе народы, упавшіе, лишившіеся политической самостоятельности, стали сознавать причины своего паденія, и захотѣли сойти съ того пути, который привелъ ихъ уже къ гибели и могъ вести дальше къ совершенному уничтоженію. Эти народы стали сознавать, что причиной гибели, которою кончилась прошедшая исторія каждаго изъ нихъ, — было, во-первыхъ, взаимное обособленіе и отчужденіе, а во-вторыхъ, неразрывно связанный съ этимъ отчужденіемъ, упадокъ собственныхъ народныхъ, славянскихъ началъ, и господство чужихъ стихій, разрушившихъ у нихъ народный и государственный организмъ. Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ родилась, внушенная естественнымъ чувствомъ самосохраненія, потребность устранить причины прежней гибели и замѣнить ихъ тѣмъ, что нужно было Славянскимъ народамъ для ихъ спасенія и будущаго преуспѣянія, т. е., замѣнить прежнее обособленіе и отчужденіе сближеніемъ и общеніемъ, прежнее подобострастіе къ чужимъ стихіямъ—развитіемъ своей собственной народности, однимъ словомъ, родился панславизмъ. Таково, дѣйствительно, его точное опредѣленіе, такова его сущность, очищенная отъ клеветъ и нелѣпыхъ вымысловъ, какіе на него навязали враги его; а у панславизма природныхъ враговъ не мало. При-

родные враги панславизма суть всѣ тѣ, коимъ выгодно было паденіе Славянъ, для коихъ еще выгоднѣе бы было ихъ совершенное уничтоженіе, и которые поэтому не могутъ желать ихъ возрожденія и развитія. Такимъ образомъ, въ нелюбви къ панславизму сходятся Австрійцы и всѣ ихъ друзья и всѣ приверженцы Германіи; Турки и всѣ люди, желающіе продленія ихъ власти въ Европѣ; наконецъ, даже нѣкоторые изъ Грековъ, желающіе поддержать преобладаніе Греческаго элемента въ Славянскихъ земляхъ Турціи. Все это всячески старалось подавлять распространеніе панславизма; все это взводило на него небылицы, чтобы сдѣлать изъ него пугало. Такимъ образомъ, говорили, смотря по публикѣ, къ какой относилась рѣчь, съ одной стороны, что панславизмъ есть скрытая форма западныхъ революціонныхъ идей, приспособленная къ востоку Европы, съ другой стороны, что онъ есть орудіе Русскаго правительства для распространенія его господства на западъ и югъ. Всѣ возгласы о панславизмѣ, которые намъ случалось читать во множествѣ книгъ и брошюръ, направленныхъ противъ этого новаго начала, въ сущности повторяютъ, съ большею или меньшею расточительностью фразъ, съ болѣе или менѣе патетическими указаніями грозящихъ отъ панславизма ужасовъ — то или другое изъ вышеприведенныхъ обвиненій. Противники панславизма не обратили вниманія на то, что эти два обвиненія взаимно уничтожаютъ другъ друга; что нельзя повѣрить, чтобы панславизмъ былъ союзникомъ революціонныхъ идей, когда въ то же самое время выставляютъ его орудіемъ Русскаго правительства и обратно. Но они разсчитывали на людское легковѣріе, и дѣйствительно, находили, особливо прежде, сильный отголосокъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Европы. Имъ дѣла не было до того, какъ нелѣпо само по себѣ каждое изъ двухъ обвиненій, взводимыхъ ими на панславизмъ. Скажите, не было ли нелѣпостью обвинять въ связи съ западными революціонными идеями направленіе, которое хотѣло освободить Славянъ отъ зависимости въ отношеніи къ Западу и обращало ихъ къ нормальному развитію собственныхъ народныхъ началъ? Не было ли нелѣпостью обвинять живое начало панславизма въ томъ, будто оно орудіе Русскаго правительства? Можно ли было допустить предположеніе, чтобы люди, стоящіе во главѣ разныхъ Славянскихъ народовъ, лучшіе, наиболѣе уважаемые ихъ люди, увлекающіе за собою мнѣніе своихъ соотечественниковъ, захотѣли служить кому бы то ни было орудіемъ? Противники панславизма не хотѣли подумать о томъ, что сколько съ одной стороны, невѣроятно, будто бы это ученіе было орудіемъ чужой политики, или, если бы оно было такимъ, могло не потерять тотчасъ всякое значеніе, столько же, съ другой стороны, законна и неизбѣжна у Славянскихъ на-

родовъ любовь къ Россіи и стремленіе сблизиться съ нею. Сущность панславизма заключается въ идеѣ общенія и взаимности Славянскихъ народовъ: что же значила бы эта идея, если бы исключенъ былъ обширнѣйшій, самый могущественный и наиболѣе исполненный живыхъ силъ народъ Славянскій? Сущность панславизма заключается въ развитіи, въ каждой изъ Славянскихъ земель, народныхъ славянскихъ началъ: что же значила бы эта идея, если бы исключенъ былъ тотъ Славянскій народъ, у котораго эти начала сохранились въ наибольшей чистотѣ и силѣ!

Мнѣ нечего оправдывать панславизмъ: это одно изъ тѣхъ стремленій человѣческихъ, которыя оправдываютъ себя сами, и которыхъ не могутъ остановить никакія клеветы, никакія усилія противниковъ. Мнѣ нужно было объяснить точное значеніе панславизма только для того, чтобы опредѣлить необходимыя послѣдствія его для Венгріи.

Какъ въ прошедшемъ историческая роль Венгріи обусловливалась ея положеніемъ относительно Славянскаго міра, такъ обусловливается она этимъ положеніемъ и въ настоящее время. Но самое положеніе Венгріи осносительно Славянскаго міра совершенно измѣнилось подъ вліяніемъ идеи панславизма. Въ прежнее время, Мадьярскій народъ держалъ западныхъ и южныхъ Славянъ въ вещественной раздѣльности и способствовалъ чрезъ это ихъ внутреннему разъединенію и всему развившемуся, на основаніи разъединенія, историческому ходу, который кончился, какъ намъ извѣстно, поочереднымъ паденіемъ всѣхъ западныхъ и южныхъ Славянъ. Роль Мадьярскаго народа въ общей исторіи Славянъ была, по существу своему и по своимъ послѣдствіямъ, враждебною для нихъ, хотя сами Мадьяры старались уживаться и ладить съ Славянами и этимъ держались. Теперь Славяне отказываются отъ прежняго разъединенія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ началъ, и стремятся къ соединенію, если не матеріальному, то умственному и нравственному. Станутъ ли Мадьяры препятствовать этому новому началу, проявившемуся въ жизни Славянъ, и держать ихъ по прежнему въ разъединеніи? Это невозможно. Мадьярамъ пришлось бы бороться вещественнымъ средствомъ противъ начала невещественнаго, имъ пришлось бы употребить свое матеріальное положеніе между сѣверо-западною и юго-западною группою Славянъ, какъ средство уничтожить между ними возможность общенія, обмѣна мыслей и союзнаго дѣйствія. Въ наше время, при нынѣшнемъ состояніи Европы, такая роль немыслима. Какою бы китайскою стѣною посреди Славянъ ни захотѣли сдѣлаться Мадьяры, токъ идей черезъ нее проникнетъ и ее мало-по-малу разрушитъ живой ростъ народовъ, ею раздѣляемыхъ. Но Боже сохрани Мадьяръ отъ безплодной роли китайской стѣны между Славянами, сознавшими свое братство и стре-

мящимися къ единенію! Если они не слѣпы, то они должны видѣть, что исторія въ настоящее время идетъ къ возрожденію Славянскаго племени во всѣхъ его вѣтвяхъ, къ проявленію его природныхъ силъ, къ его сознательному и общему дѣйствію въ судьбахъ человѣчества. Горе Мадьярамъ, если они захотятъ мѣшать: историческій ходъ сокрушалъ и не такіе народы.

А въ началѣ Мадьяры захотѣли мѣшать Славянамъ въ новомъ фазисѣ ихъ развитія. За то какъ скоро и какъ горько почувствовали они свою ошибку.

При первомъ появленіи панславизма, Мадьяры встрепенулись. Они почуяли тотчасъ, что дѣло зашло о самыхъ жизненныхъ ихъ интересахъ. Вниманіе ихъ тѣмъ болѣе обращено было на панславизмъ, что онъ провозглашенъ былъ впервые въ ихъ же землѣ: знаменитый Коларъ былъ Венгерскій Словакъ, онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Венгріи, его поэма «Дочь Славы» напечатана была въ Пештѣ, въ 1832 году. Понятно, почему именно среди Венгерскихъ Славянъ родилась идея панславизма: для нихъ всего осязательнѣе была ихъ разрозненность и слабость, которая отъ этого происходила, и поэтому всего ощутительнѣе потребность союза и нравственнаго единенія. Мадьяры отнеслись къ новому началу, какъ обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ люди, которымъ не хочется мѣнять старый порядокъ вещей, гдѣ они занимаютъ преобладающее мѣсто, на новый, выгоды котораго для нихъ сомнительны: они отнеслись враждебно къ возрожденію Славянскихъ народностей и къ ихъ единенію. Они стали сейчасъ приписывать матеріальную цѣль этому единенію, и испугались мысли о сліяніи всѣхъ западныхъ и южныхъ Славянъ въ одно Славянское государство, которое стерло бы съ лица земли чужой народъ, водворившійся среди ихъ. Мадьяры немедленно признали и провозгласили панславизмъ и вообще идеи Славянской народности своимъ опаснѣйшимъ врагомъ.

Мы не станемъ описывать здѣсь ни распространенія народнаго самосознанія и стремленій къ единенію между Славянами, ни борьбы этихъ началъ съ Мадьярами, которые, съ своей стороны, выставили принципъ Мадьярской народности, и, пользуясь выгодами своего положенія, захотѣли наложить ее, посредствомъ насильственныхъ законодательныхъ мѣръ, на всѣхъ Славянъ, живущихъ въ Венгріи и земляхъ, исторически съ нею соединенныхъ. Испугъ ихъ передъ панславизмомъ былъ такъ великъ, что они не считали себя безопасными, покуда въ предѣлахъ Венгріи останется хоть одинъ Славянинъ. Въ какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ (съ 1836 по 1848 включительно) Мадьяры, въ борьбѣ съ невѣдомымъ дотолѣ врагомъ, совершенно оторвались отъ основнаго начала всей прошедшей своей исоріи, отъ то-

го начала, которому они обязаны своимъ существованіемъ въ Европѣ, отъ терпимости относительно народности. Тѣ люди, которые простирали до крайнихъ предѣловъ *нетерпимость*, пріобрѣли тогда самую огромную популярность между Мадьярами и стали во главѣ ихъ, напримѣръ Кошутъ, говорившій, что онъ не признаетъ въ предѣлахъ Венгріи никакой другой народности, кромѣ Мадьярской. Какъ далеки эти слова отъ древняго завѣщанія св. Стефана: *unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est*. Но за то св. Стефанъ на восемьсотъ слишкомъ лѣтъ обезпечилъ Мадьярскій народъ, а Кошутъ въ одинъ годъ сгубилъ его.

Извѣстна исторія междоусобной войны, вызванной въ 1848 г. исключительностью и нетерпимостью Мадьяръ, и противодѣйствіемъ развившагося у Славянъ сознанія собственной народности. Эта междоусобная война, которая длилась 14 мѣсяцевъ, которая опустошила цѣлыя области и свела въ могилу десятки тысячъ людей, принадлежитъ къ числу самыхъ горькихъ явленій современной исторіи. Славяне оплакиваютъ ее столько же, сколько и Мадьяры, и кажется, можно произнести надъ нею безпристрастный приговоръ.

Но не таковъ приговоръ, произносимый надъ этою войною г. Шассеномъ и товарищемъ его, Мадьяромъ, г. Ираньи, которые посвятили описанію ея особое сочиненіе. У нихъ Мадьяры повсюду являются благородными рыцарями, Славяне, и преимущественно ихъ двигатели, панслависты, — агентами, купленными Австріею и сѣявшими, для пользы ея, *мятежъ* противъ благородныхъ и справедливыхъ Мадьяръ. Кажется, время прошло писать исторію въ такомъ тонѣ. Если гг. Шассенъ и Ираньи не стыдятся выписывать изъ старыхъ газетъ и выдавать за правду подобныя клеветы на Славянское движеніе у Хорватовъ, Сербовъ и Словаковъ Венгерскихъ, то почему бы и намъ не выписать, также изъ старыхъ газетъ, и выдать за правду, что всѣ движенія, бывшія во Франціи противъ народнаго конвента въ 1793 и 1794 гг., всѣ возстанія въ Вандеѣ, въ Ліонѣ, въ Тулонѣ и проч., были произведены «золотомъ Питта и Кобурга», какъ гласила фраза того времени? — Но Славяне вступили въ союзъ съ Австріею и помогли ей покорить Венгрію. Это вовсе не доказательство, чтобы движеніе ихъ проистекло изъ Австрійскаго источника, также какъ добровольный переходъ Тулонскихъ жителей на сторону Англіи во время революціи не подастъ никакому разумному человѣку повода предполагать, чтобы возстаніе Тулона противъ конвента было въ сущности дѣломъ Англіи. Тулонъ возсталъ, и имѣлъ на это *свои* причины; ему угрожала опасность: тогда онъ, не видя ни съ какой другой стороны помощи, забылъ природную Французскую антипатію къ Англіи, и бросился въ ея объятья. Такъ точно

поступили, въ подобныхъ обстоятельствахъ, Венгерскіе Славяне. Можно сожалѣть о печальной необходимости, заставившей ихъ, когда не было никакой другой точки опоры, стать подъ Австрійское знамя. Но укорять ихъ въ этомъ Мадьяры не имѣютъ никакого права: зачѣмъ они, въ то время, когда Славянское движеніе было еще совершенно народно и не имѣло ничего общаго съ Австрійскими интересами, зачѣмъ они въ то время отвергали всякое примиреніе съ Славянами, провозглашали ихъ бунтовщиками, и настаивали упрямо на безусловномъ ихъ подчиненіи безразсуднымъ требованіямъ ультрамадьярской партіи? Зачѣмъ они искали союза съ явными врагами Славянскихъ народовъ, съ Турціею и съ Франкфуртскимъ парламентомъ, который, съ своей стороны, также раздражилъ Славянъ требованіемъ абсолютной германизаціи въ Чехіи и другихъ Славянскихъ земляхъ Нѣмецкаго союза, какъ Петшскій сеймъ безусловнымъ отрицаніемъ правъ Славянской народности въ Венгріи. Гг. Шассенъ и Ираньи хвалятъ эти союзы и указываютъ на Оттоманскую Порту и на «либеральную, единую (unitaire) Германію», какъ на естественныхъ союзницъ Мадьярскаго народа въ будущемъ. Мы совсѣмъ другаго мнѣнія, и полагаемъ, что союзъ такого рода былъ бы для нихъ гибелью. Заключая союзъ, надобно имѣть въ виду, во-первыхъ, чтобы союзникъ обладалъ дѣйствительною силою (иначе какая отъ него польза?), а во-вторыхъ, чтобы дружба съ нимъ не возбудила вражды съ тѣми стихіями, съ которыми находишься въ ближайшей связи. Что̀ же Порта Оттоманская можетъ сдѣлать въ пользу Мадьяръ?— а союзъ съ нею будетъ всегда возбуждать негодованіе Сербовъ и Хорватовъ, съ которыми Мадьяры живутъ вмѣстѣ. Какая была сила у Франкфуртскаго парламента? Но положимъ, что когда нибудь *унитарная* Германія сдѣлается существенностью; однако, союзъ съ нею, если онъ только будетъ направленъ противъ Славянъ, о чемъ именно и помышляютъ гг. Шассенъ и Ираньи, естественно подыметъ противъ Мадьяръ Чеховъ и ихъ ближайшихъ соплеменниковъ, Словаковъ, т. е., все населеніе сѣверо-западной Венгріи: выгодно ли это будетъ?

Наконецъ, гг. Шассенъ и Ираньи указываютъ на третьяго союзника для Мадьяръ противъ Славянъ или панславизма, какъ они выражаются, — на Польшу. Дѣйствительно, между обоими народами существуетъ издавна сочувствіе, и оно проявилось въ 1848 и 1849 гг. помощью, которую Мадьяры получили отъ Польскихъ выходцевъ. Сочувствіе это въ прежнее время обусловливалось общею борьбою противъ Турокъ, а еще болѣе общимъ артистократическимъ, или, лучше сказать, *шляхетскимъ* направленіемъ. Не знаю, задавалъ ли себѣ кто-нибудь вопросъ о вліяніи Мадьяръ на образованіе въ Поль-

шѣ шляхетства? Это вліяніе должно было существовать, какъ намъ кажется, и существовать весьма сильно. Мы не предполагаемъ, чтобы оно шло съ противоположной стороны, т. е., чтобы Польша имѣла въ этомъ отношеніи вліяніе на Венгрію, какъ потому, что въ Венгріи, гдѣ общественный порядокъ основанъ былъ на завоеваніи, аристократическая стихія была явленіемъ естественнымъ и необходимымъ, а въ Польшѣ, въ землѣ Славянской, гдѣ общество сложилось безъ участія завоеванія, шляхетство имѣло характеръ неестественнаго нароста, искаженія жизни; это подтверждается уже и тѣмъ, что у Мадьяръ аристократическая стихія стояла во главѣ общественныхъ учрежденій съ самаго начала ихъ гражданственности, съ конституціи св. Стефана, а польское шляхетство стало развиваться гораздо позднѣе.

Какъ бы то ни было, мы видимъ разительное сходство между старымъ польскимъ понятіемъ о шляхтѣ, содержащей въ себѣ исключительно всю полноту народной и государственной жизни, всю *ржечь посполитую,* и между старымъ мадьярскимъ понятіемъ о *дворянскомъ народѣ,* совмѣщающемъ въ себѣ также всю полноту политической жизни страны. Оба народа, Польскій и Мадьярскій, заслужили славу рыцарскихъ народовъ (peuples chevaleresques, какъ ихъ величаютъ французскіе публицисты, въ томъ числѣ и г. Шассенъ). — Общія рыцарскія наклонности могли служить имъ связью въ прошедшемъ; память объ этой связи сохранилась и въ старинной пословицѣ: Węgier, Polak dwa bratanki, Tak do szabli, jak do sklanki (Венгерецъ, Полякъ — два братца, какъ при саблѣ, такъ и за стаканомъ); но въ настоящее время рыцарство, ни какъ учрежденіе дѣйствительно существующее, ни какъ духъ учрежденія минувшаго, не можетъ представлять народамъ ни опоры, ни условій плодотворнаго развитія внутри или полезной связи во внѣшнихъ отношеніяхъ. По существу своему, рыцарство есть учрежденіе противочеловѣческое и противохристіанское: ибо дѣлая нѣкоторыхъ людей какъ бы привилегированными представителями нравственнаго благородства, признавая за ними какъ бы монополію доблестей, дѣлающихъ ихъ достойными гражданской свободы, оно тѣмъ самымъ, въ принципѣ своемъ, отвергаетъ нравственное благородство и эти доблести во всѣхъ прочихъ людяхъ: стоитъ только вспомнить переходъ французскаго слова vilain отъ понятія «поселянинъ» къ понятію человѣка безчестнаго, низкаго душею. Рыцарство является смягченною и облагороженною степенью древняго общественнаго устройства, противопоставлявшаго гражданина рабу, въ которомъ отвергалось не только нравственное достоинство, но и всякое человѣческое право. Новый міръ все болѣе и болѣе понимаетъ безнравственность учрежденія и сама-

го понятія рыцарства, и сбрасываетъ ихъ съ себя повсемѣстно. Счастливы страны, которыя избавились отъ рыцарскаго духа совершенно (какъ, напримѣръ, Англія и Франція)! Еще счастливѣе тѣ страны, въ которыхъ его никогда не бывало (какъ, напримѣръ, Америка и Россія съ цѣлымъ православнымъ міромъ). И горько ошиблись бы тѣ страны, которыя хотѣли бы еще основать что-нибудь на рыцарскомъ началѣ, какъ мечтаютъ нѣкоторые изъ Мадьяръ и Поляковъ.

Мы показали несостоятельность одной основы, на которой хотѣли утвердить союзъ Мадьяръ съ Поляками противъ остальныхъ Славянъ. Другая основа, о которой особенно распространяется г. Шассенъ, это — антипатія Поляковъ къ панславизму. Дѣйствительно, въ 1848 г. многіе Поляки стояли противъ своихъ братій Славянъ, Сербовъ, Хорватовъ и др. Дѣйствительно, Поляки долго отстраняли себя отъ стремленія къ единенію и самобытному развитію народныхъ началъ, которое овладѣло всѣми другими Славянами, западными и южными, отъ Лузаціи до Македоніи, и которое не осталось безъ сочувственнаго отголоска въ Россіи. Въ другомъ мѣстѣ [1]) подробно разобраны причины этого отчужденія Поляковъ отъ общаго, всеславянскаго движенія ихъ соплеменниковъ. Эти причины заключаются въ «рыцарской», шляхетской стихіи, которая проникаетъ Польскую жизнь, Польскія воззрѣнія. Внутреннюю несостоятельность этой стихіи мы только что показали; она также мѣшаетъ сближенію Поляковъ съ другими Славянами, чуждыми рыцарскому духу, а главное, не дозволяетъ имъ искренно признать начало народности, составляющее всю основу новой жизни прочихъ Славянъ, потому что это начало принудило бы ихъ отказаться отъ старыхъ своихъ притязаній на восточную Галицію, на половину Малороссіи, на Бѣлоруссію и Литву. Въ самомъ дѣлѣ, Поляки могутъ выдавать эти земли за Польскія только въ томъ случаѣ, если шляхта будетъ почитаться, какъ въ былыя времена, содержащей въ себѣ всю полноту народной жизни; ибо эти земли Польскія только по шляхетскому сословію, а не по народу. Неправое притязаніе мѣшаетъ имъ вступить чистосердечно въ Славянское общеніе. Но шляхетскій взглядъ на вещи не устоитъ передъ духомъ времени, и Поляки откажутся отъ него, какъ отказываются уже лучшіе, здравомыслящіе ихъ люди. Они уже видятъ, что вся будущность Польши заключается въ ея сближеніи и единеніи съ остальнымъ Славянскимъ міромъ. Мадьяры не могутъ разсчитывать на Польшу, какъ на будущую союзницу противъ развитія Славянъ, ихъ окружающихъ; въ будущемъ она можетъ быть ихъ союзницею только въ такомъ случаѣ, если они сами искренно сблизятся съ Славянами.

[1]) См. выше, стр. 59 и слѣд.

На какую сторону Мадьяры ни посмотрятъ, они вездѣ увидятъ невозможность борьбы съ Славянскимъ міромъ, съ идеею единенія и народнаго развитія, которая все болѣе и болѣе его одушевляетъ. Уже 1848 годъ показалъ имъ невозможность борьбы. Какія бы ни были причины, способствовавшія побѣдѣ Славянъ, и какое бы ни было разочарованіе, которое сопроводило эту побѣду, одержанную съ помощью Австріи, общій, основной смыслъ историческаго урока ясенъ: Мадьяры не могутъ бороться съ новымъ стремленіемъ, которое овладѣло Славянскими племенами, и которое западные публицисты называютъ панславизмомъ. Мадьяры такъ и поняли этотъ урокъ, но, къ несчастію, слишкомъ поздно для предупрежденія катастрофы 1849 года. Послѣднія засѣданія тогдашняго Венгерскаго сейма, уже удалившагося изъ Пешта и собравшагося въ Сегединѣ, были посвящены уничтоженію всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыми Мадьяры хотѣли наложить свой языкъ и свою народность на прочія племена Венгріи, особливо на Славянъ; изготовлено было новое законоположеніе, дававшее просторъ всѣмъ народностямъ въ этой странѣ и отстранявшее все то, чтò побудило Хорватовъ и Сербовъ взяться за оружіе противъ Мадьяръ. Прежній фанатикъ безусловнаго господства мадьярской стихіи въ Венгріи, г. Кошутъ, въ 1851 году, во время своего изгнанія въ Малой Азіи, издалъ проектъ будущей организаціи своего отечества, и въ этомъ проектѣ отвергалъ всѣ прежнія свои положенія, предлагалъ Славянской и другимъ народностямъ полнѣйшую свободу развитія, полнѣйшее равенство съ Мадьярскòю, уступалъ Сербамъ право выбирать себѣ воеводу, наконецъ, отказывался отъ всѣхъ недавнихъ притязаній Венгріи на подчиненность Хорватіи и Славоніи, оставляя между ними только федеративную связь. Сегединскіе законы и Кошутовъ проектъ были всенародною исповѣдью Мадьяръ въ грѣхѣ, который они совершили противъ Славянъ. Мы на столько вѣримъ благородству Мадьяръ, что понимаемъ ихъ въ *этомъ* именно смыслѣ, и не считаемъ ихъ лишь обманчивыми обѣщаніями, данными въ минуту опасности, въ надеждѣ ихъ не исполнить въ день торжества [1]). Мы хотимъ также вѣрить тѣмъ выраженіямъ дружбы, которыми Мадьяры съ тѣхъ поръ осыпали своихъ согражданъ Славянъ, мы хотимъ вѣрить чистотѣ ихъ намѣреній при совершившемся въ послѣднее время сближеніи ихъ съ Сербами, Хорватами и Чехами. Но если ихъ дружба дѣйствительно искренняя, если ихъ намѣренія въ отношеніи къ Славянамъ дѣйствительно чисты, то зачѣмъ Мадьяры хвалятъ и благодарятъ автора книгъ въ родѣ тѣхъ, которыя издаетъ г. Шассенъ, гдѣ возрожденіе Славянскихъ народовъ, гдѣ Русскій на-

[1]) Современныя событія показываютъ, какъ мало искренности было во всѣхъ этихъ Мадьярскихъ увѣреніяхъ и обѣщаніяхъ.

родъ и все Славянство осыпаны отвратительнѣйшею бранью и клеветою; гдѣ чистые и честные дѣятели Славянскаго возрожденія, изъ коихъ многіе запечатлѣли свой подвигъ кровію, представлены какими-то низкими орудіями чужихъ интригъ? Зачѣмъ Мадьяръ, г. Ираньи, поставилъ свое имя рядомъ съ именемъ г. Шассена на одномъ изъ такихъ сочиненій? Тѣ Славяне, которые прочитаютъ эти книги, будутъ имѣть полное право усомниться въ искренности и добросовѣстности нынѣшней дружбы къ нимъ Мадьяръ. Еще бо́льшее право будутъ они имѣть не вѣрить имъ и готовиться противъ нихъ, если справедливо то, что́ мы слышали, будто Мадьяры, заискивая дружбу болѣе сильныхъ Славянскихъ племенъ, Сербовъ и Хорватовъ, въ то же самое время притѣсняютъ народность Словаковъ, менѣе сосредоточенныхъ и потому слабѣйшихъ; будто они скрытымъ образомъ стараются мадьяризовать Словаковъ и не хотятъ признавать ихъ народности наравнѣ съ Хорватскою и Сербской, на томъ основаніи, что послѣдніе имѣютъ за себя историческое право, а Словацкая народность не имѣетъ такихъ правъ. Мы надѣемся, что, къ чести Мадьяръ, эти слухи окажутся ложными, или, что если есть между ними люди съ подобными взглядами, то ихъ мнѣніе замолкнетъ передъ заслуженнымъ негодованіемъ всѣхъ мадьярскихъ патріотовъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, можно ли въ такомъ вопросѣ ссылаться на историческое право, когда право это основывалось на уничтоженныхъ нынѣ въ Венгріи (самимъ Мадьярскимъ сеймомъ 1848 года) привилегіяхъ сословій, и когда въ этомъ правѣ не было помину о началѣ народности, о коемъ нынѣ идетъ рѣчь? Отстраняя совершенно это начало, средневѣковое историческое право Венгерское давало фактически полное равенство всѣмъ народностямъ, и своею терпимостью обезпечивало, какъ мы видѣли, внутреннюю безопасность Венгріи: а теперь нѣкоторые люди основываются на этомъ самомъ правѣ, чтобы отказывать народности Словаковъ въ равномъ признаніи съ Мадьярскою!

Но положимъ даже, что историческое право было бы за Мадьяръ въ этомъ вопросѣ (а мы показали противное): какъ могутъ благоразумные Мадьяры обращать вниманіе на историческое право, коль скоро оно противорѣчитъ новому жизненному началу, отъ котораго зависитъ и современное преуспѣянье и вся будущность Мадьярскаго народа!

Мадьярскій народъ прожилъ всю свою историческую жизнь среди Славянскаго міра. Несравненно слабѣйшій, по малочисленности и одинокости своей въ Европѣ, онъ въ прежніе вѣка держался тѣмъ, что

[1]) Увы! эти свѣдѣнія не только оказались вѣрными, но когда Австрія дала Мадьярамъ волю и власть, они и съ сербами и Хорватами стали поступать такъ, какъ прежде поступали съ безправными Словаками.

умѣлъ ладить съ окружающими его жилища, а отчасти обитающими съ нимъ вмѣстѣ, Славянскими народами, разъединенными между собою не только во внѣшней дѣятельности, но и во внутреннемъ сознаніи. Нынѣ Славянскіе народы устремились къ умственному и нравственному единенію и къ общей самостоятельной дѣятельности. Недавній опытъ доказалъ Мадьярамъ, что они безсильны воспрепятствовать этому движенію. Поставленные судьбою среди Славянскаго міра, они должны учиться ладить съ нимъ при новомъ его направленіи, какъ ладили съ нимъ въ былыя времена.

На огромномъ пространствѣ восточной Европы, отъ Бѣлаго моря до Адріатики, отъ Чешскихъ горъ до Кавказа, раскинуто поле для Славянскаго племени: но среди этого пространства, среди восьмидесяти милліоновъ Славянъ, его занимающихъ, судьба поставила нѣсколько небольшихъ, чужихъ Славянамъ, своеобразныхъ народовъ. Таковы на сѣверо-западѣ полтора милліона Литвы, на юго-западѣ около двухъ милліоновъ Албанцевъ, на югѣ слишкомъ восемь милліоновъ Румыновъ; таковы въ срединѣ, у западнаго края, пять милліоновъ Мадьяръ. Неразрывно связаны всѣ эти народы съ Славянскимъ міромъ; обусловленная самою природою, связь эта проходитъ чрезъ всю ихъ прошедшую исторію; она вся вращалась въ кругу Славянскаго міра; никакая сила этой связи не расторгнетъ. Вступить во вражду съ Славянскимъ міромъ для этихъ народовъ было бы безразсудствомъ. Пользуясь разрозненностью Славянъ, тотъ или другой изъ этихъ народовъ могъ бы получить временный успѣхъ въ распрѣ съ своими ближайшими Славянскими сосѣдями: но къ чему бы это повело? есть ли у этихъ народовъ матеріальная сила для постоянной борьбы съ Славянскимъ міромъ? и что̀ еще важнѣе, есть ли у нихъ духовная сила, которая оправдала бы ихъ соперничество съ Славянами? Какія самобытныя, жизненныя начала могутъ Литва, Румыны, Албанцы, Мадьяры, внести въ развитіе человѣчества? И вотъ, въ настоящее время, когда весь Славянскій міръ начинаетъ сознавать себя, когда онъ начинаетъ сознавать свое призваніе къ самобытному, жизненному подвигу въ развитіи человѣчества, мы хотѣли бы сказать этимъ народамъ, и въ особенности Мадьярамъ, которымъ посвящена была наша рѣчь, мы хотѣли бы сказать имъ: «Соедините ваши сердца съ Славянами; соедините съ ними вашъ трудъ. Среди Славянскаго міра нашлось мѣсто для вашего доблестнаго и своеобразнаго народа: найдется мѣсто и для вашего доблестнаго, своеобразнаго труда въ великомъ подвигѣ, который долженъ быть предпринятъ Славянскимъ міромъ для всего человѣчества».

С. п. б.
Ноябрь 1860.

V.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВО ХОРВАТСКАГО НАРОДА.

V.

Историческое право Хорватскаго народа.

Заслуги Хорватовъ для цивилизованнаго міра. — Начало исторіи этого народа. — Борьба его съ Карломъ Великимъ. — Соединеніе съ Венгріей. — Побѣда надъ Татарами. — Четырехъ-вѣковая борьба съ Турками. — Общественное право Хорватовъ на полноправность и независимость. — Какое мѣсто въ семьѣ Европейскихъ народовъ долженъ занимать Хорватскій народъ? — Какъ долженъ быть рѣшенъ *Хорватскій вопросъ?* — Отношеніе Хорватской и Сербской народностей. — Хорватское государство.

Въ 1859 г. въ Парижѣ вышла въ свѣтъ книга: «La Croatie et la confédération italienne; avec une introduction par L. Léouzon le Duc», книга замѣчательная, появленію которой нельзя не порадоваться.

Кромѣ введенія, принадлежащаго перу Французскаго писателя, г. Леузонъ ле-Дюкъ, она составлена природнымъ Хорватомъ, который изложилъ въ ней, на основаніи документовъ, всѣ права своего народа и всѣ нарушенія этихъ правъ со стороны Австріи. Пора, наконецъ, Славянскимъ народамъ поднять свой голосъ передъ Европою. Пора и имъ заявлять свои права на гражданскую жизнь. Прекрасный примѣръ показалъ неизвѣстный намъ хорватскій писатель, сдѣлавшись защитникомъ своего народа передъ Европою, и мы желаемъ искренно, чтобы ему послѣдовали и Чехъ, и Моравецъ, и Словакъ, и Словенецъ, и Сербъ, и Болгаринъ, столь же хорошо знакомые, какъ онъ, съ исторіею и историческимъ правомъ земли своей.

Полное уваженіе къ его труду, столь новому въ европейской литературѣ, заставляетъ насъ посвятить ему подробный разборъ; это мы считаемъ тѣмъ болѣе нашею обязанностью, что мы должны сдѣлать автору нѣсколько замѣчаній по предметамъ, вѣрное пониманіе которыхъ необходимо и для самихъ Хорватовъ, и для всѣхъ вообще Славянъ, раздѣляющихъ ихъ участь. Начнемъ, однако, съ изложенія содержанія занимающей насъ книги.

Она раздѣлена на три части. Въ первой представлена, въ краткихъ чертахъ, исторія Кроатовъ, или, какъ собственно мы должны называть ихъ Славянскимъ именемъ, Хорватовъ, и прекрасно доказано, что вся дѣятельность этого народа была посвящена благород-

ной борьбѣ противъ лютыхъ враговъ христіанства и европейской образованности. Въ этой главѣ авторъ напоминаетъ великія черты мужества и самоотверженія, которыми гордилось бы все Славянское племя, если бы одинъ Славянскій народъ умѣлъ цѣнить дѣянія другаго и если бы насъ не учила исторіи только западная Европа; а западная Европа, въ пользу которой Хорваты, въ продолженіе тысячи слишкомъ лѣтъ, приносили неисчислимыя жертвы, и которая, когда они были нужны для ея безопасности, называла ихъ, устами императоровъ и папъ, своимъ оплотомъ, — отвернулась отъ нихъ потомъ и сдѣлала изъ имени Кроата синонимъ варвара, грубіяна, разбойника.

Первая страница исторіи Хорватскаго народа носитъ уже тотъ характеръ, которымъ запечатлѣна вся его послѣдующая дѣятельность. Эти Славяне пришли изъ-подъ Карпатскихъ горъ на берега Дравы, Савы и Адріатическаго моря, чтобы, по зову императора Ираклія, вырвать эти прекрасныя земли изъ рукъ орды Аваровъ и стать на стражѣ образованнаго міра противъ этихъ степныхъ дикарей, имѣвшихъ свой главный притонъ въ равнинахъ средняго Дуная.

Вскорѣ новый подвигъ ожидалъ Хорватовъ. Быстро распространилась по Европѣ власть Франковъ, и Карлъ Великій, съ огромными силами нападая на западныя вѣтви Славянскаго племени, подчинилъ ихъ одну за другою своей державѣ. Хорваты первые, въ 819 году, вооружились, подъ предводительствомъ своего великаго Людевита, и, послѣ долгой, ожесточенной борьбы, освободились отъ Германскаго ига и помогли освобожденію сосѣднихъ Славянскихъ племенъ.

Четыреста пятьдесятъ лѣтъ протекло; народъ Хорватскій составилъ довольно обширное государство, потомъ сдѣлался жертвою междоусобій и наконецъ подчинился династіи Венгерскихъ королей. Уже соединенные съ Венгріею, подъ державою одного государя, хотя съ полною внутреннею независимостію отъ Венгріи (эти отношенія изложены авторомъ во второй части его книги), явились Хорваты вновь защитниками Европы отъ Азіятскаго варварства. Татары покорили Русь, пронеслись, какъ опустошительная саранча, по Польшѣ, Трансильваніи, Болгаріи, Венгріи. Король Венгерскій и Хорватскій Бела IV, разбитый на голову, оставилъ Венгрію на произволъ Татаръ и бѣжалъ въ Хорватскую землю почти одинъ; тогда Хорваты вооружились поголовно, сначала оборонялись въ своихъ твердыняхъ на берегу Адріатики, а потомъ, перейдя къ нападенію, на полѣ, подъ замкомъ Гробникомъ, поразили Татаръ, принудили къ бѣгству, освободили южную Европу отъ ихъ полчищъ и возвратили Белѣ его родную державу. Европа забыла объ этомъ великомъ подвигѣ Хор-

ватскаго народа. Неблагодарность дошла до такой степени, что даже ученый Роттекъ, изображая вторженіе Татаръ въ западныя государства, приписываетъ внезапное исчезновеніе ихъ орды «или чуду, или же вѣсти о приготовленіяхъ, дѣлавшихся противъ нихъ въ Германіи». Но — какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ — Татары, выросшіе въ школѣ Чингизъ-хана, были не такой народъ, чтобы испугаться отдаленной опасности, а чудо дѣйствительно совершила въ то время храбрость Хорватовъ. Впрочемъ, и самъ король Бела засвидѣтельствовалъ во многихъ документахъ, въ какомъ безпомощномъ состояніи онъ явился въ Хорватскую землю и съ какимъ одушевленіемъ Хорваты ополчились за него противъ Татаръ. Любопытны выписки изъ этихъ документовъ, приводимыя нашимъ авторомъ.

Что̀ Хорватамъ случилось сдѣлать тогда противъ одной мимолетной орды, то̀ предстояло имъ потомъ въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ противъ завоевательнаго государства Оттомановъ. Борьба Хорватовъ, стоявшихъ безсмѣнно на стражѣ юго-западной Европы, полна дѣлъ безпримѣрнаго мужества и самоотверженія. Если бы нашъ Хорватскій писатель обладалъ бо̀льшимъ талантомъ изложенія, то онъ разсказалъ бы эту борьбу въ страницахъ, которыя тронули бы всякаго европейскаго читателя; къ несчастію, онъ собралъ только сухіе факты и замѣнилъ живость изложенія громкими эпитетами. На Хорватахъ лежитъ обязанность болѣе достойнымъ образомъ увѣковѣчить подвиги Ивана Таловца, защитника Бѣлграда противъ всѣхъ силъ султана Мурата; Матвѣя Геребича и Эмерика Деренчина, спасителей своей родины послѣ паденія Босніи; всей семьи Франкопановъ, выставлявшей въ продолженіе столѣтія героевъ; Петра Кеглевича, побѣдителя Солимана; Николая Юришича, который, съ тысячью Хорватовъ, остановилъ въ крѣпостцѣ Гюнсъ Турецкую армію, шедшую на Вѣну; Николая Шубича Зриньскаго, погибшаго подъ Сигетомъ; бана Ѳомы Эрдеди-Бакача и Николая Зриньскаго, отстоявшихъ Хорватскую землю послѣ покоренія Турками Венгріи, и столь многихъ другихъ, которые одинаково отличались храбростью въ битвахъ и скромнымъ безкорыстіемъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Пусть Хорватскіе писатели ярко и живо выставятъ передъ Европою тотъ несомнѣнный фактъ, что всѣ неудачи и пораженія въ этой четырехсотлѣтней борьбѣ проистекали отъ трусости или коварства Австрійскихъ полководцевъ и Вѣнскаго двора, и что Хорватамъ потомъ приходилось кровью своею искупать малодушіе и предательство какого-нибудь Катціанера, Ауерсперга, Ламберга, принца Гильдбурггаузенскаго и другихъ подобныхъ имъ Австрійскихъ героевъ.

Во второй части своего сочиненія, неизвѣстный Хорватскій писатель излагаетъ, на основаніи подлинныхъ актовъ, общественное пра-

во своего народа. Изъ этого, вполнѣ основательнаго и добросовѣстнаго разбора, оказываются несомнѣнно слѣдующіе факты:

1) Когда Хорваты, по прекращеніи древней Славянской своей династіи и послѣ многихъ междоусобій, признали, въ 1102 году, своимъ государемъ Венгерскаго короля Коломана и его преемниковъ изъ рода Арпадова, то Коломанъ торжественно обѣщалъ и присягнулъ за себя и своихъ потомковъ управлять Хорватскою землею по ея правамъ и обычаямъ, не брать съ нея для себя податей, не посылать туда Мадьяръ; въ замѣнъ, Хорваты обязались воевать за него на собственный счетъ въ своихъ предѣлахъ, а на его иждивеніе внѣ своей земли; онъ короновался въ приморскомъ Бѣлградѣ (Zara vecchia) королемъ Хорватскимъ и Далматскимъ.

2) При прекращеніи династіи Арпадовой, Хорваты, какъ народъ самостоятельный, стали избирать себѣ государей по своему усмотрѣнію, независимо отъ выбора, производившагося въ Венгріи; хотя иногда выборъ падалъ случайно на одно и то же лицо у обоихъ народовъ, однако также часто бывали особые короли у Хорватовъ и у Венгровъ, и законность выбора Хорватовъ Венграми не оспоривалась. Такъ послѣ смерти Андрея III, послѣдняго изъ династіи Арпадовой, Хорваты, въ 1301 году, выбрали себѣ въ короли Карла Роберта Неаполитанскаго, а Венгры — Вячеслава Чешскаго, за нимъ Оттона Баварскаго, и только въ 1308 году, когда Венгры сами возвели на свой престолъ Карла-Роберта, обѣ короны соединились на его главѣ и перешли къ его сыну Людовику; послѣ смерти послѣдняго, въ 1385 году, Хорваты отвергли его дочь, признанную королевою Венгерскою, и обратились къ другимъ членамъ Неаполитанскаго дома; потомъ обѣ короны опять соединились, но послѣ смерти Матвѣя Корвина — Хорваты избрали его сына Ивана, а Венгры Владислава Польскаго. Когда Иванъ, боясь не устоять между Венграми и Турками, вошелъ въ сношенія съ Владиславомъ и хотѣлъ передать ему Хорватскую землю, то Хорваты не захотѣли допустить этой сдѣлки, нарушавшей ихъ независимость, и сначала предложили свою корону эрцгерцогу Австрійскому Максимиліану, а Владислава признали только, когда онъ присягнулъ соблюдать всѣ древнія права ихъ, какъ свободно избранный ими государь.

3) Послѣ гибели короля Чешскаго, Венгерскаго и Хорватскаго Людовика, Владиславова сына, въ несчастной битвѣ при Мухачѣ (1526), опять пресѣклась династія въ этихъ странахъ, и народъ Хорватскій вновь долженъ былъ полноправно рѣшить свою судьбу. Тогда эрцгерцогъ Австрійскій, король Чешскій Фердинандъ, выбранный, 26 ноября 1526 года, въ короли Венгерскіе, послалъ къ Хорватамъ своихъ полномочныхъ, чтобы предложить себя въ кандидаты на Хорват-

скій престолъ. Должно замѣтить это: корона Венгерская не давала Фердинанду, даже въ собственныхъ глазахъ его, никакого права на Хорватовъ, и онъ, чтобы не оскорбить ихъ народнаго самолюбія, въ грамотахъ, съ которыми отправилъ своихъ пословъ на Хорватскій сеймъ, даже не упоминалъ своего титула короля Венгерскаго. Когда послы Фердинанда обѣщали именемъ своего государя сохранить всѣ, издревле утвержденныя, права и вольности Хорватскаго народа, сеймъ единогласно провозгласилъ его и наслѣдниковъ его королями Хорватскими и отправилъ къ Фердинанду депутатовъ, которые получили отъ него самого то же торжественное обѣщаніе.

4) Когда предстояло прекращеніе мужскаго колѣна въ Габсбургскомъ домѣ, то императоръ Карлъ VI, какъ король Хорватскій, созвалъ въ Загребѣ, въ 1712 году, сеймъ Хорватскаго народа и предложилъ ему утвердить престолонаслѣдіе въ женскомъ колѣнѣ. Сеймъ принялъ это предложеніе, подъ условіемъ утвержденія всѣхъ давнишнихъ правъ и вольностей Хорватскаго народа, — что̀ сдѣлано было Карломъ самымъ торжественнымъ образомъ.

Всѣмъ этимъ авторъ разбираемой книги доказалъ неопровержимо:

что Хорватскій народъ былъ искони обществомъ полноправнымъ и независимымъ;

что онъ никогда не былъ подчиненъ Венгріи, и только соединялся съ нею добровольнымъ признаніемъ однихъ и тѣхъ же государей;

что Австрійское правительство поступало незаконно, когда, изъ угожденія Мадьярамъ и для сѣянія раздора, попускало Венгріи предъявлять притязанія на Хорватію, какъ на землю, будто бы отъ нея зависимую и обязанную подчиняться рѣшеніямъ Венгерскаго сейма (чему первая попытка сдѣлана была въ 1723 году и что̀ продолжалось съ тѣхъ поръ втихомолку, пока въ 1836 году не объявилось всенародно),

и наконецъ, что Австрійское правительство нарушило въ послѣдніе годы всѣ условія, подъ которыми Хорваты согласились признать въ 1527 году Габсбургскую династію и въ 1712 году допустили въ ней женское престолонаслѣдіе, тогда какъ народъ Хорватскій ни чѣмъ не нарушилъ своихъ обязательствъ въ отношеніи къ этой династіи, и Богъ-вѣсть какія жертвы принесъ для спасенія ея въ 1848 и 1849 годахъ.

Выводъ изъ всего ясенъ, и понятно, почему авторъ считаетъ себя въ правѣ обратиться, именемъ своихъ соотечественниковъ, къ суду Европы и требовать отъ нея покровительства противъ Австріи, которая, нарушивъ то, что́ узаконивало ея власть въ Хорватіи, продолжаетъ господствовать тамъ насиліемъ.

Но зачѣмъ Европѣ вмѣшиваться въ дѣла Хорватовъ и принимать

подъ свою защиту ихъ права? Неужели только потому, что на ихъ сторонѣ справедливость, а на сторонѣ Австріи беззаконіе? Нашъ авторъ не смотритъ такъ наивно на современность и вполнѣ сознаетъ, что Европа въ своихъ рѣшеніяхъ руководствуется не одною только отвлеченною справедливостью, но и политическою потребностью времени. Поэтому онъ старается доказать Европѣ, что возвращеніе Хорватскому народу принадлежащихъ ему правъ не только справедливо, но и полезно. Вотъ тутъ-то мы обязаны сдѣлать Хорватскому писателю наши замѣчанія, — потому, что мы не такъ на это дѣло смотримъ, какъ онъ.

Чтобы снискать сочувствіе Европы къ Хорватскому народу, авторъ указываетъ на то, что возстановленіе его самостоятельности будетъ полезно для огражденія Италіи, — и только. Хорватскій народъ долженъ остаться въ будущемъ тѣмъ же, чѣмъ держали его въ прошедшемъ, т. е. слугою западной Европы, а не свободнымъ членомъ Европейской семьи.

Если въ прошедшемъ Хорватскій народъ жилъ почти исключительно для пользы западной Европы, а не для собственнаго развитія, если онъ проливалъ потоки крови для отраженія мусульманскаго варварства отъ Италіи и Германіи, и въ этой борьбѣ до такой степени позабылъ о собственныхъ интересахъ, что отдался безъ сопротивленія въ руки Австріи, — то мы объ этомъ можемъ только сожалѣть, воздавая полную дань уваженія его мужеству и безкорыстію. Но позорною кажется намъ мысль о возобновленіи, въ будущемъ, такихъ служебныхъ отношеній Хорватскаго народа къ западной Европѣ, позорною показалась намъ лесть передъ Западомъ, съ которой авторъ начинаетъ свою книгу. Онъ поставилъ эпиграфомъ: «Mes braves Croates!» *Napoléon I,* и говоритъ: «Когда великій человѣкъ, въ плѣну на Св. Еленѣ, произнесъ эти памятныя слова: «Мои храбрые Кроаты!» о маленькомъ народѣ, онъ не могъ имѣть иной цѣли, какъ указать на него общественному уваженію и благодарности образованнаго свѣта», и проч. Хвастаться народу Хорватскому лестными словами Наполеона I, или какого бы то ни было другаго великаго человѣка, право, нечего: Наполеону I дѣлаетъ, конечно, честь, что онъ оцѣнилъ по достоинству доблести Хорватовъ; но Хорваты роняютъ себя, когда, для какой-то captatio benevolentiæ передъ европейской публикою, ссылаются на рекомендацію Наполеона; нѣтъ, рекомендаціею Хорватамъ въ прошедшемъ служатъ ихъ славныя дѣла, въ будущемъ — то, что они принадлежатъ къ семьѣ Славянскихъ народовъ и имѣютъ право участвовать въ нравственномъ и общественномъ возрожденіи ихъ Славянскихъ братій.

На этотъ-то послѣдній вопросъ авторъ разбираемой книги не об-

ращаетъ никакого вниманія. Намъ кажется даже, что онъ нарочно обходитъ его молчаніемъ. Онъ сдѣлалъ, можетъ быть, слѣдующее соображеніе: «Заговори я вообще о возрожденіи Славянскихъ народностей, вся Европа ужаснется громадности этого вопроса и не обратитъ никакого вниманія на воззваніе въ пользу моихъ Хорватовъ; дай-ка я отрѣшусь отъ вопроса Славянскаго и примкну съ дѣломъ Хорватскимъ къ вопросу Итальянскому». Разсчетъ близорукаго эгоизма, который строго наказывается впечатлѣніемъ, производимымъ самою книгою. Прежде всего, вслѣдствіе этого разсчета, народъ Хорватскій становится, какъ я уже замѣтилъ, въ служебное отношеніе къ Западу. Ничего не значитъ, что авторъ нѣсколько разъ повторяетъ, по поводу Итальянцевъ и Хорватовъ, правило юристовъ: quod uni justum alteri aequum (что̀ справедливо для одного, то слѣдуетъ и другому); вопросъ о народномъ правѣ Хорватовъ теряетъ въ его книгѣ свое значеніе внутренней непреложности и низводится на степень вопроса о временной выгодѣ и удобствѣ для западной Европы. Это такъ вѣрно, что самъ издатель книги Хорватскаго автора, Французъ, г. Леузонъ-ле-Дюкъ, въ такомъ именно смыслѣ понялъ ее. Вотъ какъ начинаетъ онъ предисловіе, которымъ снабдилъ ее: «Противопоставить Австріи, для защиты противъ нея Хорватскаго народа, тѣ же самые доводы, которые она противопоставляла недавно Европѣ, для защиты своего владычества въ Италіи, — такова цѣль этой книги. Кромѣ того, въ ней стараются доказать (и въ этомъ ея великій интересъ современности), что предметъ, въ ней разсматриваемый, находится въ неразрывной связи съ событіями, только что совершившимися; что вопросъ Хорватскій составляетъ естественное и логическое послѣдствіе Итальянскаго вопроса»... И нѣсколько далѣе: «Народъ Хорватскій... требуетъ признанія своихъ правъ; онъ требуетъ отъ Европы болѣе справедливой и просвѣщенной оцѣнки своего значенія и достоинства; наконецъ, онъ хочетъ теперь, когда Итальянская независимость есть дѣло рѣшенное, указать державамъ на внутреннюю связь, на необходимое соотношеніе между требуемымъ имъ удовлетвореніемъ и твердымъ, прочнымъ основаніемъ этого новаго учрежденія» (стр. I). А далѣе, г. Леузонъ-ле-Дюкъ еще яснѣе опредѣляетъ свое воззрѣніе на Хорватское дѣло: «Что̀ нужно сдѣлать, чтобы Виллафранкскій договоръ не былъ мертвою буквою, жалкою мистификаціею, а чтобы Итальянскій союзъ былъ тѣмъ, что̀ имѣлъ въ виду Наполеонъ III, т. е. твердымъ, преуспѣвающимъ и прочнымъ учрежденіемъ? Нужно поставить Австрію въ невозможность взять назадъ свое слово и нарушить свои обязательства. А между средствами къ достиженію этой цѣли, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ есть, конечно, рѣшеніе *Хорватскаго вопроса*. Хорватія, вновь предоставленная себѣ самой, возста-

новленная въ своихъ естественныхъ предѣлахъ, была бы въ настоящее время для Италіи тѣмъ, чѣмъ была она нѣкогда для христіанства — могущественнымъ и несокрушимымъ оплотомъ. Это слѣдуетъ самымъ очевиднымъ образомъ изъ книги, которую мы предлагаемъ читателямъ» (стр. XIII).

Мы желаемъ всевозможнаго блага и преуспѣянья народу Итальянскому и Итальянской независимости; но мы не хотимъ, чтобы какой бы то ни было народъ Славянскій существовалъ для Италіи. Пусть народъ Хорватскій оказываетъ, въ случаѣ возможности, услуги Итальянцамъ какъ добрымъ сосѣдямъ и союзникамъ; но пусть помнитъ онъ, что народы не предназначены къ тому, чтобы быть одни господами, а другіе слугами, въ семьѣ человѣческой, и что народъ позоритъ себя и отрекается отъ правъ на существованіе, если онъ ищетъ оправданія своему бытію не въ началахъ своей собственной жизни, а въ удобствѣ для жизни другихъ.

Вотъ какой важный, существенный законъ забытъ нашимъ авторомъ, вслѣдствіе угодливости передъ западной Европою.

Но привела ли эта угодливость, по крайней мѣрѣ, къ желанной цѣли? Отрѣшившись отъ общаго Славянскаго вопроса, сдѣлалъ ли онъ свой частный Хорватскій вопросъ болѣе практичнымъ въ глазахъ Европы? Напротивъ того. Какъ ни старайся, а Хорватскаго народа одного не освободишь, не коснувшись его сосѣдей. Не говоря уже о Венгріи, но самостоятельная Хорватія, при порабощенныхъ членахъ того же славянскаго народа,—Штирійскихъ, Краинскихъ и Истрійскихъ Словенцахъ на западѣ, Далматинцахъ и Боснякахъ на югѣ,—просто не мыслима. Самъ авторъ сознаетъ это, и въ послѣднихъ главахъ своего сочиненія не только доказываетъ права на самостоятельность Словенцевъ, но даже, хотя съ возможною вѣжливостью, протестуетъ противъ Парижскаго трактата, который, гарантируя поземельный составъ Турецкой имперіи, обезпечилъ тѣмъ самымъ ея господство надъ Босніею. Стало быть, для возстановленія Хорватскаго народа недостаточно отнять небольшую землю, называемую Кроаціею, у Австрійской имперіи; надобно раздробить всю Австрію, чтобы получить отъ нея Штирію, Краину, Истрію, Далмацію; надобно раздробить Турцію, чтобы получить отъ нея Боснію, — и все это нужно сдѣлать для чего же?—для огражденія Италіи отъ Австрійской политики. Право, г. Хорватскій писатель, для *этого* дѣла Европа съумѣетъ придумать средство болѣе удобное и дешевое.

Такимъ образомъ, нашъ авторъ, при всемъ своемъ желаніи отрѣшиться изъ ложно понятаго практицизма, отъ общаго вопроса о возрожденіи Славянскихъ народностей, на дѣлѣ долженъ былъ прійти къ нему, по крайней мѣрѣ отчасти. Но между тѣмъ это отрѣшеніе

владѣло его мыслію, и привело его къ страннымъ и печальнымъ результатамъ.

Онъ выводитъ изъ историческихъ источниковъ, что земля Словенцевъ въ Штиріи, Краинѣ, Горицѣ и Истріи принадлежитъ къ области Хорватской. Страны эти, дѣйствительно, составляли одно политическое цѣлое съ Хорватіею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ IX вѣкѣ, во время возстанія Людевита противъ Франковъ, а нѣкоторые округи, ближайшіе къ Хорватіи, входили въ ея составъ въ послѣдующее время, даже въ XV столѣтіи; но славянское племя, занимающее эти земли, составляетъ особый народъ, называетъ себя Словенцами, а не Хорватами, говоритъ на особомъ нарѣчіи. Этотъ народъ долженъ имѣть такія же притязанія на самобытность, какъ народъ Хорватскій, и никакое историческое право не можетъ позволить Хорватамъ считать землю Словенцевъ своею принадлежностью; ибо историческое право, на которое Хорваты могутъ ссылаться въ отношеніи къ Австріи, потому что тамъ дѣло идетъ о договорахъ и ихъ соблюденіи или нарушеніи, непримѣнимо въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ народамъ: тутъ основаніемъ отношеній служитъ не договоръ, не историческое право, а братская любовь. Австрія приняла въ отношеніи къ Хорватамъ такія-то обязательства; она ихъ нарушила, безъ всякаго повода со стороны Хорватовъ: пусть же Хорваты протестуютъ противъ Австріи и требуютъ своихъ правъ. Но обязались ли когда-либо Словенцы принадлежать Хорватамъ? Нѣтъ. Какое же право имѣютъ Хорваты объявлять, на основаніи историческихъ случайностей, притязаніе на ихъ земли? Если бы авторъ сталъ на точку зрѣнія обще-славянскую, если бы онъ понялъ, что кромѣ историческаго права есть и законъ братолюбія, то онъ не оскорбилъ бы Словенцевъ своимъ требованіемъ подчиненія, а представилъ бы имъ вопросъ совсѣмъ иначе. Онъ сказалъ бы имъ, что они имѣютъ точно такія же права на возрожденіе и самобытность, какъ Хорваты; онъ убѣдилъ бы ихъ въ томъ, что они сами по себѣ слишкомъ слабы и раздроблены, чтобы составить отдѣльное цѣлое; что ихъ соединяютъ съ Хорватами и общность историческихъ преданій, и близость нарѣчій, и условія географическія; онъ предложилъ бы имъ свободно и братски соединиться съ народомъ Хорватскимъ, — и предложеніе, такимъ образомъ высказанное, могло бы быть одобрено Словенцами.

Еще въ худшее положеніе становится авторъ къ Сербамъ. Отношенія Хорватской народности къ Сербской принадлежатъ къ числу самыхъ странныхъ явленій Славянскаго міра и ведутъ, какъ видно уже въ области литературной, къ безконечнымъ распрямъ, коль скоро разсматриваются съ точки зрѣнія историческаго права и мѣстнаго патріотизма.

Нашъ авторъ утверждаетъ, что почти вся Боснія до горъ Романійскихъ и города Вышеграда и половина Герцеговины до рѣкъ Неретвы и Буны «составляютъ, по праву и природѣ, первоначально и безспорно неотъемлемую часть владѣній Хорватскаго государства, и поземельную собственность, исключительно принадлежащую народу Хорватскому» (стр. 250). Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ, разумѣется, съ негодованіемъ отвергаетъ притязанія Сербовъ на эти земли.

Право Хорватовъ и «Хорватскаго государства» (l'Etat croate) на Боснію и сѣверную Герцеговину основываетъ авторъ на показаніи императора Константина Багрянороднаго, описывавшаго въ X вѣкѣ первоначальное распредѣленіе Хорватскихъ и Сербскихъ земель. Что свидѣтельство Константина заслуживаетъ довѣрія и что оно подтверждается другими свидѣтельствами того времени, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; нѣтъ сомнѣнія, что до X и даже до XI вѣка вся Боснія, кромѣ южной ея оконечности, и сѣверная Герцеговина принадлежали къ Хорватскимъ землямъ, а не къ Сербскимъ. Но выше свидѣтельства Константина Багрянороднаго, для рѣшенія дѣлъ современныхъ, стоитъ свидѣтельство современнаго народа. Спросите жителей Босніи и Герцеговины, какого они народа? огромное большинство отвѣтитъ, что Сербы; другіе назовутъ себя, смотря по вѣроисповѣданію, Латинами или Турками, хотя они тоже происхожденія славянскаго и говорятъ на томъ же самомъ языкѣ, какъ Сербы: имени Хорвата не присвоитъ себѣ никто.

Тутъ, очевидно, вопросъ народности перешелъ въ область религіозную. Но странно, какимъ образомъ могло случиться, даже подъ вліяніемъ вѣроисповѣданія, что значительная часть прежнихъ Хорватовъ приняла имя Сербовъ, и это даже въ такихъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Боснійской Краинѣ), которыя никогда не были подъ властію Сербскаго государства? Дѣло въ томъ, что имена *Хорватъ* и *Сербъ* не обозначали первоначально различія народнаго; Хорваты и Сербы пришли изъ-подъ Карпатскихъ горъ за Дунай, какъ двѣ вѣтви одного и того же народа; первоначальная ихъ исторія была общая, языкъ ихъ былъ и остался одинъ и тотъ же. Тождественность этихъ именъ такова, что съ одной стороны въ сѣверо-западной Босніи, которая долго оставалась подъ властію Хорватовъ и за которою по сю пору сохранилось оффиціальное названіе Турецкой Кроаціи, жители не поняли бы того, кто назвалъ бы ихъ Хорватами [1]); а съ другой стороны, старшина Черногорцевъ, составляющихъ артель поденщиковъ въ Константинополѣ, называется тамъ Хорватъ-баши, т. е., главою

---

[1]) Тамъ, также какъ въ остальныхъ мѣстахъ Босніи, народъ называетъ себя Сербами, Латинами и Турками, смотря по вѣроисповѣданію.

Хорватовъ, тогда какъ Черногорія со времени Константина Багрянороднаго и понынѣ принадлежала безспорно къ числу Сербскихъ земель и жители ея постоянно признавали себя за Сербовъ.

Изъ этихъ двухъ тождественныхъ именъ одно, Хорваты, установилось за жителями сѣверо-западной части земель, занятыхъ Хорвато-Сербскимъ народомъ, другое, Сербы, за жителями южной и восточной части. Первые сдѣлались католиками, послѣдніе православными. Православная вѣра такъ совоплотилась въ этомъ народѣ съ идеею славянской народности, что имя Серба сдѣлалось у него мало по малу синонимомъ православнаго Славянина, и потому православные жители Босніи и Герцеговины (тамъ значительное большинство населенія православные) причислили себя къ Сербской народности. Напротивъ того, между римско-католическою вѣрою и славянскою народностью у Хорватовъ не произошло такого союза, имя Хорватъ не сдѣлалось въ глазахъ народа синонимомъ католика: отъ того оно сохранилось только тамъ, гдѣ поддерживалось постояннымъ политическимъ преданіемъ, т. е., въ собственной конституціонной Кроаціи; въ Босніи же и Герцеговинѣ Славяне-католики, окруженные большинствомъ православныхъ — Сербовъ, и почти утратившіе сами чувство народности, забыли это имя и стали именоваться исключительно по своему вѣроисповѣданію, т. е., Латинами.

Таково отношеніе Хорватской и Сербской народности въ настоящее время. Могутъ ли Хорваты предъявлять свои историческія права на Боснію и Герцеговину? Нѣтъ; это дѣло для нихъ потерянное, потому что Сербы, не завоеваніемъ, не политическимъ вліяніемъ, а силою духовнаго единства вѣры, безъ всякаго съ своей стороны усилія, привлекли къ себѣ три четверти народонаселенія этихъ областей, и именно самую живую, дѣятельную и воинственную часть его — единственную, въ которой сохранилось въ полной мѣрѣ сознаніе народности. Возвратите теперь свободу Босніи и Герцеговинѣ — и тамошніе православные жители скорѣе дадутъ изрубить себя въ мелкіе куски или опять призовутъ Турокъ, чѣмъ присоединятся къ Хорватамъ, а не къ братьямъ Сербамъ; посреди ихъ исчезъ бы голосъ немногочисленныхъ, относительно, Латиновъ. Равновѣсіе могло бы быть возстановлено въ пользу послѣднихъ, если бы мусульманская часть Боснійскихъ и Герцеговинскихъ Славянъ, которая уже предвидитъ неотразимую въ будущемъ необходимость возвратиться въ христіанство, перешла на сторону Латинства. Но и въ этомъ отношеніи преимущество должно будетъ остаться за тою церковью, которая сроднилась съ Славянскою народностью. Именно народный характеръ даетъ православной вѣрѣ въ глазахъ Славянъ-мусульманъ такое значеніе, что они считаютъ ее единственною христіанскою; по

ихъ понятіямъ Христіанство (т. е. православіе) само по себѣ, а Латинство само по себѣ; потому, хотя исторія свидѣтельствуетъ, что Боснійская и Герцеговинская аристократія, передъ обращеніемъ своимъ въ исламъ, исповѣдовала большею частію римско-католическую вѣру, однако потомки этой аристократіи увѣрены теперь, что ихъ предки были православные, такъ какъ они были христіанами. Вотъ почему аристократія эта, если ей придется отречься отъ мусульманства, непремѣнно перейдетъ (развѣ случатся такія обстоятельства, какихъ мы предвидѣть не можемъ) въ то христіанское исповѣданіе, которое она считаетъ за вѣру своихъ отцовъ и съ принятіемъ котораго она вмѣстѣ съ тѣмъ найдетъ себѣ народность.

Во всякомъ случаѣ, нашъ авторъ, обращая вниманіе исключительно на историческое право и отдѣляя Хорватскіе интересы отъ интересовъ обще-славянскихъ, глубоко оскорбляетъ Сербскій народъ [1]); вѣдь онъ отнимаетъ у него братій, Сербовъ Боснійскихъ и Герцеговинскихъ; а могутъ ли Хорваты сдѣлать что нибудь безъ Сербовъ? Но положимъ, что они могли бы распространить свое владычество на всю прежнюю Хорватскую область, что «государство» Хорватское, какъ выражается авторъ, получило бы все пространство до Неретвы и Дрины: это повело бы неминуемо къ междоусобному кровопролитію, потому что большинство жителей въ этихъ странахъ причисляетъ себя, какъ я сказалъ, къ Сербскому народу и скорѣе предпочтетъ иго Турокъ, чѣмъ власть другихъ Славянъ, кромѣ Сербской, т. е. своей собственной.

Хорватское государство, возстановленное въ какомъ бы то ни было объемѣ, принадлежитъ еще къ числу утопій; но если авторъ позволилъ себѣ перейти въ область утопій, то зачѣмъ представилъ онъ своимъ идеаломъ утопію эгоистическую, утопію невообразимую безъ пролитія братской крови? Зачѣмъ не сказалъ онъ такъ: «Мы Хорваты и вы Сербы,—мы братья по происхожденію, по языку, по преданіямъ нашей исторіи, по борьбѣ съ мусульманствомъ; мы были бы однимъ народомъ, если бы насъ не раздѣлила вѣра. Наша Хорватская область была въ старину больше вашей Сербской; но мы не требуемъ отъ васъ прежнихъ Хорватскихъ, а теперь Сербскихъ земель, потому что вы пріобрѣли ихъ не насиліемъ, а свободнымъ выборомъ народа, пріобщившагося къ вамъ. Да не будетъ между нами

[1]) Оскорбительнымъ для Сербовъ можетъ быть и то, что Хорватскій писатель нашъ, говоря о подвигахъ Хорватскаго народа противъ Турокъ, не упоминаетъ вовсе объ участіи Сербовъ въ этихъ подвигахъ; а участіе ихъ было велико: самые храбрые полки, съ которыми Хорватскіе витязи побороли силу Турецкую, набирались между православными Сербами, водворенными Матвѣемъ Корвиномъ на Ликѣ и Корбавѣ, въ приморской Хорватіи.

ссоры и распри. Мы сознаемъ, что мы теперь безъ васъ слабы и ничтожны; вы намъ нужны, но и мы нужны вамъ: вамъ нужна наша образованность, наша опытность въ отношенiи Запада, вамъ нужны наконецъ наши гавани на Адрiатическомъ морѣ. Составимъ же опять союзъ, какъ въ началѣ нашей исторiи, пусть обниметъ этотъ союзъ всѣ земли Сербскiя и Хорватскiя и земли Альпiйскихъ Словенцевъ, если они захотятъ присоединиться къ намъ; пусть не будетъ въ этомъ союзѣ господства одной народности надъ другою, одной вѣры надъ другою, но пусть каждый членъ союза распоряжается, какъ хочетъ, своими собственными дѣлами». Пусть и это покажется утопiей; но отъ той утопiи, которую народъ, какъ и каждый человѣкъ, ставитъ себѣ идеальною цѣлью, зависитъ характеръ его стремленiй и дѣйствiй. Если Хорваты признаютъ за свою цѣль то, что̀ имъ предлагается въ разбираемой книгѣ, т. е., государство Хорватское, возстановленное въ своихъ обширнѣйшихъ историческихъ предѣлахъ помощью западной Европы, то они будутъ раболѣпны передъ Западомъ, горды и исключительны передъ своими братьями Славянами. Они слишкомъ хорошо испытали на себѣ, что западная Европа готова пользоваться ихъ кровью на полѣ битвы, но не желаетъ хлопотать объ ихъ пользахъ; они должны были понять, что спасенiя своего раздробленные Славянскiе народы могутъ ожидать только отъ Славянскаго единенiя и братолюбiя. Пусть же Хорваты не преклоняются передъ западною Европою и пусть они воспитываютъ въ себѣ не гордость и исключительность въ отношенiи къ своимъ братьямъ Славянамъ, а чувство единенiя и любви.

С.п.б.
1860.

VI.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

СЕРБСКАГО НАРОДА ВЪ ТУРЦІИ.

VI.

Государственное право Сербскаго народа въ Турціи [1].

I.

Сербское царство: его распаденіе. — Царь Сербскій Стефанъ Душанъ и его преемники. — Князь Лазарь. — Первыя условія вассальства Сербовъ въ отношеніи къ Турціи. — Битва на Косовомъ полѣ. — Покореніе Болгаріи Турками. — Стефанъ Лазаревичъ.

Когда султанъ Орханъ, около половины XIV столѣтія, покорилъ Галлипольскій полуостровъ, то держава его соприкоснулась съ Сербскимъ царствомъ. Но царство это, только что основанное, распалось со смертію своего основателя (Стефана Душана Сильнаго). Событіе это значительно облегчило Османліямъ дальнѣйшія завоеванія. Имъ, съ той поры, приходилось бороться только съ ослабѣвшими народами, съ разъединенными между собою государствами.

Преемникъ Душана, Урошъ V, съ неопытностью молодости соединялъ слабость характера. Къ довершенію несчастія, обширное царство, которое онъ наслѣдовалъ, носило уже въ себѣ сѣмена внутренняго раздора. Душанъ Сильный сдѣлалъ ту ошибку, что раздѣлилъ свои владѣнія на нѣсколько большихъ намѣстничествъ. Намѣстники, послѣ смерти его (онъ умеръ въ 1356 г.), отказались вскорѣ отъ повиновенія безсильному Урошу, стали воевать между собою и нѣкоторые сдѣлались совершенно независимыми. Намѣстникъ Акарнанскій первый подалъ этотъ пагубный примѣръ. По его слѣдамъ пошли намѣстники Ѳессаліи, Албаніи и Герцеговины. Боснія и Болгарія отдѣлились окончательно, а Греки, съ своей стороны, отняли

[1]) Подъ заглавіемъ: „Поглед на историю све-србског државног права у турском царству" помѣщенъ въ „Сербскихъ Новинахъ", издаваемыхъ въ Бѣлградѣ, рядъ замѣчательныхъ статей о государственномъ правѣ сербскаго народа въ Турціи; статьи эти потомъ отпечатаны особою брошюрой. Въ настоящемъ очеркѣ излагается ихъ содержаніе.

часть владѣній сербскихъ въ Македоніи. Урошъ, послѣдній изъ рода Неманичей, оставался жалкимъ свидѣтелемъ этого распаденія и, наконецъ, былъ убитъ Вукашиномъ, который перенесъ на свой домъ царское достоинство (1367 г.).

Въ Вукашинѣ не было недостатка способностей и энергіи. Онъ непрестанно боролся съ Турками, разбилъ ихъ въ большомъ сраженіи, гдѣ на ихъ сторонѣ погибло до 30,000 чел., и удержалъ Македонію. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вступилъ въ союзъ съ государями Боснійскимъ и Болгарскимъ и принялъ участіе въ крестовомъ походѣ противъ Турокъ, который въ это время провозгласилъ папа Урбанъ V. Но станъ его, дурно стерегомый, подвергся, ночью, нападенію въ расплохъ, Сербы были разбиты на-голову и самъ Вукашинъ, во время бѣгства, умерщвленъ своимъ слугою (1371 г.). Поле этой битвы, на Марицѣ, близь Адріанополя, доселѣ называется у Турокъ Сирфшиндили, т. е. Сербское пораженіе. Послѣ этого бѣдственнаго событія, многіе небольшіе владѣтели Сербскіе и Болгарскіе не были въ состояніи удержаться иначе, какъ обязавшись платить султанамъ дань и помогать имъ въ войнахъ. Такому условію принужденъ былъ подчиниться, между прочими, сынъ Вукашина, королевичъ Марко, витязь, прославленный народными пѣснями той эпохи. Но на него напалъ и изгналъ его изъ Сербскихъ предѣловъ князь Лазарь Гребляновичъ, котораго Сербскіе властели (бояре) возвели на престолъ послѣ смерти Вукашина, въ уваженіе къ его достоинствамъ и къ родству его жены, Милицы, съ царскимъ родомъ Неманичей.

Лазарь I сталъ стремиться къ возстановленію разрушенной державы Душановой. Онъ возвратилъ Сербіи Герцеговину и часть Далмаціи, отнялъ у Венгерцевъ Бѣлградъ и Мачву, и завоевалъ весь Банатъ. Приблизительно границы его царства были: Адріатическое море, цѣпь горъ, отдѣляющихъ Герцеговину отъ Босніи, р. Дрина, Драва, Тиса, Марошъ, Тимокъ, а на югъ оно простиралось до городовъ Жаркова, Софіи и Велеса, до земли Мирдитовъ и гавани Антивари. Въ такихъ размѣрахъ Сербская держава могла внушать опасенія Туркамъ. Они напали на нее въ 1375 г. Лазарь храбро защищался, но послѣ сдачи Ниша принужденъ былъ просить мира, и получилъ его подъ условіемъ платить султану ежегодно 1,000 фунтовъ серебра и ставить на помощь его войску 1,000 всадниковъ. Въ тоже время султанъ велъ переговоры съ Болгарскимъ царемъ Шишманомъ, зятемъ и союзникомъ Лазаря. Шишманъ, вмѣсто дани, отдалъ за султана свою дочь.

Таковы были, по свидѣтельству всѣхъ лѣтописцевъ, христіанскихъ и мусульманскихъ, начало и первыя условія вассальства Сербскаго народа въ отношеніи къ Турціи.

Лазарь въ точности исполнялъ условія мира, но тяжело сносилъ ихъ, также какъ всѣ Сербскіе *властели*. Всѣ ждали только случая, чтобы сбросить съ себя эти условія. Случай представился. При осадѣ Коніяха (Иконіи), въ Малой Азіи, султанъ Муратъ I велѣлъ казнить нѣсколькихъ человѣкъ изъ Сербскаго вспомогательнаго отряда, за нарушеніе военной дисциплины. Ихъ товарищи, воротясь изъ похода, взволновали народъ разсказами о жестокомъ способѣ этой казни. Лазарь поддался общему движенію; видя въ Боснякахъ, Албанцахъ и Болгарахъ расположеніе стать съ нимъ за общее дѣло, онъ отказалъ султану въ дани и собралъ около 100,000 войска. Одинъ отрядъ этого войска разбилъ, въ передовой стычкѣ, 20,000 Турокъ, такъ что изъ нихъ 5,000 легло на мѣстѣ. Султанскій визирь, Али-паша, открылъ роковую войну, бросившись на Лазарева союзника, царя Болгарскаго Шишмана. Послѣ сдачи Шумлы и паденія Тернова, окруженный въ Никополѣ, Шишманъ просилъ мира, но въ этотъ разъ получилъ его только подъ условіемъ платить дань и уступить побѣдителямъ Силистрію. Когда великій визирь удачно кончилъ этотъ походъ и обезопасилъ правое крыло Турокъ, Муратъ двинулся къ Сербіи, съ 300,000 чел. Сраженіе произошло 15 Іюня 1389 года, на Косовомъ полѣ. Побѣда въ началѣ казалась на сторонѣ Сербовъ; но Вукъ Бранковичъ, въ рѣшительную минуту, оставшись въ бездѣйствіи, съ конницею, на правомъ крылѣ, даровалъ ее Туркамъ. На Косовомъ полѣ погибъ цвѣтъ Сербской знати, погибли оба государя, и съ этого дня Турецкое царство было утверждено въ Европѣ.

Бранковичъ не получилъ ожидаемой награды за свою измѣну: ибо Ваязидъ, котораго Турецкое войско тутъ же, на Косовомъ полѣ, провозгласило султаномъ, призналъ за Стефаномъ, сыномъ Лазаря, отцовское наслѣдіе, подъ условіемъ прежней дани и военной помощи, которая съ 1,000 чел. была увеличена до 10,000. Сверхъ того, Стефанъ принужденъ былъ отдать за своего верховнаго государя (suzerain), султана, младшую сестру свою Милеву.

Такимъ образомъ, условія вассальства Сербіи, состоявшія въ дани и въ военномъ контингентѣ, остались неизмѣненными, и только число контингента было увеличено. Въ силу этихъ условій, за Сербскимъ народомъ признано было государство, въ томъ пространствѣ какое ему принадлежало при Лазарѣ, самостоятельное и независимое, только подчиненное дани. Такъ какъ условія эти никогда отмѣнены не были, то они остались основаніемъ новаго государственнаго права Сербскаго на Балканскомъ полуостровѣ. Позднѣе, какъ мы увидимъ вскорѣ, когда, со смертію Стефана, пресѣклось мужское потомство Лазаря, и права престолонаслѣдія перешли на женщинъ, султаны присвоили себѣ самовластно державныя права этой династіи; но должно замѣтить, что они сдѣ-

лали это не въ силу завоеванія или какого-либо новаго условія, а единственно на основаніи брачныхъ связей съ Сербскими княжнами. Изъ этого слѣдуетъ, очевидно, что султаны сами почитали себя въ Сербіи не инымъ чѣмъ, какъ законными преемниками рода Лазарева. Если бы это начало соблюдалось султанами и принято было самими Сербами, то Турецкіе государи только лично заступали бы мѣсто народныхъ владѣтелей Сербскихъ, управляя Сербіею на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ народные владѣтели прежде управляли ею; то есть, глава Турецкаго царства былъ бы, въ то же время, главою королевства Сербскаго, которое оставалось бы, по прежнему, самостоятельною и независимою, хотя подчиненною дани, державою... Но обратимся къ дальнѣйшему ходу историческихъ событій.

Болгарскій царь Шишманъ нарушилъ условія мира съ Турками; они напали на него, лишили его жизни и обратили Болгарію въ Турецкую провинцію (1393 г.). Владѣтель Сербскій, испуганный этимъ, вступилъ въ союзъ христіанскихъ государей, который составилъ, въ это время, Французскій король Карлъ VI, по настоянію Византійскаго императора Іоанна Палеолога. Пораженіе союзниковъ у Никополя (1396 г.) принудило Стефана покориться снова Баязиду, который не хотѣлъ, или не могъ наказать его такъ, какъ, незадолго передъ тѣмъ, наказалъ государя Болгарскаго. Сербскій вспомогательный отрядъ участвовалъ въ великой битвѣ между Турками и Татарами, у Ангоры, и отличился необыкновенною храбростью. Въ рѣшительную минуту, Стефанъ, съ своею конницею, окружилъ Баязидова сына Сулеймана, пробился съ нимъ сквозь побѣдоносные полки Тамерлана и привелъ Турецкаго престолонаслѣдника невредимымъ въ Константинополь. Баязидъ, какъ извѣстно, былъ взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ Татарами. Въ распрѣ, возникшей въ слѣдъ за тѣмъ между сыновьями Баязида, Стефанъ, по соглашенію съ Греческимъ императоромъ Еммануиломъ, провозгласилъ султаномъ Сулеймана и помогъ ему побѣдить своего брата Мусу. Но магометанинъ, забывъ всѣ благодѣянія христіанскаго государя, которому онъ обязанъ былъ и жизнію и престоломъ, началъ покровительствовать его домашнимъ соперникамъ, въ особенности его брату, Вуку Лазаревичу, который, вслѣдствіе этого, и получилъ половину Сербской державы. Раздраженный Стефанъ принялъ тогда сторону третьяго сына Баязидова, Магомета I. Магометъ, съ помощью его, низложилъ обоихъ своихъ братій, Сулеймана и Мусу, и назвался великимъ султаномъ. Въ это время мы находимъ, что Стефанъ вовсе избавился отъ дани и сдѣлался, такимъ образомъ, совершенно независимымъ государемъ, но объ этомъ намъ не достаетъ еще обстоятельныхъ свѣдѣній. Стефанъ, испытавъ неблагодарность и со стороны Магомета, умеръ въ 1427

году. Не имѣя сына, онъ завѣщалъ престолъ Юрію Бранковичу, своему племяннику, передавъ, такимъ образомъ, наслѣдство въ женскую линію.

II.

Бранковичъ и его борьба съ Мурадомъ. — Битва подъ Варною. — Распри Сербскихъ бояръ. — Царица Ирина. — Уступка Туркамъ Смедерева. — Султанша Мара и опекунъ ея султанъ Магометъ II. — Стефанъ Томашевичъ король Боснійскій.

Султанъ Мурадъ II, сынъ Магомета I (который умеръ въ 1422 году) и внукъ Милевы, дочери Сербскаго царя Лазаря, предъявилъ свои права на Сербію, послѣ смерти Стефана Лазаревича, оставшагося, какъ мы видѣли, безъ потомства. Это притязаніе не имѣло законнаго основанія, потому что Юрій Бранковичъ былъ тоже внукомъ другой дочери Лазаря, и при томъ старшій, къ тому же престолъ былъ завѣщанъ ему прежнимъ княземъ. Въ войнѣ, возникшей по этому поводу, Бранковичъ призвалъ на помощь Венгерцевъ, но они, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, заключили перемиріе, и Бранковичъ, оставленный своими союзниками, воспользовался нѣкоторыми успѣшными дѣлами и поспѣшилъ заключить миръ, подъ тѣмъ же условіемъ дани и военнаго воспомоществованія. Такимъ образомъ, султанъ отказался отъ своего притязанія, признавши, юридически и фактически, родъ Бранковича законнымъ преемникомъ Лазаревой династіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за народомъ Сербскимъ право имѣть своихъ туземныхъ владѣтелей и по прекращеніи прежней династіи.

Но Турецкіе султаны играли международнымъ правомъ по своей прихоти. Мурадъ, черезъ четыре года, по самому ничтожному предлогу, снова пошелъ на Сербію войною. Бранковичъ заключилъ съ нимъ миръ и отдалъ за него свою дочь Мару (Марію). Новый зять владѣтеля Сербскаго собирался, въ 1437 году, напасть на Венгрію; онъ потребовалъ пропуска своихъ войскъ черезъ Сербію и уступки крѣпости Смедерева (Семендріи), какъ точки опоры для этого похода. Бранковичъ сослался на заключенныя съ Сербіею условія; Мурадъ напалъ на него и осадилъ Смедерево. Турки, отраженные въ этотъ разъ, на слѣдующій годъ воротились съ бо́льшими силами и взяли крѣпость; они ослѣпили двухъ сыновей Бранковича, попавшихся тамъ въ плѣнъ, и увели ихъ въ рабство. Казалось, что́ Сербія погибла навсегда. Но государь ея былъ человѣкъ дѣятельный и мужественный. Въ 1443 г. онъ вступилъ въ свою землю съ войскомъ, составленнымъ изъ Сербовъ, Венгровъ, Поляковъ, Валаховъ и Нѣмецкихъ крестоносцевъ, раздѣляя предводительство съ знаменитымъ Венгерскимъ героемъ Гуніадомъ. Христіане, разбивъ Турокъ въ че-

тырехъ битвахъ, оттѣснили ихъ за Софію. Въ то же время, герой Албаніи, Скандеръ-бегъ, освобождалъ свое отечество и вступалъ въ сношенія съ Сербами. Испуганный султанъ предложилъ Бранковичу возвратить ему его владѣнія и сыновей, и уменьшить дань. Бранковичъ, согласившись съ Венграми, подписалъ миръ, по которому ему возвращена была вся Сербія съ Герцеговиною, а Трансильванія признана была за Венгріей.

Но Венгры тотчасъ нарушили договоръ. Они были разбиты на голову, въ знаменитой битвѣ подъ Варною (1444). Бранковичъ не только имъ не содѣйствовалъ, но даже помѣшалъ Скандеръ-бегу соединить съ ними свои силы. Черезъ четыре года онъ снова отказался отъ участія въ войнѣ Венгровъ противъ Турокъ, за что Венгры напали на Сербію, какъ на непріятельскую землю.

Въ награду за вѣрность Бранковича, преемникъ Мурада, Магометъ II, на другой день послѣ завоеванія Константинополя, предъявилъ свое право на Сербію, на основаніи своего происхожденія отъ Лазаревой дочери Милевы. Началась война, исходъ которой такъ неблагопріятенъ былъ для Турокъ, что Магометъ принужденъ былъ заключить миръ, оставивъ Бранковича въ спокойномъ обладаніи Сербіею и опредѣливъ дань въ 30,000 червонцевъ. Бранковичъ умеръ въ 1457 году, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовалъ за нимъ въ гробъ его сынъ и преемникъ, Лазарь, оставивъ единственную дочь (она была за мужемъ за Стефаномъ Томашевичемъ, сыномъ короля Боснійскаго Томаша) и жену, Ирину Палеологъ, которую онъ и назначилъ своею наслѣдницею.

Сербскіе властели (бояре), неохотно подчинявшіеся власти женщины, раздѣлились на двѣ партіи. Одна, сильнѣйшая, требовала, чтобы Ирина передала правленіе своему зятю, Стефану Боснійскому. Это была боснійская партія, которая, для бо́льшаго обезпеченія, поставила себя подъ покровительство папы, въ то время еще много значившаго въ Европѣ. Тогда и Венгерскій сеймъ торжественно призналъ Боснійскаго королевича, Стефана Томашевича, законнымъ наслѣдникомъ Сербскаго престола, на основаніи его женитьбы на дочери послѣдняго государя Сербскаго, отреченія Ирины и согласія большинства Сербской знати; въ то же время, Томашъ, отецъ Стефана, принялъ уже предварительно, за своего сына, титулъ короля Боснійскаго и Сербскаго, признавъ Ирину своей намѣстницей въ Сербіи. Другая (турецкая) партія Сербскихъ бояръ искала тѣснѣйшаго сближенія съ возраставшею постоянно державою Турецкою и провозгласила Михаила Богоевича, брата великаго визаря Махмудъ-паши, соправителемъ Ирины. Они имѣли въ виду выдать Ирину за Богоевича и, такимъ образомъ, положить начало новой династіи въ Сербіи. Но Ирина, ненавидѣвшая

Богоевича, пригласила его къ себѣ въ Смедерево, велѣла схватить и выдала Венгерцамъ (1459 г.).

Тогда властели турецкой стороны призвали султана, чтобы съ его помощью освободиться отъ власти Ирины и боснійской партіи и забрать землю въ свои руки. Это, имъ казалось, было возможно безъ особенной опасности для Сербіи, тѣмъ болѣе, что султанъ Магометъ, назначивъ султаншѣ Марѣ, дочери Бранковича, королевское содержаніе и особый дворъ, провозгласилъ себя ея опекуномъ, съ намѣреніемъ воскресить ея права на отцовскій престолъ. Такимъ образомъ, и въ этотъ разъ султанъ требуетъ власти надъ Сербіею единственно какъ представитель владѣтельныхъ правъ султанши Мары, какъ нѣкогда Милевы, хотя, разумѣется, права эти законнымъ образомъ должны были перейти не къ ней, а къ Лазарю Юрьевичу и его потомству.

Магометъ съ большимъ войскомъ направился на Сербію. Положеніе короля Боснійскаго, находившагося между Турками и внутренними непріятелями, какъ между двухъ огней, было опасно въ высшей степени. Онъ помирился съ Магометомъ, уступивъ ему Смедерево, самую крѣпкую твердыню Сербіи, и обязавшись выслать Ирину въ Венгрію. Сербо-турецкая партія торжествовала. Начальники Вышеграда, Чернова и Бѣлой Стѣны перешли къ ней и открыли эти крѣпости Магомету. Хотя султана принимали вездѣ съ отверстыми объятіями, какъ опекуна Мары, однако Магометъ опасался, что такое расположеніе въ странѣ не продлится, и, пользуясь случаемъ, передавшимъ въ его руки всю власть въ Сербіи, отправилъ 200,000 Сербовъ поселенцами въ опустошенныя окрестности Константинополя, гдѣ они, нѣкоторымъ образомъ, могли служить ему заложниками. Послѣ такого насильственнаго поступка онъ удалился изъ Сербіи, оставивъ прежнихъ властелей управлять ею именемъ Мары, этой тѣни законной владѣтельницы (1459).

Такимъ образомъ, ошибочно мнѣніе, обыкновенно выражаемое въ историческихъ сочиненіяхъ, будто бы султанъ Магометъ II обратилъ Сербію въ простую провинцію Турціи. Онъ дѣйствовалъ тамъ, не смотря на частные случаи насилія, не какъ завоеватель, а какъ защитникъ правъ султанши Мары, какъ покровитель той партіи, которая, потерявъ Богоевича, стала подъ знамя Мары. Во имя ея передавались ему города и крѣпости Сербскіе. Впрочемъ, земля осталась при внутреннемъ самоуправленіи, при прежнихъ народныхъ властеляхъ.

Только глава правительства былъ перемѣненъ: на мѣсто законнаго преемника прежнихъ народныхъ государей, Стефана Томашевича Боснійскаго, вступилъ незаконный, султанъ Турецкій, опекунъ

Мары и представитель ея правъ. Торжество Магомета въ Сербіи было дѣломъ партіи, а не грубаго завоеванія.

Впрочемъ, только одна часть Сербіи признала права Мары и власть султана; Герцеговина и Зета (нынѣшняя Черногорія съ прилежащими краями) держались короля Боснійскаго, какъ законнаго государя Сербіи. Даже тамъ, гдѣ господствовалъ султанъ (въ восточной части Сербскихъ земель), многіе властели продолжали стоять на сторонѣ Стефана Томашевича и нападали на приверженцевъ противоположной партіи. Мы разскажемъ теперь, какъ въ этой части Сербіи, мало-по-малу, исчезли слѣды народнаго самоуправленія, но предварительно взглянемъ на судьбу тѣхъ земель Сербскихъ, которыя остались подъ властію короля Боснійскаго.

III.

Отцеубійца Томашевичъ. — Вторженіе Магомета II въ Боснію. — Побоище на Влагайскомъ полѣ. — Отуреченье боснійской знати. — Покореніе Герцеговины. — Внутреннее самоуправленіе въ Сербскихъ земляхъ. — Народные властели. — Королевичъ Марко. — Сербскіе кнезы (старшины). — Боснійскіе властели-мусульмане. — Общій выводъ.

Венгерцы, раздраженные противъ короля Боснійскаго за уступку Туркамъ Смедерева, этого ключа Дуная, рѣшились устранить Томаша, Интриги ихъ нашли доступъ во властолюбивое сердце его сына, Стефана Томашевича. Онъ сдѣлался отцеубійцею (1459). Проклятіе легло на несчастную Боснію.

Когда вѣсть объ этомъ злодѣяніи разнеслась въ странѣ, бо́льшая часть властелей отказались отъ повиновенія Стефану. Сама королева-мать призвала султана Магомета, чтобы онъ наказалъ коронованнаго убійцу, ея сына, за смерть ея мужа. Магометъ послушался зова, вступилъ въ Боснію, разорилъ тамъ цѣлые края и—оставилъ на престолѣ Стефана, наложивъ на него дань въ 25,000 черв. Мать, въ угрызеніяхъ совѣсти за это несчастное призваніе Турокъ, удалилась въ Римъ, и вступила тамъ въ монастырь.

Венгры, видя, что Боснія не въ силахъ уже служить имъ оплотомъ отъ Турокъ, рѣшились завладѣть пограничными Боснійскими крѣпостями на рѣкѣ Савѣ и склонили Стефана къ ихъ уступкѣ. Къ довершенію несчастій, обрушившихся на Боснію, братъ и сестра короля стали искать покровительства Турціи, приняли мусульманскую вѣру и предъявили свои права на престолъ. Султанъ началъ готовиться къ новому походу въ Боснію, а между тѣмъ послалъ къ королю требовать условленной дани. Стефанъ, видя неизбѣжность войны, отказалъ. Тогда, весною 1463 года, Магометъ вступилъ въ Боснію, ведя съ собою 150,000 войска. Послѣ краткой осады, сда-

лась самая сильная крѣпость въ странѣ, Бобовецъ. Король затворился въ другой крѣпости, Яйцѣ, но считая себя небезопаснымъ тамъ, удалился въ Ключъ. Яйце сдалась. Ключъ нѣсколько времени отбивалъ осаждавшихъ, но король, видя невозможность долгаго сопротивленія, вступилъ въ переговоры съ великимъ визиремъ Махмудомъ. Визирь, именемъ своего государя, присягнулъ на коранѣ въ томъ, что Стефанъ и его семья сохранятъ жизнь и имущество, и что король получитъ отъ султана удѣлъ въ Босніи или другой странѣ. Стефанъ явился въ станъ къ султану, который объявилъ, что утвердитъ условія мира только въ такомъ случаѣ, если король всѣмъ остальнымъ крѣпостямъ и замкамъ прикажетъ сдаться. Стефанъ долженъ былъ повиноваться. Съ другой стороны, братъ короля, ренегатъ, призывалъ, своими посланіями, Боснійскихъ властелей покориться султану, если желаютъ сохранить свои права и права своей земли. Вслѣдствіе этого, въ теченіе одной недѣли сдались Туркамъ болѣе семидесяти замковъ и крѣпостей; тогда Магометъ, видя себя властителемъ всей страны, рѣшился не щадить Боснійскую знать такъ, какъ онъ пощадилъ Сербскую. Онъ созвалъ всѣхъ властелей Босніи на Благайское поле, для подтвержденія ихъ привилегій, и велѣлъ окружить ихъ своимъ войскомъ. Тогда онъ, прежде всего, приказалъ казнить короля, его дядю и главнѣйшихъ вельможъ Боснійскихъ; остальнымъ онъ предложилъ выборъ между отреченіемъ отъ христіанства и смертію. Тѣ властели, которые принадлежали къ сектѣ богомиловъ (а ихъ было большинство), безпрекословно объявили себя мусульманами; православные и католики почти всѣ предпочли казнь. Такимъ образомъ потурчилась Боснійская знать, потомки которой находятся доселѣ въ Босніи и Старой Сербіи: потурчилась она не добровольно, а насильственно.

Тѣ изъ властелей, которые не явились на Благайское поле, бѣжали въ Венгрію или Дубровникъ. Въ Босніи христіанство осталось только въ простомъ народѣ. 30,000 Босняковъ были взяты въ янычары. Потурченцамъ оставлены были ихъ феодальныя права и полное внутреннее самоуправленіе; только мѣсто короля заступилъ визирь, который былъ представителемъ султана, но не долженъ былъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны. За то потурчившіеся, но все-таки сохранившіе свою народность, властели Боснійскіе были обязаны помогать султану военнымъ контингентомъ; а на народъ, т. е. на христіанъ, наложена была дань, подъ именемъ харача. Королева-мать, свидѣтельница гибели своей родины, прожила въ Римѣ еще 15 лѣтъ и завѣщала папѣ престолъ Боснійскій, въ случаѣ, еслибы ея потурчившійся сынъ не возвратился къ христіанству. Магометъ, покоривъ Боснію этимъ вѣроломнымъ способомъ, напалъ на

Герцеговину, но не имѣлъ успѣха: Герцеговина отстаивала еще нѣсколько лѣтъ свою свободу, и покорена была только въ 1498 году, султаномъ Баязидомъ II, и сравнена въ правахъ съ Босніею. Это было окончательнымъ паденіемъ стараго государства Сербскаго. Только господари Зеты, потерявъ всѣ владѣнія свои въ равнинахъ, удержались въ неприступныхъ ущельяхъ Черногоріи, да маленькая республика Дубровницкая осталась на берегу морскомъ.

Изъ всего предъидущаго изложенія видно, что земля Сербскаго народа [1]) не была, просто, взята съ бою Турками, не сдѣлалась безусловно добычею ихъ оружія, какъ случилось съ областями Болгарскими и Греческими; ею не управляли оттоманскіе чиновники, въ ней не судили турецкіе судьи, не взимали податей турецкіе сборщики. И въ Сербіи, и въ Босніи, всѣ принадлежности власти остались въ рукахъ туземцевъ, и внутреннее самоуправленіе страны было юридически признаваемо на тѣхъ же въ сущности основаніяхъ, какъ во время князя Лазаря. Но мало-по-малу, султаны старались, изподтишка, уничтожить это внутреннее самоуправленіе въ Сербскихъ земляхъ, преимущественно въ собственной Сербіи, гдѣ властели, народные правители, были христіане; въ Босніи, гдѣ они приняли мусульманство, самоуправленіе сохранилось почти до нашихъ временъ (до 1851 года); къ сожалѣнію, исторія Сербскаго народа съ конца XV столѣтія покрыта глубочайшимъ мракомъ.

Послѣ смерти султанши Мары, исчезла въ Сербіи послѣдняя тѣнь народной династіи. Султаны стали хозяйничать въ этой землѣ, истощенной войнами и насильственными выселеніями. Когда какой нибудь Сербскій властель умиралъ, не оставивъ сыновей, то наслѣдіе и должность его отдавали какому нибудь Турку; при малѣйшемъ подозрѣніи, устраняли властелей христіанъ и замѣщали пришельцами-мусульманами. Многіе изъ народныхъ властелей сами принимали исламъ, другіе переселялись въ Венгрію. Но нѣкоторые остались, и должны были напрягать всѣ силы свои, чтобы устоять противъ наплыва Турокъ. Олицетвореніемъ этихъ народныхъ властелей, борющихся съ Турками и заступающихся за народъ, является, въ народныхъ пѣсняхъ, королевичъ Марко. Въ другихъ пѣсняхъ эти же властели изображаются въ видѣ христіанскихъ юнаковъ (витязей), которые имѣютъ свои замки и богатые дворы, носятъ цвѣтныя платья и блестящее оружіе, часто бьются съ Турками, а часто также приглашаются къ нимъ сватами (дружками) и даже роднятся съ ними. Послѣдніе потомки этихъ туземныхъ правителей-христіанъ были наслѣдственные

---

[1]) Включая и Боснію, населенную тѣмъ же Сербскимъ племенемъ, хотя она составляла отдѣльное королевство.

кнезы (волостные старшины), которыхъ застало въ Сербіи возстаніе 1804 года, кнезы, собиравшіе подати въ своей кнежинѣ (волости), производившіе въ ней судъ и расправу и представлявшіе волость передъ султанскимъ визиремъ. Такихъ кнезовъ не было въ Турціи нигдѣ, внѣ предѣловъ Лазарева государства. Въ Сербскихъ кнезахъ хранилось древнее начало внутренняго самоуправленія въ Сербіи, и начало это, наконецъ, восторжествовало, послѣ двукратной борьбы 1804 и 1815 годовъ. Борьба эта со стороны Сербовъ не имѣла характера мятежа: кнезы и другіе вожди народные требовали только, чтобы внутреннее самоуправленіе, предоставленное въ Сербіи христіанамъ и никогда не отнятое у нихъ юридически, было имъ возвращено; чтобы мѣстная власть, незаконно переданная въ руки Турокъ, снова перешла къ христіанамъ; чтобы господство насилія замѣнено было владычествомъ закона. Словомъ, эта была не революція, а простое возстановленіе державы Лазаревой, хотя въ тѣснѣйшихъ географическихъ предѣлахъ.

Въ Босніи дѣла приняли другой оборотъ. Народные властели, сдѣлавшись мусульманами, не допустили наплыва мусульманъ-османліевъ. Они удержали все свое прежнее значеніе, всю власть надъ страною. Боснія сдѣлалась мусульманско-аристократическою республикою въ предѣлахъ Турецкаго государства. Но аристократія эта дѣйствовала неразумно, страшно угнетала христіанъ. Христіане жаловались безпрестанно султану и визирю Боснійскому. Ослабѣвшее правительство Турецкое съ недоброжелательствомъ смотрѣло на эту аристократію: оно боялось ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ, опасалось возстанія христіанъ, все болѣе и болѣе выводимыхъ ею изъ терпѣнія. Правительство, подъ предлогомъ облегченія участи христіанъ, стало стѣснять внутреннее самоуправленіе, принадлежавшее Боснійскимъ властелямъ, а властели защищали свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Дѣло кончилось походомъ Омеръ-паши (1850 и 1851 г.), уничтожившимъ всѣ права туземной аристократіи и обратившимъ Боснію въ область, лишенную всякихъ политическихъ правъ. Но, съ другой стороны, Турецкое правительство вздумало задобрить мусульманскую аристократію на счетъ христіанскаго населенія, и подчинило его огромному оброку въ пользу мусульманъ-землевладѣльцевъ: прежній оброкъ этотъ былъ утроенъ, и христіанское населеніе разорено. Аристократія Боснійская поступаетъ по-прежнему неразумно. Вмѣсто того, чтобы сблизиться съ христіанами, когда это сближеніе сдѣлалось для нея единственнымъ выходомъ изъ ничтожества, въ которое ее привело Турецкое правительство, она продолжаетъ давить христіанъ, подвергаясь ежедневной опасности быть истребленной или исчезнуть въ Турецкой административной централизаціи.

Безименный сербскій авторъ, которому мы слѣдовали въ этомъ

очеркѣ, кончаетъ свой историческій обзоръ правъ Сербскаго народа въ отношеніи къ Турціи, слѣдующимъ выводомъ: «Сербскій народъ получилъ, по договорамъ съ султанами, тѣ же самыя права, какія получилъ народъ Румынскій. Если Молдавія и Валахія полнѣе удержали свою внутреннюю независимость, то это произошло отъ того, что, будучи, по своему положенію, менѣе подвержены ударамъ Турокъ, онѣ сохранили своихъ христіанскихъ правителей; что высшее сословіе въ нихъ не перешло въ магометанство, и что онѣ, такимъ образомъ, были избавлены отъ гибельныхъ послѣдствій, которыя все это повлекло за собою въ земляхъ Сербскихъ. Европа, видя у Румыновъ христіанское правительство и христіанскую аристократію, никогда не могла усомниться въ ихъ правѣ на внутреннюю самостоятельность; а у Сербовъ находила она султанскаго визиря, вмѣсто прежнихъ королей, мусульманскую аристократію, вмѣсто христіанской, и, не вникая въ сущность дѣла, въ ходъ событій, легко могла повѣрить ложнымъ показаніямъ Турокъ, будто бы Сербское королевство сдѣлалось простою провинціею Турецкою. Но ложь должна разсѣяться, и всякому будетъ ясно, что государственное право всего Сербскаго народа въ Турціи состоитъ въ слѣдующемъ: внутреннее самоуправленіе, съ народными владѣтелями христіанами, подчиненными султану какъ вассалы».

С. Петербургъ.
1861 года.

VII.

ЧѢМЪ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ

ПРАВОСЛАВНАЯ ВѢРА

У ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

VII.

Чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ Славянъ?

Опасности, среди которыхъ находится Православная вѣра у южныхъ Славянъ.— Есть ли противодѣйствующія имъ стихіи? — Константинопольскіе фанаріоты.— Низшее духовенство. — Церкви и монастыри. — Народныя училища. — Духовная литература.—Положеніе Православной церкви въ Австріи. — Случаи вѣроотступничества у православныхъ Славянъ въ Австріи и Турціи. —Болгары и латинство. — Боснійскіе и Герцеговинскіе богомилы и магометане. — Введеніе христіанства у южиыхъ Славянъ. — Пропаганда католицизма. — Князь Неманя и православіе. — Св. Савва, просвѣтитель Сербовъ. — Народность Православной вѣры у южныхъ Славянъ.

Когда мы читаемъ или слышимъ о бѣдственномъ состояніи Православной Церкви у единовѣрныхъ намъ южныхъ Славянъ, то многіе изъ насъ, быть можетъ, спрашиваютъ себя: чѣмъ же поддерживается у нихъ вѣра православная? Вѣдь это бѣдственное, это ужасающее состояніе не со вчерашняго дня, оно длится слишкомъ четыреста лѣтъ.

Вопросъ трудный и вызывающій на размышленіе: чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ Славянъ, подъ игомъ Турціи и властію Австріи? Исчерпать его я не берусь; но позволю себѣ представить нѣсколько мыслей, къ которымъ этотъ вопросъ привелъ меня, когда я старался объяснить себѣ на мѣстѣ причины, привязывающія южныхъ Славянъ къ православной вѣрѣ.

Единственная опора какой бы то ни было вѣры, у какого бы то ни было народа, есть его убѣжденіе въ томъ, что она истинна. Это несомнѣнно, и сколько примѣръ исторіи, столько же и здравый смыслъ показываютъ, что всякая другая опора, подставляемая подъ вѣру,— насиліе ли, свѣтскія ли выгоды и соображенія и тому подобное, — не только не поддерживаютъ вѣры, а напротивъ, губятъ ее, будучи отрицаніемъ свободы убѣжденія, единственной годной для нея основы, такъ какъ эта основа одна соотвѣтствуетъ сущности вѣры.

Въ массѣ народа, исповѣдывающей извѣстную вѣру, убѣжденіе въ томъ, что она истинна, передается семейнымъ и общественнымъ преданіемъ и воспитаніемъ изъ рода въ родъ, и возвышается до степени духовнаго сознанія (гдѣ это сознаніе возможно: я не говорю о религіяхъ низшихъ) размышленіемъ, чтеніемъ, наставленіемъ, — словомъ сказать, духовнымъ образованіемъ у тѣхъ людей, которымъ доступно это благо. Это можетъ быть такъ, положимъ, у насъ въ Россіи: убѣжденіе въ истинѣ православной вѣры живетъ въ народѣ и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію свободно и безпрепятственно; есть многочисленное духовенство, призванное къ тому, чтобы наставлять народъ, и проповѣдью, частнымъ поученіемъ, совершеніемъ таинствъ, наконецъ примѣромъ собственной жизни утверждать его убѣжденіе въ истинѣ исповѣдываемой имъ вѣры; есть церкви, построенныя по всѣмъ мѣстамъ для того, чтобы народъ внималъ въ нихъ слову Божію; есть всякаго рода училища, въ программахъ которыхъ разумное утвержденіе въ вѣрѣ постоянно сопровождаетъ образованіе въ наукахъ; есть духовная литература, у которой должна быть цѣль — распространять въ читателяхъ всѣхъ сословій пониманіе истинъ православнаго христіанства, и свободнымъ обсужденіемъ отстранять всякое сомнѣніе и недоразумѣніе; есть, наконецъ, типографіи, существующія для того, чтобы дѣлать священныя книги доступными всякому человѣку въ Россіи, даже самому бѣдному.

А взгляните на южныхъ Славянъ, нашихъ единовѣрцевъ. И они, также какъ Русскій народъ, наслѣдовали православную вѣру отъ своихъ предковъ. Но вотъ уже четыреста слишкомъ лѣтъ, какъ стоитъ надъ ними, съ поднятой саблей или палкой, Турокъ и твердитъ каждому изъ нихъ, съ дѣтства до конца жизни: «Твоя вѣра не правая, а моя, мусульманская вѣра, истинна, и видишь ли, за это Богъ даровалъ мнѣ власть и силу, а тебя, неправовѣрнаго, сдѣлалъ моимъ рабомъ!» — и колотитъ онъ его, и показываетъ ему на его отцѣ, братѣ или сосѣдѣ, что онъ властенъ отрубить и ему голову, и приговариваетъ: «А покинь-ка ты свою вѣру и обратись къ истинной, Магометовой, и ты будешь такимъ же господиномъ, какъ я, будешь властвовать и блаженствовать на этомъ свѣтѣ и на томъ».

Мало того. Къ этимъ православнымъ, стоящимъ подъ саблею и палкою Турокъ, приходитъ миссіонеръ Римской церкви, образованный, знающій свѣтъ, умѣющій лѣчить разныя болѣзни: онъ пренебрегаетъ всѣми трудностями и опасностями пути, презираетъ всѣ удобства жизни, чтобы служить, съ ревностью, достойной уваженія и удивленія, тому, что̀ онъ считаетъ христіанской истиной; онъ приходитъ къ православному Славянину въ Турціи и говоритъ ему: «Ты вѣришь въ истиннаго Бога, какъ христіанинъ, но ты не принадлежишь къ

настоящей церкви, установленной Спасителемъ на преемствѣ Петра Апостола; Греки, изъ гордости, отложились отъ этой церкви, и изъ корыстолюбія привлекли къ себѣ твою братью; но за то, посмотри, какая разница! твой Цареградскій владыка только беретъ съ тебя деньги, а мой епископъ даетъ, напротивъ, деньги своимъ бѣднымъ: какъ онъ печется о своемъ стадѣ, во-истину по примѣру апостольскому! И какъ сами Турки уважаютъ нашу церковь: они не смѣютъ обращаться съ нашими людьми такъ, какъ обращаются съ вашими; могущественнѣйшія государства, Франція, Австрія, служатъ папѣ и не даютъ въ обиду его вѣрныхъ чадъ; онѣ строятъ имъ церкви, училища: переходи къ намъ, ты вѣры своей не перемѣнишь, а будешь пользоваться такими преимуществами, какихъ Греческая церковь не имѣетъ и никогда имѣть не будетъ».

Наконецъ, является къ бѣдному православному и Англійскій миссіонеръ, основываетъ въ его городѣ училище, принимаетъ туда даромъ бѣдныхъ дѣтей, и вдобавокъ даетъ деньги ихъ родителямъ, сыплетъ на всѣ стороны священныя книги и говоритъ: «Читай, поучайся и не вѣрь своей церкви, которая умѣетъ только предписывать ненужные обряды, налагать лишнія бремена; вѣрь просто слову Писанія, какъ мы, и присоединись къ намъ. Видишь ли, мы первый народъ на свѣтѣ, самый свободный, самый сильный: Турція трепещетъ передъ нами. Если ты будешъ нашимъ, никто не посмѣетъ тронуть и волоска на твоей головѣ!»

Такимъ образомъ, главнѣйшая основа, поддерживающая существованіе вѣры въ народахъ, т. е. преемственная передача изъ рода въ родъ убѣжденія въ ея истинѣ, окружена у православныхъ Славянъ въ Турціи противными силами, которыя многоразличными способами стремятся поколебать ее, и уничтожить или ослабить въ каждомъ изъ этихъ Славянъ убѣжденіе въ томъ, что вѣра, наслѣдованная имъ отъ предковъ, есть истинная вѣра.

Посмотримъ же теперь, существуютъ ли у православныхъ Славянъ Турецкихъ стихіи, которыя противодѣйствовали бы этимъ усиліямъ и могли бы утверждать въ ихъ сознаніи увѣренность въ истинѣ ихъ исповѣданія?

Духовенство содѣйствуетъ ли исполненію этой задачи? Извѣстно, что высшая іерархія въ славянскихъ земляхъ Турціи выбирается изъ числа такъ называемыхъ Константинопольскихъ Фанаріотовъ, для которыхъ управленіе славянскими паствами Македоніи, Болгаріи, Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи составляетъ главнѣйшую доходную статью, отдаваемую на откупъ почти что съ торговъ. Понятны отношенія такимъ іерарховъ къ этимъ паствамъ.

Извѣстно, что еще не такъ давно православные Болгаре, жители

города Кукуша (въ Македоніи), для того только, чтобы избавиться отъ подобнаго іерарха, рѣшились обратиться въ унію и просить себѣ епископа изъ Рима, — и тотчасъ отреклись отъ папы и возвратились въ православіе, какъ только патріархъ поставилъ имъ архіерея — Болгарина. Этотъ случай говоритъ собою достаточно, и избавляетъ насъ отъ обязанности приводить другіе примѣры въ доказательство того, что подобныя отношенія православныхъ Славянъ къ такъ называемымъ фанаріотамъ существуютъ по всей Турціи. Низшее духовенство, какъ мірское, такъ и монашествующее, въ этихъ земляхъ свое родное, славянское; но образованія оно не имѣетъ, потому что рѣшительно негдѣ ему получать его, и не смотря на высокія нравственныя достоинства многихъ его членовъ, оно въ умственномъ развитіи вообще не стоитъ выше народа: потому оно (кромѣ немногихъ лицъ, которыя заслуживаютъ тѣмъ бóльшаго уваженія) не въ состояніи воспитывать народъ, наставлять его въ вѣрѣ, и въ преніяхъ о вѣрѣ побѣждать миссіонеровъ римскихъ и протестантскихъ.

Церкви, монастыри и общественное богослуженіе, конечно, много содѣйствуютъ поддержанію у православныхъ Славянъ Турціи вѣры отцовъ; но ихъ слишкомъ мало: есть до сихъ поръ цѣлые края православные, гдѣ никто не слыхалъ богослуженія, а до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія число церквей, особенно сельскихъ, и монастырей было еще несравненно меньше нынѣшняго; притомъ, въ обширной Славянской области (Македоніи и восточной Албаніи, гдѣ жители Болгаре) въ немногихъ существующихъ церквахъ и монастыряхъ богослуженіе совершается по-гречески, и, будучи непонятно народу, не можетъ имѣть на него достаточнаго дѣйствія [1]).

Училищъ почти нѣтъ у южныхъ Славянъ въ Турціи: прежде ихъ не было вовсе, развѣ что въ немногихъ монастыряхъ обучались церковной грамотѣ готовящіеся къ духовному званію; въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ городахъ православные учредили народныя училища, но ихъ число такъ незначительно и преподаваніе въ нихъ еще такъ недостаточно, что они до сихъ поръ не могли имѣть замѣтнаго участія въ поддержаніи православной вѣры въ этихъ земляхъ.

Духовная литература у южныхъ Славянъ въ Турціи не существуетъ вовсе, священныя книги у нихъ не печатаются [2]), а полу-

[1]) Даже простой народъ въ славянскихъ областяхъ Турціи, какъ видно изъ разговора со всякимъ тамошнимъ простолюдиномъ, дорожитъ смысломъ богослуженія: онъ не возвысился еще до той степени, на какой стоятъ нѣкоторыя (къ счастію весьма рѣдкія) образованныя лица у насъ, предпочитающія обѣдню на чужомъ языкѣ обѣднѣ Славянской, потому что непонятные звуки, по ихъ мнѣнію, болѣе располагаютъ къ благоговѣнію.

[2]) Кажется, въ недавнее время предпринято въ Константинополѣ изданіе нѣ-

чаются изъ Россіи съ великимъ трудомъ, такъ что самыя церкви нуждаются въ нихъ, а народу онѣ рѣшительно не доступны.

Все вышесказанное относится къ южнымъ Славянамъ, Сербамъ и Болгарамъ, находящимся подъ властію Турціи. Но кромѣ того, часть южныхъ Славянъ, именно почти два милліона православныхъ Сербовъ, живетъ въ Австріи. Этихъ Славянъ Турки не трогаютъ, протестантскіе миссіонеры не имѣютъ къ нимъ доступа; но при всемъ томъ, конечно, православная вѣра у нихъ не болѣе безопасна отъ искушеній, чѣмъ въ Турціи. Церковь православная не имѣетъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ гражданскихъ правъ, одинаковыхъ съ римско-католическою; ея членамъ ежедневно дается чувствовать ихъ униженіе; молодые люди православнаго исповѣданія, обучающіеся въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, обязываются присутствовать при урокахъ римско-католическаго законоучителя, а законоучителей православныхъ при этихъ заведеніяхъ не бываетъ; почти всѣ гимназіи въ областяхъ, гдѣ обитаютъ православные Сербы, находятся исключительно въ рукахъ римскаго духовенства [1]); а курсъ въ этихъ гимназіяхъ обязателенъ для всякаго православнаго, желающаго получить какую бы то ни было общественную должность: поступая на службу, военную или гражданскую, православный Сербъ въ Австріи знаетъ напередъ, что весь свой вѣкъ останется въ низшихъ чинахъ, а переходъ въ католицизмъ даетъ ему вѣрное ручательство въ повышеніи. Такъ потрясаетъ Австрія православныя убѣжденія въ высшемъ слою Сербскаго общества; а на простой народъ призываются къ дѣйствію іезуитскіе и францисканскіе проповѣдники, которые обѣщаютъ

которыхъ церковныхъ книгъ на Славянскомъ языкѣ; но я не слыхалъ еще, чтобы оно перемѣнило положеніе дѣла въ этомъ отношеніи, да притомъ и не могло перемѣнить его, по своей новости и скудости средствъ.

[1]) Вотъ извлеченныя изъ оффиціальнаго адресъ-календаря Австрійскаго (Hof-und Staatshandbuch des Kaiserthumes Oesterreich. Funfter Theil. 1859) свѣдѣнія о гимназіяхъ въ земляхъ, гдѣ живутъ преимущественно православные Сербы: 1) въ Сербской Воеводинѣ и Банатѣ: гимназія въ Темешварѣ, всѣ преподаватели—члены ордена піаристовъ; въ Бечкерекѣ — то же; въ Соботкѣ (Maria-Theresiopol) — Францисканцы; въ Баѣ—половина преподавателей католическіе духовные; православная гимназія въ Новомъ Садѣ имѣетъ только низшіе классы и лишена права выдавать оффиціальные аттестаты. 2) въ Хорватіи и Славоніи: въ Горнемъ Карловцѣ (Carlstadt), гдѣ сосредоточено православное населеніе этого края, гимназія исключительно въ рукахъ Францисканцевъ; въ другихъ Хорватскихъ гимназіяхъ, въ городахъ по преимуществу католическихъ, въ Загребѣ, Осѣкѣ, Рѣкѣ, Пожегѣ и Вараждинѣ, допущены были и свѣтскіе преподаватели. 3) Въ Далмаціи — только въ Сплѣтѣ, гдѣ нѣтъ вовсе православныхъ, гимназія свѣтская, а въ мѣстахъ, гдѣ живутъ православные, въ Дубровникѣ, Синѣ и Задрѣ—въ первомъ городѣ гимназія исключительно іезуитская, во второмъ францисканская, въ третьемъ въ рукахъ мірскаго духовенства католическаго. 4) Въ рукахъ того же духовенства находится преподаваніе въ Сеньѣ (Zengg), въ Хорватской военной границѣ, гдѣ значительная часть населенія православные Сербы.

поселянамъ всякія льготы, въ особенности относительно податей, если они согласятся перейти — не въ католицизмъ, а только въ унію. Для распространенія ея между Сербами даны Австрійскимъ правительствомъ большія средства, построеніемъ уніатскихъ церквей въ такихъ даже мѣстахъ, которыя еще ждутъ уніатовъ, назначеніемъ при нихъ священниковъ съ хорошимъ содержаніемъ и т. под.

И такъ, нельзя сказать, чтобы въ Австріи преемственное храненіе православной вѣры въ народѣ встрѣчало меньше противодѣйствія, чѣмъ въ Турціи. А кто можетъ тамъ блюсти за этимъ храненіемъ и утверждать въ народѣ вѣру, которую такъ сильно стараются поколебать въ немъ? Патріархъ? Но онъ стѣсненъ гражданскими властями такъ, что его голосъ рѣдко и слабо долетаетъ до народа. Подчиненные ему епископы? Но Австрія озабочивается, чтобы ихъ выбирали между людьми «неопасными», не умѣющими протестовать. Приходскіе священники и братія существующихъ въ этихъ земляхъ старинныхъ православныхъ монастырей? Но они въ теченіе послѣднихъ лѣтъ подверглись такому разоренію (податями, отъ которыхъ до 1850 г. были избавлены, и отнятіемъ принадлежавшихъ прежде православнымъ монастырямъ помѣстій, за которыя они одни не получили никакого вознагражденія), что бьются теперь изъ куска хлѣба и утратили отчасти прежнюю энергію. Притомъ, въ слѣдствіе недостатка духовныхъ православныхъ училищъ и отнятія казною капиталовъ, завѣщанныхъ въ прежнее время на такія училища, число молодыхъ людей, способныхъ къ принятію священства, ежегодно уменьшается, и ряды православнаго духовенства въ Австрійскихъ областяхъ видимо рѣдѣютъ. Много ли, стало быть, можетъ сдѣлать духовенство у Австрійскихъ Сербовъ, при неоспоримомъ усердіи и достоинствѣ своемъ, противъ всѣхъ мѣръ, приспособленныхъ къ ослабленію и разрушенію въ этомъ народѣ православной вѣры? О характерѣ тамошнихъ училищъ я сказалъ; о церквахъ, которыя въ этомъ краѣ не оправились еще отъ разоренія, причиненнаго въ 1848 году, и у которыхъ по большей части отняты капиталы, служившіе для ихъ поддержки, я умалчиваю, также какъ о духовной литературѣ, столь слабой и подавленной [1]), что имѣть замѣтное вліяніе на народъ она не можетъ; умалчиваю и объ изданіи нѣкоторыхъ священныхъ книгъ православныхъ, предпринимавшемся въ разное время по распоряженію Австрійскаго правительства, такъ какъ эти книги не только не распространяются въ народѣ, но даже отвергаются имъ, какъ подозрительныя.

[1]) Никакая полемика для защиты православнаго ученія противъ римско-католическаго въ ней не допускается.

При всемъ томъ, однако, какъ въ Австріи, такъ и въ Турціи, православная вѣра у южныхъ Славянъ рѣшительно не слабѣетъ. Въ ея средѣ не возникло ни раскола, ни ереси, ни какого бы то ни было отступленія отъ чистоты христіанскаго ученія, не смотря на то, что предметы религіозные сильно занимаютъ умы этихъ племенъ, и что невѣжество народа и слабость вліянія на него высшей іерархіи могли бы, повидимому, облегчить распространеніе ложныхъ мнѣній и толковъ. Переходъ же частныхъ лицъ изъ православной вѣры въ мусульманство или въ другое христіанское исповѣданіе случается чрезвычайно рѣдко, да и то большею частію невольно или безсознательно; такъ, напримѣръ: сирота, оставшійся послѣ православныхъ родителей, берется въ мусульманскій домъ [1]), или призрѣвается въ католическомъ или протестантскомъ училищѣ, и воспитывается такимъ образомъ въ другомъ исповѣданіи; деревенская дѣвушка увлекается или, еще чаще, насильственно похищается мусульманиномъ, и, чтобы не возвратиться въ родительскій домъ опозоренною, предпочитаетъ остаться мусульманкою въ гаремѣ своего соблазнителя; замужняя женщина измѣняетъ своему долгу связью съ мусульманиномъ и потомъ спасается въ его домъ и объявляетъ себя мусульманкою; православная дѣвушка влюбляется въ католика, и какъ въ Турціи смѣшанный бракъ не допускается, принимаетъ вѣру своего жениха (это бываетъ и въ Австріи, и даже въ гораздо сильнѣйшей степени, такъ какъ тамъ и православный мужчина, чтобы жениться на католичкѣ, обращается въ католицизмъ, тогда какъ въ Турціи, для избѣжанія смѣшаннаго брака, невѣста-католичка, чтобы выйти за православнаго, обыкновенно принимаетъ его вѣру, и такимъ образомъ, въ общей сложности, равновѣсіе обоихъ исповѣданій не нарушается).

Случаи независимаго отъ такихъ внѣшнихъ отношеній вѣроотступничества у православныхъ Славянъ въ Австріи и Турціи такъ рѣдки, что въ жизни церкви они совершенно незамѣтны. Въ западныхъ славянскихъ областяхъ Турціи, т. е., въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, я не встрѣтилъ ни одного подобнаго случая, не смотря на то, что мусульманскій гнетъ тамъ ужасенъ, и что, съ съ другой стороны, католицизмъ именно въ этихъ областяхъ всего сильнѣе [2]). Не ручаюсь за Болгарію, гдѣ созрѣвшая въ народѣ и доходящая иногда до страстности потребность имѣть, какъ въ былыя времена, свою родную іерархію и богослуженіе на Славянскомъ

[1]) Иногда бываютъ и случаи похищенія христіанскихъ дѣтей мусульманами и въ особенности мусульманками.

[2]) Въ Босніи и Герцеговинѣ издревле живетъ весьма многочисленное римско-католическое населеніе.

языкѣ, могла вызвать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мысль — подчиниться Риму на правахъ уніатовъ, для того только, чтобы освободиться отъ іерархической власти Грековъ. Но это мимоходныя явленія, которыя, какъ мы видимъ на дѣлѣ, отстраняются тотчасъ, какъ скоро Константинопольскій патріархъ рѣшится удовлетворить законнымъ требованіямъ славянской паствы. Если мы посмотримъ на такія явленія съ точки зрѣнія самихъ Болгаръ, то мы не сочтемъ ихъ за признакъ упадка въ нихъ убѣжденія въ истинѣ православной вѣры: ибо возникшая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи мысль отложиться отъ Константинопольскаго патріархата имѣетъ единственнымъ поводомъ отчужденіе высшей іерархіи, какъ особенной касты, отъ народа, и введеніе въ славянскихъ церквахъ богослуженія на чужомъ языкѣ: и то и другое скорѣе согласно съ началами римской церкви; но въ отношеніи Болгаръ, римская церковь, чтобы пользоваться ошибкою патріархата, отрекается отъ своихъ началъ и обѣщаетъ недовольнымъ Болгарамъ и народную іерархію и славянское богослуженіе. Конечно, мы не думаемъ оправдывать помышленій объ уніи, родившихся въ умахъ нѣкоторыхъ Болгаръ. Мы видимъ въ этомъ ихъ неопытность и совершенное незнаніе того, какая судьба постигла другихъ Славянъ-уніатовъ; но мы хотѣли показать, что такія помышленія, какъ они ни печальны и оскорбительны для насъ, еще не обличаютъ въ Болгарахъ упадка убѣжденія въ истинѣ православной вѣры: они обличаютъ въ нихъ, напротивъ, только слишкомъ нетерпѣливое чувство того, что церковное управленіе въ ихъ землѣ не соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ,—желаніямъ, вполнѣ согласнымъ съ духомъ православія.

Случаи же сознательнаго перехода Болгаръ въ католицизмъ или протестантизмъ, также какъ и въ мусульманское исповѣданіе, сколько мы знаемъ, чрезвычайно рѣдки, и въ этомъ народѣ убѣжденіе въ истинѣ православной вѣры живетъ также упорно, какъ въ Сербахъ Турецкихъ и Австрійскихъ. Послѣдніе, т. е., Австрійскіе Сербы, не уступаютъ своимъ Турецкимъ собратьямъ въ твердости, съ какою они хранятъ православное преданіе. Вѣроотступничество такого человѣка, какъ Омеръ-паши или какихъ-нибудь (хотя весьма немногочисленныхъ) Австрійскихъ офицеровъ и чиновниковъ изъ православныхъ Сербовъ, которые свою карьеру предпочли вѣрѣ своей, составляетъ явленіе столь ничтожное въ жизни народа и церкви, что объ немъ говорить не стоитъ.

Словомъ сказать, въ какую сторону мы ни посмотримъ у южныхъ Славянъ, вездѣ мы встрѣчаемъ тотъ же важный и, надобно сознаться, многозначительный фактъ: убѣжденіе въ истинѣ православной вѣры укоренено въ этихъ племенахъ такъ, что оно противостоитъ всему.

Четыреста лѣтъ Турецкаго, сто семьдесятъ лѣтъ Австрійскаго плѣна, усилія разныхъ пропагандъ, соединенныя съ самыми невыгодными обстоятельствами внутри самой церкви у Сербовъ и Болгаръ, не могли поколебать въ нихъ этого убѣжденія. Такой фактъ я называю знаменательнымъ даже въ отношеніи къ самой Россіи: сравните безопасность православной церкви въ нашихъ предѣлахъ, сравните средства, которыми могутъ утверждать у насъ въ народѣ сознаніе въ истинѣ православія, сравните все это и многое другое съ положеніемъ единовѣрныхъ намъ южныхъ Славянъ, — и вспомните, что у нихъ нѣтъ раскола, нѣтъ примѣровъ добровольнаго и сознательнаго предпочтенія чужаго исповѣданія своему.

Въ чемъ же заключается, наконецъ, эта дивная сила православной церкви у южныхъ Славянъ? Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ по крайнему моему разумѣнію, не прибѣгая за объясненіемъ къ какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, напримѣръ къ невѣжеству народа, которое будто бы поддерживаетъ въ немъ отцовскія преданія, какъ говорятъ иные (ибо наши раскольники доказываютъ, напротивъ, до какой степени невѣжество пагубно для храненія православной истины), и не удовлетворяясь также, какъ дѣлаютъ другіе, мыслію объ особенномъ содѣйствіи Божіемъ: ибо, скажу словами одного изъ замѣчательнѣйшихъ истолкователей православія, — «если, съ одной стороны, справедливо признавать пути Провидѣнія во всемъ развитіи исторіи, то, съ другой, неразумно и, можетъ быть, несогласно съ христіанскимъ смиреніемъ отгадывать случаи прямаго вмѣшательства Божіяго въ дѣла человѣческія» [1]).

По моему мнѣнію, сила православной вѣры у южныхъ Славянъ заключается въ томъ, что самая сущность православія вполнѣ сродна съ сущностью Славянскаго духа и быта.

Возьмите Магометанство, религію по преимуществу фанатическую, воинственную, отрицающую у женщины безсмертную душу; религію, которая во внѣшнемъ поклоненіи отвергаетъ все говорящее чувствамъ, а во внутреннемъ созерцаніи погружаетъ человѣка въ чувственность; которая стѣсняетъ свободу частной жизни условными обрядами, и свободу жизни общественной деспотическимъ религіозно-государственнымъ авторитѣтомъ. Всѣми этими и многими другими существенными свойствами магометанство прямо противоположно существеннымъ свойствамъ Славянскаго племени. Впрочемъ, чтобы объяснить неуспѣхъ магометанской проповѣди между южными Славянами, достаточно признать въ нихъ (а это несомнѣнно) на столько благородства душев-

---

[1]) Хомякова, Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales. Paris. 1853, стр. 18.

наго, чтобы предпочесть высоту духовную высотѣ матеріальнаго положенія; а всякій изъ этихъ Славянъ, какъ бы онъ ни былъ невѣжественъ, какъ бы мало ни понималъ свою собственную, христіанскую вѣру, чувствуетъ внутреннимъ чутьемъ (если онъ не въ состояніи уразумѣть сознательно) неизмѣримую высоту христіанской вѣры сравнительно съ исламомъ. Разговоръ съ каждымъ, самымъ простымъ и одичалымъ, поселяниномъ въ этихъ странахъ убѣдитъ васъ въ существованіи этого внутренняго чувства.

Коль скоро это чувство и это сознаніе существуетъ въ южныхъ Славянахъ, вопросъ заключается въ томъ: готовъ ли Славянинъ жертвовать выгодами мірскими для сохраненія своей духовной высоты, и способенъ ли онъ подвергнуться страданіямъ и, если нужно, смерти, чтобы не измѣнить тому, что̀ считаетъ истиной? Кажется, исторія и современность довольно громко отвѣчаютъ въ пользу Славянскаго народа.

Однако же въ Турціи мы находимъ не малое число Славянъ-мусульманъ; именно, въ Босніи и значительной части Герцеговины. Положимъ, въ настоящее время исламъ не имѣетъ силы привлекать къ себѣ Славянъ; но въ старинное время, когда въ немъ было больше энергіи, противъ его завоевательнаго фанатизма, какъ видно, плохою защитою было и чувство превосходства христіанской вѣры и готовность жертвовать собою для служенія истинѣ?

Надобно вглядѣться попристальнѣе въ это явленіе, и оно откроетъ намъ многое.

Исторія свидѣтельствуетъ, что Боснія и Захолміе (т. е. три четверти нынѣшней Герцеговины, за исключеніемъ южной ея части, древней Травуніи, гдѣ теперь православная вѣра господствуетъ почти исключительно) находились издавна въ самомъ неустроенномъ религіозномъ состояніи. Оффиціально эти земли считались въ духовной области Рима, и православная вѣра хотя, какъ видно, проникала въ народъ, однако не достигла первенства; а между тѣмъ дуалистическая ересь, извѣстная подъ названіемъ Богомильской, преемница Манихейскаго и Павликіянскаго ученія, вѣроятно именно въ слѣдствіе борьбы латинства съ православіемъ въ самомъ народѣ, распространилась здѣсь съ удивительной быстротою. Богомильство и католицизмъ оспоривали другъ у друга умы князей и аристократіи Боснійской и Захолмской; въ XIII вѣкѣ богомильство по-видимому совершенно владѣло этими странами, но въ XIV и XV-омъ, благодаря вліянію Венгріи, усиліямъ папъ и усердію посланныхъ сюда монаховъ Францисканскаго ордена, католицизмъ одержалъ верхъ при дворѣ Боснійскихъ государей, и множество богомиловъ добровольно или по принужденію приняли римское исповѣданье; православная же вѣра хра-

нилась въ значительной части простонародья, но не пользовалась въ Босніи и Захолміи покровительствомъ властей и высшаго сословія, такъ что даже не оставила по себѣ въ этихъ земляхъ почти никакахъ памятниковъ, ни церквей, ни монастырей, ни даже письменности. Вдругъ нагрянулъ исламъ,— и богомильство, котораго не могли искоренить всѣ усилія Рима, мгновенно исчезло: объ немъ съ тѣхъ поръ не было помину въ Босніи и Захолміи, а тамошная аристократія является съ того времени вся исповѣдывающею магометанство. Стало быть, вотъ почва, на которой исламъ водворился между южными Славянами. Легкость, съ которою богомилы приняли его, объясняется, кромѣ желанія сохранить свое аристократическое положеніе, самымъ характеромъ ихъ вѣры. И дуализмъ и исламъ были порожденіе южнаго востока (хотя вышли, разумѣется, изъ двухъ различныхъ точекъ созерцанія); и дуализмъ и исламъ отдѣляли бездною неисполнимою Божество отъ человѣчества, не сознавали въ Божествѣ любви, не понимали Божественной Троицы, вѣровали въ явленіе пророка-параклита послѣ Христа [1]), въ богослуженіи отвергали все символическое, и замѣняли символъ голымъ, обязательнымъ обрядомъ [2]). Это внутреннее сродство обѣихъ религій доказываетъ, что переходъ Боснійскихъ и Герцеговинскихъ богомиловъ въ исламъ не былъ случайнымъ, а существенно необходимымъ фактомъ, коль скоро исламъ явился властелиномъ въ страну, наполненную богомилами. Оттого мы даже не видимъ въ историческихъ памятникахъ слѣдовъ борьбы между этими исповѣданіями: богомильство вдругъ исчезаетъ въ этихъ странахъ и магометанство вдругъ является въ нихъ исповѣданіемъ высшаго сословія и части остальнаго народа.—Я упомянулъ о томъ, что католицизмъ въ Босніи и Захолміи долго боролся съ богомильствомъ и наконецъ привлекъ къ себѣ часть его послѣдователей. Въ Босніи и Герцеговинѣ, эти двѣ религіозныя стихіи вездѣ совмѣстны были въ своемъ постоянномъ антагонизмѣ, тогда какъ православная вѣра, сколько видно, оставалась внѣ ихъ круга. Этимъ, кажется, объясняется то, что мусульманство и теперь еще преимущественно распространено въ тѣхъ краяхъ Босніи и Герцеговины, гдѣ изъ двухъ христіанскихъ исповѣданій преобладаетъ католицизмъ, и несравненно слабѣе тамъ, гдѣ христіанское населеніе принадлежитъ къ православ-

[1]) Манесъ, Магометъ.

[2]) Косма, пресвитеръ Болгарскій, говоритъ о богомилахъ: „Кланяются, затворшеся въ хизѣхъ своихъ, четырежды днемъ, четырежды нощію и вся пятеро врата отверсты имуще, яже повелѣнна суть затворити; кланяющеся глаголютъ: Отче нашъ иже еси на небесѣхъ.“ Въ такомъ видѣ молитва Господня, соединенная съ восьмикратнымъ обязательнымъ и притомъ не общественнымъ поклоненіемъ, потеряла у богомиловъ характеръ христіанской свободы и низведена на степень талисманическаго обряда; сходство съ пятикратнымъ домашнимъ поклоненіемъ мусульманина совершенное.

ной вѣрѣ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что, при завоеваніи этихъ областей султаномъ Магометомъ II, исламъ былъ принятъ и значительною частью римско-католическаго населенія; ибо непосредственно передъ Турецкимъ завоеваніемъ католицизмъ сдѣлался тамъ, какъ я сказалъ, религіею двора и аристократіи и многіе изъ богомиловъ были принуждены подчиниться ему для свѣтскихъ выгодъ: что же имъ стоило потомъ, для такихъ же выгодъ, опять отречься отъ католицизма и признать себя мусульманами, коль скоро мусульманство было до такой степени сродно ихъ первоначальному вѣроисповѣданію? Впрочемъ, и въ позднѣйшее время, когда о богомильствѣ не осталось и помину, католики довольно легко совращались въ исламъ: это доказываютъ и воспоминанія мѣстныхъ жителей и жалобы римскаго духовенства. Причину этого явленія я вскорѣ постараюсь объяснить, а теперь поставлю только общій выводъ изъ предъидущаго изложенія, именно: что исламъ утвердился между Славянами преимущественно на почвѣ дуалистической ереси, отчасти также и на почвѣ католицизма, но отнюдь не на почвѣ православія.

Это находитъ новое, неопровержимое подтвержденіе въ томъ, что между всѣми южными Славянами исламъ пріобрѣлъ себѣ послѣдователей только въ Босніи и Герцеговинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ такое явленіе. Въ Босніи и Герцеговинѣ (за исключеніемъ юго-западнаго ея угла) туземцы-мусульмане составляютъ почти четверть всего населенія; въ Болгаріи же и собственно Сербскихъ земляхъ (княжествѣ Сербіи, Старой Сербіи и южной Герцеговинѣ) [2]) Славяне-мусульмане составляютъ самую незначительную долю населенія, — и именно эти страны были чисто православныя, когда ихъ застало Турецкое владычество. Но откуда взялись тамъ тѣ немногіе мусульмане, которые говорятъ по-сербски и по-болгарски и, по-видимому, принадлежатъ къ славянской народности? Не полагаю, чтобы они всѣ, или даже большинство ихъ, происходили отъ тѣхъ частныхъ случаевъ обращенія, о которыхъ я говорилъ выше и которые встарину были гораздо обыкновеннѣе (ибо извѣстно, что прежніе султаны брали насильно толпы дѣтей въ покоренныхъ христіанскихъ зе-

[1]) Подробности о вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ въ Босніи и Герцеговинѣ читатель найдетъ въ изданномъ мною сборникѣ: „Боснія, Герцеговина и Старая Сербія". Спб. 1859 (XIII-я книга Записокъ Русскаго Географическаго Общества).

[2]) Сѣверная и средняя Герцеговина, гдѣ мусульманство и католицизмъ почти также сильны, какъ въ Босніи, до сихъ поръ отличаются этнографически отъ южной, исключительно православной части этой области: жители первой называются Умяками (Умяци, т. е., Хумяци, жители Холмскаго края или древняго Захолмія: по сербскому произношенію, хумъ, умъ есть то же, что холмъ), жители второй именуются по преимуществу Сербяками или Сербами, хотя, впрочемъ, православные во всей Герцеговинѣ, также какъ въ Босніи, усвоили себѣ имя Сербовъ.

мляхъ и воспитывали ихъ въ мусульманствѣ для зачисленія въ янычары). Но независимо отъ этого первые государи Турецкіе раздавали своимъ сподвижникамъ помѣстья въ новопокоренной Болгаріи и Сербіи, и водворяли цѣлыя массы Турокъ и обращенныхъ въ мусульманство Арнаутовъ въ важнѣйшихъ городахъ и стратегическихъ пунктахъ этихъ земель: понятно, что потомки переселенцевъ сроднились съ языкомъ окружающаго христіанскаго племени и теперь отличаются отъ него только вѣроисповѣданіемъ [1]). Притомъ, въ Болгаріи были тоже многочисленные богомилы, и хотя видно, что эта ересь уже угасала тамъ во время, предшествовавшее Турецкому завоеванію, однако весьма вѣроятно, что остатки ея еще были застигнуты исламомъ и, конечно, столь же легко поглощены имъ, какъ въ Босніи (ближайшихъ данныхъ объ этомъ я, впрочемъ, не имѣю). Наконецъ, въ Болгарію приливало много Татарскихъ, мусульманскихъ стихій и гораздо прежде нашествія Турокъ [2]), и разумѣется, эти стихіи тотчасъ привились къ Турецкому магометанству и нашли въ немъ опору, безъ которой онѣ иначе исчезли бы въ преобладающемъ христіанскомъ населеніи. Вотъ многочисленные источники, изъ которыхъ проистекло большинство мусульманскихъ жителей Болгаріи; самая же малая часть ихъ (впрочемъ, и безъ того немногочисленныхъ сравнительно съ Босніею и Герцеговиною) могла произойдти отъ православныхъ Болгаръ вѣроотступниковъ [3]).

Покончивъ дѣло съ мусульманствомъ, разсмотримъ внутреннія отношенія южныхъ Славянъ къ вѣроисповѣданіямъ, раздѣляющимъ христіанскій міръ.

Въ христіанство южные Славяне обратились безъ труда и сопротивленія; крещеніе Сербовъ началось уже въ VII вѣкѣ, крещеніе Македонскихъ и Ѳракійскихъ Славянъ въ VIII-мъ, а можетъ быть и раньше. Въ Болгаріи противодѣйствіе христіанству выходило не изъ покоренной славянской стихіи, а изъ среды завоевателей, задонскихъ Болгаръ, и принятіе княземъ Борисомъ крещенія доставило полное нравственное торжество славянской стихіи, съ которой заво-

---

[1]) Таково происхожденіе многочисленныхъ мусульманъ въ Лѣсковецкомъ пашалыкѣ, на западномъ краю Болгаріи, въ этомъ стратегическомъ ключѣ центральной Турціи, какъ называетъ его Буэ (см. Recueil d'Itinéraires de la Turquie d'Europe. I, 81).

[2]) Древнѣйшія свидѣтельства объ этомъ я привелъ въ своей „Исторіи Сербовъ и Болгаръ", т. I настоящаго изданія. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ этотъ приливъ еще болѣе усилился Ногайскими Татарами, которые на короткое время покорили Болгарію. Достовѣрно извѣстно, что многочисленные мусульмане въ Добруджѣ и прилегающихъ къ ней мѣстахъ Болгаріи суть потомки Татарскихъ ордъ.

[3]) По недостатку данныхъ, не знаю къ какому изъ этихъ источниковъ отнести такъ называемыхъ Помаковъ, Болгаръ-мусульманъ, которые живутъ, въ числѣ около 50,000, въ епархіи Филиппопольской и сосѣднихъ мѣстахъ Македоніи.

еватели-Болгаре съ тѣхъ поръ совершенно слились, оставивъ Славянамъ только свое имя.

Это легкое и безпрепятственное торжество христіанской вѣры между южными Славянами, совпадающее съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ явленій въ другихъ славянскихъ земляхъ, объясняется, конечно, не равнодушіемъ Славянъ къ вѣрѣ, а съ одной стороны внутреннимъ согласіемъ христіанства съ требованіями ихъ духа, съ другой слабымъ развитіемъ у нихъ языческой миѳологіи [1]). Не смотря на близость южныхъ Славянъ къ Византіи, а иногда по причинѣ этой самой близости, православное исповѣданіе не пріобрѣло у нихъ безсовмѣстнаго господства въ началѣ ихъ христіанской жизни: напротивъ, перевѣсъ находился на сторонѣ католицизма. Сербы получили первую христіанскую проповѣдь изъ Рима, по свидѣтельству самихъ Византійскихъ источниковъ, и хотя въ IX вѣкѣ Восточная церковь приняла дѣятельное участіе въ утвержденіи между Сербами христіанства, однако до XII-го вѣка земля Сербская оставалась оффиціально въ области римской церкви. Сербскіе князья и короли признавали надъ собою власть папы и постоянно сносились съ нимъ, главный пастырь Сербской земли, архіепископъ Барскій (Антиварійскій), зависѣлъ отъ Рима и получалъ оттуда *палліумъ*, и ему подчинены были епископства въ Сербскихъ и Албанскихъ предѣлахъ [2]). Въ Болгаріи съ самаго крещенія Борисова началась борьба Западной церкви съ Восточною. Борисъ нѣсколько времени стоялъ рѣшительно на сторонѣ первой, и проповѣдники ея имѣли въ Болгаріи обширное поприще дѣятельности; и хотя Борисъ потомъ объявилъ себя въ пользу Восточной церкви и Болгарія была признана за нею, однако государи ея рѣдко были искренно преданы православію. Они боялись вліянія сосѣдней Греческой имперіи, и охотно искали себѣ опоры на Западѣ. Извѣстны сношенія могущественнѣйшаго изъ царей Болгарскихъ, Іоанна Асѣня, съ папою Иннокентіемъ III; такая политика была, можно сказать, наслѣдственною у Болгарскихъ государей.

При такомъ направленіи верховной власти, конечно не отъ нея зависѣло, что католицизмъ не водворился въ Болгарскомъ народѣ во время его независимаго существованія. Верховная власть не только не поддерживала искренно православной вѣры, но давала народу всевозможные поводы отступать отъ нея. Не смотря на то, католицизмъ

---

[1]) Я старался подробно разобрать отношенія Славянъ-язычниковъ къ христіанству въ своей „Исторіи Балтійскихъ Славянъ“.

[2]) Именно: Которское, Palachiensis (?), Свачское, Скадрское, Дривостское, Пилотское (Пулати, въ сѣверной Альбаніи), Сербское, Боснійское, Требиньское. См. буллу папы Александра II къ Петру Антиварійскому, 1062 г., у Фарлата (т. VII, изд. Колети) и Яффе, Regesta Pontificum Roman.

вовсе не пріобрѣлъ въ Болгаріи послѣдователей между православными: тѣ католики, которые тамъ оказались, были исключительно обращенные богомилы [1]). Стало быть, не правительство, а самъ народъ сохранилъ въ Болгаріи неприкосновенною православную вѣру.

Еще разительнѣе представляется это явленіе въ Сербскихъ земляхъ. Онѣ, какъ я сказалъ, состояли оффиціально подъ властію Рима и связаны были съ нимъ своею іерархіею. Но славянское богослуженіе и проповѣдь Кирилла и Меѳодія проникли къ Сербамъ, и православная вѣра водворилась въ народѣ. Какимъ образомъ это происходило, мы не знаемъ: это былъ органическій процессъ народной жизни, который остался незамѣченнымъ въ современныхъ памятникахъ, но который вдругъ обнаружился великимъ фактомъ, измѣнившимъ совершенно направленіе Сербской исторіи. Въ 1143 году, одинъ изъ мелкихъ удѣльныхъ владѣтелей, раздѣлявшихъ между собою Сербскую землю, Неманя, въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, отрекся отъ латинской вѣры и принялъ православіе. Всѣ прочіе удѣльные князья возстали противъ него, и не разъ онъ находился на краю погибели. Но онъ одолѣлъ, и вмѣсто крошечнаго наслѣдственнаго удѣла своего, въ части нынѣшней Черногоріи, оставилъ своимъ сыновьямъ обширную державу, заключавшую въ себѣ значительную часть Сербскихъ земель. Очевидно, Неманя пользовался какою-то вновь вызванною къ дѣятельности силою, если онъ въ короткое время могъ совершить въ Сербскихъ земляхъ такой огромный переворотъ: эта сила была народъ, а народъ сталъ за него, какъ за представителя православной вѣры. Чтò Неманя сдѣлалъ для православія у Сербовъ въ области политической, то сдѣлалъ сынъ его св. Савва въ области церковной. Онъ установилъ тамъ православную іерархію, онъ проповѣдью своею обратилъ въ православную вѣру тѣхъ, которые ей не принадлежали, и утвердилъ въ остальномъ народѣ ея чистоту. Вотъ почему Сербскій народъ назвалъ и называетъ до сихъ поръ св. Савву своимъ просвѣтителемъ. Названіе это могло казаться страннымъ и безсмысленнымъ тѣмъ, которые не принимали во вниманіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ; вѣдь Сербская земля была давнымъ-давно просвѣщена христіанствомъ, когда св. Савва началъ въ ней дѣйствовать [2]): св. Савва былъ ея просвѣтителемъ въ смыслѣ православія.

---

[1]) Это важное обстоятельство утверждается, какъ неоспоримая истина, тѣмъ, что въ Болгаріи туземцы-католики (впрочемъ весьма немногочисленные) именуются павликіянами: Павликіяне были, какъ, извѣстно, послѣдователи дуалистической ереси, отъ которой богомилы вели свое начало. Императоръ Цимисхій переселилъ собственныхъ Павликіянъ изъ Малой Азіи во Ѳракійскую Болгарію (въ окрестности Филиппополя): тамъ-то преимущественно и находятся теперь павликіане-католики.

[2]) Начало христіанской проповѣди у Сербовъ относится къ VII вѣку, какъ я за-

Обыкновенно смотрѣли иначе на характеръ дѣятельности Немани и на причину его быстрыхъ успѣховъ [1]); а какъ тутъ лежитъ, по нашему мнѣнію, ключъ къ пониманію древней исторіи Сербовъ, то мы постараемся подкрѣпить нашъ взглядъ нѣкоторыми доводами.

Только такой переворотъ, какой долженъ былъ произойти въ исторической жизни Сербовъ правительственнымъ признаніемъ народнаго православнаго вѣроисповѣданія, можетъ дать разумное объясненіе необыкновенному факту, поражающему насъ въ Сербской исторіи. Позволю себѣ привести слова, сказанныя мною въ другомъ мѣстѣ: «Сербы считаютъ, такъ сказать, свое историческое существованіе со дня крещенія Немани въ православную вѣру; вся прежняя, пятисотлѣтняя, не бездѣятельная и не безславная, исторія ихъ сдѣлалась до такой степени чужда имъ, что во всѣхъ ихъ старинныхъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ не говорится о ней ни слова. Эти лѣтописи и сказанія начинаются всѣ съ великаго Немани, называя его внукомъ сестры равноапостольнаго царя Константина. Между Константиномъ Великимъ, который умеръ въ 337 году, и Неманею, который родился въ 1103, лѣтописцы Сербскіе помѣщаютъ два поколѣнія! Этотъ безсмысленный анахронизмъ, который сдѣлался общимъ достояніемъ всѣхъ Сербскихъ лѣтописей, имѣетъ, однако, свое значеніе: онъ самъ есть, можно сказать, выраженіе историческаго факта; именно онъ значитъ то, что весь долговременный періодъ, прожитый Сербами отъ паденія Римской имперіи и до крещенія Немани, весь этотъ періодъ, въ которомъ они подчинены были римской церкви, исчезъ въ сознаніи народа, какъ нѣчто не существовавшее для него». Это доказываетъ также, что торжество православной вѣры въ Сербіи, виновникомъ котораго явился Неманя, не было дѣломъ личнымъ или правительственнымъ, а приготовлено и вызвано было самимъ народомъ; иначе латинство нашло бы убѣжище въ народѣ, и до насъ дошелъ бы хоть какой-нибудь голосъ оппозиціи съ его стороны въ Сербіи.

Только одна извѣстная мнѣ Сербская лѣтопись упоминаетъ о томъ, что была до Немани какая-то эпоха въ исторіи Сербскаго народа; характеръ же этой эпохи лѣтопись опредѣляетъ именно такъ, какъ

мѣтилъ, окончательное торжество христіанская вѣра получила тамъ въ концѣ IX-го вѣка, а св. Савва родился въ 1169 г., скончался въ 1237-мъ.

[1]) Г. Майковъ въ своей „Исторіи Сербскаго языка", объясняетъ всю дѣятельность Немани стремленіемъ къ единодержавію. Разумѣется, онъ стремился къ единодержавію, и дѣйствительно создалъ его у Сербовъ; но кто изъ его предшественниковъ не стремился къ тому же? Успѣхъ Немани, сравнительно съ неуспѣхомъ всѣхъ прежнихъ Сербскихъ князей въ созданіи единодержавія, можетъ объясниться только опорою, которую онъ нашелъ въ народѣ по принятіи православнаго исповѣданія.

мы его понимаемъ: она указываетъ на ту самую религіозную причину, по которой эпоха эта должна была исчезнуть изъ памяти Сербскаго народа. Вотъ слова, которыми начинается лѣтопись, подъ заглавіемъ: «Житіа и начелства Срьбскых господь, кои по кимь колико царствова», найденная нами въ рукописи XV вѣка, въ Ипекской патріаршей обители:

«Такъ какъ было написано о преданіи древнихъ вѣковъ и о мимотекущихъ временахъ и лѣтахъ и о бывшихъ царяхъ, какъ они царствовали съ начала міра и по потопѣ даже до сихъ послѣднихъ временъ, то подобаетъ вспомянуть и о Сербской землѣ, какъ она была обращена въ христіанскую вѣру первоначально, *и потомъ, когда угасла въ ней первая проповѣдь благочестія, какъ и кѣмъ она во второй разъ привлечена была къ первоначальной, проповѣданной апостолами, благочестивой вѣрѣ,* въ которой мы и видимъ ее сіяющею; и наконецъ, когда благочестіе озарило ее, кто начальствовалъ надъ нею въ эти послѣднія времена.

«Объ нихъ-то преимущественно предстоитъ намъ слово боголюбезное и достойное всякой хвалы: ибо явились въ ней (т. е. въ Сербской землѣ) великіе свѣтильники міру, одни равночестные апостоламъ, другіе мνроточцы и чудотворцы, и архіереи достоблаженные, и множество преподобныхъ и праведныхъ мужей. Откуда же намъ наилучшимъ образомъ начать нашу рѣчь? Очевидно, что отсюда, откуда и слѣдуетъ.

«И такъ, *когда угасла*, какъ я сказалъ, *первая проповѣдь, преданная святыми апостолами, въ землѣ Сербской, и различныя ереси умножились въ ней на много лѣтъ, то начальствующіе никакъ не заботились объ истребленіи еретическихъ плевеловъ, до самаго того времени, когда явился великій жупанъ Неманя*, который и возобладалъ самовластно этою землею, какъ написано въ его житіи, составленномъ тамъ, гдѣ онъ находится (т. е. гдѣ почивали его мощи, въ Студеницкой Лаврѣ). Въ этомъ житіи говорится о томъ, какъ онъ жилъ богоугодно въ мірѣ и какъ, сочтя себя у цѣли земной славы своего царствованія, и покинувъ ее, принялъ крестъ Господень,.... поселился въ горѣ Аѳонской и подвизавшись тамъ остальные годы, перешелъ въ вѣчность.... При жизни же, когда онъ еще былъ правителемъ, *онъ истребилъ всѣ ереси въ державѣ своей, землѣ Сербской, и насадилъ благочестіе,* и построилъ многія церкви» и т. дал. [1]).

---

[1]) Вотъ начало этого лѣтописца по подлиннику (буквы подъ титлами печатаемъ курсивомъ): Житіа и начелства срьбскы*хь* *господь* кои по кимь колико ц*а*рствова.

Понеже сьписанно бысть ѡ памети дрѣвныхь вѣкь. и мимотекоущіихь врѣменѣхь, и лѣтѣхь. и ѿ бывшыхь царехь. како царствоваше *ѿть* начела и до потопѣ. даже и

Такимъ образомъ нашъ лѣтописецъ положительно указываетъ на то, что послѣ первоначальнаго водворенія христіанства въ Сербской землѣ, въ ней наступилъ долгій періодъ неправославный, и что великій жупанъ Неманя (1144—1197) былъ въ ней не только творцомъ единовластія, но главное — **возстановителемъ православія**.

Мы можемъ сказать съ увѣренностію, что православная вѣра проникла въ Сербскія земли и укоренилась тамъ вопреки первымъ государямъ и іерархіи, находившимся въ зависимости отъ Рима, что распространеніе тамъ православной вѣры было дѣломъ самого народа, и что Неманя и св. Савва только установили и признали въ области правительственной и іерархической народную вѣру.

Но преемники Немани не были тверды въ православной вѣрѣ. Побуждаемые распрями съ Византіею, они не разъ вступали въ сношенія съ папами и не разъ выказывали готовность принять католицизмъ. Ихъ церковная политика сходствовала съ политикою Болгарскихъ царей, и мы должны повторить относительно преемниковъ Немани на Сербскомъ престолѣ то же, что мы сказали о Болгарскихъ государяхъ: если въ Сербіи подъ ихъ правленіемъ православная вѣра сохранилась ненарушимо, то этимъ она обязана была народу, кото-

до сіихь послѣдныхь врѣмень. Подобно есть вьспоменути и о скрьбскои *(такъ)* землы. како увѣрена бысть въ начелѣ. поеже прьвѣи благочьстіа оугаснути проповѣды, како пакы и кимь второе кь прьвѣи, яже апостоломь проповѣданнѣи благочьстіа вѣры, привлѣчена бысть, въ неи же и свѣтлѣесе зритсе. и поеже пакы просвьтѣтисе благочьстію вь неи. кто начелствоваше сею въ сіа послѣдня врѣмена.

Кь тѣм бо намь паче прѣдлежіить слово. благолюбьзно. и всакое почьсти достоино. явише бо се вь неи велици свѣтилныци миру. овы апостоломь равночьстны. друзы мироточци, и чюдотворци. ины оучителие велици. и архіереие достоблаженны. и множьство преподобныхъ и праведныхь мужи. откуду оубо намь есть. и добрѣнше сьтворити начело. явѣ яко отнудоуже есть и подобно.

Поеже якоже рѣхь, прьвѣи благочьстіа угасноути проповѣды. прѣданиѣи святыми апостолы, вь землы срьбсцѣи. и ересемь различнымь оумножившіимсе вь неи на лѣта многа. и никакоже начелствующіи о истреблены ересныхь плѣвель попекшесе, даже и до врѣмене въ неже явисе великы жупань неманя, иже и самовластно землею тою облада, якоже въ жити тамо ему идѣже обрѣтаетсе пише яже о немь. како богоугодно пожить мирское житие проходе. и како славу царствіа земльную, у мети вьменивь. и сію оставль, господьнь крьсть по писанному вьзьмь. и распетыхь жию *(такъ)* постничьскому боголюбивыхь инокь примѣсивь себѣ жити люботруднѣ, отрексе земльныхъ, вь горѣ аѳонсцѣи изволи вь неи же и проча лѣта подвызавсе кь желаемому прѣиде. оттуду-же пакы и вь свое отчьство, държавы, боголюбивыми отрасльми, сыны глаголю своимы, чьстнѣ миромь мощеи своихъ, светыхъ. умащае, прѣнесень бысть. якоже зритсе и дньсь. при животѣ же, и вь начельствы еще сущу ему потрѣбы ересы вьсе дрьжавы своее землие срьбскые. и насады благочьстие. и црькви сьзда многы. сьзда же и великоу црьковь студеницу великую. домь прѣсветые богородице. и на топлици црьковь светомоу николау. тоужде вину на топлици црьковь светѣи богородици и иніе светые храмы по землы своеи. и ина елика многа добраа дѣла. и милостиние сьтворы. и о православы и о прочихъ дѣлѣхь богоугодныхъ. изрещи мощно нѣсть. обаче сама благодать светаго доуха проявы на немь.

рый своею твердостью въ вѣрѣ помѣшалъ правителямъ осуществить многократныя попытки соединенія съ Римомъ.

Народъ, народъ!—вотъ сила, которая утвердила православную вѣру въ Сербскихъ и Болгарскихъ земляхъ во время ихъ государственной независимости; и эта же самая сила продолжала хранить ее въ послѣдующую эпоху, подъ тяжелою властію мусульманскихъ правителей.

Но какъ объяснить эту народность православной вѣры у южныхъ Славянъ? Какъ объяснить этотъ органическій процессъ сліянія православной вѣры съ стихіями ихъ народной жизни, безъ котораго невозможно понять, напримѣръ, самые существенные факты въ исторіи Сербскаго народа?

Южнымъ Славянамъ предстоялъ выборъ между православною вѣрою и католицизмомъ. Конечно, рѣшеніе зависѣло не столько отъ догматической части, различіе которой не могло не оставаться болѣе или менѣе недоступнымъ народному сознанію, сколько отъ внутренняго строя церковной жизни. Ту церковь Славяне должны были почесть истинною, которая осуществляла въ духовной сферѣ ихъ высшій идеалъ общественной жизни человѣчества.

Безконечно-разнообразныя явленія общественной жизни человѣчества опредѣляются отношеніями двухъ, вѣчно совмѣстныхъ и сопроникающихся, началъ: прирожденной свободы всякаго лица и общественнаго авторитета, полагающаго границы этой свободѣ.

Славянское племя издревле пыталось согласовать эти два противоположныя начала человѣческой жизни не внѣшнимъ, а внутреннимъ образомъ—и это есть существенная особенность славянскаго духа и его бытовыхъ проявленій: Славянское племя не хотѣло ограничить личной свободы внѣшнимъ авторитетомъ отвлеченной идеи государства, какъ древній міръ и народы Романскіе; оно не хотѣло ограничить ея авторитетомъ аристократическаго преимущества нѣкоторыхъ членовъ общества, подобно народамъ Германскимъ, а искало ограниченія личной свободѣ каждаго члена общества въ нравственномъ авторитетѣ единодушной воли всѣхъ его членовъ: свобода и единогласіе, вотъ существенныя стихіи славянской жизни. Кто сколько-нибудь всмотрится и вдумается въ ея явленія, кто сличитъ ея особенности въ древнія времена, когда начала ея проявлялись въ наибольшей чистотѣ, съ тѣмъ, что̀ осталось еще въ Славянскихъ земляхъ самороднаго, тотъ признаѐтъ, мы надѣемся, справедливость этого опредѣленія.

Спору нѣтъ, что никогда и нигдѣ Славянское племя не осуществило идеала своей общественной жизни (да и какой народъ вполнѣ осуществилъ его?); спору нѣтъ, что свободное единогласіе, какъ на-

чало общественнаго строя, слишкомъ высоко стояло надъ условіями практической государственной жизни, и Славяне вездѣ ставили себѣ или признавали, такъ или иначе, другой, внѣшній общественный авторитетъ; спору нѣтъ, что, при многоразличныхъ переворотахъ и всякихъ постороннихъ вліяніяхъ, коренное ихъ общественное начало частью искажалось, частью подавлялось или даже совершенно сглаживалось въ ихъ бытѣ и государственной жизни. Но могло ли оно исчезнуть изъ Славянскаго духа?

Не находя себѣ достаточнаго удовлетворенія среди внѣшнихъ условій общества, оно искало себѣ убѣжища въ средѣ, недоступной этимъ условіямъ, и нашло его въ православной церкви.

Такъ и Романскій міръ, въ то время, когда терялась въ жизни общественной римская идея отвлеченнаго государственнаго авторитета, возсоздалъ ее въ церкви, и положилъ основаніе папизму. Такъ и Германскій міръ, въ то время, когда терялся, порожденный его бытовыми началами, средневѣковой аристократизмъ, возсоздалъ его стихіи въ церковной сферѣ, въ видѣ протестантства [1]).

Но разница между отношеніями этихъ племенъ къ церкви и отношеніями къ ней Славянъ огромная, существенная. Романскіе и Германскіе народы низвели вселенскій строй церкви до уровня своихъ собственныхъ началъ; Славяне не прикоснулись до вселенскаго строя церкви, а свободнымъ избраніемъ вступили въ него, ибо почуяли въ немъ осуществленіе, въ духовной области, своего собственнаго общественнаго идеала.

Въ чемъ же заключается сущность и отличительная особенность строя православной церкви, какъ не въ томъ, что она признаетъ въ себѣ свободу человѣческую; ограничиваетъ же ее и хранитъ единство не силою внѣшняго авторитета, а нравственною силою единодушія и единогласія всѣхъ своихъ членовъ?

Для тѣхъ читателей, которые, можетъ быть, не вникали вполнѣ въ этотъ предметъ, приведу въ подкрѣпленіе моей мысли свидѣтельство четырехъ восточныхъ патріарховъ, которые въ окружномъ посланіи, отъ 6 Мая 1848, такимъ образомъ отвѣчали папѣ Пію IX, обвинившему православную церковь въ отсутствіи авторитета для

---

[1]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что аристократическій духъ лежитъ въ корнѣ протестантства. Отрѣшая вѣру отъ преданія и начала единства церкви, и подчиняя ее личному толкованію, протестантство, собственно, дѣлаетъ вѣру принадлежностью класса людей богословски-образованныхъ, и лишаетъ народъ того, что, по протестантскимъ понятіямъ, есть вѣра въ истинномъ ея смыслѣ. Этотъ характеръ протестантства прекрасно изображенъ въ приведенной уже брошюрѣ А. С. Хомякова: Quelques mots par un chrétien orthodoxe etc. Paris, 1853. Замѣчательно, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ протестантство не пришлось по характеру народа, какъ-то во Франціи и въ Польшѣ, оно сдѣлалось, однако, на время исповѣданіемъ аристократіи.

огражденія произвола въ вѣроученіи: «Православіе сохранило въ нашей средѣ вселенскую церковь,... хотя насъ не поддерживаетъ никакая внѣшняя власть, въ родѣ того, что его святѣйшество (папа) именуетъ церковнымъ правительствомъ, и хотя мы не имѣемъ между собою другой связи, кромѣ взаимной любви, и другаго ручательства въ единствѣ, кромѣ сыновней преданности общей нашей Матери; у насъ охрана вѣры заключается въ цѣломъ тѣлѣ церкви, т. е., въ самомъ народѣ, который хочетъ, чтобы его религіозный догматъ оставался вѣчно незыблемымъ и согласнымъ съ преданіемъ его отцовъ». Подробный же разборъ этихъ двухъ началъ, свободы и единогласія, соприсущихъ и сопроникающихся въ строѣ православной церкви, сравнительно съ внутреннимъ строемъ католицизма и протестантства, читатели найдутъ въ трехъ разсужденіяхъ Хомякова, напечатанныхъ подъ заглавіемъ: Quelques mots par un' chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales (Paris. 1853, Leipzig. 1855 и 1858); мы указываемъ на нихъ, считая неумѣстнымъ вдаваться здѣсь въ вопросъ, выходящій далеко за предѣлы нашей задачи.

И такъ, допустимъ съ одной стороны тотъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнный фактъ, что въ основаніи первоначальнаго славянскаго быта лежало начало свободы и единогласія, какъ нравственнаго закона, ограничивающаго произволъ свободы; съ другой стороны примемъ свидѣтельство окружнаго посланія Восточной церкви о духовной свободѣ и нравственномъ законѣ единогласія, какъ объ основѣ православнаго строя церкви. Это даетъ намъ право сказать, что въ православномъ строѣ церкви Славянскіе народы нашли осуществленіе своего собственнаго идеала общественной жизни человѣчества; это и объясняетъ, почему Славянскіе народы сами, часто безъ содѣйствія властей, а иногда и вопреки имъ, въ силу какого-то внутренняго органическаго процесса, принимали и усвоивали себѣ православную вѣру. Это объяснитъ также, почему ни католицизмъ, ни протестантство не въ силахъ отвлечь южныхъ Славянъ отъ православной церкви, какъ бы ни было невыгодно въ матеріальномъ отношеніи состояніе у нихъ этой церкви, какія бы преимущества проповѣдники двухъ западныхъ вѣроисповѣданій ни выставляли имъ на видъ въ случаѣ обращенія. Это объяснитъ, наконецъ, почему между южными Славянами православные относительно стоятъ гораздо крѣпче за свою вѣру, нежели католики [1]).

Явленія религіозной жизни южныхъ Славянъ, очевидно, соотвѣтствуютъ многимъ существеннымъ явленіямъ жизни Русскаго народа,

---

[1]) См. объ этомъ подробности въ книгѣ: «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія», стр. 128 et passim.

о которыхъ напоминать не нужно. И тамъ, и на Руси начала славянскаго духа развились въ одинаковомъ направленіи. Развитіе было противоположное у тѣхъ Славянскихъ народовъ, которые получили христіанскую вѣру не въ видѣ православія. Но именно эта противоположность не служитъ ли отрицательнымъ доказательствомъ нашей мысли? А что̀ должно сказать о Чехахъ, которые такъ долго и такъ упорно хранили, окруженные со всѣхъ сторонъ римско-нѣмецкою средою, остатки мимоходной православной проповѣди, посѣтившей ихъ землю, и въ лицѣ Гуса сдѣлали попытку возстановить у себя собственными силами ученіе и строй вселенской церкви? Но я предвижу, что мнѣ сдѣлаютъ одно возраженіе, именно относительно нашего отечества; меня спросятъ: какимъ образомъ въ Русскомъ народѣ, и именно въ народѣ, могъ появиться расколъ, если коренныя начала этого народа до такой степени сродны духу и строю православной церкви? Прошу тѣхъ, которые захотѣли бы возразить это, подумать, въ самомъ ли дѣлѣ расколъ направленъ противъ церкви, по скольку она православна, т. е., противъ ея внутренняго, существеннаго духа и строя, и не есть ли онъ скорѣе неразумный протестъ одной части народа противъ внѣшняго строя общественнаго, обнимающаго и внѣшнее проявленіе церкви, по скольку эта внѣшность кажется иноземною и неправославною?

Впрочемъ, я не высказываю *a priori* мысли о внутреннемъ сродствѣ коренныхъ началъ славянскаго быта съ существенною основою, на которой зиждется строй православной церкви: я выразилъ эту мысль потому, что не нашелъ другаго удовлетворительнаго объясненія важнѣйшимъ фактамъ прошлой и современной жизни южныхъ Славянъ. Но приложеніе этой мысли было бы огромное и простерлось бы на все широкое поле славянской исторіи и славянской современности, она бы объяснила многое и многое въ жизни Русскаго народа и въ болѣзненной исторіи западныхъ Славянъ: пусть же подвергнется она добросовѣстному критическому анализу.

Возвращаюсь къ спеціальному вопросу о южныхъ Славянахъ, и пользуюсь, пока, вышеизложеннымъ результатомъ, безъ котораго, какъ сказано, я не нахожу разумнаго объясненія явленіямъ ихъ народной жизни.

Православная вѣра до такой степени слилась съ ихъ народностью, что въ народныхъ наименованіяхъ Сербъ и Болгаринъ заключается *impliciter* понятіе о православномъ вѣроисповѣданіи. Если бы только одинъ изъ этихъ народовъ, хоть, напримѣръ, Сербскій, соединялъ съ своимъ именемъ понятіе о православной вѣрѣ и могъ не знать о существованіи другихъ единовѣрныхъ народовъ, то мы, пожалуй, сочли бы такое соединеніе чѣмъ-то внѣшнимъ и случайнымъ, противопола-

гаемымъ иновѣрію чужихъ народовъ, не Сербовъ; но всякій Сербъ знаетъ, что подлѣ живутъ Болгаре и Греки: онъ безпрестанно встрѣчаетъ ихъ, и ему извѣстно, что они хотя не Сербы, однако такіе же православные христіане, какъ онъ самъ; то же самое должно сказать о Болгарахъ. Предполагать въ Сербахъ и Болгарахъ мысль о какой-то монополіи православной вѣры у ихъ народа, отдѣльно взятаго, было бы нелѣпо и противорѣчило бы ихъ собственному народному взгляду на церковь. И такъ, если Болгаринъ и Сербъ, называя себя своимъ народнымъ именемъ, тѣмъ самымъ произноситъ исповѣданье православной вѣры, то онъ дѣлаетъ это не изъ гордаго чувства монополіи и не въ противоположность чужимъ народамъ, а потому, что православная вѣра сдѣлалась внутреннею принадлежностью его народнаго духа: въ ней, какъ я сказалъ, нашли себѣ убѣжище и осуществленіе собственныя коренныя начала его славянской народности, и если православная вѣра отъимется отъ него, то и народность его исчезаетъ.

Вотъ почему люди Сербскаго и Болгарскаго племени, какъ скоро перестаютъ быть православными, не только теряютъ свое народное имя въ глазахъ своихъ соплеменниковъ, но сами отъ него тотчасъ же отказываются. Сербъ и Болгаринъ, обращенный въ мусульманство или въ католицизмъ, ни за что уже не назоветъ себя Сербомъ или Болгариномъ, хотя и говоритъ по-сербски или по-болгарски и живетъ между Сербами и Болгарами. Мусульманинъ назоветъ себя Туркомъ (хотя бы и не зналъ ни слова по-турецки) или (спеціально въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи) Помáкомъ; католикъ назоветъ себя Латиномъ или (спеціально въ части Болгаріи) Павликіаномъ. Даже родному своему языку отступившіе отъ православія Сербы и Болгаре не сочтутъ возможнымъ дать наименованіе Сербскаго или Болгарскаго, а назовутъ его какъ нибудь иначе, напримѣръ просто *нашимъ* языкомъ, или языкомъ такой-то мѣстности. Въ этомъ любопытномъ отношеніи народности къ православной вѣрѣ существуетъ, по-видимому, оттѣнокъ между южными Славянами съ одной стороны и Греками съ другой. Оттѣнокъ кажется мнѣ довольно замѣчательнымъ, и я остановлю на немъ вниманіе читателей, хотя и въ этомъ случаѣ нужна еще критическая повѣрка моего наблюденія. Греки считаютъ православную вѣру священнѣйшимъ завѣтомъ своихъ предковъ, своимъ достояніемъ среди народовъ міра, и въ поддержаніи ея между ними участвуетъ въ значительной степени народный патріотизмъ; но люди Греческаго племени (хотя весьма немногочисленные), которые приняли исламъ или католицизмъ, не перестаютъ быть и считать себя Греками; у южныхъ же Славянъ въ поддержаніи православной вѣры участвуетъ не столько народный патріотизмъ, сколько внутреннія стихіи ихъ

народнаго быта. Однимъ словомъ, Грекъ хранитъ православную вѣру потому, что онъ Грекъ, но онъ остается все-таки Грекомъ, хотя бы измѣнилъ своей вѣрѣ (чтò вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ для него измѣну своему отечеству); Сербъ и Болгаринъ хранитъ свою народность только по скольку онъ хранитъ православную вѣру, и покидая свою вѣру, не только измѣняетъ своему отечеству, но теряетъ свою народность: онъ перестаетъ быть Сербомъ или Болгариномъ.

Такимъ образомъ, у южныхъ Славянъ православную вѣру поддерживаетъ самая народность Славянская.

Но скажутъ, можетъ быть, что есть у православной вѣры между Сербами и Болгарами и внѣшняя поддержка: Россія и княжество Сербія. Можетъ быть, и между ними самими иногда слышатся голоса, что «православная вѣра у насъ погибла бы, если бы не было Россіи и Сербіи». Не должно вѣрить этимъ рѣчамъ, вызваннымъ безграничною преданностью страждущихъ Славянъ къ единовѣрной братіи, не должно въ особенности гордиться этимъ. Были вѣка, когда Россія не имѣла никакого вліянія на южныхъ Славянъ, когда самое имя Россіи, можетъ быть, незнакомо было большинству народа у нихъ, и это были самые тяжелые вѣка Турецкаго владычества, и все-таки православная вѣра у нихъ уцѣлѣла.

Конечно, въ новѣйшее время надежды южныхъ Славянъ все болѣе и болѣе усиливаются, и Сербское княжество, питая эти надежды своимъ примѣромъ, имѣетъ самое благотворное вліяніе на поддержаніе православной вѣры въ сосѣднихъ земляхъ. Но чтò же поддержало ее въ самомъ этомъ княжествѣ въ теченіе тѣхъ четырехъсотъ лѣтъ, когда оно раздѣляло участь Босніи и Болгаріи? неужели надежда на матеріальное избавленіе, а не внутреннія стихіи народной жизни?

Южные Славяне не потому стоятъ твердо въ вѣрѣ, что говорятъ себѣ: «Потерпимъ еще до-завтра: авось завтра Россія или Сербія избавятъ насъ» (хотя надежда избавленія, болѣе или менѣе отдаленная, разумѣется, не можетъ ихъ покинуть не только по историческимъ воспоминаніямъ, но по самому существу природы человѣческой); нѣтъ, ихъ мысль относительно Россіи и Сербіи слѣдующая: «Мы страдаемъ за нашу вѣру: на то воля Божія, но, славу Богу, есть у насъ единовѣрная братія, которая не страдаетъ, а благоденствуетъ; дай Богъ ей благополучія, и награди Онъ насъ также со временемъ за то, что мы хранимъ Его святую вѣру».

Я не спорю, что Россія имѣетъ огромное значеніе для южныхъ Славянъ относительно вѣры: я отвергаю лишь возможность такого предположенія, будто бы православная вѣра хранилась тамъ только въ слѣдствіе надеждъ на Россію. Это вовсе не уменьшаетъ обязан-

ности Русскихъ помогать поддержанію вѣры между южными Славянами всѣми средствами, какія можетъ внушить имъ братская любовь. Вѣдь если я богатъ, а братъ мой бѣденъ, то увѣренность, что братъ мой не погибнетъ, хотя бы я и не помогъ ему, ни мало не избавляетъ меня отъ обязанности ему помочь.

А имѣютъ ли для насъ взаимно православные Славяне значеніе относительно вѣры? Имѣютъ, или по крайней мѣрѣ могутъ имѣть, и, кажется, немаловажное. Не говоря о множествѣ другихъ сторонъ (ибо этотъ предметъ выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи), укажу только на одно обстоятельство. И для насъ можетъ быть не безполезно знать, чѣмъ именно поддерживается православная вѣра въ народахъ? Южные Славяне даютъ живой и неопровержимый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если есть у насъ еще такіе люди, которые считали бы нужнымъ у насъ для охраненія православной вѣры какое-либо внѣшнее стѣсненіе, то пусть они взглянутъ на южныхъ Славянъ. Православная церковь стоитъ тамъ не въ оградѣ, изъ которой заперты выходы: она стоитъ, какъ вольный соборъ единомыслящихъ людей, которые сказали бы всякому, кто бы вздумалъ ихъ покинуть: «мы тебя не держимъ», — и которыхъ все-таки никто не покидаетъ.

Май 1860.
С. п. б.

VIII.

ВЗГЛЯДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ГРЕКА

НА БОЛГАРСКІЯ И КРИТСКІЯ ДѢЛА.

VIII.

Взглядъ константинопольскаго Грека на болгарскія и критскія дѣла.

Римская пропаганда на островѣ Критѣ. — Порта въ роли защитницы православія. — Взглядъ константинопольскаго Грека на исторію болгарской народности; понятіе его о языкѣ Болгаръ. — Чѣмъ обязана Россія Византіи? — Истинные враги православія и болгарской народности. — Вожди востанія Болгаръ. — Обращеніе константинопольскаго Грека къ магометанскому закону для возстановленія *порядка* въ Болгаріи. — Отношенія нынѣшнихъ Грековъ къ болгарской народности.

Въ 1860 г. въ Константинополѣ напечатана брошюра безимяннаго автора, подъ заглавіемъ: «Голосъ справедливаго» (Η φωνὴ τοῦ δικαίου). Брошюра раздѣлена на три главы, и въ каждой разсматривается отдѣльный предметъ. Въ первой говорится о дѣйствіяхъ римской пропаганды на островѣ Критѣ и вообще о критскихъ дѣлахъ; во второй о несогласіяхъ, происшедшихъ «во Ѳракіи и Иллиріи» (подъ этими классическими именами Грекъ подразумѣваетъ неклассическую Болгарію) съ Константинопольской патріархіей; въ третьей — о дѣйствіяхъ господаря Валахо-Молдавскаго князя А. Кузы въ вопросѣ объ имѣніяхъ Аѳонской горы и Іерусалимскихъ церквей.

Послѣдній предметъ мы можетъ оставить въ покоѣ, какъ неимѣющій особеннаго интереса для большинства нашихъ читателей. Главное вниманіе мы должны обратить на важный для всѣхъ насъ вопросъ о возраждающейся Славянской народности въ Болгаріи. Но сперва посмотримъ, ка̀къ авторъ брошюры отзывается о Критскихъ дѣлахъ; мы найдемъ тутъ нѣсколько данныхъ, характеризующихъ его взглядъ на вещи.

Повидимому, можетъ ли въ этомъ предметѣ встрѣтиться для насъ причина несогласія съ нимъ? Онъ нападаетъ на римскую пропаганду, направленную къ обращенію православныхъ Критянъ; и мы

охуждаемъ дѣйствія этой пропаганды, и мы скорбимъ объ успѣхахъ, проистекающихъ единственно изъ неустройствъ православныхъ народовъ на Востокѣ. Мы вполнѣ сочувствуемъ автору греческой брошюры, когда онъ говоритъ, что папская власть сдѣлала бы гораздо лучше, еслибъ занялась благомъ своихъ Итальянцевъ, нежели сѣяньемъ раздора между православными Критянами и другими подданными Турціи; что она, для своихъ успѣховъ, на Востокѣ употребляетъ средства, недостойныя христіанства и, равнодушная ко всѣмъ остальнымъ предметамъ вѣры, требуетъ отъ своихъ прозелитовъ только признанія папской власти, обѣщая имъ за то покровительство Франціи. Весьма любопытенъ въ этомъ отношеніи документъ, обнародованный въ разсматриваемой нами брошюрѣ. Это — письмо одного римскаго миссіонера на островѣ Критѣ, капуцина о. Серафима. Миссіонеръ излагаетъ, довольно безграмотнымъ образомъ на плохомъ греческомъ языкѣ, что католическая церковь есть то же самое, чтò православная, съ признаніемъ только главенства папы; далѣе онъ продолжаетъ: «священники (православные), которые дѣлаются католиками, не обязаны измѣнять ни малѣйшей частицы въ своей вѣрѣ или въ своихъ догматахъ, или въ совершеніи таинствъ, или въ прочихъ церковныхъ службахъ; священники, которые дѣлаются католиками, остаются въ священномъ санѣ, какъ и прежде, и Франція признаетъ ихъ французскими подданными съ ихъ семействомъ, и вмѣстѣ съ ихъ церковью и училищемъ, они поступаютъ подъ покровительство достославнаго народа Французскаго».

Для автора брошюры было священнымъ долгомъ обличить эти недостойныя дѣйствія пропаганды, которая такъ обманываетъ людей невѣжественныхъ увѣреніями, будто не заставляетъ ихъ отступать отъ ихъ вѣры, и такъ нагло присвоиваетъ папизму авторитетъ французскаго покровительства. Интриги и обманъ защитникъ православной церкви обязанъ былъ встрѣтить честнымъ и правдивымъ словомъ. честно и правдиво слѣдовало ему указать Критянамъ на то, чтò они теряютъ, покидая вѣру своихъ предковъ, и чего они могутъ ожидать отъ вліянія папской власти и господства западнаго духовенства. Онъ долженъ былъ стараться рѣчью своею возбудить въ Критянахъ религіозное и народное самосознаніе и, вслѣдствіе того, нравственный отпоръ обманщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ пригласить всѣ православные народы къ нравственному участію въ судьбѣ Критской церкви, которая, конечно, не находилась бы въ такой опасности, еслибъ единовѣрная братія поддерживала ее своимъ сочувствіемъ и своею посильною помощью.

Эти единственныя, дѣйствительныя и законныя, единственныя христіанскія средства противоборствовать римской пропагандѣ на

Востокѣ, какъ-будто бы не существуютъ для нашего автора: о нихъ нѣтъ помину въ его брошюрѣ. Онъ прибѣгаетъ къ средству совсѣмъ другаго рода и, по его мнѣнію, гораздо вѣрнѣйшему: доноситъ на латинскихъ миссіонеровъ Турецкому правительству. Онъ спрашиваетъ: «имѣютъ ли дѣйствія папы въ Критѣ, Македоніи и другихъ мѣстахъ цѣлью религіозной прозелитизмъ, или политическое господство папы въ Султановой державѣ?»—«Папа (отвѣчаетъ онъ) ищетъ политическаго господства, а не религіознаго, и его миссіонеры, шатающіеся по Криту и другимъ мѣстамъ, суть слуги не религіознаго дѣла, а политическаго, *то-есть, они суть бунтовщики* (εἶναι στασιασταί), *и высокая Порта должна ихъ схватить и наказать или выслать изъ своихъ предѣловъ,* прежде нежели зло умножится такъ, что ужь не будетъ исправленія».

Хорошъ защитникъ православія, обращающійся для его защиты отъ западной пропаганды къ помощи высокой Порты! Стало быть, вѣры въ православіе, которою онъ такъ хвастается, въ немъ не осталось ужь ни мало; стало быть, онъ до глубины сердца заразился тѣмъ, въ чемъ упрекаетъ латинскихъ миссіонеровъ, и самъ видитъ въ религіозномъ вопросѣ только вопросъ политическихъ разсчетовъ! Какъ должно было обрадовать миссіонеровъ этихъ появленіе такой книги! Безъ всякаго сомнѣнія, они показывали ее съ самодовольствомъ Критянамъ и говорили имъ: «Посмотрите-ка, защитникъ вашей религіи самъ сознается, что она противъ папы бороться не въ силахъ, если онъ противъ папы зоветъ на помощь султана!»

Нѣтъ для вѣры ничего вреднѣе и оскорбительнѣе, какъ желаніе поддержать ее политическими, мірскими интересами: такое желаніе доказываетъ отсутствіе искренняго убѣжденія въ ея истинѣ и нравственной силѣ, и подрываетъ вѣру вмѣсто того, чтобъ ее поддерживать. Оно прилично іезуитизму, но не православію. Потому мы увѣрены, что брошюра «Голосъ справедливаго» вредитъ дѣлу, за служителя котораго выдаетъ себя ея авторъ, и что она позоритъ греческую литературу. Грекамъ она, впрочемъ, должна представляться отвратительной не только съ религіозной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія ихъ народности. Ибо, вслѣдъ за доносомъ Портѣ на латинскихъ миссіонеровъ въ Критѣ, мы читаемъ въ ней, написанный, вѣроятно, ради задобренія Турокъ, панегирикъ Вели-пашѣ, Сами-пашѣ, и Хусни-пашѣ, управлявшимъ этимъ островомъ впродолженіе послѣднихъ лѣтъ, и доносъ на мнимыхъ эллинскихъ агитаторовъ, которые будто бы были единственною причиною жалобъ жителей на этихъ пашей и волненій, возникшихъ между Критскими христіанами. Вели-паша, по словамъ автора, «человѣкъ европейскаго воспитанія, разума и образованія, человѣкъ, который любилъ и любитъ Критъ болѣе, чѣмъ любитъ его

самый горячій Критянинъ»; Сами-паша, это—«многоопытный и благородный мужъ, воспитанный знаменитымъ своею справедливостью отцомъ въ богодарованномъ людямъ духѣ правды»; Хусни-паша—человѣкъ, который ознаменовалъ себя въ Критѣ «многоцѣнными и блестящими дарами добродѣтели и дѣятельности». Неужели все христіанское населеніе острова Крита лгало, когда единогласно свидѣтельствовало о своихъ турецкихъ правителяхъ совершенно противное? Свидѣтельства эти извѣстны всей Европы изъ газетъ; тѣмъ не менѣе авторъ брошюры пишетъ слѣдующее:

«А! васъ угнетали, говорите вы, ваши бывшіе правители. Который же изъ нихъ тиранъ? Критяне! не правители ваши угнетали васъ, а угнетали васъ и угнетаютъ козни немногихъ интригантовъ, которымъ достается въ жертву довѣрчивость и невинность ваша. И вотъ, повѣривъ воззваніямъ иноземцевъ (т.-е. жителей Греческаго королевства), вы возмущались противъ высокой Порты. Но всякій разъ высокая Порта прощала ваши преступныя дѣйствія и удостоивала васъ благородной амнистіи; а между тѣмъ, еслибъ вы поступили подобнымъ образомъ въ любомъ европейскомъ государствѣ, а особенно въ Элладѣ, гдѣ присуждаются къ изгнанію и цѣлыя семьи и отдѣльныя лица не за одни мятежныя дѣйствія, но за слова, сказанныя на вѣтеръ, то огонь и мечь упали бы на ваши головы!» Авторъ, по своему обыкновенію, кончаетъ доносомъ: «Объявивъ все это (говоритъ онъ), мы увѣрены, что Порта и, вмѣстѣ съ нею, всѣ державы примутъ мѣры къ изгнанію и наказанію этихъ ложныхъ проповѣдниковъ (т.-е. мнимыхъ агитаторовъ, дѣйствующихъ въ Критѣ во имя Эллинской народности), а равно къ возвращенію несчастнаго народа Критскаго къ его отеческому образу мыслей». Что̀ скажутъ Греки о такомъ Грекѣ, каковъ нашъ авторъ?

Покончивъ съ Критомъ, онъ обращается къ Болгаріи. Возрожденіе Болгарской народности по обѣимъ сторонамъ Балкана ему также противно, какъ пробужденіе Эллинскаго духа на островѣ Критѣ, и даже, кажется, еще гораздо противнѣе. Читатель нашъ можетъ легко угадать напередъ, какое оружіе константинопольскій Грекъ употребляетъ противъ этого возрожденія.

Авторъ начинаетъ издалека изложеніемъ исторіи болгарской народности. Мы должны сдѣлать длинную выписку, чтобы показать его историческіе взгляды. Чужими словами эти взгляды передать невозможно; но любопытны отзывы константинопольскаго Грека о ближайшемъ къ его родинѣ Славянскомъ народѣ.

«Когда *родъ Гераклидовъ* (говоритъ онъ), разлившись за свои предѣлы, пріобрѣлъ и заселилъ многія страны и, между прочимъ, занялъ и собралъ воедино области около Гемуса (т. е. Балкана), то,

вслѣдъ за тѣмъ вторглась туда толпа *дикихъ*, *какъ стадо быковъ* (ἀγρίων, ὥσπερ ἀγέλη βοῶν), и опустошила нѣкоторыя изъ этихъ областей. Но туземное населеніе, возставъ, выгнало ихъ; они же, вновь собравшись, вторглись опять, но снова выгнаны были туземцами и разсѣялись по окрестнымъ мѣстамъ. О таковомъ посрамленіи варваровъ свидѣтельствуетъ и многое другое, въ особенности же то, что они во всей нынѣ такъ-называемой Болгаріи не оставили нигдѣ слѣдовъ своего пребыванія (!). Иначе пусть покажетъ кто-либо изъ *скиѳствующихъ* (τῶν σκυθιζόντων: то-есть изъ людей, почитающихъ Болгарію за славянскую страну) или памятникъ, или надпись, или малѣйшую монету варваровъ. Мглу заблужденія этихъ людей разсѣваютъ, какъ солнце, проникающее мракъ, неисчерпаемыя сокровища открываемыхъ по всему пространству этой страны памятниковъ величія древнихъ. Но какимъ образомъ сдѣлалось господствующимъ и освятилось *это имя Болгарія* въ поселеніяхъ древнихъ народовъ около Гемуса и въ окрестныхъ мѣстахъ, въ Одиссѣ, въ Анхіалѣ, Мисіи, Пеоніи, Иллиріи и Ѳракіи—показать легко. Это *несчастное* имя совершенно чуждо языку древнихъ. Оно дано было впослѣдствіи, или потому, что въ числѣ вторгшихся въ эти страны Скиѳовъ были нѣкоторые изъ прибрежныхъ жителей рѣки Волги, или потому, что жители Дунайскихъ береговъ сосѣдили съ тѣми краями (т.-е. съ краями приволжскими) и имя дано имъ было сосѣдями *ради благозвучія*, вмѣсто имени Скиѳъ. Но примемъ ли мы то или другое толкованіе, именемъ не уничтожается происхожденіе никакого народа. И Пелопоннезъ доселѣ называется Морея, Керкира—Корфу, и многіе другіе города перемѣнили свои наименованія, но не народность свою. Изъ сего слѣдуетъ, что *имя Болгаринъ—чужое и употребляемое въ смыслѣ поношенія* [1]), и тѣ, которые признаютъ его исконнымъ, не знаютъ своей исторіи, или намѣренно искажаютъ ее».

И такъ Грекъ весьма своебразно доказалъ, что нѣтъ на свѣтѣ Болгарскаго народа, а около Балкановъ живутъ потомки Гераклидовъ, которые немножко *скиѳствуютъ* теперь [2]). Исторія прибалканскихъ странъ,

---

[1]) Нашъ греческій авторъ тѣмъ болѣе долженъ былъ воздержаться отъ этихъ словъ (которыя, вдобавокъ, совершенно ложны), что и самое имя его собственнаго народа — Грекъ, не всегда и вездѣ употреблялось въ похвальномъ смыслѣ, въ этомъ можно удостовѣриться изъ любаго французскаго лексикона.

[2]) Опровергать константинопольскаго Грека не стоитъ, замѣтимъ только, что земли, занимаемыя нынѣ Болгарами, никогда не принадлежали Грекамъ въ собственномъ смыслѣ, а въ древности заселены были Ѳракійцами, Македонцами, Мисами и другими племенами, которыя у древнихъ греческихъ авторовъ строго отдѣляются отъ Грековъ. Потомъ земли эти вошли въ составъ Македонской державы, которая, какъ извѣстно, покорила также и Грековъ. При распаденіи монархіи Александра Вел., въ предѣлахъ нынѣшнихъ болгарскихъ земель образовалось нѣсколько туземныхъ дер-

какъ онъ ее разсказалъ, напоминаетъ намъ, какъ Греки, живущіе въ Филиппополѣ, чтобъ присвоить своей народности этотъ городъ, населенный большинствомъ Болгаръ, ссылаются на то, что Филиппополь построенъ былъ Евмолпомъ (если не ошибаемся, во время Троянской войны). Но автору константинопольской брошюры слѣдуетъ отдать первенство передъ филиппопольскими Греками въ историческихъ выводахъ: онъ имѣетъ объ иперборейскихъ краяхъ, т.-е. всѣхъ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Константинополя, такое же вѣрное понятіе, какъ отецъ исторіи, Геродотъ.

Но, впрочемъ, отъ автора не укрылось то обстоятельство, что въ Болгаріи существуетъ издавна какой-то языкъ, не греческій, а особенный, скиѳскій, на который даже переведено священное писаніе. Это могло бы внушить нѣкоторымъ невѣждамъ, что все-таки Болгаре не потомки Гераклидовъ, а народъ, получившій отъ Бога такія же права на умственную самобытность, какъ другіе народы и какъ сами Греки. Нашъ авторъ спѣшитъ предупредить это воззрѣніе, столько же невѣжественное, сколько и преступное, и употребляетъ на сей конецъ слѣдующее разсужденіе:

«Греческое государство, о дѣяніяхъ котораго свидѣтельствуетъ исторія, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось отцомъ Россіи чрезъ божественное крещеніе, *заботилось и о политическомъ ея освобожденіи* (ἡ Γραικῶν αὐτοκρατορία... ἀή οὗ κατέστη πατὴρ διὰ τοῦ θειοῦ βαπτίσματος τῆς Ῥωσσίας, ἐζήτει τὴν χειραφέτησιν ταύτης καὶ πολιτικῶς) [1]), и вмѣсто того, чтобъ посылать ей учителей, которые передавали бы гражданственность тамошнимъ племенамъ, выбрало косвенныя и вредныя для него самого средства, которыя, мы можемъ сказать, ускорили его собственное разложеніе.

«Великая церковь Христова успѣла въ то время [2]) принять въ свои

жавъ, которыя потомъ завоеваны были Римлянами. Въ VI вѣкѣ въ эти страны вступили огромными толпами Славяне и, несмотря на сопротивленіе Византійскихъ войскъ и туземныхъ жителей, заняли ихъ довольно легко и водворились въ нихъ окончательно; ихъ масса поглотила въ себѣ всѣ народныя стихіи, какія встрѣтила отъ Дуная до стѣнъ Солуня и за Охридское озеро. Во второй половинѣ VII вѣка вторглась изъ Черноморскихъ степей въ предѣлы нынѣшней Болгаріи, Македоніи и Ѳракіи, которыя въ то время греческіе писатели называли Славиніей, т. е. Славянской землей, кочевая орда Болгаръ, вѣроятно, татарскаго происхожденія. Орда эта подчинила себѣ Славянъ, дала имъ династію правителей; но чрезъ нѣсколько поколѣній исчезла безъ слѣда въ массѣ подвластнаго славянскаго народа, давъ ему только свое имя (явленіе, совершенно сходное съ тѣмъ, что происходило при образованіи Русскаго государства). Уже въ IX вѣкѣ Болгарія является чисто-славянскимъ государствомъ, и съ тѣхъ поръ никогда не теряла своего славянскаго характера.

[1]) Изъ этихъ словъ должно заключить, что константинопольскій историкъ сдѣлалъ новое историческое открытіе, именно, что Россія прежде была и въ политическомъ отношеніи подвластна Греческому государству.

[2]) Не правда: обращеніе Славянъ во Ѳракіи и Македоніи въ христіанскую вѣру

нѣдра, кромѣ Россіи, и такъ называемую *нынѣ* Болгарію... Политика, которая желала, какъ мы сказали, *освободить малую въ то время державу россійскую* (она была внушена началами, *чуждыми справедливости,* и потому привела къ самоубійству), политика эта, въ своемъ заблужденіи, собрала воедино *варварскія нарѣчія* племенъ, разсѣянныхъ около Гемуса (Балкана) *и слила ихъ въ одну смѣсь, изъ чего составила и установила болгарскій языкъ, который до той эпохи былъ тó же, чтó албанскій, куцо-влахскій и цыганскій* [1]) (ἐντεῦθεν ἐδημιούργησεν καὶ ἐνομοθέτησε τὴν Βουργαρικὴν γλῶσσαν, ἥτις μέχρι τῆς ἐποχῆς ἐκείνης ἦτο, ὅτι ἡ Ἀλβανικὴ, ἡ Κουτζοβλαχικὴ καὶ ἡ Κατζιβελλική). Языкъ этотъ хотѣла она (то-есть греческая политика) употребить, чтобъ дѣйствовать въ забалканскихъ странахъ» (то-есть въ Россіи), и проч.

Не правда ли, этотъ взглядъ на отношенія Греческаго племени къ Славянскимъ народамъ переноситъ насъ въ какой-то намъ невѣдомый міръ? Въ Европѣ никто не дерзнулъ бы такъ писать и печатать. Въ Европѣ образовался запасъ основныхъ понятій и свѣдѣній, который дѣлается непремѣннымъ достояніемъ всякаго писателя: какъ бы ни заблуждался европейскій писатель, можно съ нимъ толковать и опровергать его, потому что съ нимъ имѣемъ, такъ-сказать, общую почву въ этихъ основныхъ понятіяхъ и свѣдѣніяхъ. Но какъ прикажете толковать съ Китайцемъ, который вдругъ вздумалъ бы сказать, что Китайская имперія заботилась о политическомъ освобожденіи Россіи, и что, для успѣха своей пропаганды за Ураломъ, Китайское правительство составило Славянскій языкъ, который прежде былъ чѣмъ-то въ родѣ Монгольскаго, Якутскаго и Цыганскаго? Сколько мы знаемъ о сужденіяхъ Китайцевъ про чужіе народы, мы позволяемъ себя предположить, что Китаецъ могъ бы составить себѣ такой взглядъ на славянскій міръ и обнародовать его печатно; а константинопольскій Грекъ, какъ мы видимъ, дѣйствительно составилъ себѣ такой взглядъ и обнародовалъ его [1]).

началось уже въ VII вѣкѣ, а въ VIII-мъ константинопольскій патріаршій престолъ уже занималъ природный Славянинъ, именно патріархъ Никита (отъ 776 до 780 года). Окончательное же принятіе христіанской вѣры болгарскимъ княземъ Борисомъ и всѣмъ народомъ болгарскимъ совершилось слишкомъ сто лѣтъ до крещенія Владиміра.

[1]) Цѣль всей этой нелѣпицы — унизить славянскій языкъ, поставивъ его на ряду съ варварскими, т.-е. необработанными литературно, языками албанскимъ и романскимъ, т.-е. македоно-романскимъ нарѣчіемъ (Куцо-Влахами называютъ Румуновъ, живущихъ немногочисленными поселеніями въ Албаніи и Македоніи) и съ языкомъ Цыганъ. Жаль, что константинопольскій Грекъ не знаетъ основныхъ началъ сравнительной лингвистики: онъ зналъ бы тогда, что изъ европейскихъ языковъ именно греческій ближе всѣхъ по коренному родству съ албанскимъ и куцо-влахскимъ, или романскимъ, и что цыганскій языкъ точно такъ же связанъ родствомъ съ благородною рѣчью Эллиновъ, какъ и съ варварскою рѣчью Славянъ; ибо онъ есть одинъ изъ прямыхъ потомковъ языка древнихъ Индусовъ или санскрита, съ которымъ, какъ извѣстно,

Мы ничего не стали бы говорить обо всемъ, что̀ пишетъ авторъ про Болгаръ и болгарскую народность, еслибы въ немъ высказывалось только его невѣжество, подобіе котораго, какъ сказано, нашлось бы развѣ въ Китаѣ. Но съ невѣжествомъ соединяется въ этомъ греческомъ писателѣ слѣпая вражда къ возрождающемуся Болгарскому народу; а слѣпая вражда прибѣгаетъ часто къ самымъ непозволительнымъ средствамъ, чтобъ вредить противнику. Впрочемъ, о нравственной неразборчивости нашего автора мы имѣемъ уже понятіе.

Россія, по его мнѣнію — мы это знаемъ — обязана византійскимъ Грекамъ своимъ политическимъ освобожденіемъ и славянскимъ языкомъ. Изъ этого авторъ выводитъ, что Россія, изъ благодарности, должна давить Болгарскую народность, елико возможно, и никакъ не признавать за нею правъ на существованіе. Напротивъ, долгъ благодарности, по мнѣнію автора, предписываетъ Россіи стараться о томъ, чтобъ Болгарія оставалась принадлежностью Греческой народности (дабы, разумѣется, константинопольскіе Греки могли быть въ ней господами и пользоваться для своихъ цѣлей ея богатыми средствами и силами). Къ нескончаемой скорби и яростному негодованію своему, авторъ замѣтилъ въ Россіи, напротивъ, признаки сочувствія къ Болгарской народности; онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ дѣятелей, воскрешающихъ въ Болгаріи славянскія начала, получили образованіе въ Россіи. Онъ старается положить конецъ этому движенію, и для этого клевещетъ на Болгаръ передъ Россіею и пишетъ на нихъ доносъ Турецкому правительству.

Клевещетъ онъ на нихъ передъ Россіею, называя ихъ врагами православной церкви. Спрашивается, кто врагъ православія? Грекъ ли, поставленный къ челѣ славянской паствы, и управленіемъ своимъ до такой степени выводящій ее изъ терпѣнія, что она, когда всѣ другія средства истощены, грозитъ переходомъ въ унію; или тотъ Болгаринъ, который, получивъ эту епархію послѣ Грека, однимъ своимъ появленіемъ между единоплеменниками возстановляетъ въ народѣ православную вѣру? Кто враги православія? Греки ли, которые въ Болгарскомъ городѣ удерживаютъ, иногда насиліемъ, богослуженіе и чтеніе священнаго писанія на непонятномъ народу греческомъ языкѣ, вопреки всѣмъ правиламъ церкви и даже дозволенію высшаго духо-

---

и греческій и славянскій языки имѣютъ исконное сродство. Страненъ пріемъ нашего Грека противоставить славянскій и другіе языки греческому, какъ варварскія нарѣчія языку благородному: такой взглядъ мы привыкли находить въ наше время только у Китайцевъ. Что̀ сказать, наконецъ, о мысли, будто бы церковно-славянскій языкъ *составленъ* былъ, по порученію Византійскаго правительства, изъ разнородныхъ элементовъ? Это такая нелѣпость, что она превосходитъ всякое вѣроятіе! Отчего бы не допустить въ такомъ случаѣ, что и языкъ Гомера составленъ былъ по приказанію царя Агамемнона или тиранна Пизистрата?

внаго начальства, и лишая тѣмъ народъ пониманія его вѣры, дѣлаютъ его доступнымъ иновѣрной пропагандѣ, — или Болгаре, которые хотятъ, чтобъ богослуженіе и священное писаніе были народу понятны?

Россія сочувствуетъ Грекамъ, какъ братьямъ по вѣрѣ; Болгарамъ она сочувствуетъ, какъ братьямъ по вѣрѣ и по крови. Чувство справедливости не дозволяетъ Россіи желать, чтобъ ближайшая, кровная братія ея присвоила себѣ земли, заселенныя греческимъ племенемъ [1]). Но можетъ ли Россія желать, чтобъ области, населенныя ея кровной братіею, Болгарами, присвоивались Греческою народностью? чтобъ въ нихъ, для самолюбія и корысти немногихъ Грековъ, сотни тысячъ людей лишаемы были драгоцѣнныхъ даровъ народнаго развитія? чтобъ въ нихъ искажался на чужой ладъ родной славянскій духъ, погибала славянская рѣчь и чтобъ религіозное просвѣщеніе и образованность умственная держались въ сокровенности отъ народа, какъ монополія людей привилегированныхъ, знающихъ по-гречески? Кого изъ русскихъ людей, къ какому бы онъ, впрочемъ, ни принадлежалъ направленію, не возмутитъ мысль о подобномъ порядкѣ вещей? А именно къ поддержанію и упроченію такого порядка вещей въ землѣ единокровной братіи нашей, Болгаръ, призываетъ насъ константинопольскій Грекъ.

Патетическаго воззванія его къ Россіи приводить не стоитъ. Замѣтимъ только, что авторъ объявляетъ намъ, будто бы въ Болгаріи образовалось какое-то общество (этерія), которое дѣйствуетъ въ пользу Болгарской народности. Далѣе, авторъ увѣряетъ, что общество это, подъ видомъ религіозныхъ цѣлей, отравляетъ народъ въ политическомъ отношеніи разными мятежными идеями, и компрометируетъ самую Россію. Двойной доносъ на болгарскихъ дѣятелей: и Турецкому правительству и Русскому.

---

[1]) Впрочемъ, ни малѣйшаго признака такого присвоенія чужихъ земель со стороны Болгаръ до сихъ поръ не было и, вѣроятно, никогда не будетъ, потому что оно было бы слишкомъ противно духу этого до крайности миролюбиваго и спокойнаго славянскаго народа. Если въ немъ, наконецъ, проявилось нѣкоторое движеніе, то единственною причиною тому Греческое племя, чрезмѣрно властолюбивое и склонное къ присвоиванью чужаго. Опираясь на немногочисленныя колоніи въ нѣкоторыхъ городахъ Болгарскихъ и на то, что высшая іерархія, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, сдѣлалась въ Болгаріи почти исключительно греческою, это племя объявило притязанія на обширныя области, населенныя сплошь Болгарами, хотѣло лишить этихъ Болгаръ ихъ народности и ихъ языка и сдѣлать изъ нихъ безсознательную массу, готовую служить греческимъ интересамъ. Противъ этого-то присвоенія Греками болгарскихъ областей стали дѣйствовать совокупными силами всѣ образованные и преданные своему отечеству Болгаре, которыхъ нашъ авторъ величаетъ за то „ересіархами". Болгаре, повторяемъ, хотятъ только удержать за своимъ народомъ то, что ему принадлежитъ, и никогда не помышляли о присвоеніи чужаго.

А вотъ и другой извѣтъ константинопольскаго Грека на Болгаръ. Онъ говоритъ: «въ 1838 году перешли Гемусъ (Балканы) и прошли его окрестности, или *нынѣ такъ-называемую Болгарію,* нѣкіе люди въ *русской одеждѣ* (вѣрно, не въ русской, а въ нѣмецкой). Съ появленіемъ ихъ возмутилась вся Болгарія, и съ одной стороны родилась вражда противъ великой церкви Христовой (мы знаемъ, что Болгаре враждуютъ не противъ церкви, а противъ лицемѣровъ, прикрывающихся ея именемъ, каковъ нашъ авторъ) и получилъ свое начало дикій, раздробляющій прозелитизмъ (авторъ разумѣетъ прозелитизмъ славянской народности въ Болгаріи), а съ другой стороны, *возгорѣлись три мятежа въ тѣхъ краяхъ, которые высокая Порта погасила въ мгновеніе ока,* съ неисчислимыми потерями для бунтовавшихъ и къ стыду поджигавшихъ ихъ на такія дерзновенныя предпріятія».

И такъ авторъ нашъ говоритъ Турціи безъ обиняковъ, что возрожденіе Болгарской народности ведетъ къ бунтамъ и мятежамъ противъ султанской власти. О, благородный потомокъ Гераклидовъ! какъ ни усердно упрашиваетъ онъ Россію прекратить дѣятельность Болгаръ, на Турцію онъ все-таки больше надѣется въ этомъ отношеніи, чѣмъ на Россію; потому онъ съ особенною выразительностью настаиваетъ на томъ, что интересамъ Турціи противно возрожденіе Болгарской народности, и призываетъ противъ Болгаръ на помощь законъ магометанскій.

«Когда Греческая имперія (говоритъ онъ) пала передъ полками султана Магомета II, сей великій побѣдитель обратилъ вниманіе на положеніе христіанъ, и онъ великодушно даровалъ, а всѣ послѣдующіе за нимъ султаны до нынѣ благополучно царствующаго, подтвердили великой церкви и народу Греческому права и священныя преимущества... Эти права и преимущества основаны на началахъ магометанскаго закона (στηριασόμενα εἰς τὰς βάσεις τοῦ Μωαμεθανικοῦ νόμου), и, всякій, кто возстаетъ противъ Великой церкви (а нашъ Грекъ, какъ намъ извѣстно, утверждаетъ, что Болгаре, требующіе отъ константинопольскаго патріархата народной іерархіи и славянскаго богослуженія, именно возстаютъ противъ Великой церкви), всякій, кто возстаетъ противъ Великой церкви, возстаетъ противъ этого (то-есть магометанскаго) закона и противъ великихъ преимуществъ сей церкви, дарованныхъ султанами и получившихъ отъ времени священную неприкосновенность».

И этотъ Грекъ не стыдится называть себя православнымъ, когда онъ противъ братскаго, православнаго народа, для защиты устарѣвшаго, исполненнаго злоупотребленій порядка вещей, обращается за помощью къ магометанскому закону! Если бы авторъ былъ Турокъ

то призывъ его къ Портѣ былъ бы вполнѣ понятенъ. Съ точки зрѣнія Турка-мусульманина можно не только объяснить, но даже извинить панегирикъ Критскимъ пашамъ и озлобленіе противъ возникающаго на Критѣ эллинизма; можно объяснить и извинить требованіе, чтобъ Турецкое правительство приняло на себя защиту православія на островѣ Критѣ противъ латинской пропаганды, такъ какъ это усилило бы только вліяніе ислама и уронило бы предъ нимъ достоинство христіанской церкви. Съ точки зрѣнія Турка-мусульманина можно объяснить и даже извинить доносъ на возрожденіе народнаго самосознанія въ Болгаріи и дикую вражду противъ него; можно объяснить и извинить требованіе, чтобъ Россія отказалась отъ своей единокровной и единовѣрной братіи Болгаръ. Даже всѣ нелѣпицы, выдуманныя авторомъ брошюры для униженія славянской народности и славянской рѣчи передъ греческою, понятны единственно съ точки зрѣнія Турка-мусульманина; ибо, во-первыхъ, онѣ приличны только степени научнаго образованія, на которой стоятъ Турки; а во-вторыхъ, нелѣпицы эти неминуемо должны раздражить Болгаръ и поселить въ нихъ ненависть противъ греческой стихіи; а кореннымъ правиломъ Турокъ, для сохраненія господства надъ разнообразными народностями Востока, безъ сомнѣнія, служитъ старинное «divide et impera», успѣшному приложенію котораго ихъ могутъ ежечасно учить друзья и сосѣди — Австрійцы.

Изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ признаковъ брошюры мы заключаемъ, что въ авторѣ ея, подъ личиною православнаго Грека, таится мусульманинъ-Турокъ. Турки начали посылать своихъ юношей для образованія въ европейскія училища: не побывалъ ли кто-нибудь ихъ нихъ въ какой-либо іезуитской школѣ, и воротившись на родину, не написалъ ли брошюры подъ заглавіемъ «Голосъ справедливаго»? Турки начали писать и печатать на европейскихъ языкахъ, въ особенности на французскомъ; нашъ предполагаемый воспитанникъ іезуитской школы могъ также хорошо избрать греческій языкъ для обнародованія своихъ мыслей, коль скоро это показалось ему полезнымъ для дѣла мусульманства.

Но оставляя въ сторонѣ разсмотрѣнный нами памфлетъ, чей бы онъ ни былъ, повторимъ слова, сказанныя однимъ изъ лицъ, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ славянской народности и къ Болгарамъ [1]): «миръ Грековъ и Болгаръ есть покой и радость православной церкви и Россіи; вражда ихъ есть скорбь той и другой. Никто не долженъ обвинять насъ въ несправедливости, если мы,

[1]) Г. Т. Филиповымъ, въ его возраженіи на статьи г. Даскалова о церковныхъ дѣлахъ Болгаріи.

отклоняя отъ себя судъ надъ злоупотребленіями, устремляемъ все вниманіе на примиреніе нашихъ братій. Не осужденъ Моисей за то, что, видя двухъ враждовавшихъ Израильтянъ, призывалъ ихъ къ миру, не заботясь о томъ, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ. Да услышатъ же и наши враждующіе единовѣрцы его примирительный голосъ: «мужіе, братія есте вы: вскую обидите другъ друга?»

Но внемлютъ ли Греки? Мало, повидимому, дѣйствуютъ эти уроки на Грековъ: они продолжаютъ обижать Болгаръ, поносятъ ихъ языкъ, насильно изгоняютъ изъ церкви славянское богослуженіе, требуютъ, чтобъ болгарскія области находились въ рукахъ Грековъ, доносятъ на Болгаръ, съ одной стороны — Турціи, съ другой — Россіи. Этимъ Греки только вредятъ самимъ себѣ; а какъ мы не желаемъ этого, то просимъ греческихъ патріотовъ, и въ-особенности литераторовъ греческихъ, поднять свой голосъ въ пользу справедливости, въ пользу духовнаго и умственнаго освобожденія болгарской народности и заставить Болгаръ простить и забыть все зло, какое сдѣлали и дѣлаютъ имъ нѣкоторые Греки.

1861 г.
С.п.б.

IX.

ДУХЪ НАРОДА СЕРБСКАГО.

IX.

Духъ народа Сербскаго.

ДУХЪ НАРОДА СРБСКОГЪ,

ОДЪ ІОВАНА ХАЏИЋА. У КАРЛОВЦЫ, 1858.

Характеръ и направленіе литературъ западныхъ Славянъ. — Хаджичъ и его книга. — Взглядъ Хаджича на усобицу областей Сербской земли. — Меропхи и Влахи. — Самоуправленіе Сербскихъ жупъ (волостей). — Настоящее политическое положеніе Сербскаго народа. — Заключительный выводъ о книгѣ Хаджича.

Литературы Западныхъ Славянъ состоятъ почти исключительно изъ такъ называемыхъ беллетристическихъ произведеній и изъ спеціальныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ науки. Мало въ нихъ (я говорю здѣсь о литературахъ Славянъ Австрійскихъ и Сербовъ, а не о богатой и разнообразной Польской литературѣ), мало въ нихъ такихъ твореній, въ которыхъ бы общая мысль овладѣвала матеріаломъ, добытымъ учеными изысканіями. Если является общая мысль, то она выражается обыкновенно отрѣшенною отъ матеріала, отъ положительныхъ фактовъ, бо̀льшею частію въ формѣ поэтическаго созданія; если представляются положительные факты, то они остаются сухимъ, безжизненнымъ матеріаломъ. Иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ народное самосознаніе только что начинаетъ пробуждаться. Въ этомъ отношеніи исторія Чехіи, Палацкаго, стоитъ совершенно особнякомъ; но и въ ней матеріалъ не вездѣ осиленъ мыслію. Сербы же не имѣютъ никакого подобнаго труда въ своей литературѣ.

Книга г. Хаджича осталась бы не замѣченною въ литературѣ, болѣе развитой, чѣмъ Сербская; но въ Сербской литературѣ она есть явленіе замѣчательное и утѣшительное. Г. Хаджичъ, Сербскій литераторъ, съ 1827 года получившій извѣстность подъ псевдонимомъ

Милоша Светича и участвовавшій въ 1837 и слѣдующихъ годахъ въ составленіи законодательства Сербскаго княжества, пытается въ своемъ послѣднемъ сочиненіи разгадать и объяснить тѣ жизненныя начала, которыя проникаютъ Сербскую исторію и настоящій бытъ Сербскаго народа. Такой попытки еще не было въ литературахъ Австрійскихъ Славянъ и Сербовъ. Честь и слава г. Хаджичу!

У Чеховъ подобная попытка, если бы взялся за нее человѣкъ, которому она была бы подъ силу, могла бы быть исполнена легче, потому что тамъ уже довольно хорошо разработаны данныя, предлагаемыя какъ исторіею, такъ и современнымъ бытомъ народа. У Сербовъ задача была гораздо труднѣе: порядочной исторіи Сербіи нѣтъ, и даже значительная часть памятниковъ ея не только не разработаны критически, но даже не изданы. Все, что̀ сдѣлано для разработки того, что̀ уже издано, принадлежитъ нашему соотечественнику, г. Майкову. Бытъ народа Сербскаго извѣстенъ только въ нѣкоторыхъ краяхъ; но до сихъ поръ въ Сербской землѣ находятся такія мѣста, гдѣ не только бытъ жителей, но даже самые города, села, рѣки и горы совершенно неизвѣстны (такъ напримѣръ обширное пространство отъ Новаго-Пазара до Лѣсковца и отъ Лѣсковца до Приштины). Притомъ же Сербскіе писатели еще мало привыкли къ строгимъ пріемамъ науки и критики; они еще слишкомъ любятъ поверхностно смотрѣть на предметъ и выхватывать изъ него случайно тѣ или другія данныя, какія имъ придутся по вкусу. Всѣ эти недостатки существуютъ въ книгѣ г. Хаджича: и неполное критическое подготовленіе матеріала, на которомъ онъ основываетъ свои выводы, и неопытность въ наукообразной критикѣ, и поверхностность (часто даже ошибочность) въ томъ, что̀ онъ извлекаетъ изъ показаній древнихъ писателей, и склонность выбирать частные, подходящіе къ его мысли, факты, не обращая вниманія на другіе факты, ей противорѣчащіе. Но, не смотря на всѣ эти недостатки, книга г. Хаджича не только заслуживаетъ похвалы, какъ первая попытка приняться за рѣшеніе важнаго вопроса: она имѣетъ положительное достоинство, по вѣрности своихъ основныхъ мыслей. На это-то достоинство мы должны обратить главное вниманіе, не останавливаясь на недостаткахъ, неизбѣжность которыхъ показана.

Странно въ книгѣ г. Хаджича, — и это, конечно, слѣдствіе того, что матеріалъ науки у Сербовъ неподготовленъ и что самъ авторъ не привыкъ обращаться наукообразно съ своимъ матеріаломъ, — странно, говорю я, что въ этой книгѣ основныя мысли сочинителя вѣрны, тогда какъ историческія и лингвистическія изслѣдованія, на которыхъ онъ опираетъ ихъ, шатки, часто ошибочны и вовсе не доказываютъ этихъ мыслей. Видно, основныя мысли эти выработались

у автора изъ внутренняго чутья исторической истины и изъ глубокаго, инстинктивнаго пониманія народнаго быта, а не изъ его ученыхъ изысканій. Эти мысли заслуживаютъ здѣсь краткаго изложенія.

Г. Хаджича поражаетъ страшная ненависть и зависть, раздѣляющая жителей разныхъ областей Сербской земли. Отчего произошелъ этотъ гибельный разладъ? Онъ старается доказать, что еще въ отдаленной древности, гораздо раньше прихода (въ началѣ VII вѣка по Р. Х.) Сербовъ и Хорватовъ изъ-за Карпатскихъ горъ въ ихъ нынѣшнее отечество, тамъ жили Славянскія племена. Присутствіе нѣкоторыхъ Славянскихъ поселеній на среднемъ Дунаѣ еще до завоеванія этихъ странъ Римлянами кажется мнѣ фактомъ несомнѣннымъ, но все-таки доказательства, приводимыя г. Хаджичемъ, его не утверждаютъ. Онъ пользуется извѣстіями писателей классической древности отрывочно и не критически, дѣлая иногда самыя странныя производства собственныхъ именъ и впадая въ явныя ошибки. По прочтеніи его разсужденія объ этомъ предметѣ, подумаешь скорѣе, что Славянъ въ древности не было на Дунаѣ; надобно избрать другой путь, чѣмъ произвольную этимологію именъ Сарматы, Боіи, Бата, и т. под., для доказательства того, что Славяне дѣйствительно жили издревле въ этихъ странахъ. Принявъ старобытность Славянъ на Дунаѣ за основаніе своей теоріи, г. Хаджичь вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о воинственномъ нашествіи толпы Сербовъ и Хорватовъ, призванныхъ въ VII вѣкѣ Греческимъ императоромъ Иракліемъ съ сѣвера для освобожденія Иллирика отъ власти орды грабителей, Аваровъ. Г. Хаджичь полагаетъ, что эти Славяне—пришельцы заняли не весь Иллирійскій треугольникъ; что Хорваты водворились только на западной окраинѣ его, а Сербы распространились по восточной и южной его окраинѣ, гдѣ нынѣ Сербское княжество, Ново-Пазарская область и Черногорія. Между этими двумя полосами, занятыми пришлымъ, завоевательнымъ Славянскимъ племенемъ, остались нетронутыми Боснія и Герцеговина съ своими Славянами-старожилами. Вотъ, по мнѣнію г. Хаджича, главный источникъ ненависти и зависти, раздѣляющей эти области съ тѣми краями, которые были заняты, съ одной стороны Хорватами, съ другой Сербами: вотъ главная причина, почему Боснякъ и Герцеговинецъ, хотя время изгладило всѣ слѣды различія въ языкѣ и памяти народной, не такъ дорожитъ именемъ Серба, какъ потомокъ настоящихъ Сербовъ, т. е. житель Сербскаго княжества и Черногорецъ; вотъ причина, почему онъ менѣе одушевленъ Сербскимъ патріотизмомъ и всегда, въ старину также какъ теперь, думаетъ только о своихъ областныхъ интересахъ. Далѣе, г. Хаджичь старается прослѣдить это различіе въ старинныхъ памятникахъ Сербскаго языка, и имѣетъ въ

виду показать въ этихъ памятникахъ двѣ стихіи, мало-по-малу сливающіяся, именно стихію мягкой рѣчи южныхъ Славянъ-старожиловъ и стихію жесткаго говора пришельцевъ съ сѣвера. Но всѣ филологическія соображенія, которыя онъ дѣлаетъ по этому поводу, не выдерживаютъ строгой критики.

Вообще, мнѣ кажется, что положеніе г. Хаджича о двухъ стихіяхъ, вошедшихъ въ составъ Сербскаго народа,—туземной, неохотно покорившейся, и пришлой, завоевательной, — вѣрное въ основаніи, должно быть совсѣмъ иначе понято въ приложеніи. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы завоевательные полки Сербовъ и Хорватовъ водворились исключительно въ двухъ полосахъ, какъ будто бы математически начертанныхъ, оставивъ другія области не тронутыми. Я полагаю, напротивъ, что завоеватели равномѣрно разселились повсюду, и повсюду равномѣрно застали туземцевъ, которые должны были имъ подчиниться. Оттого-то въ древнемъ Сербскомъ государствѣ такъ рѣзко обозначилось раздѣленіе на сословія. Чтò такое эти Меропхи и Влахи являющіеся въ древнемъ Сербскомъ государствѣ въ качествѣ низшаго сословія, какъ не потомки покорившихся или покоренныхъ туземцевъ? Вѣдь еще въ XIV вѣкѣ Сербу въ Сербскомъ государствѣ запрещено было жениться на дочери Влаха; а Влахи, исчисляемые въ дарственныхъ грамотахъ этого времени, носятъ всѣ, почти безъ исключенія, славянскія имена, стало быть, не были какіе нибудь иностранцы, какъ можно бы было иначе предположить, а туземные, славянскіе или ославяненные, жители края. Вотъ это-то различіе покоренной и завоевательной стихіи, равно принадлежащее всѣмъ областямъ сербскимъ и съ теченіемъ времени перешедшее въ различіе рѣзко разграниченныхъ сословій, было причиною того внутренняго разлада, котораго нельзя не замѣтить въ древней жизни Сербовъ, во время ихъ независимости. А разладъ между отдѣльными областями совершенно просто объясняется, мнѣ кажется, естественнымъ разъединеніемъ ихъ въ странѣ, изрѣзанной цѣпями горъ, и природною склонностью Сербовъ жить розно, мелкими волостями, дорожащими правомъ внутренняго самоуправленія и вовсе не заботящимися о болѣе обширныхъ требованіяхъ государственнаго устройства.

Самъ г. Хаджичь признаетъ и прекрасно опредѣляетъ это характеристическое свойство Сербскаго быта, и двѣ послѣднія главы его сочиненія, посвященныя разбору древняго, кореннаго начала самоуправленія сербскихъ волостей или жупъ, жупанствъ, и потомъ примѣненію этого разбора къ настоящему времени, составляютъ лучшую часть книги, насъ теперь занимающей. Онъ прекрасно объясняетъ, что Сербы сначала такъ покорно подчинились верховной власти Византійскихъ императоровъ, потому что они вовсе не заботились о госу-

дарственномъ строѣ, а Византія не вмѣшивалась во внутренніе распорядки отдѣльныхъ волостей; онъ показываетъ, ка̀къ, въ слѣдствіе упадка власти и значенія прежняго, внѣшняго государственнаго центра, т. е. Византіи, и наконецъ завоеванія ея латинскими крестоносцами, потребность такого центра внутри самой Сербіи стала возникать мало-по-малу: ка̀къ представителемъ этого новаго, государственнаго начала явился родъ Неманичей, бывшихъ жупановъ, т. е. волостныхъ правителей Зетскихъ [1]), и какъ имъ постоянно противодѣйствовалъ народъ, преимущественно же боярское сословіе, стоявшее за прежнюю волостную независимость. Вотъ общее заключеніе, къ которому г. Хаджичь приходитъ послѣ этихъ историческихъ разсужденій:

«То, что̀ мы видѣли до сихъ поръ, указываетъ намъ на два могучихъ, жизненныхъ начала, лежащихъ въ глубинѣ души Сербскаго народа. Одно начало, съ которымъ онъ уже пришелъ въ свои настоящія жилища (около 640 г.), есть личная свобода и самоуправленіе подъ собственными старшинами, по старымъ народнымъ обычаямъ и по законамъ, предписаннымъ общимъ голосомъ на сходкѣ. Другое начало, принятое тотчасъ по приходѣ въ теперешнія жилища и усвоенное имъ, есть вѣра христіанская, православная восточная. Вотъ жизненныя начала Сербскаго народа, или лучше сказать, самая его жизнь; безъ нихъ онъ себя считаетъ какъ бы не живущимъ. За нихъ онъ всегда боролся, за нихъ проливалъ свою кровь. Верховная государственная власть могла находиться внѣ Сербскаго народа, какъ и было въ первые шесть вѣковъ его исторіи, отъ прихода Сербовъ за Дунай до Немани. Если бы Греческое православное царство не было потрясено и не досталось въ руки иноземцевъ, кто знаетъ, стали ли бы Сербы помышлять о томъ, чтобы верховная власть надъ ними перешла въ ихъ собственную землю? Этимъ самымъ началомъ объясняется, почему Сербы подъ Юріемъ Бранковичемъ отдали въ 1433 г. Бѣлградъ и верховную власть надъ своею землею Мадьярамъ, надѣясь съ ихъ помощію отстоять свою волостную независимость и православную вѣру. Вслѣдъ за тѣмъ они водворили свое устройство волостнаго самоуправленія въ Сремѣ, и за право пользованія имъ проливали свою кровь подъ знаменемъ Мадьяръ. Мадьяре вначалѣ охотно признавали за ними право внутренней свободы управленія, потому что помощь сербскаго оружія была имъ весьма нужна и полезна для защиты отъ Турокъ и поддержки государства. Деспотъ Сербскій въ Сремѣ управлялъ народомъ своимъ независимо, въ сово-

[1]) Зета — юговосточная часть Черногоріи съ прилегающимъ краемъ у Скутарскаго озера.

купности съ народными старшинами, по собственнымъ законамъ и обычаямъ Сербовъ; а самъ онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ верховной земской власти Венгерскаго королевства. И позднѣе, всякій разъ, когда Сербы, въ бо́льшемъ еще числѣ, переселялись въ Венгрію, они поставляли эти два непремѣнныхъ условія: свободу своего вѣроисповѣданія и собственное управленіе подъ своими домашними старшинами, по своимъ законамъ и обычаямъ (propriis magistratibus, legibus et consuetudinibus). Это всегда имъ и было обѣщаемо, но никогда не исполнялось долго. Отсюда рождались между Сербами жалобы и неудовольствія. Что̀ подвинуло ихъ покинуть свои жилища и въ 1750 г. подъ предводительствомъ Ивана Хорвата, въ 1752 и 1753 г. подъ предводительствомъ Іована Шевича и Райка Прерадовича, переселиться въ Россію? Оставляю въ сторонѣ все прочее, что̀ нарушало оба существенныя начала ихъ жизни, и упоминаю только объ одномъ законѣ, провозглашенномъ Маріею Терезіею въ 1741 г., которымъ постановлялось: «чтобы въ Далмаціи, Хорватіи и Славоніи отнынѣ поддерживалось единственно римско-католическое вѣроисповѣданіе; чтобы митрополиту греческой церкви впредь не было дозволено простирать свою власть на эти края; чтобы наблюдали за существующими еще епископами греко-несоединенной церкви, дабы они не производили какихъ нибудь безпорядковъ или волненій; чтобы въ этихъ областяхъ, согласно постановленію 1723 года, § 86, только римско-католики могли владѣть поземельною собственностью, а люди иныхъ исповѣданій не занимали даже сельскихъ должностей». По этимъ постановленіямъ можно судить и обо всемъ другомъ и понять, почему Сербы покинули тогда свои жилища въ Австрійской державѣ и пошли искать отдаленнаго отечества въ Россіи. Дѣло въ томъ, что враждебная рука прикоснулась до жизненнаго начала, безъ котораго народъ этотъ существовать не можетъ. Лишенные домашняго самоуправленія и видя опасность, угрожавшую ихъ вѣроисповѣданію, Сербы Австрійскіе побрели по бѣлому свѣту, чтобы спасти по крайней мѣрѣ одну святыню своей жизни, православную вѣру. Какъ глубоко вкоренены эти двѣ потребности въ душѣ сербской, потребность внутренняго самоуправленія и свободнаго исповѣданья православной вѣры, видно и изъ того, что ни рука непріятельская, ни враждебная судьба, ни коварная политика не успѣла въ теченіе вѣковъ изгладить въ ней или вырвать изъ нея эти чувства. Сколько разъ Сербы, въ продолженіе своего бѣдственнаго существованія, жертвовали всѣмъ, всею своею жизнію, лишь бы сохранить или вновь пріобрѣсти эти двѣ святыни своего духа, — и наконецъ пріобрѣли ихъ съ оружіемъ въ рукѣ, и завоевали, если не во всей сербской землѣ, то по крайней мѣрѣ въ придунайской части ея (нынѣшней Сербіи), внут-

реннюю независимость подъ управленіемъ собственныхъ старшинъ, по своимъ законамъ и обычаямъ, и обезпечили тамъ свою православную вѣру. Нужно ли говорить о Черной Горѣ, которая въ продолженіе столькихъ вѣковъ, хотя и лишонная части своего стариннаго достоянія, именно приморскаго края, отбиваетъ оружіемъ всѣ силы Турціи для охраненія этихъ двухъ святынь народнаго сердца? По истинѣ, Сербы не заботились такъ о верховной государственной власти; они равнодушно признавали ее за Греками, за Турками, за Мадьярами, за Австрійцами, и только ни за что не отказывались отъ двухъ указанныхъ мною святынь своего народнаго бытія. Черногорцамъ еще въ древнее время, когда Дубровникъ (Рагуза) пересталъ признавать надъ собою господство Византіи, досталась въ руки и полная верховная власть надъ своею землею; но они не дорожили этимъ началомъ, довольствуясь своею волостною свободою и внутреннимъ самоуправленіемъ; ибо они, по старому обычаю, по которому признавали нѣкогда православнаго царя Греческаго своимъ верховнымъ государемъ и покровителемъ, охотно и добровольно, влекомые внутреннимъ чувствомъ, стали въ послѣдствіи почитать въ душѣ своей православнаго царя Русскаго въ томъ же смыслѣ. Наконецъ, что другое было вооруженіе Сербовъ Австрійскихъ въ 1848 и 1849 г. противъ Мадьяръ, и избраніе народомъ патріарха и воеводы, какъ не стремленіе къ защитѣ православной вѣры и къ возобновленію уничтоженной волостной независимости съ собственнымъ внутреннимъ управленіемъ, т. е. съ народнымъ правителемъ или воеводою (жупаномъ) и по народнымъ законамъ и обычаямъ? а верховная власть при этомъ ненарушимо признавалась въ лицѣ императора Австрійскаго, въ пользу котораго Сербы возстали, надѣясь получить подъ его покровительствомъ то, чего они такъ долго лишены были подъ господствомъ Мадьяръ.»

На послѣдней страницѣ своей книги г. Хаджичь повторяетъ вновь свои выводы въ примѣненіи къ настоящему политическому положенію Сербскаго народа. Онъ спрашиваетъ: «Въ какомъ положеніи находятся нынѣ Сербы въ Сербскомъ княжествѣ? Они пользуются нынѣ, отвѣчаетъ онъ, полною домашнею, волостною (жупскою) независимостью, подъ управленіемъ своихъ собственныхъ старѣйшинъ, по своимъ законамъ и обычаямъ, — независимостью, признанною и утвержденною трактатомъ 1829 года между Россіею и Портою, и гарантированною всѣми пятью великими Европейскими державами; а верховная власть, принадлежитъ Турецкому государству. Такимъ образомъ эти Сербы находятся, можно сказать, въ томъ же точно государственномъ отношеніи, въ какомъ они состояли къ Византійской имперіи со времени прихода своего въ эти земли до

Немани. Только ихъ настоящее положеніе въ томъ смыслѣ лучше и счастливѣе, что пять первобытныхъ жупъ, на которыя распадалась тогда эта страна, теперь не раздѣлены между пятью особыми жупанами, а всѣ вмѣстѣ (хотя и не въ совершенной цѣлости: Сремъ и нѣкоторые другіе куски отошли отъ Сербіи) находятся подъ управленіемъ одного старшины, одного князя, составляютъ одно княжество и живутъ одною общею жизнію, чѣмъ значительно облегчается рѣшеніе задачи сербской исторіи въ будущемъ. Въ какомъ положеніи находятся Сербы въ Босніи и Герцеговинѣ? Они лишены волостной независимости и самоуправленія [1]), и состоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Турціи. — Въ какомъ положеніи находятся Сербы въ Сремѣ и Венгріи? Они живутъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Австріи. — Въ какомъ положеніи находятся Черногорцы? Они пользуются полною волостною свободою и независимостью, подъ управленіемъ своего князя и своихъ старшинъ, по своимъ законамъ и стариннымъ обычаямъ, совмѣщая въ себѣ и верховную власть надъ своею землею и не имѣя, внѣ ея, надъ собою государя, но почитая въ душѣ, по старинному народному чувству, единаго православнаго царя Русскаго, какъ покровителя своей свободы и своего православія».

Этими словами кончаетъ г. Хаджичь свое замѣчательное сочиненіе. Мы могли упрекать его въ недостаткѣ полноты и критики, когда онъ разбиралъ извѣстія древнихъ писателей и филологическія данныя. Мы могли не согласиться съ его мыслію о неравномѣрномъ, такъ сказать, распредѣленіи двухъ стихій, образовавшихъ Сербскій народъ, туземной и завоевательной; да притомъ то, что̀ онъ самъ говоритъ во второй части своей книги объ основныхъ началахъ Сербскаго общества, прямо противорѣчитъ такой неравномѣрности и подтверждаетъ мнѣніе, нами высказанное объ этомъ предметѣ, ибо начала, выставляемыя г. Хаджичемъ, какъ основы сербской жизни, какъ «святыня сербскаго духа», господствуютъ совершенно одинаково во всѣхъ Сербскихъ земляхъ, и въ тѣхъ, гдѣ онъ видитъ исключительно потомковъ завоевателей VII вѣка, и въ тѣхъ, гдѣ населеніе происходитъ, по его взгляду, отъ старожиловъ-Славянъ. Но, указывая на ошибку г. Хаджича, мы не отнимаемъ тѣмъ высокаго достоинства у его книги. Мы ему благодарны за ясное указаніе и развитіе мысли о значеніи двухъ стихій, туземной и завоевательной, въ образованіи Сербскаго народа [2]). Мысль эта сдѣлается достояніемъ

[1]) Но не вездѣ: въ нѣкоторыхъ краяхъ Герцеговины, прилегающихъ къ Черногоріи, жители пользуются полнымъ самоуправленіемъ, признавая только верховную власть Турціи. *А. Г.*

[2]) Эта мысль была выставлена нами въ „Письмахъ объ Исторіи Сербовъ и Болгаръ“.

науки, какъ скоро, при свѣтѣ ея, изучены будутъ критически явленія сербской исторіи и древняго сербскаго быта. Что же касается до опредѣленія и разбора основныхъ стихій сербской жизни, то мы тутъ видимъ въ г. Хаджичѣ глубокое пониманіе своего народа и можемъ желать только, чтобы такое пониманіе встрѣчалось чаще, и не у однихъ Сербовъ, но и въ другихъ Славянскихъ земляхъ.

X.

ГАВЛИЧЕКЪ.

X.

Гавличекъ.

Нѣсколько словъ о его жизни. — Образцы его поэзіи: Тирольскія элегіи.

Гавличекъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Чешскихъ въ послѣднее время. Въ 1848 и 1849 году онъ былъ редакторомъ «Народныхъ Новинъ», лучшей газеты Чешской и получилъ посредствомъ этого органа великое и благотворное вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Онъ принадлежалъ всею душою дѣлу возрожденія славянской народности, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ не видѣлъ для Чеховъ другаго спасенія отъ преобладанія германизма, представителемъ котораго былъ Франкфуртскій парламентъ, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ Австрійскимъ правительствомъ, обѣщавшимъ покровительство и равноправность всѣмъ народностямъ въ своей державѣ. Потому Гавличекъ дѣятельностью своею оказалъ этому правительству важныя услуги. Но въ 1850 году, когда опасность для Австріи миновалась, она стала преслѣдовать Гавличка неумолимо за его ревность къ славянской народности и противодѣйствіе ультрамонтанскимъ стремленіямъ клерикальной партіи. Его сперва принудили удалиться изъ Праги и предали его сочиненія судебному разбору; но судъ оправдалъ его. Не смотря на то, въ 1851 году его схватили и отправили съ жандармомъ въ крѣпость Бриксенъ, въ Тиролѣ. Въ 1855 году, больной чахоткою, онъ былъ прощенъ и возвращенъ въ Прагу, гдѣ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Предлагаемыя здѣсь въ подлинникѣ и дословномъ переводѣ стихотворенія писаны были Гавличкомъ въ Бриксенѣ; они пользуются у Чеховъ необыкновенною популярностью, хотя долго не могли быть въ Австріи напечатаны, да и нынѣ изданы тамъ съ пропусками.

Примѣчаніе. Печатая чешскій текстъ русскими буквами, мы должны замѣтить только слѣдующія правила, относительно чешскаго произношенія:

1) *и* имѣетъ звукъ твердаго, *і* — звукъ мягкаго *и*, подобно какъ въ малороссійскомъ нарѣчіи; *ы* не выговаривается такъ твердо, какъ у насъ, а почти также, какъ малороссійское *и*; но когда на немъ приходится долгота (ы́), то оно получаетъ протяжный звукъ, почти какъ *эй*.

2) *е* произносится всегда твердо, *е* — мягко, какъ въ малороссійскомъ нарѣчіи.

3) *ô* произносится какъ протяжное *у* или *уо*.

4) ў послѣ гласной имѣетъ значеніе полугласной и относится къ *у*, какъ *й* къ *и*; такъ сочетаніе оў составляетъ двугласную, выговариваемую почти какъ нѣмецкое *au* въ словѣ *aus*, или какъ англійское *ou* въ словѣ *out*.

5) *г* произносится какъ у малороссіянъ, т. е. придыхательно (латинское *h*); гдѣ у Чеховъ (въ иностранныхъ словахъ) встрѣчается звукъ латинскаго *g* или великороссійскаго *г*, тамъ мы ставимъ латинскую букву g.

6) *л* произносится какъ у малороссіянъ.

7) ř имѣетъ звукъ слитно выговариваемаго *рж*, какъ польское *rz*.

8) *ъ* передъ согласными *р* и *л* въ серединѣ слова означаетъ присутствіе скрадываемаго въ произношеніи гласнаго звука, вслѣдствіе котораго *р* или *л* съ другою согласною составляетъ отдѣльный слогъ, напримѣръ кърчма читается не односложно, *крчма*, а двумя слогами: к'рч-ма.

9) Знакъ ', ставимый надъ гласными, выражаетъ у Чеховъ долготу или протяженіе; различіе долгихъ и краткихъ гласныхъ, подобно какъ въ древнихъ языкахъ, составляетъ особенность чешскаго языка между славянскими нарѣчіями. Различіе протяженія гласныхъ не мѣшаетъ у Чеховъ ударенію, которое находится у нихъ постоянно на первомъ слогѣ каждаго слова, и не отмѣчается особымъ знакомъ.

Тирольске́ елегие
(въ розмлува́хъ съ мѣсичкемъ).

I.

Свúть, мѣсúчку, по легоўчку
Скързъ тенъ густы́ мракъ!
Якъ пакъ се ти Бриксенъ лúбú?
Не шкаредь се такъ!

Не поспúхей, позаставъ се,
Не ходь еште спатъ,
Абыхъ съ тебоў єнъ хвúлинку моглъ
Дишкурироватъ.

Нейсемъ здейшú, мôй мѣсúчку,
То зна́шъ подле́ кřику,
Не утúкей, нейсемъ *treu und bieder*,
Семъ зде єнъ ве цвику.

II.

Семъ-ть я зъ крає музикантôвъ,
На посоўнъ семъ гра́лъ,
А тенъ пořа́дъ ты́ Вúденске́ па́ны
Зе сна бурцовалъ.

Тирольскія элегіи
(въ разговорахъ съ луною).

I.

Свѣти, луна, полегоньку сквозь этотъ густой туманъ! Ну, какъ тебѣ нравится Бриксенъ? Не гляди такъ кисло!

Не спѣши, пріостановись, не ходи еще спать. Дай-ка мнѣ минуточку съ тобою побесѣдовать.

Я не здѣшній, моя луна, ты знаешь это по голосу. Не бѣги. я не *вѣрный и благонадежный*, я здѣсь пока только въ ученіи.

II.

Я изъ страны музыкантовъ [1]), игралъ я на тромбонѣ, да тромбонъ мой все тревожилъ сонъ Вѣнскихъ господъ.

---

[1]) Извѣстно, что Чехія отечество множества музыкантовъ.

Бы се по свы́хъ тежкы́хъ прá-
цехъ
Годнѣ выспали,
Єдноў въ ноци кочáръ полицай-
тôвъ
Про мне послали.

Чтобы послѣ своихъ тяжелыхъ трудовъ [1]) хорошенько выспаться, они однажды послали за мною карету съ полицейскими.

Двѣ годины по пôлноци,
Кдыжъ на тр̆ети́ шло,
Ту ми дáвалъ жандармъ у пô-
стеле
Штястнé добры́тро!

Было два часа по полуночи, уже пошелъ третій часъ, когда жандармъ сказалъ мнѣ у постели: «доброе утро!»

Се жандармемъ славны́ оўр̆ядъ
Целы́ въ парáдѣ,
Пупекъ певнѣ кордемъ обвáзаны́,
Злато на краgлѣ:

Съ жандармомъ было почтенное присутствіе, всѣ въ парадной формѣ, брюхо крѣпко перетянуто шарфомъ, на воротникахъ золотое шитье.

Встáваí, пане редакторъ,
Не лекаí се,
Деме въ ноци, нейсме вшакъ зло-
дѣí,
Єномъ комисе.

«Вставайте, господинъ редакторъ, не пугайтеся [2]). Ходимъ мы ночью, однако мы не разбойники, а только коммиссія.

Одъ вшехъ зъ Ви́дне поздравени́,
Панъ Бахъ є лю́бá,
Соў-ли пры́ здрáвъ? а тугле-то
псани́
По нáсъ посылá.

Всѣ въ Вѣнѣ кланяются вамъ, господинъ Бахъ цѣлуетъ васъ, спрашиваетъ, здоровы ли, и посылаетъ съ нами вотъ эту бумагу».

Я семъ и на лачны́ животъ
Вждыцкы здворилы́:
«Одпусть, славнá комисе,
Же семъ въ кошили!»

Я и на тощій желудокъ всегда вѣжливъ: «Простите, почтенная коммиссія, что я въ одной рубашкѣ!»

Але Джокъ, мôй черны́ бульдогъ,
Тенъ є gробиáнъ,
На *habeas corpus* тузе звы́клы́,
Онъ є анgличанъ.

Но Джокъ, мой черный бульдогъ, тотъ грубіянъ, черезъ-чуръ привыкшій къ *habeas corpus:* онъ англичанинъ.

---

[1]) Намекъ на тревоги 1848—49 годовъ.

[2]) Въ чешскомъ оригиналѣ чиновники обращаются къ поэту въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, какъ Нѣмцы.

Мáлемъ бы былъ хлапъ пр̌естоупилъ
Єденъ параграфъ,
Іжъ на славны́ оу̌ради зъ-подъ постеле
Удялъ: врръ, хафъ, хафъ!

Едва успѣлъ читавшій кончить одинъ параграфъ, вдругъ онъ изъ-подъ кровати на почтенное присутствіе: врръ, хафъ, хафъ!

Годилъ семъ му тамъ подъ постель
Ришскы́ законни́къ:
Добр̌е, же семъ мѣлъ тенъ моудры́ нáпадъ,
Іжъ ани неквикъ.

Я бросилъ въ него подъ постель *Reichsgesetzbuch* [1]): хорошо, что я такъ умно догадался: уже бульдогъ не пикнулъ.

III.

Обчанъ звыклы́ на пор̌áдекъ, —
Было то въ просинци,
Пр̌еде вшим́ъ семъ си обулъ пунчохы
Въ славнé ассистенци.

III.

Гражданинъ, привыкшій къ порядку, я прежде всего (дѣло было въ декабрѣ) надѣлъ чулки въ торжественномъ присутствіи.

Пакъ семъ тепървъ четлъ псані́,
Вшакъ го тугле мáмъ:
Розуми́шъ-ли оу̌ редні́ нѣмчинѣ,
Пр̌ечти си го сáмъ.

И тогда только прочелъ я бумагу, — впрочемъ, вотъ она здѣсь у меня. Коли понимаешь канцелярскій нѣмецкій языкъ, прочти себѣ ее сама.

Бахъ ми пи́ше, яко докторъ,
Же ми не свѣдші́
Въ Чехáхъ здраві́, же пры́ потр̌ебую
Змѣну повѣтр̌í;

Бахъ пишетъ мнѣ, какъ докторъ [2]), что мое здоровье не поправляется въ Чехіи, что-де мнѣ нужна перемѣна воздуха.

Же є въ Чехáхъ тузе душно,
Горкé вы́пары,
Много смраду по тé октроірце,
Голé нездраві́;

Что въ Чехіи очень душно, жаркія испаренія и много вони послѣ этой *октроировки* [3]), просто тлетворная атмосфера.

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ издается въ Австріи собраніе законовъ и постановленій.

[2]) Извѣстно, что Бахъ, бывшій австрійскій министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ степень доктора.

[3]) Конституція, *октроированная* въ 1850 году австрійскимъ правительствомъ.

Же онъ теды схвáльнѣ про мне
Кочáръ семъ послалъ,
Абыхъ се гнедъ на стáтни оўтраты
На цесту выдалъ.

Что онъ поэтому послалъ сюда за мною нарочно карету, чтобы я тотчасъ же отправился въ путь на казенный счетъ,

А жандармôмъ же нарѝдилъ,
Ать мне годнѣ нутѝ,
Кдыбыхъ не хтѣлъ зе скромности прѝймоўтъ
Єго набѝднутѝ.

И что онъ поручилъ жандармамъ пристойнымъ образомъ понудить меня, если бы я изъ скромности не захотѣлъ принять его приглашенія.

IV.

Цожъ є дѣлатъ? же пакъ мусѝмъ
Глоўпы́ звыкъ тенъ мѝтъ,
Же не могу жандармôмъ съ флинтами
Праницъ одепрѝтъ.

Что же дѣлать, что у меня такая глупая привычка: не могу ни въ чемъ отказать жандармамъ съ ружьями.

Дедера мне такé нутилъ,
Абыхъ ѣлъ єнъ гнедъ,
Же бы хтѣли Бродштѝ, ажъ се збудѝ,
Тр̑еба съ нáми ѣтъ.

Дедера [1]) тотчасъ сталъ торопить меня ѣхать, не теряя времени: а то Бродскіе [2]) жители, когда проснутся, пожалуй, захотѣли бы ѣхать съ нами.

Правилъ ми, же не мáмъ съ себоў
Збранє жáднé брáтъ,
Небъ же они маі нарѝзенѝ
Мне охранёватъ.

Онъ говорилъ мнѣ, что я не долженъ брать съ собою никакого оружія, такъ какъ они имѣютъ приказаніе охранять насъ;

Же мáмъ тéжъ покудъ сме въ Чехáхъ
Инкоgнито ѣтъ,
Сицъ нáмъ даі дотѝравѝ лидé
Грôзу комисъ гнедъ.

Что я долженъ, покуда будемъ въ Чехіи, ѣхать *инкогнито*, иначе докучливые люди нададутъ намъ пропасть коммиссій.

Єштъ ми далъ панъ Дедера
Вѝце моўдры́хъ радъ,
Дле нихъ-жъ се Баховѝ пациенти
Маі справоватъ.

Еще далъ мнѣ господинъ Дедера много мудрыхъ совѣтовъ, которымъ должны слѣдовать паціенты Баха.

---

[1]) Имя полицейскаго чиновника.

[2]) Бродъ — городъ въ Чехіи, близъ котораго родился Гавличекъ.

Такъ мне вабилъ якъ Сирéна, Ажъ семъ обулъ боты, Обли́къ весту, кабáтъ пакъ и кожихъ, Дри́ве вшакъ калготы.	Такъ манилъ онъ меня, будто Сирена, покуда я напялилъ сапоги, надѣлъ жилетъ, сертукъ и шубу, а прежде, однако, брюки.
Коне а жандарми стали Дáвно прӗдъ домемъ: Мили́ браши, маличкé стърпени́, Гнедъ іжъ поѣдемъ.	Лошади и жандармы стояли давно передъ домомъ: братцы милые, немножко терпѣнія, сейчасъ поѣдемъ.
V.	V.
О мѣсичку! вшакъ ты женскé Добре знашъ а ви́шъ, Якы́ съ ними чловѣкъ на томъ свѣтѣ Часто ми́вá кри́жъ.	О луна! ты вѣдь женщинъ знаешь хорошо, ты знаешь, какой онѣ часто крестъ для человѣка на этомъ свѣтѣ.
Такé-съ многéго лоучени́ Тайны́мъ свѣдкемъ былъ, Ты зна́шъ ли́пъ нежъ кажды́ новелиста, Горкостъ тѣхъ-то хвиль.	Также не разъ бывала ты тайною свидѣтельницею прощанья, ты лучше всякаго писателя повѣстей знаешь горечь этихъ мгновеній.
Матка, жена, сестра, дцерка Малá Зденчинка Стáлы около мне въ тихéмъ плáчи: Горкá хви́ленка!	Мать, жена, дочка — маленькая Зденчинка, стояли вокругъ меня въ тихомъ плачѣ: горькая минута!
Я семъ сице стары́ козáкъ Въ пôткáхъ тужены́, Тенкратъ семъ мѣлъ троху тѣснá пъ́рса А зракъ скалены́.	Я хотя старый козакъ [1]), затвердѣлый въ бояхъ, однако въ этотъ разъ почувствовалъ немножко стѣсненіе въ груди и темноту въ глазахъ.
Втискнулъ семъ вшакъ подѣбрадку Сильнѣ до чела, Абы се тѣмъ полицайтôмъ съ́лза Не забли́штѣла.	Я надвинулъ шапку-*подѣбрадку* [2]) крѣпко на лобъ, чтобы передъ этими полицейскими не блеснула слеза.

[1]) Намекъ на то, что Гавличекъ жилъ въ Россіи. Онъ былъ въ 1842—44 гг. домашнимъ учителемъ у покойнаго проф. Шевырева въ Москвѣ.

[2]) Шапка, какую носили Чехи-патріоты: названа она именемъ великаго героя чешскаго, Юрія Подѣбрадскаго.

Небъ ти вшицкни блйже двѣрй
Посудъ стáли стрáжъ,
Абы мѣла та-то смутнá сцена
Цйсаръскоў стафáжъ.

Потому что всѣ они держали до тѣхъ поръ караулъ у дверей, дабы эта печальная сцена имѣла казенную декорацію.

VI.

Трубка брештй, кола гърчй,
Ѣдемъ къ Іглави,
Взаду, абысме ницъ не стратили,
Клюшоў жандарми.

Тенъ Боровскы́ костелйчекъ
Стоí на връшку,
Скрзы лѣсы смутнѣ на мне гледѣлъ:
«Си то, мôй гошку?

Поде мноў есть твá колйбка,
Я те видѣлъ кр̂тить,
Старéму викáри министровать,
Пильнѣ се учить.

Тагноўтъ свѣтемъ на скушеноў,
Пакъ съ походнй ітъ,
Нашй хасы съ пламенемъ веселы́мъ
На цесту свйтитъ.

Видйшъ, якъ ты рокы плыноў:
Знáемъ те трйдцетъ лѣтъ......
Але, хлапче, якé то облуды
Видймъ съ тобоў ѣтъ?»

VI.

Рожокъ трубитъ, колеса стучатъ, ѣдемъ къ Иглавѣ. Сзади, чтобы мы ничего не обронили, трясутся жандармы.

Боровская церковка стоитъ себѣ на вершинкѣ. Грустно глядѣла она на меня сквозь лѣса. «Ты ли это, мой молодчикъ?

Подо мною твоя колыбель, я видѣла, какъ тебя крестили, какъ ты прислуживалъ старому священнику, какъ ты прилежно учился;

Какъ ты побрелъ по свѣту за опытностью и потомъ пошелъ съ свѣточемъ, освѣщать веселымъ пламенемъ дорогу нашимъ племенамъ.

Видишь ли, какъ бѣгутъ года. Знаю тебя ужъ тридцать лѣтъ. Но скажи, молодчикъ, что это за уроды ѣдутъ съ тобою?»

VII.

Кдыжъ сме ѣли пр̂есъ Іглаву
Мѣлъ семъ Шпильбергъ въ мысли,
За Линцемъ засъ мышленкы на Куфштейнъ
Зъ главы ми не вышли.

Тепрва кдыжъ сме нехали
Куфштейнъ вправо стáтъ,

VII.

Когда мы ѣхали черезъ Иглаву, у меня былъ въ мысли Шпильбергъ; а за Линцемъ не выходилъ у меня изъ головы Куфштейнъ

Только когда остался у насъ Куфштейнъ на право, альпійская

Зачла се ми альпейска́ краіна Пр̆иємнѣйши́ зда́тъ.	страна начала казаться мнѣ пріятнѣе.
Глоўпа́ ізда, милы́ браху, Кдыжъ се не ви́ камъ: Веселе́ те трубкы постильонôвъ Соў єнъ би́дны́ кламъ.	Глупая ѣзда, любезный братецъ, когда не знаешь, куда ѣдешь. Эти веселые рожки почтальоновъ лишь плохая шутка.
Вшуде коломазъ а вшуде Пр̆епр̆аговали: Кдыбысте рачъ ве Ви́дни пр̆епр̆агли А намазали!	Вездѣ смазка колесъ, вездѣ перепряжка. Лучше бы было вамъ въ Вѣнѣ перепрячь и смазать колеса.
Телеграфъ є пр̆еце єномъ Гезкы́ вына́лезъ: Тенъ пр̆едъ нами вшуде нежъ сме пр̆ишли Огла́шени́ несъ,	Тèлеграфъ, впрочемъ, прекрасная выдумка. Онъ повсюду передъ нами несъ объявленіе,
Бы на́мъ могла полиције, Старостлива́ ма́ти, Вшуде, др̆иве нежъ тамъ пр̆иѣдеме, Камна розегр̆а́ти.	Чтобы полиція, попечительная мать, повсюду могла, до пріѣзда нашего, нагрѣвать каминъ.
Не сми́мъ але запоменоўтъ Будейовице: Тамъ Дедера коўпилъ Мєльниц-ке́го Чтыры лагвице.	Нельзя мнѣ, однако, забыть про Будеіовицы: тамъ Дедера купилъ четыре бутылки мельницкаго [1]):
Чили се въ немъ властенецке́ Гнулы мышле́нкы, Чили доўфалъ, же то про мне буде Лете на Чехы.	Заговорила ли въ немъ патріотическая мысль, или онъ надѣялся, что оно будетъ мнѣ Летою для Чехіи.
Мельницке́ семъ да́вно допилъ, Пию власке́ засъ, Але зда́ се, же є въ обоў стейны́ Непокойны́ квасъ.	Мельницкое я давно выпилъ, теперь пью итальянское, но кажется, что въ обоихъ бродитъ одинаковая безпокойная закваска.
VIII.	VIII.
Тедь мѣсичку! нехме елеgие, А пр̆ейдѣме въ героицкы́ тонъ,	Ну, луна! оставимъ элегію и перейдемъ въ героическій тонъ,

---

[1]) Мельницкое вино почитается лучшимъ чешскимъ виномъ.

Небо цо ти кци тедь выправоватъ,
То былъ чертôвъ сгонъ.

потому что то, о чемъ хочу разсказывать, было чертовской ѣздою.

Цеста зъ Рейхенгаллу до Вайдрингу, —
Ты і мусишъ таке́ добр̆е зна́тъ, —
Та се не да́ жа́дноў ордоннанци́
Пр̆еоктройовать.

Дорога отъ Рейхенгалля до Вайдринга, ты ее должна также знать хорошо: это такая дорога, что ея не передѣлаешь указомъ, какъ конституцію.

Голе́ скалы, огромнѣйши́ єштє
Нежъ єстъ глоўпость мези на́роды,
Ведле цесты пропастъ безедна якъ
Държка армады.

Голыя скалы, еще огромнѣе, нежели глупость въ народахъ; вдоль дороги пропасть бездонная, какъ издержки на войско.

Темна́ ноцъ, якъ наше свата́ ци́ркевъ,
А мы ѣдемъ съ копце яко мжи́къ,
Дармо кр̆ичи́ Дедера: «държь конє!» —
Пра́здны́ є козли́къ.

Ночь темная, какъ наша католическая церковь, а мы ѣдемъ съ горы какъ вѣтеръ, напрасно Дедера кричитъ: «держи лошадей!» на козлахъ нѣтъ никого.

Коча́ръ праштѝ а конє ве вѣтру,
Іжъ є дябелъ горемъ падемъ несе,
А постильонъ нѣкде тамъ за копцемъ
До дымкы си кр̆есе.

Слышенъ стукъ кареты и лошадей при свистѣ вѣтра; самъ дьяволъ мчитъ ихъ въ гору и подъ гору, а почтальонъ гдѣ-то за холмикомъ высѣкаетъ себѣ огонь для трубочки.

Долу яко съ вѣже цеста плитка́,
Вôзъ якъ шипка клоўже гы! а гатъ!
Снадъ на́съ годла́ нѣкде до пропасти
Интернировать.

Дорога внизъ крута какъ лѣстница съ башни, карета скользитъ какъ кусокъ стекла, хипъ-хопъ, — какъ будто бы хотѣла насъ *интернировать* въ пропасти.

Ахъ, то была про мне хутна́ хвилька,
Неботь не зна́мъ жа́дноў вѣтши́ сластъ,
Нежли видѣтъ славноў полиции
Оўзкости́ се тр̆а́стъ.

Ахъ, это была для меня пріятная минута, ибо я не знаю бóльшаго наслажденія, чѣмъ видѣть, какъ почтенная полиція трясется отъ страха.

Нападнулъ ми (семъ-ть я' чтена́р̆ъ библе),

Мнѣ вспомнился (я вѣдь чтецъ Библіи) тотъ печальный случай,

Смутны́ прибѣгъ тенъ,
Якъ Іонаше къ утишени́ боуře,
зъ лодькы
Выгодили венъ.

«Метейме лосъ, прави́мъ: мези
на́ми
Муси́ нѣкдо велькы́ гříшни́къ бы́тъ,
А тенъ къ усми́řени́ небе муси́
Зъ возу выскочитъ!»

Єнъ то вы́řкну, ейгле, полицайти
Ани свѣдоми́ не спытовали,
А каіцнѣ, выразивше двиřка,
Зъ возу выска́кали.

Ахъ ты свѣте, обрацены́ свѣте!
Взгôру ногами ве шкарпѣ лежи́
стра́жъ,
Але съ панемъ делинквентемъ са-
мы́мъ,
Клюше екипажъ!

Ахъ ты вла́до, přевра́цена́ вла́до!
На́роды на шнурце водитъ хцешъ,
Але чтырми кони на опрати́хъ
Вла́дноутъ не мôжешъ!

Безъ кочи́го, безъ опрати, по тмѣ,
У сильнице пропасть ми́сто шкар-
пы,
Такъ семъ цва́лалъ са́мъ а са́мъ
въ коча́ře,
Якъ ви́тръ съ Альпы.

Свѣřити свôй осудъ таке́ єдноу
Коньо́мъ сплашены́мъ се я' мамъ
ба́тъ,
Я, обчанъ Ракоускы́? Цожъ се
ми мôже
Горши́го іжъ ста́тъ?

когда Іону, для утишенія бури, выбросили вонъ изъ корабля.

«Бросимъ жребій, говорю: между нами кто-то долженъ быть великій грѣшникъ, и этотъ, для усмиренія неба, обязанъ выскочить изъ кареты».

Только вымолвилъ я это, глядь, полицейскіе даже не стали испытывать своей совѣсти, и кающіеся, отворивши дверцы, повыскакали изъ экипажа.

Ахъ ты свѣтъ, вывороченный свѣтъ! Вверхъ ногами, въ шарфахъ лежатъ стражники, а съ господиномъ преступникомъ однимъ ѣдетъ себѣ карета.

Ахъ ты Австрія! опрокинутая Австрія! ты хочешь вести народы на шнуркѣ и не можешь совладать съ четырьмя лошадьми на возжахъ.

Безъ кучера, безъ возжей, въ темнотѣ, съ пропастью подъ бокомъ вмѣсто шарфа, такъ мчался я съ Альпъ, какъ вѣтеръ, одинъ одинехонекъ.

Да чего же мнѣ бояться ввѣрить свою судьбу испуганнымъ лошадямъ, мнѣ, гражданину Австрійскому? развѣ можетъ со мною случиться что-нибудь хуже [1])?

[1]) Т. е., чѣмъ быть такимъ гражданиномъ.

Такъ семъ, хладноў ресиgнаци въ главѣ,
Въ губѣ але вр̆елоу циgару,
Черствѣй нежъ ца́ръ рускы́ пр̆иѣлъ къ поштѣ
Въ добре́мъ розмару.

Тамъ семъ зати́мъ, мустръ делинквентôвъ,
Безъ охраны повечер̆елъ гезкы,
Нежъ за мноў стражъ съ одр̆еными носы
Пр̆иклюсала пѣшкы.

Я спалъ добр̆е, али полицайти
Мѣли ту ноцъ ве Вайдринgу злоў,
Мазали си шпиритусемъ за́да,
Носы арникоў.

Ту є конецъ те́то епопеє,
Къ ни́жъ семъ не пр̆иба́снилъ ани хлупъ:
Вшехно ва́мъ досвѣдчи́ ве Вайдринgу
Поштмистръ Дальрупъ.

Такъ, съ холоднымъ равнодушіемъ въ головѣ, съ горящей сигарой во ртў, пріѣхалъ я, скорѣе чѣмъ ѣздитъ русскій царь, на станцію въ пріятномъ расположеніи.

Затѣмъ я, образецъ преступниковъ, прекрасно поужиналъ тамъ безъ охраненія, пока не приплелись за мною пѣшкомъ стражники съ ободранными носами.

Я спалъ хорошо, но для полицейскихъ эта ночь въ Вайдрингѣ была плоха: они мазали себѣ задъ спиртомъ, носы арникою.

Тутъ конецъ этой эпопеи: въ ней я не прибавилъ къ истинѣ ни волоска: все засвидѣтельствуетъ вамъ въ Вайдрингѣ почтмейстеръ Дальрупъ.

IX.

Пр̆иѣли сме до Бриксену
Безъ вші́ турбаци́,
Крайска́ вла́да дала Дедерови
На мне квитанци́.

Ми́сто мне тенъ кусъ папи́ру
Вра́тили до Чехъ,
Мне зде черны́ двойглаваты́ орелъ
Држи́ въ клепетехъ!

Крайскоў вла́ду, подкрайске́го,
Жандармерии,
Ты ми дали за анделе стра́жце
Въ те́ Сиберии.

IX.

Пріѣхали мы въ Бриксенъ безъ всякой помѣхи; окружное начальство дало Дедерѣ квитанцію во мнѣ.

Вмѣсто меня этотъ клочекъ бумаги отослали въ Чехію, а меня здѣсь держитъ въ когтяхъ черный двуглавый орелъ.

Окружное начальство, помощника окружнаго, жандармерію, вотъ кого дали мнѣ ангелами хранителями въ этой Сибири.

XI.

СЛАВЯНСКІЯ НАРОДНОСТИ

И ПОЛЬСКАЯ ПАРТІЯ ВЪ АВСТРІИ.

XI.

Славянскія народности и польская партія въ Австріи.

Новый фазисъ въ борьбѣ Австрійскихъ Славянъ за свою народность. — Программа Австріи относительно Славянъ послѣ революціи 1848 — 49 гг. — Бахъ и нѣмецкая культура. — Безплодность усилій Австріи въ германизаціи Славянъ. — Императорскій дипломъ 20 октября 1860 г.—Партіи въ западно-славянскомъ мірѣ: ихъ цѣли и стремленія.—Историческое право—Идея федеративной перестройки Австріи и значеніе этой идеи въ Славянскомъ вопросѣ.— Отъ кого зависитъ разрѣшеніе Славянскаго вопроса? —

При внимательномъ взглядѣ на происходящее у Австрійскихъ Славянъ, всякій убѣдится, что общественные вопросы вступаютъ тамъ [1]) въ новый фазисъ.

Доселѣ вся дѣятельность этихъ Славянъ, Чеховъ, Словаковъ, Хорватовъ, Сербовъ, Словенцевъ, Русскихъ Галичанъ, сосредоточивалась въ одномъ: въ заявленіи своего народнаго бытія, въ утвержденіи правъ своей народности противъ стихій, ея не признававшихъ.

Эта работа началась, какъ извѣстно, въ наукѣ и литературѣ, и потомъ, мало-по-малу, перешла въ жизнь практическую. 1848 годъ обнаружилъ силу воскресшаго въ Австрійскихъ Славянахъ сознанія своей народности. Одни, какъ Хорваты, Сербы и Словаки, взялись за оружіе и составили полки и арміи, чтобы отражать Мадьяръ, отвергавшихъ ихъ народныя права, отрицавшихъ самое право ихъ на народное существованіе. Другіе, какъ Чехи, Иллирійскіе Словенцы и Русскіе Галичане посвятили всѣ свои общественныя силы, все вліяніе своихъ голосовъ на сеймахъ одной цѣли: охраненію себя отъ притязаній Нѣмцевъ и Поляковъ.

Одни только Поляки въ Краковѣ и Галиціи оставались чуждыми этому всеобщему движенію Австрійскихъ Славянъ. Имъ нечего было

---

[1]) Писано въ 1861 году.

въ немъ участвовать. Движеніе это имѣло, какъ сказано, единственною цѣлію—отстоять свою народность отъ тѣхъ стихій, которыя хотѣли поглотить Славянъ, какъ свое достояніе. Положеніе Австрійскихъ Поляковъ было совсѣмъ другое: опасность быть поглощенными Германіею стояла для нихъ на второмъ планѣ, а инымъ казалась и вовсе не существующею; на первомъ планѣ было притязаніе присвоить себѣ Русскую Галицію (не говоря о другихъ областяхъ), на основаніи идей, смѣшанныхъ изъ Западнаго либерализма и аристократическаго духа, точно также какъ Нѣмецъ-либералъ во Франкфуртскомъ парламентѣ присвоивалъ себѣ Чехію, Моравію и землю Иллирійскихъ Словенцевъ, точно также, какъ либералъ-Мадьяръ въ Пештскомъ сеймѣ не признавалъ въ предѣлахъ Венгерской короны ничего, кромѣ Мадьярской народности. Сходство положенія, сродство стремленій вызвало союзъ. Мадьярскій сеймъ отправилъ посольство къ Франкфуртскому парламенту, который принялъ представителя благородной націи Венгерской съ громомъ рукоплесканій и неоднократно выражалъ свое сочувствіе Мадьярамъ. Поляки, ссорясь съ Франкфуртскимъ парламентомъ и либеральною Германіею за Познань, въ дѣлахъ Австрійскихъ соглашались съ ними, помогали имъ, стояли на ихъ сторонѣ въ Австрійскихъ палатахъ. Такимъ образомъ Австрійскіе Славяне увидѣли противъ себя либеральную Германію, либеральныхъ Мадьяръ и либеральныхъ Поляковъ, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кому выгодно было отрицать народное бытіе того или другаго славянскаго племени, присвоивать ту или другую славянскую землю. Сочувствіе притязаніямъ и стремленіямъ Мадьяръ, совершенно сходнымъ съ ихъ собственными притязаніями и стремленіями, повлекло Дембинскаго и Бема, повлекло тысячи Польскихъ волонтеровъ въ ряды арміи, которая сражалась противъ Словацкаго легіона Гурбана, противъ Хорватовъ и Сербскихъ полковъ Елачича и Кничанина. Сочувствіе положенію русскихъ Галичанъ, которые терпѣли то же самое отъ Поляковъ и того же самаго отъ нихъ домогались, что̀ они терпѣли и чего они домагались отъ Нѣмцевъ и Мадьяръ, сдѣлало Чеховъ, Словаковъ, Хорватовъ, Сербовъ, самыми горячими защитниками русскаго дѣла въ Галиціи, наполнило всю тогдашнюю ихъ журналистику самою жаркою полемикою противъ Поляковъ за права Русской народности.

Словомъ, Поляки одни не приняли въ 1848 году участія въ общемъ движеніи Австрійскихъ Славянъ; напротивъ того, они стояли въ станѣ ихъ враговъ, на сторонѣ Мадьяръ и либеральной Германіи.

Но остальная Польша, кромѣ Галиційской шляхты и заграничной эмиграціи, была въ то время безмолвна и не могла поддержать своихъ братій въ Австріи. Усилія ихъ не удались и имѣли только

одинъ результатъ: они выказали Австрійскимъ Славянамъ на дѣлѣ характеръ Польскихъ стремленій и удалили ихъ отъ Поляковъ.

Усилія всѣхъ прочихъ Австрійскихъ Славянъ удались въ одномъ: они дѣйствительно отстояли бытіе своихъ народностей. Чехи и Словенцы не дали себя поглотить собирателямъ Нѣмецкой земли, засѣдавшимъ во Франкфуртѣ; Хорваты, Сербы и Словаки не дали наложить на себя народность Мадьярскую, Русскіе Галичане не дали себя уничтожить Полякамъ.

Но для борьбы съ такими врагами, какъ Поляки, составляющіе въ Галиціи все шляхетское сословіе, какъ цѣлая либеральная Германія, какъ Мадьяры, располагавшіе 100-тысячною арміею,—Славяне, разбросанные по мѣстоположенію, разъединенные историческимъ развитіемъ и религіей, должны были схватиться за какой-нибудь общій центръ, за центръ уже готовый, имѣющій силу существующаго, признаннаго факта. Они схватились за Австрійскую династію, за Австрійскую монархію и поддержали и ту и другую.

Чехи, Словенцы, Хорваты, Сербы, Словаки, Русскіе Галичане отстояли свое народное бытіе отъ либеральной Германіи, отъ Мадьяръ, отъ Поляковъ; но въ пылу борьбы отдались совершенно въ руки Австрійскаго правительства и послѣ побѣды очутились въ полномъ ему подчиненіи.

Спасенной монархіи Австрійской предстояло два пути: или признать, какъ это было обѣщано, законное бытіе славянскихъ народностей, дать славянской стихіи въ общественномъ устройствѣ тотъ перевѣсъ, который она имѣетъ въ народонаселеніи имперіи, сдѣлаться, однимъ словомъ, федеративнымъ государствомъ съ преобладаніемъ славянскихъ народностей и оправдать такимъ образомъ надежды Славянъ; или же остаться, по прежнему, при владычествѣ нѣмецкаго меньшинства надъ массою непризнаваемыхъ въ своей народности Славянъ и другихъ, помощью Славянъ низложенныхъ племенъ. Первый путь черезъ-чуръ противорѣчилъ всѣмъ вѣковымъ преданіямъ Австрійскаго дома; избранъ былъ второй путь. Но чтобы оправдать до нѣкоторой степени въ собственныхъ глазахъ свой поступокъ съ Славянами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти опору либеральной Германіи, разочарованной неудачею 1848 года и искавшей новаго выхода своимъ завоевательнымъ стремленіямъ, Австрія приняла на себя роль носительницы Нѣмецкой образованности, «deutsche Culturträgerin» на Востокѣ. Программа Франкфуртскаго парламента сдѣлалась, относительно Славянъ и другихъ не-нѣмецкихъ народовъ, программою Австріи, — и съ бо́льшимъ еще деспотизмомъ, нежели это дѣлалъ Франкфуртскій парламентъ, — принялся бывшій либералъ въ этомъ парламентѣ, ставши Австрійскимъ министромъ,

Бахъ, проводить безпощадный уровень нѣмецкой «культуры» надъ всѣми народностями имперіи, а преимущественно надъ Славянами.

Снова пришлось всѣмъ Славянскимъ племенамъ Австріи, Чехамъ, Словенцамъ, Хорватамъ, Сербамъ, Словакамъ, Русскимъ Галичанамъ, отстаивать свое народное бытіе, уже не подъ знаменемъ Австрійскимъ, а противъ Австріи, въ союзѣ съ Мадьярами, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже съ Поляками (хотя въ Галиціи Поляки не отказывались отъ своихъ притязаній на Русскую землю и даже пользовались содѣйствіемъ Австрійскаго правительства для подавленія тамъ Русской народности [1]). Десять лѣтъ слишкомъ длилась эта борьба Славянъ противъ германизирующей Австріи, борьба скрытая, безъ шума и блестящихъ подвиговъ, но ежечасная, повсемѣстная.— Австрія была побѣждена не какимъ-нибудь однимъ проиграннымъ дѣломъ, а безплодностью своихъ десятилѣтнихъ усилій, разстройствомъ своихъ финансовъ, всеобщимъ озлобленіемъ народовъ, ихъ радостью при ея пораженіяхъ въ Италіи. Она бросила свою роль «носительницы Нѣмецкой культуры» и 20 Октября 1860 г. провозгласила снова политическую равноправность всѣхъ народностей, призвала ихъ къ законному участію въ общественной жизни.

Съ этого времени славянскій вопросъ въ Австріи, какъ мы сказали въ началѣ нашей статьи, вступаетъ въ новый фазисъ, и является гораздо болѣе сложнымъ, нежели онъ былъ прежде, когда вся дѣятельность Славянъ сосредоточивалась просто въ заявленіи и оборонѣ своего народнаго бытія. На прежней точкѣ стоятъ уже только слабѣйшія славянскія народности въ Австріи, которымъ грозитъ еще опасность быть не признанными и поглощенными, какъ Словенцы въ Штиріи, Каринтіи, Краинѣ, Истріи, тѣснимые Нѣмцами и Итальянцами, Словаки и Сербы, подавляемые Мадьярами, Русскіе въ восточной Венгріи, которыхъ попираютъ тѣ же Мадьяры, Русскіе въ Галиціи, которыхъ попираютъ Поляки. Другія славянскія народности въ Австріи, Чехи, Хорваты, Поляки, въ настоящее время обезпечены отъ опасности быть уничтоженными; ихъ бытіе признано и Нѣмцами и Мадьярами. Съ тѣмъ вмѣстѣ кончился для нихъ фазисъ простаго сопротивленія чужимъ элементамъ, простой защиты своего бытія. Наступили новыя требованія: оборонительнаго положенія недостаточно, надобно двинуться впередъ, но по какому пути? Избрать путь — вотъ трудная задача, которую должны разрѣшить себѣ эти

---

[1]) Извѣстны, между прочимъ, мѣры, которыя приняты были въ то время губернаторомъ Галиціи, Полякомъ, графомъ Голуховскимъ, для уничтоженія между Русскими Галичанами употребленія русскихъ и церковно-славянскихъ письменъ, и замѣны ихъ латинскими: эта попытка была общимъ дѣломъ Польской шляхты и Австрійской бюрократіи въ Галиціи.

Славяне въ настоящее время, — причина ихъ недоумѣній, ихъ колебаній, запутанности ихъ дѣйствій.

У нихъ, сколько мы могли замѣтить, обозначались двѣ партіи; одну мы назовемъ федеративно-австрійскою, другую — партіею историческаго права или польскою.

Федералисты видятъ, что славянскія племена Австріи, по своей разрозненности и по множеству чужихъ стихій, которыя повсюду парализируютъ ихъ силы, нигдѣ не могутъ, своими собственными средствами, создать себѣ удовлетворительное политическое положеніе. Поэтому они возобновляютъ мысль, родившуюся въ 1848 г., — общими силами преобразовать Австрію и сдѣлать изъ нея федерацію равноправныхъ народностей, между которыми Славянская, по своему численному перевѣсу, непремѣнно получила бы первенство. Въ 1848 г. эта идея руководила всѣми вождями славянскаго движенія; теперь она болѣе принадлежитъ консерваторамъ, особенно у Чеховъ. Безпрестанно выражаютъ они ее въ разныхъ формахъ. Такъ, напримѣръ, мы читали въ Чешской газетѣ «Часъ», по поводу Венгерскаго вопроса: «Намъ Славянамъ воистину можно повѣрить, когда мы стараемся о мирномъ разрѣшеніи Венгерскаго дѣла, что мы дѣйствуемъ не изъ какихъ-нибудь посторонняхъ побужденій. У насъ нѣтъ въ запасѣ какого-нибудь Grossdeutschland [1]), и наше единственное пристанище — Австрія. Въ ней единственно можемъ мы, не только сохранить себя, но и развиваться, и потому съ нашимъ народнымъ существованіемъ отождествилось изреченіе нашего Палацкаго: «Еслибы Австріи не было, мы должны бы были создать ее себѣ». Насъ нельзя упрекать въ томъ, что мы изъ любви къ Мадьярамъ неутомимо стараемся о мирномъ разрѣшеніи Венгерскаго вопроса, ибо нѣтъ причины, чтобы мы держали сторону Мадьяръ, отъ которыхъ Славяне еще ничего хорошаго не видали, и еслибы дѣло зависѣло отъ однихъ Мадьяръ, то и впредь никогда бы не увидѣли. Если мы при всемъ томъ хлопочемъ о мирномъ соглашеніи, то мы дѣлаемъ это, по истинѣ, не для пользы Мадьяръ, чтобы поддерживать ихъ притязанія: мы дѣлаемъ это для пользы Австріи, съ благосостояніемъ которой тѣсно связано наше собственное благосостояніе, не только какъ граждан, но и какъ народности».

Точно также судятъ и Хорваты, за исключеніемъ той анти-славянской партіи у нихъ (особенно между аристократіей), которая мадьярскимъ аристократическимъ идеямъ готова жертовать своею собственною народностью. Народная же партія стоитъ тоже за федеративную

---

[1]) Т. е. всеобщей, великой Нѣмецкой имперіи, къ которой думаютъ присоединиться Австрійскіе Нѣмцы-либералы, въ случаѣ, еслибы они принуждены были отказаться отъ Венгріи.

Австрію. Она разсуждаетъ такъ: «Если Венгрія отдѣлится отъ Австріи или сохранитъ съ нею связь только династическую, съ своими собственными министерствами, своими финансами, своею арміею, то мы погибли. Намъ невозможно будетъ остаться независимыми отъ Венгріи, и еслибы даже Мадьяры согласились признать за нами внутреннее самоуправленіе, это ни къ чему бы не послужило. Завися отъ Пешта, мы были бы совершенно въ ихъ рукахъ, они бы насъ поглотили. Но мы также мало хотимъ быть подъ властію Нѣмецкой централизаціи, какъ подъ властію централизаціи Мадьярской; намъ нужна Австрія, но Австрія федеративная».

Эта славянская федералистическая партія, поддерживающая Австрію, не есть, нужно замѣтить, партія правительственная. Правительство Австрійское въ настоящее время слѣдуетъ преимущественно идеямъ нѣмецко-централизаціонной конституціи. Оттого-то такая полемика между либеральными Славянами-федералистами, поддерживающими Австрію, и либеральными же Австрійскими правительственными органами, понимающими Австрію въ другомъ, нѣмецкомъ смыслѣ.

Ближе къ правительству, хотя тоже на почвѣ федерализма, стоятъ тѣ Славяне, которымъ приходится еще, какъ мы сказали, отстаивать свое народное бытіе—Словаки, Русскіе въ Галиціи, Сербы (въ бывшей Воеводинѣ) и др. Они также желаютъ перерожденья Австріи въ федеративное, по преимуществу славянское государство; но это перерожденіе Австріи, какъ дѣло будущаго, стоитъ у нихъ на второмъ планѣ; настоящее же, исполненное опасностей для самаго существованія ихъ народностей, требуетъ союза съ Австрійскимъ правительствомъ, какое бы оно ни было. Оттого мы видимъ, что съ уменьшеніемъ опасности отъ чужихъ стихій, эти Славяне приближаются къ федералистической оппозиціи; съ увеличеніемъ опасности, дѣлаются безусловными поборниками правительства, какъ, напримѣръ, Русскіе депутаты изъ Галиціи, которые недавно, въ засѣданіяхъ Австрійскаго *рейхсрата*, давали единодушно свои голоса Нѣмецкой правительственной сторонѣ противъ общей федералистической оппозиціи всѣхъ другихъ Славянъ, и такимъ образомъ доставили первой большинство—потому только, что въ рядахъ оппозиціи видѣли Польскихъ депутатовъ, съ прежнимъ упорствомъ отрицающихъ, даже нынѣ, права Русской народности въ Галиціи.

Эти Славяне сознаютъ сами, куда это ведетъ, но иначе дѣйствовать они не могутъ. Они жертвуютъ надеждами на политическую свободу въ настоящемъ, сохраненію, для будущаго, своего народнаго бытія. Что можетъ быть, въ этомъ смыслѣ, выразительнѣе слѣдующихъ строкъ, которыя мы выписываемъ изъ одной передовой статьи органа Словаковъ, «Пештъ - Будимскихъ Вѣдомостей за 1861 годъ»:

«Прошелъ уже годъ, какъ изданъ императорскій дипломъ 20 Октября. Къ этой грамотѣ обращалъ свои взоры каждый изъ народовъ Австріи, какъ къ древу жизни, надѣясь тотчасъ, какъ только вкуситъ его плода, излѣчить болѣзни, порожденныя 12-лѣтнимъ деспотизмомъ. Вскорѣ однако оказалось, что только нѣкоторые народы, какъ-то Нѣмцы и Мадьяры, были призваны и избраны подѣлить между собою сокровища Октябрскаго диплома, а другимъ суждено было—тщетно взывать: «дайте и намъ того, чтò тамъ обѣщано и чтò принадлежитъ намъ по праву!»—и отойти съ пустыми руками... Между всѣми народами Австрійской монархіи, намъ, Сѣверославянамъ (т. е. Словакамъ) достался самый худшій удѣлъ. Правда, Вѣнское правительство выпустило насъ изъ подъ ферулы Нѣмецкаго абсолютизма, но отдало насъ въ руки Мадьярскихъ конституціонныхъ пашей, и мы попали изъ огня въ полымя. Назначивъ во всѣ комитаты великихъ жупановъ, изъ числа лицъ, извѣстныхъ своею мадьяроманіею, правительство посадило намъ, Сѣверославянамъ (Словакамъ), на шею столько пашей, сколько комитатовъ въ нашей землѣ. — Тотъ полководецъ самый лучшій, который умѣетъ, не вынимая меча, уничтожить непріятеля имъ же самимъ. Правительство хорошо поняло эту тактику, назначивъ такихъ великихъ жупановъ, которые съ выбранными, или лучше сказать, назначенными каждымъ изъ нихъ конгрегаціями, сами бросаются въ сѣти деспотизма и тащатъ туда, какъ Мадьярскій, такъ и другіе народы. Эти всемогущіе господа, за которыми слѣдуетъ ослѣпленный, но впрочемъ благородный народъ Мадьярскій, приведутъ, или вѣрнѣе, привели уже насъ, Словаковъ, и другія угнетенныя народности, къ тому, что мы будемъ искать помощи, гдѣ и какъ знаемъ, и что, какъ мы, такъ и они, найдемъ себѣ только гробъ политической свободы и самостоятельности. Мадьяры, по собственной своей винѣ, проиграютъ не только то, чтò имѣютъ, но и то, чтò могли бы имѣть еще. Мы, напротивъ, выиграемъ, вотъ почему: мы выиграемъ именно тѣмъ, что Мадьяры будутъ въ проигрышѣ, и что они снова лѣтъ двѣнадцать будутъ вмѣстѣ съ нами стенать подъ насиліемъ, ими самими накликаннымъ, и такимъ образомъ либо погибнутъ, либо научатся уважать право и правду».

Перейдемъ отъ этихъ Славянъ, стоящихъ еще въ прежнемъ оборонительномъ положеніи, къ противоположной партіи, къ партіи крайняго движенія, которую мы назвали партіею историческаго права или польскою. Она могла, пока, проявиться только у Чеховъ и можетъ быть, отчасти, у Хорватовъ (хотя послѣднимъ антагонизмъ съ Мадьярами мѣшаетъ смѣло вступить на почву историческаго права, на которой стоятъ сами Мадьяры). Извѣстно, чтò такое историческое право, какъ его понимаютъ Мадьяры и Поляки, и какъ начи-

наетъ понимать его одна партія у Чеховъ: по ихъ понятіямъ, исторія создала для избраннаго ею народа право господства надъ извѣстнымъ пространствомъ земель, которыя когда-либо подпадали подъ его владычество. Таково основаніе, на которомъ «избранный судьбою», «благородный», «просвѣтительный» народъ Мадьярскій отыскиваетъ исключительнаго господства не только надъ своею собственною Мадьярскою землею, но и надъ всѣми Славянскими народами, которые принадлежали нѣкогда къ коронѣ св. Стефана. Таково основаніе, на которомъ «избранный судьбою», «благородный», «просвѣтительный» народъ Польскій отыскиваетъ исключительнаго господства не только надъ страною, населенною Польскимъ племенемъ, но и надъ всѣмъ пространствомъ Русскихъ и Литовскихъ земель, когда-либо состоявшихъ подъ владычествомъ Польши. Чехи также вспомнили свою исторію, свидѣтельствующую о прежней обширности ихъ государства, которое обнимало не только Чехію и Моравію, но и Силезію. Возсоздать это государство собственными силами нѣтъ никакой надежды; но нельзя ли бы возстановить древнюю «корону» Чешскую въ союзѣ съ возстановленною «короною» Венгерскою, съ возстановленною въ ея историческихъ предѣлахъ Польшею? Эта мысль представилась Чехамъ и, сколько можно судить, овладѣла умами нѣкоторыхъ передовыхъ ихъ дѣятелей. По крайней мѣрѣ замѣтна въ этихъ дѣятеляхъ какая-то небывалая прежде благосклонность къ притязаніямъ Мадьяръ и снисходительность къ нимъ, даже когда эти притязанія нарушаютъ право Славянскихъ народностей въ Венгріи, и очевидна несомнѣнная благосклонность къ притязаніямъ Поляковъ. Они, которые прежде такъ жарко ратовали противъ Поляковъ за право Русской народности въ Галиціи, теперь какъ бы игнорируютъ Русскую народность не только въ Галиціи, но и во всѣхъ областяхъ, на которыя простираются Польскія притязанія [1]).

Народы, основывающіе свое дѣло только на историческомъ правѣ, не могутъ имѣть удачи. Историческое право можетъ быть полезнымъ политическимъ орудіемъ для противоборства такому правительству, какъ Австрійское, которое существуетъ только въ силу историческаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ его безпрестанно нарушаетъ. Но никакая народность не можетъ безнаказанно провозглашать историческое право своимъ руководящимъ началомъ въ отношеніи къ другимъ племенамъ. Въ этомъ смыслѣ, историческое право заключаетъ

[1]) Такъ было въ 1861 г., когда писана настоящая статья. Неудача Польскаго возстанія въ 1863—4 гг. охладила, образъ дѣйствій Мадьяръ и Поляковъ въ отношеніи къ Австрійскимъ и Турецкимъ Славянамъ въ 1866—7 гг. совершенно разорвалъ эту дружбу къ нимъ Чеховъ.

въ себѣ ложь и раздоръ: оно есть самоубійство для народа. Каждая народность имѣетъ равныя права на существованіе въ своихъ предѣлахъ и на безпрепятственное развитіе; это прямо истекаетъ изъ самаго права человѣческой личности, и какъ это право не мѣшаетъ людямъ разниться другъ отъ друга способностями, силою, случайнымъ счастіемъ, богатствомъ, такъ и равноправность народностей оставляетъ между ними различіе, происходящее отъ матеріальной и нравственной силы, отъ дарованій, отъ выгодъ положенія, отъ количества накопившагося умственнаго и вещественнаго капитала и т. д. Но что такое значитъ, между всѣми этими условіями, рѣшающими взаимныя отношенія народностей, историческое право? и по какому мѣрилу судить объ историческомъ правѣ одного, объ историческомъ безправіи другаго, когда исторія, въ вѣчномъ своемъ движеніи, постоянно низвергаетъ старое право, коль скоро оно отжило, и создаетъ новое, коль скоро оно предъявляетъ живыя начала? Поляки имѣютъ притязанія на западныя русскія области и на Галицію, Мадьяры на славянскія и другія земли, принадлежавшія коронѣ св. Стефана, на томъ основаніи, что они ими нѣкогда владѣли: но было время, когда первыя входили въ составъ Русскаго государства; было время, когда вся нынѣшняя Венгрія принадлежала Славянамъ. Или новѣйшее право Поляковъ и Мадьяръ уничтожило древнѣйшее право Русскихъ на Западную Русь, Славянъ на Венгрію? Если новѣйшее право устраняетъ древнѣйшее, то почему же должно дѣйствовать *это* новѣйшее право, а не другое, еще новѣйшее? Если, напримѣръ, Мадьяры оправдываютъ свои притязанія на господство надъ славянскими землями тѣмъ, что завоевали ихъ въ 900 году, то отчего же бы Австріи не оправдывать своего господства надъ самими Мадьярами тѣмъ, что завоевала ихъ въ 1849-мъ? Очевидно, что не этотъ принципъ можетъ рѣшать взаимныя отношенія народовъ. Онъ не только заключаетъ въ себѣ свое собственное отрицаніе, онъ противенъ всѣмъ жизненнымъ началамъ настоящаго міра, онъ требуетъ возвращенія къ средневѣковымъ началамъ. Въ ученіи историческаго права международныя отношенія опредѣляются не народностью самого народа, а господствующей надъ ними аристократіи. Въ Полякѣ, а также въ Мадьярѣ, живъ до сихъ поръ шляхтичъ среднихъ вѣковъ: дворянство въ Литвѣ, въ Западной Руси, въ Галиціи—польское, стало быть эти земли принадлежатъ Польшѣ! дворянство въ краѣ Словаковъ и Карпаторусовъ, въ Сербской воеводинѣ, въ Хорватіи и Славоніи, исключительно или отчасти мадьярское, стало быть эти земли принадлежатъ Мадьярамъ! Перенесите этотъ принципъ изъ области отношеній международныхъ въ сферу отношеній гражданскихъ, и вы прямо придете къ праву человѣка надъ человѣкомъ, шляхтича надъ холопомъ.

Оттого-то, чтобы прикрыть эту радикальную ложь своего принципа, чтобы снискать сочувствіе либеральнаго Запада къ ихъ «либеральнымъ» стремленіямъ и, можетъ быть даже, чтобы заглушить въ самихъ себѣ внутреннее противорѣчіе правды, эти люди выдумываютъ и пускаютъ въ свѣтъ самыя дикія теоріи, самую наглую историческую фальшь. Вы читаете, напримѣръ, что народъ Польскій или Мадьярскій—это особенный избранникъ Провидѣнія, особенный сосудъ благодати Божіей, предопредѣленный быть борцомъ противъ варварскаго, Русскаго и Славянскаго міра, и сдѣлаться его просвѣтителемъ; Польша и Мадьяры—это искупители народовъ, «о ихъ же ризѣ меташа жребій», и которыхъ воскресеніе возродитъ и спасетъ все человѣчество. Это еще самыя умѣренныя изъ теорій Польскихъ и Мадьярскихъ. Но и такія теоріи не могутъ еще достаточно оправдать притязаній на владычество Поляковъ надъ Русскими землями, Мадьяръ надъ Славянами. Тутъ-то хватаются они за историческую ложь и утверждаютъ передъ лицомъ Европы, напримѣръ, что орда Мадьяръ-завоевателей, которыхъ современники рисуютъ самыми звѣрскими, самыми кровожадными разбойниками, принесли съ собою Славянамъ принципы свободы и равенства; они утверждаютъ, что унія церковная совершилась также непринужденно и была благодѣяніемъ для народа. Но этого все еще мало; они идутъ далѣе; они утверждаютъ, что Русской народности вовсе нѣтъ на свѣтѣ, что древняя Кіевская и Новгородская Русь—это была Польша, что «Слово о Полку Игоревѣ» и «Русская Правда» писаны по-польски, что нынѣшнее Южно-Русское племя—тѣ же Поляки, а Великорусское племя, «Москали» — смѣсь Финновъ съ Татарами и вовсе не Славяне, что «Екатерина II указомъ предписала Москалямъ именоваться Русскими», что «Шафарикъ и Карамзинъ согласно доказали, что Русскій языкъ не чисто Славянскій» [1]) и т. д.

Ложь порождаетъ ложь. Чтобы прикрыть ложь принципа историческаго права, берется историческая фальшь, превышающая размѣръ всякой виданной лжи человѣческой.

Дѣло, прибѣгающее къ такимъ средствамъ, обличаетъ свою несостоятельность и можетъ временно успѣвать только тогда, когда встрѣчаетъ передъ собою другую ложь или мракъ, а не свѣтъ и правду.

Мы глубоко скорбимъ о народахъ, которые имѣютъ несчастіе осно-

---

[1]) Нельзя повѣрить, что есть люди, которые не смущаясь произносятъ такую ложь; но все это дѣйствительно находится въ печатныхъ сочиненіяхъ Поляковъ; а Поляки все-таки хоть что-нибудь должны знать про Русскій народъ и языкъ, про Русскую исторію, про Шафарика и Карамзина: извинить у нихъ подобныя вещи невѣжествомъ невозможно, какъ мы извинили бы ихъ, пожалуй, еслибы онѣ написаны были Китайскими или Бразильскими публицистами.

вывать свою дѣятельность на историческомъ правѣ. Ложь его извращаетъ и отравляетъ всѣ стороны ихъ жизни, убиваетъ въ нихъ умственную свободу и чувство правды. Мало того: эта ложь властолюбиваго шляхетства, прикрывающагося личиною либерализма, словами «свобода и братство», является столь ненавистною народамъ, которыхъ оно хочетъ подчинить себѣ, что эти народы готовы отдать все, лишь бы только избавиться отъ такого господства. Разительные примѣры тому передъ нашими глазами: Русскіе Галичане подаютъ свои голоса въ пользу нѣмецкой централизаціонной партіи, чтобы не сдѣлаться жертвою польскихъ притязаній; Словаки объявляютъ, что они предпочитаютъ возстановленіе полновластія Австрійской бюрократіи владычеству мадьярскаго либерализма. Словомъ, народы, стоящіе на гибельной почвѣ историческаго права, убиваютъ себя самихъ, и внутреннею ложью своего принципа и отчаяннымъ противодѣйствіемъ, которое они вызываютъ въ другихъ народахъ.

Жаль бы было Чеховъ, еслибы они поддались искушенію этого блестящаго для народнаго самолюбія, но смертоноснаго принципа. Они поставили бы себя въ безъисходный антагонизмъ съ цѣлою Германіею, которая можетъ и должна признать равноправность Чешской народности съ Нѣмецкой, но ни въ какомъ случаѣ не согласится уступить Чехамъ исключительное господство въ земляхъ древней ихъ короны, наполненныхъ теперь Нѣмецкимъ элементомъ. Но этого мало. Чехи утратили бы сами пониманіе чистыхъ славянскихъ, противныхъ всякому аристократическому преимуществу, началъ, которымъ они обязаны тѣмъ, что возрожденіе Чешской народности, — недавно еще мечта немногихъ мыслителей, — осуществилось нынѣ въ жизни нѣсколькихъ милліоновъ людей; они утратили бы чувство славянскаго братства, которое снискало имъ сочувстіе и нравственную поддержку всѣхъ славянскихъ племенъ. И какой страшный грѣхъ противъ славянскаго дѣла берутъ они на себя, помышляя только о возможности нарушенія ц ѣ л о с т и и н е р а з д ѣ л ь н о с т и Россіи,—этой единственной живой опоры славянскаго міра, этой единственной хранительницы славянскихъ началъ,—Россіи, безъ которой славянскія племена были бы на востокѣ Европы тѣмъ, чѣмъ Кельты на западѣ, матеріаломъ послужившимъ къ образованію другихъ народовъ и уцѣлѣвшимъ коегдѣ въ жалкихъ обломкахъ. Намъ тяжело говорить такъ ученикамъ Шафарика, Челяковскаго и Ганки, этихъ великихъ дѣятелей славянскихъ, которые любили горячо Россію, какъ единственную надежду славянскихъ народовъ, которые дорожили ея благомъ и ея величіемъ, какъ величіемъ и благомъ всего Славянства. Предъявляя притязанія на область древней короны Чешской и принужденные для этого, по принципу, потакать самымъ ложнымъ, самымъ исключительнымъ при-

тязаніямъ Польскимъ и Мадьярскимъ, Чехи ставятъ себя въ антагонизмъ и съ Германіею, которая сильнѣе ихъ, и со всѣмъ остальнымъ славянскимъ міромъ, который одинъ можетъ поддержать ихъ противъ Германіи: они сами налагаютъ на себя руку.

Къ несчастію, и на другомъ пути, на которомъ стоятъ Австрійскіе Славяне, на пути федеративномъ, мы не можемъ ожидать для нихъ успѣха. Но этотъ путь по крайней мѣрѣ не развратитъ ихъ и не погубитъ внутреннею ложью; не касаясь самыхъ началъ народной жизни Славянъ, идея федеративной перестройки Австріи можетъ повести ихъ къ политической неудачѣ, какъ было уже въ 1848 году. но будущаго ничѣмъ не связываетъ. Что дѣйствительно политическая неудача снова ожидаетъ Славянъ, что въ Австріи восторжествуетъ начало нѣмецко-централизаціонное, это можно предвидѣть, если дѣла пойдутъ такъ, какъ они шли до сихъ поръ, и въ разрѣшеніи ихъ не вмѣшаются какія-нибудь постороннія стихіи. Конечно, Славянъ въ Австріи болѣе 15 милліоновъ, противъ 17 милліоновъ, раздѣленныхъ между четырьмя антипатичными другъ другу народностями, Нѣмцами и Итальянцами, Мадьярами и Румынами. Но мы видѣли, какъ различно политическое направленіе этихъ 15 милліоновъ Славянъ; федералисты, Чехи и Хорваты, стоятъ тутъ между Поляками и другими поборниками историческаго права, — и Словаками, Русскими. Сербами, которые, чтобы не сдѣлаться жертвою историческаго права, готовы на безусловный союзъ съ Нѣмецкимъ централизаціоннымъ правительствомъ. Какъ же этому правительству, имѣющему при томъ на своей сторонѣ силу существующей государственной организаціи, не воцариться снова надъ этимъ хаосомъ народностей, — если, повторяемъ, не вмѣшаются какія-нибудь непредвидимыя постороннія обстоятельства?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современное движеніе принесетъ Австрійскимъ Славянамъ огромную пользу тѣмъ, что укрѣпитъ, распространитъ и разовьетъ въ нихъ народное сознаніе. Но положеніе ихъ неутѣшительно, и имъ предстоитъ еще много обманутыхъ надеждъ, много тяжелыхъ испытаній; свѣтлое, отрадное будущее еще далеко. Когда же настанетъ оно? Не знаемъ; мы знаемъ только одно: **будущее Славянскаго міра неразрѣшимо внѣ участія Русскаго народа.**

С.-Петербургъ.
31 Окт. 1861 г.

XII.

ВЗГЛЯДЪ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ

НА РОССІЮ.

XII.

Взглядъ западныхъ Славянъ на Россію.

«Пештъ-Будимскія Вѣдомости» и вопросъ объ участіи Россіи въ разрѣшеніи славянскаго вопроса. — Опасенія Западныхъ Славянъ компрометироваться сужденіями о Русскомъ народѣ. — Положеніе общественныхъ стихій въ западно-славянскомъ мірѣ и отличіе отъ него Южныхъ Славянъ. — Взглядъ Западныхъ Славянъ на государственную сторону Россіи. — Невниманіе Славянъ къ народному элементу Россіи. — Понятія Австрійскихъ Славянъ о «славянофилахъ.» — Общественныя начала славянскаго міра и Русскій народъ. — Мицкевичъ и его изображеніе Русскаго народа.

Я хочу говорить о предметѣ довольно важномъ — о взглядѣ Славянъ на Россію, — по самому пустому и ничтожному поводу. Поводъ этотъ — нѣсколько словъ, мною сказанныхъ въ статьѣ «Славянскія народности и Польская партія въ Австріи», которымъ выходящая въ Пештѣ Словацкая газета «Пештъ-Будимскія Вѣдомости» придала, въ переводѣ статьи моей, совсѣмъ другой оборотъ и другой смыслъ. Мнѣ показалось, что въ этой маленькой неточности «Пештъ-Будимскихъ Вѣдомостей» отразилось непреднамѣренно, безъ всякаго желанія редакціи исказить мои слова, господствующее у Австрійскихъ Славянъ общее настроеніе мыслей относительно Россіи, и объ этомъ-то настроеніи захотѣлось мнѣ дать отчетъ.

Но какую-же фразу измѣнили «Пештъ-Будимскія Вѣдомости» такъ, что это могло навести на разсужденіе объ общемъ вопросѣ?

Послѣднія строки моей статьи были слѣдующія:

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современное движеніе принесетъ Австрійскимъ Славянамъ огромную пользу тѣмъ, что укрѣпитъ, распространитъ и разовьетъ въ нихъ народное сознаніе. Но положеніе ихъ неутѣшительно, и имъ предстоитъ еще много обманутыхъ надеждъ, много тяжелыхъ испытаній; свѣтлое, отрадное будущее еще далеко. Когда же настанетъ оно? Не знаемъ; мы знаемъ только одно: *будущее Славянскаго міра неразрѣшимо внѣ участія Русскаго народа*».

Начало фразы, какъ и вообще вся статья, переведено въ Пештъ-

Будимскихъ Вѣдомостяхъ» совершенно вѣрно; но вотъ какъ передѣланы послѣднія слова: «Положеніе Славянъ неутѣшительно, — сказано въ переводѣ, — «и имъ предстоитъ еще много обманутыхъ надеждъ, много тяжелыхъ испытаній; свѣтлое будущее еще далеко.» Когда же настанетъ оно? Не знаемъ; мы знаемъ только, что *Славянскіе народы можетъ спасти лишь Славянская политика»*.

Въ заключительной фразѣ моей статьи было сказано, во-первыхъ, о необходимости и неизбѣжности участія Русскаго народа въ будущей судьбѣ Славянскаго міра: переводчикъ или редакторъ «Пештъ-Будимскихъ Вѣдомостей» не захотѣлъ, чтобы тутъ было упомянуто о Русскомъ народѣ. Во-вторыхъ, у меня въ этой фразѣ говорилось о народѣ Русскомъ, а не о Россіи какъ государствѣ; считая настоящее положеніе западныхъ Славянъ безвыходнымъ, пока они будутъ ограничиваться самими собою, я выражалъ мнѣніе, что исходъ ихъ дѣла зависѣть будетъ отъ участія нашего отечества, и именно отъ участія народа, т. е. общественныхъ и нравственныхъ силъ земли нашей; мнѣ и на умъ не приходило какое нибудь государственное вмѣшательство, а тотъ, кто поправлялъ мои слова, заставилъ меня говорить о политикѣ: онъ перенесъ мою мысль изъ сферы общественной въ сферу государственную.

Я увѣренъ, что такое измѣненіе сдѣлано въ моей статьѣ «Пештъ-Будимскими Вѣдомостями» безъ всякой внѣшней понудительной причины, т. е. помимо всякихъ цензурныхъ побужденій: ибо теперешнее положеніе печати въ Австріи не можетъ требовать подобной осторожности въ выраженіяхъ.

Что же заставляло Словацкую газету исключить изъ статьи мысль о необходимости участія Русскаго народа въ разрѣшеніи Славянскаго вопроса? Что заставляло ее заговорить о политикѣ, когда у меня говорилось о дѣлѣ общественномъ? Въ этомъ-то именно, кажется мнѣ, и отразилось то общее настроеніе Западныхъ Славянъ относительно Россіи, о которомъ хочу повести рѣчь. Я упомянулъ о томъ, что сдѣлала съ мыслью, выраженною въ моей статьѣ, Словацкая газета, только для того, чтобы отъ этого частнаго случая перейти къ общему явленію.

Останавливаясь же на немъ, невольно спрашиваю: не находится ли во всемъ, что говорится западными Славянами въ ихъ общественныхъ собраніяхъ, во всемъ, что ими пишется, очевидное опасеніе «компрометироваться» какимъ нибудь словомъ о Русскомъ народѣ, — компрометироваться, разумѣется, не передъ Австрійскимъ правительствомъ, въ отношеніи къ которому они ужъ не такъ-то осторожны, — а передъ своимъ же общественнымъ мнѣніемъ? Далѣе, не замѣчается ли также, что все вниманіе ихъ устремлено на вопросы государ-

ственные, на *политику* внутреннюю и внѣшнюю, а вопросы о началахъ *общественныхъ* для нихъ какъ будто не существуютъ?

Изъ этихъ двухъ явленій послѣднее, по моему мнѣнію, есть существенное, основное, и первое изъ него проистекаетъ, какъ естественное послѣдствіе.

Западные Славяне [1]) тѣмъ глубоко отличаются отъ насъ, что ихъ дѣятельность сосредоточена исключительно въ сферѣ внѣшнихъ, государственныхъ отношеній. Трудно полагать, чтобы могло быть иначе въ настоящее время. Исторія совершенно подчинила ихъ господству общественныхъ началъ Запада; всѣ общественныя стихіи славянскія у нихъ стерты; Славянинъ въ Чехіи, въ Моравіи, въ Штиріи и Каринтіи разнится, въ настоящее время, отъ своего сосѣда Нѣмца, въ землѣ Словаковъ отъ Мадьяра, только — съ одной стороны признаками внѣшними, т. е. языкомъ, костюмомъ, обычаями, съ другой стороны свойствами личными, т. е. особенностями своего характера; но въ жизни общественной онъ совершенно отождествился съ Нѣмцемъ или Мадьяромъ, онъ стоитъ вполнѣ на общественной почвѣ Запада; его понятія о государствѣ и государственной власти, о конституціи, его сословныя отношенія съ преобладаніемъ въ настоящее время класса бюргеровъ (которому у насъ нѣтъ и соотвѣтствующаго слова), его взглядъ на землевладѣніе, наконецъ его религіозное направленіе,— все это ни чѣмъ не отличается отъ взглядовъ и отношеній нѣмецкихъ и мадъярскихъ, все это — принятое отъ Западнаго міра [2]). Между тѣмъ, въ славянскихъ земляхъ Австріи еще не развились причины, которыя въ болѣе населенныхъ и промышленныхъ, болѣе обремененныхъ пролетаріатомъ странахъ Запада, ближе къ Атлантическому

---

[1]) Подъ этимъ именемъ я, въ настоящей статьѣ, разумѣю только западныхъ Славянъ *Австрійскихъ*, т. е. преимущественно Чеховъ, Моравцевъ и Словаковъ, хотя многое, что здѣсь говорится, можетъ быть примѣнено и къ Австрійскимъ южнымъ Славянамъ-католикамъ, Хорватамъ и Словенцамъ. Поляки, въ смыслѣ этнографическомъ принадлежащіе къ группѣ *Западныхъ* Славянъ, здѣсь не имѣются въ виду, потому что взглядъ ихъ на Россію имѣетъ другіе источники и другой характеръ, и требовалъ бы объясненій инаго рода.

[2]) Южные Славяне (за исключеніемъ Словенцевъ) въ этомъ отличаются отъ западныхъ. У православныхъ Сербовъ во всѣхъ ихъ краяхъ, и въ княжествѣ Сербіи, и въ Босніи, и въ Герцеговинѣ, и въ Черногоріи, и въ Австрійской Военной границѣ и другихъ Австрійскихъ владѣніяхъ, сохранились самобытныя общественныя начала, какъ-то семейная—отчасти родовая—община съ нераздѣльнымъ въ кругѣ каждой поземельнымъ владѣніемъ, и (тамъ гдѣ не мѣшаютъ внѣшнія условія) совѣщательное отношеніе народа къ власти, не ограниченной формально, при отсутствіи всякаго аристократическаго начала. Хорваты-католики удержали отчасти семейную общину (такъ назыв. *задругу*), хотя впрочемъ усвоили себѣ мадьярское аристократическое начало и другія стороны западно-европейскаго общественнаго устройства. Что касается до общественныхъ началъ, существующихъ въ народѣ Болгарскомъ, то я, по недостатку положительныхъ свѣдѣній, ничего не могу сказать объ этомъ.

океану, породили чувство недовольства существующимъ общественнымъ порядкомъ, породили стремленія соціалистовъ. Австрійскіе Славяне совершенно ужились съ общественными Значалами западной Европы и, пока, ими вполнѣ довольны; между ними нѣтъ соціалистовъ. Къ тому, недосугъ имъ думать о вопросахъ соціальныхъ. Поневолѣ, все вниманіе ихъ поглощено вопросами чисто политическими, правами славянской народности въ отношеніи къ народностямъ не славянскимъ и къ государству, которое вездѣ, и въ коронныхъ земляхъ Австріи, и въ Венгріи, служитъ интересамъ, враждебнымъ славянской народности. Единственный предметъ, ихъ занимающій, состоитъ въ томъ: какъ устроить государственную конституцію Австріи и Венгріи такъ, чтобы Славянскія племена нашли въ ней законное признаніе и покровительство? или далѣе, какія могутъ явиться политическія комбинаціи, чтобы доставить Славянамъ еще полнѣйшую государственную независимость? Словомъ, Западные Славяне живутъ, мыслію и дѣломъ, исключительно въ области государственной, политической.

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, что наше направленіе другое, что намъ вопросы политичесвіе кажутся второстепенными. Если мы, къ какимъ бы мнѣніямъ ни принадлежали (за исключеніемъ тѣхъ, уже немногихъ, которые не признаютъ возможнымъ ничего, кромѣ того, что есть на Западѣ), если мы всѣ въ томъ смыслѣ соціалисты, что мы задаемъ себѣ и, такъ или иначе, думаемъ рѣшить вопросы о началахъ общественныхъ, то существенная причина этому заключается, вѣроятно, въ самомъ настроеніи современной русской жизни, которая вынесла изъ прошлаго и теперь стремится осуществить свои общественныя начала, не находившія себѣ выраженія при господствѣ у насъ иноземныхъ понятій и правилъ. Но этой-то стороны Западные Славяне рѣшительно не видятъ въ Россіи и не могутъ ея понять. Сами занятые единственно вопросами политическаго характера, они видятъ въ Россіи только государство, замѣчаютъ въ ней, дѣйствительно съ большимъ вниманіемъ (на сколько доходятъ до нихъ свѣдѣнія), каждый шагъ Русскаго правительства и тѣ проявленія нашего общественнаго мнѣнія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ вопросамъ правительственнымъ. Но ничего другаго, повторяю, Западные Славяне не видятъ въ Россіи. Они представляютъ ее себѣ какою-то Австріею, огромною махиною, сдерживаемою единственно государственною властью и въ которой борются двѣ силы, правительственная и противуправительственная [1]).

---

[1]) Поѣздка Славянскихъ депутатовъ на этнографическую выставку въ Москву въ 1867 году была первымъ шагомъ къ лучшему ознакомленію западныхъ Славянъ съ Россіею. Только съ этого времени ихъ взглядъ на Россію, охарактеризованный въ настоящей статьѣ, начинаетъ (но только начинаетъ) становиться менѣе односторонним и поверхностнымъ.

Обращая свои взоры только на государственную сторону Россіи, Западные Славяне, очень понятно, не находятъ въ ней того, чего считаютъ себя въ правѣ ожидать отъ славянскаго государства, единственно независимаго Славянскаго государства на свѣтѣ. Такъ, относительно внѣшнихъ дѣлъ, они желали бы, чтобы политика Россіи опиралась преимущественно на идеѣ славянской народности, имѣла въ виду главнымъ образомъ славянскіе интересы,—и разочаровывались всякій разъ на счетъ нашего отечества, коль скоро замѣчали въ Русской политикѣ начала, къ которымъ они равнодушны или даже враждебны, напримѣръ интересъ Германскій, интересъ принципа легитимности и т. п. Такое же разочарованіе должна была производить на Славянъ внутренняя сторона Россіи, какъ государства. Они жаловались у себя на господство бюрократіи,—но не меньшее развитіе бюрократическихъ началъ встрѣчали они въ томъ, что могли прочесть о Россіи; они жаловались у себя на отсутствіе свободы совѣсти, на законы стѣснительные для протестантовъ и православныхъ: и у насъ они читали про стѣсненіе раскольниковъ. Въ другихъ отношеніяхъ, они находили даже, что государственныя учрежденія, подъ которыми имъ приходится жить, болѣе развиты, чѣмъ государственныя учрежденія Россіи, напримѣръ относительно равенства всѣхъ передъ закономъ гражданскимъ и уголовнымъ, гласности судопроизводства, свободы слова и т. п. Ясно, что государственная сторона Россіи не могла не разочаровывать Славянъ. А только государственные вопросы, какъ я сказалъ, ихъ занимаютъ, сосредоточиваютъ на себѣ все ихъ вниманіе. Всякаго Русскаго, къ нимъ пріѣзжающаго, они встрѣчаютъ съ братскими объятіями; но самой Россіи чуждаются, потому что видятъ въ ней *только государство* и его учрежденія, и *не видятъ народа* и его общественныхъ началъ. Поразительно невниманіе Славянъ къ народному элементу Россіи, совершенное непониманіе того, что въ землѣ нашей существуютъ вопросы о началахъ общественныхъ. Въ ихъ литературахъ замѣтенъ живой интересъ къ Россіи какъ въ отношеніи политическомъ, такъ и отвлеченно-ученомъ, напримѣръ въ томъ, что касается нашихъ древностей, филологическихъ особенностей нашего языка, нашей литературы, преданій и пѣсенъ Русскаго народа. Нѣкоторые труды западно-славянскихъ ученыхъ оказали намъ самимъ важныя услуги: не упоминая о прочихъ, назову, для примѣра, превосходный трудъ Шафарика — разборъ древнѣйшихъ извѣстій о Славянахъ, обитавшихъ въ Россіи. Тѣмъ замѣчательнѣе, что среди всѣхъ этихъ дѣятелей, ни одинъ не обратилъ никакого вниманія на современный общественный строй земли Русской. Не только особаго сочиненія, я не встрѣтилъ въ западно-славянскихъ литературахъ даже статейки о Русскомъ народѣ въ отно-

шеніи къ его общественнымъ началамъ. Приведу еще любопытную черту этой односторонности взгляда на Россію. Извѣстно, до какой степени такъ называемые славянофилы пользуются вниманіемъ и сочувствіемъ въ Славянскихъ земляхъ, и это происходитъ, конечно, оттого, что славянофилы, ранѣе и болѣе другихъ литературныхъ партій нашихъ, стремились къ знакомству и сближенію съ Славянами. Но какъ понимаютъ они славянофиловъ? Въ ихъ глазахъ это есть партія чисто-политическая, главная цѣль которой — придать Русской политикѣ славянское направленіе, вывести Россію изъ-подъ политическаго вліянія Нѣмцевъ и соединить самихъ Славянъ въ одно государство; славянофиловъ они обыкновенно называютъ «панславистическою партіею въ Москвѣ». Сущность славянофильскихъ мнѣній, — вопросы о началахъ общественныхъ, — до такой степени чужда кругу идей, ихъ занимающихъ, что они ее такъ сказать «игнорируютъ». Читая изданія славянофиловъ съ бо́льшею, можетъ быть, охотою, чѣмъ прочія произведенія Русской литературы, Славяне съ любопытствомъ останавливаются на каждой въ нихъ статьѣ, касающейся какого-нибудь политическаго вопроса славянскаго, и спѣшатъ ее перевести, перепечатать, какъ бы она ни была незначительна, какъ бы мало ни заключала для нихъ новаго; а между тѣмъ, ни одна капитальная статья, коль скоро въ ней рѣчь идетъ не о политикѣ, а о началахъ общественныхъ, не показалась имъ заслуживающею подобной чести [1]). Не находится ли въ этихъ частныхъ фактахъ подтвержденіе моей мысли, что въ явленіяхъ современной Россіи, Западные Славяне хотятъ видѣть только политическую сторону? Нѣмцы, Англичане, даже Французы въ этомъ отношеніи лучше понимаютъ Россію; у нихъ обращали вниманіе (конечно недостаточно и весьма часто невѣрно) на общественныя начала нашего народа. Нѣмецъ Гакстгаузенъ путешествовалъ по Россіи нарочно съ цѣлію изученія ея бытовыхъ стихій; хорошо ли, дурно ли онъ ихъ понялъ, это вопросъ посторонній, но по крайней мѣрѣ видно, что предметъ этотъ показался ему важнымъ. А изъ Славянъ никто до сихъ поръ не былъ въ Россіи съ подобною цѣлію, — тогда какъ изслѣдователь-Славянинъ, близкій къ Русскому народу по чувству родства, способный усвоить себѣ его языкъ, могъ бы проникнуть въ его бытъ, въ его общественныя стихіи, несравненно глубже и вѣрнѣе всякаго другаго иностранца, и заглянувъ на насъ со стороны, могъ бы, вѣроятно, сказать что нибудь и для насъ самихъ поучительное. Но что̀ гово-

[1]) Такъ, напримѣръ, существенно важная для самихъ Западныхъ Славянъ, по своимъ выводамъ, статья К. С. Аксакова „О древнемъ бытѣ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности" не могла найти, не смотря на всѣ мои старанія, между Западными Славянами переводчика; это одинъ случай изъ многихъ.

рить тутъ о нашей пользѣ, когда самый живой, самый существенный интересъ самихъ Славянъ очевидно требуетъ, чтобы Русскія общественныя начала сдѣлались для нихъ предметомъ изученія и размышленія? Россія сохранила въ живой современности общественныя начала, которыя были нѣкогда общею принадлежностью Славянскихъ народовъ: поземельную общину и міръ, отсутствіе аристократическаго принципа въ высшемъ классѣ, даже при наружномъ отождествленіи его съ аристократическимъ дворянствомъ другихъ странъ; отсутствіе опредѣленнаго средняго, городскаго сословія; отсутствіе условленныхъ, формулированныхъ договоромъ отношеній между верховною властію и обществомъ, и проч. Весь этотъ совершенно своеобразный строй общества, въ существѣ своемъ общинно-демократическій, съ правительствомъ чисто-монархическимъ, можетъ быть оцѣниваемъ такъ или иначе, можно считать его признакомъ дѣтскаго состоянія народа или залогомъ высокаго его призванія въ мірѣ, можно желать его устраненія и замѣны другими началами, или, напротивъ, его полнѣйшаго развитія; но во всякомъ случаѣ, существующій фактъ несомнѣненъ; тотъ фактъ, что таковъ былъ дѣйствительно первоначальный, самобытный общественный строй у всѣхъ Славянскихъ племенъ, и что первоначальныя, самобытныя общественныя начала Славянскія уцѣлѣли въ Россіи подъ огромной исторической надстройкой, слагавшейся изъ самаго разнороднаго, часто чуждаго, даже совершенно противнаго свойствамъ основной почвы матеріала, и не только уцѣлѣли, но остались основаніемъ громадной державы Славянской. Какимъ же образомъ такой фактъ не занимаетъ мысли Западныхъ Славянъ? Какимъ образомъ они, съ необыкновенною любовію обращающіеся къ памятникамъ своей давноминувшей политической независимости, — памятникамъ, которые на каждомъ шагу указываютъ на бывшій нѣкогда у нихъ самобытный общественный строй, — не пожелаютъ сличить эти свидѣтельства мертвой старины съ живымъ организмомъ, съ тѣмъ, что̀ существуетъ въ Русскомъ народѣ? Что̀, если и они узнаютъ, какъ уже узнали мы, въ Русскомъ народѣ первобытныя, коренныя общественныя начала Славянскаго племени, сохранившіяся въ теченіе мучительнаго тысячелѣтія государственнаго сложенія земли Русской и просящіяся къ жизни въ новомъ мірѣ? Какое значеніе получитъ тогда Русскій народъ для другихъ Славянъ!

Но до этого сознанія, можетъ быть, еще далеко. Въ настоящее время, вопросы общественные чужды Западнымъ Славянамъ, ибо они такъ освоились съ общественнымъ складомъ Западно-Европейскимъ, который ими совершенно овладѣлъ, что не чувствуютъ потребности и, можетъ быть, даже возможности другихъ общественныхъ началъ. Забо-

тясь единственно объ интересахъ правительственныхъ, политическихъ, они смотрятъ на насъ только съ государственной стороны. Народъ Русскій для нихъ не существуетъ, или существуетъ только какъ масса грубыхъ «мужиковъ» (это слово они приняли, съ оттѣнкомъ отчасти браннымъ), «мужиковъ», которыхъ вы неоднократно встрѣтите [1]) въ каррикатурахъ чешскихъ въ видѣ, болѣе или менѣе уподобляющемся виду медвѣдя, и съ которыми какъ-то неловко и стыдно сказаться сродни, а тѣмъ болѣе соединить идею коренныхъ Славянскихъ началъ. Даже настоящее освобожденіе этихъ «мужиковъ», какъ они выражаются,—съ надѣломъ землею и мірскимъ началомъ, не представляется имъ ничѣмъ особеннымъ; они придаютъ ему значеніе исключительно политическое и административное, подобное тому, какое имѣло уничтоженіе крѣпостнаго права въ Австріи. Что эта масса «мужиковъ-варваровъ», нынѣ освобождаемыхъ, можетъ имѣть свое значеніе въ исторіи не только какъ грубый матеріалъ, а какъ сила нравственная. этого и не снится Западнымъ Славянамъ. Безъ сомнѣнія, на понятія ихъ о Россіи и Русскомъ народѣ дѣйствуютъ отчасти и Поляки, и отзывами своими, и въ особенности, всѣмъ тѣмъ, что̀ печатаетъ о насъ эмиграція. Въ представленіи Западныхъ Славянъ о Русской землѣ и Русскомъ народѣ все какъ будто бы носится предъ ними картина, нарисованная Мицкевичемъ, въ которой столько ослѣпленія (къ несчастію едва ли невольнаго, ибо Мицкевичъ жилъ въ Россіи и зналъ ее) соединяется съ такою красотою стиха:

Kraina pusta, biała i otwarta,
Jak zgotowana do pisania karta—
Czyż na niej pisać będzie palec Boski,
I ludzi dobrych używszy za głoski,
Czyliż tu skreśli prawdę swięłéj wiary,
Że miłość rządzi plemieniem człowieczem,
Że trofeami świata są: ofiary?
Czyli też Boga nieprzyjaciel stary
Przyjdzie i w xiędze téj wyryje mieczem,
Że ród człowieczy ma być w więzy kuty,
Że trofeami ludzkości są: knuty?
. . . .
Spotykam ludzi — z rozrosłémi barki,
Z piersią szeroką, z otyłemi karki;
Jako zwierzęta i drzewa północy,
Pełni czerstwości i zdrowia i mocy.
Lecz twarz każdego jest jak ich. kraina,
Pusta, otwarta i dzika równina;
I z ich serc, jako z wulkanów podziemnych,
Jeszcze nie przeszedł ogień aż do twarzy,
Ani się w ustach rozognionych żarzy,
Ani zastyga w czoła zmarszczkach ciemnych,

[1]) Это было такъ въ 1861 и 1862 гг. и продолжалось до 1864 года.

Jak w twarzach ludzi wschodu i zachodu,
Przez które przeszło tyle po kolei
Podań i zdarzeń, żalów i nadziei,
Że każda twarz jest pomnikiem narodu.
Tu oczy ludzi, jak miasta tej ziemi,
Wielkie i czyste, — i nigdy zgiełk duszy
Niezwykłym rzutem źrenic nie poruszy:
Nigdy ich długa żałość nie zaciemi;
Zdaleka patrząc—wspaniałe, przecudne,
Wszedłszy do środka—puste i bezludne.
Ciało tych ludzi, jak gruba tkanica,
W której zimuje dusza gąsiennica,
Nim sobie piersi do lotu wyrobi,
Skrzydła wyprzędzie, wytcze i ozdobi.
Ale gdy słońce wolności zaswieci,
Jakiż z powłoki téj owad wyleci?
Czy motyl jasny wzniesie się nad ziemię,
Czy ćma wypadnie, brudne nocy plemię?

«Страна пустынная, бѣлая и открытая, какъ приготовленная для письма бумага. Чтожъ, будетъ ли на ней писать перстъ Божій, и взявши себѣ за буквы доблестныхъ людей, начертаетъ тамъ истину святой вѣры, что любовь правитъ родомъ человѣческимъ, что трофеи міра суть жертвы? Или же придетъ старый соперникъ Бога и въ книгѣ той вырѣжетъ мечемъ, что племя людское должно быть ковано въ узы, что трофеи человѣчества — кнуты?»

. . . .

«Встрѣчаю людей — съ окладистою бородою, съ широкою грудью и жирнымъ затылкомъ; какъ звѣри и деревья сѣвера, полны свѣжести, здоровья и силы. Но лицо каждаго таково, какъ ихъ страна — пустынная, открытая и дикая равнина, и изъ ихъ сердецъ, какъ изъ подземныхъ волкановъ, огонь еще не достигъ до лица, не пылаетъ въ рдѣющихъ устахъ, не застываетъ въ темныхъ морщинахъ чела, какъ въ лицахъ людей Востока и Запада, по которымъ прошло чередомъ столько преданій и событій, столько горестей и надеждъ, что каждое лицо есть памятникъ народа. Здѣсь глаза у людей, какъ города этой земли, — большіе и чистые, и никогда крикъ души не мелькнетъ въ очахъ необычнымъ взглядомъ; никогда не затмитъ ихъ долгая скорбь. Смотришь издалека — величественны, дивны; войдешь въ средину — пусты и безлюдны. Тѣло этихъ людей какъ грубая ткань, въ которой зимуетъ душа — гусеница, пока не расправитъ себѣ грудь для полету, пока не спрядетъ, не вытчетъ и разукраситъ себѣ крылья. Но когда засіяетъ солнце свободы, какая изъ этого чехла вылетитъ бабочка? свѣтлый ли мотылекъ взнесется надъ землею, или вылетитъ грязная моль, исчадіе ночи?»

Таково, дѣйствительно, на сколько я могу судить, въ сущности

понятіе Западныхъ Славянъ о Россіи [1]): бѣлая бумага, на которой не извѣсто, что̀ напишется, а написано, пока, только государственное устройство; народъ — грубыя тѣла людскія, въ которыхъ общественная мысль еще спитъ летаргическимъ сномъ зимующей гусеницы, и Богъ вѣсть, что̀ принесетъ міру: пожалуй, порабощеніе народовъ, а въ томъ числѣ самихъ Славянъ, какъ столько времени твердили европейскіе публицисты со словъ Наполеона I.

Сказанное мною, быть можетъ, покажется Славянамъ для нихъ оскорбительнымъ; но они сознаются, что я сказалъ правду, по крайней мѣрѣ относительно *общаго* господствующаго у нихъ взгляда и настроенія на-счетъ Россіи. Есть, конечно, личныя исключенія, но и между ними бо̀льшая часть, вѣроятно, любятъ Россію съ идеальной, чисто отвлеченной славянской точки зрѣнія, какъ великую независимую Славянскую землю, надежду Славянскаго міра, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что̀ именно въ землѣ этой должно быть важно и любезно для Славянъ, что́ должно ихъ обнадеживать. — У насъ въ Россіи, мною, вѣроятно, недовольны будутъ тѣ, въ которыхъ я разрушаю сентиментальныя понятія о безпредѣльной, безотчетной преданности Славянъ нашему отечеству. Но, во-первыхъ, сентиментальность вредна и всегда ведетъ къ разочарованіямъ; а во-вторыхъ, слова мои относятся только къ Славянамъ Западнымъ, а отнюдь не къ православнымъ южнымъ Славянамъ, гдѣ дѣйствительно, масса народная безпредѣльно предана Россіи, — хотя мы должны опасаться, чтобы наше равнодушіе и нашъ образъ дѣйствія—ея наконецъ отъ насъ не оттолкнули, какъ уже отшатнулись отъ насъ весьма многія личности, выдѣлившіяся изъ этой массы европейскимъ образованіемъ. Наконецъ, я прошу замѣтить, что хотя сужденіе мое о взглядѣ Западныхъ Славянъ на Россію отчасти жестко, однако же оно не заключаетъ въ себѣ никакого противъ нихъ обвиненія. Я старался показать, что взглядъ этотъ у Западныхъ Славянъ есть необходимое послѣдствіе, съ одной стороны — обусловленной разными обстоятельствами односторонности ихъ понятій и стремленій, сосредоточенныхъ исключительно въ сферѣ идей государственныхъ, а съ другой стороны — приложенія этой односторонности мыслей и интересовъ къ Россіи; а что такого рода односторонній взглядъ на Россію не можетъ быть благопріятнымъ для насъ, въ томъ, разумѣется, виноваты не они, а мы сами.

Но какъ бы односторонность ни была естественна и извинительна, она все же заключаетъ въ себѣ долю неправды и вредъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обязанность изъ нея выйти, коль скоро она замѣчена.

---

[1]) Дѣлаемъ нынѣ (въ 1868 г.) ту же оговорку, какая помѣщена на стр. 268.

Было бы желательно (разумѣется, если высказанныя здѣсь мнѣнія будутъ признаны справедливыми), чтобы хотя одинъ человѣкъ между Западными Славянами созналъ односторонность взгляда своихъ соплеменниковъ на Россію и обратился къ изученію Русскаго народа, его общественныхъ началъ. Мы думаемъ тутъ не о себѣ, — для нашего патріотизма это не нужно; мы думаемъ о пользѣ Славянъ. Пусть Западные Славяне, не предрѣшая вопроса, придутъ и посудятъ сами. А искать живаго родника самобытныхъ общественныхъ началъ славянскихъ имъ необходимо, это для нихъ вопросъ жизни или смерти. Вѣдь нельзя же народу быть живучимъ, самостоятельнымъ организмомъ безъ внутреннихъ самобытныхъ органическихъ началъ; вѣдь не политика же, какая бы она ни была, славянская или всякая другая, можетъ спасти Славянскіе народы!

Прежде чѣмъ заключу эту статью, позволю себѣ прибавить нѣсколько строкъ въ поясненіе; боюсь, чтобы не поняли послѣднихъ моихъ словъ въ томъ смыслѣ, будто я предполагаю, чтобы Западные Славяне, изученіемъ Русскихъ народныхъ началъ и перенесеніемъ ихъ на свою почву, могли возстановить существовавшій у нихъ въ древнія времена самобытный общественный строй. О такой нелѣпости рѣчи быть не можетъ; искусственно нельзя создать самобытности въ обществѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ Славянскихъ народахъ живетъ еще, подъ оболочкою господствующихъ западно-европейскихъ общественныхъ понятій и отношеній, оцѣпенѣвшій духъ самобытнаго организма. Слишкомъ неутѣшительно было бы предполагать противное. Неужели племена эти находятся дѣйствительно и окончательно въ такомъ состояніи, что только языкомъ и наружными обычаями, только какими нибудь оттѣнками въ характерѣ личностей, разнятся отъ Нѣмцевъ или Мадьяръ, а по внутреннимъ общественнымъ стихіямъ своимъ представляютъ лишь воспроизведеніе чужаго, плеоназмъ въ Европейской семьѣ? Въ такомъ случаѣ не лучше ли бы было, если бы они отказались и отъ внѣшнихъ признаковъ, отдѣляющихъ ихъ отъ Нѣмцевъ и Мадьяръ, и слили съ ними свои силы, по примѣру своихъ соплеменниковъ въ Силезіи и Саксоніи, въ Помераніи и другихъ Прибалтійскихъ странахъ, гдѣ Славяне, утративши, вслѣдъ за своею независимостью, и свои самобытныя общественныя начала, вполнѣ отождествились съ Нѣмецкимъ народомъ, и уже въ его составѣ, — съ привнесеніемъ въ него, быть можетъ, какихъ нибудь личныхъ свойствъ славянскаго характера, — совершили многое для человѣческой мысли и человѣческаго развитія? Но что однако же Чехамъ и другимъ Западнымъ Славянамъ не надлежитъ итти по этому слѣду, о томъ свидѣтельствуетъ сила, съ какою держится ихъ народность, сила, доказывающая именно, что они еще не вполнѣ поддались обще-

ственному духу Германіи, что въ нихъ еще таятся задатки общественныхъ началъ славянскихъ. Вызвать эти начала къ жизни, къ развитію, вотъ что̀ для нихъ должно быть важнѣе всего: ибо до тѣхъ поръ они будутъ — народами безъ народныхъ стихій, тѣлами безъ внутренняго органическаго содержанія. Но вызвать къ жизни то, что̀ въ нихъ еще осталось отъ самобытнаго общественнаго организма славянскаго, они, при томъ состояніи, въ какое привела ихъ исторія, могутъ только усиліемъ мысли и воли. Что̀ воскресило къ внѣшней жизни Западныя Славянскія племена, что̀ вызвало въ нихъ сознаніе народнаго бытія, какъ не усилія передовыхъ людей, какъ не мысли Добровскаго, Юнгманна, Ганки, углублявшихся въ языкъ Славянскій и его памятники, Шафарика, возсоздавшаго древности своего племени, Палацкаго, объяснившаго Чехамъ ихъ прошлое, Колара, воспѣвшаго древнюю славу Славянъ, Челяковскаго, Сушила и Эрбена, выведшихъ изъ забвенія ихъ народную поэзію, Штура и Гавличка, возбудившихъ сознаніе ихъ правъ, и другихъ дѣятелей науки и литературы? Плоды ихъ трудовъ на лицо: Западные Славянскіе народы, которыхъ, еще въ началѣ нынѣшнго столѣтія, даже бывшіе между ними патріоты считали осужденными на скорое исчезновеніе, пробудились и хотятъ жить. То̀ же самое можетъ сдѣлать мысль и слово передовыхъ людей для воскрешенія хранящихся въ этихъ племенахъ остатковъ самобытнаго общественнаго организма. Только для этого мало будетъ кабинетныхъ трудовъ ученаго и литературной дѣятельности журналиста; нужно и живое общеніе съ живымъ общественнымъ организмомъ Славянскимъ.

1862 г.
С. п. б.

XIII.

ПИСЬМО КЪ Г. РИГЕРУ ВЪ ПРАГУ

О РУССКО-ПОЛЬСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

XIII.

Письмо къ г. Ригеру въ Прагу о Русско-Польскихъ дѣлахъ.

Чешская журналистика о Русско-Польскомъ вопросѣ. — Отношенія Чеховъ къ идеѣ возстановленія Польши. — Невѣдѣніе положенія и внутренняго значенія Россіи. — Вѣсти о Россіи въ Чешскихъ газетахъ: источникъ ихъ и характеръ. — Наивность «Народныхъ Листовъ» при сообщеніи этихъ извѣстій. — Заявленія всѣхъ сословій Русскаго народа. — Адресъ старообрядцевъ. — Различіе въ отношеніяхъ Австрійцевъ и Русскихъ къ своему государству.

М. г.! Рѣшаюсь писать къ вамъ, чтобы высказать вамъ мое мнѣніе о тонѣ, принятомъ органами Чешскаго общества въ Польско-Русскомъ спорѣ[1]). Обращаюсь съ письмомъ объ этомъ предметѣ именно къ вамъ, зная васъ, милостивый государь, какъ одного изъ лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ представителей Чешской народности, и надѣясь, что мой голосъ, во имя старой нашей пріязни, будетъ выслушанъ вами со вниманіемъ.

Слѣдя за Чешскою журналистикою, я весьма часто спрашиваю себя невольно: не находится ли Чешскій народъ въ войнѣ съ Русскимъ?

Ваши органы, выдающіе себя за отголосокъ Чешскаго общественнаго мнѣнія, именующіе себя поборниками Чешской народности, стали относительно Россіи въ одинъ рядъ съ Краковскимъ *Часомъ*, со Львовскимъ *Гонцомъ*, съ Варшавскимъ тайнымъ *Рухомъ*. Они сыплютъ на Россію и Русскій народъ безпредѣльные потоки клеветы; для нихъ Русскій человѣкъ есть варваръ, Русскій солдатъ — трусъ и разбойникъ, Русское государство — воплощеніе злыхъ силъ, зданіе, которое нужно разрушить для блага человѣчества. Вамъ Чеш-

---

[1]) Письмо это было писано въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г. въ самый разгаръ Польскаго возстанія.

ская журналистика слишкомъ хорошо знакома для того, чтобы я обязанъ былъ подтверждать все это выписками изъ *Народныхъ Листовъ* и другихъ вашихъ газетъ.

Въ лагерѣ возставшихъ Поляковъ такіе голоса понятны: они воюютъ противъ насъ, они стараются нанести намъ возможный вредъ и, не щадя насъ на дѣлѣ, могутъ не щадить и словами.

Понятно также, что мы слышимъ подобные отзывы во многихъ органахъ Нѣмецкой, Французской и Англійской журналистики. Западные народы опасаются Россіи и не знаютъ ея. Нѣтъ надобности, чтобы я объяснялъ вамъ, Чеху и одному изъ передовыхъ борцовъ славянскаго дѣла въ Чехіи, изъ какихъ побужденій значительная часть Германскихъ и другихъ Западныхъ публицистовъ желаютъ видѣть распаденіе единственной Славянской державы, единственнаго славянскаго народа, который имѣетъ свою полную самобытность. Источники сочувствія Германіи и вообще Западной Европы къ Полякамъ, — коль скоро они вооружаются противъ Россіи (но не тогда, когда они отстаиваютъ свою народность отъ германизаціи), — источники этого сочувствія такъ явны, что было бы съ моей стороны даже смѣшно ихъ раскрывать передъ вами.

Все это для насъ въ Россіи совершенно ясно; но чѣмъ мы объяснимъ себѣ то положеніе, въ какое становятся къ намъ ваши соотечественники?

Отъ народа, пробужденнаго къ умственной дѣятельности трудами Колара, Шафарика, Ганки, Палацкаго, трудно было ожидать такого ослѣпленія, такого невѣжества въ вопросѣ, столь тѣсно связанномъ съ историческими и этнографическими условіями Славянскаго міра, какъ вопросъ Польско-Русскій.

Одного взгляда на Славянскую карту Шафарика, — этотъ замѣчательный памятникъ прежняго Чешскаго безпристрастія въ славянскомъ дѣлѣ, — достаточно, чтобы разсѣять въ прахъ всѣ проповѣдываемыя теперь вашею журналистикой идеи о возстановленіи Польскаго государства въ историческихъ предѣлахъ Ягеллонской монархіи. Неужели все, чему учили Чеховъ великіе воскресители ихъ народности, до такой степени забыто, что они не видятъ, въ чемъ заключается Польско-Русскій вопросъ? Неужели они, подъ туманомъ либеральныхъ фразъ и дипломатическихъ нотъ, пускаемыхъ Западомъ, не въ состояніи разглядѣть, что мы, что Россія отстаиваетъ права народа противъ средневѣковаго, завоевательнаго польскаго аристократизма, какъ бы онъ ни прикрывался знаменемъ европейской демократіи?

Неужели они не видятъ, что въ сущности дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы спасти Польскую національность отъ угнетенія, и даже не

о томъ, чтобы дать землѣ, населенной Польскимъ народомъ, полную независимость отъ Русскаго правительства; что дѣло идетъ о раздробленіи Русскаго народа, о возстановленіи въ западной части Русскихъ земель ига Польскаго меньшинства надъ Русскою народною массою, о разрушеніи Русскаго государства? Коль скоро вопросъ поднятъ въ этомъ смыслѣ, онъ перестаетъ, очевидно, быть Польскимъ вопросомъ и становится Русскимъ; онъ касается уже не одного правительства Русскаго въ его отношеніяхъ къ Польшѣ, а касается всего Русскаго народа; и, кажется, нужно было прежде всего подумать: согласится ли Русскій народъ на распаденіе и на принятіе снова ига Польскаго меньшинства въ западной части земли своей? потерпитъ ли Русская земля, чтобы разрушили насиліемъ государство, которое она строила тысячу лѣтъ, потерпитъ ли она это особенно въ такое время, когда народъ, всѣмъ жертвовавшій для своего государства, начинаетъ находить вознагражденіе своихъ жертвъ въ свободномъ развитіи, которое государство ему открываетъ?

Но ваши соотечественники рѣшительно затыкаютъ себѣ уши, зажмуриваютъ глаза, чтобы не видѣть и не слышать. Я не встрѣчалъ въ органахъ Чешскихъ ни малѣйшаго признака, чтобы они старались вникнуть въ положеніе и внутреннее значеніе Россіи, и даже узнать мнѣніе и голосъ Русскихъ людей; я не видалъ въ нихъ перевода ни одной Русской статьи; а между тѣмъ, все, что̀ печатается въ Польскомъ станѣ, у васъ переводится, комментируется, принимается на̀ вѣру какъ святыня. Если редакція какой либо изъ вашихъ газетъ удостоитъ заимствовать, и то, конечно, изъ иностранной, Нѣмецкой или Французской газеты, — свѣдѣніе, происходящее изъ Русскаго источника, — то всякое такое свѣдѣніе сопровождается слѣдующею оговоркою: «этому нельзя еще вѣрить; подождемъ, что̀ скажетъ *Часъ* или *Рухъ*».

Для меня эта тактика, вдругъ принятая вашими соплеменниками, въ прежнее время высказывавшими намъ столько вниманія и сочувствія, эта тактика остается до сихъ поръ совершенно загадочною. Признаюсь, я не разъ думалъ: не попались ли Чешскіе либералы въ сѣти ультрамонтанскихъ вліяній? Впрочемъ, это такой вопросъ, который вы лучше рѣшите въ Прагѣ, нежели я въ Петербургѣ.

Я хочу только спросить у васъ: какая политическая мысль руководитъ вашими соплеменниками въ ихъ литературномъ ополченіи противъ насъ? По всему видно, что тутъ есть общій *mot d'ordre*, что вся Чешская журналистика имѣетъ въ этомъ горячемъ вопросѣ какую-нибудь опредѣленную практическую цѣль. Какая же эта практическая цѣль?

Вся Европа знаетъ, и у васъ это знаютъ и высказываютъ лучше

чѣмъ гдѣ либо, — что Польское возстаніе можетъ достигнуть какого-нибудь успѣха только при вооруженной помощи со стороны Западныхъ державъ. Органы Польскихъ инсургентовъ, — и Чешскіе ихъ союзники вмѣстѣ съ ними, — дѣйствительно полагаютъ всю надежду на вмѣшательство Франціи, Швеціи, Турціи и т. дал.; если же такого вмѣшательства не будетъ, то, — всѣ это чувствуютъ, — силы Польскаго возстанія истощатся, экзальтація охладѣетъ, терроризмъ найдетъ отпоръ въ здоровой части Польскаго народа, — и все дѣло кончится ничѣмъ. Внѣ этихъ двухъ возможныхъ случаевъ, иностраннаго вмѣшательства или полной неудачи возстанія, кажется нельзя предвидѣть никакого другаго исхода.

Предположимъ сперва послѣдній случай: иностраннаго вмѣшательства не будетъ и Польское возстаніе потухнетъ. Какими глазами будутъ смотрѣть тогда соплеменники ваши на единственный могущественный и независимый народъ Славянскій? Что̀ скажутъ они въ извиненіе безчисленныхъ оскорбленій, которыя они теперь наносятъ Русскому имени? Противъ Поляковъ Россія, — за это можно поручиться, — не сохранитъ чувствъ злобы. Противнику павшему въ борьбѣ, протягиваютъ руку послѣ боя, и Русская земля не злопамятна: вы объ этомъ можете судить по нашимъ отношеніямъ къ Французамъ, Англичанамъ и Итальянцамъ послѣ Крымской войны. Но что̀ мы будемъ думать о томъ Славянскомъ народѣ, который до тѣхъ поръ, пока считалъ насъ сильными, выражалъ намъ, устами лучшихъ людей своихъ, братское сочувствіе, а въ минуту опасности вдругъ сталъ осыпать нашъ народъ, наше войско, наше государство словами вражды и поруганія!

Отчего Чехи, въ этомъ домашнемъ спорѣ между двумя Славянскими племенами, одни не могли принять того положенія, которое такъ естественно для всякаго Славянина иностранца, не причастнаго къ борьбѣ, т. е. положеніе нейтралитета, желающаго быть по возможности безпристрастнымъ, какъ это сдѣлали органы Словаковъ, Хорватовъ, Словенцевъ, Сербовъ, Бо̀лгаръ?

Теперь возьмемъ другую возможную гипотезу: иностранныя державы, въ той или другой комбинаціи между собою, пойдутъ на насъ войной во имя Польши. Съ этимъ, разумѣется, польскій интересъ тотчасъ отодвигается на второй планъ, а впередъ выступятъ разнообразные интересы Западныхъ державъ въ борьбѣ съ Россіей. За кого будутъ тогда соплеменники ваши? Въ Крымскую войну они были рѣшительно за насъ и высказывали это на сколько могли; они видѣли въ нашемъ знамени знамя славянскаго дѣла. Теперь же имъ пришлось бы торжествовать при успѣхахъ Французовъ, или Англичанъ, или Шведовъ, или Турокъ, и оплакивать побѣды Русскаго ору-

жія. Не правда ли, иначе быть не можетъ, въ такое положеніе Чехи себя поставили?

И соплеменники ваши чувствуютъ фальшивость своего положенія въ отношеніи къ Россіи. Зайдя такъ далеко, они придумываютъ себѣ какое-нибудь оправданіе, и находятъ его въ томъ софизмѣ (которому, разумѣется, сами не вѣрятъ), что будто Польское возстаніе есть народное дѣло для Россіи, будто Русскій народъ ему сочувствуетъ и готовъ стать въ Польскіе ряды. Съ какою радостью хватаются Чешскіе публицисты за каждую статью, печатаемую въ этомъ смыслѣ Польскими газетами, какъ усердно они прикидываются вѣрящими въ подлинность издаваемыхъ Поляками корреспонденцій изъ Россіи, какъ усердно строятъ они на нихъ разныя политическія комбинаціи! Позволю себѣ напомнить вамъ нѣсколько подобныхъ извѣстій, которыя я читалъ въ Чешскихъ газетахъ, пользующихся въ вашемъ народѣ наибольшимъ авторитетомъ. Сегодня они перепечатаютъ статью одного изъ трехъ или четырехъ Русскихъ, живущихъ въ средѣ эмиграціи, о необходимости самоуничтоженія Россіи, и объявятъ, что это есть мнѣніе всѣхъ людей, *либерально мыслящихъ* въ моемъ отечествѣ; завтра онѣ провозгласятъ слухъ, что въ Петербургѣ вспыхнуло возстаніе и что сообщеніе его съ Москвою прервано; то онѣ откроютъ въ Малорусскомъ народѣ сердечное сочувствіе къ Полякамъ; то объявятъ, что Казанскіе Татаре взбунтовались и подаютъ руку помощи Польшѣ и что «Русское правительство только скрываетъ это возстаніе»; то Курляндія вооружаетъ стрѣлковъ на помощь Полякамъ, то эту помощь готовятъ имъ студенты нашихъ университетовъ и наши раскольники, то наконецъ (кто бы этому повѣрилъ!) сама Москва бѣлокаменная вступаетъ въ союзъ съ Польскими инсургентами. Съ какимъ восторгомъ и умиленіемъ перепечатали *Народные Листы* № 95 слѣдующую статью, которую Львовскій «Goniec» напечаталъ какъ корреспонденцію *изъ Москвы:* «домовые обыски у насъ не прекращаются, полиція хватаетъ ночью, мы всѣ живемъ подъ висящимъ мечемъ. — Всѣ упреки, дѣлаемые Россіи (вѣроятно Поляками), несправедливы. Россія есть вѣрнѣйшая сестра Польши. Восторгаясь ея великими дѣяніями, она трепещетъ до корня своего духа (sic), каждому герою (Польскому) она рукоплещетъ, она трепещетъ въ восхищеніи нести свою кровь, свою жизнь, за дорогое дѣло (Польское). Больше вамъ сказать не могу, не хочу и не смѣю... Знаю достовѣрно и могу вамъ поручиться, что Польская кровь не пала на камень, что съ нею польется другая кровь, что все готово даже въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ нашихъ, что Русская молодежь ничѣмъ не разнится отъ Польской, что она составляетъ одно цѣлое съ *нашею* (sic, т. е. Польскою), что множество ея находится въ рядахъ

нашихъ. И дѣти чиновниковъ и *поповъ* готовы вступить въ ряды наши. Не смѣшивайте царскаго войска съ Русскимъ народомъ. Молодежь и народъ любятъ васъ (т. е. Поляковъ), они не имѣютъ словъ и слезъ для вашего утѣшенія, но ихъ кровь потечетъ вскорѣ и брызнетъ до полночной зари» (sic).

Понятно, что въ настоящее время Польскіе инсургенты стараются протянуть возстаніе какъ можно дольше, сознавая необходимость дождаться иностраннаго вмѣшательства, на которое возлагаютъ всѣ свои надежды; понятно, что для воспламененія охлаждающихся умовъ, они придумываютъ всякіе слухи, какіе только могутъ обнадежить въ полученіи помощи съ какой бы то ни было стороны, хотя бы отъ Казанскихъ Татаръ. Но я удивляюсь вѣрѣ мирныхъ публицистовъ Чешскихъ въ эти порожденія воспламененной фантазіи. Да еще какъ серьозно они толкуютъ о нихъ; какъ серьезно, напримѣръ, *Народные Листы* коментируютъ приведенную корреспонденцію *Гонца* изъ Москвы: «О движеніи въ Россіи, говорятъ они, доходили постоянно лишь темныя свѣдѣнія. Теперь однако *Гонецъ* получилъ изъ Москвы *столь опредѣленныя* извѣстія, что *невозможно уже сомнѣваться* въ близкой катастрофѣ въ самомъ средоточіи Русскаго народа».

Чтобы дать вамъ средства судить о томъ, какъ близка катастрофа «въ самомъ средоточіи Русскаго народа», осмѣливаюсь переслать вамъ, милостивый государь, при семъ листы Русскихъ газетъ, въ которыхъ вы найдете нѣсколько заявленій, довольно характеристическихъ въ этомъ отношеніи. Заявленія эти не принадлежатъ какимъ нибудь отдѣльнымъ личностямъ: они принадлежатъ дворянству Московской и другихъ губерній, Московскому и другимъ городскимъ обществамъ, Московскому университету, крестьянамъ и раскольническимъ общинамъ.

Прочтите также слова, произнесенныя, по случаю этихъ заявленій, Русскимъ Государемъ; замѣтьте—къ какимъ разнороднымъ элементамъ Русской земли они были обращены и какъ тѣсно эти элементы, въ заявленіяхъ, на которыя рѣчь Государя была отвѣтомъ, связывались одною общею мыслію. Въ особенности же вникните въ слова, написанныя такъ называемыми раскольниками.

Милостивый Государь! Эти слова русскихъ старообрядцевъ со временемъ, смѣю думать, будутъ памятны всему Славянскому міру болѣе многаго такого, о чемъ теперь трубитъ журналистика ваша, какъ о великихъ историческихъ событіяхъ.

До сихъ поръ въ моемъ отечествѣ, — въ которомъ, вы со мною согласитесь, сосредоточены главныя силы Славянскаго племени,—существовалъ глубокій внутренній разрывъ. Правительство и высшая

часть общества, вслѣдствіе реформъ Петра Великаго, удалились совершенно отъ народныхъ преданій, почти оторвались отъ народнаго духа; съ другой стороны, народъ отстранялъ себя отъ европейской образованности, внесенной реформами Петра Великаго въ сферу правительства и высшаго общества, и это отчужденіе во всей полнотѣ своей выразилось въ старообрядцахъ и другихъ раскольническихъ сектахъ, которыя идеалъ Русской жизни поставляли себѣ въ давно минувшихъ вѣкахъ.

Вы поймете, до какой степени такое состояніе парализовало правильное внутреннее развитіе Русской жизни и въ высшихъ сферахъ и въ народной массѣ.

Многіе думали, что болѣзнь почти неизлечима, что внутренній разрывъ въ нашей жизни долго останется непримиримымъ.

Но исторія приготовила лекарство, примиреніе уже началось. Уничтоженіе крѣпостнаго права, снявшее матеріальную преграду, которая раздѣляла высшій, европейски-образованный слой Русскаго общества отъ Русскаго народа, открываетъ народу возможность подыматься до уровня высшаго общества, не отрекаясь отъ своихъ народныхъ началъ; а высшему обществу — входить въ кругъ народной жизни, не отказываясь отъ европейской образованности.

И посмотрите: едва прошло два года со дня великаго акта 19-го Февраля, и русскіе старообрядцы произнесли слово, неслыханное доселѣ въ землѣ нашей: они сказали преемнику Петра I-го, что они ему, царю-освободителю, преданы сердцемъ своимъ; что въ новизнахъ его царствованія имъ старина наша слышится; что въ немъ они узнаютъ духъ древнихъ Русскихъ царей добродѣтельныхъ. Они засвидѣтельствовали, что ихъ старина можетъ перестать быть непримиримою съ нашею новизною. Они, полагавшіе идеалъ Русской жизни исключительно въ невозвратимомъ прошедшемъ, начинаютъ видѣть его въ будущемъ; они, смотрѣвшіе назадъ, стали съ нами за одно смотрѣть впередъ, прилагаютъ свои силы къ нашимъ силамъ, не только для отраженія внѣшняго врага, но и для внутренняго развитія земли Русской. А такихъ людей у насъ болѣе 10 милліоновъ. Скоро эти 10 милліоновъ сольются съ остальнымъ народомъ Русскимъ въ одну семью, ибо послѣ акта 19 Февраля, совершенное уравненіе между раскольниками и нами, логическое послѣдствіе этого акта, есть уже только вопросъ времени.

Вы видите, милостивый государь, причины, по которымъ я ставлю нѣсколько строкъ, написанныхъ Русскими старообрядцами, въ число историческихъ событій нашего времени, почему простыя выраженія людей, которыхъ у васъ представляютъ себѣ бородатыми

варварами, въ глазахъ моихъ поважнѣе многихъ и многихъ дипломатическихъ нотъ, наполняющихъ газеты толками и комментаріями.

Повторяю: прочтите съ безпристрастнымъ вниманіемъ посылаемыя вамъ мною заявленія, ознаменовавшія у насъ день 17 Апрѣля. Они произведутъ на васъ, не сомнѣваюсь, нѣкоторое впечатлѣніе. Вы увидите, какъ велика разница между понятіями Русскаго народа о его государствѣ и тѣми понятіями, которыя существуютъ въ вашей Чешской средѣ и которыя она вноситъ въ свои сужденія о Россіи. Дѣло въ томъ, что у васъ государство не есть созданіе вашихъ народныхъ силъ, а созданіе вашего правительства. Вы живете въ государствѣ, какъ граждане, но вашъ народъ не выросъ въ немъ и оно не выросло изъ вашего народа. Оно охватываетъ васъ, какъ внѣшняя сила, но не имѣетъ съ вами внутренней органической связи. Вчера у васъ отрѣзали Ломбардію, и вы не чувствовали боли. Завтра хотятъ отнять у васъ Галицію и прирѣзать къ вамъ кусокъ изъ Турціи: для васъ это все равно. У насъ не то. Въ мирное время, вы можете видѣть у насъ самыя противоположныя мнѣнія и партіи по нашимъ внутреннимъ дѣламъ; вы можете услышать у насъ много такого, что̀ вы, въ вашей средѣ, приняли бы за признаки кореннаго антагонизма между государствомъ и народомъ. Но появись только внѣшняя опасность для государства,—и, какъ выразилось Московское дворянство, «всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ отечества», и всѣ будутъ «какъ одинъ человѣкъ»; ибо Русское государство куплено «цѣною крови отцовъ и дѣдовъ» Русскаго народа, ибо «Русскій престолъ и Русская земля не чужое добро ему, а свое кровное»; и въ борьбѣ за неприкосновенность нашихъ предѣловъ «найдется весь народъ Русскій отъ мала до велика, грудью и достояніемъ своимъ отстаивающій цѣлость и неприкосновенность державы Русской».

Милостивый государь! Эта разница между отношеніями нашими и вашими къ государству должна быть понята другими Славянами, если они хотятъ судить о Россіи. По этому, желая, чтобы дѣло сколько-нибудь разъяснилось соплеменникамъ вашимъ, я прошу васъ настоятельно—принять на себя трудъ помѣстить прилагаемыя заявленія Русскихъ людей въ одной изъ Чешскихъ газетъ, преимущественно же въ *Народныхъ Листахъ,* такъ часто ссылающихся на авторитетъ вашего имени. Газета эта находила мѣсто на своихъ столбцахъ для безчисленныхъ и длиннѣйшихъ прокламацій Польскихъ инсургентовъ; редакція ея, когда вы ей скажете: audiatur et altera pars, не можетъ отказать вамъ въ исполненіи моего желанія. Если же, чего я не могу ожидать, послѣдуетъ въ томъ отказъ, то это будетъ свидѣтельствомъ, которое я буду считать вовсе не излишнимъ: ибо во

всякомъ случаѣ намъ весьма полезно разъяснить наши отношенія, знать, въ комъ мы имѣемъ друзей и въ комъ недруговъ; въ особенности же это полезно въ семьѣ одноплеменныхъ народовъ, гдѣ взаимныя сочувствія и антипатіи не обусловливаются однѣми только мимоходными политическими комбинаціями, а имѣютъ свои корни гораздо глубже. Въ настоящемъ же случаѣ я считаю такое разъясненіе даже существенно необходимымъ. Вы знаете, что недавно былъ возбужденъ вопросъ о переселеніи Чеховъ въ Амурскій и Усурійскій край. Вы были въ числѣ первыхъ, отъ которыхъ я слышалъ эту мысль; я первый (если не ошибаюсь), послѣ возвращенія изъ Чехіи въ 1859 году, высказалъ такое предположеніе въ статьѣ, напечатанной въ Иркутской газетѣ *Амуръ*. Теперь уже дѣло подвинулось довольно далеко. Депутаты отъ Чешскихъ переселенцевъ въ Америкѣ осмотрѣли мѣста въ Усурійскомъ краѣ, нашли ихъ удобными и вручили, кажется, проектъ Русскому правительству. Если голосъ современной Чешской журналистики есть дѣйствительно голосъ Чешскаго общества и Чешскаго народа, то я раскаялся бы въ участіи, принятомъ мною въ этомъ дѣлѣ, опасаясь, что на берегахъ Восточнаго Океана зародилась бы новая Польша. Но я надѣюсь, что вы мнѣ дадите такой отвѣтъ, который уничтожитъ всѣ мои опасенія.

Эту надежду подаетъ мнѣ въ особенности дошедшій до меня недавно слухъ, что нѣкоторые изъ передовыхъ людей Чешскаго народа засвидѣтельствовали передъ нѣкоторыми изъ Русскихъ, живущихъ въ Австріи, что они не раздѣляютъ «увлеченій» Чешской журналистики въ Польскомъ вопросѣ и что ея злословіе противъ Россіи и Русскихъ не есть выраженіе общественнаго мнѣнія Чеховъ. Къ сожалѣнію, не знаю, вѣренъ ли этотъ слухъ, и во всякомъ случаѣ, вы понимаете сами, что такое негласное свидѣтельство не можетъ имѣть для насъ никакого значенія въ виду всѣхъ тѣхъ оскорбленій, которыя *гласно*, среди Чешскаго общества, отъ имени Чешскаго общественнаго мнѣнія, наносятся нашему народу и нашему государству. Если эти оскорбленія не выражаютъ вашихъ народныхъ понятій, если они принадлежатъ непризванному меньшинству, то это должно быть заявлено гласно.

Цѣль моя была: обратить искреннею рѣчью ваше вниманіе на неправильное положеніе, которое Чешская журналистика приняла относительно Россіи. Для самой Россіи эта неправильность взгляда не можетъ имѣть никакихъ особенныхъ послѣдствій, но я опасаюсь, что она можетъ принести существенный вредъ вѣрному пониманію славянскаго дѣла въ вашемъ отечествѣ. Лестное вниманіе, въ прежнее время оказывавшееся мнѣ въ Чешской литературѣ, подаетъ мнѣ надежду, что настоящее мое письмо будетъ прочтено въ средѣ вашей

съ благосклоннымъ вниманіемъ и во всякомъ случаѣ принято будетъ за свидѣтельство моего искренняго желанія — принести посильную пользу соплеменникамъ вашимъ.

Примите и проч. [1]).

С.-Петербургъ.
24-го Апрѣля, 1863 года.

[1]) Отвѣтъ Д-ра Ригера, въ видѣ письма въ редакцію газеты „Народные Листы", см. въ газетѣ „День" 1863 г. № 28.

XIV.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

XIV.

Польскій вопросъ [1].

I.

За что борются Русскіе съ Поляками? — Завѣтъ Пушкина. — Отношенія русскаго общества и русской печати (въ Апрѣлѣ 1863 г.) къ Польскому дѣлу. — Обзоръ исторіи борьбы Россіи съ Польшей. — Въ чемъ состоитъ сущность русско-польскаго вопроса? — Литература польская, туземная и эмиграціонная и характеръ ихъ участія въ разрѣшеніи польскаго вопроса. — Поляки и панславизмъ. — Трагическое положеніе современной Польши. — Причины безсилія польскаго дѣла. — Чѣмъ должна кончиться борьба?

За что борются Русскіе съ Поляками? этотъ вопросъ, вѣроятно, не разъ задаютъ себѣ читатели, слѣдящіе за печальною, кровавою распрею между двумя единоплеменными народами; не разъ, вѣроятно, представляется онъ, среди скуки ночнаго караула или послѣ боя, людямъ, которые славянскими руками проливаютъ славянскую кровь и сами ждутъ смерти отъ брата-Славянина.

Спросите Поляка, за что *онъ* борется противъ Русскихъ? Онъ вамъ отвѣтитъ громко и смѣло: «я борюсь за свое отечество и его сво-

[1] Подъ этимъ заглавіемъ здѣсь перепечатываются три статьи, написанныя мною во время послѣдняго Польскаго возстанія и помѣщенныя въ „Русскомъ Инвалидѣ", откуда ихъ заимствовала и газета „День". Первая статья, писанная въ Апрѣлѣ 1863 г., была озаглавлена: „За что борются Русскіе съ Поляками". Вторая, относящаяся къ Іюлю мѣсяцу того же года, имѣла заглавіемъ: „Въ чемъ искать разрѣшенія Польскому вопросу". Третья — подъ заглавіемъ „Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ", писана въ Декабрѣ 1863 г. Статьи эти носятъ на себѣ отпечатокъ той тревожной поры, въ которую онѣ вышли въ свѣтъ, — и мы не сглаживаемъ съ нихъ этого историческаго колорита: мы оставляемъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ явились въ разгаръ борьбы съ Поляками, хотя многое, что въ то время казалось сомнительнымъ, съ тѣхъ поръ окончательно уяснилось, и многое осуществилось, о чемъ въ 1863 году едва дерзали мечтать.

боду, за свою народность и ея независимость». И онъ совершенно искрененъ: онъ дѣйствительно борется за свое отечество и свою народность; и нельзя, — при всей скорби, возбуждаемой этою пагубною распрею, при всемъ справедливомъ гнѣвѣ, внушаемомъ намъ тою страшною ненавистью, какую выказываютъ Поляки къ «*Москалямъ*», тѣми потоками клеветы, которыми они насъ преслѣдуютъ въ Европѣ, — нельзя, говоримъ мы, не воздавать заслуженной дани уваженія и удивленія безпримѣрному самопожертвованію этихъ людей. Исторія, можетъ быть, осудитъ ихъ дѣло; но самопожертвованіе Поляковъ останется въ ней славною, хотя печальною, страницей. И не мы Русскіе, станемъ умалять или чернить клеветою тѣ чувства патріотизма, которыя въ настоящее время заставляютъ польскихъ матерей высылать на вѣрную смерть сыновей своихъ, заставляютъ образованныхъ юношей изъ школъ Кракова и Познани спѣшить на поле битвы, нестройныя толпы шляхты выходить, съ плохимъ оружіемъ, на русскіе штыки и штуцера.

.....«Не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца».

Кажется, русская литература не измѣнила завѣту своего великаго Пушкина; и въ настоящее время, Поляки не могутъ упрекнуть ее въ раздраженіи и злобѣ противъ нихъ. Среди кипящей противъ насъ борьбы, борьбы перенесенной Поляками и во всѣ журналы, во всѣ общественныя собранія образованнаго міра, мы не отвѣчаемъ клеветой на клевету, бранью на ругательства, проклятьемъ на проклятья. Когда мы вдаемся иногда въ полемику, то ограничиваемся опроверженіемъ выдуманнаго или искаженнаго факта, возстановленіемъ въ истинномъ свѣтѣ того, что было, но никогда не отплачиваемъ Полякамъ ихъ монетою. Если у насъ въ послѣднее время одинъ органъ, именно «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи», сталъ вести противъ Поляковъ довольно запальчивую полемику, то не должно забывать, что этотъ «Вѣстникъ» есть исключительно мѣстное явленіе, порожденіе края, въ которомъ Русскіе живутъ въ ежедневномъ столкновеніи съ Поляками и отчасти въ матеріальной отъ нихъ зависимости; а что такое близкое сосѣдство не совсѣмъ располагаетъ въ пользу Поляковъ, тому самымъ неопровержимымъ доказательствомъ служатъ всѣ русскія газеты и брошюры, какія печатаются внѣ предѣловъ нашихъ, въ Галиціи. Кажется, нельзя подозрѣвать, чтобы Галицко-русская печать была въ зависимости отъ Россіи. Напротивъ того, Галицкіе соплеменники наши, въ органахъ своихъ, то и дѣло открещиваются отъ Россіи, потому что Поляки безпрестанно обвиняютъ ихъ передъ Австрійскимъ правительствомъ

въ желаніи передаться *Москалямъ*. А тамъ-то въ Галиціи, внѣ Россіи, русская печать вступаетъ съ Поляками въ такую полемику, какая у насъ, въ литературныхъ органахъ нашихъ, казалась бы невозможною; и вотъ мѣстный Кіевскій журналъ [1]), о которомъ мы упомянули и который рѣшается отвѣчать крупными словами на тѣ невообразимыя для насъ слова, какими разные польскіе органы честятъ Москалей, — этотъ журналъ, повторяемъ, стоитъ совершенно особнякомъ въ нашей литературѣ.

Что же? Неужели намъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчать Полякамъ нечего? Неужели мы боремся только потому, что велѣно, и не знаемъ — за что мы боремся, или не чувствуемъ за собою въ этой борьбѣ никакого права, никакого историческаго призванія и, отъ этого, не смѣемъ поднять голоса, сказать нашего слова?

Это было бы для насъ очень печально. Конечно, для матеріальнаго успѣха войны почти все равно. Воинъ не спрашиваетъ и не можетъ спрашивать, за что, по какому праву, за какую идею онъ борется. Онъ идетъ въ походъ, куда его посылаетъ власть, представительница вооружившей и снарядившей его на службу страны, онъ сражается потому, что это его долгъ.

Но и онъ иной разъ подумаетъ: «за что мы, Русскіе, бьемся?» А еще чаще думаемъ объ этомъ мы, отдаленные зрители борьбы. И на этотъ-то, наталкивающійся на всякаго вопросъ, русская печать слишкомъ скупа отвѣтами.

Мы слышимъ съ разныхъ сторонъ много сѣтованій на это предполагаемое равнодушіе нашей литературы къ русскому дѣлу въ борьбѣ съ Поляками, мы слышимъ много различныхъ объясненій этого явленія.

Одни говорятъ намъ: «это злорадство: наши писатели, вслѣдствіе нелюбви къ правительству, очень рады затрудненіямъ, которыя дѣлаетъ ему Польша». Мы рѣшительно отвергаемъ такое толкованіе, которое было бы слишкомъ оскорбительно для нашей литературы. Люди, взводящіе на нее подобное обвиненіе, забываютъ одно: вѣдь отъ польской войны терпитъ не одно правительство; гораздо больше страждетъ отъ нея народъ. Сколько она стоитъ народу людей, сколько денегъ; какъ разоряются жители края, въ который проникаютъ вооруженныя толпы Поляковъ! А какъ бы наши писатели ни относились къ правительству, ни одинъ изъ нихъ не сознается въ томъ, чтобы онъ не любилъ Русскаго народа.

Другое объясненіе, которое мы тоже не разъ слышали: «русскіе литераторы, чтобы не лишиться имени либераловъ, боятся тронуть

---

[1]) Въ послѣдствіи редакція „Вѣстника" перенесена была въ Вильну.

Поляковъ, которымъ сочувствуетъ либеральная Европа и которые на своемъ знамени пишутъ самыя либеральныя слова: свобода, братство, равенство и проч.». Эта мелкая причина можетъ имѣть вліяніе лишь на нѣкоторыя отдѣльныя мелкія личности и, конечно, не объясняетъ общаго явленія.

Третье объясненіе: «наша русская печать поставлена, внѣшними обстоятельствами, въ такія условія, что ей неловко говорить о вопросѣ, недопускающемъ въ нашихъ предѣлахъ открытой полемики». Этому мы, дѣйствительно, приписываемъ очень важное вліяніе на положеніе дѣла, не входя, впрочемъ, въ дальнѣйшій разборъ приведеннаго объясненія.

Четвертое предположеніе: «многіе писатели дѣйствительно не вполнѣ уяснили себѣ, за что собственно идетъ борьба съ Поляками. Они не вполнѣ убѣждены въ *нашемъ* дѣлѣ, тогда какъ на сторонѣ Поляковъ священныя идеи свободы, отечества, національности». Это, совершенно искреннее и почтенное чувство сомнѣнія и составляетъ, какъ кажется, существенную причину слабаго участія нашей литературы къ польско-русской борьбѣ, и связывается тѣсно съ общимъ фактомъ современной русской жизни: съ слабымъ развитіемъ сознанія нашихъ славянскихъ началъ, историческаго нашего значенія въ Славянскомъ племени.

Много разъ было уже говорено и писано, что только на почвѣ Славянства возможно примиреніе Русскихъ съ Поляками. Мало того, только на почвѣ Славянства опредѣляется самая борьба, раздирающая нынѣ эти два народа, находится отвѣтъ на вопросъ: за что мы боремся? и уясняется намъ, что боремся мы не только потому, что велѣно, не только за права, дарованныя намъ какими нибудь трактатами 1815 года, но за наше вѣковое всеславянское, историческое дѣло.

Пояснимъ нашу мысль.

Корень борьбы Россіи и Польши теряется въ глубинѣ вѣковъ. Зародышъ ея, можно сказать, существовалъ въ Славянскомъ племени уже тогда, когда ни Россія, ни Польша еще не являлись на историческомъ поприщѣ и когда историческая жизнь сосредоточивалась въ другихъ Славянскихъ народахъ, на юго-западѣ. Едва эти народы вступали въ кругъ дѣятельности исторической, передъ ними становился вопросъ: войдутъ ли они органически, всею своею духовною, общественною и политическою жизнію въ составъ старшаго, болѣе образованнаго римско-германскаго міра, или устоятъ на началахъ самостоятельнаго развитія? Вопросъ этотъ предлагался Славянскому племени самою силою исторіи, иначе быть не могло: ибо, съ одной стороны, Славянское племя было такъ молодо, такъ неразвито сравни-

тельно съ крѣпко-организованнымъ міромъ романскаго и нѣмецкаго Запада, что этотъ міръ могъ казаться Славянамъ высшимъ идеаломъ человѣческаго общества и самъ долженъ былъ стремиться захватить въ свой кругъ слабые организмы Славянскихъ народовъ. Но, съ другой стороны, Славянское племя было такъ велико, такъ свѣжо, что въ немъ естественно должна была жить потребность не только внѣшней, но и внутренней самобытности, инстинктъ самостоятельнаго историческаго призванія. На юго-западѣ зачатки свободнаго славянскаго развитія были легко заглушены громаднымъ перевѣсомъ Западнаго міра, и эти народы утратили даже, мало по малу, свою политическую независимость. Жизнь Славянскаго племени сосредоточилась преимущественно въ двухъ народахъ сѣверо-восточной равнины Европейской: въ Польшѣ и Россіи. Польша была ближе къ западу. Западный міръ налеталъ на нее своею завоевательною силою и, въ тяжелой борьбѣ съ Германскою имперіею, Польское племя утратило значительную часть своихъ земель: вся прилегавшая къ Германіи окраина славянская (все поморье Балтійское, вся Польская страна около Одера, Силезія и т. д.) была шагъ за шагомъ отнята и онѣмечена. Но дальше завоеванія матеріальнаго хватала сила завоеванія религіознаго, нравственнаго и общественнаго. Пока западная окраина Польскаго племени дѣлалась добычею Германіи, восточныя его части сосредоточивались въ независимое государство и, спасая этимъ свою славянскую народность, въ то же время проникались всѣми началами Западной жизни. Польскій народъ входилъ всѣмъ своимъ организмомъ въ составъ западно-европейскаго міра. Религіозныя начала католицизма, общественныя начала рыцарства, городская жизнь, цѣликомъ перенесенная изъ Германіи, просвѣщеніе, основанное на преданіяхъ римскаго классицизма, — словомъ, все было принято и органически усвоено Польшею съ Запада. Польша, оставаясь славянскою, сдѣлалась вполнѣ членомъ латино-германской семьи народовъ, единственною славянскою страною, вступившею въ эту семью всецѣло и свободно, не въ силу матеріальнаго завоеванія, а добровольнымъ принятіемъ западно-европейскихъ стихій въ основу своей собственной, славянской жизни. Этотъ органическій процессъ внутренняго совоплощенія Польши съ латино-германскимъ или западно-европейскимъ міромъ составляетъ сущность первой эпохи Польской исторіи; въ XIV вѣкѣ Польша принадлежала уже, всѣми стихіями своими, къ семьѣ западно-европейскихъ народовъ.

Между тѣмъ, Русская земля шла другимъ, несравненно болѣе медленнымъ и тяжелымъ путемъ развитія. Въ первые вѣка историческаго существованія обѣихъ странъ, пока въ Польшѣ еще происходила внутренняя органическая борьба проникавшихъ въ нее Запад-

ныхъ идей съ ея Славянскими преданіями, сама Польша заслоняла Русскую землю отъ непосредственнаго вліянія латино-германской Европы и способствовала тому, что на дальнемъ востокѣ нашемъ могли окрѣпнуть зародыши самобытной славянской жизни: то великая, хотя безсознательная, историческая для насъ заслуга древней Польши, заслуга, которой мы не должны забывать. Религія, принятая Русскою землею, связала ее съ міромъ древняго просвѣщенія, но съ такимъ міромъ, который стоялъ внѣ западно-европейской семьи народовъ; и въ то же время эта религія, по самому своему характеру невмѣшательства въ мірское устройство, не предопредѣляла развитія славянской жизни чужими, внѣ ея опредѣленными началами и формами; подъ ея покровомъ могъ устоять и окрѣпнуть народъ на своихъ славянскихъ основахъ; подъ ея покровомъ, эта часть Славянскаго племени могла сложиться въ народный и государственный организмъ, вполнѣ самобытный во всѣхъ стихіяхъ своей общественной и духовной жизни. Но тяжелъ, какъ сказали мы, и медленъ былъ этотъ историческій ходъ; а уже въ XIV вѣкѣ Польша представляла общество вполнѣ развитое, созрѣвшее подъ вліяніемъ Запада, проникнутое всѣми началами его жизни. Дѣятельность ея должна была обратиться на востокъ, на Русскую землю. Это было неминуемымъ послѣдствіемъ исторіи обѣихъ странъ: ибо коль скоро Польскій народъ всецѣло отдался западно-европейской жизни, коль скоро тѣ идеи, которыя владѣли западнымъ міромъ, идеи католицизма, рыцарства, латинской образованности, вошли въ кровь и плоть Поляковъ и сдѣлались для нихъ высшимъ идеаломъ человѣчества (а эта вѣра живетъ въ Полякахъ до нынѣшняго дня), — то нести этотъ идеалъ, нести католицизмъ, рыцарство, латинскую образованность другимъ Славянамъ, ихъ чуждавшимся, становилось священнымъ завѣтомъ Польскаго народа; и въ этомъ чувствѣ, которое озаряетъ какимъ-то сіяніемъ вѣры самыя темныя, самыя горькія для Русской земли страницы Польской исторіи, находили себѣ оправданіе эгоистическія стремленія какъ цѣлой страны и цѣлыхъ сословій, такъ и отдѣльныхъ лицъ; оно освящало и духъ пропаганды, присущій католическому духовенству, и духъ господства, присущій шляхетскому рыцарству, и народное честолюбіе, и властолюбіе какого нибудь *ходачковаго* [1]) шляхтича, который дома ходилъ въ лаптяхъ, а въ мужицкой странѣ Русской выступалъ знатнымъ бариномъ. Сама же Русь, съ своей стороны, могла только способствовать, въ то время, укорененію въ Полякахъ вѣры въ призваніе быть ея просвѣтителями и властелинами.

---

[1]) *Ходачковою* называлась бѣдная, носившая лапти, шляхта, въ Польскихъ земляхъ, особенно въ Великой Польшѣ и Мазовіи.

Дѣло было въ XIV, въ XV вѣкѣ: что̀ представляла Полякамъ тогдашняя Русь? — страну глубокаго невѣжества, съ едва начинающимися зачатками государственной организаціи, въ одной половинѣ своей подчиненную дикимъ язычникамъ Литовскимъ, въ другой — раболѣпствующую передъ ханомъ Татарской орды. Сама исторія какъ будто приглашала Поляковъ въ эти обширные края вѣстниками высшей цивилизаціи, высшей жизни общественной и духовной . . . .

Всякій, кто вникалъ въ существенныя черты Польской исторіи, въ сущность отношеній старой Польши къ Русской землѣ, согласится, что мы не объясняемъ произвольно этихъ отношеній. Такъ понимаютъ ихъ сами историки польскіе. Сошлюсь на одного изъ нихъ, на талантливѣйшаго изъ польскихъ историковъ г. Шайноху, который слѣдущими словами опредѣляетъ характеръ Польской исторіи, съ самого ея начала: «Токъ жизненныхъ силъ этого великаго тѣла стремился отъ запада къ востоку. Эти двѣ противоположныя стороны были двумя полюсами Польши со временъ Мечислава и въ послѣдующіе вѣка; западъ—ея воспріемлющимъ полюсомъ, которымъ проникало въ нее организаціонное вліяніе остальнаго цивилизованнаго міра; востокъ—полюсомъ дѣйствующимъ, гдѣ это усвоенное внутреннимъ процессомъ чужое вліяніе воздѣйствовало самостоятельно на дальнѣйшемъ, въ началѣ не имѣвшемъ еще опредѣленныхъ очертаній, поприщѣ историческомъ. Проникновеніе этимъ органическимъ вліяніемъ было, очевидно, начальною, первою эпохою этой дѣятельности; распространеніе того же вліянія на дальнѣйшіе края — позднѣйшею, второю» [1]).

Кажется, взглядъ замѣчательнѣйшаго изъ современныхъ польскихъ историковъ какъ нельзя болѣе оправдываетъ нашу характеристику. Теперь позволю себѣ привести изъ книги того же писателя другое мѣсто, въ которомъ выкажется, какъ этотъ совершенно тожественный взглядъ можетъ вести къ противоположнымъ понятіямъ. Г. Шайноха, приступая къ разсказу о первомъ историческомъ столкновеніи Польши и Руси при Болеславѣ Храбромъ, упоминаетъ о свадьбѣ дочери Польскаго государя съ Владиміровымъ сыномъ Святополкомъ, который, вслѣдствіе этого, едва ли не первый на Руси, подвергся вліянію польско-латинскому (это тотъ самый Святополкъ, котораго наша древность прозвала *окаяннымъ*: черта замѣчательная!). Вотъ слова г. Шайнохи: «Вслѣдствіе прирожденной Польшѣ и Руси противоположности духовной, обусловленной ихъ различнымъ положеніемъ между двумя мірами, западнымъ и восточнымъ, и всею ихъ первоначальною исторіей, брачный союзъ восточнаго великаго князя

---

[1]) Bolesław Chrobry стр. 11.

съ западною княжною не могъ не получить прозелитическаго характера. И какъ не востокъ имѣлъ на западъ, а западъ на востокъ цивилизующее вліяніе, то не изъ Руси, а изъ Польши выходила эта невольная дѣятельность необходимаго прозелитизма. И вотъ, вмѣстѣ съ дочерью Болеслава, пріѣзжаетъ на Русь, именно въ столицу Святополка въ землю Туровскую, отъ Болеслава епископъ Рейнбернъ, и вмѣстѣ съ польскою женою и польскимъ епископомъ, Святополкъ принимаетъ, первый въ этихъ краяхъ, сѣмена западной образованности, которая заключалась въ ту пору всецѣло въ религіозномъ обрядѣ запада, такъ явно соединенномъ съ вліяніемъ Польши, что все это западное вѣроисповѣданіе получило на востокѣ названіе польскаго и слова «Полякъ» и «послѣдователь западнаго обряда» значили то же самое. А это религіозное вліяніе было также важно, какъ велика была разница между исповѣданіемъ запада и востока. Разницы этой нельзя искать только въ позднѣйшихъ временахъ раздѣленія этихъ церквей, но въ самомъ началѣ христіанства, въ совершенно различномъ ихъ положеніи, и, потому самому, развитіи. Церковь Восточная подчинилась преобладанію свѣтской власти, сперва Византійскихъ императоровъ, потомъ государей каждой отдѣльно страны и, наконецъ, нашла въ этихъ государяхъ свое средоточіе, свое начальство и, утонувъ въ сліяніи, такъ сказать, съ свѣтскою властію, утратила свою нравственную силу, сдѣлалась орудіемъ свѣтскихъ цѣлей» (въ этихъ словахъ г. Шайнохи отражается общій взглядъ Поляка и западнаго человѣка, смѣшивающій церковь съ іерархіей и принимающій невмѣшательство въ политическія дѣла за роболѣпство). «Напротивъ того, церковь Западная, которой, именно въ эпоху появленія Польши и Руси на историческомъ поприщѣ, грозила такая же участь неволи передъ свѣтскою властію, успѣла освободиться отъ этого вещественнаго ярма, вооружила духъ противъ плоти и, вызвавъ исполинскую войну власти духовной, папской, противъ свѣтской власти Германскихъ императоровъ, — это самое величественное зрѣлище всемірной исторіи,—вызвала, дальнѣйшими послѣдствіями этой войны, нынѣшнее западно-европейское просвѣщеніе, у котораго весь восточно-христіанскій міръ не смѣетъ еще оспаривать превосходства» [1]).

Послѣднія слова польскаго историка наводятъ насъ на то, въ чемъ именно заключается сущность русско-польскаго вопроса.

Если Западная жизнь, со всѣми ея стихіями, религіозными и общественными, есть дѣйствительно высшій идеалъ человѣчества; если Славянское племя призвано войти всѣмъ своимъ организмомъ въ со-

[1]) Тамъ же, стр. 176.

ставъ латино-германскаго міра; если оно, пока не сольется съ нимъ внутреннею жизнію, должно оставаться жертвою мрака и зла, — то польское дѣло есть, очевидно, дѣло исторически-правое; польская пропаганда должна быть признана благодѣтельницею славянскаго народа, еще чуждаго Западной жизни, и исторія не можетъ не дать окончательно торжества Польшѣ и польскимъ идеямъ во всемъ Славянскомъ мірѣ.

Такъ думали и думаютъ большая часть Поляковъ. Это убѣжденіе и эта надежда присущи почти всѣмъ польскимъ мыслителямъ; они вдохновляютъ и въ настоящее время большинство двигателей польскихъ.

Г. Шайноха не высказывается положительно; онъ сомнѣвается. Польша, говоритъ онъ, пріобщилась къ западно-европейскому просвѣщенію, у котораго весь восточно-христіанскій міръ *еще* не смѣетъ оспаривать превосходства: такова нерѣшительная фраза польскаго историка.

А что, если онъ когда нибудь станетъ его оспаривать? Что, если Славянское племя должно и дѣйствительно имѣетъ силу стремиться не къ подчиненію стихіямъ латино-германской Европы, а напротивъ — къ внутренной самобытности? Что, если темная масса Русскаго народа оказалась убѣжищемъ и хранительницею возможной, духовной и общественной, самобытности Славянскаго племени? Какъ представилось бы въ такомъ случаѣ историческое дѣло Польши?

Въ такомъ случаѣ мы (не обвиняя, разумѣется, въ частности ни прежнихъ поколѣній польскихъ, ни Поляковъ, современниковъ нашихъ, ибо это невольный плодъ исторической судьбы), мы сказали бы, что Польша совершила историческую измѣну славянскому дѣлу, что, въ прошедшемъ, казавшееся столь близкимъ торжество польскаго владычества въ Русской землѣ убило бы всю будущность Славянскаго племени и что, въ настоящемъ, Поляки, вооружающіеся во имя преданій своей прежней исторіи противъ Русской земли, тѣмъ самымъ ратуютъ противъ исторической будущности Славянскаго міра.

И таковъ именно *нашъ* взглядъ на эту борьбу...

Но впрочемъ, кому что за дѣло до нашего взгляда? Исторія представляетъ факты, ея логика сильнѣе нашихъ теоретическихъ выводовъ.

Когда Польша въ XIV вѣкѣ кончила первый фазисъ своего развитія, фазисъ внутренняго органическаго сліянія своего съ латиногерманскою Европою и могла обратиться на русскій востокъ съ пропагандою воспринятыхъ ея началъ, невѣроятные успѣхи сопровождали первые шаги ея. Русская земля влеклась, такъ сказать, сама къ свѣту цивилизаціи, къ развитому общественному строю, съ которымъ выступала Польша. Почти безъ насилія земля Галицкая при-

соединилась къ ней при Казимірѣ Великомъ. Это было первымъ шагомъ къ нравственному завоеванію Поляками Русскихъ земель. Примѣръ Галиціи возбудилъ въ Полякахъ сознаніе той будущности, которая открывалась имъ на славянскомъ востокѣ, и, руководимые этимъ сознаніемъ, магнаты польскіе нарочно, почти насильственно [1]) навязали наслѣдницѣ Польскаго престола бракъ съ великимъ княземъ Литовскимъ Ягеллою, властелиномъ всей западной половины Русскихъ земель. Вліяніе польское вдругъ распространилось до Смоленска, до Кіева, до Новгородъ-Сѣверска и Брянска; и этотъ союзъ, еще сомнительный при Ягеллѣ, скрѣплялся все тѣснѣе и тѣснѣе съ каждымъ поколѣніемъ, и при внукѣ Ягелла самъ Великій Новгородъ едва не присоединился къ этимъ мирнымъ завоеваніямъ, которыя доставляло Польшѣ превосходство ея образованности, ея аристократической организаціи надъ невѣжествомъ и безсознательностью Русской земли.

Но внутреннія, живыя, хотя безсознательныя славянскія начала не поддавались стихіямъ польской жизни. Русская народность, особенно въ дѣлахъ вѣры, стала подымать голову противъ польскихъ началъ. Въ XVI вѣкѣ Польшѣ приходится уже полунасиліемъ упрочивать свое господство надъ русскимъ народомъ. Полунасиліемъ заставляетъ она литовско-русскія области окончательно соединиться съ нею въ одно государство (Люблинская унія 1569 года); полунасиліемъ заставляетъ она русскихъ людей подписать церковную унію съ Римомъ (Брестская унія 1595 года) и насильственно вводитъ эту унію. Наконецъ, полное торжество Польши надъ русско-славянскимъ міромъ кажется достигнутымъ: польское знамя водружено въ Москвѣ, вся восточная Русь должна подчиниться пропагандѣ польской цивилизаціи.

Но тутъ-то совершился великій историческій переломъ, рѣшившій судьбу Славянскаго міра. Народъ восточной Руси не призналъ превосходства польской цивилизаціи и захотѣлъ остаться при своихъ началахъ жизни: на столько развилось уже въ Русской землѣ сознаніе ея внутренней самобытности.

Изгнаніе Поляковъ изъ Московскаго государства было первымъ шагомъ въ этомъ новомъ историческомъ періодѣ: Русская земля полагала въ себѣ предѣлъ распространенію польскихъ началъ. Возстаніе Малороссіи было вторымъ шагомъ: Русская земля заявляла потребность освободиться отъ нихъ и тамъ, гдѣ они уже водворились. Третьимъ шагомъ была реформа Петра I, которая имѣла въ русско-польскомъ вопросѣ то огромное значеніе, что она отняла у польской пропаганды на Руси разумную цѣль, что она упразднила, такъ ска-

---

[1]) Это вполнѣ доказано польскимъ историкомъ г. Шайнохою, въ его превосходной книгѣ „Jadwiga i Jagiełło".

зать, историческую задачу Польши въ отношеніи къ Русской землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, два прежнихъ великихъ факта: освобожденіе Москвы и возстаніе Малороссіи, доказали только, что Русская земля предпочитаетъ свою религіозную и общественную самостоятельность западно-европейскимъ стихіямъ католической и шляхетской Польши; но на сторонѣ Польши оставалось еще одно огромное преимущество, одно сильное орудіе преобладанія — образованность и наука, принятыя Польшею отъ Западнаго міра вмѣстѣ съ его религіозными и общественными началами. Пока Польша была образована, а Россія невѣжественна, вопросъ еще былъ сомнителенъ, какой сторонѣ принадлежитъ будущность въ Славянскомъ мірѣ: образованной ли славянской землѣ, но отказавшейся отъ внутренней самобытности, или землѣ, съ задатками самобытнаго развитія, но коснѣющей въ невѣжествѣ?

При Петрѣ Великомъ Русская земля окрѣпла уже до такой степени, что для нея сдѣлалось возможнымъ принять западную науку и образованность, не отказываясь не только отъ своей внѣшней независимости, но и отъ внутренней самобытности своей жизни (мы не говоримъ, разумѣется, объ отдѣльныхъ увлеченіяхъ западными идеями и формами, увлеченіяхъ, которыя такъ сильно дѣйствуютъ и донынѣ и значенія которыхъ въ русско-польскомъ вопросѣ мы еще коснемся; но общій историческій смыслъ и окончательный результатъ Петровской реформы именно таковъ). — Русская земля воспользовалась плодами западной цивилизаціи, и съ этимъ не вошла, подобно Польшѣ, въ составъ латино-германскаго міра, не потеряла началъ своего самобытнаго славянскаго развитія. Дѣло Польши въ русскомъ мірѣ, какъ сказано, устранялось реформою Петра Великаго, и замѣтьте, какъ ясно засвидѣтельствовала о томъ сама исторія. Петръ былъ первый изъ Русскихъ царей, который ни разу не воевалъ съ Польшею, и первый, который хозяйничалъ въ ней, какъ у себя дома: такъ безсильна стала Польша передъ Россіею, какъ скоро Россія овладѣла сама послѣднимъ орудіемъ ея прежняго обаянія — западною образованностью.

Весь XVIII вѣкъ былъ эпохою разложенія государственнаго зданія старой Польши. Обширныя Русскія области, которыя она въ XIV и XV вѣкѣ притянула къ себѣ своимъ тогдашнимъ нравственнымъ и общественнымъ перевѣсомъ надъ Русью, всѣ эти области (за исключеніемъ лишь Галиціи) возвратились въ составъ Русскаго государства, опять-таки почти безъ насилія (ибо если и было сопротивленіе, то лишь въ разныхъ мѣстахъ со стороны польской шляхты, а не со стороны туземнаго населенія). Польская земля, т. е. земля, населенная Поляками, старая земля Казиміра Великаго, очутилась

какимъ-то жалкимъ обрубкомъ среди сложившихся вокругъ ея государствъ, похожая на человѣка, котораго весь жизненный подвигъ оказался несостоятельнымъ и который, потерявши все, остается безпріютнымъ и сирымъ среди новыхъ лицъ, новыхъ потребностей. Это чувство безпріютности и сиротства составляетъ, безспорно, самую характеристическую черту Польскаго народа въ эпоху, начавшуюся для него съ конца XVIII вѣка. Оно можетъ пройти только тогда, когда Польша дѣйствительно сознаетъ несостоятельность своего прежняго историческаго стремленія — властвовать во имя Западныхъ началъ въ Славянскомъ мірѣ, когда она сама сдѣлается славянскою по духу. Но всякій пойметъ, какъ тяжелъ долженъ быть такой подвигъ самоотреченія, сколько нужно для него времени и разочарованій. И надобно сказать, что совершеніе этого подвига зависѣть будетъ не только непосредственно отъ Польши, но и отъ самой Россіи. Россія одна въ состояніи, органическимъ развитіемъ славянскаго духа, положить рѣшительный конецъ старымъ преданіямъ и надеждамъ польской пропаганды, іезуитской и шляхетской; и тогда только въ Полякахъ можетъ возникнуть потребность новой дѣятельности, дружной съ Русскимъ народомъ, направленной къ общему благу Славянства. Но сама Россія, принимая богатства западной образованности, также, въ увлеченіи западною жизнію, забывала свои славянскія начала. Увлеченія эти, правда, были только частныя, ограничивавшіяся верхними слоями общества; славянскія начала не уступили въ Россіи, какъ въ Польшѣ, мѣсто латино-германскимъ стихіямъ; славянскій духъ уцѣлѣлъ въ Россіи, и по мѣрѣ подъема народныхъ силъ, нынѣ освобожденныхъ отъ узъ неволи, онъ неминуемо будетъ развиваться все болѣе и болѣе. Однако увлеченіями своими къ западнымъ началамъ жизни, Россія, по самой природѣ вещей, способствовала поддержанію въ Полякахъ ихъ старыхъ преданій и понятій; всякое уклоненіе Россіи отъ самобытной почвы славянской въ область западныхъ стихій давало и даетъ пищу старому польскому духу. Такимъ образомъ Россія, которая при Екатеринѣ II окончательно развила у себя крѣпостное право и довела его до послѣднихъ крайностей, Россія примѣнила этотъ самый принципъ, совершенно чуждый славянскимъ понятіямъ, подарокъ Запада Славянскому племени, къ землямъ, пріобрѣтеннымъ при раздѣлахъ Польши. Вмѣсто того, чтобы уничтожить тамъ это насажденіе Польши, она его признала и узаконила: она узаконивала тѣмъ самымъ гражданское владычество польскаго шляхетскаго меньшинства надъ милліонами русскаго народа. И неудивительно, что Поляки продолжали считать себя господами въ этомъ пространномъ русскомъ краѣ, что они не теряли надежды возстановить въ немъ и политическое свое владычество, возвратить въ бу-

дущемъ Польшѣ области по Днѣпръ и Двину, т. е. весь тотъ край, въ которомъ они сохраняли гражданскую власть въ силу крѣпостнаго права, утверженнаго за ними Екатерининскимъ законодательствомъ.

Увлеченіе Западомъ, и потому самому уступчивость наша старымъ польскимъ идеямъ, достигли своего апогея при императорѣ Александрѣ I, воспитанникѣ Лагарпа, другѣ Чарторижскаго. Извѣстно, что его русскіе подданные даже сѣтовали на него за предпочтеніе, которое онъ оказывалъ Полякамъ. Объ этомъ знаютъ люди, помнящіе ту эпоху, объ этомъ говорятъ самыя вѣрныя письменныя свидѣтельства. Императоръ Александръ I сочувствовалъ аристократическому духу Поляковъ; онъ восхищался ихъ рыцарскимъ характеромъ, и не находилъ ни этого аристократическаго характера, ни этого рыцарства въ Русскомъ народѣ. Занявъ, послѣ пораженія Французовъ въ 1812 году, правомъ завоевателя, Варшавское герцогство, т. е. Польшу въ собственномъ смыслѣ, землю Польскаго народа, Русскій государь рѣшился возстановить Польское королевство съ полною гражданскою и даже военною автономіею, и онъ исполнилъ это вопреки сильнѣйшему противодѣйствію главныхъ европейскихъ державъ. Не только континентальныя державы всѣми силами старались на Вѣнскомъ конгрессѣ отклонить Александра Павловича отъ этого намѣренія, даже Англія убѣждала его «обратить Польшу въ простыя русскія губерніи». Кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею европейской дипломаціи 1814 и 1815 годовъ, тому извѣстны всѣ эти, кажущіеся для насъ теперь столь странными, факты. Извѣстно также, что императоръ Александръ, выведенный изъ терпѣнія препятствіями, какія воздвигались Европою противъ его мысли о возстановленіи Польши, былъ готовъ объявить за это войну своимъ союзникамъ, что манифестъ и воззваніе къ Польскому народу были уже написаны, и что только полученное въ то время извѣстіе о высадкѣ Наполеона устранило эту войну. Извѣстно, что въ рѣчи, при открытіи въ Варшавѣ сейма, Поляки были выставлены передъ Россіею какъ образецъ, къ которому ей слѣдовало стремиться. Извѣстно, наконецъ, что при Александрѣ Павловичѣ правительство дало въ западныхъ губерніяхъ такой просторъ и оказывало такое покровительство польской стихіи, что значительная часть тамошняго мѣстнаго русскаго дворянства именно въ это время перешла въ католицизмъ и приняла польскую народность.

При такихъ условіяхъ въ самой Россіи, весьма естественно, что Поляки не теряли надежды, что того и гляди западная половина имперіи отдана будетъ Польшѣ, и отечество ихъ явится снова одною изъ первостепенныхъ державъ Европы. Но надежды эти не сбыва-

лись. Императоръ Александръ I, при всемъ своемъ сердечномъ влеченіи къ Полякамъ, не могъ измѣнить долгу Русскаго государя, не могъ отдать имъ полъ-Россіи; еще менѣе возможно было ожидать этого отъ его преемника. Тогда Поляки поднялись, чтобы взять силою то, чего они прежде ожидали отъ нравственнаго вліянія своего, отъ вліянія западныхъ идей на Русское правительство.

Всякій, кому сколько нибудь знакома исторія того времени, понимаетъ, что обвиненіе въ нарушеніи конституціи, данной Польшѣ Александромъ Павловичемъ, было только оффиціальнымъ предлогомъ революціи 1830 года, фразою для прокламацій и европейской печати, а что дѣйствительною цѣлію возстанія было—возстановить Польшу въ ея прежнемъ господствѣ надъ западными русскими областями, дѣйствительнымъ поводомъ — надежда легче достигнуть этого при тогдашнемъ замѣшательствѣ европейскихъ дѣлъ. Прочтите любой памятникъ польскій, принадлежащій стану инсургентовъ 1830 и 1831 годовъ, и вы въ томъ убѣдитесь; а чтобы показать, какъ крѣпко укоренилась эта мысль въ тогдашнихъ Полякахъ, я приведу слѣдующій фактъ, который знаю отъ очевидца. Когда въ 1831 году Русскія войска стали подъ Варшавой и готовились брать штурмомъ послѣднее убѣжище Поляковъ, Вольское укрѣпленіе, фельдмаршалъ Паскевичъ пригласилъ командовавшаго Поляками генерала Круковецкаго на свиданіе для переговоровъ. Дальнѣйшая защита была уже очевидною невозможностью, и фельдмаршалъ считалъ нужнымъ спросить Круковецкаго объ условіяхъ, на которыхъ онъ думалъ прекратить безполезное кровопролитіе. И что же? Польскій генералъ объявилъ, что единственное условіе капитуляціи, это—возстановленіе Польскаго государства въ границахъ 1772 года, съ Бѣлоруссіей, Литвою и Украйной!

Катастрофа 1831 года не ослабила этихъ надеждъ. Напротивъ того, онѣ еще сильнѣе воспламенились, вслѣдствіе образовавшейся тогда польской эмиграціи, которая, будучи оторвана отъ почвы дѣйствительности, отъ народа и его живыхъ силъ, вся предалась обаянію фантазіи. Надобно помнить, что польская эмиграція была чрезвычайно многочисленна, что она состояла изъ десятковъ тысячъ людей, все болѣе или менѣе лицъ образованныхъ, считала въ своихъ рядахъ политическія знаменитости, какъ князя Адама Чарторижскаго, поэтовъ, какъ геніальнаго Мицкевича, ученыхъ, какъ Лелевеля и мн. др., — и это объяснитъ намъ ея громадное вліяніе на страну. Она имѣла свою исторію; она имѣла свою литературу, откликалась на вопросы текущаго дня и всему, что относилось, посредственно или непосредственно, къ Польшѣ, придавала тотъ фантастическій колоритъ, который можно понять и должно извинить потому только, что это было именно плодомъ эмиграціи, плодомъ общества, поставлен-

наго внѣ всякой жизненной дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, между 1830 и 1848 годами стала все болѣе и болѣе развиваться идея славянской народности и славянскаго братства. Какой же видъ приняла эта идея въ литературѣ польской эмиграціи? Во-первыхъ, Русскихъ пришлось исключить изъ славянской семьи, изъ славянскаго братства: *Москали* были признаны Финнами, Татарами, Монголами, смѣсью какихъ угодно племенъ, но только не Славянами. Однако эти *Москали* заняли въ славянскомъ мірѣ весьма замѣтное мѣсто, котораго отрицать было невозможно. Вслѣдствіе того, создалась въ польской эмиграціи особая историко-мистическая теорія; славянскій міръ былъ раздѣленъ на двѣ враждующія противоположности, на міръ добра и свободы, представительницею котораго служила Польша, и на міръ рабства и зла, воплощенный въ Россіи (см. курсъ Мицкевича о Славянской литературѣ, книгу Мѣрославскаго «de la nationalité polonaise dans l'équilibre européen» и множество другихъ произведеній эмиграціи). Стòило ступить шагъ далѣе, и эта историко-мистическая теорія прямо переходила въ новую религію. И дѣйствительно, Мицкевичъ, который въ началѣ своихъ курсовъ о Славянской литературѣ развивалъ эту систему дуализма Польши и Россіи,—въ концѣ тѣхъ же курсовъ выступилъ открыто какъ проповѣдникъ мессіанизма, новой вѣры, откровеніе которой онъ получилъ отъ извѣстнаго Товіанскаго и которой онъ далъ санкцію своего великаго имени. Сущность этой религіи состояла въ томъ, что Польскій народъ есть новый Мессія, посланный для искупленія всего рода человѣческаго, что онъ, какъ Мессія, страдалъ, былъ распятъ и погребенъ, и воскреснетъ, и одолѣетъ духъ мрака, воплощенный преимущественно въ Россіи, и принесетъ съ собою всему человѣчеству царство свободы и блаженства. Мессіанизмъ, развившійся въ 1842—1844 годахъ, возбудилъ противъ себя протесты самого католическаго духовенства и не могъ долго удержаться даже въ средѣ польской эмиграціи: но онъ важенъ, какъ самый яркій признакъ того умственнаго состоянія, до котораго могли дойти эти люди. — Однако и послѣ паденія мессіанизма, характеръ эмиграціонной литературы не измѣнился. Западно-европейскій демократизмъ былъ внесенъ въ нее и примѣненъ къ Польшѣ, къ Славянскому племени. Но и демократическій духъ въ этой сферѣ оставался также чуждъ народнымъ началамъ славянскимъ, какъ аристократическій духъ старой, шляхетской Польши, державшійся упорно въ одной партіи между эмигрантами. Польскій демократизмъ оставался произведеніемъ Западныхъ понятій, идеею, діаметрально противоположною славянской общинѣ, этой демократической основѣ кореннаго славянскаго быта, замѣняя славянскую общину завистливымъ равенствомъ не связанной никакимъ внутреннимъ союзомъ толпы. Но

какъ же отзовется этотъ принципъ равенства и демократіи на вопросъ о западно-русскихъ областяхъ, стольщекотливый для него, ибо Польша можетъ имѣть притязаніе на нихъ только во имя аристократическаго, пришлаго меньшинства надъ массами туземнаго народа? Отвѣтъ эмиграціи слѣдующій: Русскаго народа нѣтъ, это миѳъ; есть Москали, но они (какъ приведено уже выше) не Славяне, не Русскіе, и Русскими стали именоваться только по указу императрицы Екатерины II; народонаселеніе же въ западныхъ губерніяхъ Россіи и Галиціи — *Русины* или *Рутены,* вѣтвь Польскаго племени, говорящая польскимъ нарѣчіемъ, такъ что даже преподобный Несторъ былъ польскій лѣтописецъ. Все это читатели найдутъ буквально въ цѣлой массѣ произведеній польской эмиграціонной литературы; въ доказательство, что я не преувеличиваю, приведу только первую страницу длиннаго вступленія г. Рыкачевскаго къ его французскому переводу Лелевелевой «Исторіи Литвы и Руси до ихъ окончательнаго соединенія съ Польшею въ 1569 г.» Цѣль этого вступленія, по словамъ автора, «доказать, что то, что̀ называютъ Россія, есть лишь выдумка, безсмыслица, новое наименованіе, отвергаемое исторіей». «Нынѣшняя Россія, продолжаетъ польскій писатель, — «за исключеніемъ областей, занятыхъ въ 1772, 1793 и 1795 годахъ, равно какъ и тѣхъ, которыя захвачены были въ XVII вѣкѣ, областей, которыя всѣ принадлежатъ польской народности, есть ни что иное, какъ Московія, страна неславянская, народности азіятской и варварской, объявленная въ XVIII столѣтіи европейскимъ государствомъ, объявленная принадлежащею къ славянской народности по указу, созданію абсолютной власти одной царицы. Россія носитъ имя, ей непринадлежащее; она славянская по тому же праву, какъ Австрія. Московія, основанная въ XII вѣкѣ, въ противоположность и изъ ненависти къ духу славянскому или лучше сказать, польскому, возвысилась раздѣломъ славянскихъ земель, уничтоженіемъ ихъ народности. Нынѣшняя Россія есть наибольшая противоположность славянскимъ идеямъ, въ особенности же идеямъ и вѣрованіямъ польскимъ. Что̀ Польша утверждаетъ, то отрицаетъ Россія. Это наименованіе *Россія* ничего не обозначаетъ. Это есть выраженіе чисто дипломатическое. Народность русская также мало представляетъ дѣйствительна. Существуетъ народность московская, — славянская, если вы непремѣнно этого хотите, но весьма слабая, неимѣющая въ себѣ ничего серьезнаго, и только внѣшняя, кажущаяся. Что же касается до души, до идеи славянской, то она еще не родилась. Достаточно ли выражаться по-французски для того, чтобы принадлежать къ французской народности? Русскіе употребляютъ славянскій языкъ, который они усвоили себѣ въ XII вѣкѣ, исказивъ

его. Но какія идеи, какія вѣрованія у нихъ общія съ Славянами, и въ особенности съ Польшею? Никакія...» [1])

Любопытно видѣть, какъ и въ этомъ хаосѣ просвѣчиваетъ сознаніе внутренней противоположности началъ русскихъ съ польскими.

Мы просимъ нашихъ читателей не смѣшивать всей этой эмиграціонной литературы съ произведеніями польскихъ писателей въ Варшавѣ, Познани и Львовѣ, въ Вильнѣ и Петербургѣ. Здѣсь, въ сферѣ жизни дѣйствительной, въ соприкосновеніи съ народною почвою, польскою или русскою, не могло возникнуть ничего подобнаго. Среди живой дѣйствительности производила и живыя, основанныя на сознаніи дѣйствительныхъ фактовъ, явленія; она произвела глубокоученые труды Мацѣевскаго, она произвела добросовѣстную исторію Морачевскаго, она произвела превосходныя историческія монографіи Шайнохи и множество другихъ замѣчательныхъ сочиненій. Съ этими писателями можно во многомъ не соглашаться, можно часто (особенно у Шайнохи) видѣть нѣкоторую односторонность и увлеченіе во взглядѣ, однако чувствуешь, что тутъ находишься совсѣмъ въ другомъ мірѣ, чѣмъ въ литературѣ польской эмиграціи.

Но въ послѣдніе годы и еще въ настоящее время, слово остается не за живою, туземною, такъ сказать, литературою польскою, а за литературою эмиграціонною. Мы сами отчасти извѣдываемъ на опытѣ, какъ велико можетъ быть умственное вліяніе эмиграціи, даже самой немногочисленной. Представимъ же себѣ, какое вліяніе на цѣлыя сферы общества должна была имѣть эмиграція польская, считающая тысячами своихъ членовъ, располагающая огромными денежными источниками, связанная безчисленными нравственными узами съ родиною и дѣйствующая на страну, которую историческая судьба поставила подъ власть иноземцевъ. Вспомнимъ, что дѣйствіе это продолжается уже тридцать слишкомъ лѣтъ, и, составивъ себѣ по приведеннымъ образчикамъ очеркъ идей, вырабатываемыхъ и распространяемыхъ этою эмиграціею, посудимъ о томъ, какое нервическое раздраженіе, какія фантастическія понятія должны были овладѣть значительною частію польскаго общества.

Прибавимъ ко всему этому, что сила исторіи требуетъ отъ Поляковъ, въ отношеніи къ Русской землѣ, жертвы дѣйствительно тяжелой, одной изъ самыхъ тяжелыхъ жертвъ, какая когда либо требовалась отъ человѣческаго общества безпощадною властію историческаго развитія. Небольшой народъ Польскій, воспитанный въ принципахъ католицизма и аристократіи, во имя этихъ принциповъ прі-

[1]) Histoire de la Lithuanie et de la Ruthénie jusqu'à leur union définitive avec la Pologne conclue à Lublin en 1569, par Joachim Lelewel, traduit par E. Rykaczewski, avec les notes du traducteur. Paris et Leipzig 1861. Introd. pag. V et VI.

обрѣлъ господство надъ огромнымъ пространствомъ славянскихъ земель, населенныхъ народомъ другаго нарѣчія, другой вѣры, другихъ началъ общественныхъ. Нѣсколько столѣтій наслаждался онъ этимъ господствомъ; онъ привыкъ считать его законнымъ и вѣчнымъ, потому что католицизмъ твердилъ ему, что римская церковь одна властна надъ міромъ, одна источникъ спасенія для души человѣческой, что вѣра подвластнаго народа есть вѣра холопская; аристократическій принципъ твердилъ ему, что Польша, по праву своей шляхты, закрѣпила за собою безспорнымъ владѣніемъ эти прекрасныя русскія и литовскія земли; народная гордость, воспитанная католицизмомъ, аристократическимъ духомъ и прошлымъ господствомъ, твердила, что польская нація дѣйствительно призвана къ такому владычеству, и оправдывала это владычество чувствомъ презрѣнія къ подчиненному племени. И что же? Вдругъ на дальнемъ горизонтѣ востока является недуманно-негаданно какая-то чуждая сила: это Москва, бившая челомъ предъ Татарскимъ ханомъ, исповѣдующая ту же вѣру, какъ бѣлорусскій и украинскій *хлопъ*, незнающая шляхетскаго *гонору*, и по всему этому также презираемая, какъ западно-русское простонародье. И эта Москва мало-по-малу развѣнчиваетъ Польскую націю, забираетъ всѣ ея области. И теперь сила историческаго развитія требуетъ, чтобы Полякъ отказался отъ мысли властвовать надъ Русскимъ народомъ, чтобы онъ, шляхтичъ и католикъ, призналъ себя гостемъ, терпимымъ по милости, въ странѣ, гдѣ предки его были хозяевами, чтобы онъ призналъ тамъ первенство и прирожденное право господства за мужицкою народностью, за мужицкою вѣрою. Поймите всю тягость этой требуемой жертвы, поймите, что съ этимъ поставленъ вопросъ: быть ли Полякамъ—небольшимъ 5-ти или 6-ти милліоннымъ народомъ или властителями значительной части европейскаго материка, и вы поймете, за что собственно идетъ современная намъ борьба.

Борьба эта есть результатъ (и, будемъ надѣяться, приготовленіе къ исходу) всей прежней исторіи, привившей славянскую Польшу къ чужому организму, къ міру латино-германскому, сдѣлавшей ее носительницею чуждыхъ Славянскому племени историческихъ началъ. И вотъ, въ послѣднее время, особенно подъ гальваническимъ вліяніемъ эмиграціи, доводящей до абсолютной формулы въ теоріи и до болѣзненной крайности на практикѣ всѣ историческія начала польской жизни, выступило наружу, облеклось въ дѣйствительные факты это внутреннее противорѣчіе польскихъ историческихъ началъ съ славянскою основою Польскаго народа. «По дѣламъ ихъ познаете ихъ». И мы видѣли, и видимъ ихъ дѣла; мы осязаемъ это внутреннее противорѣчіе.

Мы видѣли ихъ въ 1848 году проливающими свою кровь за угнетателей Славянскихъ народовъ, за Мадьяръ, противъ Сербовъ, Хорватовъ, Словаковъ и Русскихъ и, послѣ пораженія, вступающими въ ряды другихъ угнетателей Славянъ, — въ Турецкую армію.

Мы видѣли ихъ въ 1854 году снаряжающими «казацкій легіонъ» на защиту Турецкаго мусульманства отъ христіанской и славянской Россіи.

Мы видѣли ихъ въ 1862 году командующими Турецкими войсками для завоеванія Черногоріи.

Мы видѣли и видимъ, какъ они сами рекомендуютъ себя западной Европѣ, «какъ единственныхъ между Славянами враговъ и противоборцевъ *панславизма*» (т. е. предполагаемой въ будущемъ самобытности и единенія Славянскихъ народовъ), и какъ нѣмецкіе либералы, тѣ самые люди, которые мечтаютъ о будущемъ господствѣ Германіи надъ славянскимъ Востокомъ, берутъ ихъ за это подъ свое покровительство (прочитайте только рѣчи либеральной германской партіи въ Прусскомъ парламентѣ, прочитайте, что̀ пишутъ либеральныя нѣмецкія газеты въ Австріи и другихъ странахъ).

Есть въ этомъ положеніи современной Польши что-то трагическое, плодъ именно этого внутренняго противорѣчія между общественными стремленіями Польши и историческими требованіями ея славянской основы; и это противорѣчіе особенно ярко обозначается въ настоящемъ возстаніи.

Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ готовили по видимому мирное разрѣшеніе русско-польской распри. Съ одной стороны, освобожденіе крестьянъ выводило милліоны русскаго народа въ западныхъ губерніяхъ нашихъ изъ-подъ господства чужой народности, открывало этой части русскаго племени путь къ развитію, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, это дѣло обходилось безъ истребленія и безъ экспропріаціи польскаго аристократическаго меньшинства, какъ было́ при освобожденіи Малороссіи отъ Поляковъ. А съ другой стороны, земля собственно польская, Царство Польское, — всѣ это видѣли, — быстро приближалось къ полной гражданской автономіи относительно Россіи, при сохраненіи съ нею связи, польза которой для Россіи можетъ казаться весьма сомнительною, но которая, въ виду возрастающей силы Германскаго элемента на западѣ, едва ли бы могла быть замѣнена, въ интересахъ Польской народности, болѣе выгодною политическою комбинаціею.

И среди этого мирнаго развитія обстоятельствъ, развязывавшаго мало-по-малу русско-польскій узелъ — возвращеніемъ Русскому народу самосостоятельности въ русскихъ областяхъ, возвращеніемъ Польскому народу автономіи въ польской землѣ, — вспыхнуло возстаніе.

Иначе, кажется, и быть не могло; слишкомъ трудно было, чтобы Поляки при всѣхъ тѣхъ стихіяхъ, которыя таились въ ихъ общественной жизни, согласились безъ боя на такой исходъ ихъ вѣковой борьбы съ Русскою землею; слишкомъ трудно было чтобы они безъ протеста приняли изреченіе своего великаго историка: «Давнія времена не возвращаются; настоящее должно быть или много ниже или же много выше прошедшаго» [1]). И замѣчательное совпаденіе: первыя волненія въ Варшавѣ послѣдовали непосредственно за обнародованіемъ манифеста 19-го Февраля 1861 года; нынѣшнее возстаніе (если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ) было расчитано именно въ виду предстоявшаго истеченія перваго двухгодичнаго срока крестьянской реформы. Такимъ образомъ Поляки вооружались противъ Россіи подъ знаменемъ свободы именно въ то время, когда Россія мирно сбрасывала съ себя узы народнаго порабощенія и возвѣщала свободу всей массѣ своего населенія. Польша становилась въ противорѣчіе съ необходимымъ политическимъ результатомъ освобожденія Русскаго народа и, сперва устами Подольскихъ дворянъ и дворянъ, готовившихъ извѣстный адресъ Замойскаго, а затѣмъ тысячами воззваній и газетныхъ статей, наводнившихъ всю европейскую журналистику и сопровождавшихъ вооруженное вторженіе въ русскія области, захотѣла снова наложить на этотъ освобождаемый народъ иго чужой національности. И хотя инсургенты, на первыхъ порахъ, какъ увѣряютъ, носили передъ собою, идя на встрѣчу русскимъ войскамъ, знамя, на которомъ было написано: «за свободу нашу и вашу», — однако живой историческій инстинктъ сказался въ нашихъ солдатахъ и въ народныхъ массахъ западно-русскихъ губерній: они поняли, что это знамя не несетъ свободы Русскому народу.

Въ самомъ дѣлѣ, то внутреннее противорѣчіе, которое преслѣдуетъ славянскую Польшу въ ея подчиненіи историческимъ началамъ чуждаго, неславянскаго міра, это внутреннее противорѣчіе характеризуетъ и нынѣшнюю борьбу Поляковъ.

Они сражаются во имя свободы и сами искренно вѣруютъ этому; а западная Европа, Англія и Германія радуются и сочувствуютъ этой борьбѣ, потому что она на неопредѣленное время отсрочиваетъ освобожденіе Славянскихъ народовъ на Востокѣ.

Они сражаются подъ знаменемъ европейскаго либерализма, и искренно убѣждены въ либеральности своихъ идей; а въ то же время они союзники самыхъ крайнихъ представителей средневѣковаго фанатизма: не только Монталамберъ, но и Вельо привѣтствуютъ этихъ бойцовъ либеральныхъ идей.

---

[1]) Jadwiga i Jagiełło 2-е изд. стр. X.

Они сражаются подъ знаменемъ народности, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ права народности 10-милліоннаго, славянскаго же народа на Руси, стремясь къ возстановленію господства надъ нимъ Польской національности. Они считаютъ себя демократами и, чтобы привлечь этотъ народъ къ себѣ, обѣщаютъ ему матеріальную свободу, но съ тѣмъ вмѣстѣ несутъ съ собою нравственное закрѣпощенье Бѣлорусса, Малорусса, Литвина аристократическому меньшинству польскому, поселившемуся въ ихъ землѣ.

Вотъ это-то внутреннее противорѣчіе и составляетъ безсиліе польскаго дѣла. Но не будемъ судить этихъ людей слишкомъ строго и въ особенности не станемъ надъ нимъ глумиться: это плодъ старой судьбы исторической, это необходимый, но невольный исходъ всей прежней исторіи Польши. И вспомнимъ, что мы сами не безвинны, вспомнимъ, много ли мы сдѣлали, чтобы предупредить рѣзкій характеръ этого исхода — своевременнымъ содѣйствіемъ развитію Русской народности въ областяхъ, гдѣ она находилась подъ властію Поляковъ, своевременнымъ удовлетвореніемъ потребностямъ Польской народности въ ея собственномъ отечествѣ? Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не мы стали бы оспаривать въ чемъ либо истину горячихъ строкъ, вылившихся изъ-подъ пера автора брошюры, слишкомъ мало, къ сожалѣнію, у насъ извѣстной и оцѣненной: «Взглядъ на политическое и общественное развитіе въ Царствѣ Польскомъ съ 1831 года до нашихъ временъ»[1]).

Но прошлаго не воротишь, и теперь намъ приходится бороться съ Поляками кровавою борьбою. Я надѣюсь, что въ предъидущихъ страницахъ мнѣ удалось до нѣкоторой степени разъяснить историческое значеніе этой борьбы и показать, что войска наши сражаются не только потому что велѣно, не только за политическое право, основанное на трактатахъ 1815 года, и даже не только за права Русской народности въ Русской землѣ, но что подъ наше знамя исторія поставила самобытность Славянскаго племени, свободную будущность общественнаго и духовнаго развитія Славянства.

Не могу предвидѣть, долго ли продлится настоящее возстаніе, и какіе будутъ его непосредственные политическіе результаты для Россіи и для Польши. Но какой бы дѣла ни приняли оборотъ, я буду смотрѣть на будущее совершенно спокойно. На то есть простая логика человѣческая, чтобы знать, что такое племя, какъ Славянское, не можетъ быть осуждено на подчиненіе общественнымъ и духовнымъ началамъ инаго историческаго міра, что оно должно быть призвано къ само-

---

[1]) Rzut oka na rozwój polityczny i spoleczny w Królestwie Polskiem od roku 1831 do naszych czasów. Лейпцигъ, 1862. Брошюра эта приписывалась маркизу Велепольскому.

бытному органическому развитію. На то есть логика исторіи, чтобы знать, что Русская земля, коль скоро она, и именно она одна (въ чемъ и сомнѣнья нѣтъ), представляетъ возможность такого самобытнаго, органическаго развитія славянскаго, не можетъ не одолѣть силъ, вооружающихся противъ этого развитія, и что неотвратимый ходъ событій долженъ нести ее впередъ.

3-го Апрѣля 1863 г.
С. п. б.

II.

Въ чемъ искать разрѣшенія Польскому вопросу? — Вмѣшательство Европы. — Отношенія Русскаго народа къ чужимъ племенамъ.—Можетъ ли Россія отдѣлаться отъ Польши? — Польша XIX и Чехія XVII столѣтій. — Западная Русь и польскія притязанія. — Способы соединенія Польши съ Россіей. — Система дѣйствій правительства съ 1772 по 1 Марта 1863 года. — Освобожденіе крестьянъ въ Западной Руси: — характеръ стремленій *Русскихъ* и *Польскихъ* дворянъ при разработкѣ Положеній 19 Февраля. — Параллель между Россіею и Америкой. — При какихъ условіяхъ возможно полное возрожденіе западной Руси? — Въ западной Руси ключъ къ разрѣшенію Польскаго вопроса.

Въ началѣ 1863 года мы прочли въ газетахъ о ночномъ нападеніи вооруженныхъ людей на наши войска въ Царствѣ Польскомъ; и то, что̀ могло казаться тогда мимолетною вспышкою нѣсколькихъ безумцевъ, приняло вдругъ размѣры громаднаго государственнаго вопроса для всей Россіи, поглотило все ея вниманіе, привело въ напряженіе всѣ ея силы.

Разумѣется, возстаніе въ Царствѣ Польскомъ получило такое огромное значеніе для насъ не вслѣдствіе матеріальныхъ успѣховъ нашихъ противниковъ, а по причинѣ европейскаго вмѣшательства. Но и вмѣшательство Европы отозвалось у насъ такой патріотической тревогой не потому единственно, что оно затронуло нашу честь, достоинство нашего народа и государства, и грозитъ намъ опасностями войны съ могущественнѣйшими державами запада; сила впечатлѣнія, произведеннаго у насъ попытками европейскаго вмѣшательства, принадлежитъ, безспорно, въ значительной долѣ и самому характеру вопроса, сдѣлавшагося предметомъ вмѣшательства, сознательному или инстинктивному пониманію того значенія, какое польскій вопросъ имѣетъ для Россіи.

Польша есть больное мѣсто Россіи: это сдѣлалось афоризмомъ въ Европѣ, и нѣтъ ничего вѣрнѣе, только афоризму этому надобно дать нѣсколько другой смыслъ, нежели въ какомъ онъ обыкновенно произносится. Польша есть больное мѣсто Россіи не потому только, что это безпокойная, неугомонная страна, которою мудрено править и которая вѣчно грозитъ бунтомъ; а, главное, потому, что Польша ставитъ Россію въ постоянное внутреннее противорѣчіе съ самой собою и тѣмъ отнимаетъ у нея свободу дѣйствія.

Россія, по своему значенію, есть держава по преимуществу славянская, единственная въ Европѣ представительница Славянскаго племени. При этомъ Русскій народъ, по своему характеру, не есть народъ, склонный къ угнетенію чужихъ племенъ, и въ славянской Россіи другія, неславянскія народности, вошедшія въ составъ нашего государства, не поставлены въ худшее положеніе, нежели Русскіе, а иногда пользуются лучшимъ положеніемъ. Финляндецъ, Остзеецъ, Закавказскій житель не скажутъ, чтобы Финская или Шведская, чтобы Нѣмецкая, Грузинская, Армянская народности были угнетены Русскою; а между тѣмъ единственная славянская народность, которую славянская Россія присоединила къ своему государству, играетъ въ немъ роль жертвы, взываетъ на всю Европу о своемъ угнетеніи, приглашаетъ всѣ неславянскіе народы освободить ее отъ русской власти!...

Вдумаемся въ этотъ фактъ, и мы поймемъ, въ какое противорѣчіе онъ насъ ставитъ. Мы влечемся искреннимъ сочувствіемъ ко всякому благородному подвигу у народовъ Европы; мы порываемся вѣрить въ высокую задачу нашего народа, нашего отечества; мы порываемся вѣрить, что Россія призвана

Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство
И правду, и безкровный судъ....

И вотъ мы оглядываемся вокругъ себя, и насъ встрѣчаетъ Польша, и вмѣсто любви и «святаго братства племенъ», вмѣсто того, чтобы быть «носителями правды и безкровнаго суда», мы видимъ, что насъ считаютъ палачами; мы видимъ себя предметомъ племенной вражды и ненависти, простирающейся до того, что насъ хотятъ лишить права на славянское происхожденіе, только чтобы не признавать въ «Москалѣ» своего брата по крови. Мы порываемся вѣрить, что прямое, священное призваніе Россіи есть покровительство Славянскимъ народамъ, заступничество за нихъ передъ Европою, содѣйствіе ихъ освобожденію. И опять мы должны оглянуться на Польшу, или если бы мы хотѣли забыть про нее, намъ укажутъ на нее наши недруги

и напомнять съ укоризною: «*врачу, исцѣлися самъ*».—Мы тяготимся преданіями «священнаго союза», мы рвемся на просторъ иной политической системы, мы видимъ себѣ природную точку опоры и надежныхъ союзниковъ въ живыхъ силахъ воскресающихъ или развивающихся народностей. И опять-таки мы спотыкаемся о Польшу; опять-таки должны сворачивать къ старымъ преданіямъ «священнаго союза», отступаемся отъ принципа народностей, опасаясь его примѣненія къ Польшѣ.

Вездѣ, на всѣхъ путяхъ, Польша заставляетъ Россію противорѣчить самой себѣ, своему призванію, своимъ политическимъ стремленіямъ и надеждамъ. И въ этомъ-то состоитъ коренная причина, почему Русскіе вообще такъ тяготятся обладаніемъ Польши, почему мы такъ часто и такъ искренно говоримъ про Польшу: «да Богъ съ ней совсѣмъ, не надо намъ ее». Едва ли какой нибудь другой народъ относится съ такими стоическими чувствами къ обладанію страною, которую приходится держать силою: едва ли Англичанинъ скажетъ, что ему Ирландіи не надо, едва ли Турокъ пожелалъ бы избавиться отъ Албаніи или Босніи, Прусакъ — отъ Познанской области.

«Такъ Богъ съ нею, съ Польшею», скажетъ читатель, если онъ согласенъ съ изложеннымъ въ предыдущихъ строкахъ взглядомъ на значеніе Польши для насъ: «надобно бросить Польшу, отдать ее; Богъ съ нею». Но въ томъ-то и дѣло, что отдать Польшу Россія не можетъ, что ей не отдѣлаться такимъ легкимъ и дешевымъ, физическимъ, такъ сказать, способомъ, отъ того внутренняго, *нравственнаго* противорѣчія, въ которое ставитъ ее обладаніе Польшею. Мы не можемъ отдать Царства Польскаго, по причинѣ связи Польши съ западными губерніями, мы не можемъ отдать Царства Польскаго, развѣ его у насъ отнимутъ силою, послѣ европейской войны, о которой подумать страшно и всего страшнѣе должно быть именно для Поляка, любящаго свое отечество: ибо въ такомъ случаѣ Польша имѣла бы, вѣроятно, такой же конецъ, какъ другая славянская страна, столь сходная съ нею по своему историческому развитію. О Польшѣ въ XIX вѣкѣ пришлось бы сказать то же самое, что̀ исторія говоритъ о Чехіи XVII вѣка, что она, отставъ отъ развитія окружающихъ странъ и остановившись на своихъ средневѣковыхъ аристократическихъ понятіяхъ и притязаніяхъ, — въ безразсудной попыткѣ шляхетскаго бунта, сама уже безсильная, сдѣлалась яблокомъ раздора между двумя половинами Европы и истекла кровью подъ ударами съ обѣихъ сторонъ. Вотъ какой былъ конецъ Чехіи, и не дай Богъ Польшѣ повторить эту трагедію и стать предметомъ и театромъ войны между западомъ и востокомъ Европы, какъ нѣкогда Чехія между католическою и протестантскою половинами европейскаго Запада. Для

насъ, конечно, война была бы тягостна и опасна; но, во всякомъ случаѣ, мы выйдемъ изъ нея, послѣ большихъ или меньшихъ усилій и пожертвованій, съ миромъ болѣе или менѣе выгоднымъ. А Польша... для Польши европейская война будетъ окончательною гибелью, ее раздавятъ въ столкновеніи двухъ половинъ Европы, отъ нея останется груда развалинъ и трупъ издыхающаго народа, какъ отъ Чехіи послѣ тридцатилѣтней войны. Уже чешскій историкъ Палацкій произнесъ, по поводу настоящихъ событій, имя тридцатилѣтней войны; онъ напомнилъ Полякамъ о послѣдствіяхъ европейской борьбы, которую вызвала чешская шляхта и отъ которой погибъ весь Чешскій народъ. И именно тотъ, кому дорого дѣло Славянства, кто любитъ Польскій народъ въ надеждѣ его будущаго единенія съ Славянскимъ міромъ, содрогнется отъ подобной мысли.

Но, повторяемъ, хотя Польша тяготитъ насъ какъ источникъ внутренняго для насъ самихъ противорѣчія, отдѣлаться отъ нея, отдать ее мы не можемъ, если ее не вырветъ у насъ война; и причины тому такъ ясны, и уже такъ часто были высказываемы въ послѣднее время, что распространяться о нихъ было бы лишнимъ трудомъ. Мы должны держать Польшу не просто изъ народнаго или государственнаго самолюбія (хотя нельзя отрицать, что и честь Россіи имѣетъ въ этомъ дѣлѣ свой голосъ, особенно послѣ всѣхъ стараній, приложенныхъ Поляками и ихъ сотрудниками на Западѣ къ тому, чтобы сдѣлать ее чувствительною). Всякому очевидно, что мы не можемъ отдать Польшу вслѣдствіе существующихъ притязаній Поляковъ на обладаніе западною Русью. Отдать Польшу Полякамъ съ предоставленіемъ ей полной независимости значило бы, черезъ годъ или два, видѣть вторженіе польскаго войска въ западныя губерніи и быть поставленными въ необходимость снова завоевывать Польскую землю. Отдѣлаться отъ нея, уступивъ ее Пруссіи или Австріи, или обѣимъ вмѣстѣ, значило бы принести цѣлую славянскую народность въ жертву германизаціи (которой Поляки, какъ извѣстно, такъ мало способны противостоять), и вдобавокъ дать иностранцамъ, обладателямъ Польши, черезъ Поляковъ огромное вліяніе на весь нашъ западный край.

Мы должны держать Польшу для нашихъ западныхъ губерній. Но теперь представимъ себѣ всѣ случаи, всѣ способы, какими мы могли бы держать Польшу, — и они на практикѣ разобьются всѣ о тотъ же камень преткновенія, о притязанія Поляковъ на западную половину Россіи.

Дайте Польшѣ полную автономію съ династическою только связью между ею и Россіею, придумайте для нея какую угодно конституцію, — и польская шляхта западныхъ губерній будетъ тянуть къ ней,

повторяться будутъ Подольскіе адресы, и не прекратится въ западномъ краѣ болѣзненный антагонизмъ.

Соедините Польшу съ Россіей. Вы можете соединить ихъ двумя способами: во-первыхъ, общею абсолютною, безусловною диктатурой, во-вторыхъ, какими нибудь общими государственными учрежденіями. О первомъ способѣ и говорить нечего; вредъ его уже испытанъ и доказанъ исторіею. При такомъ способѣ мы поставили бы Польшу снова въ роль невинной жертвы, закалаемой деспотизмомъ и, благодаря этой роли и общему безмолвію, она стала бы опять подкапываться подъ насъ, стала бы ополячивать русскія области.

Затѣмъ оставался бы второй способъ. Но соедините Польшу съ Россіей общими государственными учрежденіями, какими угодно, хоть, совѣщательными, хоть всякими другими,—и въ эти учрежденія будетъ внесено, по причинѣ притязаній Поляковъ на западныя губерніи, зерно раздора и противорѣчія. Въ одномъ журналѣ высказана была мысль, что общее представительство было бы средствомъ для примиренія Польши съ Россіею. Но всякое представительство, будь оно совѣщательное, которое уже давно покойный К. С. Аксаковъ считалъ наиболѣе соотвѣтствующимъ основнымъ началамъ и воззрѣніямъ Русскаго народа, будь оно конституціонное въ западно-европейскомъ смыслѣ, подразумѣваетъ въ себѣ собраніе людей, имѣющихъ общую цѣль — желаніе блага государству, ихъ призывающему, и народу, ихъ избравшему. Всѣ партіи, всѣ разномыслія должны сходиться на этой общей для всѣхъ основной точкѣ. Оппозиція въ представительствѣ немыслима какъ оппозиція благу народа и интересамъ государства, а какъ оппозиція извѣстному воззрѣнію на это благо и на эти интересы и проистекающей отсюда системѣ дѣйствія. Оппозиція должна быть His Majesty's opposition [1]), точно такъ же какъ правительственная партія составляетъ His Majesty's government. Сама Россія, во всѣхъ трехъ вѣтвяхъ Русскаго народа, т. е. Великоруссы, Малоруссы и Бѣлоруссы, русская, такъ сказать, Россія, безъ всякаго сомнѣнія, осуществила бы вполнѣ эту задачу, какъ свидѣтельствуетъ о томъ, лучше всего, образъ дѣйствія русскаго общества и русскаго народа въ исполненіи великой крестьянской реформы. Но къ Русскимъ, прибавьте представителей Поляковъ, при существованіи польскихъ притязаній на западную Россію: Поляки эти, естественно и съ своей польской точки зрѣнія весьма добросовѣстно, изъ чувствъ самаго почтеннаго патріотизма, станутъ въ систематическую оппозицію, не тому или другому взгляду или дѣйствію правительства, а самымъ

---

[1]) *Оппозиція его величества* (а не его величеству), въ противоположность *правительству его величества:* извѣстные термины англійской конституціонной жизни.

жизненнымъ интересамъ Русскаго народа, самому бытію Русскаго государства.

И такъ, что̀ же выходитъ изъ всего этого?

Обладаніе Польшею ставитъ Россію въ неестественное внутреннее противорѣчіе съ ея характеромъ и стремленіями; но отказаться отъ Польши Россія не можетъ, по причинѣ польскихъ притязаній на западныя губерніи.

Въ то же время, обязанная держать Польшу, Россія не можетъ уладиться съ нею правильнымъ образомъ — опять-таки по причинѣ притязаній Поляковъ обладать западною Русью, и нельзя придумать для Царства Польскаго никакой комбинаціи, которая исправила бы ненормальность его положенія относительно Россіи и могла бы устранить проистекающее отсюда для насъ внутреннее противорѣчіе.

Ясно, что корень зла лежитъ не въ самой Польшѣ, а въ западной Руси, что тамъ надобно искать источниковъ того гибельнаго противорѣчія, на которое мы указывали въ началѣ этой статьи и которое связано для насъ, уже столько времени, съ обладаніемъ Польшею.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы вникнемъ въ положеніе западной Руси и въ характеръ той роли, которую Россія играла тамъ съ конца прошлаго столѣтія, то мы поймемъ причину затрудненій, поставляемыхъ намъ теперь польскимъ вопросомъ. Логика историческихъ событій неумолима. Ненависть къ намъ славянскаго народа, соединеннаго съ нами подъ одною властію,—ненависть, являющаяся отрицаніемъ всѣхъ нашихъ народныхъ началъ, истекаетъ изъ притязаній Поляковъ на западную Русь, которымъ мы удовлетворить не можемъ. Но не будучи въ силахъ удовлетворить этимъ притязаніямъ и имѣя полное право ихъ отвергать во имя здраваго смысла, исторической истины и всего, что̀ составляетъ существо нашего народнаго и государственнаго бытія, мы ничего не сдѣлали для того, чтобы притязанія эти прекратились; а времени было, кажется, довольно. Вотъ уже четвертое поколѣніе живетъ въ западной Руси со времени ея освобожденія отъ матеріальной власти Поляковъ. Мы платимся теперь за всю прежнюю систему дѣйствій въ западной Руси.

Исторія и современность знаютъ государства, гдѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ господствующая, создавшая государство, народность подавляетъ другія, покоренныя племена. Въ англійскомъ государствѣ англійская народность подавляетъ туземное племя Ирландіи; въ Австріи нѣмецкою народностью, въ Турціи народностью турецкою подавляются туземныя народности многихъ покоренныхъ областей и т. под. Все это явленія прискорбныя и вредныя, но естественныя, основанныя на простомъ фактѣ завоеванія и которыя устраняются такъ же просто, какъ возникли. Либо завоевательная народность ко

гда нибудь уступитъ полную равноправность народности завоеванной и онѣ уживутся вмѣстѣ; либо завоеванные избавятся отъ своихъ притѣснителей и возстановятъ свою народность въ полномъ господствѣ, какъ сдѣлали Греція, Сербія и др. Но гдѣ видала исторія примѣръ, чтобы народность, господствующая въ государствѣ, народность его создавшая, была въ одной части этого государства подавлена другою, покоренною народностью? чтобы народность завоеванная и потому играющая въ оффиціальной жизни государства и передъ лицомъ другихъ странъ роль жертвы, на самомъ дѣлѣ попирала народность господствующаго въ государствѣ племени? Такого диковиннаго явленія не сыскать въ лѣтописяхъ древняго и новаго міра, его дано было осуществить Россіи, которая въ теченіе трехъ поколѣній могла сносить, чтобы подъ ея властію, въ пространныхъ областяхъ ея державы, русская народность была подавляема, преслѣдуема и даже уничтожаема меньшинствомъ иноземцевъ. И это она допускала въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ началось гражданское развитіе Русскаго народа, гдѣ такъ долго сосредоточивалась его государственная жизнь и его просвѣщеніе!... Но когда эти области снова возвратились подъ русскую державу, Россія страдала двумя недугами: неполнотою сознанія русской народности и крѣпостнымъ правомъ, съ которымъ соединялся аристократическій взглядъ на простой народъ.

При Екатеринѣ, Россія пріобрѣла западно-русскія губерніи матеріально, но вслѣдствіе этихъ двухъ тогдашнихъ недуговъ, не могла понять политическаго и нравственнаго призванія своего въ той странѣ. Освобожденный матеріальною силою Россіи отъ власти Польскаго государства, западно-русскій народъ оставленъ былъ, ея политическимъ непониманіемъ и нравственнымъ безсиліемъ, подъ властію польской народности. Аристократическій блескъ польскаго магната былъ сроднѣе тогдашней петербургской сферѣ, чѣмъ необтесанная фигура своего брата Русскаго, хлопа или «попа», съ которыми нельзя было и говорить, потому что они не понимали по-французски. Да и принципъ крѣпостнаго права находился тогда въ апогеѣ; недавно онъ одержалъ такую блистательную побѣду въ Малороссіи: нельзя же было не уважить правъ собственности польскихъ пановъ, переименованныхъ въ благородное россійское дворянство западныхъ губерній, нельзя же было вывести холопа, и съ ними русскую народность, изъ подчиненія дворянину и съ нимъ народности польской....

Всѣмъ извѣстна эта печальная исторія, длившаяся съ 1772 года по 19 Февраля 1861 года и кончающаяся только съ 1 Марта 1863 года. Мы не станемъ входить въ подробности тогдашней системы дѣйствій Россіи въ западныхъ ея областяхъ, системы, въ которой всего осязательнѣе проявились послѣдствія двухъ главныхъ и такъ

тѣсно связанныхъ между собою недуговъ России XVIII и первой половины XIX вѣка, отчужденія отъ русской народности и крѣпостнаго права. Частныя проявленія и результаты этой системы такъ многочисленны, что даже краткій ихъ перечень увеличилъ бы настоящую статью непомѣрно; общее же проявленіе и общій результатъ не долго опредѣлить. Во-первыхъ, благодаря отчужденію отъ русской народности и крѣпостному праву, въ Русскомъ государствѣ, цѣлыя области, населенныя русскимъ народомъ, шестью съ половиною милліонами русскихъ людей, продолжали состоять подъ властію польскаго меньшинства, одного милліона двухъ-сотъ семидесяти тысячъ Поляковъ или людей, приставшихъ къ польской народности большею частію уже во время русскаго владычества. Затѣмъ польская народность могла и, мало того, естественно должна была считать эту страну своею, Поляки не могли отказаться отъ притязаній ее ополячивать и окончательно присоединить къ себѣ, а отсюда и проистекаютъ тѣ ненормальныя отношенія между Россіей и Польшей, вслѣдствіе которыхъ имъ нельзя ни разойтись мирно, ни ужиться вмѣстѣ ни при какомъ политическомъ устройствѣ.

Дурная система законодательства гражданскаго порождаетъ много зла; но это зло исправляется легко, когда дурное законодательство замѣнится хорошимъ; дѣло можетъ обойтись тихо, гражданскимъ порядкомъ, и примѣръ тому представляетъ крѣпостное право въ Великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ оно было просто проявленіемъ дурнаго законодательства гражданскаго. Но зло, порожденное ложною системою политическою, не такъ легко исправить; оно искупается кровью, и, конечно, кровь не лилась бы теперь отъ польскаго возстанія, если бы съ самаго начала Екатерина II или ея ближайшіе преемники возвратили гражданскую свободу и возстановили общественное значеніе русской народности въ западной Руси; да и давно бы не было, въ такомъ случаѣ, помину о польскомъ вопросѣ и Польша, вѣроятно, жила бы теперь такъ же спокойно въ единеніи съ Россіей, какъ живетъ напр. Финляндія.

При этомъ невольно приходитъ на умъ сравненіе между двумя огромными государствами, которыя, какъ два молодыхъ великана, стоятъ на противоположныхъ концахъ стараго міра, государствами, которыя уже часто поставлялись въ параллель другъ съ другомъ, даже въ ихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Россія и Сѣверная Америка одинаково таили въ себѣ, по причинѣ допущенной въ старину и въ то время казавшейся едва замѣтною, уступки личнымъ интересамъ господствующаго класса въ одной части страны, начало, отрицавшее самую основу ихъ бытія, и одинаково повергнуты нынѣ, по милости этого враждебнаго начала, въ ужасы междоусобной войны,

Сѣверная Америка, государство, основанное на договорѣ колонистовъ, не связанныхъ между собою никакими другими узами, кромѣ этого договора, во главу основнаго акта государственнаго бытія своего поставила начало свободы и равенства всѣхъ людей, — и въ то же время, изъ угожденія интересамъ немногихъ плантаторовъ, допустила въ части штатовъ сохраненіе домашней институціи прямо, противоположной ея основному принципу. И эта домашняя институція рабства, которую вначалѣ такъ легко было устранить, все крѣпче и крѣпче внѣдрялась, и, чувствуя неестественность своего положенія въ странѣ всеобщей свободы, южная рабовладѣльческая аристократія стала развивать дѣятельность неутомимую, изумительную въ своей послѣдовательности и дружномъ усердіи, чтобы упрочивать свое вліяніе въ правительственныхъ сферахъ, чтобы покрывать себя и свое дѣло авторитетомъ правительства и, по возможности, захватить въ свои руки орудія исполнительной власти, чтобы изолировать свой край отъ вліянія противныхъ ей идей, чтобы поставлять свой рабовладѣльческій принципъ подъ покровительство религіи и «дѣла цивилизаціи» и устранять всякую критику, всякій непріятный намекъ. Книга, статья, проповѣдь въ пользу свободы негровъ, какой нибудь портретъ г-жи Бичеръ-Стоу, дѣлались предметомъ доноса, представляясь мѣстной власти, какъ «возбужденіе къ соціализму и рѣзнѣ бѣлыхъ черными», и вызывали преслѣдованія, на сколько хватало силъ плантаторскому вліянію. И была эпоха, когда правительство свободной Америки дѣйствительно служило дѣлу рабства всѣми своими силами и средствами, и аболиціонистъ признавался человѣкомъ опаснымъ для спокойствія республики. Но время и возрастающее самосознаніе въ свободной части государства все-таки опередили лихорадочную, искусственную пропаганду рабовладѣльцевъ, и 4 ноября 1860 года, основной принципъ Сѣверно-Американскаго государства одержалъ наконецъ побѣду, избраніемъ въ президенты человѣка, неблагосклоннаго къ дѣлу рабства.

Велики во всемъ несходства и даже противоположности между Россіею и Соединенными Штатами; нѣтъ ничего общаго между русскимъ народомъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи и африканскимъ племенемъ; сходно только одно: уступка въ основномъ, жизненномъ принципѣ страны, сдѣланная изъ угожденія господствующему классу въ части ея областей. Какъ Америка нарушила краеугольный камень своего бытія признаніемъ домашней институціи Юга, такъ точно случилось и съ нами. Что такое основной, элементарный такъ сказать и во всемъ подразумѣвающійся принципъ Россіи, какъ не то, что это есть страна русской народности? Подъ знаменемъ Русской народности и во имя этого своего кореннаго принципа, Россія

отобрала въ концѣ XVIII вѣка отъ Польши западно-русскія области; и тогда же нарушила его изъ угожденія господствующему классу новопріобрѣтеннаго края, допустивъ, чтобы польское меньшинство продолжало господствовать надъ Русскою народностью въ этихъ областяхъ: и опять-таки, какъ въ Америкѣ признаніе рабства не было вначалѣ выговорено, а заключалось implicitеr въ актѣ 1787 года, такъ и здѣсь нарушеніе кореннаго начала страны не было высказано, а подразумѣвалось, въ перенесеніи на польскую шляхту русскихъ дворянскихъ привилегій, въ утвержденіи за нею крѣпостнаго права и разныхъ другихъ уступкахъ польской аристократіи. Вотъ все, что̀ было сходнаго въ странахъ, такъ несходныхъ между собою, и посмотрите, какъ изъ этой одной общей точки сходства развился рядъ явленій, аналогическихъ не только въ крупныхъ чертахъ, но часто даже, mutatis mutandis, и въ подробностяхъ. И въ Россіи, господство Польской стихіи надъ Русскою народностью въ западныхъ губерніяхъ, — господство, которое на первыхъ порахъ можно было, вѣроятно, устранить безъ большихъ затрудненій и безъ всякой несправедливости, — укоренялось все крѣпче и крѣпче и, чувствуя шаткость своего положенія въ государствѣ Русской народности, Поляки, паны, надъ русскимъ народомъ, развили непреклонную, самую дружную, самую систематическую и ни предъ чѣмъ не останавливавшуюся дѣятельность, чтобы упрочивать свое вліяніе въ правительственныхъ сферахъ, чтобы покрывать себя и свое дѣло авторитетомъ правительства и, по возможности, захватить въ свои руки орудія исполнительной власти; они употребляли неутомимыя усилія, чтобы изолировать западный край отъ вліянія русскихъ идей, чтобы поставить свой польско-шляхетскій принципъ подъ покровительство религіи и «дѣла цивилизаціи», чтобы устранять всякую критику, всякій намекъ, имъ непріятный. Книга, статья, проповѣдь въ пользу западно-русской народности, какой нибудь малороссійскій букварь, какая нибудь насыпь надъ гробомъ Шевченки, дѣлались предметомъ доноса, представляясь мѣстной власти, какъ возбужденіе къ соціализму и рѣзнѣ дворянъ мужиками, и вызывали преслѣдованія, на сколько хватало силъ польскому вліянію. И была эпоха (еще недавно), когда правительство Русскаго государства, подъ вліяніемъ принципа крѣпостнаго права, дѣйствительно способствовало утвержденію польскаго владычества надъ русскою народностью въ западномъ краѣ. Но время и возрастающее самосознаніе Россіи все-таки опередили лихорадочную, искусственную пропаганду польскаго шляхетства, и 19-го Февраля 1861 года, основной принципъ Россіи одержалъ наконецъ побѣду, великимъ актомъ, которымъ дарована была свобода Русскому народу.

Довольно любопытна роль Польскаго дворянства западныхъ губерній въ приготовленіяхъ къ этому акту. Россія сохранитъ ему вѣчную благодарность за то, что оно (въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской) первое подписало оффиціальное заявленіе, съ котораго начались гласно эти приготовленія; но замѣчательно то, что Поляки, столь щедро расточающіе передъ Европою похвалы своему самоотверженію и своимъ подвигамъ на благо человѣчества, какъ-то забываютъ хвастать этимъ актомъ 1857 года, которымъ они оказали дѣйствительно великую услугу человѣчеству; они (на сколько мы могли замѣтить) какъ будто стараются обходить этотъ актъ молчаніемъ. Дѣйствительно, съ ихъ стороны это была величайшая политическая ошибка. Со временемъ, исторія раскроетъ тѣ побужденія и постороннія внушенія, которыя вовлекли въ нее польскихъ дворянъ Литвы; исторія разскажетъ также, какъ Польскіе дворяне думали вначалѣ, проведеніемъ мысли объ освобожденіи крестьянъ безъ земли, превратить Русское и Литовское простонародье въ пролетаріатъ, безусловно зависимый отъ землевладѣльцевъ въ своемъ существованіи, и тѣмъ самымъ, подъ эгидою свободы, упрочить навсегда свое господство. Теперь еще не время разбирать столь близкіе къ намъ факты, но мы можемъ привести слова, которыми одинъ участникъ дѣла, знакомый со всѣми его подробностями, характеризовалъ намъ отношеніе Русскихъ дворянъ и Польскихъ къ крестьянской реформѣ во время ея обсужденія. «Русскіе дворяне, т. е. нелиберальное большинство, говорилъ онъ, хлопотали почти исключительно о хозяйственной сторонѣ дѣла: десятиной меньше надѣла, рублемъ больше оброку, вотъ къ чему сводились ихъ толки и представленія. Польскіе дворяне имѣли въ виду интересы политическаго свойства: сохранить за помѣщикомъ власть надъ крестьянскими участками отстраненіемъ принципа безсрочнаго пользованія; вмѣсто безграмотнаго, какъ они его называли, волостнаго суда ввести судъ и разбирательство помѣщика, назначить помѣщиковъ начальниками волостей, съ предоставленіемъ имъ, между прочимъ, надзора за всѣми учебными и благотворительными заведеніями въ предѣлахъ волости; не допускать въ не-великороссійскихъ губерніяхъ установленія крестьянскихъ общинъ, не давать крестьянамъ самоуправленіе, однимъ словомъ удержать крестьянское населеніе (т. е. Русскихъ и Литвиновъ) въ полной административной и политической зависимости отъ дворянства, вотъ чего, всѣми силами, добивались Поляки западныхъ губерній, пока приготовлялась крестьянская реформа».

Тотъ же участникъ дѣла, которому мы обязаны этою характеристикою, доставилъ намъ слѣдующій любопытный коллективный от-

зывъ Польскихъ дворянъ, призванныхъ изъ комитетовъ западныхъ губерній, въ которомъ они выразили свой взглядъ на проектированное устройство крестьянскихъ волостей съ выборными старшинами и внутреннимъ самоуправленіемъ: «Мы съ трудомъ можемъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи», писали эти господа 24-го марта 1860 года (и надобно признаться къ стыду, что они нашли между русскими депутатами нѣсколькихъ людей, которые присоединили къ нимъ свои подписи, но тогда не всѣ понимали, куда дѣло клонится), «мы съ трудомъ можемъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи, распредѣленное на *десять тысячъ какихъ-то республикъ*, съ *избраннымъ отъ сохи* начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей *по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи*, и которое, между тѣмъ, не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходахъ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ. Мы опасаемся, во-первыхъ, что устраненіе *консервативнаго элемента частной собственности и соединеннаго съ нею умственнаго развитія* введетъ въ русскую жизнь такой *крайній демократическій принципъ*, который несовмѣстенъ съ сильною правительственною властію и отъ котораго могутъ пострадать *общественный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ;* во-вторыхъ, намъ извѣстно, что всякая отвлеченная система, не принимающая въ разсчетъ ни *историческаго* быта, *ни мѣстныхъ условій*, требуетъ, чтобы дѣйствительная жизнь подчинялась началамъ, которыя не вытекаютъ изъ самой жизни, а въ иныхъ случаяхъ и прямо ей противорѣчатъ», и т. д. Недурно, и этотъ протестъ дворянъ-депутатовъ западныхъ губерній [1]) противъ *крайняго демократическаго принципа* крестьянскаго самоуправленія, предвѣщавшаго освобожденіе русской туземной народности отъ господства польскаго шляхетства, можетъ быть поставленъ на ряду съ тѣми безчисленными протестами, которыми плантаторы южныхъ штатовъ въ 1860 году встрѣтили избраніе г. Линкольна, какъ торжество принципа «дикаго произвола», долженствовавшаго, по ихъ выраженію, «низвергнуть порядокъ и спокойствіе республики и нарушить мѣстныя условія ихъ быта». Къ счастію, заявленія польскаго дворянства западныхъ губерній противъ крестьянскаго самоуправленія не были услышаны; но нельзя сказать, чтобы оппозиція его осталась вначалѣ вовсе безуспѣшною. Всякій можетъ за-

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ лицъ, и притомъ вліятельнѣйшіе между ними принимали, какъ потомъ оказалось, прямое и дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 1861—1863 гг.

мѣтить это при сравненіи мѣстнаго крестьянскаго положенія для губерній Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской съ мѣстнымъ положеніемъ великороссійскимъ, особенно въ томъ, что первое не опредѣляетъ нормы крестьянскихъ повинностей, предоставляя назначить ихъ на основаніи инвентарей, которые, какъ извѣстно, въ этихъ губерніяхъ составлялись исключительно по показаніямъ самихъ помѣщиковъ [1]). Это была великая побѣда, одержанная въ то время Польскимъ дворянствомъ, и такое постановленіе, вмѣстѣ съ примѣненіемъ къ тѣмъ губерніямъ общаго правила о выборѣ мировыхъ посредниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ (значитъ, изъ Поляковъ), было причиною, что населеніе того края, какъ извѣстно, почти не ощутило перемѣны отъ акта 19-го Февраля и только почувствовало его дѣйствительность послѣ дополненія, сдѣланнаго 1-го Марта 1863 года. Множество мѣстныхъ корреспонденцій и извѣстій доказываютъ намъ необходимость распространенія этой послѣдней мѣры и на три юго-западныя губерніи, гдѣ отношенія почти тѣ же, и нельзя не надѣяться, что это ожиданіе скоро осуществится.

Такимъ образомъ, актъ 19-го Февраля былъ, собственно говоря, менѣе всего чувствителенъ для западныхъ губерній и для интересовъ тамошняго польскаго дворянства, — и въ этомъ опять мы можемъ продолжать нашу параллель съ Америкой. Избраніе Линкольна не имѣло, собственно, никакого угрожающаго для противной партіи значенія. Напротивъ того, всѣ заявленія новаго правительства свидѣтельствовали объ уваженіи его къ существущимъ правамъ рабовладѣльцевъ. Сколько новый президентъ, въ первыхъ своихъ манифестахъ и распоряженіяхъ, употреблялъ усилій, чтобы успокоить интересы плантаторовъ, съ какою предупредительностью и уступчивостью онъ обращался къ нимъ! Но ничто не помогло. Южная аристократія поняла, что ея царству предстоитъ неминуемый конецъ, коль скоро правительственная власть, искусственно поддерживавшая ея интересы, ускользнула изъ ея рукъ. Она поняла, что самое имя Линкольна было знаменемъ принципа свободы, и что этотъ основный принципъ страны, разъ признанный всенародно въ лицѣ избраннаго правителя, подкопаетъ и рано или поздно низвергнетъ противорѣчащую ему домашнюю институцію. Панъ или пропалъ,—и Южане схватились за оружіе, чтобы вырваться изъ государственнаго союза,

[1]) Правда, что мѣстное положеніе установляло регулированіе этихъ повинностей впослѣдствіи особыми повѣрочными коммисіями. Но, принимая въ соображеніе, что, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, коммисіи эти могли бы состоять почти исключительно изъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ, т. е. преимущественно Поляковъ, легко усмотрѣть, что за польскимъ дворянствомъ оставалась выгода не только въ отсрочкѣ приведенія въ дѣйствіе фактическаго освобожденія крестьянъ, но и въ нѣкоторой гарантіи, что все это дѣло до извѣстной степени останется въ его рукахъ.

уже переставшаго гарантировать имъ вѣчное обладаніе рабами, чтобы завоевать себѣ мечомъ, съ полною самостоятельностью, полное осуществленіе своихъ общественныхъ стремленій. Также и актъ 19 Февраля, какъ мы сказали, не затрогивалъ непосредственно положенія польской шляхты въ западномъ краѣ, но актъ 19 Февраля былъ знаменемъ освобожденія русскаго народа; выводя русскихъ людей изъ зависимости отъ польскаго пана, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ неминуемо вывести русскую народность въ западномъ краѣ изъ-подъ власти польскаго меньшинства и возстановить тамъ нарушенное нѣкогда самою Россіею, во имя крѣпостнаго права, основное начало ея бытія — господство русской народности въ странѣ, обитаемой Русскимъ народомъ. Актъ 19 Февраля подкапывалъ основы, на которыхъ держалось зданіе полонизма въ западной Руси, и рано или поздно, оно должно было рухнуть. Панъ или пропалъ, — и Поляки схватились за оружіе, чтобы вырваться изъ государства, переставшаго гарантировать имъ вѣчное господство надъ чужими областями, которыя вчетверо больше самой Польши, чтобы завоевать себѣ, съ полною самостоятельностію, полное осуществленіе своихъ общественныхъ стремленій. Мы впали бы въ самую грубую ошибку, если бы думали, что движеніе, начавшееся 25 Февраля 1861 г. въ Варшавѣ и мало-по-малу разросшееся въ настоящее возстаніе, имѣло главною, первоначальною цѣлію Царство Польское и что западная Русь была включена потомъ въ программу, какъ предметъ второстепенный. Напротивъ того: отвоевать западную Русь—вотъ что́ составляло съ самаго начала главную, существенную задачу всего польскаго движенія. Точка опоры была Варшава, но цѣль—Вильно и Кіевъ. Это доказываютъ до очевидности самый характеръ первыхъ демонстрацій, трауръ, наложенный еще 3 Марта 1861 года архіепископомъ Фіалковскимъ на «всѣ части стародавней Польши», послѣдовавшія тотчасъ за тѣмъ демонстраціи на берегу Нѣмана, знаменитый Городельскій съѣздъ и безчисленныя заявленія, о которыхъ излишне было бы напоминать. Да наконецъ, если бы первоначальная программа Поляковъ была не та, которая мало-по-малу развилась передъ нами во всей ея широтѣ, если бы первоначально имѣлось въ виду пріобрѣтеніе какой-нибудь либеральной конституціи для Польши, то неужели вожди движенія выбрали бы, для первыхъ враждебныхъ противъ Россіи выходокъ, тѣ самые дни, когда вся Россія вступала въ новую эру освобожденія, и захотѣли бы сдѣлать Русскому правительству затрудненія въ ту самую минуту, когда всякое затрудненіе могло только отклонить его отъ либеральныхъ началъ? Впрочемъ, послѣднія событія такъ ясно опредѣлили шляхетскій характеръ польскаго движенія, такъ ярко обрисовали цѣль его—возстановить господство польской народно-

сти надъ областями прежняго Польскаго государства, что уже не можетъ быть серьозно рѣчи о либеральныхъ намѣреніяхъ Поляковъ относительно Бѣлорусскаго, Малорусскаго и Литовскаго племени. Золотыя грамоты, всякій это видитъ, были пуфомъ, затѣяннымъ, чтобы посѣять раздоръ въ Русскомъ народѣ, и нельзя найти достаточныхъ словъ негодованія противъ людей, которые терпѣливо сносили военную диктатуру прежнихъ лѣтъ, которые оставались спокойными и при возстаніи ихъ братій въ Галиціи (въ 1846 г.) и при возстаніи въ Познани (въ 1848 г.), которые не шевельнулись во время гнета,—и вдругъ поднимаются противъ Россіи и русскаго «деспотизма» въ то самое время, почти въ тотъ самый день, когда Россію оглашаетъ давно ожиданная вѣсть о народной свободѣ. 19 Февраля — манифестъ, снимающій цѣпи съ русскаго народа: 25 Февраля — первая демонстрація въ Варшавѣ со знаменами старыхъ провинцій, принадлежавшихъ Польшѣ по праву господства шляхты надъ Русскимъ народомъ, этого совпаденія исторія не забудетъ. Такія совпаденія не бываютъ случайно, и нѣтъ тяжеле укора Польскому, дѣлу какъ это совпаденіе.

Впрочемъ, и Американскіе сепаратисты точно такъ же, какъ Поляки, пишутъ свободу на своемъ знамени. Прочтите любой ихъ манифестъ, и если бы не было нѣсколько словъ, указывающихъ на мѣстность, вы могли бы подумать, что это какая нибудь польская прокламація. Вѣдь и сепаратисты, защищая свою д о м а ш н ю ю и н с т и т у ц і ю, провозглашаютъ, что они идутъ на смерть за «священное дѣло свободы» противъ «невыносимаго деспотизма» грубыхъ *Янки*, какъ Поляки, защищая с в о ю «домашнюю институцію» (владычество ихъ шляхетской народности надъ русскою), увѣряютъ міръ, что подняли мечъ за свободу противъ невыносимаго деспотизма варварскихъ *Москалей*. И тѣ, и другіе дѣйствительно сражаются за свободу,—но только для себя, съ тѣмъ, чтобы другіе были ихъ слуги и рабы. И тѣ, и другіе соединяютъ изумительный героизмъ въ отдѣльныхъ личностяхъ (плодъ аристократическаго воспитанія цѣлыхъ поколѣній) съ мерзостью употребляемыхъ въ дѣло лжи, клеветы и террора (послѣдствіе нравственной несостоятельности), наконецъ, чтобы аналогія была совершенно полная, и тѣ и другіе возбуждаютъ къ себѣ одинаково сочувствіе Западной Европы.

Что же касается до выраженія этого сочувствія матеріальнымъ содѣйствіемъ, то тутъ все зависитъ, очевидно, отъ степени уваженія, внушаемаго Европѣ обѣими сторонами, въ которыхъ идетъ междоусобная борьба. Если бы варварскихъ Московитовъ боялись, какъ боятся грубыхъ Янки, которые шутить не любятъ и съ флотомъ которыхъ шутить нельзя; если бы мы глядѣли Европѣ такъ же смѣло въ

глаза, какъ глядятъ Сѣверные штаты, то, конечно, дѣло ограничилось бы и въ отношеніи къ намъ газетной войною и демонстраціями не опаснѣе той, которую произвелъ въ Англійскомъ парламентѣ г. Робакъ въ пользу добродѣтельныхъ и милыхъ его сердцу плантаторовъ. Но, во всякомъ случаѣ, какъ Американскіе сепаратисты, такъ и Поляки въ сочувствіи Западной Европы тотчасъ видѣли готовность на вооруженную помощь и одинаково на нее разсчитывали.

Возстаніе Южанъ, опирающихся на правильную армію и на огромныя военныя средства, переданныя имъ измѣннически прежнимъ правительствомъ Буканана, грозитъ, по-видимому, величайшею опасностью Американской республикѣ. Возстаніе Поляковъ не располагаетъ тѣми силами и тѣми средствами, хотя и оно составляетъ немаловажную опасность для Россіи, какъ предлогъ къ иностранному вмѣшательству. Но и то и другое возстаніе имѣло одинаковое, неизмѣримое, въ своихъ благотворныхъ послѣдствіяхъ, дѣйствіе: постепенно, невольно, силою вещей, оно привело, и въ той и въ другой странѣ, къ необходимости опереться прямо, искренно, безусловно на основной принципъ государства и положить конецъ внутреннему противорѣчію, въ которое оно себя поставило прежними уступками въ пользу личныхъ интересовъ одного класса. Кто могъ ожидать, при первыхъ враждебныхъ демонстраціяхъ сепаратистовъ и при тогдашней деликатности президента Линкольна, что, черезъ два года, сдѣлано будетъ то, о чемъ прежде и помышлять никто не смѣлъ,—объявлено будетъ разомъ прекращеніе рабства? что полки африканскихъ рабовъ будутъ призваны въ ряды бѣлаго свободнаго войска? И кто могъ ожидать при первыхъ демонстраціяхъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и при тогдашней уступчивости Русскаго правительства, что, черезъ два года, сдѣлано будетъ то, на что прежде никто изъ насъ и не смѣлъ надѣяться, что возстановлено будетъ не только гражданское, но и политическое значеніе Русской народности въ Западно-Русскомъ краѣ? что Западно-Русскій народъ будетъ призванъ Россіей къ охраненію его роднаго края, котораго столько лѣтъ онъ не могъ считать своимъ? Такова сила событій. И въ Россіи и въ Америкѣ пришлось поставить основной принципъ государственнаго бытія выше правъ и интересовъ одного класса, пришлось сказать, какъ древній Римъ: *salus Rei Publicae lex suprema esto* [1]), и съ этимъ какъ бы вдругъ исчезло заклятіе, подъ которымъ восемдесятъ лѣтъ держалъ обѣ страны страхъ предъ тѣмъ, что̀ называлось «нарушеніемъ наслѣдованныхъ правъ и интересовъ собственности». Внутреннее противорѣчіе, губившее Америку вопросомъ рабства, губившее насъ Польскимъ во-

---

[1]) Благо государства — да будетъ высшимъ закономъ.

просомъ, кончено, и если мы платимъ теперь за грѣхи нашего прошедшаго, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ, что выстрадаемъ отъ нихъ полное очищеніе. Развѣ мы не платимъ, въ настоящее время, за вину тѣхъ поколѣній, которыя, презрѣвъ Русскую народность въ западной Руси, оставили ее подъ ногами польской шляхты и тѣмъ, питая притязанія Поляковъ на возвращеніе «забраннаго края», сдѣлали установленіе какихъ бы то ни было нормальныхъ отношеній между Россіей и Польшей также невозможнымъ, какъ квадратура круга? Источникъ польскаго вопроса находится въ западныхъ губерніяхъ, въ господствѣ тамъ польскаго шляхетскаго меньшинства надъ Русскою народностью, и только когда этого господства не станетъ и надежда его возвратить пройдетъ, только тогда, говоримъ мы, но не прежде, польскій вопросъ перестанетъ быть неразрѣшимымъ.

Сами Поляки, къ нашему счастію, помогаютъ такому исходу. Если бы они ограничились возстаніемъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ Польская народность представляетъ дѣйствительную силу, и оставались спокойными тамъ, гдѣ одинъ Полякъ приходится на 10 или на 100 человѣкъ Русскихъ, и гдѣ все его значеніе основывалось на русской дворянской грамотѣ да на мертвенности туземнаго народа,—то дѣло едва ли пришло бы такъ скоро къ развязкѣ. Мы сами, конечно, не вздумали бы, въ такомъ случаѣ, затронуть господство польскаго шляхетства въ западныхъ губерніяхъ, и все осталось бы по старому. Но невозможно было, чтобы Поляки въ западной Руси остались спокойными, когда дѣло шло именно объ ихъ правахъ на западную Русь,—и вотъ, изъ-за того, чтобы «засвидѣтельствовать фактомъ передъ лицомъ всего міра, что Витебскъ, и Могилевъ, и Минскъ, и Кіевъ, и Волынь, и Подолія, это все Польша», эти люди сами приняли на себя трудъ приготовить дѣло для Россіи. Мы, на нашихъ глазахъ, видѣли и видимъ, какъ встрепенулся, какъ вдругъ ожилъ политически и созналъ себя народъ Западно-Русскій. Остается только открыть дорогу его матеріальному и нравственному развитію.

Въ корреспонденціяхъ изъ Кіева, помѣщавшихся въ Аугсбургской Всеобщей Газетѣ, мы встрѣтили одно весьма мѣткое и дѣльное замѣчаніе. «Прежняя система правленія въ этихъ областяхъ, пишетъ корреспондентъ, была безпощадно строга къ отдѣльнымъ личностямъ изъ Поляковъ, навлекшихъ на себя нерасположеніе власти; но она ничего не дѣлала противъ полонизма, какъ принципа, противъ народности Польской, какъ господствующей стихіи въ западномъ краѣ». Нечего и говорить, что это истекало изъ признанія, въ то время, неприкосновенности крѣпостнаго права; нечего и говорить, какъ эта система была ложна и вредна для насъ, ибо ничто такъ не возбуждаетъ ненависти, какъ личныя притѣсненія; мы обижали и раздражали Поля-

ковъ; мы надѣвали на нихъ вѣнецъ мучениковъ, и въ то же время предоставляли имъ, на дѣлѣ, полный просторъ господства и нравственныхъ завоеваній. Вотъ, между прочимъ, одна изъ существенныхъ причинъ, почему они привыкли считать Русскихъ вмѣстѣ и тиранами и глупцами, какъ показываютъ всѣ ихъ отзывы о насъ, въ послѣднее время сдѣлавшіеся извѣстными и русской публикѣ.

Теперь, съ тѣхъ поръ, какъ Западно-Русскій народъ ожилъ самъ и Россія рѣшительно оперлась на него, о прежней системѣ рѣчи быть не можетъ. Самъ народъ такъ громко заявилъ, что Западная Русь есть *русская* земля, что право существованія тамъ полонизма, какъ принципа, падаетъ само собою; но съ того дня, какъ мы приняли безусловно начало Русской народности въ западномъ краѣ, устраняется сама собою необходимость въ излишней строгости къ безвиннымъ личностямъ. При крѣпкой системѣ противодѣйствія *принципу* полонизма, польское меньшинство потеряетъ серьозное политическое значеніе въ краѣ, и эти гости въ средѣ Русскаго народа будутъ совершенно безопасны для Россіи. Но сколько еще остается сдѣлать, чтобы достигнуть этого результата! Подавленіе вооруженнаго возстанія есть только первое и самое легкое начало дѣла; дѣло будетъ собственно впереди, дѣло возвращенія Русской народности въ Западной Руси того значенія, которое ей принадлежитъ по праву. Дѣло это потребуетъ постояннаго участія всего русскаго общества въ дружномъ содѣйствіи правительству. Оно потребуетъ не столько дѣйствій *противъ* Польскаго элемента, сколько дѣйствій *въ пользу* Русскаго народа. Объ одномъ изъ первыхъ, самыхъ существенныхъ дѣйствій этого рода мы уже говорили, именно о распространеніи постановленій 1-го Марта на Кіевскую, Волынскую и Подольскую губерніи.[1]) Дай Богъ, чтобы эта надежда скорѣе осуществилась.

Вторымъ, не менѣе важнымъ дѣйствіемъ было бы, по нашему мнѣнію, уравненіе крестьянъ государственныхъ въ западныхъ губерніяхъ съ крестьянами, освобожденными указомъ 1-го Марта 1863 года[2]). Мы безпрестанно встрѣчаемъ въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и частныхъ корреспонденціяхъ извѣстіе, что тамошніе государственные крестьяне далеко отстаютъ отъ бывшихъ помѣщичьихъ въ сознаніи своего народнаго дѣла и въ сопротивленіи Полякамъ. Вещь понятная. Бывшіе помѣщичьи крестьяне освобождены и пользуются собственнымъ самоуправленіемъ, государственные находятся въ совершенной

---

[1]) Прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ означенныхъ трехъ губерніяхъ, совершилось, какъ извѣстно, Указомъ 30 Іюля 1863 г.; а Указомъ 2 Ноября того же года, эта мѣра распространена на Могилевскую и бѣлорусскіе уѣзды Витебской губерніи.

[2]) Подобная мѣра принята Указомъ 16 Мая 1867 года.

зависимости отъ мѣстной администраціи, чисто польской по своему составу. Предоставить государственнымъ крестьянамъ западныхъ губерній поземельный надѣлъ въ полную собственность, какъ это сдѣлано для помѣщичьихъ крестьянъ и дѣлается теперь для удѣльныхъ, дать имъ полное мірское самоуправленіе и освободить администрацію государственныхъ имуществъ отъ тѣхъ элементовъ, вслѣдствіе которыхъ она до сихъ поръ служила въ западномъ краѣ одною изъ главныхъ опоръ полонизма—вотъ, какъ намъ кажется, первая существеннѣйшая задача наша въ этомъ дѣлѣ.

Православное духовенство должно быть выведено изъ униженія, въ которомъ его держали до сихъ поръ, должно получить матеріальное обезпеченіе, по крайней мѣрѣ, равное тому, которымъ пользуется католическое, и быть поставленнымъ въ совершенную независимость отъ помѣщиковъ и вообще въ такое положеніе, чтобы оно могло свободно и безъ препятствій дѣйствовать въ пользу русской народности и народнаго образованія.

Разумѣется, въ такомъ отдаленіи отъ мѣста нельзя писать подробную программу дѣйствій въ западномъ краѣ, да и мы не чувствуемъ въ себѣ къ тому никакого призванія. Не имѣя мѣстныхъ данныхъ, мы не рѣшимся даже въ общихъ словахъ высказать положительное мнѣніе о такомъ важномъ предметѣ, какъ напр. элементарное народное образованіе: какъ и на какомъ языкѣ преподавать народу? Недавно, преимущественно въ Петербургѣ, утверждали, что первоначальное обученіе въ западномъ краѣ должно быть производимо непремѣнно на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, особенно тамъ, гдѣ господствуетъ нарѣчіе малорусское; но затѣмъ поднялись голоса мѣстныхъ дѣятелей, опровергающіе этотъ взглядъ. Такимъ образомъ, мы теперь находимся въ недоумѣніи и можемъ желать только, чтобы учили народъ западно-русскій, а какъ его учить, по великорусски ли, или на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, бѣлорусскомъ и малорусскомъ, можетъ указать всего лучше сама жизнь. Вредно было бы предрѣшать этотъ вопросъ регламентаціей а priori въ ту или въ другую сторону.

Что же касается Жмуди и Литвы въ собственномъ смыслѣ, такъ же какъ Латышей Витебской губерніи, то само собою разумѣется, что первоначальное обученіе должно быть производимо на ихъ языкахъ, совершенно самостоятельныхъ. Россія, уже признавъ безусловно принципъ народности въ Западно-Русскихъ губерніяхъ, не можетъ не быть вѣрна ему и въ краѣ, обитаемомъ вѣтвями Литовскаго племени. Если бы мы стали прежде эту точку зрѣнія и не предоставили польскому меньшинству владычества надъ Литовскою народностью то, конечно, не удалось бы ксендзамъ и шляхтѣ фанатизировать Литву и Жмудь за Польшу, отъ которой Литовская народность такъ дол-

го и такъ много страдала. Постараемся вывести эту убитую Польшею народность изъ омертвѣнія, постараемся открыть ей путь къ образованію на собственномъ языкѣ, къ развитію своего народнаго самосознанія,—и мы исполнимъ одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей Россіи въ западномъ краѣ.

Мы ничего несправедливо не отнимаемъ у Польши; напротивъ того, самая справедливость требуетъ, чтобы Польская народность господствовала тамъ, гдѣ живетъ Польскій народъ, но не тамъ, гдѣ его нѣтъ. Все зданіе польскихъ притязаній держится въ западной Руси и Литвѣ на власти и привилегіяхъ дворянства, съ которыми соединялась до сихъ поръ монополія образованія, тѣмъ болѣе, что тамъ купечество и вообще средній классъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ Евреевъ. Какъ будто нарочно для того, чтобы эта монополія образованія была какъ можно больше обезпечена Полякамъ, существовало въ томъ краѣ учрежденіе *дворянскихъ училищъ*, закрывающее всѣмъ не-дворянамъ, значитъ всей массѣ Русскаго и Литовскаго туземнаго населенія, возможность итти далѣе элементарнаго обученія. Теперь матеріальная власть надъ народомъ отнята у Польскаго дворянства. Отнимите у него монополію образованія, открывъ всѣмъ классамъ населенія равный доступъ во всѣ училища, низшія, среднія и высшія и, на первыхъ порахъ, оказывая содѣйствіе Русскимъ и Литвинамъ, которые хотѣли бы учиться; отнимите у гимназій въ западной Руси тотъ исключительно-польскій характеръ, который онѣ имѣютъ теперь, какъ видно по извѣстіямъ, сообщаемымъ въ мѣстныхъ корреспонденціяхъ; дайте Литовскому языку въ гимназіяхъ и другихъ училищахъ собственно Литовскаго края по крайней мѣрѣ то мѣсто, какое вы даете Польскому; объясняйте Литвинамъ законы по-литовски, а не по-польски, какъ дѣлается теперь, отстраните тѣ обветшалыя и, со времени крестьянской реформы, уже ненужныя привилегіи, по которымъ шляхтичъ, т. е. Полякъ, стоитъ выше не-шляхтича, т. е. Русскаго и Литвина; старайтесь поставить ожидаемыя новыя судебныя и земскія учрежденія такъ, чтобы мѣстное Русское и Литовское населеніе имѣло въ нихъ голосъ соотвѣтствующій его дѣйствительному значенію, — словомъ слѣдуйте неуклонно, на каждомъ шагу, во всѣхъ подробностяхъ, принципу народности, не давайте ни въ чемъ преимущества меньшинству надъ большинствомъ, чужому надъ туземнымъ, аристократическому надъ народнымъ: этого требуетъ самая строгая справедливость, самое строгое безпристрастіе,—и это разомъ положитъ конецъ неестественному господству польскихъ стихій въ краѣ, не принадлежащемъ Польской народности. И если бы нѣкоторые тамошніе Поляки продолжали предъявлять притязанія въ родѣ тѣхъ,

это народъ далеко не властолюбивый и вовсе не завоевательный, но тотъ естественный законъ, по которому большая масса притягиваетъ къ себѣ мелкія единицы, повелъ Русскій народъ къ расширенію своихъ предѣловъ и подчинилъ его власти многія племена. Ровно два вѣка протекло съ того времени, какъ Польша, въ апогеѣ своего завоевательнаго и аристократическаго духа, высылала экспедицію для покоренія Московскаго государства, громаднѣйшую частную [1]) экспедицію завоевателей, какая когда-либо снаряжалась, — и эта самая Польша поступила подъ Русскую власть, съ которой не можетъ сжиться вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ. И никогда, быть можетъ, антагонизмъ ихъ не ощущался болѣзненнѣе, чѣмъ теперь. Мечта о примиреніи, дѣлающая честь русскому благодушію, но не русской прозорливости (особенно въ такое время, когда предстоявшее освобожденіе крестьянъ грозило Полякамъ паденіемъ ихъ господства надъ Западной Россіей и когда должно было ожидать отъ нихъ не взаимной уступчивости, а удвоенныхъ усилій, чтобы предотвратить это паденіе), мечта о примиреніи дала, какъ всѣмъ извѣстно, организоваться огромному, едва ли не безпримѣрному въ исторіи заговору; а затѣмъ, намъ приходится теперь, безпощадною строгостію военной диктатуры, возстановлять нашу власть, которую мы выпустили было изъ рукъ, благодаря оплошности однихъ, предательству другихъ, ложному взгляду третьихъ. Никто не сомнѣвался, что такая реакція должна была наступить, что Россія, если не хотѣла отказаться отъ своего значенія, какъ государства, если не хотѣла погубить себя въ глазахъ собственнаго народа и остальныхъ державъ, не могла снести такого посрамленія, чтобы у нея отняли, не столько силою, сколько ловкостью, цѣлую страну. Никто не сомнѣвался, что военная диктатура сдѣлается, на время, единственнымъ возможнымъ порядкомъ вещей въ Польшѣ. И военная диктатура тамъ водворена; она дѣлаетъ свое дѣло; враждебная намъ организація уже потрясена и прорвана не въ одномъ мѣстѣ, и можно ожидать, что при нѣкоторомъ благоразуміи и послѣдовательности нашихъ дѣйствій, она скоро рушится окончательно; можно надѣяться, что скоро мятежъ утихнетъ совсѣмъ, и въ Польшѣ скоро не будетъ опять никакой другой власти, кромѣ Русской. Но что̀ представляло и чѣмъ представится опять Царство Польское подъ Русскою властью? Прежде всего, мы тутъ видимъ народъ малый и слабый, подчиненный большому и сильному: зрѣлище не новое и не единственное въ человѣчествѣ, фактъ

[1]) Извѣстно, что попытка Поляковъ завоевать Московское государство, въ началѣ XVII столѣтія, была первоначально частнымъ предпріятіемъ нѣкоторыхъ магнатовъ и шляхты, и что Польша, какъ государство, была лишь мало-по-малу втянута въ это дѣло.

столь обыкновенный во всѣхъ почти государствахъ нашей образованной Европы (не говоря уже о другихъ странахъ свѣта), что наблюдатель будетъ скорбѣть о немъ, но скажетъ, что это такъ бываетъ въ родѣ человѣческомъ. Однако всмотримся въ дѣло глубже, и мы увидимъ, что тутъ не все такъ обыкновенно, не все такъ въ порядкѣ вещей. Малый и слабый народъ подвластенъ большому и сильному. Но этотъ малый и слабый народъ заключаетъ въ себѣ непомѣрно многочисленный высшій классъ, съ аристократическимъ духомъ, съ притязаніями на званіе и права людей благородныхъ и образованныхъ, — и ему приходится повиноваться Россіи, стоящей предъ Полякомъ не иначе, какъ въ образѣ мужика и солдата. Покоренный имѣетъ о себѣ, о своемъ народѣ, такое безконечно высокое мнѣніе, что пожалуй онъ въ этомъ не уступитъ и Французу, а надъ нимъ поставленъ, въ качествѣ повелителя, человѣкъ, всякій день и при всякомъ случаѣ готовый признать, что онъ невѣжа и дикарь, что онъ былъ бы крайне благодаренъ даже за послѣднее мѣстечко въ образованной компаніи европейскихъ народовъ. Словомъ, аристократъ и завоеватель въ душѣ, попалъ подъ власть смирнаго и равнодушнаго къ своему завоеванію плебея, и того именно плебея, котораго этотъ злосчастный аристократъ считалъ себя нѣкогда призваннымъ взять подъ свое начало и оболванить по своему. — Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, главная причина трудности и ненормальности нашаго положенія въ Польшѣ, а не въ простомъ матеріальномъ фактѣ владычества надъ чужимъ народомъ. Пруссія и Австрія владѣютъ преспокойно не малыми частями Польской земли, и никто не находитъ этого неестественнымъ; даже Поляки сами несравненно хладнокровнѣе относятся къ несправедливости Прусскаго и Австрійскаго владычества надъ ними, нежели Русскаго, не смотря на то, что положеніе ихъ народности, какъ извѣстно, во сто разъ хуже въ Познани и Галиціи, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Дѣло въ томъ, что Нѣмецъ въ глазахъ Поляка далеко не то, что Москаль; это такой же господинъ, какъ Полякъ, а не плебей, господинъ другой породы, а не младшій, недавно казавшійся безталаннымъ и ничтожнымъ, братъ въ родной семьѣ. Такъ и въ частной жизни: самолюбивый человѣкъ охотнѣе подчинится чужому, въ которомъ видитъ признаки власти, чѣмъ тому изъ братьевъ, котораго привыкъ считать за несовершеннолѣтняго и малоумнаго и которымъ въ былое время распоряжался.

Не стану разбирать здѣсь происхожденіе этихъ отношеній, тѣмъ болѣе, что говорилъ уже объ этомъ въ другой статьѣ; не буду также разсуждать о томъ, какимъ образомъ, въ будущемъ болѣе или менѣе отдаленномъ, можетъ изгладиться эта презрительная вражда Поляковъ къ Русскимъ, когда Россія, внутреннимъ самобытнымъ развитіемъ сво-

имъ, представить нравственное, такъ сказать, оправданіе своего владычества, теперь являющагося Полякамъ лишь случайнымъ перевѣсомъ матеріальной силы. Оставляю въ сторонѣ всѣ эти отвлеченные вопросы и говорю только о голомъ фактѣ современной жизни, а существованія этого факта не будетъ отрицать, я увѣренъ, ни одинъ безпристрастный наблюдатель, вникавшій въ отношенія Поляковъ къ Русскому владычеству въ Царствѣ Польскомъ. Наше владычество несносно Полякамъ въ Царствѣ Польскомъ, и оно кажется имъ несноснымъ не потому главное, что они подчинены чужой власти: въ Познани и Галиціи Поляки гораздо легче мирятся съ чужою властью, а тамъ присутствіе ея чувствуется несравненно сильнѣе, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, тамъ вся администрація въ рукахъ нѣмецкихъ чиновниковъ, оффиціальный языкъ нѣмецкій и проч. Несносно Полякамъ наше владычество и не потому также, что мы иновѣрцы; надъ Познанскими Поляками властвуютъ протестанты и позволяютъ себѣ иногда такія дѣйствія, которыхъ испугалась бы наша православная церковь. Также и не потому, чтобы мы тиранствовали и дѣйствовали варварами въ Царствѣ Польскомъ, кажется наша власть несносною. Вѣдь, сколько бы ни кричали въ европейской печати про наше тиранство и варварство, въ сущности Поляки очень хорошо знаютъ, что русскіе люди вовсе не жестокосердые, а скорѣе мягкосердечные до простоватости люди. Существенная, я долженъ повторить, причина, почему русское владычество кажется Полякамъ невыносимымъ, та, что тутъ плебей властвуетъ надъ аристократомъ, что **панъ** или человѣкъ, считающій себя годнымъ быть паномъ, чувствуетъ себя подчиненнымъ народу мужиковъ и солдатъ; существенная причина та, что мы остались тѣмъ, чѣмъ были, по выраженію Хомякова, въ старину всѣ славянскія племена,—плебеями человѣчества, а Поляки, пропитавшіеся духомъ западно-европейскаго аристократизма, должны теперь вступить въ подчиненное къ намъ отношеніе.

Что же тутъ дѣлать? Какъ быть съ Польшею? Та главная, коренная причина, почему наша власть Полякамъ столь тягостна, не такая, чтобы ее можно было устранить; она заключается въ самомъ характерѣ обоихъ народовъ: и не дай Богъ, чтобы *съ нашей стороны* терялся этотъ характеръ. А нельзя же однако не обращать вниманія на это постоянное, тайное или явное, противодѣйствіе Поляковъ Русскому владычеству. Въ настоящее время мы можемъ, конечно, успокоиться убѣжденіемъ въ необходимости диктатуры. и должны надѣяться, что эта успокоительная для нашего ума и немудреная система утишитъ самымъ простымъ способомъ Царство Польское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы задаемъ себѣ вопросъ: «а потомъ что?» On s'appuie sur des baionnettes, on ne s'y asseoit pas

сказалъ кто-то изъ великихъ людей. И этотъ вопросъ: «потомъ что̀?» кажется намъ весьма серьёзнымъ. Онъ не принадлежитъ къ теоретическимъ мечтаніямъ о будущемъ, а имѣетъ и прямой практическій смыслъ. Военная диктатура есть власть политическая, а не только полицейская. Вооружившись военною диктатурою, мы не станемъ только исправлять полицейскія обязанности въ Царствѣ Польскомъ; мы не будемъ ограничивать всѣ наши заботы настоящимъ днемъ, чтобы нынче все было смирно и въ порядкѣ, ибо въ этомъ случаѣ мы были бы тамъ не болѣе, какъ полиціей. Мы стоимъ тамъ въ качествѣ политической власти, мы будемъ смотрѣть тамъ дальше настоящаго дня, мы и во время военной диктатуры поставимъ себѣ какую-нибудь опредѣленную политическую цѣль, потому что диктатура не можетъ длиться долго, потому что передъ ней должно стоять неотступное: «а потомъ что̀?» Можемъ ли мы чѣмъ нибудь упрочить за собою Царство Польское, или у насъ нѣтъ въ немъ другой будущности, какъ вѣчно держаться тамъ силою, или убираться изъ Польши?

Если, въ самомъ дѣлѣ, намъ ничѣмъ нельзя упрочить за собою Царство Польское, если намъ не останется другаго выбора, какъ вѣчно держать Польшу силою или покинуть ее, то, конечно, всякій Русскій, любящій свое отечество, желалъ бы только видѣть приближеніе минуты, когда это послѣднее могло бы быть исполнено. Мы понимаемъ, что теперь, послѣ нападенія Поляковъ на наши войска, послѣ угрозъ Европы, выступить изъ Польши было бы срамомъ, и объ этомъ рѣчи быть не можетъ въ настоящее время. Но мы стали бы ждать съ нетерпѣніемъ отъ будущаго, чтобы политическія обстоятельства сложились благопріятнымъ образомъ и чтобы мы могли, непринужденно и съ честью, оставить страну, которая насъ не терпитъ и увѣряетъ, что никогда не примирится съ нашею властію. Гораздо лучше пожертвовать областью, которая Россіи не приноситъ никакой выгоды, чѣмъ имѣть постояннаго домашняго непріятеля и слыть въ цѣломъ мірѣ тиранами. Насильственное обладаніе Польшею ставитъ Россію въ тягостное внутреннее противорѣчіе съ самой собою, съ ея характеромъ славянской державы, съ ея призваніемъ представительницы и заступницы Славянскаго племени. Съ какимъ же восхищеніемъ мы привѣтствовали бы свое избавленіе отъ этого гибельнаго противорѣчія, съ какимъ удовольствіемъ стряхнули бы съ себя бремя насильственнаго владычества надъ Польской землею. Съ какой справедливой гордостью мы глянули бы въ глаза всѣмъ нашимъ клеветникамъ въ Европѣ, какъ мы почувствовали бы себя свободнѣе въ нашей политикѣ!

И не только въ смыслѣ политическомъ, мысль эта, покуда ее раз-

сматриваешь теоретически, оказывается самымъ лучшимъ для Россіи выходомъ изъ безчисленныхъ затрудненій, поставляемыхъ ей Царствомъ Польскимъ. За мысль эту говоритъ и высшая справедливость, не допускающая, чтобы одинъ народъ налагалъ цѣпи на другой. На почвѣ безусловной правды казалось бы несомнѣннымъ, что должно, при первой возможности, возвратить Царству Польскому его самостоятельность.

Но бѣда въ томъ, что противъ требованій безусловной теоретической правды вооружаются двѣ силы, передъ которыми всегда уступитъ то, что̀ мы считаемъ безусловною правдою: сила политическихъ условій и сила историческаго развитія. Политическія условія, это сфера, въ которой властвуетъ *князь міра сего*; здѣсь, нѣтъ мѣста идеалу безусловной правды. Какъ только зайдетъ рѣчь о практическомъ исполненіи благороднаго помысла, исполненіе это тотчасъ улетаетъ отъ насъ въ такую даль будущаго, что благородный помыслъ обращается въ ничто. А въ свою очередь, передъ нами является неумолимый, логическій законъ историческаго развитія, равнодушный къ стонамъ и проклятіямъ живыхъ людей, потому что ему надобно вымещать на отдаленномъ потомствѣ грѣхи или ошибки давно минувшихъ поколѣній.

Прежде всего, поставимъ вопросъ о Русскомъ владычествѣ въ Царствѣ Польскомъ на почву политическихъ условій. Въ этомъ отношеніи мы наткнемся на обстоятельство самаго неидеальнаго свойства, но котораго нельзя обойти безъ вниманія. Русская власть пустила корни въ Царствѣ Польскомъ, корни, правда, самые грубые, совершенно вещественные, но которыхъ намъ не легко бы было вырвать. У насъ тамъ первостепенныя крѣпости. Какъ быть съ Новогеоргіевскомъ, съ Ивангородомъ, съ Замосцемъ? Употребить громадныя усилія, чтобы взорвать на воздухъ или срыть до основанія работы, стоившія Россіи не одну сотню милліоновъ? Или передать въ чужія руки укрѣпленія, которыя, въ случаѣ какой нибудь войны въ средней Европѣ, сдѣлались бы для насъ преградою, быть можетъ неодолимою, или, по крайней мѣрѣ, достаточною, чтобы задержать наши войска на цѣлую кампанію? Не мнѣ, конечно, разсуждать о спеціальномъ военномъ дѣлѣ, но простой здравый смыслъ указываетъ, что пока Европейскимъ народамъ нужно будетъ брать въ расчетъ возможность войны и принимать мѣры для своего огражденія, Россіи придется держать Царство Польское для своей собственной безопасности въ военномъ отношеніи.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о крѣпостяхъ. Англія рѣшилась же отдать Грекамъ Іоническіе острова, жертвуя великолѣпною крѣпостью Корфу. За то политическія условія были въ пользу отда-

чи Іоническихъ острововъ Грекамъ и не только уравновѣшивали, но вознаграждали съ лихвою ущербъ по военной части. Уступка Іоническихъ острововъ не угрожаетъ Англіи ни малѣйшею опасностью, а въ то же время даетъ ей огромное вліяніе на Грецію: собственно, Англія не отдаетъ Іоническихъ островов, а посредствомъ Іоническихъ острововъ притягиваетъ къ себѣ Грецію. Политическія условія Царства Польскаго прямо противоположны всему этому. Поляки властолюбивы и притязательны, по самому понятію, которое они имѣютъ о себѣ, какъ представителяхъ высшей цивилизаціи и единоспасающей религіи, и по тому самому, ихъ властолюбіе и ихъ притязанія обращены не на западъ Европы, откуда они заимствовали эту цивилизацію и эту религію, а на русскій востокъ: ибо тамъ они видятъ мужицкое варварство и схизму и тамъ считаютъ себя призванными распространятьгосподство своей цивилизаціи и своей единоспасающей церкви. Выпустить Царство Польское изъ нашихъ рукъ, значило бы открыть себя немедленному и непремѣнному вторженію всего, что̀ въ Царствѣ Польскомъ способно носить оружіе; и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первымъ дѣломъ самостоятельной Польши было бы избрать въ Европѣ такихъ союзниковъ, призвать къ себѣ такого государя (какого нибудь Наполеонида, если будетъ еще имѣться такой, или тому подобную личность), съ которыми можно было бы удобнѣйшимъ образомъ напасть на Россію. Конечно, обладаніе Царствомъ Польскимъ требуетъ отъ насъ много войска и стоитъ намъ большихъ денегъ. Но не понадобится ли еще больше войска и еще бо́льшихъ денегъ, какъ скоро мы выйдемъ изъ Царства Польскаго? Намъ придется во всемъ нашемъ западномъ краѣ стоять постоянно на сторожѣ, ждать ежечасно непріятельскаго вторженія. Настоящія событія даютъ намъ чувствовать, как тягостно и обременительно для страны быть въ пассивномъ ожиданіи нападенія, не имѣя возможности предупредить удара. И въ этомъ-то положеніи, въ которое мы теперь *временно* поставлены напряженными отношеніями къ западнымъ державамъ, Россія находилась бы *постоянно*, имѣя подъ бокомъ независимую Польшу съ польскою арміею,—пока, я долженъ повторить, какъ говорилъ въ предъидущей статьѣ, не прекратятся притязанія Поляковъ владѣть западною частью Русской земли.

Такимъ образомъ, мысль освободить Царство Польское отъ Россіи, мысль столь благородная, столь привлекательная, мысль неопровержимая въ теоріи, — разбивается о дѣйствительность, какъ только мы ее поставимъ въ видѣ современнаго политическаго вопроса для Россіи. Нельзя же, чтобы Россія, въ увлеченіи благороднымъ безкорыстіемъ, думала о возможности избавить Польшу отъ ненавистной для нея Русской власти, не давъ себѣ предварительно отчета о томъ,

что изъ этого можетъ или должно выйти. Не только въ настоящее, самое тягостное для насъ, время возбужденныхъ противъ насъ польскихъ страстей, мы не можемъ оставить Царство Польское уже изъ-за того, чтобы не показаться трусами, не уронить себя предъ цѣлымъ свѣтомъ; не только теперь, когда на насъ нападаютъ и намъ грозятъ, мы должны держать Царство Польское и говорить: «приходите, отнимите, если можете»; нѣтъ, но и въ будущемъ, мы могли бы рѣшиться на такой шагъ развѣ тогда, когда знали бы, что въ средней Европѣ не будетъ больше войны и что Поляки, отказавшись отъ своихъ вѣковыхъ притязаній, не придутъ отвоевывать у насъ Литву и Украйну: условія, которыя отдаляютъ исполненіе мысли нашей въ такіе вѣка, которые, по Греческому выраженію, «еще покоятся въ лонѣ боговъ».

Или, чтобы скорѣе настало то счастливое время, когда намъ можно будетъ избавиться отъ Царства Польскаго и избавить его отъ насъ, не положить ли разомъ конецъ польскимъ притязаніямъ на западную Русь—изгнаніемъ оттуда всѣхъ Поляковъ въ Царство? Послѣ этого, конечно, не было бы для насъ опасности нашествія изъ Царства Польскаго, потому что не стало бы для такого нашествія никакихъ надеждъ на опору въ краѣ и на успѣхъ. Исторія представляетъ намъ подобный случай. Аналогія полнѣйшая. Испанія возвратила себѣ области, составляющія ея природную часть, но которыя долго принадлежали враждебному ей, иновѣрному племени, нѣкогда стремившемуся завоевать ее всю. Тамъ, въ этихъ новопріобрѣтенныхъ Испаніею областяхъ, по близости своей старой родины, чужое, иновѣрное племя водворилось большими массами и составляло, такъ сказать, *интеллигенцію* края. Не снесла этого ненормальнаго положенія нетерпѣливая Испанія, не хотѣла употребить нравственныя силы, силы своего духа, чтобы превозмочь враждебное ей настроеніе Мавровъ, быть можетъ мечтавшихъ о возстановленіи прежняго своего владычества надъ Севильей и Гренадой, быть можетъ сносившихся съ своими родичами въ Мавританіи. Она просто взяла и выгнала ихъ всѣхъ, сотнями тысячъ, въ Африку. Съ этого событія историки привыкли считать паденіе Испаніи, и, кажется, не напрасно. Не въ томъ дѣло, что страна потеряла въ Маврахъ большое количество рабочихъ и умственныхъ силъ; главное дѣло въ томъ, что это было признаніемъ внутренней несостоятельности испанскаго духа, сознаніемъ его въ безсиліи одолѣть враждебное настроеніе и чуждыя стихіи пришельцевъ, очутившихся гражданами Кастильскаго государства. Захотимъ ли мы подражать печальному примѣру Испаніи?

Узелъ между Россіей и Польшей сплетенъ такъ тѣсно исторіей что его не разрубишь. Это борьба двухъ противоположныхъ началъ

въ одномъ мірѣ; тутъ не скажешь той и другой сторонѣ: «ступай себѣ домой и сиди смирно, меня не трогай; а я тебя трогать не буду». По крайней мѣрѣ, одна сторона на это не согласится, да и не могла бы исполнить обѣщаніе, даже если бы согласилась. Говорятъ часто, — и эти слова будутъ приведены мною ниже вторично изъ устъ Поляка, — говорятъ часто, что Поляки ничего не забыли и ничему не выучились. Это правда, хотя причина тому не въ природномъ характерѣ Польской націи, а въ тѣхъ идеяхъ и обстоятельствахъ, среди которыхъ воспитывается польскій характеръ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но такія идеи и обстоятельства не скоро теряютъ свою силу. Не скоро убѣдятся Поляки, что ихъ предназначенная отчизна — малая земля Польскаго народа, а не тотъ обширный край, гдѣ они могутъ господствовать во имя своего аристократическаго превосходства и преимущества своего образованія. Они, люди цивилизованные, носители западно-европейскаго и католическаго знамени, не скоро убѣдятся въ несостоятельности своего призванія въ Славянскомъ мірѣ. Они вѣрятъ себѣ, они вѣрятъ въ свое знамя, а неудачи и бѣдствія не убиваютъ вѣры. Ихъ вѣра возвышаетъ ихъ до мечтаній, гдѣ теряется всякое чувство человѣческой дѣйствительности, и низводитъ ихъ до правилъ, въ которыхъ теряется всякое чувство человѣческой нравственности. Въ ихъ средѣ не только религія, какъ замѣчаютъ неоднократно, обратилась въ средство политическое, но, что̀ еще важнѣе, политическая идея обратилась въ религію. Прочитаемъ слѣдующія строки: «И умучили народъ Польскій, и положили во гробъ; и короли вскричали: мы убили и похоронили свободу. Вскричали же они неразумно: ибо, совершая послѣднее убійство, они исполнили мѣру своихъ беззаконій, и кончилась ихъ сила въ то время, когда они наиболѣе ликовали. Ибо народъ Польскій не умеръ: тѣло его лежитъ во гробѣ, а душа его сошла съ земли, то есть изъ общественной жизни, въ бездну, то есть въ домашнюю жизнь племенъ, терпящихъ неволю въ краѣ и за границей, дабы видѣть ихъ страданіе. А въ третій день душа вернется въ тѣло, и народъ Польскій воскреснетъ и освободитъ всѣ племена Европы изъ неволи. И прошли уже два дня; одинъ день зашелъ съ первымъ взятіемъ Варшавы, а другой день зашелъ со вторымъ взятіемъ Варшавы; а третій день взойдетъ, но не зайдетъ. И какъ по воскресеніи Христа престали на цѣлой землѣ кровавыя жертвоприношенія, такъ съ воскресеніемъ народа Польскаго престанутъ въ христіанствѣ войны». Есть цѣлая такая книга, изъ которой это лишь малый отрывокъ. Это ни болѣе ни менѣе, какъ цѣлое дополнительное Евангелье, но Евангелье, которое учитъ не вѣрѣ въ Бога, а вѣрѣ въ будущность Польши, не нравственной правдѣ, а тому, какъ вести себя польскимъ «пилигримамъ», разсѣяннымъ

«среди чужеземцевъ, какъ апостолы среди язычниковъ» (księgi Narodu Polskiego i Pielgrzymstwa Polskiego, гл. XVIII). И эту книгу писалъ не какой нибудь безвѣстный чудакъ, а величайшій геній Польши, Мицкевичъ; и писалъ онъ ее не тогда, когда его умъ былъ на закатѣ, а въ 1833 году, въ пору всей силы его таланта, въ ту самую пору, когда онъ съ такою изумительною вѣрностью живописалъ всѣ стороны польскаго шляхетства въ великолѣпной эпопеѣ о панѣ Тадеушѣ. Такое явленіе, какъ эта «книга Польскаго народа и Польскаго пилигримства» переноситъ насъ въ совершенно непонятный для насъ, живущихъ на землѣ, заоблачный міръ, гдѣ политическая мечта получаетъ силу и власть религіи [1]). Теперь, присоедините къ этому другой полюсъ того же явленія — религію, обращаемую въ политическое орудіе, уроки іезуитской теоріи о добрѣ и злѣ, о нравственномъ долгѣ [2]); всѣ эти уроки съ такою полнотою объясняются нынѣшнимъ

---

[1]) Зная Мицкевича, какъ поэта, мы вообще слишкомъ мало обращаемъ вниманіе на него, какъ на мыслителя. Между тѣмъ, онъ является полнымъ представителемъ и провозвѣстникомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя движутъ Поляками и воплощаются въ ихъ дѣйствіяхъ. Приведу одинъ характеристическій примѣръ. Въ статьѣ по поводу засѣданія общества русскихъ земель для празднованія годовщины бывшаго въ 1831 г. возстанія въ Литвѣ, Волыни, Подоліи и Украинѣ, статьѣ, написанной 5 апрѣля 1833 г., подъ заглавіемъ „О конституціи повстанцевъ", — Мицкевичъ опровергаетъ мысль, появлявшуюся въ польской эмиграціи, опредѣлить заранѣе ту форму правленія, ту конституцію, которую должна получить Польша, освобожденная отъ русской власти. Вся конституція польскихъ повстанцевъ должна состоять, по словамъ Мицкевича, въ слѣдующихъ немногихъ статьяхъ, которыя я перевожу изъ его статьи буквально: „Ст. 1. Москаля, служащаго Николаю, убивать, ловить, преслѣдовать какъ можно дальше. Ст. 2. Между повстанцами и Николаемъ нѣтъ никакихъ условій, договоровъ, конвенцій, перемирій, сношеній и т. п. Ст. 3. Каждаго *шпега* (шпіона), каждаго русскаго чиновника, угнетавшаго Поляковъ, каждаго Поляка, уличеннаго въ томъ, что онъ сторонникъ Россіи, ловить, судить, казнить. Ст. 4. Революціонная власть принадлежитъ тому, кто ее возьметъ. Она болѣе или менѣе обширна, смотря по многочисленности отдѣла, ей подчиненнаго, талантамъ и счастію вождя. Власть эта остается до тѣхъ поръ, пока ей повинуются. Ст. 5. Власть, водворившись въ городѣ или мѣстечкѣ, становится законодательною; схвативъ преступника, превращается въ судебную; а если состоитъ изъ малаго числа повстанцевъ, сама выполняетъ свои приговоры. Ст. 6. Подати собираются изъ добровольныхъ приношеній. Кромѣ того, власть забираетъ все, что нужно во время войны". (Полн. собр. сочин. Мицкевича, парижск. изд. 1860 года, т. VI, стр. 159). Стоитъ, вмѣсто имени Императора Николая, поставить имя Императора Александра II, вмѣсто 1833 года поставить 1863 годъ, и въ этой, начертанной Мицкевичемъ „конституціи повстанцевъ", мы будемъ имѣть во всей точности кодексъ современнаго польскаго возстанія.

[2]) Можно бы было, опять-таки у Мицкевича, всеобъемлющаго представителя польскихъ идей, найти выраженіе этой наиболѣе грустной стороны современнаго полонизма. Вспомнимъ характеристическую сцену въ „панѣ Тадеушѣ" (книга X-я), когда послѣ побѣды, одержанной шляхтою надъ Москалями, панъ-судья спрашиваетъ у своего ключника про участь маіора (Поляка, состоявшаго на русской службѣ), который попался въ плѣнъ въ этомъ дѣлѣ и отданъ былъ на попеченіе ключнику. „Ключникъ оглянулся кругомъ, погладилъ лысину, махнулъ небрежно рукою, какъ бы давая знать,

ихъ примѣненіемъ на практикѣ, что я могу избавить читателя отъ печальнаго ихъ исчисленія. Сложите же всѣ эти стихіи: преданіе о господствѣ надъ Русскими землями во имя аристократическаго принципа; чувство цивилизованнаго Европейца въ противоположность сосѣднему варварству Русскаго, чувство исповѣдника религіи, «внѣ которой нѣтъ спасенія», въ противоположность сосѣдней «схизмѣ»; патріотическую страсть, возведенную до высоты вѣры, не признающей уже условій дѣйствительняго міра и, въ то же время, отравленной понятіями, отрицающими законы міра нравственнаго, — сложите въ одно всѣ эти стихіи, которыя мы добыли анализомъ, но которыя проникаютъ другъ друга въ политической жизни Поляковъ и обусловливаютъ ея характеръ; сложите всѣ эти стихіи и подумайте: способна ли такая среда къ какой бы то ни было мирной политической сдѣлкѣ съ Россіей? Никакія уступки Полякамъ тутъ ничего не сдѣлаютъ. Примѣръ передъ глазами. Мало ли имъ было уступлено въ теченіе 1861 и 1862 годовъ? Быстрота, съ какою эти уступки слѣдовали одна за другою, не доказывали ли, что Россія вовсе не имѣла желанія торговаться съ Поляками, что она охотно дала бы имъ все возможное? И не было ли притомъ видно, что за этими уступками должны были слѣдовать еще другія? Какимъ же образомъ Поляки не захотѣли по крайней мѣрѣ дождаться конца всѣхъ этихъ уступокъ, посмотрѣть на ихъ практическіе результаты, и за тѣмъ, пожалуй, если бы онѣ показались недостаточными и неудовлетворительными, схватиться за оружіе? Неужели мы въ правѣ оскорбить Польскую націю, объясняя себѣ этотъ, по-видимому столь противный здравому разсудку, образъ дѣйствія какою-то врожденною чертой польскаго характера, какъ подумалъ бы вѣроятно нашъ простой народъ и какъ не прочь сознаться иной разсудительный Полякъ? Что эта оскорбительная для польскаго національнаго характера мысль существуетъ и между самими Поляками, въ доказательство тому приведу слѣдующія строки, написанныя однимъ изъ нихъ о настоящемъ возстаніи: «Наша обязанность была, говоритъ онъ (послѣ льготъ, данныхъ Царству Польскому), поддерживать правительство всѣми нашими силами, чтобы не принудить его

что онъ все устроилъ"..... „Requiescat in pace" (вѣчный покой), сказалъ подкоморій. „Видно, былъ въ этомъ перстъ Божій, прибавилъ судья: но я въ этой крови невиненъ, я ничего не зналъ о томъ". Тутъ ксендзъ (бернардинскій монахъ, заправлявшій цѣлымъ возстаніемъ, раненый въ этой стычкѣ съ Русскими и умирающій), — „ксендзъ привсталъ съ подушекъ и сидѣлъ насупившись; накопецъ сказалъ, взглянувъ быстро на ключника. „Великій грѣхъ убить безоружнаго плѣнника! Христосъ запрещаетъ мстить даже врагу! Ой ключникъ, ты дашь тяжкій отвѣтъ предъ Богомъ. Есть одна *рестрикція* (одно ограниченье); если это сдѣлано не изъ глупаго чувства мести, а pro publico bono (т. е. для общаго блага)." Ключникъ кивалъ головою и вытянутой рукой, и моргая, повторялъ: „pro publico bono"!

раздавить насъ. Такимъ образомъ, мы могли бы сложиться въ народъ (nous former en nation), дать созрѣть нашимъ мыслямъ, выучиться подчинять наши чувства условіямъ разсудка, и ожидать, приготовленные этимъ, всего отъ силы вещей, никогда не забывая, что мы Поляки, и что нашъ долгъ оставаться таковыми. Увы! Мы ничего не забыли и ничему также не научились. Я вижу это не съ нынѣшняго дня, и потому легко было предвидѣть, два года тому назадъ, событія, теперь совершающіяся. Всякій разъ, когда передъ нами будутъ открыты два пути, одинъ путь — разсудка и терпѣнія, другой — безумія, всегда мы будемъ бросаться стремглавъ на этотъ послѣдній путь» [1]).

Но нѣтъ, я не раздѣляю этого мнѣнія, и думаю, что вѣрнѣе признать тутъ не какую нибудь врожденную черту характера, а дѣйствіе той исторической силы, которая поставила всѣ начала польской жизни въ такой непримиримый антагонизмъ съ народными стихіями Россіи. Сама Россія очевидно не имѣетъ никакой народной антипатіи къ Полякамъ; она не желала бы ничего лучшаго, какъ оставить ихъ въ покоѣ въ ихъ землѣ; въ случаѣ, если бы возможна была мирная политическая сдѣлка, не она стала бы вызывать Польскую націю на бой. Но есть на свѣтѣ нѣчто такое, что̀ вызываетъ враждебныя страсти независимо отъ всякой прямой обиды. Это растущая сила новаго организма, входящаго въ міръ. Нечего намъ ласкать себя надеждою, что мы, какими бы то ни было подвигами великодушія, укротимъ враждебное противъ насъ настроеніе Польши. Ибо ненависть Поляковъ къ Россіи проистекаетъ не только изъ того или другаго нашего дѣйствія: самое существованіе Россіи въ Европѣ для нихъ соблазнъ и оскорбленіе. Желаніе выбросить Россію за Уралъ — не пустая похвальба; въ этомъ высказывается внутреннее чувство, что Россія для нихъ лишняя; Россія разрушаетъ, простымъ фактомъ своего бытія, все, что̀ было бы ихъ призваніемъ въ мірѣ, — призваніе просвѣтителей и владыкъ всего Славянства.

Съ какой бы стороны ни разсматривали мы польскій вопросъ, мы видимъ очевидную невозможность сдѣлки, которою Россія могла бы развязаться съ Поляками. Выше я разсуждалъ уже объ этомъ предметѣ съ точки зрѣнія нашихъ западныхъ губерній и старался показать, что присутствіе польской аристократической стихіи въ западномъ краѣ и проистекающія отсюда притязанія Поляковъ на Литву и Украйну, не дозволяютъ намъ ни мирно разстаться съ Польшею, ни поставить себя въ нормальное положеніе къ Полякамъ. Здѣсь я

[1]) Заимствую эти строки изъ любопытнаго, но, къ сожалѣнію, оставшагося не напечатаннымъ, письма одного Поляка изъ Варшавы, по поводу и отчасти въ опроверженіе моей первой статьи о польскомъ вопросѣ. —

разсматриваю дѣло непосредственно въ отношеніи къ самой Польшѣ, къ такъ называемому Царству Польскому, и прихожу къ тому же выводу. Мы должны сказать себѣ откровенно, что между Русскимъ и Польскимъ началомъ не можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, искусственной сдѣлки. Мы должны сказать себѣ, что борьба составляетъ тутъ для насъ историческую, неизбѣжную необходимость, точно также, какъ это говорятъ себѣ Поляки и бросаются въ нее, какъ безумные, при первой открывающейся имъ возможности. Это будетъ съ нашей стороны и разумнѣе и честнѣе, чѣмъ льстить себя обманчивыми надеждами на мирную сдѣлку, и потомъ вдругъ подвергаться такому разочарованью, такой горькой необходимости въ насильственныхъ мѣрахъ, какъ это случилось съ нами теперь. Мы принуждены владѣть Царствомъ Польскимъ и, въ то же время, нельзя предвидѣть возможности примирить Поляковъ съ нашею властію. Уступками этого достигнуть нельзя; а строгостью и карами власть не примиряетъ съ собою народа. Чтò же тутъ дѣлать?

Мы призваны въ Польшѣ къ борьбѣ, я сказалъ и повторяю опять. Но какая это борьба? Неужели она должна состоять въ насиліи противъ лицъ, коль скоро эти лица не станутъ сами прибѣгать противъ насъ къ средствамъ насилія? Неужели наша борьба въ Польшѣ должна заключаться въ подавленіи страны? Это была бы не борьба, а тираннія. Это было бы позоромъ для Россіи. Борьба истекаетъ изъ требованій историческаго развитія, а тираннія имѣетъ единственною цѣлью — остановить историческое развитіе.

Историческое развитіе польской націи нѣкогда распространило ея владычество въ русскихъ земляхъ и водворило въ нихъ аристократическіе элементы, образовавшіеся въ польской жизни. Историческое развитіе Русскаго народа раздѣлываетъ теперь прежнее дѣло Польши въ Русскихъ земляхъ; оно распространило владычество Россіи и на коренную Польскую землю.

Историческая жизнь Польши оказалась несостоятельною: въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Мы присутствуемъ теперь не при возрожденіи исторической жизни Польши, а при разложеніи ея стараго организма.

Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ внутреннее разложеніе и паденіе явилось бы въ такой страшной, осязательной наготѣ, какъ въ старой Польшѣ XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что тутъ разлагался и падалъ не цѣльный народъ, — народы не такъ легко умираютъ, — а классъ людей, поглотившій въ себя всю историческую жизнь Польскаго народа, сосредоточившій въ себѣ все Польское государство. Множество примѣровъ доказываютъ, что чѣмъ ўже и исключительнѣе та общественная среда, въ которой заключается историческая дѣятель-

ность государства, тѣмъ быстрѣе совершается процессъ его исторической жизни, тѣмъ быстрѣе оно возрастаетъ и доходитъ до своего апогея и тѣмъ скорѣе полное развитіе силъ смѣняется упадкомъ и разложеніемъ.

Такимъ образомъ, и государство Польское, возникшее въ одно и то же время съ Россіей, успѣло совершить полный кругъ своего развитія, когда Россія едва кончила періодъ своего сложенія, и умерло своею смертію въ исходѣ XVIII вѣка. Чтò бы ни говорили о насильственности раздѣловъ, объ этомъ assassinat d'une nation, несомнѣнно то, что Польское государство отжило свой вѣкъ, и что его могли разнять на куски именно потому, что это былъ трупъ, а не живой организмъ. Если бы какими нибудь судьбами удалось возстановить Польшу какъ государство, то развѣ она въ состояніи была бы развиваться? Польская нація, на сколько она дѣйствовала въ исторіи и выражалась въ государственной жизни Польши, т. е. Польское шляхетское общество или, такъ называемое, *обывательство*, заключавшее въ себѣ весь государственный организмъ Польши, — Польская нація имѣла въ Славянскомъ мірѣ весьма опредѣленное значеніе, весьма опредѣленный путь развитія. Это было общество и государство, по преимуществу представлявшее собою, въ Славянскомъ мірѣ, западно-европейскій католицизмъ и западно-европейское рыцарство. Идеи эти составляли духъ Польскаго государства, оно ихъ воплощало въ себѣ: онѣ имѣли свою блестящую эпоху въ Польшѣ XVI вѣка, и Польское общество и государство тогда разцвѣло; и мало-помалу обличились онѣ въ своей односторонности, и наконецъ дошли ad absurdum въ явленіяхъ XVIII вѣка, въ іезуитизмѣ и шляхетскомъ правѣ liberum veto. По мѣрѣ паденія этихъ идей, разлагалось Польское общество и государство: вслѣдствіе такого разложенія, государство погибло; но общество оставалось. Смерть государства не могла быть смертію для такой массы людей, какая составляла Польское *обывательство*. Смерть государства не могла также убить тѣ начала, тѣ идеи, какія въ немъ воплощались, хотя она и свидѣтельствовала явнымъ образомъ объ ихъ несостоятельности. Но массы людей бываютъ глухи къ отвлеченному свидѣтельству исторіи, и въ нихъ упрямо держатся, выработанныя прежнею жизнію, понятія и стремленія, особенно когда эти понятія и стремленія являются въ видѣ несомнѣнной вѣры въ истину и сопряжены съ надеждами на возвратъ прежняго господства и величія. Смерть Польскаго государства даже какъ бы оживила духъ старой Польши. Это совершенно въ порядкѣ вещей; это одинъ изъ признаковъ благородства природы человѣческой. Когда общее дѣло было проиграно, оно стало находить въ отдѣльныхъ личностяхъ служителей, посвящавшихъ себя ему со всею энер-

гіею и самозабвеніемъ, къ какимъ бываетъ способенъ человѣкъ, жертвующій собою за безнадежное, но горячо любимое предпріятіе. Такъ бывало при всякомъ погибавшемъ государствѣ, во всякомъ осужденномъ исторіею общественномъ организмѣ. Польское же государство въ особенности могло выставить громадную массу такихъ личностей, вслѣдствіе непомѣрнаго развитія въ немъ класса людей съ воинственныни и рыцарскими наклонностями, класса, заключавшаго въ себѣ всю дѣятельную силу этого государства, и вдругъ, съ его паденіемъ, терявшаго и вольность, которою онъ такъ гордился, и безчисленныя выгоды, какія доставляло ему исключительное пользованіе вольностью.

И вотъ, мы видимъ духъ старой Польши, переживающимъ паденіе стараго Польскаго государства въ шляхетскомъ классѣ Польскаго народа. Мы видимъ его, какъ онъ борется съ силой исторіи, вѣчно ею разочаруемый и никогда не теряющій надежды. Духъ старой Польши принимаетъ, какъ я замѣтилъ выше, характеръ религіознаго убѣжденія. Политическая мысль о возстановленіи старой Польши возводится на степень вѣры въ чудесное ея воскресеніе. Этотъ духъ старой Польши, сдѣлавшійся вѣрою въ ея воскресенье, ведетъ Поляковъ въ южную оконечность Европы, служить деспотизму иностраннаго завоевателя противъ народа, защищающаго свою свободу; онъ ведетъ ихъ на безпримѣрный подвигъ безполезнаго героизма, — когда они штурмуютъ уланскою конницею, во славу Французскаго императора, укрѣпленныя Испанскими пушками высоты Сомо-Сіерры. И ожиданное Поляками историческое чудо, — одну минуту, казалось назначеннымъ къ осуществленію. Это было весною 1812 года. Вѣчнымъ памятникомъ тогдашнихъ надеждъ польскихъ останется *панъ Тадеушъ*. Какъ воспѣта Мицкевичемъ весна 1812 года! Надежды этой весны разбиты; но вы чувствуете, что вѣра не исчезла, и нѣтъ въ поэтѣ разочарованія и скорби надъ разбитыми надеждами своей націи, есть только воспоминаніе тогдашняго восторга: «О весна! кто тебя видѣлъ въ то время въ нашей странѣ, памятная весна войны, весна урожая! О весна, кто тебя видѣлъ, какъ ты была цвѣтуща хлѣбомъ и травами и блестяща людьми, обильная событіями, чреватая надеждами. Я тебя вижу до нынѣ, прекрасное сновидѣніе! Рожденный въ неволѣ, повитый въ оковахъ, я только одну такую весну имѣлъ въ жизни!» — Но весна 1812 года смѣнилась осенью 1812 года, пѣснь восторженной надежды въ Полякахъ смѣнилась русскою пѣснью одержаннаго торжества. Пришлось Полякамъ мириться съ дѣйствительностью, которую, впрочемъ, императоръ Александръ I сдѣлалъ для нихъ такою, что она, послѣ всего случившагося въ 1812 году, могла казаться имъ осуществленною мечтою. Но вѣра въ вос-

кресеніе старой Польши не могла мириться ни съ какой дѣйствительностью, даже съ тою, въ которой самые дорогіе интересы Русскаго народа жертвовались польскимъ идеямъ. Духъ старой Польши проявился вновь въ возстаніи 1830 года; ему повинуются Поляки, когда они въ 1849 году избираютъ знамя Мадьяръ противъ Славянскихъ народовъ, ему повинуются они и въ настоящее время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, весь этотъ періодъ посмертнаго, такъ сказать, существованія старой Польши, въ верхнихъ слояхъ Польской націи, ознаменованъ постепеннымъ внутреннимъ паденіемъ; это есть посмертное разложеніе старой Польши. Сравните плеяду Польскихъ патріотовъ начала нынѣшняго столѣтія съ теперешними ихъ преемниками: тѣ же мысли ихъ одушевляютъ, цѣль осталась та же, но какое нравственное паденіе! Не присутствуемъ ли мы при полномъ внутреннемъ разложеніи всего того, что̀ составляло жизнь старой Польши: при полномъ нравственномъ разложеніи стараго польскаго католицизма, проповѣдывающаго теперь обманъ и убійство, при окончательномъ извращеніи всѣхъ рыцарскихъ понятій стараго, когда-то во многомъ столь благороднаго, польскаго шляхетства, теперь ниспавшаго до послѣдней глубины человѣческой фальши?

Знаменитый Лелевель, еще въ 1820 году, написалъ историческую параллель Польши съ Испаніей, и этимъ сравненіемъ выказалъ, мнѣ кажется, глубокое пониманіе обѣихъ странъ. Дѣйствительно, онѣ не только обнаруживаютъ замѣчательное сходство и почти одновременность въ своемъ возвышеніи, процвѣтаніи и паденіи, но и жили однѣми и тѣми же идеями. Обѣ страны одинаково посвятили себя всѣмъ стремленіямъ католицизма; обѣ одинаково прониклись духомъ рыцарства, и это рыцарство породило одинаковыя явленія. Какъ испанскій грандъ представляетъ подобіе старо-польскаго магната, такъ и въ *хидальго*, оборванномъ и босоногомъ, но чувствующемъ себя ровнею гранду и какимъ-то высшимъ существомъ въ сравненіи съ прочимъ народомъ, и добродушно вѣрующемъ въ свое особливое призваніе быть благодѣтелемъ рода человѣческаго, узнаемъ мы роднаго брата польскому шляхтичу. Лойола и донъ-Кихотъ, это могли бы быть типы Польши, какъ и Испаніи: только въ Испаніи осталось довольно силы народнаго самосознанія, чтобы осмѣять донъ-Кихота, а Польша до сихъ поръ лишь умѣла окружать своего шляхтича ореоломъ поэзіи.

Испанія пала, утратила свои владѣнія, а все-таки продолжаетъ жить какъ отдѣльное, хотя второстепенное государство. Если бы Польша была въ такомъ же изолированномъ по природѣ положеніи, какъ Испанія, которая можетъ оставаться въ своихъ естественныхъ границахъ, никого не трогая, то такъ могло бы быть и съ Польшею. Но, кромѣ разницы между островнымъ положеніемъ Испаніи и

средиземнымъ положеніемъ Польши, есть еще другое, огромное различіе. Лойола и донъ-Кихотъ были родныя дѣти Испаніи; они не только родились отъ ея крови, но въ нихъ воплотился весь ея народный духъ. А въ Польшѣ іезуитъ и шляхтичъ — пасынки, занявшіе мѣсто родныхъ сыновей. Они Поляки, но ведутъ свой родъ не отъ Поляковъ; въ нихъ живетъ духъ чужой, задавившій, если не убившій окончательно, коренной народный духъ Польши, какъ славянской страны. Испанское государство можетъ продолжать существовать въ качествѣ самостоятельнаго организма среди романской Европы, ибо этотъ организмъ выросъ и развился естественно на своей исторической почвѣ. Столь же естественно перерождается онъ теперь, послѣ своего распаденія, обновляясь подъ вліяніемъ новаго положенія Европы, прилаживаясь къ условіямъ вѣка и слагаясь, вѣроятно, въ какую нибудь новую формацію. Другое дѣло въ мірѣ Славянскомъ. Тутъ организмъ, воплотившій въ себѣ духъ іезуитизма и рыцарства, не обновится подъ вліяніемъ вѣка, не приладится къ условіямъ новой, окружающей его жизни; изъ него не выйдетъ новой органической формаціи. Это слишкомъ ясно доказываютъ всѣ стремленія Польскаго общества, обращенныя безусловно къ возстановленію Польши 1772 года, не понимающія Россіи иначе, какъ понимали ее Поляки при Самозванцахъ, и которыя знать не хотятъ ничего, что̀ могло произойти съ того времени. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ организмомъ разложившимся и уже неспособнымъ къ новому развитію. Развитіе въ Польшѣ можетъ выйти только изъ совершенно новой стихіи. Если есть въ Польшѣ еще такая новая стихія жизни, то это, очевидно, простой народъ, не принимавшій никакого участія ни въ процвѣтаніи, ни въ паденіи старой Польши. Въ противномъ же случаѣ, ежели бы простой народъ польскій не представлялъ элементовъ для новой жизни, для новаго развитія въ Польшѣ, то пришлось бы отказаться отъ всякой надежды на будущность Польской націи и предвидѣть тогда, какъ неизбѣжный результатъ дальнѣйшаго хода исторіи — замѣну Польскаго народа новымъ племенемъ, т. е. предвидѣть для цѣлой Польской земли то, что̀ уже совершилось и совершается въ западной ея половинѣ, въ Силезіи, западной Пруссіи и большей части старой земли Великопольской. Но если возможно избѣгнуть этого исхода и суждено простонародной средѣ дать новые ростки для обновленія Польши, то это будетъ именно только подъ властію Россіи и благодаря этой власти. Вотъ въ чемъ я вижу историческое требованіе, обусловливающее русскую власть въ Польшѣ, и причину, которая можетъ оправдать тамъ существованіе нашей власти не съ одной лишь точки зрѣнія безопасности и интересовъ Россіи, а по отношенію къ самой Польшѣ. Одна Россія въ силахъ охранить слабое еще въ своемъ само-

сознаніи, еще совершенно пассивное простонародье польское отъ безусловнаго господства старыхъ преданій и понятій, воплощенныхъ въ *обывательскомъ* классѣ. Дайте независимость Польшѣ, и все, что можетъ выйти новаго изъ среды простонародья, будетъ заглушено и никогда не проявится; изъ-подъ стараго, разлагающагося трупа никогда не взойдутъ новые ростки. Несостоятельная шляхта ничего не сдѣлаетъ, чтобы оживить простой народъ, и сама истощится и погибнетъ, а безсознательное простонародье не устоитъ подъ наплывомъ Нѣмецкой колонизаціи, движущейся впередъ со всею силою, придаваемою ей духовнымъ единствомъ образованнаго класса и рабочихъ сословій. Доказательства передъ глазами, и мы должны сказать безъ обиняковъ: безъ Россіи Польша никогда не обновится.

Поясню свою мысль. Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ существуютъ собственно два народа: одинъ, жившій историческою жизнію, пріобрѣтшій огромныя владѣнія и потомъ потерявшій ихъ, народъ,— весь погруженный въ преданія прошлаго и представляющій очевидные признаки разлагающагося организма. Другой народъ, отдѣляемый отъ перваго не только общественнымъ, но и бытовымъ характеромъ, не знаетъ про бывшее величіе шляхетской республики; вся старая жизнь Польши прошла надъ нимъ, не коснувшись его духа, не внушивъ ему участія къ политической судьбѣ своего отечества, въ которомъ онъ ожилъ нѣсколько лишь тогда, когда оно перестало быть самостоятельнымъ государствомъ. Это не два отдѣльныхъ класса въ одномъ народѣ; нѣтъ, Польскій крестьянинъ, пашущій землю, и Полякъ, отрѣшившійся отъ простоты земледѣльческаго быта, принадлежатъ къ двумъ особымъ мірамъ, къ двумъ отдѣльнымъ политическимъ сферамъ. Всякій Полякъ не крестьянинъ есть уже шляхтичъ по праву. Ремесленникъ, мастеровой, торговецъ [1]), писарь, адвокатъ, чиновникъ, помѣщикъ, наконецъ священникъ, однимъ словомъ, всякій человѣкъ, стоящій за порогомъ простаго крестьянскаго быта, стоитъ уже, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кругу идей и притязаній, наслѣдованныхъ отъ прежней Рѣчи Посполитой; онъ *панъ* и титулуется *паномъ;* въ Польшѣ единственно крестьянинъ, *хлопъ*, не есть *панъ*, но тотъ же крестьянинъ, поступивъ въ лакеи или въ мастеровые, уже тѣмъ самымъ, что онъ пересталъ быть крестьяниномъ, получаетъ право на титулъ *пана*, переходитъ на ту сторону польской націи, зерно которой составляетъ шляхта. Нельзя терять изъ виду этого состоянія Польскаго народа, нельзя судить о немъ по тому, что мы находимъ въ Россіи. Мы справедливо скорбимъ о раздвоенности нашего общества съ народомъ. Но, жалуясь на это раздвоеніе, уясняя себѣ все

[1]) Я не говорю, разумѣется, о Евреяхъ, а имѣю въ виду собственно Поляковъ.

болѣе и болѣе неисчислимый вредъ, отсюда проистекающій, мы чувствуемъ, что это у насъ болѣзнь, случайно привившаяся къ организму нашей страны, болѣзнь, отъ которой мы вылѣчимся. Въ Польшѣ эта раздвоенность такова, что она уже сдѣлалась, такъ сказать, существенною, органическою принадлежностью Польской націи; она сроднилась съ польскими понятіями такъ, что Полякъ ея уже не чувствуетъ и не замѣчаетъ, и она поражаетъ только иностранца, какъ нѣчто ненормальное. Полякъ толкуетъ о Польскомъ *народѣ* со всею искренностью убѣжденія, что онъ ведетъ рѣчь о дѣйствительномъ *народѣ* Польскомъ; а между тѣмъ, онъ разумѣетъ именно все то, что *не есть народъ* въ собственномъ смыслѣ слова, онъ разумѣетъ только совокупность личностей, выдѣлившихся изъ народной массы, совокупность мѣщанъ, шляхты, духовенства и всего прочаго, кромѣ крестьянскаго простонародья. Полякъ произноситъ слово *обыватель*, и вы, согласно прямому значенію этого слова, думаете, что онъ говоритъ о всякомъ вообще *жителѣ*, обитающемъ въ странѣ, а между тѣмъ, онъ разумѣетъ опять-таки горожанина, духовнаго, шляхтича и всякаго другаго, за исключеніемъ крестьянскаго простонародья. Эти-то классы *обывателей* составляютъ единственную дѣйствующую въ Польшѣ стихію; въ нихъ исключительно сосредоточиваются тѣ начала, тѣ идеи, тѣ притязанія, которыя ставятъ насъ въ такое невыносимое и, повидимому, безвыходное положеніе въ Царствѣ Польскомъ. Народная масса тутъ вовсе непричастна.

Легко подтвердить безчисленными свидѣтельствами изъ всей польской литературы эту совершенную отдѣльность польскаго общества или, правильнѣе сказать, *обывательства*, отъ крестьянской массы Польскаго народа, этотъ особенный взглядъ, по которому понятіе о Польскомъ *народѣ* сосредоточивается единственно въ совокупности личностей, не принадлежащихъ къ крестьянскому населенію. Легко прослѣдить въ исторіи Польши, какъ образовалось это раздвоеніе, какъ крестьянское населеніе съ теченіемъ времени устранялось все болѣе и болѣе отъ участія въ жизни и судьбахъ Польскаго государства, и какъ государство это сдѣлалось исключительною принадлежностью шляхты и примыкающихъ къ ней классовъ, горожанъ и духовенства, или того, что въ Польскомъ языкѣ стало называться *Польскимъ народомъ, жителями* (обывателями) *края*. Такова несомнѣнная причина всегдашняго безучастія польскаго крестьянства къ патріотическимъ стремленіямъ *обывательства*; этимъ также объясняется, почему Поляки, т. е. собственно польскіе *обыватели,* не понимаютъ и не могутъ понять той, для нашего взгляда столь простой, истины, что Польша есть земля, гдѣ народъ польскій, а не вся та страна, гдѣ они, обыватели, нѣкогда господствовали: ибо народъ для нихъ не

въ народѣ, а въ однихъ *обывательскихъ* классахъ. Впрочемъ, я не стану входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ любопытныхъ явленій, потому что это заняло бы у читателя слишкомъ много времени. Но укажу на одинъ фактъ изъ живой дѣйствительности, по которому люди, знакомые съ Польшею, вѣроятно согласятся съ справедливостью того, что сказано выше о раздвоенности между Польскимъ крестьянствомъ и остальными классами Польской націи. Мы знаемъ, что вездѣ, во всѣхъ странахъ міра, религіозная исключительность и нетерпимость въ отношеніи къ иновѣрцамъ несравненно сильнѣе въ простомъ сельскомъ народѣ, нежели въ городскихъ жителяхъ; мы знаемъ, что простой сельскій народъ равнымъ образомъ отличается отъ городскихъ классовъ большею любовью къ своему родному, что онъ менѣе охотно свыкается съ иностранцами, и если иностранцы приходятъ въ край завоевателями, то имъ гораздо легче пріучить къ своему владычеству городское населеніе, чѣмъ массы поселянъ. Въ самомъ дѣлѣ, сельскій народъ, по своему быту, по всей своей обстановкѣ, долженъ хранить крѣпче всѣ преданія вѣры, всѣ понятія и инстинкты народности. Естественно, что онъ, въ своихъ набожныхъ чувствахъ, смотритъ съ непріязнію на иновѣрца; естественно, что онъ, въ своей крѣпкой привязанности къ своему родному, не можетъ быть равнодушенъ къ иностранному владычеству, тогда какъ, напротивъ того, въ городскомъ людѣ и вообще въ верхнихъ слояхъ общества открытъ широкій доступъ религіозному индиферентизму, и патріотическое настроеніе легче поддается соблазну личныхъ расчетовъ и интересовъ собственности, выгодамъ мира и спокойнаго производства промысловъ и торговли. Все это явленія, проистекающія изъ природы вещей и подтверждаемыя исторіею всѣхъ вѣковъ и странъ. Въ Польшѣ наоборотъ: самымъ ярымъ фанатизмомъ противъ схизматиковъ, самою упорною ненавистью къ Москалямъ, самымъ упорнымъ сопротивленіемъ иностранной власти отличается городской людъ и верхній слой общества; а въ сельскомъ народѣ Русскіе не встрѣчаютъ ни такого отвращенія къ нимъ, какъ къ иновѣрцамъ и иностранцамъ, ни такихъ чувствъ негодованія противъ московскаго владычества. Отчего же это происходитъ? Отчего Польша должна составить исключеніе изъ общаго историческаго закона? Дѣло ясное и не подлежащее сомнѣнію. Сельскій народъ въ Польшѣ чуждъ тѣхъ преданій и понятій, выработанныхъ католицизмомъ и шляхетствомъ, которыя составляютъ историческое достояніе городскаго люда, ксендзовъ и шляхты, вообще всѣхъ *обывателей*, и которыя именно ставятъ Поляковъ въ антагонизмъ съ Россіей. Не будь этого раздвоенія между сельскимъ народомъ и *обывательствомъ* въ Польшѣ, то какое религіозное и патріотическое одушевленіе долж-

но бы было соотвѣтствовать въ народной массѣ тому, что представляетъ намѣ городской людъ и верхніе классы общества въ Польшѣ! Въ народной массѣ былъ бы такой разгаръ фанатизма и ненависти къ нашему владычеству, противъ насъ должна бы была подняться такая буря, что мы не продержались бы въ Польшѣ и двухъ недѣль. Но мы тамъ держимся, и держимся легко, когда только сами не нагоняемъ на себя страха; ибо буря противъ насъ бушуетъ лишь на поверхности, а масса спокойна, и къ намъ или равнодушна, или даже сочувственна, смотря по тому, какъ намъ угодно поступать съ нею.

Нельзя не замѣтить и того характеристическаго факта, что крайній предѣлъ фанатизма противъ Москалей является въ ремесленникахъ, мастеровыхъ, фабричныхъ и вообще низшихъ классахъ городскаго населенія. Люди эти стоятъ, очевидно, по своему образованію, почти на одной ступени съ крестьянствомъ; многіе изъ нихъ, вѣроятно, родились и воспитались въ крестьянской средѣ, имѣютъ отцовъ и братьевъ между хлопами. Но въ то время, какъ ни одинъ *хлопъ*, сколько мы знаемъ, не жертвовалъ собою для *ойчизны*, ей жертвуютъ собою поминутно ремесленники и мастеровые, съ радостью принимая отъ ксендза благословеніе на подвигъ — зарѣзать Москаля и идти на висѣлицу во имя отечества. Мастеровые, ремесленники и фабричные, а не хлопы, составляютъ, какъ по всему видно, главный матеріалъ, которымъ располагаютъ шляхта и ксендзы, ведущіе противъ насъ войну, ихъ chair à canon. Вещь понятная. Хотя фабричные и ремесленники родные братья земледѣльцамъ, но разстояніе между ними огромное: они уже не хлопы, а напротивъ отдѣлились отъ хлоповъ и получили право признавать себя *обывателями* и *панами*. Это новобранцы, прозелиты новаго для нихъ міра, міра историческихъ преданій и патріотическихъ стремленій старой шляхетской Рѣчи Посполитой. Кто же можетъ быть склоннѣе къ фанатизму и изступленію всякаго рода, чѣмъ подобные прозелиты?

Вотъ въ этомъ-то я и нахожу самую ужасную сторону положенія Польши, что масса, составляющая матеріальную основу и сущность, такъ сказать, націи, не имѣетъ и не можетъ найти себѣ никакого сознательнаго выраженія; что каждая личность, коль скоро она выдѣляется изъ народной среды, уже не принадлежитъ ей, а иному, чуждому, живущему въ прошедшемъ міру. Вотъ почему только посторонняя сила можетъ вывести польскую народную массу изъ забытья и призвать ее къ участію въ общественной и политической дѣятельности. Въ польской же средѣ сельскій народъ никогда, положительно никогда, не получилъ бы самостоятельнаго голоса, никогда не вышелъ бы изъ пассивной роли. Въ другихъ странахъ, гдѣ высшіе

аристократическіе классы также отчуждались отъ народа, народъ находитъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ сельскомъ духовенствѣ вѣрные органы и центры, около которыхъ можетъ группироваться пробуждающаяся въ немъ сознательная общественная дѣятельность: такъ въ нашемъ западномъ краѣ, такъ въ русской или восточной части Галиціи и разныхъ славянскихъ земляхъ Австріи и Турціи. Въ Польшѣ и этого нѣтъ. Подобно тому, какъ католическая церковь была однимъ изъ двухъ главныхъ факторовъ исторической жизни старой Польши (другимъ факторомъ была идея рыцарства), такъ точно и теперь католическій священникъ есть неизмѣнный собратъ шляхтича. Отношенія въ Польшѣ таковы, что крестьянская масса, предоставленная самой себѣ, не въ состояніи проникнуть въ общественную жизнь, въ историческую дѣятельность Польши. И только по безмолвнымъ фактамъ узнаемъ мы, что польская крестьянская масса сама по себѣ чужда общественнымъ идеямъ и стремленіямъ, выражаемымъ, во имя цѣлой Польской націи, исключительно *обывательскими* классами, чужда *обывательскому* патріотизму и ненависти къ Москвѣ, *обывательскимъ* притязаніямъ на возстановленіе старой Польши. Если бы кто не довѣрялъ еще примѣру Царства Польскаго, то пусть онъ взглянетъ на западную Галицію, населенную чистымъ польскимъ племенемъ. Положимъ, что тамъ возстаніе простаго народа противъ пановъ въ 1846 году можетъ быть объяснено вліяніемъ существовавшаго тогда въ Галиціи крѣпостнаго права и подстрекательствами Австрійскихъ властей. Но съ 1848 года крѣпостное право уничтожено. Что же мы видимъ въ настоящее время? Галиційскіе паны и шляхта съ горожанами собираютъ экспедиціи на помощь возставшимъ въ Царствѣ Польскомъ. Экспедиціи эти направляются противъ Русскихъ; ихъ цѣль—возстановленіе старой Польши. Казалось бы, эти экспедиціи ничѣмъ не нарушаютъ интересовъ польскаго простонародья въ Галиціи; напротивъ, оно, если бы и не хотѣло рисковать дѣятельнымъ въ нихъ участіемъ, то, по крайней мѣрѣ, должно бы было, по-видимому, желать имъ успѣха; вѣдь это простонародье—все же люди Польскаго племени и языка, а дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, польское дѣло. Между тѣмъ, мы знаемъ изъ газетъ, какъ усердно Польскіе крестьяне въ Галиціи противодѣйствуютъ экспедиціямъ, идущимъ избавлять Польшу отъ «московскаго наѣзда». Поминутно они задерживаютъ повстанцевъ и выдаютъ ихъ Австрійскимъ властямъ, заставляя эти послѣднія оказывать такимъ образомъ Россіи большее содѣйствіе, нежели онѣ, быть можетъ, того хотѣли бы сами. Мало того, въ концѣ минувшаго лѣта (1863 г.) крестьяне польскихъ деревень подъ самымъ Краковомъ, т. е. въ самомъ сердцѣ старой Польши, вдругъ поднялись и устроили настоящую травлю

на повстанцевъ: вслѣдствіе чего и не удалась въ то время какая-то экспедиція, сбиравшаяся перейти нашу границу въ окрестностяхъ Кракова, а въ свою очередь, крестьяне этихъ деревень, отправившись на другой день въ Краковъ на рынокъ, подверглись тамъ побоямъ со стороны горожанъ, сочувствующихъ, какъ слѣдуетъ, возстанію. Этотъ фактъ былъ описанъ, съ горькими нареканіями на крестьянъ, въ газетахъ, самыхъ преданныхъ польскому дѣлу. Наконецъ, изъ газетъ извѣстно также, что въ западной Галиціи, вслѣдствіе движенія тамошней шляхты противъ Россіи, проявились въ средѣ польскаго крестьянства симптомы расположенія угрожавшаго жизни и безопасности шляхетскаго сословія, такъ что, Австрійское правительство должно было принять противъ этого предупредительныя мѣры. Конечно, нельзя предполагать въ Польскомъ простонародьѣ Галиціи какое-нибудь желаніе сдѣлать пользу Россіи. За то, тѣмъ болѣе ярко рисуется въ этихъ фактахъ не только несочувствіе, но положительная антипатія польскаго простонародья къ одушевляющей все польское *обывательство* идеѣ возстановленія стараго Польскаго государства. Подобное фактическое свидѣтельство полнаго раздвоенія между польскимъ простонародьемъ и *обывательскими* классами кажется убѣдительнѣе всякихъ доводовъ.

При такихъ отношеніяхъ между польскимъ простонародьемъ и обывательскими классами, наша власть въ Царствѣ Польскомъ едва ли можетъ считаться случайностью или простымъ грубымъ фактомъ матеріальной побѣды, одержанной однимъ племенемъ надъ другимъ. Кажется, что наша власть въ Польшѣ имѣетъ свое непосредственное историческое призваніе въ отношеніи къ развитію самой польской жизни. Пособить Польскому крестьянству, вывести его изъ апатіи, дать ему голосъ въ странѣ, вотъ, по-видимому, прямая задача наша въ Царствѣ Польскомъ. Я думаю, что мы должны смотрѣть на крестьянскій вопросъ въ Польшѣ не только съ эгоистической точки зрѣнія нашихъ собственныхъ, русскихъ интересовъ, не только какъ на средство пріобрѣсти въ Польшѣ точку опоры противъ партіи противниковъ; мы должны видѣть въ немъ и историческую задачу Россіи въ отношеніи къ самой Польшѣ, къ интересамъ ея будущности, къ ея собственнымъ пользамъ. Если правда, что старый историческій организмъ Польши съ ея шляхетскими идеями и стремленіями сдѣлался несостоятельнымъ и находится въ разложеніи (а въ этомъ, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія); если правда, что безсознательная масса польскаго крестьянства не въ силахъ, сама по себѣ, высвободиться изъ-подъ вліянія этого разлагающагося организма для обновленія польской жизни (а и это кажется вѣрнымъ), — то въ такомъ случаѣ исторія привела насъ въ Польшу не даромъ. Русская власть

можетъ сдѣлать для польскаго крестьянства то, чего никогда не сдѣлало бы польское *обывательство* и чего польское крестьянство никогда не достигло бы само по себѣ. Я вовсе не обвиняю польскихъ помѣщиковъ въ эгоистическомъ желаніи мѣшать улучшенію участи зависящихъ отъ нихъ крестьянъ; напротивъ, я знаю, что есть въ числѣ ихъ люди, одушевленные самымъ искреннимъ сожалѣніемъ объ исторической неправдѣ Польши къ ея крестьянству, самымъ пламеннымъ желаніемъ загладить эту вину. Но все, что̀ Поляки могли бы сдѣлать въ этомъ смыслѣ, дѣлалось бы въ духѣ стараго польскаго шляхетства, по направленію, указанному знаменитою конституціею 3 Мая, которая не даромъ признается Поляками прототипомъ ихъ либерализма къ простому народу. Конституція 3 Мая 1791 г., какъ извѣстно, хотѣла искупить грѣхи старой Польши относительно народа — открытіемъ широкаго доступа низшимъ классамъ въ шляхетское сословіе, постепеннымъ *ушляхетнѣніемъ* всего Польскаго народа. Иначе быть не можетъ съ той точки зрѣнія, которая въ польскомъ шляхетствѣ полагаетъ идеалъ совершенства и высшую цѣль своего народа; и это стремленіе ввести простой народъ въ шляхетскую сферу проглядываетъ, со времени неудавшейся конституціи 3-го Мая 1791 года, во всѣхъ идеяхъ польскихъ либераловъ относительно будущей роли простаго польскаго народа, даже въ самомъ крайнемъ представителѣ польскихъ демагоговъ, въ Мѣрославскомъ [1]). Но, признавая даже такія стремленія въ извѣстныхъ личностяхъ вполнѣ безкорыстными и отдавая въ этомъ случаѣ справедливость ихъ благородству, мы должны сказать, что они окончательно убили бы будущность Польскаго народа: это разрушило бы всякую самобытность въ польскомъ крестьянствѣ, уничтожило бы въ Польшѣ возможные зародыши новой исторической жизни. Шляхетская стихія почерпнула бы, конечно, новыя силы, поглотивъ въ себѣ массу крестьянъ, но такимъ образомъ продолжалась бы только агонія стараго разлагающагося организма. Для обновленія нужно не то, чтобы крестьянство вступило въ общественную сферу *обывательскихъ* классовъ, а напротивъ, чтобы крестьянство могло получить самостоятельное развитіе, самостоятельное вліяніе на польскую жизнь. Вотъ почему мы въ правѣ привѣтствовать съ особен-

[1]) Вотъ подлинныя его слова изъ печатнаго его сочиненія: „Уничтожьте мысленно невѣжество и нищету земледѣльческихъ массъ, и онѣ безъ потрясенія и безъ удавленія сольются съ рыцарскимъ сословіемъ (avec l'ordre équestre), т. е. со шляхтою тогда обѣ составныя части польскаго общества приведутся къ одной.... По мѣрѣ того какъ уменьшаться будетъ невѣжество и нищета земледѣльческихъ массъ, кругъ рыцарскаго сословія будетъ расширяться“ и проч. и проч. (De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen, par le général Louis Mieroslawski. Paris 1856, стр. 374, 375). Вся книга написана въ этомъ смыслѣ; вездѣ шляхетское сословіе ставится идеаломъ демократіи и зерномъ будущей демократической Польши.

ною радостью предположеніе объ устраненіи всѣхъ теперешнихъ *войтовъ гминъ* (сельскихъ старшинъ), которые, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежатъ къ шляхетскому сословію, и о замѣнѣ ихъ выборными. Но этого мало. При теперешнемъ состояніи польской жизни, всякая личность, выдѣляющаяся изъ среды крестьянства, подчиняется тотчасъ, какъ я уже замѣтилъ выше, духу шляхетства, мѣтитъ въ *обыватели*, и такимъ образомъ не было бы ничего удивительнаго, если бы новые войты гминъ, хотя выбранные крестьянами изъ ихъ собственной среды, черезъ нѣсколько времени явились съ характеромъ и стремленіями настоящихъ *обывателей*. Равнымъ образомъ, матеріальное обезпеченіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землею, составляющее, разумѣется, первое и необходимѣйшее дѣйствіе русской власти въ Царствѣ Польскомъ, conditio sine qua non какого бы то ни было обновленія въ польской жизни, — одно, само по себѣ, еще недостаточно. Необходимо, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ упрочена была и внутренняя крѣпость крестьянскаго быта, чтобы предупрежденъ былъ для отдѣльныхъ личностей соблазнъ перехода въ сферу *обывательства*. Для этого представляется только одно средство: поставить крестьянскія *общины* въ Польшѣ на такую высоту, дать имъ такую самостоятельность и такія права, чтобы каждый членъ крестьянской общины дорожилъ тѣмъ, что онъ принадлежитъ ей, чтобы не выгодно было оставлять общину для изолированнаго положенія городскаго пролетарія, хотя бы съ нимъ и соединялся титулъ *пана* и *обывателя*. Разумѣется, объ экономической общинѣ въ Польшѣ и думать нечего, но есть, кажется, всѣ задатки для общины административной и политической. Не такъ еще давно, многіе писатели твердили у насъ, что и экономическая община создана въ Россіи правительственною властію. Теперь приходится желать, чтобы правительственная власть создала общину въ Польшѣ. Конечно, лучше бы было, если бы это могло совершиться само собою, внутреннимъ развитіемъ жизни, а не правительственною властію. Но что̀ дѣлать, когда польская жизнь, сама по себѣ, не только не въ состояніи создать крестьянскую общину, а напротивъ, можетъ лишь разрушать, все болѣе и болѣе, существующіе еще въ странѣ зачатки ея. При такомъ положеніи, нужно вмѣшательство посторонней силы, и эту-то постороннюю силу составляетъ въ Польшѣ Русская правительственная власть. Ея призваніе въ Польшѣ, по моему мнѣнію, — поднять крестьянство, дать ему независимость матеріальную надѣленіемъ землею не только хозяевъ, но всѣхъ, безъ исключенія, земледѣльцевъ (батраковъ и т. д.), и открыть крестьянству самостоятельное участіе въ общественной жизни страны посредствомъ крѣпкой организаціи крестьянскихъ общинъ.

Главная трудность, въ этомъ отношеніи, будетъ состоять, конеч-

но, не столько въ постановленіи законодательствомъ того, что̀ нужно для такого дѣла, сколько въ исполненіи его на мѣстѣ, во всѣхъ селахъ и деревняхъ Царства Польскаго. Надежныхъ исполнителей въ польскомъ чиновничествѣ мы, очевидно, не найдемъ: все оно принадлежитъ къ шляхетскому классу и смотрѣло бы на дѣло именно съ той точки зрѣнія, съ которой мы обязаны сдвинуть Польшу; а нѣкоторые могли бы даже преднамѣренно вредить нашимъ мѣрамъ и искажать ихъ въ исполненіи. По-видимому, не осталось бы другаго средства, какъ обратиться къ повѣрочнымъ коммисіямъ, дѣйствующимъ въ западныхъ губерніяхъ, и направить лучшія изъ нихъ въ Царство Польское, коль скоро онѣ исполнятъ свое порученіе въ предѣлахъ Россіи.

Но уничтожимъ ли мы тѣмъ, что̀ можетъ быть сдѣлано для польскаго крестьянства, противодѣйствіе польской шляхты, горожанъ и духовенства, нашему владычеству? Разрѣшимъ ли мы то, что̀ называется польскимъ вопросомъ? Нисколько. Если польскимъ вопросомъ называется антагонизмъ противъ Россіи высшихъ слоевъ Польской націи, или польскаго обывательства, польской интеллигенціи, то этотъ вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ: ибо онъ истекаетъ изъ принциповъ непримиримыхъ, изъ требованій, которыя никогда не будутъ удовлетворены. Этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ; но время его упразднитъ и отъ насъ собственно зависитъ, чтобы это сталось скоро или не скоро. Польскій вопросъ будетъ упраздненъ, когда, съ одной стороны, Польская народность утратитъ господство, не только матеріальное, но и нравственное, надъ народностью Русскою и Литовскою въ нашемъ западномъ краѣ, и когда, съ другой стороны, устойчивая сила крестьянскихъ общинъ въ Царствѣ Польскомъ переработаетъ своимъ вліяніемъ старыя идеи польскаго обывательства.

А до тѣхъ поръ, это намъ надобно сказать себѣ напередъ, власть наша надъ Польшею не перестанетъ носить на себѣ характеръ насилія. Серьезнаго, дѣйствительнаго примиренія съ польскимъ обывательствомъ, пока оно не утратитъ надеждъ на возвращеніе западнорусскихъ земель и пока не переродится подъ вліяніемъ крестьянскихъ общинъ, быть не можетъ. Но и въ отношеніи къ обывательству мы можемъ сдѣлать одно великое дѣло. Я говорю о просвѣщеніи. Какъ мы погрѣшили передъ польскимъ крестьянствомъ, не воспользовавшись 30-ти-лѣтнимъ миромъ, чтобы сдѣлать для него то, что̀ приходится дѣлать теперь, среди неустройства и борьбы, такъ точно погрѣшили мы и передъ всѣми прочими классами польскаго общества, закрывая или затрудняя имъ доступъ къ высшему образованію. Въ ослѣпленіи своемъ, мы думали, что Полякъ мало образованный есть врагъ менѣе опасный, чѣмъ просвѣщенный Полякъ. Давно ли во-

становленъ въ Варшавѣ университетъ? А сколько времени въ самой столицѣ Царства не было даже высшихъ классовъ гимназическаго курса? Давно ли считали нужнымъ замѣнять въ Польшѣ основательность классическаго образованія поверхностностью кое-какихъ реальныхъ и техническихъ свѣдѣній? Мы не понимали, что именно врагъ опасныхъ для насъ польскихъ идей и стремленій есть наука и просвѣщеніе, что эти идеи и стремленія, будучи основаны на религіозномъ фанатизмѣ и исторической неправдѣ или ошибкѣ, принуждены либо игнорировать выводы науки, либо искажать ихъ. Не даромъ замѣчательнѣйшій философъ польскій, Трентовскій, явился вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ горькимъ обличителемъ бывшей Рѣчи Посполитой и ея отношеній къ Русскому народу. Не даромъ людямъ, которые, какъ Лукашевичъ, вздумаютъ серьезно и съ ученымъ безпристрастіемъ разработывать какіе нибудь историческіе вопросы, касающіеся Польши, хотя бы вопросы эти относились къ XVI вѣку, приходится печатно защищаться предъ своими соотечественниками отъ самыхъ странныхъ обвиненій. И съ другой стороны, не даромъ тѣ, которымъ захочется подкрѣплять какими нибудь учеными доводами польскія притязанія, вынуждены писать явную фальшь, въ родѣ, напр., сочиненій извѣстнаго Духинскаго, гдѣ авторъ расчитываетъ единственно на невѣжество публики. Впрочемъ, настоящія событія въ Польшѣ доказываютъ съ достаточною ясностью, что самые злые противники наши между Поляками люди или полуобразованные, или вовсе невѣжественные. Съ Полякомъ основательно и серьезно образованнымъ, мы можемъ еще столковаться; полуобразованный или вовсе невѣжественный обыватель будетъ всегда игрушкою людей, которые захотятъ фанатизировать его религіозную и патріотическую ненависть къ Москалямъ. Всякое правительство, коль скоро оно беретъ въ свои руки общественное образованіе, съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя обязательство содѣйствовать ему всѣми своими силами: это для него долгъ совѣсти передъ народомъ. Но въ Польшѣ это для насъ даже болѣе, чѣмъ долгъ совѣсти; наша прямая политическая задача, для нашей собственной пользы — развивать въ этой странѣ всѣми средствами серьезное, основательное научное образованіе. Прежняя система имѣла въ этомъ отношеніи, между прочими, очень важный, по моему мнѣнію, недостатокъ. Мы опасались скопленія юношей въ Варшавѣ и отправляли ихъ въ Русскіе университеты; туда же обращали мы Поляковъ, уроженцевъ западныхъ губерній, не дозволяя имъ ѣхать учиться въ Польшу. Конечно, при слабомъ управленіи и при дурной полиціи, значительное число молодежи въ столицѣ Царства Польскаго можетъ подать поводъ къ непріятнымъ для насъ демонстраціямъ и т. под.; но, мнѣ кажется, что отъ насъ зависитъ предупре-

ждать ихъ, и впрочемъ, всякія приключенія такого рода совершенные пустяки въ сравненіи съ положительнымъ вредомъ, происходящимъ отъ искусственнаго удаленія польской учащейся молодежи изъ центра страны. Пусть Поляки отправляются добровольно слушать лекціи въ нашихъ университетахъ; чѣмъ больше будетъ такихъ охотниковъ, тѣмъ лучше. Но когда мы насильно заставляемъ Поляка учиться въ Москвѣ или Петербургѣ, и мѣшаемъ ему ѣхать въ Варшаву, то мы тѣмъ самымъ внушаемъ ему недовѣріе къ преподаваемой у насъ наукѣ. Онъ не можетъ не сказать себѣ: «должно быть, въ наукѣ, какъ ее преподаютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, кроются какіе нибудь правительственные расчеты: иначе зачѣмъ заставлять меня учиться непремѣнно тамъ, а не у себя дома?» Вотъ почему русское университетское преподаваніе получаетъ такъ мало вліянія на Поляковъ, и оказывается вообще такъ мало способнымъ внушать имъ серьезную любовь къ наукѣ. Прибавимъ еще другую вредную сторону этой системы. Полякъ, уроженецъ Литвы или Украйны, желалъ бы ѣхать въ Польскій университетъ; мы ему велимъ отправляться въ Русскій. Неужели онъ отъ этого обрусѣетъ, неужели его польскій патріотизмъ ослабнетъ? Напротивъ: онъ является въ Москву или Петербургъ въ нѣкоторомъ смыслѣ изгнанникомъ, а въ изгнаніи, какъ извѣстно, ростутъ мечты, которыя на родной почвѣ разбиваются о живую дѣйствительность. Замѣчаютъ, что лучшее средство излечить Поляка изъ западныхъ губерній отъ мечтательныхъ идей о великой, идеальной Польшѣ — послать его въ малую дѣйствительную Польшу, т. е. въ Царство Польское; а мы, вмѣсто того, отправляемъ его еще дальше отъ родной его почвы, въ русскую среду, гдѣ, окруженный чужими, онъ долженъ еще болѣе сосредоточиться въ исключительности своихъ національныхъ идей.

Я указалъ тѣ два предмета, которые составляютъ, какъ мнѣ кажется, существеннѣйшую задачу нашу въ Царствѣ Польскомъ. Наша обязанность тамъ, — и для нашей собственной пользы, и для блага Польской націи, — доставить самостоятельность Польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ Царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія не можетъ удовлетворить Поляковъ; польскій вопросъ, какъ я сказалъ, неразрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, и упразднить его могутъ только соціальныя средства.

4 Декабря 1863 г.
С. п. б.

XV.

ЛИТВА И ЖМУДЬ.

XV.

Литва и Жмудь.

Историческая связь Литовскаго племени съ Русскимъ народомъ. — Отношеніе Литовскаго племени къ Славянскому. — Численность Литовцевъ. — Кого надо разумѣть подъ именемъ Литвиновъ? — Языкъ Литовскій. — Вѣрованія и преданія Литвиновъ. — Важность изученія Литовскаго языка и народности. — Причины отчужденія Литвы отъ Россіи. — Литовское племя въ Пруссіи. — Труды Нѣмцевъ и Поляковъ для Литовскаго народа. — Литва подъ властію Россіи. — Литература Литовская. — Задача Россіи относительно религіознаго и умственнаго развитія Литовскаго народа.

Со времени послѣдняго Польскаго возстанія 1863—1864 гг., въ нашихъ газетахъ и журналахъ довольно часто попадаются слова: Жмудь, Жмудяки, Литовскіе крестьяне и т. под. Едва ли приходилось когда либо Русской публикѣ слышать столько объ этомъ бѣдномъ, одинокомъ, загадочномъ племени, судьба котораго такъ давно связана съ судьбами Русской земли. Но обратимъ ли мы дѣйствительно серьезное вниманіе на Литовское племя? Или оно, на минуту выведенное передъ нами на сцену Польскимъ возстаніемъ, снова скроется въ прежней своей безвѣстности, заслоненное отъ нашихъ глазъ Польскимъ шляхетствомъ и Россійскимъ чиновничествомъ?

Да, судьба Литовскаго племени издавна связана съ судьбами Русской земли. Она связана со времени Ярослава, когда Литва платила Русскимъ князьямъ дань вѣниками и лыками; она связана такъ тѣсно, что исторія земли Русской не можетъ быть разсказана безъ исторіи Литвы. И наконецъ, уже семьдесятъ лѣтъ огромное большинство Литовскаго племени состоитъ непосредственно подъ Русскимъ управленіемъ. Племя это, въ своихъ двухъ вѣтвяхъ, Литвѣ въ тѣсномъ смыслѣ и Жмуди, составляетъ, какъ извѣстно, всю туземную массу населенія Ковенской губерніи и трехъ сѣверозападныхъ уѣздовъ Виленской, Трокскаго, Виленскаго и Свенцянскаго, распро-

страняясь и на часть уѣздовъ Лидскаго и Ошмянскаго. Численность этого Литовскаго и Жмудскаго населенія представляетъ цифру довольно почтенную: 1,367,000, по даннымъ, приводимымъ въ атласѣ г. Батюшкова. Да сверхъ того, Литовское племя, въ числѣ 185,000 душъ [1]), занимаетъ два уѣзда Августовской губерніи, Маріампольскій и Кальварійскій, т. е. сѣверную оконечность Царства Польскаго [2]). Такимъ образомъ, подъ властію Россіи состоитъ болѣе полутора милліона Литвиновъ и Жмуди, или *девять десятыхъ* всего Литовскаго народа; только одна десятая (около 150,000) принадлежитъ Пруссіи. Если кого должно озабочивать положеніе Литовскаго племени, если кому нужно съ нимъ познакомиться и привязать его къ себѣ, такъ это Россіи. Эти полтора милліона людей особаго племени, своебытнаго, имѣющаго свой языкъ, свои обычаи, свой оригинальный типъ и характеръ, живутъ у насъ не гдѣ нибудь за горами или въ безвѣстныхъ тундрахъ; они тутъ на виду передъ нами, на большой дорогѣ нашей въ западную Европу, на берегу важнѣйшаго для насъ моря, между Русью и Польшею, пятьсотъ лѣтъ тягущимися о томъ — чья должна быть эта Литва, неспособная жить отдѣльно отъ Руси или Польши и, однако, давшая нѣкогда перевѣсъ одной изъ нихъ надъ другою. Но независимо отъ практическаго значенія вопроса, Литва, съ ея своеобразнымъ народонаселеніемъ, съ ея замѣчательнымъ языкомъ, должна сама по себѣ привлечь на себя вниманіе Русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Литовское племя представляетъ столько любопытнаго, столько важнаго для многихъ отраслей науки, что равнодушіе къ нему было бы непростительно, даже съ точки зрѣнія теоретическаго знанія: интересъ науки идетъ тутъ рука объ руку съ интересомъ общественнымъ и политическимъ. Но мы, довольные тѣмъ, что̀ о Литовскомъ племени писали Нѣмцы, мы брали о немъ, когда было необходимо, кое-какія свѣдѣнія изъ Нѣмецкихъ книгъ; а если хотѣли предпринять что нибудь сами для обогащенія науки новыми данными, то скорѣе отправлялись изучать Самоѣдовъ и Бурятъ, чѣмъ Литву: можно бы подумать, что у насъ установилось, съ голоса Западной Европы, вѣрованіе, будто наше особливое, исключительное призваніе въ наукѣ — знакомить міръ съ племенами отдаленнаго сѣвера и центра Азіи, мало доступными Западнымъ изслѣдователямъ. Такъ, мы идемъ работать для науки на сѣверъ и востокъ (Боже сохрани отъ мысли умалить значеніе и важность этихъ трудовъ!); а что̀ на западъ отъ насъ, къ тому мы какъ будто боимся прикос-

---

[1]) По даннымъ, помѣщеннымъ въ атласѣ г. Эркерта.

[2]) Кромѣ того, Литовское племя захватываетъ сѣверный конецъ Гродненскаго уѣзда, Гродненской губерніи; Литвиновъ тамъ 2,800 чел.

нуться, словно пугаясь мысли зайти въ чужое поле. Небольшія статьи гг. Микуцкаго и Юшкевича, двухъ природныхъ Литвиновъ, о Литовскомъ языкѣ, вотъ все, чѣмъ ограничилась пока дѣятельность нашей науки по этой части. Статьи прекрасныя и мы охотнѣе всякого другаго готовы цѣнить ихъ; но, къ сожалѣнію, эти статьи у насъ едва ли не единственныя въ своемъ родѣ.

Чтобы не утомлять нашихъ читателей, мы здѣсь только въ самыхъ краткихъ словахъ, и единственно для людей, незнакомыхъ съ предметомъ, укажемъ на важность Литовскаго народа въ чисто научномъ отношеніи. Но прежде всего, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, согласимся въ выраженіяхъ. Мы просимъ замѣтить, что во всей этой статьѣ рѣчь идетъ о Литвѣ, Литовскомъ краѣ, Литовскомъ народѣ *единственно* въ тѣсномъ или собственномъ, т. е. *этнографическомъ* смыслѣ. Въ общежитіи мы часто называемъ Литвою край болѣе обширный, получившій это наименованіе вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ; Литовскими губерніями мы называемъ, по исторической памяти, но совершенно неправильно въ смыслѣ этнографическомъ, кромѣ губерній Виленской и Ковенской, также Гродненскую и Минскую, и придаемъ жителямъ этихъ двухъ послѣднихъ губерній, Бѣлоруссамъ и даже Полякамъ, названіе Литовцевъ или Литвиновъ, которое должно принадлежать собственно только жителямъ Виленской, Ковенской и Августовской губерній (также какъ и части Восточной Пруссіи), составляющимъ особую своеобразную Литовскую народность, говорящимъ на своемъ особомъ Литовскомъ языкѣ. Именно только этотъ народъ разумѣемъ мы здѣсь подъ именемъ Литвиновъ, только его имѣемъ мы въ виду. Мы устраняемъ Латышей, которые, хотя по происхожденію и языку находятся въ близкомъ родствѣ съ Литвою, однако составляютъ отдѣльный отъ нея народъ. Но съ другой стороны, когда мы говоримъ о Литвѣ, Литовскомъ народѣ и языкѣ, то разумѣемъ вмѣстѣ и Жмудь (или Нижнихъ Литвиновъ), и такъ называемыхъ Верхнихъ Литвиновъ, которымъ по преимуществу присвоивается, въ народномъ употребленіи, имя Литвиновъ (Лѣтувей). Жмудяки и эти Верхніе Литвины или Литвины по преимуществу, отличаясь другъ отъ друга лишь нѣкоторыми оттѣнками, составляютъ одинъ народъ [1]). Для поясненія этого примѣромъ, мо-

[1]) Точная этнографическая граница между Жмудью и Верхними Литвинами, сколько намъ извѣстно, еще никѣмъ не опредѣлена; мы можемъ только сказать, что Жмудью называется по преимуществу западная часть Ковенской губерніи по р. Невяжу. Впрочемъ, г. Юшкевичъ отличаетъ въ Литовскомъ языкѣ, кромѣ говоровъ Жмудскаго и Верхне-Литовскаго, еще говоры Ейрегольскій и Прусско-Литовскій (см. его статью „О говорахъ Литовскаго языка", въ прибавл. къ Извѣстіямъ II Отд. Акад. Наукъ, 1858 г., матеріалы, томъ V).

жно сказать, что Литва и Латыши, образуя два родственныхъ, но отдѣльныхъ народа, относятся другъ къ другу, какъ въ Славянской семьѣ Русскіе и Поляки, или Русскіе и Болгаре; а Верхніе Литвины (Калненай) и Жмудь (Жемайчей) составляютъ одинъ народный организмъ, также какъ Великоруссы и Бѣлоруссы, или какъ Великополяне и Мазуры.

И такъ, прежде чѣмъ обратиться къ практической сторонѣ дѣла, мы хотѣли сказать нѣсколько словъ о значеніи Литовскаго племени относительно науки. Между науками, создавшимися въ новѣйшее время, съ поразительною быстротою развивается и приводитъ къ результатамъ, все болѣе и болѣе обильнымъ, сравнительная лингвистика, которую сопровождаетъ другая, еще младшая наука, сравнительная миѳологія. Онѣ составляютъ какъ бы геологію и палеонтологію человѣчества. Точно также, какъ геологія и палеонтологія открыли безконечную исторію земнаго шара, предшествовавшую роду людскому, такъ сравнительная лингвистика и миѳологія воскрешаютъ передъ нами человѣчество въ вѣка, предшествовавшіе всѣмъ его писаннымъ памятникамъ, его бытъ, его вѣрованья, постепенное развѣтвленіе его на племена. Для насъ наиболѣе любопытна, и до сихъ поръ преимущественно разработана, часть этой новозданной науки, раскрывающая доисторическую жизнь нашего Арійскаго поколѣнія, того поколѣнія, къ которому принадлежимъ мы всѣ, Европейцы [1]). Благодаря сравнительной лингвистикѣ и миѳологіи, мы теперь проникаемъ въ древнюю Азіятскую родину нашу, гдѣ предки Грековъ, Албанцевъ, Италійцевъ, Кельтовъ, Нѣмцевъ, Литовцевъ, Славянъ, составляли одинъ народъ съ предками Индусовъ и Персовъ; мы возстановляемъ древній общій языкъ, древній пастушескій, но уже не совсѣмъ чуждый земледѣлія, бытъ этого Арійскаго народа, когда онъ еще совмѣщалъ въ себѣ многочисленныя семьи, которыя, разселившись въ Европѣ и части Азіи, стали во главѣ человѣчества и все болѣе и болѣе овладѣваютъ пространствомъ земнаго шара. А между всѣми Арійскими племенами Европы, племя Литовское оказывается, судя по языку, наиболѣе близкимъ къ своему первоначальному доисторическому типу. Нынѣшняя рѣчь Литовскаго крестьянина во многомъ болѣе первообразна, чѣмъ языкъ древнѣйшаго памятника Европы, чѣмъ языкъ Гомера. Она значительно оскудѣла, но менѣе всѣхъ измѣнилась въ коренныхъ звукахъ и формахъ: это обломокъ старины доисторической между молодыми поколѣніями языковъ, по-

---

[1]) За исключеніемъ Евреевъ (племени Семитическаго), народовъ Финно-Турецкаго поколѣнія (въ томъ числѣ и Мадьяръ) и наконецъ, Басковъ, происхожденіе которыхъ составляетъ до сихъ поръ загадку.

добно тому, какъ среди тѣхъ же Литовскихъ лѣсовъ уцѣлѣлъ, въ зубрѣ, единственный представитель доисторическаго царства Европейскихъ животныхъ. За то съ какимъ чувствомъ благоговѣнія Нѣмецкіе ученые относятся къ языку этого бѣднаго, темнаго, забитаго народа! Для насъ же, и вообще для всего Славянскаго ученаго міра, Литовскій языкъ особенно важенъ еще потому, что онъ состоитъ въ ближайшей связи съ Славянскою рѣчью. Было время, когда Славянское племя составляло съ Литовскимъ одно цѣлое въ Европѣ, уже послѣ того, какъ это общее Славяно-Литовское племя отдѣлилось отъ Германскаго, Греческаго, Иранскаго и т. д. Но затѣмъ, когда эта Восточно-Европейская или Славяно-Литовская вѣтвь Арійскаго поколѣнія распалась на два особыхъ племени, Славянское и Литовское, то Славяне стали развивать свой языкъ по новымъ началамъ, имъ исключительно свойственнымъ, а Литовскій остался гораздо болѣе при старинѣ. Безъ Литовскаго языка научное изслѣдованіе Славянскаго невозможно, немыслимо, и одна изъ главнѣйшихъ причинъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадали нѣкоторые наши ученые, разсуждавшіе о законахъ и свойствахъ Славянской рѣчи, состоитъ именно въ томъ, что они не брали въ соображеніе фактовъ, представляемыхъ языкомъ Литовскимъ. Но, независимо отъ языка, какой неоцѣненный кладъ долженъ представлять Литовскій народъ въ своихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ! Вспомнимъ только, что Литовскій народъ послѣдній между Арійскими племенами Европы принялъ христіанство; вспомнимъ, что еще въ началѣ XVII вѣка Польскій писатель Ласицкій говорилъ о поклоненіи Жмудяковъ разнымъ языческимъ богамъ, какъ о фактѣ ему современномъ. Вспомнимъ, какъ развита была у Литвиновъ въ язычествѣ религіозная стихія, и мы въ правѣ будемъ заключить a priori, что ни одинъ народъ въ Европѣ не можетъ быть богаче остатками древнихъ дохристіанскихъ вѣрованій. То не многое, что̀ собрано по этой части современными Польскими авторами, вполнѣ подтверждаетъ эту мысль, приведу только одинъ примѣръ. По свидѣтельству Польскаго писателя [1]), Литовское простонародье имѣетъ о происхожденіи разныхъ птицъ, напр. кукушки, соловья, ласточки, аиста и др., миѳическія преданія, точь-въ-точь соотвѣтствующія метаморфозамъ въ языческихъ сказаніяхъ Греціи; оно, подобно древнимъ Эллинамъ и Римлянамъ, кладетъ судьбу каждаго человѣка въ руки Паркъ, которыя прядутъ его жизнь, съ тою только разницею, что вмѣсто трехъ Паркъ, Литвинъ признаетъ семь «властительныхъ богинь» (дѣвос валдитоес). Одна прядетъ нити жизни человѣческой,

---

[1]) Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów, przez Ludwika z Pokiewia. Вильно. 1846 г.

другая ихъ снуетъ, третья тчетъ изъ нихъ полотно, четвертая, злая прелестница, вкрадчивыми словами и пѣснями сбиваетъ сестеръ, чтобы портить имъ работу, а пятая оберегаетъ ткань отъ ея коварства; шестая разсѣкаетъ ткань жизни, и наконецъ, седьмая, вымывъ отрѣзанную ткань, подаетъ ее чистою верховному Богу. Какъ не пожелать, чтобы эти сокровища Литовскихъ сказаній и повѣрій собирались, пока ихъ не унесутъ съ собою въ гробъ отживающія поколѣнія, чтобы они записывались съ тою полнотою и совѣстливою тщательностью, какихъ требуетъ дѣло науки. Наконецъ, нельзя не быть увѣреннымъ, что и самый бытъ Литовскаго простонародья въ разныхъ своихъ отличительныхъ чертахъ хранитъ много такого, что̀ принадлежитъ отдаленнѣйшей древности Арійскаго племени и заслуживаетъ самаго подробнаго изученія. Въ настоящее время настаетъ крайній срокъ для подобныхъ трудовъ. Бытъ Литовскаго простонародья вступаетъ въ періодъ совершеннаго переворота; крестьянская реформа выводитъ его изъ вѣковой неподвижности; съ новою, лучшею долею, открывающеюся Литовскимъ крестьянамъ, съ новымъ духомъ свободы и новыми потребностями и заботами житейскими, будутъ приходить въ забвеніе стародавнія понятія и обычаи. То, что̀ не будетъ теперь замѣчено, записано, сохранено для науки, то скоро погибнетъ для нея невозвратно. Въ настоящее время множество Русскихъ приведены въ самое близкое, ежедневное соприкосновеніе съ Литовскимъ простонародьемъ: мы говоримъ о Русскихъ членахъ мировыхъ учрежденій въ Литовскомъ краѣ, о Русскихъ чиновникахъ, которыми замѣщается тамъ Польская администрація, о молодыхъ офицерахъ, квартирующихъ въ Литовскихъ деревняхъ. Неужели между ними не найдется ни одного дѣятеля для науки? Для этого не требуется многаго. Русскіе, слава Богу, легко учатся чужимъ языкамъ, а къ тому же, Литовскій языкъ, изо всѣхъ иностранныхъ языковъ (не считая, разумѣется, Славянскихъ нарѣчій), есть безспорно самый легкій для Русскаго; и конечно, многіе изъ Русскихъ, поживъ нѣсколько времени въ Литвѣ, и имѣя тамъ дѣло съ народомъ, безъ особенныхъ усилій и, быть можетъ, сами того не замѣчая, выучиваются говорить по-литовски. Нужно только, чтобы люди, сочувствующіе дѣлу науки, воспользовались сознательно теперешнимъ случайнымъ своимъ знаніемъ Литовскаго языка. Пусть они перестанутъ смотрѣть на это знаніе, какъ на нѣчто неважное, а напротивъ, стараются развить его на столько, чтобы быть въ состояніи не только разговориться съ Литовскимъ крестьяниномъ о предметахъ обыденной жизни, но проникнуть въ его бытъ, подмѣтить его повѣрья, услышать и понять его пѣснь и сказку, узнать его космогоническія представленія и все это записать его подлинными словами. Нужды

нѣтъ, что иное останется, быть можетъ, неяснымъ самому собирателю: въ Литовскихъ народныхъ пѣсняхъ есть много такого стариннаго, что самъ народъ, повторяя древнія слова, уже не отдаетъ себѣ отчета въ ихъ значеніи. Ученая критика разгадаетъ эти загадки; на мѣстѣ же отъ Русскихъ дѣятелей требуется въ этомъ отношеніи только одно: добросовѣстное собираніе народныхъ текстовъ (пѣсенъ, сказокъ, преданій, разсказовъ и разсужденій о явленіяхъ природы, о первыхъ людяхъ, о старинѣ Литовской, о старыхъ обычаяхъ и т. д.) въ ихъ подлинной формѣ, безъ малѣйшей предзаданной мысли, безъ всякихъ прикрасъ и вольностей, безъ всякаго мудрствованія, что̀, къ несчастію, составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ большей части Польскихъ сочиненій, изъ которыхъ теперь приходится выбирать такого рода матеріалы. Нѣсколько добросовѣстныхъ тружениковъ, которые стали бы, такимъ образомъ, во время своихъ досуговъ, заниматься собираніемъ остатковъ Литовской старины, хранящихся еще въ народной памяти и народной жизни, оказали бы неоцѣненную услугу многимъ вѣтвямъ науки.

Но этимъ мы далеко не удовлетворили бы тому, чего требуетъ отъ насъ Литовскій край. Россіи необходимы для Литовскаго края не только ученые изслѣдователи, но еще болѣе необходимы практическіе дѣятели. Ихъ надобно приготовлять такъ, чтобы они могли являться въ среду Литовскаго народа съ достаточнымъ запасомъ предварительныхъ свѣдѣній.

Въ нашихъ университетахъ существуютъ каѳедры многоразличныхъ языковъ и нарѣчій. Охотники могутъ выучиться, по крайней мѣрѣ въ Петербургскомъ университетѣ, языку Калмыцкому и Бурятскому. Мы ничего не говоримъ въ осужденіе языковъ Бурятскаго и Калмыцкаго, но думаемъ, что Литовское племя столь же важно, если не важнѣе, для Россіи, чѣмъ Калмыки и Буряты, и что слѣдовало бы дать Русскимъ студентамъ возможность учиться политовски. Прямая практическая польза, столько же, сколько интересъ науки, требуютъ, чтобы въ нашихъ университетахъ, или по крайней мѣрѣ въ Московскомъ, Петербургскомъ и Кіевскомъ, учреждены были Литовскія каѳедры, и казалось бы легко пополнить этотъ важный недостатокъ.

Древнѣйшія связи Литовскаго народа были съ Русскими; черезъ Русскій міръ проникли къ нему первыя начала гражданственности, первые лучи христіанства. Литовскій народъ льнулъ, такъ сказать, къ Русскому міру. Даже въ то время, когда онъ господствовалъ надъ обширными Русскими областями, онъ не только не утѣснялъ Русской народности, а напротивъ, охотно себѣ ее усвоивалъ, давалъ

Русскому языку права языка оффиціальнаго въ своей собственной странѣ. Но Польша успѣла на нѣсколько столѣтій прервать эту древнюю связь, истекавшую изъ самой природы вещей, изъ самаго положенія Литовскаго края. Распространенная Польшею между Литвинами католическая религія стала между Литовскимъ народомъ и народомъ Русскимъ; распространенное Польшею въ Литовскомъ краѣ шляхетство заслонило Литовскій народъ отъ Русскаго правительства даже тогда, когда край этотъ вновь вошелъ въ составъ Русскаго государства. Такимъ образомъ произошло это долгое отчужденіе наше отъ Литовскаго народа, это печальное наше къ нему невниманіе.

Невелика, мы знаемъ, та доля Литовскаго края, которая принадлежитъ Пруссіи. Въ ея владѣніяхъ считается, какъ указано выше, не болѣе 150,000 Литвиновъ [1], то есть лишь одна десятая всего Литовскаго народа. И надобно замѣтить, что тамъ, въ Пруссіи, Литовскій элементъ находится уже въ состояніи вымирающей народности: Литвины выучиваются Нѣмецкому языку и, мало-по-малу, забывая свой, сливаются съ Нѣмцами. Не смотря на то, все, что̀ европейская наука знаетъ о Литвинахъ и Литовскомъ языкѣ, все, что̀ по этой части послужило предметомъ ея изысканій, почерпнуто изъ этого Литовскаго уголка, принадлежащаго Пруссіи. Мало того: почти всѣ труды, посвященные непосредственной пользѣ самого Литовскаго народа, распространенію въ немъ грамотности и образованія, литературному развитію его языка, предпринимались для этихъ 150,000 Литвиновъ въ Пруссіи, для одной этой малой и вымирающей частицы Литовскаго племени.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія, первый король Прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ I, обратилъ вниманіе на необходимость воспользоваться Литовскимъ языкомъ для народнаго образованія въ подвластномъ ему Литовскомъ краѣ и велѣлъ учредить въ Литовскихъ селахъ элементарныя школы, гдѣ учили дѣтей на Литовскомъ языкѣ, знакомя ихъ впрочемъ, при его посредствѣ, съ языкомъ Нѣмецкимъ. Въ то же время назначенъ былъ преподаватель Литовскаго языка въ Тильзитскомъ областномъ училищѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1723 году, при Кенигсбергскомъ университетѣ открыта была Литовская *семинарія*, т. е. классы для приготовленія въ Литовскомъ языкѣ

---

[1]) Литовское племя въ Пруссіи сосредоточено преимущественно въ округахъ Мемельскомъ и Гейдекругскомъ и распространяется также на округа Нидерунгскій, Тильзитскій, Рагнитскій, Пилькаленскій и Сталупененскій, уступая, однако, въ этихъ послѣднихъ, мало-по-малу, первенство Нѣмецкой народности. Округа Лабіаускій, Инстербургскій, Гумбиненскій и Гольдапскій, въ прошломъ столѣтіи еще представлявшіе населеніе Литовское, теперь почти совершенно онѣмечились (Шлейхеръ, „Litthauische Grammatik“, стр. 3).

молодыхъ людей, предназначавшихся къ духовной и учительской дѣятельности между Литовскимъ народомъ. Эта Литовская семинарія оказала наибо́льшія услуги разработкѣ Литовскаго языка и способствовала тому, что грамотность на Литовскомъ языкѣ распространилась почти повсемѣстно между Литвинами, Прусскими подданными [1]). Сдѣланы были Литовскіе переводы богослужебныхъ книгъ протестантскихъ; Литовская библія напечатана была, въ первый разъ, въ 1735 г. [2]). Въ Пруссіи явился Литовскій поэтъ Доналейтисъ; его эпическое стихотвореніе «Четыре времени года», напечатанное въ 1818 году (уже послѣ смерти автора), составляетъ, по словамъ знатоковъ, первоклассное художественное произведеніе и изображаетъ съ удивительною вѣрностью всю жизнь и весь бытъ Литовскаго поселянина.

Между тѣмъ, другіе трудились ученымъ образомъ надъ Литовскимъ языкомъ. Ругигъ, а потомъ Мильке, издали Литовскіе словари и грамматики. Какую важность ученая Германія приписывала такого рода трудамъ, показываетъ, между прочимъ, то, что знаменитый Кантъ не почелъ ниже своего достоинства написать предисловіе къ Литовской грамматикѣ (напечатанной въ 1800 г.), которую составилъ Мильке, скромный *канторъ* (нѣчто въ родѣ дьячка) одного сельскаго прихода въ Прусской Литвѣ. Нѣкоторые изъ читателей полюбопытствуютъ, можетъ быть, узнать, какое это предисловіе къ Литовской грамматикѣ сочинилъ отецъ новѣйшей философіи. Вотъ оно: «Что Прусскій Литвинъ вполнѣ заслуживаетъ сохраненія особенностей его характера и чистоты его языка, въ школахъ и церквахъ,— такъ какъ именно языкъ составляетъ главное средство къ образованію и поддержанію народнаго характера,—это явствуетъ изъ помѣщеннаго здѣсь [3]) описанія свойствъ Литовскаго народа. Я прибавлю еще къ этому описанію: что Литвинъ болѣе, чѣмъ сосѣдніе народы, далекъ отъ низкопоклонства, что онъ привыкъ говорить со старшими тономъ равенства и довѣрчивой откровенности; а люди, имѣющіе съ нимъ дѣло, не принимаютъ въ дурную сторону такой фамильярности, не отрываютъ руки отъ его пожатія, потому что находятъ его готовымъ исполнить всякое справедливое требованіе. Литвину присуща гордость,

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ I до такой степени заботился о приготовленіи въ Литовскомъ языкѣ возможно бо́льшаго числа образованныхъ дѣятелей, что онъ не ограничился въ этомъ отношеніи однимъ Кенигсбергскимъ университетомъ и приказалъ учредить такіе же Литовскіе классы при университетѣ въ Галле (см. предисловіе къ Литовско-Нѣмецкому словарю Ругига, 1747 г.). Намъ не удалось впрочемъ отыскать свѣдѣній о томъ, была ли эта послѣдняя мѣра вполнѣ осуществлена и какіе она принесла практическіе плоды.

[2]) Уже въ XVI столѣтіи (1579—1590), пасторъ Бретке перевелъ, въ Кенигсбергѣ, всю библію на Литовскій языкъ; но его трудъ остался въ рукописи.

[3]) Въ особой статьѣ Гейльсберга, предпосланной къ словарю Мильке.

чуждая всякого высокомѣрія, и совершенно отличная отъ той, которая свойственна одной сосѣдственной съ нимъ націи [1]), коль скоро кто нибудь въ ея средѣ почувствуетъ себя знатнѣе другихъ; лучше сказать, это въ Литвинѣ не гордость, а чувство собственнаго достоинства, указывающее на мужество и вмѣстѣ съ тѣмъ служащее порукою въ вѣрности.

«Но и независимо отъ пользы, какую государство можетъ извлечь изъ содѣйствія народа съ такимъ характеромъ, немаловажно для наукъ, въ особенности для исторіи переселенія народовъ, значеніе безпримѣснаго языка племени стародавняго, нынѣ ограниченнаго тѣсными предѣлами и какъ бы изолированнаго; а потому и сохраненіе этого языка въ его особенности имѣетъ само по себѣ большую цѣну. Потому Бюшингъ [2]) сильно оплакивалъ раннюю смерть профессора Тунманна въ Галле, посвятившаго съ чрезмѣрнымъ усердіемъ свои усилія изысканіямъ въ этой части. Впрочемъ вообще, хотя бы и нельзя было ожидать отъ какого нибудь языка столько богатыхъ данныхъ для науки, однако для образованія каждаго племени, въ странѣ, какова напримѣръ Прусская Польша [3]), важно пользоваться его языкомъ въ училищахъ и церковной проповѣди, принимая за образецъ языкъ уже очищенный (какъ напр. Польскій) или даже и такой, который употребляется внѣ предѣловъ края [4]), и мало-по-малу вводить его въ употребленіе; ибо такимъ образомъ языкъ примѣнялся бы лучше къ особенностямъ населенія и понятія становились бы просвѣщеннѣе».

Литовскіе дѣятели въ Пруссіи не переводились и въ болѣе близкое къ намъ время. Мы назовемъ только главныхъ, труды которыхъ занимаютъ видное мѣсто въ наукѣ: таковы Реза, Куршатъ и Нессельманъ. Послѣдній издалъ въ 1851 г. обширный словарь Литовскаго языка. Наконецъ, даже *Австрійское* правительство на свой счетъ отправило въ Литву одного изъ первыхъ европейскихъ ученыхъ въ области лингвистики, профессора Шлейхера. Г. Шлейхеръ совершилъ это путешествіе въ 1852 г. Къ сожалѣнію, онъ не могъ, или не счелъ удобнымъ посѣтить Литовскій край въ Русской державѣ, и ограничилъ

[1]) Кантъ, очевидно, намекаетъ на Поляковъ.

[2]) Извѣстный географъ и историкъ, авторъ важнаго для исторіи сѣверныхъ государствъ въ Европѣ, въ особенности Россіи, —„Историческаго и географическаго Магазина“, умершій въ 1773 г.

[3]) Въ то время, когда Кенигсбергскій философъ писалъ это, Пруссія владѣла половиною нынѣшняго Царства Польскаго, доставшеюся ей по третьему раздѣлу Польши; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ властію Пруссіи находилась тогда и та часть населеннаго Литовскимъ племенемъ края, которая теперь составляетъ сѣверную оконечность Августовской губерніи.

[4]) Кантъ имѣетъ тутъ въ виду Нѣмецкій языкъ.

свои изысканія Прусскимъ уголкомъ Литвы. Но и такъ, плодомъ ученой поѣздки г. Шлейхера явилась подробная Литовская грамматика и Литовская хрестоматія, заключающая въ себѣ выборъ произведеній Литовскаго народнаго творчества, пѣсенъ, пословицъ, загадокъ и сказокъ. И грамматика и хрестоматія составлены съ ясностью взгляда и отчетливостью, свидѣтельствующими, что это дѣло исполнилъ первоклассный ученый. Немногіе народы, даже несравненно болѣе значительные, чѣмъ Литовскій, въ состояніи представить о законахъ своего языка или относительно памятниковъ народной словесности, изданіе, которое могло бы поспорить достоинствами съ тѣмъ, что̀ имѣетъ теперь народъ Литовскій, благодаря труду г. Шлейхера: и мы должны повторить еще разъ, что этимъ, на сколько дѣло касалось матеріальныхъ средствъ исполненія, Литовскій народъ обязанъ *Австрійскому* правительству.

Все, до сихъ поръ исчисленное нами, сдѣлано, какъ мы сказали, Нѣмцами или природными Литвинами въ Нѣмецкой средѣ, для той *десятой доли* Литовскаго народа, которая принадлежитъ Пруссіи. Къ сожалѣнію, Литвины въ Русской имперіи и въ Царствѣ Польскомъ почти не могутъ пользоваться тѣми умственными богатствами, которыя предлагаются ихъ соплеменникамъ за границею (мы не говоримъ, разумѣется, о грамматикахъ и словаряхъ, которые издаются для немногихъ, и то болѣе для иностранцевъ, чѣмъ для туземцевъ; мы говоримъ о книгахъ для народнаго чтенія, для религіознаго и умственнаго образованія простаго народа). Литвинъ въ Пруссіи протестантъ; въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ онъ (за немногими исключеніями) католикъ. Литвинъ въ Пруссіи пишетъ нѣмецкими буквами; въ Россіи и Царствѣ Польскомъ латинскими (по польской методѣ правописанія). Вслѣдствіе того, книги, по которымъ учатся и образуются Литвины въ Пруссіи, остаются мертвою, а часто и отверженною, еретическою, грамотою для Литвиновъ по сю сторону границы. Для нихъ нужны особые труды.

То немногое, что̀ сдѣлано въ ихъ пользу, принадлежитъ Полякамъ или туземцамъ съ польскимъ образованіемъ.

Какъ ни была старая Польша, по существу своихъ общественныхъ началъ, исключительна въ отношеніи ко всѣмъ подчинившимся ей народностямъ; какъ ни враждебно было католическое духовенство развитію народнаго образованія и народной жизни, но надобно отдать справедливость и старой Польшѣ и ея духовенству, что они не оставляли вовсе безъ вниманія умственныя и духовныя потребности бѣднаго Литовскаго простонародія. Хотя мы знаемъ, что іезуиты въ своихъ школахъ подвергали Литовскихъ мальчиковъ наказанію

за простое употребленіе народнаго языка въ разговорѣ [1]); однако мы встрѣчаемъ и отрадныя отступленія отъ этой системы. Во многихъ случаяхъ, католическое духовенство учило простой народъ въ Литвѣ сопровождать молитвами и пѣснями на родномъ языкѣ непонятное ему богослуженіе; оно снабжало его, хотя и скудно, Литовскими книгами религіозно-нравственнаго содержанія. Такія изданія появились уже въ XVI столѣтіи. Въ концѣ XVI вѣка каноникъ Даукша, въ XVII вѣкѣ іезуитъ Ширвидъ (издавшій, между прочимъ, Польско-Латинско-Литовскій словарь), дали языку своего роднаго племени начала литературной обработки.

Когда Литовскій край перешелъ подъ власть Россіи, то она не нарушила въ немъ прежняго порядка вещей. Вся духовная и умственная въ немъ дѣятельность продолжала, по прежнему, исходить отъ образованныхъ по-польски Литвиновъ и преимущественно отъ католическаго духовенства. Первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, двумъ католическимъ епископамъ Жмуди: князю Іосифу Гедройцу, скончавшемуся въ 1838 г., и Матвѣю Волончевскому, нынѣ управляющему Жмудскою католическою епархіею. Князь Гедройцъ, предпочитая пользу народа правилу своей церкви, не желающей дѣлать священное писаніе доступнымъ міpянамъ, перевелъ и издалъ по-литовски (въ 1816 г.) Новый Завѣтъ, посвятивъ это изданіе императору Александру I. Его преемникъ, епископъ Волончевскій (бывшій тогда ректоромъ Ворненской семинаріи) не захотѣлъ ограничить Литовскаго языка единственно сферою религіознаго наставленія народа. Онъ написалъ политовски обширное описаніе Жмудской епархіи, историческое и статистическое (напечатано въ двухъ томахъ, въ Вильнѣ, въ 1848 г.). Впрочемъ, это не была первая попытка въ такомъ родѣ. Литвины въ Россіи имѣли уже на своемъ языкѣ свѣтскія сочиненія. Достаточно поименовать басни Станевича (онъ же собиралъ народныя пѣсни), стихотворенія Пашкевича (который, между прочимъ, перевелъ политовски Виргиліеву Энеиду: трудъ, кажется, ненапечатанный), пѣсни Дроздовскаго или по-литовски Стражделиса; переводы съ Польскаго Рупейки и Незабитовскаго; ученое сочиненіе Лаукиса о бытѣ древнихъ Литвиновъ. О нѣсколькихъ другихъ мы не упоминаемъ.

И такъ Литовскій народъ въ Россіи имѣетъ на своемъ языкѣ не только разныя книги для религіознаго и нравственнаго наставленія, у него есть и небольшая литература.

Литовскій народъ въ Россіи исповѣдуетъ католическую вѣру и находился съ XV вѣка подъ вліяніемъ польской цивилизаціи; весьма

[1]) См. Кеппена, о языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ. Привожу эту статью по Польскому ея переводу, помѣщенному Леономъ Рогальскимъ въ Dzienniku Wileńskiem за 1828 годъ, т. V, стр. 430.

естественно, что католическое духовенство и люди, образовавшіеся въ духѣ польской цивилизаціи, принимали и принимаютъ дѣятельное участіе въ трудахъ для религіознаго и умственнаго развитія Литовскаго народа. Между ними являлись личности, одушевленныя въ этой дѣятельности искреннею и прямою любовью къ Литовскому народу, и мы можемъ только жалѣть, что такихъ людей не было больше: потому что въ общей сложности и за исключеніемъ этихъ отдѣльныхъ личностей, католическое духовенство и люди, образованные въ духѣ польской цивилизаціи, были все-таки направляемы, въ своей дѣятельности между Литовскимъ народомъ, посторонними побужденіями; дѣятельность эта не всегда исходила, — какъ въ протестантской части Литвы, принадлежащей Пруссіи, — изъ непосредственнаго желанія удовлетворить умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ Литовскаго народа, и часто даже клонилась прямо къ тому, чтобы упрочить надъ нимъ господство польскихъ стихій.

Тѣмъ болѣе обязаны мы подумать о томъ, чтобы образовательная и просвѣтительная дѣятельность въ Литовскомъ краѣ не оставалась монополіею католическаго духовенства и Поляковъ или дѣятелей, принадлежащихъ къ польской цивилизаціи. Пускай они дѣлаютъ, сколько могутъ, для умственнаго и нравственнаго развитія Литовскаго народа: но эта работа не должна быть предоставлена имъ исключительно. Каждая страница, которую католическій ксендзъ или міряяинъ, Полякъ или Литвинъ съ польскимъ образованіемъ, пишетъ для Литовскаго народа, носитъ на себѣ печать католическихъ и польскихъ взглядовъ и убѣжденій: это въ природѣ вещей, имъ нельзя и ставить этого въ упрекъ. Но хорошо ли, что Литовскій народъ можетъ слышать только одни католическіе и польскіе голоса? Хорошо ли со стороны Русскихъ, что они не заговорятъ съ нимъ, не потрудятся и съ своей стороны на его пользу? Какъ не пожелать, чтобы тѣ православные священники, которые живутъ посреди Литовскаго народа, которые имѣютъ въ числѣ своихъ прихожанъ людей, говорящихъ по-литовски, вспомнили преданіе своей церкви, заповѣдующей преподавать всѣмъ племенамъ слово Божіе на ихъ родномъ языкѣ, и перевели православныя богослужебныя книги на Литовскій языкъ, чтобы они дали своей паствѣ въ руки православный катихизисъ на Литовскомъ языкѣ? Въ одной Ковенской губерніи, населенной сплошь Литвинами и Жмудью, существуютъ, какъ видно изъ статистическихъ свѣдѣній, 15 православныхъ церквей и 2 православныхъ монастыря; въ Литовскихъ уѣздахъ Виленской губерніи, Свенцянскомъ, Трокскомъ и Виленскомъ, не считая г. Вильно, 17 православныхъ церквей. Нельзя отговариваться тѣмъ, что большая часть тамошнихъ православныхъ Великоруссы и Бѣлоруссы, въ раз-

ныя времена водворившіеся между Литвинами; согласно исчисленіямъ, помѣщеннымъ въ атласѣ Западнаго края по вѣроисповѣданіямъ, оказывается, что между православными въ Виленской и Ковенской губерніяхъ 28,606 человѣкъ суть кровные Литвины и Жмудяки. Кромѣ того, можно предполагать, что и изъ Русскихъ многіе, попавши въ массу Литовскаго народа, могли уже слиться съ Литвинами въ языкѣ и бытѣ, но главное, эти кровные Литвины и Жмудяки православнаго исповѣданія, хотя бы ихъ и было не болѣе 28,606 человѣкъ, не должны же оставаться безъ вниманія къ ихъ духовнымъ нуждамъ; а для нихъ славянская книга и славянское богослуженіе должны быть также мало понятны, какъ латинскій бревіаръ и латинская месса. Такимъ образомъ, въ состояніи ли они будутъ противустоять римской пропагандѣ среди окружающаго ихъ католическаго населенія, когда они въ латинской церкви могутъ слышать, если не обѣдню, то по крайней мѣрѣ гимны и проповѣди въ звукахъ роднаго языка? У насъ для Самоѣдовъ и Бурятъ и для скольких инородческихъ племенъ, переводятся книги, совершается богослуженіе на ихъ языкѣ: тѣмъ болѣе слѣдовало бы вспомнить про единовѣрцевъ нашихъ Литовскаго племени, про этотъ Литовскій народъ, который нѣкогда былъ уже почти пріобрѣтенъ для православной церкви, про народъ, давшій древней Руси одного изъ славнѣйшихъ ея святыхъ и героевъ, спасителя Пскова?

Но и въ свѣтскомъ отношеніи, мы до сихъ поръ слишкомъ мало сдѣлали, не говоря уже о томъ, чтобы пріобрѣсти нравственное вліяніе на Литовскій народъ, а просто для того, чтобы ознакомиться съ нимъ. Это было, конечно, естественнымъ послѣдствіемъ прежняго порядка вещей во всемъ нашемъ Западномъ краѣ и, разумѣется, въ томъ числѣ и въ Литовской и Жмудской странѣ; это было естественнымъ послѣдствіемъ принципа крѣпостнаго права. Смотря на край съ дворянской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія крѣпостнаго права, мы видѣли въ Литвѣ только пановъ, т. е. частью природныхъ Поляковъ, частью туземцевъ, образованныхъ въ польскомъ духѣ и которые, какъ въ оффиціальной жизни, такъ и при всякомъ постороннемъ человѣкѣ, признаютъ себя за Поляковъ, и берегутъ свою Литовскую народность для домашняго обихода, т. е. для сношеній съ крестьянами, и немногіе также, для литературныхъ досуговъ. Такимъ образомъ, мы находились въ отношеніи къ Литовской народности dans un cercle vicieux: крѣпостное право заставляло насъ считать Литву за польскій край; а считая Литву за польскій край, мы и не ощущали нужды обращать вниманіе на Литовскую народность, заниматься Литовскимъ языкомъ, и тѣмъ самымъ лишали себя средствъ освободиться отъ вліянія польскихъ взглядовъ и притязаній на Литву.

Вслѣдствіе этого, мы даже не успѣли запастись самыми необходимыми, элементарными пособіями для непосредственнаго знакомства и сношеній съ Литовскимъ народомъ. Нѣтъ по-русски никакого сочиненія о современномъ Литовскомъ народѣ, нѣтъ даже учебника Литовскаго языка, нѣтъ даже Русско-Литовскаго словаря. Русскій человѣкъ, пріѣхавшій въ Литву, чиновникъ ли, учитель, военный или просто частный дѣятель, пожелалъ бы, напримѣръ, узнать что нибудь о Литвинахъ, выучиться говорить съ ними: онъ долженъ для этого сперва изучить польскій языкъ, и тогда, черезъ посредство польскихъ изданій, можетъ, пожалуй, приступить къ ознакомленію съ Литвинами и ихъ языкомъ. Что удивительнаго, если до сихъ поръ многіе Русскіе, поставленные въ это положеніе, останавливались на полу-пути, т. е. выучившись по-польски, смотрѣли на Литвиновъ, какъ на Поляковъ, объяснялись съ ними на Польскомъ языкѣ? А иной, чего добраго, готовъ былъ обругать дуракомъ невѣжественнаго Литовскаго мужика, который не понимаетъ, когда ему говорятъ по-польски.

Но теперь, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, должны исчезнуть и эти послѣдствія, которыя оно принесло съ собою въ нашихъ отношеніяхъ къ Литовскому народу. Россія теперь подала руку всѣмъ племенамъ, населяющимъ ея Западный край. Она подастъ руку и Литовскому племени. Пора это сдѣлать послѣ тѣхъ горькихъ событій, которыя были результатомъ нашего прежняго отчужденія отъ него по милости крѣпостнаго права. Мы видѣли опять, какъ въ 1831 году, цѣлыя массы Жмудяковъ и Литвиновъ, сражающихся противъ насъ подъ Польскими знаменами; и кажется, не было въ Польскихъ рядахъ болѣе стойкихъ и безстрашныхъ бойцовъ. За что же дрались эти Жмудяки и Литвины? За возстановленіе ли старой Польши? Но старая Польша была имъ чужая, хотя они и принадлежали къ ней, и конечно, ничего въ старой Польшѣ, ни ея слава, ни ея трагическій конецъ, не трогаетъ ихъ сердца. Или они дрались изъ сочувствія къ Полякамъ? Но они терпѣть не могутъ Польскую націю. Литвинъ произноситъ имя Ленкасъ почти съ такимъ же чувствомъ, какимъ сопровождается это же слово въ его славянской формѣ, Ляхъ, у Западно-Русскаго простолюдина. Или наконецъ, Жмудь и Литва возставали противъ насъ за свою свободу? Но нѣтъ: они видѣли, что защищаютъ дѣло своихъ пановъ, а панъ не братъ, говоритъ Литовская пословица, и конечно, не отъ торжества пановъ могли они ждать себѣ освобожденія. Нѣтъ, они дрались за Поляковъ просто потому, что Поляки, и въ особенности духовенство, имѣли одни къ нимъ доступъ, одни съ ними сносились непосредственно, могли взывать къ ихъ религіознымъ чувствамъ и, какъ имъ нужно было, рисовать имъ дѣйствія и намѣренія москалей — схизматиковъ. И та-

кимъ-то образомъ, изъ народа, вовсе не причастнаго нашей тяжбѣ съ Поляками, мы, благодаря поддержкѣ, которую мы оказывали принципу крѣпостнаго права, сдѣлали имъ союзниковъ, а себѣ враговъ, дали вооружить противъ себя тысячи храбрыхъ людей, которые ни за что, ни про что пошли на смерть отъ нашихъ пуль, дали поднять за польское дѣло цѣлую губернію, гдѣ на милліонъ жителей статистика считаетъ 30 тысячъ Поляковъ. Надобно наконецъ подумать посерьознѣе о томъ, чего ждетъ отъ насъ Литовскій народъ и что мы должны сдѣлать для того, чтобы такого рода кровавыя недоразумѣнія между имъ и нами не могли повториться.

Очевидно, что одна сторона задачи нашей въ Литовскомъ краѣ та же самая, какъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ Западной Россіи: освобожденіе крестьянскаго населенія отъ власти и вліянія Польскихъ пановъ, устройство администраціи, которая служила бы Россіи, а не польскимъ интересамъ, земскія учрежденія, которыя служили бы дѣйствительно органами народа, а не одного Польскаго дворянства, и т. п.: вотъ эта общая сторона дѣла, которой мы здѣсь не намѣрены касаться, какъ выходящей изъ предѣловъ нашей темы. Другая сторона задачи—спеціальная, обусловливаемая инородческимъ характеромъ Жмудскаго и Литовскаго населенія, тѣмъ, что оно намъ чуждо по происхожденію, языку и быту. И надобно сказать, что этотъ спеціальный инородческій характеръ Литвы и Жмуди не можетъ не отозваться тамъ замѣтнымъ образомъ и на общей сторонѣ нашего дѣла. Онъ отзовется бóльшими затрудненіями для русскихъ дѣятелей, нежели въ краяхъ, населенныхъ Русскимъ и православнымъ народомъ. Среди Литвиновъ и Жмуди гораздо труднѣе будетъ отрѣшить крестьянъ отъ подчиненія, если не матеріальнаго, то нравственнаго, Польскимъ панамъ, и дать Литовскому краю мѣстную администрацію, свободную отъ польскихъ стихій и польскихъ вліяній: тутъ намъ во многомъ помѣшаетъ непониманіе народнаго языка; помѣшаетъ во многомъ и религія, дающая католическому духовенству въ Литовскомъ краѣ такія сильныя средства пропаганды въ интересахъ Польши. Еще труднѣе будетъ ввести въ земскія учрежденія чисто народный, Литовскій элементъ, такъ чтобы онъ сталъ къ намъ лицомъ къ лицу, безъ польскаго посредничества. Все это можетъ быть достигнуто только тогда, когда мы сами ознакомимся коротко съ Литовскимъ народомъ, и откроемъ Литвинамъ пути къ образованію самостоятельному, такіе пути, которые не стали бы вести Литвина, подымающагося выше простонародной массы, сквозь школу враждебныхъ намъ требованій и предразсудковъ польской цивилизаціи. Мало того, что въ нѣкоторыхъ университетахъ должны быть, какъ мы говорили выше, открыты каѳедры Литовскаго языка и что Россія

должна всячески стараться имѣть людей, способныхъ сблизиться съ Литовскимъ народомъ, не прибѣгая къ драгоманамъ; необходимо, чтобы и Литовскій народъ выставилъ дѣятелей, которые станутъ смотрѣть на дѣло прямо, съ точки зрѣнія практической пользы своего народа, а не подъ угломъ старыхъ преданій Рѣчи Посполитой. Мы не помышляемъ о сепаратизмѣ, а напротивъ, безусловно его отвергаемъ. Но именно, для того чтобы въ Литовскомъ народѣ не могло быть сепаратизма, первое и самое существенное условіе — развитіе въ немъ самосознанія. Ибо Литовская народность такъ мала и такъ вдавлена между тремя народностями Русскою, Польскою и Нѣмецкою, что о самостоятельности она и помышлять не можетъ; но въ то же время Литовское племя одно изъ самыхъ упорныхъ и своею исторіею доказало, до какой степени оно дорожитъ своимъ языкомъ и своимъ бытомъ. Польская пропаганда пользовалась доселѣ его неразвитостью, отсутствіемъ въ немъ національнаго сознанія; только вслѣдствіе неразвитости Литовскаго народа, отсутствія въ немъ національнаго сознанія, она могла воспламенять Литвиновъ польскими идеями, вооружать ихъ за польское дѣло. Сепаратизмъ въ Литовскомъ краѣ можетъ опираться только на господствѣ польскихъ стихій, на бездѣйствіи туземнаго народнаго элемента. Противодѣйствовать сепаратизму въ этой странѣ мы можемъ только развитіемъ туземнаго народнаго элемента, который одинъ будетъ въ силахъ освободить Литовскій край отъ нравственнаго господства польскихъ стихій. Надобно, чтобы Литвинъ могъ быть человѣкомъ образованнымъ, не дѣлаясь Полякомъ; надобно, чтобы Литовскій народъ, оставленный польскимъ владычествомъ въ невѣжествѣ и оцѣпенѣніи, снова, какъ въ старину, получалъ отъ Русскаго міра и чрезъ его посредство доступъ къ просвѣщенію, точно также, какъ онъ отъ Россіи получаетъ теперь матеріальную свободу и обезпеченіе. Мы дѣлали въ Литвѣ уступку Польскому элементу, учреждая въ прежнее время классы Польскаго языка въ гимназіяхъ и другихъ казенныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа. Если можно было дѣлать въ Литвѣ подобную уступку языку незначительнаго по числу, пришлаго и часто враждебнаго намъ меньшинства, то не странно ли теперь отказывать въ томъ же самомъ языку туземнаго населенія? Развѣ мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ считать Литовскую народность за часть народности Польской? Если мы долго будемъ считать ее такою, то, пожалуй, дождемся и того, что она въ самомъ дѣлѣ станетъ Польскою. Тяжело вспомнить, что въ теченіе многихъ лѣтъ, Литвинъ въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, вступавшій въ наши училища, долженъ былъ учиться по-польски, а языку своего народа онъ не только не могъ учиться, а поставленъ былъ въ необходимость позабыть

его, если знаніе это не поддерживалось въ немъ посторонними, случайными обстоятельствами. Если такой порядокъ долженъ тамъ остаться, то нечего намъ думать о поддержкѣ нашего дѣла въ Литвѣ народными силами, о противодѣйствіи польской пропагандѣ и польскимъ притязаніямъ народными элементами! Напротивъ, мы сами продолжали бы оказывать этой пропагандѣ и этимъ притязаніямъ все зависящее отъ насъ содѣйствіе.

Университетскія каѳедры Литовскаго языка и введеніе его, въ числѣ необходимыхъ предметовъ преподаванія, въ казенныя училища Виленской, Ковенской и Августовской губерній, вотъ, мы должны повторить, одно изъ лучшихъ средствъ, чтобы приготовить людей, при посредствѣ которыхъ Литовскій народъ могъ бы сблизиться съ русскою жизнію, вступить съ Россіею въ общественную и нравственную связь.

Само собою разумѣется, что тотчасъ появились бы, вызванныя потребностію, пособія для ознакомленія съ Литвою и Литовскимъ языкомъ. Мы были бы избавлены отъ необходимости прибѣгать къ нѣмецкимъ учебникамъ для изученія Литовскаго языка, къ польскимъ сочиненіямъ для того, чтобы получить какое нибудь понятіе о Литовскомъ народѣ и его бытѣ. Въ самомъ Литовскомъ племени пробудилась бы умственная дѣятельность съ народнымъ характеромъ и въ направленіи, сочувственномъ Россіи, вмѣсто того, чтобы поглощаться, какъ въ настоящее время, стихіями польскими и становиться орудіемъ польской пропаганды.

Мы приходимъ теперь къ самой важной сторонѣ дѣла, предстоящаго намъ относительно Литовской народности, именно къ вопросу о томъ, чего требуетъ отъ насъ эта народность сама по себѣ. Тутъ, очевидно, самый существенный вопросъ заключается въ народномъ образованіи. — Мы всѣ, конечно, желаемъ видѣть въ Западномъ краѣ возможно большее и скорѣйшее развитіе народнаго образованія на Русскомъ языкѣ и въ Русскомъ духѣ; мы желаемъ этого не только для пользы государственной, но столько же и для пользы самаго Западнорусскаго народа, приносившаго такія жертвы, чтобы возсоздать свое единство съ Русскою землею. Но если легко и естественно учить народъ неиначе, какъ по-русски въ краяхъ, населенныхъ Бѣлоруссами, нарѣчіе которыхъ не представляетъ никакого существеннаго различія съ нашимъ Великорусскимъ языкомъ; если въ краяхъ, населенныхъ Малоруссами, это возможно (возможно и необходимо, по мнѣнію однихъ; возможно, хотя не совсѣмъ удобно, по мнѣнію другихъ, — но это для насъ вопросъ посторонній), — то въ Литовскомъ краѣ было бы совершенно неестественно и невозможно, чтобы первоначальное преподаваніе въ народныхъ училищахъ производилось

только по-русски. Ибо тутъ мы имѣемъ дѣло не съ частью Русскаго народа, а съ особымъ *инородческимъ* племенемъ: крестьянскій мальчикъ въ Жмудскомъ и Литовскомъ краѣ, призванный въ школу, гдѣ прямо обратились бы къ нему съ Русскою рѣчью, не понималъ бы ни единаго слова. Очевидно, что тутъ языкомъ первоначальнаго преподаванія долженъ быть непремѣнно языкъ Литовскій, а Русскій языкъ, — однимъ изъ предметовъ, которому должно учить мальчиковъ. Такъ, Пруссія, которая безусловно отвергаетъ въ первоначальномъ образованіи всѣ мѣстныя Германскія нарѣчія, которая прямо вводитъ всякаго Нѣмецкаго мальчика, на какомъ бы нарѣчіи онъ ни говорилъ дома, въ классъ, гдѣ ему преподаютъ на общемъ Нѣмецкомъ языкѣ, — эта же самая Пруссія въ своемъ кускѣ Литовскаго края, какъ мы видѣли, установила элементарное преподаваніе по-литовски и, кромѣ того, сдѣлала Литовскій языкъ однимъ изъ предметовъ обученія въ Тильзитскомъ среднемъ училищѣ и въ Кенигсбергскомъ университетѣ. Мы охотно указываемъ на примѣръ Пруссіи, какъ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ земель Европы, и потому что она, также какъ мы, имѣетъ дѣло съ Литовскою народностью. Для Пруссіи, точно также какъ и Россіи, Литовское племя— это не частная вѣтвь господствующаго народа; это племя чужое, которое не понимаетъ вовсе общаго языка страны, и въ которомъ каждый человѣкъ долженъ сперва получить образованіе, прежде чѣмъ онъ выучится этому языку. Правительство Прусское понимало это уже полтораста лѣтъ тому назадъ; оно дало Литовскому племени въ своихъ предѣлахъ образованіе и привязало его къ своему государству самою крѣпкою нравственною связью.

Итакъ, повторимъ нашу мысль. Такъ какъ Литовцы составляютъ племя совершенно отдѣльное, инородческое, то прямо учить народъ въ элементарныхъ школахъ Литовскаго края на Русскомъ языкѣ значило бы то же самое, что не учить вовсе; наши училища стояли бы пустыми или наполнялись бы по принужденію, и Литовскій народъ оставался бы, по прежнему, темною невѣжественною массою въ распоряженіи ксендзовъ и польскаго дворянства. Необходимо во всей Ковенской, двухъ сѣверныхъ уѣздахъ Августовской (Маріампольскомъ и Кальварійскомъ) и трехъ сѣверозападныхъ уѣздахъ Виленской губерніи (Трокскомъ, Виленскомъ и Свенцянскомъ) установить преподаваніе въ народныхъ училищахъ на языкѣ Литовскомъ, а однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія въ этихъ училищахъ ввести Русскій языкъ, такъ чтобы по выходѣ изъ училища Литовскій мальчикъ вполнѣ понималъ по-русски и зналъ русской грамотѣ. Вотъ сужденіе объ этомъ вопросѣ одного природнаго Литвина, одного изъ лучшихъ знатоковъ своей родины и своего на-

рода: «Введеніе преподаванія Литовскаго языка въ Литовскихъ училищахъ весьма важно во многихъ отношеніяхъ. Оно бы способствовало къ скорѣйшему изученію Русскаго языка, который въ настоящее время истолковывается Литвинамъ при помощи языка Польскаго, для многихъ изъ нихъ не болѣе понятнаго, чѣмъ Русскій; а между тѣмъ, знаніе Русскаго языка при мѣрахъ, предпринимаемыхъ къ устройству крестьянъ, необходимо для каждаго Литовца. Нынѣ ни одинъ Литовскій крестьянинъ не понимаетъ и не читаетъ Положенія о крестьянахъ, весьма многіе изъ нихъ совсѣмъ не знаютъ даже о его существованіи [1]), и все принимаютъ на вѣру. Оно бы показало, сколь губительно было для Литовцевъ владычество Поляковъ, которые въ продолженіе 4-хъ столѣтій только и заботились объ истребленіи въ Литвѣ всего литовскаго, учреждали въ ней польскія школы, въ которыхъ безпощадно сѣкли Литовскихъ дѣтей, когда эти осмѣливались заговорить между собою по-литовски, своимъ материнскимъ языкомъ; оно бы много способствовало къ поселенію и развитію здравыхъ понятій въ крестьянахъ — Литовцахъ, которые нынѣ читаютъ только молитвенники и разныя церковныя книжки, такъ называемыя кантычки, исполненныя средневѣковыхъ понятій и суевѣрій».

Остается вопросъ о практической исполнимости этой мѣры. Сколько извѣстно, уже возникала и прежде мысль ввести въ училищахъ Литовскаго края преподаваніе на Литовскомъ языкѣ, но противъ этого предположенія поднялись голоса людей, утверждавшихъ, что языкъ Литовскій, по недостатку письменной обработки, не можетъ служить къ обученію юношества, что нельзя составить руководствъ на нарѣчіи, которое исключительно свойственно простонародью и т. п. Невозможно ожидать, чтобы лица, заинтересованныя въ неприкосновенности господства Польскаго языка въ Литвѣ, не стали прибѣгать къ такого рода и еще разнымъ другимъ доводамъ противъ введенія преподаванія на народномъ языкѣ; но во всемъ этомъ они, разумѣется, могутъ разсчитывать только на наше незнаніе. Литовскій языкъ имѣетъ грамматику, научнымъ образомъ разработанную однимъ изъ первыхъ филологовъ Германіи [2]), на немъ въ Пруссіи изданы не только катихизисы и другія элементарныя книги, но даже, какъ замѣчено выше, стихотворенія и полный переводъ библіи; въ Россіи на Литовскомъ языкѣ напечатаны даже ученыя сочиненія объ исторіи и археологіи края. При такой подготовкѣ, возраженіе, что Ли-

[1]) Это было писано въ 1862 году.

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что *Русскій* языкъ не имѣетъ доселѣ грамматики, которая по своимъ достоинствамъ могла бы сравниться съ Литовскою грамматикою г. Шлейхера.

товскій языкъ не способенъ служить къ преподаванію, можетъ быть сдѣлано только лицами, преднамѣренно искажающими истину. Нужно лишь призвать людей, знающихъ этотъ языкъ и сочувствующихъ потребностямъ Литовскаго народа, — и въ самомъ скоромъ времени мы имѣли бы на Литовскомъ языкѣ всѣ нужнѣйшіе учебники, и польскій элементъ въ Литовскихъ училищахъ уступилъ бы литовскому и чрезъ него русскому.

И такъ вотъ, какъ намъ кажется, чего требуетъ отъ насъ Литовскій край: прежде всего, чтобы мы обратили вниманіе на Литовское племя, какъ на народность своеобразную и совершенно различную отъ Польской; чтобы мы сносились съ Литовскимъ народомъ при посредствѣ Литовскаго, а не Польскаго языка; чтобы мы открыли Русскимъ возможность учиться по-литовски и сдѣлали изъ Литовскаго языка одинъ изъ обязательныхъ предметовъ ученія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ училищахъ Литовскаго края; наконецъ, чтобы мы создали для Литовскаго народа элементарныя Литовскія училища, въ которыхъ Литвинъ могъ бы образовываться, не становясь Полякомъ, и знакомиться непосредственно съ Русскимъ языкомъ, который ему такъ нуженъ, особенно со времени освобожденія, въ гражданскомъ быту.

Все это, по-видимому, просто, и такъ просто, что многіе не стали бы, можетъ быть, ожидать отъ этихъ мѣръ значительныхъ и существенныхъ результатовъ. Между тѣмъ, только этимъ можемъ мы освободить Литовскій народъ отъ умственнаго и нравственнаго господства Польской національности, какъ мы избавляемъ его теперь отъ ея матеріальнаго господства; только этимъ можемъ мы открыть Литовскому народу пути къ внутреннему единенію съ Русскимъ міромъ. Конечно, подобныя средства могутъ дѣйствовать только медленно, ибо эти средства нравственныя, и требуютъ отъ насъ нѣкотораго труда и большой послѣдовательности. Но что̀ дѣлать, когда намъ предстоитъ вывести цѣлое племя изъ мрака и оцѣпенѣнія на свѣтъ и къ дѣятельности умственной? Иные, быть можетъ, сомнѣвающіеся въ дѣйствительности такихъ средствъ, думали бы отдѣлаться другимъ способомъ отъ труда, котораго требуетъ отъ насъ Литовское племя. Мы слышали, что они предпочли бы отдѣлить Литовскій край, или, вѣрнѣе сказать, зерно его, Ковенскую губернію, отъ соединенія съ Западнорусскими губерніями и причислить ее къ губерніямъ Остзейскимъ. Можно бы подумать, что въ основаніи такой мысли лежитъ слѣдующій силлогизмъ: Остзейскій край смиренъ, а Западнорусскія губерніи волнуются такъ, если отчислить Ковенскую губернію отъ волнующагося края къ смирному, то и она сдѣлается смирна. Но мы спрашиваемъ: если такая мѣра будетъ заключаться

просто въ перенесеніи высшаго административнаго центра для Ковенской губерніи изъ Вильна въ Ригу, то перемѣнится ли отъ этого хотя сколько нибудь состояніе и расположеніе умовъ населенія Ковенской губерніи, и не будетъ ли это для него только нѣкоторымъ административнымъ неудобствомъ, такъ какъ Рига дальше отъ него, чѣмъ Вильно? Если же думаютъ о такомъ перечисленіи Ковенской губерніи съ тѣмъ, чтобы распространить на нее Остзейскіе распорядки, то слѣдуетъ обратить вниманіе на два важныя обстоятельства.

Во-первыхъ, въ Ковенской губерніи дѣйствуетъ постановленіе объ обязательномъ выкупѣ, по которому крестьяне признаны собственниками своего поземельнаго надѣла, а въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянство подчинено разнымъ прежнимъ узаконеніямъ, менѣе для него либеральнымъ; а именно это крестьянское дѣло такое, что здѣсь нельзя взять назадъ того, что̀ разъ дано; порядокъ, выгодный для крестьянъ, не можетъ быть безнаказанно замѣненъ порядкомъ болѣе для нихъ обременительнымъ. Напротивъ, сила вещей ведетъ къ тому, что выгоды, данныя земледѣльческому классу въ одномъ мѣстѣ, становятся достояніемъ его и въ другомъ. Такимъ образомъ, въ этомъ самомъ важномъ, общественномъ дѣлѣ, не только Прибалтійскій край не могъ бы подчинить Ковенскую губернію существующему въ немъ порядку вещей, а напротивъ, Ковенская губернія сдѣлалась бы, естестенно, мѣриломъ для Прибатійскаго края. Друзья Прибалтійскихъ крестьянъ, конечно, должны сочувствовать такому результату, и если бы этотъ именно результатъ имѣлся тутъ въ виду, то нечего было бы и говорить. Но въ томъ-то и дѣло, что люди, предполагающіе причислить Ковенскую губернію къ Остзейскому краю, думаютъ объ этомъ вовсе не изъ дружбы къ Прибалтійскимъ крестьянамъ, а напротивъ того увлекаясь, какъ кажется, мыслію, что существующій въ Остзейскомъ краѣ порядокъ годился бы и для Ковенской губерніи.

Во-вторыхъ, Прибалтійскій край управляется по нѣмецкимъ законамъ, оффиціальный языкъ въ немъ Нѣмецкій; а въ Ковенской губерніи дѣйствуютъ русскіе законы, оффиціальный языкъ Русскій. Въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмецкіе законы и нѣмецкій языкъ имѣютъ историческое основаніе, которое Россія сохраняетъ: но, чтобы Россія стала распространять ихъ тамъ, гдѣ нѣтъ для того никакого историческаго основанія, чтобы Россія, простымъ административнымъ актомъ, замѣнила русскіе законы и Русскій языкъ Нѣмецкими въ краѣ, гдѣ нѣтъ ничего нѣмецкаго, — это было бы такъ странно, что не понимаемъ, какъ подобная мысль могла возникнуть въ нашей средѣ.

Въ памятникѣ тысячелѣтію Россіи мы поставили изображенія великихъ людей Литовскаго народа. Мы дали мѣсто между дѣятелями

истекшаго тысячелѣтія Русской земли, не только человѣку, какъ Довмонтъ, усыновленному Россіей и прославившему ея имя въ самую мрачную эпоху народнаго униженія; мы приняли въ рядъ нашихъ государственныхъ строителей и героевъ Гедимина, Ольгерда, Витовта, Кейстута, этихъ витязей древней Литвы, которые не разъ приводили въ трепетъ Русскіе полки и Русскихъ князей. Нами руководило вѣрное историческое сознаніе; мы хотѣли засвидѣтельствовать на нашемъ памятникѣ, что прошлая жизнь Литовскаго народа, пока онъ дѣйствовалъ самостоятельно, была частью жизни Русской земли, что слава Литвы есть слава Россіи, что Россія приняла наслѣдство, пожала плоды исторической дѣятельности Литовскаго народа. Но пусть это историческое сознаніе значенія прошлыхъ событій оправдается въ современной дѣйствительности. Когда мы признаемъ прошедшее Литвы своимъ историческимъ достояніемъ, когда мы признаемъ себя наслѣдниками дѣятельности Ольгерда и Витовта, то пусть права наши не остаются въ архивахъ исторіи, а проявимъ ихъ въ дѣйствительной жизни. Если же нынѣшнее наше отчужденіе отъ Литовскаго народа должно продлиться, и мы въ настоящемъ предоставимъ Литву господству чужихъ стихій, будь эти стихіи польскія или нѣмецкія, то къ чему мы стали бы выставлять на показъ бывшее когда-то внутреннее единство Литвы съ Русской землею? Это было бы только хвастовство, и лучше бы было, въ такомъ случаѣ, сбросить съ нашего историческаго памятника, какъ лишнія на немъ, статуи Гедимина, Витовта, Ольгерда и Кейстута!

С. п. б.
Декабрь 1863 г.

XVI.

РОССІЯ

И ЕЯ

ИНОРОДЧЕСКІЯ ОКРАИНЫ НА ЗАПАДѢ.

XVI.

Россія и ея инородческія окраины на западѣ.

Указъ 20 Февраля 1865 г. о введеніи въ дѣлопроизводство, суды и училища Финляндіи Финскаго языка наравнѣ со Шведскимъ. — Дѣйствія Швеціи и Россіи относительно Финляндіи. — Русское общество и политика Россіи въ XVIII в. и въ первой четверти XIX в. — Русская политика и русское общество съ 1825 по 1855 г. — Идеалы этого времени. — Возстаніе Польши 1830 г. и народность. — Лифляндское дѣло 1841 г. и православіе. — Новая эпоха въ жизни Россіи. — Польскій вопросъ. — Финляндія. — Общій взглядъ на отношенія населенія нашихъ западныхъ окраинъ къ Россіи. — Древняя Пермь и нынѣшніе Эсты и Финны. — Связь племенъ Финскаго, Литовскаго и Мазурскаго съ Русскимъ. — Бытовыя начала Славянскаго племени. — Задача Россіи въ отношеніи къ западнымъ инородцамъ. —

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ относительно Финляндіи, насъ особенно порадовала одна. Указомъ нынѣ[1]) обнародованнымъ, въ развитіе Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося еще въ 1863 году, постановлены правила о постепенномъ введеніи въ дѣлопроизводство, суды и училища Великаго Княжества Финляндскаго — языка Финскаго наравнѣ со Шведскимъ.

Мѣра эта важна и благодѣтельна сама по себѣ. Еще важнѣе и безконечно плодотворнѣе то общее начало, изъ котораго она истекаетъ.

Болѣе полувѣка Финляндія принадлежитъ не Швеціи, а Россіи, — и до сихъ поръ Шведскій языкъ остается тамъ господствующимъ языкомъ, языкомъ оффиціальнымъ, на которомъ исключительно производится административная переписка, творится судъ, преподаются науки въ гимназіяхъ и университетѣ.

Добро бы Шведскій языкъ былъ языкомъ Финляндскаго народа; но нѣтъ: онъ ему чужой. Это языкъ меньшинства: Финляндскаго дворянства, ведущаго свой родъ отъ старинныхъ завоевателей края, да части торговаго класса и нѣсколькихъ колоній, когда-то водворенныхъ

---

[1]) Въ 1865 году. Указъ подписанъ 20-го Февраля того года.

на морскомъ побережьѣ королями Шведскими. Статистики считаютъ во всей Финляндіи не болѣе 125,000 человѣкъ, употребляющихъ Шведскій языкъ; а для массы населенія, для остальныхъ 1,600,000 жителей Финляндіи, онъ непонятенъ, какъ языкъ иностранный.

Эти цифры показываютъ, что Шведское правительство, въ то время, когда Финляндія ему принадлежала, не поцеремонилось наложить свой языкъ на чужое племя, ему подвластное. Оно дѣйствовало безцеремонно, но расчетливо: ибо вмѣстѣ съ Шведскимъ языкомъ оно вносило въ Финляндію безчисленныя и неизмѣримо важныя вліянія общественныя и умственныя. Доказательство тому у насъ передъ глазами. Съ 1809 года присоединенная къ Россіи, Финляндія, благодаря продолжающемуся въ ней господству Шведскаго языка, до сихъ поръ центръ своей общественной и умственной жизни имѣетъ по ту сторону Ботническаго залива, въ Стокгольмѣ, а не въ Русской столицѣ, выстроенной на ея порогѣ.

Какимъ образомъ Россія, по завоеваніи Финляндіи, могла оставить въ ней господство Шведскаго языка? Мы такъ привыкли къ этому факту, что онъ насъ мало поражаетъ. Однако трудно сыскать въ исторіи другое подобное явленіе. Всегда, коль скоро государство пріобрѣтало какую-нибудь область, оно старалось ослабить связь этой области съ страною, которой она прежде принадлежала, и слить ее съ другими своими владѣніями; а Россія, завоевавъ Финляндію, эту необходимую принадлежность своей территоріи, сохранила и укрѣпила тѣ связи, которыя правительство Шведское искусственно создавало, чтобы притянуть Финскій край къ Швеціи!

Этотъ фактъ будетъ приводиться въ будущихъ поколѣніяхъ для характеристики Русскаго общества въ первую половину нашего XIX вѣка; ни въ чемъ его тогдашнее настроеніе не отразилось такъ ярко. Въ продолженіе всего XVIII столѣтія, — не только при такихъ геніальныхъ правителяхъ, какъ Петръ I и Екатерина II, но и въ худшія времена Бироновщины, когда раболѣпство передъ иностранцами, казалось, достигло крайнихъ предѣловъ, нельзя найти подобнаго забвенія прямыхъ политическихъ интересовъ Россіи. Дѣло въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ Петровская реформа, оторвавшая Русское общество отъ Русской земли, еще не вполнѣ пропитала его собою. Петръ I надѣлъ на Русское общество французскіе кафтаны, но подъ французскими кафтанами оставались Русскіе люди. Въ угоду Петру они употребляли голландскія слова, въ угоду Бирону — выражались на нѣмецкомъ языкѣ, слѣдуя модѣ Екатерининскаго двора — говорили по-французски, но еще не отвыкли мыслить по-русски. Нужно было три поколѣнія, чтобы перевоспитать Русское общество по иностранному. Четвертое поколѣніе со времени Петровской ре-

формы, поколѣніе, при которомъ завоевана Финляндія, — было уже вполнѣ перевоспитано. Какъ бы ни «скоблили» Русскаго человѣка той эпохи, русскаго зерна бы въ немъ не доскоблились; французскими словами онъ выражалъ и не русскія мысли [1]). Внутренняя связь его съ Русскою землею была вовсе порвана; интересъ Россіи не существовалъ для него какъ живое сознаніе человѣка, связаннаго цѣльною душою съ своей родиной, и либо не принимался имъ вовсе въ расчетъ, либо сочинялся по какимъ-нибудь навѣяннымъ извнѣ теоріямъ. Такъ напримѣръ, при видѣ великой борьбы принциповъ революціи и легитимности на Западѣ, люди этого поколѣнія, восхитившись прекрасною ролью защитниковъ угнетенной законности, вообразили себѣ интересъ Россіи въ защитѣ «легитимныхъ» началъ даже въ такихъ странахъ, до внутренняго устройства которыхъ намъ никакого не было дѣла. И бѣдная Россія стала хлопотать, стала заступаться, стала жертвовать деньги и людей не за дѣйствительную пользу своего народа и государства, а за «благіе принципы» (les bons principes) въ чужихъ странахъ. Ученица Запада пошла ему въ служанки.

Это-то умственное состояніе нашихъ дѣдовъ отразилось и въ образѣ ихъ дѣйствій относительно завоеванной ими Финляндіи. Они видѣли (для этого достаточно было взглянуть на карту), они не могли не понимать всей важности Финляндіи для округленія и укрѣпленія Русской территоріи. «Постановленіемъ Имперіи нашей непреложныхъ и безопасныхъ границъ, — говорится въ Манифестѣ 1-го Октября 1809 г. о заключеніи мира между Россіею и Швеціею [2]), — измѣряемъ Мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой, окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками, Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей». По этому, пока дѣло шло о матеріальномъ обладаніи Финляндіею, на нее смотрѣли какъ на необходимую принадлежность Россіи. «Страну сію, оружіемъ нашимъ покоренную, Мы *присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи*», сказано было въ Манифестѣ 20-го Марта 1808 г. [3]), и то же повторено въ мирномъ договорѣ со Швеціею:

---

[1]) Само собою разумѣется, что это относится къ высшимъ сферамъ тогдашняго Русскаго общества, а не къ тѣмъ, которыя находились болѣе или менѣе подъ вліяніемъ народа и его жизни. Даже и въ высшихъ сферахъ были отрадныя исключенія, напр. Карамзинъ и другіе.

[2]) І-е П. С. З. т. XXX, № 23,883.

[3]) І-ое П. С. З. 1808 г. т. XXX, № 22,911.

ст. IV «Губерніи сіи (Кюменегардская, Нюландская и Тавастгусская, Абовская и Біернеборгская съ островами Аландскими, Саволакская и Карельская, Вазовская, Улеаборгская и часть западной Ботніи до р. Торнео) со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, *будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются»*.

Но когда пришлось учреждать русское правленіе въ присоединенной къ Россіи области, въ ней встрѣтили оффиціальный Шведскій языкъ, правда искусственно навязанный населенію Финляндіи и поддерживаемый только немногочисленною пришлою аристократіею, встрѣтили Шведскіе законы и порядки.

И вышло такъ, что эта «навсегда присоединенная къ Россійской Имперіи область», тотчасъ же очутилась отъ нея отдѣленною на правахъ особаго государства, въ которомъ продолжало господствовать все шведское, кромѣ только особы короля,—государства, въ которомъ Русскій человѣкъ считался по прежнему иностранцемъ. И это произошло безъ малѣйшаго внѣшняго повода, а самою силою вещей, просто, можно сказать, вліяніемъ духа того времени.

Сдѣлавшись не только подражателями Запада въ его образованности и манерахъ, но и людьми Запада въ душѣ, дѣды наши потому самому должны были считать все, принадлежащее Западу, имѣющимъ высшія права, чѣмъ русское. Имъ и въ голову не могло прійти, чтобы область, принадлежавшая Западу, могла быть «низведена» въ уровень съ русскими губерніями, чтобы *благородный* Шведскій языкъ могъ уступить свое мѣсто Русскому, чтобы человѣкъ, происходящій отъ древняго Шведскаго рыцарства, могъ быть уравненъ, не только съ простымъ Русскимъ человѣкомъ, но и съ Россійскимъ дворяниномъ. Напротивъ того, при тогдашнемъ умственномъ состояніи Россіи, казалось дѣломъ естественнымъ распространить владычество Шведскаго языка, Шведской аристократіи на русскую область. По тогдашнему міросозерцанію нашему это значило-облагодѣтельствовать эту область, пріобщивъ ее къ высшей цивилизаціи. Часть Финляндіи, пріобрѣтенная Россіею по договорамъ 1721 и 1743 г., мало-по-малу обрусѣла, въ ней водворились многіе русскіе помѣщики, многочисленныя колоніи русскихъ промышленниковъ и крестьянъ; масса населенія оставалась финскою (т. е. Карельскаго племени), но шведскій пришлый элементъ почти исчезъ, и наконецъ въ 1784 г., съ учрежденіемъ Выборгскаго намѣстничества по общему губернскому положенію, эта область сдѣлалась такою же русскою, какъ сосѣдняя съ нею Ингерманландія. И что же? въ 1796 году императоръ Павелъ возстанов-

ляетъ [1]) въ Выборгской губерніи Шведскіе законы и учрежденія и дѣлопроизводство на Шведскомъ языкѣ; и распоряженіе это не принадлежало къ числу тѣхъ минутныхъ увлеченій личной мысли, которымъ изобиловало законодательство Павловскаго царствованія; напротивъ, тутъ уже высказывалось то общее направленіе, которое опредѣляетъ историческій характеръ поколѣнія, вступавшаго съ Павломъ на сцену: ибо царствованіе Павла, очевидно, принадлежитъ, по своему характеру, не къ Екатерининской эпохѣ, а напротивъ къ эпохѣ царствованія Александра I, которую оно открываетъ собою. Только формы были грубѣе и на видъ болѣе странны: но не тотъ же ли принципъ, не тотъ же ли взглядъ на Россію и ея призваніе представляетъ намъ дѣло Мальтійскаго ордена и участіе въ Священномъ Союзѣ? И такъ повторяемъ, возстановленіе въ Выборгской губерніи Шведскаго права и Шведскаго языка нельзя причислить къ тѣмъ случайнымъ мѣрамъ, которыя зависѣли только отъ личности императора Павла. Этотъ законъ пережилъ его, какъ пережили его усилія, имъ сдѣланныя, чтобы возродить въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Нѣмецкій, въ Литовскихъ и Украинскихъ губерніяхъ — Польскій духъ и учрежденія. Невозможно объяснять эти явленія, какъ мы часто слышимъ, только личнымъ желаніемъ перечить политикѣ Екатерины. Ловкіе люди изъ Поляковъ, Нѣмцевъ и Шведовъ, заинтересованные въ проведеніи этихъ мѣръ, могли воспользоваться такимъ желаніемъ; но струна не зазвучала бы подъ ихъ рукою, если бы окружающая русская среда ей не вторила. Намѣреніе Александра Павловича было итти по стопамъ Екатерины; но при немъ не только не потеряли своего дѣйствія мѣры, возвратившія Западную Русь, Прибалтійскій край, Выборгскую губернію Полякамъ, Нѣмцамъ, Шведамъ, а напротивъ утвердились и развились, и въ отношеніи къ Выборгской губерніи доведены были до крайняго своего результата, — результата, который, какъ извѣстно, грозилъ и Западной Руси и тутъ остановленъ былъ, можно сказать, наканунѣ своего осуществленія; въ отношеніи же къ Выборгской губерніи онъ осуществился: съ 1-го Января 1812 года эта важная область была вовсе отдѣлена отъ русскихъ земель и присоединена къ новосозданному государственному тѣлу, наименованному Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ.

Такъ дѣйствовало поколѣніе людей Павловской и Александровской эпохи: такъ оно должно было дѣйствовать, потому что это было поколѣніе людей, которыхъ сознаніе перестало быть русскимъ, хотя бы и высказывалось въ нихъ иногда, подъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ (напр. въ отечественную войну), русское чувство.

---

[1]) Указъ 12 Декабря 1796 г., см. въ І-мъ П. С. З. т. XXIV, № 17,637.

Западно-европейскій идеалъ, долго одушевлявшій одинаково и правительство императора Александра Павловича и русское общество той эпохи, былъ подъ конецъ этого царствованія отвергнутъ правительствомъ, какъ опасный для него.

Печальнымъ разочарованіемъ кончилось тридцатилѣтіе, въ которое матеріальныя силы Русскаго народа раздвинули Россію на западъ до Торнео и Калиша, а умственное покорство русскаго общества началамъ Запада возвратило имъ въ самой Россіи господство до Днѣпра и Ладожскаго озера. Западно-европейскій идеалъ оказался чуждъ Русскому народу, а правительство, по политической сторонѣ этого идеала, увидѣло въ немъ себѣ врага. Мы вступили въ новый фазисъ, который также обнимаетъ время цѣлаго поколѣнія. Въ это тридцатилѣтіе (1825—1855) Петровскій періодъ Русской исторіи завершился. Не сходя съ пути, по которому она слѣдовала съ Петра, Россія перешла въ направленіе діаметрально противоположное тому, которое она приняла подъ рукою великаго преобразователя. Мысль преобразователя была — просвѣтить Россію умомъ Европы, но въ дѣлахъ внѣшнихъ дѣйствовать самостоятельно, въ государственномъ интересѣ Россіи. А въ прошлое тридцатилѣтіе государственный интересъ Россіи постоянно приносился въ жертву пользамъ западныхъ государствъ, и въ то же время употреблялись всѣ усилія, чтобы удалять насъ отъ европейскаго ума. Петръ вооружилъ правительство всею силою самодержавной власти, чтобы вести страну впередъ; въ прошлое тридцатилѣтіе власть, наслѣдованная отъ Петра, видѣла свое призваніе въ томъ, чтобы останавливать страну, задерживать въ ней развитіе. Эту параллель можно провести во всѣхъ даже мелкихъ подробностяхъ. Во всемъ Россія того времени, сохраняя внѣшнія формы и пріемы Петровской системы, дѣйствовала въ смыслѣ прямо противоположномъ духу Петра. Это была не случайность. Одностороннее направленіе, чтобы себя изжить, должно дойти до отрицанія идеи, давшей ему бытіе.

Намъ еще памятно это время. То была эпоха внутренней пустоты. Западный идеалъ, одушевлявшій людей прежняго поколѣнія, былъ разбитъ. Нѣкоторые старались возсоздать его; самое незамѣтное меньшинство рѣшалось искать источника жизни тамъ, гдѣ только можно было найти его,—въ Русскомъ народѣ и его духовныхъ и бытовыхъ началахъ; другіе приходили къ отрицанію идеала и западно-европейскаго и русскаго; но огромное большинство оставалось и безъ идеала и безъ отрицанія, а правительственныя лица, вѣрныя Петровской системѣ, считали въ своей власти замѣнить прежній западно-европейскій идеалъ, оказавшійся не безопаснымъ въ политическомъ отношеніи, другимъ—по своему усмотрѣнію: явилась знаменитая фраза:

«Православіе, самодержавіе и народность». Но казенный идеалъ, хотя бы заключалъ въ себѣ самыя высокія начала, не наполнитъ душу человѣка, и фраза, извнѣ налагаемая, остается фразой.

Событія незамедлили показать это. Мятежъ 1830 года принудилъ правительство низвергнуть владычество польскаго элемента, возстановленное прежнимъ поколѣніемъ Русскихъ людей не только въ Царствѣ Польскомъ, но и во всей Западной Россіи. Какой представлялся превосходный случай, чтобы возвратить Русской народности ея законныя права и этимъ навсегда покончить съ покушеніями Поляковъ на западный край Имперіи! Но тутъ «народность» встрѣтилась съ интересами крѣпостнаго права и оказалось, что «народность» была пустое слово. Во имя дворянскихъ правъ польское меньшинство спокойно сохранило свое неограниченное владычество надъ многомиліоннымъ населеніемъ Русскихъ и Литвиновъ. А православіе? И въ отношеніи къ нему готовилось испытаніе тогдашней Россіи. Въ 1841 г. населеніемъ цѣлаго края овладѣло единодушное, страстное желаніе присоединиться къ православной вѣрѣ. Но тутъ «православіе» встрѣтилось съ консерваторскими опасеніями и интригами нѣсколькихъ Нѣмцевъ,— и волосъ дыбомъ становится, читая, въ обнародованныхъ недавно документахъ [1]), какъ мѣстныя власти въ Лифляндіи, пользуясь авторитетомъ правительства, препятствовали принятію православія бѣдными Латышами и Эстами; изумляешься тѣмъ затрудненіямъ и ограниченіямъ, которыя даже высшее правительство противопоставляло этому движенію, и которыми парализовало его дѣйствіе.

Да! Если бы «православіе», которое выставляли въ прошлое тридцатилѣтіе на нашемъ знамени, не было только словомъ, то Лифляндія, Эстляндія и Курляндія были бы, конечно, теперь совершенно русскимъ краемъ. Но какъ въ 1809 году мысль о превосходствѣ западныхъ началъ предъ Русскими лишило Россію дѣйствительнаго органическаго пріобрѣтенія присоединенной къ ней по трактату Финляндіи, такъ отсутствіе всякаго внутренняго принципа лишило насъ въ 1841 г. пріобрѣтенья просившихся въ семью нашу Прибалтійскихъ губерній. Петръ Великій жертвовалъ всѣми силами Россіи, чтобы завладѣть этимъ важнѣйшимъ для нея краемъ. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Петра все туземное населеніе этого края почти поголовно умоляетъ пріобщить его къ Россіи въ томъ, что есть существеннѣйшаго въ народной жизни,—въ вѣрѣ,— и его отталкиваютъ.

---

[1]) Чтенія Имиер. Москов. Общ. Ист. и Др. 1865 г. кн. III.: „Движенія Латышей и Эстовъ въ Ливоніи съ 1841 года". „Справка по дѣлу о присоединеніи къ Православію крестьянъ Прибалтійскихъ губерній." См. также кн. 1 и 2 того же изданія за 1865 г.

Мы назвали образъ дѣйствій нашихъ дѣдовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія относительно покоренной Финляндіи самымъ характеристическимъ проявленіемъ взглядовъ и направленія тогдашняго русскаго общества и правительства. Когда сдѣлается болѣе извѣстнымъ Лифляндское дѣло 1841 — 46 гг., то едва ли не будутъ приводить его, какъ наиболѣе типическое проявленіе русской государственной жизни въ прошлое тридцатилѣтіе.

Петровская эпоха завершилась. Кончился въ жизни Россіи тотъ историческій годъ, котораго плодотворную весну намъ представляетъ царствованіе Петра, котораго цвѣтомъ слѣдуетъ назвать время Екатерины, который принесъ плоды свои при Александрѣ I и перешелъ въ леденящую зиму въ послѣднее тридцатилѣтіе. Наступилъ новый историческій годъ. Мы видимъ только раннюю весну его; 19 Февраля 1861 г. взломало ледъ, но страшныя глыбы его лежатъ повсюду, холодъ, слякоть смѣняетъ по временамъ тепло; но мы видимъ и чувствуемъ что весеннее солнце всходитъ все выше и выше, что лучи его проникаютъ глубже и глубже. Признаки таковы, что ошибиться нельзя: это дѣйствительно начался новый періодъ въ жизни Россіи; она начинаетъ жить своимъ умомъ, опираться на свои народныя основы, слѣдовать своимъ интересамъ.

Духъ новаго времени нашего уже высказался въ отношеніи къ Польскому дѣлу. Въ 1815 году Россія *наградила* Польскую шляхту за возстаніе и помощь оказанную Наполеону [1]). Въ 1831 г. она дала ей почувствовать матеріальную силу карающей руки, но оставила Западно-русскій, Польскій и Литовскій народъ въ полномъ ея распоряженіи. Въ 1864 году Россія сознала свое призваніе: она освободила Западно-русскій, Литовскій и Польскій народъ отъ чуждой и враждебной аристократіи, возстановила права народа на землю, возродила въ немъ заглохшія зерна славянскаго міра и мірскаго самоуправленія. Если бы къ политическому и общественному дѣйствію русскихъ началъ на Западно-русскій, Литовскій и Польскій край присоединилось дѣйствіе духовное,—просвѣтительная проповѣдь русской церкви, то польскій вопросъ былъ бы разрѣшенъ окончательно; Литва и Мазуры и все Польское простонародье возвратились бы не колеблясь къ народной славянской церкви, которая дала имъ первыя начатки христіанства и отъ которой ихъ насильственно отторгли

---

[1]) Извѣстно, что большая часть пособій, назначенныхъ въ вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ Русскими въ 1812 г., досталась Польскимъ помѣщикамъ Западнаго края, привѣтствовавшимъ Наполеона, какъ своего избавителя и всячески ему помогавшимъ. Царство Польское получило конституцію, которая ставила его въ привилегированное предъ Россіею положеніе; самая же конституція эта была вся составлена въ пользу шляхты и не давала никакихъ политическихъ правъ народу.

въ латинство. Но для Церкви нашей еще не кончился Петровскій періодъ, и въ духовномъ отношеніи мы ничего не могли сдѣлать въ смыслѣ *положительномъ;* здѣсь наши дѣйствія носятъ еще характеръ прошлаго тридцатилѣтія, они имѣютъ значеніе отрицательное: римскому духовенству нанесены удары, но ничего не сдѣлано, чтобы вывести народъ изъ римскаго плѣна.

Финляндія не бунтовала, и потому во все прошлое тридцатилѣтіе до нея не коснулись: ибо, не было повода употребить въ отношеніи къ ней матеріальную силу, а ничего другаго, кромѣ матеріальной силы, за Россіею тогда не признавалось. Наступившая новая пора въ жизни Россіи принесла съ собою сознаніе, что хотя Финляндія и спокойна, а порядокъ вещей въ ней долженъ быть согласенъ потребностямъ Финлянскаго народа и государственному и народному интересу Россіи. Тотъ фактъ, что Финляндія спокойна, можетъ только имѣть вліяніе на выборъ наиболѣе мягкихъ способовъ для созданія такого порядка вещей: но сдѣлалось невозможнымъ, въ наше время, приводить этотъ фактъ какъ основаніе къ тому, чтобы сохранить въ Финляндіи порядокъ, благопріятствующій аристократическому меньшинству въ ущербъ Финскаго народа и соотвѣтствующій государственнымъ и народнымъ интересамъ Швеціи въ ущербъ Россіи.

Законъ о введеніи Финскаго языка въ администрацію, судопроизводство и школы Финляндіи есть первый шагъ въ исполненіи задачи, которая здѣсь предстоитъ Россіи; онъ показываетъ, что задача сознана, а это самое важное.

Любопытно прочесть подробности этого закона: съ 1868 г., при назначеніи *новыхъ* школьныхъ учителей, требуется умѣніе преподавать по-фински; съ 1872 г. опредѣляемы будутъ только такіе чиновники, которые могутъ вести переписку на Финскомъ языкѣ; съ 1875 г. составленіе протоколовъ и другихъ актовъ на Финскомъ языкѣ дѣлается обязательнымъ по требованію просителей; наконецъ только съ 1883 г. финскій языкъ долженъ быть окончателю сравненъ со Шведскимъ. Какая мягкость! какая постепенность и бережность въ отношеніи къ лицамъ, въ настоящее время занимающимъ должности! Не такъ дѣйствовали администраторы Шведы, когда Выборгская губернія была отдана имъ въ руки: тутъ они въ одинъ годъ удалили всѣхъ русскихъ должностныхъ лицъ, которые не могли вести дѣлопроизводство и преподаваніе по-шведски.

Но мы не сѣтуемъ на такую постепенность. Мы думаемъ только, что законъ 20 Февраля 1865 г. разрѣшилъ лишь одну половину дѣла, а другой не коснулся, предоставляя ее будущему распоряженію, которое, вѣроятно, не замедлитъ послѣдовать. А именно, законъ

этотъ, установляя права Финскаго языка, не дѣлаетъ его однако единственнымъ оффиціальнымъ языкомъ Финляндіи. И понятно: Финскій языкъ, необходимый какъ языкъ мѣстной администраціи, суда и школы, не можетъ, по своей малоизвѣстности, быть *государственнымъ* языкомъ Великаго Княжества. Такъ именно и говорится въ законѣ, что Финскій языкъ долженъ впредь имѣть оффиціальное значеніе во всемъ, непосредственно касающемся Финскаго населенія. Но какой же языкъ будетъ государственнымъ языкомъ Финляндіи? Неужели имъ останется языкъ Шведскій? Потому ли, что въ Финляндіи живетъ нѣсколько десятковъ тысячъ Шведовъ? Но въ ней живетъ и нѣсколько десятковъ тысячъ Русскихъ. Потому ли, что Финляндія когда то принадлежала Швеціи? Но теперь она принадлежитъ Россіи. Потому ли, что это выгодно Швеціи? Но это не выгодно для Россіи. Потому ли наконецъ, что этого желаетъ мѣстная аристократія, воспитываемая въ шведскихъ преданіяхъ и понятіяхъ и которой знаніе столь мало распространеннаго языка какъ Шведскій, обезпечиваетъ, на все время, пока онъ оставаться будетъ оффиціальнымъ языкомъ Финляндіи, обладаніе всѣми почти правительственными должностями въ Великомъ Княжествѣ? Однако этого не могутъ желать не только Русскіе, но и туземный Финскій народъ, ибо доколѣ сохраняется за Финляндіей искусственный призракъ Шведской національности, до тѣхъ поръ не прекратятся притязанія на нее Шведовъ, и эти притязанія всегда готовы будутъ, при первомъ удобномъ случаѣ, обратиться въ прямое враждебное покушеніе; а такое покушеніе стоило бы Россіи новыхъ жертвъ, и снова подвергло бы Финскій народъ тяжелой участи быть предметомъ спора между двумя государствами.

Много не-русскихъ земель, много не-славянскихъ племенъ захватила въ свой кругъ Россія, расширяясь для достиженія своихъ естественныхъ границъ. Въ этотъ кругъ вошла Финляндія; вошли губерніи Прибалтійскія, населенныя Чудью (Эстами) и Латышами, и земля, занятая народомъ Литовскимъ. Всѣ эти земли, безконечно важныя для Россіи въ отношеніи государственномъ и экономическомъ, такъ какъ онѣ составляютъ собою всю нашу береговую линію къ Западу,— эти земли имѣютъ общую отличительную черту, опредѣляющую ихъ политическій характеръ: это раздвоеніе между народомъ и высшимъ классомъ (дворянствомъ и городскимъ сословіемъ), раздвоеніе—полное во всемъ, въ происхожденіи, въ языкѣ, въ бытѣ, въ историческихъ преданіяхъ и сочувствіяхъ. Вездѣ, и въ Финляндіи, и въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, и въ землѣ Литовской простой народъ принадлежитъ къ племенамъ немногочисленнымъ, по своему положенію не призван-

нымъ къ образованію самостоятельныхъ государствъ [1]). Вездѣ, и въ Финляндіи, и въ Литвѣ, и въ Прибалтійскомъ краѣ господствующіе надъ туземнымъ населеніемъ высшіе классы принадлежатъ къ народностямъ болѣе могущественнымъ, которыя имѣютъ (какъ Шведы въ Финляндіи и Нѣмцы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ) или имѣли и хотятъ имѣть (какъ Поляки въ Литвѣ) свой центръ внѣ Россіи. По этому самому высшіе классы составляютъ тамъ относительно Россіи элементъ центробѣжный, который, даже когда онъ питаетъ преданность къ государственной власти, не можетъ сочувствовать росту и развитію русскаго народнаго центра, такъ какъ всякій приливъ силы въ этомъ народномъ центрѣ долженъ увеличить его притягательное дѣйствіе. Этого нельзя ставить въ укоръ Полякамъ, Шведамъ и Нѣмцамъ, господствующимъ надъ нашими окраинами. Это необходимое послѣдствіе ихъ положенія. Національность Нѣмецкая, Польская, Шведская дорогà барону и бюргеру въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ, дорогà она и Литовскому шляхтичу и Финляндскому дворянину, и притомъ не только по тому природному чувству, которое заставляетъ человѣка дорожить своею народностью, но и потому, что подъ знаменемъ Нѣмецкой, Польской и Шведской національности онъ завоевалъ себѣ господствующее, привилегированное положеніе въ своемъ краѣ и, благодаря слабости русскихъ началъ, удерживалъ его даже подъ властію Россіи. Если бы онъ подъ властію Россіи пересталъ быть Шведомъ, Полякомъ, Нѣмцемъ и сдѣлался Русскимъ, то развѣ бы онъ что нибудь выигралъ? Напротивъ, онъ потерялъ бы значительную часть своихъ привилегій. А мысль сдѣлаться Финномъ, Литовцемъ или Латышемъ также мало могла прійти ему въ голову, какъ Англо-Саксу мысль превратиться въ Негра. Такъ продолжались дѣла, пока сама Россія была нерусскою въ общественной и политической жизни. Понятно, что теперь, когда Россія измѣнилась, когда пробудившаяся народность Русская начинаетъ требовать въ принадлежащихъ Россіи окраинахъ порядка вещей, какой нуженъ ей, а не ея противникамъ,—и Поляки, и Нѣмцы, и Шведы взволновались. Мѣнять старое положеніе, чрезвычайно выгодное, на новое, которое кажется менѣе выгоднымъ, никому не хочется. Поляки, если бы дѣло отъ нихъ зависѣло, соору-

---

[1]) Самое разительное подтвержденіе этого представляетъ намъ исторія Литвы въ тѣ вѣка, когда событія вывели ее на поприще самостоятельной политической дѣятельности (въ XIII и XIV в.). Какъ только Литва сдѣлалась государствомъ, народность Литовская въ немъ утратилась; собственный Литовскій край имѣлъ такъ мало значенія для князей, создавшихъ это государство, что герой Литвы, Витовтъ, могъ безъ сопротивленія отдать Прусскому ордену самое зерно коренной Литвы, Жмудь, для того только, чтобы орденъ развязалъ ему руки для другихъ предпріятій.

дили бы крестовый походъ всего Запада для спасенія владычества Польской аристократіи надъ Заднѣпровскою Русью и Литвою. Мы слышали недавно голосъ Скандинавизма, требующаго возвращенія Финляндіи въ лоно Скандинавіи, на томъ основаніи, что тамъ живетъ 135,000 Шведовъ (замѣтьте, на общее населеніе почти въ 2 милліона). Въ настоящую минуту по Европѣ раздаются жалобы какихъ-то публицистовъ, которые, ликуя надъ избавленіемъ Германской національности въ Шлезвигѣ, просятъ отъ имени Остзейскихъ бароновъ и бюргеровъ заступничества за эту національность въ Лиф-Эст-и Курляндіи, дабы 180,000 Нѣмцевъ продолжали тамъ властвовать надъ болѣе полутора милліонами Латышей, Эстовъ и Русскихъ [1]).

Великое счастіе Россіи то, что для охраненія своихъ завоеванныхъ нерусскихъ окраинъ ей не нужно, подобно другимъ государствамъ, прибѣгать къ системѣ насилія, угнетенія, разрушенія народностей. Напротивъ, ей нужно только узнать, полюбить, оживить туземный народъ. Во всѣхъ завоеванныхъ Россіею областяхъ ея природные союзники—коренные жители края. Финны, Эсты, Латыши, Литовцы, Мазуры—всѣ они нравственно принадлежатъ Россіи, принадлежатъ ей не только въ силу какихъ-нибудь случайныхъ, преходящихъ обстоятельствъ, а по самой исторіи и природѣ вещей, потому что внѣ Россіи имъ не было житья и нѣтъ отечества.

Взглянемъ на Финновъ и ихъ единокровныхъ братій Эстовъ (по-русски Чудь). Россія есть совокупное созданіе племенъ Славянскаго и Финскаго. Первый фактъ, съ котораго начинается ея существованіе какъ государства — это союзъ Славянъ и Финновъ, согласившихся поставить надъ собою общую верховную власть; и что въ этомъ союзѣ Финны не были народностью порабощенною, вынужденною покориться рѣшенію Славянъ, видно изъ знаменательныхъ словъ древнѣйшей лѣтописи нашей: «рѣша *Чюдь*, Словѣни и Кривичи: вся земля наша велика и обильна и проч.» Племя покоренное не было бы поставлено на первомъ мѣстѣ. И съ тѣхъ поръ Финскія племена остались неразлучно соединенными съ Русскимъ народомъ, и конечно,

---

[1]) Цифры по Эркерту:

	Эстляндія.	Лифляндія.	Курляндія.
Нѣмцевъ	25,000	95,000	60,000.
Латышей		960,000	460,000.
Эстовъ	260,000	410,000	
Русскихъ	12,000	15,000	9,000.
Другихъ племенъ	6,000	4,000	47,000.

Замѣтимъ, что цифры эти наиболѣе благопріятныя для германизма. По Шницлеру Нѣмцевъ, въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ не 180,000, а только 118,000, именно: въ Эстляндіи 18,000, въ Лифляндіи 60,000, въ Курляндіи 40,000.

ни одинъ добросовѣстный Финнъ, какъ бы горячо онъ ни любилъ свою народность, не почувствуетъ вражды къ Русскому народу за то, что столько Финскихъ племенъ приняли его языкъ, слились съ нимъ совершенно. Онъ не поставитъ этого явленія на одну доску съ тѣми системами государственнаго и народнаго насилія, посредствомъ которыхъ древній Римъ налагалъ свою народность на Западныя земли, средневѣковая Германія на Славянское и Прусское поморіе, Кромвелевская и позднѣйшая Англія—на Ирландію. Ибо сліяніе Финскихъ племенъ съ Русскимъ народомъ происходило безъ всякаго внѣшняго принужденія, только вслѣдствіе слабости и безсвязности этихъ племенъ, оно происходило *безсознательно* со стороны самой Россіи. Любопытенъ примѣръ Перми: Пермскую землю обратилъ въ христіанство въ XIV вѣкѣ Русскій проповѣдникъ св. Стефанъ и онъ изобрѣлъ письмена, примѣненныя къ нарѣчію этой Финской вѣтви, перевелъ для нея церковныя книги, устроилъ богослуженіе на Пермскомъ языкѣ. Замѣчательно еще, что переводилъ онъ на Пермскій языкъ церковныя книги не только съ Славянскихъ переводовъ, но многія перевелъ прямо съ Греческихъ текстовъ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что въ его мысли языкъ Пермскій не былъ чѣмъ-то второстепеннымъ относительно языка Славянскаго, что онъ считалъ это Финское племя предназначеннымъ, наравнѣ съ Русскимъ народомъ, черпать просвѣщеніе непосредственно изъ самыхъ его источниковъ. Можетъ ли добросовѣстный Финнъ ставить въ вину Русскому народу, изъ среды котораго вышелъ Стефанъ съ своимъ высоко-человѣчнымъ предпріятіемъ, что Пермское племя, получивъ отъ Россіи всѣ задатки самостоятельнаго образованія, *само предпочло* однако говорить по-русски, читать Евангеліе вмѣстѣ съ Русскимъ народомъ на Славянскомъ языкѣ? Что могло краснорѣчивѣе засвидѣтельствовать внутреннее влеченіе Финской народности къ Русской? И нынѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ у Эста и Финна другаго союзника, кромѣ Русскаго народа, Россія ему не только отечество, но и убѣжище отъ завоевателей, его поработившихъ, только она можетъ возвратить ему гражданскія права и жизнь его народности.

Также какъ племя Финское, и Литовское племя въ его двухъ, столь близкихъ по языку вѣтвяхъ, Литвинахъ и Латышахъ, связано съ Россіей не случайностью, а силою исторіи. Съ самыхъ раннихъ временъ образовалась эта связь Литовскаго и Латышскаго народа съ Русскимъ. Потомъ, когда, во время распаденія Русской земли, Литва получила самостоятельность государственную и перевѣсъ надъ сосѣдними Русскими княжествами, она сама засвидѣтельствовала о крѣпости своей связи съ Русскою землею: ибо тотчасъ превратилась сама въ землю почти русскую, сдѣлала Русскій языкъ своимъ граж-

данскимъ языкомъ, стала принимать христіанство въ томъ видѣ, какъ его исповѣдывали Русскіе люди. Бракъ Ягелла съ Ядвигою, введеніе католицизма въ некрещеные еще края Жмуди и Литвы и распространеніе тамъ Польскаго шляхетства удалило Литву отъ Русской земли, точно также какъ Нѣмецкіе завоеватели оторвали отъ нея Латышскій край. Но естественныя связи и сочувствія оживаютъ. Переходъ Латышей въ православіе, ихъ стремленіе переселиться въ среду Русскаго (тогда еще крѣпостнаго) народа, чтобы уйдти отъ Нѣмецкихъ помѣщиковъ и ихъ мнимой свободы, могли убѣдить самаго упорнаго скептика.

Наконецъ, — и это явленіе самое характеристическое,—даже Мазуры, хотя это племя лишь незначительными оттѣнками отличается отъ Поляковъ и всегда входило въ составъ Польши, — болѣе тянутъ къ Русскому народу, чѣмъ къ Полякамъ. Они, кромѣ нѣсколькихъ исключительныхъ случаевъ, когда ихъ фанатизировало латинское духовенство, — всегда принимали сторону Русскихъ противъ Поляковъ-повстанцевъ. Даже въ Галиціи, гдѣ, какъ извѣстно, Русская народность содержится въ черномъ тѣлѣ, а Польская пользуется почетомъ. Мазуры стоятъ за одно съ Русскими и не хотятъ, чтобы ихъ считали за Поляковъ.

Уже не разъ было говорено, что элементъ общинно-народный составляетъ основное бытовое начало Славянскаго племени, что на немъ зиждется Русская земля и что (прибавимъ мимоходомъ) отрицаніе, если не отсутствіе, этого начала въ Польшѣ есть существенная причина той странной и болѣзненной роли, которую она всегда играла и играетъ въ Славянскомъ мірѣ. Все это истины, совершенно ясныя теперь для человѣка мыслящаго и вникающаго въ смыслъ исторіи и современныхъ общественныхъ явленій. Въ недавнее время сознававшіяся только немногими, нынѣ еще непризнаваемыя людьми старой рутины и новѣйшихъ европейскихъ воззрѣній, эти истины скоро сдѣлаются у насъ общимъ достояніемъ. Тогда исчезнутъ тѣ странныя недоразумѣнія, которыя въ настоящее время задерживаютъ или искажаютъ внутреннее наше развитіе. Тогда также уяснятся и устроятся правильно отношенія Россіи къ инородческимъ ея окраинамъ; войдетъ въ общее сознаніе и получитъ все свое примѣненіе тотъ великій, неоцѣнимый для насъ фактъ, что и въ инородческихъ краяхъ, на которые государственная необходимость заставила Россію простереть свою власть, она поставлена, силою вещей, на ту же почву, на какой зиждется сама, въ своей собственной, русской средѣ; что она и тамъ является носительницею своихъ природныхъ славянскихъ бытовыхъ началъ: вездѣ связана съ *народомъ*, вездѣ призвана

противодѣйствовать угнетающей его завоевательной стихіи и возрождать убитую ею народную жизнь. И эта-та внутренняя связь ограждаетъ власть Россіи болѣе всякихъ матеріальныхъ средствъ. Въ противоположность всѣмъ завоевательнымъ государствамъ, Россія является народу въ завоеванныхъ ею краяхъ не угнетательницей, а избавительницей отъ угнетенія. Области, завоеванныя Россіею, принадлежатъ ей не только по праву завоеванія, но и по священнѣйшему праву народнаго сочувствія и союза.

Но чтобы это могло осуществиться, Россія не должна ограничить свою освободительную дѣятельность краями, находившимися подъ властію бунтовавшей Польской шляхты. Никто не станетъ оспаривать, что Финны, Эсты и Прибалтійскіе Латыши столько же заслуживаютъ благъ обновленной русской жизни, сколько Латыши Витебской и Литовцы Ковенской и Виленской губерній.

Мы теперь стараемся распространить Русскій языкъ, какъ языкъ общественной и государственной жизни, на западныя губерніи, не ограничиваясь тѣми, гдѣ туземный народъ Русскій, но также и на Ковенскую губернію, хотя тамъ населеніе Жмудское, — и поступаемъ совершенно правильно: ибо въ государствѣ [1]) единомъ и цѣльномъ можетъ быть только одинъ оффиціальный языкъ. Мѣстныя нарѣчія туземцевъ (но разумѣется, не языкъ какого нибудь пришлаго меньшинства) должны служить для мѣстныхъ нуждъ въ элементарной школѣ, въ богослуженіи, въ волостномъ судѣ и т. д. Оффиціальный же общественный и государственный языкъ въ Россіи можетъ быть только языкъ Русскій. Но если это начало вѣрно (а иначе его не слѣдовало бы примѣнять къ Ковенской губерніи), то оно также вѣрно въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи и Царствѣ Польскомъ, какъ оно вѣрно въ Западномъ краѣ. Нельзя же считать причиною введенія Русскаго языка въ школы и администрацію Ковенской губерніи то, что тамошняя Польская шляхта бунтовала: иначе оказалось бы, что введеніе Русскаго языка составляетъ мѣру карательную, въ родѣ какого нибудь процентнаго сбора. Нѣтъ, Русскій языкъ не есть кара; а съ другой стороны, Польская народность, хотя Поляки и бунтовали, не есть нѣчто такое, на чемъ мы стали бы производить операціи *ut in anima vili*, распространяя на ея счетъ Русскія начала, если мы не признаемъ этого государственною необходимостью, которой стало быть должны подчиниться элементы Нѣмецкій и Шведскій, точно также какъ и Польскій.

---

[1]) Если только оно не состоитъ изъ случайной агломераціи, какъ наприм. Швейцарія и Австрія.

Высочайшее повелѣніе о введеніи въ Финляндіи Финскаго языка во всемъ непосредственно касающемся Финскаго населенія, какъ мѣра, составляющая первый необходимый шагъ къ освобожденію этого края отъ владычества Шведскаго элемента, свидѣтельствуетъ, что разумная дѣятельность самосознающей себя Россіи въ отношеніи къ ея инородческимъ окраинамъ не ограничится областями, въ которыхъ бунтовали Поляки.

1865 г.
С. п. б.

XVII.

ДРЕВНІЙ НОВГОРОДЪ.

XVII.

Древній Новгородъ.

Сѣверно-Русскія Народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада (Новгородъ, Псковъ, Вятка. Лекціи, читанныя въ Санктпетербургскомъ Университетѣ въ 1860—1861 г.) Соч. Н. Костомарова 2 тома. Спб. 1863.

I.

Теоріи г. Костомарова о раздѣленіи Русско-славянскаго племени на вѣтви и о литовскомъ происхожденіи Руси.—Предположеніе г. Костомарова о малороссійскомъ происхожденіи Новгородцевъ.

«Русско-Славянскій народъ раздѣляется на двѣ вѣтви, различаемыя, въ отношеніи къ рѣчи, по двумъ разнымъ признакамъ: одна перемѣняетъ *о* въ *а* тамъ, гдѣ надъ этимъ звукомъ нѣтъ ударенія, и *ѣ* произноситъ какъ мягкое *е*; другая сохраняетъ коренной звукъ *о* и произноситъ *ѣ* какъ мягкое *и*. Къ первой принадлежатъ Бѣлоруссы и Великоруссы, ко второй Малороссіяне или Южноруссы и Новгородцы». Такъ начинаетъ г. Костомаровъ свою книгу, заглавіе которой приведено выше.

Стало быть, сдѣлано открытіе въ наукѣ, сравнительная лингвистика и этнографія должны преобразиться. Доселѣ ученики Боппа, Гримма и Шафарика основывали лингвистическіе и этнографическіе выводы на цѣлой совокупности признаковъ языка; если же иногда въ какомъ нибудь отдѣльномъ признакѣ, въ томъ или другомъ измѣненіи звука, находили характеристическую особенность племени, такую особенность, которая могла бы служить данною для этнографіи, то въ этомъ отношеніи они отстраняли различія въ произношеніи гласныхъ, принимая въ расчетъ лишь переходы согласныхъ. Измѣненія гласныхъ казались слишкомъ неопредѣлительными и подверженными случайности; только въ согласныхъ признавалась возможность быть типиче-

скими представителями племенныхъ особенностей. Такъ, положимъ, въ данномъ случаѣ ученые доселѣ обратили бы вниманіе не столько на произношеніе *о* и *ѣ*, сколько, напримѣръ, на согласныя *г* и *л*, и нашедши, что *г* произносится Великоруссами и Новгородцами твердо, Бѣлоруссами и Малороссіянами съ придыханіемъ, что *л* у первыхъ сохраняетъ свой чистый звукъ, а послѣдними очень часто измѣняется въ звукъ *в*, сдѣлали бы, пожалуй, тотъ выводъ, что въ Русскомъ народѣ Великоруссы и Новгородцы составляютъ одну группу, а Бѣлоруссы съ Малороссіянами другую.

Но г. Костомаровъ указываетъ наукѣ новый методъ. Отнынѣ измѣненія въ той или другой гласной могутъ быть принимаемы за средство сближать и раздѣлять племена. Владимірецъ, житель Владиміра на Клязьмѣ, перестанетъ считать себя Великоруссомъ и признаетъ себя потомкомъ Малороссіянъ, потому что онъ ȯкаетъ. А что касается до гласной *ѣ*, то различія въ ея выговорѣ приведутъ Славянскую этнографію къ весьма замѣчательнымъ и совершенно новымъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, нельзя будетъ считать Сербовъ, населяющихъ Боснію и Герцеговину, за одно племя, какъ полагали Шафарикъ и другіе ученые; нѣтъ, теперь окажется, что въ Босніи и Герцеговинѣ Сербскіе жители, въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, въ однихъ и тѣхъ же деревняхъ, принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ по происхожденію вѣтвямъ, различаемымъ, по какому бы вы думали этнографическому признаку? По религіи: къ одной вѣтви относились бы Сербы православнаго вѣроисповѣданія, къ другой — Сербы, тутъ же, вмѣстѣ съ ними или подлѣ нихъ живущіе, которые, по народному выраженію, вѣруютъ «въ папу, а не въ святаго Саву», ибо въ Босніи и Герцеговинѣ Сербы-католики выговариваютъ *ѣ* какъ *и*, православные какъ *е*.

Чтȯ же это такое, спроситъ читатель: какимъ образомъ различіе въ произношеніи буквы *ѣ*, которому одинъ изъ первыхъ нашихъ ученыхъ придаетъ такое важное историческое и этнографическое значеніе, могло совпасть у Босняковъ и Герцеговинцевъ съ различіемъ въ вѣроисповѣданіи? Дѣло объясняется весьма просто. Далматинское приморье произноситъ *ѣ* какъ *и*, не допуская тутъ ни малѣйшаго исключенія; Далматинское приморье служило издавна источникомъ просвѣщенія для католиковъ Герцеговины и Босніи, оттуда они получали священниковъ и книги; герои Далматинскаго приморья сдѣлались ихъ героями; произношеніе Далмаціи было ими принято за образцовое, тогда какъ на православныхъ, съ другой стороны, вліяло произношеніе восточныхъ частей Сербіи, гдѣ *ѣ* звучитъ какъ *е*, частью твердое, частью мягкое.

Читатель видитъ, подъ какими случайными и поздними исто-

рическими вліяніями могло образоваться у одного и того же славянскаго народа, въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, различное произношеніе *ѣ*, какъ *е* и какъ *и*. Можно ли поэтому считать его первообразнымъ этнографическимъ признакомъ, такимъ признакомъ, который дѣлилъ бы искони Русскій народъ на двѣ особыя группы? Но зачѣмъ выходить за предѣлы Русскаго языка и брать примѣры изъ чужихъ славянскихъ нарѣчій? Слава Богу, Русскій языкъ не со вчерашняго дня извѣстенъ, у него есть памятники, и г. Костомаровъ могъ бы повѣрить ими свою теорію. Система правописанія была дана Русскимъ Болгаріей, но тѣ отступленія отъ этой орѳографіи, тѣ безпрестанныя описки, какія попадаются въ древнихъ русскихъ памятникахъ, свидѣтельствуютъ объ особенностяхъ мѣстнаго русскаго выговора въ данное время. Когда мы, напримѣръ, находимъ, что писецъ Остромірова Евангелія путаетъ древне-болгарскія носовыя гласныя съ буквами *у* и *я*, то это доказываетъ намъ положительно, что въ то время и въ мѣстности, которой принадлежало нарѣчіе писца, вмѣсто старинныхъ носовыхъ звуковъ, уже выговаривалось *у* и *я*; а если этотъ самый писецъ никогда не ошибается въ употребленіи *ѣ*, никогда вмѣсто *ѣ* не ставитъ *и*, то это столь же положительно удостовѣряетъ насъ, что выговоръ буквы *ѣ* какъ *и* еще не возникалъ между Русскими Славянами въ это время и въ этой мѣстности. Время извѣстно—половина XI вѣка; оставалось бы опредѣлить, какое именно изъ мѣстныхъ нарѣчій Русскаго языка отразилось своимъ вліяніемъ на Остромірово Евангеліе. Какъ оно писано для посадника Новгородскаго, то вѣроятнѣе всего, что это было нарѣчіе Новгородское; но, зная, что въ ту эпоху центромъ христіанскаго просвѣщенія и письменности въ Русскихъ земляхъ была Южная Русь, мы можемъ допустить также гипотезу, что Евангеліе это, хотя и назначенное для Новгорода, было происхожденія южно-русскаго; во всякомъ случаѣ, оно положительно доказываетъ, что въ половинѣ XI вѣка гласная *ѣ*, либо въ Новгородѣ, либо въ Южной Руси, не имѣла звука *и*. Пусть г. Костомаровъ прослѣдитъ такимъ образомъ далѣе памятники нашей письменности, наши лѣтописи, наши грамоты, и онъ увидитъ, что различное произношеніе *ѣ*, частью какъ *и*, частью какъ *е*, развилось съ одной стороны въ Новгородской землѣ, съ другой у Малороссіянъ, въ весьма позднее историческое время (едва ли ранѣе XIV вѣка), и что, стало быть, основывать на этомъ признакѣ какое-то первоначальное доисторическое сродство Новгородцевъ съ Малороссіянами, въ противоположность другимъ русскимъ вѣтвямъ, было бы полнымъ противорѣчіямъ всѣмъ законамъ критики. Мало того: изъ Новгородскихъ грамотъ XIII вѣка г. Костомаровъ вывелъ бы заключеніе, что въ то время Новгородцы, точь-въ-точь какъ Великоруссы,

придавали гласной *ѣ* звукъ *е*, ибо въ нихъ встрѣчаются такого рода описки: *ездити*, *техъ*, *всеми*, *коупѣчь* (купецъ), *чѣтвѣртый* и т. д. О переходѣ *о* безъ ударенія въ *а* и говорить нечего: всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ древнею письменностью нашею, можетъ убѣдиться, что это свойство Бѣлорусскаго и одной части Великорусскаго нарѣчія развилось даже позднѣе, чѣмъ развѣтвленіе древняго своеобразнаго звука *ѣ* въ *и* и *е*. Какъ же г. Костомаровъ рѣшился принять эти особенности языка, развившіеся на глазахъ исторіи, въ эпоху полной осѣдлости и государственной жизни Русскаго народа, за свидѣтельство такихъ явленій, которыя должны, по его теоріи, восходить къ древности доисторической, къ эпохѣ разселенія Славянъ по пространствамъ восточной Европы?

А къ этой-то эпохѣ относитъ г. Костомаровъ раздѣленіе Русско-Славянскаго племени на двѣ вѣтви, т. е. Малороссійско-Новгородскую и Бѣлорусско-Великорусскую. «Это раздѣленіе, говоритъ почтенный историкъ, сообразно съ тою двойственностью Славянскаго поселенія на Русскомъ материкѣ, которая открывается изъ нашей первоначальной лѣтописи. Одни Славяне помѣщаются въ группѣ пришедшихъ съ Дуная, вслѣдствіе нашествія на ихъ отечество Волоховъ (Итальянцевъ, Римлянъ); другіе, какъ напримѣръ: Кривичи, Радимичи и Вятичи, не принадлежатъ къ этой колоніи».

Признаюсь откровенно, я рѣшительно не понимаю, какая двойственность Славянскаго населенія на Русскомъ материкѣ открывается изъ первоначальной нашей лѣтописи? Г. Костомаровъ имѣетъ тутъ, безъ сомнѣнія, въ виду знаменитый разсказъ Нестора о томъ, какъ «по мнозѣхъ времянѣхъ (послѣ столпотворенія) сѣли сутъ Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска», и какъ, вслѣдствіе нашествія Волховъ, они разошлись оттуда по землѣ и образовали разныя племена. Въ исчисленіи этихъ племенъ у лѣтописца дѣйствительно не помѣщены Кривичи, Радимичи и Вятичи, и вотъ на какомъ основаніи г. Костомаровъ отдѣляетъ этихъ, по его мнѣнію, Славянскихъ аборигеновъ Русскаго материка отъ всѣхъ прочихъ Русскихъ Славянъ, которыхъ онъ признаетъ колоніями съ Дуная.

Я не только не отвергаю важности Несторова сказанія, но охотно признаю его замѣчательнѣйшимъ свидѣтельствомъ Славянъ объ ихъ собственной древности. Но спрашивается: есть ли какая возможность брать это сказаніе какъ безусловно вѣрный историческій текстъ и строить какіе-нибудь выводы на томъ, что имя одного племени въ немъ помѣщено, а имя другаго пропущено? Вѣдь событіе, о которомъ говоритъ сказаніе, т. е. нашествіе Волховъ на Славянъ, — если эти Волхи были Римляне, случилось за тысячу лѣтъ и если, какъ ду-

малъ Шафарикъ, подъ Волхами надобно разумѣть Кельтовъ,—за полторы тысячи лѣтъ до времени, когда жилъ нашъ лѣтописецъ. Предполагая даже самую вѣрную историческую память въ Русскомъ народѣ, можно ли думать, чтобы его бытописатель, 1,000 или 1,500 лѣтъ спустя послѣ событія (разумѣется, не укрѣпленнаго никакимъ письменнымъ документомъ), зналъ достовѣрно, какія именно изъ Славянскихъ племенъ пришли съ Дуная и какія нѣтъ? Но мы пойдемъ далѣе. Я спрашиваю: въ правѣ ли здравая критика принять безусловно самое событіе, которымъ г. Костомаровъ, какъ несомнѣнною историческою истиною, подкрѣпляетъ свою лингвистическую находку о двойственномъ дѣленіи Русскаго народа, т. е., что Славянскія племена, населившія Россію, за исключеніемъ Кривичей, Радимичей и Вятичей, были пришельцы съ Дуная? Надобно замѣтить, что съ береговъ Дуная, «гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска», нашъ первоначальный лѣтописецъ производитъ не только Русскія племена, Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Полочанъ, Словѣнъ Новгородскихъ, и Сѣверянъ, но и весь западный и южный Славянскій міръ, Мораву, Чеховъ, Хорватовъ, Сербовъ и племена Ляховъ, какъ Польскихъ, такъ и Прибалтійскихъ. Что же? Неужели все это было такъ? Могла ли страна Придунайская, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска, вмѣстить такое множество племенъ, что когда они расселились оттуда при нашествіи Римлянъ, то заняли чуть ли не полъ-Европы? Наконецъ, прежде чѣмъ принять за историческій фактъ приходъ всѣхъ этихъ Славянскихъ племенъ (или, положимъ, хоть нѣсколькихъ изъ нихъ) съ береговъ Дуная, вслѣдствіе Римскаго нашествія, самая простая логика требовала справки: были ли дѣйствительно Славяне въ Дунайской странѣ въ то время, когда она сдѣлалась добычею Римлянъ? Вѣдь Римляне не оставили безгласными свои историческія дѣла, они умѣли записать имена царей, съ которыми воевали, народовъ, которыхъ покоряли или выгоняли, городовъ, которые имъ сдавались или падали предъ ихъ силою. Неужели же Славянскія племена, десятки Славянскихъ племенъ, предполагаемыхъ въ странѣ, которую прославили подвиги Траяна, укрылись бы отъ ихъ взоровъ? Между тѣмъ, всѣ усилія Славянскихъ ученыхъ, трудившихся надъ этимъ вопросомъ, не могли открыть, между сотнями мѣстныхъ именъ въ древней Дакіи, Панноніи, Мизіи, Дарданіи и т. д., болѣе трехъ или четырехъ, напоминающихъ славянское происхожденіе: эти немногія имена могутъ быть приняты, пожалуй, за доказательство, что въ той странѣ были въ древности какія-нибудь отдѣльныя селенія Славянъ: но вся масса прочихъ названій ручается еще вѣрнѣе въ томъ, что общее населеніе страны, во время вторженія туда Римлянъ, не было Славянское. Но вотъ еще фактъ любопытный для су-

жденія о теоріи г. Костомарова. Въ числѣ Придунайскихъ племенъ, мы находимъ въ древности одно, которое можно съ нѣкоторою вѣроятностью причислить къ Славянамъ; это единственное племя то, которое древніе называютъ Кровизи, и которое именемъ своимъ напоминаютъ Кривичей. А Кривичей-то, какъ нарочно г. Костомаровъ не хочетъ помѣстить въ числѣ Славянъ, прибывшихъ съ Дуная.

Но мы еще не покончили со всѣми историческими доказательствами этой теоріи. Послѣ свидѣтельства Несторова о колонизаціи съ Дуная приводится еще другое свидѣтельство, именно свидѣтельство сказки, встрѣчаемой въ хронографахъ XVI и XVII вѣка о происхожденіи Волхова, Новгорода и т. д. Мы всѣ знаемъ, что въ старинныхъ сказочныхъ преданіяхъ иногда заключаются важные историческіе намеки; но чтобы выяснить ихъ, выдѣлить изъ массы вымысловъ, нужно ихъ подвергнуть строгому анализу, свести съ положительными историческими данными и только то, что̀ подтверждается такимъ сличеніемъ, получаетъ цѣну въ наукѣ. А г. Костомаровъ просто беретъ сказку, выбираетъ изъ нея однѣ подробности, которыя и признаетъ за историческій элементъ, а другія, ему не нравящіяся черты откидываетъ, какъ вымыселъ грамотѣя, писавшаго сказку. При такомъ произволѣ не видно никакихъ причинъ, почему то, что̀ г. Костомаровъ выдаетъ въ сказкѣ за исторію, не могло быть признано вымысломъ, и на оборотъ. Я не стану вдаваться въ разборъ всего этого: когда очевидна ошибочность основныхъ положеній лингвистическаго и историческаго, на которыхъ г. Костомаровъ хотѣлъ строить мнѣніе свое о происхожденіи Новгородцевъ отъ Малороссіянъ, то, само собою, и сказка теряетъ тотъ смыслъ, который онъ старался ей придать.

Далѣе, во 2-й главѣ, г. Костомаровъ говоритъ о призваніи Русскихъ князей. Тутъ является опять на сцену теорія о Литовскомъ происхожденіи Руси. Многихъ, безъ сомнѣнія, удивитъ, какимъ образомъ, послѣ всей бывшей у насъ полемики, которая, кажется, не оставила живой нитки въ этой теоріи, уважаемый Россіею историкъ опять выступаетъ съ нею въ серьезномъ сочиненіи, — и все съ тѣми же старыми, только нѣсколько поубавленными числомъ аргументами. Хотя бы г. Костомаровъ обратилъ вниманіе на сдѣланное профессоромъ Миклошичемъ изданіе Несторовой лѣтописи. Г. Миклошичъ занимаетъ въ настоящее время безспорно первое мѣсто между Славянскими лингвистами, и можно справиться въ такомъ вопросѣ съ его трудами. Г. Миклошичъ, вмѣсто того, чтобы входить въ разсужденіе о происхожденіи Варяговъ-Руси, избралъ путь самый вѣрный и убѣдительный: приложилъ къ своему изданію списокъ собственныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ Несторѣ, кромѣ чисто Славян-

скихъ, и соотвѣтствующихъ именъ Скандинавскихъ. Изъ этого длиннаго перечня г. Костомаровъ увидѣлъ бы, что Варяги-Русь, по крайнѣй мѣрѣ по именамъ своимъ, были Скандинавы, и не сталъ бы ходить въ Литву, чтобы тамъ въ названіяхъ деревень, Богъ вѣсть еще какъ исковерканныхъ нашимъ правописаніемъ, искать объясненія Несторовымъ Олегамъ, Алданамъ, Карламъ, Шихбернамъ и т. д. Нѣтъ никакой надобности опровергать этимологіи г. Костомарова; но я не могу не выставить одного примѣра. Дѣло идетъ о происхожденіи знаменитаго въ нашей древней исторіи имени: Рогнѣда. Имя это, какъ извѣстно, одно изъ тѣхъ, которыхъ Скандинавское происхожденіе самое явственное, ибо Скандинавскій звукъ былъ бы Ragnheidhr, и по значенію своему, божественная женщина, это слово очевидно могло также удобно сдѣлаться у Скандинавовъ именемъ собственнымъ, какъ у Славянъ Божа, Божена, Божица и тому под. Но нѣтъ, г. Костомаровъ производитъ нашу Рогнѣду отъ Литовскаго города Рагнитъ. Онъ только позабылъ справиться, есть ли самое слово Рагнитъ названіе Литовское? Литовскій лексиконъ отвѣтилъ бы ему, что Рагнитъ есть именно не Литовское, а Нѣмецкое названіе этого города, и что Литовское названіе его — Рагайне: тутъ уже не много сходства съ Рогнѣдой. Далѣе, тотъ же источникъ, Литовскій лексиконъ, указалъ бы, что имя Рагайне произведено совершенно правильно отъ слова ragas, которое, какъ и родственное Славянское слово рогъ (напримѣръ въ Польскомъ языкѣ), имѣетъ двоякое значеніе: рогъ въ собственномъ смыслѣ и уголъ. Такимъ образомъ имя Ragaine значитъ по-Литовски крѣпость, построенная угломъ или въ углу, словомъ то, что было бы названо по-русски Угловка. Какъ же отсюда производить Рогнѣду?

Я не буду утомлять читателя разборомъ всего, что приводится г. Костомаровымъ въ доказательство Литовскаго происхожденія Варяговъ-Руси. Упомяну только о двухъ доводахъ, которымъ онъ придаетъ особенное значеніе. Это, во первыхъ, то, что «въ XVI вѣкѣ при-Нѣманская страна называлась Русью, какъ это видно изъ одной приписки къ житію св. Антонія Сійскаго...» «Что за нижнею частію Нѣмана, продолжаетъ г. Костомаровъ, названіе Русь принадлежитъ глубокой древности, указываетъ и названіе Пруссія, сокращеніе слова Порусія, т. е. страна, лежащая по рѣкѣ Русѣ. Это географическое названіе дано землѣ этой Славянами». Сколько въ одной фразѣ неточнаго! Во-первыхъ, нѣтъ никакого основанія предполагать, что имя Пруссія было дано странѣ Славянами, ибо этимъ самымъ именемъ называли ее сами туземцы, древніе Прусы, какъ извѣстно, народъ говорившій не Славянскимъ, а Литовскимъ нарѣчіемъ [1]; во-

[1]) Въ Прусскомъ катихизисѣ XVI в., единственномъ памятникѣ, оставшемся отъ

вторыхъ, названіе Пруссія никакъ не могло быть сокращеніемъ слова Поруссія [1]). Это совершенно противно духу какъ Славянскаго, такъ и Литовскаго языка, въ которыхъ немыслимъ тотъ случай, чтобы въ сложномъ словѣ предлогъ, отпечатлѣвающій на немъ свое значеніе, какъ напримѣръ предлогъ по, могъ потерять свою самостоятельность и войти въ составъ корня; такая этимологія выдумана тѣми поздними грамотѣями, баснямъ которыхъ г. Костомаровъ придаетъ иногда слишкомъ большое значеніе въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ; а всего любопытнѣе то, что, въ-третьихъ, названіе Пруссы и Прусія въ собственномъ смыслѣ не распространялось, — какъ оказывается при тщательномъ разборѣ текстовъ, — на край, прилегающій къ Нѣману или Русѣ, что этотъ край (области Шалява и Надрава) находился внѣ Прусской земли и причисленъ къ ней лишь вслѣдствіе завоеванія крестоносцами [2]). Стало быть, могла ли называться по рѣкѣ Русѣ страна, которая къ этой рѣкѣ не прилегала? Читатель видитъ, на сколько выдерживаютъ критику доказательства г. Костомарова, что «за нижнею частью Нѣмана названіе Русь принадлежитъ глубокой древности», хотя появляется оно только въ XVI вѣкѣ. Далѣе, «немаловажнымъ подтвержденіемъ вѣроятности происхожденія призванныхъ Варяговъ изъ Прусско-Литовскаго міра, — привожу слова г. Костомарова, — служитъ существованіе части Прусской улицы въ Новгородѣ и этнографическаго названія ея обитателей — Пруссы. Впродолженіе многихъ вѣковъ эта часть города заселена была боярскими фамиліями и сохраняла аристократическій характеръ» и проч [3]). Не знаю, право, что̀ сказать противъ такого аргумента; меня только останавливаетъ одно недоумѣніе. Прусская улица является, по выраженію г. Костомарова, «гнѣздомъ Новгородскихъ вящшихъ людей» только въ XIII и преимущественно въ XIV вѣкѣ; а призваніе Варяго-Русскихъ князей относится, какъ извѣстно, къ IX столѣтію. Какъ же, въ такомъ случаѣ, не сдѣлать и того предположенія, что Московскіе бояре при Иванѣ Васильевичѣ были Нѣмцы, потому что въ продолженіе XVIII вѣка и до пожара 1812 года главнѣйшія боярскія фамиліи Московскія имѣли свои дома въ Нѣмецкой слободѣ и Нѣмецкая улица была самою аристократическою въ городѣ?

языка древнихъ Прусовъ, мы находимъ выраженіе: Prúsiskai, по-прусски; en Prúsiskan tautan, въ Прусской землѣ (см. *Нессельмана:* Die Sprache der alten Preussen).

[1]) Самое слово Пруссія есть позднѣйшее, книжное, произведенное отъ имени народа, Прусъ, Прусы.

[2]) См. въ особенности *Теппена* (Toeppen): Historisch-comparative Geographie von Preussen. Gotha. 1858.

[3]) Том. I, стр. 27.

Вообще нельзя не пожалѣть, что г. Костомаровъ мало останавливается на критической повѣркѣ своихъ положеній и что онъ, принявши на вѣру какую нибудь теорію, которая еще можетъ оказаться несостоятельною, налагаетъ ее на историческіе факты. Такихъ случаевъ слишкомъ много въ новой книгѣ г. Костомарова. Всякій разъ, когда, въ теченіе исторіи, приходится Новгородцамъ встрѣтиться съ Южно-руссами, онъ спѣшитъ заявить, что они узнавали въ этихъ послѣднихъ своихъ ближайшихъ родичей въ Русской семьѣ, въ противоположность Великоруссамъ. «Отрывокъ племени, очень близкаго къ Южно-русскому, а можетъ быть и того же самаго (г. Костомаровъ говоритъ о Новгородцахъ), заброшенный въ незапамятныя времена на отдаленный сѣверъ, долженъ былъ невольно склоняться народною симпатіею къ Кіеву, гдѣ Новгородцы находили въ обитателяхъ сходство и въ языкѣ, и въ нравахъ, когда, между тѣмъ, окружающіе ихъ Славяне представляли въ этомъ отношеніи черты болѣе отличныя» (т. I стр. 58). Далѣе, накануне паденія Великаго Новгорода, когда пріѣхалъ въ Новгородъ князь Михаилъ Олельковичъ, г. Костомаровъ видитъ дѣйствіе этнографическаго сродства: «Дружина его (Олельковича) состояла изъ Кіевлянъ, съ которыми Новгородцы сходились снова послѣ стольхихъ вѣковъ разлуки, родственныя черты народности должны были поражать Новгородцевъ и располагать къ нимъ» (что впрочемъ, какъ видно далѣе изъ разсказа г. Костомарова, — не помѣшало этой дружинѣ «надѣлать много непріятностей» Новгородцамъ и при возвращеніи домой, послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія между ними, «итти, по Новгородской волости, какъ непріятели»).

Но пусть г. Костомаровъ налагаетъ на характеристику событій свое произвольное предположеніе о Малороссійскомъ происхожденіи Новгородцевъ, лишь бы онъ оставлялъ неприкосновенными слова лѣтописей. Измѣненіе текста въ пользу теоріи должно вызвать нашъ протестъ. Конечно, измѣненіе не важное, все дѣло въ произношеніи нѣсколькихъ буквъ, но и такое измѣненіе было бы слишкомъ печальнымъ précédent въ ученой литературѣ нашей. Вотъ въ чемъ дѣло. Нашъ историкъ разсказываетъ объ извѣстной битвѣ на Шелони. Въ Новгородскомъ войскѣ предъ самымъ сраженіемъ возникло разногласіе. «Большіе, говоритъ г. Костомаровъ, посылали меньшихъ впередъ: меньшіе кричали: Я чоловикъ молодый, испротерялся доспихомъ и конемъ, ступайте вы впередъ, большіе!» (т. I. стр. 192.) Вотъ, значитъ,—въ XV вѣкѣ, въ 1471 году,—такъ сказалъ я себѣ по прочтеніи этихъ словъ, въ XV вѣкѣ Новгородцы произносили уже *ѣ*, какъ *и*, ибо г. Костомаровъ приводитъ тутъ подлинныя слова, сказанныя Новгородцами, такъ, какъ они были произнесены

и записаны современникомъ; эти слова, очевидно вставлены изъ лѣтописи и должны быть вставлены такъ, какъ они въ ней находятся, иначе г. Костомаровъ сдѣлалъ бы оговорку; стало-быть, сомнѣнья нѣтъ, въ XV вѣкѣ Новгородецъ говорилъ *чоловикъ*, а не *человѣкъ*, *доспихъ*, а не *доспѣхъ*. Такое впечатлѣніе произвела конечно и на другихъ читателей эта вставленная въ текстъ исторіи рѣчь Новгородцевъ. Кому придетъ на мысль, что г. Костомаровъ, изъ пристрастія ли къ Малороссійскому звуку буквы *ѣ* или по другому какому нибудь соображенію, произвольно вложитъ этотъ звукъ въ подлинный текстъ приводимой имъ Новгородской рѣчи? А къ сожалѣнію, это дѣйствительно такъ. Рѣчь эта, какъ оказывается, заимствована изъ IV-й Новгородской лѣтописи, подъ 6979 годомъ (Полн. Собр. Р. Л. IV. 127—128); но тамъ сказано: «И начаша Новгородцы вопити на большихъ людей, которыи пріѣхали ратью на Шолову: «ударимся нынѣ», кождо глаголюще; «язъ человѣкъ молодый, испотеряхся конемъ и доспѣхомъ». Отъ г. Костомарова зависѣло или привести эти слова въ формѣ нашего теперешняго языка, или въ ихъ подлинномъ видѣ; онъ избралъ второе: такъ почему же онъ пишетъ чоловикъ, когда въ лѣтописи сказано человѣкъ, доспихомъ, когда читается доспѣхомъ? Имѣетъ ли г. Костомаровъ положительныя и несомнѣнныя доказательства, что когда Новгородецъ XV вѣка писалъ человѣкъ, доспѣхъ, то онъ произносилъ непремѣнно чоловикъ, доспихъ? Такихъ доказательствъ, сколько мнѣ извѣстно, у насъ нѣтъ, и потому лучше бы было не вводить читателей въ заблужденіе такимъ произвольнымъ измѣненіемъ въ лѣтописномъ текстѣ.

Можно бы замѣтить въ «Сѣверно-Русскихъ Народоправствахъ» много другихъ подробностей, изложенныхъ не совсѣмъ точно или безъ достаточной критической оцѣнки. Но не останавливаясь на частныхъ замѣчаніяхъ, перехожу къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, представившихся мнѣ при чтеніи сочиненія г. Костомарова.

II.

Историческій взглядъ г. Костомарова на «народоправства» древняго Русскаго Сѣвера. — Федеративная теорія. — Дѣйствительный характеръ древне-Славянскихъ государствъ.

Нельзя не замѣтить, что въ книгѣ г. Костомарова весьма трудно, — а при первомъ чтеніи почти невозможно, — уловить и вполнѣ уяснить себѣ его историческій взглядъ на «народоправства» древняго

Русскаго Сѣвера. Между тѣмъ, книга его есть болѣе, чѣмъ простое историческое повѣствованіе событій, чуждое какого либо общаго взгляда. Напротивъ того, вездѣ чувствуется присутствіе личнаго воззрѣнія автора, но только не сейчасъ можно дать себѣ отчетъ, въ чемъ именно состоитъ это воззрѣніе [1].

Главная тому причина заключается, кажется, въ системѣ изложенія, принятой г. Костомаровымъ. Вся исторія «Сѣвернорусскихъ народоправствъ» разбита на рубрики; историческое изложеніе проводится отдѣльно по каждой изъ этихъ рубрикъ отъ начала до конца. Сперва идетъ разсказъ объ отношеніяхъ Новгорода къ другимъ Русскимъ землямъ и къ великимъ князьямъ отъ Рюрика до Ивана III; потомъ вставлена особымъ эпизодомъ Вятка; потомъ идетъ исторія Пскова отъ Рюрика до Василія Ивановича; потомъ, подъ особыми рубриками, изложены борьба Новгорода и Пскова съ Шведами и Нѣмцами и отношенія Новгорода къ инородцамъ. Во второмъ томѣ, все - таки подъ отдѣльными рубриками, описаніе городовъ Новгорода и Пскова; глава объ ихъ общественной жизни; глава объ ихъ торговлѣ и наконецъ объ ихъ церкви. При такой системѣ, о цѣльности историческаго изложенія и рѣчи быть не можетъ. Все дробится и теряетъ жизнь въ этихъ рамкахъ. Читатель, который знакомился бы съ исторіею Новгородскою только по книгѣ г. Костомарова, прочиталъ бы всю политическую исторію Новгорода, онъ увидѣлъ бы его паденіе подъ ударами «Московскаго самовластія»,—и не догадался бы еще ни по одному слову, что этотъ вольный городъ былъ торговымъ центромъ сѣверо-восточной Европы, что онъ стоялъ въ тѣсной связи съ великимъ торговымъ союзомъ Нѣмецкой Ганзы. А кажется, торговое развитіе и связь съ Ганзою должны были имѣть существенное вліяніе и на политическую исторію Новгорода, на его особенныя отношенія къ княжеской власти! Даже внутреннія усобицы Новгорода разсказаны отдѣльно отъ борьбы съ князьями. Въ разсказѣ объ этой борьбѣ читатель видитъ, что Новгородъ составлялъ особое политическое тѣло, пользовавшееся полнымъ самоуправленіемъ; но какое было устройство этого политическаго тѣла, какъ оно управлялось—о томъ узнаетъ читатель только гораздо позднѣе, когда впечатлѣніе борьбы Новгорода съ единодержавною Москвою отчасти изглажено разсказами о Псковѣ, о Вяткѣ, о войнахъ съ Нѣмцами и т. д.

Такой способъ изложенія можетъ быть удобнымъ въ сборникѣ

[1]) Не считаю нужнымъ входить въ особый разборъ мнѣній г. Костомарова о Псковѣ, потому что въ общихъ чертахъ, взглядъ на историческое значеніе Пскова обусловливается взглядомъ на Новгородъ; что же касается до частностей, отличавшихъ характеръ Пскова отъ характера его старшаго брата, то мнѣ здѣсь невозможно останавливаться на нихъ.

матеріаловъ; но г. Костомаровъ далеко не ограничивается сборникомъ матеріаловъ; онъ пишетъ исторію и проводитъ весьма опредѣленный взглядъ на древнія «народоправства» Сѣверной Руси. Взглядъ этотъ, правда, нигдѣ не формулированъ какъ окончательный выводъ книги; но онъ проявляется постоянно, онъ виденъ во множествѣ подробностей; еще болѣе уясняется онъ особою статьею того же историка «О значеніи Великаго Новгорода въ Русской исторіи» [1]), статьею, служащею какъ бы дополненіемъ его «Сѣверноруссскихъ народоправствъ». Взглядъ этотъ, если я хорошо понялъ г. Костомарова, состоитъ преимущественно въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ: древній Новгородъ съ его волостью составлялъ въ сѣверной Руси особую *народность*, отличную отъ народности Великорусской или Московской. При завоеваніи Новгорода, великій князь Иванъ Васильевичъ «почти стеръ съ земли отдѣльную сѣверную народность» (т. I, стр. 235) посредствомъ Великорусской или Московской колонизаціи, т. е. посредствомъ выселенія Новгородцевъ въ Восточную Русь и водворенія въ Новгородѣ и его волости Московскихъ колоній, такъ что, по выраженію г. Костомарова, «остатки прежней народности, въ сельскомъ классѣ, смѣшались съ новою, наплывшею къ нимъ, Московскою» (т. I, стр. 236).

Во-вторыхъ, Новгородъ былъ чистымъ проявленіемъ и полнѣйшимъ представителемъ основной идеи древне-русской жизни, идеи, которую г. Костомаровъ видитъ въ «федеративномъ строѣ» земли и признаетъ сущностью эпохи «удѣльно-вѣчеваго уклада»; въ Новгородѣ сохранялась «чистота древнихъ славянскихъ жизненныхъ началъ» (т. II, стр. 129); онъ «совмѣстилъ въ себѣ то, что было достояніемъ всѣхъ Русскихъ земель въ свое время, и представилъ это ясно въ своей исторіи» [2]).

Въ-третьихъ: борьба Новгорода и Пскова съ Москвою имѣла значеніе борьбы начала «свободы мѣстной и личной» съ началомъ «самовластія».

Первое изъ этихъ мнѣній (о существованіи отдѣльной Сѣверно-русской народности) я рѣшительно отвергаю, какъ несправедливое: въ остальныхъ двухъ положеніяхъ, къ которымъ приводится взглядъ г. Костомарова на древній Новгородъ, вижу нѣкоторую односторонность.

О мнимой Новгородской или Сѣвернорусской народности, отдѣльной отъ народности Великорусской, не нужно, кажется, много распространяться. Въ предъидущей главѣ я старался показать, что до-

---

[1]) Историческія монографіи и изслѣдованія Н. Костомарова. 1863 г.
[2]) О значеніи Великаго Новгорода и пр. Историч. монографіи т. I, 382.

воды, которые г. Костомаровъ заимствуетъ изъ лингвистики и древнѣйшей исторіи Славянъ въ пользу этого мнѣнія, не могутъ быть приняты критикою. Обращу вниманіе еще только на слѣдующія обстоятельства. Отдѣльная народность должна имѣть отдѣльный языкъ или по крайней мѣрѣ отдѣльное нарѣчіе. А изъ сравненія памятниковъ Новгородскихъ XIV и XV вѣка съ памятниками Восточнорусской письменности окажется ли, что языкъ тогдашней Новгородской области заключалъ въ себѣ признаки особаго нарѣчія, отдѣльнаго отъ Великорусскаго? Прочитайте грамоты и лѣтописи, и вы отвѣтите отрицательно, вы найдете въ Новгородскихъ памятникахъ, какъ діалектическое свойство, частое смѣшеніе буквъ *ц* и *ч*, вы найдете въ нихъ нѣсколько особенныхъ словъ; однако все это и другіе тому подобные признакй составляютъ не болѣе, какъ особенности мѣстнаго говора, особенности, которыя необходимо должны существовать въ языкѣ племени, раскинувшагося на необъятныя пространства; но такіе признаки далеко не образуютъ особаго нарѣчія, а тѣмъ менѣе не выражаютъ типа отдѣльной народности. Далѣе: предполагаемая Сѣвернорусская народность въ настоящее время, очевидно, не существуетъ отдѣльно отъ Великорусской. Г. Костомаровъ, чтобы спасти ея существованіе въ древности, говоритъ, что Іоаннъ III *стеръ ее съ лица земли*. Возможно ли это? Мы знаемъ, что народности не такъ легко стираются съ лица земли. Онѣ борются цѣлые вѣка за свое существованіе и, побѣжденныя, еще цѣлые вѣка хранятъ остатки бытія. Что же сдѣлалъ великій князь Иванъ Васильевичъ? Г. Костомаровъ это во всей подробности разсказываетъ. Иванъ Васильевичъ выселилъ изъ Новгорода сперва главныхъ вождей враждебной ему партіи, потомъ 1,000 семействъ купеческихъ и дѣтей боярскихъ, потомъ еще 7,000 семействъ; позднѣе, въ 1487 г., 50 семей лучшихъ гостей, въ 1488 г. — 7,000 житыхъ людей и наконецъ въ 1489 остальныхъ житыхъ людей Новгородскихъ; и съ этимъ полагаетъ г. Костомаровъ, стерта была съ лица земли «отдѣльная сѣверная народность» (т. I, стр. 235). Странная народность, которая заключалась вся въ одномъ городѣ (изъ волостей, сколько извѣстно, переселенія не было, кромѣ развѣ нѣсколькихъ бояръ) и въ одномъ высшемъ, зажиточномъ классѣ, въ боярахъ и дѣтяхъ боярскихъ, купцахъ и житыхъ людяхъ! Странная народность, которая исчезаетъ при удаленіи нѣсколькихъ тысячъ семействъ! Одинъ взглядъ на историческій фактъ и на приводимыя лѣтописцемъ цифры, кажется, достаточно опровергаетъ мнѣніе г. Костомарова о существованіи отдѣльной Сѣвернорусской народности. Я нарочно не касался до сихъ поръ самыхъ цифръ переселенцевъ: ибо даже при полной вѣрѣ въ ихъ точность, не можетъ, очевидно, быть рѣчи объ истреб-

леніи Иваномъ Васильевичемъ «отдѣльной сѣверной народности». Но теперь позволяю себѣ спросить: дѣйствительно ли выселилъ великій князь такое множество народу изъ Новгорода? Цифры эти, сколько извѣстно, не основываются ни на какихъ подлинныхъ документахъ, а заимствованы изъ лѣтописей. Самъ же г. Костомаровъ неоднократно указываетъ на то, что лѣтописцы страшно преувеличиваютъ цифры. Правда, въ этомъ случаѣ онъ не дѣлаетъ такой оговорки и готовъ вѣрить приводимымъ лѣтописцами цифрамъ, вѣроятно потому, что самое предположеніе объ отдѣльной народности, истребленной Иваномъ Васильевичемъ, требуетъ, чтобы цифры переселенцевъ были какъ можно больше. Но какъ я не могу согласиться съ гипотезой г. Костомарова, то позволяю себѣ и въ тѣхъ цифрахъ находить «общую замашку лѣтописцевъ прибавлять», признаваемую нашимъ историкомъ. Особенно подозрительными кажутся мнѣ *семь тысячъ* семействъ, выселенныхъ въ 1479 г., и *семь тысячъ* житыхъ людей, сосланныхъ въ 1488 г. Эти цифры напоминаютъ мнѣ простодушные разсказы Славянъ-Босняковъ о томъ, что тогда-то убито, либо посажено въ тюрьму, либо выгнано Турками 70, или 77, или 770 человѣкъ (цифра 7 должна быть непремѣнно); а когда спросишь, дѣйствительно ли столько было по счету, то отвѣчаютъ: «кто ихъ могъ сосчитать? мы знаемъ, что было очень много».

Что касается до народности, то г. Костомаровъ чрезмѣрно, по моему мнѣнію, обособляетъ древній Новгородъ отъ остальной земли Русской; напротивъ того, въ отношеніи историческихъ началъ. онъ, какъ мнѣ кажется, впадаетъ въ другую крайность, слишкомъ слабо отдѣляя характеръ историческаго развитія Новгорода отъ остальной Руси. Судя по книгѣ г. Костомарова, Новгородъ былъ, какъ сказано выше, прямымъ преемникомъ обще-русской жизни въ ея «удѣльно-вѣчевомъ укладѣ», явленіемъ, сложившимся изъ началъ этой жизни. безъ всякаго посторонняго вліянія, тогда какъ противъ Новгорода выступила представительницею новыхъ стихій Москва и покорила своей гражданской и политической новизнѣ старину Новгородскую.

Не стану спорить, что во всемъ этомъ есть значительная доля правды. Новгородцы имѣли полное право думать, что они стоятъ за свою старину, за старину, нѣкогда бывшую обще-русскою, что Москва имъ несетъ враждебную новизну. Но не все то, что кажется стариною по внѣшнему виду, заключаетъ въ себѣ духъ старины. Мы сами это лучше всего ощущаемъ въ нашей собственной средѣ. Г. Костомаровъ считаетъ основнымъ началомъ и нормою древне-русской жизни принципъ федеративный, и въ Новгородѣ находитъ онъ высшее развитіе, самое осязательное проявленіе этого принципа. Согласно этому, Новгородъ былъ дѣйствительно представителемъ ста-

рины обще-русской, ея полнымъ историческимъ воплощеніемъ, идеальнымъ типомъ того общественнаго строя, къ которому влекли древнюю Русь ея внутреннія общественныя начала, и отъ котораго она отклонилась вслѣдствіе новыхъ понятій и потребностей, сложившихся въ Московской области [1]). Эта мысль тѣсно связана съ общею теоріею о федераціи, какъ основаніи древне-русской жизни, она логически истекаетъ изъ нея; а г. Костомаровъ одинъ изъ главныхъ у насъ представителей федеративной теоріи, которую онъ изложилъ въ въ другомъ историческомъ сочиненіи своемъ, слѣдующими словами: «И природа и обстоятельства историческія—все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности земель, съ тѣмъ, чтобы между всѣми землями образовалась и поддерживалась неустанно связь; такъ *Русь стремилась къ федераціи*, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться; вся исторія Руси удѣльнаго уклада *есть постепенное развитіе федеративнаго начала*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбы его съ началомъ самодержавія» [2]).

Эта федеративная теорія, въ настоящее время довольно распространенная у насъ, имѣетъ въ себѣ много заманчиваго. Кому не было бы пріятно думать, что древняя Русь такъ прямо и стремилась, въ своей государственной жизни, къ свободѣ и самоуправленію, и что только враждебныя обстоятельства помѣшали ей осуществить давнымъ-давно это стремленіе? Но кажется, что этотъ взглядъ не можетъ быть подтвержденъ историческою критикой.

Теорія опирается на томъ, что условія природы и этнографическія различія Славянскихъ племенъ, разселившихся на пространствѣ Русскаго материка, вели ихъ къ образованію группы самостоятельныхъ областей, связанныхъ однако единствомъ происхожденія, вѣры и т. п. въ одно федеративное государство. Нельзя, разумѣется, отрицать вліянія физическихъ условій и этнографическихъ оттѣнковъ на государственное устройство страны; но основывать на этихъ вліяніяхъ историческія теоріи опасно, ибо слишкомъ часто дѣйствительность противорѣчитъ тому, чего слѣдовало бы, по-видимому, ожидать отъ условій мѣстныхъ и племенныхъ.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи Славянской. Прежде всего обратимся къ Чехіи. «Если кто посмотритъ на карту Европы,— этими словами начинается прекрасная статья о Чехіи, помѣщенная въ Чешскомъ *Научномъ Словарѣ* г. Ригера, — если кто посмотритъ на карту Европы, то онъ увидитъ въ ея срединѣ, на сторонѣ Запада,

---

[1]) Этотъ взглядъ особенно ясно представленъ въ приведенной статьѣ г. Костомарова: О значеніи Великаго Новгорода въ Русской исторіи.

[2]) Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси. „Основа." 1861. Январь, стр. 158.

землю, окруженную вѣнцомъ горъ и потому очертанную самою природою и выгороженную какъ отдѣльное цѣлое». Дѣйствительно, если есть на земномъ шарѣ страна, предназначенная къ полному внутреннему единству, то это Чехія. Во-первыхъ, она очень не велика. Во-вторыхъ, со всѣхъ сторонъ ее ограждаютъ извнѣ цѣпи горъ; внутри же себя она представляетъ или умѣренные склоны или равнину и не имѣетъ въ себѣ никакой естественной грани; въ-третьихъ, всѣ безъ исключенія воды, ее орошающія, соединяются въ одну рѣку, связывая такимъ образомъ всю Чешскую землю въ одинъ бассейнъ. Наконецъ, ея славянскій народъ не представляетъ никакихъ замѣтныхъ діалектическихъ и другихъ оттѣнковъ; и кромѣ этого народа, Чехія не имѣла, при вступленіи своемъ на историческое поприще и долго потомъ, никакихъ другихъ стихій населенія [1]). Что же говоритъ намъ исторія? Она сперва находитъ славянскій народъ въ Чехіи раздробленнымъ на нѣсколько мелкихъ племенъ, не связанныхъ никакою общею властію. Первый признакъ общей власти является въ VII вѣкѣ, для отпора Аварамъ; но этотъ зародышъ государственнаго единства еще не принимается. Государственное единство устанавляется въ Чешскомъ народѣ въ IX вѣкѣ, подъ давленіемъ Германіи, стремившейся завоевать Чешскую землю. Молодое государство Чешское быстро возвышается, переходитъ въ наступленіе. Время Болеславовъ (935—999) — это героическій періодъ юной Чехіи. Въ 1055 г. умираетъ послѣдній представитель этого героическаго періода, Брѣтиславъ, и раздѣляетъ Чехію на удѣлы между своими пятью сыновьями, завѣщавъ верховную власть старшему изъ нихъ. Эта маленькая страна, по всѣмъ условіямъ природы своей требовавшая полнаго единства, распалась тогда на части точно также, какъ Русская земля послѣ Ярослава, и все то, въ чемъ г. Костомаровъ видитъ федеративныя начала удѣльно-вѣчеваго уклада древне-русскаго, это все воспроизвела и Чехія въ пору своего дробленія на удѣлы и своихъ удѣльныхъ усобицъ. Это длилось тамъ до начала XIII вѣка. Премыслъ Отакаръ I (1197—1230) утвердилъ въ Чехіи снова единодержавіе, которое сдѣлалось съ тѣхъ поръ основаніемъ государственной жизни Чешскаго народа [2]).

[1]) Нѣмецкое населеніе, занимающее въ настоящее время всѣ окраины Чехіи, водворилось тамъ, какъ извѣстно, въ довольно позднее историческое время, преимущественно же въ XVII вѣкѣ.

[2]) Все сказанное здѣсь относится къ Чехіи въ собственномъ смыслѣ, а не къ землямъ, которыя съ теченіемъ времени вошли въ составъ *короны* Чешской, т. е. Моравіи, Силезіи и Лузаціи. Между ими и Чехіею установилась не федеративная связь, какъ ее хотятъ видѣть у насъ въ „удѣльно-вѣчевомъ укладѣ“, а связь династическая, какая была, напримѣръ, въ прежнее время между Англіей и Шотландіей, между Австріей и Венгріей, и какую мы видимъ теперь между Россіей и Финляндіей, Швеціей и Норвегіей и т. п.

Физическія условія Польской земли являютъ совершенную противоположность Чехіи. Равнина, изрѣзанная множествомъ водныхъ путей; народъ, лишенный естественныхъ границъ, ибо чужое племя, Пруссо-Литовское, отрѣзывало его отъ большей части Балтійскаго берега, линія Эльбы, а вскорѣ и линія Одера были заняты Германіей, а съ юга Русское племя отдѣляло Поляковъ отъ Карпатскихъ горъ, оставляя имъ этотъ хребетъ, какъ естественную границу, на небольшомъ только пространствѣ. По-видимому, ничего во внѣшнемъ характерѣ Польской земли не походило на Чехію. Отчего же исторія ея слѣдовала ходу, совершенно параллельному, такъ сказать, съ Чешскою, опаздывая только, противъ послѣдней, на одно столѣтіе? Въ началѣ исторія застаетъ Польскій народъ раздробленнымъ на нѣсколько племенъ. Послѣ темныхъ, баснословныхъ зачатковъ княжеской власти, Польша, около ста лѣтъ послѣ Чехіи, т. е. въ исходѣ X вѣка, получаетъ государственное единство; существеннымъ поводомъ къ тому является опять-таки внѣшняя опасность, необходимость защиты отъ Германіи. Сознавши впервые свое единство, молодой народъ тотчасъ отъ оборонительной войны переходитъ въ наступленіе, и новорожденная Польша имѣетъ свою героическую эпоху при трехъ великихъ Болеславахъ: Храбромъ (+1025), Смѣломъ (+1081) и Кривоустомъ (+1139). Умирая, послѣдній раздѣлилъ Польшу на удѣлы между своими четырьмя сыновьями и завѣщалъ верховную власть старшему изъ нихъ. Наступилъ въ Польшѣ «удѣльно-вѣчевой укладъ» и длился онъ почти двѣсти лѣтъ, пока въ лицѣ Владислава Локотка (1305—1333) возстановлено было начало единодержавія, которое потомъ мало-по-малу устранило всѣ уцѣлѣвшіе отъ прежней эпохи удѣлы (послѣдній изъ нихъ, удѣлъ Мазовецкій, исчезъ въ 1526 г.)

Если внѣшнія условія Чехіи представили намъ край, по самой природѣ предназначенный къ полному внутреннему единству, то, конечно, трудно найти страну, болѣе удобную для федеративнаго устройства, чѣмъ Сербія (въ обширномъ смыслѣ, т. е. вся область, занятая Сербскимъ народомъ). Она изрѣзана цѣпями горъ во всѣхъ направленіяхъ; эти горы и разсѣянныя между ними равнины образуютъ изъ нея множество отдѣльныхъ *кантоновъ*, чтобы заимствовать изъ Швейцаріи соотвѣтствующее романское слово, которое, въ славянской передѣлкѣ [1]), было употребляемо и въ древней Сербіи. Всѣ эти кантоны не имѣютъ никакого общаго природнаго центра, никакой связи между собою, кромѣ того, что въ нихъ живетъ одинъ народъ. И конечно, эти естественныя условія были причиною того, что въ Сербской землѣ государственное единство встрѣчало наиболь-

---

[1]) Въ формѣ *катунъ*.

шія препятствія, что Сербская исторія дѣйствительно показываетъ многіе признаки федеративнаго начала. Но отчего же все-таки главнымъ, общимъ содержаніемъ ея является единство государственное, основанное на единодержавіи? Отчего развитіе ея въ этомъ отношеніи шло параллельно съ Чехіею и Польшею? Какъ ни скудны и неопредѣленны извѣстія о древней исторіи Сербской, все-таки видно, что Сербскій народъ, вначалѣ раздробленный, уже въ IX и X вѣкѣ составлялъ, болѣе или менѣе, одно государственное цѣлое и что это единеніе вызывалось въ немъ опасностью со стороны Византіи и Болгарскихъ царей-завоевателей. Послѣ того, историческія свѣдѣнія о Сербіи становятся совершенно загадочными и безсвязными, и можно съ достовѣрностью сказать только одно: именно, что въ эту пору Сербія была раздѣлена на многіе удѣлы. Наконецъ, въ исходѣ XII вѣка, Стефанъ Неманя (+1200) водружаетъ знамя единодержавія; расширеніе и утвержденіе государственнаго единства становится съ тѣхъ поръ господствующею идеею Сербской исторіи, — пока столкновеніе съ Турками, при разныхъ внутреннихъ причинахъ разложенія, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, не положило конца этому стремленію и политической самостоятельности Сербовъ.

Сравнимъ же теперь всѣ эти данныя, предлагаемыя исторіею трехъ западныхъ Славянскихъ народовъ, Чешскаго, Польскаго и Сербскаго [1]), съ исторіею народа Восточно-Славянскаго, съ исторіею Русской земли: не очевидно ли тождество въ историческомъ ходѣ? Вездѣ, и на Руси, и въ Польшѣ, и въ Чехіи, и Сербіи, — при самыхъ противоположныхъ условіяхъ физическихъ, при самой разнообразной обстановкѣ, Славянскій народъ, почти въ одно время, т. е. въ IX и X вѣкѣ, выходитъ изъ первоначальнаго своего племеннаго быта и организуется въ единое государство, которое является какъ бы выраженіемъ пробудившагося, среди дробныхъ племенъ въ каждой изъ этихъ странъ, сознанія народнаго единства. Вездѣ это объединеніе вызвано напоромъ или гнетомъ внѣшнихъ враговъ: тутъ Германской имперіи, тамъ Норманновъ и Хазаръ, въ другомъ мѣстѣ Болгаръ и Византіи. Вездѣ, и въ Чехіи, и въ Польшѣ, и на Руси, новое начало единства охватываетъ Славянскія племена какимъ-то юношескимъ пыломъ проснувшейся силы. Долго дремавшія въ безсвязномъ дробленіи и терпѣвшія насиліе отъ враговъ и хищниковъ, Славянскія племена увлечены упоеніемъ войны, въ первый разъ поднятой

[1]) Я оставляю здѣсь въ сторонѣ Болгарію, потому что естественный ходъ ея историческаго развитія, даже до вторженія Турокъ, былъ два раза пресѣкаемъ внѣшнею силою, которая въ концѣ X-го и потомъ вторично въ XI-мъ вѣкѣ, не только лишила Болгарію политической независимости, но обратила ее совершенно въ завоеванную провинцію Византійской имперіи.

подъ общимъ знаменемъ, побѣды, въ первый разъ одержанной подъ общимъ вождемъ, — и освободившись отъ угнетателей, они бросаются сами на своихъ сосѣдей. И вотъ, Чехи, едва принявъ государственное устройство, едва упрочивъ свою независимость, несутъ завоевательное оружіе на берега Вислы, за Карпатскія горы и къ Дунаю; Поляки, тоже только-что создавшіе у себя единство, являются съ своими Болеславами то на Эльбѣ и Балтикѣ, то въ Чешской Прагѣ, то въ Русскомъ Кіевѣ. Русскіе Славяне, на зарѣ своей государственной жизни, плывутъ съ Олегомъ подъ Цареградъ, ходятъ съ Святославомъ къ Кавказу и за Дунай. И ошибаются тѣ изъ историковъ нашихъ, которые приписываютъ это завоевательное стремленіе личному вліянію Норманнскихъ князей: они забываютъ про тождественность этихъ явленій съ тѣмъ, что̀ имѣло мѣсто въ другихъ Славянскихъ странахъ, гдѣ государственное единство возникло безъ участія Норманновъ, въ Польшѣ и Чехіи. Если нельзя указать на такой же героическій періодъ въ началѣ исторіи Сербовъ, то, съ другой стороны, мы не въ правѣ заключать, чтобы и тамъ не было ничего подобнаго: ибо все, что̀ мы знаемъ о дѣлахъ Сербовъ въ первую эпоху ихъ государственной жизни, заключается въ темныхъ намекахъ на освобожденіе отъ Византійской власти и на отчаянную борьбу съ Болгарскимъ царствомъ.

Но непомѣрно быстрый ростъ и разливъ завоевательныхъ силъ въ Чехіи X вѣка, въ Польшѣ при первыхъ трехъ Болеславахъ, въ Русскомъ государствѣ при Олегѣ, Святославѣ и Владимірѣ, указываетъ прямо на то, что это было лишь порывомъ возбужденной дѣятельности внѣшней, а не плодомъ выработавшагося въ народѣ, проникшаго весь его организмъ, сознанія. Порывъ долженъ былъ остынуть, внѣшнее единство уступить мѣсто остаткамъ племенной розни, не вырваннымъ еще исторіею изъ жизни Славянскихъ народовъ. И вотъ, мы видимъ у нихъ опять совершенно тождественныя явленія, почти въ одно время. Государь могущественный, представитель прежняго единства, но уже слабѣе увлекавшійся завоевательнымъ духомъ своихъ предшественниковъ, — какъ будто въ предчувствіи невозможности долѣе поддерживать слишкомъ скоро воздвигнутое зданіе единодержавія, раздѣляетъ при смерти государство между своими дѣтьми. Все равно, назывался ли этотъ государь Брѣтиславомъ (+1055), Болеславомъ Кривоустымъ (+1139) или Ярославомъ (+1054), — въ Чехіи, въ Польшѣ и на Руси происходитъ совершенно то же самое, вездѣ открывается новая эпоха дробленія на удѣлы. Въ эпохѣ этой г. Костомаровъ видитъ воцареніе федеративнаго начала, лежавшаго, по его мнѣнію, въ основѣ славянскаго быта; я позволяю себѣ считать ее временемъ броженія страны, вовсе не стремящейся къ феде-

раціи, а напротивъ, къ единству народному и государственному, но которая въ началѣ не въ силахъ выдержать этого единства, еще только внѣшняго, и должна выработать его вновь во всѣхъ внутреннихъ стихіяхъ своей жизни. Не федерацію считаю я сущностью той эпохи въ исторіи Славянскихъ народовъ, а борьбу новой идеи единства и единодержавія съ старою племенною рознью, отъ которой Славяне передъ тѣмъ отказались только по необходимости дать отпоръ внѣшнему насилію [1]). По этому самому я думаю, что не Татары, и не Византійскія преданія, принесенныя къ Русскимъ церковью, были, какъ полагаютъ иные, главными виновниками выработавшагося на Руси, изъ удѣльнаго дробленія, единства и единодержавія, что это было созданіемъ внутренняго стремленія историческаго, внутренней работы, происходившей въ самомъ народѣ независимо отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Ибо тотъ же самый результатъ, — единство народа и единодержавіе, — вышелъ изъ удѣльной эпохи и въ Сербіи, гдѣ не было Татаръ, и въ Чехіи и въ Польшѣ, гдѣ не было Византійской церкви и гдѣ мимолетный набѣгъ Татарскій конечно не могъ имѣть никакого существеннаго вліянія, а все вліяніе принадлежало, напротивъ, Германіи съ ея средневѣковымъ федеративнымъ устройствомъ.

«Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ»... [2]).

«Увы, увы! Болеславъ, зачѣмъ ты, отецъ, насъ покидаешь? Боже, зачѣмъ позволилъ ты умереть такому человѣку? Зачѣмъ не ниспослалъ ты намъ прежде смерть вмѣстѣ съ нимъ»... [3]).

«Встало одно солнце по всему небу, всталъ Яроміръ снова надъ всею землею (Чешскою). Разнеслась радость по всей Прагѣ, разносилась радость вокругъ Праги, разлетѣлась радость по всей землѣ, по всей землѣ отъ радости Праги»... [4]).

---

[1]) Эта племенная рознь выступала не разъ и въ первую эпоху государственнаго объединенія Славянскихъ народовъ, не разъ и въ эту эпоху являлись попытки дробленія на удѣлы. Но въ то время общій порывъ къ единству, только что овладѣвшій страною, не давалъ укорениться этимъ попыткамъ.

[2]) Далѣе пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ поясняетъ свою мысль, почему онъ такъ жалѣетъ, что стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ: „теперь, продолжаетъ онъ, его стяги *раздѣлены:* одни Рюриковы, другіе Давидовы."

[3]) Chron. Polonorum (у Перца. XI, 436):

„Heu, heu, Boleslave, cur nos pater deseris?
Deus talem virum umquam mori cur permiseris?
Cur non prius nobis unam simul mortem dederis?"

[4]) Краледворская рукопись, пѣснь о Яромірѣ и Олдрихѣ. Приведенныя слова относятся къ возстановленію въ Чехіи единодержавной власти князя Яроміра послѣ кратковременнаго раздробленія страны, послѣдовавшаго за смертью Болеслава II и смутами, сопровождавшими это раздробленіе.

Такихъ голосовъ донеслось до насъ много изъ той эпохи въ исторіи Славянскихъ народовъ, которую хотятъ признать выраженіемъ федеративной идеи. Вездѣ, идеаломъ народа является представитель единства и единодержавія; а древняя Сербія высказала свое убѣжденіе еще рѣшительнѣе. Ея лѣтописцы просто вычеркнули изъ исторіи своего отечества всю эпоху дробленія, и начинаютъ прямо съ возстановителя единодержавія, съ Немани, говоря, что все предшествовавшее не стоитъ воспоминанія: такъ что мы теперь догадываемся о продолжительномъ въ Сербской исторіи удѣльномъ періодѣ только по извѣстіямъ объ усиліяхъ Немани и его преемниковъ положить конецъ этому порядку вещей и изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ свѣдѣній у иностранныхъ писателей.

Мнѣ кажется, что сравнительное изученіе историческаго развитія у разныхъ Славянскихъ народовъ должно рѣшительно опровергнуть всѣ предположенія о федеративномъ началѣ, какъ цѣли, къ которой стремилась древне-русская жизнь. Если, по справедливому замѣчанію г. Костомарова, каждая эпоха имѣетъ свой идеалъ, то конечно идеалъ удѣльной эпохи былъ вовсе не въ томъ, въ чемъ видитъ его нашъ историкъ. Самъ г. Костомаровъ признаетъ, что удѣльно-вѣчевой укладъ въ древней Руси не дошелъ до своего полнаго развитія, не осуществилъ своего идеала. «Мы не видимъ, говоритъ онъ, стройной, сознательной, опредѣленной федераціи земель, не видимъ, чтобы каждая часть развила въ себѣ самобытные элементы жизни; не видимъ также и твердыхъ связей, соединяющихъ между собою земли. Намъ являются одни зачатки, которые не успѣли еще образоваться, и были, такъ сказать, задавлены тяжестію противныхъ началъ; то были побѣги, не успѣвшіе дорости до зрѣлаго состоянія, — ихъ юношеское существо сломлено противною бурею. Что-то хотѣло выйти и не вышло; что-то готовилось и не додѣлалось!» Нѣтъ, я скажу совсѣмъ другое. Вообще, я отношусь, въ исторіи, съ совершеннѣйшимъ недовѣріемъ ко всѣмъ предположеніямъ о томъ, что вотъ то-то могло быть, а не было. Мнѣ кажется, что древняя Русь не осуществила федеративнаго идеала потому, что его въ ней не было; я полагаю, что она не развила «стройной, опредѣленной, сознательной федераціи земель», потому, что она не того желала; я думаю, что въ броженіи удѣльно-вѣчевой эпохи зарождалась вовсе не федерація, а то, что̀ составляло потребность, гораздо болѣе осязательную для слагающагося народа, единство и единодержавіе. Единство и единодержавіе, вотъ, по моему мнѣнію, тотъ идеалъ, который носила въ себѣ удѣльная эпоха у всѣхъ Славянскихъ народовъ. Она видѣла осуществленіе этого идеала въ прошедшемъ, въ первую эпоху великихъ государей-завое-

вателей, предметъ завѣтныхъ воспоминаній для послѣдующихъ поколѣній, и стремилась къ новому, прочному осуществленію этого идеала; и вездѣ это стремленіе достигло своей цѣли, вездѣ, при самыхъ разнородныхъ условіяхъ, удѣльная эпоха у Славянскихъ народовъ осуществила свой идеалъ — въ единствѣ государственномъ и единодержавіи.

Само собою разумѣется, что я разумѣю во всемъ этомъ единство и единодержавіе лишь какъ *внѣшнюю форму* государственнаго устройства, въ противоположность устройству федеративному, не думая опредѣлить внутренняго его содержанія, т. е. самаго характера, принятаго у того или другаго Славянскаго народа его единодержавнымъ правленіемъ. Характеръ этотъ былъ произведеніемъ множества разныхъ внутреннихъ стихій и внѣшнихъ вліяній, въ разборъ которыхъ здѣсь нечего входить. Единодержавіе могло принять характеръ сословной конституціонной монархіи на подобіе средневѣковыхъ западноевропейскихъ государствъ, какъ въ Чехіи; оно могло явиться аристократическо-республиканскою монархіей, какъ въ Польшѣ, и смѣсью Византійскаго самодержавія съ боярской аристократіей, какъ въ древней Сербіи, и, какъ въ древней Россіи, самодержавіемъ съ совѣщательнымъ земскимъ началомъ, уступившимъ за тѣмъ мѣсто абсолютному самодержавію Россіи Петровской. Всѣ эти виды государственнаго устройства Славяне могли выработать въ общемъ для всѣхъ началѣ единодержавія; одного только вида они до сихъ поръ не высказали въ своей исторіи, — это именно *федерація*.

Я сказалъ слишкомъ много; была дѣйствительно въ Славянскомъ племени одна попытка федеративнаго устройства; но эта попытка можетъ послужить, кажется, самымъ яснымъ свидѣтельствомъ въ пользу изложеннаго мною мнѣнія. Такую попытку представляютъ языческія племена Прибалтійскихъ Славянъ, существовавшія до конца XII вѣка въ странѣ, которая нынѣ составляетъ значительную часть Пруссіи и Мекленбургію. Эти Славяне жили первоначально, какъ и всѣ другіе, раздробленными на множество мелкихъ племенъ. Вслѣдствіе разныхъ причинъ, о которыхъ было бы слишкомъ длинно распространяться, эта первоначальная племенная рознь, а вмѣстѣ съ нею и старая языческая религія и языческое жречество, пустили тамъ такіе глубокіе корни, что сдѣлались окончательною историческою формою жизни Прибалтійскихъ Славянъ. И вотъ мы видимъ, что у нихъ въ XI и XII вѣкѣ существовало федеративное устройство самого опредѣленнаго характера. Каждое племя само по себѣ составляло совершенно независимое цѣлое; нѣсколько ближайшихъ племенъ образовали вмѣстѣ союзъ, съ общимъ центромъ; наконецъ всѣ племена и

племенные союзы въ совокупности связывались въ одну общую федерацію, съ общимъ верховнымъ средоточіемъ въ священномъ городѣ Арконѣ на островѣ Рюгенѣ. Но главою этой федераціи былъ не государь, а жрецъ; нитями, связывавшими племена и племенные центры съ общимъ средоточіемъ федераціи, были не представители народной воли или общественной власти, а представители воли и власти боговъ, языческія прорицалища и жрецы, толковавшіе указанія прорицалищъ. Идея государства оставалась совершенно чужда этимъ погибшимъ Славянамъ; и если тотъ или другой князь, т. е. племенной старшина, если какой-нибудь Дражко или Готшалкъ или Крукъ пытались заложить между ними государственное зданіе, то они рано или поздно падали подъ ударами убійцъ, мстившихъ за измѣну народному быту. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ возникло въ Славянской средѣ федеративное устройство, оно именно отрицало государство, исключало возможность государственной организаціи. Эти двѣ идеи, государство и федерація, на сколько свидѣтельствуетъ до сихъ поръ исторія, оказывались несовмѣстимыми въ Славянскомъ мірѣ.

Исторія всѣхъ Славянскихъ народовъ представляетъ у нихъ самые очевидные признаки общиннаго и общественнаго самоуправленія; потребность въ немъ жила, кажется, въ Славянскомъ племени во всѣ вѣка его историческаго бытія: дѣло только въ томъ, что это мѣстное самоуправленіе не имѣло у Славянъ ничего общаго съ расчитанною комбинаціею федеративнаго устройства, съ такимъ государственнымъ порядкомъ, въ которомъ «каждая въ отдѣльности земля,—какъ полагаетъ г. Костомаровъ, — составляла бы свое цѣлое въ проявленіи своей мѣстной жизни, и всѣ вмѣстѣ были бы соединены одною и общею для всѣхъ связью». Нѣтъ, мнѣ кажется, что Славянское племя встарину понимало общинное и мѣстное самоуправленіе, какъ прирожденную *бытовую,* а не государственную принадлежность общественной жизни, какъ такую принадлежность человѣческаго общества, которая по тому самому не подлежала никакому опредѣленію и узаконенію со стороны государства; въ государственной же сферѣ Славянская старина допускала только одну идею — единство, идею, которая, какъ сказано, не переставала вырабатываться въ Славянскихъ народахъ даже тогда, когда старыя стихіи племенной розни брали верхъ въ ихъ жизни. Въ исключительно-бытовой, чуждой государственной сферѣ, основѣ самоуправленія, какъ оно представляется Славянскою стариною, я вижу главную причину того, что самоуправленіе это вездѣ такъ легко устранялось при установленіи въ краѣ государственной организаціи. Извѣстно также, напримѣръ, что въ Польшѣ и Чехіи славянское общественное право, въ началахъ сво-

ихъ проникнутое духомъ свободы, подчиняясь государственной организаціи, мало-по-малу, безъ всякаго ощутительнаго перелома, получило характеръ самой отяготительной для народа неволи, такъ что народъ сталъ всячески искать выхода изъ-подъ своего роднаго общественнаго права. Всякій, кто могъ, старался тогда въ Польшѣ и Чехіи выхлопотать себѣ у государя изъятіе изъ Славянскаго земства, привилегію жить подъ Нѣмецкимъ общественнымъ правомъ, съ нѣмецкимъ сельскимъ или городскимъ самоуправленіемъ: ибо начáла Нѣмецкаго самоуправленія лежали въ государственной сферѣ, а не только въ бытовой. Нѣмецкое самоуправленіе, выработавшееся въ средніе вѣка подъ вліяніемъ Римскаго права, идей Римскаго муниципія, — хотя гораздо болѣе тѣсное и исключительное, нежели первоначальное самоуправленіе у Славянъ, заключало за то въ себѣ точное опредѣленіе своихъ предѣловъ въ сферѣ государственнаго устройства: оно являлось какъ бы условіемъ, договоромъ между мѣстною свободою и государственною властію и доставляло по этому самому гарантію мѣстной свободѣ, хотя послѣдняя и пріобрѣталась отступленіемъ отъ коренныхъ славянскихъ началъ. Вотъ, по моему мнѣнію, чѣмъ можно объяснить явленіе, столь странно поражающее насъ въ исторіи западныхъ Славянскихъ народовъ въ первые вѣка ихъ государственной жизни, — это всеобщее, такъ сказать, стремленіе покинуть свое славянское общественное право, какъ не дающее надежной гарантіи противъ государства, — то обаянье, какое имѣло на эти народы нѣмецкое общественное, сельское или городское (такъ наз. Магдебургское) право.

Вообще, идея федеративнаго государства кажется слишкомъ отвлеченною и условною, требующею слишкомъ расчитанной соразмѣрности мѣстной автономіи и центральной власти, для того, чтобы можно было приписать ее такой первобытной, непосредственной, такъ сказать, стихіи какъ Славянское племя въ первыя столѣтія его государственнаго развитія. Скорѣе эта идея могла принадлежать старинѣ Германской, отличавшейся бóльшимъ развитіемъ личности, бóльшею склонностью къ отвлеченнымъ принципамъ. И дѣйствительно, исторія Славянскихъ народовъ представляетъ въ этомъ отношеніи самую разительную противоположность Германіи. При ослабленіи имперіи Карла Великаго, племена, на которыя первоначально дробился Нѣмецкій народъ и которыя Франкскій завоеватель подчинилъ государственному единству, снова образовали, каждое, свое самостоятельное цѣлое. Уже никакія усилія великихъ Оттоновъ, Саліевъ и Гогенштауфеновъ не могли соединить группы Саксовъ, Франковъ, Швабовъ, Баварцевъ иначе, какъ федеративною связью болѣе или менѣе крѣпкою, смотря по личности государя; и историческая работа въ

этихъ группахъ шла не къ единенію, какъ въ Россіи и другихъ Славянскихъ странахъ, а къ бо́льшему и бо́льшему дробленію, къ подраздѣленію племенныхъ группъ на мелкія части, образуя мало-по-малу то диковинное, многоэтажное, если можно такъ выразиться, зданіе федеративнаго государства, какое представляла «священная имперія» Германская въ позднѣйшую эпоху своего существованія. При этомъ, вотъ странная черта, которой нельзя не замѣтить. Нынѣшніе историки Германіи также тщательно выслѣживаютъ въ своей отечественной старинѣ всѣ признаки стремленій къ полному государственному единству, также сѣтуютъ на то, что эти стремленія были «задавлены тяжестью противныхъ началъ», также восклицаютъ: «что-то хотѣло выйти и не вышло, готовилось зданіе полнаго государственнаго единства Германіи и не достроилось» [1]), какъ дѣлаетъ г. Костомаровъ съ противоположной точки зрѣнія, въ пользу федеративнаго начала на Руси. И тутъ и тамъ исторія, очевидно, теряетъ нужную для науки безусловную объективность; и тутъ и тамъ она приводится подъ вліяніе современнной потребности, — въ одной странѣ централизаціи, въ другой децентрализаціи; и въ томъ и въ другомъ случаѣ она сбивается съ пути.

Законность этихъ современныхъ стремленій, — въ Германіи къ бо́льшему единству, въ Россіи къ бо́льшему простору мѣстныхъ стихій, я сознаю не менѣе всякаго другаго, и тотъ поступилъ бы несправедливо, кто захотѣлъ бы обратить мои доводы противъ федеративной теоріи г. Костомарова, въ пользу того взгляда, который идеалъ государственной жизни ставитъ въ какой-нибудь Франціи временъ Людовика XIV. Конечно, не къ такому строю общественному стремилось Славянское племя, когда оно напрягало всѣ свои силы, чтобы создать себѣ единство и единодержавіе и на Руси, и въ Польшѣ, и въ Сербіи, и въ землѣ Чешской; смѣшивать историческое стремленіе Славянскихъ народовъ къ единству и единодержавію съ какою-нибудь доктриною о правительственной централизаціи и о Французскомъ *l'état c'est moi*, такое смѣшеніе было бы, по моему мнѣнію, совершеннымъ противорѣчіемъ историческимъ и бытовымъ началамъ этихъ народовъ.

Однако пора возвратиться къ спеціальному вопросу о Великомъ Новгородѣ въ его отношеніяхъ къ остальной Россіи, какъ они представлены г. Костомаровымъ.

---

[1]) См. въ особенности столь замѣчательныя, по своему ученому изложенію, "Geschichte der deutschen Kaiserzeit" Вильгельма Гизебрехта, „Deutsche Geschichte" Макса Вирта и его же „Geschichte der deutschen Einheit".

III.

Значеніе Новгорода въ древней Руси. — Параллель между Новгородомъ и Галичемъ.— Торговые города въ древне-Славянскомъ мірѣ.— Древность Великаго Новгорода. — Грамота Ярослава. — Ганзеатическіе города и вліяніе ихъ на организацію Новгорода. — Отношенія Новгорода къ Московскому государству.— Борьба Ивана III съ Новгородомъ.

Г. Костомаровъ полагаетъ, что древняя Русь въ эпоху удѣльно-вѣчевую слагалась въ федеративную державу, которая была разрушена Татарскимъ нашествіемъ. «Старое, еще недостроенное зданіе Русской федеративной державы было разбито; отъ него остался на сѣверѣ уголъ: то былъ Новгородъ со Псковомъ, своимъ меньшимъ братомъ».

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ сѣверный уголъ, во время Татарскаго владычества и до Іоанна III, хотѣлъ состоять съ великимъ княжествомъ Восточной Руси, гдѣ бы ни находился его центръ, во Владимірѣ ли, въ Твери или въ Москвѣ, — въ федеративной связи. Новгородъ признавалъ надъ собою верховную власть великаго князя, и въ то же время сохранялъ строго свою внутреннюю независимость, которую онъ основывалъ не просто на прирожденномъ, бытовомъ правѣ вѣдать самому свои дѣла, а на писанныхъ привилегіяхъ, на договорныхъ грамотахъ, опредѣлявшихъ взаимныя права и обязанности верховной власти и свободнаго города. Явленіе совершенно исключительное въ древней Руси. Для г. Костомарова оно служитъ признакомъ обнимавшаго будто бы всю древнюю Русь, федеративнаго начала: «Новгородъ, по его словамъ, совмѣстилъ въ себѣ то, что было достояніемъ всѣхъ Русскихъ земель въ свое время, и представилъ это ясно въ своей исторіи».

Какъ ни лестно было бы для нашего патріотическаго самолюбія думать, что не будь этихъ поганыхъ Татаръ, мы давнымъ-давно имѣли бы въ нашемъ отечествѣ новый союзъ Амфиктіоновъ, но я позволю себѣ быть совсѣмъ другаго мнѣнія о значеніи древняго Новгорода.

Я изложилъ уже главныя причины, по которымъ не могу признать въ древней Руси стремленія къ федераціи. По тому самому я отвергаю и заключеніе, что если Новгородъ состоялъ къ остальнымъ Русскимъ землямъ въ федеративныхъ отношеніяхъ, то онъ въ этомъ выражалъ обще-русскія начала.

По моему мнѣнію, Новгородъ не былъ, какъ опредѣляетъ его г.

Костомаровъ, уголъ недостроеннаго и разбитаго зданія Русской федеративной державы, уголъ, въ которомъ уцѣлѣлъ въ отрывкѣ первоначальный общій планъ строенія; это былъ уголъ, пристроившійся къ обще-русскому зданію по другому, чужому плану, привнесенному чужими стихіями.

Г. Костомаровъ не обратилъ вниманія на то, что Новгородъ не былъ единственный въ такомъ родѣ особый уголъ въ зданіи древней Руси, что такихъ угловъ было два, на двухъ противоположныхъ концахъ ея: на сѣверѣ Новгородъ (со Псковомъ), на югѣ Галичъ. Галичъ, точно также какъ Новгородъ, выдѣлился мало-по-малу, въ продолженіи удѣльнаго періода, изъ общей массы Русскихъ земель, обособился, выработалъ свою мѣстную исключительную жизнь, и въ то же время не отказывался отъ общенія съ остальною Русью: онъ становился въ такія же федеративныя отношенія къ югозападной Руси, какъ Новгородъ къ сѣверовосточной. Сравнить эти два сходныхъ явленія кажется мнѣ необходимымъ для того, чтобы понять ихъ значеніе и источники ихъ происхожденія.

Что составило особенность земли Галицкой, что отдѣлило ея внутреннюю жизнь отъ общей русской жизни, это не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію.

Земля Галицкая выработала изъ прежней обще-русской дружины княжеской независимую боярскую аристократію; она одна въ Русскомъ мірѣ развила въ себѣ вполнѣ опредѣленное и преобладающее начало аристократическое.

Источники этой особенности земли Галицкой также совершенно очевидны. Галицкая земля врѣзывалась угломъ между Польшею и Венгріею; она находилась съ ними въ самомъ тѣсномъ общеніи; она безпрестанно призывала Поляковъ и Венгровъ въ ряды своихъ войскъ, безпрестанно видѣла ихъ у себя и непрошенными гостями, не разъ даже повиновалась имъ, какъ своимъ правителямъ. Естественно, что и общественныя стихіи тогдашней Польши и Венгріи должны были сильно воздѣйствовать на землю Галицкую. Въ Польшѣ и Венгріи было въ то время одно и то же преобладающее начало, аристократія, не та демократическая аристократія, какая впослѣдствіи развилась въ Польшѣ, а аристократія магнатовъ, возводившая и низводившая князей, располагавшая страною. Такой именно характеръ аристократіи магнатовъ развился и въ Галицкомъ боярствѣ. Боярство обособило Галичъ отъ остальной земли Русской и сдѣлалось въ немъ тою центробѣжною силою, которая сперва дала старинному единенію его съ южною Русью характеръ федеративной связи, а потомъ, при паденіи южной Руси, вовсе оторвала его отъ союза съ Русскими землями и передала во власть Венгріи и Польши.

Поставимъ теперь древній Новгородъ въ параллель съ Галичемъ.

Древній Новгородъ былъ тѣсно связанъ съ Ганзеатическимъ союзомъ городовъ сѣверной и западной Германіи.

Это такая историческая особенность, которая не могла не имѣть величайшаго вліянія на внутреннее развитіе Русской жизни въ древнемъ Новгородѣ.

Вообще, торговая дѣятельность (исторія служитъ тому доказательствомъ) всегда запечатлѣвала особливою физіономіею тѣ мѣстности, въ которыхъ она водворялась. Этотъ отпечатокъ былъ тѣмъ сильнѣе, онъ тѣмъ рѣзче обособлялъ торговую мѣстность, чѣмъ исключительнѣе дѣятельность эта въ ней сосредоточивалась, чѣмъ менѣе она раздѣлялась всѣмъ остальнымъ населеніемъ края.

Къ сожалѣнію, г. Костомаровъ отодвинулъ торговое значеніе Новгорода на задній планъ, посвятивъ ему особую главу почти въ концѣ своего сочиненія. Какъ я уже замѣтилъ, читатель, который только по книгѣ г. Костомарова знакомился бы съ исторіею Новгорода, прочиталъ бы всю политическую его исторію отъ Рюрика до Ивана Васильевича, исторію всѣхъ его внутреннихъ раздоровъ и внѣшнихъ войнъ, — и не догадался бы даже, что Новгородъ былъ торговымъ центромъ всей почти земли Русской.

А именно съ этого, какъ мнѣ кажется, слѣдовало начать для того, чтобы вѣрно оцѣнить значеніе Новгорода и его особенностей въ древне-русской жизни.

Въ такомъ случаѣ г. Костомаровъ, конечно, не принялъ бы «Государя Великаго Новгорода» за выраженіе тѣхъ началъ, которыя выработывались всѣми Русскими землями, — также точно, какъ онъ не призналъ бы царицу Адріатики представительницею того, «что хотѣло выйти и не вышло» въ средневѣковой Италіи.

По моему мнѣнію, Венеція была даже, по внутреннему характеру своему, гораздо сроднѣе прочимъ Итальянскимъ землямъ, въ которыхъ почти вездѣ былъ силенъ торговый и муниципальный духъ, — нежели Новгородъ остальной массѣ Русскихъ земель.

Славянское племя вообще, и также въ Россіи, выступило на поприще исторіи съ самымъ слабымъ развитіемъ городской жизни, съ самымъ слабымъ стремленіемъ къ ней. Во всѣхъ Славянскихъ земляхъ мы находимъ первоначально *городъ* или *градъ* только въ значеніи временнаго сборнаго мѣста для окрестнаго населенія на случай непріятельскаго нашествія, для суда, торга, религіозныхъ праздниковъ и т. д., мѣста, постоянными жителями котораго были только должностныя лица, да военная стража. Если еще въ XIX вѣкѣ Россія не могла выработать въ себѣ городской жизни, какъ мы ее видимъ у Германскихъ и Романскихъ народовъ, если западная *bourgeoi-*

sie должна переводиться по-русски словомъ *мѣщанство;* если другія Славянскія земли принуждены были занять, такъ сказать, городское сословіе у иностранцевъ (Польша и Чехія у Нѣмцевъ и Евреевъ, южные Славяне у Грековъ, Итальянцевъ и т. д.),—то можно себѣ представить, какъ чужда была городская жизнь славянамъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

Тѣмъ рѣзче должны были выдѣляться изъ общей массы Славянскаго народа тѣ немногіе пункты, въ которыхъ торговля водворилась издревле и гдѣ образовалось постоянное городское населеніе, производившее эту торговлю. Такими *городами* въ смыслѣ западно-европейскомъ, а не древне-славянскомъ, были въ старину у Славянъ въ странахъ, связанныхъ съ Балтійскомъ моремъ, древній Мекленбургскій Рерикъ, Щетинъ, Волынъ, Гданскъ въ земляхъ Славянъ Прибалтійскихъ (принадлежавшихъ несомнѣнно къ Ляшкому племени) и Новгородъ въ землѣ Русскихъ Славянъ. Древность ихъ незапамятная. Городъ Славянъ—Бодричей (въ нынѣшней Мекленбургіи) Рерикъ [1]) кончилъ свое существованіе уже въ 808 году; а въ то время его торговля была такъ значительна, что пошлины, которыя она доставляла Даніи, считались однимъ изъ важнѣйшихъ доходовъ Датской казны.

Трудно также сомнѣваться въ глубокой древности другаго торговаго города Славянъ Прибалтійскихъ, который дожилъ до начала XII вѣка, именно города Волына на устьѣ Одры. Въ XI вѣкѣ его значеніе было таково, что Волынъ (иначе Юлинъ, теперь Wollin) представлялся Нѣмецкому писателю «самымъ большимъ изъ городовъ Европы»; о величіи его ходили тогда въ Германіи баснословные разсказы. Онъ былъ центромъ торговли всѣхъ Прибалтійскихъ странъ и Руси. Его посѣщали и въ немъ пользовались правомъ гражданства люди, которыхъ Нѣмецкій писатель того времени называетъ Греками и подъ которыми должно, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣть послѣдователей Греческой вѣры, т. е. Русскихъ и, конечно, по преимуществу Новгородцевъ.

Городъ Щетинъ (Штетинъ), по своему положенію, раздѣлялъ торговую дѣятельность Волына. Волынъ, лежащій на островѣ, долженъ былъ вести преимущественно заморскія сношенія; Щетинъ, выстроенный близъ устья Одры, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, имѣлъ ближайшую связь съ окрестными племенами Славянскими. Мы знаемъ о весьма значительномъ развитіи Щетинской торговли въ на-

---

[1]) Такъ называли этотъ городъ Датчане; Славянская форма его имени въ точности неизвѣстна; по предположенію Шафарика, эта форма была Рарогъ. Городъ лежалъ, какъ видно, у Висмарскаго залива.

чалѣ XII вѣка; мы знаемъ, что Волынъ признавалъ за Щетиномъ старшинство предъ собою.

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о бытѣ и правленіи Славянъ Прибалтійскихъ, однако мы видимъ, что эти торговые города съ постояннымъ населеніемъ имѣли свое исключительное положеніе въ странѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, что Щетинъ и Волынъ гораздо менѣе зависѣли отъ князя Поморянъ, нежели остальная страна. Въ Щетинѣ и Волынѣ былъ особый княжій дворъ, считавшійся неприкосновеннымъ, но князь не былъ хозяиномъ въ этихъ городахъ, какъ онъ былъ хозяиномъ въ странѣ. Города имѣли свою полную автономію, управленіе сосредоточивалось въ постоянномъ совѣтѣ старшинъ, составленномъ изъ знатныхъ людей и стариковъ [1]); рѣшеніе зависѣло отъ народнаго вѣча, собиравшагося въ дни, назначенные для торга [2]), на городской площади, кругомъ помоста, съ котораго говорили народу его старшины и особые глашатаи. Княжеская власть въ этихъ городахъ была почти только номинальная, торговый городъ князю не повиновался, находился съ главою страны въ постоянномъ раздорѣ: *discordia inter Stetinenses et ducem inveterata*, говоритъ Нѣмецкій писатель, изображающій Славянское поморье въ началѣ XII вѣка.

Древность Великаго Новгорода едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Историческая критика должна будетъ, мнѣ кажется, наконецъ убѣдиться, что начало Новгорода предшествовало многими вѣками заложенію Русскаго государства, что Новгородъ, прежде чѣмъ сдѣлаться столицею Славянскихъ князей, былъ давнымъ-давно такимъ же торговымъ центромъ среди раздробленныхъ племенъ нашего Сѣвера, какимъ были напр. Рерикъ или Волынъ среди племенъ Прибалтійскихъ. Вмѣсто того, чтобы выписывать о древности Новгорода сказку изъ хронографовъ XVI и XVII в., г. Костомаровъ могъ бы привести указанія, имѣющія несравненно бо́льшую историческую цѣну. Въ VI вѣкѣ, у историка Готовъ Іорнанда мы находимъ два свидѣтельства, которыя могутъ, съ большою вѣроятностью, быть отнесены къ Великому Новгороду. Въ одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ у него идетъ рѣчь о жилищахъ Славянскаго племени (Венетовъ) въ двухъ вѣтвяхъ, на которыя Готскій историкъ его раздѣляетъ, Словѣнъ (Sclaveni) и Антовъ,—Іорнандъ говоритъ, что *Словѣне* простираются *отъ города Новіетунскаго и озера, называемаго Мусіанскимъ*, до Днѣстра и Вислы. Какое это *Мусіанское озеро?* Мы находимъ въ Скандинавскихъ памятникахъ озеро Муискъ, какъ названіе Ильменя; даже

[1]) Для собраній этого совѣта имѣлось особое общественное зданіе, называвшееся *контина*, отъ слова *кутъ* (съ носовымъ звукомъ), по-польски kąt.

[2]) Напр. въ Щетинѣ два раза въ недѣлю.

приводимую г. Костомаровымъ сказку попало, неизвѣстно изъ какого источника, свѣдѣніе объ этомъ древне-Скандинавскомъ названіи Ильменя (Мойско). Какъ Іорнандовы сказанія о сѣверѣ основывались на преданіяхъ Готскихъ, находившихся въ самомъ близкомъ родствѣ съ Скандинавскими, то весьма правдоподобно, что подъ именемъ *lacus Musianus* онъ разумѣлъ озеро Муискъ, т. е. Ильмень; и догадка эта еще болѣе подтвердится, когда мы сблизимъ названіе озера съ названіемъ города, сопоставляемаго съ нимъ въ сказаніи Готскаго историка: *Новіетунъ* есть не что иное, какъ *Новгородъ* въ Германской формѣ (древнее Германское и въ особенности Скандинавское слово *tun* въ смыслѣ города сохранилось и до сихъ поръ въ живой рѣчи у Англичанъ: *town*). И такъ, должно полагать, что въ то время, когда писалъ Іорнандъ, т. е. около 550 г., уже былъ Новгородъ у озера Ильменя; а другое свидѣтельство того же писателя указываетъ на древность еще отдаленнѣйшую. Іорнандъ исчисляетъ племена, покоренныя на сѣверѣ Готскимъ царемъ Эрманарикомъ (въ первой половинѣ IV вѣка) и тутъ, между названіями, въ которыхъ, подъ немилосердыми искаженіями отъ переписчиковъ, мы встрѣчаемъ знакомыя имена Голядовъ, Литвы, Чуди, Веси, Мери, Мордвы, Черемисы, является имя *Navego*; и мы, судя по странѣ, къ которой относятся прочія приводимыя Іорнандомъ названія, не можетъ не заключить, что это *Navego* есть испорченное имя нашего Великаго Новгорода [1]). Одно то, что имя это могло сохраниться въ памяти у Готовъ въ Италіи, что этотъ городъ, въ ихъ преданіяхъ объ Эрманарикѣ, сопоставлялся съ именами цѣлыхъ народовъ, покорившихся ихъ древнему герою,—указываетъ на особенное значеніе Новгорода въ самую глубокую древность; и въ чемъ же могло состоять такое значеніе, какъ не въ томъ, что этотъ городъ былъ уже тогда торговымъ центромъ Сѣвера?

Скандинавскія сказанія подтверждаютъ глубокую древность Великаго Новгорода и его торговли; то же доказываютъ найденныя въ его окрестностяхъ Арабскія и другія монеты. Новгородъ, уже за долго до призванія Варяжскихъ князей, до образованія Русскаго государства [2]), долженъ былъ занять исключительное положеніе среди зе-

---

[1]) Къ исправленіямъ, сдѣланнымъ въ этомъ текстѣ Іорнанда Шафарикомъ и другими, позволю себѣ прибавить и свою догадку. Послѣ Navego мы читаемъ другое имя: Athual, или по другимъ спискамъ, Athaul. Эта послѣдняя форма такъ похожа на славное у Готовъ имя Ataulf, что трудно воздержаться отъ предположенія, не принаровилось ли подъ перомъ Іорнандовыхъ переписчиковъ къ этимъ знакомымъ звукамъ слово, имѣвшее совсѣмъ другой видъ, именно *Althua*, которое соотвѣтствовало бы Скандинавскому названію Ладоги, *Aldaga?*

[2]) Извѣстіе, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ спискахъ нашей древней лѣтописи, что Рюрикъ *сруби городокъ надъ Волховомъ и прозва и Новгородъ*, если оно имѣетъ какое-

мель Славянскихъ, вошедшихъ въ составъ этой державы. Въ его торговлѣ, въ томъ, что онъ имѣлъ постоянное городское населеніе, несвойственное Славянскимъ племенамъ въ тогдашнемъ ихъ состояніи, я вижу источникъ тѣхъ особливыхъ отношеній, въ которыя Новгородъ съ самаго начала старался поставить себя къ Русской землѣ и къ ея князьямъ, и которыя потомъ формулировались въ знаменитой, хотя не дошедшей до насъ, грамотѣ Ярославовой. Происхожденіе и постановленія этой грамоты требуютъ еще критическаго изслѣдованія. Но къ какому бы времени ни относилась она, какія бы ни были права, въ ней опредѣленныя, несомнѣнно то, что грамота Ярославова составляла для Новгорода *привилегію* передъ другими городами и землями Русскими, *изъятіе* изъ общаго земскаго порядка; что древнее славянское самоуправленіе, въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ, переносилось этою грамотою для Новгорода изъ непосредственной бытовой сферы въ сферу государственныхъ узаконеній, ставилось подъ гарантію государственнаго акта, связывавшаго какъ городъ, такъ и государственную власть взаимными обязательствами. Въ существѣ это явленіе совершенно сходно съ тѣми безчисленными изъятіями изъ общаго земскаго права, какія давались въ Польшѣ и Чехіи, начиная съ XII вѣка, разнымъ городскимъ и сельскимъ обществамъ. Только тамъ привилегія состояла прямо въ перенесеніи на общество, изъемлемое изъ славянскаго земства, — городскаго или сельскаго права нѣмецкаго, *jus teutonicum*; здѣсь же изъятіе изъ земства выработалось непосредственно изъ всѣхъ тѣхъ особенныхъ условій и выгодъ, какія сопряжены были съ положеніемъ Новгорода, какъ главнаго торговаго центра всего Русскаго сѣвера. Точно также торговые города Славянъ Прибалтійскихъ могли выработать себѣ привилегированное положеніе въ странѣ безъ заимствованія нѣмецкаго права, гораздо прежде, чѣмъ *jus teutonicum* перенесено было въ этой край.

Но съ теченіемъ времени, на Новгородъ стали дѣйствовать прямо и чужія вліянія. Въ XII вѣкѣ Славянская народность на берегахъ

нибудь историческое основаніе, можетъ относиться только къ построенію Варяжскимъ княземъ, въ подчинившемся ему торговомъ городѣ, какого-нибудь укрѣпленнаго двора, какіе имѣлъ, напримѣръ, князь Поморянъ въ торговыхъ городахъ своей земли, или даже особаго укрѣпленія для обезпеченія своей власти надъ городомъ. Послѣдній случай представляется намъ на Балтійскомъ поморьѣ въ X вѣкѣ, когда скандинавскіе викинги, подчинивъ себѣ Славянскій торговый городъ Волынъ или Юлинъ, выстроили себѣ тамъ укрѣпленіе, служившее имъ притономъ и защитою, Іомсбургъ. Что же касается до того, будто Рюрикъ далъ своему городку на Волховѣ *наименованіе* Новгорода, то это очевидный вымыслъ, придуманный для объясненія имени: *Новый*—городъ. Это извѣстіе должно быть поставлено на ряду съ сказаніемъ о построеніи Волына Юліемъ Цезаремъ (вслѣдствіе того, что этотъ городъ назывался Нѣмцами Юлинъ) и другими т. п. баснями.

Балтики начала уступать мѣсто Нѣмецкой, и въ XIII вѣкѣ на развалинахъ Славянскихъ торговыхъ городовъ возникли торговые города Нѣмецкіе. Сюда перешли муниципальныя начала, принятыя Германіей отъ Римскаго міра и прежде всего приложенныя къ дѣлу городами Рейнскими, для отпора насилію феодальной аристократіи. Съ этими Рейнскими городами вступили въ союзъ (въ *ганзу*) Нѣмецкіе города, основанные на Вендской землѣ, города, которые, по самому положенію своему въ странѣ, гдѣ туземная народность еще жила и волновалась, должны были еще болѣе развить въ себѣ муниципальную исключительность. Торговое общеніе съ Новгородомъ перешло къ этимъ городамъ отъ ихъ Славянскихъ предшественниковъ. Уже въ XII столѣтіи находимъ мы такія сношенія, въ XIII и XIV они достигли полнаго развитія. Мнѣ кажется, г. Костомаровъ не совсѣмъ справедливо полагаетъ, что «вѣковое торговое знакомство (Новгорода съ Нѣмецкими городами) не произвело нравственнаго единенія между туземцами и гостями», что «сосѣдство съ Западомъ и торговыя сношенія съ Нѣмцами не сблизили Новгорода съ Европою морально», и что въ Новгородѣ невозмутимѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, развивались старо-славянскія начала. Нашъ историкъ заключаетъ объ отсутствіи вліянія Нѣмецкихъ городовъ на Новгородъ изъ того, что Нѣмецкіе купцы старались по возможности сосредоточивать въ своихъ рукахъ монополію торговыхъ сношеній съ Западомъ, что они «эксплуатировали Новгородъ для своихъ цѣлей» и «сознательно, умышленно старались не допускать Новгородцевъ до знакомства съ европейскимъ просвѣщеніемъ». Мнѣ кажется, тутъ смѣшивается внѣшняя сторона дѣла съ внутреннею. Весьма понятно, что Любскіе и прочіе Нѣмецкіе купцы хотѣли получать отъ Новгородской торговли наибольшія по возможности денежныя выгоды и всячески старались отстранить отъ себя конкурренцію; но какъ бы они ни надували и ни эксплуатировали Новгородцевъ, развѣ это могло положить преграду вліянію ихъ духа, ихъ учрежденій, ихъ понятій? Гдѣ это видано, чтобы иностранцы не могли имѣть вліянія на какой нибудь народъ по той причинѣ, что они его «эксплуатировали для своихъ цѣлей», какъ выражается г. Костомаровъ? Конечно, организмъ современной Россіи и развитѣе и крѣпче и, по тому самому, менѣе податливъ на иностранное вліяніе, нежели могъ быть организмъ одной Русской городской общины въ XII и XIII вѣкѣ: но и современная Россія едва ли доказываетъ справедливость взгляда г. Костомарова.

Нѣтъ, именно иностранное вліяніе, духъ Ганзы, — вотъ то, что, по моему мнѣнію, обособило древній Новгородъ отъ остальной сѣверовосточной Руси, подобно тому, какъ иностранное же вліяніе, духъ

Венгерскаго и Польскаго магнатства, обособило землю Галицкую отъ Руси югозападной.

Духъ нѣмецкой торговой Ганзы встрѣтилъ въ Новгородѣ уже подготовленную почву, онъ могъ явиться тамъ дальнѣйшимъ утвержденіемъ тѣхъ отношеній, которыя развила въ Новгородѣ исключительность его торговаго значенія, — точно также, какъ на Балтійскомъ поморьѣ Нѣмецкіе Ганзеатическіе города приняли на себя и повели далѣе дѣятельность древне-славянскихъ Рерика, Волына, Щетина, Гданска и проч. Славянскіе города уже пользовались исключительнымъ положеніемъ въ странѣ; но эта исключительность еще не доходила до полной замкнутости городскаго сословія, до организаціи города въ самостоятельное государственное тѣло. Полная замкнутость городскаго сословія, организація города въ маленькое республиканское государство перенесены были на Балтійское поморье Германскою стихіею, которая усвоила ихъ себѣ вмѣстѣ съ остальнымъ наслѣдіемъ Римскаго міра.

Великій Новгородъ былъ городъ славянскій. Нельзя было ожидать, чтобы онъ могъ уподобиться вполнѣ городамъ нѣмецкой Ганзы. Полная сословная замкнутость нѣмецкой Bürgerschaft слишкомъ сильно противорѣчила славянскому характеру и быту его населенія. Новгородецъ дорожилъ Ярославовой грамотой, онъ дорожилъ привилегіями, которыми пользовался, благодаря исключительному положенію своего города; но онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться совершенно отъ земли, провести между собою и остальнымъ народомъ непроходимую грань сословной корпораціи. «Въ Новгородѣ, говоритъ г. Костомаровъ, всякій могъ приходить и жить полноправно», и это точь-въ-точь соотвѣтствуетъ тому, что̀ Нѣмецкіе писатели разсказываютъ намъ о Славянскихъ городахъ Балтійскаго поморья, о Волынѣ въ XI-мъ, о Щетинѣ въ началѣ XII-го вѣка.

Но муниципальныя начала Запада привились къ другой сторонѣ Новгородской жизни, къ его государственному строю, какъ вообще государственныя отношенія легче подчиняются внѣшнимъ вліяніямъ, чѣмъ начала общественныя. Это тѣмъ скорѣе могло здѣсь случиться, что Новгородъ, благодаря своему исключительному торговому развитію, уже издавна стоялъ особнякомъ среди Русской земли, что онъ издавна былъ городъ привилегированный, какъ мы это видимъ изъ существованія древней грамоты, о значеніи которой было сказано выше, грамоты, носившей названіе Ярославовой.

Городъ Новгородъ сдѣлался *государствомъ*, Новгородъ сталъ именоваться государемъ: «Государь Великій Новгородъ». Городъ заключалъ договоры; городъ считался господиномъ цѣлой обширной Новгородской области и находившихся въ ней пригородовъ; городъ раз-

давалъ волости въ кормленіе принятымъ имъ на службу князьямъ, городъ набиралъ войско въ своей области, собиралъ въ ней подати, городъ дѣйствовалъ отъ ея имени, какъ государь дѣйствуетъ отъ имени страны, которой онъ главою. Всѣ эти черты я выписываю изъ книги г. Костомарова, и теперь спрашиваю: гдѣ видано что нибудь подобное въ Славянскомъ мірѣ, гдѣ слыхано между Славянами о такомъ возведеніи города въ государство? Я знаю только одинъ примѣръ: это Дубровникъ или Рагуза. Но Рагуза была древній Римскій муниципій, въ которомъ съ теченіемъ времени Романское населеніе смѣнилось Славянскимъ, и гдѣ духъ Римскаго муниципія поддерживался вліяніемъ Венеціи и другихъ городскихъ республикъ средневѣковой Италіи.

При такихъ понятіяхъ, при такомъ порядкѣ вещей, развившихся въ Новгородѣ, можно ли, я спрашиваю опять, признавать этотъ городъ представителемъ старо-славянскихъ началъ въ древней Руси, «совмѣстившимъ въ себѣ, какъ полагаетъ г. Костомаровъ, то, что было достояніемъ всѣхъ Русскихъ земель въ свое время?»

Г. Костомаровъ неоднократно выставляетъ неопредѣленность и безпрерывное колебаніе общественныхъ отношеній въ Новгородѣ, распри между городомъ и волостями, которыя то подчиняются городу какъ государю, то выходятъ изъ этого подчиненія, непрестанную смуту въ Новгородской жизни: все это, по моему мнѣнію, было естественнымъ послѣдствіемъ и признакомъ внутренняго антагонизма между политическимъ началомъ Новгорода, какъ города, возведеннаго въ государство, и славянскимъ духомъ земли, жившимъ не только въ подвластномъ Новгороду населеніи, но и въ самихъ Новгородцахъ. Это же было главнымъ, по моему мнѣнію, источникомъ постоянной борьбы старѣйшихъ людей съ чернью, борьбы, характеризующей Новгородскую исторію и въ которой видно противодѣйствіе народной массы, съ ея славянскими понятіями, корпоративному духу разбогатѣвшей торговой аристократіи. Въ этомъ, наконецъ, я нахожу единственное объясненіе тому, что Новгородъ съ его свободой былъ такъ мало популяренъ въ тогдашней Россіи. Г. Костомаровъ признаетъ самъ, что походъ Іоанна III противъ Новгорода «возбудилъ къ себѣ симпатію въ народѣ», что «война его была дѣломъ обще-русскимъ, дѣломъ церкви и народа». Это сильно противорѣчитъ понятіямъ нашего историка о Новгородѣ, какъ о представителѣ прежнихъ началъ обще-русской жизни, и г. Костомаровъ объясняетъ такое явленіе тѣмъ, что когда въ народныхъ понятіяхъ всей остальной Руси единодержавіе стало нормальнымъ порядкомъ, то Новгородъ, какъ онъ былъ, сдѣлался анахронизмомъ. Нѣтъ, старыя начала жизни, когда только они дѣйствительно были общимъ достояніемъ цѣлой страны,

цѣлаго народа, — хотя бы и сдѣлались анахронизмомъ, также мало могутъ быть уничтожены однимъ или двумя походами, какъ однимъ или двумя походами не уничтожается отдѣльная народность, чтò г. Костомаровъ считаетъ также результатомъ походовъ Іоанна III. Нѣтъ, старыя начала народной жизни не такъ легко истребляются; легко гибнетъ только чуждая прививка на народной почвѣ, и вотъ отчего Великій Новгородъ рухнулъ послѣ одной проигранной битвы, и погибъ, не оставивъ по себѣ въ памяти народа ни сожалѣнія, ни слѣда. Вотъ прямая причина, почему мы теперь, по выраженію г. Костомарова, напрасно стали бы искать на мѣстѣ памяти о древней областной независимости и свободѣ.

И такъ возвращусь къ исходной точкѣ этого изложенія. Въ общей массѣ древне-Русскихъ земель, во время ихъ распаденія на удѣлы, обособились два края, вслѣдствіе дѣйствовавшихъ на нихъ съ особенною силою постороннихъ вліяній. Отъ югозападной Руси обособилась земля Галицкая, влекомая къ отдѣльной жизни преобладающимъ развитіемъ боярской аристократіи, подъ дѣйствіемъ Польши и Венгріи; отъ Руси сѣверовосточной обособился Великій Новгородъ, влекомый къ отдѣльной жизни преобладающимъ развитіемъ городской стихіи, развитіемъ, приготовленнымъ издревле его торговою дѣятельностью и которое потомъ опредѣлилось подъ вліяніемъ нѣмецкой Ганзы. И Новгородъ и Галичъ не отказывались отъ старинной связи съ общимъ отечествомъ и отношенія ихъ къ остальной Руси приняли характеръ федеративный. Между тѣмъ южная Русь слабѣла, сѣверная крѣпла. Галичъ сперва перетянулъ Кіевъ, а потомъ вовсе оторвался. Новгородъ не въ силахъ былъ перетянуть Владиміра и Москвы, и когда захотѣлъ оторваться, то былъ силою удержанъ.

Попытка Новгорода оторваться отъ Россіи и перейти къ Польшѣ имѣла, какъ мнѣ кажется, значеніе несравненно важнѣйшее, нежели какое представляется въ книгѣ г. Костомарова. Этотъ историкъ говоритъ о ней какъ-то слегка. Въ его изложеніи, попытка Новгорода въ 1470 году промѣнять верховную власть великаго князя Московскаго на верховную власть государя Польско-Литовскаго ни чуть не разнится отъ случаевъ, бывшихъ въ XIV вѣкѣ, когда Новгородцы приглашали къ себѣ на княженіе, вмѣсто Рюриковичей, какихъ нибудь потомковъ Гедимина. Г. Костомаровъ придаетъ партіи, призывавшей Казиміра, значеніе патріотической партіи (т. I, стр. 169, 204); разсказывая о впечатлѣніи, произведенномъ грамотою митрополита Филиппа, отклонявшаго Новгородъ отъ перехода къ Польскому королю, онъ употребляетъ выраженіе, что «люди степенные, богатые бояре, *расчувствовались* отъ этихъ выраженій»; то народное и религіозное одушевленіе, которое столь замѣтнымъ образомъ сопрово-

ждало походъ Іоанна III, выступаетъ во всемъ этомъ дѣлѣ какъ-то не кстати, и не со всѣмъ мирится со взглядомъ г. Костомарова на происходившія событія. Такъ, напримѣръ, приведя молитву Холмскаго передъ битвою на Шелони, г. Костомаровъ сопровождаетъ ее слѣдующимъ размышленіемъ: «И всѣ проникались мыслію, что идутъ противъ нечестивыхъ отступниковъ за вѣру и за государя, его же противники противятся Богу; всѣ были единодушны, всѣ послушно готовились исполнить волю старѣйшаго». Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ г. Костомаровъ слишкомъ смѣло произноситъ приговоръ надъ такимъ предметомъ, который недоступенъ нашему историческому вѣдѣнію. Кто можетъ знать, что происходило въ мысляхъ Русскихъ людей передъ Шелонскою битвою? Почему они проникались тою идеею, которую предполагаетъ г. Костомаровъ, а не другою? Или изъ чего можно вывести, что именно слова князя Холмскаго внушили имъ эту идею, а не были отголоскомъ общаго, уже готоваго настроенія? Такія сужденія лучше бы, по моему мнѣнію, оставить для романа[1]).

Все изображеніе этихъ событій получило въ книгѣ г. Костомарова не совсѣмъ вѣрный и нѣсколько искусственный, какъ мнѣ кажется, колоритъ отъ того, что нашъ историкъ представляетъ дѣло какъ борьбу начала свободы съ «Московскимъ самовластіемъ». Я полагаю, что наше современное понятіе о принципѣ свободы должно быть тутъ вовсе отложено въ сторону; оно можетъ только смутить прямой взглядъ на дѣло и склонить нашъ судъ въ пользу одной стороны, вопреки голосу исторіи.

Я думаю, что Новгородъ вовсе не представлялъ собою начала свободы въ борьбѣ съ самовластіемъ. Онъ представлялъ собою городъ, признавшій себя за государство, въ борьбѣ съ народомъ и правительствомъ, которыя понимали государство, какъ общее достояніе всей земли. Строеніе этого государства было жизненнымъ подвигомъ тогдашняго и слѣдующихъ поколѣній Русскихъ людей, и я вполнѣ вѣрю въ искренность народнаго одушевленія, которое поддерживало Іоанна III въ его предпріятіи противъ Новгорода. Я думаю, что ес-

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что въ „Сѣвернорусскихъ народоправствахъ" встрѣчаются слишкомъ часто черты, которыя болѣе годятся для историческаго романа, чѣмъ для исторіи. Такъ г. Костомаровъ говоритъ, что послѣ Шелонской битвы, Новгородскіе послы стояли передъ великимъ княземъ „*съ плаксивыми минами*" (т. I, стр. 190). Почему извѣстно, что у нихъ были именно плаксивыя мины, а не выраженіе стоическаго хладнокровія, достойнаго сраженныхъ республиканцевъ? Иванъ Васильевичъ передъ отъѣздомъ въ походъ посѣщалъ соборы „*съ обыкновеннымъ невозмутимо-спокойнымъ и благочестивымъ лицомъ*" (стр. 184). Развѣ его лицо, въ такую рѣшительную для всей его державы минуту, не могло быть, напротивъ разстроеннымъ? — „Иванъ казался очень веселъ"; „онъ въ видимо-хорошемъ расположеніи духа уѣхалъ на Городище" (стр. 207); другой разъ, „онъ принималъ видъ соболѣзнованія" (стр. 215): кто подмѣтилъ всѣ эти черты?

ли бы Новгородъ стоялъ дѣйствительно за такой высокій и для всѣхъ осязательный принципъ, какъ свобода, то онъ отражалъ бы «Московское самовластіе» съ большею стойкостью и большимъ самопожертвованіемъ. Но въ самомъ Новгородѣ было, вѣроятно, весьма много такихъ людей, которые не только потому, что *расчувствовались* отъ грамоты митрополита Филиппа, а потому, что это была общая потребность земли Русской, хотѣли «держаться неотступно великихъ Русскихъ государей». Вообще внутренняя борьба партій въ предсмертную эпоху Новгорода требуетъ еще критическаго разбора послѣ книги г. Костомарова: у него она представляется какъ-то неясно. Такъ напримѣръ, г. Костомаровъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что «грамота Казимира возводила свободныхъ людей и собственниковъ земель до полной независимости», и что соединеніе съ Польско-Литовскою короною, особенно заманчивое по этому для Новгородскихъ бояръ-землевладѣльцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекало къ себѣ и торговый классъ надеждами на привилегіи, которыми пользовались города въ Польско-Литовской державѣ. Очевидно, стало-быть, что переходъ подъ власть Польскую былъ въ Новгородѣ интересомъ бояръ и житыхъ людей, т. е. того класса, которымъ именно обусловливалось исключительное положеніе Новгорода въ Русской землѣ и который по этому подвергся выселенію послѣ взятія Новгорода Иваномъ Васильевичемъ. Этотъ именно классъ долженъ былъ опасаться «Московскаго самовластія», и чтобы сохранить выгоды, сопряженныя для него съ правами «Государя Великаго Новгорода», онъ могъ рѣшиться на поступокъ, который современники считали не только политическою, но и религіозною измѣною, на переходъ подъ власть Латынскаго короля, благо Латынскій король обѣщалъ даже новыя преимущества. Но потомъ вдругъ, въ повѣствованіи г. Костомарова, бо́льшая часть бояръ и степенныхъ людей оказывается на сторонѣ Москвы, и мы видимъ, что партія *патріотовъ*, т. е. Борецкіе, имѣли между ними немного приверженцевъ и опирались преимущественно на черный народъ, хотя черный народъ, какъ справедливо замѣчаетъ историкъ, менѣе всего могъ выиграть отъ соединенія съ Литвою. Это явленіе загадочное и нельзя не обратить на него вниманія. Я не берусь разрѣшить вопроса, но во всякомъ случаѣ полагаю, что было бы слишкомъ поспѣшно и отважно придавать наименованіе *патріотовъ* партіи Борецкихъ. Конечно, Борецкіе стояли за старую независимость Великаго Новгорода отъ власти государя Московскаго: но что соединялось съ ихъ знаменемъ? Подчиненіе власти государя Польско-Литовскаго. А подчиниться королю Польско-Литовскому было для Русской области въ исходѣ XV вѣка дѣло не шуточное; это было совсѣмъ не то, что, въ XIV и началѣ XV вѣка, признать государемъ

Ольгерда или Витовта вмѣсто того или другаго Рюриковича. Съ той поры много перемѣнилось. Уже гласно обнаружено было настойчивое домогательство Польши отдѣлить отъ Литовско-Русскаго государства всю Кіевскую землю и присоединить ее къ себѣ; уже была Флорентійская унія и введеніе ея въ Русскихъ земляхъ сдѣлалось уже гласно цѣлію Литовско-Польскаго правительства. Уже въ то время, по словамъ Польскаго историка Морачевскаго [1]), «русское вѣроисповѣданіе, не поддававшееся почти вовсе вліянію Флорентійской уніи, испытывало явное униженіе; высшее духовенство католическое вступало въ совѣтъ великаго князя (Литовскаго) и участвовало въ управленіи, а Русское стояло наравнѣ съ простымъ народомъ: вообще, какъ и прежде, церковь католическая искала полнаго господства, а Русская оказывала сильное сопротивленіе». Въ 1470 году выборъ между Иваномъ Васильевичемъ и Казиміромъ былъ уже не только выборъ между личностью Рюриковича и Гедиминовича, а выборъ между двумя путями жизни общественной и религіозной. Русскіе голоса, дошедшіе до насъ, свидѣтельствуютъ, что современники такъ именно понимали дѣло; но г. Костомаровъ, увлеченный своею идеею о борьбѣ «начала свободы» съ «Московскимъ самовластіемъ», какъ будто не подозрѣваетъ, какой вопросъ былъ поднятъ Борецкими, что̀ значила для всего Русскаго и Славянскаго міра борьба, которою рѣшалось, принадлежать ли Новгороду со всей его областью къ Русскому государству или къ коронѣ Польско-Литовской, какія громадныя послѣдствія связывались съ тѣмъ или другимъ исходомъ этой борьбы. Если бы г. Костомаровъ обратилъ вниманіе на все это, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ взглянулъ бы иначе на тяжбу Ивана Васильевича съ Великимъ Новгородомъ и вникъ бы глубже въ значеніе той трагической катастрофы, которая ее завершила.

Спб.
1863 г.

---

[1]) Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej, ч. II, стр. 301.

XVIII.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА.

XVIII.

Сельская община.

I.

Поборники «экономической свободы» въ Россіи и сторонники рабства въ Америкѣ. — Возможность сельскаго и городскаго пролетаріата въ Россіи. — Батрачество въ Польшѣ. — Что̀ такое пролетарій? — Пролетаріатъ въ западно-европейскомъ мірѣ. — Что было бы послѣдствіемъ уничтоженія сельской общины въ Россіи?

О свобода! какъ злоупотребляютъ твоимъ священнымъ именемъ! На одномъ полушаріи, подъ солнцемъ тропическаго юга, люди, во имя свободы, сражаются [1]) за сохраненіе рабства четырехъ милліоновъ Негровъ. А въ другой части свѣта, въ снѣгахъ Россіи, раздаются голоса, которые, призывая то же имя свободы, желаютъ создать многомилліонный сельскій пролетаріатъ, водворить здѣсь этотъ видъ фактическаго рабства, заступившій, среди европейской цивилизаціи, мѣсто юридическаго рабства древнихъ невольниковъ и Американскихъ Негровъ.

Конечно писатели, вооружающіеся у насъ противъ сельской общины изъ-за принципа экономической или всякой другой свободы, вѣрятъ совершенно искренно, что они стоятъ за дѣло свободы, а не за дѣло рабства; они желаютъ добра, а не зла Русскому народу. Но если мы не остановимся на звукѣ словъ «экономическая свобода», и вникнемъ въ сущность дѣла, то мы увидимъ, что уничтоженіе сельской общины повело бы къ фактическому обращенію въ рабовъ значительнаго числа нашихъ земледѣльцевъ; мы согласимся, что эти на-

---

[1]) Статья писана въ началѣ 1865 года, по поводу появлявшихся въ то время въ нѣкоторыхъ газетахъ нашихъ мнѣній о необходимости уничтоженія сельской общины, какъ учрежденія противнаго будто бы принципу экономической свободы.

ши поборники «экономической свободы» могутъ, по справедливости, быть сравниваемы съ партіею Джефферсона Дэвиса, которая конечно вполнѣ увѣрена, что лишеніе землевладѣльцевъ права свободно распоряжаться множествомъ рабочихъ рукъ — есть прямое нарушеніе экономической свободы, прямой деспотизмъ. Правда, что тамъ, за океаномъ, землевладѣльцевъ лишаетъ этого права распоряженія рабочими силами само государство, вмѣстѣ съ значительною частью народа; поэтому-то противная партія и стремится разорвать народное единство и разрушить государство. У насъ, только въ западной окраинѣ нашей, тамъ, гдѣ землевладѣльческій классъ принадлежитъ чужой національности, была подобная попытка предупредить послѣдствія освобожденія крестьянъ: Польская шляхта возстала съ именемъ свободы на устахъ, а на дѣлѣ для того, чтобы продлить порабощеніе подвластнаго ей Русскаго и Литовскаго народа. Но, повторяемъ, это было только въ западной окраинѣ, гдѣ національность владѣльческаго класса чужая. Тамъ, гдѣ этотъ классъ русскій, историческое развитіе такъ тѣсно сплотило его и съ государствомъ и съ народомъ, что когда государство, во имя народнаго блага, потребовало отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ правъ на обязательный трудъ крестьянъ, — онъ принесъ эту огромную жертву добровольно. Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ совершилось съ безпримѣрнымъ въ исторіи успѣхомъ. Но теперь чувствуется экономическое стѣсненіе отъ такого перелома. Послѣ освобожденія крестьянъ, то, что̀ лишаетъ возможности безусловнаго распоряженія рабочими силами, есть сельская община, дающая каждому земледѣльцу свою домашнюю кровлю, свой клочекъ земли, и тѣмъ самымъ ставящая его въ положеніе независимаго производителя, который можетъ, если ему угодно, продать свой трудъ сосѣднему владѣльцу, но можетъ также и не продать его. И вотъ на сельскую общину падаютъ тяжкіе удары; хотятъ ее разрушить, не замѣчая, что это было бы не торжествомъ экономической свободы, а началомъ новаго экономическаго рабства.

Не трудно доказать два основныхъ положенія, изъ которыхъ вытекаетъ наша мысль: во-первыхъ, что разрушеніе сельской общины должно вести къ пролетаріату; и во-вторыхъ, что пролетаріатъ имѣетъ въ новыхъ обществахъ западно-европейскихъ значеніе, принадлежавшее невольничеству въ древнемъ мірѣ.

Представимъ себѣ, что сельская община какимъ либо способомъ у насъ уничтожена, что въ Россіи земледѣльческій народъ состоитъ ужъ не изъ совокупности *міровъ*, владѣющихъ общественною землею, а обращенъ въ безсвязную массу мелкихъ личныхъ собственниковъ. Изъ этихъ мелкихъ собственниковъ весьма многіе, безъ сомнѣнія, стали бы продавать свои участки, какъ мы это видимъ въ Сербіи,

нія помѣщиковъ — Турокъ, почти вся земля пере-
ность воздѣлывавшихъ ее Славянъ - хлѣбопашцевъ и
сельской собственность эта сдѣлалась
ъ 30 лѣтъ, и мы уже
о народа обезземелѣв-
сельскій пролетаріатъ,
ы. Такъ было бы и у
щиннаго землевладѣнія, господствовала въ
личная собственность. Немногіе изъ расчета,
необдуманности, еще бóльшее по неволѣ продали
тки; покупатели нашлись бы и между другими посе-
преимущественно между сосѣдними помѣщиками. Много
нашлось такихъ крестьянъ, которые продали бы свою зем-
тобы взяться за другое производительное дѣло? часто продавали
млю, чтобы получить деньги и прогулять ихъ, еще чаще, чтобы
латиться съ заимодавцемъ или уплатить недоимку. Во всякомъ
аѣ, если бы община была у насъ какъ нибудь уничтожена или ис-
а, то конечно лишь весьма небольшая часть земледѣльцевъ имѣ-
бы возможность пріобрѣсти самостоятельную собственность гдѣ
будь на сторонѣ и съ этою цѣлію сбыли бы свою землю въ род-
ъ селеніи; нѣсколько больше было бы такихъ, которые остались бы
ными собственниками своихъ прежнихъ земель и отчасти увели-
ли бы эти участки; наибольшее число, безъ всякаго сомнѣнія, обра-
лось бы въ безземельныхъ работниковъ или, другими словами, въ
льскихъ и городскихъ пролетаріевъ.

Но, возразятъ намъ, пролетаріата въ Россіи опасаться нечего,
ея огромномъ пространствѣ и рѣдкомъ населеніи. Нѣтъ, это ни-
о не значитъ. Человѣкъ, лишившійся земли и принужденный жить
работникахъ, не идетъ заселять пустыри, по той простой при-
ѣ, что для этого нуженъ довольно значительный капиталъ на во-
реніе (средства прокормить себя и семью до перваго умолота, ра-
й скотъ, орудія и проч.); такой человѣкъ, напротивъ, идетъ ту-
гдѣ населеніе уже сосредоточено, его тянетъ къ центрамъ про-
дительности, потому что тутъ онъ скорѣе найдетъ нанимателя.
непреложный законъ, дѣйствіе котораго замѣтно вездѣ, гдѣ есть
мные работники. И такъ, если вы уничтожите общину въ Рос-
остранство ея не послужитъ противодѣйствіемъ пролетаріату.
ько населеніе не будетъ распредѣляться равномѣрнѣе, а на-
, мѣста малонаселенныя будутъ пустѣть, а въ нѣкоторыхъ
ъ скопляться будетъ масса совершенно такихъ же пролета-
акіе составляютъ язву западной Европы. Конечно, язва эта
достигнетъ тѣхъ размѣровъ, какъ напр. въ Англіи и во

XVIII.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА.

лѣзни, — перестроить общество нельзя. Теоріи соціалистовъ неосуществимы; но приходится принимать нѣкоторыя палліативныя (и, разумѣется, мало дѣйствительныя) мѣры, приходится правительству вмѣшиваться въ частныя отношенія между нанимателемъ и работникомъ, опекунствовать надъ трудомъ. Такъ, напримѣръ, Англійское законодательство опредѣляетъ, сколько часовъ работы хозяинъ въ правѣ требовать отъ фабричнаго. По-видимому, какое дѣло правительству назначать норму рабочаго времени? Это предметъ частной сдѣлки. Если хозяинъ потребуетъ лишняго числа рабочихъ часовъ, то фабричный, какъ вольный человѣкъ, оставитъ работу, или подниметъ ея цѣну. Но фабричный въ Англіи — пролетарій, а пролетарій — невольникъ: его согласіе не участвуетъ въ установленіи условій работы. Потому-то правительство Англійское принуждено принимать законодательныя мѣры для защиты фабричныхъ пролетаріевъ отъ хозяевъ, которые иначе располагали бы ихъ трудомъ по своему произволу. Извѣстенъ билль 1847 года, запрещающій владѣльцамъ фабрикъ заставлять работать — взрослыхъ работниковъ долѣе 10 часовъ въ сутки, малолѣтныхъ—долѣе $6^1/_2$ часовъ. Такого же рода постановленія сдѣланы въ послѣднее время во Франціи и, если мы не ошибаемся, въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ государствахъ. Конечно, у насъ, даже если бы и явился пролетаріатъ, онъ не вдругъ могъ бы достигнуть такихъ размѣровъ, какъ въ этихъ странахъ; долго еще ощущался бы недостатокъ въ рабочихъ, и они, болѣе или менѣе, участвовали бы въ установленіи условій найма [1]; но это было бы все же лишь временною отсрочкою того зла, отъ котораго уже страдаютъ Англія и другія западныя страны. Примѣръ Англіи особенно знаменателенъ. Безспорно, нѣтъ въ Европѣ правительства, менѣе одержимаго духомъ регламентаціи, страстью вмѣшиваться въ частныя дѣла своихъ подданныхъ, чѣмъ правительство Англійское. И это правительство, черезъ годъ послѣ отмѣны знаменитыхъ хлѣбныхъ законовъ, послѣ этого великаго торжества экономической свободы, рѣшается на такое явное, вопіющее нарушеніе этой свободы ради огражденія фабричныхъ пролетаріевъ, — на регламентацію рабочихъ часовъ! Когда въ странѣ существуетъ неволя, въ той ли или другой формѣ, то общій гражданскій законъ, очевидно, не можетъ быть достаточенъ для охраненія невольника отъ злоупотребленій произвола владѣльца (ибо невольникъ отъ него непосредственно зависимъ).

---

[1]) Если наше законодательство тоже опредѣляетъ число рабочихъ часовъ въ ремесленныхъ цехахъ (уст. ремес. ст. 159), то это, очевидно, не имѣетъ никакого соотношенія съ пролетаріатомъ и есть послѣдствіе той искусственной регламентаціи ремесленнаго производства вообще, которое лежитъ въ основаніи всего цеховаго устройства въ Россіи.

Законъ вынужденъ прибѣгнуть къ регламентаціи ихъ частныхъ отношеній; онъ, рано или поздно, изъ человѣколюбія, вмѣшается въ это дѣло. Въ мірѣ древняго рабства явится Антонинъ и скажетъ: «господинъ не въ правѣ изнурять раба своего до смерти; за чрезмѣрную жестокость, рабъ будетъ у него отнятъ». При крѣпостномъ правѣ законъ долженъ будетъ постановить: «владѣлецъ не въ правѣ вынуждать больше трехъ дней барщины въ недѣлю; за обремененіе крестьянъ безмѣрными и несносными тягостями или нетерпимой въ управленіи ихъ жестокости [1]), на имѣніе будетъ наложена опека». При пролетаріатѣ законъ опредѣляетъ: «фабрикантъ или заводчикъ не въ правѣ вымогать больше десяти часовъ работы въ сутки; иначе онъ подвергнется взысканію». Всѣ эти три явленія вытекаютъ изъ одного общаго начала существованія рабства въ странѣ и соотвѣтствуютъ тремъ его фазисамъ. Пролетаріатъ есть его ново-европейскій фазисъ. Кто ведетъ къ пролетаріату, — а это есть, какъ мы показали выше, необходимое послѣдствіе отсутствія сельской общины даже въ странѣ мало населенной, — тотъ можетъ говорить только во имя интересовъ тѣхъ людей, для которыхъ важно нанимать дешево работниковъ и имѣть ихъ въ своей власти. Но употреблять слово «свобода» тутъ совершенно не кстати; это значило бы (если позволено перенять выраженіе, не намъ принадлежащее) говорить во имя свободы противъ свободы.

II.

Доводы поборниковъ уничтоженія сельской общины. — Земледѣльческій классъ въ Россіи съ XVI по XIX стол. — Судьба сельской общины въ Польшѣ, Бѣлоруссіи, Великороссіи и Малороссіи. — Поземельное владѣніе въ Китаѣ и Египтѣ. — Община у Индусовъ. — Принципъ землевладѣнія у древнихъ обитателей Новаго Свѣта. — Община въ средневѣковой Германіи и Франціи. — Общинное и личное владѣніе земли въ Россіи. — Круговая порука. — Препятствуетъ ли община передвиженію населенія и пріобрѣтенію личной собственности? — Пермскіе крестьяне и Нѣмецкіе колонисты. — Положеніе 19 февраля 1861 г. о сельской общинѣ. — Маіоратъ въ Германіи и Англіи и община въ Россіи. — Волчья воля. — Община какъ проявленіе понятія Русскаго народа о свободѣ.

Мы объяснили послѣдствія, какія разрушеніе общины имѣло бы для одной части населенія, то есть для тѣхъ несчастныхъ, которые, по своей ли винѣ или отъ постороннихъ обстоятельствъ, сдѣлались бы пролетаріями. Съ этимъ могутъ согласиться, и все-таки продолжать

[1]) Выраженіе прежняго у насъ закона: Св. зак. изд. 1857 г. т. IX ст. 1109.

споръ противъ общины. Могутъ сказать, что частное зло пролетаріата искупалось бы общимъ благосостояніемъ цѣлаго края, матеріальнымъ и нравственнымъ развитіемъ всего общества. Такая мысль часто высказывается практическими людьми и они ссылаются на наглядный примѣръ: сравниваютъ состояніе Англіи, Франціи, Германіи съ состояніемъ Россіи. Или вопросъ можетъ быть перенесенъ на почву теоретическую. Могутъ сказать, что наша община съ своими аттрибутами: круговою порукою, передѣломъ полей, неотчуждаемостью земли и такъ далѣе, противорѣчитъ непреложному, естественному закону человѣческой природы, личной свободѣ и отвѣтственности человѣка, и что поэтому необходимо снять эти оковы, хотя бы общее благо, — свобода, — и повело къ частному злу — пролетаріату.

Постараемся уяснить себѣ, выдерживаютъ ли эти доводы критику независимаго сужденія.

Начнемъ съ возраженія практиковъ, основывающихся на сравненіи Россіи и западныхъ странъ, ихъ матеріальнаго благосостоянія, развитія ихъ цивилизаціи. Матеріальный и умственный капиталъ народа создается не вдругъ; онъ копится вѣковымъ трудомъ поколѣній. При прочихъ равныхъ условіяхъ, матеріальный и умственный капиталъ народа, — или другими словами, его благосостояніе и степень его образованности, — должны зависѣть отъ того, сколько времени имѣлъ народъ для накопленія этого капитала. Проходилъ длинный рядъ поколѣній, пока племя, занявшее страну, могло въ ней, такъ сказать, водвориться, усвоить ея природу своимъ трудомъ и сложиться въ гражданское общество; и только послѣ этой предварительной работы могло начаться накопленіе народнаго капитала, безъ котораго невозможно ни матеріальное ни умственное развитіе страны. Мы не знаемъ, пришли ли Славяне, предки Русскаго народа, въ Европу въ одно время съ ихъ западными собратьями, или позднѣе. Но во всякомъ случаѣ, въ Россіи, по физическимъ условіямъ страны, эта предварительная работа, предшествовавшая началу гражданской жизни, могла совершиться лишь гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Германіи, Франціи, Англіи (не говоримъ уже о благодатныхъ краяхъ южной Европы). Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что, въ общихъ чертахъ, предки Русскаго народа ко времени образованія Русскаго государства на столько подвинулись въ этой работѣ, на сколько ее успѣли совершить у себя Германцы во времена Арминія, или жители Галліи и Британіи лѣтъ за 300 или за 400 до Рождества Христова. Другими словами, если, примѣрно, Русскій народъ употребилъ на скопленіе своего настоящаго матеріальнаго и умственнаго капитала 1000 лѣтъ, то, для соразмѣрности въ сравненіи, нужно сказать, что для скопленія своего наличнаго капитала Нѣмцы имѣли 1800 лѣтъ, Фран-

цузы и Англичане болѣе 2000 лѣтъ. Но эта огромная разница еще не все. Почва западныхъ странъ, очевидно, благопріятнѣе нашей. Тамъ, гдѣ въ Россіи почва богатая, земля по другимъ естественнымъ свойствамъ могла сдѣлаться пригодною для осѣдлой жизни только весьма недавно, подъ охраной государства уже вполнѣ утвердившагося. Въ остальной части страны, именно тамъ, гдѣ возрасталъ народъ, почва вообще неблагодарная, и стало быть, при одинаковомъ количествѣ труда, онъ давалъ меньше плодовъ, меньше обращалось въ народный капиталъ, нежели въ Западной Европѣ. Климатъ суровый, долгія зимы: отсюда меньшее количество дней въ году можетъ быть употреблено производительно, и трудъ подвергается бо̀льшимъ перерывамъ, которые, по справедливому замѣчанію Бокля, дѣлаютъ жителя сѣверныхъ странъ менѣе склоннымъ къ постоянной и систематической работѣ, чѣмъ человѣка въ умѣренномъ климатѣ. Пространство огромное и (считая одну только Европейскую Россію) почти *въ шестеро* менѣе населенное, чѣмъ во Франціи и въ Германіи и почти *въ восемь* разъ менѣе населенное, чѣмъ въ Великобританіи; а густота населенія, совокупляя человѣческія силы, усугубляетъ производительность человѣческаго труда и, стало быть, массу матеріальнаго и нравственнаго капитала, имъ создаваемаго. Мы говоримъ столь извѣстныя вещи, что онѣ намъ самимъ кажутся пошлыми; но эти пошлыя истины слишкомъ мало принимаются у насъ въ расчетъ, когда сравниваютъ положеніе Россіи съ западными странами. У насъ слишкомъ охотно приписываютъ нашу бѣдность, нашу экономическую неразвитость и всѣ послѣдствія этой бѣдности и неразвитости — винѣ самого народа: то какимъ-нибудь порокамъ, присвоиваемымъ его характеру, лѣности, безпечности и т. под., то воображаемымъ недостаткамъ его бытовой организаціи, между которыми, разумѣется, община выдвигается на первый планъ. Нѣтъ, мы бѣднѣе западныхъ народовъ, мы менѣе развиты — по причинамъ внѣшнимъ, непроизвольнымъ: потому что страна наша потребовала несравненно дольшаго времени, прежде нежели могла въ ней зародиться гражданская жизнь; потому что тѣ же физическія условія, которыя замедлили въ Россіи зарожденіе гражданской жизни (свойства почвы, наши зимы, наши пространства), продолжали и продолжаютъ дѣйствовать и понынѣ. Сомнѣнья нѣтъ, и въ Россіи человѣкъ все болѣе и болѣе будетъ становиться независимымъ отъ внѣшнихъ невыгодъ, и природа будетъ мало-по-малу терять надъ нимъ свою подавляющую власть. Но внѣшнія невыгоды здѣсь такъ громадны, что взвѣсивъ ихъ и сравнивъ съ другой стороны разстояніе, на которое народы Запада опередили Русскій, мы конечно признаемъ за Русскимъ народомъ относительное первенство въ энергіи и успѣхѣ труда. И какъ община составляетъ

отличительный признакъ русскаго народнаго труда отъ труда западно-европейскаго, то всего вѣроятнѣе будетъ предположить, что этимъ относительнымъ первенствомъ (которое съ каждымъ днемъ должно приближаться къ первенству дѣйствительному, ибо сравненіе историческихъ эпохъ доказываетъ, что Русскій народъ нагоняетъ Западно-Европейскіе), всего вѣроятнѣе, говоримъ мы, будетъ предположить, что этимъ первенствомъ Русскій народъ обязанъ именно общинѣ. Вѣроятіе сдѣлается для насъ очевидною истиною, когда мы, вмѣсто сравненія съ Западною Европою, взглянемъ на то, что представляетъ сама Россія. Не весь народъ Русскій живетъ общинами. Въ западной своей части онъ не знаетъ общиннаго быта. А на сторонѣ этой западной полосы соединены всѣ преимущества лучшаго климата, лучшей, большею частью, почвы, и болѣе продолжительной гражданской жизни. Въ центральной и сѣверовосточной Россіи едва начиналась Русская колонизація: здѣсь Русскому народу, какъ онъ припоминаетъ въ сказкѣ объ Егоріи, приходилось еще одолѣвать «лѣса дремучіе, гдѣ ни пройти, ни проѣхать», разгонять «стада волковъ рыскучихъ», очищать «водою животочною» пастушескія племена, у которыхъ «волоса, что ковыль-трава, тѣло на нихъ кора еловая, гласомъ гласятъ по звѣриному»; а въ эпоху этой колонизаціи центра и сѣверо-востока Россіи, западъ и юго-западъ ея уже имѣлъ всѣ выгоды устроенной гражданственности. Община первоначально существовала и тамъ, но потомъ она исчезла, подъ дѣйствіемъ тогдашнихъ носителей идеи «экономической свободы» — Польскаго шляхетства и Магдебургскаго городскаго права [1]). Уже въ XVII вѣкѣ посторонній и безпристрастный наблюдатель, южный Славянинъ — католикъ — былъ пораженъ огромною разницею въ положеніи земледѣльческаго класса въ западной части Русской земли, подвластной тогда Польшѣ, и въ восточной Руси. «У Ляховъ, говоритъ онъ, земледѣльцевъ и посадскихъ истязаютъ ихъ господа и морятъ безнаказанно; жиды мучатъ ихъ какъ бѣсы, военные поѣдаютъ ихъ съ кожею и костьми; а на Руси (т. е. въ восточной Руси, Московской) никто ихъ не трогаетъ». «Милости наши къ крестьянамъ и земледѣльцамъ (эти слова тотъ же Крижаничъ влагаетъ въ уста Русскаго царя) всегда были изрядны. Ибо вѣдомо всѣмъ, что въ нашемъ государствѣ много лучше крестьянамъ промышлено, чѣмъ въ нѣкоторыхъ окольныхъ державахъ, гдѣ боярскіе и военные люди крестьянъ безнаказанно изобижаютъ; а у насъ не ведется таковъ обычай». «Подумай, говоритъ у него въ

---

[1]) Статья г. Иванишева „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“ („Русск. Бесѣда“, 1857 г. кн. III) представляетъ намъ предсмертныя, такъ сказать, проявленія древняго общиннаго быта на Волыни во второй половинѣ XVI вѣка.

діалогѣ Русскій Поляку, подумай и разсуди, какой хорошій хлѣбъ ѣдятъ, по милости Божіей, во всей Россіи, а въ вашей Литвѣ какой негодный, такъ что пословица говоритъ: Литва—соломенный хлѣбъ» [1]). Это было писано въ 1663 году; и съ того времени положеніе земледѣльческаго класса въ Западно-Русскомъ краѣ, конечно, еще ухудшилось, и только развѣ съ 1863 года можно считать начало улучшенія. Какая же причина обѣднѣнія Западно-Русскаго народа, оскудѣнія въ немъ жизни, которое наступило въ XVI вѣкѣ, т. е. именно въ ту пору, когда народъ восточной Руси только начиналъ проявлять свои силы,—и длилось до нашихъ дней? Насъ поражаетъ тотъ фактъ, что высшіе классы въ западномъ краѣ земли Русской чужіе народу по національности и вѣроисповѣданію, и мы обыкновенно останавливаемся на поверхности этого явленія. Дѣйствительно, отчужденность польскаго и католическаго дворянства и вообще высшихъ классовъ отъ простаго народа, ихъ презрительныя и враждебныя чувства къ Русскому мужику, ихъ стремленіе пригнести его всѣми средствами—составляютъ величайшее зло нашего Западнаго края. Но вспомнимъ, что дворянство западныхъ губерній принадлежитъ Польской національности лишь по собственному, такъ сказать, изволенію, что по происхожденію оно, большею частію, мѣстное, коренное, русское, отшатнувшееся отъ Русской народности и православной вѣры только въ XVII и XVIII вѣкѣ. Сравнимъ съ этимъ Западно-Русскимъ, преимущественно туземнымъ, дворянствомъ — дворянство Великорусское, въ составъ котораго, какъ извѣстно, вошло такое множество всякихъ пришлыхъ элементовъ, Азіатскихъ и Европейскихъ. Въ XVI вѣкѣ, когда поколебалось прежнее равновѣсіе двухъ половинъ земли Русской, и Западная начала слабѣть, а Восточная постепенно усиливаться, Западно-Русское дворянство не только превосходило Восточное образованностью, но оно, конечно, стояло въ болѣе тѣсной связи съ своимъ народомъ, было болѣе ему сочувственно и болѣе заинтересовано въ благосостояніи подвластнаго ему люда, чѣмъ всѣ эти крещеные мурзы и всякаго рода иноземные выходцы, которымъ раздавались помѣстья въ Московскомъ государствѣ. Но въ Московскомъ государствѣ сельскій людъ былъ крѣпокъ своею общиною и само правительство не только ее берегло, но даже утверждало ея самостоятельность [2]). Крѣпкій кругъ сельской общины отражалъ отъ себя разрушительное дѣйствіе чуждыхъ русской жизни элементовъ и, напротивъ, втягивалъ эти элементы въ русскую жизнь. Татарскіе мур-

---

[1]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, изд. Безсонова, т. I стр. 247; 328, т. II стр. 320. То же замѣчаніе повторяется и въ другихъ мѣстахъ, см. т. I, 236, т. II, 319.

[2]) Извѣстны постановленія Ивана Грознаго въ пользу самоуправленія общинъ.

зы и иноземные авантюристы прирастали, такъ сказать, къ Русской землѣ. Каждый земледѣлецъ находилъ въ общинѣ ту общественную самодѣятельность (участіе въ мірскомъ дѣлѣ) и то матеріальное обезпеченіе (право на часть въ мірской землѣ), которыя сохранили въ Русскомъ крестьянствѣ сознаніе нравственной самостоятельности и чувство человѣческаго достоинства, когда писанный законъ прямо порабощалъ его. Съ другой стороны, въ Западной Руси въ XVI вѣкѣ совершенно разрушается сельская община. Правительство Польское, руководимое шляхтою, само всѣми силами этому помогаетъ, такъ что люди, въ которыхъ еще живъ старый общинный духъ народный, принуждены бѣжать въ Приднѣпровскія степи и дальше, за пороги, въ «дикія поля», чтобы образовать тамъ новыя общины казацкія, съ самаго зарожденія своего враждебныя всему гражданскому устройству, принятому Западною Русью. Лишенный оплота сельской общины, народъ въ ней все болѣе и болѣе слабѣетъ подъ разрушительнымъ дѣйствіемъ чуждыхъ стихій, и эти чуждыя стихіи овладѣваютъ самимъ Русскимъ дворянствомъ въ Западномъ краѣ. Чисто русское по происхожденію, оно съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе отрывается отъ Русской земли. Въ земледѣльческомъ классѣ цѣлыя массы людей становятся безземельными батраками, пролетаріями; но и тѣ, которые удержали въ своемъ пользованіи землю, живя безъ внутренней общинной связи, теряютъ всякую самостоятельность; и тѣ и другіе становятся рабами, — и рабами людей, которые, сдѣлавшись имъ чуждыми по народности и по религіи, могутъ думать конечно лишь о томъ, какъ бы эксплуатировать этихъ рабовъ и удерживать ихъ въ своей власти. Вотъ въ краткой параллели судьба Западно-Русскаго народа сравнительно съ Восточнымъ. Если Русскій народъ въ восточной Руси обезпеченъ хлѣбомъ, крѣпокъ и самостоятеленъ нравственно и могучъ, то этимъ онъ обязанъ прежде всего сельской общинѣ. Если въ западномъ краѣ Русскій народъ обнищалъ, ослабѣлъ духомъ и впалъ въ совершенную зависимость отъ высшихъ классовъ, то этому прежде всего виною утрата сельской общины, — и только въ той части Западнаго края, гдѣ разрушившаяся древняя община возродилась въ учрежденіи казачества, Русскій народъ могъ уберечься отъ этого матеріальнаго и нравственнаго упадка. Но въ Малорусскомъ казачествѣ уцѣлѣла только одна, такъ сказать, сторона общины: солидарность членовъ общества и самоуправленіе; исчезла ея первобытная непосредственность, которая дѣлаетъ Великорусскую общину какъ бы прирожденнымъ достояніемъ человѣка; община казацкая замкнулась, какъ привилегированное братство, исключавшее одну часть земледѣльческаго населенія и служившее извѣстнымъ, спеціальнымъ цѣлямъ. Не обнимая ни всего народа, ни всего быта,

она въ началѣ пыталась принять характеръ товарищества, основаннаго на условныхъ правилахъ и отчасти даже (какъ въ Запорожской Сѣчи) съ коммунистическимъ направленіемъ; вообще же развила въ себѣ начало обособленной, личной поземельной собственности [1]). Все это и объясняетъ ея историческую судьбу. Боевая артель, казацкая община въ эпоху воодушевленія и борьбы придала народу огромную силу; но скоро подверглась внутреннему разладу и пала. Она спасла Малорусскій народъ отъ судьбы Бѣлорусскаго; но не могла дать ему той энергіи, которую Великорусскій крестьянинъ почерпалъ въ своей земской общинѣ. Малорусскій бытъ съ его казачествомъ и личною поземельною собственностью сталъ какъ-бы на срединѣ между Великорусскою земскою общиною и безобщиннымъ бытомъ Западнорусскимъ. На сторонѣ Малорусскаго народа были всѣ выгоды благодатной страны и долгой свободы отъ крѣпостнаго права. Не смотря на все это, бо̀льшая склонность къ труду и промыслу оказалась на сторонѣ того народа, который удержалъ земскую общину.

Намъ остается теперь подвергнуть вопросъ объ общинѣ разбору собственно въ теоретическомъ смыслѣ. Ибо какъ бы ни было убѣдительно доказано, что уничтоженіе общины ведетъ къ пролетаріату, и что пролетаріатъ, будучи своего рода рабствомъ, есть великое бѣдствіе: мы услышимъ возраженіе, что это зло необходимо въ развитомъ человѣческомъ обществѣ. Какъ бы ни было ясно представлено, что народъ Русскій обладаетъ большею энергіею тамъ, гдѣ онъ живетъ общинами, нежели въ тѣхъ краяхъ, гдѣ общинный быть не существуетъ: мы услышимъ возраженіе, что это такъ только, покуда общество неразвито; что община противорѣчитъ законамъ гражданскаго развитія, и потому должна или сама исчезнуть, или быть устранена. При этомъ намъ непремѣнно укажутъ на примѣръ западноевропейскихъ народовъ. Но въ теоретическомъ сужденіи, примѣръ не можетъ служить непремѣннымъ доказательствомъ, и мы позволимъ себѣ устранить этотъ доводъ: ибо то, что̀ представляется на Западѣ Европы, какъ бы оно ни было хорошо, все же не можетъ быть признано за окончательную норму человѣческаго развитія. Это значило бы положить предѣлъ ходу человѣчества, что̀ очевидно противорѣчитъ здравому смыслу и исторіи. Правда, мы находимъ, что у Германцевъ, или по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ Германскихъ племенъ, были въ старину признаки поземельной общины и передѣла полей,

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь разумѣется, только о казачествѣ Малороссійскомъ. Великорусское казачество осталось, вообще, гораздо ближе къ первоначальному типу земской общины и между прочимъ сохранило начало общиннаго поземельнаго владѣнія. Оно и не обнаружило той исключительности, какъ казачество Малороссійское, и не заключало въ себѣ тѣхъ зародышей быстраго разложенія.

что поземельная община была извѣстна и средневѣковой Франціи, но что со временемъ все это исчезло. Однако изъ того, что у Германцевъ и во Франціи не развились эти начатки поземельной общины, слѣдуетъ ли непремѣнное заключеніе, будто поземельная община вездѣ должна оставаться только принадлежностью первобытной эпохи? Это было бы такимъ же ребяческимъ разсужденіемъ, какъ если бы въ древности какой-нибудь Грекъ, указывая на неразвившійся зародышъ объединенія Эллиновъ при царѣ Агамемнонѣ и на ихъ раздробленность въ эпоху процвѣтанія, сталъ на этомъ основаніи утверждать, что государственное единство есть для развитаго народа недосягаемое благо. И такъ, оставляя въ сторонѣ слишкомъ бездоказательные примѣры, перейдемъ къ теоретическому сужденію.

Намъ кажется, что поземельная община нисколько не противорѣчитъ началу собственности, этому краеугольному камню человѣческаго общества, и не имѣетъ ничего сходнаго съ коммунистическими тенденціями, въ которыхъ ее такъ часто обвиняютъ. Напротивъ того, мы думаемъ, что поземельная община основана на самомъ вѣрномъ, хотя инстинктивномъ въ народѣ, сознаніи начала собственности.

Излишнимъ было бы распространяться о существенномъ различіи между землею и всякою другою собственностью: человѣкъ не властенъ надъ нею, онъ не можетъ ее ни произвести, ни уничтожить. Такимъ обрезомъ, въ поземельной собственности присущи два элемента: элементъ, независимый отъ человѣка (сама земля), и сила, усвоивающая этотъ элементъ человѣку (трудъ со всѣми его послѣдствіями). На первой ступени развитія народовъ, въ понятіи о землѣ господствуетъ исключительно первый элементъ: земля считается такою же общею, не подлежащею ничьему частному присвоенію, принадлежностью человѣка, какъ напр. воздухъ и вода. Таковъ долженъ былъ быть первоначальный взглядъ на землю. Но затѣмъ, когда человѣкъ приложилъ къ землѣ свой трудъ, первымъ его побужденіемъ было, конечно, придать этому личному труду исключительное значеніе: онъ, естественно, терялъ изъ виду, забывалъ общій, независимый элементъ въ землѣ, и признавалъ ее такимъ же предметомъ безусловной частной (родовой или личной) собственности, какъ животное, которое онъ вскормилъ, жатву, которую собралъ, и т. под. Мы находимъ такимъ образомъ вездѣ въ первоначальныхъ цивилизаціяхъ непосредственный переходъ отъ идеи полнаго, такъ сказать, коммунизма земли къ полному ея обращенію въ частную собственность. Такъ напримѣръ, въ Китаѣ, первоначально земля признавалась достояніемъ всего общества, а съ укрѣпленіемъ монархическаго принципа, достояніемъ императора или удѣльнаго владѣтеля, и распредѣлялась между землевладѣльцами ровными участками, кото-

рые давались каждому на время, пока онъ былъ способенъ къ работѣ. Земля дѣлилась на квадратныя пространства извѣстной величины, которыя разбивались на 9 участковъ каждое: 8 участковъ предоставлялись отдѣльнымъ земледѣльцамъ, на собственное употребленіе, а изъ 9-таго участка, по серединѣ, одна двадцатая часть отводилась подъ усадьбы, а остальныя обработывались для казны. Болѣе этого опредѣленнаго количества земли никто не могъ получить; никто не могъ располагать землею по своему произволу, уступать ее другому посредствомъ продажи, заклада или единовременной отдачи другому на посѣвъ. Раздача земель работникамъ, отобраніе у престарѣлыхъ и слабыхъ и передача другимъ съ обязанностью прокормлять этихъ людей, все это дѣлалось государственною властью. Тутъ мы видимъ явную идею коммунизма земли. На этой системѣ полей, замѣчаетъ нашъ почтенный синологъ, у котораго мы и заимствуемъ всѣ эти данныя [1]), стояло, какъ на фундаментѣ, все государственное зданіе древняго Китая. Отъ этого коммунизма, оказавшагося на практикѣ весьма неудобнымъ, Китай прямо перешелъ къ полной частной собственности земель. Въ 350 году до Р. Х. реформаторъ Шанъ-янъ провозгласилъ, что всѣ земли составляютъ вѣчную собственность каждаго, кто ихъ занималъ, собственность, которою каждый можетъ располагать по своему произволу. Послѣдствіемъ этого было въ Китаѣ быстрое обезземеленіе огромнаго большинства народонаселенія и сосредоточеніе земли въ рукахъ небольшаго числа крупныхъ собственниковъ, у которыхъ прочіе земледѣльцы сдѣлались арендаторами или рабочими. Чтобы облегчить гнетъ, подъ который такимъ образомъ попала масса народа, Китайское правительство неоднократно старалось возстановить древнюю коммунистическую форму землевладѣнія; важнѣйшая попытка въ этомъ смыслѣ сдѣлана была въ XV вѣкѣ, но попытки эти, какъ и весьма естественно, не могли имѣть успѣха.

Поразительное сходство съ этими фактами исторіи Китая представляетъ намъ другая страна съ столь же первобытною цивилизаціею, Египетъ. По словамъ Геродота, царь Сезострисъ раздѣлилъ землю въ Египтѣ между жителями, назначая каждому четвероугольные участки одинаковой величины. Это очевидно таже коммунистическая система, примѣненіе которой въ древнѣйшую эпоху такъ подробно представляется въ Китаѣ. Геродотъ не передаетъ намъ свѣдѣній о переходѣ отъ этого коммунизма къ полной частной собственности, но этотъ переходъ совершился, пото-

---

[1]) Захаровъ: „Поземельная собственность въ Китаѣ", во 2-мъ томѣ Трудовъ Росс. Дух. Миссіи въ Пекинѣ.

тому что въ послѣдующее за тѣмъ время земля въ Египтѣ является (какъ видно изъ свидѣтельства Діодора Сицилійскаго) частною собственностью, и притомъ такою, которая успѣла уже перейди, какъ въ Китаѣ, въ руки крупныхъ владѣльцевъ, членовъ высшихъ кастъ, воиновъ и жрецовъ, и царя (какъ личнаго собственника), съ обращеніемъ всего земледѣльческаго люда въ арендаторовъ.—У древняго Израиля земля была въ древнѣйшую, пастушескую эпоху, безъ всякаго сомнѣнія, нераздѣльнымъ достояніемъ всего народа, а затѣмъ, по водвореніи въ Палестинѣ, народъ Еврейскій прямо перешелъ къ частному землевладѣнію. Книги Закона признавали и впослѣдствіи, что земля есть достояніе Божіе, а не человѣческое, и, основываясь на этомъ принципѣ, постановили правила о возстановленіи прежнихъ владѣльцевъ въ обладаніи отчужденнымъ ими имуществомъ, черезъ каждыя 49 лѣтъ; но, какъ видно изъ исторіи, правила эти оставались безъ практическаго примѣненія. Такимъ образомъ древнѣйшія цивилизаціи нашего Стараго Свѣта, и Китайская, и Египетская, и Еврейская знали только или коммунизмъ земли, или частную собственность.

Община, примиряющая эти два начала — независимаго отъ человѣка значенія земли и права, какое даетъ ему надъ нею его трудъ,— община была совершенно чужда понятіямъ этихъ древнихъ народовъ. Первые признаки ея являются, среди древнихъ цивилизацій Стараго Свѣта, только у того поколѣнія, которому суждено было превзойти всѣ остальныя племена людскія и подчинить себѣ міръ силою своей мысли и энергіею своихъ рукъ: первые признаки общины являются у Индусовъ, перваго изъ народовъ Арійской крови, выступившаго въ исторіи. Уступая однимъ лишь Израильтянамъ въ глубинѣ религіознаго созерцанія, Индусы во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ безспорно представляютъ высшую изъ древнихъ до-европейскихъ цивилизацій. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ только скудными и смутными данными объ Индійской общинѣ. При томъ всѣ внѣшнія обстоятельства Индійской жизни были какъ нельзя болѣе неблагопріятны общинному началу: раздѣленіе между завоевателями и завоеванными, развитіе кастъ, преобладаніе аристократическаго элемента, все это должно было подавлять общинное начало, и оно дѣйствительно оставалось постоянно безсильнымъ и безвѣстнымъ, но все же существовало издавна и сохранилось до нашихъ дней. Въ древнихъ эпопеяхъ Индійскихъ являются сельскія общины и промышленныя корпораціи (артели), происхожденіе которыхъ должно быть отнесено къ древнѣйшему времени, предшествовавшему образованію деспотическихъ монархій въ Индіи. «Учрежденія подобнаго рода, справедливо замѣ-

чаетъ Дункеръ въ своей извѣстной исторіи древняго міра [1]), никогда не бываютъ обязаны своимъ началомъ деспотизму, которому присуще стремленіе атомизировать народъ и управлять имъ сверху центральною властью; поэтому такія учрежденія должны были развиться изъ народной жизни до начала монархическаго деспотизма въ Индіи». Извѣстія Англичанъ свидѣтельствуютъ, что и въ настоящее время, не смотря на столько переворотовъ, слѣды поземельной общины не совсѣмъ тамъ изгладились.

Если мы отъ древнихъ цивилизацій Стараго-Свѣта перейдемъ къ древнимъ цивилизаціямъ Новаго Свѣта, то и тутъ мы найдемъ сперва коммунизмъ земель и распредѣленіе земель государствомъ, на подобіе древняго Китая: таковъ былъ принципъ землевладѣнія у древнихъ Перувіанцевъ, и несомнѣнно, что только Испанское завоеваніе, разрушившее эту первобытную цивилизацію, не дало ей времени отъ этого коммунизма перейти естественнымъ путемъ къ частной собственности. Частная поземельная собственность существовала у Мексиканцевъ, которые представляютъ высшую ступень развитія, какой достигли Американскіе народы. И замѣчательно, что у нихъ было что-то въ родѣ поземельной общины (такъ назыв. калпулли), похожей, по своему зависимому положенію, на общину у Индусовъ. Она точно также была, какъ видно, подавлена завоевательнымъ характеромъ, лежавшимъ въ основѣ государственнаго устройства древней Мексики, господствомъ аристократіи и кастическимъ началомъ. Но эти поземельныя общины или калпулли пользовались юридическимъ признаніемъ, земли ихъ были неприкосновенны и ихъ выборные старшины считались принадлежащими къ благородному сословію.

Въ Европѣ исторія не застаетъ уже древнѣйшаго коммунизма земель, если мы не захотимъ придать историческаго значенія миѳамъ о золотомъ вѣкѣ, когда все было общее. Здѣсь древнѣйшею формою землевладѣнія была полная частная собственность, сперва родовая, а потомъ личная, какъ напримѣръ у древнихъ Грековъ и Римлянъ. Поземельная община и въ Европѣ, какъ въ Азіи и Америкѣ, принадлежитъ народамъ, представляющимъ высшій фазисъ развитія. Первые признаки ея въ Европѣ являются у Германцевъ; но въ Германскомъ бытѣ элементъ аристократіи имѣлъ такое преобладающее значеніе, что развитіе общины было невозможно. Во Франціи, послѣ распаденія римской организаціи въ средніе вѣка, земледѣльцы стали также соединяться въ поземельныя общины, въ особенности на церковныхъ земляхъ. Поземельныя общины существовали тамъ въ большомъ числѣ до революціи 1789 года. Страшныя злоупотребленія высшихъ клас-

[1]) Duncker, Geschichte des Alterthums. II, 104.

совъ, страшныя бѣдствія народа сдѣлали ему ненавистною всю прежнюю его жизнь, и онъ въ эту революцію внезапнымъ переворотомъ уничтожилъ или хотѣлъ уничтожить все прошлое. Поземельныя общины погибли въ этомъ крушеніи и замѣнились мелкою личною собственностію. Но въ настоящее время люди, изучающіе бытъ Французскихъ крестьянъ, оплакиваютъ уничтоженіе поземельныхъ общинъ, какъ величайшее бѣдствіе для земледѣльческаго класса во Франціи, и мечтаютъ о возстановленіи ихъ, какъ единственномъ спасеніи отъ общественныхъ золъ, отравляющихъ жизнь народныхъ массъ въ этой странѣ. Возстановленіе разъ уничтоженныхъ общинъ едва ли осуществимо на практикѣ. Но учрежденіе, которое завяло въ зародышѣ у Нѣмцевъ и Французовъ, можетъ развиться при другихъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ, и мы повторимъ слова, которыми г. Бонмеръ заканчиваетъ свою превосходную исторію Французскихъ крестьянъ: «Одинъ изъ высшихъ и совершеннѣйшихъ умовъ древняго міра, Аристотель, былъ убѣжденъ, что рабство есть законное и необходимое общественное учрежденіе и что трудъ не возможенъ безъ рабовъ. Въ средніе вѣка лучшіе мыслители были увѣрены, что крѣпостное право справедливо и нужно. Нынче думаютъ точно также, что дробленіе поземельной собственности и работа поземельными наемниками (le salariat) составляютъ идеалъ и послѣднее слово общественныхъ учрежденій... Но развѣ новый законъ индустріи создалъ на землѣ такой привлекательный рай, что нужно раскинуть шатры и остановиться въ немъ безъ надежды? Какъ положеніе рабочаго класса постоянно видоизмѣнялось, постепенно улучшаясь, и каждое изъ этихъ улучшеній обозначало собою, по справедливому замѣчанію Шатобріана, великое и благодѣтельное преобразованіе, такъ отчего же то, что не переставало итти впередъ, сдѣлалось бы вдругъ неподвижнымъ? отчего рабочій человѣкъ, который былъ поочередно рабомъ, крѣпостнымъ и наемникомъ, не былъ бы призванъ сдѣлаться общинникомъ? Кто осмѣлится присвоить себѣ голосъ Бога, чтобы сказать человѣчеству, вѣчно идущему впередъ: «ты дальше не пойдешь!» [1])

---

[1]) Eugène Bonnemère: Histoire des paysans, II. 499: „L'une des plus hautes et des plus complètes intelligences de l'antiquité, Aristote, était convaincu que l'esclavage était une institution sociale légitime et nécessaire et que le travail était impossible sans esclaves. Au moyen âge les esprits les plus éminents étaient convaincus que le servage était juste et indispensable. Aujourd'hui l'on est convaincu, au même titre, que le morcellement agricole et le salariat sont l'idéal et le dernier mot des institutions sociales.... La loi nouvelle de l'industrie a-t-elle réalisé sur cette terre un si séduisant Eden, qu'il faille déployer nos tentes et nous y arrêter sans espoir? Puisque la condition des travailleurs a changé sans cesse pour s'améliorer toujours, et que chacune de ces améliorations a sonné l'heure d'une grande et bienfaisante transformation sociale, ainsi que Cha-

Бонмеръ правъ: поземельная община должна обозначить собою высшій фазисъ общественнаго развитія, ибо по идеѣ своей она наименѣе одностороння. Она пытается соединить начало общаго пользованія землею, какъ природнымъ достояніемъ людей, съ началомъ полной собственности, какъ результатомъ личнаго труда. Такъ она признаетъ жатву и всѣ вообще произведенія, добытыя трудомъ, безусловною личною собственностью, будучи этимъ діаметрально противоположна всякому коммунистическому обществу. Съ другой стороны, поземельная община заключаетъ въ себѣ ту идею, что всякій человѣкъ, желающій жить земледѣльческимъ трудомъ, долженъ находить въ той средѣ, къ которой онъ принадлежитъ, или въ своемъ мірѣ, необходимую для этого труда землю, такъ какъ она, сама по себѣ, не подлежитъ ни чьему исключительную усвоенію. Внѣ круга земель, удовлетворяющихъ такимъ образомъ насущной потребности земледѣльческаго люда, вся прочая земля можетъ обращаться въ личную собственность; въ этомъ видѣ личная поземельная собственность издавна велась и всегда признавалась на Руси; но народъ нашъ не понимаетъ, чтобы земля, нужная непосредственно для обезпеченія каждаго земледѣльца, могла быть чѣмъ либо инымъ, какъ общественнымъ достояніемъ [1]). Такова, какъ намъ кажется, въ отвлеченномъ выраженіи, существенная идея поземельной общины, идея, которая, безспорно, представляетъ высшую ступень развитія сравнительно съ обществами, отождествляющими землю съ предметами, которые подлежатъ безусловно личному усвоенію. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ бытовыя приложенія этой идеи соотвѣтствуютъ условіямъ общественной жизни.

Мы часто слышимъ, будто круговая порука, это логическое послѣдствіе общины, не совмѣстна съ началомъ личной отвѣтственности; будто общинный бытъ, съ неотчуждаемостью общинной земли, задерживаетъ свободное движеніе и распредѣленіе производительныхъ силъ и собственности; будто передѣлъ полей препятствуетъ тщательной обработкѣ земли; будто наконецъ общинный союзъ вообще ослабляетъ личную самодѣятельность, держитъ человѣка въ опекѣ и есть своего рода крѣпостное право, которое можетъ становиться даже суровѣе бывшей помѣщичьей власти.

Вотъ, кажется, всѣ аргументы, которые намъ приходилось чи-

teaubriand l'établit avec raison; pourquoi ce qui n'a jamais cessé de progresser serait-il subitement frappé d'immobilisme, pourquoi le travailleur, qui a été tour à tour esclave, serf et salarié, ne serait-il pas appelé à devenir associé? Qui donc osera prendre la voix de Dieu pour dire à l'humanité, qui toujours marche: Tu n'iras pas plus loin!"

[1]) Это всего яснѣе выражалось въ извѣстномъ взглядѣ Русскаго крестьянства на землю въ эпоху крѣпостнаго права:" мы господскіе, а земля наша—мірская".

тать или слышать противъ русской общины. Начнемъ съ послѣдняго изъ нихъ, самаго общаго и на видъ самаго страшнаго: что общинное право есть видъ опеки человѣка надъ человѣкомъ, своего рода крѣпостное право. Позволимъ себѣ сказать безъ обиняковъ: эта фраза «община есть видъ крѣпостнаго права» не болѣе какъ то, что Французы называютъ une mauvaise plaisanterie. Въ крѣпостномъ правѣ, сколько извѣстно, одинъ человѣкъ располагалъ другими людьми безъ ихъ участія и согласія въ рѣшеніи того, что до нихъ касалось. А общинное право есть право самоуправленія и самосуда, право, которое каждому члену общества даетъ голосъ въ совѣтѣ и рѣшеніи по общему дѣлу и которое, по существующему обычаю, не довольствуется даже большинствомъ, имѣющимъ въ нѣкоторомъ смыслѣ принудительный характеръ, а требуетъ единогласія. Каждый человѣкъ подчиняется тутъ приговору, въ которомъ онъ самъ участвовалъ или могъ участвовать; онъ повинуется старшинѣ, котораго самъ выбиралъ. Если это можетъ быть сочтено ослабленіемъ личной самодѣятельности, если это можетъ быть названо опекой и сравнено съ крѣпостнымъ правомъ, то какое страшное стѣсненіе личности, какая тяжкая опека, какое ужасное крѣпостное право господствуетъ въ Сѣверныхъ Американскихъ Штатахъ, гдѣ общія дѣла рѣшаются тоже голосомъ всѣхъ гражданъ и даже простое большинство постановляетъ обязательное для каждаго рѣшеніе! Нѣтъ, оставимъ въ сторонѣ эту шутку при равненія общины къ крѣпостному праву.

Круговая порука противна ли закону человѣческой отвѣтственности [1])? Представимъ себѣ, что община уничтожена, и что каждая личность отвѣчаетъ за себя въ отбываніи общественныхъ тягостей. Имущіе и исправные будутъ платить только свою личную долю; за неимущихъ и неисправныхъ никто не заплатитъ. Очевидно, что тотчасъ же увеличится значительно сумма недоимокъ. Но ни государство, ни земство для этого не откажутся, да и едва ли бы могли отказаться, отъ расходовъ, на которые пошли бы эти недоплаченныя деньги. Представятся два средства къ восполненію недостатка: либо увеличить въ той или другой формѣ взимаемыя съ народа суммы, и такимъ образомъ все-таки разложить недоимку на исправныхъ плательщиковъ; или взыскивать съ каждаго неисправнаго плательщика

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь, конечно только круговую поруку въ отношенін къ общественнымъ и государственнымъ обязанностямъ, т. е. ту круговую поруку, которая логически истекаетъ изъ идеи поземельной общины и коренится въ народномъ бытѣ. Мы совершенно устраняемъ круговую поруку въ дѣлахъ уголовныхъ, какъ вовсе не зависящую отъ общиннаго быта; это ничто иное, какъ полицейская мѣра, которая принималась почти вездѣ, и при общинномъ бытѣ и внѣ этого быта, для воспособленія недостатку или несовершенству административныхъ средствъ къ предупрежденію и преслѣдованію преступленій.

подать экзекуціонными мѣрами, т. е. разорять людей, которые иначе, можетъ быть, скоро поправились бы, дѣлать изъ нихъ бѣдняковъ, съ которыхъ чрезъ годъ нечего будетъ взять, и за которыхъ поневолѣ будутъ платить потомъ имѣющіе что-нибудь. Тѣмъ или другимъ способомъ, вездѣ имущимъ приходится нести общественную тягость за неимущихъ, круговая порука вездѣ существуетъ, да и не можетъ не существовать, потому что человѣческое общество, видно, создано не для полной отдѣленности каждаго лица, а для того, чтобы люди помогали другъ другу. При томъ же та несоразмѣрная тягость, которую круговая порука налагаетъ на имущихъ и исправныхъ за нерадивыхъ и бѣдныхъ, вознаграждается другою несоразмѣрностію прямо противоположнаго свойства, тѣмъ, что равная, сравнительно, прибыль легче получается по мѣрѣ того, чѣмъ больше достатокъ. И такъ круговая порука, въ томъ или другомъ видѣ, говоримъ мы, составляетъ принадлежность всякаго человѣческаго общежитія. Разница только та, что тамъ, гдѣ община существуетъ, распредѣленіе общественныхъ тягостей производится въ кругу людей, живущихъ вмѣстѣ и коротко знающихъ свои средства, и что, стало быть, оно можетъ дѣлаться гораздо справедливѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ оно производится исключительно въ большой, отвлеченной, такъ сказать, сферѣ цѣлаго государства [1]). Нѣтъ, намъ нечего жаловаться на общинный бытъ за круговую поруку и обвинять ее въ томъ, будто она, заставляя имущихъ платить за неимущихъ, задерживаетъ этимъ накопленіе богатствъ и экономическое развитіе Россіи. То, что въ этомъ отношеніи мѣшаетъ у насъ накопленію богатствъ, есть явленіе совершенно независимое отъ общиннаго начала, порожденное разными другими историческими и государственными условіями, явленіе діаметрально противоположное свойству круговой поруки, именно то, что изъ общей сложности налоговъ, въ Россіи сравнительно гораздо бóльшая часть падаетъ на неимущихъ, на тѣхъ, кто еще не накопили богатства, чѣмъ на имущихъ, на накопившихъ богатство. Вспомнимъ, какіе у насъ главные источники дохода: подушная, оброкъ съ государственныхъ крестьянъ, акцизъ съ вина и соли,—и мы поймемъ, что экономическое улучшеніе зависѣло бы у насъ не отъ уничтоженія круговой поруки въ отдѣльныхъ общинахъ крестьянскаго сословія, а отъ исправленія этого неравномѣрнаго и совершенно противоположнаго идеѣ круговой поруки, распредѣленія общественныхъ тягостей между цѣлымъ народомъ во всѣхъ его слояхъ.

Говорятъ еще, что община, ограничивая свободу движенія и прі-

[1]) Самый осязательный примѣръ такого отвлеченнаго приложенія идеи круговой поруки представляетъ Англія въ своемъ налогѣ для бѣдныхъ, poor-tax.

обрѣтенія личной собственности земледѣльцами, задерживаетъ экономическое развитіе страны. Это опять-таки недоразумѣніе: общину обвиняютъ въ томъ, въ чемъ совсѣмъ не она виновата. Препятствуютъ свободному передвиженію населенія, во-первыхъ, стѣснительная паспортная система [1]) и во-вторыхъ, тѣ ограниченія, которыя законъ поставилъ выходу изъ общины на время срочно-обязаннаго положенія собственно для огражденія интересовъ помѣщиковъ. Облегчите паспортную систему; дайте пройти срочно-обязанному времени, и вы увидите, какъ быстро пойдетъ передвиженіе населенія. Міръ никого не станетъ держать противъ воли, потому что его прямая выгода состоитъ въ томъ, чтобы члены его зарабатывали какъ можно больше; тоже не въ его интересахъ препятствовать совершенному переселенію семейства на другія мѣста, ибо земля уже имѣетъ столько цѣнности, что остальные общинники не безъ выгоды могутъ дѣлить между собою опустѣлые участки или отдавать ихъ новымъ семьямъ, образующимся отъ прибыли населенія. Община не только не препятствуетъ свободному движенію рабочихъ силъ, напротивъ того, она болѣе всего ему способствуетъ, потому что членъ общины, оставляя дома обезпеченную семью, можетъ смѣло пускаться за заработкомъ въ дальній путь, на что не такъ легко отважится ни личный землевладѣлецъ, привязанный къ мѣсту своею собственностью, ни пролетарій, которому нужно тащить съ собою жену и дѣтей. Мы имѣемъ тому самое осязательнее доказательство, между прочимъ, въ тѣхъ толпахъ рабочихъ, на которыхъ преимущественно держится крупное хозяйство южныхъ губерній: они приходятъ не изъ ближайшей Малороссіи, а изъ Великорусскихъ губерній, гдѣ существуетъ община. Что касается до пріобрѣтенія крестьянами личной поземельной собственности, то и тутъ сваливаютъ на общину чужую вину. Вспомнимъ, что только съ 1861 года поземельная собственность сдѣлалась, юридически, вполнѣ доступною крестьянству. Прежде крестьянинъ долженъ былъ покупать землю или на чужое имя, при чемъ ничто не обезпечивало его отъ злоупотребленія его довѣріемъ, или подлежалъ разнымъ стѣснительнымъ условіямъ, которыя чрезвычайно затрудняли для него покупку земли. Могла ли при этомъ развиться въ земледѣльцахъ нашихъ охота и привычка къ пріобрѣтенію земель въ личную собственность? И достаточно ли нѣсколькихъ лѣтъ, протекшихъ съ того времени, чтобы значительно измѣнить это расположеніе въ народѣ? Тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ открылась нашимъ крестьянамъ возможность покупать землю, они весьма часто пользуются этимъ правомъ и община имъ нисколько въ

---

[1]) Система эта, съ своей стороны, зависитъ отъ характера нашихъ податей.

томъ не мѣшаетъ [1]). Чтò еще важнѣе: пріобрѣтеніе участковъ въ личную собственность нимало не способствуетъ къ разрушенію самаго общиннаго союза. Законъ 19 Февраля, къ великому счастію Россіи, призналъ поземельную общину, какъ существующій фактъ; но онъ не сдѣлалъ ея сохраненіе обязательнымъ. Даже видно, что законъ писался подъ впечатлѣніемъ тогдашнихъ толковъ нашихъ поборниковъ «экономической свободы» о томъ, будто общинное владѣніе землею стоитъ въ развитіи страны ниже владѣнія личнаго. На это настроеніе мысли указываетъ то, что законъ 19 Февраля, дозволяя распаденіе поземельной общины, какъ скоро того пожелаютъ двѣ трети хозяевъ, въ то же время вовсе не предвидитъ обратнаго случая, т. е. возможности замѣна участковаго владѣнія общиннымъ. И такъ, говоримъ мы, законъ нашъ не только не упрочиваетъ нарочно поземельной общины, а напротивъ, открываетъ широкій просторъ ея распаденію. Между тѣмъ, пользуются ли крестьяне этимъ правомъ? Мы безпрестанно читаемъ въ газетахъ и слышимъ, что многіе изъ нихъ спѣшатъ покупать земли отъ сосѣднихъ владѣльцевъ въ личную собственность; но нигдѣ не попадалось, по крайней мѣрѣ намъ, извѣстіе о томъ, чтобы составлялись, на основаніи ст. 115 мѣстнаго Полож. для губерн. Великор., приговоры о замѣнѣ общиннаго пользованія наслѣдственнымъ, а напротивъ того, переходъ отъ *существующаго личнаго* владѣнія къ общинному мы видимъ на дѣлѣ. Этотъ фактъ, опровергающій всѣ толки о томъ, будто община тягостна Русскому народу и ему навязывается противъ его желанія, — этотъ фактъ совершается на глазахъ нашихъ въ Пермской губерніи. Въ многоземельныхъ и мало населенныхъ уѣздахъ ея по Камѣ, гдѣ народъ, пользуясь огромнымъ просторомъ лѣсовъ, продолжаетъ разселяться новыми поселками и починками, онъ начинаетъ въ нихъ дѣло съ личной собственности. Каждый поселенецъ владѣетъ расчищеннымъ участкомъ, какъ своимъ личнымъ имуществомъ, передаетъ его по наслѣдству, продаетъ или уступаетъ другому безо всякаго участія міра. Міра въ этихъ поселкахъ собственно еще нѣтъ, а есть такъ называемая *земская,* обнимающая извѣстное пространство такихъ поселеній, какъ домашняя административная единица, раскладывающая между своими членами оброки и работы, но не вмѣшивающаяся въ ихъ землевладѣніе. Но когда въ поселкахъ населеніе сгустилось, такъ что возникаетъ деревня и вмѣсто отдѣльныхъ

---

[1]) Въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ печатаются постановленія присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, можно найти сотни дѣлъ о земляхъ, купленныхъ въ прежнее время крестьянами-общинниками въ личную собственность и которыми они владѣли какъ частнымъ своимъ имуществомъ, оставаясь членами общины и пользуясь общиннымъ надѣломъ.

разбросанныхъ хозяйствъ можетъ составиться сельскій міръ, — то, въ наше время, въ какомъ нибудь 1864 или 1865 году, *личные землевладѣльцы переходятъ къ общинному пользованію землею,* они ее начинаютъ разверстывать и передѣлять между собою. [1])

Другой столь же замѣчательный и также совершенно достовѣрный фактъ представляютъ Нѣмецкія колоніи въ Россіи, Саратовско-Самарскія и Новороссійскія. Основной законъ колонизаціи 1764 года установлялъ для Нѣмецкихъ колоній въ Россіи *личное наслѣдственное* пользованіе (по дворамъ или хозяйствамъ). Между тѣмъ всѣ эти колоніи, обходя законъ, усвоили себѣ *общинное* владѣніе. Саратовско-Самарскіе колонисты — Нѣмцы, точно также какъ Русскіе крестьяне, разверстываютъ и передѣляютъ между собою землю по душамъ, а Новороссійскіе по дворамъ, и признаютъ за каждымъ родившимся въ общинѣ членомъ безусловное право на обезпеченіе землею. Если община считаетъ для себя неудобнымъ отвести новые участки въ предѣлахъ своей земли, то она на общественный счетъ покупаетъ новую землю и водворяетъ на ней безвозмездно прибылыя души, на общинномъ же правѣ владѣнія.

Знаменательное явленіе, обнаружившееся по случаю введенія въ Пермской губерніи Положеній 19 Февраля, указываетъ намъ на то, какъ происходило дѣло и при той многовѣковой колонизаціи, которою Великорусское племя отвоевало у дремучаго лѣса и у бродячихъ инородцевъ, почти все пространство своихъ земель. И въ то время, вѣроятно, какъ нынѣ, Русскій человѣкъ начиналъ съ личной собственности въ своихъ новыхъ поселкахъ и отъ личной собственности переходилъ къ общинѣ, когда населенія прибывало на столько, что земля представляла уже цѣнность, о которой можно было спорить. Вопреки мнѣнію нашихъ поклонниковъ «экономической свободы», выдающихъ общину за какую-то низшую, несовершеннѣйшую форму землевладѣнія, свидѣтельство факта, совершающагося на Камѣ, даетъ намъ право сказать положительно, что въ Русскомъ народѣ личное усвоеніе земли есть первоначальная и низшая, община — высшая, окончательно развитая форма землевладѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ заимствованіе общиннаго землевладѣнія западными колонистами на Волгѣ и въ Черноморскомъ краѣ свидѣтельствуетъ о жизненной силѣ русской общины, покоряющей себѣ даже людей столь упорныхъ въ

---

[1]) Объ этомъ говорится во многихъ, печатавшихся въ 1862—1864 г., постановленіяхъ Пермскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, на основаніи представленій мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ. — Намъ пришлось слышать, что въ замѣнѣ личнаго (подворнаго) пользованія общиннымъ уже ощущается также народомъ потребность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлорусскихъ губерній, гдѣ поземельная община была, въ недавнее время, уничтожена стараніями польскихъ пановъ.

своей индивидуальной исключительности, какъ Германцы. Дѣло въ томъ, что Русская община не есть соціалистическая утопія о регламентаціи труда и уравненіи богатства, а учрежденіе совершенно практическое, удовлетворяющее всѣмъ условіямъ, какія проистекаютъ изъ природной неуравнительности человѣческихъ силъ и человѣческой удачи. Община только обезпечиваетъ человѣку свободное мѣсто на землѣ, мѣсто, гдѣ онъ можетъ жить и прокормиться; но она не связываетъ его труда и не посягаетъ на плоды этого труда. Общинный бытъ Русскаго народа совершенно мирится съ пріобрѣтеньемъ земли отдѣльными зажиточнѣйшими членами общинъ въ личную собственность. Членъ общины можетъ нажить большой капиталъ, онъ можетъ купить сотни десятинъ земли, и остается все-таки въ общинѣ, не нарушая ея цѣльности.

Если бы была малѣйшая правда въ тѣхъ обвиненіяхъ, будто бы община, подобно соціалистическимъ учрежденіямъ, враждебна личному производительному труду и накопленію богатства, то мы видѣли бы въ ней непремѣнно завистливое расположеніе бѣднаго большинства противъ зажиточныхъ личностей, стремленіе бѣдныхъ унизить тѣхъ, кто побогаче, желаніе—подъ предлогомъ равенства—лишить ихъ того вліянія, которое богатство даетъ человѣку. Подобный антагонизмъ бѣдныхъ съ богатыми составляетъ непремѣнную принадлежность всякаго демократическаго общества, коль скоро къ нему примѣшаются соціалистическія идеи; тому свидѣтельница вся исторія, начиная отъ Аѳинскаго демоса до Франціи 1848 года. Можно даже сказать, что подобная соціалистическая примѣсь, т. е. зависть и вражда бѣдныхъ къ богатымъ, не можетъ не развиться въ демократическомъ обществѣ, когда оно не основано на общинѣ [1]); только община, обезпечивая за человѣкомъ собственный уголъ и независимый кусокъ хлѣба, можетъ устранить зависть къ богачу, какую невольно почувствуетъ бѣднякъ, коль скоро онъ совершенно зависимъ отъ его богатства. И дѣйствительно, въ нашихъ общинахъ мы рѣдко найдемъ признаки подобной зависти и вражды бѣдныхъ къ зажиточнымъ и желаніе низвести богатыхъ къ общему уровню. Напротивъ того, если обнаруживаются въ общинахъ явленія ненормальныя, то они почти всегда прямо противоположнаго свойства: а именно, замѣчаютъ, что большинство часто бываетъ черезъ-чуръ податливо вліянію богатыхъ членовъ общины, слишкомъ охотно позволяетъ имъ заправлять мірскими дѣлами. Самый характеръ злоупотребленія дока-

[1]) Любопытно, что даже въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ еще такъ мало причинъ развиться соціалистическимъ идеямъ, путешественники замѣчаютъ завистливое расположеніе бѣдныхъ къ ихъ богатымъ согражданамъ, которые часто принуждены бываютъ скрывать въ наружности проявленіе своего достатка.

зываетъ до очевидности, въ какой степени наша община чужда антиэкономическому духу вражды противъ богатства [1]). Повторяемъ, она только обезпечиваетъ земледѣльцу необходимое для независимаго труда; но она не налагаетъ руки на плодъ труда.

Передѣлъ полей, въ томъ видѣ, какъ онъ примѣняется, служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Передѣлъ полей тѣсно связанъ съ поземельною общиною, такъ какъ она каждому члену своему даетъ право на пользованіе землею. Но какъ скоро личный трудъ придалъ участку земли особенную цѣнность, этотъ участокъ уже не идетъ въ передѣлъ: земли подъ усадьбою, огороды не передѣляются. Идетъ въ передѣлъ та земля, цѣнность которой заключается въ ея природныхъ качествахъ болѣе, чѣмъ въ положенномъ въ нее трудѣ. На эту землю община признаетъ одинаковое право за всѣми своими членами и распредѣляетъ ее между ними. Но для этого, какъ извѣстно, не всегда нуженъ полный передѣлъ полей, сопряженный съ нарушеніемъ правильнаго хода хозяйства, и противники общины поступаютъ не совсѣмъ безпристрастно, когда они указываютъ на передѣлъ, какъ на безусловную принадлежность общины, нарочно для того, чтобы на этомъ основаніи громить ее за вредъ, будто причиняемый ею земледѣлію. Весьма справедливо замѣчена была редакціонными коммиссіями, изготовлявшими Положеніе о крестьянахъ, необходимость въ вопросѣ объ общинномъ пользованіи «тщательно отдѣлять два существенно независимыхъ другъ отъ друга явленія: разверстку земель (а съ этимъ вмѣстѣ и повинностей) между членами крестьянскаго общества самимъ обществомъ, и земельные передѣлы. Такое отдѣленіе этихъ двухъ предметовъ основывается (мы приводимъ далѣе слова коммиссій) «на томъ несомнѣнномъ, кажется, наблюденіи, что для полноты общинной жизни вовсе не необходимо единовременное дѣйствіе обоихъ началъ: община можетъ существовать, и во множествѣ мѣстностей дѣйствительно существуетъ, безъ періодическихъ передѣловъ земли; послѣдніе представляются и въ общинномъ быту лишь второстепеннымъ явленіемъ, одною изъ первыхъ ступеней въ развитіи этого учрежденія, формою, постепенно отпадающею по мѣрѣ сгущенія народонаселенія, возвышенія земельной цѣнности или приложенія къ почвѣ болѣе упорнаго труда» [2]). Возставать противъ общины изъ-за передѣловъ или разверстки земель, на томъ основаніи, будто отъ этого страдаетъ земледѣліе, было бы слишкомъ односторонне. Требовать прекращенія передѣловъ вмѣшательствомъ власти, это былъ бы та-

[1]) Въ Малороссійскомъ казачествѣ, которое, какъ мы говорили выше, утратило поземельную общину, и напротивъ того, заключало въ себѣ зародыши соціалистическихъ идей, вражда бѣдныхъ противъ богатыхъ играла, какъ извѣстно, важную роль.

[2]) Матеріалы Редакц. Коммис. 2-е изд. т. III, кн. I, стр. 229.

кой деспотизмъ, какого Русскій народъ, слава Богу, давно уже не испытывалъ. Петръ Великій хотѣлъ было обрить русскихъ крестьянъ; но и онъ едва ли рѣшился бы имъ скомандовать, какъ имъ распоряжаться землей, которою они живутъ. Впрочемъ, ужъ и не предразсудокъ ли, что именно отъ передѣловъ, а не отъ другаго чего либо, проистекаетъ малое усовершенствованіе нашего сельскаго хозяйства? Тутъ, во-первыхъ, забываютъ, что рядомъ съ подлежащею передѣлу или разверсткѣ землею существуютъ въ Россіи огромныя пространства земель, состоящихъ въ полной личной собственности, и что сами общинники пріобрѣтаютъ много такихъ земель. Стало быть, если бы была въ Россіи для крестьянъ выгода въ такомъ хозяйствѣ, которое не допускаетъ передѣловъ, то земли они нашли бы вдоволь. Во-вторыхъ, и въ мірской землѣ плоды положенныхъ въ нее трудовъ не пропадаютъ для земледѣльца: ибо и при существованіи передѣловъ, онъ пользуется ею весьма долго, а при усиленіи обработки, сама община, какъ уже замѣчено, замѣняетъ передѣлы земель простою разверсткою. Наконецъ, вовсе не видно, чтобы перспектива передѣла уменьшала въ крестьянахъ усердіе къ обработкѣ общинной земли. Напротивъ того, коль скоро законъ 19 Февраля даровалъ нашимъ общинамъ свободу труда, онѣ тотчасъ сдѣлались главными производительницами хлѣба въ странѣ, и стали производить его даже въ избыткѣ, повлекшемъ за собою баснословный упадокъ цѣнъ. Община въ томъ размѣрѣ, какъ ее создалъ Русскій народъ, составляетъ въ исторіи человѣчества такую новую стихію, что мы, въ настоящее время, когда она въ одной половинѣ русскаго крестьянства только-что выходитъ на свободу отъ помѣщичьей власти, а въ другой половинѣ еще связана стѣсненіями чиновничьей опеки, не можемъ даже приблизительно судить о томъ развитіи, какое она можетъ дать и матеріальной производительности и нравственнымъ силамъ земли Русской. До сихъ поръ русская община, можно сказать, только еще боролась за свое существованіе и за жизнь народа; но она далеко еще не въ состояніи была развить свои практическіе результаты. Намъ теперь видно еще только то, чтò могла дать община Русскому народу въ эпоху всяческой опеки и плѣна. Тутъ мы видимъ немногіе, но положительные и многообѣщающіе факты. Во-первыхъ, видимъ, что при общинномъ бытѣ Русскій народъ болѣе развитъ, болѣе самостоятеленъ, независимѣе отъ высшихъ классовъ, предпріимчивѣе и склоннѣе къ промышленности, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ лишился общиннаго устройства. Во-вторыхъ, мы узнаемъ, что члены общинъ пользуются весьма охотно предоставленнымъ имъ по новому закону правомъ пріобрѣтать личную поземельную собственность, но что общины отъ этого не обнаруживаютъ никакого стремленія къ распаденію; и въ-третьихъ, мы

удостовѣрились, что общины, со времени дарованія имъ свободы труда, тотчасъ же значительно увеличили массу производимаго ими хлѣба. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одинъ, столь же положительный фактъ, весьма важный потому, что онъ эти внѣшніе результаты общины дополняетъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ внутренней силы общиннаго начала въ Русскомъ народѣ: а именно то, что общинники, отрѣшаясь отъ земли для какого нибудь посторонняго промысла, тотчасъ же возстановляютъ въ своей средѣ временную и подвижную общину въ видѣ артели. Вотъ факты прошлаго и настоящаго, явленія осязаемой дѣйствительности. Гадать о будущемъ ихъ развитіи было бы слишкомъ смѣло; но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь передъ собою новое общественное начало, вступающее въ исторію человѣчества.

Всѣ вообще вѣтви Славянскаго племени въ началѣ своего историческаго развитія жили общиннымъ бытомъ, признаки котораго поразили еще Византійца Прокопія въ VI вѣкѣ, когда онъ писалъ, что Славяне живутъ въ демократіи. Но никому изъ Славянскихъ племенъ, кромѣ Великорусскаго, не удалось установить это общинное начало и согласовать его съ требованіями государственнаго устройства и съ развитіемъ высшихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи Великорусское племя можетъ быть сравнено съ Англо-Саксонскимъ, которое одно успѣло дать нормальное развитіе и организацію первоначальному Германскому быту и согласовать существенную его стихію, могущественную аристократію, съ государственнымъ порядкомъ и съ интересами низшихъ классовъ. Любопытно видѣть (позволимъ себѣ здѣсь маленькое отступленіе), какъ эти два племени, Германское и Славянское, развили у себя одно и то же начало неотчуждаемости земли, но въ діаметрально противоположномъ направленіи, сообразно исконному настроенію ихъ духа. Маіоратъ германскій, получившій полное свое значеніе въ Англіи, есть по преимуществу учрежденіе единоличное, обезпечивающее немногочисленную аристократію, дающее ей ту стойкость и внутреннюю самостоятельность, которыя человѣкъ почерпаетъ во владѣніи землею, неподлежащемъ никакимъ случайностямъ. Маіоратъ, какъ его должны были создать начала славянской жизни и какъ мы видимъ его въ Россіи, есть по преимуществу учрежденіе общественное, неотчуждаемая общинная земля, обезпечивающая многочисленный классъ простаго народа, дающая ему ту стойкость и внутреннюю самостоятельность, которыми этотъ именно классъ въ Россіи отличается между всѣми слоями нашего народа. По своему общественному значенію, русскіе лорды—это крестьянскія общины. И пусть не останавливаются на томъ, что наша поземельная община есть результатъ внѣшнихъ условій, обилія земель, которое будто бы, не вызывая потребности установить личное право на каж-

дый участокъ, тѣмъ самымъ породило идею общиннаго владѣнія. Дѣйствіе этихъ внѣшнихъ условій безспорно; но это не отнимаетъ значенія у того общественнаго начала, которому эти внѣшнія условія позволили и помогли выработаться. Можно опять-таки обратиться къ Англіи. Кто не видитъ, какъ много Англія въ своемъ развитіи обязана простому внѣшнему дѣлу природы? Кто станетъ отрицать, что только на островѣ могло такъ правильно сложиться и такъ искусно сочетаться общественное устройство, зачатки котораго, по словамъ Монтескьё, находились уже въ лѣсахъ Тацитовской Германіи? Также и начала славянскаго общественнаго устройства требовали для своего развитія благопріятной внѣшней обстановки. Въ Чехіи и Польшѣ первобытная община славянская не могла устоять: ее разрушилъ слишкомъ ранній и сильный наплывъ нѣмецкихъ идей. Въ горахъ и долинахъ земли Сербской, гдѣ тѣсно жить, сама община съузилась въ кругъ родовой задруги. Наконецъ и въ западной части Россіи община пала, уже позднѣе, подъ разлагающимъ дѣйствіемъ польскихъ учрежденій, или приняла односторонній типъ казачества, какъ оно образовалось въ Малороссіи. Чтобы славянская община могла утвердиться и войти въ организмъ развивающагося общества, для этого нуженъ былъ неизмѣримый просторъ земель, доставшихся на долю Великорусскаго племени, нужно было отчужденное положеніе этихъ земель, гдѣ Великорусское племя въ продолженіе многихъ вѣковъ встрѣчалось лишь съ слабѣйшими и менѣе образованными инородцами, которые не могли подчинить своимъ вліяніямъ или смутить его быта. При такой внѣшней обстановкѣ и могла осуществиться поземельная община, зародыши которой уже замѣтны были въ средневѣковой Франціи и Германіи и которая составляла исконное начало славянскаго общежитія. Самородное произведеніе коренной внутренней стихіи славянскаго быта и благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, Русская община также мало можетъ быть пересажена на чужую почву, какъ Англійскій общественный строй. Но она составляетъ уже сама по себѣ великій шагъ въ развитіи человѣческаго общества.

Древній міръ былъ міръ невольничества. Трудъ рабовъ составлялъ основу его производительности. Онъ не признавалъ свободы, какъ неотъемлемой принадлежности человѣка. Человѣкъ могъ заложить и продать свое собственное тѣло, онъ могъ самъ себя отдать въ рабство.

Міръ западно-европейскій выработалъ личную свободу, но лишь одну личную свободу, безъ вещественной основы. Онъ не признаетъ земли, какъ неотъемлемой принадлежности человѣка. Трудъ пролетаріевъ составляетъ основу его производительности. Человѣкъ лично свободный, но лишенный всякой точки опоры, можетъ впасть въ полную экономическую неволю.

Русскій міръ, осуществляя исконное стремленіе всего Славянскаго поколѣнія, пытается идти выше и дальше. Онъ не понимаетъ одной личной свободы человѣка, которая для него есть волчья воля [1]), а не свобода человѣческая: ему для личной свободы нужна вещественная точка опоры — земля. Онъ признаетъ землю неотъемлемою принадлежностью человѣка. Основу его производительности составитъ самостоятельный трудъ общинниковъ. Человѣкъ лично свободный, и вмѣстѣ съ тѣмъ опирающійся, въ кругу общины, на неотчуждаемую землю, не лишится своей свободы косвеннымъ путемъ экономической зависимости; Русскій міръ, какъ и міръ западно-европейскій, перетерпѣлъ крѣпостное право; но послѣ крѣпостнаго права, онъ не можетъ узнать экономической неволи безземельнаго рабочаго населенія. Понятіе о свободѣ, вносимое Русскимъ народомъ въ развитіе человѣчества, выше и шире того, которое выработано было до сихъ поръ другими народами: ибо оно къ праву быть свободнымъ прибавляетъ дѣйствительную возможность пользоваться этимъ правомъ; свободѣ личной, праву отвлеченному, оно стремится дать вещественную основу.

Мартъ 1865 г.
С. п. б.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

---

[1]) Это выраженіе употреблено было Тверскимъ губернскимъ комитетомъ въ мнѣніи большинства его членовъ (см. Матер. ред. комм. 2 изд. III, стр. 169).

УКАЗАТЕЛЬ.

Указатель.

I.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ.

II.

ИМЕНА ПЛЕМЕННЫЯ И МѢСТНЫЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I. Славянскія народы въ Австріи и Турціи.

II. Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи.

III. Развитіе народности у западныхъ Славянъ.

VII. Чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ Славянъ?

VIII. Взглядъ константинопольскаго Грека на болгарскія и критскія дѣла.

IX. Духъ народа Сербскаго.

X. Гавличекъ.

XI. Славянскія народности и польская партія въ Австріи.

XVI. Россія и ея инородческія окраины на западѣ.

XVII. Древній Новгородъ.

XVIII. Сельская община.

Указатель:

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № *3*.